Холли Лайл

Дипломатия Волков
Месть Драконов
Отвага Соколов

Дипломатия Волков
Месть Драконов
Отвага Соколов

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Холли Лайл

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

HOLLY

LISLE

Diplomacy of Wolves

Vengeance of Dragons

Courage of Falcons

ХОЛЛИ

ЛАЙЛ

Дипломатия Волков

Месть Драконов

Отвага Соколов

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Л18

Серия основана в 1999 году

Holly Lisle

DIPLOMACY OF WOLVES
1998

VENGEANCE OF DRAGONS
1999

COURAGE OF FALCONS
2000

Перевод с английского Ю.Р. Соколова

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

**Подписано в печать 19.12.02. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 47,88. Тираж 9000 экз. Заказ № 57.**

ISBN 5-17-017311-3

© Holly Lisle, 1998, 1999, 2000
© Перевод. Ю.Р. Соколов, 2001, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Дипломатия Волков

Посвящается Расселу Галену, моему фантастическому агенту, за то, что был рядом в трудные времена и руководил мною, поощряя, настаивая и веруя в то, что я могу написать еще лучше.

Без него не могли бы обрести существование ни эта книга, ни мир, носящий имя Матрин.

Спасибо тебе, Рас.

Люди куют мечи лишь из стали и пламени;
Боги куют мечи из плоти и крови,
смешав их с трагедией.

Винсалис Подстрекатель
Из «Последнего Героя Мействолда»

Глава 1

Более тысячи лет Зеркало Душ было погружено в сон, не ощущая с течением времени перемен вокруг, не замечая гибели старого порядка и хаоса, который последовал за ним, и нового мира, поднявшегося из пепла.

Сейчас Зеркало тихо светилось; чуть шевелящиеся тени, словно отметины давних чар, начали проступать из его слегка искрящихся недр. Далекие отголоски заклинаний были еще слишком слабы, чтобы рассеять дремоту забытой людьми вещи.

Возрождаясь в потоке волшебной энергии, Зеркало окунулось в сновидения о прошлом, которое по-прежнему являлось для него настоящим. Зеркало видело чудеса и тайны, погребенные под руинами более не существующего мира.

Ему снилось дело, тысячу лет остававшееся незаконченным.

Незаконченным — но не забытым.

Зеркало должно было проснуться, дабы осуществить то, ради чего его создали.

— Твое дело оберегать ее от мужчин, Кеит. До самой свадьбы. Ты ведь знаешь Типпу... А теперь, когда Сабиры все глубже проникают в страну Кейрнов, нам нужен этот союз.

Кеит было известно чересчур восторженное отношение ее кузины к мужчинам, а потому она с пониманием взглянула на старшего из дипломатов, когда он улыбнулся ей и похлопал по плечу.

— У тебя есть шанс отличиться, — заметил он. — Выполнишь поручение как надо, и Семья предоставит тебе постоянный дипломатический статус. Ты получишь другие задания.

Ну а в случае неудачи вернешься к прежней жизни — станешь украшением дома Галвеев.

Эти слова остались непроизнесенными. Но и без них все было ясно.

Конечно же, она согласна помогать. Типпа обретет профессиональную компаньонку из Семейства Галвеев плюс

компаньонку из Рода Доктииракoв; Кеит станет просто спутницей как не принадлежащая к дипломатическому корпусу Галвеев. В ее обязанности входит следить и реагировать на непредвиденные ситуации, и здесь вероятность неуспеха крайне незначительна, однако незначительна и возможность отличиться, проявить способности и оказаться замеченной.

Как бы то ни было, это уже начало. И ни при каких обстоятельствах нельзя упустить благоприятный случай послужить Семье, а в идеале добиться места в дипломатическом корпусе — то, о чем она не могла даже помыслить.

Кеит стояла в крытом переходе. Голова разламывалась, на глаза давило, но какое значение могла иметь боль, если по коже бегали мурашки, а внутренний голос утверждал, что среди собравшихся притаилось какое-то зло. Ей оставалось только одно: сосредоточиться, усерднее взяться за дело. Она получила назначение и шанс. Следовало воспользоваться и тем, и другим.

Итак, Кеит Галвей находилась в Доме Доктииракoв, на приеме по случаю Дня Именования, и приглядывала за толпой, при этом делая вид, что потягивает напиток.

Женщины из семьи Доктииракoв, облаченные в воздушные и изысканные тюлевые одеяния, собрались под развесистыми пальмами в центральном саду, болтая о пустяках. Факелы бросали янтарные отблески на их гладкую кожу и светлые волосы, воспламеняли тяжелые золотые украшения на шеях и запястьях. Точно такие же дамы, нарядные и несколько манерные, входили в Семейство Кеит; именно их участи она так отчаянно стремилась избежать. Старшие дипломаты, и Галвеи, и Доктииракoи, встретились в галерее, окружавшей дом; они сидели за праздничными столами, угощаясь годовалой уткой, жареной обезьяной, дикой свиньей, фаршированным папайей питоном; одновременно они делились пикантными историями и наблюдали за всем происходящим, не останавливая надолго взгляд на чем-нибудь одном. Родовитые наложницы флиртовали в надежде проникнуть в альков представителя знати или красавца. Стражники Доктииракoв в золотой с лазурью униформе подпирали стены у дверей, обмениваясь скабрезными шутками с охраной Галвеев, обряженной в черные с красным мундиры. Чужеземные князья и параты из других Семей вместе с отпрысками, кадетами, дрейфовали от одной группы к другой, выискивая доступных женщин — как стая волков выслеживает стадо оленей.

В салоне, находившемся неподалеку от галереи, лавировали танцующие пары, то появляясь перед глазами Кеит, то исчезая. Среди них поочередно притопывали и кружились Типпа с будущим тестем; они исполняли обрядовый свадебный та-

нец, вкладывая в каждое па избыток энтузиазма. Кеит смотрела на старика Доктиирака, гадая, не покусится ли впоследствии этот параглез на добродетель будущей невестки. В любом случае он не может оказаться опасным здесь, в большом зале, перед собственным сыном и подданными. Впрочем, Кеит сомневалась в разумности союза с человеком, столь похотливо взирающим на будущую жену своего сына.

Все три компаньонки Типпы, из коих две были от Галвеев, наблюдали за происходящим со стороны, а Калмет Доктиирак, жених, танцевал, сменяя изысканно одетых партнерш. События шли своим чередом, оставаясь под контролем.

Кеит надлежало следить за паратами, — такими, как тот, что как раз приближался к ней.

— Прекрасная парата, — вымолвил он, — прошу тебя, потанцуй со мной и стань цветком моего вечера. Ты так очаровательна, что я могу дышать лишь тем воздухом, который ты поцеловала своими губами.

К ней уже обращались с этой просьбой в полудюжине различных вариантов. Чем ближе к ночи, тем речи становились все более страстными и откровенными. А еще, подумалось Кеит, более отчаянными. Наложницы собирались вокруг людей постарше, наделенных властью и состоянием, — тех, от кого можно было получить хороший подарок или даже предложение занять постоянное место в доме. Ну а молодым, что не могли столько посулить, оставалось лишь обольщать партнершу на ночь среди присутствующих. Кеит, молодая, незамужняя и довольно привлекательная, уже успела не раз испытать на себе всю церемонию соблазнения, так что терпение ее порядком истощилось.

— Тебе придется поискать другой цветок, — ответила она, — поскольку, увы, я уже обещала себе цвести этой ночью в собственном обществе.

Она даже поскупилась на улыбку. Парат, облаченный в шелка младшей ветви Дома Доктииракoв, побледнел, чопорно поклонился и зашагал прочь, проявляя свой гнев в походке и развороте плеч.

Он был не из тех, кто мог бы увлечь кузину Типпу, однако среди присутствующих вполне хватало субъектов, способных ее заинтересовать.

Кеит обнаружила, что, пока парат отвлекал ее внимание, Типпа исчезла из поля зрения. Подойдя ближе к аркаде, девушка чуть не наткнулась на главного художника Доктииракoв, Кастоса Мьеллена, демонстрирующего механический игрушечный домик паре восхищенных женщин из Семьи Галвеев. Извинившись, Кеит попятилась и заметила Типпу, на сей раз танцевавшую с будущим мужем.

Она расслабилась, подтрунивая над своим испугом. Из тихого уголка под арками Кеит смотрела на крохотные мужские и женские фигурки, двигавшиеся по миниатюрной сцене, затем переводила взгляд на свою кузину — она кружилась и подпрыгивала в переполненном бальном зале.

Ощутив на своем плече массивную ладонь, Кеит вздрогнула от неожиданности. Она обернулась — перед ней стоял загорелый незнакомый мужчина. Через минуту она узнала его скорее по запаху, нежели по характерным чертам лица.

— Дядя Дугхалл?

— Моя Кеит-ча, ты не забыла меня!

— Так это ты!

Она крепко обняла родственника и, посмеиваясь над собственной оторопью, сделала шаг назад, чтобы оглядеть его.

— А ты переменился, — заметила девушка.

Тот улыбнулся.

— Во всем виноваты возраст и женщины, Кеит... возраст и женщины; первый наделяет морщинами, вторые способствуют полноте. Ну а ты стала еще прекраснее.

— Об этом мне все время твердят, — пробормотала Кеит.

— Не сомневаюсь, парни бродят вокруг стаями. Но ты почему-то одна. Неужели не нашла никого по вкусу?

Кеит понизила голос:

— Некогда даже взглянуть. Я работаю.

Улыбка тронула ее губы: именно дядя и споспешествовал тому, чтобы она получила дипломатическое поручение, сколь бы крохотным оно ни казалось. Он рекомендовал ее на дипломатическую службу, когда ей исполнилось тринадцать, и настоял, чтобы Кеит получила образование у лучших учителей. Двух последних он сам отправил к ней на корабле в Калимекку с Имумбарских островов, где занимал важный пост.

Дядя слегка сжал ее плечо и, наклонившись поближе к уху, шепнул:

— Значит, ты исполняешь поручение?

— Небольшое, — ответила она, — но для меня важное.

Кеит поискала взглядом Типпу и, удовлетворенная ее поведением, повернулась к дяде.

— А что ты делаешь здесь? Я думала, ты не можешь оставить острова... из-за какого-то праздника.

Она попыталась вспомнить название праздника, которое упоминала мать, читая письмо Дугхалла, но ей это не удалось.

— Если дома тебя почитают как божка, это дает тебе некоторые преимущества. Я изменил дату праздника, погрузился на быстроходный корабль — и вот я здесь.

Кеит вновь обняла дядю, искренне радуясь встрече с ним, в то время как его внимание привлекло миниатюрное изделие Кастоса Мьеллена.

— Впечатляющая игрушка! — Он кивнул в сторону механической сцены.

— Тонкая работа. Любому понравится.

Подняв кверху палец, как случалось, когда дядя собирался изречь очередную премудрость, Дугхалл произнес:

— Доктиирак не забыл бессмертный совет Винсалиса.

Кеит приподняла бровь.

Дядя ухмыльнулся.

— Выходит, штудируя основы дипломатии, ты до сих пор не прочла Винсалиса Подстрекателя? Этого преступника?

— По-моему, я даже не слышала о нем, — призналась Кеит.

Она предположила, что это дипломат с острова Дугхалла или попросту мало кому известная персона, о которой она вправе не знать вообще.

— Один из Древних. Отъявленный скандалист, с какой стороны ни посмотри; вот почему, наверное, вам не преподавали его. До меня доносятся слухи, что ты и сама обладаешь некоторыми талантами, по части поиска себе неприятностей. — Дугхалл поглядывал то сощурясь на нее, то на художника и его механическое чудо. — Винсалис сказал, я цитирую: «Пусть человек богатый, желающий величия, запомнит — средства лучше вложить в художника, а не в дипломата по трем причинам: во-первых, купленный художник так и останется купленным; во-вторых, из художника можно выжать больше, чем из кого-либо другого; в-третьих, если вам придется избавиться от художника, его работы поднимутся в цене, чего нельзя сказать о дипломате».

Он умолк, дабы убедиться в том, что слова его попали в цель, и вдруг захохотал.

Кеит засмеялась вместе с ним, но смех этот показался нервным даже ее собственным ушам.

Дугхалл пристально посмотрел на нее и озорно улыбнулся.

— Кажется, я шокировал тебя.

— Кажется, да. Но ведь Винсалис написал это в шутку, правда?

Дугхалл пожал плечами.

— Дорогая моя, в каждой шутке заключена доля глубочайшей истины; слова Винсалиса сегодня верны не меньше, чем тысячу лет назад.

Он вдруг подобрался, взор его был устремлен мимо нее в глубь зала. Дугхалл стал похож на ягуара, унюхавшего олененка. Выражение это исчезло с его лица так же мгновенно, как появилось, поэтому Кеит и заметить не успела, что именно при-

влекло внимание дяди. Он вновь обратился к ней уже извиняющимся тоном:

— Как ни жаль, но нужно идти. Я углядел здесь старую подругу, и она, кажется, намерена исчезнуть, так что если я не поспешу...

И прежде чем она смогла еще раз обнять его или повторить, сколь рада видеть его, Дугхалл исчез.

Она снова зыркнула в салон, чтобы проверить, где Типпа. Все три компаньонки отсутствовали. Исчез и будущий тесть девушки. А жених ее находился в окружении восхищенных женщин, среди которых Типпы не было.

Типпа!

Желудок у Кеит завязался узлом. Ей выпал шанс доказать, что она может быть достойной защитницей интересов Семьи, и вот — Типпы даже не видно в зале.

Кеит обвела взглядом галерею, выглянула во двор. Группа мужчин в этот миг начала расступаться, и в центре обнаружилась Типпа. Она кружилась в объятиях высокого симпатичного чужеземца, разодетого в пышный наряд Гиру-налле; еще два молодца в подобной одежде приглядывали за ними обоими.

Парочка прекратила кружение, и Типпа рухнула на скамейку возле фонтана в тенистом уголке двора. Кавалер что-то произнес — не так громко, чтобы Кеит могла разобрать слова за шумом толпы, — и Типпа залилась смехом. Приняв высокий кубок от одного из наблюдавших за импровизированным танцем, она двумя решительными глотками осушила сосуд, распахнув верхнюю шелковую блузу; под ней открылась прозрачная нижняя шелковая рубашка с таким вырезом, что даже Кеит заметила новолунный серпик нарумяненного соска, выглядывавшего из-за фестонов оторочки. Очень модно, но... абсолютно не подобает женщине, которая выходит замуж на этой неделе.

Волосы ее выбились из-под сетки и повисли вокруг лица буйными прядями. Глаза лихорадочно блестели, смех звучал чересчур громко. И эта троица окружила Типпу, словно одну из присутствующих на балу наложниц, а не будущую невесту Калмета, второго сына Бранарда Доктиирака.

Тогда что же еще назвать нарушением приличий? Пьяную невесту, застигнутую вместе с тремя гирийскими князьями в задних комнатах или где-нибудь на конюшне? Кеит поставила свой кубок на мраморный поручень и принялась проталкиваться сквозь толпу, охваченная внезапной яростью.

Кузину она застала как раз в ту минуту, когда девица уже перебирала шнуровку на куртке самого высокого из троих.

— Разве он не очарователен? — осведомилась Типпа, когда ладонь Кеит перехватила ее запястье.

Спутник же ее, пьяным совершенно не казавшийся, произнес:

— Если ты не хочешь присоединиться к нашим забавам, маленькая парата, ступай себе мимо. Только не порть нам веселья.

Гнев, всегда наполнявший Кеит... гнев, вечно пытавшийся вырваться из прочных цепей самоконтроля, уже карабкался на поверхность. Кеит с трудом заставила себя отвернуться от троих Гиру.

— Типпа, мы должны рано уехать. Скоро из Калимекки придет весть об Именовании, и нам необходимо быть там, чтобы исполнить долг веры. Экипаж ждет.

Это была ложь, однако ложь правдоподобная.

Типпа, не думая о скандале, который вот-вот произойдет, наклонилась и зашептала на ухо Кеит так громко, что слышно было не только кузине, но и Гиру, да наверняка и большинству гостей:

— Тогда возвращайся без меня, Кеит. У меня... я... мне весело... очень весело, и еще я завела себе отличных друзей. Правда, милашки?

Она откинулась назад; ее улыбка, так же как и ее голос, со всей очевидностью говорила о чрезмерном количестве выпитого вина.

— Это принц... Э, Эрсти и принц Киира... нет, Миирки, и принц... принц... забыла. Ах да — принц Латти.

Типпа сонно улыбнулась.

— Правильно?

— Ничуть не сомневаюсь, — буркнула Кеит. — Только тебе придется повеселиться с этими... благородными... особами в следующий раз.

Но как могла Типпа до такой степени набраться? Об этом следовало позаботиться компаньонкам. Кстати, где они? Растяп Кеит ненавидела, однако отсутствие дуэний уже казалось весьма красноречивым.

И рука принца, вдруг ухватившая ее за плечо слишком грубо и настойчиво, чтобы это движение можно было принять за нечто другое — не за угрозу, просто вопияла о том, что случившееся подстроено. Где-то. И кем-то.

— Оставь ее в покое, — сказал мужской голос. — Нам здесь весело. Ступай-ка на место в свою Семью, девица.

Слово «Семья» вылетело из его уст плевком, нечистой субстанцией.

Гнев Кеит наполовину вырвался из наложенных на нее цепей: выскользнув из-под руки говорившего, она оборотилась к нему лицом, и ярость ее (неужели я ошибаюсь... или я уже утратила власть над собой?) заставила этого веснушчатого, бледнокожего типа отшатнуться назад.

— Не вынуждайте меня, — сказала Кеит негромко, так, чтобы слышали ее только трое Гиру.

Она различала в своем голосе мрачные тона своего второго «я», рвавшегося на свободу. Кожа ее вспыхнула жаром. Мышцы обретали текучесть; казалось, они вот-вот скользнут вдоль костей, наливавшихся дикой силой и бурей агрессии. Она стояла насмерть, не позволяя мышцам напрячься, зубам блеснуть, рычанию вырваться. Она заставила свой гнев шептать, зная, что не смеет позволить ему даже вскрикнуть.

Она смотрела на Гиру, отвечавших ей яростными взглядами, ощущая, как где-то в глубине груди ее зреет бешенство, как ослабевают последние цепи. Нечто страшное заметили и трое мужчин. И дружно отступили.

В гневе Кеит обратила свой взор на кузину. Запахнув на ней, бесстыдно сидевшей, верхнюю блузу, схватила ее за руку и вмиг подняла на ноги.

— Но я не хочу... — начала было Типпа и тут же притихла, заметив направленное на нее лезвие гнева сквозь винный туман.

Она округлила глаза и сжала губы. Не сопротивляясь, не протестуя, последовала за Кеит по галерее, ведущей к дому и далее — туда, где ждали экипажи.

Кеит оглянулась — Гиру не преследовали их. Она не хотела неприятностей... ей не нужны были мертвецы, вопросы, на которые трудно ответить... Только не теперь, когда она наконец-то встала на ноги и сделалась полезным членом Семьи. Трое противников с искаженными яростью лицами жались друг к другу.

Двигаясь к выходу, она еще пыталась прислушаться к их словам и, должно быть, поэтому врезалась в невысокого молодого человека, стоявшего возле арки. Кеит основательно ударила его, однако пошатнулась сама: новый враг показался ей твердым как дерево и столь же глубоко уходящим в землю корнями. Она восстановила равновесие. А вот Типпе не повезло: споткнувшись, невеста упала. На помощь ей устремились одновременно Кеит и незнакомец. Кеит схватила Типпу за руку, но мужчина, взяв девушку за талию обеими руками, поставил ее на ноги.

— Умоляю о прощении, — сказал он громко, чтобы слышали все свидетели инцидента. — Я не посмотрел, куда иду.

Кеит уже хотела улыбнуться ему, понимая, что он пытался спасти репутацию кузины, когда ощутила нечто, ставшее заметным лишь благодаря отсутствию.

Боль в голове и глазных яблоках исчезла. Пропали и мурашки, только что бегавшие по коже. Более того, испарилось и навязчивое ощущение затаившегося зла, которое не расставалось с девушкой весь вечер, испарилось, как висевшая над головой грозовая туча.

Она почувствовала себя лучше. Спокойнее. Утихла и буря эмоций, вызванная угрозой, окружавшей ее отовсюду. Про-

тяжно вздохнув, Кеит улыбнулась мужчине; ей хватило ума даже поблагодарить его за помощь, оказанную кузине.

— Не стоит благодарности, — ответил тот приятным голосом.

Самая обыкновенная улыбка, добрые глаза, ничем не примечательное лицо. Отвернувшись, Кеит уже едва могла припомнить его.

Она увлекала за собой Типпу, но лишь только сделала три или четыре шага от места, где они столкнулись, как вновь ощутила на своих плечах тяжесть сегодняшнего мучительного кошмара. Боль вновь стиснула голову, она зябко поежилась и невольно охнула от боли. Мгновенная перемена сразила ее, словно ударом под дых в уличной драке; на миг она даже перестала соображать.

А когда сумела вдохнуть снова, то первой ее мыслью было, что услужливый незнакомец как раз и является источником злобной ауры, пропитавшей собою всю ночь. Вторая — и более логичная — мысль подсказала, что он вовсе не восприимчив к облаку зла или каким-то образом защищен от него. Она остановилась, медленно оглянулась и посмотрела на незнакомца. Тот ответил ей взглядом, и она удивилась тому, что прежде сочла его безликим. Под никуда не исчезнувшим безобидным обличьем она теперь видела мужчину, столь же сложно устроенного и обворожительного, как та механическая игрушка, которую художник Доктииракоs извлек ради праздника Именования. Выражение ее лица оказалось для него неприятным, потому что улыбка незначительного человека сменилась страхом и пониманием в его глазах, пониманием, которое смутило уже Кеит. Он знал. Что именно, ей было неизвестно, но ей придется узнать это. И если ее секреты вырвутся на свободу — ее убьют.

— Кто ты? — спросила она.

Глаза его метнулись от одного угла двора к противоположному.

— Маленький человек. Обычный гость.

— Скажи мне. Я узнаю так или иначе.

Кеит не хотела, чтобы в словах ее прозвучала угроза, но, едва они сошли с языка, как осознала, что грозит.

— Возможно, узнаешь.

Она снова приблизилась к нему и как бы прошла при этом сквозь стену. Там, снаружи, ее обезумевшие нервы ждали ужасной атаки. Но внутри зло исчезло — как если бы его не существовало вообще.

— Как вам это удается? — спросила она негромко, ощущая, что тайна этого человека — какая бы она ни была — не относится к числу тех, о которых надлежит оповещать весь мир.

Ответом стала та же робкая улыбка, глаза незнакомца метнулись налево, направо и снова налево, проверяя, не слушает ли кто-нибудь, не наблюдает ли. Однако он ничего не сказал.

Нужно было выяснить наверняка, и она уточнила:

— Я о той стене, что окружает тебя. Защищает от окружающего зла. Как у тебя это получается?

Лицо его обмякло от страха. Большего ужаса не могло быть даже на лице человека, к горлу которого безумец приставил нож.

— Не здесь, — взмолился он. — Всеми богами прошу, не здесь.

— Тогда назови свое имя. И скажи, где можно тебя найти. — Она прищурилась. — Только не лги. Я чую ложь.

Тот кивнул.

— У меня есть лавка в западном квартале. «Раритеты Хасмаля». Возле стены, на улице Каменотеса.

— Ты Хасмаль?

— Третий. Я работаю у отца.

Дети лавочников редко получали приглашения в Дома Пяти Семейств. А если такое и случалось, они бывали там не гостями, а работниками. Тем не менее Хасмаль, сын Хасмаля, потягивавший вино и облаченный в изысканные одежды, подобающие Дню Именования, безусловно, казался здесь гостем.

Покрепче стиснув руку Типпы, Кеит сказала:

— Завтра я зайду, чтобы поговорить с тобой.

Затем повернулась, воспрянув духом, вышла из спасательного круга и потащила за собой Типпу прочь со двора.

Параглез Дома Доктииракoв, Бранард Доктиирак, поигрывал кинжалом, воткнутым в угол стола. Касаясь указательным пальцем изумруда, которым заканчивалась рукоятка, он медленно покачивал оружие взад и вперед, оставляя на дереве неглубокий след. Напротив стоял возле кресел, поскольку Бранард не пригласил его сесть, вестник Сабиров.

Он глядел на раскачивавшийся кинжал, как птенец на приближающуюся к гнезду змею. Параглез и сам не отрывал пристального взгляда от крошечных щепочек, отделявшихся от столешницы. Он ждал, когда гонец шевельнется, вздохнет или еще как-нибудь выдаст свое нетерпение, однако тот был вышколен отменно и потому молчал. Наконец Доктиирак, не отводя глаз от кинжала, промолвил:

— Что ты должен сообщить?

— Моя Семья высылает затребованные вами войска, — ответил гонец. — Они выступят завтра на заре; и если у вас есть свежие вести, голубь еще успеет их принести. Им нужна от вас самая последняя информация — все, что способно повлиять на необходимую численность войск, маршрут и количество припасов.

Параглез не скрывал разочарования.

— Все, что может повлиять на численность войск, а? Ну и что будет? Мой дом и так до краев полон Галвеев,

прибывших на свадьбу своей треклятой девицы с моим сыном. Как хозяин этого фарса я должен пребывать с ними и выполнять роль любящего отца и ревностного союзника. И вместо этого я торчу здесь, когда нельзя даже и помыслить, что хотя бы один из них не замечает этого. Более того, если тебя увидели здесь и узнали, весь наш труд пойдет прахом. Они отменят свадьбу, возвратятся назад в Калимекку и займут оборону. И если они сделают это, ни твои, ни мои люди, ни все остальные жители страны вкупе не выгонят их из собственного дома, и мы потеряем прекрасную возможность захватить его, возможность, которую вместе со старейшинами вашего рода я планировал три года. Твое появление здесь и требование, чтобы я повстречался с тобой, может стать тем легким ветерком, который повалит на нас всю башню.

Посол Сабиров широко развел руки.

— Мои люди требуют последней гарантии. Мой параглез просит напомнить вам, что мы рискуем большим, нежели вы, параглез Доктиирак. В случае неудачи Галвеи отомстят нам похлеще, чем вам. Вы не делите с ними Калимекку, а наши с ними дома окружают одни и те же стены.

— Действительно. Но, когда все закончится, город будет поделен уже между нами, и я прошу тебя напомнить Грасмиру, что наше будущее согласие во многом зависит от того, не придется ли мне потерять лучших бойцов и сыновей из-за его нетерпеливости или необоснованной тревоги. — Он чувствовал, как в нем закипает гнев, и покрепче надавил на нож, все глубже погружавшийся в дерево, — другого проявления эмоций Доктиирак себе не позволил. — Ничто не переменилось. Ничто. А теперь уходи, пока не выдал нас.

Посол отвесил изящный поклон.

— Приятного праздника, параглез.

Доктиирак уставился на закрывшуюся дверь, раздумывая о нотке иронии, которую уловил в последних словах гонца.

Глава 2

Стены из грубого камня, покрытого слизью, поблескивали в свете факелов. Холод, вонь, тьма да крысиный топоток нервировали Маркуи, еще когда все камеры были полны и запертые в них мужчины точили лясы и ссорились, проклиная свою судьбу и гадая о будущем. Сейчас темница была пуста, если не считать единственного узника, вернее узницы, а если быть точным — ребенка,

который редко говорил и часто плакал. Уж лучше бы слушать крыс, чем ее рыдания!

Девчонка как раз плакала.

— Твоя Семья тебя выкупит, — сказал Маркуи.

Утешать врагов он не был обязан, однако трудно усмотреть некое неприятие в подобной крохе и не менее трудно понять, какие причины заставляют его работодателей обращаться с ней подобным образом и содержать более месяца в самой нижней темнице Дома Сабиров.

Девочка зашмыгала носом и стала делать глубокие и медленные вдохи, явно пытаясь овладеть собой. Потом она чуть выступила из тени, в которой укрывалась, и поглядела на него.

— Я думала... я думала, что они тоже... — вымолвила она и вновь зарыдала.

Маркуи вздохнул. Бедняжка. Такая юная и хорошенькая, такая беспомощная. К тому же она определенно не понимала положения дел: Семьи не причиняли боль маленьким девочкам.

Он не испытывал угрызений совести, карауля находившихся за решеткой воинов и дипломатов. И не ворочался по ночам, убив кого-то из них за попытку побега, — воины и дипломаты сами выбрали, где им быть, сами выбрали, что им делать, зная при этом об опасностях, сопутствующих такой работе. Эту же девчушку похитили сонной прямо из постели и втащили в эту камеру в месяце Бретвана, во время празднества Полного Круга. И с тех пор она томится здесь, пока наниматели Маркуи и ее Семья торгуются по поводу выкупа.

Если б такая дочка была у меня, не раз думал тюремщик, я бы выплатил любую сумму за ее безопасность и возвращение. Однако он уже давно понял, что пути богатых и знатных людей расходятся с его стезей. Как он слышал, Семья девочки требовала не только ее благополучного возвращения, но и чрезмерного штрафа, который должен был компенсировать ущерб, нанесенный родичам в результате ее похищения. Кроме того, он думал, что Семье этого ребенка вообще неведомо, что такое страдание — хотя и не посмел бы произнести это вслух, — коль они способны требовать компенсации, когда их дочь заперта в подземелье.

Девочка поднялась и подошла к двери. Даже неумытая и непричесанная, в драной одежде, наброшенной на тонкие плечики, она была невыразимо прекрасна. В шелковой пижамке, бывшей на ней в миг похищения, она казалась такой хрупкой, что Маркуи лишь удивлялся, как сумело это создание вытерпеть месяц в холодном, сыром и грязном подземелье.

— Ты можешь выпустить меня? — спросила она.

В тоненьком и нерешительном детском голоске слышалась надежда. Такой голос сокрушил бы даже каменное сердце, какого не было у Маркуи. Впрочем, печально поглядев на нее, он ответил:

— Отпустить тебя я не могу, хотя, посмей я только, на все не ушло бы даже мгновения.

Она вцепилась в решетку и с отчаянием впилась в него глазами.

— Ну почему? Ты же знаешь, что твои хозяева захватили меня не по праву и что поведение их просто позорно.

Эти слова Маркуи сказал ей несколько дней назад и теперь сожалел о них. Нечего сомневаться, мысль абсолютно правильная, но если она проговорится кому-нибудь из Сабиров о его поступке, голова его будет красоваться на шесте возле западных ворот Дома этой Семьи.

Она пригнулась и молвила шепотом:

— Если ты поможешь мне, то получишь от Галвеев все что пожелаешь.

Он пододвинулся к ней, не переходя, впрочем, запретную зону, обозначенную врезанной в каменный пол чертой, и ответил негромко, моля о том, чтобы его никто не услышал:

— Я знаю об этом, но тем не менее не могу отпустить тебя. Не из страха за собственную жизнь — я боюсь за родителей. И отец, и мать работают на кухнях Сабиров. Если я отпущу тебя, то — останусь ли здесь, убегу ли вместе с тобой — моих родителей казнят в тот же самый миг, когда станет известно о моем предательстве.

Умолкнув на миг, он уточнил:

— Нет, не так. Сперва Сабиры будут пытать их, а потом убьют.

Девочка поникла и съежилась прямо у него на глазах.

— Так вот как, значит. Ты был моей последней надеждой. А говоришь точь-в-точь как все пятеро стражников, что караулили меня: «Я бы мог, но тогда они убьют мою семью... или мою жену... или сестру».

Она вдруг показалась ему разгневанной.

— По-моему, Сабиры сами научили вас, что надо говорить, если пленники станут просить о помощи, только я посоветовала бы им побольше разнообразия.

Он удивился. Неужели девочка решила, что он обманывает ее? Покачав головой, Маркуи едва не переступил черту, чтобы подойти к ней поближе и объяснить, но вовремя вспомнил и не сделал этого.

— Девочка... — сказал он.

Она оборвала его.

— Даня. Меня зовут Даня. И я хочу, чтобы ты запомнил мое имя, потому что не хочешь помочь мне. Запомни его,

и, когда они сделают со мной то, что собираются сделать, мое имя и лицо будут преследовать тебя всю оставшуюся жизнь.

Отступив от прутьев решетки, она упала ничком в солому.

Тюремщик вздрогнул.

— Даня, ты думаешь, что мы все рассказываем тебе одну и ту же историю... но это не так. Как, по-твоему, Семьи добиваются верности от своей охраны, а? Тебе не приводилось думать об этом. Они выбирают лишь тех из нас, у кого есть что терять... точнее, кого терять. И с того самого дня, когда мы надеваем вот эти мундиры, они стараются, чтобы нам было ясно: мы взяты на службу из-за наших любимых, и они станут нашей платой за ошибку.

Даня перекатилась на спину и села. Яростно поглядев на него, она смахнула с лица пряди волос.

— Быть может, так принято у Сабиров...

Маркуи не дал ей закончить.

— Если только ты не посидела уже в тюрьмах Галвеев и, переговорив с их стражей, можешь утверждать обратное, представь себе, что того, кто охранял тебя дома, подбирали подобным образом. Предположи, что, когда тебя украли, женщину, которую он любил, убили прямо у него на глазах, а когда она умерла, убили и его самого. Верность, девочка, можно купить и продать, даже просто отдать... но страх может сделать цену верности настолько большой, что денег не хватит даже у самого богатого покупателя.

Девочка в ужасе посмотрела на него.

— Моя Семья никогда не причинит вреда Квинталу. Он охранял меня со дня рождения. А его жена и дочь... дочь была моей подругой до прошлого года, а его жена работает у нашего сенешаля. Они входят в Семью.

Даня наклонилась вперед и спрятала лицо в коленях. Охватив тонкими руками ноги, она вновь зарыдала.

— Их никто не тронет, — настаивала она вновь и вновь.

— Пожалуйста, не надо, — прошептал Маркуи. — Не делай этого. Не спорю — ты, конечно, права. И твой охранник, и его семья будут целы и невредимы. Кстати, Даня, здесь ты находишься в безопасности. Твоя Семья не допустит, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Они заплатят, чтобы забрать тебя отсюда... и в любой день, хоть завтра, за тобой могут спуститься сюда и вывести на свободу.

Девочка не подняла головы. Страж едва расслышал глухой ответ. Ему показалось, что это были слова «День Терамис».

И какое же отношение к чему-либо имеет тот факт, что сегодня День Именования? Он спросил у нее об этом.

— Потому что, — сказала она, подняв голову, — дипломат Сабиров, спустившийся ко мне сразу после того... как я

попала сюда, сказал мне, что День Терамис является последним сроком, когда моя Семья еще может договориться о моем освобождении. Он сказал, что если к этому дню Сабиры не получат того, что хотят, то добьются своей цели другим путем, и моя жизнь будет им не нужна.

Тюремщик попытался улыбнуться.

— Они всегда говорят подобные вещи во время переговоров. Не могу даже сосчитать, сколько я слышал здесь высказанных Сабирами угроз... Кстати, судя по тому, что я слышал, Галвеи поступают ничуть не лучше.

Он покачал головой и улыбнулся более уверенно.

— Но если говорить о тебе, все эти угрозы бессмысленны. Чего они добьются, причинив тебе вред?

Девушка бросила на тюремщика странный взгляд, зазубренным лезвием рассекший кожу до самых костей. Взгляд этот заледенил все нутро и заставил его пожалеть о том, что в темнице нет никого, кроме них двоих. Когда она отвернулась, жуткое чувство исчезло.

— Ты удивился бы, узнав это, — ответила она.

Возможно, и удивлюсь в конечном счете, подумал он, промолчав.

Высоко наверху послышались негромкие, ритмические прикосновения сапог к витой лестнице, ведущей в подземелье. Для смены было еще слишком рано, для посыльного из кухни с едой для него и девочки чересчур поздно. Итак, кто же это?

Даня забилась в самый дальний угол камеры и, свернувшись в комочек, старалась укрыться за грудой соломы.

— Теперь жди плохих новостей, — промолвила она. — Но ты, быть может, еще успеешь спасти меня.

Девчонка решила погубить его. Маркуи замотал головой.

Она смотрела на него как лиса из капкана — до смерти перепуганная и в то же время хитрая.

— Я соглашусь на брак с тобой, если хочешь. Даже если ты потребуешь себе имя в Семье Галвеев, я могу обещать тебе, что ты его получишь. Я обещаю тебе. Обещаю. Если ты просто выведешь меня отсюда.

Она предлагает брак? Печально улыбнувшись узнице, он спросил:

— Сколько тебе лет, Даня? По-моему, тебе еще рано думать о свадьбе.

— Мне восемнадцать, и по закону я могу дать согласие.

Так ей восемнадцать? А он не дал бы ей больше тринадцати, да и для тринадцати-то она была не слишком уж оформившейся. Если ей восемнадцать, во что он вовсе не склонен

был верить, — девицу ожидают куда худшие беды. В качестве взрослой она не может рассчитывать на льготы, предоставляемые детям в переговорах между Семьями. Со взрослой женщиной — если семейство не выручит ее и она не в состоянии предложить свой собственный выкуп — Сабиры вправе сделать все что угодно.

Однако, причинив ей ущерб — тем более убив дочь Галвеев, о чем нельзя было даже помыслить, — они развяжут войну. А кому из Семейств и Подсемейств в Калимекке хочется таких неприятностей?

Или это не так?

Шаги сделались отчетливее. Тюремщик подумал, что слышит поступь трех пар ног по каменной лестнице.

— Спаси меня и получишь все, что я в силах тебе дать.

Маркуи ощутил, как ее страх словно одеяло окутывает его, удушает, и негромко ответил:

— Ты не в силах гарантировать безопасность моим родителям. Прости меня, девочка, но я не способен помочь тебе.

Она пронзительно закричала — в равной мере от страха и от ярости. Затем принялась кидать в него горстями подобранной с пола соломы. Отодвинувшись подальше от черты, Маркуи приложил усилие, чтобы превратить свое лицо в бесстрастную маску. Шаги наверху становились все ближе. Его охватило смятение. Быть может, у нее есть причины для страха. Быть может. Они были и у него самого.

Из-за поворота лестницы появился первый мужчина. Длинный плащ кружил вокруг кавалерийских сапог, вздувался за спиной и надежно скрывал лицо, однако Маркуи узнал вошедшего по кольцу на правой руке. Золотому перстню с головой волка, глаза которого — турмалиновые кабошоны — сверкали в пламени факелов, а пасть злобно скалилась. Обладателем этого кольца был Криспин Сабир, один из Волков-Сабиров.

Волна дурноты накрыла Маркуи по самую макушку. У девочки причины оказались довольно вескими для страха. Криспин Сабир являлся необузданным воплощением зла. Жестокость его трудно было понять, найти для нее какое-то определение. Если верить даже сотой доле слухов о нем, доходивших до Маркуи, изверг этот держал трупы в своих покоях, помещал их на своем личном участке — как садовники сажают розы. Маркуи видел однажды, как Криспин пытал человека, и воспоминание об этом так и не покинуло его. Если б только он знал, что девочка в конце концов попадет к Волку Сабиров, а не к их дипломатам...

— Почему она вопит? — спросил Криспин.

Судорожно глотнув, Маркуи поспешил ответить:

— Она напугана. Она услышала, как вы спускаетесь по лестнице, и сказала, что сегодня День Терамис.

— День Терамис. Григор говорил ей об этом. Рад, что она не забыла.

Тут возник второй человек, и если Маркуи уже мутило от Криспина, то прибытие Эндрю Сабира отяготило ужасом сердце его. Уж лучше встретить Загташта, бога подземного мира. По крайней мере известно, что Загташт иногда проявляет милосердие. Эндрю, массивный, будто налитый свинцом, был раза в два шире в плечах более высокого и стройного Криспина; грудная клетка его походила на пивной бочонок. Он брил голову, на манер Слобенских матросов оставляя длинную прядь над левым ухом, и походил на красноглазое чудище. Заметив девушку, он ухмыльнулся и спросил:

— Хочешь, чтобы я заткнул ей глотку, Криспин?

— Вовсе нет. Пусть поет. Приятно послушать.

По ступенькам медленно приближались новые шаги. Ухо Маркуи различало шипение, глухой толчок и ворчание, а потом обычный удар стопы о камень. После паузы последовательность повторилась. Снова и снова, громче и громче. А за всеми звуками прятался этакий забавный скрип, коего он не слышал, пока остальные двое спускались по лестнице.

Маркуи содрогнулся — но не от сырости и холода. Ему были известны слухи о тварях, которых Волки держали в своих покоях. Поговаривали также, что они сочетаются с демонами и чудовищами. Лучше, пожалуй, думать, что по лестнице шаркает (что же все-таки там скрипит?) милейший старик — дипломат, хромающий вниз, дабы сообщить девушке, что выкуп за нее получен... Впрочем, Маркуи не верил в это.

— У нас есть новость для тебя, маленькая Волчица, — прорычал Эндрю.

Криспин бросил на него негодующий взгляд.

— Подожди, пока сюда спустится Анвин. Он не хотел бы пропустить эту сцену.

Эндрю расхохотался ползучим, визгливым смешком, от чего Маркуи едва не стошнило.

— Новость, — повторил он. — Впрочем, возможно, сам Анвин захочет тебе поведать ее. Мы все хотим это сделать.

Он снова расхохотался.

Девушка встала лицом к мужчинам. Она больше не кричала, и Маркуи не заметил следов слез. Неведомо откуда она извлекла силы — видно, в себе самой обрела отвагу. Подбородок ее вздернулся, спина распрямилась, и тело каждым своим движением выражало презрение.

Она яростно посмотрела на Эндрю.

— Каковы твои новости, Волк?

Криспин и Эндрю с ухмылкой переглянулись. И пока они так стояли, в темницу тяжелой походкой вступил Анвин. Имя давало основание предполагать, что носитель его окажется человеком. Анвин — хорошее парматианское имя — ну, как Криспин... да и Маркуи, кстати. Существо же, пробравшееся в подземелье, не походило на человека. Возможно, он был из Увечных — существ, населявших отравленные земли, чьи предки, как говорили сказания, некогда являлись людьми. Впрочем, если он и вправду принадлежал к ним, то происходил не из той области, которая всегда поддерживала связи с Калимеккой. Если же этот демон не имел отношения к Увечным, тогда наиболее подобающим местом ему было самое нижнее пекло самой темной преисподней Загташта. На лбу его выступали изогнутые рога. Покрытый чешуей лоб так далеко выдвигался вперед, что глазницы казались пустыми. Раздвинувшиеся в ухмылке губы открывали по-акульи зазубренные зубы длиной с большой палец. Создание это горбилось, и Маркуи мог разглядеть шипастый гребень, неловко укрытый плащом.

Тюремщик чуть не бросился наутек. Он удержал себя на месте лишь невероятным усилием воли, однако лицо его все же не могло скрыть ужаса.

Девушка не дрогнула. Она смотрела на это чудовище, как если б была знакома с ним — и терпеть не могла — всю жизнь. Маркуи не заметил и тени страха в ее глазах.

Ну что ж, сам он был в ужасе — за двоих.

«Ты должен был помочь ей спастись, — шепнул тоненький голос где-то на задворках ума. — И ты будешь сожалеть о том, что не сделал этого, всю оставшуюся жизнь. Имя Дани Галвей будет преследовать тебя среди мрачных ночных кошмаров; тяжесть его станет гнуть тебя наяву».

Ухватившись длинными, тонкими пальцами за прутья решетки, девушка промолвила с достоинством, свидетельствующим о том, что она выше нагрянувших деспотов и находится вне пределов их власти:

— Теперь вы все здесь. Выкладывайте ваши новости.

Ужасающий Анвин произнес:

— Мое милое дитя, дипломаты еще говорят, и мы, конечно, позволили им продолжать переговоры — но они ничего не достигнут. Твоя Семья не хочет дать нам то, чего мы желаем. — Качнув головой, он перевел взгляд с Эндрю на Криспина, а потом снова на девушку. — Труды для Терамис пришли и ушли, а приемлемое для нас решение все еще не принято.

Она нахмурилась.

— Но ведь ты сказал, что дипломаты еще ведут переговоры.

Анвин улыбнулся, блеснув жуткими зубами.

— Ну конечно. Если б мы назвали твоим людям наш действительный крайний срок, они бы знали наш следующий ход. Ну а так они полагают, что мы обдумываем их возможный ответ, и не будут ожидать нашей атаки.

Даня побледнела, и вжавшийся в стену Маркуи ощутил боль за нее. Семья ее все еще надеялась вернуть девушку назад живой, но на деле ею хитроумно воспользовались, чтобы сделать родителей уязвимыми.

Даня Галвей не стала заливаться слезами, не стала она и молить о пощаде. Глянув на Маркуи, а потом опять на чудовище, она сказала:

— Предполагаю, что вы пришли убить меня.

Все трое пришельцев загоготали.

— Очаровательная девица, — произнес демон, — нам и в голову не придет убить тебя. И впрямь, убийство стало бы напрасной тратой ценных ресурсов. Да и как мы сможем вынудить себя убить существо, столь юное и прекрасное, столь сильное и полное жизни? Никогда. Мы найдем тебе место среди своих.

— Да-да, — подтвердил Криспин. — Почетное место в середине круга Волков.

Маркуи слова эти ничего не говорили — в отличие от Дани. Маска бесстрастной отваги рухнула, слезами наполнились ее глаза.

— Нет, — прошептала она, — пожалуйста. Только не это.

Эндрю снова захихикал.

— Ну конечно. Побывав в гостях у Волков, ты не можешь... не можешь остаться прежней, а нам жалко губить такую красоту. Поэтому несколько следующих дней ты будешь развлекать нас. Всех троих.

Она попятилась к стене.

— Не прикасайтесь ко мне.

Криспин с демоном расхохотались.

— Ну, брат, по-моему, мы ей не нравимся, — вякнул Криспин.

— Возможно, ты полюбишься ей, — ответил демон. — Но я точно знаю, что она мне понравится.

Эндрю приказал:

— Страж, подай мне ключ от камеры!

Маркуи вздрогнул.

«Я должен был помочь ей. Должен был. Я располагал временем, я мог отыскать возможность. Я мог что-то сделать. Может быть, я еще способен помочь ей. Может быть, я сумею вывести ее наружу, заперев всех троих внизу, — и убежать вместе с ней к родителям, прежде чем об этом проведают. До Дома Галвеев не слишком далеко»...

— Позвольте я сам открою, — услышал он свой голос. — Замо заржавел и стал норовистым, открывать его нужно знающей рукой

Произносимые слова вибрировали, однако Маркуи решил, что впервые столкнувшись с демоном, имеет полное право на дрожащий голос. Кроме того, он сказал о замке чистую правду, хотя отпирая, провозился втрое дольше, чем обычно. Задержка объяснялась отчасти тем, что руки его тряслись от страха, однако, водя ключом взад и вперед, он больше думал о том, как запереть в камере пришедших людей вместе с чудовищем, выпустив при этом девушку. Когда дверь со скрежетом отворилась, Маркуи подумал, что это неплохой способ.

— Готово, — объявил он, отступая назад, но не слишком удаляясь от двери, где в замке остался ключ.

— Очень хорошо, — бросил ему Эндрю. — Занятие действительно трудное на первый взгляд.

Маркуи кивнул и отступил еще на один шаг. Он пытался поймать взгляд девушки, но та смотрела на Эндрю, первым вошедшего внутрь. За ним последовал Криспин, и Маркуи от всей души пожалел, что вторым оказался не демон. Втолкнуть внутрь Криспина было бы много легче.

Увидев, что оба вошедших подошли к Дане, он отступил назад еще на полшага, надеясь заметить демона, самым необъяснимым образом куда-то подевавшегося. Ощущая страх всем своим нутром, неистово колотящимся сердцем, он подумал: «Иди же! Иди! Стань передо мной, сукин сын, пока еще не поздно».

И тут он почувствовал, будто в горло вонзилась игла.

— Возможно, это и получилось бы, — провещал демон из-за его спины.

Одна ладонь обхватила Маркуи за живот, другая стиснула его шею, затем чудовище запрокинуло назад голову тюремщика, одновременно и удушая его, и увлекая назад. Маркуи забился и забрыкался, пытаясь каким угодно образом сбросить с шеи эту ладонь... Проще было, наверное, согнуть руками прутья решетки. Он не мог вздохнуть, не мог выдавить звука. Демон дотащил Маркуи до стены, расположенной как раз напротив камеры, к рядам колодок... («Почему он тащит меня к колодкам?») и выпустил его горло как раз в тот миг, когда мир уже начал терять цвета, а пульс молотом забил по черепу.

Блеванув, Маркуи судорожно втянул в себя воздух; казалось, горло налито огнем. А демон расхохотался. Он взял руку тюремщика и запер ее в колодку, а потом ухватил второе запястье.

— Ты не мог спасти ее, однако, возможно, и сумел бы запереть нас троих в камере. — Он посмотрел на Маркуи со

зловещей ухмылкой и прибавил: — Но ты думаешь слишком громко, да еще всем своим телом.

Маркуи смутно ощутил, что девочка визжит где-то вдали. Его взгляд скользнул мимо демона, и он увидел Даню в руках Криспина и Эндрю. Она глядела на него. И кричала поэтому.

Чудовище пристроило в колодку другую руку Маркуи. Закрыло запор и улыбнулось пленнику.

Какие жуткие зубы!

Жуткие!!!

Девочка все кричала:

— Отпустите его! Отпустите!

— Мы просто хотели забрать ее к себе наверх, — ввернул из камеры Криспин. — Собирались сделать свое дело и оставить тебя при твоем деле. Но ты, мерзкий мальчишка, позволил себе думать лишнее о заключенной, и ты заплатишь за это.

— По-моему, — заметил демон, — расставаясь с жизнью, он должен развлечься. Как тебе кажется, Криспин?

— Что это ты придумал?

— Убьем его медленно, — предложил демон, — и пусть, умирая, смотрит, как мы обойдемся с девицей. По крайней мере интереснее будет кончаться.

Эндрю хихикнул.

— А что, — брякнул он, — валяй!

Обернувшись к Маркуи, демон негромко молвил:

— В таких уединенных, беззвучных местах к каждому из нас обращается некий голос... Он приказывает нам стоять, мужаться и делать что нужно. — Он улыбнулся. — И тот, кто очень, очень умен, отыскивает источник этого голоса и умерщвляет его.

Он зацепил похожим на кинжал когтем низ одежды Маркуи; ткань куртки разорвалась, под нею звякнула кольчуга. Поцокав языком, демон вспорол снизу доверху и доспехи вместе со стеганой подкольчужной курткой, от чего обнажились грудь и живот тюремщика.

— Какая гладкая кожа, — протянул он, — некогда и моя походила на нее. И настолько походила, что я просто обязан убить тебя. Я так тоскую о себе — прежнем.

— Не надо, — попросил Маркуи. — Не надо убивать меня. Я ничего не сделал.

— Но хотел сделать. Довольно уже и этого.

— Ты не знаешь, чего я хотел. Кто может прочитать чужие мысли?

— Я могу. И делаю это.

— Отпусти меня.

— Мы позволим тебе посмотреть. Случка Волков — ее видели не многие мужчины. — Хохоча, демон в последний раз провел когтем по его животу.

Белая алая мука, агония, боль,

ужас, и кровь, и вонь, и немыслимый вопль кого-то,

визжащего в его голове;

и чтобы прекратить этот вой, он приказал боли убить себя, но без успеха.

Нечто тяжелое, горячее, скользкое и вонючее поползло от него, ложась на ступени.

Пришла слабость и оставила его в самый последний миг в жестоких лапах этого мира.

И чей-то голос разорвал вопль Маркуи и как коготь чрево заставил его умолкнуть.

— Мы еще многое можем сделать с тобой, не убив при этом на месте, — сказал Криспин Сабир. — Так что, если не хочешь познакомиться с доказательствами, заткни свой рот и смотри. Мы делаем это ради тебя.

Маркуи открыл глаза. Он не стал смотреть вниз: он знал, что увидит там, и не мог решиться взглянуть. Не мог и оторвать глаз от того, что творилось перед ним. Мужество покинуло его. Он повис в колодках, привалившись спиной к стене, и смотрел, мечтая умереть побыстрее, умереть в первое же мгновение. Он смотрел на демона и двоих мужчин, ничем не отличающихся от него. На девушку он старался не смотреть. Он старался не слушать ее. Он еще живет для того, чтобы знать: он уже убит, он уже труп — только дышащий пока, и это было ужасно.

Ужасно!

Но то, что они делали с девушкой, было еще страшнее.

Глава 3

В коридоре пахло, и запах этот едва не бросил Кеит в неконтролируемую Трансформацию... Запах, одновременно знакомый, как Семья, и чуждый, словно другая сторона мира. Только что она волокла Типпу по длинному и пустынному боковому коридору в сторону двора, где возница оставил экипаж. И вдруг она оказалась возле стены, чувствуя, как становятся жидкими кости, как вскипает кровь, пузырясь словно игристое вино. Воодушевление наполняло Кеит, цвета и звуки становились острее и гуще... самый воздух, которым она дышала, превращался в густой и пьянящий напиток.

Пытаясь высвободить свою руку из ее руки, Типпа проблеяла тем самым испуганным голосом, который Кеит так ненавидела:

— Кеит? Кеит? Что случилось?

Тыльной стороной ладони Кеит стерла слезы разочарования и желания с глаз, стараясь сохранять внешнюю невозмутимость. Все в порядке, благодарение богам, все в порядке. Если она все еще в состоянии властвовать над собой, значит, все еще будет в порядке.

«Я хочу бежать, — подумала она. — Я хочу лететь, соперничать с воздухом. Я хочу ощущать, как усталость жжет мышцы. Я хочу слышать, как стучит в ушах кровь. Я хочу смаковать ветер, чувствовать, как высокая трава режет мне кожу. Я хочу охотиться. Я хочу свежего, горячего мяса, отдающей железом крови...» Она отодвигала подальше все, чего только что хотела. Куда-нибудь далеко-далеко, и там, в темных глубинах души, желания эти продолжали сражаться с нею, намереваясь вырваться из того места, где им положено было пребывать.

Она сказала себе негромко:

— Ничего этого мне не нужно. Я хочу служить своей Семье и зарабатывать на независимую жизнь.

Голос ее казался грубым, хриплым и слишком низким. Скверно. Очень скверно. Голосовые связки уже изменились. Повернувшись к Типпе, Кеит взяла ее за плечи и заглянула в глаза. Кузина судорожно глотнула, вдруг сделавшись трезвой и очень испуганной.

— Ступай в экипаж, — велела Кеит. — И скажи вознице, чтобы отвез тебя домой. Жди меня с Семьей. Тому, кто встретит тебя, скажи, что Три Принца устроили нечто непонятное и все твои компаньонки исчезли. Я... вернусь, когда смогу.

Типпа поежилась.

— Кеит, что происходит с тобой?

— Ничего такого, с чем я не могла бы справиться.

Ей хотелось, чтобы в этих словах не оказалось лжи. Власть над собой, и без того всегда неустойчивая, ныне ртутью ускользала из ее пальцев.

— Беги, — огрызнулась Кеит. — Беги!

Поглядев на нее еще какое-то мгновение, Типпа повернулась и бросилась прочь. Когда она исчезла под аркой, которой заканчивался коридор, и каблуки ее застучали по ступенькам, ведущим к экипажам, Кеит метнулась в первый же замеченный ею боковой ход, спряталась за огромной статуей и припала к полу. Шелковые юбки ее шелестели, а кружевной корсаж проклятого бального платья становился то слишком просторен, то тесен, то просторен, то тесен.

Кровь билась в запястьях, в висках, пульсировала за крепко зажмуренными глазами... кровь горела в венах, вски-

пая пузырями, как вода священного ключа. Желание становилос неодолимым. Она чуяла его, этого незнакомца — своего по крови взрослого самца в полном расцвете сил. Как и она сама, он едв удерживался на грани самообладания; как и она, жаждал охоты Прикрыв рот, она вдохнула чуть наморщенным носом и задне частью нёба ощутила его запах, в равной мере казавшийся чудесн знакомым и странным. Сдерживаемые чувства грозили вот-во вырваться на свободу и превратиться в буйное ликование полно Трансформации.

Она не могла позволить себе этого. Она не могла выпустить на свободу ту, другую Кеит. Только не здесь, в Доме Доктииракоз, не в стенах потенциальных врагов. Оставалось сдерживать себя и по-ститься.

Запах его висел в воздухе, как благоухание каберры — пряности, туманящей разум и наполняющей его видениями; ощущая этот аромат, она была готова не сопротивляясь, почти по собственной воле отправиться навстречу своей гибели. Конечно, в первую очередь следовало избавиться от этого запаха.

У нее были духи. Она всегда носила с собой крохотную бутылочку, которую ненавидела за то, что эта сладкая дрянь, как и вся парфюмерия, портила вкус воздуха — как специи и соусы губят вкус мяса. Но Кеит и прежде случалось попадать впросак с подобными запахами, и она научилась справляться с ними. Достав вонючую смесь из прикрепленной к поясу сумочки, она плеснула немножко на уголок блузки и потерла им ноздри и верхнюю губу.

Эффект оказался сокрушительным. Даже болезненным. Словно ее разбудили после дивного сна, плюхнув головой в ледяную воду. На глаза набежали слезы, хотелось чихать и кашлять одновременно, только она не смогла даже вздохнуть. Кости ныли. Кровь бурлила. Восторг Трансформации притупился, но отнюдь не столь благополучно. Кожа свинцовым пластом обтянула мышцы, болевшие, как после адских побоев.

«Теперь я способна удержать ее. Я владею собой. Я хочу бежать. Мир стал прохладным, синим, зеленым и белым словно лед: тихим, наполненным цветочными и пряными запахами. Сердце мое бьется медленно, ноги твердо стоят на земле; я ищу себе покоя».

Мир красен и жарок, он пахнет землей и кровью, густыми и терпкими ароматами мяса.

«Я отказалась от всего этого ради возможности жить человеком. Я сказала моим родителям, что сумею это сделать, обещала взять на себя всю ответственность; сказала им, если они не найдут мне работу в Семье, то я отыщу себе дело где-нибудь вовне — там, где они не будут спокойны за мою безопасность».

Ты дура.

«Я больше, чем ты позволила бы мне стать. Больше, чем инстинкт, больше, чем беготня, охота и случка. Мои родители жертвовали всем, чтобы я выжила и стала взрослой. Они дали мне ключи, научили стать человеком».

Ты — Карнея... уродка... чудовище с клеймом проклятия и никогда не станешь чем-либо, кроме зверя.

Кеит открыла глаза и поглядела на руки. Человеческие. Она ощутила цветочный аромат духов и вынудила себя не замечать ни вкуса соленых слез на губах, ни мокрых, воспаленных глаз. Она не покорится голосу ненавистного второго «я». Она способна стать существом высшим, а не обреченным на проклятие зверем, которым она родилась. И обязана стать.

Холодная и гладкая полированная мраморная стена приятно остужала сквозь тонкие шелка. Припав спиной к стене, она перевела дух, позволив камню ласкать кожу шеи. Только что бывший доступным ей мир, совершенный словно кристалл, исчез, утонул в тусклых, безжизненных тонах, окутавших все вокруг после того, как она вышла из приступа. Теперь Кеит приближалась к стадии Краха. Уныние уже одолевало ее. Не слишком ужасное на этот раз — ведь Трансформация так и не произошла, а цена, которую приходилось платить за дикое и радостное самозабвение, свойственное Карнее, всегда бывала пропорциональной... Вместе с Крахом близились и волчий голод, и летаргия, и остальные симптомы. Хуже того, на сей раз расплачиваться придется, зная о близкой угрозе... и очень скоро.

Однако сегодня удовлетворения не было. Она попросту отложила проблему. Тело ее требовало Трансформации каждые сорок дней — вне зависимости от того, насколько уместным или опасным мог оказаться подобный процесс. Она планировала и приспосабливалась... или же попадалась.

— ...и невзирая на это, ты впустил его сюда. Именно сегодня.

Она приподняла голову и открыла глаза. Голоса. Они доносились из коридора, прячась за закрытыми дверями одной из комнат. Кеит уже давно слышала их, но, погрузившись в трясину собственных проблем, не различала звуков.

— Он настойчиво утверждал, что должен немедленно встретиться с вами... сказал, что ему нужно обсудить с вами вопросы, способные внести изменения в планы Сабиров.

Сабиров?

Кеит показалось, что она узнала обладателя первого голоса, — Бранард Доктиирак. Кем был второй, девушка не имела представления, но если она не ошиблась насчет первого, то ради какого переполненного дьяволами пекла Доктиирак ведет

переговоры с Сабирами? Особенно в преддверии альянса с Галве
ями...

— Он только хотел еще раз услышать от меня, что мы готов
передвинуть ночь свадьбы. И намекнул, что его людям необходи
мо знать о любых изменениях: чтобы решить, не потребуется л
больше людей, не придется ли вести их другим маршрутом — од
нако его не интересовало что-либо реальное. У него вовсе не был
никаких действительно неотложных причин разговаривать со мной
а тем более в эту ночь.

— Если б я не услышал от него отзыв, то не впустил бы его, н
вы же сказали...

— Я не передумал тем не менее. Пока владения Галвеев в Ка
лимекке не перейдут в наши руки, мы не станем ничем раздражат
Сабиров. Тем более силой выставлять их курьеров. Однако лиш
только мы полностью укрепимся в Доме, я хочу, чтобы посланца
убили. Он — Сабир, хоть и из дальней родни, и он был со мной
непочтителен.

Последовала пауза.

— Я позабочусь об этом, параглез.

— Хорошо. Но я оставил свой бал и гостей и должен вернуться
с соответствующими оправданиями, которые вызовут доверие. Были
вестники?

— Нет.

— Жаль. Новый гонец предоставил бы самое удобное извине
ние. Так, хорошо... кто из списка моих нынешних гостей не был у
меня на приеме?

— Кастилла и ее дети... ваш племянник Виллим, у него легкий
грипп... Параглез Идрогар Пендат...

— Стоп. Идрогар здесь и даже не показался у меня?

— Именно так. Он прибыл вчера и дожидается, когда у вас
найдется для него свободное время.

— Он создает мне проблемы на Территориях. Он добивается
большей власти над делами в Старом Джирине.

— Должен предположить, параглез, что на сей раз он только
возобновит прежние требования. Он привел с собой много телох
ранителей, однако даров я не видел.

Кеит поняла, что Доктиирак усмехается.

— Наконец хоть какая-то выгода от всей этой долгой и расто
чительной ночи. В каких апартаментах он находится?

— В Летних Покоях, в Северном Крыле. Наилучшее место для
того, что вы, по-моему, задумали.

— Действительно. Прошу, проследи, чтобы смертельное забо
левание кузена моего Идрогара не причинило ему чрезмер
ных неудобств. И не оставило отметин на теле. Завтра нам,

возможно, придется предъявить труп, дабы подтвердить мой рассказ... Ну что может оказаться более веской причиной отсутствия на своем балу, как не срочный визит к одру умирающего возлюбленного родственника?

И снова короткое молчание.

— Однако, Пагос, прежде чем Идрогар умрет, выясни как можно точнее, зачем он сюда прибыл. Я не хочу случайно потерять ценную информацию.

— Как вам угодно, параглез.

Кеит услышала звук скольжения камня по камню... Потайные панели в Доме Галвеев передвигались с таким же звуком. Вне сомнения, Пагос, доверенный параглеза, отправился исполнять его поручения.

У нее не было времени удалиться, ибо дверь в конце коридора отворилась и параглез вышел. Замершая за изваянием, Кеит не могла видеть его, но тяжелую поступь и затрудненное дыхание она различала прекрасно. Не старый еще человек, но больной.

Параглез миновал Кеит, не взглянув ни направо, ни налево, и повернул в более широкий коридор, где столкнулся с несколькими гостями.

— Мой дорогой кузен внезапно захворал... — услышала девушка его извиняющийся голос.

Подождав мгновение, дабы убедиться, что параглез не вернется, Кеит наконец встала, выскользнула из-за статуи и заспешила на улицу. Теперь нужно явиться в посольство, чтобы в Семье узнали об услышанном ею. Заботы о Типпе — мелочь по сравнению с представившейся возможностью раскрыть затеянную Бранардом Доктииараком игру... Однако не менее важно решить, к какому члену Семьи обратиться. Если она допустит промах, придется давать объяснения, каким это образом ей вдруг удалось уместиться за статуей в конце коридора и подслушать разговор, происходивший за плотными дверями в другом его конце, и — кстати, в первую очередь — с чего это вдруг она оказалась за той самой стеной. Если выяснится истина, Кеит подозревала, что даже большинство членов ее собственной Семьи сочтут ее омерзительной, а остальные — в лучшем случае — перестанут доверять ей.

Зло, сочившееся в Халлес, кравшееся по улицам, проникавшее в дома, рождалось в древней комнате на дальней северной оконечности города, расположенной в недрах посольства Сабиров. В мерцающем свете подземной палаты среди клубов дыма благовонной каберры сновали, колдуя, Волки Сабиров. Они сходились и расходились, выписывали головоломные фигуры, следуя замысловатому рисунку, вырезанному в каменном полу. Круже-

ния, арабески, шаг назад, шаг вперед, круг по солнцу, круг против солнца... И все это действо сопровождалось шепотом.

В самом центре узора висел прикованный к резному каменному столбу обессиленный человек с клеймом преступника. Когда только началась его мука, он еще ругался, он молил о пощаде, он пытался вырваться и кричал — однако с начала волхвования прошли часы, и сопротивляться ему было уже нечем. Расставаясь с жизнью, он съежился почти вдвое, как бы обрушился в самого себя. Теперь он висел, не произнося ни слова, а Волки двигались вокруг него. Время от времени очередной прилив сил позволял ему в ужасе посмотреть на призрачные силуэты, следовавшие по линиям рисунка между реально находящимися здесь мужчинами и женщинами. Иногда из окружающего воздуха доносились и другие голоса. Пленник не понимал, очевидцем чего является. Да ему и незачем было понимать: ведь содеянное Сабирами скоро убьет его.

Волки не обращали особого внимания на свою жертву — все оно целиком было обращено к тропе, к четко определенному положению на ней, ибо движения их согласовывались не только друг с другом, а и с шагами коллег, находящихся в Калимекке, в лигах отсюда, но тем не менее следовавших вместе с ними по одной тропе и колдовским речитативом соединявших оба места.

В дверном проеме появился симпатичный молодой человек, и двое из снующих обратили взоры к нему. Он кивнул. Двигаясь вдоль тропы, они дали знак Волкам, ждавшим возле стены, и, как бы достигнув нужной точки в витой арабеске, сошли с тропы, мгновенно уступая место тем, кому сигнализировали жестом.

Молодой человек выскользнул из комнаты и стал ожидать их, удалившись до середины коридора. Оба Волка подошли к нему.

— Как это было?

Задавшей вопрос женщине, светлокожей Имогене Сабир, было около пятидесяти; густые золотистые волосы едва начинали поддаваться седине. Глаза у нее чуть побелели, и хотя смотрела на молодого человека, своего сына, создавалось впечатление, что ориентируется она скорее по слуху. Она была слепа — но не полностью, — однако похитившие зрение злые чары наделили ее вторым зрением, и она пока была довольна обменом. К тому же, помимо бельм на глазах, других зримых Шрамов Имогена не имела и потому оставалась прекрасной.

— Доктиирак был разгневан, что я явился к нему посреди бала.

Сын Имогены, Ри, унаследовал стройность от матери, а рост — от отца; темно-золотые волосы достались ему от обоих, ну а хищная нотка буквально во всем была уже его собственной заслугой.

— Я держался в тени, однако не сомневаюсь, что по меньшей мере двое Галвеев узнали меня.

Его отец, Люсьен, улыбнулся — тонкие губы растянулись, скрывая зубы.

— Великолепно. Вас подслушивали?

— Не уверен. За дверями я никого не слыхал. Доктииракплотно закрыл их, когда мы вошли внутрь. Там у него за панелью сидел человек; он производил столько шума, пыхтя и переминаясь с ноги на ногу, что мне едва удавалось делать вид, будто я не замечаю его. Это не важно. Если Галвеям известно, что я был в Доме Доктиираков, то они получат основания для подозрений.

— Так, значит, Бранард посадил человека за потайную панель? — со смехом сказала мать. — У Доктиираков сейчас нет Волков; наверное, они даже представления не имеют, что наша порода уцелела до этих дней. Уверена, они остались вполне довольны собой.

Ри начал было соглашаться, но вдруг умолк, помрачнев.

— Твои слова напомнили мне о том, что не все сложилось удачно, — пояснил он.

— Не все? — Голос отца прозвучал резко. — Что случилось?

— Мать сказала, что среди них нет Карнеев, но когда следом за стражником я шел через сад к Доктииракуто учуял кого-то из нас.

— Это невозможно, — ответила мать. — Никого из наших Карнеев там не было, а среди Доктиираков подобных нам нет. Я это знаю.

— Одна нашлась. Мне не представилась возможность отыскать ее.

— Ее?

— Да. Самку, молодую, совсем незнакомую...

Закрыв глаза, он припомнил на миг тот чарующий запах, который вдруг ощутил, пересекая бестолковое людское стадо баранов; и как трудно было ему тогда следовать за стражником, вместо того чтобы, вырвавшись на свободу, немедленно отыскать ее. Отыскать. Боги, он едва не сорвался с цепи — и она тоже была на грани. Он был готов и, пожалуй, даже слишком, и ее близость к немедленной Трансформации едва не выдала их обоих. Вот была бы история!

— Возможно, она из Галвеев, — предположил отец.

Мать нахмурилась.

— Мы же истребили у них всех представителей нашей породы.

— Значит, не всех.

— Выходит, они скрыли ее от нас, а раз им это удалось, могут обнаружиться и другие.

— Может быть. — Люсьен вздохнул. — Что ж, теперь ее существование не представляет для нас тайны. Они решили, девушка стала достаточно сильной, чтобы позаботиться о себе, и осознали, какую пользу она может принести Семье. Нам придется убить ее...

— Конечно. И мы можем сделать это уже во время нападения...

Поглядев сперва на мать, потом на отца, Ри опять вспомнил этот сладкий, соблазнительный запах и прервал обоих:

— Не убивайте девчонку. Я хочу ее.

Родители посмотрели на молодого человека как на безумца.

— Будь благоразумным. Ты же не сможешь иметь от нее детей. — Положив ладонь на его руку, мать повернулась к сыну. — Все ваши дети окажутся мертворожденными. Да и как ты будешь держать ее при себе. Врага, вечно тянущегося к твоему горлу, врага, опаснее которого не придумать.

— Мы уже подобрали полдюжины молодых женщин, которые могут составить тебе пару, — заметил отец. — Выбери одну из них.

— Они овцы, а мне нужна не овца. Мне нужна женщина, подобная мне.

— Возможно, ты и хочешь именно такую, однако нельзя во сне открывать свое горло врагу... И потом, такая подруга помешает тебе возглавлять Волков, когда твой отец отправится вниз.

— Я рискну, — ответил Ри. — И вообще, с чего это вы решили, что Волки станут на мою сторону, когда отец устанет от власти. Тройка уже готовится захватить ее.

Родители оскалились, и мать заявила:

— Они победят, лишь когда в живых не останется ни одного честного Волка.

В общих чертах это было верно. Тройку кузенов — Анвина, Криспина и Эндрю — презирал каждый Волк, с чистой совестью называвший себя человеком. Однако это вовсе не означало, что Ри намерен схватиться с ними за власть в кругу Волков.

Впрочем, думать об этом ему предстояло еще долгие годы. Его отец был бодр, стремителен и могуч. Насущную же проблему сейчас представляли поиски пары. Ри выбирал из подобранных для него молодых женщин, в жилах которых текла кровь Карнеев — в разумном, то бишь умеренном, количестве, — а потому все они были лишены присущего Волкам огня. Скучные, инертные создания, они кокетничали с ним, заигрывали и хихикали — и не имели ни одной свежей мысли.

Ри не видел на балу эту Карнею. Определив по запаху, что она молода, он не имел представления о ее внешности. Она могла оказаться уродливой. Впрочем, это было не очень-то важно, если только она умна, норовиста, бестрепетна, наделена огненным темпераментом... А такой она и должна оказаться. Она выжила. Запах ее был полон страсти, сдерживаемой ярости, любопытства и искреннего восхищения окружающим миром. Даже сию минуту, находясь весьма далеко от нее, Ри ощущал ее притяжение — так луна тянет к себе океан.

— Вы правы, — ответил он. — Не сомневаюсь, что она окажется неудобной партнершей.

Извинившись, он откланялся. Родители его возвратились на тропу — создавать силу, которая потребуется им на следующей неделе. Сыну не было разрешено ходить по тропе: те, кто осмеливался ступать на нее, получали за это Шрамы, и им приходилось скрываться. Пока он трудился на Семью во внешнем мире.

Кроме того, он должен был дать потомство. Хмурясь, Ри поднимался по крутой лестнице. Вот когда он произведет на свет должное количество наследников, его оторвут от любой работы, которой он будет занят, поставят на тропу вместе с остальными волшебниками, и доступный ему мир сократится до научных библиотек, предметов, приносимых туда теми, кто еще пребывал на свободе, и занятий черной магией.

С самого рождения его будущее всегда определяли другие. Однако теперь он ощущал в себе самом способность задать направление этому будущему. Возможность действовать и выбирать восхищала и обескураживала его.

Глава 4

Дом Галвеев занимал целиком первый пик у дороги Пальмового утеса, начинаясь от каменного взлета Триумфального бульвара и кончаясь лишь там, где Пальмовый утес пересекался с мощенной обсидианом Дорогой Богов. Его балконы, вырезанные в живой мраморной скале, были инкрустированы халцедоном и бирюзой и украшены сверкающей мозаикой из цветного стекла.

Галвеи не строили этот Дом, зато увеличили и украсили его своими руками. Дом был старше своих обитателей более чем на тысячу лет. Некогда он являлся загородным поместьем немыслимо богатого и могущественного человека, проводившего летние дни в Сент-Марабасе, далеко на юге. И само богатство, и его обладатель давно обратились в прах; город Сент-Марабас стал идеально круглым водоемом на восточной оконечности смертоносных Веральных Территорий, названным Морем Святого Марабаса. Но сам Дом уцелел. За тысячу лет сверкающие балконы его утратили часть первоначального блеска; нынешним хозяевам время от времени приходилось вызывать каменотесов — починить колонну или опорную стену, поврежденную джунглями еще до того, как Галвеи обнаружили дом и объявили своим. Однако эти малые несовершенства лишь подчеркивали самобытность Дома Гал-

веев, который считался наиболее известным из уцелевших шедевров, относящихся к веку Магов; созданный волхвами, он имел и волшебную сущность.

Отчасти чары этого Дома таились в его несравненной красоте, отчасти они объяснялись его колоссальными размерами, о коих можно было только догадываться. Галвеи все еще продолжали составлять план своего Дома, хотя жили в нем уже более сотни лет. Впрочем, некоторые его части были хорошо известны. Первый этаж — тот, что лежал у самого верха утеса, — был зарисован, обследован и обжит; здесь все говорило о величии, красоте и роскоши: салоны, фонтаны, бассейны, статуи, аллеи. Сады, как общественные, так и частные. На второй этаж во множестве восходили плавные лестницы; там были комнаты для различных занятий и для приемов, хранилища, залы для увеселений, классы для детей и мастерские для взрослых.

Над этим этажом располагались семейные апартаменты, новые сады, несколько птичьих дворов; там хранилась редчайшая коллекция произведений искусства, древних и современных, а также целая галерея диковинок, собранных со всех концов ведомого мира. Там обитала Семья: супруги, наложницы членов Семьи и их дети, а нередко и дети детей — меньше сотни человек не бывало, даже когда дворец пустовал, но комнат хватало на куда большее количество хозяев.

На третьем этаже жили слуги Семьи (не путать со слугами Дома, которым отведены были верхние подвальные помещения), и тамошние апартаменты были столь же просторны, изысканны и прекрасны, как и занимаемые Семьей. В Калимекке часто поговаривали, что слуги Галвеев живут лучше иных богачей.

Еще через два этажа обитаемые области кончались, храня верность Завету Величия, правившего здесь до Войны Чародеев, и обещая — по крайней мере Галвеям, — что величие это вернется.

Огромный Дом был окружен массивными древними стенами, высокими, гладкими, словно отлитыми из стекла; след на них мог оставить только алмаз или не знающая ржавчины сталь мертвых теперь чародеев, а посему люди, заселявшие верхние этажи Дома, не имели особых причин для страха.

Впрочем, у Дома было и второе лицо, и второй характер — как у некоторых людей; о мрачной стороне этой говорили потайные ходы и комнаты, на которые иногда натыкались играющие дети, а то вдруг занятая уборкой горничная обнаруживала панель с секретом, споткнувшись о чуть неровную плитку пола. В такие мгновения карты Дома Галвеев прирастали на какой-нибудь дюйм; Семья, случалось, приобретала один-другой странный экспонат для своей коллекции, а слуги — новый объект попечения, в зависимости от характера коридора, места, куда он вел, и того, что это место собой

представляло. Иногда слуга — или даже несколько — тихо пропадали вместе с новостями о своем открытии, и какое-то время среди прислуги ходила очередная страшная история.

Злая тень становилась отчетливее в этажах, располагавшихся под первым. Первый из подземных был занят кухнями, кладовыми и залами, где работали слуги; он выглядел столь же комфортабельным и постижимым, как и надземные этажи. Однако под ним располагалось еще десять этажей. Здесь открытую ветрам красоту балконных залов, врезанных в стену утеса, довершали виды на раскинувшийся внизу прекрасный город; комнаты на этих этажах занимала младшая прислуга и гости, ищущие себе приключений; здесь шумели пиршества и обделывались всякого рода делишки, требующие покрова ночи. От светлых залов в середине огромной скалы расходились коридоры, даже ясным днем освещенные только факелами; их сменяли коридоры, куда не проникал никакой свет; даже ноги, некогда по ним ступавшие, превратились в прах десять веков назад.

Тайны Семейства Галвеев хранились — как и подобает тайнам — во тьме и безмолвии, в неизведанных доселе глубинах. Волки Галвеев населяли самое сердце этой тьмы, в десяти уровнях от светлого и шумного мира, где пребывала основная часть Семьи, в местах, которые не смели обследовать даже самые предприимчивые дети, в местах, где не отваживались назначать свидания даже самые пылкие юные любовники.

Во мраке лишенных окон комнат, в том невозмутимом покое, в который превращалась здесь тишина, Волки, не ведающие законов, и потаенная сила, стоявшая за Семейством Галвеев, наращивали свою мощь, сдерживали и усмиряли врагов. Они работали с древними книгами и анналами, пользуясь как приборами собственного изготовления, так и теми, что пережили тысячелетие и немыслимые послевоенные разрушения. Они постигали единственную в мире Матрина запретную науку — науку магии, и выучивали свои уроки, и пользовались обретенными знаниями на практике — всеми способами, какие сумели придумать. Новые чародеи, некоронованные короли, боги, не удостоившиеся почитания.

Не сдерживаемые ограничениями, которые накладывает общество, не сообразуясь с собственной совестью, они шли любым из путей, открываемых им любопытством, углублялись в эксперименты во всех мыслимых областях магии, достигая иногда областей чистого добра, но чаще абсолютного зла. И подобно всем чародеям, всем королям и богам, они наконец осознали, что поиск добра требует от них нежелательных ограничений, ну а обращение ко злу — ради одного зла — спустя некоторое время утрачивает новизну и утомляет, но стремление к власти никогда не теряет своего очарования.

* * *

Туман опустился на Халлес. Отгородившись ставнями от мрака, темные дома стали похожи на бесформенные утесы; подгулявшие посетители покидали таверны не с криком — с шепотом на устах; а в тумане сновали какие-то призраки; внезапно вываливаясь откуда-то из тьмы, они вновь исчезали в ней, обнаруживая себя лишь самым легким топотом и позвякиванием.

Кеит шла по узкой, мощенной булыжником улице, отмечая, насколько богаче становятся запахи в сырости и темноте. Острый нюх позволял ей проследить любого из многих дюжин городских жителей, прошедших по этой улице до нее.

Над головой катила луна, уже набухшая, но еще не полная; она бросала мутный свет на кружащиеся клочья тумана, и свет этот, пройдя сквозь мглу, не освещал ничего. Луна светила впереди и чуть справа, напоминая Кеит круг творога, если смотреть на него через марлю. Справа из открытой сточной канавы исходил густой аромат помоев. Слева — чуть спереди — запах вина и мочи указывал на пьянчугу, свернувшегося под заплесневелыми лохмотьями. Откуда-то спереди прилетел запах мяса... слишком уж приготовленного. Рот ее томился по темному вкусу сырого мяса; дикарка Кеит, та, которой она предпочитала не замечать, отнюдь не была довольна изысканными яствами, поданными в честь Дня Именования, и урчала, не скрывая этого.

...охота, бег, мех... куски плоти, вырванные из-под разодранной шкуры, первая упругая струя крови, горячей, густой, соленой, пахнущей железом...

Впереди трое мужчин чего-то ожидали, стоя возле переулка. Глумливыми голосами они обсуждали свою ночную добычу, и Кеит на краткий миг заинтересовало: попал ли тот, лежащий под лохмотьями мужчина, от которого так разило вином, в подобное положение по собственной инициативе или ему помогли грабители... Может быть, они даже убили его. Она вдруг поняла, что не слышала его дыхания.

Гнездившийся глубоко внутри нее тугой клубок тьмы так и подбивал напасть на мужчин, искушал, обвинял в трусости.

Кеит скрутила ярость потуже. Безмолвно ступая, она перешла на другую сторону улицы; туман укрыл ее, и разбойная троица даже не заподозрила, что девушка прошла мимо.

Склизкие щупальца зла, пронизавшие ночь, сгущались в той стороне, куда она направлялась. Они придавали дополнительное измерение туману, и Кеит тотчас подумала о Хасмале, сыне Хасмаля: как удается ему сдерживать эти зловещие и липкие щупальца?

Мысль не задержалась надолго. Улицы Халлеса, узкие и извилистые, с бесчисленными тупиками и лабиринтами

переулков, в сей поздний час кишели ворами, насильниками и прочей сволочью, требовавшей ее внимания. Она старалась идти так, чтобы луна была спереди; впрочем, Кеит все равно пришлось дважды возвращаться обратно после ошибочных поворотов. Интуиция подсказывала ей, где находится посольство Галвеев; она просто не помнила точную последовательность ведущих к нему дорог. Город не был родным ей: она не ощущала его улицы так, как улицы Калимекки. И потому терпеливо шла. Она не страшилась ночи. Не многое могло оказаться опасным для нее; глаза, уши и нос Карнеи сообщали своей обладательнице сведения, необходимые для того, чтобы остаться живой. И даже если бы случай грозил ей опасностью с двух сторон, Кеит не сомневалась, что осмелившиеся напасть на нее никогда и никого больше не побеспокоили бы.

Она пробовала только однажды, но и одного раза хватило, чтобы приобрести отвагу и опыт.

Когда родители ее, оставив уединенную сельскую ферму, перебрались в Дом Галвеев, тринадцатилетняя Кеит не могла уснуть на новом месте. Поэтому она встала среди ночи и отправилась побродить. Бессонница и докучливый зуд в затылке сигналили ей, что ночь складывается неладно; она выскользнула из жилых коридоров и спустилась вниз по задней лестнице. Дом ей нравился своим величием, множеством секретов, немыслимой древностью и таинственностью, и она быстро отыскала такие пути, о которых мало кто знал. Подчиняясь инстинкту, она спустилась вниз, пользуясь секретами, которые успела вырвать у Дома. Скользнула потайным коридором, съехала по перилам и, прячась за рядами статуй, в шепоте фонтанов скрыла звуки своего передвижения.

Там в одном из темных задних ходов какой-то мужчина нес на плече неуклюжий мешок, похожий на тело человека и пахнущий человеком. Следом крался второй, благоухающий кровью и приглядывавший за идущим впереди. Оба молчали, и запахи их не были знакомы Кеит, однако кровь пахла самой старшей из ее сестер — Дульси. Страх, застывший в горле, тьма и ярость, всегда ожидавшие внутри, вырвались на свободу. Она помнила, как бросилась тогда на этих мужчин... Превращавшееся тело пылало, оскал более не скрывал нагих клыков, восторг и слава безумства пульсировали в венах, а запах сестриной крови жег ноздри. Еще она помнила — с удовлетворением, — как рвут и терзают зубы, как впиваются в плоть клыки и когти, как поет в ушах кровь.

Отчаянные вопли привлекли внимание стражи. Примчавшись на место, отряд обнаружил двух покойников с разорванным горлом и в мешке на полу Дульси Галвей, израненную, без сознания. Пройдя дальше, на задней лестнице они обнару-

жили охранников, приставленных к ней как к члену Семьи, — у всех были перерезаны глотки. Спасителя Дульси охрана найти не смогла. Никто не знал, откуда могли взяться следы животного, отпечатавшиеся кровью на безукоризненно белом полу. Среди прислуги поползли слухи, будто Семью Галвеев охраняет чудовищное привидение и призрак волка бродит по коридорам, отмщая всякому, кто причинит вред Дому.

Ни Кеит, ни другие Галвеи не считали нужным вносить поправки в эту историю.

Дугхалл встретил карету возле дверей. В ней оказалась одна только Типпа; на ее лице был написан ужас голубки, едва вырвавшейся из когтей леопарда. Сердце Дугхалла дрогнуло, заколотилось, и он ощутил, как кровь отхлынула к ногам. Через мгновение Кеит в сотне обличий замелькала перед его глазами. Маленькая Кеит-ча, темноглазая и темноволосая, улыбающаяся ему во весь белозубый рот, занятая игрой на полу сельского дома своих родителей... А вот она уже, должно быть, лет семи или восьми, очаровательная девочка, дикарка, застенчивая и любопытная, потихоньку подбирающаяся поближе, но готовая отступить, почуяв опасность. А вот Кеит, бегущая по огороженному дворику — волосы вымпелами вьются за спиной, на поясе венок из маргариток. Или Кеит четырнадцатилетняя, верхом... Вот она посылает коня через препятствия, и оба они птицей летят над барьером, а потом грохочут копытами по лужайке. А вот Кеит, окликающая его с дерева. Или Кеит повзрослевшая... она выглядывает из окна и тоскует о местах, где еще не бывала. Потом Кеит семнадцатилетняя, полная счастья, только что услышавшая от него новость: он как раз сейчас убедил родителей, что их дочь станет прекрасным послом и может приступить к учебе.

И теперь Кеит пропала. Если с ней что-нибудь произошло, он должен винить лишь себя самого. Ее нужно было отправить назад в тот самый миг, когда он заметил среди гостей коварного Сабира... Однако в таком случае он нарушил бы собственное прикрытие; кроме того, ему и в голову не приходило, что кто-то посмеет напасть на посланника — пусть и столь юного — на таком людном приеме, да еще в День Именования.

Он приказал себе успокоиться. Быть может, Типпа сумеет вразумительно объяснить, почему вернулась домой одна.

— А где Кеит?

На него смотрели ясные перепуганные глаза.

— Она... осталась позади. Там случилось что-то, но она не объяснила, что именно. Она так рассвирепела... А прин-

цы... они были такими любезными со мной, но Кеит поссорилась с ними... и заставила меня самостоятельно возвращаться домой.

От девушки пахло вином, румянец щек и блеск глаз говорили: она пьяна. Внимательные компаньонки никогда не позволили бы ей напиться. И какие это принцы были с ней любезны? Семьи не слишком жаловали претендентов на давно уже пустовавшие престолы, а все принцы, с которыми Типпа могла повстречаться в Ибере, принадлежали к этой разновидности. Кеит — девушка разумная; предвидя неприятности, она заставила Типпу оставить бал и отправила ее домой.

Но что случилось потом? Она вернулась назад разбираться с принцами? Одинокая девушка в незнакомом ей городе, в доме, принадлежавшем закоренелым врагам ее Семьи более сотни лет? Способна ли она на такой поступок?

Нет. Кеит — разумная девушка. И случиться могло что угодно, только не это.

Типпа казалась слишком пьяной, чтобы от нее можно было добиться какого-либо толку. Однако Дугхалл надеялся, что ради Кеит она все-таки скажет хоть что-то полезное. Надо увести ее в дом, разбудить посольского лекапевта — пусть даст ей чего-либо отрезвляющего. Тем временем надо поднять службу безопасности и послать своих людей на улицы. В приватную часть дома Доктиираков не проникнешь без войска, а в столь поздний час, когда почти все гости уже разошлись, он не сумеет подыскать сколь-нибудь разумного предлога даже для того, чтобы его пустили в Парадные Залы. Но можно послать доверенных людей Дома Галвеев незаметно осмотреть окрестности.

Мешало одно: он жестко ограничен в своих поступках и не имеет права выдать секрет, который должен хранить, презрев все остальное. Дома, на островах, он все перевернул бы вверх дном в поисках девушки, не страшась никаких укоризн. Но здесь, в Халлесе, в посольстве, большая часть персонала которого набрана из местных, что сулило по меньшей мере одного шпиона, он не смел решиться на это. Дело даже не в том, что Дугхалл не желал, дабы в конце концов его колесованное и четвертованное тело было выставлено на обозрение на городской площади — хоть это действительно малоприятная перспектива. Если выйдет наружу его секрет, он рискует выдать Соколов, он поставит под угрозу сами Тенеты и не выполнит долга, возложенного на Хранителя.

Если бы только ему пришло в голову заранее угадать расположение безопасной комнаты, а уж коль такой не существовало — создать ее!

Увлекая Типпу к комнатам лекапевта, он почем зря костерил собственную беспомощность. Да, он сделает все

возможное, но только все, на что он способен, ничем не поможет девочке — если она сейчас в настоящей беде. По коже его забегали мурашки, воздух сотрясала непрестанная пульсация чар чужого Волчьего семейства — значит можно опасаться самого худшего.

Глава 5

Кеит узнала улицу, по которой сейчас шла. Еще два квартала, а может быть, три, и она окажется у посольства. Почти дома, почти в безопасности, почти там, где можно будет рассказать Семье и о Доктииираках, и о Сабирах... Быть может, в своей комнате она сумеет избавиться от зловещего грохота, ударявшего в череп. Быть может, там она сумеет избавиться от ощущения, что за ней следят и что с подветренной стороны кто-то движется ей наперерез. Не единожды она застывала и принюхивалась к воздуху, и всякий раз ветер приносил ей лишь насыщенные запахи помоев да немытых тел пьянчуг и шлюх; всякий раз ее друг ветер дул со стороны дома, а не оттуда, откуда нечто... или некто следовал за ней. Она чувствовала эту слежку, ибо не слышала ничего подозрительного, и не видела ничего, что выходило бы за пределы обычного.

Однако ощущение не исчезло, сквозь туман за ней следили глаза. И глаза эти были острее ее собственных.

Кто-то бежал к ней. Именно к ней — она понимала это нутром. Только нутром. Остальные ее чувства ослепли. Но нутро говорило о многом. Бег не был случаен, а отношение к ней бегущего можно было приравнять к арбалетной стреле, выпущенной прямо в сердце.

Опасность

Предательство. Смерть

Подвязав подол платья к корсажу, за которым пряталась рукоять кинжала, Кеит припустила по ближайшей боковой улице, насколько возможно контролируя погоню — безмолвно, отчаянно, быстро, совсем по-мужски. Единственная ее цель — избежать пленения. Мир Кеит сузился теперь до собственных движущихся ног и рук... до ступней, касающихся коварной, неровной мостовой, до препятствий, способных замедлить бегство. Страх вновь погнал по венам певучую кровь. Трансформация гналась за ней с той же скоростью, что и преследователь, следивший за каждым ее движением и поворотом... преследователь, невероятным обра-

зом догонявший ее. Наемный убийца? Враг Галвеев, заметивший, как она покидала бал, и опасавшийся упустить счастливый случай?

Она метнулась влево, вправо и снова влево, наугад выбирая улицы незнакомого города. На бегу повалила в канаву пьянчугу; выругавшись, он упал, успев на какой-то миг вцепиться в ее юбку, прежде чем она вырвалась. Приключение это стоило Кеит шага — может быть, с половиной — в забеге, который она и так проигрывала. Страх возрастал. Она прибавила скорость, борясь с Трансформацией, не желая подчиняться предательству тела; в столь людных местах оно означало бы верную смерть. Туман, только что бывший ее союзником, превратился вдруг во врага, делавшего опасным каждый шаг. Ей хотелось спрятаться, стать частью Халлеса — а не его антиподом. На задворках ума нечто шептало: *люди* — и, напуганная, на пределе возможностей своего человеческого тела, думая лишь о том, что было позади, а не впереди нее, она совершила ошибку.

Выдыхавшийся аромат духов на верхней губе позволил ей уловить запах людей. Многих. *Мужчины и женщины* — донеслось изнутри — с той стороны. И она направилась на этот запах вдоль по извилистой улочке, почему-то сужавшейся.

Она стала молиться, чтобы стены домов по обе стороны от нее вновь отодвинулись друг от друга. Чтобы она могла уловить движение воздуха из открытого продолжения улицы. Этого не случилось. Воздух замер, проход становился все уже, и, наконец, она ощутила, что ее разведенные руки способны прикоснуться к обеим стенам. Теперь она слышала людей впереди. Они смеялись. Голоса были негромкими, с ноткой осторожности. Мужские голоса. Однако она чуяла и запах женщины. Мускус соития, железный вкус свежей крови. Свет луны потерялся где-то вверху за домами, и только глаза Карнеи позволяли ей еще видеть что-либо и бежать. Преследователь не замедлял шаг. Она слышала, как он поворачивает позади нее. Как сумел он подобраться так близко? Как это он так ловко угадывает ее движения? У нее не было времени думать об этом.

Вдруг стены с обеих сторон исчезли, и она ввалилась в самую гущу людей, голоса которых слышала. В этом тупике она врезалась в двоих мужчин. Пытаясь вернуть равновесие, они схватили Кеит за руки, и она выдохнула:

— Спрячьте меня.

Шаги у нее за спиной стихли.

И тут только Кеит заметила, в какую попала передрягу. На камнях мостовой на локтях и коленях стояла женщина; рот ее был заткнут тряпкой, запястья связаны. Один мужчина держал нож у ее горла, двое других располагались позади нее —

один на коленях, другой стоял. Разодранный, располосованный корсаж открывал грудь; юбка задрана, из пореза на щеке стекала струйка крови. Поодаль возле стены лежал убитый мужчина, разодетый по моде Халлеса: на смертельной белизне горла зияла полоса алой тьмы. Еще один мужчина, не насиловавший женщину вместе с двумя другими, грабил труп. Содержимое кошелька с характерными звуками высыпалось на мостовую: несомненное позвякивание золота, шелест драгоценностей.

Всего их было семеро. Семеро убийц, воров и насильников... и одна женщина. Из тени выступил молодой человек, симпатичный, хорошо одетый, с виду благородный. Круглое лицо, бледные волосы, блеклые глаза — он был похож на наследника Доктииракова. И ей подумалось: «Так, значит, это семейство устраивает себе развлечения, в том числе за счет своих подданных».

Руки, удерживавшие ее, напряглись.

— Посмотрите-ка, что за кусочек послали нам боги, — негромко сказал стоявший от нее слева, а тот, что был справа, просто расхохотался.

Кровь ее бурлила, кости горели; она ощущала во рту металлический вкус и слышала, как кровь поет в ушах. Страх умер, удушенный яростью Карнеи, голос ее сделался хриплым, голосовые связки уже изменили свое положение: другая Кеит рвалась на свободу. Сдерживаясь из последних сил, она сказала:

— Если хотите жить, отпустите и ее, и меня. Вы не знаете, с кем сейчас имеете дело.

Державшие ее мужчины захохотали, им вторило жеребячье ржание двоих, по очереди насиловавших женщину.

Доктииракмотнул головой.

— Ой-ой, она сделает нам больно...

— ...богатая милашка, забежавшая не в тот переулок...

— Отдавай-ка сюда все деньги и, быть может, мы отпустим тебя.

— Не согласен. Я попользуюсь ею во всех режимах, когда она умрет.

Полный ненависти хохот. Новые смешки.

Знатный подлец вспорол шелковый корсаж ее платья, распахнул его до талии; лезвие царапнуло кожу, и она почувствовала запах собственной крови. Потом, шагнув за спину, он запустил руку в ее кудри, одним движением запрокинул голову назад и бросил Кеит на колени. Выхватив ее собственный кинжал, он принялся стаскивать с нее одежду, разрезая завязки белья, кружевной нагрудной повязки, шелковые ленточки трусиков. И снова порезал ее при этом... Ничтожные ранки, подобные пчелиным укусам, дали дорогу уже обволакивающему ее безумию. Кровь затмила глаза.

Вторая Кеит запела в восторге, ощутив чистейшее бешенство, ударом молнии вспоровшее и мозг, и нутро. Она извивалась как питон в руках своих похитителей заранее, еще не добравшись до жертвы, ощущая хлынувшую кровь, восхитительный хруст хрящей и костей под зубами. Предстояла охота. Охота. И убийство. Та, другая Кеит, улыбалась, и в горле ее зарождалось рычание. Ярость уничтожила все преграды между Кеит-женщиной и Кеит-зверем. Рычание нарастало. Нагая в объятиях ночи, рассудительная Кеит разом сдалась второй жизни в себе — восторженной, радостной, летучей и трепещущей, — стремившейся лишь сражаться, уничтожать, терзать и насыщаться в бурлящей запахами тьме.

Она вырвалась на свободу, повернулась и вцепилась в ближнего мужчину рукой, которая трансформировалась и менялась прямо перед ее глазами, — рукой, уже покрытой шелковистой, блестящей короткой шерсткой Карнеи; пальцы ее вмиг утолстились, выступили сухожилия, протянулись вперед убирающиеся когти.

Кеит смеялась, и в смехе этом уже не было ничего человеческого.

— Ты мой, — рыкнула она и вспрыгнула ему на плечи обеими руками и ногами, полностью превратившимися на лету в четыре широкие лапы; хребет вытягивался и изгибался, чтобы наделить ее тяжелым гнущимся хвостом. Мышцы переплетались, горели и текли под ее кожей, а когти уже раздирали грубую ткань куртки горенасильника, как в масло впивались в плоть груди. Нюхом она ощущала восхитительный аромат страха; из горла мерзавца уже рвался отчаянный визг. Улыбка Кеит стала еще шире, когда лицо ее превратилось в морду. Зубы в пасти сделались кинжалами. Сомкнув их, другая Кеит не дала своей жертве исторгнуть вопль, а, ощутив железо и соль, хлынувшие из разорвавшейся артерии, позволила себе насладиться ими — лишь на два последних биения сердца противника, а потом соскочила грациозным движением вверх и назад, таким образом разворачиваясь на лету, чтобы очутиться прямо перед потрясенным лорденышем.

Она разорвала его глотку мимоходом — уже на пути к следующей добыче, — прежде чем лапы ее коснулись мостовой. Третьим стал тот, кто держал ее за другую руку. Она вцепилась в него зубами, и негодяй рухнул.

Воспользовавшись общей растерянностью, она забрала три жизни; однако у четырех остальных сохранились и ноги и оружие, и теперь удача была не на ее стороне.

Четверо противников маневрировали в тумане, пытаясь охватить ее, окружить. Мечи были обращены к ней, и она знала, что находится в опасности. Их больше, они сильнее. В схватке зверя с человеком, лишенным оружия или вооруженным

только кинжалом, преимущество на стороне зверя. Но когда против тебя четверо бандитов с длинными клинками и глаза их горят жаждой убийства — шансы переходят к людям. Она только подумала об этом, как один из них прыгнул вперед и взмахнул мечом, оставив порез, протянувшийся от правого плеча к ребрам.

Она огрызнулась и нырнула под взметнувшийся снова клинок, зацепив нападавшего лапой. Кеит метила в голень, но рана оказалась неглубокой — хотя противник ее взвыл, он все равно остался на ногах. И тут она получила новый порез, на сей раз в левый бок, потому что не следила за одним из оставшихся сзади, и он воспользовался этим обстоятельством.

Она крутанулась, ощерилась, но ухватила зубами лишь воздух, когда второй, нападавший на нее, отступил назад с готовым к обороне мечом. Он ухмылялся: Кеит прекрасно видела блестевшие во тьме зубы. Он понимал, что она попалась. Как, впрочем, и она сама. Ей стало страшно. Она не хотела умирать.

Вот один из клинков дрогнул, и она бросилась на того, в чьих руках было это оружие; прорвавшись к телу, она вспорола мягкий живот когтями, и враг упал. Но пришлось заплатить за успех. Спина ее в этот миг была обращена к остальным, и они немедленно ринулись на нее: острый металл впился в загривок комариным укусом, удар, нанесенный в бок, метил во внутренности, но она успела увернуться прежде, чем клинок смог достичь цели.

Меня ждет смерть.

Здесь и сейчас.

И тут произошло чудо. Из переулка вынырнуло что-то темное, большое и ужасное. Обращенный спиной в ту сторону, грабитель только коротко вскрикнул, упал и больше не поднялся. Громадная тень — быстрая и отнюдь не бесплотная — в прыжке вспорола негодяю глотку, а потом метнулась к следующей жертве. У Кеит не было времени наблюдать за исходом этого поединка; она повернулась к последнему бандиту. Он был один, однако при оружии, невредимый и настороженный. Она сунулась справа, потом слева, притворилась, что собирается прыгнуть, целя ему в лицо, и когда враг занес оружие в надежде одним ударом вспороть ей чрево, бросилась ему в ноги. Кеит оказалась проворнее и, пока меч опускался к ее хребту, успела прокусить противнику ногу и отпрыгнуть. Впрочем, он все равно достал ее, и если бы в ударе было больше силы, Кеит полегла бы на этом самом месте. Однако ей повезло: он рубил, уже теряя равновесие. Кеит пошатнулась, мириады белых искр рассыпались перед глазами, боль ослепила ее.

Не в силах перевести дух, израненная, покрытая кровью, она ждала нового удара. Но незнакомец...

...Карней — тот, кого я почуяла в Доме Доктиираков; тот, что увязался за мной.

...Незнакомец набросился сзади на последнего из преступной четверки и впился в мякоть его ноги. Раненый с криком рухнул. Конец последовал незамедлительно.

Кеит ощущала, как метаболизм Карней жаром своим затягивает ее раны. От неглубоких не останется и следа уже к утру; те, что поглубже, зажить не успеют, однако и они исчезнут через день-другой. Благословенная половина ее проклятия. Она — чудовище, но чудовище это очень трудно убить.

— Пойдем, — сказал незнакомый Карней. — Стража слышала вопли.

Голос потрясал ее до самых костей, проникал в нутро, обладая какой-то гипнотической властью. Раздраженная, чувственная, полная страсти и вопросов, она отвернулась. Он не имел права так обращаться с нею; обрызганный кровью, он стоял неподвижно и ничего не предлагал; он лишь предостерегал ее от опасности, и тем не менее голос его пьянил, лишал ее воли... как благовонная каберра или тот запах, который она учуяла в Доме Доктиираков. Он был попросту несносен, и она перевела взгляд на женщину, жавшуюся к стене тупика.

Несчастная прижимала к груди остатки платья, глядя на Кеит и незнакомца такими глазами, словно эта адская ночь выплеснула на нее самый жуткий кошмар. И это было хуже всего. Кеит спасла ей жизнь, но, будучи Карнеей, могла ожидать от нее только страха и ненависти — быть может, даже предательства. Кеит хотелось ее утешить, помочь добраться в безопасное место, однако она не смела этого сделать.

Она заглянула в глаза скорчившейся женщине и оскалилась, обнажив острые как ножи зубы, а потом прорычала:

— Я знаю тебя. Знаю, где ты живешь, с кем молишься, по каким улицам ходишь. Сегодня я спасла тебе жизнь, но ты ведь не рада такому подарку от существа, подобного мне. А поэтому предостерегаю тебя... единственный раз: если ты посмеешь сказать кому-либо хоть слово о том, что видела здесь сегодня, я отыщу тебя в темноте, и следующего рассвета ты уже не увидишь.

Все еще связанными руками женщина вытащила тряпку изо рта. Содрогнувшись, она кивнула и прохрипела:

— Что же я должна говорить им тогда?

— Что ты ничего не видела. Что пыталась бежать, но эти сволочи ударили тебя по голове, а когда ты очнулась, то увидела их такими, как сейчас. Все иные слова превратятся в твою смерть — обещаю.

— Я ничего не видела, — шепнула женщина. Слезы текли по ее лицу. — Я ничего не видела... ничего не видела... меня ударили... я упала.

Кеит нужно было сделать кое-что еще. Порывшись среди трупов, она разыскала остатки своего платья и белья. Нашла туфли без задников, что были на ней, и кинжал. Любой предмет выдал бы ее с головой скорее, чем несчастная женщина; шелка эти создавали ткачи Галвеев по рисункам Семьи. И кружево было галвеевское — Роза и Терн. Пуговички на туфлях — опять-таки галвеевское золотое колечко; рукоять кинжала выложена ониксом и рубинами, на яблоке герб Галвеев, а на поперечине виноградные лозы оплетали ее имя. Все, что принадлежало ей, любая вещь могла стать немым доносчиком, который приведет солдат, жрецов и кровожадную толпу к ней и ко всем ее любимым.

Собрав пожитки потуже — насколько могли позволить лапы и когти, она взяла сверток в зубы и прыжками направилась по переулку. Препятствия оставались — на улицах были люди, следовало еще отыскать посольство и проникнуть внутрь, не попавшись на глаза никому из Семьи. Еще нужно было очистить разум, изгнать из мыслей все, что случилось сегодня, иначе ей не жить.

Но незнакомец бежал рядом с ней, молчаливый, прекрасный, обвораживающий. Свой собственный сверток он подхватил где-то на середине переулка и теперь несся рядом с ней... Наконец они достигли места, где лунный свет сплошным поцелуем покрывал все его тело. И тут он зашел вперед, остановился и повернулся к ней.

— В ожидании тебя я растратил всю свою жизнь.

Он был огромен, почти в два раза выше ее, массивный костяк облегали мышцы, вылепленные рукой скульптора, любящего свое творение. Глаза — голубые, окаймленные черным ободком — можно будет узнать даже после Трансформации, не способной изменить ни ошеломляющий цвет, ни редкий контур. Блестящий мех, медный с черными полосками, подчеркивал мощь мускулов, набухавших на широкой груди, круто опускавшихся на плечах и ниспадавших к ногам. Мощные челюсти раздвигала улыбка; крепкая, изогнутая, утончавшаяся к голове шея не уступала в силе и изяществе волку. Оба уха его пронзали золотые кольца, а там, где шея переходила в грудь, искрился серебром медальон на прочной, того же металла, цепи. Герб был виден прекрасно: два дерева-близнеца, сплетающие свои изогнутые ветви, на коих рядом с изящными листьями соседствуют спелые плоды. Герб Сабиров... очаровательный рисунок, если забыть утверждение членов этой семейки, будто одно дерево дает добрый плод для Сабиров и их друзей, а второе — отравленный, для врагов.

Кеит принадлежала к Галвеям. Значит, перед ней враг — между ними лежит пять столетий взаимной ненависти. Такой, как сейчас, она стала из-за проклятия, которое один из чародеев Сабиров наложил на ее предка Галвея. Ну а тот, что стоял перед ней, обрел этот облик потому, что проклятие, отравив наследственность Галвеев, пало и на проклинавшего. Пятьсот лет вражды, а он утверждает, что всю жизнь искал ее.

Но самое худшее заключалось в абсолютной неотвратимости ее влечения к нему. Она помимо воли стремилась поверить ему и сказать именно то, что думает: она хочет его. Все это, конечно, смешно: оставаясь в пределах реальности, она попросту не могла желать Сабира хотя бы потому, что не знала его. А если бы вдруг обстоятельства сложились иначе — она могла бы только ненавидеть его как принадлежавшего к Семье врагов. Да и ему тоже неизвестно, кого она собой представляет, — иначе уже перегрыз бы глотку.

Он смотрел на Кеит, ожидая, как она поступит дальше.

Позволив свертку выпасть из зубов, она легонько прижала его лапой, чтобы нетрудно было поднять. Притворство позволит ей улизнуть.

— Спасибо, — произнесла Кеит с холодным спокойствием, столь не соответствующим ее неистовым чувствам. Она каким-то образом знала его, хотя не видела ни разу в жизни. Знание это намного превосходило обычное определение личности; здесь скорее имела место исходящая из костей, из недр существа уверенность женщины, которая где-то за углом людной городской улицы попала прямо в объятия суженого, друга души ее.

Мой враг. И моя душа.

Нелепость. Кеит хотелось смеяться — и благодарить за то, что она не верит в судьбу.

Моя душа. Мой враг.

— Пойдем со мной, — предложил он. — Останься со мной.

Глубокое, словно из-под земли рычание превратило ее свирепый голос Карнеи в тонкий и нежный звук.

— Я должна вернуться домой.

— Но я хочу тебя.

— Стража уже близко, — заметила она. — Разве ты не слышишь?

Ей казалось, она лжет, но, уже произнеся эти слова, Кеит обнаружила, что не ошиблась. Дружная и ритмичная двуногая поступь приближалась по улицам. С ней приближались пока еще негромкие голоса.

— В сторону! Обыскать тот переулок! Быстрее, люди, мы можем потерять их.

Какой-то миг он колебался. Но только миг.

— Найди меня, — сказал он. — Прошу, найди.

Он взял в зубы свой сверток и повернулся, готовый бежать. Она последовала за ним, и они бросились к выходу из переулка, втянув когти и производя не более шума, чем ветер, стелющийся по мостовой. Как только выскочили на улицу, оба быстро свернули направо, в гору, подальше от приближающейся стражи.

Какое-то время они бежали рядом, иногда соприкасаясь боками, иногда отскакивая. Мускулы ее напрягались и расслаблялись, спина собиралась и выпрямлялась, тело пело под ветерком, ласкавшим кожу, пело от радости движения и от этого чуда близости к нему, пусть даже временной. Мирозданием были наполнены все ее чувства: сладостным запахом ночи, мускусным благоуханием Карнеи, зелеными растениями; запахами еды, приготовляемой городскими червями — обитателями близлежащих улиц; ровным плеском воды в фонтане, далекими голосами, тихим попискиванием ночной птицы над головой, серебряным светом поздней луны, сочащимся сквозь извилины тумана, который изящным кружевом застлал деревья и здания; округлыми камнями мостовой под ногами, прохладной сыростью, оседающей на ее густой шерсти. Уколами заживающих ран, пламенем воздуха в легких, радостью жизни. Позже, вновь сделавшись человеком, она пожалеет о деяниях своей чудовищной половины. Но Карнее-Кеит не о чем было жалеть. Она наслаждалась. Блаженствовала. Она осталась в живых, насильники и убийцы погибли, и смерть их наполняла ее яростным счастьем.

Странный Карней повернул в сторону, вниз и влево по боковой дороге. Кеит осталась на прежней: она наконец узнала, где находится. Случай привел ее на знакомый путь домой. Еще один квартал, еще один поворот направо, и перед ней окажется высокий зубчатый забор, со всех сторон отделявший посольство от города. Карней-Сабир уже исчез из виду; спасая свою шкуру, он не станет разыскивать ее. Хорошо. Так она сумеет прожить дольше.

Кеит осмотрительно замедлила ход: пока она в этом обличье, члены собственной Семьи для нее не менее опасны, чем враги. Она не могла допустить, чтобы ее увидели. Предстояло миновать стражу, перебраться через забор, подняться по каменной стене на третий этаж в отведенную ей комнату. Отправляясь на прием, она не стала закрывать ставни и окно: ее второе «я», Карнея, терпеть не могла замкнутых помещений вместе с их запахом, и чем сильнее нуждалась она в Трансформации, тем острее становилось это чувство. Это было сейчас на пользу Кеит — в отличие от всего остального.

Припав к земле в парке на противоположной стороне улицы, Карнея-Кеит следила за стражей, расхаживающей

за забором, и видела, как пара, движущаяся в одну сторону, через определенное время сменялась парой, проходящей в обратном направлении. Не одну бессонную ночь ей приходилось следить за ними сверху. Интервалы сегодняшним утром были короче обычного: в карауле находилось больше людей, проявлявших к тому же больше внимания. Встречавшиеся пары не перекидывались шутками, не перекликались... За забором явно ожидали неприятностей. Может быть, ее отсутствие в экипаже, доставившем Типпу домой, или путаная история, которую сумела поведать невеста, вызвали тревогу в посольстве. Чтобы пробраться незамеченной между караульными, Кеит предстояло действовать быстро и точно. Впрочем, на стены дома они не смотрели — второе ее преимущество.

Кеит украдкой пересекла улицу и приблизилась к забору — насколько было возможно. А затем принялась ждать. Прошли два стражника. Туман укроет ее от глаз, однако усилит малейший шум, произведенный ею. Пара караульных как раз удалилась от нее на вполне приемлемое расстояние; противоположная пара уже близко подошла к углу дома, и до второй пары, движущейся прямо, оставалось совсем немного.

Тогда Кеит взлетела в воздух, сжав зубами сверток. Подобравшееся тело разжалось в воздухе как пружина и вознеслось на два роста крупного мужчины, прямо наверх забора. Все четыре лапы нашли опору; спина изогнулась дугой, чтобы избежать укуса шипа, над которым ей пришлось поместиться; хлестнул хвост, чтобы сохранить равновесие.

— Ты слышал? — донеслось слева...

— Похоже... кто-то встряхнул забор.

— Да. Впереди?

— Не понял. Вся проклятая штуковина загремела.

Теперь они остановятся и начнут проверять. Может быть, даже вернутся к ней. Она не могла допустить, чтобы ее заметили. Смерив глазом расстояние, соскочила вниз плавным движением кошки — хотя, заметив сейчас Кеит, никто не подумал бы сравнивать ее с этим зверем, — и приземлилась на подстриженную траву по ту сторону твердой дорожки. Легчайший шелест приземления слышала только сама Кеит, стража не могла различить этот звук: его заглушали их собственные голоса. Еще один прыжок через кусты, несколько крадущихся движений за ними — и она оказалась под самым своим окном, успев убедиться при этом, что со свертком ничего не случилось; все вещи были на месте и никоим образом не могли превратиться в улику против нее. А потом подождала, пока мимо не проследовала следующая пара стражников, внимание которых было обращено на забор и предыдущую пару.

Хорошо.

Она полезла наверх к окну по грубым камням стены — для надежности расставив пошире конечности, цепляясь когтями в каждую щель, пластаясь телом по поверхности. А потом наступил миг тревоги — когда на уровне второго этажа туман остался внизу. Безжалостная луна вычерчивала ее силуэт — мохнатое черное чудище на ослепительно белом камне. К счастью, никто из стражников не удосужился посмотреть вверх. Буквально влетев в окно, Кеит распростерлась на полу своей спальни; тут наконец иссяк владевший ею доселе порыв смешанного со страхом отчаяния, и дикая Карнея вновь уступила место отупевшему от пережитого, ощущающему свою вину созданию, внешне вполне похожему на человека, но совершенно неспособному стать им.

Кеит-женщина как следует смыла с себя во тьме кровь, оставленную Кеит-чудовищем. Окровавленный сверток она запихнула под кровать, набросила ночную рубашку. А потом упала в постель, сразу погрузившись в мир кошмаров и ужасов, где духи только что убиенных ею преследовали и ловили ее, где кровь не смывалась с рук, а судьба, которой она не смела поверить, насмешливо нашептывала на ухо: *твоя душа, твой враг; враг твой, душа твоя.*

Дугхалл Драклес обернулся к капитану стражи.

— Все, — сказал он, — не вздремнув, я стану ни на что не годен. Будите меня в любой миг — сразу же, как только что-нибудь обнаружите. Я буду у себя.

Капитан кивнул.

— Вы думаете, сэр, с ней случилось то же, что с Даней? Что ее похитили?

— Что я думаю? Не знаю, что и подумать. Если это похищение, значит, скоро к нам заявятся требовать выкуп. Но тут, по-моему, похищением не пахнет. Так говорит мое нутро. А следовательно, с ней могло случиться все что угодно. Кеит не знает города; если она пыталась вернуться домой пешком, то могла попасть в скверный переулок, где ее ограбили... или еще хуже... — Он отвернулся. Жаль, что она не рассказала Типпе о причинах своей отлучки... о том, что обнаружила там. Тогда я по крайней мере знал бы, где начинать поиски.

Его люди уже выследили принцев, пытавшихся напоить Типпу и таким образом посрамить ее и весь Род Галвеев. Они принадлежали к небольшой группе фанатиков Гиру-налле, в чьих глазах союз между Галвеями и Доктииракими означал конец независимости Гиру-налле на спорной территории, лежавшей между землями обеих Семей. Все трое намеревались молчать до конца... до тех пор, пока не поняли, что допрашивают их по поводу исчезновения посла, а не их доморощенного плана дискредита-

ции Дома Галвеев. В случае их участия в похищении посла любого Семейства Гиру-налле, живущих на Иберальском полуострове, изловили бы и истребили до последнего человека. Семьи держали свою власть над низшими слоями народа Иберы железными когтями, орлиной хваткой и не питали никакого уважения к царственным главам, более не увенчанным коронами давно почивших империй. Посему принцы Гуру-налле говорили торопливо и рьяно — не без поощрения со стороны хозяина посольского застенка, — и Дугхалл, выслушав ответы, был удовлетворен тем, что никто из этих троих не имеет никакого отношения к исчезновению Кеит.

Он направился к своим апартаментам, и утомление, рожденное ночью, которую он провел в предчувствии несчастья, лишь добавляло усталости каждому его шагу. Мало того что пропал посол, так надо было, чтоб им оказалась Кеит. Родственников у Дугхалла имелось, пожалуй, чересчур много, и большую часть из них он терпеть не мог. Но Кеит была точной копией его любимой сестры Грейс — изящной, темноволосой, прекрасной, наделенной отвагой юной львицы. Ему будет горько, если с ней что-либо произойдет.

Путь его пролегал мимо комнаты Кеит; повинуясь порыву, Дугхалл остановился возле ее двери. Быть может, следует зайти и просмотреть ее вещи — на случай, если там удастся найти хотя бы намек на участь девушки. Дугхалл был уверен: поиск окажется безрезультатным, однако инстинкт подсказывал ему, что Кеит не похитили, даже настаивал, чтобы он зашел внутрь.

Поглядев в оба конца коридора, Дугхалл убедился, что следить за ним некому. Здесь, в пустом коридоре, он имел небольшое преимущество: шпионам бесполезно прятаться в комнатах, а торчать все время в коридорах им незачем, потому что все дела, интересующие чужих соглядатаев в посольстве, как раз и совершаются за закрытыми дверями. Тем не менее только дурак предаст Соколов, самым примитивным образом взломав закрытую дверь. Впрочем, в коридоре никого не было, и он решил пойти на некоторый, тщательно взвешенный риск. Достав кинжал, Дугхалл коротким и легким движением полоснул лезвием по указательному пальцу левой руки — лишь для того, чтобы выпустить капельки крови, не более. Когда края разреза увлажнились, он пробормотал несколько слов, и слабое лучистое свечение охватило руку. Дугхалл прикоснулся рукой к замку, расположенному над ручкой двери Кеит. Мысль — искра света — перескочила с его пальца на гладкий металлический цилиндр — и дверь отворилась.

Кеит лежала в постели, забывшись беспокойным сном, покрывало съехало на пол, ночная рубашка задралась, открывая на правом бедре, ноге, руке и лице несколько свежих шра-

мов и пятен, похожих на кровь. Во сне она стонала и шевелила ногами, дыхание было частым и жестким. Как будто бежала за кем-то.

Дугхалл нахмурился. Закрыв глаза, он принялся изучать слабое сияние, окутывающее распростертое на постели тело, которое было видно теперь его внутреннему взору. Странно, что за все время знакомства с Кеит он ни разу не заметил этого. Еще более странно, что он и не подумал посмотреть внимательнее. Печать волшебства светилась на ней и как будто тускнела у него на глазах. Впрочем, это волшебство не принадлежало ни Волкам, ни Соколам. Кеит одновременно была источником сияния и им не являлась. Он совсем помрачнел. Тайна за тайной: как сумела она пробраться в комнату мимо разыскивающей ее стражи, как исчезла перед этим, откуда взялись эти загадочные шрамы и этот едва уловимый запашок магии, который исходил от нее, несмотря на то что он ЗНАЛ: Кеит никогда не училась волхвовать?

Эти тайны еще надлежит уяснить, и немедленно. Но не настолько быстро, чтобы срочно будить Кеит. Возможно, простое ожидание поможет ему постичь нечто полезное.

Устроившись в кресле напротив ее постели, он окружил себя щитом, который дрогнет в миг ее пробуждения, и запрокинул голову. Через несколько минут он провалился в глубокий сон.

Хасмаль сыпал левой рукой соль на поверхность зеркала. Кровь, которой он нарисовал треугольник, впитывала ее. Он пососал большой палец правой руки — ему несдобровать, если на зеркало упадет случайная капля, тогда он будет призывать Говорящую. Его сожрут — или еще хуже.

Хасмаль произнес первые строки заклинания:

Ныне снова стань, и вновь
Пусть тебя удержит кровь.
Воздух, почва, легкий пух
Да удержат тебя, дух.
Словом, волей появись,
Правду молвить поклянись.
Лишь добро твори у нас,
А отпущен, сей же час
Отправляйся прямо в ад
И не приходи назад.

Соль на зеркале вспыхнула. Бледно-голубые язычки дрогнули на мгновение, а потом зажглись ровным светом. В центре же пламени родилась крохотная искорка, превратившаяся в

точное подобие женщины ростом не более указательного пальца Хасмаля.

Она внимательно смотрела на него, длинные огненные волосы колыхал ветерок, никогда не вырывающийся за пределы пылающего треугольника.

— Что ты хочешь узнать?

Голос ее казался негромким и ласковым — даже самый тихий шепот Хасмаля был бы слышнее, — и тем не менее он был явственным. Она говорила из невообразимой дали, сквозь непрестанное рыдание ветра, дующего меж миров, и слова достигали ушей его лишь с помощью волшебного подобия ее — фигурки, стоявшей в тот миг на стекле.

Откашлявшись, Хасмаль пригнулся пониже к стеклу, прикрывая своим телом льющийся от нее свет.

— Сегодня я встретил женщину. Она увидела меня — сквозь мою защиту — хотя не могла, не была способна этого сделать. Я назвал ей свое имя — против собственной воли. Она испугала меня. Она не такая, какой кажется. Не причинит ли она мне вред?

— Не сейчас... позже, потом. Хасмаль, сын Хасмаля, ты — сосуд, избранный Возрожденным; тебе суждены боль и слава. Твое жертвоприношение возвратит величие Соколам; имя твое будет почитаться во все времена.

— Мое жертвоприношение?

Хасмаль ощутил, как сердце его сжалось в твердый крохотный комок. Заслужить почитание, конечно, хорошо, однако те, кого почитали Соколы, обычно оказывались усопшими, причем их кончина была ужасной.

Женщина взмахнула крошечной ручкой, и Хасмаль увидел в пламени, как родителей его прибивают гвоздями к Великим Воротам. А потом узрел, как его самого бьют и пытают люди, облаченные в ливреи одной из Пяти Семей, как они сдирают с него кожу живьем; затем Хасмаль увидел, как, лишенный кожи, стоит он посреди Халлеса, а толпа веселится и кидает в него гнилыми плодами. Наконец, солдаты привязали его конечности к четырем лошадям и погнали животных в разные стороны.

Хасмаль, казалось, вот-вот лишится сознания. Конечно, он не рассчитывал, что его попросят принести в жертву черного козла и мешок золота... жизни родителей, а вместе с ними свою собственную...

Изображения растаяли; крошечная женщина смотрела на него искренними глазами.

— Твои деяния заставят людей возлюбить тебя. Ты будешь жить вечно — на страницах *Тайных Текстов* и в сердцах всех последующих Соколов.

Хасмаль отвернулся от нее, пытаясь стереть из памяти вид собственного, ободранного до мяса тела, раздираемого на четыре части четырьмя несущимися лошадьми.

Обойдемся без славы, решил он. Лучше жить в настоящем, чем на страницах книг.

Поглядев на Говорящую, он поежился.

— А могу ли я избежать подобной судьбы?

Какое-то мгновение до него доносился лишь вой потусторонего ветра. А потом она усмехнулась.

— Можешь попытаться.

— Как? — спросил он.

Но огонь на стекле уже угасал и вдруг разом потух. Говорящая исчезла, а на зеркале не осталось ни крови, ни соли.

Можно было пустить кровь снова, чтобы вызвать другую Говорящую и, если повезет, добиться от нее нужных сведений. Однако ворожба стоила ему затрат энергии. Хуже того, она требовала и времени. Потраченную на новое заклинание энергию нетрудно возместить, только никто не вернет ему назад потраченного времени.

Странная женщина обещала найти его. И судьба Хасмаля, жизнь и участь его родителей были каким-то образом связаны с ней. У Хасмаля не было оснований надеяться на то, что он сумеет избежать предсказанной Говорящей кончины; в то же время никто не гарантировал ему спасения родителей. Впрочем, если он покинет Халлес и женщина не найдет его, тогда, быть может, и ему, и родителям удастся избежать опасности.

Поднявшись, он вставил зеркало обратно в раму и вышел из кладовой. Придется собрать пожитки и сразу уйти. Он не посмеет прощаться с родителями: отец потребует объяснений, захочет узнать, почему его солидный, надежный и решительно не склонный к приключениям сын вдруг собрал мешок и зайцем ринулся невесть куда. Ну а если старик заподозрит, что сын его намерен таким образом уклониться от исполнения священного долга перед Соколами, тогда он сам выдаст его Доктииракам, а после в припадке раскаяния сам же прибьет себя и жену к Воротам. Старший Хасмаль не одобрит попытку увильнуть от высшего предназначения — особенно того, что возвысит его возлюбленных Соколов.

Хасмаль-младший не был столь предан этому древнему тайному ордену и не проявлял чрезмерного пыла в служении ему. Собрав все самое необходимое магу, экземпляр *Тайных Текстов* и те небольшие деньги, которыми располагал, он задумался — не о службе Соколам, но о том, где укрыться и как попасть туда.

Глава 6

Погрузившись в сон, Кеит слышала подле себя чужое дыхание и чувствовала на себе пристальный взгляд. И несмотря на сновидения, в которых она все бегала и Трансформировалась, ощутила присутствие незнакомца, вторгшегося в ее царство. Сопротивляясь могуществу сна, понимала, что должна проснуться; сознавала, что сейчас беззащитна и некто может выпытать ее тайну, однако не в силах была выпутаться из сомнительных глубин, рожденных всем пережитым ею в облике своего второго «я».

Кошмары разрывали и терзали ее. Кеит видела того Сабира в обличье Карнея: он бежал к ней, она удирала, а он догонял. На сей раз он явился не за тем, чтобы избавить ее от насильников и убийц, он пришел потому, что хотел ее. Он прикоснулся к ней, поцеловал, и разум ее ужаснулся — ведь обычным желанием она предавала Семью — и повелел ей спасаться бегством, пока она еще способна на это. Но слабость превозмогла разум. И она сделала то, чего не должна была делать. Она ответила на его страсть — и родичи ее толпами гибли в застенках его Семьи, пока, забыв о долге, она удовлетворяла свою похоть. Потом сон преобразился: неукротимая и беззаботная, она бежала, вдыхая пьянящий запах земли, густых тропических зарослей, леса и поля... нет, на самом деле она плыла с невероятной скоростью, и ноги ее не касались земли. И все это время ее преследовало нечто омерзительное. Источаемый преследователем запах возникал из самой земли, отравляя воздух, которым она дышала. Жимолость. Сладкая жимолость. Запах этот вселял в нее первобытный страх — неведомо почему она понеслась вдоль края утеса, вдруг возникшего из ниоткуда, и почему-то оказалось, что она бежит рядом со своей кузиной Даней. Обе они вновь стали девчонками и, обследуя окрестности Дома, пробудили там нечто древнее и злое — она понимала это, не зная причин, — и проснувшееся чудовище хотело их погубить. А потом утес обрушился под ними, и они с Даней упали вниз. В воздухе Кеит вновь начала Преображаться, панически боясь, что кузина теперь увидит ее и откроет секрет, который она так усердно оберегала. Невзирая на все попытки Кеит управлять Трансформацией, руки ее превратились в передние ноги, потом распластались крыльями... но они непрестанно падали. Беспомощная, валилась она в пропасть, а земля внизу становилась все ближе и ближе.

С бьющимся сердцем и пересохшим ртом, Кеит пробудилась как от толчка. Она не шевелилась, не открывала глаз — кто-то *находился* в ее комнате. Запах сообщил ей, что это дядя Дугхалл; неровный мурлыкающий храп свидетельствовал, что он спит

в кресле у двери. Когда же он очутился здесь и почему решил дожидаться ее пробуждения, вместо того чтобы разбудить? И — что более важно — какую часть своей природы выдала она во сне?

Тело ее болело; оставалось только мечтать, чтобы она смогла забыть о несчастьях минувшей ночи, забыть этого сына Сабиров.

Еще ей хотелось прошмыгнуть мимо Дугхалла, сумев не разбудить его, и перекусить прежде, чем придется отвечать на кучу вопросов. Она испытывала волчий голод — тело требовало платы за Превращение, быстрое исцеление, колоссальную силу и скорость. Тело нуждалось в пище; если оно не получит необходимого, то вгонит ее поначалу в отчаяние, а потом в смертельную, не поддающуюся укрощению ярость. Чем дольше придется ожидать еды, тем скорее вырвется из-под контроля ее темперамент. Но в тот самый миг, когда она открыла глаза, Дугхалл проснулся, словно подброшенный пружиной. Храп превратился в фырканье, удивленные глаза широко распахнулись, и он подскочил, зевая.

Тем самым он лишил ее всякой надежды на завтрак перед неизбежным допросом.

— Доброе утро, дядя. — Кеит пыталась изобразить на лице самое безмятежное выражение.

Потребовался один миг, чтобы Дугхалл припомнил, где находится и каким образом очутился здесь. Кеит наблюдала, как информация из мира снов, где он только что пребывал, фильтруется в его глазах, и заметила, что удовольствие постепенно оставляет его, вытесняемое... чем же? Тревогой? Страхом? Гневом? Однако все, что она могла там заметить, исчезло под маской спокойствия, подобающей дипломату, прежде чем она сумела дать имя своим наблюдениям.

— Что случилось? — спросил он.

Что и в каком объеме можно ему рассказать? Дугхалл не был старшим среди посланников в Халлесе. К самому посольству он имел косвенное отношение — невзирая на важный пост: на острове, дававшем Галвеям запасы каберры, туземцы видели в Дугхалле бога и не хотели иметь дел ни с кем, кроме него. У него были и власть, и престиж, и в данный момент он представлял Семью как уважаемый и опытный государственный деятель. Однако он не был главой посольства в Халлесе, и не ему придется решать, как поступить с Доктиираками и Сабирами. Следуя протоколу, она могла бы ответить Дугхаллу, что не имеет права обсуждать с ним эти вопросы, и без промедления отправиться наверх к Элдону Галвею, на котором и лежит вся ответственность. Но для Элдона она всего лишь младший сотрудник посольства, пока не имеющий реального веса. Дугхалл Драклес, напротив, видит в ней любимую племянницу, молодую жен-

щину, которой он помог поступить на дипломатическую службу. Кроме того, дядя Дугхалл, рассуждала она, обнаружит меньше желания задавать трудные вопросы.

Учитывая все это, Кеит ответила:

— Во-первых, я раскрыла заговор.

Он приподнял бровь.

— Между Сабирами и Доктииираками.

Кеит следовало бы испытывать радость от того, что сведения о заговоре уже известны членам Семьи, способным принять необходимые меры, однако она, напротив, была разочарована. Кеит надеялась, что, рассказав Семье о своем открытии, разоблачив измену, предупредив поражение, откупится от греховного влечения к Карнею-Сабиру. Она прикрыла глаза.

— Ты уже знаешь об этом?

— Я видел одного из Сабиров на приеме в честь Дня Именования, его вел разряженный челядин. Не имею ни малейшего представления, что он там делал.

Глядя ему прямо в глаза, Кеит ответила:

— Я знаю.

И она пересказала подслушанный разговор между параглезом Доктииираков и его слугой.

Когда она закончила, Дугхалл какое-то время неотрывно смотрел на нее; лицо его, губы и стиснутые руки побелели. Наконец он промолвил:

— Милостивые боги, девочка, это кошмар. Так, значит, они замыслили нападение во время свадьбы? Самую настоящую битву. А я-то думал, в худшем случае поганые Сабиры заискивают... предлагают собственный брак, чтобы ослабить наш альянс. — Он долго рассматривал тыльную сторону своей ладони, прежде чем негромко сказать: — Если я смогу подтвердить твои слова, значит, ты доставила ценную информацию. Кеит-ча, расскажи мне, каким образом тебе удалось ее добыть?

Возвращаясь ночью домой, Кеит успела как следует продумать ответ на этот вопрос. Она уже наизусть заучила ложь.

— Я почувствовала себя плохо и отправила Типпу домой в экипаже, потому что она флиртовала с тремя Гиру-налле и каким-то образом умудрилась напиться; кроме того, я не заметила возле нее ни одной из компаньонок, которым вменялось не оставлять ее. Я хотела, чтоб она покинула Дом Доктииираков до того, как выкинет какую-нибудь глупость. А это могло случиться в любую минуту.

— Я... уже слышал об этом... от принцев. Сегодня ночью. Их сообщники по заговору из челяди Доктииираков одурманили обеих компаньонок и оттащили в сторонку — к наложницам, — чтобы женщины казались пьяными; они рассчитывали по-

добным образом унизить нашу Семью. — Он взмахнул рукой. — Это уже улажено. Продолжай.

Она искоса с любопытством глянула на него. Типпа — в том состоянии, в каком она пребывала вчера, — могла поведать Дугхаллу намного больше полезного. Не пользуется ли Дугхалл столь же необычными методами приобретения информации, как и она сама, подумала Кеит. Как смог он выследить троих принцев? Как сумел их обнаружить? Припав к каменной стене, она закуталась в одеяло.

— Я отошла в боковой коридор, рассчитывая обнаружить там фонтанчик с водой. Голова у меня закружилась, и я оперлась на статую, а когда дурнота прошла, я поняла, что слышу голоса. Прислушалась — они говорили о таких вещах, которые представляют для нас интерес, и я спряталась за статую. Когда параглез уходил, я видела его воочию.

Закрыв глаза, она пыталась вспомнить бледного, приземистого человека, прошедшего мимо нее по коридору так близко, что она ощутила дуновение на лице. Весьма похож на жабу, заметила она и поглядела на дядю.

— Он приказал убить гостя — параглеза, прибывшего с Территорий, — чтобы оправдать свой уход с приема.

Дугхалл нахмурился, и Кеит уже решила, что сказала не то, но он промолвил:

— Проклятие! Этот факт подтверждает твой рассказ. Один из наших гонцов явился в посольство почти сразу же после прибытия Типпы с вестью, что параглез Идрогар Пендат из Старого Джирина скончался ночью от внезапной лихорадки. И меня отнюдь не радует то, что смерть его послужила просто удобным обстоятельством.

— Ты, кажется, не удивлен.

Едкая, невеселая улыбка Дугхалла не могла принести утешение.

— Совершенно. Пендат предполагал, что найдет в Доме Доктиираков приют и безопасность, потому что сам принадлежит к Семье. Однако появление в Доме новых лиц создает возможность для любых перемен, и если гость не осторожен, он зачастую рискует оказаться пешкой в чужой игре. Кстати — мертвой.

— Но он же не принадлежит к *Семье*. — Для Кеит это понятие было священным.

— Не все семьи похожи на нашу, Кеит-ча, — ответил Дугхалл.

Девушка кивнула. Ей было известно, что Сабиры тяготеют к злу. И Доктиираки — когда ее представляли им — не произвели на новоиспеченную дипломатку благоприятного впечатления. Впрочем, не более чем субъективное, ни на чем не основанное восприятие этих людей. Но главный из них приказал убить человека, что-

бы оправдать свое временное отсутствие на приеме. И этот факт придавал слову «зло» доселе неизвестные ей очертания.

Кеит попыталась заглушить голод, сконцентрировавшись на Дугхалле. Она понимала, что должна быть начеку... Однако пребывание в шкуре Карнеи требовало своего: ей хотелось есть. Очень. Лицо Дугхалла расплывалось перед глазами, голос его доносился откуда-то издалека — словно с другой стороны просторного поля.

— Ну а что случилось, когда ты возвращалась домой? — спросил он. — Войдя сюда, я не мог не заметить крови на твоих ногах, руках и лице.

Руки ее взлетели к лицу, она почувствовала, что краснеет.

— Я думала, что смыла все.

Он кивнул.

— Так что же случилось?

На сей раз у нее не было времени на сочинение убедительной лжи.

— На меня... напали, — призналась Кеит, — когда я возвращалась домой. Грабители.

Она поежилась.

— Мне повезло... Одного я уложила припрятанным в юбке кинжалом, как только он принялся угрожать мне, а потом объявился какой-то незнакомец и прогнал остальных. Я испачкалась в крови, но уцелела.

— Тебе действительно повезло. На улицах этого города опасно. Могло случиться и худшее.

Она только пожала плечами.

— Если я сумею подтвердить еще не проверенные части доставленной тобой информации, я передам все Элдону, — промолвил Дугхалл. Кеит опустила голову, думая более о съестном, чем о его словах. Но следующая фраза вернула ее помыслы к настоящему. — Во всяком случае, нам необходимо сохранить лицо сегодня — на празднике Имен. Доктииараки устраивают парад и нечто вроде празднества на главной городской площади. Я хочу, чтобы ты была там, поскольку отлично поработала вчера, защищая Типпу, более того — сумела оказаться в нужном месте в нужное время и получить сведения, в которых отчаянно нуждается твоя Семья. Я не склонен объяснять успехи подобного сорта одной лишь удачей. Тут уж действительно не обойтись без определенных способностей. Быть может, тебе сегодня повезет еще раз. Вечером я пригляжу, чтобы тебе дали рекомендацию. — Взгляд его обратился к тыльным сторонам рук. — А может быть, и пост.

Дугхалл заметил восторг в ее глазах и улыбнулся.

— Пост, впрочем, не обещаю. Ты еще слишком молода, Кеит.

— Понимаю!

— Что касается праздника... — добавил он, — приготовься уйти со Стурой. Церемония начинается в Дьюи, посему мы должны быть рядом с Доктиираками на руинах этой башни.

Кеит подумала, что ослышалась.

— Они устроили заговор против нас, а мы будем сидеть рядом с *ними* в этой проклятой башне и изображать радость по поводу их праздника? — изумилась она.

Дугхалл широко улыбнулся.

— Именно. Мы отправимся туда и как следует повеселимся. Скажу больше — мы будем великодушны и полны понимания относительно ситуации с Типпой и принцами; наша компаньонка оказалась такой же никудышной, как и их собственная, и не смогла защитить ее... Что ж, в наши дни трудно отыскать действительно надежного человека. И пока мы будем валять дурака, наши люди здесь, в посольстве, постараются обратить замыслы врагов против них же самих. — Он усмехнулся, качнул головой, как если бы вся эта история забавляла его, а потом встал. — Не надевай ничего оранжевого. Весь первый месяц Нового года у Балтосов этот цвет считается несчастливым. Ты, конечно, еще не ела?

— Нет. Ни крошки.

— Ты голодна?

— Как волк.

Открыв дверь, Дугхалл обернулся к ней и сказал:

— Тебе придется поторопиться... Незачем ходить на кухню. Тебе подадут прямо сюда.

— Если мне принесут меньше, чем нужно, я сожру того, кто принесет сюда еду. — Должно быть, голод лезвием блеснул в ее голосе, потому что Дугхалл поглядел на нее странным взглядом. — Пусть мне принесут мясного. И без приправ, которыми здесь пичкают все что угодно.

Он рассмеялся.

— Специй не любишь по-прежнему, а говоришь, что выросла! Я прикажу, чтобы тебе сюда пригнали барашка, и поступай, как знаешь.

Все еще усмехаясь, Дугхалл переступил порог и закрыл за собой дверь, однако тут же просунул голову обратно. На лице его еще играла веселая улыбка, и Кеит ухмыльнулась.

— Что-то забыл?

— Ничего существенного. А как ты попала сегодня ночью к себе в комнату?

Мысли ее и так путались. Голод притупил реакцию. Хуже того, вопрос застал ее совершенно врасплох и задан был таким непринужденным тоном, что она не почувствовала опасно-

сти. Не успев остановить себя, Кеит посмотрела на окно, через которое вчера влезла. Логичная ложь запоздала, но она все-таки попробовала прибегнуть к ней.

— Конечно, я вошла через парадную дверь, — обронила она.

Улыбка исчезла с лица Дугхалла столь быстро и бесповоротно, что Кеит сразу поняла, дядя разыграл всю эту сценку и этот вопрос постоянно был у него на уме: Дугхалл просто дожидался, пока она расслабится. Расслабится настолько, дабы увериться в его способности забыть, что ее не видели и не зарегистрировали у ворот.

Не обращая внимания на ложь, он вернулся в комнату. Подошел к окну, распахнул ставни, перегнулся и посмотрел вниз. Комната ее располагалась на третьем этаже, и хотя камень был неровным, заметной опоры для рук и ног он не предоставлял. Кеит знала, что именно он видит, знала и то, что женщине не по силам подняться по этой стене, к этому окну.

— Ну что ж, переговорим позже, с глазу на глаз, — подытожил Дугхалл. Хорошее настроение напрочь исчезло с его лица. Однако оно не выглядело и сердитым. Кеит вообще не могла истолковать его выражения. — А пока ешь и готовься сопровождать меня на праздник Имен.

На сей раз Дугхалл ушел окончательно. Кеит смотрела на окно, ненавидя себя за глупый ответ, гадая, не погубила ли одним-единственным бездумным взглядом свои шансы попасть в дипломатический корпус Галвеев... не выдала ли себя...

Или хуже: не обрекла ли на смерть своих родителей, сестер и братьев.

Дугхалл спешил к себе в комнату, погруженный в нелегкие раздумья. Кеит полна тайн, и ему придется потратить неизвестно сколько времени, чтобы вывести ее на чистую воду. Семья не может доверять свою дипломатию людям, что-то скрывающим и потому способным дать врагам основания для шантажа.

Тем не менее то, что скрывала Кеит, казалось потенциально полезным. Если вся ее история о Сабирах и Доктииираках выдержит проверку, значит, она выиграла золотой мячик в шпионской игре. Остается только узнать, каким образом удалось ей это сделать? Магические способности разума? Какая-то форма невидимости? Обладание предметом, наделявшим ее неведомыми талантами? Что бы ни сделала Кеит, она станет лучшим дипломатом в Семье, если сумеет повторить нечто подобное еще раз.

Далее. Рассказ о пустяковом нападении грабителей и случайном избавителе также не вызывал никакого доверия. Во-первых, на ее руке и ноге остались длинные шрамы; девушка вся была покрыта кровью. Слишком серьезные раны для орди-

нарной стычки. Во-вторых, выкладывая свою версию, она так и не сумела посмотреть ему в глаза. Если девочка надеется удержаться в качестве дипломата, придется обучить ее нескольким тонким приемам эффективной лжи.

Впрочем, секреты Кеит могли подождать, пока он не убедится в достоверности ее информации. Если связь между Сабирами и Доктиираками зашла так далеко, Кеит оправдает любое потраченное на нее время.

Придя к себе, Дугхалл снял утреннюю одежду и облачился в широкие панталоны из черного шелка и богато расшитую красную шелковую блузу — все это представляло собой официальное одеяние, полагавшееся верховному посланнику Галвеев на Архипелаге Имумбара. Он знал, что за ним следят: кто-нибудь всегда наблюдал за его комнатой из-за потайной панели у северной стены. Обнаружив сей факт уже в первую ночь, он постарался никоим образом не выказывать своей осведомленности. Знать, что за тобой постоянно наблюдают, едва ли не столь же полезно, как и быть уверенным в противоположном.

Одевшись, он открыл одну из полудюжины коробок для париков, извлек из нее самый роскошный и причудливо заплетенный и водрузил на голову. Потом достал из другой коробки украшенный шипами головной убор, коему предназначалось удерживать на месте парик, и пристроил его поверх прически так, чтобы ребро с семью шипами протянулось от уха до уха. Немного пошевелил созданную конструкцию и, убедившись в том, что голова надежно ею прикрыта, достал пук унизанных бусинами перьев и вставил каждое перо в предназначенный ему шип, как в гнездо.

Дугхалл не собирался одеваться столь официально на мероприятие, в общем-то не требовавшее такой пышности. Однако парик, головной убор и парадная одежда обладали особыми деталями, которые были необходимы ему в данный момент, и сидевший за панелью шпион мог бы посчитать странным, если он облачится во все это великолепие, а потом снимет его, так никуда и не отправившись.

Свой парадный костюм он приготовил на островах, собираясь на эту свадьбу. Пышная одежда изобиловала потайными карманами: в каждом находился либо пакетик с неким порошком, необходимым для свершения какого-нибудь заклятия, либо амулет, зачарованный для конкретной цели. Дугхалл запустил руку в якобы декоративную складку и пощупал между бусин, особым способом нашитых вдоль края, где в одном из кармашков хранился специальный шелковый мешочек.

Потянув за веревочку, он достал из мешочка очаровательную золотую брошь — врезанную в пластинку драго-

ценного металла лисичку, окруженную семью рубиновыми звездочками, обозначавшими семь главных островов Архипелага Имумбара, пылавших на фоне бесчисленных резных звездочек, соответствовавших несчетным маленьким островам. Неплохое и вполне официальное украшение... К тому же сопутствовавшие ему заклинания стоили Дугхаллу целой недели трудов и лишних капель собственной крови.

Лишь только Дугхалл прикрепил брошь в самом центре своего одеяния, он ощутил, как оживает созданная им магическая стена, и улыбнулся. Шпион, сидевший по другую сторону своего хитроумного глазка, увидит сейчас лишь то, что находится перед его взором, — и то, что ожидает увидеть: человека, готовящегося к исполнению официальных обязанностей. Теперь по комнате будет ходить двойник Дугхалла; он станет перебирать документы, быть может, займется сочинением очередного из бесконечных писем, составляющих суть жизни дипломата. Ну а сам Дугхалл тем временем отправился к другой коробке. Снял с подставки парик, затем взял подставку, а парик бросил в коробку. Резное деревянное подобие головы раскрылось в его руках на две половинки — после того как Дугхалл отодвинул старательно замаскированную задвижку в правой щеке, прикрывавшую углубление, и одновременно нажал пальцами на углубление и левое ухо.

Внутри деревянной головы он прятал свои гадательные инструменты: предназначенную для крови чашу, зеркало для огней, две кисти для порошков, серные палочки, ограждающие порошки и устройство для кровопускания, которое он придумал, устав резать себе руки даже самыми острыми ножами. Опустившись на пол со скрещенными ногами, Дугхалл расставил инструменты, поместил один из полых шипов в стеклянный фиал, обмотал резиновым жгутом предплечье и клюнул шипом в напрягшуюся вену, чуть скривившись при этом. Не самый удобный способ, но все-таки много удобнее ножа.

Из шипа кровь хлынула в чашу; когда жидкость покрыла дно, он нарисовал на зеркале первый кровавый круг, выпустив руду из шипа узкой аккуратной линией. После насыпал в чашу оградительные порошки, разжег огонь с помощью серной палочки и воспламенил их. Пока они горели, Дугхалл произнес первое заклинание — со скоростью, выдающей долгую практику.

Кровяной круг вспыхнул огнем, и он начертал внутри него иероглиф, обозначающий прошлое. Затем прошептал имя параглеза Доктииракова и сфокусировался на своей последней встрече с этим человеком на вчерашнем приеме. Роняя по капельке крови на зеркало всякий раз, когда огонь начинал угасать, и не отрывая глаз от врага — параглеза, обсуждавшего с послан-

цем Сабиров планы истребления его собственной семьи, он попытался проследить Сабира на улицах Халлеса возвращающимся к своему логову, но чары скрыли этого человека, как только он удалился от Дома Доктиираков.

Впрочем, это не было важно. Главное в другом: подтвердилось все, что сказала Кеит. Доктиираки и Сабиры заключили союз против Галвеев.

Глава 7

На краденом коне удобной поездки не жди. Хасмаль проклинал каждый громкий стук копыт по мощенной камнем дороге, каждое нервное движение животного в сторону от очередной стаи вспорхнувших из куста птиц или кучки выскочивших из хижины детей. Конь — в этом он не сомневался — принадлежал не иначе как Бретвану, Иберанскому богу воздержания и распутства, удовольствия и боли, жизни и смерти, и являлся предвестником боли и смерти, а также — если судить по состоянию тестикул — долговременного целибата. На болячках Хасмаля возникали свои болячки, и тело его ныло так, что короткие прогулки по земле с проклятым животным на поводу более не приносили никакого облегчения.

Что и должно было научить его жить в этой стране, за которой приглядывают Иберанские боги, а не добрые боги — Хмоты, на которых человек вполне мог положиться: разве Водор Имриш допустил бы, чтобы он украл столь подлое животное? Нет и нет, никогда.

Хасмаль намеревался достичь места, боги которого отнесутся к нему благосклонно, где он не будет испытывать чувства, что они или смеются над ним, или бесстыдно дурачат. Он слышал, будто у людей, все еще державшихся за земли Стрифии, правят симпатичные боги, разве что аморальные... однако, быть может, боги, поощряющие блудниц и воров, не станут глядеть слишком холодно на Сокола, далеко залетевшего от родных мест. И посему он решил направиться в Стрифию, а потом — в какой-нибудь другой мир, соответствующий его нуждам, но тем не менее находящийся в пределах досягаемости. В сотне лиг к юго-востоку отсюда, в Костан-Сельвире, он мог бы наняться матросом на первый же корабль, который отправляется из этой гавани в Брельст. Из Брельста можно пересесть на речной корабль, идущий вверх по реке Имджоси. Корабельщики, направлявшиеся против течения, всегда нуждались в лишних руках. Платить пришлось бы

лишь за проезд вниз по реке... Итак, удача уже сопровождала его предприятие. Чем дешевле стоила вещь, тем больше нравилась она Хасмалю, тем благоприятнее казались ему сопутствующие ей знамения.

Безопасность ждет его за границей, в Стрифии. Роковая для него женщина принадлежала к Семьям, он мог поклясться в этом своей жизнью. Да он и ставил на кон свою жизнь. Вероятно, она принадлежала Галвеям, если он правильно истолковал узоры на ее шелковом платье, и, конечно же, находилась на самых верхах социальной лестницы. Такая особа не станет, забыв обо всем, гнаться за ним к Стрифийской границе и далее.

Погрузившись в свои думы, Хасмаль забыл о боли, которую причинял ему скакун своей острой как бритва спиной, и — что еще более важно — позволил себе забыть о том, что едет Шаталльской Лесной Дорогой. В отношении первого факта подобную забывчивость можно было назвать благословенной; проявленная же в отношении второго, она едва не стала причиной его смерти.

Гнусное подобие лошади, на которой он восседал, обогнуло резкий поворот дороги, и вдруг с нависавших сверху пологом ветвей посыпались люди — при ножах, в отрепьях и со зловещими физиономиями. Перепугавшийся конь встал на дыбы. Хасмаль, будучи наездником неумелым и неловким, упал на дорогу. Сразу же у горла его появился нож, а лошадь понеслась обратно прежней дорогой, и Хасмалю оставалось только сидеть смирно, притом не вздыхать чересчур глубоко.

— Деньги! — потребовал человек, приставивший нож к его горлу.

— У меня их нет, — ответил Хасмаль.

Собравшиеся вокруг него разбойники захохотали, а один спросил:

— Разве ты ехал не на лошади? Или ты одет не в новую, красивую одежду?

Грабитель, державший нож, повторил:

— Деньги сюда!

Хасмаль глотнул, пожалев о том, что в Халлесе не удосужился соорудить вокруг себя щит невидимости — поскольку на это требовались часы и *она* могла успеть прийти за ним. Кстати, он давно уже мог бы сделать себе постоянный талисман-оберег... однако подобную роскошь приходилось всякий раз откладывать на завтра — слишком уж много дел выпадало на каждое сегодня. Талисман так и остался неизготовленным, и в результате он теперь беспомощен и беззащитен.

— Клянусь! — возгласил он. — Клянусь собственной душой, что денег у меня нет. Ни единого дана!

Подумав о довольно крупной сумме, драгоценных магических припасах, книге и прочей одежде, в настоящий момент скакавших прочь на спине проклятой животины, он пояснил со всей откровенностью:

— А коня я украл.

И в порыве вдохновения добавил:

— Одежду тоже.

Разбойники загоготали, а тот, что держал нож у горла, сказал:

— Он решил, будто сумел надежно спрятать свои денежки. Разденем его, и все станет ясно.

Четверо воров схватили Хасмаля за ноги, еще четверо за руки, остальные трое взялись за одежду. Тот, что был с ножом, рявкнул:

— Эй, свиньи, не разорвите, такой наряд мне пригодится.

А потом нагнулся поближе к Хасмалю и прошипел с устрашающей ухмылкой:

— Я отыщу твои деньги, даже если ты проглотил их.

Хасмаль задрожал. Кожа его покрылась испариной. Вырваться от грабителей он не мог — любое сопротивление бесполезно. Держали его крепко и не думали ослаблять своей хватки, предполагая, что он не станет противиться, раз у них численное преимущество. Орудовали они аккуратно и осторожно, а совершенная точность и согласие действий свидетельствовали о длительной практике. Разбойники собирались убедиться в том, что на нем нет денег, а потом вспороть ему живот, дабы проверить, не проглотил ли он свое золото, как поступали иные путешественники перед опасной дорогой. И когда они убедятся, что при нем действительно ничего нет, правда уже ничем не сможет помочь ему.

Один из грабителей закончил осматривать его одежду.

— Ничего нет.

— Значит, мне придется выпотрошить тебя, — заявил тот, что с ножом.

Люди, державшие Хасмаля, ухватились покрепче, сам он напрягся и зажмурил глаза.

— Все, что было у меня на свете, унесла проклятая лошадь, — выдохнул он, ожидая, что холодное пламя ножа вот-вот вспыхнет в его животе.

Однако ничего не произошло. Осторожно открыв один глаз, молодой человек обнаружил, что все бандиты таращатся на него.

Разбойник, только что собиравшийся выпотрошить Хасмаля, выругался.

— Идиот. У тебя вместо мозгов моча. Ты все положил на лошадь? Все? А что ты собирался делать, если б она тебя просто сбросила?

— Я вообще-то не знал, что на поганой твари так неудобно ездить, — ответил Хасмаль.

Грабители зафыркали, а главарь их, покачав головой, изрек:

— Я уже почти верю тебе... почти... потому что сделать такую глупость — ничего не оставить при себе, может только человек, у которого никогда не было собственной лошади.

Другой разбойник заметил:

— Поглядите, а между ног-то все сбито. Похоже, ему действительно еще не приходилось ездить верхом.

Хасмаль ощутил прилив надежды. Он остался нагим, при нем не было ничего, однако одежду всегда можно украсть, а если отыскать пищу и место для ночлега, то, имея в своем распоряжении нужное время и некоторые вещества, он всегда сумеет наворожить себе какую-нибудь защиту, найти работу...

Но надежда умерла, едва появившись на свет.

— Ну что, потрошим его? — осведомился кто-то из разбойников, и вожак ответил:

— Зачем? Чтобы перепачкать кровью мою новую одежду? Повесим его, и делу конец.

— Зачем вешать? — вопросил Хасмаль. — Лучше отпустите меня. Зачем нужно меня обязательно вешать?

— А вот отпустим тебя, и расскажешь стражникам, где мы с тобой повстречались. Или сколько нас здесь ошивается, и какой улов они могут найти, если решат посмотреть. Нет уж! Лучше мы хорошенько растянем твою шею, пока ты вообще не перестанешь болтать. Так-то надежнее. — Он повернулся к своим: — Вяжите его и пошли.

— Со мной?

Хасмаль все еще надеялся на счастливый исход: если они не повесят его прямо сейчас, возможно, он сумеет найти лазейку для спасения.

— Если б мы вывесили тебя возле дороги, — объяснил вожак на удивление терпеливым тоном, — то сами указали бы дорожной страже место, где находимся. А так отведем тебя подальше в лес — и готово.

Голос его говорил: *обижайся не обижайся, а дело есть дело.*

Впрочем, Хасмаль не мог найти в своей душе понимания.

Бандиты отошли достаточно далеко, увлекая за собой пленника. Где-то по пути один разбойник без всяких просьб принялся извиняться за то, что его ведут так долго: дескать, если запашок донесется до дороги, то уж власти-то его точно учуют. Он не сказал *запах трупа*, однако в пояснениях не было нужды. Хасмаль понял, что представляет собой живой труп. Он наконец сдался, утратив любые надежды, и обмяк, предоставив банди-

там возможность самим тащить его вперед. Он прекратил всякое сопротивление. И в этот самый миг до его слуха донеслось пение. Сперва ему показалось, что он слышит голоса *кейриев,* до срока начавших напевы, которые будут сопровождать его путешествие в Край Тьмы; однако же *кейрии* пели только усопшим, но не живым, и кое-кто из разбойников вздрогнул, услышав подобные звуки.

— *Боислы?* — шепнул кто-то.

Боислами назывались огромные, волосатые лесные твари; приняв человеческое обличье, они заманивали к себе обреченных на смерть путешественников... Хасмаль не стал бы клясться, что подобных созданий не существует — в конце концов, он видел куда более страшные вещи собственными глазами, — однако ему еще не доводилось слышать, чтобы боислов обнаруживали в цивилизованных краях. Кроме того, никто не упоминал, что эти существа поют.

— Охотники, наверно, — предположил рядом некто, также стараясь не возвышать голос.

Но тут откуда-то прилетел припев, а с ним ласковый минорный писк палочки-флейты.

Кхаадаму, кхаадамас, мерикаас чеддае
Аллелола во садее.
Эмас авесамас беторру фаэддро
Комосум кхаадаму жи.

— Нет, — ухмыльнулся вождь, словно леопард, наткнувшийся на стадо коз, которое отбилось от пастуха. — Это Гирусы; клянусь Коцем, первая удача за сегодняшний день.

Разбойничье счастье сулило Хасмалю половину удачи. Прекрасную песню выводил звучный и трепещущий баритон, в голосе звучали боль и утрата, но, услышав ее, Хасмаль мог опечалиться еще больше, только если бы при первых звуках разбойники потащили его к ближайшему дереву. Ну а пока он мог надеяться в равной степени на оба исхода: на возможное избавление от смерти и весьма вероятное низвержение в ад.

Гирусы, сказал разбойник, точнее — отвратительные Гиру-налле: целый народ, занятый грабежом, более утонченным и организованным, чем придорожный; известные всей Ибере и за ее пределами конокрады и воры, специализировавшиеся на собаках, самоцветах и редких металлах, знаменитые лжецы и карманники, утверждавшие, что некогда им принадлежала власть над всей Иберой; самое главное — как утверждали ночные шепотки, произносимые за глухими ставнями и запертыми дверями, — похитители детей, юных женщин и симпатичных парнишек;

работорговцы, кои без зазрения совести сбывали этот товар и не испытывали особых угрызений совести в отношении того, куда, кому и зачем они его продают. По мнению Хасмаля, люди, имевшие дело с Гиру-налле — не утруждавшие себя лицензиями покупатели, приобретавшие рабов, не уплачивая налогов и не оформляя бумаг, — шли на это лишь потому, что нуждались в легко ликвидируемых невольниках. Хасмаль знал, что повешение — далеко не самая тяжелая смерть; попав в отнюдь неласковые руки Гиру, он мог в итоге ознакомиться с одним из непростых ее вариантов.

Впрочем, выбора у него не было никакого. Разбойники снова потащили его вперед — уже более быстрым шагом, а вожак их начал посвистывать: долгая затихающая нотка, два коротких резких и возвышающихся свиста, а затем трель. Пока грабители спешили вперед, он повторил свой сигнал не менее трех раз, а на четвертый добавил целую птичью песню, хотя рожденный в городе Хасмаль не имел ни малейшего представления, голосу какой птицы подражает главарь. Когда разбойник умолк, на окрестных деревьях, где только что царили тишина и покой, зашевелились. Из-за ствола громадного фикуса вышел человек — бледнокожий, сплошь покрытый веснушками и светлоглазый. Заплетенные в сотни косичек рыжие волосы достигали талии, усы также были заплетены и украшены на концах золотыми бусинками. Он улыбнулся, блеснув в лесном полумраке золотыми зубами. Конечно же, это был Гиру-налле. Хасмаль охотно заплакал бы, если б не подумал, что сей поступок ухудшит его положение. Остальные Гиру, засевшие вокруг, не стали выходить из укрытий, но Хасмаль чувствовал: их здесь предостаточно. И все до одной стрелы были направлены прямо в его почки.

Обнявшись с предводителем разбойников, Гиру сказал:

— Тра метакгли, ваверрас ама Талларфа ахаава?

Захохотав, предводитель хлопнул Гиру по спине.

— Аллему кхееторрас саммес файен цеоррей ллосади, во ему аве. Хайки тахафа кхаррамас салледро.

Он указал подбородком на Хасмаля.

— Тхо фегрро авомас хото? Хитту?

Хасмаль понял большую часть разговора. Гиру торговали и антиквариатом, и он слышал их деловые беседы с отцом с того дня, как начал ходить. Хасмаль вообще-то не предполагал, что будет когда-нибудь слушать разговор на шомбе, являясь предметом сделки, однако такова жизнь. Слова Гиру переводились примерно так: «Какая счастливая встреча, старый козел! Что ты хочешь продать мне?»

Вор на чудовищном жаргоне ответил ему: «Брат мой, я нашел на дороге восхитительного раба, и хозяина рядом с ним не было. Что ты дашь мне за него? Давай поторгуемся».

Гиру нагнулся и посмотрел сверху вниз на Хасмаля, поднял брови и выпятил губы. Он обошел вокруг пленника, изучая его со всех точек зрения, потом вернулся, сел перед ним на корточки, пренебрежительно фыркнул и подверг лежащего тщательному визуальному осмотру, от которого покраснел бы и жеребец. Наконец, поднявшись, он обратился к предводителю:

— Что ж, действительно неплох. Мышцы вроде бы есть. Только вдовицам его не продашь — хрен как у комара — и на рынке мальчишек не пойдет по той же причине.

Воры захохотали, веселое ржание послышалось и с деревьев, где засели спутники Гиру.

— Сойдет только в качестве работяги, а за них дорого не дают.

Предводитель разбойников воззрился на Хасмаля и сообщил:

— Ты ему понравился. Он сказал, если ты вставишь девственнице, она все равно останется непорочной. Он думает, что с твоей помощью можно нажиться, делая детей чудесным образом.

Хасмаль не счел нужным выказывать свое понимание того, что действительно сказал Гиру, и ответил на иберанском:

— Вот и хорошо. Радуйся, что это не тебя продают. Кому будет нужен евнух, совсем лишенный этих предметов.

Главарь бросил на него гневный взгляд, прочие же разбойники — и кое-кто из Гиру — расхохотались. Повернувшись спиной к Хасмалю, он спросил:

— Дашь восемь росов?

Увешанный косичками Гиру закатил глаза к небу и поднял два пальца.

— Могу дать тебе только два.

— Ослиный помет! Мне нужно семь — за труды по доставке его сюда.

Гиру снова захохотал, и тот, что торговался, качнул головой.

— Спрашиваешь семь росов за этого? Тьфу! Даю тебе четыре, но мне повезет, если удастся выручить за него столько же.

Грабитель приподнял брови.

— Разве чудесным образом рожденные дети теперь дешевы?

Он обернулся к Хасмалю и произнес по-иберански:

— Он не хочет тратиться на тебя, — а затем обратился к Гиру на шомбе: — Отдам только за шесть росов... и считай, что ты украл мои глаза и вынул пищу из моего рта.

Гиру ухмыльнулся.

— Я не могу украсть у тебя того, что тебе не принадлежит. Радуйся, что мы не забираем всех вас на продажу. А этот парень — он будет посвободнее любого из твоей банды. Только из личной симпатии к тебе и потому, что нам уже приходи-

лось проворачивать кое-какие дела, я избавлю тебя от этой проблемы — за четыре с половиной роса. Не больше и не меньше.

Главарь побагровел и нахмурился, смех вокруг утих. Какое-то мгновение казалось, что он намерен ринуться в бой. Однако, учитывая всех засевших на деревьях Гиру, предпринимать что-либо подобное было бы глупо. В конце концов он пожал плечами и сказал по-шомбийски:

— Ладно. Беру твои четыре с половиной роса.

И добавил на пефике, одном из деревенских диалектов иберанского:

— И пусть у тебя отвалятся яйца, вонючий сын шлюхи.

В глазах Гиру не промелькнуло даже искорки понимания. Он развязал висевшую на поясе кожаную мошну, с улыбкой извлек из нее четыре серебряных роса и два медяка. Уронив их в протянутую ладонь главаря, он небрежно поклонился остальным разбойникам и с прежней улыбкой поманил Хасмаля за собой. Разбойники, еще совсем недавно увлекавшие молодого человека в лес, отпустили его.

Хасмаль собрался было бежать — но только на один миг. На ветвях деревьев и в подлеске негромко переговаривались и пошевеливались приятели Гиру. Он ощущал на себе их взгляды и буквально чувствовал телом стрелы, которые вопьются в него, если он побежит. Лучше жить, решил Хасмаль, ибо завтрашний день может принести с собой свободу, а трудная жизнь лучше легкой смерти. Он пошатнулся — мешали связанные за спиной руки, да и нагота его претерпела весьма незаслуженный ущерб во время вынужденного путешествия сквозь шипы, кусты и колючки.

И последовал за Гиру, мечтая о том, чтобы вдруг оказаться сильнее, быстрее, отважнее; мечтая об освобождении — чудом, милостью богов — и зная, что этого не будет.

Утешала только одна-единственная мысль: во всяком случае, сейчас он находится достаточно далеко от той женщины, которой суждено погубить его.

Глава 8

На просторной площади в центре Халлеса трепетали ленты и вымпелы, гремели тамбурины, мамбуры, кимвалы и гонги. Представители низов, отплясывая, направлялись нескончаемыми вереницами по широкому главному проспекту к древней обсидиановой башне, откуда следили за всем происходящим Доктииракн вместе с уже прибывшими на свадьбу посланцами Галвеев.

Кеит считала башню интересным сооружением; она была древнее и самих Доктииракoв, и большинства — а может, и всех — построек Халлеса. Однако за творение Древних принять ее было бы невозможно. Их здания возводились из особого белого камня; они взмывали ввысь, украшенные изящными арками и башенками, без всяких узоров на гладких прозрачных поверхностях. Башня Халлеса была сложена из черного мрамора, и каждый камень с идеальной точностью прилегал к другому, а верхнюю часть венчали резные изображения фантастически мерзких крылатых чудовищ. Время сгладило их черты, стерло кое-какие детали, однако изъязвления и мох только подчеркивали жуткий оскал и безумное выражение глаз этих тварей. Кто же построил эту башню? Глянув на ликовавший внизу сброд, Кеит сочла, что предков этих людей едва ли можно назвать достойными кандидатами на свершение такого деяния.

Тягостное предчувствие слепо нащупывающего ее зла, так досаждавшее Кеит в конце вчерашнего приема, откровенно говоря, стало только сильнее. Зло источал буквально весь город. Но теперь эмоции ее были притуплены, напряжение, вызванное потребностью в Трансформации, отступило, и Кеит удавалось загонять свои ощущения в дальний закоулок рассудка. Хорошо насытившись перед выходом из посольства, она хотела только одного — спать; неизбежная усталость, которая всегда наваливалась на нее после Превращения, не выпускала девушку из своей безжалостной хватки. Однако она была вынуждена бодрствовать; более того, ей следовало выглядеть очаровательной именно сейчас, когда самым огромным ее желанием было разорвать глотки этим лживым сукиным детям. Доктииракам, окружавшим ее.

Параглез Бранард Доктииpак, короткий и жирный, с намасленными волосами, заплетенными в длинные, похожие на веревки косички, остановился рядом с Кеит у края балкона и беззастенчиво пытался заглянуть за корсаж. Она сдержала раздражение... какникак ее присутствие на церемонии, и откровенное платье, и общение с двуличными, лживыми предателями имели своей целью сгладить всякое подозрение, дать Семье время устроить подходящую месть. И все же параглеза трудно было назвать иначе, нежели мерзкой жабой, — получи Кеит возможность хорошенько стукнуть его, не вызвав этим печальных последствий, она, конечно, сделала бы это.

— Очаровательная девушка, — обратился он к ней с улыбкой, — кажется, ваше имя Кеитяринна, не так ли? Дочь Стрейкана Галвея, если я не ошибаюсь?

Кеит оставалось только надеяться, что она действительно выглядит польщенной его вниманием.

— Вы правы, — согласилась она, — однако меня удивляет уже то, что мое имя знакомо вам. Я еще слишком неопытный дипломат, чтобы моя Семья рискнула обратить ваше внимание на меня.

— И чересчур прекрасное создание, чтобы не приковать к себе мой взгляд. — Губы его расползлись в истинно жабьей улыбке. — Должен признаться, я услышал ваше имя, не зная о вашей дипломатической должности. Я заметил вас вчера у себя на приеме, оценил несомненную красоту и попросил одного из своих людей выяснить, кто вы, чтобы попробовать завязать знакомство.

Улыбка исчезла с его лица, параглез качнул головой и потупил глаза.

— К несчастью, прежде чем я успел отыскать общего знакомого, который мог бы представить нас, меня позвали к ложу дорогого кузена, сраженного внезапной болезнью...

— Идрогара Пендата? Я слышала, он вчера скончался.

— Увы, это правда. Смерть явилась к нему внезапно — этот крепкий человек находился в самом расцвете сил и, несмотря на болезнь, не осознавал, насколько близок к кончине. Мой лекапевт утверждает, что бедный Идрогар страдал сердечной слабостью и вчерашняя жара и сырость оказались чрезмерными для него.

— Скорблю вместе с вами в час вашей утраты, и примет Лодан с приязнью дух вашего кузена, — ответила Кеит.

Официальная формула. Тем не менее она сумела произнести ее, как если бы и вправду думала так. К собственному удивлению, девушка обнаружила, что ей нравится разговор — не беседа с параглезом, внушавшим ей отвращение, а знание истины, укрытой за его ложью; ей было приятно изображать неведение, играть роль, позволяющую обмануть мерзкого типа. В отличие от игры всей ее жизни игру в обман она разделяла со всеми окружающими. Каждый, кто находился сейчас наверху этой башни, что-нибудь да изображал. Ну, кроме разве что Типпы, но та была дурой, хоть и милой.

Разговор с параглезом явился для Кеит откровением. Создание Кеит несуществующей — вечный обман, делавший греховным все ее существование, — теперь служил некой цели. Годы лжи научили ее играть свою роль, а актерство и есть часть дипломатии, которая поможет ей послужить Семье и прославить имя Галвеев.

Параглез улыбнулся снова, на сей раз с печалью.

— Вы столь же любезны, как и прекрасны. И тем более печалит меня то, что, возвратившись к своим гостям, я уже не нашел вас.

Она кивнула, не преминув выразить свое огорчение.

— Весьма сожалею, однако у меня не было выбора. Несколько ваших гостей — как вы уже, вне сомнения, слышали — приставали к моей кузине Типпе. Я присутствовала на приеме

как ее компаньонка, и поэтому мне не оставалось ничего иного, как отвезти ее домой.

Она заметила потрясение в глазах параглеза, промелькнувшее и немедленно исчезнувшее за очередной масленой улыбкой.

— Эти три гостя задержаны и сейчас находятся в нашем распоряжении. Гиру-налле злоумышляют против Семей не первый год; на сей раз, однако, они проявили неосторожность и попались. Все трое так называемых принцев будут сегодня казнены в качестве одного из увеселений. Оскорбление, нанесенное вашей кузине — моей будущей дочери, — попросту нестерпимо.

Поглядев на Кеит долгим задумчивым взглядом, он добавил:

— Но я не знал, что именно вы отвозили ее домой. Эти люди, когда мы их... э, расспрашивали... рассказали, что от нашей дорогой Типпы их отогнала истинная Галичь в образе женщины, хотя ни я, ни все прочие, кто был на приеме, не помнят, чтобы на нем присутствовала такая особа. Да и теперь я не вижу в вас никакого сходства с Галичь.

Именем этим звалась одна из пяти фурий, богинь более древних, чем Иберанская вера; клыкастая, покрытая синей кожей, Галичь извергала из своих рубиновых глаз пламя, пожиравшее ее врагов. Мифы Иберы уподобляли ее чуме в женском обличье, истреблявшей все, чем она была недовольна.

— Ну, я не стала бы сравнивать себя с Галичь, — ответила Кеит, — хотя, признаюсь, характер у меня есть.

Параглез поднял бровь, тень улыбки мелькнула на его губах.

— Вполне очевидно, — вымолвил он.

Уделив ей еще пару минут, он откланялся, сказав, что должен побеседовать и с другими гостями.

Кеит с интересом следила за ним: мускусный запах похоти, исходивший от него во время разговора, сразу исчез, когда он обнаружил, что девушка в одиночку прогнала трех принцев, оставив слабую испарину страха. Интересно. Хотелось бы знать, что видели эти люди и что сказали ему... подобную реакцию вызвать непросто.

Внизу, на площади, показалась уже завершающая часть парада, и крестьяне, занимавшие обе стороны улицы, разразились приветственными воплями. Вперед легким шагом выступила сотня парнисс в пурпурных одеяниях — только парниссы и имели право надевать их в день, следующий за Днем Терамис. Возглавляющие процессию несли на своих плечах носилки, в которых восседала женщина, закутанная в золотую ткань. Новая караиса Халлеса, женщина полей оракула и лотереи, давшая имя новому году, махала ликующим ордам. Невольно заинтересовавшись зрелищем, Кеит перегнулась через балюстраду. Боги всегда выбирали своих караис самым удивительным образом.

Эта женщина казалась крошечной и дряхлой.

Возле Кеит кто-то усмехнулся.

— Погоди-ка, вот еще услышишь, как она назвала год.

Кеит обернулась и увидела рядом Калмета Доктиирака, который через неделю должен был стать мужем ее кузины. Явный Балтос — светловолосый, плосколицый и синеглазый как лед, коренастый и невысокий; в такой же мере Кеит, высокая, худощавая, темноглазая и темноволосая, принадлежала к Заитам. Пока еще Калмет не напоминал жабу, однако Кеит угадывала в его лице признаки будущего обличья. Вылитый отец — только молодой. Кеит попыталась представить себя замужем за подобным типом, чтобы скрепить альянс, и внутренне содрогнулась. Слава всем богам, ее ветвь Семьи не обладала статусом, необходимым для заключения подобных браков.

Она улыбнулась.

— Мы уже почти одна Семья. И ты ведь не заставишь меня ждать?

Он подмигнул.

— Пожалуй, меня можно уговорить... за один маленький поцелуй. Учитывая то, что мы уже почти одна Семья.

Что отец, что сын. Вторая Кеит, смертельно опасная, шевельнулась в своем сне, мечтая о гибели тех мужчин, которые этого заслуживают. Однако Кеит, заработавшая место дипломата, шире улыбнулась и молвила в ответ:

— Я бы поцеловала тебя без всяких причин. По-моему, кузине здорово повезло.

Она прильнула к нему и одарила коротким и страстным поцелуем в губы.

Калмет залился удивительно ярким румянцем и послал ей улыбку, едва не сделавшую его приятным. Отчасти.

— Новая караиса разводит свиней, — заметил он, разглядывая подступавшую все ближе процессию. — И она дала году такое имя: Мой Славный Жирненький Поросенок Абрамакнар.

Кеит рассмеялась с неподдельной искренностью.

— Ого! Как у нас в Год Свиньи. Это смущает.

Бросив ехидный взгляд на собеседника, она прибавила:

— Ничего, у нас однажды было и хуже.

Калмет посерьезнел.

— Выкладывай.

— У нас четыре года назад караисой стала пятнадцатилетняя девчонка. И она подала имя в лотерею после того, как подралась со своим братом. Данное ею имя оказалось настолько ужасным, что, по словам нашей семейной парниссы, все они

просили оракула отвергнуть имя и извлечь другое. Однако тот, конечно, не согласился.

— В самом деле, я еще не слышал, чтобы парниссы хотели изменить имя. И как же она назвала год?

— Теперь мы зовем его Годом Чудесного Меча, однако полное имя его звучало так: «Хрен Говноеда, Моего Брата Гамаля, Который Он Зовет Чудесным Мечом и Который, Надеюсь, Позеленеет И Отвалится, Потому Что Гамаль — Дырка В Заднице».

Калмет хихикнул, и уши его покраснели.

— Понятно, почему парниссы решили поменять его...

— Но это еще не самое худшее. Парниссам едва удалось решить, какой бог должен был править в тот год. В конце концов они взвалили его на Бретвана в темном аспекте и назвали неблагоприятным. Все мы были рады, когда он закончился, а больше всех — караиса. Ей донельзя надоело, что всякий кому не лень связывает ее имя со зловещими предсказаниями Бретвана Темного и хреном ее брата. Особенно последнее.

— Нетрудно понять, — язвительно произнес Калмет. — Однако жирный поросенок, естественно, сулит добрые знамения.

Внизу парниссы уже прекратили наставлять новую караису. Толпа заговорила, сперва тихо, потом все громче и громче. Различив слова дружного хора, Кеит вздрогнула. Люди вопили:

— Выведите их! Выведите их!

В соответствии с традицией в день, следующий за Днем Именования, парниссы публично казнили преступников, символически уничтожая зло, дабы пресечь его влияние на наступающий год. Жертвоприношения эти воистину тешили толпу, о чем свидетельствовали доносящиеся снизу вопли, которые становились еще более кровожадными. Кеит ненавидела подобные представления, и у себя дома всегда находила предлог, чтобы избежать их. Однако на сей раз она попалась: Калмет торчал возле нее, и незаметно ускользнуть от него было невозможно. Увы, сын параглеза не обнаруживал никакого намерения перебраться к другим гостям.

— Мы приготовили для жертвы превосходные экземпляры.

На улице показалась запряженная лошадьми повозка с клеткой, за ней другая. Крики толпы усилились.

— У вас здесь целая куча народу.

Кеит насчитала в первой клетке по меньшей мере десятерых; первая повозка загораживала вторую, однако можно было догадаться, что во второй клетке не меньше людей — зачем набивать до отказа только одну? У нее свело желудок. Она ненавидела жертвоприношения в Калимекке, где обычно казнили одного-двух преступников, да и то совершивших такие преступления, за которые они действительно заслуживали смерти. Но двад-

цать человек... Она не знала, сумеет ли вынудить себя смотреть на казнь двадцати человек... вне зависимости от тяжести совершенных ими преступлений.

— Это совсем немного. В прошлом году мы прикончили почти сотню — в основном четвертованием и разрыванием на части. Наш народ был бы разочарован, если б мы не приготовили для сегодняшнего дня нечто особенное. Ты сказала о добрых предзнаменованиях... — Калмет задумчиво покрутил головой. — Едва ли нам еще раз удастся нечто подобное. А после вчерашней бойни в квартале Бламок... но ты не могла узнать о ней...

Он не закончил свою мысль. Внизу на площади дюжина конных стражников в синих с золотом мундирах Доктииракова отъехали от своего места у основания башни; их черные жеребцы выплясывали под рев труб. Вместо седел коней покрывала какая-то блестящая черная упряжь, скорее пригодная для того, чтобы запрягать в нее плуги грешников в аду. С каждой стороны двойной линии всадников маршировали копейщики, двумя каре по пять человек в ряду. Люди на площади завопили еще громче.

Кеит подумала, не изобразить ли заклинание для обморока, — дело несложное; тогда она сумеет уклониться от лицезрения мерзкого спектакля. Однако такой поступок привлечет к ней внимание — притом абсолютно излишнее, а Кеит успела за всю свою жизнь зазубрить наизусть одно правило: никогда не привлекай к себе внимания. Придется взять себя в руки, чтобы стать свидетельницей жертвоприношений. Изображать, что она такая же, как и все собравшиеся наверху башни, напоминая себе: время это нужно Семье, дабы изобрести план отражения козней Доктииракова.

Вдоль улицы пронесся внезапный порыв ветра, поднявший в воздух листья и мусор. Кони поднялись на дыбы, попятились. Неожиданное движение повергло на землю нескольких копейщиков, послышались вопли. Донесенный до башни порывом ветра знакомый, вселяющий ужас запах коснулся ее ноздрей. Кеит окаменела.

— И кого вы приносите в жертву? — спросила она негромко, хотя на деле уже знала все — не словами, чутьем... самою кровью.

Калимет ухмыльнулся.

— Не стану портить сюрприз... Тебя ждет великолепное зрелище.

Ничего великолепного тут не было — сплошная мерзость, худшего Кеит и ожидать не могла.

Стражники Доктииракова восстановили порядок в своих рядах и уже дожидались приближения клеток. Разговоры на башне утихли; представители обеих Семей разместились вдоль балюстрады, чтобы видеть происходящее. Исключение составлял лишь дядя Дугхалл, вдруг появившийся возле ее левого плеча.

Кеит с надеждой глянула на него.

— Нам надо уходить.

Он покачал головой.

— Я решил посмотреть развлекательную программу вместе со своей любимой племянницей.

Слова эти были произнесены с улыбкой, однако она почувствовала в них — а быть может, и учуяла — предупреждение.

Она вынуждена была улыбнуться в ответ.

— Ты знаешь, что я всегда рада твоему обществу.

Кеит глянула на Калмета и с удивлением обнаружила, что тот отходит от нее. На какой-то миг они с дядей вдруг оказались в отдалении от всех присутствующих на башне, достаточном для конфиденциального разговора.

Повернувшись, Дугхалл посмотрел вниз на толпу, на лица, столь же поглощенные разворачивающимся спектаклем, как и наблюдавшие сверху члены Семей. Голосом, столь тихим, что даже она со своим чрезвычайно тонким слухом едва слышала (голосом, много более слов говорившим, насколько близок ее секрет к раскрытию), он пробормотал:

— Я слышал от старшего Доктиирака, что здесь будет. Пока я еще не вполне разобрался в том, что именно мне известно о тебе, Кеит, но уже кое-что подозреваю. Уйти нельзя ни по какой причине: следят за каждым нашим движением. Ты готова пройти это испытание?

Следуя примеру дяди, она сделала вид, что внимательно смотрит на троих принцев, из общества которых ей вчера едва удалось вырвать Типпу; копейщики привязывали их за руки и за ноги к лошадям с помощью приспособленной для этого дела упряжи.

— Всю свою жизнь я стараюсь сохранять личину, — ответила она. — Я сделаю все, что должна.

Заглушая восторженные крики толпы, над площадью загуляли вопли и мольбы о пощаде, вырывавшиеся из глоток троих мужчин. Верховный парнисса взошел на помост, и по данному им знаку толпа умолкла.

— Параглез! — закричал он; голос его наполнил площадь и взмыл к верхушке башни. — В нынешний, истинно первый день года Моего Славного Жирненького Поросенка Абрамакнара я спрашиваю тебя: что скажешь ты этим людям?

Глубоко вдохнув, параглез завопил, обращаясь к толпе:

— Скажу так. За козни против Семей Иберы, злоумышление, желание причинить вред членам Семей и нарушение священного договора с богами, покровительствующими правлению Семей, я объявляю виновными этих во всем признавшихся людей Гиру-налле, называющих себя принцами, чьи имена: Ер-

стисто Призрак-на-Дороге, Латабан Дома не-частый и Миираклф Три-Мелодии-ждущий — и приговариваю их к смерти.

Парнисса возопил в ответ:

— Не объявишь ли ты им прощение или милость?

Кеит подумала, что, если бы здесь могла существовать надежда на прощение или милость, несчастных не привязали бы уже к лошадям... Впрочем, толпа, ждавшая своего зрелища, явно не была тронута обращением к милосердию. Немедленно раздались вопли:

— Никакой пощады! Никакой!

Параглез поднял руки, и толпа притихла.

— Пощады не будет! — подтвердил он.

Одобрительный рев толпы заглушил приказ, пославший в противоположные стороны все двенадцать лошадей.

Стиснув зубы так, что заныли мускулы на лице, Кеит с кажущимся бесстрастием наблюдала за тем, как разорвали на части всех троих принцев.

Ощутив ладонь на своем запястье, она поглядела на дядю и увидела в его глазах отражение собственного гнева. Осознание, что не ей одной отвратительны публичные жертвоприношения, сняло с души часть тяжести, которую Кеит несла, не замечая того. Хоть в чем-то она не одна.

Слуги обрубали куски тел троих Гиру-налле; стражники тем временем перешли к следующей клетке. Они извлекли из нее одного ребенка, мальчика лет пяти или шести, — прекрасного, буквально излучавшего кротость и невинность. Одежда свидетельствовала о том, что он сын купца, притом состоятельного. Чистый, ухоженный ребенок, явно любимый родителями. Он дернулся в сторону клетки, и Кеит услышала тоненький, полный ужаса голосок:

— Мама! Папа!

Она судорожно глотнула, удерживая готовые пролиться слезы. Несколько парнисс забрали мальчика у стражников и повели его к центру помоста. Верховный парнисса извлек из-за пояса большой, усыпанный самоцветами кинжал и крикнул:

— А теперь, параглез, узри чудовище!

Он чиркнул кинжалом по лицу ребенка, оставив на нем алую полоску. Мальчик закричал, и Кеит восприняла его ужас как свой собственный. Она тоже ощутила реакцию: крик ребенка превратился в вой; боль выпускала на волю красноглазую, всегда готовую вырваться ярость, полную мощи, певучей крови, текучих преобразующих костей и мышц, стремящихся осуществить славное Превращение.

Тут в руку Кеит впились ногти, голос Дугхалла шепнул ей на ухо:

— Спокойно, девочка.

И Кеит отступила от грани, на которой оказалась незаметно для самой себя. Спасибо богам — всем и каждому — за то, что она Превращалась вчера, иначе, невзирая на любые успокоительные голоса на свете, все-таки выдала бы себя. Ярость вскипала в ней, отказываясь подчиняться воле; Кеит глядела вниз на прекрасного мальчугана, более не являвшегося им. Трансформация сделала его четвероногим существом, лишь отчасти пораженным проклятием Карнея. Должно быть, тюремщики мучили и пугали ребенка, и он много времени проводил в своем втором состоянии; они истощали топливо, питавшее пламя Превращения. Он был еще мал, однако в состоянии Карнея мог представлять опасность для врагов. Преобразившись наполовину, не имея возможности ни закончить Трансформацию, ни сделаться прежним, он только лишь доказывал всем высказанное обвинение: *да, он — чудовище. Монстр.*

Толпа трепетала от восхищения. Их ожидало зрелище более занимательное, чем раздирание воров на части, более волнующее, чем растерзание медведем; один из почтенных соседей укрывал у себя чудовище, и вот мерзкое создание разоблачено, а с ним и грязные тайны Семьи, сделавшейся преступной. Верховный парнисса крикнул, обращаясь к параглезу:

— Этот ребенок — сын Маршалиса Силкмана, и первые пять лет его жизни в Гаервандий перед богом Абджаном и парниссами ставили другого ребенка, так что чудовищная природа его осталась неразоблаченной. Параглез, в первый истинный день года моего Славненького Жирненького Поросенка Абрамакнара я спрашиваю у тебя, что ты скажешь Семье Силкман?

— Скажу так. За нарушение клятвы, за укрытие чудовища среди нас, за ложь перед людьми и богами, за созданную ими угрозу народному благополучию и за злоумышление против Семей Иберы и народа Халлеса я объявляю виновным всю Семью Силкман — практическим доказательством — и приговариваю всех живых членов этой семьи, принадлежащих к ней по рождению или браку, к смерти во всех поколениях.

Такой приговор мог быть вынесен и семье самой Кеит — не Семье, потому что Галвеи как целое не подлежали общему суду, а именно семье — отцу, матери, сестрам и братьям, ибо ни одну из ветвей Семьи нельзя было считать настолько ценной, чтобы ее нельзя было срезать — ради умиротворения толпы или сохранения власти Семьи как целого.

— Жалуешь ли ты их прощением или милостью?

— Сами боги осудили эту тварь со всеми родичами. Им не будет ни милости, ни прощения.

Мальчик рыдал. Его семья взывала к богам. Стражники привязали ребенка к лошадям. Толпа завизжала в припадке восторга.

Кони рванулись вперед.

Глава 9

С полдюжины молодых людей элегантно подпирали колонны или сидели развалясь на белых каменных скамьях, украшавших двор таверны. Единственная служанка, раскрасневшаяся и тревожно поблескивающая глазами, подавала им поднос за подносом. Закупоренные бутылки эля сменяли блюда с нарезанной полосками тушеной свининой и поджаренным хлебом, однако мысли ее были явно обращены не к клиентам и не к увесистым чаевым, на которые она вполне могла рассчитывать; заслышав призывные крики, она всякий раз морщилась. Подав наконец последнее блюдо из заказанного Ри Сабиром угощения, она спросила:

— Потребуюсь ли я вам для чего-нибудь еще?

Наивная крестьянка всем сердцем своим была обращена к религиозному празднику, который она пропускала.

Кто-то из мужчин отозвался на подобный вопрос грубым смешком, однако движением руки Ри велел им молчать.

— Нет. Ступай. Порадуйся на своем празднике. И кланяйся от меня богам, — добавил он, когда женщина исчезла под арками.

— Мы могли бы потешиться с ней, — сказал еще один.

Щеки его были украшены двумя доблестными вертикальными шрамами. Рубашка на нем, сшитая из самого легкого и дорогого красного шелка, была столь прозрачной, что служила лишь для того, чтобы подчеркнуть плавные очертания торса; кожаные штаны в обтяжку, намасленные до блеска, выпячивали прочие детали его фигуры.

Черные, приспущенные с голеней сапоги и широкая шляпа алого бархата, золотые ленты, тщательно вплетенные в длинные светлые локоны, выдавали в нем денди, но только дурак принял бы этого человека за слабака. Звали его Янф, был он богат, принадлежал к одному из младших ответвлений Семьи Сабиров и большую часть своей жизни являлся наилучшим другом и ближайшим союзником Ри.

Ри пожал плечами. Он был вымотан, раздражен, тело болело, его терзал волчий голод — как всегда после Трансформации. Если б не праздник, он весь день провалялся бы в постели, то и дело гоняя слуг за едой. Однако сейчас обстоятельства позволяли

ему переговорить с глазу на глаз со своими лейтенантами — вдали от посольства Сабиров, а также вдали от шпионов, которыми мог кишеть приятный для глаза наружный дворик этой небольшой таверны и одновременно постоялого двора.

— Верно. Но тогда мы не могли бы побыть вместе.

— Какой в этом толк? Что вообще может быть лучше хорошенькой девчонки?

— Мне нужна ваша помощь.

Пятеро лейтенантов Ри переглянулись, и выражения на их лицах являли гамму различных соотношений любопытства, удивления и опаски.

— Ты знаешь, что можешь располагать нами, — ответил зеленоглазый Валард, тряхнув каштановой головой.

— Не в данном случае. То, что мне нужно сегодня, противоречит обычаям Семьи. Вам придется решить, помогать мне или нет; поэтому я ничего не стану требовать от вас, ибо дело это может поссорить нас с Семьей или погубить.

Ри заметил, что теперь его подручные действительно заинтересовались. Он еще никогда не восставал против законов Семьи, и они понимали это.

Янф отошел от колонны, которую только что подпирал с видом беспредельно утомленного жизнью человека, и опустился на каменную скамью. Просто сел, не приняв самой выгодной позы, не обратившись прекрасным профилем к коридору, — на случай, если в нем вдруг объявится какая-нибудь хорошенькая штучка. Наклонившись вперед, он подпер голову поставленными на колени руками и нахмурился.

— За остальных не скажу, но я готов. И не потому, что в долгу перед тобой, хоть и не забыл об этом, а потому, что ты — мой друг.

Валард кивнул.

— То же скажу и я. Веди, и я последую за тобой. Все равно — куда и зачем.

Широколицый, бледный Трев промолвил:

— Я лично хочу заранее знать, что речь идет не о перевороте. Я не могу рисковать своей семьей по прихоти.

У Трева были две маленькие сестры, ради которых он перевернул бы мир. И хотя во всем остальном на него можно было положиться в той же мере, что и на Валарда или Янфа, Ри знал: Трев никогда не пойдет на дело, способное причинить даже малейший ущерб его сестрам. Он принадлежал к дальней родне и в будущем надеялся устроить выгодный брак своим девушкам.

— Измены не будет, — ответил Ри. — Однако, если вскроется ваша роль, в Семье за это нас не похвалят.

Карил, кузен Ри, старше остальных на несколько лет, задумчиво поглядел на главаря.

— Если ты собираешься сморозить какую-то глупость, по-моему, я просто обязан быть рядом, хотя бы для того, чтобы собрать останки и доставить их твоей матери — когда случится самое худшее. Так что рассчитывай на меня.

Ри засмеялся: Карил всегда ожидает самого худшего.

И повернулся к Джейму, пока не сказавшему ни слова. Такова у него привычка — не браться за дело второпях; но и поражение свое он тоже признает в последнюю очередь. Ри подумал, что, заручившись поддержкой Джейма, может рассчитывать на успех.

— А как насчет тебя?

Джейм неторопливо растянул губы в улыбке.

— Прежде чем сказать да или нет, я хочу знать, что мы будем делать.

Ри усмехнулся. Как это похоже на Джейма. Среди них он был воплощением благоразумия, всегда соблюдал осторожность, раньше всех замечал слабое место в планах и знал, как находить решение еще до того, как ему становилась известна задача. Ри желал, чтобы Джейм был с ним.

— Я хочу украсть девушку, которую Семья намеревается убить.

Лейтенанты Ри дружно разинули рты.

— Девушку? Чего ради? Семья просто засыпает тебя ими, только ты и ловить не хочешь, — заметил Карил.

— Эта — особенная.

— Еще бы не особенная! Ты уже отказал почти всем красавицам в Калимекке.

Янф ухмыльнулся.

— Хотелось бы знать, что именно делает ее такой замечательной.

На этот вопрос Ри откровенно ответить не мог; не потому, что опасался доверить правду пятерым друзьям, а потому, что и сам не знал, в чем она заключается. Как объяснить им, что встреченная им вчера женщина из Семьи Галвеев проникла в самую суть его; что даже сейчас, когда ее нет рядом, он ощущает тепло ее тела, прикасавшегося к нему после схватки с бандитами... Как мог он объяснить им, что мысли его больше не принадлежат ему. Как объяснить, что, закрыв глаза и подумав о ней, он может непостижимым образом определить, где она находится и что чувствует... что сейчас, например, она разгневана из-за какой-то несправедливости и эта несправедливость непонятно отчего незримыми нитями связана и с ним, и с нею.

Ри вздохнул.

— Она... такая, как я. Кроме того, она из Галвеев, поэтому мне не позволят взять ее, и поэтому наши хотят ее смерти.

Теперь уже все хмурились, не слишком-то одобряя его намерение вступить в борьбу с Семьей из-за женщины.

Янф спросил:

— И в чем же она похожа на тебя? Такая же безрассудная? Упрямая? Своевольная?

— Она — Карнея, — ответил Ри.

Молчание, последовавшее за этим откровением, по меньшей мере затянулось: лейтенанты Ри удивленно переглядывались между собой. Оно длилось и длилось — по мере того, как взгляды их обращались к нему.

— Карнея, — прошептал Янф.

И вновь — молчание.

Наконец Джейм сказал:

— Карнея — непростая девушка. Если мы ошибемся, она уничтожит нас. Я бы не вышел против тебя и с дюжиной вооруженных людей... едва ли она окажется слабее. Учитывая то, что сумела прожить так долго. — Он задержал в груди дыхание и с шумом выдохнул. — Единственная неосторожность... и все.

Джейм уставился на свои руки.

— Полагаю, ты собираешься взять ее во время захвата Дома Галвеев?

Ри кивнул.

— Мне кажется, в общем смятении можно будет вывести ее наружу так, что никто не обратит внимания. Я не могу выкрасть ее прямо сейчас — чтобы не поставить под угрозу планы Семьи, касающиеся нападения на Дом Галвеев. Ну а если я позволю себе подождать, покуда оно свершится, девушка почти наверняка окажется мертвой.

Янф спросил:

— Итак, во время вторжения мы в соответствии с планом отправляемся в Дом, но вместо того чтобы ловить и брать в плен Галвеев, ищем во всем этом колоссальном сооружении одну-единственную женщину?

— Правильно.

— Женщину, которая знает весь Дом изнутри, которая не хочет идти с нами и к тому же по чистой случайности способна превратиться в самый смертоносный кошмар, какой даже невозможно себе представить.

— Именно.

Янф пожал плечами.

— Я просто хотел убедиться, что все правильно понял.

Джейм вздохнул.

— Хорошо, в таком случае я просто не могу найти основания для отказа — иначе все вы не переживете и первой стычки. Так что записывайте и меня.

Никто не смог удержаться от смеха. Легко смеяться, подумал Ри, когда все хлопоты и опасности впереди. Когда у собравшихся здесь шестерых молодых людей только и заботы, что пить и есть в приятной тени пальмовых листьев, среди сладких ароматов жасмина и роз. Однако все пятеро только что согласились умереть за него, если придется, и он не мог себе позволить забыть этого или не обратить внимания на то, сколь много значит такое согласие.

— Сейчас она находится в посольстве Галвеев. Перед свадьбой они отправят ее в Калимекку — вместе с прочими, кто не способен участвовать в бою. И до того нам придется выяснить, кто она.

— Так ты не знаешь ее имени? — простонал Янф.

Джейм вздохнул.

— Но если мы не знаем ее, то каким образом ты предполагаешь ее найти?

— Я покажу ее сам.

Ри шел на это без особой охоты; хотя создание видимого образа не считалось сколь-нибудь выдающимся и тем более губительным чудом, до сих пор даже лучшие друзья не знали о его умении ворожить. Им было известно о лежащем на нем проклятии Карнея: однажды он перевоплотился, чтобы спасти жизнь Янфу, когда оба они, еще совсем юные, проявили неосторожность и очутились лицом к лицу с превосходящим численностью врагом. О магии Ри тем не менее помалкивал, потому что занятие это считалось весьма предосудительным, чего, пожалуй, ему не простили бы и лучшие друзья.

И это лишь доказывало, насколько он обезумел. Он собирался открыть перед ними секрет, который хранил пуще всего, причем осмеливался сделать это для того, чтобы спасти жизнь женщины, рожденной его врагами. И остававшейся его врагом. Женщины, которую он просто обязан ненавидеть.

Только почему в сердце его не было ненависти к ней?

Хотелось бы знать.

Набрав в горсть толченой каберры, он нарисовал ею кружок на земле, а друзья уставились на него круглыми глазами. Ри пробормотал заклинание, полоснул кинжалом по левой руке и нарисовал каплями крови крошечный кружок внутри первого. Обратившись к той связи, которую он ощущал внутри себя, Ри призвал единственное ее изображение, жившее в памяти: покрытая своей и чужой кровью, измученная, все еще сохраняющая облик Карнеи. Закрыв глаза, он притянул к себе это подобие, вспоминая при этом ее запах, звуки голоса, то немыслимое, невозможное чувство, возникшее в нем в ее присутствии. Он не стал привлекать ее в круг такой, какой она была вчера ночью, но, положившись

на необъяснимую связь между ними, попытался представить ее нынешней, какой она была в этот миг.

Кто-то охнул, и все принялись пожирать ее глазами.

В середине очерченного Ри круга, опершись на парапет, стояла женщина, находившаяся на балу в центре Халлеса, — вырезанное из черного камня ощерившееся чудовище трудно было перепутать с чем-нибудь еще; она вглядывалась в происходящее где-то внизу. Прямые черные волосы трепетали на ветру, словно шелковый вымпел. На ней было элегантное темно-синее шелковое платье, скроенное по калимеккийской моде, еще не пришедшей в столь далекое от моря место, как Халлес. Знатная и утонченная, рожденная в почете и власти, она ничуть не была похожа на вчерашнюю женщину, перебившую целую банду воров и насильников. Впервые увидев ее в человеческом обличье, Ри еще сильнее был очарован незнакомкой. Он понял, что должен или добиться ее, или погибнуть сражаясь.

Его друзья — его лейтенанты — как бы вмерзли во время: они разглядывали мерцающую фигуру распахнутыми глазами, не скрывая своего потрясения. Медленно, один за другим, отводили они глаза от обворожительного, эфемерного, светящегося неярким светом изображения женщины и обращались к нему. Ри ждал вспышек гнева, знаков измены, но увидел только удивление.

— Как?.. — шепнул Янф.

И долго еще все они пребывали в молчании. Наконец Джейм промолвил:

— Мне все равно — как. А научить этому можешь?

Он словно бы прорвал плотину, и слова хлынули потоком. Друзья хотели, чтобы он показал им еще одно чудо; они желали немедленно увидеть все, что он знает; они жаждали стать частью того прекрасного и запретного мира, который он открыл перед ними. Их не пугало, что люди платили своей жизнью, дабы вновь открыть те знания, которыми он обладал, и что утрачены они были по разным причинам; они и слышать не хотели о том, что их всех прилюдно казнят на площади, если застанут за этим делом. Они и не думали попадаться... чудо захватывало их воображение, сулило тайны, открывало мир, уходящий за пределы повседневности. И они стремились в этот мир. И были готовы закрыть глаза на любой грех, любое преступление, лишь бы получить доступ к ведущей в него дверце.

— Мы поможем тебе добыть девицу, — заявил Янф, выражая общее мнение. — Но обещай, что взамен обучишь нас магии. Окажи эту честь нам, своим верным друзьям и молчаливым соратникам.

Они предлагали ему свои жизни, свою честь — и по справедливости за все это полагалась более внушительная

компенсация. Он подумал о землях и новых титулах... пусть у них будет право потребовать чего захочется. И он не откажет.

Ри дал обещание.

— Я и помыслить не могла, что доживу до конца представления.

Кеит расхаживала взад и вперед по узенькой библиотеке. Отупевшая, измученная, по-прежнему разъяренная, она воевала с внутренним демоном, молившим ее, требовавшим всего только одной возможности расправиться с теми, кто устроил это кошмарное истязание неповинных.

Во время церемонии Дугхалл не сказал ни слова. Оставаясь рядом и ничего не делая для этого, он отгонял от Кеит всякого, кто приближался, чтобы заговорить с ней, он помогал ей соблюдать спокойствие, а потом отвез ее с Типпой в посольство Галвеев при первом же удобном случае. Впрочем, когда Дугхалл привел ее в библиотеку, Кеит поняла, что он хочет поговорить с ней.

— Ты справилась с делом, — отметил дядя, — и забудем об этом. Ты еще не сыграла свою роль до конца, и Семья надеется, что ты исполнишь ее без ошибки. Особенно теперь...

Он преградил ей путь и заглянул племяннице в глаза.

— Особенно теперь, когда твоя информация выдержала проверку. Доктииираки и Сабиры злоумышляют против нас — как ты и говорила. Ты обладаешь некоторыми... скажем так, талантами. Да, талантами... которые делают тебя незаменимой для Семьи.

Кеит глубоко вдохнула, а потом медленно выдохнула.

— Дядя, ты должен знать, кто я такая.

— Я уже догадывался... по крайней мере, мне кажется, я вычислил некоторые из твоих способностей. Однако рано или поздно ими заинтересуются, возможно, и некоторые другие члены Семьи. Но не нужно думать, будто твое отличие от остальных может отторгнуть тебя от нас. Кеит, ты просто сокровище. Ты прекрасна, ты умна, ты очаровательна, ты образованна... и твои особые способности позволяют тебе делать то, чего не могут другие. — Он потрепал ее по руке. — Ты была чудесным ребенком — никогда ничего не боялась. А теперь становишься великолепной молодой женщиной. Более того, ты можешь стать оружием в руках Галвеев — оружием, какого нет у других Семей.

Кеит приподняла бровь, подумав о Карнее-Сабире. Если Дугхалл не подозревает о его существовании, значит, он не знает о той степени опасности, что грозит Галвеям.

— Это все, чего я хочу. И все, о чем мечтала когда-либо, — служить моей Семье. Я хочу защитить ее от врагов. Потому что Семья защитила меня и дала мне возможность стать своею.

Помедлив, она пристально посмотрела на Дугхалла.

— Но, быть может, я не имею права рисковать матерью и отцом, оставаясь на службе? Может быть, у меня вообще нет права служить, потому что за мою неудачу заплатят многие — не я одна?

— Садись.

Дугхалл указал на стул с высокой резной спинкой, пристроившийся в уголке, под хрустальными стеклами библиотеки. Он сел рядом на подобный стул и продолжал:

— Ты служишь Семье — этого требует долг. И ты делаешь свое дело, не ставя под угрозу членов твоей малой семьи: ведь этого требуют одновременно и долг, и любовь. Однако, Кеит-ча, на первом месте должны стоять нужды Семьи. Выслушай заповедь, которой руководствовался я сам, по которой надлежит жить и тебе: «Ты рожден для величия, но каждое поколение должно заново заслужить его. Твоя жизнь...

— ...продолжение жизней моих предков, — перебила его Кеит, — и мост, направленный в будущее, и посему моя жизнь никогда не сможет полностью принадлежать мне, ибо каждый мой сегодняшний поступок пожинает вчерашний плод и роняет семя будущего урожая».

Она завершила цитату из Хабата патетическим тоном.

— Я знаю свой долг.

— Тогда нечего сомневаться, имеешь ли ты право служить. Ты избрана и должна служить.

— Хочу заметить, что избрана я не теми, кто знал обо мне правду... Не уверена, что они взяли бы меня на службу, если б она стала известна.

— А как насчет того, что ты сумела дожить до нынешнего дня и стать взрослой? Подумай! Не мне оспаривать цену чуда — неисповедимы пути Господни. Я выбираю тебя и ныне думаю, что выбор мой оказался лучше, нежели мне прежде казалось. Не важно, что могут подумать другие. Твой секрет я буду держать при себе; я не настолько доверяю всем членам Семьи, чтобы извещать их о внезапно свалившемся на голову даре.

Кеит засмеялась.

— Откровенно говоря, и я не так уж им доверяю... Отогнать меня от лошадей на площади могут лишь действительно близкие — члены моей семьи и ты.

— Ты и не должна этого делать. Будь настороже, и я не сомневаюсь, что ты получишь назначения, соответствующие твоим особым дарованиям. — Откинувшись назад, он переплел пальцы на животе. — Кстати о твоих талантах... Какова, в сущности, их природа? Я уже понял, что слух твой лучше моего, и знаю, что ты способна подняться по отвесной стене, на которой — на

мой взгляд — без крючьев и молотка делать нечего. Но как ты сумела это сделать?

— Я — Карнея, — ответила Кеит.

Дугхалл задумчиво посмотрел на нее и вздохнул.

— Я предполагал это. И потому предостерегал тебя в отношении казненного сегодня мальчика... До меня дошли... кое-какие слухи — прежде чем мы оставили посольство, — будто подобное создание прошлой ночью вырвалось на свободу и было схвачено рано утром. Однако сомневаюсь, чтобы этот мальчик был причиной резни в переулке.

Он помрачнел.

— Так, значит, семейное проклятие еще не изжито?

— Перед тобой прямое доказательство этого.

— И в чем же оно проявляется? В остром слухе, зрении? Большей силе, энергии, похоти?

Кеит невесело засмеялась.

— Во всем: и в скверных качествах, и в благородных. Я — Карнея в полной мере, как и убитый сегодня на улице мальчик. Я Трансформируюсь в гневе, или от другой сильной эмоции, или когда долго воздерживаюсь от Превращения. Я одновременно и женщина, и чудовище в едином теле, и лишь мне второй, чудовищной, ведомы радость и удовольствия без сожалений. Я — Карнея, моя кровь алчет чужой крови, охоты и случки, я беспощадна и не ведаю угрызений совести.

— Дитя, бывают времена, когда и угрызения совести, и снисходительность можно назвать только проклятием.

— Возможно, и так, — тихо молвила Кеит. — Но человеческое во мне раскаивается за нас обоих — и при этом вдвойне.

Дугхалл откинулся на спинку стула, соединив перед собой пальцы домиком.

— Чтобы уживаться с самими собой, мы примеряем себя таких, какие мы есть, с теми, кем хотели бы быть. «И если нам суждено познать счастье в этой короткой жизни, мы радуемся, не обманывая себя, и не забываем про доброту». Снова Винсалис. Я все-таки должен найти тебе экземпляр «Служи с честью», когда мы вернемся Домой. Вместе с *Тайными Текстами* эта книга будет особенно полезна тебе. Особенно полезна.

— Я прочту и то, и другое, — ответила Кеит, — если эти книги помогут мне служить Семье.

— Помогут. Ну а если ты действительно хочешь послужить Семье, отыщи для нас Зеркало Душ. — Дугхалл рассмеялся.

Кеит не поняла шутки.

— Зеркало Душ? Что это такое?

— Миф, наверное, — сказал Дугхалл. — Нам удалось найти несколько упоминаний в самых старых наших книгах... ну, конечно, и в *Тайных Текстах.*

Он вздохнул.

— Предположительно, это Зеркало — величайшее создание Древних. Лучшие из имеющихся у нас переводов утверждают, что это устройство могло призывать из могил усопших и возвращать их в мир живых. Представь себе возможность вернуть к жизни всех наших мертвых родичей.

На его лице было написано восхищение.

— В считанные дни мы бы одолели и Сабиров, и Доктииракoв и овладели всей Иберой. Закончились бы войны, и убийства, и насилия.

— Судя по всему, ты веришь, что подобное устройство могло существовать.

— Так тебе показалось? Прости размечтавшегося старика. Я просто хочу, чтобы оно было — и, конечно, чтобы Галвеи смогли заполучить его. Однако, несмотря на несколько упоминаний о Зеркале в древней литературе, полагаю, даже если оно и существовало когда-нибудь, то давно уже исчезло с лица земли. Впрочем, я отношу себя к скептикам — существование его едва ли возможно вообще. Подобные чары оказались бы...

Он распрямился.

— Забудь о моих размышлениях вслух, Кеит, — с улыбкой молвил он. — Глупо с моей стороны забивать тебе голову фантастическими представлениями Древних. Тебе эти бредни не нужны. Постарайся держать Типпу подальше от неприятностей, делай все возможное, чтобы она не подозревала о предательстве Доктииракoв, иначе она может выдать нас. Типпа — милое дитя, но уж слишком она наивна.

— Я сделаю так, чтоб она не сомневалась в нашем положении. Как долго мне изображать это?

Дугхалл хищно усмехнулся.

— Ты, я и Типпа отправляемся в Калимекку аэриблем — через четыре дня, на рассвете.

— В день свадьбы?

— Да.

— А все остальные?

— Большая часть уедет завтра. Остальные на следующий день.

Кеит вздрогнула.

— Доктииракu заметят это.

Дугхалл взмахнул рукой.

— В этом-то и вся красота. После того как мы вчера отправили весть домой, аэрибли доставляют равномерным

потоком «свадебных гостей», которые на самом деле таковыми не являются. Это солдаты в праздничных нарядах, многие в женской одежде — они заменят немногих женщин, стрелков из лука и мечников, которые есть у нас. Замаскированный под балласт персонал посольства мы отправляем назад в якобы пустых аэриблях. Мы трое не можем лететь до самой последней минуты, потому что Типпе и этой крысе Калмету предстоит совершить обряд очищения в ночь перед свадьбой; я должен стать свидетелем, а ты, как всегда, компаньонкой. Однако когда мы вернемся в посольство, нас будет ждать аэрибль, а на свадьбу вместо вас под вуалями отправятся солдаты, мой же дублер укроется капюшоном.

Кеит улыбнулась, и впервые за этот день улыбка ее казалась искренней.

— Значит, свадьба будет не такой, на какую рассчитывают Доктиираки?

— Естественно. А когда она закончится, праздновать будут только Галвеи.

Глава 10

Его конь — хотя Хасмаль ни под каким видом не мог бы назвать это животное своим, — точнее конь, которого он украл, довольно уткнувшись в сено, стоял в сооруженном на скорую руку загоне вместе с прочими лошадьми Гиру. Пленник сразу узнал и пятнистую шкуру животного, и кривое клеймо на правом боку... Хасмалю даже показалось, будто он уловил мстительный блеск в глазах этого создания. Он заметил коня, когда стража повела его к ручью — ополоснуться; Гиру содержали своих лошадей подальше от людского жилья — ниже по течению и по склону холма, — показав себя с лучшей стороны в отличие от создателей города, в котором проживал Хасмаль. Он никоим образом даже не намекнул своему стражу, что узнал животное: скрытность определенно сулила больше перспектив. Но на душе стало спокойнее: раз Гиру обнаружили коня, возможно, и пожитки его сейчас находятся в лагере, где-нибудь неподалеку... Быть может, он сумеет вернуть их себе.

Стоянка Гиру занимала северный склон невысокого холма, от длинного гребня до ручья, извивавшегося меж деревьев в долине. Хасмаль прикинул, что у Гиру здесь около сотни фургонов, однако он не испытывал в этом особой уверенности: лес вокруг был очень густой, и едва он замечал несколько новых повозок, как остальные немедленно исчезали из виду; да и сами они,

разрисованные лесными и луговыми пейзажами, неким таинственным образом растворялись среди окрестностей, внушая тревогу. И все же приблизительную оценку он получил — этого было достаточно, дабы представить, что взрослых Гиру здесь по меньшей мере свыше пятидесяти — поэтому нечего было и мечтать о том, чтобы одолеть стража и бежать.

Потом, Хасмаль имел представление и о своей силе, и о своей слабости, и у него хватало ума не путать одно с другим. Рожденный в городе, воспитанный в цивилизованных условиях, привыкший к доставляемой акведуком воде и пище, приготовленной дома в кирпичной печи, к общественным баням, а не речкам, он и на мгновение не обольщался тем, что сумеет бежать через лес, удрать от погони и пережить опасности, коими изобиловали дикие края. В глуши он был слаб.

Но оставались хитрость и осторожность, и с помощью особых качеств он надеялся выпутаться из непростой ситуации.

Охранявший его Гиру не проявлял нетерпения, пока Хасмаль купался. Ухмыляясь, он сидел на поваленном дереве и не отводил нацеленный на грудь пленника арбалет. Оружие вынуждало Хасмаля нервничать, тем не менее страж обращался с ним неплохо, обеспечил его изрядным количеством пищи и обвел вокруг колючих зарослей, вместо того чтобы заставлять пробираться сквозь них. Последнее обстоятельство особенно порадовало Хасмаля, до сих пор остававшегося без одежды.

— Спасибо тебе за то, что не торопил меня с мытьем, — произнес Хасмаль по-иберански, затевая со стражником сложную игру, в которой он изображал, что в жизни не слыхал шомбийского слова, в то время как охранявший его человек претендовал на полное незнание иберанского. Поэтому объяснялись они жестами, призывая при этом к себе богов, чтобы собеседник первым начал выдавать свои секреты.

Хасмаль намылился мылом, полученным от стражника, наслаждаясь прикосновением пены к своей коже, так же как и водой, которая омывала все части тела, пострадавшего во время вчерашней скачки.

— Эти сукины дети протащили меня сквозь каждую лужу и чащу, которую сумели отыскать между дорогой и тем местом, где они встретились с вами, ребята.

Страж улыбался, делая вид, что не понимает слов Хасмаля.

Пленник расслаблялся в воде, не такой чистой, как доставляемая акведуком, но тем не менее прекрасной.

— По-моему, ты даже не представляешь, как это бывает, когда тебя предают, — продолжал Хасмаль. — Что испытывает свободный человек, спасающийся от зловещих знамений,

попавший в руки воров и едва не повешенный, — только потому, что при нем не нашлось ничего ценного. Не представляешь, как ощущает себя человек, из петли проданный в рабство дохода ради.

Тряхнув головой, он полностью погрузился в воду и, намочив волосы, принялся намыливать их.

— Эти сволочи стащили мою одежду и оставили нагишом. Даже каких-нибудь лохмотьев не кинули, чтобы прикрыться. И все же... нагому рабу легче, чем мертвому свободному человеку.

Хасмаль закончил намыливание, сполоснулся и встал.

Страж, все еще ухмыляясь, бросил ему полотенце — такое грубое и жесткое, что в банях Халлеса их бы использовали только для того, чтобы стирать грязь с обуви. Хасмаль не был уверен, следует ли вытереться им, или обмотать вокруг чресел, и поскольку страж ни словом, ни мимикой не намекнул ему на функцию этой тряпки, решил сделать и то, и другое. Пока он шел к ручью, женщины в лагере посмеивались над его наготой; хорошо, что этого можно было избежать на обратном пути.

— Я бы отдал все, чтобы получить мои вещи назад и убраться отсюда, — сказал Хасмаль.

Стражник показал на вершину холма, и Хасмаль направился вверх. Грубая лесная почва ранила ноги, однако он приободрился — вымывшись и прикрыв наготу полотенцем.

— Вы, наверное, захотите избавиться от меня, если узнаете, какого рода неприятности связаны со мной. Я проклят, и судьба моя связана с женщиной из семейства Галвеев. Я как раз собирался уйти как можно дальше от нее — пока не случилось чего-нибудь ужасного. Мне предсказана незавидная судьба, и оракул не утверждал, что она не затронет окружающих.

Страж привел Хасмаля в шатер, где его держали под охраной.

Гиру оставил ему полотенце: неплохо. И не запер руки в колодки, в которых пленнику приходилось спать, — тоже ничего. Однако он надел на Хасмаля металлический ошейник и прикрепил его к цепи, прикованной к каменному шару, находившемуся в центре шатра. Хасмаль не стал защищать свое достоинство более, чем в прочих случаях. Пусть свершится то, что должно свершиться, а он будет ждать. Он умеет это делать.

Когда солнце миновало половину своего пути по небу, шум в лагере изменился — и по характеру, и по громкости. До ушей Хасмаля доносились крики, топот лошадей, скрип повозок, и ему захотелось узнать, что именно там происходит. Наконец в его шатер кто-то вошел, но не стражник, а женщина, на его взгляд, средних лет, однако чрезвычайно хорошо сохранившаяся. Она была одета в свободные кожаные штаны и кричащую шелковую блузу — обычный костюм женщин Гиру, но шею ее охватывала тя-

желая золотая гривна, а заплетенные волосы были украшены рядами золотых бусин. В молодости, вне всякого сомнения, она ошеломляла своей красотой, и время, успевшее, впрочем, вплести седину в ее косы и добавить морщин на лицо, не сумело все же попортить дивные черты. Оно смогло лишь прибавить характера — чего, по мнению Хасмаля, недоставало лицам его ровесниц. Сугубо инстинктивно он улыбнулся ей. Подобная женщина привлекла бы его внимание в любых обстоятельствах, и нынешняя трудная пора не представляла исключения.

Она внимательно изучала его лицо. Хасмаль молчал, ощущая в ней перемену своей судьбы. Наконец незнакомка произнесла:

— Ты странный раб. Ты не просил о свободе — но называешь себя свободным. Ты ничем не грозил нам, если мы не освободим тебя, — и утверждаешь, что поражен проклятием. Ты не пытался вернуть себе коня или пожитки — хотя Флонабан говорит, что ты видел свою лошадь среди наших.

— Итак, Флонабан все-таки разговаривает по-иберански?

— Ты тоже знаешь шомбийский, или я не права? Мы велели ему выяснить о тебе все что удастся. И ты основательно помог ему. Но, должна признаться, совсем не так, как помогают рабы.

Хасмаль улыбнулся и промолчал. Вежливость, благодарность за хорошее обхождение, капелька информации, попавшая в нужный момент и нужное ухо, обычно приносили свои плоды. Оставалось только надеяться, что плоды эти окажутся полезными для него.

Женщина также ждала, словно бы надеялась услышать от него что-то еще — быть может, протесты против рабского положения и просьбу о возвращении своих пожитков. Хасмаль молчал, и она наградила его ослепительной улыбкой, изогнув брови дугой.

— Великолепно. Молчание делает тебе честь.

И тут она промолвила слова, потрясшие его до глубины души:

— Катарре койте гомбри... хай аллу ниш?

Это было приветствие, которым пользовались Соколы; слова, оставшиеся от языка, почти целиком уничтоженного бурями времени, были сохранены братьями, поклявшимися хранить тайны прошлого и содействовать осуществлению пророчеств, которые должны благотворно повлиять на участь всего человечества. Отец объяснял ему, что фраза эта означает: «Сокол предлагает тебе свои крылья... ты полетишь?»

Хасмаль ответил словами, которым научил его отец:

— Алла менчес, на гомбри амби кайта камм. Я согласен и за соколиные крылья отдам свое сердце.

— Удачная встреча, брат, — сказала она и, склонившись над ним, отперла кольцо, приковывавшее его к камню. Тяжелые косы скользнули по нагим плечам Хасмаля, сладост-

ный, чуть отдающий мускусом запах наполнил ноздри. И вдруг он почувствовал, что никакими словами не может выразить свою благодарность за то, что грубое полотенце по-прежнему окутывает его чресла. — Нам нужно кое-что обсудить; пойдем со мной.

Так, почти мгновенно, он оказался гостем, а не рабом Гируналле. Женщина вывела его из шатра, и он заметил, что повозки выстроились в цепочку, люди привязывают заводных лошадей к задкам повозок, а наездники уже разъезжают вокруг огромного поезда, выкрикивая приказы.

Женщина привела его к прекрасной, расписной повозке, которую назвала своей резиденцией. Возница уже сидел на высокой поперечине с вожжами в руках. Махнув ему, она крикнула пошомбийски, а потом пригласила Хасмаля в свой дом на колесах.

Вступив внутрь, он был совершенно очарован. Ему еще не приводилось бывать в повозках Гиру, и он даже не представлял, каким восхитительным может сделаться столь ограниченное пространство. Он оказался в комнате, на отполированном до блеска полу из плотно пригнанных друг к другу деревянных досок, под расписным деревянным потолком, достаточно высоким, чтобы можно было свободно стоять. Вдоль одной стены, под окном из настоящего стекла, тянулась покрытая мягкой обивкой скамья. Вдоль другой разместились кладовая и шкаф с ящичками от пола до потолка; между ними располагалось место для приготовления пищи. Передняя часть была отведена под глубокий шкаф с лесенкой, наверху которого находилась ниша с матрасом и несколькими туго набитыми подушками.

У нее есть все необходимое для жизни, подумал Хасмаль, причем во всяком уголке, куда бы она ни попала.

Сняв одну из подушек с длинной скамейки, женщина открыла крышку устроенного там сундука. Достала оттуда пару поношенных темно-зеленых кожаных брюк и шелковую, сизую как голубь рубашку. Она перебросила Хасмалю эти вещи, и он стал одеваться, не забывая о том, что женщина следит за ним. Одежда пришлась ему почти впору — и это притом, что мужчины Гиру были преимущественно рослыми и стройными... рядом с ними Хасмаль казался скорее невысоким, но мускулистым.

— Чьи они?

— Теперь твои. А прежде принадлежали другу... но он перебрался отсюда.

— Спасибо тебе, — он помедлил, не зная ее имени, — госпожа.

— Какая из меня госпожа! — сказала та. — Просто женщина. Можешь звать меня Аларистой.

Это не было ее именем, он знал это. Гиру никогда не называли свои истинные имена, ибо знание настоящего имени дает власть над душою.

Он кивнул.

— Алариста. А меня зовут Чобе.

Так его звали в детстве; подобным образом Хасмаль избегал бестактности, ибо, назвавшись перед ней своим именем, отчасти возлагал ответственность за свою душу, хотела она того или нет.

Когда он оделся, хозяйка велела ему сесть и предложила напиток, названный ею кемишем, который, по ее словам, приготовлялся из семян и плодов растения кокова, красного перца и молодой сушеной рыбы, смесь крепкую, едкую и сомнительную, — по правде сказать, более отвратительной жидкости ему еще не приводилось пробовать. Дома из тертой коковы и меда приготовляли сладкое и приятное питье. Хасмаль даже не представлял, что можно найти способ сделать кокову настолько отвратительной. Тем не менее он был гостем, и что еще важнее, гостем собрата — Сокола; в таковом качестве он был вынужден и проглотить мерзкую жижу, и улыбнуться, и выразить свое удовольствие.

Покончив с питьем, она наконец перешла к тому, что было у нее на уме.

— Когда Флонабан сказал мне, будто ты проклят, я сразу ответила ему, что это чушь и что ты пытаешься запугать его и таким образом найти путь на свободу. Однако я не стану верить подобному утверждению, не получив доказательств.

Она улыбнулась.

— Конечно.

Он остановился, не добавляя никаких подробностей, ибо, услышав, она передаст их кому-нибудь, а он не хотел распространять вестей о себе.

— Я гадал. И увидел... жуткую вещь.

Хасмаль ждал. Возможно, эта женщина знает больше, чем он. И сама скажет то, что ей известно.

Она вздохнула.

— Как бы мне ни хотелось, — ведь я еще не встречала Соколов, не принадлежащих к моему народу, — мы не сможем оставить тебя у себя. Тогда рок, который пал на тебя, поглотит и нас, — так показало мое гадание.

Она сидела, высоко подняв голову, сложив руки на коленях.

— Мы всегда стремились предоставить убежище всем, кого угнетают нынешние власти. Однако силы, которые ищут тебя... — Женщина изящно поежилась. — Я не смею даже предположить, что мой народ способен стать между тобой и богами.

Хасмаль надеялся услышать от нее больше: узнать подробности жребия, который предрекало ему ее гадание, и почему выпала на его долю такая судьба. Однако женщина, последовав его собственному примеру, умолкла и теперь ожидала его ответа.

— Значит, вы хотите отпустить меня? Вернуть мне свободу?

— В известной мере. Мы отправили голубей нашему агенту в Костан-Сельвире, чтобы тебя взяли на борт корабля. И теперь сворачиваем наш стан — чтобы доставить тебя в гавань, посадить на корабль и увидеть, как ты отплываешь от берега. Когда нас с тобой разделит достаточное расстояние, ты сможешь поступать, как тебе вздумается; но пока корабль не выйдет из гавани, рядом с тобой будет находиться или страж, или я.

— Значит, я заключенный?

Смех ее оказался столь же очаровательным, как и улыбка.

— Нет, ты более не раб, и я скорее назвала бы тебя своим гостем, но если ты попробуешь, э... уклониться от моего гостеприимства прежде, чем отплывешь на своем корабле... — Она снова пожала плечами, и он отметил, как движение это самым любопытным образом взволновало ее грудь. — Тогда мои люди будут вынуждены застрелить тебя прежде, чем ты успеешь сделать десять шагов.

— Но почему? Почему вы не можете просто вернуть мне коня и вещи и отпустить?

На сей раз смех ее прозвучал еще более искренне и веселье заиграло в уголках глаз.

— Потому что — пожалуйста, прости мою откровенность — я не думаю, что у тебя хватит разумения и ловкости, дабы уйти от моих людей так далеко, как мне хотелось бы. Ты не умеешь ездить верхом, не чувствуешь лес настолько, чтобы понимать, где тебя ждет засада. Кроме того, при всем твоем уме и способностях, коими ты обладаешь, могу поручиться: ты не успеешь отъехать отсюда и на один фарлонг, как вновь попадешь к кому-нибудь в плен.

Она наклонилась вперед, и шелковая блуза заманчиво распахнулась, обнажив правую грудь и почти не скрыв левую.

Хасмаль старательно боролся с негодованием.

— Итак, ты хочешь удостовериться в том, что я окажусь как можно дальше отсюда.

— Именно... так далеко, как унесут тебя море и корабль.

— Ну что же, сетовать мне не на что, я и сам намеревался предпринять нечто подобное и останусь доволен, пока роковая для меня особа будет находиться за моей спиной.

Женщина не шевелилась, и он понял, что говорит, не отрывая взгляд от ее груди. Покраснев, Хасмаль заглянул ей в глаза и понял, что она прекрасно знает, куда он смотрит... и что подобное внимание доставляет ей удовольствие. Чувствуя себя сущим олухом и идиотом, Хасмаль уставился на свои руки и, чтобы переменить тему, спросил:

— А что мне придется делать все это время?

Алариста не ответила. И, подняв кверху взгляд, он увидел на ее губах тень улыбки, а в глазах тлеющие огоньки. Низким мурлыкающим голосом она сказала:

— Я придумаю тебе занятие.

Глава 11

Кеит шла по улице Чистых Ключей рядом с Типпой; свита из солдат, одетых слугами и низшими чиновниками, следовала за ними. Предполагалось, что они занимаются покупкой шелков и стеклянной посуды для приданого Типпы, однако истинной целью было просто показаться, убедить Доктииракова и Сабиров в том, что Семья Галвеев ничего не подозревает и завтра вступит в свадебную ловушку, когда зазвонят колокола в час Сомы.

Типпа, бедное несмышленое дитя, по-прежнему не подозревала ничего плохого. Ей сказали, что ночью прибудут на аэрибле ее родители и другие видные члены Семейства — после посвятительной службы, а пока приехали только дальние родственники из Гофта и колоний. Историю сию она восприняла как священное писание и старалась проводить свое время в беседах с этими «родственниками» — к всеобщему удивлению. Так Кеит удалось сделать сразу два дела: убрать ее подальше от общества и только что прибывших солдат, нуждавшихся во времени для решения стратегических вопросов.

Таким образом возник и этот поход за покупками, увенчавшийся приобретением пяти рулонов синего словно сапфир шелка, сотни красных как рубин кубков из дутого стекла, стоивших, с точки зрения Кеит, невероятную сумму, и, наконец, набора серебряных графинов, изображавших щенков леопарда, который Типпа объявила драгоценным, а спутница ее сочла просто смешным. Заодно Кеит приобрела жуткую головную боль, отчасти возникшую в результате ее попыток противиться волнам зла, не ослабевавшего, нет, а еще более сгустившегося после приема в честь Дня Именования. Отчасти, впрочем, боль эту можно было объяснить голодом: Кеит успела только позавтракать, да и то на самом рассвете. Обращенное к Моссту заклятие уже звучало на улицах, и стоявшее в зените солнце пекло голову.

Благоухание мяса, хлеба, пирогов и других деликатесов наполняло улицу Чистых Ключей от одного конца до другого; лавки торговцев шелком, менял и ремесленников чередовались с пекарнями, рыбными лавками, от питейных домов пахло

медом, и, нюхом ощущая все новые и новые соблазны, Кеит решила, что озвереет, если вот-вот не перекусит.

— А ты не хочешь пирожка? — спросила она у Типпы, уже успевшей отворотить нос от питона на вертеле, от попугаев, зажаренных в собственном соку, от начиненного кукурузой и сладким ямсом отварного пеккари, источавшего неземной аромат, как показалось Кеит.

Типпа вновь исторгла тяжкий вздох, означавший скорбь по поводу того, что ее окружают идиоты.

— Кузина, разве ты не понимаешь? Я просто не могу есть в подобных местах. В этом городе мне предстоит быть адратой, а однажды я, возможно, сделаюсь параглезой, и мне не подобает есть на улице, как простолюдинке.

Кеит разглядывала превосходный обсыпной манговый рулет, восседавший на прилавке одной из самых обыкновенных харчевен, не собиралась мириться с новой неудачей лишь потому, что ее кузина считала, будто употребление простой пищи не подобает ее новому положению, — которого ей не суждено было достигнуть. Поэтому она сказала:

— А вот меня в дипломатическом корпусе успели научить, что если ты хочешь добиться любви своего народа, нужно уметь самой демонстрировать свою симпатию к этим людям. Можно ли придумать лучший способ для начала, чем разделить с ними еду?

Типпа, хмурясь, посмотрела себе под ноги, и Кеит увидела, как зашевелились ее губы. Наконец она перевела взгляд на спутницу.

— А ты уверена, что, попробовав уличной пищи, мы не покажемся... принадлежащими к простонародью?

Кеит изобразила на своем лице искреннюю уверенность.

— Безусловно.

За молчанием последовал новый вздох.

— Ну что ж, тогда перекусим. Я уже ощущаю голод.

Встав в очередь за рабочими, торговцами и продавщицами, они купили себе по прекрасному пирогу, а солдатам взяли каких-то печений. Потом отправились в другую лавку — есть нафаршированных попугаев. После, в медоварне, выпили крепкого красного меда, поданного в посудинах из листьев дерева бассо, скрученных конусом и склеенных воском. Кеит восхитила сама идея расходуемых стаканчиков — до сих пор во всем Халлесе ей ничего не понравилось. И наконец, прежде чем посетить последнюю лавку шелкоторговца на этой улице, они зашли в ледяную лавку. Льда в Халлесе было еще меньше, чем в Калимекке, потому что его приходилось доставлять не просто с гор, но из чужих земель, и цены, написанные мелом на доске продавца, казались воистину астрономическими. Однако полуденная жара делала моро-

женые сласти неотразимыми для обеих девиц, и Кеит в приступе благородства купила себе и кузине — а также всем поддельным чиновникам и слугам — по небольшой чашечке скобленого льда, смешанного с фруктовыми соками и медом. Наслаждаясь лакомствами, они стояли возле стены дома, пытаясь укрыться от солнца, и тут Кеит вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Она слегка насторожилась, но сумела ничем не выдать своего подозрения. Конечно, они с Типпой естественным образом привлекали внимание, однако здесь речь была не о том.

Он находился где-то в толпе. Тот, другой Карней. Тот, которого она встретила и воспылала страстью.

После их расставания она постоянно ощущала его присутствие. Кеит чуяла сквозь каменную стену, как он ходит возле посольства, пытаясь увидеть ее. Иногда даже посреди ночи сердце ее начинало колотиться, напоминая всего лишь о его существовании. Ее притягивало к нему — как если б он был железом, а она магнитом. Иногда нечто таинственное, находящееся за пределами ее знаний и представлений, пробуждало в ней желание, вопреки тому, что подобные чувства — как ей хорошо было известно — являлись предательством интересов Семьи. Этот Сабир рождал в ней голод, в котором она не могла признаться и которого не смела утолить. Неизвестный был для нее и бальзамом, и ядом, и даже размышления о подобном чувстве были столь же непростительны и притягательны, как Переход.

Теперь он был близок... не в пределах досягаемости чутья, разве что ветер дул навстречу ему, — но настолько близко, что она начинала уже ощущать, как внутри ее тела рождается новый безумный голод. Животная страсть, пояснила себе Кеит. Похоть Карнеи, слабость ее второго, нечеловеческого «я». Нельзя вести себя как животное.

Похоть бушевала в ней.

И в тысячный раз после той ночи она вспомнила о Хасмале, сыне Хасмаля, и о стене мира, окружавшей его. В тысячный раз Кеит пожалела о неизбежном присутствии спутников: в дневные часы у нее никогда не было времени, чтобы исполнить данное обещание и отыскать его. В этом Кеит усматривала не просто стечение обстоятельств, но и руку своего дяди; хотя Дугхалл не расспрашивал обо всем, происшедшем до ее возвращения в посольство и подъема по каменной стене, она не сомневалась, что он испытывает относительно нее определенные подозрения. И потому решил приставить к ней соглядатаев, чтобы наверняка знать: никаких неожиданных случайностей уже не произойдет.

И теперь, находясь в обществе Типпы и солдат, Кеит подумала, не предложить ли ей прогулку на улицу Камено-

тесов, в лавку редкостей Хасмаля, чтобы, мол, купить Типпе подарок, а там скорее всего найдется какая-нибудь редкость. Она посмотрела на Норлиса, старшего сержанта охраны посольства, одетого сегодня в мундир младшего помощника секретаря.

Тот подошел к ней и негромко произнес:

— Спасибо, госпожа, за лед. Очень вкусно.

Она улыбнулась.

— Компенсация за... страдания, которые вы претерпели сегодня.

Типпа никогда бы не посмела разговаривать со старшим сержантом в таком тоне, какой позволяла себе с младшими помощниками секретарей; поэтому переодетому Норлису и его людям пришлось услышать от нее несколько пустяковых колкостей. Служившие Семьям солдаты пользовались большим уважением, их услуги высоко ценились; члены Семьи почитали своих защитников — разумный человек не станет иначе относиться к тому, кто в минуты опасности заслонит тебя от беды. Прочая челядь не заслуживала подобного уважения и обычно не удостаивалась его.

Покраснев, Норлис пожал плечами.

— Утро было, конечно, и долгим, и трудным, но... все в порядке.

— У меня есть предложение. Я слышала, на улице Каменотесов, в маленькой лавке можно отыскать удивительные подарки. — Отвернувшись, Кеит наморщила лоб, как бы припоминая название. — Хад... Хар... словом, чьи-то редкости. — Посмотрев Норлису в глаза, она с триумфальной улыбкой вымолвила: — Ах да, «Редкости Хасмаля». Именно так! Я бы хотела заглянуть туда, прежде чем мы вернемся в посольство, и купить что-нибудь особенное для Типпы и ее будущего мужа.

Норлис медленно кивнул головой и по ее лицу пытался понять, чего на самом деле хочет Кеит. Конечно же, он понимал, что покупка свадебного подарка — чистая ложь; ведь им обоим было известно, что никакой свадьбы не будет. Однако от этой затеи он явно не испытывал и капли удовольствия, вне зависимости от предлога.

— Мне примерно известно, где искать эту улицу, но я не стал бы водить вас туда. Та часть города опасна — хорошо одетые люди исчезают там средь бела дня, и то, что нас много, не послужит защитой.

Приподняв брови, она беззвучно произнесла: *но вы же солдаты.*

Он показал на пояс, где висел только один короткий кинжал. Тут только Кеит заметила, что Норлис без меча — как и остальные солдаты. Действительно, разве положено обыкновенному челядину военное оружие... да и что мог он им сделать, если б даже и имел при себе? Она горячо пожалела этих вояк, одетых в красные с черным чиновничьи оборки и рюши: они навер-

няка казались себе нагими — без клинков и мундиров, не стеснявших движений, в отличие от этих одеяний, предназначенных для того, чтобы подчеркивать отточенные линии голеней и плеч.

На улице Чистых Ключей, в квартале от посольства — к тому же в приличном районе — им ничто не грозило. У Кеит с Типпой денег при себе почти не было; как и все знатные люди, Типпа приобретала необходимое с помощью кредитных писем. Грабить в таких случаях бессмысленно, о чем знали даже беднейшие горожане. Более привлекательным обычно являлось похищение, и, охраняемые солдатами, в точности, вплоть до оружия, изображавшими чиновников, они сделаются подходящим объектом для банды, которая дожидается подобной возможности, — если слишком далеко заберутся от дома или забредут на сомнительную улицу.

Однако ей нужно было найти Хасмаля и открыть секрет, позволявший злу мира не прикасаться к нему. Другого шанса может не представиться; когда они с Типпой вернутся в посольство, сразу же начнется подготовка к посвятительной службе. Там они снова окажутся под постоянным надзором — до тех пор, пока не вернутся снова в посольство, что произойдет лишь в час Телт, когда небосвод потемнеет и Красный Охотник на небе присоединится к Белой Госпоже. Тогда их с Типпой запихнут в последний аэрибль, отправляющийся из Халлеса; они поднимутся в небесную тьму, а Хасмаль вместе с его тайной будет навеки утрачен ею.

Она должна была отыскать его — и не имела возможности. Кеит знала, что могла бы отдать приказ и Норлис повел бы ее туда и защищал бы, рискуя своей жизнью. Однако жизнями верных солдат в Семье не рискуют без необходимости. Свой долг был и у Кеит, и он требовал, чтобы она приняла к сведению предупреждение Норлиса ради безопасности Типпы — и собственной. Похищения ослабляли Семью; вот и бедная Даня до сих пор оставалась невыкупленной: Сабиры выторговывали за нее мешки золота и дюймы границ — как бабы, покупающие рыбу на рынке, хотя Галвеи перепробовали уже все мыслимое, пытаясь заставить похитителей принять какие-либо условия и отослать ее домой.

Кеит обратила взор в сторону западной стены города, где Хасмаль занимался, должно быть, своими делами, и понурилась. За такой секрет она отдала бы, наверное, все что угодно; однако не ей рисковать силой и честью Семьи.

Поглядев на Норлиса, Кеит сказала:

— Тогда зайдем к последнему шелкоторговцу. Типпа еще не скупила все, что есть в этом городе.

Норлис негромко ответил:

— Если там есть что-либо нужное вам, то, освободившись, я могу сходить туда и купить.

— Нет, я просто хотела посмотреть. Однако спасибо за предложение. Ты очень любезен.

Норлис улыбнулся ей и отошел прочь, а Кеит на мгновение прикрыла глаза, ощущая, как вездесущее зло стучится в стенки ее черепа, как шпионит за ней похотливый Сабир, как хочет его она, и мысленно простилась с Хасмалем и его тайной... самой возможностью когда-либо отыскать свойственный ему покой и самообладание.

Помнит ли он ее, подумала вдруг Кеит. А потом вернулась к насущным делам.

Наконец, преодолев морскую болезнь, продержавшую его в тесной каюте несколько дней, Хасмаль сидел на кормовой палубе небольшого рофетианского торгового судна, держась подальше от моряков, сновавших вверх и вниз по снастям. Он наслаждался приятным ветерком и чистым воздухом, удивляясь тому, что корабль, похоже, неуклонно идет на северо-восток.

Верная своему слову, Алариста посадила Хасмаля на корабль, приказав экипажу убить пассажира, если тот попробует бежать. Она оплатила в один конец его проезд до Колонии Кендер, расположенной на другом краю океана и мира. Корабль, как предполагалось, должен был уже направляться туда — менять шелк, стекло и зерно на пряную каберру. Алариста вернула ему все пожитки, наделила последним страстным поцелуем и сказала, что будет скучать о нем, как ни о ком в своей жизни. А затем ушла, даже не оглянувшись. Корабль поднял паруса, и Хасмаль обнаружил, что желудок его не ладит с морем.

Ладно, возможно, моряк из него не получится никогда, однако чувство направления трудно отнять, и он знал, что, отплывая из Костан-Сельвиры, корабль взял курс на юго-восток. Когда Хасмаль пробовал выяснить у капитана или экипажа, почему они изменили направление — ведь он провел неведомо сколько дней, лежа пластом на койке, — они ограждались от него знаком гадюки или плевали на палубу, чтобы отвратить зло. В конце концов он отказался от дальнейших расспросов. Изменение курса корабля попрежнему беспокоило Хасмаля — как и то, что он был на этом судне единственным пассажиром и все без исключения относились к нему с опаской. Понятно было, что они знали о висевшем над ним проклятии: вне сомнения, Гиру не умолчали об этом, — и Хасмаль поражался только тому, что его еще не выбросили за борт — в качестве снеди акулам и прочим морским чудовищам.

Крик «Земля!» вывел его из задумчивости. Поглядев на горизонт, он заметил на северо-западе невысокую темную гряду, похожую на облака, поднимающиеся над горизонтом.

Он прищурился, но гряда оставалась расплывчатой, однако чуть погодя время сделало резким то, что не давалось глазам. Перед ним тянулся большой мыс, плоский и зеленый; берега его повсюду резко обрывались вниз. Издали суша казалась крошечной, однако же росла по мере приближения судна, и, наконец, Хасмаль стал уже гадать, что это: остров или мыс континента. Три белые башни — дело рук Древних — высоко взмывали над деревьями, и он решил, что они служат здесь маяками. Купеческий корабль резко забрал к востоку и некоторое время плыл параллельно берегу. Ветер пел в снастях и хлопал парусами, когда экипаж спускал самый большой из них и поднимал те, что поменьше. Капитан выкрикивал приказания, матросы кричали в ответ, и все они как бы не замечали Хасмаля.

Вскоре слева перед глазами Хасмаля возник город. Оштукатуренные стены домов были раскрашены трепетными оттенками красного, желтого и пурпурного; по ним карабкалась вверх бугенвиллея, рассыпавшая каскады розовых, лавандовых и белых цветков по гнутым, крытым черепицей крышам. По кровле лазали обезьяны, перепрыгивавшие на пальмы; баньяны раскачивались на перистых листьях финиковых пальм и кричали. Стаи попугаев переругивались наверху; чайки лениво вычерчивали круги вокруг мачты торгового судна, пеликаны ныряли за рыбой за его кормою. Улицы были полны людей в белых одеждах, слепивших глаза под тропическим солнцем.

Судно вдруг повернуло и взяло севернее, правя на точку, спрятанную от глаз Хасмаля долгой линией побережья. Наконец, по правую руку его появилось скопище мелких островков, а слева он заметил превосходную гавань, укрывавшую с полсотни парусных кораблей самого разного вида; мачты без парусов поднимались кверху наподобие лишенного листьев леса. Между судами сновали джонки, боты, стройные лодки с выносными уключинами и катамараны, перевозившие с кораблей и с берега груз и пассажиров.

Матросы свернули паруса и бросили якорь; настроение на корабле явно переменилось: ритм движений замедлился, стал мрачным и каким-то зловещим. В этом полном жизни и очарования краю страх казался Хасмалю непристойным, и тем не менее он убоялся.

Подошедший к нему капитан скомандовал:

— Забирай свои вещи. Ты оставишь нас здесь.

Взгляд морехода не допускал вопросов, и Хасмаль не стал задавать их. Сбежав вниз, он схватил мешок, в котором держал вещи, одежду и некоторые принадлежности, и торопливо поднялся по лестнице — как раз вовремя, чтобы увидеть четырех моряков, спускавших на воду длинную лодку. Капитан ожидал его.

— Ступай вместе с ними и не вздумай сопротивляться. Тебе повезло уже в том, что я не утопил тебя в первую ночь; я не поступил так по одной лишь причине: эта банда Гиру некогда оказала мне услугу, и они попросили, чтобы с тобой обошлись по-хорошему. Но услуги услугами, а твое путешествие кончается здесь. Пусть лучше я сгнию в пекле у Тонна, но тащить тебя вместе с твоим проклятием через Брежианский океан, рискуя собственным кораблем, не хочу.

У Хасмаля не было денег, он не знал, где остановиться, просто не представлял, куда его завезли. На его взгляд, это могли быть Огненные острова или Берег Погибших Душ. Но он не возражал. С той же радостью он высадился бы в Колонии Кендер, которая, помимо того что располагалась на другом конце света, еще и принадлежала Сабирам; это давало ему дополнительную гарантию, что беда не увяжется следом. Он готов был выйти на берег в любом месте, благословляя судьбу за два дара: за то, что остался жив, и за то, что сумел еще больше удалиться от этой женщины из рода Галвеев.

Хасмаль спустился в шлюпку, и его в полном безмолвии отправили на берег; по знаку, данному одним из матросов, он соскочил в воду, когда ее уже было по колено, и побрел к берегу. Четверо гребцов, оставшихся в шлюпке, немедленно повернули назад к кораблю, и когда Хасмаль обнаружил удобный наблюдательный пункт на каменном пирсе, купеческий корабль под всеми парусами уже спешил вон из гавани.

Он следил за кораблем, пока тот не исчез за мысом; чувство утраты в подобной ситуации казалось глупым, тем не менее он не мог противиться ему. Корабль связывал его с прежней жизнью — и прежним собой, — и теперь эта последняя тонкая связь порвалась, оставив его гадать, кем станет он впредь и что с ним будет.

Наконец он поднялся; кожаные штаны еще не просохли; свежий ветерок обдувал их, выгоняя соль. Надо было где-то устроиться и изобрести способ зарабатывать деньги. Также следовало поесть: утомленный качкой желудок уже напоминал о долгой голодовке и требовал прекратить ее.

Кроме того, надлежало выяснить, где он все-таки высадился. Последний вопрос разрешался проще всего — удалось бы только найти человека, говорящего по-иберански, и спросить его, не забывая об осторожности. Ему не хотелось бы начинать новую жизнь с того места, где закончилась старая, — человеком, который известен тяготеющим над ним проклятием. Он попытался придумать не вызывающую подозрений историю о том, как и почему его высадили на берег неведомо где и без денег; потратив на это немало времени, он вроде бы состряпал убедительную версию.

Заметив возле пирса рофетианского моряка, обеими руками обнимающего девицу в белых одеждах, Хасмаль направился прямо к ним.

— Товарищи выкинули меня с корабля, — начал он свое объяснение. — Понимаешь, мне везет в кости, но на последнем броске оказалось, что я проиграл больше, чем имел...

Он вздохнул и ухмыльнулся.

— Последние пять дней я пил и вот не знаю, куда попал.

Моряк расхохотался, белые зубы блеснули в черной бороде.

— Кости и мед многих высадили на незнакомые берега. Но если ты и осел, то счастливый осел, ибо недалеко от цивилизации. Ты сейчас в Маранаде, на Гофте.

— Спасибо, — молвил Хасмаль.

Он улыбнулся, не ощущая веселья, и уверенной поступью отправился прочь: искать подходящее укрытие. Ему представлялось, что он слышит хохот богов. Гофт — остров огромный, наверное, лиг тридцать длиной — но все-таки недостаточно большой для его цели. От материка его отделял узкий пролив, а на противоположном берегу находилась Ибера и не более чем в двадцати милях отсюда была Калимекка. Дом Семейства Галвеев.

Он оказался еще ближе к беде, чем был в Халлесе. Нужно отыскать новый корабль, чтобы выйти на нем в море, — и сделать это как можно скорее.

Глава 12

В холодной, жесткой черноте стоянки Хульд, когда свет и тепло казались сном, который никогда не придет, Кеит находилась возле Типпы во дворе посольства и смотрела на расхаживавшего Дугхалла.

Типпа рыдала.

— Как это не будет свадьбы? Я же выхожу завтра замуж?

Ни у Кеит, ни у Дугхалла не хватало уже терпения объяснять, что завтра вместо свадьбы она была бы убита вместе с остальными членами Семейства. Последний аэрибль должен был прийти в час, но он все не появлялся. Что-то не сложилось, и они втроем оказались в ловушке, в окружении полного врагов города, в самой сердцевине войны. Кеит держалась спокойно, надеясь услышать в ночном небе звуки двигателей аэрибля, тихую толкотню поршней, шорох пропеллеров, но зверь внутри нее уже паниковал и порывался бежать. Скрыться, спрятаться, зарыться в землю.

Солдаты Галвеев, обязанностью которых было держать причальные канаты аэрибля, ожидали его с зажженными факелами вдоль линии огня, очерчивающей посадочную площадку посольства. Они поймают канаты и притянут аэрибль к земле, они сделают это — если он все-таки появится...

Кеит поглаживала рукоятку длинного меча и пыталась урезонить чудовище, одновременно прикидывая, что можно сделать для Типпы и Дугхалла; она изо всех сил старалась не допустить превращения в Карнею, а оставаться человеком и именно в таком качестве быть полезной Семье. Но стены невидимой клетки сжимались, сердце ее грохотало; приближение неизбежной Трансформации обостряло чувства — и тогда только она услышала ровное металлическое *туп-туп-туп* аэрибля, вдруг появившееся за ночными шумами.

— Летит, — сказала она, и ропот обежал строй солдат; они ничего не слышали и не скрывали этого.

Перестав расхаживать, Дугхалл повернулся к ней.

— Ты уверена?

— Я его слышу.

— Хорошо.

Он кивнул, все еще напрягая слух, хотя Кеит прекрасно различала перестук мотора. Однако прошло еще мгновение — и звук этот стал заглушать гомон предрассветного Халлеса, разносчиков и торговцев, уже громыхавших по улицам, и лишь тогда кто-то из солдат поглядел на нее и промолвил:

— Клянусь богами, и я тоже слышу.

Уши Карнеи сами себя выдают. Кеит велела себе быть осторожнее в подобных случаях. В другой ситуации, в другое время столь острый слух может погубить ее.

Шум аэрибля все возрастал, и вдруг Кеит различила на фоне неба его темный силуэт, закрывающий звезды. На этот раз она ничего не сказала, не зная, способны ли человеческие глаза различить аппарат уже сейчас, и не желая прослыть женщиной, сотворившей за одну ночь слишком много чудес.

Через какой-то миг другой солдат сказал:

— Вон он — против Пастухов!

Он показал на северо-восток, на созвездие, высоко повисшее в ночном небе. Аэрибль двигался, затмевая звезды. Солдаты закивали и пригнулись к наземным лампам, отмечающим границы посадочного поля. Своими факелами они зажигали фонари, и как только за зеленым стеклом вырастали языки, гасили свои орудия, суя их в стоящие рядом ведра. Баллоны аэриблей теперь не наполняли гаймфе горючим газом, однако в двигателях исполь-

зовалось легковоспламеняющееся топливо, поэтому открытого пламени возле аэрибля по-прежнему не могло быть.

Освещенное одними только зелеными фонарями, поле представляло фантастическое зрелище. Трава на нем, казалось, была лишена цвета, а люди превратились в трупы недельной давности. У Кеит вдоль хребта пробежал холодок, призрачная сцена вдруг показалась ей недобрым предзнаменованием, мрачным и зловещим — как пульсирующие, нескончаемые волны зла, прокатившиеся над Халлесом, как твердая уверенность в том, что Карней-Сабир хочет обладать ею и разыскивает ее. Она выбросила эти мысли из головы; аэрибль приземлился с удивительной скоростью, и с неба уже спускались змеями канаты. Опытные руки солдат приняли их, обмотали вокруг огромных деревянных блоков, заякоренных в земле; потом причальная команда налегла на длинные рукояти, наматывая веревки.

Через несколько секунд аэрибль повис над самой землей на натянутых тросах. В зеленом свете черно-красная эмблема Галвеев, нарисованная на пестром, в зеленых пятнах огромном баллоне, казалась неразборчивым пятном. Из обоих люков длинной кабины прыгали люди — мужчины и женщины, — негромко звякая оружием при соприкосновении с землей. Последним из первого люка выглянул пилот.

— Быстрее, быстрее, — торопил он, — надо взлетать. С высоты на востоке уже угадывается заря.

Солдаты подняли Типпу в люк, затем помогли Дугхаллу. Кеит не стала карабкаться вверх и позволила, чтобы ее без особых церемоний забросили в люк. К счастью, она облачилась в подходящую случаю походную одежду — прочные сапоги, плотные кожаные брюки и хлопковую рубашку под шерстяной курткой, — а не в тонкие шелка, которые предпочла Типпа. Подъем в аэрибль никогда не выглядел изящным, а тем более в такой спешке. Лежа на полу корзины, Кеит услышала посвист разматывающейся веревки и почувствовала, как ее придавило к полу; они поднимались с такой скоростью, что барабанные перепонки готовы были лопнуть.

— Почему вы так опоздали? — спросил Дугхалл.

Кеит села. Пилот-рофетианин по имени Эйоуюэль не стал отворачиваться от своих кранов и штурвалов. Сидя спиной к ним, он ответил:

— На средних высотах дул жуткий ветер, он уволок нас к югу от курса, прежде чем я успел подняться повыше, а когда я выбрался из него, то попал прямо во встречный поток, с которым пришлось бороться всю остальную дорогу. И если тебе кроме плохой нужна и хорошая новость, добавлю, что теперь этот западный ветер будет помогать нам на обратном пути.

— Я уже думал, ты не прилетишь, — признался Дугхалл.

Мгновенно глянув на Кеит и столь же быстро переведя взгляд на остальных, Эйоуюэль с чувством произнес:

— За вами я прилетел бы даже сквозь пекло Тонна!

Кеит знала — эти слова искренни: Эйоуюэль был ее старым другом — с того самого дня, как в возрасте тринадцати лет они забрели на летное поле Дома в Калимекке и он впервые познакомил ее с этим чудом — полетом на аэрибле. В последующие годы он втайне учил ее управлять небольшими воздушными кораблями, с которыми — как с этим — мог управиться один человек. Оба они поверяли друг другу свои мечты и сохранили взаимное доверие, даже когда Кеит принесла присягу дипломата и ее время перестало принадлежать ей самой. Семейство было бы в ужасе: как можно, чтобы девица галвеевских кровей, претендующая на высокое положение в будущем, училась плавать по океану, пусть даже и воздушному? И чтобы женщина, которой предстоит когда-нибудь вести жизненно важные для Семьи переговоры, доверялась рофетианскому простолюдину? Немыслимо даже подумать!

Но Кеит, согласно своим принципам, дружбой этой дорожила, берегла ее как свою мрачную тайну и даже, снизойдя к рофетианской теологии, решила, что если Семейство не в состоянии оценить Эйоуюэля, то пусть оно катится прямо в пекло Тонна.

Аэрибль поднялся повыше, и первые прямые лучи еще бледной зари, пробивавшейся из-за восточного горизонта, вдруг осветили внутренности кабины. Солнце еще не взошло, однако слишком медлить оно не станет. Кеит поежилась, осознав, как близко подступила к ним гибель; там внизу, под пологом тьмы, еще укрывавшей Халлес, многочисленные глаза обыскивали небо, надеясь заметить первый луч солнца, упавший на верхнюю каменную арку высокой башни на городской площади. Этот час ознаменует собою наступление стоянки Сомы, и, наконец, прозвонит альтовый колокол, приветствуя новый день с его «свадебными» процессиями, готовыми выплеснуться на улицы из Дома Доктииираков и из посольства Галвеев. Кульминацией дня станет уничтожение Семьи Доктииираков и, возможно, значительной части Сабиров.

В этих неярких лучах Кеит представила сухое, алчущее лицо Сабира-Карнея и на миг ощутила его прикосновение, всем своим предательским сердцем надеясь, что он избежит гибели.

Пронзив безоблачные небеса, первый луч солнца упал на верхнюю арку Черной Башни Времени, и звонарь немедленно наполнил воздух монотонным гулом стоянки Сомы. Первой стоянки утра. Первого Друга Нового Дня.

Ворота посольства Галвеев распахнулись с первой же нотой — словно были привязаны к колоколу, — и на улицу

выступили десятеро трубачей и десять барабанщиков. Их украшали пышные красные с черным одежды Дома Галвеев, лица от лба до носа скрывала бахрома из золотых бусин. Они взяли инструменты на изготовку, за ними последовали десять музыкантов с ручными колокольчиками, десятеро флейтистов и пятьдесят танцоров.

Колокол Сомы отзвонил семь раз, последняя нота его повисла в воздухе, но музыканты, застывшие в прежней позе, ожидали до тех пор, пока последние лепечущие отголоски не умерли в утренней тишине. А потом, получив от кого-то устный приказ, начали Брачный Танец. Рассыпавшиеся по улице танцоры, как из катапульты, взмывали в воздух, подпрыгивали, скакали, с лязгом и грохотом вращались. Тяжелые, унизанные бусами нити громыхали по металлическим одеждам как еще одна фаланга барабанщиков. В руках танцоров блестели кривые мечи, с ослепительной скоростью они вращались и на ходу взлетали вверх; они выкрикивали имена бога недели, которым был сегодня Прядильщик Диурия, и бога наступившего Дня Бронира, бога счастья, и никто из них не оступился. Изящные, яркие, они давали великолепный и шумный спектакль.

Улицы на всем пути от посольства до дома Доктииракоов были уже полны рабочих и работниц, вышедших в самой лучшей одежде — и на других посмотреть, и себя показать. Параглез Доктииракоов и парниссы города вместе объявили День Диурии и Бронира праздником, и простой люд Халлеса намеревался не пропустить ни мгновения величественного свадебного парада, явившегося прямо к их дверям; бесплатные развлечения случались в городе нечасто.

За выплясывавшими с мечами акробатами последовали жонглеры; как ни странно, каждый из них вертел в воздухе сразу три блещущих меча. Выстроившиеся вдоль улиц зрители находили трюк не столь сложным, ведь все знали — жонглеры никогда не пользуются заточенными мечами. Однако все сходились на том, что пляска света на лезвиях псевдомечей делает их похожими на настоящие.

За жонглерами следовали наложницы; продвигаясь вперед, они заигрывали с толпой, раскачивали бедрами, колыхали грудями, чувствуя себя немножко неуютно в изысканных свадебных нарядах.

Народ Халлеса рассчитывал потом увидеть дрессированных тигров или же странных зверей, населявших Увечные края. Но вместо них шестнадцать могучих носильщиков в полном облачении вынесли первые носилки, в которых сидел симпатичный мужчина и крепкая на вид женщина, странным образом укрывавшиеся толстыми плащами, обычные бахромки из бусин спускались на их лица от лба до верхней губы. За первыми носил-

ками шла бесконечная процессия, причем последующие всегда оказывались наряднее предыдущих, но каждая пара была укутана и задрапирована на один лад. Из посольства вытекала красная с черным кровавая река Галвеев, искрящаяся золотыми вспышками, и в потоке ее самоцветов играло не меньше, чем обычной гальки в горной реке. Повсюду сверкали граненые рубины и ониксы, покрывавшие и носилки, и носильщиков, и родичей невесты. Сведущие люди утверждали, что текущие бесконечным потоком самоцветы, конечно же, сделаны из стекла, однако и им приходилось признать зрелище впечатляющим.

Хор певцов сопровождал последние носилки, принадлежащие посланникам, параглезу Галвеев и, наконец, невесте. Они исполняли традиционный набор брачных песен, освящая брак именем Маракса, бога семени и плодородия, ибо свадьба происходила в его месяце, и благословляя невесту именем Драсту, богини чрева, меда и плодоношения.

В соответствии с обычаем невеста была полностью укрыта вуалью; молодые замужние женщины из толпы пытались различить ее черты под сеткой из красного шелка и бахромой из золотых бусин (ибо увидевшая глаза невесты, направляющейся к бракосочетанию, должна была непременно забеременеть в текущем году), однако им приходилось довольствоваться благосклонными покачиваниями ее усыпанных драгоценностями ладоней. Уж *эти* самоцветы, соглашались все, были настоящими. Халлеситы с жаром обменивались слухами о невесте. Она добра и прекрасна; она ела простую пищу на улице, она щедро раздавала на улицах дары и монеты. У нее широкие бедра, хорошо будет рожать. И груди объемистые, будет чем накормить детей. Да, она не слишком умная и острая на язык и к тому же не чрезмерно честолюбивая, а это — достоинство для женщины, становящейся женой второго сына.

Хорошая молодая девица — на этом сходились все. Быть может, чересчур хорошая для второго сына их параглеза, считавшегося в городе парнем не то чтобы испорченным, а дерьмоватым.

За носилками невесты шествовал новый отряд жонглеров с мечами и музыкантов, но эти ничем уже не смогли удивить. Впрочем, люди решили, что парад, пожалуй, удался. Если б еще были тигры да поменьше одежды на наложницах и побольше на ней разрезов, и хорошо бы парочку карликов, глотателей огня, — тогда все было бы просто идеально.

В Белом Зале Дома Сабиров, что в Калимекке, косые лучи ясного утреннего солнца пронзали цветные стеклянные окна, бросая разноцветные пятна на резные беломраморные полы, превращая их в поле желтых нарциссов, красных сердечек и

синих колокольчиков, выбившихся из-под внезапного снега. Тонкие сводчатые арки поддерживали каменный шатер, сверху прикрывавший круглую комнату; их изгибам следовал потолок, отражавший всякий звук, рожденный в пределах этого прекрасного зала. Именно здесь Волки Сабиров вычерчивали ногами последние арабески своего заклинания, умножающего мощь, вместе с только что прибывшими из Халлеса Имогеной и Люсьеном Сабирами, верховным Волком и его супругой. Волки в унисон бормотали, к их голосам присоединялись призрачные шепотки собратьев ныне далеких, но двигавшихся бесплотными и едва различимыми тенями по тропе вместе с ними... а быть может, и голоса иных, более странных духов.

Вдруг весь зал наполнился возникшим ниоткуда запахом жимолости, и в этот миг все шепотки, негромкое бормотание и движение разом умолкли — как задутая ветром свеча. Шествовавшие по тропе Волки — и фигуры, и призрачные тени, присоединявшиеся к ворожбе в Халлесе, Костан-Сельвире и Вейпойнте, — будто вросли в пол, твердо попирая ногами истертый камень; головы их были повернуты к серединному столпу, не резному, как в Халлесе, но отлитому из чистого золота. В воздухе плавали завитки дымка каберры, сгущался аромат жимолости, и, выжидая, трепетало зло. В сознании каждого Волка прозвучал голос: «Время пришло, пусть начнется жертвоприношение».

Нечто невидимое глазу, но ощущавшееся Волками как ледяной ветер, тихо прошествовало через зал, от которого дыбом встали волосы, а сделавшийся вдруг навязчивым запах жимолости как бы смешался с вонью прогнившей мертвечины.

Воцарилось молчание, сменившееся внезапно ощущением, будто в зале ожидают не только Волки, но и те, древние глаза и другие уши. Стены капища вздохнули и забормотали — собственным языком, давно позабытым, и слова эти, возможно, были полны глубокого смысла или же просто бессмысленным бредом давно почившего безумия.

И вновь наступило беззвучие.

Промелькнуло мгновение, за ним другое, третье. А потом барабанная дробь нарушила тишину. Один барабан, другой, третий загремели под руками, не являвшимися человеческими и никогда не принадлежавшими человеку; они увеличивали громкость и скорость, накапливая силу. Словно бы забилось чудовищное сердце, обретавшее решимость и мощь, приближавшееся к источнику своей жизни — Белому Залу, капищу, где ворожили Сабиры. Биение становилось все ближе, все громче и сильнее. И чаще. И еще ближе.

Волки смотрели на столп, глаза их были обращены к единственной двери в комнате и арке, сквозь которую про-

рывался рев адского сердца, теперь лихорадочный и частый, как пульс загнанного оленя.

В воздухе возникла девушка, плывшая в объятиях пустоты. Длинные черные волосы были аккуратно заплетены в украшенные цветами косы; проплывая сквозь световые узоры, она казалась новым цветком в этом саду, недолговечным созданием света и тени.

Наверное, она и была прекрасна: нежный овал лица, милые губы, прямой нос, большие миндалевидные глаза... Даже руки, покоившиеся на бедрах, казались произведением искусства. Под прозрачной белизной платья проступали небольшие, совершенные груди.

Словом, она была прекрасна. Когда-то.

Однако помертвевшее лицо, неестественная бледность кожи да пятна синяков, проступавшие из-под слоя пудры и кремов под всевидящими лучами утреннего солнца, придавали ей отвратительное обличье трупа, оживленного чем-то иным, нежели жизнью.

Три пары глаз отвлеклись от столпа, дабы внимательно рассмотреть девушку, убедиться в том, что следы, оставленные мукой и насилием, ночами и днями пытки, достаточно надежно укрыты косметикой и богатой одеждой, чтобы отвести от них порицание и наказание. Криспин, Анвин и Эндрю переглянулись, оставаясь на своих местах на тропе, встревоженные тем, что Даня не казалась столь убедительно чистой, какой была, когда ее принаряжали в их логове. Впрочем, Криспин едва заметно кивнул, давая понять, что, если облик девушки вызовет сомнения, он сам управится с ними. Не произведя более ни одного знака, тройка злодеев обратила свои взгляды к столпу.

В облаке жесткого, пропитанного жимолостью воздуха девушка подплыла к середине комнаты, где невидимые руки опустили ее на землю и мертвой хваткой прижали к золотому столпу. Она дергалась при каждом ударе призрачного барабана, однако не подавала других признаков жизни.

Барабанная дробь стихла, комната снова вздохнула, забормотав нечто неразборчивое. Ропот этот не мог отвлечь Волков, немедленно приступивших к завершению заклинания, итогу всех приготовлений. Годы исследований, годы, ушедшие на извлечение заклинания из древних текстов, и перевод его со старинных чародейских наречий на богатый и плавный иберанский язык, месяцы, отданные накоплению силы, сотням меньших жертвоприношений, похищению юного и могучего Волка из Семейства врага. Тонкий замысел, потребовавший вовлечения всех ресурсов Сабиров — материальных и человеческих, — наконец осуществлялся в этом месте, в единственной и необратимой возможности уничтожить Галвеев, кровных врагов Семейства

в Калимекке. Никаких колебаний, ни взгляда назад, ни другой мысли. Мертвые пришли помогать, и живые должны действовать.

И Волки в унисон начали заклинание.

Глава 13

— Что-то не так, — сказала Кеит.

Поглаживая всхлипывающую Типпу, Дугхалл взглянул на нее.

— В каком смысле?

Ощущение вездесущего зла в последние мгновения сделалось непереносимым. Кеит чувствовала его как смесь тошноты, ломоты в теле и головной боли, пульсировавшей за закрытыми глазами, как лапки тысяч невидимых пауков, снующих вверх и вниз по спине.

— Я чуяла какое-то зло, сгущавшееся в Халлесе с самого вечера в честь Дня Именования, — мрачнея, пояснила она, — но теперь мне кажется, это зло вот-вот лопнет.

Дугхалл вновь обернулся к Типпе.

— Приляг, дитя мое, и дыши редко-редко, как только можешь. Скоро тебе станет лучше.

Подождав, пока девушка устроилась клубком на обитой бархатом скамье, он отошел от нее и сел возле Кеит.

— Так ты ощущала присутствие зла? И чувствуешь его теперь?

Он хмурился, но Кеит улавливала и радостное волнение.

— Да.

— И каким образом ты ощущаешь его?

— Не знаю. Просто чувствую.

— Я имел в виду не это. Опиши ощущения, которыми зло говорит тебе о своем присутствии.

Кеит кивнула.

— Во-первых, сильное давление на кожу. Потом покалывания в затылке. Нечто... грязное, сальное, движущееся вокруг и через меня. А сейчас... мне кажется, что глаза мои вот-вот вылезут из орбит, меня тошнит, болит все тело.

У Дугхалла округлились глаза.

— Да-да. А как насчет грязи?

— Я по-прежнему ощущаю ее, но все прочее настолько сильнее, что сальность эта не так беспокоит меня.

— Да, именно так. А скажи... ты не видела снов в последнее время?

— Кошмары. Каждую ночь. Меня преследуют чудовища, смерть грозит отовсюду — я ни разу толком не высыпалась, с тех пор как мы оказались в Халлесе.

— Именно так. — Дугхалл уже ухмылялся. Исходящий от него запах восторженного волнения становился все крепче. — Я собираюсь кое-что сделать. Скажи мне, что ты почувствуешь?

Кеит ожидала. Дугхалл сидел сложив руки на коленях, плотно зажмурив глаза... и ничего не делал. А потом вдруг головная боль исчезла вместе с болью в теле и тошнотой. Она почувствовала себя просто прекрасно — как и в тот момент, когда едва не столкнулась с Хасмалем. Быть может, и лучше, потому что, по правде сказать, нынешние ощущения были гораздо тревожнее.

— Все ушло, — сказала она, — все зло, вся боль.

— Чудесно, — пробормотал Дугхалл негромко, так что лишь она одна могла расслышать его. — Это просто великолепно, Кеит-ча.

— Почему? — спросила она столь же негромко и осторожно.

— Ты ощущаешь скопившиеся чары. Предполагаю, что тебя этому никто не учил.

— Нет. Конечно, нет. — Охваченная волнением, Кеит уставилась на дядю. Чары? Неужели она ощущает их? Но никто не занимается ворожбой — ее запретили, как только человечество выбралось из развалин, оставленных Войной Чародеев, и взялось за восстановление мира из руин. — Почему ты так говоришь?

Взяв ее руки в свои, Дугхалл молвил:

— Не думай, что, если колдовство запрещено, никто не занимается им. Более того, оно не является орудием одного только зла. Раз ты ощущаешь его, девочка, значит, можешь и воспользоваться чарами. И ты способна творить добро с их помощью: ведь некогда магия была одной из Троп просвещения.

Он вздохнул.

— Даже ощущение того, что ты окружена чарами, будет полезно для дипломата, находящегося на службе Семьи. Нам всегда необходимо знать, не обладают ли наши враги или союзники теми качествами, которых у нас нет.

Кеит задумалась на мгновение. Магия считалась ересью из самых что ни на есть скверных; практиковать ее еще хуже, чем быть Карнеей. Раз она ощущает чары, значит ли это, что она уже занимается магией, сама того не ведая?

А впрочем, не важно. Умереть можно только единожды, и смертный приговор, автоматически вынесенный ей как Карнее, нельзя усугубить, добавив к нему телегу других грехов.

Дугхалл, похоже, проследил направление ее мыслей, потому что спросил:

— Ты подумала и решила, что твое положение уже не ухудшить, так?

— Именно так я и подумала.

— Ну а я расскажу тебе, как его можно улучшить. Я научу тебя окрашивать магией собственные таланты. Как только ты познаешь окружающие тебя силы, ты сможешь избегать боль, которую ощущаешь, находясь вблизи от творящих ДАРШАРЕН, чары Волков, делающие тебя больной. Ну а научившись ФАРНХУЛЛЕН, магии Соколов, силе добра, ты сумеешь справляться со злом, даже предотвращать его. Твои полезные Семье способности превзойдут всякое воображение.

Он говорил с просветленным лицом — как мальчишка, получивший долгожданный подарок, — излучая при этом запахи удовольствия и волнения.

Кеит сохраняла напряженность, хотя энтузиазм Дугхалла отчасти ослабил ее дурные предчувствия. Все, что делал дядя для Кеит, так или иначе улучшало ее жизнь. Ему она доверяла, а потому задала вопрос:

— Но если это так — если чары можно использовать и во зло, и для добра, — почему же ворожба находится под запретом?

Дугхалл скривился.

— Потому что парниссы предпочитают запрещать все непонятное им, даже не пытаясь увидеть то ценное, что может в нем оказаться. Это, по-моему, свойство тех, кто добивается власти. Сознательное невежество и бесчисленные законы заменяли самообразование и самоограничение, потому что невежество и законы проще.

Кеит презирала парнисс. Узнай они о ее сути, в тот же самый миг потребовали бы казнить ее. Пять лет родители Кеит рисковали своей жизнью, выставляя вместо нее на инспекцию в День Младенца другого ребенка. Тем не менее она не совершила ничего такого, что заслуживало бы смерти; и она не могла простить парнисс за требовавшие казни законы.

— Учи меня, — согласилась она. — Я толковая и усердная. Ты найдешь во мне хорошую ученицу.

— Начнем завтра же.

Дугхалл улыбнулся, затем перевел взгляд на Типпу. Та снова рыдала, теперь уже раза в два громче, нежели прежде, кроме того, она еще и раскачивалась взад и вперед.

— Постой, я вижу, твоя кузина считает, что не получает положенного ей внимания. Прости, придется заняться ею... а то как бы не начала рвать на себе волосы и одежду, стеная как плакальщица после войны.

Он передвинулся к Типпе, предоставив Кеит возможность поразмышлять о магии и о том, что значит она для нее самой и для этого мира.

— Свято соединение двух жизней, священна связь между двумя Семьями, благословенны обеты, принесенные в этот день.

Творившая свадебный обряд парнисса переступила на своем подножии, и лучи утреннего солнца, запутавшись в волосах, образовали вокруг ее головы серебряный нимб. Она улыбнулась, поглядев сверху вниз на прикрытую вуалью невесту и жениха, стоявших перед ней на северном склоне котловины. Затем улыбнулась представителям обеих Семей, голубым с золотом рядам, заполнявшим каменные ступени на западной стороне амфитеатра, и красно-черной стене, поднимавшейся с востока. Она даже умудрилась коротко улыбнуться целой армии увеселителей, толпившихся вокруг амфитеатра, хотя редкая парнисса вообще заметила бы их: в подобных ситуациях богам нечего было сказать этим людям.

Норлис, старший сержант посольства, исполнял роль Маклина Галвея, отца невесты. Он видел, как мечница, заменившая собой невесту, неторопливым движением глубоко запустила руку в складки своей юбки. Он заставил себя расслабиться и спокойно дышать, зная, что подобное нетерпение волнует кровь каждого человека, мужчины или женщины, в войске Галвеев. Еще немного... чуть-чуть...

Джеррен Драклес Галвей, командир войска, шевельнулся на твердой каменной ступени. Он сидел слева от Норлиса, из-за малого роста и изящного телосложения переодетый в женское убранство Семьи. Норлис почувствовал, как участилось его дыхание.

Вот-вот... сейчас...

Стоявшие наверху мечники и лучники, переодетые наложницами и жонглерами, взяли на изготовку почти не двигаясь.

Парнисса воздела руки над головой, изображая ладонями знаки солнца и земли.

— Как солнце питает Матрин, так и муж питает жену. Как Матрин дает жизнь вселенной, так и женщина дает жизнь мужчине. Вы равны и впредь с этого дня будете стоять вместе, парой; двое, ставшие одним целым, сильнее троих.

Жажда боя, смешанная с резкой ноткой страха, пульсировала в жилах Норлиса... Неизбежный страх; ведь смерть, такая знакомая и вместе с тем незнакомая, караулила и его, и всех остальных, находившихся в священной котловине... Тем не менее смысл его жизни заключался в таких вот мгновениях, когда он ощущал себя более живым, чем когда-либо. Он ожидал, разглядывая лимонных ящерок, сновавших в траве под ногами; их ярко-желтые тела поблескивали под укорачивавшимися лучами тропического

солнца... отсвечивали ясным металлом, как и зайчики света, отражавшиеся от панцирей Доктииракoв, которые располагались на противоположной стороне. Он улыбнулся. Традиция отводила Семье невесты восточную часть котловины, и обычай этот на сей раз означал, что солнце в начале битвы будет светить врагу в глаза; случайные движения Доктииракoв разоблачали предательство, в то же время длинные тени, укрывавшие Галвеев на восточной стороне котловины, скрывали их готовность к обороне и нападению. Норлис ощущал запах пота вокруг, распространяемый телами мужчин и женщин, жарившихся, как и он, в боевых панцирях под свадебными одеяниями. Он прислушивался к жужжанию парниссы, тихим перешептываниям собравшихся, чувствуя, как солнце печет его шею и капельки пота скатываются по спине под пластинчатым панцирем, стеганой курткой и влажной одеждой туда, где он не мог дотянуться до них.

— Согласна ли ты, Типпа Делиста Аня на Кита Галвей, с честью принять этого мужчину и обещать ему свою верность перед ликом богов, благословляющих все истинные союзы?

— С честью и доверием, всегда и сейчас, — ответила лженевеста.

Вот-вот... сейчас...

— А ты, Калмет Е'Кхир на Булук Доктииракe, принимаешь ли с честью эту женщину, обещаешь ли ей свою верность перед ликом богов?

Если Доктииракe собирались совершить предательство, то им приходилось либо приступать к действиям, либо лжесвидетельствовать перед ликом богов.

Калмет Доктииракe, готовый нарушить верность человеку, явно не простирал свое вероломство на богов. Стащив с головы женихoвскую вуаль, он открыл шлем.

— Не согласен! — выкрикнул он, извлекая кинжал из укромного места под коротким плащом на спине. — Умри, глупая девка!

Меч оказался в руке лженевесты раньше, чем кто-либо успел повернуться, и стиснувшая кинжал ладонь Калмета, обагрившись кровью, отлетела на камень.

— К оружию! — вскричал Джеррен Галвей, и амфитеатр поверху словно бы попал в черно-красный круг, и с обеих сторон дождь стрел хлынул на западные скамьи.

Все превратилось в хаос, но хаос этот имел направление. Под умным командованием золотые с лазурью Доктииракe бросились вверх по рядам, чтобы вступить в рукопашную со стрелками; план был хорош, но лучники отступили назад, оставив свое место рядам мечников, переодетых в жонглеров отборных бойцов, с невероятной ловкостью владевших оружием. Тем временем

Галвеи, занимавшие восточные склоны, роем бросились вниз, зажимая врага в клещи.

Войско Доктииираков, не ожидавшее сопротивления большего, чем могут оказать гости на свадьбе, гибло кучами и грудами. Уступающие в числе, застигнутые врасплох закаленными в битвах бойцами, они тщетно призывали подкрепление, и хотя сражались хорошо, все-таки эффект был не совсем тот.

Оба фланга армии Галвеев вытеснили уцелевших на пол амфитеатра, к съежившейся от страха парниссе, вопившей о ереси и проклятии и тем не менее не тронутой обеими сторонами, потому что убийство священной помощницы богов повлекло бы проклятие на весь род убийцы — в несчетных поколениях. Вокруг нее росла груда тел, в основном одетых в золото и лазурь. Но не только. Конечно, не только их.

Норлис видел, как падают друзья и, кривясь, врубался в редеющие ряды Доктииираков. Клинок его светился багрянцем, в желобках запеклась кровь. За Кеит, нанося удар за ударом, приговаривал он про себя: восхищаясь Галвеями, сержант втайне любил Кеит. За Кеит, потому что эти сукины дети собирались убить ее вместе с Семьей.

За Кеит.

А потом вдруг оказалось, что убивать некого — остались лишь те, что просили пощады и сдавались в плен. Поднявшись на возвышение, Джеррен Галвей вознес над головой окровавленный меч.

— Наша взяла! — выкрикнул он. — А теперь в город — брать то, что отныне принадлежит нам.

Ответом ему был радостный рев. Норлис вопил вместе со всеми, надрывая глотку. И тут какое-то движение над головой привлекло его взгляд. Над амфитеатром медленно скользил аэрибль, и все лица обратились вверх. Как странно... ему казалось, что все аэрибли вернулись в Калимекку. За первым аппаратом в поле зрения появился второй.

Норлис нахмурился. Многие солдаты все еще кричали, радуясь неожиданному подкреплению, однако, на взгляд Норлиса, аэрибли были *не те*. Огромные белые баллоны выглядели одновременно слишком пухлыми, короткими и какими-то кривыми, моторы рычали чересчур громко и грубо, ну а очертания гондол под ними...

Уцелевшие Доктииираки начали ухмыляться.

Сверху, над краем гондол выглядывали лица, и Норлиса пробрал внезапный морозец. Аэрибли Галвеев более не имели открытых гондол, так ведь? И лишь Галвеи во всей Ибере владели аэриблями и двигателями, приводившими их в движение. Хранимые издревле, Галвеи оберегали эти секреты столь же свято, как свои собственные жизни. Но аэрибли здесь, и они не при-

надлежат Галвеям. Дозорные в корзинах выжидали; когда аэрибли подлетели поближе, над краями гондол появились шланги — и в следующий миг вниз на него, на всех, кто был в амфитеатре, полился вонючий, влажный и липкий зеленый дождь.

— Бежим! — закричал Джеррен.

Однако он отреагировал недостаточно быстро. Совсем недостаточно. Зеленый дождь еще проливался, когда лучники из второй гондолы пустили в толпу, в этот вонючий поток горящие стрелы. Зеленая жидкость полыхнула огнем, и по всему амфитеатру сотни мужчин и женщин вспыхнули огненными цветками.

Аэрибли повернули в сторону. Норлису, еще не горевшему, но попавшему в плен меж огнями, оставалось думать лишь об одном — о неминуемой гибели. Впрочем, он успел рассмотреть аэрибли и заметил эмблему на вдруг открывшихся боках — слишком поздно, чтобы это могло помочь и ему самому, и кому-нибудь еще. Герб Сабиров. Лесная зелень и серебро, два дерева, усыпанных серебряными плодами.

Вторая измена... не только Галвеям, но и Доктииракам, считавшим Сабиров своими союзниками.

И все мы сгорим вместе — и Галвеи, и Доктииираки, осознал Норлис. А Сабиры, сперва предавшие нас, а потом их, захватят Халлес. Что еще? Если все наше войско здесь, а вся Семья в Калимекке... значит, они сокрушили и Дом Галвеев.

В этот миг дикие вопли, языки пламени и клубы дыма поглотили Норлиса.

Длинные тени во дворе Дома Галвеев превратили стриженую траву в подобие грубого бархата — там, где утреннее солнце уже выглянуло из-за стены. Влажный, постепенно согревающийся ветерок то и дело шумно перебирал ветки пальм вокруг Дома, незримо оживляя подвешенные снаружи далекие колокольчики. Хорошее утро сулило жару, быть может, даже с грозой. По тропинке, ведущей к караулке у ворот, семенила служанка с двумя подносами, полными еды, — на голове и в руках.

Один из стражников, заметив ее, побежал навстречу, чтобы избавить девушку от тяжеленного груза...

— Спасибо. Простите, что так задержалась.

Широкая улыбка открыла ряд ровных зубов, в уголках глаз рассыпались веселые морщинки. Глубокий вырез на груди, несколько стеснявший ее, — хороша, ничего не скажешь.

Стражник засмеялся.

— А мы уж думали, повариха решила не кормить нас сегодня утром.

Девушка качнула головой.

— Ну вы-то знаете, что я не позволю вам остаться голодными. Разве случалось такое, чтобы я ничего не приносила вам?

— Правильно. — Другой стражник открыл дверь в караулку и вздохнул. — Воистину, Лизаль, для такого голодного человека, как я, ты — целое блюдо.

— Конечно, козлик. Но потому, что ты хочешь не меня, а мои сладкие булочки.

Все расхохотались, и тотчас кто-то спросил:

— А ты не забыла про пирожки?

— Конечно, нет. Из-за них и припозднилась. Никак не могла стянуть побольше для всех вас, пока она не вышла ненадолго из кухни.

Мужчина, помогавший ей донести еду до караулки, вдохновенно произнес:

— Я в самом деле женюсь на тебе, если захочешь.

Женщина, которую они звали Лизалью, рассмеялась.

— Нет, не хочу. Пусть твои честь и достоинства пребывают в полной сохранности.

Пока они ели, она болтала с ними, как делала каждое утро, ясными внимательными глазами наблюдая за тем, как они пожирают плоские кукурузные хлебцы, пудинг, сушеные бананы и особенно краденые сладкие булочки. Когда с едой было покончено, она сказала, что повариха спустит с нее шкуру, если она не вернется на кухню. Это она говорила каждое утро, и всякий раз мужчины смеялись, и хлопали ее по круглой попе, и обещали жениться — если только она захочет, — и все пытались удержать ее подольше, заманить в постель и так далее.

Как всегда, она улыбалась, давая уклончивые обещания обдумать их предложения, и уходила.

Однако уходила она не на кухню. В то утро она направилась по ведущей к ней тропинке и нырнула в кусты — как только караулка позади нее исчезла из виду. Там она сорвала с себя одежду Галвеев и облачилась в грязно-бурую кофту, латаную домотканую юбку и стоптанные кожаные сандалии, преобразившись едва ли не в простую крестьянку. Затем взлохматила волосы и втерла грязь под ногти и в кожу рук, донельзя испачкала ступни и голени. Теперь она действительно выглядела как бедная крестьянка. Завершив переодевание, взяла в руки две сумки (в одной что-то звякало, другая — побольше, покорявее — никаких звуков не производила) и вновь направилась, но уже за кустами, в сторону караулки. Оказавшись поблизости, укрылась в зарослях и стала ждать.

Какое-то время до нее доносились лишь разговоры караульных. Потом послышались стоны, звуки рвоты. Вновь

раздались стоны, а через миг, показавшийся вечностью, воцарилось молчание.

Она встала, подошла к караулке и заглянула внутрь. Все стражники попадали на пол, некоторые лежали друг на друге. Спины их прогнулись дугой, жесткие, словно одеревеневшие, руки были сведены у боков, шеи вытянуты вперед, глаза выкачены, языки высунуты наружу.

Яд, полученный ею от хозяина — Сабира, безусловно, оказался действенным. Всего по две сладкие булочки — и ни одного живого.

— Ни тебе грязи, ни возни, ни труда, — пробормотала она.

Точнее, не слишком много грязи. Пробираясь между телами, она внимательно смотрела, куда ставит обутые в сандалии ноги. Нажав на рычаг, поднимающий решетку с грузом (а сегодня он оказался на удивление тяжелым, так что ей пришлось немало потрудиться), она оставила ворота открытыми. А потом, выйдя наружу, поспешила к мощенной обсидианом Дороге Богов и поклонилась первому из ожидавшей там горстки людей в темно-зеленых с серебром одеждах.

— Стражники в караулке мертвы. Все остальные живы: Галвеи были чересчур деятельны сегодня утром, и я опасалась, что кто-нибудь из них может наткнуться на тела в кухне, если бы мне пришлось отравить и других прислужниц.

Она передала ему меньшую сумочку.

— Здесь копии всех ключей в Доме, попавших в мои руки, а также самая лучшая карта, которую мне удалось украсть. Члены Семьи сейчас в основном на третьем этаже, в своих апартаментах. Некоторые находятся в главном салоне на втором. На первом, насколько мне известно, никого нет.

— А внизу? — спросил Ри Сабир.

— Я не знаю, кто там может оказаться. Если вы спуститесь вниз — ждите неприятностей. То, что находится там, пугает меня. Иногда ты слышишь, как они ходят, иногда улавливаешь их запах... но они всегда остаются во тьме, где их нельзя увидеть.

Он кивнул, не проявляя тревоги.

— Мы справимся. Ты знаешь, куда идти?

— Знаю. Мой проход обговорен?

— Да. По-моему, ты чересчур осторожна... Кстати, если хочешь, можешь рассчитывать на место в Доме Сабиров. Ты хорошо послужила нам.

Она качнула головой.

— Вы же не собираетесь истребить всех Галвеев, а они способны догадаться, кто был среди них шпионом. И они умеют мстить.

— Все обманутые способны на это. — Ри лукаво улыбнулся. — В таком случае доброго тебе путешествия, Винна.

Когда девушка повернулась спиной к утесу и заторопилась от Дома Галвеев, Ри Сабир, с картой и ключами в руке, повел своих лейтенантов и войско Семьи на территорию врага.

Девушка была права — первый этаж занимали слуги, и одного только вида мечей было достаточно, чтобы они сдались; мгновенная смерть нескольких, решивших сопротивляться, успокоила колеблющихся. Здесь Ри разделил войско Сабиров на пять отрядов, и они одновременно ринулись вверх по двум главным лестницам и нескольким, отведенным для слуг, сметая тех немногих, что попадались им по дороге.

Собравшееся почти в полном составе Семейство Галвеев ожидало новостей о битве в Халлесе. Застигнутые врасплох, безоружные, они оказали не более сопротивления, чем их слуги, и сдались под обещание сохранить им жизнь. Так легко пал этот Великий Дом.

Ри передал команду над основной частью войск выбранному отцом командиру и отозвал в сторону приятелей.

— Ее здесь нет, придется обыскать весь Дом.

— Можно и подождать, пока она сама придет к нам. — Джейм самым необычным для себя образом заговорил первым.

Ри помотал головой. Он был слишком взволнован, чтобы ждать, и слишком боялся, что дела могут разладиться. Люди его отца не собирались выполнять обязательства, данные ими Семье Галвеев: как только отряды обыщут Дом и удостоверятся, что все пленники собраны в одно место, Галвеи — за исключением нескольких, обладающих полезной информацией, — будут преданы мечу. Люсьен Сабир хотел избежать отважных налетов с целью освобождения узников, которые могли предпринять ветви Семьи Галвеев, укоренившиеся на Имумбарских островах в Гофте, или в далеких колониях на Икта Драклес и Северном Побережье. А таковых, по его мнению, не могло быть, если только пресекутся все ветви Рода Галвеев.

— Нам нужно найти ее прямо сейчас! — выпалил он. — Сейчас. Отчаянно нужно!

— Я везде последую за тобой... — сказал Янф, — но куда ты поведешь нас в этом огромном Доме?

Закрыв глаза, Ри попробовал отыскать эту женщину. Вещи, которых она касалась, на которых оставила свои отпечатки, в этом Доме окружали его повсюду. Манящее слабое сияние разрывало его, тянуло в разные стороны. Кроме того, собственный страх и волнение требовали от него немедленных действий — теперь, когда настало наконец его время, чтобы никакая случайность не отняла навечно эту женщину у него... Страх и волнение

туманили разум. Тяжесть его положения углублялась еще и тем, что все чары, собранные и нацеленные на Галвеев, пока не разрядились — они сгущали сам воздух, которым он дышал, обращали в жижу каменный пол под ногами. Он не мог обнаружить ее. Однако в Доме было несколько мест, где присутствие ее казалось особенно сильным, и все они — к счастью — находились в одном направлении.

— Вверх! — скомандовал Ри. — Эта женщина обязательно находится где-то над нами.

И они бросились к ближайшей лестнице.

Во тьме звучал речитатив Волков-Галвеев, готовивших сокрушительный удар по Волкам-Сабирам, чтобы уничтожить их — так как войско Галвеев в Халлесе, вне сомнения, раздавит объединившихся Доктиираков и Сабиров. Барабанщики в четырех углах огромной мастерской чеканили четыре отдельных ритма — они обвивали всех и каждого, вещали вперед и назад, вливали курящиеся подголоски в хор колдунов, сплетавших из слогов и воли погибель и уничтожение своим смертным врагам. Ни один лучик не освещал лишенную окон комнату, но в ней был свет — точнее, неяркое сияние, распространявшееся от намеченных в жертву пленников, которые молили о пощаде из клетки, стоявшей посреди комнаты. А еще здесь непривычно пахло жимолостью, поначалу сладкой и соблазнительной, но будто в кружеве переплетенной с запахами смерти и тления.

Бейрд Галвей, Глава Волков Семьи, покрытый многочисленными Шрамами, запрокинул голову назад и провыл последние слова заклинания, несущего гибель... Сделав это, он немедленно ощутил на себе прикосновение древних разумов; старинные амбиции трепетали за незримыми прутьями. Страх раздирал его нутро, однако в жизни своей он видел и горшее, и погибель врагов звала громче, чем страх за себя. И, укрепленный волей остальных Волков, он завершил заклинание.

Молния располосовала комнату от пола до стен, струясь по потолку, направляясь к обители Сабиров, разыскивая то магическое острие, в которое заговор превратил Сабиров-Волков. Собравшиеся Волки-Галвеи обратили свое внимание на пленников, кои оставались в центре зала, — на них и должна была обрушиться РЕВХАХ, отдача отрицательной энергии, порожденная заклинанием. Ту часть ревхах, которую не поглотят жертвы, примут на себя сами Волки. А любые чары, впитанные ими, оставляют на волках Шрамы.

Напряжение в комнате сгущалось, сгущалось и крепло... Бейрд пригибался к полу все ниже и ниже, неосознан-

но повторяя телом движения колдовских приготовлений, чтобы отразить грядущий удар.

Внезапно молния изменила свой путь и, направляемая Волками, хлынула прямо в жертвы. Свирепая воля колдунов удерживала ее ток на вопящих пленниках — они дергались и корчились под ударом. Но вдруг молния расширилась, вырвалась из границ и охватила самих Волков, корежа их, расплавляя, придавая новую форму — словно она была огнем, а они воском.

Пленники взорвались огненными шарами, разлетаясь в пыль.

Молния усиливалась, и Волки падали на землю — умирая в корчах. Бейрд, до последней секунды сохранявший сознание, понял, что это Волки Сабиров нанесли одновременно удар по Волкам Галвеев. Оставалось лишь уповать на то, что ревхах у Сабиров также окажется не поддающимся контролю; он надеялся, что смерть соберет у них столь же обильный урожай.

Однако последним, что прикоснулось к его умирающим чувствам, была не боль и не страх перед Сабирами. Запах жимолости, ставший болью, душил его, как наброшенное на голову одеяло.

Глава 14

Энергия пела в Белом Зале, сопровождая атакующее заклинание, поражавшее сейчас Волков-Галвеев, и Сабиры готовились принять ответный удар. Возле центрального стола визжала и корчилась Даня Галвей, поглощая почти всю колдовскую отдачу. Черная магия изменяла очертания ее тела; на нем вырастали рога и лапы, к ним добавлялись чешуя, клыки и когти; сбрасывая их, она приобретала всякий раз более жуткий облик, однако Сабиры точно рассчитали ее силу и способность сопротивляться, и она ограждала их от смертоносной энергии ревхах; Волки же перераспределяли между собой легкий избыток энергии таким образом, чтобы ни один из их числа не получил тяжких Шрамов.

И все же Сабиры не смогли учесть в своих тщательных вычислениях одновременный ответный удар Галвеев, и когда колдовские чары его коснулись жертвы, мощь их соединилась с ревхахом и вырвалась из-под контроля самих заклинателей и возможностей жертвы. Даня Галвей зашипела как на огне, и ее окутала черная магия; воздух наполнился дымом и тошнотворным запахом тлена. Она вскричала — столь громко и с таким ужасом, что казалось, горло ее раздирается на части. А потом в Белом Зале ударил гром, и девушка исчезла. Тогда соединенная мощь Галвеев

и ревхаха обрушилась на Сабиров — ничем не смягченная, грубая, безразличная.

Быстрее всего отреагировали на случившееся старшие Волки и мерзкая тройка в составе Эндрю, Анвина и Криспина, сумевших отвести от себя это бурлящее пекло и направить его на Волков более молодых и слабых. Так им удалось уцелеть, впрочем, ценой новых Шрамов. Те, кто не был столь быстр и бессовестен, погибли ужасной смертью: они теряли человеческий облик, совершая все новые и новые мутации до тех пор, пока Трансформаций не становилось слишком много и они не обретали смертоносный характер. Погибая, колдуны извивались и корчились, молили о пощаде, но ее не могло быть.

Стены Белого Зала заголосили тысячью воплей на сотне давно умерших языков. Уцелевшие явственно услышали, как открылась дверь, хотя в капище ее не было. Свет померк, хохот мешался с громовыми раскатами, пляской молний, и за одно мгновение запах жимолости сгустился настолько, что сделался удушающим.

Уцелевшие Волки попадали на пол, сокрушенные мощью твари, которая явилась сквозь отверзшуюся дверь из иного мира.

Вот она и дома. Кеит смотрела на огромный город, раскинувшийся под аэриблем, и прикидывала, успеет ли навестить сестер и братьев до следующего назначения. Она улыбалась в окошко, предвкушая визит: Друза была беременна, а Экхо только что родила. Кеит, которая не смела даже думать о том, чтобы завести собственных детей, нравилось нащупывать шевеление новой жизни в животе старшей сестры, чувствовать прикосновение к своему пальцу крошечной ладошки сына младшей.

Почти дома. Типпа наконец-то перестала выть; в порядке утешения Дугхалл пообещал ей путешествие на острова и все, чего она только пожелает от лучших прях Имумбары. Теперь она дремала; Дугхалл, распростершийся на крытой бархатом скамье, углубился в чтение.

Внизу — далеко справа — уже появился Дом. Его стены цвета слоновой кости окружала изумрудная лужайка — словно кольцо, подчеркивающее красоту самоцвета. Кеит вздохнула. Скорее домой... к сестрам, братьям, бесчисленным кузенам и кузинам; к приправленным смехом трапезам за длинными столами; к долгим разговорам с матерью где-нибудь у фонтана или утром во время прогулки по висячему саду; к вечерним обсуждениям вопросов политики и торговли, внутригородских и внешних, с отцом и дядьями. К любимым книгам в библиотеке, к привычным запахам и ощущениям своей постели, простынь, комнаты.

Предвкушая возвращение, она пыталась понять, будет ли испытывать такую тоску по Дому после каждой поездки, или разлука с Домом станет даваться ей легче.

И вдруг снова заболела голова.

Заморгав, она в недоумении потерла виски. А потом закрыла глаза.

Боль усугубилась.

Дугхалл застонал.

Кеит нахмурилась и села.

— Дядя, моя голова...

Ослепительная вспышка боли застала ее врасплох. Сжимая раскалывающийся череп, она закричала; одна за другой накатывали горячие как огонь волны му́ки, они затмевали свет в ее глазах и, наконец, швырнули, беспомощную, на пол аэрибля.

Давление удвоилось, удвоилось еще раз, и тьма поглотила ее.

Эйоуюэль потянул за цепочку клапана, перемещавшего балласт к носу аэрибля. Калимекка скользнула вниз. Строгая сетка улиц. Обведенные тенями контуры красных и бурых черепичных крыш контрастировали с буйной тропической растительностью, выпиравшей из каждого клочка заброшенной земли, и ярким потоком людей и животных, заполнявших улицы и переулки. Он уже видел фасад Дома Галвеев, врезанного в недра утеса, окружающие его высокие полупрозрачные стены. Ему нравились царящий в воздухе покой, чувство удаления от городских дел и шумов и еще то, что, являясь частью бурлившего внизу мира, он как бы возвышался над ним.

Внимание его переключилось на мысли о новейшем аэрибле, уже сооружавшемся Галвеями на аэродроме в Гласмаре. О той грузоподъемности и скорости, которой тот, по слухам, мог похвастать. Он уже представил себя капитаном этого воздушного судна, когда стон, толчок и вопль, раздавшиеся друг за другом, прогнали его фантазии. Он схватил кинжал и повернулся, рассчитывая увидеть перед собой невесть как проникших на борт Доктииракoв, однако признаков опасности не было заметно. Кеит лежала на полу кабины без движения. Окинув девушку торопливым взглядом, Эйоуюэль заметил, что грудная клетка ее вздымается и опадает. Неестественно побелевшую кожу покрывали бисеринки пота, а под опущенными веками из стороны в сторону метались глаза.

— Что случилось? — спросил он у Дугхалла.

Однако, хотя посланник оставался на своем сиденье и глаза его были открыты, отвечать он и не думал. Напротив, он откинулся на бархатные подушки, столь же бледный, как и

Кеит, не видя и не слыша ничего вокруг, и прижимал руки к ушам, словно пытался изгнать из них неприятный звук.

Эйоуюэль посмотрел на Типпу, ответившую ему недоуменным взглядом.

— Что случилось?

— Не знаю, — ответила та.

Девушка только что проснулась. Глаза ее покраснели и опухли от рыданий, и она казалась испуганной. Тем не менее, став на колени возле Кеит, она нащупала жилку на ее виске, затем проверила пульс у Дугхалла. Эйоуюэль всегда считал ее пустоголовой, однако девица, быть может, все-таки унаследовала кроху присущего Семье здравого смысла.

— Я спала и вдруг услышала крик.

Эйоуюэль перевел взгляд на рукоятки управления. Аэрибль продолжал спускаться по намеченной им спирали. Итак, можно на миг отвлечься от управления. Пилот попытался привести в чувство Дугхалла, явно пострадавшего в меньшей степени. Он тряхнул посланника за плечо и тут же отдернул руку: ему вдруг показалось, будто тело Дугхалла излучает слабый зеленый свет. Сияние исчезло мгновенно, так что Эйоуюэль мог бы решить, что оно ему померещилось — однако это было определенно не так.

Во всяком случае, Дугхалл застонал, схватился за голову и открыл глаза.

— Ох эти голоса... — пробормотал он.

А потом глаза его встретились со взглядом Эйоуюэля.

— Кеит?

— Пока не шевелится, — сообщил Эйоуюэль.

Дугхалл стал растирать лоб.

— Пусть Типпа пересядет к тебе вперед. И сажай аэрибль побыстрее.

Посланник строго глянул на Типпу.

— Как только сядем, ступай внутрь и отыщи своего кузена Таммесина. Скажи ему, что он нужен мне здесь. И ни слова о том, что случилось. Ни слова. Ни о Кеит, ни о моем обмороке, только скажи Таммесину, что я нуждаюсь в его помощи. Поняла?

Типпа кивнула.

— Тогда ступай. — Он повернулся к Эйоуюэлю: — Долго еще до посадки?

— Нет.

— Хорошо. Сажай аэрибль и поможешь мне с девушкой. Только сперва убедись, что эта дура Типпа не помчалась рассказывать всему Дому, будто с Кеит что-то произошло. Это было... — он нахмурился и понизил голос, — ...это было нападение врага. Похоже на работу Сабиров, однако своей подписи они

не оставили. Происходит нечто опасное, и пока я не переговорю с параглезом, постарайся молчать обо всем.

Эйоуюэля замутило. Сабиры зацепили Кеит, и, кажется, тяжело. Хотелось бы знать, серьезно ли ее положение. Перебежав в нос гондолы, он занял место за ручками управления, — аэрибль успел чуть отклониться к югу от места назначения. Придется сделать еще один круг и зайти на посадку с севера, что не совсем удобно. Основная часть причальной бригады осталась в Халлесе вместе с солдатами; принимать его будут неопытные сменщики, набранные в основном из домовладельцев; им и в голову не придет посмотреть на север.

В этот день он не собирался извещать о своем прибытии — эвакуацию Галвеев из Халлеса следовало произвести скрытно на обоих концах маршрута. В других обстоятельствах он просто кружил бы наверху, дожидаясь, пока посадочная бригада заметит его и выйдет навстречу. Однако ситуация отнюдь не была нормальной. И он получил строгий приказ как можно скорее опуститься на землю.

Поэтому Эйоуюэль потянул за шнурок клапана и со свистом выпустил из него воздух, давая сигнал тревоги. Этот сигнал услышат и в Доме, и снаружи... конечно же, и у Сабиров — их земли располагались за двумя холмами. И пусть все они катятся к Тонну в пекло — вместе со всеми, кто будет недоволен его действиями.

Когда он привел аэрибль на место посадки, бригада уже ожидала его там. Игнорируя все наставления, Эйоуюэль крайне осторожно повел аппарат вниз, выпустив причальные канаты задолго до того, как их могли подхватить находящиеся внизу люди. Некоторые канаты перепутаются. Однако не все — хватит, чтобы сесть.

— Будь готова спрыгнуть, как только мы сядем, — сказал он Типпе и, к своему удивлению, не услышал в ответ, что она, мол, боится запачкать юбки или ободрать колени. Отчасти для того, чтобы успокоить ее — не выкинула бы какой-нибудь глупости, — а отчасти для собственного успокоения он сказал, не испытывая, впрочем, особой уверенности в благоприятном исходе: — Не сомневаюсь, с Кеит все будет в порядке.

— Хорошо бы, — негромко молвила Типпа. — Кеит рисковала ради меня жизнью; она защитила меня от князей Гиру в День Именования. А дядя сказал мне, что она-то и раскрыла замысел Доктиираков, намеревавшихся убить меня сегодня. Если б не она, я была бы уже опозорена и мертва.

Посадочная бригада неловко ловила канаты, неуклюже работала лебедками, но Эйоуюэль другого и не ожидал. Привернув клапан, питавший двигатели горючим, он позволил им заниматься своим делом — пусть они и плохо справлялись с

ним. Он спустился к люку помочь Типпе высадиться на землю: нечего и рассчитывать, что увальни, едва справляющиеся с канатами, умеют помогать членам Семьи спускаться.

Когда наконец аэрибль замер и Эйоуюэль открыл люк, представшее глазам зрелище ошеломило его: на балконе второго этажа, укрытом от воздуха навесом, выстроились лучники Сабиров, потому и не замеченных им с воздуха, и целились они в посадочную бригаду, а еще два стрелка — не в мундирах Сабиров — метили прямо в него и Типпу. Горсточка грубых с виду мечников — эти были в форме, бежали к гондоле аэрибля.

Эйоуюэль не думая крикнул:

— Дугхалл, Сабиры!

Типпа завизжала.

Солдаты Сабиров ухмылялись, стрелки натянули луки.

— На землю, — приказал один мечник. — Оба. Живо. Иначе убьем девчонку.

Эйоуюэль судорожно глотнул. Спустив Типпу на землю, он соскочил сам.

— Кто еще на борту?

— Посол. Дугхалл.

— И все?

— Да, — солгал Эйоуюэль.

Мечник повернулся к Типпе.

— Это правда?

Типпа кивнула.

Мечник разглядывал Эйоуюэля — его ливрею, заплетенные в косы черные волосы, украшенную бусинками бороду.

— Ты летаешь на этой штуковине?

Эйоуюэль кивнул.

— Рофетианин?

— Да.

— Это хорошо. Опытный пилот нам пригодится. Ты найдешь себе место среди нас.

Он дал знак двум другим мечникам, шагнувшим к Эйоуюэлю; они ловко избавили пилота от оружия и оттащили его от дороги к люку.

Мечник обернулся к Типпе:

— А ты кто? Несостоявшаяся невеста?

Та кивнула.

— Еще одна поганая галвеевская баба. У нас таких, как ты, уже больше, чем нужно... Но я позабочусь, чтобы мои люди сделали памятным день твоей свадьбы.

Расхохотавшись, он потянул ее за руку, дабы отшвырнуть к оставшимся в стороне Сабирам.

Все произошло так быстро, что Эйоуюэль едва не прозевал событие. Пальцы Сабира обхватили левое предплечье Типпы. И тогда правая рука ее выпорхнула из складок юбки, полоснув кинжалом по горлу солдата, прежде чем тот успел хотя бы загородиться рукой. Кровь пульсирующим потоком хлынула из раны, обагряя лицо девушки, ее руки и платье. И едва успели разжаться пальцы умирающего, как на груди Типпы, словно бы повинуясь волшебству, выросли два цветка — оперения стрел. Она посмотрела на свою грудь — с ужасом, не веря себе. Потом перевела недоуменный взгляд на пилота и приоткрыла рот; он готов был поклясться, что Типпа хотела о чем-то спросить его. Но она враз осела, расставаясь с жизнью, и упала на поверженного мечника.

Тут у выхода появился Дугхалл; взглянув на тело своей племянницы, он тяжело соскочил на землю.

— Постараюсь, чтобы все вы получили по заслугам, — бросил он стрелкам.

Те расхохотались, а один оттянул назад тетиву. Однако кто-то из мечников рявкнул:

— Отставить. Этот нам и нужен, осел.

И лучник ослабил лук.

Да, подумал Эйоуюэль, им нужен Дугхалл. Имумбарские острова были сердцем принадлежащей Галвеям торговли каберрой, и если Сабиры намереваются захватить ее, им нужно будет выведать все, что известно Дугхаллу, а может быть, и вступить с ним в сделку. В конце концов он являлся одним из Имумбарских богов.

Сабиры не дураки: они захотят наложить свою лапу на торговлю пряностью. Итак, хотя бы на время Дугхалл может считать себя в безопасности.

Эйоуюэль старался не смотреть на посла, боясь, что глаза его слишком ясно зададут вопрос, не смевший сойти с губ: *что ты сделал с Кеит?*

Ответ можно будет получить очень скоро — лязгая металлом, несколько мечников уже лезли наверх обыскивать гондолу. Эйоуюэль замер на месте с кажущимся бесстрастным лицом, надеясь, что Дугхалл успел спрятать ее, мечтая хотя бы мельком глянуть на дипломата и не смея позволить себе этого.

Обливаясь холодным потом под жаркими лучами солнца, он принялся молиться о спасении своей подруги; наконец вернувшиеся сверху солдаты Сабиров доложили:

— Никого. Немного оружия, немного шелка и две серебряные бутылки — как два кота. А людей нет.

Когда солдаты погнали их с Дугхаллом к Дому, Эйоуюэль едва не улыбнулся.

Глава 15

Голоса, зудевшие какую-то непонятную чушь в его голове, наконец вернули Ри в сознание. Открыв глаза, он хотел немедленно приказать всем бормотунам заткнуться — но возле него находился только один человек. Это был Янф; он дремал в кресле, и часть головы его покрывали бинты.

Голоса кричали теперь громче, и доносились они не из другой комнаты или откуда-нибудь издалека, а орали прямо в его собственном черепе. Их было трое — двое мужчин и одна женщина; спор шел в самых резких и оскорбительных тонах, и, хотя он мог различать четко каждое слово, смысл их оставался абсолютно непонятным. Более того, он не мог даже определить, на каком языке говорят, — что было для него и жутко, и странно. Для Сабира, с детства учившегося дипломатии и магии, все языки Иберы — и живые, и мертвые — таили в себе мало секретов. Он бегло разговаривал на большей части живых языков и был способен хотя бы понять смысл разговора на остальных. Познания Ри в области языков мертвых были столь же фундаментальны: в большинстве своем уцелевшие работы по магии были написаны на пяти основных языках древнего Карси, занимавшего Иберу, Стрифию и часть Манаркаса до так называемого Тысячелетия Тьмы.

И тем не менее звучавший в его голове разговор был непонятен во всем — кроме разве что интонаций.

Прижав кулаки к вискам, он попытался вспомнить случившееся. Они с друзьями бегом поднимались по лестнице. И тут что-то взорвалось в его голове — жуткая боль и грохот ослепили его и бросили на колени. Мир наполнился запахами цветов и гнили.

А после... ничего. Ничего.

Сколько времени прошло? Да и где он? Где остальные его друзья? Сколько же он провалялся в бесчувственном состоянии? И что тем временем произошло со столь необходимой ему женщиной из побежденной Семьи Галвеев?

Ри сел. Голоса стихли, не создавая, впрочем, впечатления, что они оставили его. Скорее напротив — они чего-то ждали. Только безумец может решить, что в голове его кто-то говорит, а Ри не относил себя к тем, кто способен сойти с ума.

В кресле, расположенном возле лежанки, спал лучший друг. Ри позвал его:

— Янф, проснись.

Тот шевельнулся и со стоном открыл глаза.

— Как болит голова, — произнес Янф, лишь потом заметив Ри.

— Боги, ты наконец очнулся?

Хмурясь, он поднялся из кресла резким, едва ли не паническим движением.

— Или все еще нет?

Но Ри не собирался терпеть всякий вздор.

— Конечно, очнулся. Что за глупый вопрос?

— Если бы вопрос был глупым, в моей голове не было б дыры, а бедный Валард не валялся бы в соседней комнате со сломанной рукой. Мы уже один раз решили, что ты очнулся, и ты набросился на нас.

Ри вздрогнул. Быть может, он и впрямь способен сойти с ума: подобного факта он не помнил, однако не имел оснований не доверять Янфу.

— Что случилось?

— Что ты помнишь?

— Мы поднимались по лестнице в Доме Галвеев. Потом был какой-то взрыв и жуткая вонь. Боль. Тьма. И ничего, кроме них.

Янф со вздохом опустился в кресло.

— В Доме Галвеев не было взрыва. Не было вони и шума. Ты бежал впереди нас и вдруг упал, обхватив голову руками. Глаза твои были открыты, но, что мы ни делали, ты не отвечал нам, не подавал даже знака, что слышишь. Мы перепробовали все известные нам средства, пытаясь привести тебя в чувство; однако в конце концов поняли, что все наши действия бесполезны, и поэтому снова спустились вниз. Мы дали человеку твоего отца точные инструкции; заметив среди пленных девушку, похожую на твою, он должен был спасти ее. Он обещал. Его подчиненные убивали уже всякую мелочь — и таскали тела сжигать, однако он обещал, что будет следить за ними и не позволит убить эту девушку. Мы хотели отвести тебя домой, рассчитывая на помощь... но...

Тут лицо Янфа потемнело, и он умолк.

— Что «но»?

— Я хотел пригласить к тебе кого-нибудь из наших семейных лекапевтов, — ответил Янф, — но не сумел этого сделать. С твоей Семьей произошло нечто ужасное.

Внутреннее напряжение отразилось в глазах Ри.

— В каком смысле ужасное?

— Лекапевты не знают. Один из твоих младших кузенов заходил в Белый Зал. Он сказал лекапевтам, что сделал это, повинуясь непонятному побуждению. И обнаружил, что многие твои родственники... скончались... но куда большее число их... э... изменило обличье. Так сказал мне лекапевт, однако он не удосужился объяснить мне каким образом.

— А мои родители?

Янф как будто съежился.

— Твоя мать получила тяжелые увечья, но жива. Твой... — мрачно вздохнув, он продолжал: — Прости меня, Ри, твой отец мертв.

Ри побледнел. Его отец возглавлял Волков, а через них все Семейство Сабиров. Если отец действительно погиб, значит, в Семье безвластие. И новый предводитель будет избран — путем маневрирования — сильнейшими из уцелевших. И процесс этого маневрирования способен погубить не меньшее количество людей, чем непонятная катастрофа, — только более изощренными способами.

— Сколько погибло? — спросил он. — И кто остался в живых?

— Не знаю. Лекапевт, с которым я разговаривал, уделил мне ровно столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы осмотреть тебя и ответить, что ты справишься и так, а остальные крайне нуждаются в его услугах. Я только и успел разузнать у него о твоих родителях, пока он прослушивал твое дыхание и сердце; потом он велел мне забрать тебя из Дома и укрыть в безопасном месте. Он сказал: хотя и не знает, что именно произошло с твоими родичами, он не может гарантировать повторения несчастья. И пока не придет в чувство и не начнет говорить хоть кто-нибудь из уцелевших в Белом Зале, по его мнению, следует рассчитывать на худшее.

«Неужели это Галвеи выкинули какой-нибудь фокус? — рассуждал Ри, склоняясь именно к такому мнению. — Они сумели раскрыть замыслы Сабиров и попытались воспрепятствовать собственному уничтожению».

Нет, такой ответ не годится. Если б Галвеи приняли меры, то сейчас их собственные трупы не горели бы на костре во дворе их собственного дома. Доктииираки? Эти тут ни при чем. Среди них не было Волков; из Пяти Семейств лишь Сабиры и Галвеи прибегали к древнему ведовству, смели пользоваться им. Янф сказал, что родичи Ри пали жертвой магического нападения; однако лекапевт не посмел бы упомянуть об этом человеку, не принадлежащему к Волкам и даже к Семье.

Впрочем, он сказал Янфу, что выжившие при нападении изменились; Ри, видевший достаточно Шрамов, нанесенных отраженными чарами, не нуждался в других пояснениях. Ничто, кроме магии, не могло бы сразу погубить отца и ранить мать. Ничто — он был в этом уверен.

Значит, не Галвеи. И не Доктииираки. Впрочем, нельзя исключать внутрисемейные козни; Ри ничуть не сомневался, что кузен его Эндрю и троюродные сородичи Криспин и Анвин способны перебить любое количество родственников, чтобы захватить власть над Кланом. Однако версия эта опровергалась тем, что ни поганая Тройка, ни любая другая группа внутри Семьи не обладали большинством среди Волков. Ни один член Семейства не имел возможности собрать столько последователей, чтобы суметь

обратить энергию заклинания против остальных Волков... а предпринимать попытку переворота, не располагая большинством, было бы попросту самоубийством.

К подобному риску у Криспина с Анвином и Эндрю никакой наклонности не было. В этом он не сомневался.

Итак, гибельный удар нанес другой игрок. *Могучий* игрок. Но кто он? И как это сделал? И чего, собственно, надеялся достичь этот игрок?

Они мертвы, Кеит, все они мертвы, и тебя тоже ждет смерть, если ты не уберешься из этого места.

Было душно, воняло спиртом. Мягкая тяжесть прикрывала все ее тело, притискивала к земле. В голове грохотало, глаза отказывались служить. Голос внутри черепа не умолкал. Ей хотелось бы возвратиться в утешительный мрак, но какая-то незнакомая женщина без конца настаивала на своем.

Все они погибли, и Сабиры сейчас сжигают их тела. Ты сможешь ощутить запах костров, если встанешь.

Кеит заморгала, однако открытые глаза ее видели то же самое, что и закрытые, а именно — ничего. Совершенная в своей черноте тьма поглотила ее. Произошло нечто скверное. Нечто, извлекшее ее из безопасного и знакомого мира; нечто, переменившее в этом мире известные ей правила игры; нечто опасное, открывшее дверь и вошедшее в нее.

Она вспомнила боль и сладковатый запашок тления. Потом сомкнула глаза, прижала пальцы к пульсирующему черепу и попыталась по возможности точнее припомнить эти последние мгновения. Чувство сгущавшегося зла, которое казалось столь сильным на приеме у Доктииракова и столь усилилось впоследствии, еще более окрепло; там, в воздухе, она на мгновение ощутила восторг твари, наконец взломавшей клетку и вырвавшейся из нее; потом, кажется, появился тошнотворно приторный запах... чего бы? Название не шло на язык, однако она вспомнит, как только натолкнется... когда увидит. А потом ее череп вдруг взорвался безумным бормотанием, как если бы в ней сразу завопила тысяча безумцев, пытающихся одновременно добиться ее внимания; боль, произведенная этим бедламом, и повергла ее в мрачное, но спасительное забвение. А теперь?

Топливо аэрибля, вдруг поняла она. Пахло спиртом, потому что на нем работали двигатели воздушного корабля. Значит, она по-прежнему на аэрибле, только теперь уже не в пассажирской гондоле, а в узком пространстве перед топливными баками, укрытая толстым свертком ткани, используемой при далеких вылетах для аварийного ремонта внешней оболочки аэрибля.

Кто-то спрятал ее. Если бы корабль приземлился нормальным образом, Дугхалл — знавший о ней все — или доставил бы свою племянницу к надежному лекапевту, или сам позаботился о ней. Но вместо этого она тщательно спрятана в той части аэрибля, куда несложно попасть из пассажирского отделения; тем не менее преднамеренно отыскать ее трудно. Далее, она оказалась укрытой в тщательно подобранном месте, а это указывало на то, что прятавший ее человек не рассчитывал на большее, нежели простой осмотр врагами. *Который они и произвели*, сказала неизвестная женщина. Голос ее звучал внутри головы Кеит, и это свидетельствовало либо о том, что свихнулась сама Кеит, либо о том, что перевернулся вверх ногами целый мир. Кеит, не считавшая себя подверженной слабости, которую разделяли многие женщины, принадлежащие к ее общественному классу, предпочла второй вариант.

Итак, на какое-то время придется смириться с присутствием незнакомки в своей голове: ведь она предлагает столь необходимую информацию. Очутившись в безопасности, Кеит хорошенько расспросит эту женщину, узнает, кто залез в ее череп, но сейчас не время для любопытства.

— Итак, они искали на корабле меня, — прошептала она.

Любого, кто оставался на борту. Они взяли троих остальных.

— И кто эти они?

Ты и так знаешь это.

Да, она знала.

— Разбудив меня, ты сказала — Сабиры!

Да.

Разумно. Лишь это семейство способно напасть на Галвеев на их собственной территории; лишь у них хватит цинизма и властолюбия, чтобы пойти на подобный риск. Что ж, они преуспели.

Итак, аэрибль во власти врагов. Кеит провела левой рукой вдоль бедра и ощутила утешительные очертания рукоятки меча. Имея оружие, она могла защитить себя, не прибегая к разоблачительной Трансформации. По крайней мере остается надежда на месть. Прислушавшись, она была вознаграждена негромкими ночными звуками и поскрипыванием натянутых причальных канатов аэрибля.

Кеит с трудом выбралась к краю кипы и медленно вздохнула. Здесь горючим пахло еще сильнее, но воздух сразу стал более холодным, чем бывает обычно вечером. Над люком, ведущим в ее укрытие, кто-то дышал — частые вдохи чередовались с негромким пыхтением.

— Кто там? — прошептала она и услышала в ответ негромкий взвизг и тихое поскребывание когтей.

Твой друг, пояснила женщина. *Он впрыгнул в аэрибль, когда все ушли, и с тех пор лежит у двери.*

У Кеит по спине побежали мурашки.

— Гашта?

Визг сделался громче, лапа скреблась в дверь более настойчиво. Старый приятель — волк, с которым ей случалось преследовать оленей и пеккари в обличье Карнеи. Однажды она спасла ему жизнь, и волк отблагодарил ее верностью, какой, с ее точки зрения, не существовало среди людей. Однако зверь не был домашним; дикое это существо обитало в горах вокруг Калимекки, и Кеит не могла понять, с чего бы это волк оказался на борту аэрибля. Либо корабль опустился за пределами стен, окружающих Дом Галвеев, либо стены эти проломлены и нечто завлекло его внутрь.

Выглянувшие из-под ткани глаза ее приспособились к полумраку. Она провела в забытьи долгое время. Аэрибль окружала ночь, иначе световые призмы, расположенные поверх рабочих участков гондолы, впустили бы внутрь дневной свет.

Что делать теперь? Напасть на первого встречного, который попадется ей снаружи, и убивать Сабиров, пока не погибнет сама? Или бежать за подмогой? Или собрать войско, чтобы отбить Дом? Или же просто сдаться и умереть не сопротивляясь?

— Прежде чем действовать, оцени ситуацию, — пробормотала она.

Образчик премудрости Неса Мадибля, труды которого — в отличие от обожаемого дядей Дугхаллом Винсалиса — высоко почитает вся Семья. Наставники начали вдалбливать их ей в голову с того самого мгновения, как Кеит приступила к дипломатической подготовке.

Оцени ситуацию. Незнакомка сказала, что, кроме волка и Кеит, на борту аэрибля нет никого. Итак, она временно находится в безопасности. В поисках поддержки девушка вновь прикоснулась кончиками пальцев к рукоятке меча и толкнула крышку люка. Гашта сопротивлялся ей лишь в первый момент, но сразу же отскочил. Приподняв дверцу люка, она выпрыгнула в пассажирское отделение и осторожно закрыла за собой люк. Пока она занималась этим, Гашта тыкался в нее носом, лизал в лицо и скулил.

Незнакомка оказалась права: в кабине никого не было. Теперь Кеит могла наиболее четко различать доносящиеся снаружи голоса. И ощутила то, что доселе от нее скрывал запах спирта: густой, отдававший жарящейся свининой запах сгорающей плоти. Человеческой плоти. В программу ее дипломатической подготовки входило присутствие на сожжении шпиона Увечных, происходившем на Площади Казней в Калимекке. И тогдашний запах вновь ударял ей в ноздри.

Все они убиты, сказала незнакомка. Пока она ни в чем не ошибалась. А теперь Сабиры жгут мертвые тела ее род-

ственников. Итак, приходится считаться с вероятностью, что она, Кеит, является единственным уцелевшим членом Семьи.

Нет, она не смела даже помыслить о подобном. И без того слишком близким было отчаяние и слишком крохотными — шансы на спасение. Они погибли НЕ все, сказала она себе. Быстрыми и умными действиями я могу спасти кого-нибудь из них.

«Прежде чем действовать, оцени ситуацию».

Кеит встала, и Гашта рыкнул.

— Шши, — шепнула она, доставая меч.

Сперва надо узнать, где она находится.

Подобравшись к окну аэрибля, Кеит выглянула наружу. И сердце ее едва не лопнуло. Аэрибль был причален на посадочном поле Дома Галвеев, и даже со своего места она могла видеть, что ворота его открыты — те самые ворота, которые на ее памяти открывались лишь для того, чтобы с разрешения пропустить или выпустить своего. Ворота освещало бушующее пламя разведенного рядом с ними погребального костра. Черные силуэты подбрасывали дерево в огонь. Костер окружали солдаты. Солдаты Сабиров и близнецы — деревья их герба четко вырисовывались на их плащах.

Дом Галвеев пал.

Она проглотила прихлынувшие слезы и вместе с волком выбралась из аэрибля на посадочное поле. А потом зарубила мечом двоих солдат, оставленных охранять аэрибль, — безмолвно и скрытно, без всяких угрызений совести. Дом охранялся плотным кольцом, и Кеит поняла, что никакая сила и скорость не помогут ей в одиночку выручить уцелевших. Итак, остается либо умереть вместе с ними, либо отправиться за подмогой.

Гофт находился всего в двадцати лигах к северо-востоку, и в одном из городов его, Маратаде, обитало ответвление Дома Галвеев — Дом Черианов. Семья эта торговала, владела колоссальными богатствами, целой армадой судов и была в состоянии выставить сотни крепких и свирепых солдат, способных отбить все утраченное Семьей. Надо добраться до них.

У тебя остается немного времени, напомнила незнакомка.

Кеит и так это знала.

До Гофта можно было добраться на аэрибле, однако если посадочная бригада не отпустит вовремя канаты, взлететь сложно. Потом надо оторваться от земли и набрать высоту так, чтобы Сабиры ничего не заметили. Лежа в росистой траве рядом с волком, Кеит разглядывала людей, сновавших перед костром, поддерживая в нем огонь. Потом осмотрела обтекаемые очертания аэрибля, под ветерком натягивавшего причальные канаты. Потом проверила ветер и нахмурилась. Слишком сильный, чтобы от-

пускать веревки по очереди; поступив так, она выдаст себя, потому что ветер задерет воздушный корабль вверх носом.

Способ, конечно, был. Галвеи, их ученые и изобретатели, вместе хранили тайну сооружения аэриблей и могучих двигателей, приводивших корабли в движение. Как говорил ее отец, в руки Семьи попал древний манускрипт, в единственном числе переживший Тысячелетие Тьмы; этот манускрипт был полон тайн, многие из них до сих пор скрывались за загадочными чертежами и непонятными описаниями устройств, даже назначение которых в эти дни оставалось загадочным. Однако художники и изобретатели Дома, находившиеся в безопасном и надежном убежище, одну за другой выпытывали тайны управляемого полета и, наконец, дали Галвеям крылья. Десять лет Галвеи ревностно оберегали свой секрет. Если аэрибль мог попасть в руки врага, пилот должен был нажать скрытую рукоятку, связанную с механизмом, одновременно обрывавшим все посадочные канаты, выпуская корабль на свободу. Он мог лететь, но не имел возможности причалить к земле, и пилот должен был пережить крушение, опустив аэрибль вдали от врагов. Однако лучше потерять один корабль, чем отдать его в чужие руки.

Кеит знала, где искать рукоятку, она даже умела пилотировать аэрибль, а значит, вполне могла добраться до Гофта. Приземляться будет опасно, но об этом она побеспокоится, уже прилетев туда.

Она провела пальцами по шкуре волка, гадая, каким образом и почему зверь нашел ее. Взять животное с собой она не могла, однако не хотела и оставлять его рядом с Сабирами. Впрочем, когда Кеит поползла назад к аэриблю, зверь сам решил трудную для нее проблему. Лизнув ее в нос, он затем осторожно куснул ее за ухо. А потом зарычал, поднялся и рысью направился вдоль стены к воротам. Понаблюдав за ним какое-то мгновение, Кеит поняла, что Гашту ожидают возле ворот собратья-волки.

Оставалось только гадать, доведется ли ей еще раз увидеть его. Подобравшись по траве к люку аэрибля, она впрыгнула внутрь как настоящая волчица и поспешно запустила ладонь под полированное дерево пульта к спрятанной под ним рукоятке. Дернув за нее, она услышала, как шипят отпущенные тросы, и ощутила толчок, когда неуправляемый аэрибль неловко подпрыгнул. Тут-то и завыли волки.

Ветер, дувший вдоль утеса, толкал воздушный корабль. Кеит уже опасалась, что зацепится за дерево или стену, прежде чем успеет подняться повыше, — так быстро несся аэрибль над землей. Чудесным образом, хотя гондола все-таки чиркнула по верху стены, она вырвалась на свободу — в черноту ночного неба.

Раскинувшийся под ней город трепетал тихими огоньками свечей, мерцавших за тысячами окон; поярче светили

уличные фонари, которые с наступлением сумерек каждый день зажигали фонарщики, еще ярче горели газовые лампы в цехах, где люди трудились, обливаясь потом, даже ночами... и пылал жестокий костер у Дома Галвеев, его жирные клубы несли с собой к задымленному городу то, что было утром ее Семьей.

Но не всех. Не всех. Кеит не могла поверить голосу незнакомки, твердившему в ее голове: *все ушли, все.* Она заставит Сабиров заплатить за жизнь каждого любимого человека, отнятую у нее. Кеит поклялась всеми богами, что либо погубит Семейство, либо умрет.

Глава 16

Когда волки начали выть, Дугхалл позволил себе легчайшую улыбку. Он зажал руками порез на ладони; крохотное заклинание, привлекшее зверей к огню, оказалось не очень сложным и не потребовало от него больших усилий. Он обращался вообще — к любой живой твари, проникшей внутрь Дома Галвеев, требуя, чтобы она проследила за Кеит, пока та не уйдет отсюда, а потом дала знак о спасении девушки. Он рассчитывал на птицу — птицы всегда отвечали ему. Однако первыми отозвались волки. Они проявили прыть, как будто были знакомы с Домом и его окрестностями... или с Кеит. Он не стал затруднять себя размышлениями о необычности подобной реакции. Ночь наполняли чары, и, будучи Соколом, он знал, что каждая форма жизни по-своему реагирует на них — но призванные добром и отвечали добром. Кеит не причинят вреда.

Вой дал ему знать, что Кеит каким-то образом сумела выбраться за пределы стен Дома Галвеев. Дугхалл не был этим удивлен, хотя ему хотелось бы знать, как именно она сделала это. Отвесная стена в Халлесе осталась впечатанной в его память.

Теперь, когда она в безопасности, пора делать следующий ход. Он по-прежнему лежал на полу, прикидываясь спящим. Стражники Сабиров поместили его под замок — вместе с прочими «ценными» Галвеями и теми техниками и художниками, которых им удалось схватить во внутреннем, лишенном окон покое на четвертом этаже.

Двое — сенешаль Дома и крепкого сложения дальний кузен Дугхалла — лежали мертвые в уголке; они погибли от ран, полученных при попытке к бегству. Пока они еще жили, охранники отказались вызвать к раненым медицинскую помощь; отказались они и убрать трупы, когда оба скончались — к об-

легчению Дугхалла и разочарованию его компаньонов. Трупы лежали в уголке неподалеку — и он специально улегся рядом с ними.

Осторожным прикосновением умственных щупалец Дугхалл притронулся к каждому из живых обитателей комнаты; в основном все крепко спали. Несколько человек колебались на грани сна. Кроме него самого, бодрствовал только один человек. Подавив вздох, Дугхалл крошечным запасным кинжальчиком, пронесенным через тщательный обыск — ну кому из стражников придет в голову искать ножик длиною с большой палец в складке жира на животе почтенного дипломата средних лет? — сделал на ладони мелкий порез и, уронив каплю крови на пол, призвал мирный сон к тому, кто бодрствовал, к тем, кто засыпал, к тем кто боролся с кошмарами.

Он не стал ничего делать со стражниками, сидевшими возле двери и, пересмеиваясь, вспоминавшими изнасилованных женщин и награбленное добро. Во-первых, на людях Сабиров были заговоренные амулеты, изготовленные кем-то из Мастеров и защищавшие их от мелких чар. Ну а во-вторых, он просто хотел, чтобы эти ублюдки оставались снаружи. Лучшего места для них нельзя было найти.

Удостоверившись в том, что среди временных обитателей комнаты бодрствует лишь один, Дугхалл сел и устроился между двумя трупами. Он прикоснулся руками к холодным телам, отыскивая ладони. Нащупав их, он уложил мертвецов на пол перед собой, превозмогая окоченение. Крови от них не получишь, поэтому придется делать предложение плоти. Она укрепит заклинание, но затруднит власть над ним. Отголоски чар, все еще метавшиеся по залу и городу, заставили его помедлить. Как бы чисты ни были его намерения, какой бы оборонительный характер ни носило его заклинание, злые отзвуки подействуют на чары, обратят их против него самого и тех, кто сейчас с ним. Однако он не мог бездействием обречь на смерть — и худшее, чем смерть, — немногих уцелевших членов своей Семьи... он должен был предпринять попытку спасения, зная, что она все равно закончится смертью и худшим, чем смерть.

К счастью, Сабиры уже сожгли трупы других Галвеев. А собственных мертвецов — он в этом не сомневался — захватчики должны были перенести к себе в Дом; пока враги не освятят для себя Дом Галвеев, любой другой поступок будет считаться еретическим. Предложение всего только двух трупов весьма незначительно для его целей, однако те из родичей, хотя бы частица которых не сгорела в огне, добавят силы жертвоприношению. Ну а то, что в стенах Дома трупов осталось немного, поможет ему удержать власть над чарами, если что-то выйдет не так.

Сколь полное равновесие... какая узкая грань между недостатком и избытком.

Первым делом он перерезал ладони трупов и стиснул ранки вместе. Потом положил собственную окровавленную ладонь поверх двух мертвых и зашептал:

Кровью живых,
Плотью усопших,
Вас призываю,
О духи Предков,
Ушедших прежде.
Враги за стеной,
Враги внутри Дома,
Они ворвались,
Они убивали,
Грабеж творили,
Брали добычу,
И побеждали,
И покоряли.

Придите ныне, о духи мертвых,
Всю плоть усопших в Доме Галвеев
Вам предлагаю я вместо крови.
Гоните из Дома, чужих гоните,
Но не вредите, не лейте крови.
И даже боли да не чините.
Прошу не мести,
Прошу спасенья,
Вам отдаю я и кровь, и душу,
За безопасность врага и друга
Внутри стен Дома,
Покуда чары сии вершатся.
И так да будет!

Холодный голос — далекий, как темное королевство между мирами, и близкий, как сама смерть, — шепнул ему на ухо: «Мы слышим».

Палец духа провел черту на его щеке, и язык, не существующий в физических областях мира, слизал кровь с ладони. Нечто вздохнуло. Нечто захихикало. Волосы на затылке Дугхалла встали дыбом, ледяной пот высыпал на верхней губе и лбу, струился по ложбинке меж лопаток, увлажняя ладони. Ему еще ни разу не приходилось призывать мертвых и оставалось лишь надеяться, что подобной нужды в его жизни больше не будет.

Но тут трупы вдруг засветились изнутри — как толстые свечи с горящими в глубине фитилями. Неяркий поначалу красный свет разгорался, тела теряли плотность, становились

прозрачными. Дугхалл ощущал течение чар, сильное, словно река. Однако сила их явно превосходила ожидаемые им пределы. Сколько же мертвецов находилось сейчас в стенах дома? Неужели он пробудил дремавший магический поток? Дугхалл не мог найти места, из которого заклинание черпало дополнительную силу, однако пока он искал исток, отчаянно пытаясь подчинить своей власти самовольно выплеснувшуюся энергию, магическая река вздыбилась и, преодолев пределы, внутри которых он мог еще ограничить ее, хлынула наружу.

Дугхалл закрыл глаза и принялся молиться о том, чтобы в совершенном им заклинании не оказалось даже тени ненависти, тайного желания погубить, уничтожить врагов. Тогда враги, безусловно, умрут — а вместе с ними и он сам, и все, что находится с ним в комнате.

Хасмаль беспокойно переворачивался с боку на бок на койке корабля, вновь пробужденный от кошмарного сна чьим-то хохотом. И опять лишь смех задержался в его памяти, звонкий, женственный, не имеющий никакого отношения к миру, в котором он обитал.

Во сне его осмеивало повисшее над ним в воздухе крохотное создание, волосы его светились словно рубины, крылья сверкали и искрились в ослепительном солнечном свете, нежное тельце не превышало размером ладонь. Порождение мира духов — того самого мира, к которому он обратился, пытаясь избегнуть судьбы. Одна из подобных этому созданию велела Хасмалю бежать. А собственные гадания и заклинания привели на этот корабль, капитану которого нужен был человек, умеющий чинить всякие вещи и обращаться с металлом.

Его предшественник, корабельный кузнец, прибыл в порт, имея в избытке деньги, но не досчитываясь здравого смысла: он умудрился напиться и попал в беду. Так что, нанимая Хасмаля, капитан твердо заявил, что не будет выкупать своих людей из тюрьмы. Хасмаль, будучи человеком непьющим, к тому же посвятившим последний период своей жизни уклонению от неприятностей, никаких проблем в этом требовании не усмотрел. Несколько предшествующих нынешнему дней он работал, готовя корабль к выходу в море, а капитан проводил свое время — пока безуспешно — в поисках груза. Он заверил Хасмаля в том, что «Кречет» подолгу в гаванях не стоит и что через каких-нибудь пару-тройку суток они отплывут.

Хотя плыть по морю было бы лучше, обещание это пока утешало Хасмаля. Впрочем, смех какой-то ехидной феи звенел в его снах, мешал ему спать, и теперь, лежа во тьме, он подумывал, не бежать ли в глубь суши, подальше от людей, не укрыться ли в сырых, мрачных джунглях.

Гадания на костях и картах давали один и тот же совершенно очевидный результат, даже единственная ночная проверка подтвердила его: очередной из призванных кровью духов ответствовал Хасмалю, что он находится именно там, где ему и положено быть. Нервничай не нервничай, но это правильный путь. И нужный корабль — «Кречет»... Имя это является разновидностью сокола, как и сам он Сокол — в известном смысле... Разве это само по себе не знак? Один Сокол вполне может спасти другого от опасности и гибели.

Сидя на койке, Хасмаль прислушивался к умиротворяющему потрескиванию досок и плеску воды о корпус. Утешительные, спокойные звуки сулили ему в итоге и неизбежное спасение, и светлую свободу. Хасмаля начало клонить в дремоту, в сумеречное состояние между бодрствованием и сном, и сразу перед ним в воздухе возник этот крылатый дух; усевшись со скрещенными ногами прямо в воздухе, нечестивая тварь с гадкой улыбкой на физиономии тянула к нему пальцы.

Жалкое создание. Хасмаль напрягся, черпая энергию из воды и воздушных течений вокруг, сплетая из нее новый слой стены, ограждавшей его от зла и превращавшей его в ничто, — в человека, который не создает никакого впечатления, не оставляет следов, не привлекает ничьей фантазии, — и таким образом обрел тишину. Благословенную тишину. Отгороженный стеной, дух исчез из его сознания. Вскоре Хасмаль уснул.

Вставай! Вставай немедленно, или ты умрешь!

Голос кричал откуда-то из далекой дали, то досадуя, то сердясь на нее. Девушка свернулась клубком и попыталась отгородиться от этого голоса: он пробуждал ее, а она, не помня еще причины, знала, что не хочет просыпаться.

По крайней мере перейди под деревья, там у тебя будет какое-то укрытие! Двигайся! Двигайся, девочка! Ты не можешь умереть и бросить меня!

Тело ее болело, но совершенно непонятным образом. Она словно бы не имела отношения к своим болячкам. Да, боль была, однако она как бы не принадлежала ей. Болело там, где у нее просто не было тела. Болело *неправильно*, хотя она не могла понять, как такое возможно. Ей казалось, будто она попала в незнакомое тело, и тело это чувствовало не так, как она привыкла, и обоняло иначе, и слышало по-другому.

Словно из какой-то дали она ощутила, что замерзает. Сам воздух казался чужим — густым и стерильным. Всю свою жизнь она знала лишь мир, насыщенный запахами буйных джунглей, сочными, темными ароматами земли, нежным благоухани-

ем цветов, тысячью спорящих друг с другом запахов Калимекки. И теперь они исчезли, вытесненные пустотой. Холод не так беспокоил ее, как эта пропажа запахов и звуков. До слуха ее доносились лишь стоны да посвист ветра, к которым время от времени присоединялся далекий резкий треск и ничего более.

Вставай! Пожалуйста, вставай! Девочка, я не могу позволить тебе умереть. Мы нужны друг другу — ты и я.

И почти ничего более. Значит, ОН так и не отстал от нее. Зачем ей докучает какой-то незнакомец? Она никогда не слышала его голоса. Более того, она вообще не слышала ничего похожего, даже акцента — пусть и слабого. А она-то уж думала, что слышала все. Она приоткрыла один глаз, и белизна поразила ее. Нечто безликое стерло весь мир, оставив ее в пустоте, подобной листу пергамента, к которому не прикасалось перо. Немыслимо. Она протрет глаза, и все изменится. Она попыталась это сделать, но едва шевельнула рукой, как перед глазами появилась чудовищная когтистая лапа и потянулась к ней. С воплем она попыталась отползти в сторону, но белая почва подалась под нею и вблизи нее, превращаясь в пыль; она залетала в нос, глаза, рот... колючая, тающая, вкусом похожая на...

Снег.

Она угодила в глубокий сугроб... И тут только поняла, что́ окружает ее. Снег, который купцы привозили с далекого юга и чашками продавали на рынке. Она просто представить себе не могла мир, покрытый этим веществом; ей всегда представлялось, что купцы добывают драгоценный деликатес из-под земли, ищут его карманы и жилы — как горняки находят опалы и изумруды. Перед ней рассыпано было целое состояние; снег укрывал ее от ног до шеи и уходил во все стороны, насколько мог охватить глаз. Она повернулась в надежде отыскать хоть что-то еще и, совершая оборот, заметила не столь уж далеко небольшую купу деревьев. Бесконечные ветры сгорбили растения, превратив их в подобие усталых старцев, несущих дрова на спине. Листья их скорее напоминали короткие иголки; они были зелены, однако их цвет казался скучным и темным.

Она не могла определить источник звука, столь настойчиво докучавшего ей, что она проснулась; не было видно и чудовища. Более того, ей казалось, будто в целом свете кроме нее нет никого живого. Она удивилась, не зная, куда могли подеваться чудовище и голос; хотелось бы знать, не чудовище ли говорило.

— Где ты? — закричала она, и тут же слышанный прежде голос отозвался как бы в самой ее голове: *Шшш! Они услышат тебя, а ты еще не готова предстать перед ними.*

Она вихрем развернулась назад, однако за спиной никого не было. Стараясь говорить негромко, — так как ей не понравилось это «они услышат тебя», а особенно испуг, прозвучавший в голосе незнакомца, — она произнесла:

— Не прячься от меня. Выйди, чтобы я могла увидеть тебя.

Я... не могу выйти. И ты не можешь увидеть меня. Я в ловушке, в заточении... и нахожусь там куда дольше, чем ты живешь на свете. Я могу лишь прислать тебе свой голос, и то не в уши. Я говорю с твоим разумом, хотя смотрю твоими глазами и слышу твоими ушами.

Даня нахмурилась и подняла руку, чтобы прикрыть от колючего снега лицо. И вновь увидела приближающуюся к ней лапу чудовища. На сей раз она не закричала. Разрозненные лохмотья воспоминаний начинали возвращаться к ней... Она припомнила проведенные в темнице долгие дни, а потом мучения, принятые ею в покоях Сабиров. Да, дни сливались в бесконечную череду унижений, падений и боли. Впрочем, они закончились, и она более не ощущала цепи, приковывавшей ее к полу. Какое же недавнее событие вырвало ее из лап этой тройки? Впрочем, оно стало самым худшим из того, что довелось претерпеть ей.

И вдруг она вспомнила. Память возвратилась, ей хотелось кричать, но Даня смолчала. И только поглядела на руку чудовища. Свою ладонь. Теперь ее как панцирь покрывали темные, бронзовые чешуйки, доходившие до самых ногтей, вместо которых изгибались жесткие черные когти. Чешуйки поднимались вверх по руке, становясь крупнее и светлее, так что возле локтя они горели уже жаркой медью, а у плеча, вверх и вниз от сустава, усеянного роговыми или костяными шипами, они бледнели, обретая почти телесный, смуглый цвет, но сохраняли тем не менее тот же металлический блеск. Она поднесла к лицу ладонь — и с нею другую, — зажмурив глаза, чтобы ненароком не выцарапать их, и, ощупав его, не обнаружила ничего, что принадлежало бы той женщине, которой она была прежде. С макушки черепа, существенно расширив переносицу, сбегал костяной гребень. Нос вытянулся вперед на целую ладонь, превратившись в узкую морду. Зубы стали кинжалами — рядами лезвий. По краям челюстей тоже выступали шипы, а лицо теперь было полностью затянуто крошечными, как мелкая галька, чешуйками.

Заплакала она лишь в ту минуту, когда руки ее коснулись тяжелой копны черных волос. Мокрые, кое-где смерзшиеся, они казались точно такими, какими были прежде... прежде чем она послужила Сабирам в качестве жертвоприношения. Прежде чем их черные чары изувечили ее. Волосы остались человеческими, хотя ей самой никогда более не суждено вернуть себе прежний облик.

Не обращая внимания на голос, моливший ее перебраться в относительное укрытие, которое могла предоставить купа деревьев, Даня упала на колени, прикрыла лицо руками и зарыдала. Невидимый незнакомец все твердил, что ее ждет смерть, если она не найдет убежища. Подобный исход полностью устраивал Даню. Она хотела умереть.

Холодные слезы примерзали к лицу.

Свирепый ветер, завывавший вокруг, начинал пробираться под кожу. Вдали — так далеко, что трудно было отличить этот голос от ветра, — прозвучал чей-то визг. Сердце ее стенало, мучаясь и горюя обо всем утраченном, о том, что к ней никогда не вернется. Близилось желанное забвение, она уже видела перед собой мрак капитуляции и легкую смерть, и едва... едва... едва не позволила себе провалиться в него.

А затем постепенно рыдания ее стихли, и слезы просохли. Подняв голову, Даня оглядела блеклую пустоту, протянувшуюся от нее во все стороны... адскую пустыню, лишенную всего, что она любила. Она разлучена со своей Семьей, собственным миром, своими друзьями... и, обнаружив себя в этом изувеченном теле, вынуждена была признать, что разлучена с ними навеки. Ей никогда не вернуться назад, чтобы вновь стать Даней Галвей. Волчицей Галвеев. Семья не спасла ее и не выкупила, оставила в лапах врагов... она не могла забыть этого и никогда не забудет. Похитители истерзали ее; много раз она ожидала смерти и намного чаще желала скорой кончины. Троих извергов, чудовищ, что мучили ее, она возненавидела. Ей никогда не забыть их голосов, прикосновений пальцев и этих страшных рож.

Однако она жива. Она жива, на свободе и, вне зависимости от того, что сделали Сабиры и не сделали Галвеи, находится сейчас в лучшем положении, чем и те, и другие. Ведь она жива, а им это неизвестно. И она знает, кто они. И знает, где их искать.

И она отыщет их — сколько бы времени ни ушло на это, во что бы ни обошлось ей, что бы ни пришлось сделать. Она отыщет и тех, кто пренебрег ею, и тех, кто мучил ее, и тех, кто принес ее в жертву, и заставит всех расплатиться с долгами.

Встав, она отряхнула снег с тела и подняла голову. Пусть себе нежатся в теплых постелях, утешаясь собственным неведением. Она придет.

Она придет.

Очень хорошо, заметил в голове голос незримого союзника. *Воистину очень хорошо. Я так и думал, что у тебя хватит сил пережить все это. Если ты желаешь отомстить, я сделаю все, что в моей власти, чтобы помочь тебе. Я пойду на все, Даня.*

Но сперва предлагаю тебе отыскать укрытие и, быть может, еду. Ты ведь не сумеешь отомстить, если умрешь здесь.

— Ты можешь привести меня к укрытию?

Я могу направлять тебя. Я ограничен в своих возможностях... однако умею находить нужное.

— Зачем это тебе?

И после недолгого молчания она услышала: *Потому что я знаю, что с тобой произошло. Потому что я знаю, что это такое, потому что я не пережил того, что было со мной. Ты не ошибешься, если теперь не поверишь более никому, но я могу сказать, что был там, где ты находишься сейчас, и у меня много причин — ты даже не представляешь сколько, — оказать тебе помощь в достижении цели. Ты можешь помочь мне, Даня, — и я помогу тебе.*

Даня задумалась. Она не знала, каким образом и почему отыскал ее дух; она не знала, кем он являлся. Ей было известно одно: других союзников у нее нет, и собственными стараниями она едва ли отыщет их.

— Веди меня, — сказала она. — Я последую за тобой.

Глава 17

Оказавшись в небе на безопасном удалении от Дома Галвеев, Кеит обратилась мыслями к незнакомке, смотревшей ее глазами, слушавшей ее ушами и вдыхавшей влажный ночной воздух ее собственным носом. Незнакомка молчала, и только ощущение ее присутствия, непривычная тяжесть да изредка случайное шевеление где-то на задворках души убеждали девушку в том, что безмолвная и внимательная тень эта не была рождена воображением вкупе с горем и ужасом предыдущего дня.

Кеит запустила двигатели уже в воздухе, убедившись, что миновала места, где ее мог бы услышать кто-нибудь из Сабиров, и принялась бороться с ветром, который дул сзади и сносил аэрибль к северу. И когда воздушный корабль наконец благополучно лег на курс по направлению к Гофту, сказала:

— А теперь можешь больше не прятаться и сказать мне, *кто* ты такая и *что* собой представляешь.

Незнакомка вздохнула в ее сознании.

Какая разница? Я могу помочь тебе.

— Разница есть. Скажи, ты демон — из тех, кто делает людей одержимыми, заставляет их говорить с пеной у

рта? Или ты богиня, которая хочет поручить мне какое-то дело? Или кто-то еще?

Я не демон, не бог, а создание более мелкое. Меня зовут Амели Кеншара Роханнан Драклес.

Кеит застыла на месте, сообразив, что означает это имя.

— Ты моя прапрапрапрабабушка?

Амели Драклес умерла мученицей почти двести лет назад, пав жертвой тех же самых Сабиров. Как утверждала история Семьи, ее мучили и пытали прямо перед стенами Дома Галвеев, на глазах у мужа и детей.

— Да.

Кеит не знала, что и ответить.

Ты не веришь мне?

— Да.

Ты была бы дурой, если бы поверила сразу. Впрочем, я могу дать тебе некоторые доказательства. А еще могу помочь тебе отомстить Сабирам.

В то, что ее многажды прабабушка хотела бы отомстить Сабирам, Кеит вполне могла поверить. Однако чтобы она явилась в качестве голоса в голове Кеит...

Из места моего заточения с того самого дня, когда я была убита Сабирами, меня освободила магия. Конечно, теперь у меня нет тела, но я помню себя и всю свою жизнь до дня гибели. Освободившись, я стала искать потомков, и ты оказалась единственной, кто уцелел.

— Звучит разумно, хотя я никогда не верила в то, что духи посещают живых. Я всегда полагала, что мертвые пребывают между мирами и воплощаются, получая новые тела и жизни.

Твоя теория не так уж далека от истины... но бывает и иначе — когда садисты-мучители захватывают в плен и душу. Конечно, с тех пор я уже прожила бы новую жизнь, если б они не учинили все это надо мною.

Кеит припомнила бурю голосов, столкнувшую ее в пропасть забвения. *Многие* голоса пытались добиться ее внимания. И большинство из них казались страшными.

Я не была единственным захваченным духом, пояснила Амели, *и некоторые из тех, с кем я провела последнюю ты... Ах, то есть две сотни лет, были злыми. Истинно злыми.*

Кеит кивнула.

— А что случилось со всеми остальными?

Амели не ответила.

— Бабушка... что произошло с остальными?

В ответе печаль мешалась с усталостью.

Не знаю. Может быть, сейчас они между мирами. Или... нет.

Больше Амели разговаривать не захотела, а Кеит нужно было сосредоточиться. В столь темную и ветреную ночь на острове Гофт приземлиться сложно.

Позже, когда огни на побережье Гофта уже приближались и вдруг стали отползать влево, перед ней возникли еще более серьезные трудности. Запас топлива быстро уменьшался. А ей нужно было зайти против ветра, чтобы аэрибль шел стабильно до тех пор, пока она не спрыгнет в бухту Маранада. Один двигатель зачихал и смолк: ведь аэрибль не прошел в Доме наземного обслуживания. Задыхались и кашляли другие двигатели: звуки, издаваемые ими, явственно свидетельствовали о том, что топливо заканчивается. Она добралась до Гофта лишь потому, что ветер дул в спину. При встречном ветре она лишилась бы двигателей гораздо раньше, и тогда оставалось бы только надеяться на волю ветра. Теперь под ней лежал Маранадский залив, однако Кеит не сомневалась, что сумеет лишь однажды пройти над ним, прежде чем удача вместе с горючим оставит ее. Следовало поскорее оставить аэрибль.

Нахмурясь, она посильнее потянула рукоятку руля. Одновременно сдвинула балласт вперед и направила воздушный корабль к поверхности воды. Она хотела спуститься как можно ниже, а потом пустить аэрибль в свободный полет. При необходимости можно удариться о воду и затопить аппарат и только потом уплыть, но Маранада кишмя кишит отменными пловцами и ныряльщиками, привыкшими выручать всякое добро; любой из них способен поднять на поверхность воды двигатели и оболочку и таким образом воспользоваться семейными секретами.

Интересы Галвеев наверняка не будут затронуты, если она оставит аэрибль во власти восточного ветра, чтобы он канул на дно, посреди не оставляющих на себе следов океанских просторов. Никому тогда не отыскать воздушное судно.

Она отклонила руль еще дальше, и аэрибль перевалился с юга на юго-восток. Под ней раскинулась Маранадская бухта, полная кораблей, искрящаяся огоньками: невзирая на тьму, мореходы в шлюпках переправляли грузы на берег и с берега либо спешили отдохнуть на твердой земле или убраться с нее. Опускаясь к поверхности воды, Кеит открыла люк. Она не хотела, чтобы аэрибль задел мачту какого-нибудь оказавшегося в гавани корабля. Дабы предотвратить это, необходимо действовать быстрее. Она убедилась, что меч и кинжал надежно прикреплены к поясу; покрепче завязала шнурки на сапогах. Оставалось опустить корабль как можно ниже к поверхности воды, а потом резко вырулить его носом вверх и выпрыгнуть, пока он не поднимется чересчур высоко. Плавала она превосходно, куда лучше обычного человека; вода казалась достаточно спокойной, и Кеит не опасалась, что ору-

жие или одежда утянут ее на дно. Быстрая реакция позволяла ей вовремя оставить воздушный корабль. Однако она сильно устала, болела голова, мучило пережитое. Разглядывая покрытое рябью зеркало вод под собой, она подумала, что погрузиться на дно и не выплыть теперь, пожалуй, будет обидно.

Я слышала, это трудная смерть, заметила Амели. *Подобный исход, пожалуй, разрешит все твои проблемы, но тогда прощайся с надеждами на месть.*

Правильно. Кеит пожалела, что усопшая пра и так далее бабка вторглась в ее мысли, однако отчасти она испытывала своего рода удовлетворение от того, что ее заставили обратиться лицом к реальности. Мертвая, она не сумеет помочь уцелевшим, как и отомстить за усопших. Она всегда хотела служить своей Семье. И теперь стала не просто дипломатом, занимающим один из низших чинов. Теперь Семья как никогда в ней нуждалась.

Направив аэрибль по намеченному заранее курсу, Кеит железной рукой расправилась с параличом, вызванным приступом страха, и выпрыгнула, когда воздушный корабль еще только начинал набирать высоту. Точно рассчитав мгновение, она вошла в воду вдалеке от кораблей, лодок и прочих препятствий, но не могла предположить, что падение с такой высоты окажет подобное воздействие на нее. Кеит врезалась в поверхность бухты, как в твердый камень; жидкость, ставшая жесткой словно скала, хлестнула ее, оглушила и ошеломила. А потом вода поглотила Кеит, и она ощутила, как опускается вниз. И собственный разум, и покойная прабабка дружно завопили: *Плыви! Плыви же!* Однако Кеит не могла этого сделать. Тело отказывалось повиноваться. Она тонула и понимала это, но не имела сил выплыть из бурной стихии. Она вдохнула, и легкие ее ожгла вода.

Тело Кеит само отреагировало на угрозу даже в этом оглушенном состоянии. И извлекло свое предельное оружие. Кеит почувствовала, как вдоль шеи пробежало пламя, и, не осознавая, как это вышло, задышала соленым воздухом бухты. Моргнув, она поняла, что глаза ее способны различать подводные предметы даже во мраке. Трансформация оказалась частичной; слишком уж недавно она преображалась в последний раз; быть может, помешал Превращению удар о воду. Однако хватило и рефлексов Карнеи.

Теперь Кеит могла дышать, спустя какое-то время она даже сумела шевельнуться в воде, и — ой как не сразу — ей удалось доплыть до берега. Она едва выползла на клочок песчаного берега вдали от света, движения и людей. Когда Трансформация отступила и Кеит поняла, что способна находиться среди людей, не навлекая на себя смерть, она встала, по возможности стряхнула с одежды песок, вытерла курткой меч и кинжал и направи-

лась через город вверх по длинному холму к Дому Черианов, служившему обиталищем ее Семье в Маранаде.

Кеит пришлось подождать среди стражников возле ворот Дома, пока искали человека, способного поручиться за нее. Наконец к ней вышел дальний кузен, почти ровесник, вместе с которым она целый год изучала дипломатию в Доме Галвеев, прежде чем он вернулся домой и приступил к своим торговым обязанностям. Парня звали Файфером; Кеит всегда считала его скучным увальнем. И время ничуть не изменило его.

Стоя в воротах, он изучал Кеит сонными глазами, не улыбнулся ей, не поздоровался, не показал даже вида, что приветствует ее. Он просто смотрел на нее, потом вздохнул и, повернувшись к начальнику ночной стражи, произнес:

— Ага. Это моя кузина. Можете пропустить ее.

— Привет, Файфер, — сказала она.

— Я смотрю, здравого смысла у тебя не прибавилось. В это время в Дом не приезжают. Мне пришлось разбудить отца, чтобы он мог приветствовать тебя. А выглядишь ты жутко.

Кеит не стала ничего объяснять ему; сочувствия у этого типа не добьешься, даже если она расскажет ему о случившемся... Впрочем, Кеит и не нуждалась в его соболезнованиях. Она надеялась, что дядя окажет ей лучшую встречу.

Файфер вел ее по Дому на прием к дяде Шейиду, являвшемуся параглезом Семьи в Гофте. Проводив ее, он остался у двери в надежде, что его отпустят; однако отец молодого человека явно преднамеренно игнорировал подобное желание.

Параглез Гофта отнюдь не казался родственником своего сына. Симпатичный, улыбающийся, любезный, он приветствовал Кеит в домашней библиотеке, а слуга уже успел приготовить бокал вина, кукурузные тартинки и чашу, наполненную свежими фруктами. Уж он-то не казался раздосадованным от того, что его извлекли из постели в столь жуткий час.

— Кеит, милая девочка, ты похожа на смерть. И почему это мой сын не отвел тебя переодеться? Я мог бы и подождать.

Приняв предложенный бокал, Кеит неторопливо пригубила.

— Со мной-то все в порядке, дядя, — приступила она к объяснениям. — Но моя весть важнее и свежей одежды и душа. Удобства могут подождать, но только не новости.

Усадив ее в кресло, перед которым было выставлено угощение, параглез опустился напротив.

— Ну, рассказывай, моя дорогая. Что привело тебя к моим дверям, да еще в таком состоянии?

Кеит рассказала ему всю историю; Шейид бледнел прямо на глазах. Когда она договорила, он откинулся назад в кресле и закрыл глаза.

— О боги, Галвеи пали, власть в Калимекке принадлежит Сабирам. — Он неловко смахнул кулаком слезы, блеснувшие в уголках крепко сомкнутых глаз. — А что слышно о войне в Халлесе? Есть какие-нибудь новости?

— Ни слова. Дугхалл, Типпа и я вылетели оттуда как раз перед рассветом... до того, как началась битва. У меня просто не было никакой возможности узнать, что там происходит.

Он со вздохом потер виски и открыл глаза.

— Возможно, там день завершился для нас не столь скверно и есть надежда на подкрепление из Халлеса.

Кеит подумала о людях Галвеев, мужчинах и женщинах, верно служивших Семье в Халлесе, и прикусила губу.

— Сабиры знали, что мы сосредоточимся в Калимекке, отослав основные силы в Халлес, и были готовы управиться с нами дома; остается полагать, что и в другом месте они предприняли необходимые меры.

— Тогда нам придется действовать, не рассчитывая на помощь с запада. — Шейид нахмурился. — Трудное испытание... Что ж, не сомневаюсь, победа в конце концов достанется нам.

Расправив плечи, он мрачно улыбнулся.

— Кеит, сегодня ночью мне предстоит поразмыслить, каким образом можно осуществить спасение уцелевших, однако о захвате Дома и отмщении Сабирам пока думать рано. Поэтому прими душ и отдохни... Если ты по-прежнему голодна, пусть ночной слуга принесет тебе чего-нибудь из кухни, а я прикажу принести тебе свежую одежду. Завтра, когда проснешься, приходи ко мне поговорить; обсудим расположение Дома и все, что может помочь нам забраться внутрь. Я не был у Галвеев уже много лет, и хотя Файфер недавно гостил там, увы, он не обнаружил достаточной памяти, чтобы я мог планировать сражение, основываясь лишь на его наблюдениях.

Он поднялся, следом встала и Кеит, при этом уловившая тихий шелест за ближайшими к ним книжными полками. Шейид не обратил внимания на звук, и Кеит подумала, что дядин слух просто не способен был его уловить. За стеной находился некто, простоявший все время, пока она беседовала с параглезом, соблюдая при этом полную тишину, или же только что оказавшийся там. Интересно, какое предположение справедливо.

— Файфер, отведи Кеит в посольские апартаменты, прошу тебя. Они находятся вдалеке от бурлящих жизнью частей дома. Пусть Кеит выспится, я не хочу, чтобы ей мешали. Завтра нам с ней предстоит многое сделать.

— Да, отец.

Шейид крепко обнял ее.

— Кеит, прими мои соболезнования о твоих утратах. Все мы сегодня потеряли многих, но ты, по-моему, утратила больше всех. Хочу, чтобы ты знала: я сделаю все возможное и невозможное, дабы эти ублюдки заплатили за совершенное ими преступление. Я буду мстить не только за Семью, но и за тебя.

— Спасибо, дядя.

Она пожелала ему доброй ночи и вышла следом за Файфером. Когда дверь за ними закрылась, раздался голос Амели: *Подожди. Ты еще не дослушала его до конца.*

Кеит не стала раздумывать. Схватив Файфера за рукав, она сказала:

— Подожди немного, ладно? Мне что-то попало в сапог. Постойка, а то я и шагу не смогу сделать, пока не вытащу эту колючку.

И прислонившись к стене библиотеки, она принялась стаскивать с ноги мокрую кожу... не слишком торопясь при этом.

Внутри комнаты мягко скрипнула, открываясь, потайная дверь, и Шейид произнес:

— Итак, ее слова подтверждают слухи.

— Весьма точно. Она уцелела для того, чтобы рассказать всю историю. Что ты намерен делать?

Второй голос был женским; манера говорить выдавала принадлежность к знати, интонация — воспитание... В отношении этой особы к происходящему слышалось холодное удовлетворение.

— Конечно, выжидать. Посмотрим, что запросят Сабиры в обмен на освобождение пленников, и решим, сможем ли мы договориться с ними так, чтобы в конце концов вернуть себе Дом... когда-нибудь, в будущем.

— Поэтому нам совершенно неудобно держать эту девушку здесь. Она, конечно, будет требовать немедленных мер.

— С моей точки зрения, — негромко промолвил Шейид, — обитавшая в Калимекке ветвь Семьи может вымереть полностью. Поставив наш род на первое место, мы предъявим законные претензии на Калимекканские владения, и впредь нам не придется согласовывать наши предполагаемые торговые маршруты. Аналогичным образом можно поступить с колониями. Но если останется в живых хотя бы один представитель этой ветви, главенство, конечно, сохранится за ним.

Кеит наконец стащила сапог и принялась копаться в нем; Файфер с недовольным видом топтался рядом, явно не замечая разговора, происходящего за дверью.

— Итак, ты не позволишь этой девушке досаждать тебе спасением пленных?

— Девушке? Какой девушке? Она погибла при крушении аэрибля или утонула в море... наконец, попала в лапы бандитов, потому что здесь она и не появлялась.

— Очень разумно, Шейид. Очень разумно. Мне самой заняться этим вопросом?

— Именно. И чем меньше людей сумеют вспомнить ее, тем лучше. Я позабочусь, чтобы все, кто видел ее, получили специальные поручения, пока мы не убедимся в том, что весь основной ствол Семьи истреблен.

Кеит изобразила, будто нащупала камешек и положила его в карман, а потом вновь приступила к процессу надевания сапога, также оказавшемуся весьма сложным.

— Сейчас?

— Нет, там, в посольских покоях. Файфер вернется назад и сообщит нам об этом. Я не хочу допустить в своем доме никаких... э... сомнительных шумов, способных застрять в чьей-либо памяти. А сейчас на третьем этаже нет вообще ни единой души.

Кеит резко потянула, и сапог мгновенно оказался на месте. Она и представления не имела о женщине, которой Шейид поверял свои секреты. Однако, решила девушка, зная, что смерть ее запланирована, она в состоянии защитить себя хотя бы от первой атаки. Но она останется здесь нежеланным свидетелем — здесь, где ей никто не поможет. Она лишь потеряет время... потом ей не отразить натиск всего Дома, если Шейид решил отправить ее на тот свет. Дядя Дугхалл был прав, утверждая, что попавшего в Дом чужака может ожидать самая разная участь... он совсем не вправе рассчитывать на теплый прием.

Дядя Дугхалл...

Слеза проступила в уголке глаза, но Кеит резким движением смахнула ее. Она жива, и она отомстит за всех любимых ею людей, даже если мстить придется в одиночку.

Однако теперь предстоит совершить поступок, которого от нее не ждут. Кроме того, раз уж Шейид был настолько любезен, что представил ей одного из своих сыновей, то следует удивить его как можно скорее.

— Я готова, — сказала она. — А ты не отвел бы меня для начала на кухню? Я умираю от голода и охотно прихватила бы с собой что-нибудь съестное.

Тот вздохнул.

— Уже поздно, и я устал.

— Файфер, мне пришлось украсть аэрибль, долететь на нем сюда и переплыть бухту, чтобы попасть в ваш Дом. Клянусь, я устала чуть побольше, нежели ты. К тому же, помнится, именно я отыскала тебя, когда ты заблудился в нижних этажах моего Дома. Так что ты у меня в долгу.

Кеит даже выдавила для него игривую улыбку, хотя после всего услышанного испытывала одну только ярость.

Тупые глаза недовольно глянули на нее, Файфер вздохнул.

— На кухню?

— Да, на кухню.

Тот поплелся по коридору, свернул в поперечный, потом, тяжело ступая, направился вниз по черной лестнице, освещенной масляными лампами, их пламя колыхалось на каждом шагу.

Молча они спустились на два этажа, не встретив при этом никого из слуг. Наконец Кеит спросила:

— А на каком этаже кухня?

— На первом, естественно. Мы уже почти пришли.

Кеит непринужденно опустила руку на эфес кинжала. Наступающее мгновение поведает ей о многом. Слева появилась арка, через которую им надлежало пройти, но за нею перед кухней находился еще один зал. Пустой и темный. Лестница не кончалась на первом этаже, она уходила глубже. Отступив на шаг за спину Файфера, Кеит левой рукой зажала ему рот, а правой приставила кинжал к горлу.

— Слушай внимательно, — сказала она, — и не вздумай шуметь. Ты мне не нравился никогда и стал нравиться еще меньше теперь, когда твой отец решил убить меня, причем прямо сейчас. Однако я не стану ранить тебя, если ты выполнишь мои требования. — Она стиснула кинжал, чтобы подчеркнуть силу Карнеи, и почувствовала, как желание сопротивляться оставило Файфера. — Ты понял меня?

Тот кивнул. У него участилось дыхание, Кеит слышала, как колотится его сердце.

— Где ваша сокровищница?

Пленник что-то пробормотал, однако зажимавшая ему рот рука мешала что-либо разобрать.

— Показывай, — велела Кеит.

Он указал вниз по лестнице.

— Веди.

И Файфер повел. Забавно, что теперь он перестал постоянно вздыхать. Возможно, сумел проснуться. Лестница кончалась у покрытой металлическими ребрами двери из каменного дерева. У двери этой не было ни засова, ни ручки; в ней не было ни скважины, ни окошка. Кеит знала такие двери: сокровищница Галвеев как раз была снабжена подобной. Тот, кто открывал дверь, должен был в нужном порядке сунуть пальцы в отверстия и отодвинуть задвижки. Ошибка немедленно высвобождала нож, аккуратно отсекавший по суставу от каждого пальца. Подобные двери самым эффективным образом отпугивали любопытствующих.

— Открой!

— Мммм ммаааааххх, — отозвался Файфер, тряся головой.

Кеит надавила на его шею лезвием кинжала — так, что побелела кожа.

— Не можешь? Конечно, можешь. Или будем надеяться, что можешь. Я не отпущу тебя: ты или поднимешь шум, или бросишься за помощью. Если мне предстоит заняться дверью, то потребуются обе руки, а это значит, тебя придется зарезать, чтобы освободить их. Потом мне придется отрезать обе твои ладони, чтобы просовывать их в отверстия, — не рисковать же своими собственными пальцами. Я лично предпочла бы не убивать тебя — я вообще не хочу кого-нибудь убивать... еще. Но если вопрос встанет, кому из нас жить, тебе или мне — не сомневайся в том, как лягут кости.

Она снова как следует сдавила его, и Файфер застонал.

— Так ты выполнишь мой приказ?

Он кивнул.

— Тогда действуй.

Приложив руки к каждой стороне двери, Файфер медленно вставил пальцы в отверстия. Он не торопился, и Кеит не подгоняла его; она знала комбинацию, открывавшую дверь в сокровищницу своего отца, однако же не стала бы торопиться вставлять пальцы в замок.

Вздохнув так, что сотряслось все его тело, Файфер одновременно отодвинул задвижки, и — через миг — на движение ответил щелчок за спиной. Файфер отвел руку, дверь неслышно отъехала влево.

Наступив на каблук сапога Файфера, Кеит потребовала:

— А теперь вынимай из него ногу... только медленно.

Покрутив немного ногой, тот остался без сапога. Кеит заткнула им щель напротив канавки, в которую входила закрытая дверь. А потом заставила кузена войти в сокровищницу.

Как только они переступили порог, дверь за ними захлопнулась, однако благодаря сапогу — не до конца. Чтобы выйти из сокровищницы, нужно было воспользоваться другой комбинацией, а Кеит не собиралась выходить из подземелья вместе с кузеном. Пока дверь оставалась открытой, в этом не было необходимости.

Они стояли у входа в страну чудес, где штабели стеклянных ящиков с аккуратно рассортированными самоцветами поднимались от пола до потолка, слитки драгоценных металлов образовывали высокие и широкие стены; деревянные сундуки выстроились там у одной стены, а прекрасные, покрытые богатыми вышивками шелка, кипы книг, изготовленные руками Древних, и резные изображения из эбенового дерева, янтаря и слоновой кости покрывались пылью на полках возле другой стены.

— Теперь задание будет полегче, — сказала Кеит. — Мне нужны деньги, и притом не слишком много.

Файфер указал на деревянные сундуки.

— Отлично.

Она повела его в другую сторону — к полке, на которой с одной стороны размещались церемониальные облачения вместе с положенными к ним поясами. Толкнув Файфера на пол, она достала меч, спрятала в ножны кинжал и взяла пару поясов. Как только родственничек оказался надежно связан, а во рту его очутился кляп, она поспешила к сундукам.

В них находилось достояние целого небольшого народа. Грудами и кучами лежали золотые и серебряные монеты, рассортированные по номиналу и месту чеканки: сверкающие шестиугольные даки Доктииракoв, помеченные парой деревьев фарны Сабиров; робаны Масшэнков; слауды Кейрнов; прейды Галвеев... Кроме денег Пяти Семейств, тут были и монеты Стрифийской Империи, Манаркасских Земель и мест, вовсе не знакомых Кеит, украшенные изображениями Увечных и вещей, принадлежащих к их миру. Денег, скопленных в этих сундуках, хватило бы на то, чтобы тысячу раз собрать целую армию наемников. Она бы наняла их в колониях, если б это было возможно — у союзников; среди чужестранцев — при необходимости.

Не трать свое время на поиски наемников, посоветовала Амели. *Говорю тебе, Семья погибла, но ты можешь вернуть всех назад.*

— Из мертвых? — выпалила Кеит.

Я знаю одну изготовленную Древними вещь, которая позволит тебе... Ах да, воскресить их.

Кеит вспомнила интерес, с которым Дугхалл повествовал ей о существовании такого предмета — Зеркала Душ, а также слова, которыми закончился разговор, — о том, что существование его почти наверняка является мифом.

Дугхалл не прав. Зеркало Душ существует и действует. Возьми достаточно денег, чтобы нанять корабль с экипажем, который отвезет тебя на северо-восточную оконечность океана, а там я отведу тебя куда надо. Если хочешь помочь Семье, раздобудь Зеркало.

Путь на северо-запад приведет ее на противоположную сторону Брежианского океана. Однако, если прабабка права, у нее есть шанс вернуть к жизни свою Семью.

Ее Семью. Семью, которую она считала более благородной, чем Сабиры или Доктииракu, Кейрны или Масшэнки. Ее собственная семья. И вот ее дядя продает ее столь же легко, как параглез Доктииракoв своего родственника... и чего ради? Потому что она стала на его пути к власти над Домом Галвеев. И влиянию. И увеличению состояния.

Ей всегда говорили — и она верила в это, — что семейная преданность превыше всего, что она-то и является сутью Семьи.

Кеит припала к стене, на мгновение утратив весь боевой задор. Слезы хлынули по щекам; она ощущала их горькую соль и вспоминала теплые руки матери, когда-то обнимавшие порезавшуюся Кеит. Вспоминала утешающий голос отца, который успокаивал ее и помогал найти путь, ведущий к человеческой сущности, когда, Трансформировавшись в Карнею, она была вынуждена прятаться в темных уголках Дома, после того как они были вынуждены расстаться со своим сельским поместьем. Она тогда так боялась! Боялась, что ее заметят, раскроют ее секрет и убьют — как того ребенка в Халлесе. Однако родители сумели спасти ее. Они спасали ее снова и снова. Помогали ей и братья вместе с сестрами, и она выжила — чтобы получить шанс возвратить им свой долг.

Если только она не опоздала.

Да, но как можно возвратить такой долг усопшим? Поверив Амели, она лишь обманет себя. В лучшем случае Зеркало Душ было утеряно тысячу лет назад, и возвратить его невозможно. В худшем оно относилось к области мифов. Реальны были Сабиры и их предательство. Реальны и населявшие Гофт Галвеи — вместе с их изменой. А Кеит не могла даже отомстить ублюдкам, уничтожившим все, что любила она в этом мире. Потому что уцелевшие члены ее Семьи готовы заплатить исчадиям зла собственными душами, дабы удовлетворить свою алчность к богатствам Дома Галвеев, к силе, которую он воплощал, к его сокровищам.

С самого рождения Семья означала для Кеит все — она была уверена, что имя Галвеев объединяет все хорошее, справедливое и праведное в мире. Она ошибалась. Она обнаружила, что существует Семья — объединение политическое, не знающее верности, — и СЕМЬЯ, сотканная из кровных связей и любви, за которую она охотно отдала бы свою жизнь.

Но если имеющийся у тебя единственный шанс внушает сомнения, это все равно лучше, чем не иметь шансов вообще. Не так ли, Кеит? Думай, голова. Если Зеркало Душ утрачено навсегда, ты не потеряешь ничего, кроме того, что и так потеряно. Но если оно существует и ты действительно сумеешь найти его, то сможешь вернуть то, чего не возвратить другим путем.

Кеит выпрямилась и утерла рукавом слезы. Она охотно отдала бы свою жизнь за любого члена своей *Семьи*. Она и сейчас охотно сделала бы это. За один только шанс увидеть вновь живыми мать и отца, сестер и братьев... Если бы только можно было надеяться, что дядя Дугхалл вновь когда-нибудь расскажет ей одну из непристойных шуток старого островитянина, процитирует одного из своих непонятных философов... если бы только у нее

были основания мечтать, что однажды любимые голоса Галвеев вновь зазвенят в залах Дома... ради этого она готова была переплыть под парусом не знающий карт Океан, пересечь Земли Увечных. Ради жизни любимых она готова пойти на все.

Возможно, она больше не сумеет поверить в Семью. Однако перестать любить собственную семью она не могла.

Мускулы челюстей сжались до боли. Если ей нужен шанс, надо действовать. И быстро. Кеит принялась пересыпать золото в небольшой кожаный кошелек. Прикрепив его к поясу и укрыв курткой, она принялась за второй.

Умница. Я знала, что на тебя можно рассчитывать. А теперь, когда запасешься деньгами, стащи с полки одну книгу — подревнее и получше — и беги отсюда. После, когда ты окажешься в безопасности и капитан уже услышит от нас ту ложь, которая даст тебе место на борту и союзников в поисках Зеркала, я предоставлю тебе доказательства, которых ты ждешь от меня. Только сперва нужно оказаться в безопасности.

Она наполнила и спрятала второй кошель. Потом бросила горсть серебра и несколько медяков в карманы: женщина, выложившая золото не там, где надо, долго не проживет.

Наконец, она проглядела книги Древних и отыскала среди них такую старинную, что даже не сумела распознать очертания букв.

Эта как раз подойдет.

Кеит представления не имела, зачем книга может понадобиться ей; однако лучше иметь и не хотеть, чем хотеть и не иметь, как писал Чэйн Пертрад. Забрав все необходимое, она насмешливо отсалютовала кузену и пустилась бежать.

Заклинание Дугхалла воплощалось в жизнь. Внизу, в черном сердце умершего Дома, тела мертвых Волков начинали рдеть, озаряя светом тайную палату, которой предстояло отныне не видеть света долгие годы. Свечение это отбрасывало бесформенные, изменчивые тени, а потом рассеяло их в ослепительной вспышке, как будто бы уничтожившей всякую тьму. Однако пожранные духами мертвых тела исчезли, не оставив ни пыли, ни пепла — как если бы их вовсе не было. И тогда тьма вновь воцарилась в зале.

В других помещениях темного лабиринта под главной частью Дома давно забытые жертвы насилия, редкие самоубийцы, двое малышей, забредших слишком далеко и не сумевших найти дорогу назад, отбрасывали свои тени и лишь потом исчезали. Крысы, мыши, кошки и змеи, нашедшие себе в подземелье темный уголок, чтобы умереть, вспыхивали на мгновение звездами, прежде чем сгинуть. Подобным же образом исчезло все мясо в холодной комнате, как и недоеденная пища, ожидавшая в

мусорных баках у дороги на свалку. Осветились изнутри могилы усопших Галвеев на семейной костнице, хотя некому было видеть этот свет. Снаружи, под открытым небом, вспыхнули и тотчас погасли угольки пламени, пожравшего мертвецов. Два ярких огня на посадочном поле, где находился аэрибль, засвидетельствовали его исчезновение, поведав при этом, что участь охранявших его людей навсегда останется неизвестной.

Когда погас последний огонь, безмолвие легло на Дом Галвеев. Стражники, солдаты, офицеры Сабиров смотрели друг на друга, не зная, что сказать. И в этом безмолвии духи мертвых протянули руки к живым.

Припав к каменной стене коридора, Трев разглядывал дверь, к которой привели его поиски. Открывшийся за ней коридор вел в темноту, непроницаемую для света его лампы. Кожа его дергалась, словно бы от прикосновения тысячи паутин, капли пота катились по носу, собирались на подбородке. Буквально мгновение назад он заметил, как из-за поворота сверкнула бледно-красная вспышка, исчезнувшая в тот же миг.

Там его ожидало нечто... скверное, знавшее о его существовании, а теперь прятавшееся во тьме, надеясь, что он вот-вот окажется рядом.

Зачем идти дальше? Женщина Ри более не находилась в Доме. Трев уже был готов поклясться в этом собственной жизнью. После того как с Ри случился этот припадок, Трев вызвался остаться и поискать ее; однако чем дольше и усерднее он искал, тем более убеждался в том, что здесь ее нет. Зачем он продолжал поиски? Трев этого не знал. Быть может, ему хотелось заслужить восхищение Ри или вытеснить Янфа с места его наперсника. Быть может, в первую очередь он рассчитывал на повышение, как только Ри продвинется в иерархии Семьи. Презирая подобные низменные устремления в остальных, он тем не менее вынужден был признать, что они привлекают его не меньше, чем дружба с Ри. А возможно, и больше.

Тьма впереди продолжала сгущаться, обретать вес и существование, и Трев судорожно глотнул. Он не стал бы жить в Доме Галвеев, даже если бы Сабиры сделали его здешним параглезом. Проклятый дом казался Треву живым, он как будто следил за каждым его шагом.

Ты не сможешь отвести ее к себе домой, даже если отыщешь ее, сказал он себе. Только приступишь к делу, как она Трансформируется и убьет тебя.

Тьма зашептала.

Свистящие, почти различимые слова пытались зацепиться за слух. Во Тьме топотали ноги и кто-то визжал — как будто крысы, раздавленные в пыль Тьмою, пытались возражать против подобной участи. Влажное дуновение коснулось его щеки, и он отступил назад, подальше от двери, смущенный слабым и тошнотворным трупным запахом, который принес с собой сырой воздух.

Подожди, шепнула Тьма, и Трев не понял, услышал он это слово, или оно ему примерещилось.

Ее не может быть здесь.

Закрыв дверь, он медленно отступал назад, спиною к стене, так, чтобы никто не мог застать его врасплох. Лампа его отбрасывала пляшущие тени, и он мечтал о том, чтобы явился рассвет и прогнал тени прочь. Позади него послышался шепот. Крутнувшись, он принялся вглядываться во Тьму. И ничего не увидел. Только услышал, как открылась та самая дверь, которую он закрывал за собой. Он пошел в обратную сторону с занесенным мечом и поднятым повыше фонарем, чтобы увидеть врага.

И ничего не увидел.

Однако трупный запах накатывал на него словно стена. И ничего не было впереди него. И ничего позади.

Холодные, сырые несуществующие ладони, проникнув сквозь одежду, коснулись его кожи. Давно усопший голос пробормотал:

— Ты — мой!

И на этот раз Трев не стал сомневаться, что слышал эти слова, слышал ушами, а не воображением. То, что он ощущал, было реальным. Он махнул мечом, однако описавшее дугу лезвие не встретило сопротивления, опустившись до пола, и сталь тяжело ударила по камню. Удар отозвался в ладони, в запястье; вскрикнув, он потерял равновесие и выронил лампу.

Сосуд разбился о пол, на мгновение лужица масла на камне ярко вспыхнула, и Трев отшатнулся от пламени. Но трупные руки схватили его. И удерживали, пока гасли язычки пламени, превращаясь во тьму, куда более густую, чем простое отсутствие света, и наступавшую со всей свирепостью. Труп, которого он не мог коснуться, не мог ранить — хотя ощущал его прикосновения, — прижимался к нему гнилой плотью, холод и вонь его текли сквозь тело Трева. Он подумал, что вот-вот умрет. Слишком испуганный, чтобы крикнуть, даже просто пошевелиться, он мечтал упасть в обморок и очнуться утром в собственной постели, пробужденным лучами солнца — жертвой чрезмерно обильных возлияний и слишком яркого кошмара.

— Мой.

Гнилые, полуистлевшие губы прикасались к его шее, пальцы, делавшиеся то тленными, то костлявыми, ласкали его грудь, живот, щеки, спину.

— Я ждала тебя так долго... так долго... так долго...

Ее здесь не было. Здесь не было вообще никого. Однако Трев не мог выбраться на свободу, не мог бежать, не мог сопротивляться, меч выпал из его обессилевших пальцев и зазвенел на камнях. Ноги его оторвались от земли, и она понесла его прочь — ослепленного непроницаемой Тьмой, что окружала ее, и тем, что движения ее сопровождал единственный звук, который можно было истолковать только как шелест давно исчезнувшей юбки, метущей камень. Трев потерял ощущение направления, места. Он не знал, куда она несет его — вверх или вниз — и какое направление более пугает его. Он был в плену у самой смерти и, кроме этого факта, не мог думать о чем-либо другом...

С нижних этажей доносились вопли и отзвуки воплей. Они приближались, становились громче; но он ли приближается к ним или они к нему?

Всеобъемлющее, лишающее зрения облако Тьмы, зловоние, страх, вопли незримых людей сделались стенами, полом и потолком его мира, периметром его существования, за которым не было ничего другого.

А потом все это исчезло.

Он лежал на камнях, вдыхал чистый и свежий воздух, припахивавший утренней росой и суглинком, а окружавшие звуки превратились в стоны и рыдания, за которыми, однако, угадывался шум города, оживающего в предрассветную пору. Крики людей, добродушные и сердитые, грохот повозок, поступь тягловых животных по мостовой, шаги фермеров, переправляющих свой живой товар на рынок, что был совсем рядом. В мире, находящемся за пределами Дома Галвеев.

Глаза его прояснились, нездешняя тьма оставила их буквально в какой-то миг. Трев перекатился на бок, сел, огляделся. Он сидел посреди мощенной битым камнем дороги, среди солдат Сабиров, захвативших Дом Галвеев, офицеров, командовавших вылазкой, членов Семьи, явившихся, чтобы руководить изъятием трофеев. Дорога эта вместе с поросшими травой обочинами с обеих сторон вполне могла сойти за усеянное трупами поле боя, однако никто из лежавших здесь людей, потрясенных, ошеломленных, явно не был ранен. Перед ним дорога делала поворот и исчезала в озаренных светом луны джунглях. Позади него...

Обернувшись, он увидел меж пальм и многоствольных ползучих фиг край стены, окружавшей Дом Галвеев, и ворота, за открытие которых Сабиры заплатили такую цену. Они закрывались прямо на его глазах. Оставляя и его, и всех прочих завоевателей за неприступной стеной, а сам Дом Галвеев в руках усопших.

Глава 18

Женщина, вошедшая в таверну, где Ян Драклес потягивал горькое манговое пиво в компании троих отъявленных лжецов, привлекла к себе его внимание тем, что делала все не так, как надо. Она подошла к кабатчику, не удостоив ответа заинтересованные взгляды мужчин, сидевших за столиками, что само по себе было довольно странно, поскольку женщины, находившиеся в таверне в этот ночной час, хотели именно взглядов и тех денег, которые они приносили. Кроме того, похоже было, что особу эту сперва окунули в колодец, потом вываляли в грязи, однако ни на бедность, ни на трудные времена ничто не указывало. Одежда ее в полной мере не соответствовала ситуации или времени суток, зато была надежна в дальней дороге и защищала тело от воздействия разных стихий. Он отметил опытным взглядом: пошита отлично. Можно сказать, высшего качества. Как и меч на одном ее бедре и кинжал на другом.

Хрупкая с виду... Однако длинные и тонкие ладони ее явно обладали достаточной силой, так что меч определенно служил этой особе не в качестве украшения, предоставляемого положением в Семье. Кроме того, она была хороша собой, хотя прятала свою красоту под всклокоченными волосами и сырой одеждой. Даже то, как она стояла и шла, свидетельствовало о породе. Нетрудно было догадаться, что она принадлежала к высшим слоям местного общества и ей подобало в одеждах из прозрачного шелка пить нектар в гостиных и салонах Семей. К портовой таверне имела не большее отношение, чем... — он внутренне ухмыльнулся и, подумав, изогнул бровь... — чем он сам.

Загадка. А загадки Ян Драклес любил. Улыбка его переместилась наружу, когда, коротко кивнув, она отвернулась от кабатчика и, обведя помещение взглядом, посмотрела прямо на него. Вновь повернувшись к хозяину, она произнесла несколько слов и, получив в ответ утвердительный кивок, начала пробираться между столиками в его сторону.

— ...и они — все три — молили меня, но я... я... отделал их всех... ты понимаешь, конечно... поэтому я...

Ян решил, что лживая история о сексуальных подвигах в компании трех манаркасских принцесс куда менее привлекательна этой темноглазой загадки.

— Потом, — сказал он, поднимаясь из-за стола. И став перед нею в узком промежутке между двумя столиками, промолвил: — Я решил избавить вас от необходимости называть свое имя перед столом, занятым боровами. Судя по вашему виду, сегодняшний вечер и без того выдался для вас нелегким.

Улыбка на лице девушки, выразившая согласие, так и не добралась до ее глаз.

— Капитан Драклес?

— К вашим услугам.

— В ходе расспросов мне намекнули, что вы не только располагаете быстрым кораблем, но готовы взять на борт пассажира, немедленно выйти в море и, если плата окажется достаточной, поторопиться в пути.

Она говорила негромко, не отводя взгляд от его лица. Какая тревожащая душу внимательность! И какая восхитительная!

Он без промедления кивнул. Незаметно, так, чтобы лишь она могла увидеть этот жест, а потом с улыбкой во все лицо произнес:

— Ну што ж ты сразу об этом, Лиизи?

В меру громкий голос его выдавал легкое опьянение.

— Раз уж тебе нужно переночевать пару ночей... — Он усмехнулся. — Постель мы тебе отыщем... *какую-нибудь.*

Ян оглядел комнату, пытаясь привлечь к себе внимание сидевших за столами мужчин; те либо завистливо отворачивались, либо поощрительными криками выражали свое одобрение. Ухмыльнувшись, Ян пошатнулся и, обхватив новоявленную подружку за талию, аккуратно прижал ногой меч к ее бедру. Если потом начнутся расспросы, лучше чтобы об оружии забыли — начисто.

— Поговорим снаружи, — шепнул он ей на ухо.

Отвечая на жест, она по-приятельски провела по его спине рукой. И почти столь же громко ответила, выговаривая слова именно так, как положено девчонке, родившейся и выросшей в порту:

— Нечаво говорить мне такия слова, я добрая девушка, понял. И не из гулящих.

Тут она изобразила хищную улыбку и хохотнула — совсем как любая из обретавшихся в зале профессионалок. Потом положила руку ему на ягодицу, и вместе они направились прочь. Внимание присутствовавших более не было обращено к ним, поскольку прочие клиенты, классифицировав отношения этой пары, отнесли их к связям личного рода, не заслуживающим дальнейшего обсуждения.

Как только вышли, игра мгновенно закончилась, растаяв, словно сахарная вата под летним дождем. Изящным движением выскользнув из-под его руки, женщина повернулась к нему с улыбкой — на сей раз искренней.

— Отлично сработано. И выдает привычку к опасности.

— Моя работа требует этого.

— А тем более мое положение.

— И что же это за положение?

Ее зубы блеснули в широкой и опасной ухмылке.

— Некие могущественные люди преследуют меня из-за манускрипта, который я... приобрела. Купила. У торговца. Этим людям известно кое-что об этом манускрипте, и теперь они хотят получить его... и меня вместе с ним.

Она лгала. Он видел по глазам. И был уверен в этом — как и в том, что скоро взойдет солнце. Манускрипт она не покупала, торговцы тут ни при чем... Она украла его. И зачем вообще женщине, каждым своим движением выдававшей принадлежность к Семьям, может потребоваться краденый манускрипт? Почему просто не купить его? Да, черт побери, почему просто не приказать, чтобы ей отдали его. Если она принадлежит к Семье, значит, обладает на это всеми правами. Загадка за загадкой... и он может разрешить ее одним-единственным способом. Спросить в лоб.

— И что же содержит этот манускрипт, ради которого за тобой охотятся?

Голос ее превратился в шепот, женщина пододвинулась к нему.

— Место, где находится еще не открытый город Древних.

От неожиданности он рассмеялся.

— На этом континенте уже не осталось места, которое может скрывать подобный город, — во всяком случае, такого, куда мы с тобой можем добраться. Разве что в Стрифии или в самой сердцевине Веральных Территорий... Однако туда я не отправлюсь ни за какие сокровища.

— Согласна. Только речь идет не об этом континенте.

Сердце его заколотилось.

— И где же тогда? В Манаркасе?

Женщина улыбнулась.

— В Северной Новтерре.

Отступив от нее на шаг, он замер, ошеломленный подобным сообщением.

— Северной Новтерре?

Девственная земля, ничейная, не положенная на карту... иди и бери. Труднодостижимая, неизведанная, просторная — за гранью всякого воображения. Чтобы только добраться туда, нужно три месяца плыть под парусами... а сколько еще придется ползать вдоль неисследованных берегов в поисках города. Вне сомнения, на плодородных, заросших лесом склонах и широких равнинах Северной Новтерры можно отыскать целую сотню городов Древних. Только на поиски хотя бы одного из них можно потратить целую жизнь — и не добиться успеха. Однако если эта женщина знает место...

Ах, дерьмо! Чтобы найти город Древних, стоит рискнуть жизнью, состоянием, Семьей — всем чем угодно. А на состояние, которое принесут этой женщине трофеи из оставшихся неприкосновенными руин, вполне можно купить пост параглезы в

одном из некрупных городов, находящихся во власти ее Семейства... и еще останется, чтобы нанять внушительное войско... а если удастся обнаружить какую-нибудь техническую новинку, либо использовать ее самостоятельно, либо в качестве рычага, продвигающего к вершинам власти... Один хороший город мог вознести ее в абсолютно не достижимое иным способом положение. Сделать ее равной любому параглезу Иберы.

И конечно же, если она добудет сокровища, значит, их получит и любой помощник ее — в том числе и он сам. На дуру она не походила ничуть, а значит, понимала и это. Хотелось бы знать, каким образом она намерена защитить собственные интересы.

— Северная Новтерра. Она на другом конце света... да и плавание будет чертовски опасным.

— Да. Однако твой корабль способен выдержать его. Он не из тех, что способны лишь прижиматься к берегу. Я проверила это.

— Ты права. Это так. Мой корабль быстр и ходок. Ничуть не хуже новейших каравелл из Флотов Семейств. Кроме того, мне уже приводилось пересекать Брежианский океан... и я, возможно, сумею доставить тебя туда. Но что помешает мне отобрать сокровище и удавить тебя прямо на месте... Ну или выкинуть тебя за борт, как только мы окажемся в море, и самостоятельно отыскать город?

Она весело рассмеялась, однако в звуке этом промелькнуло нечто жуткое. Волосы на затылке его встали дыбом, а сердце екнуло.

— Нет, капитан, ты не захочешь ни душить меня, ни выбрасывать за борт. Уверяю тебя: я вполне способна постоять за себя. Что же касается манускрипта и возможности самостоятельно отыскать по нему город... ты не сумеешь этого сделать, если только не являешься переводчиком Семьи, не специализируешься в языках Древних и — особенно — если ты не способен читать тексты, написанные на Четвертом Тонгатском почерком Брасми. Бьюсь об заклад — ты этого не умеешь. Насколько мне известно, кроме меня самой, еще никому не удавалось понять его.

Читать на Четвертом Тонгатском он умел не более, чем летать по небу, размахивая руками. И не узнал бы почерк Брасми, даже если бы кто-то вытатуировал у него на носу какую-нибудь надпись этим почерком. Итак, девица представляла собой не меньшую ценность, чем город... что гарантировало ей жизнь по крайней мере на пути туда. Это она вполне очевидно понимала. Ну а дальше... впрочем, он както сразу поверил ей, что попытка придушить ее обернется крупной ошибкой. Почему он поверил, Ян сказать не мог. Быть может, потому, что улыбка ее определенно выглядела опасной.

И вдруг оказалось, что все, о чем она говорила ему, сходится воедино; он сразу понял не только, каким обра-

зом она обнаружила манускрипт, но и кем является на самом деле. Конечно, она ничего не покупала... тем не менее находка не была случайной, некой блажью. Одна из младших дочерей в своей Семье, она корпела в пыли Архивов над нудными переводами с языков Древних, отодвинутая в сторону, потому что ее ветвь Семьи не обладала достаточным влиянием, дабы устроить ей выгодный брак или пост. Она была всего лишь звеном, осуществлявшим связь Семьи с ремесленниками и художниками с помощью ее переводов, возрождавших технические достижения Древних. Она получила рукопись для перевода и в какой-то миг обнаружила в нем упоминание о местоположении города, одновременно достижимого и стоящего поисков. Честолюбивая и мечтающая о жизни лучшей, чем та, в которой она пребывала, девица ухватилась за возможность и, выкрав манускрипт, ввалилась в его жизнь.

Чего, конечно, она никогда не признает.

Она понравилась ему. Он мог поклясться в этом всеми богами. Она была похожа на него самого. Даже той зловещей ноткой в голосе, сулившей ему неприятности при попытке нападения на нее. И Ян решил: в конце концов, почему не поверить попутному ветру? Он решил, что, *когда* они отыщут этот город, он не станет даже пытаться избавиться от нее или убивать. Зачем губить женщину, на которой стоит жениться? Получить власть в приданое в конечном счете проще, чем добиться ее.

Потом, девушка была и в самом деле очаровательна. Судя по росту, цвету волос и сложению, либо из Галвеев, либо из Кейрнов; впрочем, раз он на Гофте, можно не сомневаться, что она принадлежит к Галвеям. И это очень неплохо — если она сумеет пробиться к власти. Даже скромное положение в этом Семействе стоило параглезиата среди Доктиираков, или Кейрнов, или Масшэнков. Сравняться с Галвеями могли только Сабиры. А это было бы уже скверно — у него имелись основательные причины держаться в стороне от них.

Ян посмотрел на девушку взглядом собственника. Его будущая жена. Его путь к богатству, власти, роскоши. Не стоит давать ей понять, что он готов проделать все путешествие бесплатно — чтобы добиться ее и получить право разделить с ней будущую власть. Пусть все идет своим путем. И потому, приняв вид наделенного тончайшим чутьем купца, спросил:

— А что я буду с этого иметь?

— Плату за проезд — ты назовешь мне разумную цену, и я заплачу. Процент от всего обнаруженного нами... обещаю, что ты не окажешься внакладе. Повторные путешествия — под моим контролем. Место в... — Представив в уме продолжение фразы, она улыбнулась и пожала плечами. — Скажем так, пока я

не вправе обещать тебе ничего, кроме города и груза. Но, как я уже говорила, недовольным ты не останешься.

Он кивнул.

— Что касается платы за проезд...

Ян не хотел назначать много — иначе у нее может не хватить денег... Хотелось бы знать, какими средствами она располагает. Однако нельзя было и продешевить, чтобы не вызвать у нее подозрений.

— Десять больших солидов. Наличными.

Сумма была большая, однако вполне разумная, учитывая расстояние и опасность путешествия.

Она вздрогнула.

Ян выжидал. Если он запросил слишком много, нетрудно понемногу снизить сумму до приемлемой.

Она вздохнула и, посмотрев на свои ноги, кивнула.

— Какими монетами ты предпочитаешь?

— Доктииираки иногда портят свои золотые серебром... мне не нужны чеканные даки. Лучше всех фарны и прейды, однако золото всегда остается золотом.

Девушка согласилась.

— По рукам.

Неплохо. Однако она не спорила, а значит, он мог запросить больше. Впрочем, он получит в свое распоряжение город — чего еще можно пожелать?

— Что еще должен я знать, чтобы мы вышли из гавани живыми?

Она не стала тратить попусту время, изображая непонимание.

— Нам нужно действовать быстро и оставить за собой ложный след. Если у тебя не хватает припасов, лучше добрать остальное не здесь. Не стоит и упоминать о том, что и где мы намерены искать.

Он пожал плечами.

— Я так и думал. Кого именно ты хочешь избежать?

Вырвавшийся у нее отрывистый смешок поверг его в дрожь.

— Если ты поддерживаешь тесные отношения с Пятью Семьями, не упоминай меня, ладно?

Теперь он был воистину удивлен.

— Всеми *пятью?*

Он даже и не подозревал, в какую основательную историю впутался.

— Галвеи, Сабиры и Доктииираки не дадут за мою жизнь и ломаного гроша. Масшэнки, дружественные Сабирам и Доктииираками, тоже. А Кейрны, союзники Галвеев, выдадут меня за любое вознаграждение. Так что лучше избегать всех пятерых.

Ян ощутил известную долю восхищения. Он впервые видел человека, искренне утверждавшего, что является врагом всех Пяти Семейств.

— Я сделаю все возможное.

— Скоро ты будешь готов к отплытию?

— Жди меня на берегу возле верфи, когда колокола прозвонят Хульд.

Женщина посмотрела на небо, и он заметил, как она ищет среди звезд Белую Госпожу, и прикидывает расстояние, отделяющее ее от горизонта. Красный Охотник, дающий знак об окончании стоянки Телт и начале Хульд, еще не скоро присоединится к ней.

— Хорошо, — сказала женщина. — У меня еще есть время закончить необходимые дела.

— Он поверил.

И Кеит заторопилась к пляжу. Никаких важных дел у нее не было; следовало только не попасться никому на глаза, а верфь, возле которой она выбралась из моря, представляла надежное укрытие.

Конечно, поверил. Скажи кому-нибудь немыслимую ложь и приделай к ней вполне вероятный вывод; твой собеседник почти наверняка продерется сквозь ложь к выводу, решит, что отыскал истину, и не станет больше выжидать. Амели с усмешкой переменила тему. *Капитан, вне сомнения, увлечен тобою.*

Добравшись до пляжа, Кеит повернула к линии невысоких кустов и травы, тянувшейся к северу от верфи.

— Это потому, что я — Карнея. Его интерес не имеет никакого отношения ко мне лично.

Амели молчала, пока Кеит искала удобную и незаметную точку, из которой можно было наблюдать за гаванью. А когда она устроилась там и притихла, пра — и так далее — бабушка спросила: *Что ты хочешь сказать этим? Да, ты Карнея, но ты очаровательна, и он не мог не заметить этого.*

— Поверь мне, это не важно. Одним из последствий проклятия является то, что Карней или Карнея привлекает к себе лиц противоположного — и собственного — пола, чем-то вроде... ну, не знаю... запаха, что ли. Так, наверное, цветок привлекает пчелу. И пчеле не нужен цветок, и человеку не нужна Карнея... им нужна вещь, которая производит запах. Эффект был подтвержден документально еще четыре века назад. — Кеит вздохнула. — Мои родители умудрились втайне собрать уйму материалов о моей породе. И заставили меня прочитать их, чтобы я могла понять свою суть.

Она не стала добавлять, что, поступая таким образом, родители ужасно рисковали. Или то, что, пытаясь представить своей дочери любые средства, позволяющие ей уцелеть в этом мире, они ставили на кон и собственные жизни, и жизни других детей. Кеит знала, что такое любовь; родители и уцелевшие

братья и сестры любили ее — не задавая вопросов и не сдерживая себя. Она попросту не сумеет еще раз встретить такую любовь.

Так, значит, тебя хотят все мужчины?

— Почти все. И многие женщины. Правда, воздействие сильнее сказывается на мужчинах. Впрочем, некоторые люди, похоже, нечувствительны к этому запаху — или наркотику, — который я испускаю. Впрочем, таких немного.

Последовало долгое молчание.

О, как это, наверное, восхитительно!

— Ты думаешь? Представь себе, что тебе точно известно: никто из хотевших тебя на самом деле тебя не хотел. Что, куда бы ты ни пошла, мужчины и женщины будут бегать за тобой, ухаживать, стремиться лечь с тобой... но если б от этого запаха можно было отделаться, передать какому-нибудь псу, они дружно оставили бы тебя и бросились за собакой. *Подумай*, насколько восхитительно это может быть.

И ты спала с ними?

До чего же занудная и любопытная бабка, подумала Кеит. Если она была такой и при жизни, нечего удивляться тому, что Сабиры принесли ее в жертву.

— Иногда, — призналась Кеит. — Другим проклятием Карнеи является ненасытность. Во всем. И в физиологической потребности. Я сражаюсь с собой, но иногда проигрываю схватку.

Когда таковое случалось, секс всегда казался ей бессмысленным, пустым занятием. Бесстрастным, лишенным любви упражнением, в котором ей приходилось следить за тем, чтобы телесные радости не ввели ее в Трансформацию. Каждое такое свидание рождало в ней лишь чувство вины и желание избежать следующего. Однако Кеит не могла подолгу сдерживать сексуальный голод — как и потребность в Превращении. Обычно последнее быстрее становилось неотложным — эта потребность была необорима словно прилив. Но Кеит сложно было отрицать животное начало в себе самой.

Девушка зевнула. Похоже, она совершила ошибку — к чему попусту сидеть и ждать? Когда же это она в последний раз спала по-настоящему? Долгое забвение не помогло — она пришла в сознание утомленной, даже изможденной.

Страх, ярость и надежда одолевали усталость — пока она искала способ помочь собственной Семье, а потом спасала собственную жизнь. Теперь, однако, утомление отягощало ее конечности, а веки невозможно было поднять. Сон манил ее; бог раскрывал ей свои объятия, желанные, как ничто другое. Она прилегла на песок и вдруг заметила, что может удобно устроить голову на нижней ветке куста, изогнувшейся плавной дугой.

Амели и знать не хотела о ее усталости. Она все трещала о том, как прекрасно быть Карнеей.

Просто чудесно. Колоссальный сексуальный аппетит и возможность удовлетворять его со множеством партнеров. Моя дорогая, как жаль, что я не была Карнеей. Какая власть... Какой контроль...

Кеит вновь подумала с симпатией о давно усопших Сабирах, принесших в жертву старуху. Пожалуй, застань она сию особу в живых, испытывала бы искушение отправить ее на тот свет тем же путем. Кеит снова зевнула и обнаружила, что глаза ее закрылись... при этом она не знала, как долго они находятся в таком положении. Она заставила себя разжать их.

— Ты можешь бодрствовать, пока я сплю?

Дитя, я не спала целую ты... Целых двести лет.

— А ты можешь вовремя разбудить меня, если я засну?

Да.

— Хорошо. Тогда помолчи, пока в городе не прозвонят Хульд. У меня уже нет сил.

Хульд. Конечно. Она помолчала. *А как сейчас звонят Хульд?*

Кеит уже проваливалась в долгожданную тьму.

Кеит, как сейчас звонят Хульд?

На миг она воспротивилась открывшимся объятиям темного бога.

— Так, как всегда звонили.

В паузе не слышалось понимания.

— Три удара колокола. Разных тонов. Ты их услышишь.

Странно, что прабабка это забыла. Впрочем, за две сотни лет забудешь и не такое.

Темный бог прикоснулся губами к ее щеке, и она погрузилась в пуховую перину сна.

Глава 19

Последний вопль стих не так уж давно. В Доме царило безмолвие. Поднявшись, Дугхалл похлопал по плечу пилота аэрибля Эйоуюэля.

— Они бежали, — сказал он, — однако нам нужно выйти и закрыть ворота прежде, чем они вернутся. Ты сможешь выбить дверь?

Эйоуюэль, осунувшийся и сонный, с трудом понимал слова Дугхалла.

— Бежали? Сабиры? Почему? Ты уверен?

— Я не знаю причин, и у нас нет времени вычислять их. Все они вдруг завопили и бросились прочь; снаружи Дома их нет, придется дойти до ворот.

Он мог бы взломать дверь с помощью чар, но тогда пришлось бы объяснять всем остальным, *каким* именно образом ему удалось это сделать, а Дугхалл не хотел делать ничего такого, что могло бы намекнуть родственникам на его связь с подозрительным исчезновением из комнаты двух мертвых тел или паническим бегством Сабиров из Дома.

Способ же, с помощью которого рослый и сильный молодой человек способен пройти сквозь запертую дверь, не удивит никого. В нем не может быть ничего подозрительного. И Эйоуюэль воспользовался им. Как следует разбежавшись, он толкнул дверь плечом. Та дрогнула, но устояла. Он принялся толкать ее снова и снова; наконец после шести-семи солидных ударов рама вокруг замка треснула, и дверь распахнулась.

Шум пробудил остальных.

— Сабиры бежали, — бросил им Дугхалл.

И пустился рысцой по коридору — в сторону лестницы, на первый этаж, потом к воротам — следом за Эйоуюэлем, молодость и лучшее физическое состояние которого позволяли ему бегать, не думая о брюшке. Позади раздавались голоса прочих уцелевших Галвеев, они на ходу гадали о причинах, заставивших Сабиров отступить. Хорошо. Пусть найдут какое-нибудь объяснение своему чудесному спасению, пока его, Дугхалла, нет рядом.

Эйоуюэль несся по Дому, через двор, по расчищенным дорожкам, мимо садов, спортивных площадок и летного поля к караулке возле ворот. Дугхалл все-таки сумел держаться за пилотом так, чтобы видеть его спину — хотя это удалось ему с большим трудом. Дугхалл как раз миновал кусты, когда ворота впереди закрылись.

Он улыбнулся, задыхаясь и перегнувшись пополам. Закрыты. Левая ладонь саднила как в пекле. Легкие горели. Мир то исчезал в серой дымке, полной крошечных огоньков, то выплывал из нее. Сердце стремилось вырваться из груди. Это было несущественно. Все было несущественно. Даже если б у него сейчас не оказалось рук или ног, Дугхалл все равно был бы доволен. Сабиры вышвырнуты. Они ушли, снова потерпев поражение.

Прохрустев гравием по тропке между цветочными клумбами, Эйоуюэль остановился возле него.

— Ты собираешься умереть прямо сейчас, старина?

Похоже, дыхание и ему давалось с трудом.

Дугхалл приподнял голову.

— Не сегодня, молодой кочеток. Не сегодня.

— Хорошо — потому что я должен кое-что тебе сообщить.

Дугхалл выпрямился и взглянул на хмурившегося рофетианина. Недолгое чувство победы как ветром сдуло.

— Что?

— Она увела аэрибль.

Слова показались Дугхаллу бессмысленными. Он уже успел отметить, что аэрибля нет на месте, однако не осознал, что именно это может означать. В отличие от Эйоуюэля.

— Кто... кто увел аэрибль?

— Кеит.

Дугхалл фыркнул.

— Чепуха! Пойми, она же не имела возможности это сделать. Даже если б она умела летать, посадочная бригада не могла освободить причальные канаты... И потом, куда ей было лететь? Где в конце концов приземлиться? Нет, это — работа сучьих детей Сабиров, и я надеюсь, что они разобьются и сгорят вместе с машиной.

Эйоуюэль, однако, не выглядел убежденным.

— Кеит увела его, — стоял он на своем.

— Как, сынок? Как она могла это сделать?

— Посмотри-ка на землю, — показал Эйоуюэль, и Дугхалл увидел, что причальные канаты остались на посадочных кабестанах.

— Они перерезали их, — усмехнулся он. — Они перерезали канаты.

Дугхалл словно воочию видел, как эти идиоты стараются поднять аэрибль в воздух.

— Если Сабиры обрубили канаты, чтобы взлететь, значит, придется им плясать джигу у Бретвана.

Эйоуюэль покачал головой.

— Канаты остались целыми. Сабиры сделали бы все необходимое, чтобы благополучно переправить корабль в свой Дом. Посадочная бригада прошла бы через весь город, если б это потребовалось. Канаты были выпущены преднамеренно, и это сделала Кеит.

Скрестив руки на груди, Дугхалл ждал объяснений. Которые — он был уверен — ему не понравятся.

— В кабине пилота спрятана рукоять для экстренного высвобождения, — сказал Эйоуюэль. — Она отпускает одновременно все канаты — искусники предусмотрели это на случай нападения врагов при посадке.

Дугхалл нахмурился.

— Значит, вчера ты мог потянуть за нее и поднять нас в воздух...

Пилот затряс головой.

— Да — если бы находился в кабине. Но вчера Кеит стало плохо от этих чар, помнишь? И мы с Типпой были у люка, чтобы сразу побежать за помощью. А там Сабиры потребо-

вали, чтобы он опустился на землю, обещая в противном случае застрелить Типпу.

Дугхалл ничего не забыл.

— Да, теперь кажется, что все было давным-давно, но ты, конечно, прав в этом вопросе. Однако чтобы Кеит увела аэрибль...

Эйоуюэль опустил ладонь на плечо посланника.

— Парат Дугхалл, Кеит умела водить аэрибль. И знала, где находится потайная рукоятка. Она умела управлять и подъемом, и двигателями и несколько раз сама вела этот корабль.

Дугхалл смотрел на него, ошарашенный.

Увидев этот взгляд, Эйоуюэль дрогнул.

— Я сам научил ее.

Дугхалл надолго лишился дара речи. Наконец ему удалось выдохнуть:

— Зачем?

Эйоуюэль пожал плечами.

— Ей хотелось научиться. Она была такой сообразительной и ловкой.

Дугхалл почувствовал дрожь в коленках.

— Итак, она не прячется где-нибудь за воротами?

— Нет.

Дугхалл только что был полон надежды, что спасся хотя бы один любимый им человек. Теперь у него осталась лишь горечь неуверенности.

— А какие меры предусмотрели искусники, чтобы посадить корабль, после того как сброшены канаты?

Эйоуюэль надул губы.

— Тут о посадке речи уже не шло. После экстренного взлета нам оставалось лишь долететь до дружественной территории и там разбиться или дотянуть до моря и утопить аэрибль.

— А спасательной лодки на сей счет строители не предусмотрели?

— Нас... э... всегда наставляли в том духе, что нам следует... э... так сказать, утонуть вместе с кораблем.

— Ты хочешь сказать, что у нее нет возможности спастись?

— Никакой. То есть надежной возможности. В самом лучшем случае она могла разбиться на дружественной территории — так, чтобы не получить особых травм. Но если посадочная бригада не заправила аэрибль после посадки — а я не могу даже представить такого, — скорее всего Кеит не сумеет дотянуть до дружественной территории.

Дугхалл обжег пилота яростным взглядом и подумал о Кеит. Какой исключительный дипломат получился бы из нее! Она могла бы творить для Семьи истинные чудеса. И не только

для Семьи. Она была особенной. А теперь приходилось полагать, что она мертва — вместе со всем, ею обещанным.

— Я приказал бы повесить тебя, — бросил он Эйоуюэлю, — но не стану. Семья и так потеряла достаточно людей. Но кровь Кеит на твоих руках, и я это запомню. И когда-нибудь призову к ответу.

Корабль более не раскачивался с боку на бок, теперь он нырял и взмывал, словно бы взбирался на горку, скользил с ее противоположного склона, потом поднимался на следующий и так без конца. Гамак Хасмаля зажил собственной жизнью. На какой-то момент перемена озадачила путешественника. А потом — как только он понял, что это значит, — лицо его озарилось довольной улыбкой. «Кречет» вышел в море — притом направляясь невесть куда, — и это было как нельзя кстати, потому что Хасмалю наконец удалось спастись.

Сунув ноги в туфли, он поднялся по трапу на главную палубу. Слева тянулась цепочка невысоких островков, но «Кречет» шел в открытом море. Капитан стоял у руля, с удовольствием обратив прищуренные глаза к невысокому утреннему светилу. Несколько мореходов, в том числе Кеши-Увечные, не смевшие высовываться на палубу, пока корабль находился в Иберанских водах, устроились среди линей, наслаждаясь крепким ветерком и солнцем. Хасмаль ощущал их радость вновь обретенной свободы и вполне понимал ее. Он и сам чувствовал себя подобным образом.

Отправившись на корму, он кивнул.

— Итак, груз уже на борту?

Капитан улыбнулся.

— И ты без особого промедления оказался в море, как я и обещал. Ты утверждал, что хотел бы как следует поплавать. Значит, место нашего назначения удовлетворит тебя.

— В самом деле?

— Не сомневаюсь. Мы пойдем под парусами до Новтерры. Надеюсь, у тебя есть с собой все необходимое — теперь мы землю разве только *увидим*. И то не скоро.

Хасмаль громко рассмеялся.

— Добрая весть. Ах, капитан, ты и не знаешь, насколько она добрая.

А потом, прислонясь к поручню, стал разглядывать бегущую назад воду.

— Я так и думал, хотя никогда не слышал от тебя, чего ты... избегаешь.

Капитан не сказал и «от чего бежишь». Пожав плечами, Хасмаль отделался полуправдой.

— Ничего особенного. От женщины. От опасений. Нежеланного будущего.

Ян Драклес расхохотался.

— Хас, я брал тебя на борт, зная, что ты не преступник. Многие мужчины были вынуждены уходить в море, чтобы скрыться от женщины. Откровенно говоря, свое первое путешествие я совершил именно по этой причине.

Хасмаль с любопытством поглядел на него.

— Я понравился молодой девице, а та сказала своему свирепому отцу, что я лишил ее девственности и она предпочитает выйти за меня замуж, чем видеть повешенным на городской площади. Я... ну... я решил, что девушка, способная обмануть отца, обманет и мужа; к тому же я не хотел становиться учеником лавочника, сколь ни богат его товар и полны сундуки. Поэтому я нанялся матросом на уходящий на север корабль и более не оглядывался назад.

Хасмаль подумал об участи, которой ему в конце концов удалось избежать.

— Иногда судьба сулит нечто худшее, чем женитьба или даже смерть, но и то, и другое достаточно скверно.

Капитан вновь рассмеялся.

Зажмурив глаза, Хасмаль подставил лицо солнцу, наполнил грудь морским воздухом и вдруг осознал, что впервые может по-настоящему вздохнуть — с того самого вечера, когда, окутанный магией, испортил Доктииракам праздник Дня Именования... просто потому, что мог это сделать. Свободен, свободен и еще раз свободен; он избежал своей участи, ускользнул от нежеланной судьбы, выиграл свою битву. И пусть он сейчас на корабле, направляющемся невесть куда, и пусть он не переносит море, пусть его мутит от постоянной качки, все это не важно. Он заплатит цену за право быть самим собой.

Винсалис, древний поэт, философ, мудрец и покровитель Соколов, некогда сказал: «Наше искусство выбирает мгновение и человека, а потом гонит его вперед — пока не лопнет сердце, до самого конца; лишь глупец рискует заняться магией, не имея благородной причины».

«Возможно, я и трус, но я не хочу умирать ради Соколов. Я не хочу более служить магии в качестве транспортного средства».

В День Именования он сумел убедить себя в том, что имеет добрые причины проскользнуть незамеченным внутрь Дома Доктииракоѵ. Улица Каменотесов — да что там! — весь квартал Бремиш кишели слухами о войне, к которой готовилась правившая в городе Семья, рассказами о чужеземных посланцах, представляющих не одно-два враждебных Семейства... Утверждали, будто предстоящая свадьба вовсе не окажется ею, и он решил, что окажет услугу и себе, и Семье. Посему он призвал чары

Соколов, дабы понаблюдать за кознями Семей, — уверяя себя при этом, что не праздное любопытство, а только чувство самосохранения движет им, — но, сделав так, пробудил в потустороннем мире интерес к себе и потому оказался связанным с Семьями и лишь чудом не разделил судьбу Галвеев.

«Не играй там, где играют боги — их игры придутся тебе не по вкусу; потом, не забудь: боги плутуют».

Слова Винсалиса. Не слова — руководство к жизни.

Я выучил этот урок, помолился Хасмаль. Благодарю тебя, Водор Имриш, за ласковую заботу, за то, что избавил свое доброе хмотское дитя от рук сующихся не в свое дело Иберанских богов. Обещаю тебе, что никогда более не приму праздное любопытство за чувство самосохранения.

Кеит даже не представляла, сколько проспала. Она едва помнила, как Амели будила ее, торопя на нанятый ею корабль. Еще меньше она помнила, как расплачивалась с капитаном, как объясняла, что у нее нет вещей, а после вселялась в каюту. Впрочем, было очевидно, что она успешно справилась с делом. У нее была крохотная чистая каюта, она лежала в уютной койке, поверх покрывала, так и не сняв сапоги. Одежда выглядела ужасно. Неплохо бы приобрести новые вещи, запастись еще кое-чем... оставалось только надеяться, что в экипаже капитана Драклеса найдутся женщины и одна из них захочет поделиться с ней за определенную плату собственными пожитками, чтобы Кеит было чем прикрыть наготу до прихода в следующую гавань.

Чувствуешь себя лучше?

Голос Амели испугал Кеит. Она буквально подскочила на месте, и ее давно усопшая прабабка расхохоталась.

— Я-то себя чувствую хорошо, — пробормотала Кеит. — Только не надо этого делать.

Ты права. Но ты и представить себе не можешь, как мне одиноко. Так прекрасно вновь иметь возможность поговорить, и до чего здорово, когда тебя кто-нибудь слушает.

Кеит потянулась, зевнула и села. В кабине пахло дубом, кедром, деревянным лаком и свечным воском; на всем лежала печать чьей-то заботы: тертый мыльным камнем пол блестел костяной белизной, а изношенные простыни и тщательно зачиненное одеяло были безукоризненно чисты и пахли аларией и лавандой.

Но разве ты не хочешь поговорить? И я должна так много рассказать тебе...

— Откровенно говоря, нет. По утрам я предпочитаю пребывать в обществе собственных мыслей.

Сейчас далеко за полдень, возможно, и до заката осталось немного.

Кеит расплела волосы и подумала, что хорошо бы найти укромный уголок и вымыть их. Теперь они высохли, но морская вода, в которую ей пришлось окунуться, сделала их тяжелыми и жесткими.

— И вот что. Мне нравится быть одной, тем более что сейчас мне нужно многое обдумать. А потому умолкни и не заговаривай со мной, пока я не попрошу, будь то утро или вечер.

В дверь каюты негромко постучали. Кеит застыла на месте.

— Парата, ты проснулась?

— Да, проснулась, — ответила Кеит.

— У тебя кто-то есть?

Потерев ладонью глаза, Кеит вздохнула.

— Я... разговариваю с собой. Просто проснулась не в духе.

— Я — твоя служанка. Можно войти?

— Входи.

Дверь открылась, и на пороге каюты появилось существо, которое Кеит вовсе не ожидала увидеть здесь. Увечных ей приходилось встречать лишь на Большой Площади Калимекки, где их казнили за проникновение на земли Иберы. Она всегда смотрела на них издалека, и то по большей части отворачивалась. Кеит еще не приходилось сталкиваться с ними лицом к лицу; она и не ожидала этого.

Словом, перед ней стояло существо, изувеченное настолько, что трудно было даже вообразить себе такое, к тому же существо это назвалось ее служанкой. В Ибере сия Увечная была бы объявлена преступницей — уже просто потому, что существовала, — и одно ее присутствие здесь, по мнению Кеит, служило доказательством того, что они сейчас не в Ибере.

На Матрине бытовали две разновидности Увечных, или Шрамоносцев; увечья некоторых — как у самой Кеит — были скрыты от чужих глаз, обнаруживаясь лишь иногда; другим же, как, например, вошедшей внутрь каюты девушке, не удалось бы скрыть свои Шрамы при всем желании. Девица эта вполне могла принадлежать к целому племени подобных ей существ — одному из неизвестных и не желающих известности родственных племен. Людей, носящих видимые Шрамы, иногда называли Тысячью Проклятых Народов. Они населяли области, окружавшие Кольца Чародеев, где в древности взбесившиеся чары лишили человеческого облика тех, кто тысячу лет назад населял эти края. Чары Древних изуродовали землю, изуродовали они и уцелевших, тем самым породив бесчисленные разновидности чудовищ, которым не было доступа в Иберу, последнюю обитель человечества.

Кеит смутно помнила, что по закону капитан считался высшей властью на корабле и всякий, кто был на борту, не знал другого права, кроме воли капитана... Однако чтобы Иберанский капитан нанимал Увечных — такое Кеит и в голову не приходило. Власть капитана представлялась ей средством поддержания дисциплины внутри экипажа... Она просто не представляла, что деревянные борта являются границей самостоятельного государства.

Не в силах справиться с собой, Кеит просто смотрела: потому что оказалась перед еретичкой; потому что ей самой, такой же, в сущности, еретичке, не подобало испытывать ханжеское потрясение; потому что она просто не знала, как поступить.

Под ее упорным взглядом девушка опустила голову и прошептала:

— Если ты недовольна мною, я могу уйти. У нас есть кому позаботиться о тебе... среди тех, кто не такой, как я.

Кто не такой, как ты, подумала недовольная собою Кеит. Во всяком случае, ты в отличие от меня не скрываешь свою сущность.

— Пожалуйста, войди, — промолвила она дружелюбным тоном. — И прошу, прости мою грубость. Просто мне еще не приводилось встречать Шрамоносцев — ты застала меня врасплох. Я и не знала, что Увечные могут быть столь прекрасны.

И хотя слова эти должны были только сгладить допущенную неловкость, Кеит вдруг поняла, что сказала чистейшую правду. Девушка действительно *была* прекрасна. Глаза ее, огромные, угольно-черные, сверкали на лице словно блестящие, радужные надкрылья жука или тельце колибри... В падавших на нее солнечных лучах она казалась драгоценным камнем. На лице Увечной играли в основном пурпурные, синие и зеленые тона, но, когда девушка повернулась к двери, чтобы закрыть ее, высокие скулы и длинный тонкий подбородок вспыхнули рубином и золотом. Радуга погасла, когда служанка вышла из солнечного луча, сразу сделавшись истинно черной — столь же чистого и глубокого цвета, как и ее глаза. Брови ее образовывало какое-то нежное, пушистое вещество, настолько легкое, что даже слабое дуновение или дыхание заставляло тонкие дуги трепетать над бездонными озерами глаз; они даже казались живыми. Внешние края бровей, там, где волосы росли гуще, девушка заплетала; косички свисали на щеки, а концы их были украшены крохотными полированными бусинками и перышками. Волосы ее жили той же собственной волшебной жизнью, что и брови. Такие же белые, они спускались на хрупкое плечо толстой косой, заправленной за пояс на талии и несколько раз — словно веревка — обмотанной вокруг нее. Трудно было не попытаться представить себе эту косу расплетенной, попробовать на глаз определить длину волос. Удивительное су-

щество. А ее уши... подобные Кеит видела лишь у оленух и оленей, на которых охотилась в обличье Карнеи. Той же величины и формы, столь же подвижные, не знающие покоя, уши располагались по обеим сторонам лица, делая его крохотным. Нос с широкими ноздрями оканчивался острым подвижным кончиком. Столь же широкий и полногубый рот загибался в уголках вверх.

Тело девушки пряталось за свободными складками белой льняной куртки, серыми брюками, мягкими сапогами, и о форме его было нелегко судить; однако сложение ее более или менее напоминало человеческое... а еще она казалась очень тоненькой.

Со своей стороны, девушка рассматривала Кеит не менее пристальным взглядом. Зрительное знакомство затянулось, а потом Увечная, склонив голову к плечу, чуть нахмурилась и сказала:

— А ты не такая, как все остальные.

Сердце Кеит вдруг заторопилось.

— В самом деле?

Девушка улыбнулась, блеснув белейшими зубками.

— Нет. Ты...

Она пожала плечами, и уголки ее рта дрогнули — словно загадка эта чем-то забавляла ее.

— Не знаю. В тебе больше хищного. Как и во мне самой. Каким-то образом. Только не обижайся. Я не стану говорить, что ты... похожа на нас; ведь в твоем мире это — как мне известно — является преступлением и карается смертью. И все же я угадываю в тебе охотницу. Одновременно преследовательницу — и жертву.

Кеит кивнула. Хищники видят друг друга, и девушка была права. Она, Кеит, *является* хищником, и всякие отрицания лишь разожгут любопытство Увечной и не удовлетворят его.

— Дома я часто охотилась. В основном на оленей. Но не только на них. Теперь люди гонятся за мной, поэтому я стала преследуемой. Ты все увидела правильно.

Девушка улыбнулась, принимая комплимент и объяснение — впрочем, отчасти, — ибо нечто в ее глазах намекало Кеит: ее собеседница считает его неполным. И вежливо сказала:

— Я так и думала.

Кеит переменила тему.

— И ты стояла, слушая, возле моей двери?

— Ох. — И без того огромные глаза еще больше округлились. — Признаюсь, в некотором роде. Только я не подслушивала — просто у меня очень острый слух, а капитан велел мне отвести тебя к корабельным припасам, как только ты проснешься. Дав мне такое задание, он приставил меня к двери каюты, потому что, поднимаясь на борт, ты не имела при себе никаких вещей, и он решил, что тебе кое-что понадобится. Одежда, туалетные

принадлежности, личные вещи... выберешь из того, что у нас есть, а потом я отведу тебя туда, где можно принять душ и переодеться. Пока ты будешь обедать, я приведу в порядок твою нынешнюю одежду. На мой взгляд, она не в столь уж плохом состоянии, разве что жилет придется чуть-чуть подкрасить.

Она перевела взгляд на ноги Кеит.

— А эти сапоги...

— Не утруждай себя сапогами. Если дашь мне чуточку масла для кожи и твердого воска, думаю, я смогу привести их в нормальный вид.

Девушка кивнула.

— Ты обязательно получишь необходимое.

— Это ты убираешь здесь в каюте, так?

— Да.

— Тут чудесно. Впрочем, я хочу попросить тебя об одной вещи...

— О чем угодно.

— Я насчет простыней, алария...

— Слишком сладка для твоего носа. — По лицу девушки пробежала мгновенная улыбка.

— Да.

— И для моего тоже. Этот запах не для хищников. Он многое скрывает.

Кеит пожала плечами.

— Впрочем, лаванда мне нравится.

— И мне тоже. Пахнет чистотой и почти ничего не скрывает. Все диага... нет, ты тоже диага. — Она нахмурилась, от легкого движения затанцевали ее брови. — Словом, вся твоя порода обычно любит аларию. Но я не стану использовать ее для твоих вещей. Хватит одной лаванды.

— Спасибо.

— Тогда ты готова идти за вещами, мыться, а потом обедать?

— Почти. Но сперва назови мне свое имя.

— Пассажиры обычно зовут меня Девчушкой.

— Но это же не твое настоящее имя.

— Нет. Мое трудно произнести.

Кеит выжидала.

Девушка просвистела свое имя. Низкая нота сменилась высокой и закончилась негромким пришепетыванием.

Кеит всегда удачно воспроизводила звуки, а годы, потраченные на изучение других языков Иберы, отточили ее слух и придали гибкость языку.

— Ррру-иф?

Девушка засмеялась, и смех этот был столь же музыкальным, как и ее имя.

— Именно так. Именно. Даже Джейти не произносит его настолько точно.

— Джейти?

— Мой любовник. Он — диага, чудесный парень. Рано или поздно ты встретишь его; он — один из матросов.

Кеит внезапно подумала, что сексуальная связь нормального мужчины и Шрамоносной женщины повлекла бы за собой мучительную, под пыткой смерть и Ррру-иф, и Джейти, если б только известие о ней и ноги их вместе коснулись Иберской земли. Итак, не она одна хранит на этом корабле смертельно опасные секреты.

Они отправились в кладовую, и Кеит отыскала для себя вполне приемлемую рабочую одежду: простую, но крепкую, вполне подходящую для ее нынешних нужд — пусть и не столь элегантную, чем привычные ей одеяния. Взяла смазку для меча, точильный камень. Личные вещи. Собрав все необходимое, она отправилась следом за Ррру-иф в крошечный душ, помылась под скудными струйками холодной воды, вымыла волосы и переоделась в чистое. А потом они вернулись в ее каюту и довольно долго раскладывали пожитки по ящикам, устроенным под койкой и на полках в ее изножье. Потом Ррру-иф отвела Кеит на камбуз, где уже собирался к обеду экипаж во главе с капитаном.

И тут Кеит узнала, что чудеса все-таки свершаются иногда... и самое главное — нечто подобное может случиться с нею самой. Хасмаль, сын Хасмаля, сидел за длинным, устроенным на козлах столом между мореходом из Шрамоносцев, таким изувеченным, что Кеит не смогла даже определить, мужчина или женщина перед нею, и худощавой жесткоглазой женщиной; положив ладонь на его предплечье, она потчевала своего собеседника какой-то историей, явно не интересной ему.

Услышав вздох Кеит и заметив восторженное выражение на ее лице, Ррру-иф спросила:

— Прежний любовник?

— Просто знакомый, причем такой, которого я хотела узнать получше до того, как... обстоятельства моей жизни переменились. Я думала, что никогда более не увижу его. Однако... — Она не могла скрыть улыбку. — Прости, я на мгновение.

Хасмаль не замечал ее присутствия до тех пор, пока, встав за спиной его, Кеит не проговорила:

— Хасмаль, сын Хасмаля, если я могла когда-либо подумать, что боги благоприятствуют мне, то такой момент настал именно сейчас. Надо же случиться такому, чтобы ты оказался именно здесь.

Тот повернулся, и Кеит поняла, что Хасмаль попросту не узнает ее. Впрочем, это нетрудно было понять: он видел ее лишь какой-то миг, в нарядном платье, в компании юной и кра-

сивой кузины. Кеит решила, что не смогла произвести на него впечатления. Однако через секунду в глазах его зажегся огонек понимания, а лицо вдруг побелело.

— Ты! — выкрикнул он тоном, каким, по мнению Кеит, надлежало общаться разве что с восставшим из могилы трупом.

Глаза Хасмаля выкатились из орбит, даже стал виден белесый ободок. А потом мышцы его расслабились, и, сложившись как детская тряпичная кукла, он скользнул под стол прежде, чем кто-либо успел его поймать.

Ничего не понимающая Кеит уставилась на бледное, бесчувственное лицо под столом, потом на экипаж, отовсюду взиравший на происходящее. Капитан, безусловно, видел всю сценку и, судя по его лицу, испытывал весьма сложные чувства, главным из которых все-таки было предельное изумление.

Протянув к нему руки, Кеит пыталась отыскать нужные слова. Однако их не было.

Подошедший Ян Драклес извлек Хасмаля из-под стола и удостоверился в том, что он дышит. После капитан обернулся к Кеит:

— Вот уж не думал, что ты и есть она. Когда мы закончим трапезу, прошу тебя сразу пройти в мою каюту. Нам с тобой есть о чем поговорить.

Кеит кивнула — по-прежнему не имея сил произнести хоть слово. Что это означает: и есть *она*? Какая еще она? И почему Хасмаль отреагировал с таким... таким ужасом — другого слова подобрать было нельзя — на ее появление? А она так обрадовалась встрече! Приятно было увидеть на борту человека не то чтобы знакомого, хотя бы просто встречавшегося ей. К тому же она не переставала надеяться, что он научит ее окружать себя той стеной покоя и мира, какую воспроизвел и Дугхалл перед тем, как разразилось несчастье.

Она нахмурилась, когда несколько мореходов понесли Хасмаля из камбуза, и села возле капитана.

Обед прошел в молчании.

Пасмурным вечером в длинной палате лежали еще цеплявшиеся за жизнь Волки, отделенные друг от друга холодными белыми рядами узких пустых постелей. Ри стоял возле матери, так и не расставшейся с жизнью; однако теперь она ничего не видела, а Шрамы ее — увидь он их прежде — снились бы юноше в жутких кошмарах. А может, и будут еще сниться, подумал он невзначай, стараясь при разговоре с ней изгонять из голоса ужас и отвращение.

— Кто еще живет? — спросила она. — Твой отец?

— Нет, мать. Мне очень жаль, но он не выжил. Как и Одрай.

Она была его старшей сестрой.

— А Элен?

— Ну конечно. Она прекрасно себя чувствует и, если хочешь, я скажу ей, что к тебе можно прийти.

Элен моложе его на семь лет и достигнет возраста, позволяющего ей учиться Волчьему делу, лишь через два года. В тот день она не входила в круг, а потому, как и сам Ри, осталась совершенно невредимой.

Утрата мужа и старшей дочери — равно как и спасение младшей — не вызвали в матери его ни горя, ни радости. Она никогда не изображала глубокой привязанности к Люсьену и к детям, не стала кривить душой и в этот момент. Ее заботила преемственность и направление действий Волков после смерти Люсьена; этой сфере и было уделено ее внимание.

— Кто, по-твоему, имеет больше шансов стать во главе Волков?

— Чтобы ты признала его? — Ри еще не был готов дать точный ответ, хотя спрашивала она не об этом. Он вздохнул, оглядывая почти пустые ряды. Так много мертвых. Павших без пользы и цели. — Скоро поправится Томи.

— Томи глуп и слаб.

— Томи гибок. Он не дурак. И, получив твою поддержку, может развернуться в приемлемом направлении.

«Приемлемом», естественно, с точки зрения матери. Все годы правления Люсьена над Волками слово это обычно толковалось подобным образом, и Имогена не собиралась допускать перемен перед концом своей жизни.

— Он глуп и никогда не примет бремени власти.

А вот это, наверное, правильно. Томи ни в коей мере не являлся дураком, просто был наделен отменным чувством самосохранения, позволявшим ему держаться подальше от всякой борьбы за власть. Ри пожал плечами и попытался представить, какие еще кандидатуры не вызовут возражений у его матери.

— Жизеаль получила тяжелые увечья, почти такие же тяжелые, как у тебя. Она будет жить, но ей необходимо время, чтобы поправиться.

— Она может вполне претендовать на власть.

— Возможно. Но скорее всего она поддержит притязания своего брата.

Втянув сквозь зубы воздух, мать прошипела:

— Эндрю жив?

— Как и вся поганая Тройка. Эндрю процветает. Полученные им Шрамы оказались минимальными, он уже вернулся в свои покои. Криспин каким-то образом не изменился внешне, однако лекапевты утверждают, что он получил внутренние уве-

чья. Анвин жив, но находится в тяжелом состоянии. Из всех уцелевших он получил самые тяжелые Шрамы, несмотря на то, что носил наихудшие среди Волков еще до случившегося несчастья.

Прикрыв слепые глаза увечной рукой, мать застонала. Не имевшая достаточной поддержки при жизни его отца, Тройка — точнее Адская Тройка, как называли их за спиной, — могла теперь заручиться достаточным числом сторонников среди оставшихся в живых слабейших членов Семьи. Особенно если учесть, что все Волки высшего ранга погибли либо получили тяжелейшие увечья.

— Тебе придется заявить собственные претензии, — сказала мать.

Ри знал, что разговор повернет в эту сторону. Тема была неизбежной — как рассвет, как летний дождь, как смерть. Прежде чем навестить мать, он долго размышлял над тем, каким образом можно уклониться от обсуждения этого вопроса, однако не смог ничего придумать. Судьба его решилась в тот самый миг, когда скончался отец, а Тройка уцелела; теперь либо мать обяжет его следовать нежелательным курсом, либо он воспротивится ей и воле Семьи и окажется в конце концов посрамленным. Быть может, Семья даже отречется от него.

— Это ты хочешь властвовать, — сказал он негромко. — Ты честолюбива, ты всем сердцем стремишься к власти, ты умеешь быть во главе. Почему ты не хочешь лично претендовать на власть?

— Я не рождена среди Сабиров.

— Ты возглавляла Семейство — на деле, не по названию — в течение двадцати лет. Ты стала Сабиром по имени. Большая часть Волков последует за тобой. Тех немногих, кто не захочет этого, ты заставишь подчиниться. Или уйти.

Она вынудила себя сесть, и Ри передернуло. Простыни свалились, и уродство матери предстало во всей своей ужасной очевидности.

— Если б я осталась прежней, не изувеченной — зрячей, сильной, красивой, — даже тогда они не последовали бы за мной. Волками всегда руководил рожденный Сабиром. И другого не может быть. Эту истину я познала за долгие годы, познала и возненавидела... придется и тебе смириться с нею. Лишь я из всех Волков способна руководить Семьей так, как надо. И ты должен находиться рядом со мной и исполнять роль вождя. Тебя, Ри, они примут — в отличие от меня. Твое место — во главе Волков. Твое время пришло.

Он крепко охватил грудь руками.

— Как же быть с твоим настойчивым желанием, чтобы я наплодил целую кучу детей, прежде чем становиться в круг?

Лицо ее напряглось.

— Теперь тебе уже поздно жениться. Я всегда твердила, чтобы ты думал о будущем. Впрочем, это уже не важно.

Твои бастарды наверняка носятся по всей Калимекке. Признай самых одаренных, а матерей введи в Семью. Если женщины не из благородных, будем держать их подальше от глаз, пока не сможем избавиться окончательно; если они приемлемы, пусть станут паратами. В любом случае мы признаем детей и объявим их твоими наследниками.

Ри улыбнулся, понимая, что она не сможет увидеть его лицо, однако же распознает улыбку по голосу.

— Мать, у меня нет бастардов. Нет никаких детей — законных или незаконных.

Гнев молнией промелькнул на ее лице; промелькнул и исчез, готовый вернуться в любое мгновение. Гнев, безразличный ему.

— Ты бесплоден?

Он улыбнулся еще шире.

— Насколько мне известно, нет. Я просто вел себя осторожно.

Мать комкала простыни руками. Изуродованное лицо ее потемнело от ярости... ярости на него — за то, что он погубил все ее планы, не вспахав плодородное лоно хотя бы одной женщины из тех, кого ему предлагали; быть может, ярости на вселенную, одним ударом лишившую ее красоты, силы и власти.

— Тогда детей будет рожать Элен, чтобы продолжить наш род... чтобы она или они могли занять твое место, когда ты больше не сумеешь удерживать его. Теперь у нас нет времени, чтобы позволить тебе заводить детей, которых ты не хотел раньше. Место главы Семейства свободно, и займет его самый быстрый, самый сильный и толковый. А именно — ты.

— И ты будешь поддерживать меня.

— Да. Ты не обладаешь опытом, достаточным для того, чтобы удержать положение собственными силами.

У него вообще нет достаточного опыта, и он не похож на своего отца, с удовольствием прожившего под началом жены всю свою жизнь. Даже если б он никогда не встретил эту девушку из Семейства Галвеев, то все равно сопротивлялся бы попыткам поставить его во главе Сабиров. Теперь, думая лишь о ней, он даже не мог представить себе такого.

— Нет, — вымолвил он, — я не могу.

— Я не спрашивала тебя, можешь ли ты, сын. Я сказала тебе, что ты должен сделать. Мы не можем позволить, чтобы Тройка захватила власть над Волками, а ты в любом случае будешь располагать моей поддержкой, да и репутация отца подкрепит твои претензии.

— Я не могу. — Он вздохнул и сказал правду: — И не буду этого делать.

А потом прибег ко лжи, примешав к ней капельку правды.

— Карнея Галвеев уплыла на северо-восток. Поговаривают, будто она задумала поднять войско Шрамоносных против нашей Семьи. Я намерен остановить ее.

Мать откинулась назад в постели, и все эмоции исчезли с ее лица.

— Ты не можешь сделать для Семьи ничего более важного, чем занять место собственного отца.

— Я не спрашиваю твоего разрешения, — продолжал он. — Я пришел попрощаться с тобой. И только.

Имогена оставалась недвижной и спокойной, и Ри мог только догадываться, чего стоил ей подобный самоконтроль. Она не принадлежала к людям, умеющим скрывать свои чувства. Он ожидал, зная, что она не отпустит его, не сказав последнего слова... ожидал еще и потому, что уважал свою мать, хотя не мог сказать, что любил ее. Он был обязан выказать ей то почтение, которое она заслужила своим высшим по сравнению с ним положением — и как его мать, и как предводительница Волков. Он ждал, и она позволила ему ждать.

Наконец она произнесла:

— Итак, ты все-таки решил уехать?

— Да, решил.

— И ты, вне сомнения, возьмешь с собою друзей.

Он вновь солгал ей — невзирая на уважение, невзирая на заслуженный ею почет, невзирая на собственное стремление быть честным. Одна ложь подстегивала другую.

— Мои друзья погибли в бою у Дома Галвеев. Я отправлюсь в одиночестве.

На ее жестком лице не отразилось никаких чувств.

— Они погибли, выполняя свой долг перед Семейством. Их семьи сохранили свое достоинство. А ты...

Опять воцарилось молчание.

Ри стоял, ощущая напряжение в плечах. Он сделал все что мог для своих лейтенантов; они сами пожелали вместе с ним преследовать его наваждение. Позор его не ляжет на них; месть его матери не коснется их семей. Однако, если все наказание за неповиновение и измену падет на одни лишь его плечи, оно будет еще тяжелее.

Имогена закашлялась, прочистила горло.

— Что касается тебя... Если ты уедешь, не возвращайся. Сабиры отразят натиск любой ничтожной армии Увечных — если девчонке удастся собрать ее — и без твоей помощи. Уехав, ты станешь *барзанном*, и вся Семья и ее союзники повернутся против тебя. Имя твое будет удалено из Списка Рожденных, и ты перестанешь быть Сабиром. Далее, я прокляну тебя и выйду с моим проклятием в круг; все проклянут тебя: ты станешь живым покойником... мы сокрушим твой дух, отнимем у тебя жизнь, но

труп твой не будет знать упокоения. В этом, сын мой, я тебе клянусь: если ты не останешься и не займешь подобающее тебе почетное место в этой Семье, ты перестанешь существовать.

На подобное он не рассчитывал. Худшего нельзя было и вообразить. Стать *барзанном* означало быть извергнутым из рода людского. Он предполагал, что она отречется от него... и в известной степени был готов к этому. Однако оказаться лишенным права на существование в любой части Иберы — быть, по сути дела, объявленным желанным объектом для всякого убийцы, грабителя и искателя трофеев, — и все потому, что он не склонился перед ее волей... Мысль эта ошеломляла. Он попытался представить себя меченым. Предметом охоты. Или бегущим за пределы Иберы, чтобы никогда не вернуться назад.

Насколько ему было известно, ни одна мать в истории Иберы никогда не объявляла своего сына *барзанном*. Подобное проклятие необратимо. После того как слово это будет произнесено вслух, он станет живым мертвецом — пока его не захватят и не убьют. А потом — если Имогена завершит последнюю часть своего проклятия — живым трупом.

Ри закрыл глаза, и девушка вновь появилась перед его мысленным взором. Он уже ощущал соленую пыль на губах, вдыхал морской воздух.

Обращенное к небу лицо его согревало вечернее солнце, и палуба покачивалась под ногами. Прислушавшись, он мог уловить ее сочный голос, хотя и не различал слов, которые она произносила. И теперь она удалялась от него с каждым новым вздохом, и тело его сгорало, жаждая ее. Ум его рвался к ней.

Но... *барзанн.*

Прежде он считал себя храбрым и неудержимым.

Я ошибался, понял Ри.

— Я останусь, — пообещал он Имогене, — и сделаю то, что ты велишь.

Корабль уже стоял в гавани, друзья ожидали, были погружены припасы. Теперь судно не выйдет в море; но если это все-таки произойдет, корабль отплывет без него.

Глава 20

Капитанская каюта, небольшая и удобная, была изысканно украшена, обставлена мебелью из редких и экзотических пород дерева, инкрустированной костью и полудрагоценными камнями, и задрапирована тончайшими шелками. Всюду по-

блескивало золото: небольшой идол — кот с глазами из драгоценных камней — гнул спину в углу письменного стола; с крючка из эбенового дерева на тяжелой, плотно сплетенной цепи свисал медальон; три перстня с печатками выглядывали из приоткрытой шкатулки. Бесконечные знаки процветания и успеха бросались в глаза, однако говорили много меньше, чем ряд книг, опрятно выстроившихся над постелью на полке: «Две сотни сказок Калины» в роскошном переплете покоились возле перевода «Философий и Медитаций» Уурпаталя; тут же выстроились жизнеописания Брейлера, Минон Драклес, Гахлена и Шотокара.

Окинув комнату опытным взглядом, Кеит сделала некоторые выводы; они наверняка встревожили бы капитана, если б тот мог догадаться о ее открытии. Она заключила, что он родом не из простой семьи... быть может, даже принадлежит к Семейству; что перед нею бунтарь — хорошо образованный враг привилегированного мира, к которому принадлежит по праву рождения; что он тщеславен и честолюбив и за отсутствием праведных занятий не гнушается иногда и пиратства.

— Я не могу допустить, чтобы мой корабельный мастер пребывал в подобном расстройстве, — говорил капитан, расхаживая по небольшому пространству перед креслом, в которое он усадил Кеит. Руки его были заложены за спину, пальцы переплетены, голова опущена. — В долгом путешествии этот человек жизненно необходим нам. Здесь, в море, приходится производить всякий ремонт... оснастки корабля, вещей экипажа...

Он пожал плечами.

— Иногда необходимо изготовить несколько предметов, требующихся в конкретной ситуации. И я не могу позволить, чтобы Хасмалю угрожали или тревожили — ни при каких обстоятельствах. Я не уверен в том, что ваши прежние взаимоотношения были...

Кеит подняла руку.

— Минуточку, капитан.

Тот остановился и поглядел на нее.

— Я даже не могу утверждать, что по-настоящему знакома с Хасмалем. Я знаю о нем совсем немногое: он торговал редкими и древними вещами... он оказался на светском приеме и помог там мне и моей кузине. До того вечера я его вообще не встречала. И ни разу не видела потом — до сегодняшнего момента. Я всего лишь хотела поблагодарить его за помощь, потому что кузина моя напилась и вела себя дурно; Хасмаль же помог мне вывести ее из дома, не привлекая внимания к ее виду.

Пусть и не совсем правда, однако Кеит не слишком уклонилась от нее.

Опустив руки в карманы, капитан привалился спиной к шкафу.

— Так почему же он обеспамятел, едва ты заговорила с ним? Я думал, ты пыталась принудить его к браку. Быть может, ты стремилась достичь своей цели, обвинив его в покушении на свою девичью честь?

У нее вырвался невольный смешок.

— Моя *девичья честь*? Дорогой мой капитан, покушение на нее было предпринято и забыто очень давно.

Несколько раз вздохнув, она захихикала и, недоверчиво покрутив головой, изрекла:

— Моя девичья честь, если выражаться столь деликатно, была утрачена добровольно и при полном согласии с моей стороны; с тех пор память о ней меня не тревожила. Уверяю тебя, что никогда не испытывала потребности угрожать тому, кто избавил меня от нее, и еще менее стремлюсь утратить свою самостоятельность в браке. Слишком уж дорогой ценой досталась мне свобода.

Веселье улеглось, уступая место недоумению.

— Что касается обморока Хасмаля... — Повернув руку ладонью вверх, она передернула плечами. — Мне известно ничуть не больше, чем тебе.

Пытаясь нащупать разгадку, они обменялись взглядами.

— Его реакция встревожила меня, — сказал капитан, — и до сих пор тревожит.

— Естественно. Я лично была просто потрясена. Однако я не знаю, что могло вызвать ее.

— Твой вид.

Кеит вздохнула.

— Если только Хасмаля не отравили в этот самый момент — что кажется маловероятным, — я готова согласиться с тобой. Но я действительно не понимаю причины.

Драклес вдруг нахмурился.

— А тот... манускрипт, который ты упомянула... ты сказала, что Хасмаль торговал древностями?

— Так он сам сказал мне на приеме.

— А ты случайно не... *приобрела* его у Хасмаля?

— Нет.

— Торговец древностями... — Лицо его посуровело. — Хасмаль показал мне, какой он кузнец, прежде чем я согласился взять его. Великолепный мастер. Однако он утверждал, что ходил на корабле. И у меня не было причин сомневаться.

Капитан глядел под ноги, обращаясь скорее к себе, нежели к ней. Наконец он поднял глаза, чтобы задать вопрос:

— Где ты познакомилась с ним?

Кеит какое-то время обдумывала ответ. Она не хотела слишком откровенничать о своем прошлом; ее поездка в Халлес — если Драклес следил за событиями, — позволила бы ему в точности установить, кем она является. Однако ложь всегда может подвести, к тому же лгать относительно места знакомства с Хасмалем было рискованно: ведь она не знала, почему он отреагировал подобным образом на ее появление.

— В Халлесе, — ответила она.

— В Халлесе? Далековато от берега.

— Там мы и повстречались. Он сказал мне, что работает у отца — продает и покупает раритеты. Вот и все, что мне известно о нем... ах да, и он, и отец оба носят имя Хасмаль.

Драклес опустился на край своей койки и посмотрел на нее сурово.

— Так, значит, в Халлесе. А почему ты задумалась, прежде чем сказать мне об этом.

— Я не знаю, сколь много мне следует рассказывать о себе. И пыталась понять, не проболтаюсь ли, если открою, что была в Халлесе. И в конце концов решила, что могу сказать это.

Он фыркнул.

— По крайней мере ты откровенна.

— Да.

— В таком случае мы не сразу подружимся, если ты не станешь доверять мне.

Кеит приподняла бровь.

— Если я не буду доверять *тебе*? Капитан, по-моему, у тебя куда больше тайн, чем у меня.

Она окинула взглядом каюту и остановила его на выставленных сокровищах.

— И мне кажется, что вообще какое-то время каждому из нас придется довольствоваться собственными тайнами. Не думаю, что ты поведаешь мне свои секреты охотнее, чем я — мои.

Слова эти она сопроводила улыбкой, капитан тоже улыбнулся в ответ, однако от нее не укрылась озабоченность, промелькнувшая в его глазах. Убедившись, что попала в цель, Кеит поднялась.

— Если мы закончили разговор...

Драклес тоже поднялся.

— Мне бы хотелось стать твоим другом, Кеит. Похоже, друг еще понадобится тебе.

— Вполне возможно. Однако говорить об этом пока еще рано. Будем... приятелями. По крайней мере пока. — Взвесив слово, Кеит решила, что оно вполне отвечает ее нуждам. — Да, приятелями. У нас общая цель, быть может, мы кое в чем и похожи. Ну а дружба... увидим. Дружба требует долгого знакомства.

Он открыл перед ней дверь каюты, Кеит вышла на палубу. И на всем пути к себе ощущала затылком его взгляд — пока не закрыла дверь и не заперла ее за собой.

Скрючившись в своей каюте, Хасмаль яростным взглядом жег Говорящую, явившуюся на его зов.

— Она здесь. *Здесь*. Ты знала, что это случится. *И солгала* мне.

Окруженная стеной голубого пламени, Говорящая усмехнулась.

— Тебе отвечала моя *сестра*, и она поведала чистейшую истину.

— Она сказала, что я могу избежать судьбы.

— Нет. Она сказала тебе, что ты можешь попытаться сделать это.

— Если б я остался дома, то был бы сейчас в безопасности. А теперь по ее вине я проехал через всю Иберу и оказался в ловушке — на корабле вместе с женщиной, встречи с которой так старался избежать.

— Если б ты ничего не сделал, то оставался бы в безопасности. Однако твоя личная безопасность не имеет отношения к более крупным вопросам. Пока ты пытался спрятаться от своей судьбы, но — против желания — лишь глубже погрузился в нее, в начинающуюся битву вступили целые миры.

Хасмаль крепко сжал кулаки, однако заставил себя дышать помедленнее, а свой гнев — утихнуть.

— Почему твоя сестра обманула меня? Почему уверила меня в необходимости бегства.

— Потому что у тебя есть кое-какие дела, Хасмаль ранн Дорхан; совершив их, ты изменишь свой мир и отчасти наш, а быть может, одновременно с ними и другие, еще глубже погруженные в Вуаль. Если ты уклонишься от своей судьбы, миры эти сделаются еще хуже. От тебя слишком много зависит, смертный; тебе дано оставить такой глубокий след, как никому другому... и хотя никто и ничто не в силах направить тебя по верному пути, моя сестра сумела хотя бы указать тебе тропу, показавшуюся нам наиболее благоприятной.

— И чего же от меня ожидают?

— Ты спрашиваешь не так. Твоя тропа не отлита из железа... твое будущее навсегда останется неопределенным. Вопрос в другом: что тебе позволено сделать? Но и на него я не смогу ответить, и не потому, что хочу подразнить тебя, а просто потому, что не знаю. Я вижу лишь ветвящиеся тропы, по которым может пойти человек... вижу, как они сливаются и разделяются. Еще я вижу, что тебя и Кеит Галвей, женщину, которую ты боишься, ждет огромное будущее — если вы останетесь вместе, — и что вдвоем вы можете совершить и великое добро, и великое зло; однако порознь вам не удастся добиться чего-то значительного.

— Но она погубит и меня, и тех, кого я люблю.

— Твоя связь с ней сулит печаль, боль и горе, великую победу... и, возможно, твою смерть. Однако все люди смертны, Хасмаль, но живут немногие, — ответил дух.

Хасмаль молча смотрел, как растворяется в Вуали призванный им дух, как гаснут на поверхности зеркала последние следы холодного пламени.

Овладевший им холод распространялся изнутри — от сердца, внутренностей, духа — к пальцам рук и ног. По коже забегали мурашки, и Хасмаль невольно поежился, хотя в каюте было душно и жарко. Говорящая процитировала Винсалиса преднамеренно — он в этом не сомневался. Целиком отрывок звучал так:

«Все люди смертны, Антрам. Все они стареют, дряхлеют и, наконец, переползают в темные могилы, а оттуда в адское пламя либо в холод забвения — в соответствии с исповедуемым теологическим учением. Но лишь немногим из них боги дают задание, возлагают на них особое бремя, открывают перед ними дорогу к величию, которая — если пойти по ней — возвысит их над густыми облаками самодовольства, ослепляющими большинство глаз и туманящими большую часть ушей. Лишь немногим боги дают испытать истинную боль, способную уничтожить надутую мягкую подушку, позволяя ощутить остроту и драгоценную суть жизни, возносящей героев и во всей наготе позорящей трусов перед толпой. Ты, Антрам, совершишь великое. Ты будешь видеть, будешь ощущать, будешь дышать и наслаждаться всяким дарованным тебе мигом. И ты претерпишь великую боль. А однажды — рано или поздно — умрешь.

Все люди смертны, Антрам. Но живут немногие».

В Калимекке, в центре дома Сабиров, в тихой комнате, выходившей на благоухающий жасмином сад, беспокойно расхаживал Ри Сабир. Комнату окутывала тьма — не горела даже свеча, — однако мрак не беспокоил его; Ри прекрасно видел там, где обычный человек счел бы себя слепым. Он ходил вдоль ряда застекленных дверей, не замечая сладких ночных ароматов, не обращая внимания на ветерок, колышущий прозрачные шторы.

Он томился в темнице собственных мыслей, возле позорного столба из слов — и сказанных им, и оставшихся непроизнесенными. И он не мог обрести мира.

— Ждите меня, — сказал он Янфу. — Я должен побывать у матери; нужно хотя бы попытаться уговорить ее. Но, даст ли она мне свое благословение или нет, мы отплываем сегодня ночью.

А потом Треву, вечно опасавшемуся за сестер:

— Обещаю, твои сестры не претерпят никакого бесчестья от нашего поступка. Я не допущу этого.

А потом капитану принадлежавшего Сабирам судна:

— Я выплачу тебе два годовых жалованья и прибавлю еще подарок, если ты доставишь меня вместе с моими лейтенантами, куда мне потребуется, доставишь в целости и сохранности и не будешь задавать вопросов. Дело опасное, касается интересов Семьи, и вот тебе мое слово Сабира: ты будешь удостоен почестей всей Семьи за добрую службу.

А потом своей матери:

— Мои друзья погибли в бою у Дома Галвеев. Я отправлюсь один.

И вновь матери:

— Я останусь и сделаю то, что ты велишь.

Кругом предательство, клятвоотступничество, гибель его чести у полудюжины скалистых берегов... Стоит ему только открыть рот — и он обманет кого-нибудь. Трев, Валард, Карил, Джейм и Янф сделались по его слову мертвецами, не имеющими права вернуться в собственный дом под своим именем; мать сдержит свое слово, и к семьям их станут хорошо относиться, если только спутники его никогда не будут замечены в Калимекке. Перед путешествием в неизведанные края, осмелившись не покориться матери, он мог прибегнуть только ко лжи — чтобы выполнить свое обещание и не навлечь бесчестья на их семьи. Впрочем, он надеялся вернуться со славой — чтобы все было забыто.

А как быть с капитаном, ожидавшим сейчас его прибытия и уверенным в собственном будущем, потому что он находился на службе у Сабира, обещавшего ему... как поступить с ним? Ри посулил ему общесемейные почести, и если капитан проговорится о его планах кому-нибудь из Сабиров, те, безусловно, обойдутся с ним как с предателем.

Только безумный успех путешествия, предпринятого неведомо куда и неизвестно зачем, мог дать этому человеку обещанное мною, подумал Ри. И я готов был выполнить свое обещание. Но как это сделать теперь?

А как быть с проявленной им самим трусостью — перед угрозой, которой он не ожидал от матери. Именно трусостью... иначе и не назовешь. Она пригрозила ему, и он сдался. А ведь мог бы с честью удалиться в изгнание, но вместо этого дал ей слово остаться и выполнить свой долг — каким она его видела. Он дал слово. И какую же цену имеет теперь оно? И какую цену будет иметь впредь?

Жаль, что он не умер.

Ах, как жаль.

Устав расхаживать, он вышел на балкон. Там, во дворе, под чудесным покровом ночи, двигались одни животные. Ветерок приносил запахи кота, собаки, фазана; чуточку припахивало мышью, воробьем и совой; мускус напоминал о присутствии двух оленят, которым предстояло украшать собой сад, пока они не станут слишком крупными и своенравными для такой жизни; тогда они украсят собою какой-нибудь пир, а на их месте уже будут пастись новые живые украшения, доставленные из какой-нибудь глуши. Зашелестела листва, кот поймал мышь, отчаянный писк мгновенно умолк.

Лучше б он умер, не мог успокоиться Ри. А еще лучше, чтобы его убили, а тело не смогли найти. А лучше всего, чтобы улики указывали на извергнутую пеклом Тройку, ибо такое свидетельство настроит всю Семью против рвущегося к власти трио надежнее и быстрее, чем любое другое. Убийство всегда служило в Семье Сабиров средством продвижения к власти, однако проявить небрежность, попасться на нем... нет. Если ты устраняешь препятствие на своем пути и хочешь добиться уважения, действуй изящно. Красиво. И если угодно — таинственно.

Ри понял, что вправе исчезнуть. И, поступив так, поможет делу матери, во всяком случае, помешает ее врагам. Он отыщет и нужную ему женщину, а с нею, возможно, и ту вещь, которую разыскивает она.

Ты можешь осуществить все это, но только если будешь действовать быстро. Промедлив до утра, ты потеряешь эту возможность.

Он вновь ощутил давление в черепе и умственную чесотку. Ри напрягся. В голове его вновь зазвучал чужой голос. На сей раз один, однако вторжение незнакомца в собственные мысли было для Ри не более приятно, чем трескотня, разразившаяся в его мозгу сразу после пробуждения... после закончившейся катастрофой попытки Сабиров захватить Дом Галвеев. Он Волк, и никто из собратьев не станет терпеть такого вторжения. И Ри начал сплетать чары, которые должны были вытеснить пришельца из его головы.

Но тот поспешил остановить его. *Осторожно, младший братец. Ты умен, однако не мог видеть того, что видел я.*

Застыв на месте, Ри прошептал:

— Назовись.

Сколько у тебя покойных старших братьев?

— Это зависит от того, сколько было у моего отца неизвестных матери любовниц — и насколько неосторожны были их дети.

С полдюжины, насколько мне известно. Но я не имею в виду сводных братьев.

— Так ты Кэделл?

Ри не верил. Он просто не мог поверить. Когда он очнулся после поражения в Доме Галвеев, в мозгу его голоса бормотали на совсем незнакомом ему языке. Этот же без малейшего акцента вещал на чистейшем иберанском. Что же покойный брат мог потерять в его мыслях?

Объяснять слишком долго, так как времени у нас немного.

— У меня хватит времени выслушать те доказательства, которые ты можешь привести в отношении собственной личности.

Конечно. Я... Был, как и ты, Карнеем. Мы делили комнату и постель до дня моей смерти. Уходя из дома в тот день, я чувствовал, что могу не вернуться, и оставил свой медальон — тот, что сейчас у тебя на шее, — чтобы мать передала его тебе. А когда тебе было четыре, я переносил тебя через красный мост на своих плечах всякий раз, когда нам было нужно пересекать его... Так как тогда ты верил, что под ним живет человек с фиолетовыми глазами. Как только мы оказывались возле моста, ты уверял, что он пялится на тебя.

Ри помнил это. В глазах закипели слезы, и он сощурился.

— Мне так не хватало тебя.

А мне тебя. Но если ты не поторопишься, то наверняка потеряешь Кеит. А ты не смеешь терять ее. Это очень важно, мой маленький братец. Куда важнее всего, что ты когда-либо делал. Быть может, ничего более значительного тебе не удастся совершить.

Ри был озадачен.

— Кто такая Кеит?

Кеит Галвей.

В мозгу Ри возник образ: неотразимое создание, с которым он столкнулся в переулке Халлеса, которое видел стоящим на башне — над совершающейся казнью.

— Отлично. Тебе известно ее имя. Скажи тогда, почему так важно, чтобы я отыскал ее?

Потому что ей известно, где искать Зеркало Душ. И она уже отправилась под парусами искать его. Почему это Зеркало настолько важно для нас, я сообщу тебе позже. Пока ограничусь тем, что оно не должно достаться другой семье, кроме Сабиров.

— Я слышал легенду о нем.

Это не важно. Действуй. Доверься мне, младший брат. У тебя нет ни секунды времени. Делай теперь все необходимое, чтобы ты мог уехать отсюда. А все значение твоего поступка обсудим, когда будешь в море. По рукам?

— По рукам.

И Ри приступил к имитации собственной смерти. Осторожно, не производя лишних звуков, он переставил мебель, перевернул стул, сломав одну ножку. Стащил с узкой постели

покрывала — так, чтобы легли на пол в сторону двери. Извлек перо, чернила, бумагу и пресс-папье из стола, располагавшегося у северной стены, и начал писать.

Уважаемый дядя Грасмир!

Я принял решение возложить на себя бремя ответственности за Семью и, обсудив положение дел с матерью, вместе с ней полагаю, что мои претензии на право возглавить Волков скажется благоприятным образом на продвижении и целях Семьи и осуществлении ее потребностей. Решение это принято мною отнюдь не с легким сердцем, ибо я не имею ни жены, ни детей и, вступив в круг, уже не буду иметь права обзавестись ими; тем не менее я полагаю, что являюсь наиболее приемлемым кандидатом, способным помешать Криспину, Анвину и Эндрю захватить власть.

Учитывая это, я хотел бы знать, могу ли рассчитывать на Вашу поддержку как параглеза, так и в качестве любимого всеми члена Семьи? Мне потребуется Ваша...

Он оборвал письмо на середине фразы, подул на бумагу, чтобы просушить чернила, а потом уронил ее в щель между стеной и столом таким образом, чтобы краешек записки все же выглядывал наружу. Всякий, обнаруживший здесь беспорядок и кровь, обратится к Семье, и Грасмир настоит на расследовании. Письмо послужит обвинением — или хотя бы направит подозрения в нужную Ри сторону, — а знаки, оставленные здесь им, явятся доказательством его насильственной смерти.

Ри извлек нож; окунул лезвие в откупоренную бутыль с вином, из которой только что пил — ибо всякому известно, что смоченное спиртом лезвие не позволяет духам болезни вторгнуться в тело, — и полоснул по руке. Боль пробудила в нем ярость Карнея, и Ри с рычанием выпустил кровь на пол. Испачкав ею ладони, он схватился за покрывало, потом оставил следы на полу — как если бы его волоком тащили к двери. Сломанную ножку стула он густо намочил своей кровью — особенно самый ее конец. Потом вырвал несколько волосков и, запачкав их кровью, пристроил между щепок. И наконец, решил, что сделанного уже достаточно.

Тогда он позволил себе перейти грань Трансформации. Ри еще не нуждался в ней — острая потребность появится через полмесяца, однако боль облегчила перемену обличья. Ощутив, как рану обожгло огнем, он вздохнул. Порез заживал, и Ри ожидал полного исцеления. А потом углубился в процесс изменения облика, позволив себе почувствовать голод. Торопливо избавясь от одежды, он связал ее в тугой сверток. Внутрь его Ри упря-

тал свое кредитное письмо (бесполезное, если его объявят барзанном, равным образом никчемное в случае его смерти, однако корабль унесет его из Калимекки туда, где весть о его смерти не успеет поколебать кредит), свои кольца, кошелек, меч и кинжал. И за то немногое время, коим располагал, сделал сверток столь компактным, насколько было возможно.

Завершив Трансформацию, он выпрыгнул на балкон с крепко сжатым зубами свертком и полез по стене вверх, впиваясь когтями в щели меж камней. Поднялся на самый верх и помчался по черепицам к северной оконечности Дома, сочетая скорость с осторожностью. Там стена отстояла от крыши менее чем на человеческий рост, и соскочить вниз можно было, затратив меньше усилий и при этом не потревожив ни стражу, ни слуг.

Когда он оказался наконец за стеной, он метнулся в темную, покинутую аллею и расслабился, успокаивая себя до тех пор, пока не сумел вернуть себе человеческий облик. Потом оделся, прицепил к поясу оружие и вышел на улицу.

Встревоженный Янф ожидал его на палубе.

— Я уже думал, что тебя убили по дороге сюда или что перед тобой возникло какое-то серьезное препятствие.

Обняв друга, Ри вздохнул.

— В твоих предположениях куда больше правды, чем может показаться на первый взгляд.

Матросы поднимали паруса, капитан стоял у руля. Прилив и легкий ветерок помогали отплытию, однако их помощи надолго не хватит... Промедление с принятием необходимых мер вызвало бы задержку еще на полдня, и это его опоздание могло обречь на неудачу все предприятие.

— Однако я в море, и мы отплываем.

— Значит, она поняла тебя? Я удивлен.

— Нет, не поняла. Но есть и другие способы достижения цели. Я выбрал один из них. Надеюсь, рейс не был зарегистрирован в порту на мое имя?

— Капитан выполнил твое распоряжение... и мы находимся на корабле купца К. Петелли, с грузом плодов и инструментов отправляющемся в колонии.

Ри испытал истинное облегчение. Случается, когда доходит до дела, люди забывают о каких-то важных нюансах. Однако Ри выбрал капитана, известного своей хладнокровной рассудительностью в минуту опасности и несомненным благоразумием.

— Ну что ж, надеюсь, путешествие окажется удачным и мы отыщем Кеит.

— Как ты ее назвал?

— Кеит Галвей.

Янф ухмыльнулся.

— Обычное имя, и никаких чар.

— Только не для меня.

— Естественно. — Янф пожал плечами, и в улыбке его не появилось извинений. — Итак, куда же направляется твоя Кеит?

— Сейчас? Она держит курс между востоком и северо-востоком. И мы последуем за нею.

— Между востоком и северо-востоком... — повторил Янф. — Правя в эту сторону, мы можем попасть на оконечность одного континента — или на весь второй... совершенно неисследованный, кстати. К тому же нельзя забывать и об океане — не всегда дружелюбном. Надеюсь, нюх не подведет тебя... иначе нас ждут долгие поиски.

— Но взамен мы получим достаточно времени, чтобы научить тебя моим фокусам, которые ты так стремился узнать; со своей стороны, ты научишь меня тому выпаду кинжалом, которым всегда обезоруживаешь противника, — я давно завидую твоему мастерству.

На лице Янфа отразились противоречивые чувства.

— Ты хочешь начать обучение немедленно?

Ри успел так вымотаться, что вполне мог бы проспать и остаток ночи, и весь завтрашний день... Кроме того, кратковременная Трансформация напоминала о себе чувством голода.

— Только не сегодня. Теперь пора отоспаться. А вот завтра или, может быть, послезавтра приступим к занятиям.

Дугхалл, хмурясь, разглядывал выпавшие результаты гадания. Не будь они столь очевидны, он рискнул бы пожертвовать собственной кровью и призвать духа, чтобы еще раз подтвердить смысл открывшегося ему. Впрочем, рисунок серебряных монет, который лег на вышитой шелковой *занде*, не допускал сомнений. В квадранте Дом выписали свою суровую весть две монеты: *бегство и предательство доверенных сотрудников*. Квадрант Жизни равным образом строго указывал на *присутствующую опасность*. Области Духа и Удовольствия лежали пустыми. Квадрант Долга содержал сложную весть: *возвращение домой* сочеталось с *ищи новых союзников* и дополнялось указаниями *действуй по собственному разумению и боги вмешаются*. В области Здоровья, Состояния, Цели, Мечты, Прошлого, Настоящего и Будущего не попало ни единой монетки... Более странного броска ему не приходилось видеть. Монеты, которым надлежало бы занять пустые квадранты, все до единой выкатились за вышитую кайму *занды* и поблескивали теперь на черном шелке, искушая его своим безмолвием. Воистину, *боги вмешались*.

Он предполагал остаться в Доме Галвеев, помочь с делами, поддержать уцелевших в побоище, пока они не скопят достаточно сил и не приведут Дом снова в порядок. Однако, глядя на *занду*, Дугхалл понял, что ошибался. Надо собраться и с маленькой сумкой, без всяких объяснений покинуть Калимекку, чтобы оставить как можно больше расстояния между собой и всеми остальными членами Семьи. И сделать это следует немедленно.

Предательство доверенных сотрудников особенно смущало его. Каких еще сотрудников? Его личного штаба, прибывшего с ним в Калимекку? Или помощника, почти всю свою жизнь служившего ему? Членов Семьи, спасенных им от Сабиров? Или же пилота? Кто предаст его? И почему?

Безусловно, не все, кто сейчас находился с ним в Доме, являлись предателями; Дугхалл знал, что среди уцелевших есть люди, готовые помочь ему... сделать вместе с ним все необходимое. Однако оставалось неясным, на кого именно можно положиться, а на кого — нельзя. И результаты гадания гласили, что он не должен даже пробовать разобраться в этих людях. Ему надлежало покинуть Дом немедленно и бесшумно — словно похищенному духами, — чтобы и правые, и виноватые не знали, что именно с ним приключилось.

Зафиксировав в памяти расположение монет, Дугхалл соединил перед собой руки и, сложив вместе ладони, уперся в них лбом. Закрыл глаза, и энергия, которой он окружил себя, чтобы скрыть свои действия, рассеялась. Затем пробормотал слова благодарности, обращенные к Водору Имришу, богу-покровителю Соколов, присовокупив к ним тонкую просьбу о том, чтобы ожидаемые от него действия не повредили жизни и достоинству всех верных членов его штаба, которых приходилось оставлять в Калимекке.

Потом он собрал вещи — те, что можно было унести в небольшом мешке за спиной, придал себе вид, гласивший: *Я недостоин любого внимания, и ты ожидаешь увидеть меня в этом месте* — и вышел в коридор.

Теперь он будет бежать, будет искать новых союзников, будет поступать по собственному разумению и — по крайней мере на время — вернется в одиночестве домой в Джеслан, на Имумбарские острова, не оспаривая полученного приказа. С того самого дня, когда мать посвятила его в Соколы, Дугхалл знал, что боги предусмотрели для него особое дело. Всю свою жизнь он ждал, не зная, каким оно окажется, и уже начал предполагать, что первоначальные предсказания оказались ошибочными и он навсегда останется лишь Хранителем *Тайных Текстов* — что само по себе представляло не совсем обычное занятие. Он уже пытался убедить себя в том, что этим все и ограничится.

Но теперь...

Теперь...

Нутро говорило Дугхаллу, что пришел его час. Мир переменился, и ему предстоит сделаться мечом богов. Трагедия заново выковала его, закалила в крови; старый, неповоротливый толстяк, он ощущал теперь в себе это чистое жестокое пламя, которым только и может орудовать рука бессмертного. Винсалис был бы доволен его достижениями.

В сердце Дугхалла и в душе его раздавался колокольный звон, металл ударял о металл. Наконец его извлекли из ножен.

Хотелось бы только знать, кто окажется настоящим врагом.

Глава 21

Ослепленная снегом, умирающая от голода, замерзшая, больная и несчастная, Даня Галвей заставила себя сделать еще один шаг по бесконечной тундре. А потом еще один. Сознание то покидало ее, то возвращалось вновь; приходя в себя, она слышала голос своего духа-хранителя, уверявшего ее, что спасение уже за следующим пригорком. В минуты забвения голос превращался во всякую жуть: то становился словами пришедшего мучить ее Криспина Сабира, то речитативом Волков Сабиров, обращенным к центру колдовского круга, то стонами и воплями тех, кто когда-либо страдал на ее глазах и не получил от нее помощи, то причитаниями покойной бабушки или любимой кузины, скончавшейся в детстве.

Вновь вынырнув из затмевавших разум туманов, в очередной раз обретя временную ясность сознания, она услышала: *Даня, ты почти в укрытии. Почти у друзей, которые помогут тебе позаботиться о себе и ребенке. Осталось чуточку. Самую малость.*

Она спросила:

— О ребенке?

Да, о ребенке. Ты же знала об этом, правда?

Она вспомнила эту муку. Насилие. Оскорбительный хохот... вонючие, жестокие морды, радующиеся причиненной ей боли и унижению.

— Ребенок...

Этот кошмарный союз не мог, не имел никакого права дать жизнь ребенку. Боги не могут оказаться до такой степени жестокими.

Однако, услышав новость, Даня могла подтвердить — с помощью своих магических способностей — справедливость сказанного. Дурнота, слабость, головокружение и ощущение

неправильности происходящего были не только следствием полученных ею Увечий, не только говорили о том, что она едва не умирала от истощения: внутри тела ее зарождалась новая жизнь. Призвав свои скудные ныне чародейские силы и заглянув внутрь себя, она ощутила эту жизнь... крохотную и слабую искорку, трепетавшую в ней, словно огонек свечи в огромном, полном сквозняков зале.

Дане хотелось возненавидеть эту кроху — так, как ненавидела она троих зверей, каждый из которых мог оказаться отцом ребенка. Ей хотелось возненавидеть и убить этот крошечный огонек, однако при первом же умственном соприкосновении она ощутила лишь чистоту и добро, обращавшиеся к ней самой. Невольно отшатнувшись — физически и духовно — от этого робкого соприкосновения, она замерла в снегу, с омерзением глядя на собственные ноги. Каким образом подобная бездна зла могла породить нечто хорошее? Ей не хотелось этого знать, ей не нужен был этот ребенок. Однако это ощущение доброты — вместе с изрядной долей нахлынувшей вдруг слабости — не позволили ей разорвать деликатную связь с младенцем и извергнуть дитя из своего тела.

В голосе приглядывавшего за ней духа чувствовалось удовлетворение. *Ты правильно поступила, милая девочка. И ты не перестанешь хорошо вести себя. Но сейчас поспеши, и я доставлю тебя в безопасное место.*

Она поспешила — без всякого, впрочем, вознаграждения. До обещанной ей тихой гавани нужно было еще идти и идти. Словом, Даня шла еще половину дня, прежде чем провалилась в какую-то устроенную в снегу дыру и обнаружила себя нос к носу с семейкой Увечных. Те взялись за оружие, но Даня, оказавшись в совершенно неожиданной, удивительной теплоте, окутанная ароматом варившегося мяса, открыла наконец нечто, отличающееся от бесконечно жуткой и холодной снежной пустыни, и попросту потеряла сознание.

Очнулась она, не зная, сколько времени миновало, по-прежнему в тепле, лежа возле жаркого мерцающего костерка. Существо, сидевшее напротив нее у костра, держало в руке длинное копье с костяным наконечником. Узкие глаза его, прятавшиеся в покрывавшей лицо густой шерсти, смотрели в огонь. Лишь плоский и блестящий серый нос да узкая полоска губ нарушали белизну шерсти. Уши — если они существовали — были невелики и скрывались в окружавшей лицо густой бахроме грязно-белого цвета. Даня подумала, что, невзирая на странный вид, хозяин снежной пещеры вовсе не производит отталкивающего впечатления. Заметив, что Даня открыла глаза, он на всякий случай погрозил ей копьем и проговорил нечто непонятное. Впрочем, в ин-

тонации не слышалось враждебности. В голосе его угадывались рассудительность, доброта и лишь самое мягкое предостережение.

Дане показалось, будто он сказал что-то вроде: «Не делай глупостей. Я хочу помочь тебе, но не смогу этого сделать, если ты набросишься на меня».

Ты поняла его довольно точно, прошептал в ее голове голос. *Со временем ты научишься разговаривать с ним. Я в этом не сомневаюсь. А теперь поешь — он приготовил для тебя пищу.*

Даня неторопливо села и вытянула вперед руку, показывая, что в ней нет оружия — кроме когтей, конечно.

Что-то пробурчав, существо указало на подвешенный над очагом большой горшок из обожженной глины. Даня бережно взяла сосуд, стараясь не делать резких, опасных движений.

Хозяин приготовил какой-то отвар.

— Это для меня? — спросила Даня.

Ответа она не поняла, истолковать выражение покрытой мехом физиономии также не представлялось возможным, однако тон явно свидетельствовал, что ей желают здесь только хорошего.

Запустив руку в горшок, Даня подцепила когтем кусок мяса. Она понимала, что ей не следует есть слишком много и быстро: если не считать нескольких пойманных ею и съеденных сырыми зайцев и снежных голубей, она не принимала пищи с той самой ночи, когда стала объектом жертвоприношения. Занявшись куском мяса, она уже хотела запустить свою длинную морду прямо в горшок и вылакать содержимое несколькими быстрыми глотками. Впрочем, тогда ее, безусловно, стошнит. Поэтому она заставила себя есть мясо маленькими кусочками и вернула хозяину еще не опустошенный горшок — она уже чувствовала неприятное давление в животе.

Сидя у костра, оба они разглядывали друг друга. Даня вспомнила, что видела здесь еще кого-то, однако теперь ни зрение, ни нюх, ни другие чувства не позволяли обнаружить их присутствия.

Он приказал уйти своим родным. Они отправились в другие дома деревеньки — ждать, пока он не убедится, что ты не представляешь опасности.

Даня задумалась на мгновение: «А почему он просто не убил меня, когда я ввалилась в дом? Зачем ему этот риск? Очевидно, среди его племени принято заботиться о незнакомцах и брать их в свой дом. Мне приходилось сталкиваться с подобным обычаем... Но я же не принадлежу к его племени и представляю совершенно иную разновидность... чудовищ?»

В голове ее раздался негромкий смех.

Даня, ты более не находишься в землях, принадлежащих человеку. За пределами Иберы людей считают людьми вне

зависимости от обличья. И лишь жители Иберы — за редким исключением — отказываются принять это условие.

Даня не стала отвечать. Она не могла более считать себя человеком, однако не могла не признать, что внутренне осталась прежней; или, во всяком случае, различия не успели еще проявиться.

— Ты... ты привел меня к этим людям. А откуда тебе известно, что они не опасны?

Вздох она, пожалуй, лишь ощутила, а не услышала.

Теперь, когда ты поела, находишься в укрытии и на какое-то время в безопасности, позволь напомнить тебе мое имя. Я никогда не любил, чтобы ко мне обращались только на ты.

— Значит, ты уже назвал себя?

Конечно. Однако торопливость моя оказалась напрасной: тебя трепала жестокая лихорадка. Мое имя Луэркас. Я являюсь... Точнее, был... Таким же, как и ты, Волком. Меня убили — не стану пока говорить, каким образом, — и по какой-то причине мое тело запуталось в Вуали, так что я не мог сдвинуться ни вперед, ни назад до самого последнего времени. Когда тебя... э... принесли в жертву, произошло нечто, высвободившее меня из тюрьмы, в которой я провел... Откровенно говоря, неведомо сколько лет. И тут я обнаружил, что попал в твой разум и вижу твоими глазами... Должно быть, меня освободили именно потому, что я могу помочь тебе как никто другой.

Луэркас умолк на мгновение. Даня ждала.

И наконец он продолжал: В *нынешнем своем состоянии я могу ощущать далекие вещи. Я чувствую возможности — хотя не могу заранее знать, с чем именно мы столкнемся на месте, — и ощутил направление, в котором ждала тебя опасность, твой единственный шанс на сохранение жизни.*

Даня откинулась на спину и закрыла глаза. Пища, тепло, невыносимая тяжесть последних прожитых дней вгоняли ее в сон.

— Но зачем тебе, чтобы я уцелела? — спросила она. — Не понимаю.

Еще раз скажу, продолжал Луэркас, *я чувствую возможности. Тебе предстоит совершить нечто важное, доброе, жизненно необходимое. Нечто способное изменить весь твой мир. А я — в известном смысле — представляю собой его часть. Кроме того, я считаю, ты должна достигнуть этой цели, чтобы меня отпустили и позволили пройти сквозь Вуаль к той участи, которую надлежит встретить за нею.*

Даня кивнула. Сидевший напротив нее незнакомец доедал оставленный ею отвар. Лицо его исказилось; впрочем, она еще не умела истолковывать выражения этих существ. Даня попыталась ответить улыбкой, однако поняла, что лицевые мус-

кулы более не способны воспроизводить подобные тонкости. Вздох-нув, она снова закрыла глаза.

— Я рада, что ты помогаешь мне, — кивнула она Луэркасу.

Следующая разумная мысль не скоро посетила ее голову.

Плавание «Кречета» длилось уже более месяца, и размеренная корабельная жизнь успела несколько притупить боль, оставленную вынужденным бегством из Калимекки.

Перед рассветом Эмбастару, Дня Часов, Кеит сидела в темной парниссерии, внимая высокому и сладкому голосу корабельной парниссы, произносившему вслух старинные слова:

— *Книга Времен.* Третье из пяти священных писаний Иберы гласит: «Не исчисляй своих дней и часов, дабы не пролетели быстро, пока ты считаешь их. Нет, назови их своими друзьями, проси погостить подольше и познаешь долгую жизнь и счастье. Посему мы приветствуем каждую дневную стоянку по имени и с почтением; сразу как друзей, явившихся в дом после долгой разлуки, и как незнакомцев, пришедших к нам ненадолго, чтобы после короткой встречи навсегда расстаться с нами».

Парнисса была в подобающих этому дню белых одеждах, и неяркое пламя свечей, игравшее на облачении, бледной коже и золотистых волосах, делало ее похожей на существо, скорее принадлежащее к миру духов, а не плоти. Корабль поскрипывал на волнах, ритмичные звуки утешали душу. Кеит клонило в сон, однако она помнила долг члена Семьи, требовавший поддерживать иберизм во всех краях и во все времена... а потому сидела при свечах в парниссерии и старалась удержать глаза открытыми.

— Утро приближается... благословенное утро.

Парнисса сделала паузу — Кеит и все присутствующие дружно произнесли:

— Мы чтим стоянки Утра.

— Мы почитаем Сому, — сказала нараспев парнисса.

Остальные подхватили:

— Сому, несущего первый луч солнца.

Знакомые слова будоражили Кеит. Служба была для нее одновременно и материнским чревом, и раной... колыбелью, напоминавшей о прошлом, и жестоким осознанием того, что грядущему никогда не быть столь же ясным и теплым. Раньше она сохраняла бы спокойствие. А сейчас ставила свечи за родителей, сестер и братьев, за теток, дядьев и кузенов; молилась о ниспослании успеха всему путешествию, не имея веры в существование разыскиваемого ею предмета. Кеит изо всех сил старалась успокоиться, однако душевный мир все не приходил к ней.

Парнисса проследовала вдоль возвышения в передней части святилища, зажигая свечи.

— Мы почитаем Стуру.

— Стуру, певца утренних песен, очаровательное дитя.

— Мы почитаем Дуэйю.

— Дуэйя, прекрасная дщерь, танцующая перед солнцем до полудня.

Кеит вспомнила, как с дюжину раз сидела в родительской парниссерии и столь же сонным голосом повторяла те же слова, в полудремоте вознося почести богам — в которых на самом деле не верила, как и ее семья, — в утешительном обществе сестер и братьев, занимавших скамью возле нее. Отец поддерживал тишину суровыми взглядами, мать подкупала детей какими-нибудь посулами.

Те же слова, та же интонация, тот же запах свечей — пчелиного воска, надушенного лавандой, только в этом году боль не покидала ее сердце.

— А по пятам утра, — продолжала парнисса, — следуют Дневные стоянки.

— Мы чтим стоянки Дня.

— Мы чтим Мосст.

— Мосст Господина Жары, создателя пламени.

Воспоминание о Семье натолкнуло на мысль об убийцах, Сабирах, особенно об одном из них. Облик Карнея, появившегося в переулке, заставил сердце учащенно забиться, и Кеит вдруг поняла, что вспомнила о нем, не случайно перескакивая с предмета на предмет, но потому, что какая-то часть этого Сабира уже находится здесь.

И ждала. Обрывок соблазнительного сна всплыл в ее памяти и исчез прежде, чем Кеит успела запомнить его, задержавшись, впрочем, достаточно долго, чтобы понять, кто снился ей.

— Мы чтим Нерин.

— Нерин, дарующую долгий свет и ясное зрение.

Поежившись, Кеит попыталась вытеснить этого Сабира из памяти; ей хотелось вернуться мыслями к службе в честь божеств Часов. А вместо этого обнаружила, что может дотянуться до него умом.

Сабир спал. Кеит замерла, стараясь не дышать, и позволила векам закрыться.

Он спал на борту корабля. И находился при этом не столь уж далеко от нее.

Итак, Сабир преследует их.

— Мы чтим Палдин.

— Палдин, соединяющую миры света и тьмы и освещающую мир после захода солнца.

Он преследовал ее на корабле, полном людей; он гнался за ней, как за дичью. За неглубоким сном она улавливала отголоски его решимости поймать ее. Еще Кеит ощущала чувство потери, хотя не могла понять, что именно он утратил. И голод, направленный на нее. Он искал ее даже во сне.

— Почитая время Света, мы чтим и Тьму.

— Мы чтим стоянки Ночи.

— Мы почитаем Дард.

— Дард, начало Тьмы, приветствующую Белую Госпожу.

— Мы чтим Телт.

— Телт, середину Тьмы, соединяющую Белую Госпожу с Красным Охотником.

Белая Госпожа, некогда жившая среди смертных, бежала от Красного Охотника, который начал преследовать ее, когда девушка созрела и сделалась прекрасной... Наконец, ослабевшая, утомленная, она очутилась в незнакомом лесу и забежала в проход между двумя утесами; оказалось, что выйти из него можно было лишь тем путем, которым она вошла. Попав в ловушку, она обратила свои мольбы к Халидан, богине истины и красоты, чтобы та избавила ее от участи, уготованной ей Охотником. Халидан снизошла к молящей и обещала защитить от Охотника, если она поклянется посвятить себя вечному служению богине. Девушка согласилась. Халидан превратила ее в самую прекрасную из небесных звезд, и Белая Госпожа избежала таким образом и Охотника, и смерти.

Однако Охотник обратился к своему покровителю Столпану, богу ремесленников и работников, с просьбой не прерывать его охоту в тот миг, когда он был уже совсем близок к добыче. Охотник согласился вечно служить Столпану, и за это бог сделал его Красным Охотником, звездой, столь же темной и жуткой, сколь ясной и чистой была Белая Госпожа, и получил право в этом обличье каждую ночь преследовать ее на темном небе. Ему не удалось поймать красавицу, однако преследование будет длиться вечно.

Ощутив, что враг, Карней из рода Сабиров, преследует ее, при этом каким-то образом зная, где она находится, Кеит почувствовала некое родство с Белой Госпожой. Единственная разница заключалась в том, что ей самой не покровительствовала богиня; Кеит не могла поручиться, что в конце концов не попадется.

— Мы чтим Хульд.

— Хульд, завершение Тьмы, ждущую объятий восходящего Солнца.

— Ждите в молчании, ибо грядет новый день, а с ним новый час. Пусть Сома пребудет в вашем сердце вместе со всеми стоянками, которые следуют за ним. Да пребудет на вас

благодать, ныне и во все дни, радуйтесь любому мгновению, ибо все они священны, и ни одно не повторится.

Мы благословляем вас, мы благословляем друг друга, мы благословляем себя, сегодня и всякий день. Деспорати сайамис, тосби ду наска.

Слова последнего благословения, которые на древнем языке парнисс означали: «В своей человеческой сущности мы объединяем плоть и дух» — служили сигналом окончания службы. Люди, сидевшие по обе стороны от Кеит, зашевелились, разрывая связь между нею и охотником. И это движение, в свой черед, разбудило ее. Она ощутила, что Сабир открыл глаза. И тотчас увидела его зрением каюту — более просторную и роскошную, чем у нее; впрочем, свое корабельное помещение он разделял с другими людьми. Суровый взгляд первого был устремлен прямо на Кеит. Нахмурясь, он спросил:

— В чем дело, Ри? Ты похож... на больного.

И тут Кеит почуяла, что Сабир ощутил ее присутствие; связь мгновенно разорвалась, отбросив сознание девушки назад — в собственное тело, находящееся в парниссерии. Верующие в основном уже вышли, и парнисса заинтересованно глядела на Кеит. Девушка торопливо вскочила, не давая парниссе времени подойти и полюбопытствовать, нет ли у нее каких-нибудь вопросов, и следом за прочими отправилась на палубу корабля.

Как раз в этот самый миг небо в восточной части горизонта, где над расширяющейся розово-желтой полоской сверкали пурпурные и рубиново-алые жилы, вдруг вспыхнуло золотом, и солнце вынырнуло из моря.

Зазвонил альтовый колокол, приветствуя Сому; все молящиеся обернулись лицом к восходу и пали на колени, приветствуя новую стоянку и новый день.

— Если ты покончила со своим делом, мне необходимо переговорить с тобой.

Кеит преклонила колена вместе со всеми остальными; изогнувшись и поглядев вверх, она обнаружила позади себя Хасмаля — он смотрел на нее с выражением, в котором странным образом смешивались решимость и страх. Его не было в парниссерии во время службы; значит, Хасмаль или разыскивал ее, или наткнулся случайно.

Все еще потрясенная контактом с Сабиром — Ри, как назвал его товарищ, — она поднялась и пожала плечами.

— Может быть, после...

От Хасмаля исходил запах страха, однако он сурово посмотрел на нее. Не сделав ничего, что она могла бы заметить, Хасмаль окружил и себя, и ее той же стеной мира, которая и

привлекла к себе внимание Кеит на том приеме. Она успела лишь ощутить, как запротестовала и умолкла на полуслове Амели. Вместе с нею исчезла и едва заметная тяжесть, обретавшаяся где-то на задворках ума, собственно, и ставшая заметной лишь после исчезновения.

— Я должен тебе кое-что сказать... откладывать больше нельзя. Я и так слишком затянул разговор с тобой. И теперь я... э, мне сказали... что подобное промедление подвергает нас с тобой излишней опасности.

Кеит не хотела общаться с ним. Потом, когда-нибудь, только не сейчас. Однако он сумел заинтересовать ее.

— Можно поговорить у меня в каюте, — кивнула Кеит. — Если ты хочешь предложить другое место...

— Нет. Твоя каюта вполне подойдет нам.

Она пошла к себе. Хасмаль последовал за нею.

— Итак, ты знаешь, где она находится?

Шейид Галвей сидел в прохладной полутьме уединенной приемной Дома Черианов во главе длинного литого бронзового стола, более древнего, чем память о нем. Волки Дома Черианов, не принимавшие участия в тайной битве и потому не затронутые несчастьем, истребившим Волков Дома Галвеев, сидели по обе стороны стола.

Глава Волков, пухлая, жизнерадостная с виду женщина по имени Вишре, кивнула с улыбкой.

— Мы уверены в этом. Она обнаружилась на торговом корабле, в настоящее время направляющемся между востоком и северо-востоком по Пути Дьявола. Неделю назад они заходили за припасами на один из островов, и с тех пор судно упорно продвигается вперед.

— А вам удалось определить, куда она направляется?

Волки переглянулись. Кто знает, как лучше представить параглезу самую последнюю новость? Наконец Вишре повела плечами и выговорила:

— Шейид, мы встретились с непредвиденными трудностями. Чтобы проследить за ее продвижением, мы обратились к некоторым...

Она нахмурилась, избегая точных определений, немедленно пришедших на ум, но не имея возможности выразить свою мысль в терминах, не столь откровенных.

— К некоторым... скажем так, божествам, одно из них каким-то образом сумело присосаться к ней, другие следят за ней. Однако на корабле существует нечто вроде экрана, способного совсем закрыть девушку от нас, но не связанного с нею.

Однако этот фактор внезапно вступил в игру, и перед началом Сомы она исчезла совсем, словно поглощенная этой экранирующей силой, да так и не появилась снова.

Побагровевший от ярости Шейид начал подниматься из кресла, однако Вишре остановила его.

— Девушка по-прежнему на корабле. Ей некуда бежать посреди моря. Мы можем попытаться разрешить возникшую проблему. Однако ее осложняет участие неизвестных божеств. Она могла обзавестись могучими защитниками.

— Бежать. — Шейид пренебрежительно качнул головой, опускаясь обратно в кресло, и соединил перед собою ладони. — Бежать. Зачем божеству соединяться с ней?

— *Мелкому* божеству, — подчеркнула Вишре. — Как и все они. Никто из них не признан в пантеоне и не представляет собой ничего важного.

— Однако они откуда-то явились, эти ваши божества, так ведь? — Шейиду общество Волков не доставляло никакой радости, о чем он обычно помалкивал. Однако в то утро ему не хотелось сдерживать себя. — Они соединились с женщиной, смерти которой я добиваюсь. Их присутствие должно что-либо означать.

Вишре кивнула.

— На деле с ней соединилось только одно божество, — напомнила она параглезу, — и пока что его появление имеет конкретный смысл. Впрочем, нам кажется, мы вскоре сумеем разгадать их намерения. Конечно, нам придется прибегнуть к тонким мерам — в конце концов, зачем привлекать к себе внимание. Это было бы...

Она не стала договаривать. Простое *скверно* ничуть не отражало возможных последствий реакции неизвестных божеств на проявленное Волками любопытство. *Катастрофа* могла лишь ослабить уверенность Шейида в ней самой и прочих Волках, в их контроле над ситуацией, тем более в то время, когда баланс сил в Семье оставался крайне нестабильным. Если параглез почувствует недоверие к ее способностям, умению провести в жизнь его программу, то обратится к другим союзникам. Волки уже знали о тайных попытках параглеза заигрывать с Домом Сабиров. Приходилось ступать воистину осторожно, чтобы сохранить контроль за происходящим, по крайней мере пока Шейид остается параглезом.

— Мы разбираемся, — сказала она наконец. — Случай действительно уникальный, но мы известим тебя, если добьемся каких-либо успехов. Однако не стану лгать: убить девушку прямо сейчас мы не в состоянии. Мы расправимся с ней сразу же, как только полностью разберемся в ситуации.

Шейид не обнаружил радости, однако же наконец посмотрел ей в глаза.

— Очень хорошо. Держи меня в курсе своих открытий и, прежде чем убивать ее, загляни ко мне. Я бы хотел...

Он улыбнулся и смолк.

Вишре не понравилось ни выражение его глаз, ни улыбка стервятника, но она поднялась, коротко поклонилась — не слишком утруждая себя, как подобает особе ее ранга, — и ответила:

— Ты узнаешь новости одновременно со мной.

Поднявшиеся по ее сигналу Волки поклонились параглезу и последовали за ней.

Вуаль расступилась, и из пустоты возникла последняя, бриллиантовая сфера, искрившаяся бледно-розовыми огоньками. По спирали она опускалась в скопление подобных ей сфер... их было около двадцати. Оставаясь внутри воображаемого пузыря, сферы плясали вокруг друг друга, обмениваясь информацией, которую с немыслимой скоростью передавали нюансы движений и красок. Будь это речь смертных, разговор выглядел бы примерно так:

Наконец-то мы на свободе. Приветствую вас, о братья, объединенные в звездном совете.

Мы собрались не все, о Дафриль. Один из нас не ответил на зов.

Кого не хватает? Дафриль соприкоснулась со всеми присутствующими и смутилась. *Я полна неизреченного ужаса... Что случилось с Луэркасом? Неужели душа его претерпела уничтожение после нашего освобождения?*

Ответил Нереас: *Мы потеряли его, но он не погиб. До твоего прибытия мы искали его... так как искали тебя. Ты ответила... В отличие от него. Он скрывается; те из нас, кто искал его, не могут обнаружить Луэркаса, однако линия его души не оборвана. Он не пал — а поэтому мы вынуждены признать, что он... заблудился.*

Итак, первый вопрос у нас о Луэркасе. Не оказывает ли он скрытого сопротивления?

Все мы думали, что он с нами, однако, поскольку он с таким тщанием извергает нас и уклоняется от нашего общества, мы вынуждены заподозрить, что он только изображает согласие, чтобы полностью постичь наши планы и устремления — и потом разрушить их.

Почему? Что может заставить его воспротивиться наступлению нового золотого века? Зачем ему противодействовать нам?

Возникла пауза — с человеческой точки зрения миг, необходимый молнии, чтобы перепорхнуть с одного облака на другое... — однако принимавшим участие в разговоре она показалась вечностью.

Наконец один из духов, входивших в Звездный Совет, высказал предположение, которого все боялись:

Возможно, он собрался воцариться на матрине, учредить империю и провозгласить себя императором-богом. И тоже

стремится к золотому веку, которого мы желаем, — но для себя одного.

Еще одна пауза свидетельствовала об унынии, охватившем всех присутствующих. Затем последовало общее согласие, переходящее в ропот, когда каждый пытался довести до остальных свои собственные рекомендации в отношении того, как надо поступить с Луэркасом. Наконец все успокоились — и Дафриль смогла вновь попросить их высказаться.

Мы уничтожим его, как только отыщем, предложила Меллайни, *мы должны оборвать линию его души.*

Веррис не согласился: *Мы должны заставить его пройти сквозь Зеркало Душ и вступить в смертное тело, неспособное реагировать на него. Пока оно будет жить, Луэркас останется в плену, а потом его протолкнет сквозь Вуаль. Однако наша совесть не будет отягощена гибелью его души.*

Вейул посчитал, что это излишне.

Быть может, достаточно просто изгнать его из совета.

Были и другие предложения — они противоречили друг другу, отличались строгостью и длительностью наказания. Одни хотели просто найти Луэркаса, чтобы вразумить его в споре; другие требовали уничтожить его душу — без суда и расспросов... отсутствие, как им казалось, изобличало его. Все сходились в одном: отсутствие Луэркаса на первом за тысячу лет собрании Звездного Совета нельзя считать маловажным. Все хотели немедленно приступить к действиям, однако не могли прийти к единому мнению в вопросе — что именно следует предпринять. Вновь поднявшийся шум грозил уже разразиться жарким спором, и Дафриль поняла, что собратья не способны принять решение. Стремление определить наказание еще не найденному Луэркасу казалось бессмысленным. Поэтому она переменила тему:

Все ли из нас выбрали себе подобающую аватару среди смертных?

Выбрали все.

Великолепно. Дафриль разделила чувство восторга со своими собратьями. *Моя аватара находится в пути, чтобы забрать Зеркало Душ из места его упокоения. События сыграли мне на руку — и ее не пришлось подгонять в дорогу.*

Сартриг продолжил: *Мое воплощение следует за ней — на случай, если она не сумеет выполнить свое задание. Он будет следовать за ней вне всякой зависимости от моего старания: им двигают другие побуждения. Они исходят от него самого, но служат моей цели. Они позволяют мне пребывать в тени, и он, как правило, не замечает моего присутствия. Кроме того, он способен изгнать меня из своего разума — если захочет, — потому что достаточно силен в магии.*

Быстрой цепочкой пролетели прочие сообщения: параглез, вынужденный отречься от интересов своей Семьи в пользу более широких потребностей Звездного Совета; принцесса Гиру-налле, наследница Фииласто, вынужденная предлагать союз Семьям Иберы; король далканских пиратов, начинающий подумывать о примирении с Семьями Иберы.

Окрыленные открывшимися перспективами, члены Звездного Совета разделились, чтобы вернуться в свои аватары, согласившись перед этим искать Луэркаса, и тем временем обдумать, как следует поступить с ним.

Глава 22

Хасмаль отказался занять кресло, предложенное ему Кеит; он опустился на пол каюты и настоял, чтобы она села напротив. Когда она это сделала, Хасмаль укрепил экран, которым окружил их обоих. Щит он прошил заклинанием «не замечай нас», тщательно приготовленным заранее. Кеит только смотрела на его палец, водящий по порошку, насыпанному на пол ее каюты, и молчала. И, что более интересно, ни один мускул на лице Кеит не выдавал ее мысли. Хасмаль едва не улыбнулся... Годы, потраченные ею на обучение дипломатии, послужат его интересам ничуть не хуже, чем если б она с детства воспитывалась Соколом.

Укрепив щиты и убедившись в том, что происходящее в каюте не привлечет ничьего внимания, он собрал свои порошки в аккуратную горку, взял в горсть и посыпал чуточку на Кеит, чуточку на себя.

Выражение ее лица не переменилось, однако девушка спросила невозмутимым и вежливым тоном:

— Религиозный обряд?

Хасмаль покачал головой и на этот раз улыбнулся.

— Нет. В любом уголке Иберы нас обоих осудили бы за это на смерть; вероятно, и здесь тоже — при всем либерализме капитана Драклеса к прочим вещам. Так завершается магическое заклинание.

Тут по лицу ее действительно пробежала тень выражения, не имевшего, впрочем, ничего общего со страхом. И в самом деле, в тот краткий миг — прежде чем в глазах ее вновь появилось спокойствие и безразличие — ему показалось, будто он заметил в них искру смирения.

Смирения? Что за странная реакция, подумал Хасмаль.

— Похоже, я рождена еретичкой и останусь ею, — произнесла Кеит с печальной улыбкой, причины которой он не понимал. — Как бы ни были чисты мои побуждения, как бы ни велика была потребность или моя любовь к Семье, каждый шаг уводит меня все дальше и дальше от Истинного Пути.

— Не понимаю.

Бровь девушки изогнулась дугой, уголок рта приподняла крошечная улыбка.

— Разве ты не понимаешь, что если та стена мира, которой ты окружил нас, сооружена с помощью ворожбы, а я хочу научиться умению делать ее... уже одно намерение превращает меня в еретичку? А теперь скажи, как долго ты прожил в Ибере? И каким образом тебе удалось избежать четвертования на рыночной площади?

Хасмаль качнул головой. Он не понял вопроса.

— Я знаю, что мое занятие... считается ересью. В Ибере, во многих частях мира, в глазах множества людей. Меня интересует: почему ты считаешь эту ересь очередной для себя?

— Ах, ты о *моей* ереси. — Она окинула взглядом каюту. — Хасмаль, стены слушают, замочные скважины смотрят, и если мои тайны раскроются, я могу считать себя дважды проклятой. Даже здесь.

— Мои чары защищают нас. Тебя никто не увидит, никто не услышит. Мы с тобой находимся в полном уединении.

Она вновь вскинула бровь и, улыбнувшись, пожала плечами.

— Хасмаль, а достанет ли тебе отваги?

— Нет, — ответил он без раздумий. — Я — самый низкий среди всех презренных трусов.

Улыбка на лице ее стала шире, в ней появилась нотка веселья. Кеит положила на его пальцы узкую ладонь и наклонилась вперед.

— Ты честен, — сказала она, — а я уж и не упомню, когда в последний раз видела честного мужчину. Откровенно говоря, все мы трусы. И отрицать это — значит попросту лгать с какой-либо целью.

Она стиснула его руку.

— Я продемонстрирую тебе свою ересь, и мы будем квиты. Ты предоставил мне возможность потребовать твоего повешения на рее этого корабля, хоть я вовсе не собираюсь предавать тебя. Отвечу взаимностью, чтобы ты мог спокойно спать ночью. — И добавила с дружелюбным пожатием: — Я тебя не трону, верь мне.

Пока Хасмаль размышлял, что на свете может означать это загадочное обещание, из тела Кеит, немедленно начавшего преображаться, хлынул поток темных бешеных чар. Улыбка ее превратилась в свирепый оскал: челюсти и нос вытянулись вперед, образовав узкую мускулистую морду живой машины-убий-

цы. Глаза, не меняя густого карего цвета, сместились назад, раздвинулись; лоб опустился и удлинился. Уши по-волчьи встали торчком, хотя лишь они одни во всей преображенной Кеит напомнили Хасмалю о волке. Изменилось и тело: из двуногой она сделалась четвероногой; брюки и куртка, так шедшие ей в человеческом обличье, странным образом обвисли на талии, запястьях и лодыжках, раздувшись до предела на груди и бедрах.

— Видишь, у каждого из нас есть собственные секреты, — резюмировала Новая Кеит с интонациями воспитанной женщины, принадлежащей к Семьям Калимекки. Впрочем, голос ее стал рыком жуткого создания, место которому было лишь в бесконечной чаще, способной только присниться в кошмарном сне.

На лбу и верхней губе Хасмаля высыпал пот, и когда он ответил: «Вижу» — на последнем «у» голос его сорвался на визг, словно в четырнадцать лет.

На возвращение к человеческому облику ушло больше времени, хотя процесс переплавки, так показалось ему, начался в тот самый миг, как она заговорила.

Наконец перед ним вновь оказалась женщина, и он спросил:

— Кто ты?

Закрыв глаза, она вздохнула.

— Я родилась проклятой. Нас... подобных мне, называют Карнеями... Впрочем, за всю свою жизнь мне довелось встретить лишь одного Карнея, и сейчас он преследует меня.

Она поежилась.

— Я — чудовище. Воплощение ереси. Злобная тварь, большую часть своей жизни прячущаяся за обликом женщины. Если б мои родители не скрыли меня, не представили бы вместо своей дочери в Гаервандий, День Младенца, другого ребенка, я была бы принесена в жертву Иберанским богам. А потом я каждый день представляла собой опасность для них. Если бы кто-нибудь знал, кем я являюсь на самом деле, всех нас — и меня, и моих близких вместе с большинством слуг, если не со всеми, — казнили бы на одной из площадей Калимекки. Мое существование угрожало жизням всех любимых мною, и у меня не хватило отваги покончить с собой, ради того чтобы они жили в безопасности.

Она горько улыбнулась.

— Все мы трусы — так или иначе.

И переменила тему.

— Теперь, когда мы с тобой открыли друг другу свои ужасные тайны, скажи, почему тебе вдруг понадобилось говорить со мной — ведь ты избегал меня с того дня, когда я появилась на борту?

— Я должен научить тебя. Мне предложено... посвятить тебя в Соколы. Сделать тебя Хранителем.

— Посвятить меня? Кем предложено? — Кеит казалась заинтересованной новостями. — Кто тебе все это сказал?

— Я обращался к духам. — Хасмаль почувствовал, что краснеет, ибо бровь ее дернулась вверх, не сумев полностью скрыть недоверие. — Я должен ознакомить тебя с *Тайными Текстами*, научить тебя обязанностям Хранителя и...

Она подняла руку.

— *Тайными Текстами* Винсалиса?

Челюсть его отвисла, и на какой-то миг Хасмаль потерял дар речи.

— Так ты читала *Тайные Тексты?* — вопросил он в конце концов.

— Когда мы возвращались в Дом после неудавшегося обручения, мой дядя обещал дать мне эту книгу. Однако не сумел этого сделать, так как погиб после приземления вместе с пилотом и кузиной. А я бежала. Еще он намеревался научить меня окружать себя такой же стенкой — как это делаешь ты...

Кеит поспешно изложила события того дня, закончив описанием бегства из дома другого своего дяди.

Теперь многое стало понятным.

— Они до сих пор преследуют тебя, — негромко заметил Хасмаль.

— Преследуют меня? Я это знаю.

Быть может, эта фраза не должна была застать его врасплох, однако же случилось иначе.

— Ты знала, что твой дядя и Волки его Дома преследуют тебя? Я удивлен. На тебе была отметина, оставленная чарами Волков, но очень хитрая. Я заблокировал ее собственным заклинанием.

Тут уж пришел черед удивляться Кеит. Она качнула головой.

— Нет, это Сабиры гонятся за мной, а не моя Семья.

— *Сабиры?* Но их знака я не заметил.

Они обменялись полными смятения взглядами. После чего Кеит спросила:

— А ты уверен, что моя Семья преследует меня?

— Готов поклясться собственной жизнью.

— Еще я знаю, что человек по имени Ри Сабир вместе со своими людьми преследует нас на корабле. Я уверена в этом, как в том, что умею дышать... или как в том, что оба мы сидим на этом полу.

— Итак, за тобой гонятся и Сабиры, и Галвеи. Почему? Зачем ты нужна им?

Кеит уставилась на свои руки.

— Ты должен узнать кое-что еще. После гибели моей Семьи мне явился дух одной из прабабок. Она сказала мне, что я могу вернуть родных к жизни, если добуду Зеркало Душ. Поэтому я и отправилась за ним.

Хасмаль уткнулся лицом в ладони. Зеркало Душ... Изделие Древних, которое в *Тайных Текстах* связывалось с возвращением Возрожденного. Кеит Галвей, роковая судьба его, оказалась на корабле, который должен был увезти Хасмаля как можно дальше от нее... кроме того, она чудовище... Теперь они вместе ищут Зеркало Душ, и знакомый ему мир может закончить свое существование в любой момент.

Интересно, подумал Хасмаль, если прыгнуть сейчас в океан, далеко ли придется плыть до ближайшей суши? А потом решил, что это несущественно... возможно, в его положении полезнее утонуть.

— Тебе не нужно Зеркало Душ, — промолвил он.

Кеит изогнула бровь.

— Нет, я хочу вернуть назад собственную Семью.

Хасмаль тряхнул головой.

— Оно работает по-другому. Слушай. Мы с тобой связаны воедино. Духи сказали мне, что ты представляешь опасность для меня и что вместе мы можем каким-то образом способствовать возвращению Возрожденного; поэтому я сделал все возможное, чтобы оказаться как можно дальше от тебя, полагая, что встреча с тобой ожидает меня в Халлесе. Со мной произошли ужасные вещи, но я ухитрился выжить и рассчитывал на то, что этот корабль унесет меня от тебя на край Матрина. И вдруг ты оказываешься на нем, — как будто больше тебе некуда было деваться. А теперь я узнаю, что мы отправляемся за единственным предметом, который *Тайные Тексты* связывают с возвращением Возрожденного. Кеит, это Зеркало никак не может вернуть твою Семью назад. Я вижу во всем этом руку богов, и если мы направимся дальше, то, безусловно, погибнем.

Склонив голову набок, Кеит поглядела на него.

— Выходит, ты и впрямь очень нервный человек.

Хасмаль едва не заплакал.

— Нет. Просто я самый благоразумный человек на свете. У меня было любимое дело. Я проводил время со своими родителями. Я узнавал то, что хотел. Я намеревался занять место отца, когда он устанет от трудов... принять от него лавку, как принял он от своего отца. Я стал Соколом, потому что меня научил этому отец, однако не рассчитывал, что мне предстоит заняться реальными делами; я думал, мне придется лишь передать свои знания сыну или дочери. Я *никогда* не хотел сделаться инструментом, которым Водор Имриш воспользуется, чтобы вернуть Возрожденного в мир. Боги всегда ломают свои инструменты, а я не хочу умирать и не желаю, чтобы погибли мои родители.

Кеит похлопала его по ноге снисходительным жестом, означающим: «Не беспокойся, дурачок». А потом сказала:

— Я не стану ничего делать для богов, Хасмаль. Я не знаю даже, кем является этот самый Возрожденный... и не собираюсь утруждать себя ради него. Поэтому то ужасное будущее, которое ты предрекаешь, никогда не станет реальностью. Не будет ни смерти, ни разрушений, ни ужаса. Я возвращу к жизни свое Семейство, и ты вернешься назад, в свою лавку, и будешь торговцем, как твой отец и отец твоего отца.

Кеит улыбнулась.

Хасмаль скрипнул зубами.

— Хочу одного: чтобы сказанные тобою слова оказались правдой. Ты настроена так легкомысленно лишь потому, что не знаешь, как обстоят дела на самом деле. Возрожденный, — он выговаривал слова четко и ясно, словно бы имел дело с несмышленым ребенком, — Возрожденный жил во времена Винсалиса, более тысячи лет назад. Он был волшебником, наделенным огромным колдовским дарованием и безукоризненной добродетелью, и носил имя Соландер. Он создал Соколов, противников злых чародеев, обычно зовущихся Драконами, которые пользовались в качестве оружия чарами, а топливом ему служили жизни людей. Он сделал все возможное, чтобы предотвратить Войну Чародеев. Однако Драконы захватили его и убили — за несогласие с ними. Винсалис, пророк Соколов и в то же время ученик и биограф Соландера, оставил стихи и пьесы, которыми зарабатывал себе на жизнь, и гадал о будущем — тысячу и сто дней. Каждый день он записывал увиденное им, создавая *Тайные Тексты*. Винсалис точно предсказал погибель Драконов от их собственных рук и последующее осуждение людьми магии. Еще он предсказал, что Возрожденный вернется, когда Драконы вновь поднимутся из пепла. И что Зеркало Душ будет необходимо отыскать и доставить к Возрожденному, чтобы избежать несчастья. И что после жутких разрушений и Второй Войны Чародеев настанет обещанный Золотой Век.

На лице Кеит наконец отразилось чувство опасности.

— Но ведь магия по-прежнему запрещена и забыта?

Впрочем, вспомнив о своем покойном дяде Дугхалле и его признаниях, она добавила:

— Ну хорошо, почти забыта.

Хасмаль засмеялся.

— А вот в это верить не стоит. Соколы сохранили чародейское искусство Возрожденного даже через тысячу лет после Войны Чародеев. Волки твоей Семьи и Волки Сабиров более четырехсот лет рыскали по городам Древних в поисках созданных Драконами текстов и предметов. В Волках-то вновь и восстали Драконы. А теперь начинаются самые ужасы.

— Мне нужна только моя Семья, а не твой бог и твой волшебник.

Хасмаль покачал головой.

— Боги используют тех, кого захотят. И не спрашивают нашего желания.

— Отлично. Итак, ты явился ко мне и заставил говорить с тобой только потому, что хочешь стать моим товарищем по несчастью? Потому что твой бог выбрал нас обоих... в жертву себе, так? Ну что ж, я поняла это. Ты выполнил свой долг и можешь уходить. Прости, если мои планы не отвечают намерениям твоего бога.

Что за женщина — дух захватывает!

— Я пришел сюда потому, что обязан предоставить тебе для прочтения *Тайные Тексты*. Тебе необходимо знать, что нас ждет. Еще я должен научить тебя волхвовать. Я должен сделать тебя Соколом.

Кеит фыркнула.

— Только что ты не хотел иметь ничего общего со мной, а теперь вдруг превращаешься в наставника. Какое везение!

— Я не хочу становиться твоим наставником. И не хочу иметь вообще никакого отношения к такому повороту судьбы... не более чем ты сама. Я никогда не воображал себя героем. А учить тебя мне приходится, чтобы было на кого опереться, когда настанут трудные времена.

Кеит пожала плечами.

— Ладно, учи. Это дело другое. А богу твоему я служить не стану — я вообще не знаю, кто он, твой Водор Имриш. Однако учиться никогда не вредно. Учи меня всему, что знаешь.

Анвин Сабир потер когтистой лапой свой рог. За время, прошедшее после неудачного нападения на Галвеев, рога сделались еще длиннее. Скрестив ноги, он посмотрел яростным взором на пару раздвоенных копыт — плоских и широких, как обеденные тарелки. Человеческая нога — последняя часть тела, служившая ему напоминанием о том, что некогда он был человеком, а не чудовищем, — исчезла, когда к магической отдаче присоединились созданные Галвеями чары. Он жалел о последней утрате: о ноге с ее мягкой ступней и плотью — ибо, глядя на нее, всякий раз вспоминал о том времени, когда мог без ужаса стоять перед зеркалом. Впрочем, ходить на одинаковых ногах стало легче — они совпадали по длине и сгибались одинаковым образом.

— Ты еще не готов? — проворчал он.

— Тихо, если не хочешь, чтобы я перевел на тебя проклятый ревхах. Может быть, наконец вырастишь себе хвост, — ответил ему яростным взглядом Криспин.

Эндрю зажал под мышкой девочку лет пяти; Криспин держал ее ладонь над костерком, который развел в стоявшем на каменном столе котелке, а потом полоснул по детской ладошке ножом... Хлынула кровь; девочка вскрикнула и ухитрилась как следует пнуть Эндрю в плечо.

Анвин расхохотался, однако не стал ничего говорить. Он еще только приходил в себя после самых последних Увечий и не хотел вновь попадать под магическую отдачу.

Выпустив руку ребенка, Криспин вновь погрузился в свое заклинание. Ничтожное... не требовавшее принесения девочки в жертву. Впрочем, Анвин подумал, что Криспин все равно совершит жертвоприношение — на всякий случай, потому что после несчастья все они панически боялись любых неожиданностей, а еще потому, что страдания жертв всегда доставляли ему удовольствие. Но, если он не пожадничает, девочкой можно будет попользоваться раз или два, прежде чем она умрет.

Криспин закончил свое заклинание, Анвин и Эндрю уставились в языки пламени над котелком. Сперва в них ничего не было видно.

— Быть может, сукин сын все-таки мертв? — предположил Эндрю.

Анвин расхохотался.

— Не верю, чтобы нам настолько не повезло. Он подстроил все так, дабы обвинение в убийстве пало на нас... Кроме него, никто не мог сделать все это и унести ноги.

— А если это еще чьи-нибудь козни...

— Мы уже слышали эту идею...

— Тихо, — приказал Криспин.

В пламени начали возникать образы. Белый квадрат... полоска воды; понемногу из них сложился рофетианский корабль, высокий нос его рассекал морские волны.

— Корабль? — Эндрю нахмурился, наклоняясь вперед. — Зачем ему понадобилось плыть на корабле?

— Молчи.

Криспин не отворачивался от пламени, однако досада в его голосе не могла укрыться от Анвина.

С того самого мгновения, когда в комнате Ри обнаружился кровавый погром, Тройка не считала его убитым. Они не сомневались в этом, даже когда все магические следы и знаки указали на них как на убийц. Ведь сами они прекрасно знали, что не убивали гаденыша, хотя сама идея в принципе казалась совсем неплохой. Не понимали они одного: *зачем* их представили в качестве убийц? Подстроив собственную смерть, Ри не мог более претендовать на лидерство среди Волков; мать его не могла воспользоваться возникшей теперь среди Сабиров симпатией к себе — как и

ненавистью к ним троим, поскольку принадлежала к Семье только по браку; устранение Ри и обвинение, возложенное на них, ничем не могло помочь возвыситься любому из трех Волков Семьи, которые могли надеяться на место во главе стаи.

Итак, чьей выгоде мог послужить сей обман?

Обсудив все перипетии, Тройка тщательно выбрала жертву и по прошествии месяца, старательно избегая любых поступков, способных убедить Семью в их виновности, нашла подходящее время и место, чтобы совершить ворожбу, не привлекая к себе внимания. Кроме того, поправившийся к концу месяца Анвин также сумел принять участие в гадании. Теперь они наконец получили возможность раскрыть замыслы Ри.

И вот выясняется, что он на корабле удаляется от Калимекки.

Кому это выгодно?

— А нельзя ли прибавить подробностей? — осведомился Анвин.

Разочарование Криспина было написано на его лице.

— Он закрылся надежным экраном, спрятал за ним и своих спутников. Я не могу увидеть даже капитана и матросов. Ри предпринял особые меры предосторожности.

— Но ты уверен, что он на корабле?

— Кровь и волоски, которые мы нашли в его комнате, не могли соединить нас с кем-либо, кроме него самого. Он там.

— Тогда пометь корабль. Рано или поздно Ри утратит бдительность, и мы наконец увидим, что он там делает и что скрывает.

Криспин кивнул. Эндрю вновь прижал к себе девочку — на сей раз она закричала прежде, чем он прикоснулся к ней, и продолжала еще кричать, когда он вспорол артерию на ее шее и кровь хлынула в котелок. Все трое сконцентрировались на заклинании, которое должно было оставить магическую отметину на корабле и всем, что было там. А потом обнялись, ожидая отдачи, ибо новое колдовство было покрупнее и посвирепее, чем гадание. Когда отдача возникла, они направили ее в тело умирающей девочки. Оно неровно засветилось и начало плавиться, превращаясь в покрытое шерстью чудовище с крыльями летучей мыши; девочка заплакала, горестные жалкие всхлипывания становились все тише и тише по мере того, как кровь ее, шипя, становилась паром и дымом в котле.

Анвин наблюдал за Криспином — так, чтобы тот не заметил, — и вновь увидел слабость, которая обнаруживалась в том всякий раз, когда в жертву приносилось дитя женского пола. С внутренней усмешкой он отвернулся от брата, чтобы не выдать себя. За надменным красавчиком Криспином числилось несколько слабостей, к коим принадлежала и симпатия к маленьким девочкам. Дочь ему родила одну из живых игрушек Тройки, и Криспин надежно спрятал ее ото всех. Анвин подозревал, что дитя нахо-

дится в семье опекунов где-нибудь на Новых Территориях, возможно, даже в Новой Каспере. Однако точного места не знал.

Ему было известно только, что девочка жила и благоденствовала и что Криспин, умело скрывая свои чувства, терпеть не мог приносить в жертву бесам маленьких девочек. А это полезно знать. В знании — сила, и Анвин давно решил воспользоваться всеми возможностями, открывшимися в отношении старшего брата.

Тельце расслабилось в руках убийцы, но только после того, как приняло на себя отдачу. И Анвин произнес:

— Эй, Криспин, я избавлю тебя от нее.

Криспин передал ему крохотный трупик. Эндрю хихикнул.

— А нельзя ли сперва поиграть с ней?

Оба брата оборотили к нему осуждающие лица. С каждым днем кузен все более и более раздражал Анвина — извращенные наклонности Эндрю были забавны лишь в первую пору после знакомства с ними. Тогда они из любопытства даже принимали участие в подобных играх — время от времени. Однако Эндрю во всем руководствовался самыми низменными чувствами, и Анвин полагал: сколь глубоко ни копни, в недрах души кузена обнаружится лишь та же похоть и грязь, которые лежали на ее поверхности. И это уже делало общество Эндрю утомительным.

— Не в этот раз, — ответил он, разглядывая напрягшееся лицо кузена. — Розам Криспина нужно удобрение. А если тебе необходима игрушка, обзаведись ею самостоятельно.

Анвин вновь перевел взгляд на Криспина.

— Как ты хочешь поступить с Ри?

Отбросив со лба золотистые волосы — предмет зависти Анвина, Криспин пожал плечами.

— Ничего — пока мы не выясним причины, заставившие его отплыть, инсценировать собственное убийство и уничтожить своими руками все шансы на лидерство среди Волков. Будем следить за ним. А когда сумеем доказать, что он жив и находится на корабле, разоблачим его перед Семьей. Потом...

Он улыбнулся и вновь поглядел на котелок.

— А потом можно будет и убить его. Так, чтобы нас никто не винил в этом.

Глава 23

«Кречет» скользил мимо очередного из островов, отмечавших собой Путь Дьявола. Над высоким конусом в центре острова курился дымок. С горы стекали потоки свежего черного камня, возле которых торчали обгорелые скелеты деревьев. Кеит

подумала, что Джошэн, богиня вершин, уединения и одиночества, чувствовала бы себя здесь как дома.

Кеит расхаживала по палубе, рассматривала остров, принюхивалась к доносившимся оттуда запахам уцелевших зверей. «Кречет» подошел поближе, и Кеит даже заметила стадо оленей, пасшихся на молодой, возрождающейся траве у границы, оставленной пожаром. Кеит тихо заворчала и повела пальцами, ощупывая зверей голодным взглядом.

Последний раз она полностью Трансформировалась сорок дней назад. Сорок дней — этот срок она считала для себя предельным. Некоторое облегчение принесла короткая Трансформация для Хасмаля, но Карнея нуждалась в свободе. Ей хотелось бегать, охотиться, преследовать, убивать... и дичь была рядом. Кеит нужно было выпустить свое другое «я» на свободу на целый день, но, прыгни она сейчас за борт, — чтобы доплыть до острова и поохотиться на нем, — к тому времени, когда ей удастся насытить своего беса, дабы он просидел взаперти еще два месяца, корабль удалится отсюда на целых восемь лиг. И она отвернулась от оленей.

Трансформироваться было необходимо. Потребность зудела под кожей, не прекращаясь, постоянно усиливаясь. Оставить борт «Кречета» нельзя — она никогда не догонит корабль. Совершить Трансформацию на корабле? Но одна лишь мысль об этом приводила Кеит в содрогание. Можно не сомневаться: в случае разоблачения экипаж убьет ее на месте.

Сочный запах оленей вновь донесся до нее с острова, и Кеит опять заурчала. Обожженная земля уже уплывала назад. Даже понимая, что, прыгнув за борт, она пропадет, Кеит едва сдерживала себя.

Охота. Преследование. Убийство.

Ногти ее впились в мякоть стиснутых ладоней, и Кеит ощутила, что в плоть ее погружаются острия, а не полумесяцы. Она с ужасом уставилась на свои руки. Теперь они оканчивались когтями, а из-под гладкой человеческой кожи уже проступала звериная шерсть. Кеит лихорадочно огляделась. Перри Ворона, корабельный впередсмотрящий, висел на верхушке грот-мачты, вцепившись в снасти. Помощник капитана, вечно недовольный рофетианин — штурман Джхутс — стоял у штурвала, спиной к Кеит... Несколько моряков возились с канатами, лезли вверх по снастям, чтобы убрать паруса по команде Джхутса. Возможно, ее никто не заметит — если безлунная ночь поможет ей ускользнуть с палубы прежде, чем она превратится из двуногого создания в четвероногое.

Но где же укрыться?

Только не у себя в каюте. Утром явится с уборкой служанка. На двери был замок. Однако Кеит не могла дове-

рить свою жизнь слуху Ррру-иф, возможно, еще более острому, чем у нее самой. Шрамоносная девушка заметит изменения в ее голосе, ставшее иным после Трансформации дыхание или что-нибудь еще...

Внизу, под палубой, спал экипаж. Еще ниже располагались кладовые, а под ними трюм.

Стараясь двигаться осторожно и не привлекать к себе внимания, Кеит спустилась вниз. На половине трапа она остановилась. Свободная от вахты, большая часть экипажа спала в подвешенных к медным скобам гамаках, раскачивавшихся в такт движению корабля. Звуки храпа сливались, образуя диковинный контрапункт, с плеском воды о борта и поскрипыванием переборок. Спящих она миновала бы без всяких проблем, однако у дальней переборки, возле люка, уводившего в кладовые и трюм, четверо были заняты игрой в псов и ястребов, и среди них как раз оказалась Ррру-иф.

Кеит ощущала, как на теле ее надувается и провисает одежда; напряженно вздохнув, она поглядела сквозь лес столбов и натянутые гамаки на игроков, склонившихся над доской. У нее оставалось совсем немного времени. Кеит силилась преодолеть свой страх. Хищница Ррру-иф немедленно почует его столь же быстро, как и сама Кеит в подобной ситуации.

Успокойся же. Успокойся.

Докончив спуск, она распрямилась — насколько могла. И пошла мимо раскачивающихся гамаков, как если бы именно здесь и было ее место.

И тут Кеит сделала обнадеживающее открытие: Ррру-иф не сможет почуять ее. Когда она уже отошла от трапа, свежий морской воздух сменился спертым, рожденным испарениями более чем дюжины немытых тел. Густое облако запахов пота, отрыжки, кишечных газов и обыкновенной грязи, казалось, можно было просто пощупать. Кеит подумала, что сумела бы незаметно прогнать через кубрик стадо коров, если б только ни одна из них не подала голоса.

Но вот она приблизилась к люку, и уши Ррру-иф повернулись в ее сторону. Кеит ступала уверенно и решительно, моля богов, чтобы ей удалось сохранить человеческий облик и двуногую походку, пока служанка может еще услышать ее.

— У тебя пять, — сказал кто-то из мужчин, и раздался стук игральных костей.

— Шесть. Мой ход... Девять... Снова. Одиннадцать.

— Ты три раза не угадал свой ход. Будешь псом или ястребом?

Ррру-иф произнесла:

— Если б я играла сама, то проверила бы эти кости. Ты ни разу не выиграл сегодня.

Кеит была почти возле люка. На нее не обратили никакого внимания.

В ровном голосе прозвучала скука.

— Просто ему сегодня не везет.

Вновь заговорила Ррру-иф:

— Возможно, и так. Но я еще не видела, чтоб ему так не везло.

Кеит прошла в дверь и едва не вздохнула от облегчения, когда услышала за своей спиной:

— Ладно, решайте втроем. А я схожу в гальюн.

Сердце ее подпрыгнуло. Гальюн, который она по недоразумению называла ватерклозетом, пока кто-то из развеселившихся членов экипажа не поправил ее, располагался на самой нижней палубе «Кречета», как раз в той стороне, куда она направлялась.

От страха сердце ее заколотилось... зашипел воздух между острыми зубами, в глубине горла родилось глухое рычание. Кровь зашипела в жилах, забушевала докрасна раскаленная звериная радость, и Кеит превратилась в животное...

...растворившееся в густой тени, когда из-за угла вышел мужчина...

...и скорчившееся в ней, пропуская человека мимо себя на расстоянии протянутой руки...

...и все это время ум ее ощущал ярость Карнеи, удрученной тем, что ей приходится прятаться, а не нападать; тем, что она не может непринужденно убить этого, представлявшего для нее опасность человека.

Кеит, маленькая и слабая, скорчившаяся на задворках ума зверя, все-таки удержала в покорности свое второе «я». Когда моряк прошел мимо, она скользнула во тьму, освещенную лишь двумя штормовыми фонарями, к узкому люку, уводящему в трюм. Она спрыгнула прямо в трюмную воду, закрыв за собой лежачую дверь. А потом свернулась клубком на шпангоуте, позволяя крысам приблизиться к ней; вот они наконец осмелели, и она перебила их, переламывая хребты грызунов быстрым движением лапы.

Днем, когда Трансформация закончится, ей придется выбраться отсюда и придумать объяснение своего отсутствия в каюте. И своей невероятной прожорливости. Проблемы возникнут днем, экипаж будет удивляться, а Ян получит основания для недоверия. Однако, останься она в своей каюте, даже если б никто не вошел внутрь, Ррруиф наверняка заметила бы изменения в ее голосе, услышала стук когтей по дощатому полу и сразу заподозрила неладное. А так, пока ее не нашли в этом обличье, пусть удивляются и гадают.

Криспин Сабир вошел в Зал Инквизиции, готовясь дать ответ своим обвинителям. На нем было официальное об-

лачение — шелковые брюки и прорезной камзол цвета лесной зелени, украшенный воротником с тончайшими белыми Сондерранскими кружевами и прикрытый плащом из серебряной ткани, в середине которого располагался огромный герб Сабиров: два дерева, вышитые на спине тысячами просверленных изумрудов. На правой его руке как живое поблескивало глазами-турмалинами золотое кольцо в виде волчьей головы. На бедре меч, на другом кинжал, украшенный его инициалами. Мягкие черные сапоги начищены до блеска, серебряная застежка плаща сверкает.

Эндрю и Анвин уже прошли допрос. Оба представили независимые алиби, объяснив, где находились в ночь предполагаемого убийства Ри. Криспин намеревался совершить нечто большее.

Грасмир Сабир, величественный в простом шелковом одеянии, с усыпанной изумрудами цепью параглеза на шее, явно был уже готов осудить Криспина за убийство кузена Ри. По обе стороны от параглеза восседало с полдюжины членов Семьи, Волков среди них не было. На самом деле Волкам просто запретили появляться в зале суда, даже в качестве наблюдателей. Этот факт порадовал Криспина, поскольку работал на него. Он отметил, что присутствовали в основном представители торговой ветви Дома, многие годы пытавшейся вытеснить Волков с любых официальных постов и ослабить их влияние в Семейном Совете. Сегодня Криспин решил нанести этой ветви сокрушительный удар. У него было алиби, доказательство и кое-что еще. Заняв место на низенькой скамье перед помостом, он позволил себе едва заметную улыбку.

— Возобновляется расследование убийства Ри Сабира, сына Имогены Валараи Сабир и Люсьена Сабира. Рассматривается участие в нем и степень вины Криспина Сабира, в соответствии с уликами, оставленными в комнате покойного и его письмом. Криспин, хочешь ли ты что-нибудь поведать суду, прежде чем мы обратимся к уликам?

— Хочу.

Криспин поднялся, вполне понимая, что царственным обличьем может посрамить и параглеза, не говоря уж обо всех прочих членах суда. Среди зрителей послышался одобрительный ропот: люди эти никогда или почти никогда не имели дела с Волками. Он улыбнулся, на сей раз открыто, чтобы видели все, и извлек из-под плаща некое устройство Древних — раму из длинных стальных нержавеющих стержней, внутри которой располагалась стеклянная сфера. На панели устройства находилось несколько стержней и переключателей, от которых к сфере тянулся ряд шестеренок.

— Не угодно ли вам воспользоваться этим предметом?

— Если он имеет какое-либо отношение к расследованию, пожалуйста. Что это такое?

— Мое алиби, — ответил Криспин, опуская устройство на край помоста. — Если вы повернете вправо синий переключатель, то поймете, что я имею в виду.

Все члены Совета Инквизиторов с подозрением уставились на него.

— Это устройство Древних, — продолжал Криспин, — обнаружил один из Волков несколько лет назад, и мы пользуемся им время от времени.

Параглез щелкнул синим переключателем и внутри стеклянной сферы затеплился огонек.

— Очень мило, — произнес параглез, — и я уже вижу, каким образом можно использовать этот предмет: владея им, нетрудно читать вечером, не зажигая огня. Однако какое отношение он имеет к доказательству твоей невиновности? И каким образом способен подтвердить ее?

— У вас есть волосы Ри и пятна, оставленные его кровью. Так?

— Ты знаешь об этом. И то, и другое было обнаружено на месте убийства.

Криспин кивнул.

— Возьми один волосок и опусти его в щель на панели.

Прищурясь, параглез ответил:

— Не вижу в этом смысла.

— Пожалуйста. Клянусь, что не собираюсь тратить понапрасну твое время.

Параглез потребовал, чтобы ему подали шкатулку с вещественными доказательствами и, надев на руки пару тонких белых замшевых перчаток, осторожно открыл металлический ящичек. Достал из него серебряную коробочку — одну из нескольких — и извлек из нее требуемый волос. Криспин указал ему на щель, куда следовало опустить вещественное доказательство, и, когда волос благополучно оказался на месте, сказал:

— А теперь последовательно, считая до пяти между щелчками, переведи вправо зеленый, желтый и оранжевый переключатели.

Параглез щелкнул зеленым.

— Один... два... три...

Сфера засветилась ровным голубым огоньком, что увидели все присутствующие, и Криспин услышал несколько возгласов изумления.

— ...четыре... пять... — параглез щелкнул желтым переключателем, — ...один... два...

В голубизне появилась дымная темная точка.

— ...три... четыре... пять... — Параглез притронулся к последнему переключателю, и темное пятно в центре сферы превратилось в четкое изображение.

Изображение Ри Сабира — явно живого и двигающегося. Он говорил, но собеседник его так и остался невидимым.

— Вот мое алиби, — повторил Криспин, и тихий его голос словно гром прогремел в оцепеневшей палате. — Ри жив.

— Где он? Что с ним случилось? Кто будет отвечать за все это? — разнеслось над собравшимися и Советом.

Со строгим выражением лица Криспин вместо ответа повернул два циферблата, управлявшие шестеренками внутри устройства. Ри исчез из виду так быстро, что никто из присутствовавших в зале не успел заметить никого из тех, кто окружал его, хотя было ясно, что он далеко не в одиночестве. Но Криспин отвел свои руки от циферблатов только тогда, когда внутри стеклянной сферы четко обрисовался корабль.

— Это вы скажите мне, где он и кто за это в ответе, — заявил Криспин.

Параглез наклонился вперед, и на лице его начала проступать холодная ярость. Оторвавшись от зрелища, он оглядел сидевших рядом советников.

— Он на корабле, — определил Грасмир. — На одном из наших торговых судов.

Поглядев сверху вниз на Криспина, параглез заключил:

— Похоже, вы, с твоим кузеном и братом, стали жертвой заговора торговцев и Ри. Быть может, с участием и его матери. Возвращаясь к правам и обязанностям сего Совета, я объявляю тебя невиновным. И приношу извинения за то, что не могу пригласить тебя участвовать в разбирательстве обстоятельств этого заговора, целью которого было возложить на вас троих вину за несовершенное преступление. То, что враги твои участвовали в Совете, который мог осудить тебя, было досадной случайностью, но я не вправе позволить тебе судить их. Хотя, на мой взгляд, это было бы справедливо, я не могу все же думать, что в сердце твоем нет предубеждения против них.

Потом, на миг прикрыв лицо руками, он провел пальцами по вздыбившимся волосам.

— Однако, если у тебя есть какая-то просьба ко мне как к параглезу, я с удовольствием исполню ее.

Криспин кивнул.

— Прошу об одной милости, ничего для тебя не стоящей. После смерти своего возлюбленного главы Люсьена Волки остались без предводителя. И наши усилия на пользу Семей-

ства оказались слабыми и разрозненными. Опираясь на кузена и брата, я способен возглавить Волков ради блага Семьи. И я прошу, чтобы ты поддержал наши усилия в борьбе за лидерство — если считаешь нас достойными этой чести.

Грасмир улыбнулся.

— Судя по письму, которое написал Ри, прежде чем выйти в море на торговом корабле, целью его предприятия было помешать вам сделать это. Я не люблю тайных интриг, не люблю, когда меня выставляют дураком. Я вправе нарушить автономию любой ветви Семьи, если, с моей точки зрения, это послужит нашим общим интересам. И я поступлю именно так. Посему Волки не будут выбирать предводителя. Я объявляю тебя их вождем и возлагаю на брата твоего Анвина и кузена Эндрю обязанности твоих помощников. И пусть знают все, что я не потерплю несогласия с моим решением.

Он поднялся.

— А теперь ступайте, благословляю вас... Заседание Совета закончено. Торговцы, останьтесь в стенах нашего Дома. В этот же день на следующей неделе вы дадите ответ за свои поступки.

Когда Кеит наконец выбралась из трюма и поднималась наверх, в свою каюту, корабль уже едва не разобрали на части, разыскивая ее. Хасмаль обнаружил Кеит карабкающейся по трапу на главную палубу. Ян, Рррy-иф и Джейти следовали за ним...

Благословенный Хасмаль искал ее, не теряя головы, потому что первым делом спросил:

— У тебя опять был приступ?

Припадок. Падучей болезни. Она пугает людей, но не настолько, чтобы они могли со страху убить больного. В отличие от проклятия Карнеи.

— Наверное, — ответила Кеит. — Не помню. Сидела в своей каюте, читала и все... а потом вдруг очнулась в трюме.

Ей помогли подняться на палубу, предлагая солнце и свежий воздух. Они не помогли: Кеит чувствовала себя как утопленница. Она с трудом держалась на ногах.

Перед ней стоял Ян, освещенный заходящим солнцем, задумчиво щуря глаза.

— У тебя падучая. — Это было утверждение, а не вопрос.

Кеит кивнула.

— И часто?

— Не очень. Примерно раз в два месяца.

— Достаточно часто, чтобы Семья не смогла найти тебе хорошего мужа.

— Да, достаточно часто, чтобы об этом нельзя было думать.

— Порченый товар.

— Так принято в Семье.

Что было истинной правдой. Страдающая падучей женщина и думать не могла о замужестве; удержав приданое, ее отослали бы домой после первого же припадка — всякий знал, что падучая передается от матери детям. Таким образом, выдуманная Кеит история с похищением книги получила новое подкрепление: неспособную к замужеству дочь ждал ужасный конец... каким следует считать пожизненные занятия переводами с мертвых языков в лишенной окон комнате. Далее, она получала удачное объяснение своего нынешнего отсутствия — и всех будущих. Слава богам, спасибо Хасмалю. Она была готова обнять его. И подумала, что сделает это, как только вымоется и поест. И отоспится. Когда голод стал одолевать, Кеит съела крыс, которые пришлись совсем не по вкусу даже ее второму, звериному «я». И теперь съеденное отягощало желудок.

Ян кивал, и в глазах его угадывалось удивившее Кеит сочувствие. Он долгое время молчал. А потом негромко промолвил:

— Мне известно, как Семьи обходятся с поврежденным товаром. Во всех подробностях.

— Мы боялись, что ты упала за борт, — сказал Хасмаль.

— Рада, что этого не случилось, — ответила Кеит.

А Ррру-иф, стоявшая чуть в сторонке, спросила:

— Как же ты сумела забраться в трюм так, что этого никто не заметил?

Кеит пожала плечами.

— Не помню. Я ничего не помню.

Она пожелала про себя, чтобы и впрямь ничего не помнила. Ей хотелось бы по крайней мере забыть про крыс. Ослабевшая от голода, утомленная Трансформацией, она пошатнулась... Корабль в это время вползал на волну, палуба ушла из-под ног, и Кеит упала.

И вдруг ощутила жуткую дурноту. Опираясь руками о поручень, Кеит перегнулась через борт, и ее вырвало.

Это положило конец расспросам. Когда рвота закончилась, Ян и Хасмаль отнесли девушку в каюту, а Ррру-иф вызвалась ходить за ней.

Следующие два дня, решила Кеит, она будет лишь есть и отсыпаться.

— Так что вы сделали с телами?

На Криспине был все тот же официальный наряд, хотя плащ он сбросил сразу же, как только вошел в дверь.

— Они в твоем саду, под розами. Где же еще? — усмехнулся Анвин. — Полагаю, мы не слишком потревожили корни.

Криспин не улыбнулся.

— Надеюсь на это. Сейчас у меня укореняются очень нежные гибриды.

Эндрю сидел, играя переключателями на незамысловатом изделии, состряпанном ими, чтобы заинтересовать инквизиторов.

— И понравилась им наша игрушка?

— Во всяком случае, параглезу. Торговцам тоже — пока они не увидели корабль.

— Прекрасная была мысль — сделать корабль торговым.

Криспин пожал плечами.

— Поступив таким образом, мы избавились от двух проблем сразу — от исчезновения Ри и влияния торговцев.

Брат и кузен дружно заулыбались.

— Избавились от проблем, — восхитился Анвин.

Эндрю хихикнул.

— Избавились. — Пододвинув к себе стул, Криспин уселся на него верхом. Опустив руки вдоль спинки стула, он сказал: — Жаль, что вас не было там. Великолепное получилось зрелище.

— Если б мы были там, кто бы наворожил тебе твои картинки? — нахмурился Эндрю.

Анвин и Криспин поглядели на него с досадой.

— Не надо понимать его буквально, — заметил Анвин. Повернувшись к кузену спиной, он обратился к Криспину: — Ну, рассказывай, что там было прекрасного?

— Ты знаешь, как мы надеялись, что Грасмир поддержит наши претензии на лидерство среди Волков?

Анвин кивнул.

— Так вот. Все закончилось еще лучше. Он объявил нас вождями. То есть главный — я, а вы оба мои помощники. Теперь нам не придется бороться с тем кандидатом, которого выдвинут сторонники Люсьена. Теперь во главе мы, и прочие Волки ничего не могут с этим поделать.

Анвин внимательно смотрел на брата, явно считая, что не следует прямо сейчас напоминать ему, что они договорились разделить власть поровну. Однако Криспин мог видеть это. Разговор состоится попозже — и не в виде спора, потому что параглез назначил главным его, Криспина, и Анвин не сумеет доказать, что он это подстроил. И все же разговора не избежать.

Впрочем, Анвин ограничился умозаключением:

— Ну что ж, дела теперь, безусловно, примут иной оборот.

А Эндрю захихикал, по-своему представляя, какой именно оборот примут дела.

Глава 24

Три недели чтения *Тайных Текстов* ушли на подготовку к собственно ворожбе. Три недели размышлений об истории магии, о будущем ее мира, предреченном в пророчествах, афоризмах и замечаниях человека, безусловно, наделенного блестящим умом, однако иногда слишком неопределенно излагавшего свои мысли. Три недели сидения в каюте от рассвета и до поздней ночи, потраченных на подгонку событий прошлого и настоящего к оставленной Винсалисом головоломке... И вот Кеит наконец достигла назначенного предела.

Когда в дверь ее каюты постучал Ян Драклес, она охотно открыла.

— Ты уже столько времени выходишь отсюда только для того, чтобы поесть, — сказал он. — Бедняжка Ррру-иф уже решила, что ты заболела морским безумием и прячешься здесь.

Кеит уже вновь ощущала в своем теле потребность к Трансформации и подумала, что в подобном виде явит Ррру-иф убедительное свидетельство заболевания, однако сумела вполне искренне рассмеяться.

— Просто я занималась, — объяснила она.

— Вне сомнения, чем-то удивительно интересным. — Он чуточку наклонился вперед, дабы окинуть взглядом каюту.

— Историей, — сказала Кеит, ловко мешая ему это сделать. — Мне нужно уточнить положение города и его сокровищ.

— Конечно, — промолвил Ян. — Просто я не подумал, что ты еще не закончила перевод этой книги, когда ст... то есть когда купила ее. Конечно, ты не могла перевести книгу целиком, если только что купила ее.

Он покраснел.

Допущенная неловкость только позабавила Кеит. Она подвинулась поближе к капитану, обостренно воспринимая тепло его тела и запах... мускусный, чувственный запах самца, лишь подчеркнутый свежестью воздуха и солнечным светом. Симпатичный... Она не разрешала себе думать об этом, однако вдруг обнаружила, что улыбается ради того, чтобы увидеть его улыбку.

Ответная улыбка-то и обезоружила Кеит, в ней угадывались удивление и надежда, слабая тень ее собственного, растущего голода.

— Сегодня ты кажешься совсем другой, — отметил Ян, и Кеит уловила нотку настороженности в его голосе.

— Просто я чувствую себя по-другому. Мне одиноко, я устала и хочу насладиться вечером, не думая о затерянных

городах и изготовленных Древними предметах. — Опустив руку на его предплечье, она легонько погладила мягкие золотистые волосы.

— В самом деле?

Брови его поднялись, голос осекся. Улыбка его на этот раз выражала несомненное желание.

Протиснувшись мимо него, Кеит закрыла за собой дверь каюты.

— Да. Где угодно, кроме этой комнатки.

Оказавшись на борту «Кречета», она постаралась оставить на берегу все мысли о сексе. Иначе возникали нежелательные сложности. Однако Кеит знала, что не сумеет воздержаться в течение двух полных периодов между Трансформациями; к тому же лучше выбирать партнера на трезвую голову, чем в пылу похоти, овладевавшей Карнеей. Желание становилось сильнее, и она уже подумывала о Хасмале, привлекавшем ее. В близости с ним крылось еще одно преимущество: Хасмаль знал, что представляет собой Кеит. Но он оказался одним из немногих встреченных ею мужчин, которым проклятая кровь Карнеи не внушала физиологического влечения. Более того, когда она приступила к робкой увертюре, Хасмаль четко и ясно объявил об этом.

При всех высказанных Амели жалобах на вечную похоть со стороны мужчин и женщин, ничуть не подозревающих, что истинным объектом их страсти является не она сама, а ее проклятие, Кеит сочла еще более унизительной встречу с мужчиной, нечувствительным к чарам Карнеи. Подобная невосприимчивость как бы говорила о том, что сама она ничуть не привлекательна и, лишившись своего проклятия, станет незаметной для мужчин.

Ян же отреагировал на ее чары, даже несмотря на припадок «падучей», и в этот миг Кеит обрадовалась.

Он прикоснулся кончиками пальцев к ее талии.

— Если тебе надоела твоя каюта, не хочешь ли посетить мою?

— С удовольствием.

Она молча последовала за ним в его каюту, и он молча отворил перед ней дверь.

Ян зажег лампы и, лишь когда золотой свет окутал их обоих, спросил:

— Ну как, может быть, теперь наконец станем друзьями?

Привстав на цыпочки, она прислонилась к его груди и легонько поцеловала в губы.

— Теперь мы будем больше, чем друзья.

Сердце ее колотилось, кровь бурлила в жилах. Она хотела этого... ей нужно было чувствовать себя желанной, прекрасной, волнующей. И видела себя такой в глазах Яна. Вновь поцеловав его, она дала волю страсти, вскипавшей внутри нее, и погрузилась во вкус и запах его тела, в прикосновения этих рук и губ.

Она позволила себе думать, что Ян хочет именно ее саму.

И одновременно умудрилась скрыть свой запретный голод, отодвинув врага-Карнея, Ри Сабира, на периферию собственных мыслей.

Ррру-иф долго прислушивалась к происходящему в каюте капитана. Уже больше недели она дежурила здесь каждую ночь — с того времени, как капитан впервые взял Кеит в свою постель. Оставив свой шпионский пост, она отправилась к Джейти, который ожидал ее в уголке склада, где обычно проходили их свидания.

Она поведала ему о том, что слышала в каюте, и закончила едким выпадом:

— Представить себе не могу, что капитан спит с ней.

Джейти, стройный, смуглый и беззаботный, привлек ее к себе и засмеялся.

— Лучше порадуйся за него. Капитан давно уже один.

— Нет, — огрызнулась Ррру-иф, когда он стал расстегивать пуговицы ее блузы. Отодвинувшись назад, она произнесла: — Я уже говорила тебе, что с ней неладно. Она ненормальная.

— Руи, с какой стати именно тебе приспичило интересоваться ею? Кто здесь нормальный? Мы с тобой?

Ррру-иф, однако, стояла на своем.

— С ней что-то не так. Она разговаривает сама с собой в каюте и что-то скрывает. Она встречается по утрам с Хасмалем в своей каюте — до того, как сменятся вахты. И как только он входит к ней, я не могу услышать ни слова, однако чувствую, что они разговаривают. Это... невероятно.

Она перешла на шепот.

— Потом, от нее пахнет животным. Я заметила это сразу после ее хвори... и несколько раз чувствовала этот запах после того.

— Пахнет животным! — Джейти расхохотался. — Ты просто ревнуешь, тебе не кажется? Потому что она хорошенькая и капитан захотел ее. Руи, она обращается с тобой лучше, чем любая женщина, побывавшая на нашем корабле. Я следил за ней. Она никогда не придумывает тебе лишней работы и по-доброму разговаривает с тобой. Действительно по-доброму.

Он ущипнул Ррру-иф за попу, и та зарычала.

— Ну-ка, молчать! — велел он ей со смехом. — Тебе понравился капитан, который предоставил тебе место на корабле. А теперь его захотела женщина, принадлежащая к тем же верхам общества, что и он, и ты поняла, что никогда не заинтересуешь его. Разве не так? А? Не так?

Пожав плечами, Ррру-иф прильнула к его груди.

— Думай что хочешь. Но я ей не доверяю. И она не нравится мне. Она околдует капитана. Вот увидишь.

Кеит снилось, что они танцуют. Сперва лицо партнера пряталось в тенях, пока они плыли и кружились над пустой танцевальной площадкой. Музыку она лишь ощущала, но не слышала. В ушах ее звучало его дыхание — глубокое, ровное, медленное. Руки его жгли ее нагие плечи.

Они танцевали, и спящая Кеит начала вспоминать, что танцевали подобным образом каждую ночь. Она огляделась, чувствуя себя так, как если бы ее только что опутывали цепи и лишь мгновение назад она обрела свободу. Неслышная музыка убыстрялась, вместе с ней учащался и его пульс. Волны желания и крови, текущей по ее жилам, — вот какой была эта музыка, под которую она танцевала.

Прикоснись ко мне.

Душа ее затрепетала от одного звука его голоса. Коснувшись его кожи кончиками пальцев, она обнаружила, что он наг. Как и она сама. Магия. Это была магия, не ворожба чародеев... магия мужчины и женщины, похоти и желания. Пляска пола... Бешеный ритм сердца.

Прикоснись ко мне.

В ее сне они, танцуя, касались друг друга кожей, переплывали через открытый луг, и тут тень упала с его лица... и глаза его стали голубыми с темным ободком, а улыбка прожгла ее сердце, и она поняла, что любит его. Боги, спасите, действительно любит. Во сне своем она танцевала с Ри Сабиром, чья Семья убила ее Семью, чья рука, возможно, убивала любимых ею... И в предательском этом сне она радовалась его объятиям и раскрывала перед ним свое сердце. Там, во сне, она знала, что любит его... она, никогда еще и никого не любившая.

Во сне они танцевали, но он был врагом ее, и у нее не хватило сил убить этого человека... поэтому она проснулась.

В постели Яна Драклеса.

Разочарование укололо ее, полоснуло, разрезало — до крови. Рот наполнился сернистой горечью, однако Кеит не выказала своих чувств.

— Ну, как спала?

Я спала со своим врагом. Кеит игриво поцеловала Яна и не стала отвечать на его вопрос.

— Мне пора уходить — пока еще темно.

— Незачем. Останься.

Она припала губами к впадинке меж его ключиц, провела пальцами по спине.

— Надо идти. Сейчас. Но если ты хочешь, я вернусь вечером.

К вечеру она прогонит Ри Сабира из своих мыслей. Она убедит себя в том, что ненавидит его, что хочет увидеть его труп. Она заставит себя поверить, что испытывает неподдельную страсть к Яну Драклесу, а потом в постели его докажет себе, что сны не имеют значения.

Пока не заснет снова.

Но там, во сне, нельзя обмануть себя.

Глава 25

Кеит успела вернуться в свою каюту как раз перед приходом Хасмаля. До сих пор она умудрялась сохранять в тайне от него свои отношения с капитаном; в свой черед, Яну не было известно о времени, которое она проводила с Хасмалем. Миновала еще неделя, и, закончив свои уединенные занятия над *Тайными Текстами*, она приступила к основам магии.

Хасмаль постучал в дверь, и она впустила его — как если бы только что встала.

Посмотрев на постель, которой она придала вид минуту назад оставленной, Хасмаль перевел на нее холодный взгляд.

— Незачем устраивать беспорядок ради меня.

Кеит ощутила, как порозовели ее щеки.

— Я...

— Лгать не стоит. Особенно своим товарищам. Я знаю о твоих отношениях с капитаном. Не такой уж это секрет.

Это было для нее новостью.

— И когда же ты узнал о них?

— Две недели назад. Скорее всего с начала вашей связи. — Напряженная улыбка Хасмаля красноречиво говорила, что глупо даже пытаться сохранить их связь в тайне. — И в каком состоянии находится твой экран?

— Теперь сны реже беспокоят меня. И чаще всего я успеваю проснуться до того, как танец начнется. И у меня уже нет ощущения, что он заглядывает мне через плечо — как было в начале.

— Но ты до сих пор считаешь, что он преследует нас?

— Да.

Хасмаль вздохнул.

— Наверное, ты права. Мне бы хотелось избавиться от него. За последние несколько дней я с полдюжины раз бросал *зонды*, но так ничего и не увидел.

Кеит расправила одеяла на койке и села.

— Похоже, это добрый знак.

— Нет. Добрым знаком было бы: «Ты потерял его». Нейтральным: «Он там позади». «Прости, у меня нет ответа на твой вопрос» — знак очень плохой.

— Почему?

— Потому что это значит, что твой преследователь обладает достаточными магическими силами, чтобы скрыть и себя, и корабль от *занды*. Я не в силах этого сделать. Я не смог бы этого сделать даже с помощью отца.

— Ого!

Кеит знала, что лишь она одна ощущает Ри позади себя, и чувство это непосредственно связано с ее чувствами Карнеи. Хасмаль утверждал, будто, насколько он мог судить, никто не преследовал их в физическом облике; впрочем, одновременно он уверял, что Галвеи из Гофта магическим образом следят за ними.

— Эту проблему будем решать, когда она возникнет, — сказал Хасмаль. — А теперь, что говорит твой дух относительно места нашего назначения?

У Кеит наконец нашлись добрые вести для него.

— Она сказала мне, что завтра мы увидим цепь островов. После них — в зависимости от погоды — до континента всего лишь два дня плавания.

— Если погода останется хорошей. — Впрочем, Хасмаль не выглядел радостным.

— И что же в этом плохого?

— Скоро мы высадимся на сушу и отыщем город, а с ним и Зеркало Душ.

— Именно. Ради него мы и проделали всю дорогу.

— А как только мы найдем Зеркало Душ, то немедленно станем мишенью и для преследующих нас Сабиров, и для Галвеев, которые ждут нашего возвращения.

— Амели уверяет, что мы переживем и то, и другое, Хасмаль. Вот увидишь.

Он кивнул.

— Так она утверждает. Но я вчера гадал. Говорящие доказывают, что Возрожденный уже зачат. Если это верно, твоя прабабка, возможно, выдумывает. После зачатия Возрожденного катастрофа неизбежна. Поэтому сегодня ночью ты поможешь мне совершить некий обряд, чтобы проверить, правду ли они говорят.

— Я не могу ничем помочь тебе, — негромко ответила Кеит. Она обвела глазами крохотную каюту, словно бы ожидая внезапного появления корабельной парниссы во главе рву-

щегося к расправе экипажа. — Моих познаний в магии едва хватает, чтобы удерживать экран.

— Полезно и это. Если ты вложишь свои силы в экран, я сумею уделить большую долю своей энергии поискам Возрожденного. Обряд опасен и труден, однако мы должны знать.

Кеит вовсе не казалось, что они должны это знать.

Обещаю тебе, Кеит, Возрожденный не будет иметь ничего общего с твоим будущим, поторопилась с посулами Амели.

Кеит уже научилась отвечать ей, не производя звуков.

«Возможно. Однако я не сумею убедить в этом Хасмаля. Остается только помочь ему в совершении этого обряда, чтобы он сам увидел, насколько преувеличивает ожидающие нас опасности».

— Моя идея не нравится твоей прабабке, да?

— Ты способен слышать ее?

— Нет. Но я научился читать по твоему лицу. Теперь я всегда замечаю, когда ты вступаешь в общение с ней: у тебя на лице появляется отстраненное выражение, а губы напрягаются. Скажи ей, что я нуждаюсь в твоей помощи, хочет она того или нет.

Говорить не было нужды. Амели все прекрасно слышала. И отреагировала в самых ругательных выражениях. Кеит не стала дословно пересказывать ее комментарий, молвила только:

— Идея по-прежнему не нравится ей. Но, если тебе действительно нужна помощь, рассчитывай на меня.

— Тогда встречаемся в задней кладовой, где хранят пищевые припасы, — ночью, когда прозвонят Телт.

Кеит стояла на коленях на жестком полу — позади мешков ямса, муки, бочонков пива, под кусками вяленого мяса, которые висели над головой на крюках и раскачивались при каждом движении корабля. Во тьме тени этих безобидных предметов превращались в очертания чудовищ, восстающих из морских глубин... Она едва ли не ощущала затылком их жаркое дыхание. Каждый скрип заставлял содрогаться от страха, что она вот-вот попадется. Писк и топоток крыс, сновавших вдоль запертых ящиков, вдруг начал раздражать ее, а от каждого случайного шага по палубе над ними сердце ее выбивало дробь как боевой барабан.

Прежде тьма никогда не смущала Кеит. Однако она поняла, что боится предстоящего знакомства с истинной, черной магией не меньше, чем разоблачения.

Напротив нее Хасмаль поднес к груди чашу для крови, закрыл глаза и торопливо зашептал молитву Водору Имришу, в коей просил его о том, чтобы никто не прервал начинающийся магический поиск. Вознеся молитву, он зажег крошечную свечу, согнулся над нею и при свете ее огонька отворил себе кровь и

пустил струйку в чашу. Кеит наблюдала, как Хасмаль орудует жгутом и крошечным ножиком, и решила, что будет волхвовать как можно меньше. Хотя он особенно и не требовал, чтобы она училась *фарнхуллен*, чарам, сопряженным с кровопусканием, всякий подобный опыт казался Кеит излишним.

Нацедив лужицу крови на дно чаши, Хасмаль задул огонек. Ежась и тяжело дыша, он привалился спиной к мешку с ямсом.

— А теперь начинаем само заклинание, — предупредил он. — Окружи нас обоих своими экранами, пока я не прикажу тебе опустить их.

— А ты уверен, что это нужно делать? Тогда Галвеи и Сабиры смогут увидеть, чем мы тут заняты... и где находимся.

— Экран, отгораживающий нас от мира, легко может превратиться в ловушку. — Он передернул плечами. — Защищенный оберегом не может послать свое заклинание. Чужой щит тоже помешает это сделать. Данный факт и делает магические сражения крайне опасными. Однако вернемся к делу. Будь готова и жди моей речи.

Кеит уже пребывала в смятении, и сама мысль, что необходимо будет открыться перед преследователями, еще более усугубила его. Все же она кивнула и сфокусировала свои мысли — так, как учил ее Хасмаль. Тем временем сам он вытряхнул в чашу с кровью порошки из нескольких пакетиков и начал заклинание, которое она читала в одной из последних глав *Тайных Текстов.*

Хи'айе абоджан, триашан скарере
Пефоран нони токал им хверат...

Я, ждущий издавна во тьме
Пришествия света,
Ищу теперь воплотившийся дух
Возрожденного; тебя, бывшего прежде
Владыкой Соколов,
Нашего учителя и наставника,
Украденного у нас прежде времени,
Обещавшего нам вернуться и стать во главе;
Тебя, учившего любви, состраданию,
Смирению и ответственности,
Целостности и чести — превыше всего.
К тебе взываю.
Мир ждет тебя,
И Соколы тебя не забыли.

О Король Соландер,
Буду ли я благословен звуками твоего голоса?

Да, буду я твоим защитником,
Покуда ты слаб,
Твоим учителем, покуда ты юн!
Твоим слугою навечно,
Чтобы ты мог вернуться
И исцелить скорби народа,
Явить любовь и исполнение надежд.
Вернись в скорлупку мира,
Оставленную тобою.

Всыпанные в кровь порошки начали светиться. Кеит поежилась. Ей хватало отваги в любой жуткой, но обыденной ситуации, однако чары повергали ее в ужас, рождали в ней здоровое стремление убежать куда-нибудь подальше. Кеит ощущала действие заклинания, она чуяла его своими костями и кровью; и хотя чары Хасмаля нельзя было назвать болезненными или «грязными» — как это сделал Дугхалл в аэрибле, — она чувствовала все возрастающее смятение. Словно бы она стояла возле костра, разгоравшегося сильнее и жарче. Кеит знала, что в настоящий момент опасность ей не грозит. Однако ситуация вполне могла радикально перемениться.

— Сбрось экран. Если Возрожденный действительно вернулся, засветится уже сама кровь, — сказал ей Хасмаль перед самым началом.

И теперь, в тишине и во мраке, кровь подтверждала правоту духа, объявившего весть Хасмалю. Она действительно засветилась, и белый свет этот, сначала осиявший тонким слоем всю чашу, распространился на ладони, руки и плечи волхва, наконец охватив его целиком.

А потом свет расширился еще больше, окутав Кеит теплым, умиротворяющим коконом.

Оказавшись внутри светящегося шара, она почувствовала робкое пробуждение Возрожденного. Где-то вдали в материнском чреве шевельнулся младенец, потянувшийся к легкому как перышко прикосновению чар. Дитя было полно любви, просто *являлось* ею. Горючие слезы вскипели в глазах Кеит и потекли по щекам, и она благословила эту тончайшую связь. Дух Возрожденного прикоснулся к Кеит, и страх ее перед магией рассеялся... она ощутила себя нормальной. Нет, более того, нужной, необходимой... как никогда в жизни. Даже имея дело со своими родителями, она понимала, что те любят ее наперекор уродству, стараясь забыть о нем. Но Возрожденный любил ее такой, какой она была, и считал ее своею, ибо в его глазах она была столь же совершенна, как и он сам.

В тот миг соприкосновения она ощутила, что всегда гнездившаяся в ней боль исчезла. Потом она поглядела на Хасмаля, заметила слезы, стекавшие по его щекам, и поняла, что не одинока в своих чувствах. Кеит и поверить не могла, что оказалась столь благословенной... что ее избрали помогать Возрожденному, в то время как другие, куда более достойные люди, жили и гибли ради его явления, так и не сподобясь лицезреть воплощение своих надежд.

Краем сознания она ощущала других Соколов, что подобно Хасмалю явились предложить свои услуги и исполнить клятвы... чтобы присутствовать при уединенном начале радостного чуда, обещанного всем людям. Их было много, этих разумов; незнакомые Кеит, они соединялись в общей любви и цели... соприкасаясь с нею, они не отшатывались в отвращении. Она была собой — какая уж есть, они тоже... и все они собрались вокруг души Возрожденного — как люди, затерявшиеся в пустыне и наконец обнаружившие источник. Теперь они ни в чем более не нуждались; им оставалось только любить друг друга и вместе ликовать.

Потянувшись далее, Кеит соприкоснулась с Матерью Возрожденного и испытала истинное потрясение. Та излучала лишь ярость, боль и ненависть. Кеит чувствовала, что женщина эта жестоко пострадала от рук своих врагов. Мать, казалось, напрочь оттородилась от любви, которую предлагало ей еще не родившееся дитя, боль и гнев не позволяли ей выйти за пределы собственного разума и исцелиться, как исцелилась Кеит. И вдруг произошло новое потрясение. Мысли и воспоминания этой женщины достигли сознания Кеит, и она обнаружила, что матерью Возрожденного является ее собственная кузина... Даня!

Она хотела закричать. *Ты все-таки выжила!* Значит, хотя бы один любимый ею человек пережил предательское нападение Сабиров. Впрочем, Кеит не сумела добиться, чтобы Даня услышала ее. Ей хотелось сказать: *ты не одна, я здесь, и я приду на помощь тебе.* Однако Даня не слышала предлагаемого ею утешения.

Кеит не хватало умения передавать свои мысли с помощью чар. Но она выучит все, что окажется необходимым, потому что в тот миг, когда Хасмаль ввел ее в свой круг, мир Кеит изменился к добру. Жизнь ее обрела цель... вдруг оказалось, что ей предстоит еще так много сделать. Возрожденный уже существует, он станет сыном ее любимой кузины, вовсе не павшей от рук Сабиров. И Кеит совершит все возможное, чтобы сохранить их, чтобы помочь любви Возрожденного восстановить весь мир.

Робкий стук в дверь разбудил Кеит, проведшую всю ночь в одиночестве.

— Входи, — сказала она, зевая и потягиваясь.

Несмотря на напряженность, вызванную необходимостью в Трансформации, чувствовала она себя хорошо. Сердце покинула тяжесть, появилась надежда, то, что будущее окажется лучше прошлого. Даня — Мать Возрожденного.

Кеит улыбнулась Ррру-иф, когда та возникла в двери.

— Что поручишь мне сегодня? Есть какая-нибудь стирка, или, быть может, в каюте что-то не устраивает тебя?

Кеит ухмыльнулась.

— Может быть, ты займешься сегодня более приятным делом. Не хочешь ли побыть с Джейти?

Ррру-иф покачала головой.

— Перри Ворона заметил острова, о которых ты говорила, и пока наверху не удостоверятся, что мы не наскочим на риф, Джейти будет трудиться на палубе.

Перри Ворона, весьма общительный мореход, по-настоящему звался Перимусом Ахерном, любил высоту и остротой зрения не уступал Кеит. За трапезами он рассказывал удивительные истории о своей прежней жизни — до «Кречета»; тогда он был в Калимекке адвокатом и занимался кражами патентов городских изобретателей. Последнее дело завершилось ошибкой: он доказал правоту истинного изобретателя, обвинившего одного из младших членов знатной Семьи (однако фамилии ее он так и не назвал) в краже своей идеи.

Уже на следующее утро Перри с огорчением обнаружил, что вынужден изменить сразу и место жительства, и род занятий. Впрочем, он сказал, что с тех пор полюбил море, и в итоге эта «судебная» история обернулась удачей.

— А я рада, что скоро вновь увижу сушу, — призналась Кеит. — Море успело надоесть мне.

В улыбке Ррру-иф промелькнула язвительность.

— На корабле бывает тесно, даже если ты проводишь на нем немного времени. А представь себе, что тебе приходится плавать всю жизнь!

Кеит попыталась представить себе целую жизнь, проведенную в построенном из дерева мирке, окруженном со всех сторон лишь воздухом и водой.

— Даже помыслить не могу, — покачала она головой. — Однако, наверное, ты проводишь на корабле только часть своей жизни?

Ррру-иф прищурилась и негромко промолвила:

— Мне и в голову не придет оставить палубу «Кречета». Здесь, на борту, я подвластна одному только капитану Драклесу. Если я покину корабль... в Ибере и на Территориях найдутся люди, готовые накинуть на мою шею веревку.

Кеит передались горечь и обида, проявившиеся в настроении женщины, она с невероятной четкостью ощутила, как изменился запах ее тела, ритм дыхания. В эти минуты чувства Карнеи были обострены близящейся Трансформацией. Наклонившись вперед, Кеит произнесла:

— Просто не могу представить, за что тебе выпала такая участь. Ты ведь хорошая.

Ррру-иф хлопнула в ладоши и ответила:

— Тем не менее по Иберанским законам я осуждена на смерть в любом уголке Иберы.

— Как же так?

— Это не важно.

— Как это не важно, если речь идет о твоей жизни?

Ррру-иф рассмеялась — резко, сердито.

— Жизнь моя нужна лишь мне самой. Ну, еще, быть может, Джейти. Но только не тебе... ты же из Семьи.

Кеит помотала головой.

— Больше я не принадлежу к ней. Моя шея — в этом я не сомневаюсь — также ждет веревки.

Ррру-иф вздохнула, и Кеит указала ей на кресло против своей койки.

— Садись, поговорим. Времени у нас как будто достаточно.

Не скрывая нерешительности, Ррру-иф опустилась в кресло и сказала:

— Мой народ жил на горах к юго-востоку от Тарраянта Кевалта, возле озера Джирин в Манаркасе, если по-твоему.

Кеит кивнула. Семейство Галвеев владело землями на Новых Территориях к югу от озера Джирин — одного из тех озер, что возникли в результате Войны Чародеев.

— Я жила там лет до шести, наверное. А может, мне было и меньше. И тут в наш город явились диаги и объявили всех моих земляков своими рабами.

Кеит переспросила:

— Диаги? То есть люди, такие, как... — она уже хотела сказать «я», но в последний миг передумала, — ...как капитан? И Джейти?

— Да. У нас были хорошие бойцы, не боявшиеся диаг, но у твоего народа оружие лучше. Почти все наши бойцы погибли. Остались только раненые, старики и дети... и еще немного женщин — беременных тогда и неспособных сражаться. А всех остальных диаги забрали и увели на свои Новые Территории. Сперва мы оказались в Старом Джирине, затем в Бадаеалле, потом в Ванимаре и, наконец, — во всяком случае, я — в Гласмаре. И в каждом месте диаги продавали тех, кого можно было продать. Однако такая малень-

кая девчонка, как я, никого не интересовала, и лишь в Гласмаре на меня нашелся покупатель.

Голос ее приобрел особую едкость, и Кеит поняла, что Ррруиф купило отнюдь не семейство, нуждавшееся в компаньонке для своей дочери.

— Меня купил мужчина по имени Тироф Андрата. Еще он купил мою младшую сестру и двух маленьких девочек из нашей деревни. Из нас рассчитывали воспитать наложниц для представителей знати Гласмара, наделенных... экзотическими вкусами. Тироф Андрата открыто торговал живым товаром, дело его процветало; он одновременно наживался и удовлетворял свои низменные потребности. Видишь ли, он сам занимался нашим обучением. Он вообще очень любил маленьких детей, а особенно крохотных девчушек джеррпу.

— Джеррпу?

— Это такие, как я. Ну, как вы называете себя людьми.

Кеит изобразила на лице понимание.

— Итак... он... обучал тебя.

— *Обучал.* Слишком мягкое слово. — Ррру-иф едва заметно улыбнулась. — Впрочем, да. Обучал он нас регулярно. Мы научились самым различным способам удовлетворять своих будущих хозяев. Багге — так он заставлял нас называть его — особенно нравилось причинять нам боль и унижать нас, он утверждал, что именно это дает высшее удовольствие господину.

Она отвернулась и вновь сузила глаза.

— Мы с сестрой долго прожили у него. Двух наших товарок он продал, как и всех купленных им позже детей. Однако нас держал при себе, пока мы не перестали быть детьми... видишь ли, по его мнению, мы овладели искусством переносить боль и унижение. Он говорил, что не продаст нас, так как мы сильнее детей, которых он сумеет продать подороже, используя на нежном материале новые способы *обучения*, уже опробованные на нас.

Кеит закрыла глаза и потерла виски. Ей было плохо. Всю свою жизнь она считала естественным существование слуг и рабов и безмолвное присутствие их в коридорах — чтобы принести, унести, убрать в комнате, застелить постель, подать пищу... так и должно быть. Прежде они никогда не имели голосов. Они даже не казались ей по-настоящему *реальными.*

Теперь она подумала о рабах, принадлежавших ее собственной Семье. Внешне они выглядели иначе, потому что в Ибере в рабстве держали только людей, но не Увечных... тем не менее они оставались рабами. Ей было известно несколько родственничков Галвеев, приобретавших детей-рабов, а потом продававших их, когда те достигали зрелости. Она никогда не задумыва-

лась, зачем вообще нужны эти дети и откуда они берутся, тем более о том, что происходило с ними в итоге. В Семействах не обо всем говорили вслух — в частности, о том, как родственники используют своих рабов.

Поглядев на Ррру-иф, Кеит прикусила губу. Она уже была готова услышать историю со счастливым концом, где Ррру-иф должна была добиться свободы и любви.

— И что было дальше? Как все закончилось?

— Случилось так, что во время «учебы» Багга причинил моей сестре такую боль, которой она уже не выдержала и умерла, — промолвила Ррру-иф бесстрастным голосом. — Я видела, как он убил ее, и отплатила ему тем же. Только сперва помучила, воспользовавшись всеми способами пытки, которые он опробовал на нас за эти годы. Потом я убила его... очень неторопливо. А после забрала детей, которых он готовил к продаже, одела их, выкрала все деньги, что смогла найти в доме Багги, и повела по улицам Гласмара вниз, в гавань. Лишь один капитан согласился взять нас на борт без документов.

Ррру-иф кивнула в сторону кормы.

— Ян Драклес. Он требовал много денег — больше, чем у меня было. Перевозить рабов рискованно — если у тебя нет печати или документов рабовладельца, и, конечно же, никто из нас не сумел бы доказать, что эти дети свободны, тем более что они и в самом деле были рабами. Поэтому я предложила свои услуги бесплатно — пока не отработаю их освобождение. Капитан кого-то нанял, и бумаги изготовили на всех нас — в том числе и на меня. Детей он куда-то отвез, подыскал им семьи, в которых они могли жить свободными. А я обрела собственную семью на корабле. Здесь я нашла и любовь, и свободу от пыток, унижения, боли. И пока нога моя не касается почвы, которой правят Семейства, я могу жить в относительной безопасности.

Убитая стыдом, Кеит опустила лицо в ладони.

— Прости, — прошептала она.

— Тебе не в чем извиняться передо мною.

— Мне жаль, что ты вынесла столько страданий. Я...

Кто и как способен возместить муки, пережитые Ррру-иф? Как можно приговаривать к смерти ее, когда на самом деле виноваты люди, которые убивали родных девочки, сделали ее рабой... продавали и покупали ее? Где суд, который вынесет справедливый приговор?

Возрожденный освободит рабов, вспомнила Кеит. Он принесет с собой мир, справедливость, залечит раны Ррру-иф.

— Мне жаль, что ты столько претерпела и в итоге оказалась виноватой. — Кеит встала и опустила руку на плечо Ррру-иф. — Но теперь все переменится. Все будет иначе.

* * *

Ри метался по палубе — вперед, назад, снова вперед — и не желал ни с кем говорить. Она была впереди, далеко впереди него, и уже приближалась к цели.

К губам его прикоснулась соленая пена — Ри посмотрел на море. Облака затягивали южный горизонт, и черная полоска казалась в этот миг далеким горным хребтом. Солнце склонялось к западному окоему. Стая китов, провожавшая «Сокровище ветра» почти два дня, после полудня либо утомилась от игры, либо утратила интерес к людям и их кораблю... а может быть, морские гиганты просто отвлеклись, заметив аппетитный косяк рыбы. В любом случае они куда-то ушли, и весь остаток дня Ри не видел в океане ничего живого.

Капитан сказал, что такие облака предвещают беду, развернул корабль носом на север и приказал прибавить парусов. Быть может, подобные меры сулили безопасность, однако они уносили Ри далеко от Кеит.

Он терял терпение. Он устал ожидать, устал от белесых волн... он устал желать ее, не получая. Кеит была подобна наркотику, и чем дольше он был разлучен с нею, тем сильнее становилась похоть.

Засев в своей каюте, Валард и Янф играли в кверист, Джейм корпел над очередной длинной записью в дневнике; Карил же взял в руки гуитарру, сочиняя очередную печальную любовную песенку — из тех, которыми заманивал женщин в свою постель. Лишь Трев находился на палубе после вечерней трапезы, однако держался поодаль, безмолвно наблюдая за Ри.

Сперва вперед, а потом назад. Недавно картины, которые он видел глазами Кеит, переменились. А сегодня поздним вечером Ри увидел мужчину... почему-то показавшегося настолько знакомым, что присутствие оного в постели Кеит еще более его разъярило — из-за этого самого искусительного сходства. Они были любовниками — Кеит и этот незнакомец.

Ри были известны все потребности Карнеи, собственные он подавлял чарами — огромной ценой. Подступавшую похоть он одолевал с помощью заклинаний — но при этом пылал изнутри, страдал от ужасных припадков ярости, доводящих до слепоты, головных болей, и Трансформация приходила к нему быстрее и мучительнее. Тем не менее он не покорялся похоти и потому не сумел представить своей матери с полдюжины незаконных отпрысков, когда она потребовала от него занять место отца.

Кеит очевидным образом не была знакома с магией Волков. И с заклинанием, способным подавить похоть. Она не могла обуздать желания Карнеи.

Ри это безразлично.

Она предназначена ему. Он объявил ее своей, пометив своими чарами; Кеит просто не могла принадлежать другому мужчине. Но, закрывая глаза той ночью, он увидел, как она ласкает этого незнакомца, целует его, занимается с ним любовью, и поклялся себе: настигнув Кеит и объявив ее своей, он вырвет сердце этого незнакомца и раздавит его в собственной ладони.

Глава 26

Даня зашевелилась во сне и вскрикнула, пробудившись от этого вскрика. Еще один кошмар, новое возвращение брошенной своей же Семьей узницы в темницу Сабиров на пытки и муки. Пробуждение оказалось ничем не лучше, ибо кошмар остался в ночи, а реальность вновь протянула к ней несчетные, назойливые щупальца. Невидимые глаза следили за ней; невидимые незнакомцы проникали внутрь нее и ласкали дитя, которое она носила. Эти незнакомцы сулили ей ложь: любовь, безопасность, спокойствие, заботу, сочувствие, радость. Она отгоняла тех, кто пытался удушить ее лживыми утешениями, но не могла отгородить от них своего незаконного ребенка.

Их присутствие не прекращалось целыми днями. Она просто не могла выносить его. Ей хотелось кричать, ломать все вокруг, избить кого-нибудь — но, как и прежде, она была бессильна. Даня поежилась под меховой одеждой, но не от холода.

Тихо, дитя, промолвил Луэркас. *Тихо. Страх не поможет тебе и ничего не изменит. Пусть пользуются, не трать свои силы на напрасное сопротивление. Настанет и твой час. А теперь вставай, пойдем со мной — я покажу тебе нечто удивительное.*

— А какое это имеет отношение ко мне? — спросила она.

Тихо. Об этом не здесь и не теперь. Довольствуйся тем, что они не причиняют тебе боли. Скоро мы поговорим с тобой о том, кто они и чего хотят. Скоро. А пока пойдем. Пока есть еще время, пойдем.

Луэркас не понимал, что эти постоянные прикосновения ощущаются ею как насилие. Он говорил, будто причиной его смерти послужило нечто подобное происшедшему с ней... однако он уговаривал ее уступить, прекратить сопротивление, а это означало, что на самом деле он уже ничего не помнит.

Тем не менее лучше хоть что-нибудь делать, чем лежать во тьме и терпеть бесконечные прикосновения незнакомцев. Даня встала, и балахон сполз на пол. Она натянула меховые

штаны, которые сшила для нее Тейайейи, жена хозяина, и переделанную специально для нее меховую куртку — подарок женщин из соседнего дома, — прятавшую шипы на ее хребте и суставах, подчеркивая возмутительное уродство. Потом Даня надела выложенные соломой сапоги — они согревали ноги, но оставляли на виду ее когти. Она прислушалась... Тейайейи, Гоерг и их дети мирно спали на сеновале, и Даня неслышно поползла по коридору, шедшему от большой комнаты, в которой она жила, к выходу. Хозяева спали чутко, и хотя они никогда не задавали ей вопросов, Даня считала своим долгом предоставлять им объяснения собственных поступков и передвижений — на все еще ломаном карганезийском.

Снаружи по-прежнему царила долгая ночь и арктическая зима. Низкие злобные звезды сияли холодным светом. Снег скрипел под плоскими кожаными каблуками ее сапог, ему вторило лишь завывание ветра на далеких сугробах.

Иди по главной дороге. Спустись к реке. А когда дойдешь до нее, переберись на другой берег и поверни направо вдоль утесов.

Она уже успела довольно хорошо ознакомиться с местностью. Нужно было хоть чем-нибудь заняться, и она предложила свои услуги деревенским жителям... Через несколько дней, с опаской, карганезийские женщины попросили ее вместе с ними носить припасы из далеких потайных складов в подземные дома. Она согласилась, и нагруженная пищей процессия уже возвращалась в деревню, когда на женщин набросилась стая лоррагов.

Звери эти, точнее Шрамоносные чудовища, прежде — до изувечившей их Войны Чародеев — были, наверное, медведями или волками, а может, и кроликами. Они рыли себе норы под снегом — и там, где такое было возможно, и там, где этого нельзя было даже заподозрить, и разгуливали по насту на четырех широких лапах, почти незаметные в своих плотных белых зимних шубах. Жуткие были звери, куда страшнее и коварнее волков — правда, чуточку поменьше, постройнее, побыстрее и покрепче. Четверо лоррагов, вынырнувших из проделанных под снегом ходов, ничем не предупредили о своем появлении и, не окажись здесь Даня с ее клыками и когтями, погибла бы не одна карганезийская женщина.

Спасение женщин — как, впрочем, и то, что селение не потеряло ни крохи еды, — помогло Дане снискать всеобщее доверие и благодарность. Теперь уже никого не смущало, что она покрыта Шрамами, не похожими на их собственные. Она стала участвовать во всех походах за провиантом; ее начали приглашать на обработку шкур и шитье, хотя Данины руки не были способны удержать крошечную костяную иголку или вставить в ушко тонкую жилку. Физическое сложение ее теперь более соответствовало

занятиям охотой, и посему мужчины-карганы всегда рады были взять свою гостью с собой. Она обладала более острым обонянием и на коротких дистанциях успевала перехватить дичь, которая вполне могла бы уйти от хозяев здешних мест. Присутствие Дани положительно сказалось на благосостоянии поселка, и карганы, в свою очередь, были очень признательны ей. Женщины приносили ей подарки, старшие приглашали на советы. Ее приняли в племя, совершив положенный ритуал в дымовой хижине, и юноши, коим рано было ходить на охоту, вместе со стариками и искалеченными на охоте обновляли для нее заброшенный дом, как делали это для взрослых детей, остававшихся жить в деревне.

Ну а покуда жилье еще не было готово и очищено по традиции, ей приходилось делить кров с семейством Гоерга, копить подарки и то охотиться с мужчинами, то работать с женщинами.

Горечь не покидала ее. Даня не могла простить собственную Семью, не могла простить Сабиров; ей не удавалось забыть о Шрамах, превративших ее в чудовище, и не рожденном еще ребенке, плоде насилия. Горечь лишь усугубилась от того, что Даню приняли в племя карганов: ей трудно было забыть, что сами они являлись подобными ей чудовищами. Ее неотступно преследовала мысль, что ей никогда не вернуться домой, что она навечно извергнута из общества людей и что те из прежних знакомых, кто наверняка обрадовался бы встрече, никогда более не попадутся ей на жизненной тропе. Тем не менее... если б только она могла пройти через всю Иберу, не погибнув от рук людей в своем нынешнем облике; если бы только она сумела добраться до Волков, Семьи Галвеев, они приняли бы ее в свое общество, и она вышла бы в круг, где Увечные вершат свои чары. Ей пришлось бы таиться во тьме и видеть прежде любимый мир лишь глазами молодых Волков, еще не побывавших в кругу и поэтому свободных.

Впрочем, все знакомые ей в прошлом люди были теперь отобраны у нее, и она не могла ничего сделать, чтобы вернуть назад хотя бы одного из них. Она умерла для них... и они для нее.

Погруженная в тягостные раздумья, она топала в темноте по хрустящей корочке слежавшегося снега, лишь изредка проламывая ее, и быстро добралась до реки. Карганы называли ее Солема, что означало «Наше благословение». Река оставляла незаживающую рану на сплошной белизне тундры — темную линию, заметную даже во мраке. Ветер нес тонкие струйки снега по скользкому, как зеркало, черному льду, однако снежинки не задерживались на нем. Даня вступила на лед без раздумий — не опасаясь того, что он может не выдержать ее вес. Ей приходилось помогать деревенским жителям рубить лед, чтобы добраться до текущей под ним воды — из этих прорубей здесь доставали воду для питья и приготов-

ления еды; в них опускали также бечевки, снабжавшие племя свежей рыбой, разнообразившей обычную пищу: вяленую рыбу, копченое мясо, а иногда и свежую дичь. Даня по собственному опыту знала, что толщина льда превышает ее рост.

Чувство новизны, вызванное снегом и льдом, быстро притупилось. Они превратились в дополнительные препятствия: на гладком льду скользили не только ее когтистые, покрытые жесткой чешуей ноги, но и сапоги. Она цеплялась за лед широко расставленными когтями, она разводила пошире руки для равновесия. Ей снова захотелось овладеть искусством скольжения по льду с помощью узких, вырезанных из кости пластин, которыми пользовались карганы... Впрочем, ее неподатливое, изувеченное тело наверняка не было способно воспроизвести нужные для этого изящные и плавные движения.

Словом, чтобы добраться до утесов на том берегу, потребовалось немало труда и усилий, и она даже запыхалась, когда очутилась там.

Даня успела забыть указанное Луэркасом направление.

— Куда теперь?

Поверни направо и поднимайся на утесы, но не на самую верхушку. Иди вдоль берега, но держись чуть пониже гребня — чтобы тебя не было заметно на фоне неба, если кто-нибудь вдруг решит посмотреть.

Даня удивилась словам Луэркаса... Кому она может понадобиться? Насколько она могла судить, местные жители ценили право на уединение. Раз уж она отправилась погулять, значит, никто не будет расспрашивать ее, куда она ходила и что с ней случилось во время отлучки... ее даже не спросили, откуда она и, наконец, что собой представляет. Знакомясь, они называли собственные имена, но не просили, чтобы она назвала свое. Когда она впоследствии открыла его, жители деревни отнеслись к нему как к дару. Она просто не могла представить, чтобы ее взялись разыскивать — если только не решат, что она попала в беду. Даня сообщила об этом Луэркасу.

Сюрприз, который я приготовил для тебя, известен и местным жителям, только как бы отчасти. Никто из них не видел его, никто не решился на это. Суеверия внушают им страх перед этим местом, хотя ни сами они, ни их родители, ни деды, ни прадеды не посмели проверить истинность своих суеверий. Если карганы догадаются, что ты пошла в Ин-Канмереа, как называют это урочище, то будут опасаться и за твою жизнь, и за твою душу. Сделав паузу, он добавил: *Ин-Канмереа означает «Обитель призрачных демонов». Я мог бы рассказать тебе некоторые их легенды, однако на деле у них нет никакой основы — и посему не стану тебя утруждать.*

Тебе лучше увидеть все своими глазами. В новой его паузе угадывался вздох. *Не знаю, посмеет ли хотя бы один из карганов попытаться спасти тебя, узнав, куда ты идешь... Впрочем, не стану гадать; похоже, за очень короткое время они просто влюбились в тебя.*

Даня ничего не ответила. Карабкаясь вдоль края утесов, она пыталась представить себе, какого рода суеверия могут завестись в головах у карганов — сколь бы удивительным ни являлось заповедное место. Подобная идея противоречила всему, что доселе удалось ей узнать о них. Карганы боялись того, что представляло реальную угрозу для них... скажем, лоррагов или леденящих шквалов, один из которых погубил юношу уже после ее появления в селении. Однако люди противоречивы. Такова человеческая природа. И Даня решила, что правило это должно распространяться даже на существа, являющиеся людьми лишь отчасти, — на Шрамоносцев.

Таких, как она.

Путь к утесам вел ее вдоль излучины, и деревня скрылась из виду. Луэркас немедленно посоветовал ей: *А теперь поднимайся на гребень. Но иди вдоль реки — иначе можешь пропустить Ин-Канмереа.*

Пропустить Ин-Канмереа было очень просто — при всех непрерывных наставлениях она едва не миновала вход, до которого спокойно сумела бы дотянуться левой рукой. Белый на белом снегу, обсыпанный теми же снежными искрами, он мог бы показаться большим, страшным на вид утесом. Снег, припорошивший углы длинной, изгибающейся лестницы, уходящей в недра покрытой снежной коркой тундры, лишь укреплял эту иллюзию.

Спускайся медленно: лестница, возможно, обледенела. Когда-то ступени охраняло согревающее заклинание, но раз на ней собирается снег, значит, чары рассыпались.

Даня с нелегким чувством посмотрела вниз, во тьму. Карганы опасались всего, что казалось им опасным; они выжидали, стремясь обнаружить заключенную в неизвестном угрозу, прежде чем страшиться ее. Если б они поступали иначе, Даня погибла бы в тот самый миг, когда провалилась сквозь кровлю в жилище Гоерга. Помедлив возле входа в Обитель Призрачных Демонов, она вполне логично представила Луэркасу причину своих колебаний.

— Если заклинание когда-то действовало, оно работает и теперь. В соответствии с Законом Магической Инерции чары сохраняют свою силу до тех пор, пока не подвергнутся противоположному воздействию.

Ты точно процитировала своего учителя. Однако правило в данном случае неприемлемо. Вспомни чары, искалечившие тебя и отшвырнувшие из Иберы в эти края. Вложенная в это заклинание энергия сотрясла ударными волнами почти весь материк. А

может, и всю планету. При этом они возродили к жизни множество дремлющих чар и пригасили немало действующих. Готов держать пари, что заклинания Ин-Канмереа действовали до твоего появления здесь. Иначе ступеньки эти растрескались бы столетия назад.

Тем не менее она оставалась наверху лестницы. Колеблясь. Опасаясь.

Луэркас начал волноваться. *Поспеши, девочка. Тебя ожидает истинное чудо.*

Хотела ли она увидеть истинное чудо? Поставив ногу на первую ступеньку, Даня остановилась. Однако более колебаться не стала. Все-таки она уже пришла сюда; кроме того, очертания лестницы и гладкий белый материал, из которого были изготовлены ступени, чуть приободрили ее: такими были лестницы в Доме Галвеев. Итак, решила она, лестница ведет ее вниз, в одну из обителей Древних или какое-нибудь их общественное сооружение. И в том и в другом случае она получит возможность хотя бы на короткое время оказаться среди предметов, напоминающих о Доме.

Даня упорно спускалась, и постепенно глаза ее приспосабливались к почти непроницаемой тьме. Впрочем, когда, судя по ощущениям, она совершила три полных оборота вокруг спирали, свет вовсе погас, и даже при своем немыслимо остром зрении Даня остановилась.

— Ты хочешь, чтобы я шла дальше?

Внутри ты найдешь и свет. Тебе осталось пройти совсем немного, и никакая опасность тебе не угрожает.

Даня не знала, верит ли на самом деле Луэркасу, однако это ничего не значило. Она вела правой рукой по стене, левой прикрывала лицо, чтобы не удариться о твердую стену, а ногой всякий раз нащупывала ступеньку внизу, прежде чем сделать шаг... Таким образом она спустилась еще на один виток лестницы.

Как оказалось, лицо можно было не прикрывать. Звуки шагов ее изменили громкость и тон, становились тише, предупреждая об окончании спуска... так что дверь перед собой Даня обнаружила скорее слухом, ощутив, как застыл перед ней воздух, и только потом коснулась ее пальцами.

— Я пришла, — сказала она.

Да, открой дверь и войди.

— Там есть какие-нибудь ловушки?

Разумная мысль, только ловушек нет. Дверь откроется — как любые входные двери в доме твоей семьи, ты, наверное, заметила...

— ...что здесь обитали Древние? — прервала она сей голос. — Да, я это заметила.

Даня провела пальцами по двери, нащупав ее среднюю линию. Потом заскользила рукой вверх, пока не наткнулась

на холодную, скользкую рукоятку; подняла ее, ладонью другой надавив на пластину под нею.

После недолгого раздумья дверь отворилась. Даня шагнула внутрь. Пахнуло пылью и затхлостью. Она чувствовала, что оказалась в огромном зале, однако не могла ничего видеть: абсолютная темнота не предлагала ей никаких ориентиров.

— Еще один шаг, и я совсем потеряюсь, — сказала она, — я могу развернуться не в ту сторону, потерять дверь, могу заблудиться в темноте и умереть...

Конечно, можешь, если не включишь свет. Ощупай правую от тебя стену, на ней есть панели. Протяни руку.

Даня так и поступила. Рука ее коснулась чего-то мягкого, рассыпавшегося в пыль от ее прикосновения, и обнаружила несколько выступов. Она нажала на них, и тысячи теплых, мерцающих огоньков зажглись в полудюжине длинных коридоров, уходивших в разные стороны. Свет отражался в искрящихся призмах, многочисленных словно звезды, и покрывал пол фантастическими радугами. Сработан он был в основном из ценного темно-синего камня с золотой искрой. Отраженные искры делали пол живым, ей казалось, будто она идет по воде.

Даня охнула.

— Как прекрасно!

Древние не задумывали Ин-Канмереа как личную резиденцию. Просторный зал мог бы вместить тысяч десять гостей за один раз и предназначался для движения транспорта по широким ветвящимся коридорам. На колоссальном полу там и сям возвышались изящные кораблики фонтанов. Воды в них не было, но Даня подозревала, что они работают — как в Доме Галвеев, — и для включения их следует нажать панель, находившуюся возле основания.

Ей очень хотелось это сделать, однако она сдержала себя. Луэркас собирался что-то показать ей... едва ли он так стремился привести ее в Ин-Канмереа лишь для того, чтобы показать красивые фонтаны. Он имел в виду нечто более существенное.

И в самом деле он заговорил: *Иди в первый коридор слева. Повернешь по нему в обратную сторону и пойдешь до конца, где поперек будет новый коридор. Когда ты достигнешь места, откуда начнется разветвление, ступай направо. И поспеши — у нас много дел.*

В будущем у нее найдется время, чтобы подробнее исследовать все сооружение.

Коридоры тянулись на невероятное расстояние. Должно быть, она миновала не менее сотни дверей по обе стороны коридора, прежде чем добралась до конца первого из них. Обернувшись, она увидела лишь коридор... никаких признаков су-

шествования огромного зала, оставшегося за спиной. Поглядев же налево, а потом направо, Даня не заметила обоих концов коридора.

Она ощущала себя здесь крохотной, юной, равной мгновению — столь велики были размеры и возраст оставшегося от Древних сооружения. Даня заспешила, стремясь попасть в ту часть здания, размеры которой в большей степени соответствовали бы ее собственным. И к тому времени, когда она попала туда, торопливая походка превратилась в рысцу, а та, в свой черед, уступила место паническому бегству. Задыхаясь, Даня припала к последней двери с правой стороны коридора и, наконец, услышала приказ Луэркаса открыть ее. В голосе его звучал снисходительный смешок, вовсе не понравившийся ей.

Даня вошла, нащупала панель и нажала на нее — тотчас все помещение наполнилось светом. Даня огляделась. В отличие от зала и коридоров эта комната не была столь красиво убрана. Просторный округлый зал рядами уходил в землю. В центре самого нижнего круга на помосте находилось круглое сиденье под куполом с колоннами. Все, что находилось в этом помещении: ряды простых сидений, скромный купол над центральным сиденьем, плоские, чересчур яркие фонари над головой, — свидетельствовало о том, что место это предназначалось для работы.

Но какой?

Спустись к помосту. Сядь на край круга, но так, чтобы твоя голова оказалась под куполом.

Странные наставления. Пожав плечами, Даня повиновалась.

И вдруг ослепительно ясно открылась ей причина. Чувство непрерывной слежки, прикосновения неизвестных и нежелательных наблюдателей исчезло полностью. Она пока ощущала как будто из великой дали ее связь с ребенком, которого она носила в своем чреве, однако соприкосновение это стало безличностным и неопасным.

Ты еще слышишь меня?

— Да.

Хорошо. Не шевелись... Если твое тело окажется целиком под куполом, следящие за тобой преступники тут же поймут, что потеряли контакт с тобой. А пока они так привязаны к твоему ребенку, что просто не могут заметить, что ты укрылась от их слежки, и если ты позволишь им понять, что способна, хотя бы временно, исчезнуть для них, они сдвинут звезды небесные, дабы вернуться к прежнему положению дел. Возможно, они уже сейчас настолько сильны, что ты ничем не способна помешать им.

— Кто они?

Шайка скрывавшихся волшебников, которые вынашивали свою идею — низвержение мирового порядка — целую тысячу

лет. Теперь они нашли своего вождя и сделают все что угодно, лишь бы добраться до него.

— Но какое все это имеет отношение ко мне?

Ты носишь этого чародея в своем чреве, Даня.

Она не хотела слышать об этом. Довольно с нее и беременности. Мало ли пережитых ужасов, которые привели к ней? А теперь еще стая мошенников Волков претендует на проклятый плод, в котором они видят своего будущего спасителя, сумев найти способ взять его под свой контроль и следить за нею.

— Есть травы, которые избавляют от беременности, — промолвила Даня.

Есть, но такой поступок будет ошибкой. Если ты попытаешься принять подобные травы, эти колдуны увидят в тебе угрозу и помешают тебе воспользоваться ими, более того, они могут полностью стереть твой разум... Им он не нужен, ведь твое тело способно само произвести надобного им героя. Вот почему мне пришлось в такой спешке доставить тебя сюда: ты начала слишком явно проявлять свое неудовольствие их вторжением, и могла бы воспротивиться ему, еще не узнав от меня о той опасности, которую они представляют для тебя. Они способны погубить тебя, Даня, но я не позволю им этого, если только сумею остановить их.

Ей стало дурно.

— При чем тут этот ребенок? При чем тут я? Разве я еще недостаточно претерпела?

Именно это и является причиной. Младенец, которого ты понесла, зачат Волком-Сабиром, являющимся также Карнеем, от волчицы Галвеев — подобное сочетание несет в себе колоссальный магический потенциал даже при обычных обстоятельствах. Однако обстоятельства, при которых ты зачала, нормальными назвать никак нельзя. Ты стала каналом для самого большого импульса магии со дня Войны Чародеев. Импульс этот искалечил и тебя, и еще не рожденное дитя. Полученные им Шрамы могут быть незаметны снаружи, однако они способны превратить его тело в идеальный дом для давно упокоившегося вождя этих чудовищ, пытающихся овладеть тобой и миром.

— Что же мне делать?

Пока ничего. Твое время придет, когда ты сможешь полностью овладеть собственным телом и, быть может, вырвать дитя у них. Возможно, ты не сумеешь спасти ребенка, несмотря на все усилия, но ты можешь спастись сама — если будешь осторожна. Прикинься, что не замечаешь их, а в тех случаях, когда присутствие их станет таким навязчивым, что его нельзя будет не заметить, веди себя так, как если бы не обращала на них внимания... Более того, делай вид, будто даже рада им. И никогда не забывай о том, что они опасны.

Даня закрыла глаза. Это все равно, как если изображать, что ей безразлично — насиловали ее или нет. Хватит ли у нее воли сделать это — даже для того, чтобы спасти собственную жизнь.

Луэркас нерешительно вторгся в ее раздумья.

Я должен сказать тебе еще одну вещь.

— Что?

Я буду рядом с тобой. Буду следить за тобой, но разговаривать смогу, только когда ты будешь приходить сюда.

Итак, ей предстояло лишиться духа-хранителя и защитника, покорившись вторжению в тело и разум. Можно и не удивляться.

— Почему?

Потому что я смогу защищать тебя только в том случае, если мое присутствие останется тайным. Как только твои враги узнают обо мне, они тут же атакуют меня и — при моей нынешней слабости — уничтожат.

— Они никогда не узнают о тебе от меня.

Тогда в конечном счете мы победим.

Свет вспорол Вуаль, закручиваясь внутрь как уничтожающаяся галактика, и Звездный Совет приступил к новой встрече.

На сей раз, однако, волнение и энтузиазм первой встречи рассеялись. Ритуальным приветствием Дафриль потребовала от собравшихся тишины и тут же спросила: *Кто-нибудь обнаружил Луэркаса?*

В прозвучавшем потоке отрицаний один голос произнес: *Нам удастся найти его, если мы потребуем этого от своих аватар.*

Терпение, возразила Дафриль. *Моя аватара близка к Зеркалу Душ... Через какие-нибудь месяцы она сможет вернуть его цивилизации. Аватара Сартрига преследует ее, надеясь захватить Зеркало, чтобы развоплотить Сартрига, которого считает своим покойным братом. Если моя аватара ошибется или столкнется с неудачей, Сартриг захватит Зеркало. Перед нами большая проблема, чем собственное бессилие или длительное отсутствие Луэркаса... Проблема, заставившая меня собрать вас.*

Веррис спросил: *Что может быть хуже?*

Соландер вернулся.

Члены Совета ответили на новость гробовым молчанием.

Наконец кто-то осмелился спросить: *Ты уверена?*

Уверена, как в собственном существовании. Вопрос показался Дафриль глупым и неуместным.

Но мы погубили Соландера, изгнали его за внешнюю Вуаль.

Прошло время, сказала Дафриль, *и он нашел дорогу домой. Соколы его не погибли, они обнаружили своего вождя и*

уже отвечают на его призывы. Моя аватара вступила в контакт с ним. Он уже воплотился, хотя еще не рожден.

Вновь наступило полное ужаса молчание. На сей раз его некому было нарушить. Поэтому Дафриль сказала: *Соландер здесь, и мы должны считаться с перспективой нашего поражения. Посему, не впадая в панику по поводу отсутствия Луэркаса или нашей собственной слабости, мы должны отыскать способ погубить Соландера. У нас нет более важного дела.*

Глава 27

—Мне кажется, я смог бы простоять возле тебя целую жизнь, — молвил Ян.

Кеит улыбнулась и отвела с его щеки упавшую прядь волос. Они стояли на передней палубе «Кречета», наблюдая за тем, как корабль продвигается по узкому проливу меж двумя островами к пространству чистой воды за ними.

— Я тебе скоро надоем, — ответила Кеит игриво и непринужденно. — От меня быстро устают. Всем надоедают мои бесконечные причуды.

— Пока я не замечал их. — Ян обнял ее за талию и прижал к себе.

Кеит не стала поддаваться печали, постоянно твердившей, что, если б Ян знал, какова она на самом деле, он тут же испытал бы отвращение. Мысль о том, что он действительно любит ее... что подобный Яну мужчина и впрямь способен полюбить ее, была столь приятна, что Кеит хотелось не расставаться с этой иллюзией как можно дольше.

— Не видел, — согласилась она. — Ты еще их не видел.

А потом решила переменить тему.

— Я еще не видела более прекрасной местности.

В словах Кеит не было никакого преувеличения. Острова, находившиеся позади и по бокам «Кречета», напоминали неограненные изумруды, поднимавшиеся из гладкой словно стекло сапфировой глазури. Ониксовые утесы и пляжи, искрившиеся черными бриллиантами, лишь подчеркивали пышную красоту островов. Леса плотно укутывали подножия скал; прямо над макушками деревьев поднимались каменные столпы. В мягком и тихом свете этих широт листья трепетали и играли на ветру подобно серебряным монетам.

— Восхитительный край, — ответил Ян, тем не менее морща лоб и хмурясь. — Но такая тихая вода не внушает мне доверия.

Ветра, однако, хватало, чтобы наполнить паруса корабля, сохранявшего ровный ход. Кеит сказала об этом.

— Дело не в ветре... в островах. И воде. Мне уже приходилось видеть нечто похожее... — Оторвавшись от нее, Ян подошел к поручню и поглядел вниз на воду, потом снова на острова.

— Ворона! — выкрикнул он.

Перри Ворона отозвался из наблюдательного гнезда, устроенного высоко на мачте:

— Капитан?

— Мы уже вышли из этой цепи островов?

— Похоже.

— Скажи тогда, как она идет по обоим бортам.

Глядя из-под ладони, Перри повернулся сперва налево, потом направо.

— Севернее от нас острова уходят к норд-норд-осту, а южнее — к зюйд-зюйд-осту.

Кеит заметила, что моряки на корабле вдруг притихли; ей показалось, будто они разом затаили дыхание... да что там — вовсе прекратили дышать.

— Что случилось?

Ян, даже не посмотрев на нее, крикнул:

— Как там они загибаются?

Наступило молчание, за которым последовало:

— Ох, дерьмо! Капитан, мы в кругу! И в большом!

Ян отреагировал мгновенно.

— Разворачиваемся. Разворачиваемся и на всех парусах отсюда! Живо!

Экипаж повиновался, выдавая испуг невероятной быстротой движений.

Внутри круга существовали две вероятности. Первая — под ними лежал колоссальный потухший вулкан, иззубренный край которого образовывал кольцо островов. Это было бы не страшно. Истинный ужас вселяла возможность угодить в не нанесенные на карту Кольца Чародеев.

В сей миг Кеит невольно взмолилась, мечтая, чтобы хоть один из множества богов услышал ее. Однако уши какого бога внемлют молитвам проклятой? И если они попали в Кольца Чародеев...

«Кречет» не сумел развернуться. Он, казалось, обрел собственную волю... и направлялся прямо на восток по гладкой словно стекло воде.

— Разворачивайте корабль! — завопил Ян. — Разворачивайте, если вам дороги собственные шкуры!

Он рванулся к штурвалу, оставив Кеит на носу изучать поверхность воды, над которой уже курился туман. Про-

зрачный, бледный, опалесцирующий, он играл то розовым, то бледно-зеленым, то голубым цветом; клубясь, он уже образовывал на зеркальной поверхности океана крошечные облачка.

Один член экипажа, имевший человеческий облик, истошно звал парниссу; некоторые Шрамоносцы, распростершись на палубе, возносили молитвы на своих языках.

Не подчиняясь усилиям капитана и экипажа, «Кречет» сохранял курс — словно бы его вели на восток невидимые руки самих богов. Однако Кеит было известно, что длани сии принадлежат сущностям, отнюдь не доброжелательным.

Парниса вылетела на палубу с целой охапкой священных предметов в руках. В окружении мужчин и женщин, Увечных и людей, она разложила святыни на алтаре, устроенном посреди дощатой палубы, и упала перед ним на колени. А потом трепещущим, певучим голосом завела «Прошение Лодан о Заблудившихся». Лодан, богиня любви и утраты, правила в этом месяце, и ее обязанностью было оплакивать мертвых и пропавших без вести. Кеит решила, что парниса настроена чересчур пессимистично.

Однако ситуация, и без того скверная, ухудшалась прямо на глазах. Из поверхности моря, словно призраки из могил, восстали белые искрящиеся туманы — они вздувались и расползались во все стороны. Паруса поникли, в них не было ветра, но корабль двигался все быстрее. А когда, на пределе своего слуха, Кеит уловила тоненький словно бритва вопль, по ее коже побежали мурашки, и сердце заколотилось.

Экипаж оставил все попытки развернуть корабль. Некоторые мореходы подобно Кеит стояли на палубе и наблюдали за происходящим вокруг, слишком поглощенные грозящим несчастьем, чтобы шевелиться. Многие стояли на коленях, плакали и молились. Ян находился возле штурвала и вовсю поносил богов, то угрожая им, то предлагая сделку.

Кольца Чародеев. Они относятся к числу мест, куда угодил заряд наихудших и самых весомых чар, созданных во время Войны Чародеев. Скорее всего там, где теперь проплывал «Кречет», некогда стоял город, послуживший мишенью для изголодавшихся по власти безумцев. Там, где теперь плескались неизмеримые воды океана, некогда жили люди... жили, трудились, любили, надеялись... в домах, построенных на холмах и равнинах, на прочной, сгинувшей ныне земле. Ушедшей в небытие вместе со всеми, кто сроднился с ней, со всем, что было им дорого.

Люди, не попавшие в область полного разрушения, получили Увечья, и потомство этих несчастных по сию пору оставалось Шрамоносным, превратилось в чудовищ, порожденных злом, к которому они не причастны. Внутри адских Колец исчезла

земля, дома и люди. Что сделалось с ними — не ведал никто. Но Кольца сохраняли свою силу. Насколько было известно Кеит, вошедший в любое из них уже не выходил оттуда.

Возникавшие из туманов призраки закрывали небо, смыкались вокруг корабля, словно закутывая его в вату. До слуха Кеит донеслось несколько всплесков, за туманным пологом прозвучали голоса. Сотканное чарами облако сгустилось до черноты, превращая день в ночь. Лишь глянув вверх, Кеит смогла заметить свидетельство того, что солнце еще не померкло и свет его не погас. Туман изменил характер звуков... они казались одинаково далекими и близкими. Звуки молитвы на палубе, возгласы парниссы, оплакивавшей души мужчин и женщин, так и не принявших смерти, чудились не более близкими или далекими, чем текучие, булькающие, бурлящие голоса, которые пытались исторгнуть осмысленные слова. Голоса прятались в объятиях тумана, и воображение являло Кеит обличья, способные издавать столь жуткие звуки: прогнившие трупы, чьи голосовые связки давно распались, а легкие наполнились водой. Страх, рожденный в ней чарами Хасмаля, представлялся ничтожным по сравнению с бесформенным ужасом, поглотившим ее в этот миг.

Туман начинал наползать на корабль. Невесомые щупальца тянулись к палубе сверху, вползали на нее снизу. Произведенная туманом мгла превращала их в крепкие белые лианы... или щупальца трупа морского чудовища. Неразборчивая болтовня сделалась громче.

Однако пальцы тумана не тянулись к мореходам, не дотрагивались до них. Едва оказавшись на корабле, они теряли форму, рассыпаясь водными каплями.

Вновь и вновь наблюдая это, Кеит испустила вздох облегчения... и невольно затаила дыхание. Девушка едва не рассмеялась. Нечто, находившееся на корабле, удерживало за бортом этот ужас. Возможно, Хасмаль, укрывшись в самых недрах «Кречета», вершил великое оберегающее заклинание. Или... впрочем, не важно. Корабль торопился вперед, а одушевленный туман распадался прежде, чем успевал перейти в атаку, и скоро — очень скоро — они выплывут за пределы Колец Чародеев.

Кеит видела, что и остальные начинают ощущать бессилие их чар. Звуки плача смолкли, полные ужаса молитвы превращались в благодарственные, и обращения к небесам уже начинали сопровождаться первым смехом — так бывает после того, как смерть прошла мимо. Некоторые мореходы обнимались.

Легкий ветерок задул в паруса, постепенно наполняя их, и корабль — и без того не медливший — прибавил скорость. Заметив это, экипаж «Кречета» разразился восторженными

воплями. Для полноты счастья теперь не хватало одного — чтобы рассеялся туман и у горизонта показались острова противоположного края круга.

Перри Ворона заорал:

— Вот они... легенды.

И пустился в пляс по палубе.

Наступив в лужицу воды.

Которая вдруг охватила его целиком, едва он коснулся ее.

Со скоростью молнии она покрыла его каким-то подобием пузыря.

Оказавшись внутри, Перри начал исчезать.

Растворяться. При этом Перри кричал и плакал... голос его становился все более неотличимым от голосов, звучащих в тумане. Несколько моряков бросились к нему на помощь... чтобы высушить его, освободить от твари, убивавшей впередсмотрящего. Но едва они дотронулись до несчастного товарища, как пузырь перескочил по мостику рук на их тела, поглотив и спасателей.

Они блестели во тьме... блестели и кричали. Ужас этих людей заражал всех на корабле — в том числе и Кеит. Тело властно потребовало Трансформации и, невзирая на всю заученную власть над собой, предало ее, обретя облик Карнеи.

Кеит оглянулась, пытаясь отыскать укрытие... место, где можно умереть незамеченной — подальше не от опасности, но от моряков. И человеческая, и животная части ее были равно потрясены этим кошмаром, сути которого она не могла понять, — охотящимся туманом и пожирающей добычу водой. Кеит боялась смерти и не хотела умереть животным. Но еще более не хотела она, чтобы ее увидели в этом зверином обличье, чтобы заметили ее собственный Шрам, чтобы присутствовавшие здесь поняли: и она является отверженной обществом — как и многие из них.

Именно в этот миг Ян вскричал:

— Все с палубы! Всем вниз, задраить люки! Двери залепим воском. Быстро!

И тут же одна из растущих лужиц охватила парниссу, и Ян не раздумывая рванулся вперед.

Кеит оказалась быстрее. Она пролетела над палубой в два прыжка и врезалась ему в грудь, не позволив прикоснуться к погибающей, распадающейся парниссе. Рыкнула, ухватила его за предплечье и потащила к люку, в котором уже исчезали другие члены экипажа.

— Чудовище схватило капитана! — заорал кто-то, и прочие подхватили крик.

— Убейте его! — услышала Кеит. — Убейте!

И только один голос выкрикнул:

— Капитана уже не спасешь. Не пускайте ее внутрь!

Над общим смятением возвысился единственный голос — Ррруиф закричала:

— Она спасла капитана! Не трогайте ее!

Кеит подтащила капитана к люку и попыталась столкнуть его вниз, однако протянувшиеся руки подхватили обоих и втянули на трап.

Моряки уже успели принести воск и свечи, и когда люк захлопнулся, мужчины и женщины сразу же принялись залепливать щели между дверью и проемом, размягчая воск пламенем масляных ламп. У Кеит не было рук, и она не стала путаться под ногами. Обнаружив темный уголок, она забилась в него и свернулась клубком, стыдящаяся самой себя и униженная разоблачением.

Впрочем, на нее не обращали внимания — моряки были слишком заняты люком и поиском течей на нижних палубах.

Кеит подумала, убьют ли ее мореходы, обеспечив свою безопасность. Находящиеся на борту люди могли бы захотеть этого... да и Шрамоносные не приняли бы ее за свою... Насколько было известно Кеит, ни один народ в мире не терпел оборотней. Существа, кажущиеся чем-то одним, а на деле представляющие собой нечто другое, повсюду вызывали ненависть... Во всяком случае, так казалось Кеит.

Воск как будто помог. Вода не проникала внутрь корабля, никто не начинал кричать и растворяться. Тишина царила на нижних палубах... все ждали знаков новой опасности или, наоборот, свидетельств того, что прежняя миновала и можно возвращаться на палубу, к работе. Неведомые голоса все еще звучали над морем, приглушенные деревянной стеной, окружившей тех, кто уцелел. Кеит слышала их без труда — как и Ррру-иф, которая время от времени сообщала всем, будто слышит еще эти звуки... слишком слабые, чтобы человеческие уши могли различить их, находясь за поскрипывавшим деревянным корпусом.

Кеит спала в обличье Карнеи, укрыв голову передними лапами, вытянув вперед к кончику носа задние и прижав хвост к животу. Проснулась она уже в человеческом обличье, тело ныло от неестественной для двуногих позы, которую она сохранила, даже когда Трансформация завершилась. Ян сидел возле нее.

— Я хотел поблагодарить тебя за то, что ты спасла мне жизнь.

Кеит тупо кивнула, вовсе не расположенная к благодарностям и любезностям. Как всегда после Трансформации, она пребывала в унынии, ее терзал голод, мучили опасения: а вдруг, узнав о ее сущности, все набросятся на нее. Ей хотелось наесться, спрятаться и уснуть. И ничего более. Снаружи над морем еще

стенали погибшие души; голоса их стали более зловещими, а корабль покачивался на сердитых волнах.

— Тебе плохо? — спросил он.

— Я голодна. Это один из симптомов моего... — подумав, Кеит решительно договорила: — ...моего проклятия... После я всегда голодна.

— Сходи в кладовую, возьми поесть. Чего захочешь и сколько захочешь. Я буду ждать тебя здесь. — Она кивнула и поднялась, а он добавил: — Будь осторожна. Если эта вода способна куда-то проникнуть, то прежде всего на дно корабля.

— Я буду осторожна.

Кеит чувствовала себя неповоротливой и тупоголовой. Она подумала, что если вдруг смертоносная живая вода просочится внутрь «Кречета», то ей не хватит быстроты и смекалки, чтобы избежать ее. Однако голод был сильнее чувства самосохранения, которое еще теплилось в ней, и Кеит направилась мимо безмолвно глазевших на нее моряков вниз по узкому трапу, на самую нижнюю палубу, под которой был только трюм.

Она знала путь к корабельной кладовой; в конце концов именно там они с Хасмалем магически соприкоснулись с Возрожденным. Подумав о нем, Кеит чуть приободрилась, что само по себе было для нее чудом. Вспомнив о Возрожденном, она вдруг обнаружила в себе надежду — даже в самый тяжелый миг.

Кеит следовало бы давно уже сообразить, что она еще не видела Хасмаля. Лишь обнаружив его на полу кладовой, смертельно бледного от потери крови, она поняла, что не встречала его с того момента, когда над морем начал сгущаться туман. Хасмаль ворожил. Его принадлежности в беспорядке валялись на палубе: зеркало, опустевшая чаша для крови, жгут, нож для кровопускания и еще несколько предметов, которых Кеит еще не видела и потому узнать не могла. Первой мыслью было: он умер. Однако ей сразу бросилось в глаза, что грудь Хасмаля чуть вздымается и опадает, а дыхание едва выходит из полуоткрытого рта.

Она встряхнула его, однако он не шевельнулся.

— Хасмаль, ты должен проснуться! Хасмаль!

Тем не менее он ничем не обнаруживал, что слышит ее... что смерть не стоит в одном дыхании от нее.

Она закрыла глаза, собрала все принадлежности в сумку, а потом спрятала ее среди мешков с ямсом. Если корабль сумеет выйти из Колец Чародеев, она вернет Хасмалю эти предметы. Она едва могла допустить, что такая возможность ей представится; и все же, учитывая их сомнительное назначение, нельзя было оставить на палубе вещи, которые Хасмаль так тщательно хранил. Убрав подальше магический инструментарий, она перекатила

Хасмаля на живот, а потом подлезла под него — так, чтобы плечи их были вровень. Пытаясь встать на ноги, она как будто услышала чьи-то шаги, и замерла, однако не смогла уловить ничего, кроме поскрипывания корабельного корпуса и стонов проклятых морских призраков.

Голова Хасмаля легла на ее правое плечо, руки плетями повисли вдоль ее шеи; полупригнувшись, Кеит не то понесла его, не то потащила из склада на трап. Там позвала на помощь, и перед ней появились несколько моряков.

— Я нашла его в кладовой. Едва дышит, — пояснила она. — Но я совершенно не знаю, что с ним произошло. Он очень бледен.

Не говоря ни слова, мореходы подхватили Хасмаля и понесли его прочь.

Кеит не стала провожать их; зачем даже пытаться предлагать какое-то объяснение. Что случилось с Хасмалем, она понимала — хотя бы отчасти, — однако все, что могла сказать, послужило б во вред Хасмалю, да и бросило бы тень на нее саму. Ей вовсе не обязательно знать, зачем Хасмаль оказался на складе и что с ним случилось. Пусть моряки делают собственные выводы.

Вместо этого она вернулась в кладовую и принялась за соленую свинину, сушеные фрукты и пиво. Наевшись до отвала, Кеит ощутила такую сонливость, что даже усомнилась в своей способности подняться на верхнюю палубу.

Очутившись в кладовой, она принялась ворочать мешки. Сперва она была уверена, за каким из них следует искать маленькую сумку, однако все они казались теперь совершенно одинаковыми, и уверенность ее поблекла. Она нахмурилась и взялась за мешки прямо с краю, отодвигая один за другим. И лишь когда Кеит вернула на место последний, она поверила в несчастье, обрушившееся на них с Хасмалем.

Сумочку кто-то украл.

Снаружи визжал ветер, хлестал дождь, а волны подбрасывали корабль как детскую игрушку. Ри пережидал шторм внизу; к собственному разочарованию, он обнаружил, что подвержен морской болезни, и только надежная койка, на которой он лежал пластом, удерживала его от мысли о неминуемой смерти. Время от времени то Карил, то Янф, на коих раскачивание судна явно не оказывало никакого воздействия, заходили, чтобы справиться о самочувствии Ри, Трева, Джейма и Валарда, сообщить им, насколько переменился курс и предложить еду. Ри подозревал, что последнее предложение объяснялось некоторой склонностью его друзей к садизму, поскольку от одного только слова «еда» все четверо обитателей временного госпиталя зеленели. Он надеялся, что сумеет прожить достаточно долго, дабы отплатить за такую услугу.

Когда-нибудь потом. В другие мгновения он уповал на то, что умрет прежде, чем погода сделается еще хуже.

Утешало его одно: связь с Кеит во время шторма еще более упрочилась. Она была погружена в собственные тревоги, и Ри благодарил судьбу за то, что корабль повернул на север и сможет избежать центра бури. Пусть им придется проплыть намного больше, зато корабль Сабиров не попадет в самый центр Колец Чародеев.

Сопровождавший ее колдун — тот, чьи обереги сделали ее поиск и обнаружение столь сложным делом, — опустил все свои экраны и сплел заклинание колоссальной силы. Ри не знал, откуда черпал ее этот маг, сумевший в одиночку вызвать ветер, несущий корабль Кеит сквозь Кольца Чародеев в мирные воды. Ри ощущал, как сплетает он свое заклинание, и был одновременно и заворожен, и потрясен количеством энергии, которую вложил в чары незнакомец. Подобная утечка энергии из собственного тела непременно должна была убить его; однако, несмотря на то, что неизвестный колдун отдал почти все свои силы и находился при смерти, Ри чувствовал, что тот все еще жив. Хотелось бы знать, какой монетой заплатил он за подобные достижения.

Это я смогу выяснить и потом, решил Ри. Незачем отказываться от набежавшего сна.

Тайны волшебника были ничтожны в сравнении с предметом вожделения Кеит... ради которого она пересекала океан. Его он заберет, как только догонит ее, — она будет его главным трофеем, но незачем отказываться и от приза, который рассчитывает получить она сама. Чтобы отправиться следом за ним, он заплатил колоссальную цену... отрекся от Семьи, чести, собственной жизни и жизни друзей, которым не суждено вернуться к прежнему. Покойный братец Кэделл нашептывал на задворках ума в те редкие мгновения, когда Ри опускал экраны, что предмет этот стоит любых усилий и жертв. Ри верил ему. И все же, ощущая, что алчет хотя бы одного доказательства правильности избранного им пути... кроме того, зная, что дома его считают покойником, он не сомневался — лишь крупный приз возместит ему все утраты.

Глава 28

—Капитан, мы уже все обсудили и хотим, чтобы с ней что-то сделали. — Ррру-иф стояла во главе небольшой группы моряков, взиравших на Яна Драклеса с упорством, которое он находил, пожалуй, тревожным. Кроткая и робкая Шрамоносная

женщина, столь долго знакомая ему, исчезла невесть куда, уступив место существу, похожему на испуганное животное. — Мы не потерпим, чтобы подобная ей находилась на борту корабля.

Страх был вполне понятен Яну. Он и сам ощутил его в миг перевоплощения Кеит. Боги не захотели, чтобы оборотни жили среди людей — иначе они не сделали бы этих бестий столь ужасными. Он подумал о проведенных вместе ночах и представил, что вдруг, проснувшись, обнаруживает у своего горла это клыкастое, сверкающее безумными глазами создание — вместо привлекательной женщины. По коже его забегали мурашки. Тем не менее Дракле не собирался выполнять требование экипажа; они настаивали, чтобы он откупорил дверь и выбросил Кеит на палубу в качестве жертвы демонам, населявшим Кольца Чародеев.

— Она спасла мне жизнь, — ответил он.

Незачем упоминать, что она захватила его воображение или что от вида Кеит сердце начинало сладко биться; подобные идеи ничем не помогут ему сохранить Кеит на корабле.

— И ты вновь напомнишь нам об этом, когда она опять превратится в чудовище и сожрет кого-нибудь из нас?

Ррру-иф терпеть не могла тех, кто выходил за рамки нормального... Ян давно знал об этом, однако ее суеверия прежде не беспокоили его. Теперь придется принять их во внимание, ибо экипаж любил Ррру-иф и она могла подбить их на бунт, не добившись желаемого.

— А мне кажется, — промолвил Ян, — ты сочтешь женщину, приговоренную к смерти самим фактом рождения, союзником, а не врагом.

Ррру-иф презрительно оскалилась.

— Ты решил, что можешь сравнивать нас потому, что ни той, ни другой нет хода в Иберу? Ты не имеешь права на это. Я есть то, что есть... все видят меня такой, какова я на самом деле. Я никогда не прикидывалась человеком ради привилегий и принадлежности к Семье. Она — лгунья, кровожадное чудовище, изображающее из себя друга. Хуже того, она в союзе с Хасмалем.

— Значит, ты не любишь и Хасмаля?

— Он — колдун.

Ян поглядел на нее, с сомнением: серьезно ли говорит Ррру-иф? А потом расхохотался.

— *Колдун?* Он — умелый корабельный мастер, хотя прежде и был лавочником. Но чтоб еще и колдуном?

Он продолжал смеяться, однако Ррру-иф не ответила на его веселье улыбкой. Напротив, она показала капитану небольшой мешок, скорее кисет из тонкой, старательно вышитой кожи; внутри него находилась оправленная в золото деревянная

чаша, зеркало и множество пакетиков с порошками, надписанные неизвестным ему почерком на столь же неведомом языке, набор для кровопускания и прочие странные предметы. И книга. *Тайные Тексты* Винсалиса. Он никогда не слышал об этой книге и не знал, о чем говорит содержимое кисета.

— Это сумка чародея, — пояснила Ррру-иф.

Мрачный кок Манир закивал за ее спиной.

— Однажды я видел как раз такой на казни в Калимекке, — сказал он. — Точно такой и с такими же вещами. Им парниссы и доказывали, что обвиняемый занимался чародейством. Грязное это дело. А теперь вот и среди нас волшебник затесался. А может, и два, потому что женщина-оборотень спрятала эти вещи прежде, чем потащить к нам самого колдуна. Вот мы и заплыли в Кольца Чародеев и, наверное, умрем, как и наши собратья.

Одобрительные возгласы пробежали по теснившейся друг к другу группе мореходов, словно рокот земли перед вулканическим извержением, и в рокоте этом чувствовалась та же угроза.

— Итак, мы требуем, чтобы их бросили в море, — заявила Ррру-иф.

Ни Кеит, ни Хасмаля поблизости не было видно. Обведя взглядом собственный экипаж, Ян понял, что проблема может превратиться в трагедию, и мгновенно принял решение. Наклонившись вперед, он произнес:

— Я не хотел рассказывать о цели нашего путешествия, пока мы не достигнем ее. Дело в том, что Кеит располагает манускриптом на неведомом мне языке, и в манускрипте этом написано, где отыскать город Древних, в котором до нас никто не бывал. Поэтому не требуйте, чтобы я забрал книгу и вышвырнул девушку в воду.

Молчание экипажа немедленно приобрело другой характер. Жадность вмиг вытеснила и ненависть, и суеверие. Ян понял это по лицам стоявших перед ним мужчин и женщин: по тому, как забегали их глаза, как напряглись рты, как они вдруг начали переглядываться, явно взвешивая перспективы.

Вздохнув, он продолжал:

— По прибытии на место вы обнаружили бы, что имеете свою законную долю. Однако я не хотел ничего говорить заранее — на тот случай, если мы ничего не найдем.

Он медленно сложил ладони у своей груди и заключил:

— Так что нам придется оставить ее на корабле... и его тоже, раз уж они такие друзья. Без них мы едва ли сумеем отыскать город. Я лично хочу стать богатым, как параглез. А вы?

Что-то бормоча, моряки принялись задумчиво разглядывать собственные ноги.

— А ты уверен, что она знает, где искать город? — спросила Ррру-иф.

— Нет. — Ян пожал плечами. — Но я иду на риск, потому что удача перевесит все возможные потери... конечно, в том случае, если она действительно знает, где искать этот город, и если мы сумеем обнаружить его. Я беру всю ответственность на себя. Вы доверились мне как капитану, и я учел ваши интересы и риск. Между прочим, я плыл в такую даль не за тем, чтобы отказаться от единственного шанса, находясь почти что у цели.

Он умолк. Моряки смотрели друг на друга, и он буквально видел их мысли. *Подождем. А от оборотня и колдуна можно будет избавиться, отыскав город.*

Ррру-иф скрестила руки на узкой груди.

— Итак, мы обнаруживаем город и берем его себе. А потом?..

Ян встретил ее взгляд с полным бесстрастием на лице.

— А ты как думаешь?

Шрамоносная увидела в его глазах именно то, что хотела увидеть. Опустив руки, она кивнула и с удовлетворением сказала:

— Тогда мы подождем.

В корабельном лазарете Кеит, сидя рядом с распростертым на койке Хасмалем, подносила к его губам кружку пива.

— Пей, — приговаривала она, — тебе станет легче.

Хасмаль был похож на труп. Черные круги залегли вокруг ввалившихся глаз. Губы посинели, кожа сделалась восковой и белой как мел.

— По-моему... я... вообще не способен... что-либо выпить, — прошептал он.

— Пей. Тебе понадобятся силы. — Кеит вздохнула. — И, вероятно, скорее, чем хотелось бы.

Она приподняла его голову, чтобы он мог пить. И когда Хасмаль сделал долгий глоток, Кеит позволила ему вернуться в прежнее положение.

— Что ты имеешь в виду... почему скорее, чем хотелось бы?

Кеит не стала откладывать плохую новость.

— Я спрятала мешочек с твоими принадлежностями, прежде чем вынести тебя из кладовой. И как только ты получил помощь, сразу же отправилась за ним. Однако его не оказалось на месте. Он исчез, и твой секрет стал известен всем — как и мой собственный.

Хасмаль чуть нахмурился.

— Твой секрет? Каким образом?

Он мог не прибегать к подробностям.

— Я испугалась, когда люди начали гибнуть, — ответила Кеит, — когда их съела... вода. И увидев это, я Транс-

формировалась. Просто не сумела удержать себя. Это видели почти все.

— Плохо. И еще они отыскали мою сумку?

— Да.

— Плохо. — Хасмаль застонал. — Хотя я даже не знаю, каким образом мне удалось остаться в живых. Я...

Он закрыл глаза и облизал сухие губы.

Приподняв голову беглого Сокола, Кеит дала ему еще глотнуть пива.

— Не надо говорить. Пей и поправляйся.

Спустя мгновение он отстранился от кружки.

— Мне нужно кое-что сказать тебе. Это важно, а я не рассчитываю остаться в живых.

— Ты будешь жить. Не говори так.

— Тихо. Слушай. — Он сделал новый глоток из поднесенной к губам кружки. — Вода — живая.

— Я видела... — Кеит хотела было прервать его.

— *Живая*, — повторил Хасмаль чуть погромче.

Заметив, каких усилий стоила ему эта попытка, Кеит умолкла, предоставляя Хасмалю сказать то, что он хотел.

Поглядев на нее, молодой человек чуть кивнул головой.

— Я гадал, чтобы определить грозившую нам опасность. Некогда там находился город, и в нем жило столько людей, что такого количества я просто не могу представить себе. Он был больше Калимекки, наверное, раз в десять. Чары, которые обрушили на город Демоны, пожрали дома, жителей, саму сушу... Край континента ушел здесь под воду. И образовавшаяся при этом котловина поглотила души всех живых существ. Гигантская чаша наполнилась водой, и магия отравила ее. Чары не дали покинуть воду усопшим душам; вместе они наделили воду жизнью. И памятью. Море под нами помнит каждую из миллиона оборвавшихся жизней, потому что, в сущности, каждая из них теперь принадлежит ему. Оно приняло жуткую смерть... миллионы раз. И хочет отмщения.

Кеит замутило.

Хасмаль продолжал:

— Возрожденному нужен хотя бы один из нас. Ты отважнее и скорее всего из нас двоих сумеешь выжить именно ты. Ну а мое чародейское искусство должно было охранить нас в дороге. Словом, я заключил сделку со своим богом Водором Имришем. Я предложил ему жизнь и душу за то, чтобы ты благополучно прибыла в город и к Зеркалу Душ. Он принял мое предложение. Так я считаю. Он сам сказал мне, что принял. Но я еще жив, поэтому могу ошибаться.

Держа в руке ладонь мужчины, называвшего себя трусом, Кеит подумала о том, что он готов был пожертвовать жизнью ради ее безопасности. *Отвага*, решила она, понятие относительное. С ее точки зрения, более доблестного поступка просто нельзя было совершить.

Кеит сказала об этом Хасмалю, но тот лишь пожал плечами.

— По-моему, иногда легче умереть, чем жить. И я счел заключенную сделку выгодной для себя — учитывая все беды, которые поразят этот мир, прежде чем воцарится Возрожденный.

Кеит еще слышала, как кричат в море многочисленные голоса.

— Откуда тебе известно, что мы уже в безопасности? — спросила она.

Хасмаль посмотрел на нее недоверчиво. А потом сощурил глаза и негромко засмеялся.

— Действительно, — согласился он. — Я забыл попросить бога дать мне условный знак.

Ян мечтал о своей уютной каюте, о свежем воздухе и дневном свете, о созерцании моря, которое так любил. Однако уцелевшие забились под нижнюю палубу — и капитан, и экипаж, и пассажир, — предоставив кораблю плыть по вольной воле, поскольку любая попытка управлять судном в живых водах Колец Чародеев непременно завершилась бы гибелью. А посему в надежном укрытии им оставалось только молиться, чтобы корабль не налетел на риф или утес, унося их с собой на дно моря; лишь такая стратегия позволяла им уцелеть.

Миновал день. Потом другой.

На третий, проснувшись, Ян заметил, что в палубные призмы ярко светит солнце, а вокруг не слышно никаких звуков — кроме плеска воды в борта корабля. Он спросил, слышит ли Ррру-иф голоса снаружи, и она, два дня дававшая ему мрачным голосом утвердительный ответ, улыбнулась и сказала, что все в порядке. Моряки принялись хвалить и ее острый слух, и новость.

Ян присоединился к ним. А потом решительно произнес:

— Ну, не пора ли снимать воск с люка? Придется подняться на палубу. Я выйду первым, но кто-то должен пойти со мной.

Вызвался Джейти, а с ним Ррру-иф. Предложили себя и Хасмаль с Кеит. Ян взял всех четверых, и уже впятером они принялись отковыривать воск от нижнего края люка. Остальные держались поодаль. Несколько моряков вообще предпочли убраться по разным углам корабля. Ян вполне понимал их. Его собственное сердце отчаянно колотилось, мешая дыханию; казалось, оно вот-вот удушит его. И рвение, с которым он стремился

выбраться из-под палубы, ничуть не уступало ужасу, с которым он ожидал открытия люка.

Однако в промежутке между дверью и порогом не показалось даже капли воды. Кеит стояла рядом, с воском и свечой наготове — чтобы мгновенно запечатать люк.

Когда воск сняли полностью, Ян сказал:

— Я иду первым. А вы за мной — в любом порядке, какой предпочтете.

Кеит скривилась.

— А если с тобой что-нибудь произойдет, кто доведет судно до Калимекки?

Ян ухмыльнулся.

— Лучших, чем у меня, людей найти будет трудно. Они отвезут тебя домой, что бы со мной ни случилось.

Едва ли это случится, если я погибну, подумал Ян. При нынешнем положении дел ему предстоит как следует потрудиться, чтобы убедить их отвезти Кеит назад. Однако все они — великолепные мастера своего дела; люди, которых он знал многие годы. Среди них были даже его друзья. Он сумеет уговорить их.

Ян еще не отказался от идеи с помощью брака проникнуть в Семейство Галвеев... но Кеит понравилась ему куда больше, чем он мог предполагать. Он подумал, что несмотря на ее... ладно, ее несчастье... даже сумеет полюбить эту девушку. Прежде — до того, как она вошла в его жизнь, — Ян был уверен, что неподвластен любви.

С мыслями о любви и возможных ее последствиях он поднялся по трапу и вышел на освещенную солнцем палубу. Оглядевшись, Ян охнул.

— Что? — спросил кто-то снизу.

Дверь люка начала закрываться.

— Город, — сказал он с восхищением. — Город прямо перед нами.

Снизу до ушей капитана донесся голос Хасмаля.

— Это все Водор Имриш. Его работа.

— Какая работа? — удивилась Кеит.

— Он послал ветер и паруса и привел нас прямо к городу. Именно то, что я... ох... то, что я просил. Когда молился. Только я не подозревал, что он дарует нам все это, оставив меня в живых.

Тут моряки повалили на палубу, полезли на такелаж, чтобы лучше видеть, иные просто застыли у борта. Ян Драклес, оставаясь на месте, разглядывал возвышавшиеся впереди утесы. Зеленая чаша не могла полностью скрыть стройные белые шпили, присущие архитектуре Древних... устоявшие колонны, контрфорсы. Да, город лежал перед ними, встречая гостей после тысячелет-

него ожидания... подобный драгоценному камню в куче мусора. Просто ждал... нетронутый, спелый, богатый. Ян уже чувствовал это. И предвкушал собственную удачу, славу и власть... пока еще прятавшиеся за закрытыми дверями, выходящими на давно забытые улицы.

Ладони у капитана зудели, во рту пересохло... Должно быть, боги возлюбили его, раз доставили вместе с «Кречетом» в эту прекрасную бухту в солнечный день месяца Драсту. Вполне уместно, решил он. Драсту считалась богиней плодородия, покровительницей яйца, находящегося во чреве, и — заодно — богиней начала новой работы, родительницей новых идей, раздающей новые богатства.

— Я построю тебе святилище, Драсту, — пробормотал он, прежде чем отдал приказ бросать якоря, и начал выбирать людей, которым предстояло первыми высадиться на берег.

Заняв две из трех шлюпок «Кречета», моряки стали грести к скалистому берегу.

— Сегодня займемся только предварительным осмотром, — распорядился Ян. — Никто не отходит в сторону самостоятельно; держимся группой, оружие наготове.

Он прокашлялся.

— *Особенно* не забывайте про оружие. Мы не знаем, кто или что может ждать нас на этом берегу; не исключено, что нам встретятся туземцы, которые окажутся настроены враждебно. Будьте осторожны. Все, что можно поднять и унести в руке, забирайте сразу. То, что покрупнее, пусть подождет. Если найдем нечто большое и интересное — отмечаем место, чтобы вернуться туда при первой возможности.

— А можно оставлять находки себе? — спросил Джейти.

— Если найдешь то, что тебе очень понравится, пометь этот предмет. Мелкие вещи проблем не составят. Однако сокровища будем делить долями, а определить твою часть можно будет, только распродав все в Калимекке. Или в Вильхене.

Последний город принадлежал Сабирам и не слишком нравился капитану, однако тамошние торговцы зачастую давали побольше, чем в Калимекке.

Делая наставления, он все думал о том, как бы кто-либо из путешественников не утаил что-нибудь особо ценное и незаменимое, в то же время мечтая незаметно увеличить собственную долю. И он знал, что и все они — ну, почти все — думают сейчас именно об этом.

Кеит и Хасмаль были рядом. Вот, подумал он, где нужно искать деньги. Кеит знала, где найти этот город; и ей, наверное, известно, что можно обрести в нем. Хасмаль заключил

сделку со своим богом, чтобы тот невредимыми привел их к городу. Надо бы, кстати, разузнать как следует об этом Водоре Имрише, решил Ян. Бог, столь тщательно заботящийся о жизни своих приверженцев, заслуживает нескольких новообращенных. Капитан давно уже имел несколько просьб к тому богу, который согласился бы их выслушать.

Посему, когда все делились на пары, он с улыбкой присоединился к Кеит и Хасмалю.

— В качестве моей единственной пассажирки, — обратился он к Кеит, — ты заслуживаешь личного попечения капитана.

— А я думала, что стала для тебя больше, чем пассажиркой, — сказала Кеит, как только они остались втроем. — Хотя, впрочем, могу понять, почему все вдруг переменилось.

— Ничего не изменилось, — ответил Ян. — Я люблю тебя, Кеит. Но мне приходится стараться изо всех сил, чтобы экипаж не бунтовал против тебя... Узнав, кто ты такая, они хотели выбросить тебя за борт; они усомнились бы во мне, если б решили, что я по-прежнему... — капитан пожал плечами, не находя нужных слов, — ...очарован тобой. Мне приходится считаться с их предрассудками.

Конечно, он знал, что выставляет себя слабовольным, допуская подобное влияние экипажа на собственные поступки. Впрочем, разумный капитан никогда не лезет на рожон, игнорируя вполне оправданные тревоги своих подчиненных.

— Понимаю. Я вовсе не рассчитывала, что они отнесутся теперь ко мне с особой симпатией. Кстати, я думала, что и ты решишь порвать со мной.

— Нет, — ответил Ян, — я никогда не захочу расстаться с тобой.

Ее улыбка сказала ему больше, чем слова. Кеит не поверила. Теперь нужно было *убедить* ее... ибо ослепительное будущее, намеченное для себя капитаном, находилось в руках этой девушки.

Во всяком случае, у него еще есть время для этого.

Глава 29

Кеит смотрела снизу вверх на крутой утес, на верхушки и стены зданий, выглядывавших из тысячелетнего леса и оставленного тысячей лет слоя мусора. Дорог — даже следов того, что они здесь были, — она не видела... так же, как окон и дверей... изредка попадались целые крыши. Останки города напоминали присыпанные землей кости на старинном поле боя, в котором проиграли обе стороны и некому было похоронить тела.

Прислушиваясь к завывавшему в ветвях ветру, ловя запахи незнакомых ей растений и животных, чувствуя спиной своей солнце иных широт, иного времени года, нежели в родных местах, Кеит ощущала в сердце своем смесь надежды и отчаяния... слишком огромную и богатую оттенками, чтобы ее можно было изложить словами, понятными даже себе самой. В этом скоплении руин пряталась единственная хрупкая надежда на возрождение ее погибшей Семьи. Примерно тысячу лет назад кто-то оставил Зеркало Душ в этом городе, в одном из высившихся сейчас над нею зданий — посреди разрушений, разрывов колдовских чар, в сущем светопреставлении. А она не имела никакого представления, на что похоже это Зеркало, как оно работает, да и где, наконец, хотя бы начинать поиски. И масштабы неведения рождали отчаяние.

Опустив ладонь на ее плечо, Хасмаль шепнул:

— А она сказала тебе, где искать его?

— Нет. По-моему, ей это неизвестно. — Кеит нахмурилась.

Ян работал на каменистом берегу к северу от них; вместе с несколькими членами экипажа он прятал лодки.

Амели заторопилась с ответом. *Я не знаю, Кеит. Все здесь очень отличается от того, что я по... Каким я представляла себе этот город. Но ты способна ощущать чары и, быть может, сумеешь обнаружить Зеркало.*

Она просто источала разочарование и неодобрение. *Если вам не удастся этого сделать, тогда будете по одному осматривать дома. А я думала, что труднее всего будет добраться в эти края, и не имею понятия, насколько сложными окажутся поиски.*

— Она не намерена помогать нам, — сообщила Кеит.

Я привела вас сюда и смогу узнать Зеркало, когда вы обнаружите его.

Кеит игнорировала этот протест.

— Тогда откуда начинать поиски? — спросил Хасмаль.

Кеит закрыла глаза. Голова ее ныла, и боль была похожа на ту, что посетила ее на приеме у Доктииираков. Дугхалл позже определил ее как связанную с магией.

«Интересно, почему от чар Хасмаля голова у меня не болит? Быть может, он просто очень слабый маг».

Она отбросила эту мысль и с закрытыми глазами начала медленно поворачиваться по кругу, пытаясь определить направление, в котором боль становилась сильнее или слабее. Ничего не обнаружив, Кеит открыла глаза и пошла — сперва вдоль берега к Яну и лодкам, потом от них. И вновь не уловила разницу в уровне боли. Неприятное ощущение явно свидетельствовало о том, что неподалеку находится какой-либо магический предмет, однако указать место, где его нужно искать, она не могла. Должно

быть, подумала она, весь город пропитан магией. Или же зачарованные объекты находятся здесь повсюду, и, куда бы ни пошла, она будет чувствовать себя одиноко.

— Придется начинать поиски.

Хасмаль вздохнул.

— Должен найтись более легкий способ. Город может оказаться крупнее, чем кажется отсюда.

Кеит силилась припомнить то, что знала из курса обучения о городах Древних. Некоторые действительно оказывались очень большими. И хотя этот город довольно аккуратно прилегал к краешку бухты, он вполне мог уходить в глубь суши. Угрюмо кивнув, она указала направление наугад.

— Если это может послужить нам утешением, — заметил Хасмаль, — тот факт, что мы оказались здесь вместе, свидетельствует о благосклонности самих богов к нашим стараниям. Поэтому, быть может, мы попросту наткнемся на Зеркало.

— Возможно. Но все же попытайся сообразить, как отыскать его без вмешательства богов. Мне хотелось бы вернуться домой еще молодой женщиной, пока есть надежда спасти любимых мною людей.

— Поскольку они уже мертвы, я не вижу причин для спешки.

Ее взгляд заставил Хасмаля заторопиться вперед.

Спустя три дня, когда уже были обследованы сотни грязных, ушедших в землю, полуразрушенных домов, Хасмаль понял, что его шутка относительно вмешательства богов оказалась не самой удачной. Прочие изыскатели успели найти сокровища, которые не представлялись им даже в самых невероятных мечтах. Декоративные пластины, машины, драгоценные металлы, изваяния, ювелирные украшения и предметы неизвестного назначения, за которые тем не менее можно было получить внушительную сумму на рынке, уже переправили на шлюпках в корабельные трюмы. Экипаж посменно прочесывал город; половина моряков отдыхала на борту и приглядывала за накопленными сокровищами, в то время как другая смена стремилась превзойти успехи предыдущей.

Хасмалю и слышать не приходилось о сокровищнице, равной той, что находилась сейчас на борту «Кречета». Он полагал, что более богатого города еще не находили. Целая тысяча молодых людей могла бы потратить всю свою жизнь на прочесывание города и собрать лишь то, что лежало на его поверхности. Ошеломляли уже сами чудовищные размеры этого поселения. Калимекка являлась самым крупным городом мира. По последней переписи в границах ее обитало более миллиона человек, но город продолжал расти — расширяя свои границы и увеличивая число

жителей. Математики без конца занимались подсчетами, сколько раз можно обернуть вокруг планеты дороги и улицы Калимекки, если вытянуть их в одну. Однако руины заросшего лесом безымянного кладбища могли поглотить и великую Калимекку, и еще дюжину подобных ей... а может быть, и больше. И стоявшие возле бухты строения представляли собой лишь окраину одного из самых огромных городов, существовавших когда-либо на свете.

Поиски все больше и больше приводили Кеит в уныние. Они с Хасмалем помечали свою долю в местах, где находили сокровища, и, должно быть, уже стали богаче всех в мире — за исключением Пяти Семейств. Но искали они вовсе не деньги, и если все вокруг веселились и рассуждали о замках, которые построят себе, и о рабах, которых заимеют, Кеит на глазах Хасмаля все глубже уходила в себя.

Заметив ее настроение, Ян пытался всякими способами докопаться до его причины. Он старался утешить девушку, однако Хасмаль считал: капитан не сомневается, что они с Кеит разыскивают нечто особенное, чрезвычайно ценное, и рассчитывал на свою долю в этой находке.

Кеит не проявляла склонности к общению.

На берегу горели факелы. Моряки ожидали подельников из дневной смены, чтобы переправить на корабль их находки. Кеит стояла рядом с Хасмалем у шлюпки, которой предстояло отплыть последней.

— Я остаюсь, — сказала она.

Хасмаль заморгал.

— Остаешься? Клянусь глазами Водора, Кеит... мы искали весь день. На что ты рассчитываешь, перенапрягая свои силы?

Она поглядела на горы, а потом обратила свой взор на Хасмаля.

— Я не вернусь на корабль, пока не найду Зеркало. У меня такое ощущение, будто наше время истекает. Я не знаю причин... не знаю, откуда взялось это чувство и есть ли в нем правда. Однако я мечтаю вновь увидеть отца и мать. Моих братьев, моих сестер. Дугхалла. Моих кузенов. И я сделаю что угодно...

Голос ее дрогнул. Она проглотила слезы. Она знала — *знала*, — что если завтра не найдет Зеркало Душ, то ей не суждено этого сделать никогда. Истину эту она ощущала своей кровью, каждой клеточкой тела. Она не могла бы сказать: *Вот она, причина, заставляющая меня бояться.* Однако страх становился от этого лишь сильнее. В ее руках находились жизни, сотни жизней, и среди них те, что она ценила выше собственной. И если она подкачает, не проявив необходимого упорства, то не найдет себе оправдания до конца своих дней.

Уж лучше умереть.

— И я сделаю что угодно, чтобы спасти их, — молвила она, вновь обретя способность говорить. — И я могу сделать еще довольно много. В частности, заняться ночными поисками.

— Когда же ты будешь спать?

— Когда отыщу его.

Она ведь Карнея и при необходимости способна заставить свое тело работать куда усерднее, чем это по силам обычному человеку. Теперь это становилось необходимостью.

— Иди отсыпайся, а завтра утром я встречу тебя здесь. Потом будем охотиться вместе.

— Я не могу позволить тебе этого.

— У тебя нет иного выхода.

— Возможно. Но как отреагирует капитан? Ты знаешь его стремление держаться вместе с нами... ему хочется узнать, что мы ищем.

— Мне это известно. А потому тебе придется солгать. Скажи ему, что я уже на корабле. Если он попытается остаться со мной сегодня ночью, то лишь задержит меня.

На лице Хасмаля отразилось понимание.

— Так ты собираешься...

— ...Трансформироваться. Да. В таком виде я смогу обежать гораздо большую область, и чувства мои станут острее. Мы явно не замечаем чего-то, думаю, я получу шанс выяснить это.

Хасмаль глянул за ее плечо и прошептал:

— Тогда уходи прямо сейчас. Капитан тащит что-то по берегу. Еще минута, и он будет здесь.

Кеит закивала и направилась к деревьям.

— Значит, до завтра. Пожелай мне удачи.

— Удачи тебе, — повторил он.

Кеит побежала вверх по холму, развязывая на ходу куртку. Факел она брать не стала. Даже в человеческом облике глаза ее воспринимали почти весь доступный свет — остроты зрения ей хватало и сейчас. После Трансформации мир вокруг станет похож на дневной.

Она стремилась избежать встречи с ночными бригадами: все члены экипажа не любили ее, и Кеит им не доверяла. Она облагодетельствовала всех и каждого, приведя в этот город, однако подозревала, что любая из поисковых пар, застигнув свою спутницу в одиночестве, попытается напасть на нее.

Она сорвала с себя одежду, свернула ее и оставила в доме у вершины утеса. А потом отдалась прикосновению похотливых нечеловеческих пальцев Трансформации, вступая в экстаз перехода.

Обострившиеся после преображения чувства сделали ночь неизреченно прекрасной. Сквозь полог широких листьев просвечивали звезды, превращая деревья в изваяния из жидко-

го серебра, а стены разрушенных зданий в прозрачные скорлупы. Ветерок напевал сладостным шепотом, аккомпанируя голосам насекомых, ночных птиц и четвероногих хищников, охотившихся в лесу. А запахи...

Трансформировавшись, она сразу же побежала на восток, повинуясь каким-то намекам, предчувствиям. Днем они с Хасмалем ходили в эту сторону, и там она ощутила нечто... нечто... нечто чуть взволновавшее ее, однако слишком негромкое и не поддающееся определению. Весь день это ощущение скреблось где-то на задворках ума, пытаясь уверить Кеит, что именно в этом направлении ее ждет что-то важное. Жизненно необходимое. Преобразующее жизнь.

Когда она остановилась наверху гребня носом к ветру, ей почудилось слабое прикосновение того волнующего запаха. Да, подтвердил ее разум. Что бы ни было там, бежать нужно в этом направлении.

И она ринулась навстречу ветру, подгоняя себя, надеясь, что запах усилится. Возможно, она поступала глупо... в конце концов можно ли знать наверняка, что запах ведет ее именно в нужное место? Но Кеит не останавливалась, ибо других вариантов у нее попросту не было.

Она обежала весь обследованный вместе с Хасмалем участок; за ним лес кончился, и она выскочила на гладкую равнину. Даже лунный свет позволял видеть шрамы от пожара на уцелевших деревьях. Больше года назад здесь бушевал огонь, и травы, поднявшиеся по оставленным им следам, изобиловали роскошными цветами и крохотными растеньицами, которые через двадцать или тридцать лет превратятся в новый лес.

Жизнь не исчезает после катастроф, больших и малых... она изменяется. Равнину населяли разнообразные крохотные зверьки. И не только они. До нее доносились звуки и запахи стаи крупных животных, двигавшейся к северо-востоку от нее. Нос ее уловил в этих запахах примесь крови. Значит, хищники. Хорошо, что ветер дует от них.

Другой запах, казавшийся ей знакомым, становился сильнее. Слаще. Чудеснее. Однако под сладостью его угадывался привкус тления. Какой знакомый запах! Где она могла ощущать его прежде? В уме замелькали изображения растений — нет, запах этот пришел к ней не в саду. И не в джунглях. Не в обыкновенном месте.

Загадка не давала покоя, но Кеит не стала фокусировать на ней свое внимание. Она искала след; обнаружив его источник, она вспомнит, где слышала этот запах. Вдруг потеряв его, она метнулась назад и начала сновать с севера на юг и обратно, пока вновь не уловила его. И вновь ощутив его соблазнительное

благовоние, помчалась далее по равнине — мимо торчавших из земли ребер погребенных растений, вдоль ручья... в низину.

Тут начинался каскад небольших водопадов. Скалы с каждой стороны опускались, из путаницы лиан и невысоких деревьев торчали острые зубья песчаника. Из озерца у подножия утесов вытекал ручей, исчезавший за поворотом. Разыскиваемый ею предмет находился именно там. Запах наполнял собой всю долину. Сладость, смешанная с тленом. Взволнованная, испуганная, она опускалась со скал, старательно принюхиваясь, чтобы вовремя заметить опасность. Прозвучала прекрасная птичья песня, однако пернатый певец умолк, когда Кеит спустилась к воде. Притихли и насекомые; она ощущала на себе глаза, глядящие на нее из тьмы... глаза испуганной и притаившейся добычи, признавшей в ней хищника. Кеит восприняла эту тишину как должное, но не стала нарушать ее, так как сама могла оказаться здесь жертвой... из охотника превратиться в добычу.

У подножия утеса пролегала тропа. До сих пор она не замечала в окрестностях следов, оставленных уцелевшими людьми. Тропа человеком не пахла, хотя казалась делом его рук. Прямая, аккуратная, с ровными краями, она явно поддерживалась в порядке. Шерсть на спине встала дыбом, в глотке заклокотало предупредительное рычание. Однако тропа вела ее к источнику запаха. Убрав когти, Карнея-Кеит двинулась вперед, пытаясь одновременно следить за всеми направлениями. Тропа шла вдоль крохотного озерца к вытекающему из него ручью. Она оставалась параллельной ручью на расстоянии, приблизительно равном двум калимекканским кварталам. А потом резко поворачивала вверх по склону, направляясь к новому ущелью.

Здесь уже было больше следов, оставленных нынешними обитателями, тропа расширялась, края ее пестрели цветами; посаженные по гребню скалы колючие кусты образовывали ограду... Наконец она заметила совсем не разрушенное здание — на манер Дома Галвеев врезанное в скалу.

Снаружи это сооружение казалось небольшим. Открывшаяся ее глазам часть его была величиной с караулку Дома Галвеев в Калимекке. А может быть, и со святилище одного из младших богов. Мысль эта пришла в голову Кеит потому, что форма здания напомнила ей об этом. Один дверной проем, без двери, без окон... причудливая кровля и алтарь на возвышении.

Впрочем, алтарь оказался другим. Он светился, сверкал как маленькое солнце; его теплые золотые лучи заливали изнутри все святилище, заставляя сверкать прозрачные стены, бросая приветливый свет на тропу и клумбы цветов по обе стороны нее. От алтаря исходил запах, приведший Кеит сюда из такой дали.

Жимолость, наконец поняла она. Эта трупная сладость пахла жимолостью. И впервые она ощутила этот запах в аэрибле — за миг до того, как магия сломила и ее, и Дугхалла. Миг, после которого все переменилось.

На задворках ума Амели произнесла: *Это оно — Зеркало Душ.*

— Где? — спросила Кеит негромко.

В своих мыслях ты назвала его алтарем. Светящийся пьедестал.

Кеит поглядела на него и застонала.

— Он слишком велик, мне никогда не поднять его своими руками.

Тогда возвращайся к берегу и дожидайся прихода своих друзей. Веди их сюда. И быстро. Потому что ты явилась сюда специально за этим предметом.

Именно этот момент выбрали для нападения охранявшие здание чудовища.

Глава 30

Она даже не уловила их запаха, не услышала ни малейшего звука. Аромат жимолости и тлена скрывал все вокруг. Стражи прыгали с утеса, выбирались из капища. Уродливые, искаженные пародии на человека, нагие, рычащие, сжимающие узловатыми ладонями длинные рукоятки лопат, мотыг и грабель. Предки этих существ, вне сомнения, были людьми, однако сами они таковыми не являлись. От них пахло прелой листвой, сырой землей... темными укромными уголками; пришепетывая — бессловесный говор казался шелестом осенних листьев, — они продвигались к Кеит, окружая ее со всех сторон. Несмотря на всю ее осторожность, силу и стремительность, они отрезали ей путь к бегству, и Кеит удивилась тому, как умно спланирована оборона святилища.

Она оказалась внизу, где ничто не прикрывало ее со спины. Кеит не могла искать спасения на утесах; ей некуда было бежать — кроме того направления, откуда она пришла. Она насчитала двенадцать стражей и усомнилась в том, что против нее сразу выставили все силы. Она заметила здесь достаточно надежных укрытий, подобных тем, из которых появились нападающие.

Они неловко двигались теперь вперед, со своим неуклюжим оружием в руках... физически не приспособленные к быстрому бою. Скорость и когти — эти преимущества оставались за нею. В пользу чудовищ говорили позиции, численность, знакомство с местностью и внезапность... Кеит наверняка не сумела бы спа-

сти свою жизнь, даже будь она вдвое сильнее. Она ощутила страх, выдавивший воздух из легких и устроившийся на плечах и спине, пригибая ее к земле. Делавший ее медлительной и слабой.

Так близко находилась она от успеха, триумфа. Добравшись сюда с другого края света, она теперь прижималась к земле на расстоянии полета брошенного камня от магического устройства, которое способно воскресить любимых ею людей, но теперь ни у них, ни у нее не было даже шанса на благополучный исход. Взвыв от ярости и горя, она бросилась на ближайших к ней стражей святилища.

Кеит!

Чудовища завизжали и принялись махать своими садовыми инструментами, колотя ее по голове, по плечам, по ребрам. Она делала огромные прыжки, рвала врагов зубами и когтями, и подвергшиеся нападению отступали. Однако их сменяли другие, наносившие ей новые и новые удары. Она распорола чрево одному из чудовищ, кровь хлынула из его живота, а на вопли раненого впереди и позади Кеит явились новые враги. И все они несли с собой садовые инструменты, палки, дубины.

Кеит!

Наконец, услышав крик Амели, Кеит поняла, что она орет с того самого мгновения, когда эти чудовища стали окружать ее.

— Не сейчас! — огрызнулась Кеит. — Иль ты не видишь, что мне некогда?.. Я гибну!

Ты должна стать человеком.

Кеит убила еще одну тварь, но вместо нее появились новые. Кеит прикинула: существ этих, взявших ее в кольцо и атаковавших, насчитывалось не менее тридцати, хотя, в сущности, ей было не до подсчетов — на каждого убитого ею приходилась дюжина тварей, вооруженных этими дурацкими палками. Она получала раны быстрее, чем успевала залечить их. И в итоге они разорвут ее на куски, отбирая крохи жизни каждым ударом, обрекая ее на медленную и жестокую смерть.

Ты должна сделаться человеком, упорствовала Амели; вопль ее стал таким громким, что Кеит более не могла не обращать внимания на покойную прабабку.

— Жаль, что я не являюсь им, так?

Слушай, тебе придется Трансформироваться и принять человеческий облик. Они убьют всех и всякого, кто не имеет человеческого обличья. Перед тобой хранители Зеркала, но если ты станешь человеком, они не будут преграждать тебе путь и даже позволят унести Зеркало. Эти создания ждали твоего появления здесь почти тысячу лет.

— В человеческом облике у меня не будет оружия, — ответила Кеит. — Не будет даже одежды. Я стану совершенно беспомощной.

Ты должна сделаться человеком, иначе умрешь. Человеку они не станут вредить.

Кеит не верила прабабке. Пять чудовищ уже встретили свою смерть, и Кеит сомневалась, что ей простят это избиение, оттого что она вновь Трансформируется в человека. Напротив, ее немедленно убьют, не претерпев дальнейших потерь.

Однако она уже умирала. Медленно. Но, находясь в облике Карнеи, Кеит могла убить большую часть стражей прежде, чем ее наконец одолеют. Тем не менее она все равно умрет.

«Она говорит, я должна быть человеком.

Она говорит, человека они не убьют.

Дура она, вот что скажу я.

Впрочем, раз мне все равно умирать, лучше принять смерть человеком, а не зверем».

Огрызаясь, отбиваясь, страдая от боли, она попыталась отыскать внутри себя бестревожное местечко... голубое, зеленое, над тихими водами которого царит покой. Страх, ярость и разочарование загнали человеческую сущность Кеит в недра звериной. Раскаленная докрасна жажда крови едва не поглотила ее. Впрочем, на помощь пришли годы усилий, потраченных на то, чтобы сохранять себя человеком в самых сложных обстоятельствах, и она все-таки отыскала этот идиллический уголок. Прикоснулась к царившему там покою. Ощутила, как медленно утихает в ней жажда битвы... и пусть чудовища все еще нападали, она более не отвечала на их гнев, только пыталась защититься от ударов, сыпавшихся на нее буквально отовсюду.

Возвращая себе человеческий облик, Кеит ощущала, как охлаждается кровь, делается тяжелой собственная кожа, притупляются чувства.

Она распрямлялась и преображалась, и обступившие ее чудовища с визгом попятились, когда, встав на две ноги с четырех, Кеит поднялась над горбатыми, уродливыми фигурами. Тут они разом побросали оружие, иные зарычали, и все пали к ее ногам. Кеит стояла над ними, покрытая сотней жгучих порезов, ошеломленная болью... а потом медленно начала переступать и обходить лежащих, направляясь не к Зеркалу Душ... прочь от него. Назад — тем путем, что привел ее сюда. Ей придется вернуться на берег, когда к берегу причалит первая лодка. Ей придется взять с собой Хасмаля, Яна и еще двоих, чтобы помогли ей отнести Зеркало на корабль. Путешествие, на которое в виде Карнеи

она потратила одну ночь, на двух ногах потребует нескольких дней. А время уже драгоценно. Время решает все.

Она выбралась из ущелья, оставив далеко позади себя хранителей Зеркала, и вновь заставила себя совершить Трансформацию, черпая из тела последние ресурсы. Плоть ее пожирала себя, чтобы завершить переход; обратное превращение в зверя требовало новой жертвы. И несколько раз Кеит-Карнея останавливала свой бег, чтобы убить и сожрать животных, имевших несчастье оказаться на ее пути. Впрочем, они всего лишь позволят ей не умереть от голода по дороге к кораблю; там, на месте, ей понадобится куда более серьезная трапеза.

Но все это было несущественно. *Все вообще* было несущественно. Невзирая на чудовищные препятствия, она отыскала Зеркало Душ. Ее Семью и Возрожденного ожидает победа.

Укутанный рассветным туманом словно плащом, Ян выпрыгнул из шлюпки и направился к ночной смене, подтаскивавшей последние свои находки к скалистому берегу.

— Где Кеит?

Он сдерживал ярость, и голос его, звучавший довольно естественно, не позволял морякам догадаться, сколь потрясло капитана ее сегодняшнее предательство.

Все пожимали плечами, искренне удивляясь, ответы варьировались в широком диапазоне, начиная от «Я думал, она сегодня выходит в дневную смену» и кончая «Я так и знал, что она в конце концов сбежит», однако никто на берегу не видел ее.

Хасмаль утверждал, что она будет ждать их обоих на берегу. Ян обвинил его во лжи и, как выяснилось утром, оказался прав.

Когда ночная смена закончила погрузку и направилась на веслах к кораблю, а дневная приступила к поиску новых сокровищ, капитан повернулся к корабельному мастеру:

— А теперь ты можешь сказать мне, что именно вы разыскивали здесь все это время? И что она в конце концов нашла? И зачем вообще вы оба явились сюда?

Запустив большие пальцы рук за пояс, Хасмаль ожег Яна гневным взглядом.

— Капитан, спишь с ней ты. И в твоей постели она поверяла тебе свои надежды.

— Я... никому... не поверяла своих надежд, — раздался голос Кеит, явившейся из леса.

Увидев ее, Ян охнул. Он узнал только голос, чрезвычайно охрипший к тому же. Кеит сделалась похожей на скелет, одежда висела на ней как на вешалке. Лицо ее и все открытые взгляду участки кожи были покрыты шрамами, находившимися в

разной степени заживления. На лицо свисали грязные волосы, перепачканные землей и кровью. Пепельная бледность и восковая кожа вполне могли убедить Яна в том, что он имеет дело с покойницей, — если бы Кеит не стояла и не говорила.

Гнев его рассеялся как туман под жаркими лучами солнца.

— Кеит? Клянусь Бретваном, с тобой случилось нечто ужасное!

— Я... я нашла его, — обратилась она к Хасмалю, затем взглянула на Яна и улыбнулась, уже оседая на землю.

Ей удалось задержаться на грани обморока. Кеит тяжело дышала... как после бега.

— Нам необходимо... выступать немедленно. По моей оценке... до места, где оно спрятано... примерно... три дня ходьбы. Добавим к ним три дня на возвращение.

Ян с трудом вымолвил:

— Хасмаль, отнеси Кеит в лодку. Надо показать ее лекапевту.

— Лекапевт рыщет за сокровищами вместе со всеми остальными, — ответил Хасмаль. — Он не может допустить, чтобы кто-нибудь поставил под сомнение его претензии на равную долю.

— Проклятие! — Капитан поник головой, раздумывая. — Тогда везем ее на корабль и звоним в колокол. И что-нибудь сделаем для нее сами, прежде чем лекапевт вернется.

— Со мной все в порядке, — заявила Кеит, — нам нужно спешить.

— Ты выглядишь просто ужасно!

Ян испытывал неподдельный ужас... он боялся, что Кеит может в любую минуту потерять сознание и умереть.

Кеит обратила к Хасмалю молящий взгляд.

— Скажи ему... что со мной все в порядке, Хасмаль!

— Это не так, — ответил он. — По-моему, ты недалека от смерти.

— Мне просто необходимо...

Кеит снова осела, и Ян заметил, что на сей раз ей труднее удержаться на ногах.

Он подхватил ее и поцеловал. В его руках она казалась птичкой — слишком легкой и хрупкой, чтобы жить. Обернувшись к Хасмалю, капитан сказал:

— На корабль. Там будем думать, что произошло с ней и как нам надлежит поступить.

Собственные чувства застали Яна врасплох. Он более не нуждался в Кеит, получив город, который сделает его безмерно богатым и могущественным; если она умрет от ран, он сможет объявить город своим. Однако, сидя на веслах вместе с Хасмалем по пути к «Кречету», он понял, что *хочет* ее, и желание это уходит корнями отнюдь не в постельные утехи.

Он ощущал потребность вновь спорить с ней о сравнительных достоинствах философских систем Фареллхау и Н'станри, сидеть рядом с ней у камина в Великом Доме и вспоминать приключения, приведшие их к богатству, власти и счастью. Или же, вдруг понял он, всю жизнь бороздить вместе с ней океаны Матрина. Ян Драклес смотрел на изможденную, умирающую на его руках женщину, к собственному недоумению, обнаруживая, что, пока рассчитывал на сокровища ее города и выгодную женитьбу на ней, успел бесповоротно влюбиться в Кеит. А посему и состояние, и власть, которые могли оказаться в его руках, ничего не значили... важна была только ее жизнь.

Когда они ступили на корабль, Кеит уже едва дышала. Пока Ян пытался разговором удержать ее в сознании, Хасмаль принес воды.

— До возвращения лекапевта мы можем напоить ее. По-моему, организм ее обезвожен.

Ян кивнул. Он поддерживал ее голову, а Хасмаль вливал ей в рот воду, поглаживая по горлу. Вскоре они заметили улучшение. Кеит начала глотать самостоятельно, наконец открыла глаза, потянулась к чашке и принялась пить.

Первым словом, которое она сумела выдавить из себя, оказалось «есть», и какое-то время другого слова они от нее не слышали. Хасмаль таскал пищу из кладовой и камбуза, Кеит пожирала принесенное и требовала еще. Еда исцеляла ее куда быстрее, чем мог предположить Ян. За две стоянки она успела набрать вес — буквально на его глазах — и из скелета превратилась в изящную, хрупкую женщину. Более того, за это время раны полностью затянулись. Кеит ела и ела, делая перерыв лишь на то, чтобы попросить добавки.

Наконец она отодвинула тарелку и сказала:

— А теперь надо отправляться за Зеркалом. Нам понадобится помощь. Оно гораздо больше, чем я ожидала. Выйдем втроем, быть может, потребуются еще двое. И нечто вроде волокуши или саней, чтобы доставить его обратно. Припасы на дорогу — три дня туда и три обратно. Возможно, пригодится оружие. Мне попадались следы хищников, они могут счесть меня вкусной — в человеческом облике.

— Мы никуда не идем, — возразил Ян. — Вчера ты едва не умерла...

Она оборвала его на середине фразы.

— Я обнаружила тот единственный предмет, который объявляю своей собственностью и отказываюсь от всего прочего. Больше мне ничего не нужно.

Ян застыл на мгновение, покоряясь вновь вернувшейся жадности. Но тут же отбросил ее.

— Расскажи, что ты отыскала.

На рассказ нужно было время.

Наконец он удосужился все осознать.

— Предмет, который возвращает назад умерших. И ты хочешь с его помощью оживить Галвеев, как только научишься им пользоваться?

— Да.

Истинное безумие... однако Древние знали о мире куда больше, чем сумели заново открыть с тех пор ученые. Быть может, уничтожая мир, чародеи не беспокоились именно оттого, что знали, как вернуть его обитателей назад... во всяком случае, тех, кто им нравился. Впрочем, наверное, люди, умевшие пользоваться Зеркалом, погибли сами.

Он взял руку Кеит в свою. Если Зеркало Душ способно работать, значит, его потомки будут ему кое-чем обязаны. Если же нет, изрядная доля сокровищ города окажется у него. В любом случае он останется в выигрыше. Причем не задевая Кеит.

— Выходим сегодня вечером, — сказал он. — Я во всем помогу тебе. Я даже готов доставить его в твой Дом, чтобы ты могла оживить свою Семью.

Она удивленно наморщила лоб.

— Поможешь? Но почему?

Погладив тыльную сторону ее ладони, он ощутил под ней тонкие косточки. Надо, чтобы она как следует поела перед отправлением, подумал он. Незачем вновь рисковать ее жизнью.

— Потому что я люблю тебя, — признался Ян.

Забавно было сознавать, что слова эти он произносит всерьез.

— Он поцеловал ее, — сказала Ррру-иф Джейти.

По требованию Ррру-иф они засели на деревьях над пляжем... Шрамоносная утверждала, что озабочена поведением капитана.

Джейти уже успел привыкнуть к ее сетованиям. Каждый день, когда Ян Драклес отправлялся на поиски сокровищ, Ррру-иф начинала жаловаться, что оборотень и колдун завладели капитаном. И хотя бы раз на дню она принималась уговаривать его перехватить Кеит и Хасмаля и убить их, чтобы капитан наконец вырвался из чар. Она все твердила, что Ян забудет свое обещание оставить их на берегу. И теперь, наблюдая за Яном и Кеит из-за ветвей, Ррру-иф просто клокотала гневом.

— Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, — заметил Джейти, — но он капитан и вправе поступать как хочет.

Ррру-иф подняла брови.

— Ты в самом деле так думаешь?

В ее рыке слышалось презрение.

Как бы ни обожал Джейти Ррру-иф, Ян Драклес мог рассчитывать на верность матроса, которого семнадцать лет назад спас от виселицы, когда Джейти в возрасте семнадцати лет был обвинен в покушении на достоинство параглезы. Он был тогда помощником повара в Доме Сабиров в Вилхене. Жена параглеза увлеклась им и велела лично доставить поднос со сластями и кувшин вина в ее комнату — «для маленькой вечеринки». Прибыв на место, Джейти обнаружил, что гости, кроме него самого, не предусмотрены, и в программу развлечений входит не только десерт.

Посчитав, что параглез велит растянуть и четвертовать его за посягательство на собственную жену, он отказался участвовать в вечеринке. Тогда женщина — невзирая на проявленную им заботу о ее чести — немедленно вызвала стражу и обвинила Джейти в посягательстве на нее.

Каким-то образом проведав об этой печальной истории, Ян Драклес умудрился извлечь Джейти из фамильной темницы Сабиров. Моряк до сих пор не имел ни малейшего представления, как это удалось капитану, да и зачем понадобилось. Однако он не забыл своего спасения и долга, оставшегося за ним.

И если этот мужчина нашел себе женщину по сердцу, по мнению Джейти, он имел полное право быть с ней, сколько захочет.

— Ррру-иф, даже если он возьмет их обоих с собой в обратный путь, чужаки сойдут с корабля в Калимекке. И исчезнут из твоей жизни через каких-то несколько месяцев.

— Он поцеловал ее, — не унималась Ррру-иф. — Что, если он захочет держать эту девицу при себе на корабле?

Джейти фыркнул.

— Она же парата. Принадлежность к Семье так и прет из нее. Такая не откажется от Дома, власти, богатства, чтобы бродяжничать с ним по морю на «Кречете». Попомни мои слова — она исчезнет из жизни капитана, как только мы причалим к берегу.

Ррру-иф ничего не ответила. Однако от выражения ее глаз вдоль хребта Джейти пробежал холодок. И он подумал, что должен какое-то время держаться поближе к капитану.

Когда шторм наконец утих, «Сокровище ветра», корабль Ри, находился много севернее Кеит. Ри Сабир ощущал ее присутствие... словно бы маяк светил ему с юго-востока. Впрочем, подобная осведомленность его в данный момент ничего не давала Ри. Паруса превратились в тряпки, корпус дал опасную течь в полудюжине мест... кроме того, буря погубила почти треть экипажа. Капитан рофетианского корабля утверждал, что на ремонт

потребуется в лучшем случае несколько дней; еще он сказал, что Ри вместе с его лейтенантами могут либо помочь в работе, либо продолжать разгуливать по палубе, но, если помощи от них не будет, дни эти вполне могут превратиться в недели, проведенные в безжизненной северной гавани, куда занесло их ветром.

Волки-Сабиры не занимались никаким ручным трудом. Никогда.

Итак, мне еще везет, что я объявлен мертвым, подумал он, иначе матушка скончалась бы от стыда.

Взявшись за работу, Ри обнаружил, что уступает в умениях остальным членам экипажа. Он не знал корабельных инструментов, способов ремонта, не понимал потребностей капитана. Ри не справлялся с простейшими поручениями и поначалу раздражал мужчин и женщин, привыкших к жизни на кораблях и на море. В его пользу свидетельствовали только огромная сила, желание и готовность учиться. Качествами этими он пользовался при выполнении порученных заданий, считая, что должен сделать все возможное, дабы достичь Кеит. Он боролся, он терпел, он учился.

Я иду к тебе, Кеит, думал он за работой.

Ты — моя. Ты — моя. Ты рождена, чтобы стать моею, ты принадлежишь мне, и только мне одному.

И я иду к тебе.

Глава 31

Кеит вела отряд по тропе к капищу. Следов ее битвы со стражами Зеркала уже не осталось. Тропу вновь привели в порядок, смятые цветы заменили новыми, тела убрали. Даже зная, что хранители следят за ними из каждого уголка святилища, зная, где они прячутся, Кеит не могла заметить ни одного из них.

Ян, Хасмаль, Джейти и моряк по имени Турбен, вызвавшийся помочь нести Зеркало к кораблю, следовали за нею по этой идеальной тропе. Кеит первой перешагнула порог и получила возможность беспрепятственно глянуть на Зеркало.

Оно было изготовлено мастером, знавшим толк в настоящем искусстве. Изящные, лишенные украшений очертания напоминали лилии и орхидеи. У Зеркала были «цветок» и «стебель». «Цветок» представлял собой кольцо, составленное из пяти соединенных вместе металлических лепестков, светящихся словно платина; в поверхность самого крупного из них были врезаны цветные метки. Опора, поддерживавшая это кольцо, подражала

плавному изгибу трех длинных, похожих на меч листьев из того же самого пылающего белого металла. «Стебель» являл, пожалуй, наиболее удивительную часть изделия: столб текучего золотого света начинался у самой земли, проходил между тремя листьями и по спирали огибал снаружи кольцо, затем исчезал, наконец коснувшись лепестков. Кеит как завороженная смотрела на течение света.

Остановившись возле девушки, Ян опустил руку на ее плечо.

— А я сомневался, услышав о нем от тебя, — сказал он негромко. — Я и не думал, что подобная вещь может существовать. Однако теперь вижу, что она бесценна. Это Зеркало дороже всего, что мы нашли до сих пор. И оно станет еще дороже, если поможет тебе вернуть к жизни родителей, сестер и братьев.

Кеит смогла только кивнуть, избыток чувств лишил ее дара речи. Она протянула руку и прикоснулась к одному из лепестков, ощутив кончиками пальцев жизнь, переполнявшую волшебный предмет. И в этом движении ей почудилось обещание — столь же богатое оттенками и прекрасное, как та любовь, которую она ощутила, прикоснувшись душой к Возрожденному. Зеркало сулило ей возвращение исчезнувшего мира, во всяком случае, части его, наиболее дорогой для Кеит.

Джейти со своим приятелем Турбеном собрал волокушу, на которой им предстояло нести Зеркало. Пока они в стороне привязывали веревками парусину к шестам, Джейти поманил к себе капитана. Он явно был намерен скрыть свои слова от Кеит и Хасмаля; корабельный мастер не мог их услышать — в отличие от Кеит, изображавшей, будто она занята изучением Зеркала.

Тихим и взволнованным голосом Джейти произнес:

— Мы с Турбеном пошли с тобой вовсе не безосновательно, капитан. По возвращении нас ждут неприятности. Ррру-иф боится этой Кеит и волшебника... она хочет, чтобы их оставили тут, и подозревает, что ты не собираешься этого делать.

Ян посмотрел на Кеит и Хасмаля, потом окинул взглядом окрестности, как бы проверяя.

— Она права, — сказал он. — Я не брошу ни ее, ни его. Кеит я люблю. Потом, именно она привела нас в этот город. Хасмаль, жертвуя собой, сотворил заклинание, которое вывело нас из Колец Чародеев.

Он снова обернулся к Джейти.

— Я не могу проявить подобное вероломство. И, как мне кажется, ты тоже.

Джейти пожал плечами.

— Поэтому мы здесь.

Он все вязал узлы и не поднимал глаз от волокуши.

— На обратном пути им потребуется защита. Ррру-иф может подстроить какой-нибудь несчастный случай. И если она захочет этого, несколько помощников у нее найдется.

— Всего лишь несколько?

— Большинство экипажа. Ты знаешь, не только мы с Турбеном в долгу перед тобой... но все они испуганы, капитан. Зная, что на одном корабле с тобой находятся оборотень и колдун, не так-то легко заснуть.

— Даже тебе?

Тот вновь передернул плечами.

— Я не отважнее прочих. Но если ты считаешь их достойными доверия, значит, так и есть. Моя жизнь не раз зависела от тебя, и я еще жив.

Капитан похлопал моряка по плечу:

— Джейти, за каждого из них я поручусь собственной жизнью.

— Этого мне более чем достаточно. — Моряк наконец оторвался от волокуши. — Мы с Турбеном доставим их назад в целости и сохранности. Клянусь.

Глаза Кеит затуманились слезами, она была ошеломлена: этот человек готов отдать свою жизнь ради нее и капитана. Ян был пиратом, она поняла это. Кеит подозревала в нем *барзанна* — сына Семьи, от которого та отреклась, извергла из себя и объявила не рождавшимся — за какой-нибудь грех, действительный или воображаемый. Но в нем крылось нечто большее. Куда большее.

Она подумала, что, наверное, никогда не сможет узнать о нем все.

Когда волокуша была готова, возникла новая проблема: как перенести на нее Зеркало.

— Разве его нельзя просто взять? — спросил капитан.

Все взгляды устремились на Кеит.

Амели поторопилась с советом: *Не прикасайтесь к свету.*

Кеит передала информацию остальным. Однако легче было посоветовать это, чем сделать. Помогая поднять Зеркало, она едва не коснулась света... по коже побежали мурашки, запах жимолости усилился. Запах тления тоже. Дурнота вынудила ее отступить.

Ян нахмурился.

— Что случилось?

— Запах. Он стал еще насыщеннее, когда моя рука приблизилась к свету.

Капитан изумился.

— Какой запах?

Теперь уже озадаченным казался Хасмаль.

— Запах Зеркала Душ. Сладкий, с примесью гнильцы.

— Оно ничем не пахнет, — возразил Ян.

Джейти и Турбен согласились с ним.

— Здесь, рядом, запах стал едва ли не удушающим, — сказала Кеит.

— Ничего не чувствую, — помотал головой Джейти, — а у меня хороший нюх.

— У меня — нет, — сказал Хасмаль, — но я почувствовал запах этой проклятой штуковины еще на краю ущелья.

— Я пришла сюда по запаху, — пояснила Кеит.

Их взгляды встретились.

Тут Хасмаль улыбнулся.

— Я знаю, в чем дело.

— В чем? — спросила Кеит.

— Запах имеет магическое происхождение. Мы с тобой ощущаем его потому, что... — он посмотрел на троих моряков, — потому, что мы... чувствительны к магии. Они ее не ощущают... и запаха тоже.

Кеит вздохнула.

— Разумная мысль.

— Значит, это не так уж важно? — поинтересовался капитан.

— Конечно. Просто запах является свойством Зеркала, но сам по себе не оказывает никакого воздействия, — заметил Хасмаль.

С некоторой опаской они потащили Зеркало из святилища и вышли из ущелья столь же легко, как вошли. Других признаков существования хранителей — кроме обсаженной цветами дорожки и ухоженных живых изгородей — заметно не было.

На возвращение ушло меньше трех дней — быть может, дорогу облегчало сознание великой удачи. Кеит испытывала восторг, ей хотелось кричать, ибо она нашла вещь, ради которой предприняла такое путешествие. Вряд ли ей когда-нибудь было столь радостно, — пожалуй, лишь в детстве и в тот день, когда ее приняли на дипломатическую службу.

Она снова обнимет маму, получит возможность поговорить с отцом о его лошадях... призовом жеребце, чистокровных кобылах. Она услышит голоса юных кузенов, кузин, племянниц и племянников, бегающих по нижним этажам Дома, играя в салки и прятки.

А когда она сделает это, то вместе с Хасмалем доставит Зеркало к Возрожденному, где бы он ни был, — чтобы отдать ему, освящая рождение эры любви и света.

Глава 32

Приближаясь к заливу, они стали осторожными. Кеит знала о возможности нападения экипажа на нее и Хасмаля, но не показывала виду. Просто была наготове... держала руки поблизости от меча и кинжала. Оживленный разговор, не утихавший в течение всего обратного пути, уступил место безмолвию, не нарушавшемуся ни единым звуком.

— Или они засели в засаде, или же разбрелись по городу в поисках сокровищ, — сказал наконец Ян. — *Я никого* не слышу.

И я тоже, подумала Кеит, хотя уже должна была услышать.

Они вошли в лес и через какое-то время добрались до склона, ведущего к бухте. Вокруг царила тишина. Кеит хотелось бы отыскать прогалину — густой лес мешал увидеть что-либо впереди.

Впрочем, нос ее уловил весьма характерный запах, и как только Кеит остановилась, принюхиваясь, все остальные последовали ее примеру. По лесу гулял запах смерти и тлена, и вокруг пятерых людей, несших Зеркало Душ и осторожно пробиравшихся к бухте, жужжали мухи.

На скалистом берегу валялись четыре вздувшихся трупа. Ян бросился к ним, двое моряков последовали за капитаном.

— Даверрс, — промолвил Ян, узнав первого из убитых.

Турбен добавил:

— Сикли и сын Кузнеца.

— Брайт, — заключил Джейти. — Все, кто был верен тебе.

Кеит вместе с остальными смотрела на трупы, но сердце уже болезненно колотилось в ее груди. Уставясь на воду, она негромко спросила:

— Ян, а где корабль?

Пятеро бросили взоры на опустевшую бухту, потом на трупы.

Ян буквально оцепенел.

— Ррру-иф уговорила их захватить мой корабль, — наконец вымолвил он. — Мой корабль!

Хасмаль побледнел.

— Итак, мы — единственные люди на всем континенте...

Турбен и Джейти переглянулись, затем посмотрели на остальных.

— У нас нет никаких припасов, — сказал Джейти, — кроме тех крох, что остались в наших мешках.

Кеит воззрилась на бухту, на тонкую полоску океана за нею.

— Это не важно, — сказала она. И, опустив экраны, немедленно ощутила Ри Сабира, приближавшегося, не прекращавшего своей охоты. — В самом деле не важно. Наши проблемы намного серьезнее. Близится ночь, и охотники близко.

Месть Драконов

Посвящается Джо, с любовью и благодарностью.

КНИГА ПЕРВАЯ

Соландер Возрожденный вернется
в ветре дыхания Драконов.
Скитальцы и Устроители вместе
сразят Драконов.
Из Крови и Ужаса
Наконец восстанет опаловый город Пиранн.

Из «Тайных Текстов», т. 2, серия 31
Винсалис-Подстрекатель.

Глава 1

Вопль этот первым предупредил Кеит Галвей о том, что дела плохи. Вторым сигналом оказался жесткий металлический запах крови, к которому примешивался едкий запах хищника.

— Беги, — услышала она голос Хасмаля.

— Далеко!

— У них пращи!

— Боги, по-моему, он убит!

Вокруг раздавались крики, топот, звериный вой. Запахи эти и звуки вместе с ужасом обрушились на ее череп, и тело отреагировало прежде, чем это смог сделать ум. Кровь Кеит закипела, кожа и мышцы потекли словно жидкость, и человеческая половина ее, только что высматривавшая съедобные растения в лесу, исчезла внутри обитавшего в ней чудовища... девушка обернулась существом одновременно и ненавистным, и нужным ей самой. Женщина сгорела в пламени превращения, осталось только животное — мохнатое, клыкастое, четвероногое, алчущее охоты. И охваченная бешенством Карнеи Кеит бросилась навстречу опасности.

В одно мгновение взлетев на гребень, она замерла перед открывшейся картиной. Нападавшие загнали ее спутников в узкую расщелину внутри утеса, возле которого был разбит их лагерь. Окровавленный Турбен лежал на земле. Трое других укрывались за сланцевой глыбой как за щитом и по очереди мета-

ли камни в противника с помощью импровизированных пращей, стараясь координировать свои действия так, чтобы между бросками острых камней не возникало пауз. Кеит не видела нападавших, однако звуки выдавали ей место, где они находились: враги укрывались в руинах. Вооружены они были лучше. Кеит-Карнея слышала упругое треньканье спускаемых стрел; они тяжело пели в воздухе, со стуком ударяли в скалу и отбивали от нее осколки. Лучше вооруженного, загнавшего свою добычу в угол противника ожидала несомненная победа.

Если только она не найдет способ изменить ситуацию в пользу оборонявшихся.

Кеит спустилась со скалы, мелкие камешки срывались вниз из-под ее ног. Однако ни друзья, ни враги не обратили на нее внимания: двигаясь на четырех лапах, она ничем не напоминала человека и сейчас казалась зверем, покидающим поле боя.

Спустившись в долину и держась против ветра, она зашла нападающим в тыл — прячась в кустах и припадая брюхом к земле. Двигалась Кеит-Карнея легко и быстро, и когда, оставив укрытие, она бросилась в атаку, ее никто не заметил.

Мчась к ближайшему из врагов, она рассмотрела его во всех подробностях. Тощие, едва ли не казавшиеся призраками создания эти ростом были выше любого мужчины; серая, похожая на мох шкура клочьями свисала с их боков. На вид они весили двадцать — двадцать пять стоунов, более чем в четыре раза превышая средний вес человеческого тела. Они двигались на четырех конечностях и, чтобы бросить камень или выпустить стрелу, неловко поднимались на ноги; в речи их угадывались примитивные слоги, не столь уж далекие от урчания зверя. Тем не менее они говорили, владели оружием, и лица их, во всем похожие на человеческие, только более крупные и костистые, свидетельствовали о происхождении, имеющем отношение к Войне Чародеев. То были Шрамоносцы... чудовища, предки которых тысячу лет назад являлись людьми.

Она много слышала об этих шрамоносных чудищах и на что они способны... но Кеит также знала, на что способна она сама, и это помогало ей верить в достоверность всех этих рассказов; впрочем, теперь это было несущественно, потому что ее друзья нуждались в помощи.

Она бросилась вперед, припадая к земле и целя в заднюю конечность ближайшего из нападавших... Прежде чем кто-либо из врагов успел обратить на нее внимание, она вонзила клыки в правую ногу чудовища и рванула на себя сухожилия.

Чудище завопило, и кровь хлынула в рот Кеит. Она отпрыгнула в сторону, ощущая, как кипит в жилах боевая

ярость Карнеи, рожденная бушующей лавиной страха и решимости. Искалеченная тварь на трех ногах стремительно повернулась к ней. Жажда крови светилась в глазах чудовища. Обернулся и другой Шрамоносец, уже взявшийся за стрелу. Отпрыгнув назад, Кеит метнулась прочь, оставляя их укрытие позади, и сразу же нацелилась на одно из чудовищ, продолжавших обстреливать загнанных в угол людей. Спину ее задела стрела, словно огнем ожегшая тело Кеит, однако она не остановилась. И, оказавшись рядом с намеченной тварью, прыгнула, целя в мягкое подбрюшье — выпустив когти, оскалив зубы. Она рванула незащищенную кожу, и наружу начала вываливаться скользкая вонючая груда кишок. Тварь взвизгнула слишком тоненьким для своего веса голоском и замахнулась. Но инерция уже унесла Кеит из пределов ее досягаемости — в сторону двух других чудищ.

Одно из них пустило стрелу в ее сторону, другое протянуло к Кеит грязные когти длиной с человеческую ладонь. Но своим движением оно сбило прицел стрелявшей твари, в свой черед помешавшей первому ухватить Карнею. В итоге промахнулись оба врага.

Кеит отскочила в сторону прежде, чем они успели возобновить атаку, и бросилась под град камней.

— Не попадите в меня! — завопила она, мельком заметив бледные лица друзей, выглядывавших из укрытия. — Я хочу увести их от лагеря. Хасмаль, устрой... магический огонь.

Послышались ответные возгласы: «Кеит!.. Хорошо!» Оставалось только надеяться на то, что Хасмаль понял ее. Облик Карнеи делал ее голос грубым и хриплым, и скорее это напоминало рык зверя, чем подобающую женщине тональность. И все-таки она рассчитывала — боги! — на то, что он понял ее замысел и сделает все необходимое.

Чудовище, которому она выпустила кишки, уже валялось на земле. Но остальные преследовали ее, и длинные ноги врагов слишком быстро сокращали разделявшее их расстояние.

Кеит понеслась прямо к ручью, впадавшему в бухту, и перепрыгнула его. На противоположном берегу параллельно течению воды тянулась протоптанная животными тропа. Кеит свернула на нее: пасущееся зверье расчистило берег так, что существу ее размера бежать было легко. Преследовавшие ее твари намного крупнее, чем она... им мешали ветви, нависавшие над тропой на уровне глаз. Кеит слышала их топот позади. Чудовища завыли, и Кеит уловила нотку разочарования в их голосах.

Она исполнит свой план. Кеит намеревалась выжить. У нее было достаточно времени, чтобы добраться до берега, броситься в воду и отплыть подальше...

Но вдруг перед нею выросло еще одно чудовище, еще один охотник ватаги, явившийся на помощь собратьям. Застигнутая врасплох Кеит вскрикнула, тварь же, напротив, не обнаруживала признаков смятения; сощурившись, она прыгнула вперед.

Маленькая и быстрая Кеит едва успела увернуться от когтей более крупного и с виду неуклюжего создания. Однако же не настолько уж медлительны были эти чудовища. Отпрыгнув в сторону, тварь попыталась преградить беглянке путь к спасению, одновременно криком подзывая собратьев. Из-за спины ее донесся ответный вой.

Эти твари переговаривались. Тем не менее их нетрудно было принять за животных, каковыми они отнюдь не являлись.

Впиваясь когтями в кору, она быстро вскарабкалась вверх по стволу крепкого дерева. Чудовище потянуло к ней свои устрашающие лапы, зацепило за щиколотку, и острая боль пламенем полоснула вдоль хребта. Оттолкнувшись задними лапами, Кеит сумела высвободиться; припав к одной из верхних ветвей вне пределов досягаемости тварей, она с тоской подумала о безопасности, которую могла предоставить ей бухта. Находившееся в ее распоряжении время истекало. И Кеит начала медленно передвигаться сквозь сплетение ветвей в нужном ей направлении.

А потом совсем рядом зазвенела тетива, и в бок ее вонзилась стрела. Она вскрикнула, ощутив на ноге ручеек собственной крови. Тяжелое древко выбило ее из равновесия. Отягощала и боль, ослаблявшая волю к борьбе. Она поглядела вниз: одно из чудовищ преследовало ее по земле, рассчитывая на новый точный выстрел. Кеит ринулась вперед и услышала сбоку хруст ветвей, означавший появление еще одного преследователя. Оставшиеся позади тоже приближались.

«Хасмаль, поспеши с огнем», — взмолилась Кеит. Если он успеет, друзья ее уцелеют; они доставят Зеркало к Возрожденному, даже если она умрет. Они должны сделать это, ведь Соландер Возрожденный сказал ей, что ему необходим этот предмет. Зеркало, способное, как утверждали, вернуть к жизни усопших, однажды возвратит ей погибших родных, но до этого оно послужит Соландеру, стремящемуся установить мир, полный любви и благодати... мир, который не отвергнет подобных ей и не обречет их более на заточение, муки и казнь.

Кеит никогда не думала, что сумеет обрести цель, за которую можно отдать жизнь... однако мир, где маленьких детей не убивают лишь за то, что они родились Шрамоносными, стоил подобной жертвы. Как и жизнь ее родных. Только бы уцелели ее друзья, только бы они доставили Зеркало к Соландеру...

Пустив в ход зубы и когти, Кеит вырвала стрелу из тела и, страдая от боли, на трех лапах заковыляла по ветвям. Плоть Карнеи уже затягивала рану, однако исцеление требовало энергии. Исцеляясь, тело ее пожирает само себя; если она избежит смерти, за жизнь придется заплатить адскую цену.

А потом за спиной Кеит затрещал огонь, ноздрей ее достигла первая струйка дыма. Чародейский огонь нельзя остановить дождем, живым и сырым деревом, сильным ветром. Он истребит все на своем пути, образовав в лесу идеально круглое пожарище, и прекратится, только когда иссякнет энергия, которую Хасмаль вложил в свой огонь. И гореть он будет сильнее обычного, уничтожая высокое дерево за считанные мгновения. Если она не успеет убраться с его пути, то также погибнет.

Совсем рядом, прямо под нею бурлил ручей. Однако чудовища уже завладели звериными тропками по обе его стороны. Если она хочет уцелеть, ей следует добраться до бухты. А времени почти не осталось.

Зачуяв дым, твари зашевелились и начали принюхиваться... однако они не знали в отличие от Кеит, как быстр этот огонь. Охваченная отчаянием, она бросилась прямо в середину полноводного, холодного как лед, с возвышающимися над водой каменными глыбами потока. Течение толкало ее вперед, не давая ногам зацепиться за что-нибудь, отрывая их от опоры, и уносило ее с собой.

Кеит с трудом удерживала голову над водой. Течение оказалось не просто быстрым — смертоносным; обычно не очень бурное, сейчас оно было усилено недавними дождями. Увлекая Кеит вниз, к морю, поток то и дело бросал свою жертву на валуны. После каждого такого дробящего кости столкновения она лишь напоминала себе о том, что сзади приближается худшее.

Течение развернуло ее вперед спиной, прежде чем Кеит полностью накрыло водой. И в этот последний миг она успела заметить, что мир позади нее полыхает ярким, иссиня-белым огнем: стена ослепительного пламени приближалась куда быстрее, чем способен бегать самый быстрый из людей.

Она заметила силуэты чудовищ, обрисовавшиеся на фоне огня.

А потом она ушла под мутную воду, влекомая яростной стремниной головой вперед — в черноту. Задержав дыхание, Кеит прикрыла голову передними лапами, надеясь защититься от ударов о камни, однако течение дергало ее из стороны в сторону, и следующее столкновение оглушило ее. Кеит вдохнула воду и захлебнулась, а играючи несший Карнею поток вновь выбросил ее к поверхности воды. Откашлявшись, Кеит втянула в легкие смешанный с ядовитым дымом, накаленный огнем воздух.

Вскоре ситуация обострилась еще больше. Ручей перешел в водопад, обрушивавшийся с утеса, прежде чем влиться в залив. Течение бросило ее с обрыва в воздух вместе со стремящейся вниз водою. Ощущение падения длилось долю мгновения и вместе с тем целую вечность, а затем ее охватила жуткая боль. Она упала на камни, сверху хлестнула вода, и переломанные конечности и ребра разом объяла нестерпимая мука.

Мгновение, показавшееся ей вечностью, Кеит ощущала только боль, ничего кроме боли, кровь внутри ее тела кипела, а бушевавшее в ней пламя могло бы посрамить чародейский огонь, разрушавший мир вокруг нее.

А потом...

А потом все вокруг исчезло.

Глава 2

Вуаль соединяет все миры, те, что есть, были, и те, которым еще предстоит быть; в ее пределах они существуют одновременно. В ней нет ни времени, ни движения — ничего, только бесконечность, угасающая и непознаваемая. Ветры ее пронизывают миры насквозь, бури ее искажают их, и даже штили ее отбрасывают на них длинные тени.

Целые галактики и отдельные души наравне путешествуют сквозь Вуаль. В ней рождаются звезды, боги и сны... рождаются, живут и умирают. Вуаль — не Рай и не Ад, хотя обитатели несчетных реальностей давали ей и то и другое имя — или же оба сразу, — основывали на своих фантазиях религии и цивилизации или сочиняли разные диковинные истории.

Вуаль... просто существует. Равнодушная, не меняющаяся, неподвластная ничему, она тем не менее многое может предложить тем, кто знает, как достичь ее и воспользоваться ею.

Под покровом Вуали по зову могучего духа собирался Звездный Совет, и члены его мчались навстречу друг другу словно звезды крошечной коллапсирующей галактики — сотни сверкающих бриллиантов, по спирали летящих к центру, что сияет все ярче и ярче.

Дух, созвавший Совет, носил имя Дафриль. Он мечтал о даруемом Вуалью бессмертии, о могуществе бога... и плотском теле. Прежде, полагая, что аватарой его станет Кеит Галвей, дух этот строил свои мысли на женский манер. Теперь ситуация переменилась. Покорность Кеит становилась все более и бо-

лее сомнительной, и дух сей начал придавать себе мужское обличье. Тысячу лет назад существо это в мужском подобии вместе с друзьями замыслило план, который должен был реализовать все их стремления. И теперь наконец близился миг воплощения их мечтаний.

Обсуждаем вопросы, объявил Дафриль, когда собрались все члены Совета за исключением одной заблудшей души — Луэркаса. *Во-первых, мы должны подготовить наши аватары, ибо близок уже час нашего возвращения. Во-вторых, нам надлежит решить, как управиться с силами, восставшими против нас во время нашего отсутствия.*

Мы потратили тысячу лет на обсуждение планов нашего возвращения, спокойно проговорил Меллайни. *И если мы даже теперь не знаем, что делать, когда же наконец мы сумеем решить это?*

Иногда положение дел меняется в самый последний момент, возразил Дафриль, *и этот последний момент как раз настал. Прежде мы могли только гадать о том, каким станет мир ко времени нашего возвращения... Теперь мы знаем, с чем именно имеем дело, и гадать уже не о чем. Кроме того, мы не могли предвидеть предательства одного из нас... И все же приходится предположить, что Луэркас исчез с целью повредить нашим планам.*

Я предполагал, что Зеркало разбудит нас, когда люди вновь построят настоящую цивилизацию... вступил в разговор Шаменар, *и не могу смириться с теми примитивными условиями, которые господствуют здесь. Даже самый великий из здешних городов немыслимо грязен, сточные воды текут в открытых канавах; мостовые покрыты пометом животных; туши убитой скотины висят на рынках под открытым небом; комнаты освещаются только огнем. А чем они здесь болеют: глисты, фурункулы, риккетсии, фрамбезия... Инфлюэнца, диабет, чума, наконец, и еще куча разных хворей, которым я и названия-то не знаю!*

Они невежественны, добавил Тахирин, *суеверны, жестоки, склонны к насилию, бесчестны... Как и та короткая, бессмысленная жизнь, которую проживает большинство этих людей. Как будем мы управлять подобным народом?*

Впитывая энергию из Вуали, Дафриль светился все ярче, чтобы подбодрить своих собратьев. *Таков мир, в котором мы оказались. Таков жребий, выпавший нам. Они построили то, что смогли, — а мы умеем строить лучше. Только мы способны вернуть цивилизацию и ее истинный облик. Мы можем уничтожить их болезни, сделать культурными их города... Мы можем дать им образование, направить по новому пути. Снова вырастут наши белые города, и мы будем передвигаться по их улицам в летающих повозках, дышать ароматным воздухом, наслаждаться самыми дивными яствами.*

Ветер снова закачает белые колокола, зажурчат сотни тысяч фонтанов, освежая воздух, холодные лампы осветят самые темные закоулки. Вспомните все, что мы делали в прежние времена, и поверьте, что мы сумеем вновь обрести все утраченное.

Хотелось бы мне ощущать подобную уверенность, проговорил Веррис.

Дафриль улавливал их страх. Позади осталась целая тысяча лет, отданных пассивному ожиданию, и время это отягощало их теперь. За тысячелетие его народ успел привыкнуть к ограничениям, налагаемым бестелесностью, научился бояться перемен, опасности, вызова. Теперь их ждало и то, и другое, и третье, и Дафриль видел во многих своих собратьях желание оставить все, как есть... чувствовал в них боязнь неизвестности. Подобные опасения тревожили и его самого, в какой-то мере Дафриль так же успел ощутить желание покоя, невзирая на алчную ненасытность, оставленную ему прежней жизнью.

Впрочем, жизнь для него была игрой, в которую стоило сыграть еще раз.

Калимекку населяют свыше миллиона людей, напомнил он своим сподвижникам. *И тем не менее город ширится день ото дня. Цивилизовать миллион душ куда проще, чем сотню, — потому что имеешь возможность работать сразу с большим числом людей. Мы... обложим их налогом. Мы установим честный налог для каждого обитателя города. А за это одарим этих людей превосходными вещами, которые они не способны создать самостоятельно — из-за отсутствия таланта, интеллекта, воображения, честолюбия, наконец. Мы обретем свой цивилизованный город, а они — возможность вести здоровую жизнь в мире, покончившем с войнами, голодом, инфекционными заболеваниями. Что может быть разумнее этого?*

Хорошо. Пусть будет так, ответил Сартриг. *Действительно, разве кто-нибудь станет возражать, если мы сделаем более легкой их жизнь? Кроме, конечно, Соландера и его Соколов. И — очевидно — Луэркаса.*

Дафриль почуял в его словах дуновение истины. Соландер, тысячу лет назад полностью уничтоживший результаты всех их трудов, каким-то образом сумел воплотиться. Он отыскал себе новое тело... немыслимое тело, выкованное в пламени черной магии, закаленное чарами, как огонь закаляет сталь... тело, достойное бессмертия. Соландер еще не родился, но и сам он и его чудесное тело уже предвкушали борьбу... наблюдая и строя планы против его народа — в защиту грязи, беспорядка и хаоса. С Соландером необходимо разобраться как можно скорее. Что же касается Луэркаса...

Две тысячи лет назад Луэркас был ближайшим и самым могущественным союзником Дафриля. Он был другом и еди-

номышленником; он разделял мечты Дафриля о прекрасном белом городе и бессмертии, длящемся в окружении красот, роскоши и шедевров искусства; вместе с Дафрилем он боролся, пытаясь спасти собратьев-сподвижников, когда все их старания в конце концов пошли насмарку. Но когда Зеркало Душ разбудило наконец почивавших в его Кладезе и выпустило их на свободу — в Вуаль, Луэркас исчез. Предоставив тем самым Дафрилю возможность гадать, что означает подобное отсутствие... сожрала ли душу Луэркаса одна из этих уродливых и холодных тварей, что охотились между мирами, или же какая-то неведомая обида заставила его предать интересы Звездного Совета. Он не мог поверить в то, что Луэркас, самый осторожный и терпеливый среди прочих, мог проявить беспечность и попасть кому-нибудь в зубы. А значит, оставалось... предательство.

Огонек духа Сартрига побледнел, когда старший советник выплыл вперед. *У меня возникли сложности. Я выбрал для себя чудесную аватару — молодого Волка по имени Ри Сабир — могущественного, хорошо воспитанного молодого человека, обученного магии и обладающего телом, форму которому придали чары. Однако он умеет защищаться и закрываться и при любой возможности сопротивляется моему прямому воздействию. Пока он еще верит в то, что я — дух его покойного брата, и по крайней мере прислушивается к моим советам, но он силен и непокорен, и я не уверен в том, что, когда придет время, сумею одолеть чары... И повести его в нужную нам сторону.*

Дафриль угадывал страх в словах Сартрига, и отголоски этого чувства сотрясли его самого. Мужчины и женщины, жившие в этом новом пространстве и времени, не были целиком людьми, являя собой интересный побочный результат воздействия оружия, примененного в последней стычке его народа с Соколами. Он подозревал, что тысячу лет назад ему и его друзьям лишь немного не хватило времени, чтобы успеть воочию лицезреть первые плоды этого побочного эффекта. За протекшую тысячу лет преображенные люди — те, кого калимекканцы называли Шрамоносцами, — приобрели самые разнообразные обличья; в своей прошлой жизни он просто не мог представить себе подобных образчиков. Выбранная им для себя аватара, молодая женщина по имени Кеит Галвей, особа крепкая, молодая и знатная, имела весьма интересное свойство. Она была оборотнем, и дар сей Дафриль находил бесподобным. Она пользовалась общей симпатией, имела нужные связи в правящей верхушке Калимекки и некоторое время охотно — даже со рвением — выслушивала его советы, полагая, что имеет дело с давно почившей пра- и так далее бабушкой.

Однако в последние недели она сделалась подозрительной, — после того как познакомилась с человеком, научив-

шим ее некоторым магическим приемам, а среди них и умению защищаться от его воздействия.

Поэтому Дафриль был вынужден подыскать дублера этой предпочтительной аватаре. Конечно, Кеит — роскошная зверушка, однако приходится считаться с возможностью того, что, когда настанет великий момент, он не сумеет до нее добраться. Посему он остановил свой выбор на еще одном великолепном оборотне — могущественном чародее, имевшем полезных друзей и столь же прекрасном, как и Кеит. Однако, увы, не столь молодом. И к тому же он не был женщиной, а идея женственности давно пленяла Дафриля. Кроме того, этот чародей-Волк нажил себе много врагов. Однако Дафриль решил, что сумеет справиться с недостатками Криспина Сабира, если с Кеит ничего не получится.

Особенно интересным, с точки зрения Дафриля, являлся один немаловажный факт, хотя как использовать его, пока оставалось неясным. Дело было в том, что Криспин приходился отцом тому существу, в чьем теле ныне обитал Соландер, и Дафриль ощущал в нем слабый резонанс, вызванный этим отцовством. Он понимал, что если отыщет способ воспользоваться подобной информацией, то и враг его также может найти ей применение... если будет знать. Если же нет, ну что ж, тем лучше... в любом случае это надо иметь в виду.

Кстати, и выбранная Сартригом аватара также принадлежала к числу редких в этом мире оборотней. Тело, способное менять обличье, сулило соблазнительные перспективы, однако помимо возможностей, обещало в этом мире и немало проблем. *Подготовь замену,* предложил он Сартригу. *И советую каждому из вас обзавестись хотя бы одним дублером. Когда Зеркало извергнет нас в мир через Кладезь душ, мы будем располагать всего лишь мигом, чтобы достичь наших аватар. Если аватара кого-нибудь из вас окажется в этот момент вне пределов воздействия Зеркала или почему-либо окажется закрытой для проникновения, то допустивший такую оплошность будет отброшен назад в Вуаль и навеки разлучен с нами.*

В молчании, последовавшем за этим предостережением, чувствовался страх.

Кто-то из задних рядов собравшихся Советников наконец нарушил тишину, сменив тему. *Тогда обратимся к другим проблемам, поговорим о Луэркасе и Соландере с его приспешниками.*

Дафриль на мгновение задумался. *Серьезные проблемы; впрочем, мне кажется, что Соландер сейчас представляет небольшую опасность. К тому же однажды мы уже победили его. И хотя он снова воплотился, и тело действительно принадлежит ему, чтобы по-настоящему завладеть им, Соландеру еще нужно родиться. Он будет младенцем, потом подростком, и пока он оста-*

ется беспомощным, у нас будет время как следует подготовиться. Мы знаем о его присутствии в этом мире — как и о его последователях... Они не представляют серьезной опасности для нас. Другое дело Луэркас. Мы вынуждены признать, что если он в очередной раз не отвечает на наш призыв, прячась от нас, это лишь повышает вероятность того, что он злоумышляет против нас. Меня отнюдь не утешает тот факт, что он один, а нас много, ибо мы не можем надеяться на то, что он действительно пребывает в одиночестве, так как он всегда умел находить союзников в самых неожиданных местах.

Мы намеревались проявить милосердие, дать Луэркасу шанс вновь присоединиться к нам, продолжил Дафриль, *ведь именно так подобает относиться к тем, кого мы любим и считаем друзьями. Но увы, как это ни прискорбно, я вынужден теперь признать, что те из вас, кто настаивал на его уничтожении, были все-таки правы. Когда будете искать его, объединяйтесь для этого в группы — чтобы он не уничтожил поодиночке тех, кто обнаружит его. Он стар и умен... Кроме того, в прежнем мире ему доводилось встречаться с таким, чего большинство из вас просто не в состоянии представить. Когда найдете его, не пытайтесь разговаривать с ним, не позволяйте ему заметить ваше присутствие. Уничтожьте его. Ибо если вы этого не сделаете, он сам погубит вас.*

Глава 3

Нос «Сокровища ветра» рассекал высокие волны — корабль направлялся на юг вдоль не нанесенного на карту берега Северной Новтерры. Ри Сабир стоял прислонясь к плавно изгибающейся стенке каюты и хмуро рассматривал через иллюминатор зубастую черную гряду на горизонте, ощущая, как ужас заполняет его нутро. Кеит попала в беду. Связующая их невидимая нить — неясной природы, необъяснимого свойства — еще мгновение назад доносила до него ее страх, ярость, боль... а теперь она вдруг оборвалась. И исчезновение этой зыбкой связи было самым худшим, что вообще могло случиться.

Повернувшись к своим лейтенантам, он сказал:

— Я еще не говорил об этом, поскольку не было необходимости.

Все пятеро его подручных, являвшихся к тому же лучшими его друзьями, собрались в крошечной каюте. Дверь они заперли на засов и теперь в тесноте жались друг к другу, сидя на двух нижних койках.

Янф, ради такого случая облачившийся в черные шелковые брюки и черную же шелковую рубашку и перехвативший свои длинные светлые волосы лентой того же цвета, выразил общее мнение:

— Увы, боюсь, такая необходимость приспела. Каждый раз, когда кто-либо из нас заводил речь об обратном пути, ты умолкал. Или отворачивался, прекращая разговор, или менял тему, или принимался осмеивать саму мысль о возвращении в Калимекку. А еще говорил нам, что рассчитываешь вернуться с невестой из Семейства Галвеев. С нашей точки зрения, подобная затея требует составления плана — или хотя бы серьезного обдумывания.

Трев, Джейм, Валард и Карил согласно закивали.

— Ты скрываешь от нас проблему, — продолжил Янф, — и это тревожит нас. Мы решили добиться от тебя правды, чего бы нам это ни стоило.

Он закончил свою речь, побагровев, и вертикальные шрамы на его щеках стали похожи на две полоски белой краски.

Именно этого мгновения и боялся Ри... мгновения, когда больше нельзя будет уходить от ответов на вопросы друзей, мгновения, когда и самому придется повернуться лицом к реальности. До этого момента он прятал свое беспокойство о Кеит подальше от себя самого — оставляя все тревоги на потом. Чтобы вернуться к ним, когда будет улажено куда более неотложное дело.

— Не важно, что ты принадлежишь к основной линии в Семье, а мы нет. Не важно, что Трев вообще из дальней родни, — проговорил Джейм. — Мы хотим узнать, что ты скрываешь от нас, прежде чем выйдем отсюда, или же мы не выйдем отсюда никогда.

Янф мог сказать такое из гнева. Такой уж у него был нрав. Но остывал он столь же быстро, как и вспыхивал. Если бы в каюте помимо самого Ри находился только Янф, вне сомнения, можно было бы избежать откровенности, которой добивались от него друзья.

Но Джейм никогда и ничего не решал быстро. Он взвешивал, обдумывал, спорил с собой, и когда все наконец решали, что он уже не скажет ни да, ни нет... вот тогда-то он без всякого предупреждения начинал излагать собственное мнение. И когда Джейм высказывал его, ничто не могло более смутить его. Решив, что он должен знать истину, Джейм готов был умереть, только бы докопаться до нее и заставить Ри склониться к его собственной точке зрения. Когда заговорил Джейм, Ри понял, что все его отговорки можно выбросить за окно.

Эти люди были его друзьями уже много лет, однако, заглянув им сейчас в глаза, он не увидел там ни капельки тепла, ни малейшей готовности рассмеяться и отказаться от расспросов. Ри чувствовал, что страх и гнев начинают овладевать друзья-

ми, и понимал, что пора наконец пожинать плоды собственной скрытности. Он просто не знал, как приступить к разговору.

— Моя мать... — начал Ри и сразу же смолк.

Они выжидательно глядели на него. Ри сглотнул, ощущая стыд.

— В день нашего отплытия я отправился к ней, чтобы сказать о том, что покидаю Калимекку. Все вы уже находились на корабле и ожидали меня. Однако она отказалась отпустить меня. После всех смертей... — Он закрыл глаза, припоминая ту жесткую стычку с некогда прекрасной, а теперь лежащей в постели матерью, до неузнаваемости искалеченной побочными эффектами неудачного магического нападения его Семьи на Галвеев. — Она не хотела слышать никаких доводов. И настаивала на том, что, поскольку мой отец погиб, я должен взять на себя главенство над Волками; я отказался, сказав ей, что направляюсь на поиски Кеит. Она пришла в ярость и спросила, все ли вы будете сопровождать меня. Я ответил, что отплываю один... и что вы все погибли.

На лицах его спутников проступили потрясение и ужас, и он потупился, не в силах смотреть им в глаза.

— Ты сказал ей, что мы мертвы? — Карил, кузен Ри, откинулся к стенке каюты, закрыв лицо руками. — Мертвы? Ты... *Идиот!*

— Я опасался, что она начнет мстить вашим семьям, если узнает, что вы оказали мне поддержку.

Янф побледнел настолько, что шрамы на его лице сделались незаметными.

— Мертвы. И чего ты добился с помощью подобного утверждения?

— Я сказал ей, что вы погибли как герои... сражаясь с Галвеями в их Доме. — Ри пожал плечами. — Тогда эта мысль казалась мне неплохой.

Слова эти заставили его спутников вздрогнуть.

Они имеют право сомневаться в этом, сказал себе Ри, не смея даже припомнить, сколько раз он убеждал себя подобным образом. Многие из его прежних ошибок поначалу казались ему неплохими идеями.

Защищаясь от их нападок, он продолжил:

— Ваши семейства теперь в чести. Высокой чести. Трев, твоих сестер познакомят с Сабирами Первого Ранга, когда девочки достигнут брачного возраста... у них появится возможность получить любой титул — вплоть до параглезы. Валард, твои брат и отец наверняка уже возведены в сан парата. И вы трое... ваши родные, безусловно, также стали паратами. И все они, несомненно, останутся в живых, а ведь если бы моя мать заподозрила, что и вы участвуете в обмане, их головы уже украшали бы городские стены.

Скрестив руки на груди, Валард ожег Ри взглядом своих зеленых глаз.

— Это уже слишком. Неужели тебе еще мало неприятностей? Потом, хотя мы мертвы и никогда не сможем вернуться домой, ты-то сам явишься назад героем, так?

Валард всегда был готов ради Ри на все, что угодно, однако в тот миг казалось, что и ему все происходящее чересчур не по душе.

— Либо мы все вернемся назад героями, либо никто из нас не увидит дома. Насколько мне известно, меня также считают покойником, как и вас.

Эта новость заставила его товарищей призадуматься.

— Значит, они и тебя считают покойником? И как же ты сумел это устроить? И зачем?

— Я подстроил сцену убийства... как будто меня убила Адская Тройка, узнавшая, что я собираюсь претендовать на главенство среди Волков. Таким образом я намеревался убедить собственную мать в том, что подчинился ее приказу, выполняя данное ей обещание. Видите ли, она сказала мне, что если я не останусь и не предъявлю претензий на место главы Волков, то она объявит меня *барзанном!* Однако она не подумала о том, что если я и впрямь останусь и попытаюсь претендовать на власть, то Адская Тройка действительно убьет меня. А быть покойником лишь официально куда лучше, чем стать им на самом деле. И куда лучше, чем сделаться *барзанном.*

Друзья его были ошеломлены.

— Твоя собственная мать собиралась объявить тебя...

— *Барзанном...*

— Клянусь собственной душой...

— Если бы она знала, что вы живы и помогаете мне, то — вне сомнения — объявила бы *барзаннами* и вас. — Он поглядел им в глаза. — И вашим семьям пришлось бы куда хуже.

— Наверняка.

Пятеро его спутников согласно кивали, готовые взять свои обвинения назад.

— Мне очень жаль, — сказал Ри. — Я никогда не имел желания вовлекать вас в подобные неприятности. Я просто не мог предположить, во что мне обойдутся стройные ножки Кеит Галвей.

Лейтенанты переглядывались, пожимая плечами, и вновь обращали взоры к нему.

Джейм промолвил:

— Ошибок не делает лишь тот, кто знает будущее. Но это уже не человек. Это бог.

Янф медленно качнул головой, а потом ухмыльнулся:

— Правильно. А ты только воображаешь себя богом.

— Так вы не испытываете ко мне ненависти? — спросил Ри.

Валард вздохнул:

— Пока еще нет. Придумай способ, как нам стать героями, чтобы вернуться домой, и мы простим тебе все.

Карил медленно растянул губы в улыбке.

— Или хотя бы найди для нас остров, населенный прелестными девицами, годящимися в жены, и назначь нас Паратами. Располагая красоткой женой, собственной землей — и в придачу наслаждаясь хорошим климатом, — я прощу и забуду все, что угодно.

— Тебе это и в самом деле необходимо? — Теперь уже улыбался сам Ри. — Неужели вам, пятерым, мало того, что все мы живы и здоровы?

Янф потянул рубашку на груди, разглаживая шелк. Не сочтя нужным поднять взгляд, он негромко проговорил:

— Мы прекрасно знаем тебя. И уверены в том, что за время, оставшееся до прибытия в ближайшую тихую гавань, ты сделаешь все возможное, чтобы все мы погибли. Включая тебя самого.

Сказав это, он поглядел на Ри веселыми глазами.

— И мы требуем лишь умеренной компенсации за то пекло, в которое ты нас, без сомнения, потащишь.

Ри решил поведать друзьям все, что было известно ему самому — скрыв от них лишь способ, которым он получил эту информацию. Он полагал, что имеет полное право умолчать о том, что дух его покойного брата пересек границу Вуали, чтобы предложить ему совет и попросить помощи.

— Используя магию, я узнал, что Кеит разыскивает предмет, способный возвращать мертвых к жизни. Я намереваюсь привезти ее домой в качестве своей жены... Но мы также привезем с собой и этот предмет и все прочие чудеса, которые обнаружим в найденном ею городе Древних. Располагая целым кораблем, заполненным подобными сокровищами, и, главное, тем предметом, моя мать сумеет оживить отца, и тот, как и прежде, возглавит Волков. Потом она также вернет к жизни и моего старшего брата. И мы станем героями.

А сам он избежит таким образом той тайной жизни, полной черной магии и интриг, которую уготовила для него мать.

Янф нахмурился.

— Мне кажется, ты мог бы рассказать нам об этом пораньше, чтобы мы поняли, что заинтересованы в поисках Кеит не меньше, чем ты сам.

— Я не знал, отыщет ли она этот город, а с ним и Зеркало Душ... Зачем было вселять в вас надежду, если для нее не имелось еще оснований. Или уж, кстати, зачем рассказывать вам о том, насколько плохи дела, если их еще можно поправить.

Потом, увидев глазами Кеит руины и предмет, очевидно, являющийся Зеркалом, я понял, что могу рассказать вам и о грозящих опасностях, и о той выгоде, на которую мы можем рассчитывать. К тому же, пока мы здесь добываем себе славу героев, ваши семьи находятся в безопасности.

Ри не знал, жива ли сейчас Кеит, и не хотел говорить о своих опасениях друзьям. Возможно, он и в самом деле напрасно затащил их на край света: необъяснимая связь между ним и Кеит оказалась разорвана — как если бы не существовала вовсе. Он плыл за этой девушкой через весь океан и не мог теперь объяснить себе самому причины столь безумного поступка. Он отказался от своего имени, от Семьи, от будущего ради той, что принадлежала к роду Кровных врагов Сабиров... ради женщины, которую он и видел-то всего лишь раз... да и то — в темном переулке, в окружении трупов тех, кто хотел убить ее. Он не знал, любит ли она его. Ясно только одно: у нее были все причины не доверять ему, и более того — ненавидеть его.

А теперь он даже не знал, жива ли она.

Ри поглядел в иллюминатор. Кеит находилась где-то там — впереди. И он готов был отдать все, что угодно, лишь бы убедиться в том, что она не погибла.

Глава 4

Имогена Сабир велела передвинуть ее кресло так, чтобы на нее падали лучи солнечного света, льющегося через высокое окно кабинета. Видеть свет она не могла, но ощущала его; после нападения на Галвеев, когда *ревхах* — магическая отдача... сила противодействия, возникающего при использовании магии, — едва не уничтожил ее, кости Имогены постоянно требовали тепла.

Перед ней стоял Изыскатель Маллорен, и отнюдь не в позе глубочайшей покорности, естественной, когда столь ничтожная личность предстает перед персоной, обладающей подобным статусом. Он принимал ее слепоту за неспособность *видеть*, допуская тем самым ошибку, за которую она еще заставит его заплатить. Обостренными чувствами Карнеи и ведьмы она могла определить не только его позу, но также и то, что он думал о ней и ее иллюзорной беспомощности, а ее тонкий нюх позволил ей подметить его секрет, тщательно скрываемый этим ничтожеством от всех прочих; эту его тайну она могла использовать в будущем, угрожая ему разоблачением. Имогена была уверена, что таким образом сумеет добиться от него рабской покорности.

Она решила, что поиграет с Изыскателем, когда будет располагать временем для развлечений.

А пока она слушала его последний отчет.

— ...до сих пор мне не удавалось обнаружить в порту кого-нибудь из очевидцев. Мне пришлось заплатить уйму денег людям, которые *могли* вывести меня на тех, кто находился там в то время. Это было трудно...

— Если бы ты ничего не нашел, — перебила его Имогена, — то не стоял бы сейчас передо мной, рассчитывая на оплату. Я уже знаю, что мой сын жив. Подстроенная Криспином оскорбительная сценка доказала это с достаточной очевидностью, и я хочу только знать все подробности.

— Н-ну... да... но мне хотелось, чтобы вы знали, с каким усердием...

— Твои личные сложности меня не волнуют. В отличие от полученных тобой результатов. Я плачу тебе за них — с учетом расходов, потребовавшихся для достижения цели. Если ты хочешь, чтобы я оплачивала еще и драматическую манеру изложения, можешь подыскать себе деятельность другого рода.

Она почувствовала, что собеседник ее покраснел — и от унижения, вызванного подобным обращением, и от того, что с унижением этим приходилось смиряться, и от гнева, поскольку ему запрещали знакомить ее со своей повестью в излюбленной манере. Еще она поняла, что он разочарован. Безусловно, Изыскатель рассчитывал получить премиальные, описывая ей, скольких трудов ему стоило добыть нужные факты.

Она улыбнулась и почувствовала, как он отшатнулся. И это тоже позабавило Имогену. Хотелось бы ей увидеть собственными глазами, во что превратила ее катастрофа. Ощупывая свое лицо и угадывая реакцию окружающих, она уже успела понять, что от человека в ней почти ничего не осталось. Можно было предположить, что она сделалась уродиной; однако видеть себя в зеркале Имогена не могла и в своей памяти оставалась столь же прекрасной, какой была в тот день, когда случилось несчастье и когда она потеряла зрение. Собственное уродство не пугало ее. Красота исполнила свою роль и была отнята у нее. Она уже успела подметить, что ужас принуждает людей к повиновению не хуже, чем былая ее краса.

Изыскатель продолжил:

— Да. Конечно. Я не могу подтвердить имена, поскольку интересовавшие меня лица проявили немалое усердие, уклоняясь от любых регистраций — и тщательно оберегая свое инкогнито. Как ни странно, именно эта осторожность в конце концов и навела меня на след. В ту ночь, когда исчез ваш предпо-

ложительно убитый сын, пятеро молодых людей провели большую часть стоянок Дард и Телт в портовой таверне под названием «Отдых огнеглотателя», коротая время за выпивкой, игрой в псов и коршунов, а также в кости, и в спорах друг с другом, в ходе которых они бились об заклад. Очевидно, они принадлежали к верхам общества — четверо не скрывали мечей, а пятый был вооружен двумя длинными кинжалами. Все были отлично одеты. По описанию очевидцев, среди них был высокий и стройный блондин со шрамами на лице... О нем говорили, что этот хвастун и сноб был одет исключительно в дорогие шелка; другой, пониже ростом, носил заплетенные в косичку длинные волосы и показался очевидцам человеком более спокойным. И вдумчивым. Работающая в этом заведении шлюшка сказала, что посидела у него на коленях и попыталась уговорить подняться с нею наверх, однако он отказался, хотя она и почувствовала, что пробудила в нем интерес. Он сказал ей, что ждет друга, и когда тот появится, им придется немедленно уйти. Объяснять ей, кто этот друг и куда они собираются, он не стал... Причем проявил при этом такую непреклонность, что девка хорошо запомнила его. Называл он себя Паратом Бейджером.

— Парат Бейджер, надо же... — восхитилась Имогена против собственного желания. — Парат Бейджер... А скажи мне, не носили ли его друзья имена Соин, Чиджер, Торхет и, может быть, Фардж?

Слова Имогены поразили Изыскателя.

— Откуда вы узнали? Нет, о Торхете никто не упоминал, но Чиджер и Фардж там были. Еще один носил имя Рубджият.

— Мальчишки получили классическое образование. Бейджер — это «бог зелени» из классических мифов древней Иберы, тогда она еще называлась Вейс Траройн, включала в себя значительную часть нынешней Стрифии и входила в Касрийскую империю. Чиджер являлся «богом пурпура» в тех же самых мифах. Фарджем назывался «бог синего цвета», а Рубджият считался «богом, цвета не имеющим»... Я удивлена, что кто-то из них воспользовался этим именем.

Имогена поняла, что Изыскатель против собственной воли заинтересован ее словами. Она почувствовала, как он наклонился к ней, как участились его пульс и дыхание.

— Почему?

— Бог, не имеющий цвета, был связан с несчастьем. Я готова предположить, что парни зарезервировали это имя для моего опоздавшего на их встречу сына. В конце концов несчастья — это его специальность.

— Значит, вы уверены, что это были именно они?

— Я бы поставила за это на кон твою жизнь. — Услышав эту милую шутку, Изыскатель напрягся, и она опять

улыбнулась. — Но чтобы я не совершила непоправимой ошибки, выкладывай все остальное.

Она услышала, как он сглотнул.

— Как вам угодно. Тот, которого свидетели посчитали самым старшим, был коротко острижен. Шлюшка также припомнила его. Она говорила, что ей показалось, будто он лысеет и потому бреет голову наголо, чтобы скрыть это. Этот был груб с ней; сказал, что не нуждается в услугах девиц такого пошиба. Еще один показался всем удивительно бледным, и двое свидетелей сравнили его лицо с полной луной. Фортуна ему явно благоволила, и он успел выиграть у этих двоих целую кучу денег, прежде чем оставил таверну. О последнем же не упоминал никто, пока я не спросил, уверены ли они в том, что молодых людей было четверо, а не пятеро. Только тогда многие из свидетелей вспомнили пятого, сидевшего за тем же столом.

— Это наверняка Джейм, — предположила Имогена. — Он обладает удивительной способностью оставаться незаметным. Это истинный дар.

— Безусловно, — согласился Изыскатель.

— Ну что ж. — Она защипнула пальцами складку на подоле шелкового платья... привычка эта, выдававшая ее беспокойство, была приобретена Имогеной уже после того, как она потеряла зрение. Прикинув в уме возможные варианты, она сказала: — Ты нашел их. У меня нет в этом сомнений. Но где же они теперь? И что с ними стало?

— Проигравшиеся мужланы проследили их путь до гавани, где все пятеро поднялись на корабль. Названия судна никто не сумел припомнить. Поэтому я обратился к регистрационному Журналу Порта. В ту ночь вышли в море несколько кораблей, поскольку прилив и ветер были благоприятны для плавания. Нужное судно определить сразу не удалось: капитаны указывали только груз и место назначения, и ни один из них не зарегистрировал пассажиров на борту. Однако один из кораблей — «Сокровище ветра» — был записан в портовом журнале как направляющийся в колонии с грузом плодов и древесины. Сведения эти удостоверяла подпись некого К. Петелли. В купеческом регистре никаких Петелли не значится... в списке судовых капитанов присутствуют двое ныне здравствующих Петелли, однако оба они не имеют отношения к этому кораблю, который под погрузку не становился и в колонии не прибывал. Он внесен в регистр Сабиров и является вспомогательным судном, которое находилось в ремонте в сухих доках, вновь было спущено на воду, получило новый экипаж, но, как всем прекрасно известно, так и оставалось с пустыми трюмами. Я по-прежнему не могу доказать, что ваш сын и его друзья

отплыли именно на этом судне, но готов поручиться за все корабли, отплывшие в ту ночь... более того, и в последующую неделю. Эти суда отправились именно в том направлении, какое было указано в журнале, и занимались по пути именно тем, чем следовало.

Имогена фыркнула.

— Ну, я сомневаюсь в том, что ты можешь поручиться за каждый корабль. Наши воды кишат пиратами, и кроме того, найдется не одна дюжина кораблей, которыми мог воспользоваться мой сын со своими друзьями. А теперь скажи мне, куда они направились?

— Не знаю. «Сокровище ветра» не заходил ни в одну гавань из тех, чьи журналы доступны мне. Я ожидаю вестей из Колонии Кендер, с берега Прихоти Изыскателя и из поселения на Сабирском Перешейке, однако не надеюсь на положительные результаты. Я могу указать наверняка лишь те места, где их нет.

— Понятно. Значит, ты не можешь сообщить мне то, что я более всего хочу узнать. — Она умолкла, предоставив Изыскателю возможность прочувствовать эти ее слова, обдумать малейшие последствия ее неудовольствия. Затем Имогена изрекла: — Тем не менее ты проявил похвальную дотошность.

Изыскатель вздохнул с облегчением:

— Значит, вы довольны?

Откинувшись на спинку кресла, она ответила:

— Ты *убедил* меня. А я хотела услышать от тебя убедительные факты. Что же касается удовлетворения... твоя информация едва ли способна вызвать во мне подобное чувство.

Имогена комкала шелковую ткань своего одеяния, вспоминая лицо сына и испытывая желание впиться в него ногтями.

— Ступай. Мне нужно подумать. Мой секретарь оплатит твои услуги.

— Потребуются ли вам новые сведения?

— Если потребуются, — негромко проговорила Имогена, — я знаю, где найти тебя.

Она постаралась, чтобы в словах ее прозвучала угроза.

Изыскатель Маллорен бросился вон из ее кабинета, словно жук, вдруг обнаруживший, что миг назад укрывавший его камень исчез неведомо куда, лишив его убежища.

Имогена выждала какое-то время, потребное на то, чтобы Изыскатель убрался из Дома. Эти проныры обоего пола, собиравшие информацию пропитания ради, могли иметь при этом многих покупателей, а Калимекка кишела врагами Имогены, готовыми хорошо заплатить, чтобы ослабить или погубить ее.

Услышав стук наружной двери, она позвонила в колокольчик, вызывая секретаря.

Когда тот вошел в комнату, Имогена сообщила ему:

— Порф, я намереваюсь нанять толкового ассасина. Самого лучшего, какого только можно отыскать. И не связанного контрактом с Семьей. Мне нужен независимый специалист.

Порф молча ожидал продолжения.

— Мне нужно кое-кого наказать. — Параглез Семейства Сабиров — впервые за две сотни лет — лишил Волков права собственного выбора, назначив Криспина главой колдунов Семьи, а Анвина и Эндрю — его помощниками. Возвышение Адской Тройки, получившей теперь власть над нею самой, Имогена могла объяснить исключительно действиями своего сына Ри. Он был виноват в том, что ее почти что заперли в самом дальнем уголке Дома и свели фактически к нулю ее влияние на дела Семьи. А теперь оказывалось, что друзья его отнюдь не герои, погибшие за дело Сабиров в Доме Галвеев, каковыми назвал их Ри в день своей «смерти»... те самые приятели и подручные сына, поддерживавшие его во лжи и измене. Они помогли ему бежать из города и уклониться от исполнения ее воли. — Ри и пятеро его ближайших друзей позволили себе шутку. За мой счет.

— Значит, они живы?

— Благоденствуют. Все шестеро. Притом там, где я не могу до них дотянуться.

— Но вы знаете, где их искать? Вы намереваетесь подослать убийцу именно к ним?

— Ни в коей мере. Сейчас, во всяком случае, я не могу добраться именно до них. Однако парни позволили себе оставить здесь своих родственников, тем самым поставив меня в положение, побуждающее заинтересоваться их семьями. А как родственница одного из этих «героев» я намереваюсь оказать им некоторые знаки внимания.

Имогена усмехнулась и почувствовала, как затрепетал секретарь.

— Значит, убийца...

— Я хочу развлечься. Я хочу, чтобы этот ассасин творчески подошел к задаче уничтожения родственников приятелей моего Ри... пусть убивает их по одному. Посмотрим, скольких нам удастся убрать прежде, чем мальчишки вернутся. Разве моя идея не кажется тебе забавной?

Порф молчал.

Позволив молчанию затянуться, Имогена сама прервала его:

— Порф?

— Именно, парата. Забавной.

Но в голосе его не угадывалось никакого веселья. Бедняга Порф был плохим лжецом.

Глава 5

Вода одновременно тянула Кеит вниз и выталкивала ее на поверхность, а сама она продолжала скользить в недрах этого мира, залитого жидким текучим светом. Вода втекала в ее рот и вытекала из шеи. И хотя это почему-то казалось неправильным, Кеит не могла понять причины. Она костями ощущала грохот прибоя, а кожей следила за движением добычи, — словно бы все ее тело вдруг сделалось глазами и ушами. Боль осталась позади, впереди раскинулась неопределенность. А в настоящем она знала только голод... голод всеобъемлющий, буквально пожиравший ее. Ей было известно, что она состоит не из одного лишь желания насытиться, однако не понимала, откуда у нее эта уверенность, и в данный момент это совершенно не смущало Кеит.

Она развернулась, чуть шевельнув плавниками, и заметила мерцающее серебристое облачко. Короткое движение хвоста послало ее вперед, даже не возмутив воду вокруг. Врезавшись в самую середину облачка, она успела сожрать с дюжину рыб прежде, чем косяк распался, а потом последовала за самой крупной отделившейся от него частью, сберегая энергию и ограничиваясь плавными ударами хвоста. Она охотилась и насыщалась. Когда серебристый косяк совершенно рассеялся и охота сделалась неудобной, она заметила стайку крупных красно-желтых рыб; потом ей попалась еще одна разновидность, после нее — другая. Она избегала тех, кто был сильнее ее и от кого исходило ощущение опасности, — ощутив в воде привкус крови, она поворачивала в сторону.

Она остерегалась сомнений в собственном существовании и не обращала внимания на доводы рассудка, утверждавшего, что она совсем не то, чем себе кажется. Она заглатывала добычу, потому что ощущала себя слабой, избитой, близкой к смерти; и, насыщаясь, обретала силу.

А когда силы вернулись, разум заставил тело признать его власть. Он вернул ей имя, а вместе с ним потоком хлынули воспоминания. Ее звали Кеит.

У нее были друзья, нуждавшиеся в ее помощи.

У нее было дело, которое следовало завершить.

И ей грозили новые неприятности.

Вновь приняв человеческий облик, утомленная, мокрая, нагая, замерзающая, до предела отупевшая и ни на что не обращающая внимания, Кеит тащилась к лагерю. Она не знала, сколько времени отсутствовала, и могла только надеяться на то, что друзья ее будут еще живы, когда она вернется. Начисто сгоревшие

заросли, сквозь которые она пробиралась к морю, превратились теперь в слой насквозь мокрого пепла, и руины города Древних возле пожарища как будто обрели новую жизнь... четкие очертания их, казалось, говорили о том, что город этот был покинут жителями совсем недавно.

И посреди этого моря пепла идеальный кружок леса, который Хасмаль сумел уберечь от вызванного заклинанием огня, казался видением Паранны: тяжелые плети вечнозеленых лиан кружевами лежали на кронах деревьев, черневших на фоне серого зимнего неба, а землю ковром покрывала палая листва, еще по-осеннему пестрая, словно все вокруг устлали беззаботно рассыпанные кем-то самоцветы. Лагерь располагался в самом центре этого круглого островка. До Кеит донеслись голоса, шедшие из недр руины, которую они использовали в качестве жилища. Еще она уловила запах смерти и тлена. Она знала, что, войдя внутрь укрытия, узнает плохие новости, однако нос не мог поведать ей, насколько скверными они окажутся. Мешали вялое отупение, свойственное тому состоянию, в котором она находилась, и депрессия, обычно следовавшая за Трансформацией.

Она вошла внутрь.

Скверные новости обрушились на нее уже у входа. Турбен лежал в первой комнате справа, тело его пристроили под укрытием целого участка крыши. Опустившись на колени, Кеит прикоснулась к нему. Труп уже остыл и затвердел: значит, Турбен умер достаточно давно.

Негромкий стон, донесшийся из задней комнаты, привлек к себе внимание Кеит, и она поторопилась туда. Ян и Хасмаль с двух сторон склонились над лежащим Джейти. Тот шевельнулся и застонал снова.

— Только не Джейти, — пробормотала Кеит, научившаяся уважать морехода за верность, присущие ему здравый смысл и отвагу. — Что случилось?

Джейти перевел на нее затуманенный болью взгляд и с трудом улыбнулся.

— Ты вернулась, — проговорил он. — Надеюсь, что боги услышат молитвы капитана и о моем спасении.

— Кеит! — воскликнул Хасмаль. — Ты жива!

Вскочив на ноги, Ян бросился к ней. Подхватил на руки и прижал к себе, не обращая внимания на ее наготу. Он пылко расцеловал Кеит, а потом припал щекой к ее лицу.

— Ах, Кеит, — прошептал он. — Я уже думал, что потерял тебя. — На мгновение опустив ее на землю, Ян взглянул на ее тело и вновь подхватил на руки.

— Девочка, от тебя остались одни кости, — воскликнул он. А потом, опустив ее снова, добавил: — Как ты сумела уцелеть? И где ты была? Я... мы... я утратил всякую надежду еще вчера.

— Сколько времени меня не было?

Хасмаль уже рылся в ее мешке; подавая Кеит чистую рубашку и штаны, он ответил:

— Три дня и две ночи.

— Так долго? — Кеит нахмурилась, пораженная тем, что находилась в Трансформированном состоянии больше одного дня.

— Я была... под водой. Заблудилась. — Она принялась натягивать одежду. — Заблудилась в собственной голове. Я находилась в бухте, но забыла, кем являюсь на самом деле. Я прыгнула в речку, чтобы спастись от... этих тварей и от огня. Это я помню хорошо. Потом я упала вниз — с водопадом... смутно помню, как ударилась о валун на дне. А после этого ничего — до нынешнего утра, когда я вдруг вспомнила собственное имя и осознала, что не мое дело быть рыбой. Не знаю, кем я там была. Тело мое приняло форму, позволившую мне залечить раны и насытиться, и этим я, наверное, и занималась все это время.

На их лицах появилось выражение благоговейного трепета.

— Тебе под силу такое?!

— Однажды мне уже пришлось испытать подобное, — призналась она, — но недолго, меньше, чем одну стоянку. Прыгая с аэрибля в бухту Маракады — в ту ночь, когда мы с тобой познакомились, — она поглядела на Яна, — я ударилась о воду так сильно, что была оглушена, и едва не утонула. Мое тело тогда трансформировалось, хоть и частично, наделив меня жабрами, так что я сумела дышать в воде. Но до тех пор я и не представляла, что могу принимать другой облик, кроме четвероногого зверя.

Хасмаль выглядел задумчивым.

— А теперь я отвечу на твой вопрос. После того как огонь погас, Джейти оказался рядом с тварью, которой ты выпустила кишки. Однако она была еще не совсем мертвой. Она схватила Джейти за ногу и искалечила ее. Мы отняли его у твари и убили ее в конце концов, но...

— Хасмаль ампутировал мне ногу. У него хорошо получилось. Скоро я поправлюсь, — сказал Джейти, и похоже было, что он верит в свои слова, однако Кеит понимала, что он ошибается. Она ощущала запах гниющей крови... Слабый, быть может, еще неуловимый для человеческого носа. Джейти не поправится... никогда. Она бросила короткий взгляд на Хасмаля и заметила пустоту в его глазах. Он тоже знал об этом.

Ян поддержал друга:

— Вот увидишь, мы и глазом моргнуть не успеем, а Джейти уже будет помогать нам строить лодку. — Он тоже глядел на нее с тоской. Оба они скрывали от Джейти приближение неминуемой смерти. Пока это еще можно было скрывать.

Кеит опустилась возле лежащего на колени. Заглянула ему в глаза и безмолвно пожелала справиться с гангреной.

— Ты нужен нам, — сказала она тихим голосом, предназначенным лишь для ушей Джейти. — Особенно Яну. Он потерял свой корабль, свой экипаж... все, в чем он прежде был уверен. И ты не должен подвести его.

На лицо Джейти, серое и восковое, вползла чуть заметная улыбка, и голосом еще более тихим, чем у Кеит, он прошептал:

— Я чувствую этот запах. Я знаю... но им приятнее думать, что я ничего не подозреваю. Мы разыгрываем каждый свою роль. — Он погладил Кеит по руке. — Но когда я уйду, капитан потеряет не все. У него останешься ты.

Кеит ответила на улыбку с деланной искренностью, скрывавшей горечь отчаяния. Джейти был *необходим* Яну. В ближайшее время капитану не обойтись без давнего и верного друга. А в задней части комнаты, общей для всех, находился единственный на свете предмет, способный спасти жизнь Джейти, последнего из оставшихся друзей Яна.

Зеркало Душ испускало неяркий свет, и лучи его, поднимаясь через центр треножника, превращались в сияющую лужицу внутри кольца, расположенного на возвышении. Чтобы найти его в этой забытой и потерянной стране, она пересекла не обрисованные на картах просторы Брежианского океана. Предмет этот создали давно сгинувшие Древние, и, располагая им, она, возможно, имела шанс вернуть к жизни своих погибших родных. Дух ее давно усопшей пра- и так далее бабки Амели Кеншара-Роханнан Драклес утверждал, что убитые родители, братья и сестры, племянники и племянницы могут быть спасены ею. Что они могут вернуться назад... что их можно вернуть... что именно ей выпало вернуть их с помощью этого предмета, который она получила в ужасной борьбе и жуткой ценою.

Однако теперь, располагая Зеркалом, Кеит не знала, что делать... а дух Амели куда-то запропастился и молчал с тех пор, как она решила доставить Зеркало к Возрожденному. Когда экипаж «Кречета» захватил корабль, бросив ее вместе со спутниками на западном берегу Северной Новтерры, она рассчитывала, что Амели непременно объявится, предложит ей кучу советов и поможет вернуться домой. Однако голос покойной болтуньи более не возникал в ее голове, и в душе Кеит крепло тоскливое подозрение — она допустила ошибку.

Кеит не знала, в чем ошиблась: в том ли, что доверилась духу, пославшему ее за Зеркалом, или в том, что игнорировала уверения Амели, когда та заявляла, что если Кеит доставит Зеркало в Калимекку, Возрожденный и нужды его никогда более не потревожат ее. Решение загадки не давалось ей, а дух не отвечал на безмолвные просьбы о помощи.

Амели просто обязана была сказать ей, как с помощью Зеркала вернуть к жизни Турбена и спасти умирающего Джейти. Но бабка молчала, и Зеркало без пользы стояло у дальней стены, поскольку Кеит не смела даже прикоснуться к сияющим надписям на передней четверти ободка... Магические предметы часто оказываются смертоносными. И, не имея точных инструкций, Кеит скорее могла погубить живых, чем спасти ушедших. Воспитанная в Доме Галвеев, полного губительных тайн, Кеит накрепко усвоила, что осторожность является первейшей и высшей из добродетелей.

— Держись, — вновь сказала она, обратившись к Джейти, и взяла его за руку. — Прошу тебя.

Он улыбнулся, и Кеит поднялась, отвернувшись от него.

Ян отвел ее в сторону.

— Мне нужно поговорить с тобой, с глазу на глаз.

Она кивнула и следом за капитаном вышла из разрушенного дома. Убедившись, что их уже нельзя заметить из оставленного ими укрытия, он снова обнял ее, прижал к себе и провел рукой по влажным волосам.

— Я думал, что потерял тебя навсегда. И не хочу снова лишиться тебя.

— Мы можем не выйти из этой переделки живыми, — сказала она.

— Я знаю. Возможно, так и будет. Но я знаю, что хочу провести с тобой весь остаток своей жизни. Я люблю тебя, Кеит. Всем сердцем и душой. Я люблю тебя. Я сделаю для тебя все, что угодно...

Приложив пальцы к его губам, она сказала:

— Тс-с, — и привлекла его к себе, моля богов, чтобы он не говорил больше ничего. Погладив его по голове и зажмурив глаза, она изо всех сил пожелала себе суметь избавить его от любви к ней. Она привязалась к нему, однако тех чар, которые вызывали у него эту самую любовь к ней, в себе не ощущала. Во всяком случае, когда речь шла о нем. А может быть, и о ком угодно.

Ян прижимал ее к себе, покачивая из стороны в сторону. Вспомнив, что именно так обнимал ее отец, Кеит на мгновение снова ощутила себя маленькой и уверенной в собственной безопасности.

А потом он отстранился от нее, заглянул ей в глаза и попросил:

— Выходи за меня.

И чувство безопасности растаяло без следа.

Ян продолжал:

— Мне нечего тебе предложить — кроме себя самого, — но я сумею возвратить все утраченное. Мы вернемся в Калимекку, и ты ни в чем не будешь нуждаться.

Кеит закрыла глаза, отчаянно пытаясь подыскать приемлемое извинение, позволяющее отказать Яну, не слишком задевая его чувства. Предлог тут же нашелся, и она возблагодарила бога, ведающего подобными вещами.

— Я знаю, что нам удастся каким-либо способом вернуться домой. И поэтому не могу принять подобное предложение, не зная, остался ли в живых кто-нибудь из моих родителей.

Она видела, что Ян с пониманием отнесся к ее словам, принимая их как должное: если отец или мать Кеит живы, жениху надлежало обратиться за разрешением к ним, прежде чем спрашивать согласия у девушки. Так было заведено во всех Семьях. Таким образом, она получила отсрочку, что отнюдь не решало проблемы... подобный ответ давал понять, что в случае согласия родителей она также может принять его предложение.

Кеит отвернулась... и в тот же самый миг разум ее ощутил легкое прикосновение... Кто-то смотрел ее глазами на царящее вокруг запустение. Ри Сабир. Сердце ее затрепетало; она ощутила его восторг, облегчение и... почуяла его близость.

Она окружила себя магическим щитом, воспользовавшись тем немногим, чему успел научить ее Хасмаль, и ощущение того, что ее видят, что в нее кто-то *вселился*, сразу исчезло. Повернувшись снова к Яну, Кеит произнесла:

— Близятся неприятности.

Тот горько усмехнулся.

— Мы остались вчетвером на краю света; быть может, других людей на континенте вообще нет... а скоро нас останется только трое. — Ян кивнул в сторону руин. — У нас нет никаких припасов, нам пришлось выжечь окрестности, зима не за горами, так что прежде чем сделается получше, нам станет совсем худо.

Прислонившись к стволу дерева, Ян потер глаза костяшками пальцев. И только тут Кеит осознала, какой у него измученный вид.

— Я бы сказал, что неприятности уже здесь.

— Скоро сюда придет корабль.

Ян глядел на нее, не скрывая недоверия. Кеит встретила его взгляд и заметила, как неверие превращается в надежду.

— Корабль? И это плохая новость? Пожалуйста, не забывай сообщать мне все столь же скверные вести.

— Они не намереваются спасать нас. Враг моей Семьи бросился за мной через океан, воспользовавшись... связью, что соединяет нас двоих. Наверное, существование ее объясняется тем, что мы оба являемся Карнеями. Ему нужна я. Что касается тебя, Хасмаля и Джейти... — Кеит нахмурилась. — Я полагаю, что он и его люди примут решение убить вас. Они направляются сюда не за вами, вы для них чужаки, а тот, кого не знаешь, часто может оказаться хуже всякого врага.

Отвернувшись, Ян смотрел на черные вершины вздымавшегося вдали горного хребта.

— Быть может, нам удастся сторговаться с ними. Может быть, они позволят нам отработать свое возвращение. Быть может, мы сумеем чем-нибудь помочь тебе и таким образом посодействовать себе самим. — Он глянул на нее через плечо. — Так о ком же из врагов твоей Семьи мы говорим? О Доктиираках? Или Масшэнках?

— О Сабирах, — коротко ответила Кеит.

Ян задумался.

— О Сабирах. Это скверно. Или *может* оказаться скверным. Мои отношения с Сабирами сложились неудачно. При всех моих достоинствах штурмана, рулевого — не знаю, кто может понадобиться им на корабле, — если Сабиры узнают меня, то моей помощью они уж точно не воспользуются. — Вздохнув, он окинул взглядом выжженную землю. — Жаль, что мы не узнали пораньше о появлении Сабиров. Можно было бы подготовиться. Построить укрепления, изготовить кое-какое оружие...

Ян нахмурился и пожал плечами.

— Что ж, этого уже не исправить. — Он облизнул губы и спросил: — А ты не знаешь, кто именно из Сабиров преследует тебя?

Вопрос этот был задан достаточно небрежным тоном, однако Кеит ясно слышала в его голосе скрытую напряженность.

— Я знаю лишь одного. Это Ри Сабир. Там могут быть и другие, но из всех них лишь он один, — кровь отхлынула от лица Яна, пока она произносила эти слова, — соединен со мной. Ян? В чем дело?

— Ри? — прошептал он. — Ри Сабир?

Кеит кивнула.

— Ты знаешь его?

Ян долго молчал. А потом на Кеит посмотрел уже совершенно другой человек. Холодный. Смертельно опасный. Полный ненависти.

— Я знаю его, — ответил Ян. — Нам придется потрудиться. Мы должны захватить этот корабль, а для этого придется победить *его*.

— Втроем против целого экипажа? Мы не сумеем захватить корабль силой.

Опустив обе руки на плечи Кеит, Ян посмотрел ей в глаза.

— Если мы с Ри встретимся, один из нас умрет. Я знаю, что у меня мало шансов убить его. Но если мне придется умереть, я погибну сражаясь.

И отправился прочь, к бухте.

Глядя вослед Яну, Кеит пыталась угадать, какие беды ждут их и что она может сделать, чтобы предотвратить несчастье. Она вспомнила все известные ей истории, случаи, когда слабый побеждал сильного. Давным-давно один из прославленных деятелей прошлого, попав в аналогичную ситуацию, сумел выйти из нее живым. В большинстве случаев немногочисленное войско превосходит противника вооружением, как брежиане, победившие орды катомартов, или маренорцы, отразившие захватчиков из Йаста.

Располагая хорошим оружием, имея достаточно времени на подготовку, укрепившись в удобном, защищенном месте, они и втроем могли бы надеяться на успех, решила Кеит. Но не имея таких преимуществ...

Путь к победе существует всегда, писал генерал Талисмартея в своем шедевре, «Книге Волка», *если ты готов изменить собственное представление о победе.*

По словам Яна, победа означала захват корабля Сабиров и отплытие на нем в Калимекку. Однако она понимала, что даже если они заставят капитана судна подчиняться им, то удержать власть над ним будет чертовски трудно... а если они утратят ее, то погибнут. Но что, если для победы им вовсе не нужно добиваться покорности команды корабля?

Нужно менять собственное представление о победе. Успехом будет их возвращение в Иберу — живыми, свободными, вместе с Зеркалом Душ. Ничего другого им не нужно.

Итак, если захватить корабль и удерживать его в своем распоряжении в течение нескольких месяцев им не под силу, значит, победой следует считать любую форму свободного плавания на нем. Надеяться, что им позволят беспрепятственно подняться на борт корабля, они не могли. Остается вынудить Сабиров к переговорам.

Но как?

И тут ее осенила идея. Ей необходимо будет привлечь Хасмаля и Яна на свою сторону, хотя, судя по реакции на имя Ри, Яну предложение ее придется не по душе. Потом, ей понадобятся вся ее хитрость, умение вести переговоры, немного чар Хасмаля и целая бездна удачи... хотелось бы знать, не помогут ли

годы, отданные дипломатической подготовке, нужде одного дня. Закрыв глаза, Кеит вдохнула пахнущий гарью воздух, надеясь, что приобрела тогда именно столько знаний и опыта, сколько ей потребуется в самое ближайшее время.

Глава 6

По прошествии трех дней, в течение которых Ри уже почти уверился в смерти Кеит, крохотные импульсы энергии, связывавшие его с ней, вдруг появились снова. Он не мог понять, что именно отрезало ее от него на эти дни, и не особенно задумывался об этом. Ему достаточно было одной только мысли, что она осталась в живых и — это радовало его еще больше — что она недалеко. А точнее, немыслимо близко.

Когда «Кречет» уплыл, оставив Кеит на этом берегу, Ри видел глазами девушки ее спутников, однако теперь он не знал, удалось ли уцелеть кому-нибудь из них. Он очень хотел еще раз взглянуть на этот город ее глазами, чтобы понять, что именно ждет его в этом дальнем краю, однако она держалась настороженно, укутываясь в свою защитную экранную оболочку, как женщина в шубу зимней порой. Ему приходилось довольствоваться буквально крупицами, вспыхивающими и тут же гаснущими картинками города, и он подозревал, что Кеит прячется от опасностей в той же мере, как и от него самого, однако не мог проникнуть в ее разум и потому не был уверен в собственных догадках.

В тот миг, когда исходящая от нее сила притяжения перестала увлекать его вперед и повернула вбок, к берегу, Ри стоял на носу «Сокровища ветра», озабоченным взглядом изучая береговую линию, тянувшуюся вдоль левого борта корабля. Он не сумел бы объяснить капитану или своим друзьям, каким именно образом он определил, что океан наконец привел их к цели, однако не сомневался в своих ощущениях. Поэтому без промедления он закричал:

— Здесь! Приехали! Высаживаемся в этом месте.

Сквозь смешанный с дымом туман капитан провел корабль в бухту и бросил якорь.

Так Ри впервые увидел место, где находилась Кеит. Омытые дождем руины поднимались на обгорелых холмах и утесах, с трех сторон окружавших бухту. Ни единого деревца, ни единой травинки или колючего куста не было видно на затопившем сушу море черного пепла. Во время путешествий Ри приходилось наблюдать последствия вулканического извержения,

и представшая его взгляду картина напоминала именно о такой катастрофе.

Он смотрел на тоскливую панораму и улыбался. Перед ним лежал открытый Кеит город Древних. Подобные руины находили и в Ибере. Однако такого города Древних, который не был бы известен по меньшей мере столетие, который не грабили бы в течение века искатели сокровищ, не могло существовать в другом месте, кроме Новтерры. В этой бухте до «Сокровища ветра» бросал якорь всего лишь один корабль. Даже после пожара он оставался полным чудес: руины, пережившие Войну Чародеев и Тысячелетие Тьмы, были способны выдержать любое пламя.

Где-то здесь покоились осколки древних знаний, забытых человечеством на целое Тысячелетие... осколки знаний, теперь поджидавшие Ри и его спутников. Владея подобными сокровищами, он мог с триумфом вернуться в Калимекку, мог примириться с Семьей и Волками, мог добиться прежнего положения для своих друзей и заставить Семью признать его Галвейку-парату.

Отыскав Кеит, он получит время для исследований города, но для начала нужно доставить девушку в безопасное место. Кеит укрылась в каком-нибудь уголке этих обгорелых руин. Она находилась так близко, что он едва не чуял ее. Страсть... наваждение, заставившее его последовать за нею на край света, преодолевая бури и множество других опасностей, по неизведанным водам, к не нанесенным на карту землям, эта страсть вспыхнула в нем с новой силой. Его кровь, его кости, сама душа его пели, ощущая ее близость.

— Кеит, — прошептал он, — ты будешь в безопасности, мы уже рядом.

На плечо Ри легла рука, и от внезапности он подскочил на месте.

— Люди хотят высадиться на берег, чтобы обследовать руины. — Капитан стоял за его спиной, а Ри даже не услышал, как тот приблизился. Еще никому не удавалось подойти к нему так, чтобы он заблаговременно не почувствовал этого. Но сейчас ум его был слишком занят Кеит, слишком полон волнения. Он должен найти ее, завладеть ею... ну а после этого он сумеет вновь сосредоточиться.

— Нет. Первым на берег сойду я. Один, — проговорил он, улавливая рычащие нотки в собственном голосе. И это смущало Ри. Единственный раз они с Кеит видели друг друга, находясь в облике Карнеев — в одном из темных переулков Халлеса, рядом с трупами семерых убийц. На сей раз он хотел остаться человеком. Он хотел появиться перед ней в своем человеческом облике... ощутить вкус ее губ, с наслаждением раздеть ее, услышать ее бархатный человеческий голос, шепчущий его имя...

Глубоко дыша, он пытался успокоиться, обуздать неистово прыгающее в груди сердце. Он не пытался утихомирить свое волнение одной силой воли, ибо такая попытка заставила бы томящегося в нем Карнея броситься на прутья своей клетки, выломать их, вырваться на свободу, увлекая за собой и самого Ри. Посему, признав свое желание, голод, учащенное дыхание и продирающий по хребту морозец, Ри ответил Карнею: *потом*. Потом он удовлетворит все свои нужды и чаяния.

— Я отправлюсь на берег один, — повторил Ри. — Я не хочу отпугнуть Кеит. Если я возьму с собою людей, она может убежать.

— А если она не одна здесь?

Ри вновь поглядел на уродливый обгорелый ландшафт, на почерневшие холмы.

— Я способен управиться со всеми, кто окажется с ней рядом.

Когда два матроса приготовили для него шлюпку, к Ри подошел Янф, впервые, должно быть, за все время путешествия облачившийся в матросский брезент, а не в драматические шелка и кожу.

— Капитан сказал, что ты решил высаживаться на сушу в одиночестве.

— Да, я так решил.

— Ты не сделаешь этого. Я знаю, что ты предполагаешь отыскать там свою ненаглядную, но ты и не представляешь, с чем можешь столкнуться на самом деле. А я не допущу, чтобы тебя убили. Просто потому, что слишком многим обязан тебе.

Ри ожег его яростным взглядом.

— Раз ты обязан мне, значит, выполняй мои желания. А я *хочу* высадиться на берег один.

— Нет. — Опустив ладонь на рукоять меча, Янф улыбнулся, и улыбка эта была холодна. — Никто не пообещает своему другу помощи в самоубийстве. Ты слышишь меня? Я сойду с тобой на берег и буду охранять там твою спину.

Отвернувшись от Янфа, Ри вцепился в поручень.

— Все бывает впервые только однажды, — сказал он. — И этот первый раз для нас с нею... мы впервые увидим друг друга как мужчину и женщину. Первый раз прикоснемся друг к другу. Впервые мы...

Он закрыл глаза, вызывая из памяти облик Кеит, стоящей наверху башни. Длинные черные волосы ее теребил ветерок. Такой она всегда представлялась ему... с гордо поднятым подбородком, яростно сверкающими глазами... в синем шелковом платье, едва способном укротить ее жизненную силу, ее страсть, мощь ее красоты. Бросившись за ней в эту даль, он не намеревался делить с кем-либо первые мгновения встречи с Кеит.

— Мы знали, что ты будешь сопротивляться и не позволишь *всем* нам сопровождать тебя, — проговорил Янф, — и посему решили снизойти к твоей слабости. Мы тянули соломинки, и я выиграл. — Ухмыльнувшись, он добавил негромко: — Чтобы выиграть, я сплутовал, но можешь не говорить об этом остальным. Подозреваю, что плутовал не один я. Но я должен был выиграть. Я доверяю собственному мечу и кинжалу куда больше, чем их оружию, а потому решил, что если кому-нибудь из нас необходимо быть рядом с тобою, то этим человеком буду я сам. Вот так. Возможно, ты не хочешь моего общества, но так решили боги.

Так, значит, Янф сплутовал? Наверное, просто обломил в руке незаметно часть соломины, а потом окинул всех остальных свирепым взором, когда они принялись оспаривать жребий... Янф умел делать такие вещи. Что ж, он, Ри, тоже способен на хитрость. Он согласится, без споров покинет корабль, а там сделает то, что считает нужным.

Решив так, Ри вздохнул и сказал:

— Значит, ты преградишь мне путь, если я не соглашусь?

— Да.

— Тогда спускайся в лодку.

Они в молчании гребли к берегу, а потом вытащили шлюпку на сушу. За линией прибоя пять кэйрнов, пять груд камней, отмечали места пяти могил. Одна из них была совсем свежей. Поглядев на них, Ри заметил:

— Лучше остаться возле лодки, чтобы никто не захватил ее. Я хочу быть уверенным в том, что мы сумеем вернуться назад.

— Ты — лжец. — Кривая усмешка исказила лицо Янфа и тут же исчезла. — Если кто-нибудь украдет эту лодку, за нами пришлют любую другую. Но если тебя убьют потому, что я останусь караулить эту посудину, этого уже не поправить. Или ты считаешь иначе?

Ри втянул воздух, принюхиваясь. Пахло гарью и сырой влажной землей, но к этому примешивалось слабое дуновение откуда-то из-за холма, приносившее с собой слабый и желанный запах зелени, живых растений. Ри вдохнул поглубже и, уловив запах готовящейся на костре пищи, ощутил, как рот его наполняется слюной. Аромат еды мешался с запахом горелого дерева и был едва различим, но, закрыв глаза, он сумел почувствовать слабый запах вареных овощей, приправленных перцем и *ратхом*, аромат жарящегося на оструганной палке мяса и соков, капающих с него в огонь. Запахи доносились с той самой стороны, куда влекло его притяжение Кеит. Она явно ослабила свою экранную защиту. И готовилась к встрече гостей.

Ри радостно улыбнулся. Быть может, она ждала этого момента не менее, чем он сам. Он повернулся к Янфу:

— Неплохо. Можешь следовать за мной. Если сумеешь угнаться.

И он стремительно бросился вверх по склону, ныряя в провалы между голыми руинами мертвого города и сразу оставив изрядное расстояние между собой и Янфом. Будучи Карнеем, он превосходил обычного человека силой и ловкостью и нес в душе отпечаток звериной сущности. К тому времени, когда Ри спустился с первого гребня, и запах пищи сделался еще отчетливее, Янф безнадежно отстал от него.

Конечно же, Янф отправится по оставленным им следам. Но когда он нагонит его, Ри уже встретится с Кеит. И найдет укромное место, чтобы остаться с нею вдвоем.

Обратившись мыслями к Кеит, он бежал по разрушенному городу, а потом перепрыгнул через грязный, вздувшийся ручей. Промчавшись вдоль утеса и обогнув его угол, Ри увидел впереди идеально ровный круг уцелевшей растительности. В центре этого островка вздымались остатки строения, разрушенного менее, чем большинство остальных. А у входа в древнее здание стояла стройная женщина среднего роста, темные глаза ее сияли, а белые зубы сверкали в смущающей душу улыбке. Кеит. Такая, какой он видел ее в мечтах и с помощью своих чар, но ни разу собственными глазами.

Она была — как он и мечтал, воображал, надеялся — одна. Сердце Ри заколотилось в груди, как бьется попавшее в ловушку животное, и он перешел на шаг. Первый раз всегда бывает только однажды. И он хотел, чтобы миг этот запечатлелся в их памяти и они потом могли бы вспоминать его — все последующие, прожитые вместе годы — и вспоминать с радостью. И со страстью. Ри желал, чтобы ждущее их обоих мгновение оставило по себе незабываемые даже в деталях воспоминания.

Он остановился, немного не дойдя до уцелевшего островка растительности, и, стоя посреди грязного пепла, сказал: *Встроме элада, Кеит*, обратившись к ней с интимнейшим приветствием, принятым среди любовников, хотя оба они, по сути дела, даже не были знакомы.

Встроме элада, что означало: *Наши души целуют друг друга.*

Кеит знала о его приближении. Она собрала все свои силы и сказала себе, что готова к встрече. Но когда Ри Сабир возник перед ней, и она впервые в жизни увидела его в человеческом облике, то едва не заплакала. Он был прекрасен... золотоволосый, высокий, стройный и мускулистый. Взгляд его бледных глаз перенес ее в прошлое — в переулок Халлеса, где они встретились в обличье Карнеев. Запах его застал Кеит врасплох, как было в тот первый раз, когда их пути скрестились. Запах этот казался

ей наркотиком; действие его опровергало веления рассудка и воспитания, все, что знала она о правилах, принятых в Семье, о своем собственном месте в ней... испаряло ее решимость следовать тому, что считала она справедливым; запах этот проникал в сердце ее и самое нутро. Кеит ощущала животный голод, снедавший Ри; ощущала готовность его к Трансформации; она вдыхала запах его желания и чувствовала, как ответный пыл наполняет ее жилы.

Ри заговорил, и голос этот был голосом ее мечты; сочный, низкий, гладкий наверху, в глубине своей он таил хрипотцу, едва различимую даже ее слухом. Он сказал, *Встроме элада.* Если бы она сама могла выбирать слова, которые ему надлежало произнести в этот первый их миг, Кеит не пожелала бы никаких других. *Наши души целуют друг друга.* Ум ее, тело и душа в унисон говорили ей о том, что перед ней мужчина, о котором она грезила... которого мечтала отыскать... которого, по ее мнению, ей не суждено было найти. Вот она, ее долгожданная любовь, которую Кеит уже не надеялась встретить. В Ри было все, что она хотела получить от мужчины.

И теперь она намеревалась предать его.

И не могла не сделать этого... ради Возрожденного, ради собственной Семьи, ради своих друзей. И, понимая это, Кеит сказала:

— Ты принадлежишь к Сабирам, а я к Галвеям. Мы враги. И души наши никогда не соприкоснутся.

Она лгала и знала, что лжет уже тогда, когда слова только складывались в ее голове, знала прежде, чем они сорвались с ее губ, и поэтому она решила превратить ложь в правду, потому что ложь была благой и правильной, а желание ее — ошибкой. Кеит подпустила в голос нотку пренебрежения. Презрения. Ей без труда удалось найти в себе и пренебрежение, и презрение, однако, хотя Ри это не известно, к нему они не имели никакого отношения. Кеит ненавидела собственную слабость, собственное желание, эту страсть... она презирала себя за то, что может хотеть Сабира — Сабира! — и за то, что пыл этого желания сотрясал все ее тело... Еще она ненавидела себя за эту холодность души, жестокость, бессердечие, позволявшие ей предать его, хотя более всего на свете она хотела сейчас броситься навстречу Ри и заключить его в свои объятия.

Заметив боль в его глазах, Кеит увидела и то, как изменилась поза Ри. Он не опровергал ее слова другими словами, он отрицал их истинность своим телом — распрямив плечи и стиснув кулаки. Он сказал ей:

— Я пришел за тобой, — и в эту фразу вложил всю свою тоску и страсть.

Слезы вскипали в уголках ее глаз. Кеит жаждала Ри так, как жаждал ее он сам; это наваждение одолевало их обоих в равной степени.

— Я знаю. Я хочу... — Слова эти вырвались прежде, чем она успела остановить их, однако Кеит моментально овладела собой. Будучи Карнеей, она не сумела бы, подчиняясь лишь собственным порывам, достичь зрелости в мире, где принадлежность к подобным существам означала верную смерть. Расправив плечи, она дернула головой, прикрыв лицо волосами, и кинула на него яростный взор — она заставила себя вспомнить, что перед нею Сабир, что от рук его родичей приняла смерть ее собственная Семья. Она вспомнила запах горящих тел, вспомнила, как пересмеивались вокруг костра солдаты Сабиров, и заставила себя представить Ри среди них. — Чего я хочу, не имеет значения. Я знала, что ты окажешься здесь. Знала это с того самого дня, когда мы встретились в Халлесе.

— Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя, — сказал он. Ри шагнул вперед к ее убежищу, и она, гордо вздернув подбородок, скрестила руки на груди.

— Я не хочу тебя, — объявила Кеит. — Карнея лишь часть меня, а не вся я, и я не хочу тебя.

Он сделал еще шаг, потом другой.

Да простят ее боги, как она хотела его! И как желала, чтобы с ним не случилось ничего плохого. Она не хотела становиться ему врагом.

— В жизни ты куда прекраснее, чем в моих видениях, — сказал Ри.

Кеит судорожно облизнула губы и прошептала:

— И ты тоже.

Здравая часть ее ума смотрела на них обоих, замерших друг перед другом, и вопила в отчаянии. Другая часть ее — та, что поддалась чарам, пусть и против воли, — понимала, что происходящее между ними отнюдь не выходит за рамки возможного в магических сферах. Она ощущала плотское желание, но дело было не только в нем. Она испытывала и любовь к нему, и если бы не ее Семья... но это чувство не было просто любовью. Мир сузился, и остались лишь он и она, и кровь, грохочущая в ушах, и мурашки, бегающие по коже, и внезапная пустота внутри нее.

Ри торопливо подошел к ней, и на мгновение, ожидая его прикосновения, Кеит забыла обо всем. На миг она забыла даже о том, что ей предстояло сделать.

Он опустил руки на ее плечи, и она охнула. Кеит не сумела бы подыскать слов, говорящих о таинстве его прикосновения... о магии идеального сочетания их тел. Тут бы и

пропасть ей вместе со всеми ее спутанными мыслями и невыразимыми идеалами.

Однако у горла Ри из ниоткуда возник вдруг нож, а позади него Хасмаль. Приложив ладонь к груди Ри, она сказала:

— Не шевелись.

Глаза Ри округлились, и он застыл. Кеит ощутила дрожь, вдруг сотрясшую все его тело.

— Не шевелись, — негромко повторила она, — или умрешь. Дело не во мне или в тебе, Ри. Речь идет о Галвеях и Сабирах, Волках и Соколах... иначе просто не может быть.

Ян вышел из укрытия созданного для них Хасмалем экрана с улыбкой на устах и мечом в руке. Кеит видела ненависть в его глазах и почти что ощущала ее запах. Чары Хасмаля полностью укрыли обоих ее спутников, спрятав запах, форму, массу, тени, звуки сердцебиений, дыхания и непроизвольных движений. Однако сил его не хватило бы, если бы Кеит не предложила себя в качестве наживки. Оба они оставались полностью невидимыми лишь потому, что Ри обратил все свое внимание к ней.

— Как... — хотел было спросить Ри, но Ян рыкнул:

— Молчи, сукин сын.

Хасмаль более спокойным тоном приказал:

— На колени.

Кеит видела потрясение, разочарование и боль в глазах Ри и стальным усилием воли заставила себя выполнить все, что от нее требовалось. Она предупредила его:

— Не Трансформируйся. Лезвие отравлено *рефайлем*: ты умрешь прежде, чем успеешь завершить Переход.

Скрежетнув зубами, она прогнала прочь слезы, уже выступившие на ее глазах.

«Мы сами решаем, что получим в этой жизни. Решаем, что нам делать, что говорить. А решив, платим за все установленную цену. Ри и есть та цена, которую я должна заплатить, чтобы доставить Зеркало к Возрожденному, чтобы спасти жизни друзей, чтобы освободить от оков смерти родителей, сестер и братьев и всю Семью».

Ри не сводил с нее глаз, и Кеит через силу наблюдала за тем, что делали с ним Хасмаль и Ян. Вынудив Ри опуститься на колени, они связали его запястья и лодыжки. Кеит заранее объяснила им, как нужно связать пленника, чтобы веревка удержала его даже после Трансформации. Кеит ни на миг не упускала Ри из виду. Она не могла позволить себе такой трусости. И она должна была собственными глазами увидеть плоды своих действий, итоговый результат предложенного ею плана. Она не станет сбавлять цену, которую ей надлежит заплатить.

Ри тоже неотрывно смотрел на нее. Глаза его говорили: *Я люблю тебя, пускай ты и предала меня*; во взгляде, которым она отвечала ему, нетрудно было прочесть: *я тоже люблю тебя, но любовь здесь ни при чем.*

Какое-то движение чуть в стороне привлекло внимание Кеит, и она поглядела туда. Губы ее приоткрылись, с них слетел тихий вздох. По скалистому гребню к ним приближался... стараясь не шуметь... да. Она предупредила своих товарищей:

— Он не один. Кто-то пытается зайти к нам в тыл.

Она ощущала запах этого человека — тот не потрудился определить направление ветра, явно не предполагая, что кое у кого чутье может оказаться лучше, чем у него.

Кеит вновь посмотрела на Ри.

— Как его зовут?

Было видно, что тот думает, не солгать ли. Но почти сразу же глаза Ри опустились к застывшему возле его горла отравленному лезвию, и он назвал имя друга.

— Янф! Остановись! — крикнула Кеит.

Хасмаль обратился к Ри:

— Молчи. Говорить за тебя мы будем сами.

— Или за твой труп, если ты дашь нам повод, — добавил Ян. — Ну пожалуйста, дай нам его!

Ри чуть изогнул шею и сумел взглянуть вверх краешком глаза. Кеит успела заметить, как простая тревога уступила место истинному потрясению.

— Ян?

— По крайней мере ты не забыл меня. И теперь ситуация изменилась на противоположную, не так ли? Прошло столько лет, и твоя жизнь вдруг оказалась в моих руках. — Стараясь не повышать голос, Ян добавил: — А я поклялся отобрать у тебя жизнь... братец. Ну, готов ли ты умереть сегодня?

Кеит переводила взгляд с одного на другого. Братец? Неужели Ян действительно брат Ри? На мгновение она сомкнула глаза. Как же ее угораздило влюбиться в того брата, с которым она не могла соединиться, и жить с тем братом, которого она не любит, и при этом не знать, что они братья? Можно было бы вопить: совпадение, совпадение... однако откуда здесь взяться случайному совпадению? Боги запустили свои липкие пальцы в ее жизнь и теперь играют ею, как куклой. Веселятся за ее счет. И готовят для нее капканы столь же тщательно, как сама она придумывала ловушку для Ри.

— Какого черта? Чем я мог насолить тебе? — пробормотал Ри.

— Скажи, что не знаешь этого, и увидишь, как быстро я убью тебя. — Ян ткнул его в ребра.

Схватив Яна за руку, Кеит рявкнула:

— Прекрати.

Остановившийся на вершине гребня спутник Ри крикнул им:

— Отпустите его. Чтобы освободить нашего друга, мы перебьем всех вас, если потребуется.

Кеит нерешительно отвела взгляд от Ри и Яна и на время отвлеклась от той странной драмы, что разыгрывалась между ними.

— Не надрывайся попусту, — крикнула она в ответ. — Во-первых, я знаю, что ты здесь один. Во-вторых, нож, приставленный к горлу твоего друга, окунули в *рефайль*. И если нам не понравится, как ты моргаешь, он умрет прежде, чем ты успеешь опять моргнуть.

Чуточку помедлив, Янф, очевидно, пришел к выводу, что не вправе рассчитывать на победу в такой ситуации.

— Не причиняйте ему вреда. Я слушаю. Говорите, чего вы хотите.

Кеит сказала:

— Возвращайся на свой корабль. Пусть на берег сойдут капитан и парнисса и ждут нас возле могил. Мы будем там.

— Какую гарантию вы даете, что Ри останется в живых, если я оставлю его в вашем обществе?

Кеит ответила:

— Если он погибнет, нам нечего надеяться на успех в переговорах с вами... как и на то, что мы уцелеем в открытом столкновении. Пока он повинуется нам, с ним ничего не случится.

Ян сквозь зубы пробормотал:

— Сегодня во всяком случае.

Участники переговоров стояли на берегу, а волны набегающего прибоя рокотали позади них. Кеит изучала парниссу, юношу с холодными глазами, который, похоже, каждое мгновение досуга посвящал упражнениям в воинских искусствах, и капитана, производившего, напротив, впечатление человека рассудочного и терпеливого. Парнисса был облачен в яркие, зеленые с золотом шелка, с обильно вышитыми священными символами Иберизма: оком бдения, рукой трудолюбия, мечом истины, весами правосудия, девятилепестковым цветком мудрости. Капитан также был пышно разодет в соответствии с рангом: зеленые с серебристым отливом шелка Семьи Сабиров, скроенные по рофетианской моде, на шее тяжелая серебряная цепь с чеканными символами бога Тонна, в бороду и длинные, до плеч, волосы вплетены серебряные бусы. Позади них обоих стоял Янф в шелковой куртке и кожаных брюках, черных, словно облачение палача. Опустив кисть на рукоять меча, он жег Кеит яростным взором.

Кеит знала, какой кажется им. Тощей девчонкой в поношенных и латаных лохмотьях, в громадных мужских сапогах, снятых с умершего. Она взялась за рукоять своего меча, украшенную гербом Галвеев, усыпанную рубиновыми и ониксовыми кабошонами, расправила плечи и горделиво подняла подбородок. Она не была самозванкой. Девушка шагнула вперед, оставив позади Яна, Хасмаля и стоявшего на коленях Ри.

— Объявляю, что я — Кеит-яринна, дочь Грейс Драклес от Стрехена Галвея. Обладая достоинством обученного дипломата, давшим мне положение *янары* в Семье Галвей, я изложу дело за всех нас. Мои люди согласны, и слово мое связано клятвой и присягой перед богами Калимекки и Иберы.

Капитан приподнял бровь и тут же спешно подавил удивление, вызванное уверенностью ее речи и правильно произнесенной Формулой, начинающей переговоры.

— Заявляю, что я Медлоо Смеруэль, обладая достоинством капитана корабля «Сокровище ветра», которого достиг по милости и благосклонности Тонна, изложу дело за всех моих людей. Они согласны, и слово мое связано клятвой и присягой перед Тонном и только им одним.

Так было принято среди Рофетиан. Они присягали не богам Иберизма, а одному только рофетианскому богу моря. Впрочем, Кеит была готова принять такую присягу... капитан-рофетианец, которого от дома отделяет целый океан, никогда не позволит себе нарушить клятву.

Парнисса перевел холодный взгляд с капитана на Кеит, развязал черную шелковую веревку, которой было подпоясано его облачение, и протянул ее вперед.

— Я стою между переговаривающимися сторонами. Я служу только богам, ничем не обязан ни той, ни другой стороне, и боги моими глазами проследят за всеми пактами, соглашениями и договорами, заключенными сегодня. Все сказанные передо мною слова сказаны перед богами и имеют силу духовной клятвы.

Кеит протянула правую руку вперед, то же самое сделал и капитан, и парнисса соединил их шнурком, старательно завязав его узлом споров и переговоров.

— Связанные вместе, клянитесь передо мной, что будете вести дела честно — ради общего блага. Тот, кто нарушит клятву, лишится жизни.

Он отступил назад.

— Люди действуют, боги внемлют.

— Люди действуют, боги внемлют, — отозвался капитан.

— Люди действуют, боги внемлют. — Кеит неторопливо вдохнула и еще более медленно выпустила воздух из гру-

ди, пытаясь успокоить трепет, возникший внутри нее. Ей предстояли первые в ее жизни дипломатические переговоры, и ставкой в них была ее собственная жизнь и жизни друзей, что само по себе способно повергнуть в ужас любого человека. Кроме того, следовало обеспечить свободный и надежный провоз Зеркала Душ, и от успеха или провала ее миссии зависели судьбы всего мира. Подумав, многим ли младшим, неопытным еще дипломатическим чинам приходилось иметь дело со столь высокими ставками, она решила, что подобная честь выпала лишь ей одной. Начал капитан.

— Поскольку вы, — он поглядел за ее спину, на стоявшего на коленях Ри и нож у его горла, — называете эту ситуацию переговорами, почему бы вам сразу не выложить, что вам нужно.

— Наши потребности минимальны. Во-первых, нам необходимы услуги вашего лекапевта. Во-вторых, свободное и безопасное плавание на этом корабле для меня и троих моих спутников, нашей собственности и груза до выбранного нами места.

— А именно?

— До Южной Иберы. Например, до гавани Брельста. — Кеит не знала, насколько далеко к югу следует искать ее кузину Даню, но там, где находилась она, пребывал и Возрожденный... и Кеит надлежало явиться туда вместе с Зеркалом. А из Брельста Зеркало нетрудно доставить в любое другое место.

— Ты просишь многого: нам нужно будет изменить курс корабля, нарушить установившийся на судне порядок... новый маршрут влечет за собой новые опасности: риск столкновения с пиратами, бурями, чудовищами и рифами. Что ты предлагаешь взамен?

— Жизнь Ри Сабира.

Капитан усмехнулся.

— Он отправился за моря, чтобы спасти тебя. Если бы он не думал о твоем благополучии, ты не получила бы сейчас возможность выторговывать свои выгоды в обмен на его собственную жизнь.

— Если бы он намеревался спасти всех нас, мне не пришлось бы делать этого вообще.

— Что заставляет тебя испытывать такую уверенность в том, что мы не стали бы спасать всех вас?

— Не надо считать, что я знала о вашем намерении спасти меня. Галвеев и Сабиров не объединяет память о совместном счастливом прошлом... В самом деле, увидев в нашей гавани корабль Сабиров, откуда я могла знать, что вы сочтете моих друзей своими друзьями. Более того, я успела обнаружить, что ваш Сабир и мой капитан являются давними врагами. — Она не стала усложнять ситуацию: боги связали ее с Яном и Ри, боги свели вместе обоих братьев, и она была уверена в том, что боги сейчас

держат пари относительно дальнейшего хода событий. Тем не менее усложнять ситуацию дополнительной информацией не имело смысла.

— Честные требования, — ровным голосом сказал капитан. — И какова будет ваша собственность?

Она пожала плечами.

— Постели, скудные пожитки, не украденные мятежниками, и один обнаруженный здесь предмет.

— Зеркало Душ, — произнес Ри. За словами этими последовал звук оплеухи, затем Ян пригрозил пленнику:

— Еще одно слово, и ты умрешь, — даже если при этом погибнем и мы сами... только сперва спровадим в могилу и тебя, и твоих приятелей.

Явно не поверив Ри, капитан фыркнул, однако парнисса взирал на Кеит округлившимися от изумления глазами.

— Зеркало Душ?

Она не имела права лгать — этого не допускали ни присяга, ни боги, следившие сейчас за ними.

— Да. Мы нашли Зеркало Душ.

На какое-то мгновение Кеит показалось, что парнисса вот-вот рухнет перед нею на колени, однако он сумел взять себя в руки.

— Капитан, — проговорил парнисса, и в голосе его слышался трепет. — Зеркало нельзя отвозить куда-либо, кроме Калимекки. Оно... оно принадлежит...

Он сглотнул с таким усилием, что Кеит увидела, как у него заходил кадык.

— Возле него могут находиться только парниссы. Попав не в те руки, оно может представлять собой чудовищную опасность... в этом предмете заключено больше магического, чем во всем наследии древних Драконов.

Капитан перевел взгляд с парниссы на Кеит.

— Гм-м, — проговорил он. — Похоже, у нас возникла проблема.

Кеит смотрела на парниссу, не веря своим ушам. А потом сказала капитану:

— Парниссы *нейтральны*. Предлагая тебе направление действий, вообще вмешиваясь в ход переговоров, он нарушает весь процесс и тогда не может больше оставаться арбитром. А без арбитра переговоры невозможны. А если они невозможны, нам придется убить Ри. Ты не можешь пользоваться информацией, полученной от парниссы. Тебе придется забыть о ней.

На миг прикрыв глаза, капитан задумался, а потом вздохнул:

— Терпеть не могу дипломатов. — Потом он перевел взгляд на парниссу: — Лоулас, успокойся и наблюдай. Мы

с этой женщиной договоримся без твоей помощи. Дело будет улажено — иначе просто не может быть — только нами обоими.

И тут Кеит заметила нечто, весьма удивившее ее: на губы капитана легла тончайшая тень улыбки и легчайший аромат ее радости коснулся ее чувствительного носа.

— Давай торговаться, — предложил он.

Кеит кивнула.

— Ты хочешь безопасного проезда для своих людей и медицинской помощи для одного из них... Полагаю, не присутствующего здесь.

— Да.

— Честное требование. И ради Ри я согласен его исполнить. По рукам?

— Сперва я выслушаю тебя до конца.

— До конца? Ну что ж, слушай. — Улыбка сделалась еще более заметной. Капитан явно чему-то радовался... должно быть, он придумал какую-нибудь хитрость... нашел уловку, позволяющую ему отказаться от выполнения их требований. — Ты хочешь, чтобы мы высадили тебя в Брельсте. Я не могу этого сделать. Когда мы окажемся там, в Кругах Чародеев разгуляются шторма, а Брельст получает удары из четырех Кругов.

Обдумав услышанное, Кеит кивнула:

— Тогда мы обговорим прибытие в другой порт.

Капитан надул губы и фыркнул, став похожим на мордастую рыбину:

— Пфа! Дело не в портах. Вся проблема заключается в Зеркале Душ. То, что я знаю о нем... пугает меня. И принять такую вещь на борт я могу только при соответствующей компенсации.

— Понимаю, — ответила Кеит. — Однако я не могу позволить, чтобы Зеркало Душ находилось у парниссы или было доставлено в Калимекку. Если ты потребуешь этого, мы готовы к смерти.

Капитан усмехнулся.

— Я не рассчитываю, что ты согласишься отдать свой трофей парниссе. Ведь ты переплыла ради него целый океан, не побоявшись жутких напастей.

Кеит кивнула, выжидая.

— Претерпев столько злоключений, ты вправе владеть той вещью, ради которой подвергалась им, так?

Она вновь кивнула, чувствуя, что по доброй воле ступает в ловушку, но по-прежнему не понимая, откуда может исходить опасность.

— Хорошо. — На устах капитана вновь появилась едва заметная улыбка. — Ибо все, что испытала ты ради своего

трофея, претерпел и наш парат, отправившийся сюда за тобою. И если ты заслужила свою добычу, значит, и он достоин своей.

Щелк. Ловушка захлопнулась, а сама она уже успела согласиться с капитаном в том, что прутья ее прочны, а использование допустимо.

— Ты хочешь... чтобы я отдалась ему?

— Нет. Я настаиваю лишь на том, чтобы ты обитала в его апартаментах и находилась с ним во время всего обратного пути. За это я обязуюсь доставить тебя с твоими друзьями, как и Ри вместе с его товарищами, а также Зеркало Душ в нейтральную гавань — не в Брельст и не в Калимекку. Я думаю, Гласверри Хала удовлетворит обе стороны. Оказавшись на суше, вы сможете отправиться куда угодно, и если Ри пожелает сопутствовать вам, он имеет на это право. Таким образом я исполню свой долг перед ним и удовлетворю вашу нужду.

— Ты не можешь позволить ей распоряжаться Зеркалом, — взвыл парнисса.

— Ты не вправе заставлять Кеит жить вместе с Ри! — вторил ему Ян.

Капитан посмотрел на парниссу, и на миг Кеит заметила в его взгляде тень пренебрежения, которое каждый известный ей капитан испытывал по отношению к парниссерии. Это был взгляд человека истинно свободного и властного в собственных делах, обращенный к тому, кто выбрал путь бюрократа.

— Могу, и уже сделал это. Что же касается тебя... — Капитан повернулся к Яну. — Ты не властен на моем корабле. Ты меньше, чем ничто — потому что вместе со своими спутниками сбережешь свою жизнь лишь благодаря ручательству женщины. Пока она остается на вашей стороне, я пригляжу, чтобы с вами обходились любезно. Но голоса вы не имеете. Понятно?

Кеит краем глаза следила за Яном. Тот побледнел и кивнул. Ей хотелось отказаться. Ри и его люди, конечно, решат составить им «компанию», как только они высадятся на сушу в родных краях, и она, Ян, Хасмаль и Джейти окажутся в меньшинстве; тогда Зеркало в любом случае достанется Сабирам. Она попросту утратит свою находку на пути к месту назначения. А до тех пор ей придется делить помещение с Ри, хотя даже пребывание с ним на одном континенте уже казалось ей слишком интимным.

И еще Кеит не имела права потребовать от капитана гарантии, что Зеркало останется за ней и ее людьми даже после высадки; власть капитана начиналась и оканчивалась на море, и он не мог ничем связать Ри и его спутников, чтобы те держали слово и после того, как оставят палубу его корабля. Во-вторых, она предпочла вести дело с капитаном и теперь не могла объявить,

что решила договориться также и с Ри. Если она запросит слишком много, то потеряет все.

Ей хотелось плюнуть капитану в лицо, крикнуть ему, что желает видеть его в аду. Однако Кеит не забывала, что решила считать победой, если ее вместе с друзьями и Зеркалом перевезут за море — к Возрожденному. Заключенная с капитаном сделка допускала ее победу — пускай и временную, — и теперь ей предстояло целое путешествие, за время которого победу можно будет сделать окончательной.

Она посмотрела в глаза капитана.

— Ты клянешься защищать жизни моих друзей как жизни собственных родственников или экипажа, защищать наш груз как свой собственный, благополучно доставить нас в любую гавань, кроме Калимекки, и позволить нам сойти там на берег... вместе с Зеркалом Душ?

— Клянусь.

Во взгляде капитана сквозила честность.

— И ты будешь удовлетворен, если, выполняя свою часть сделки, я разделю каюту с Ри Сабиром и стану находиться в его обществе в течение дня: ты не потребуешь, чтобы я сделалась его любовницей или *эйдейн*?

— Именно.

— Я убью тебя, сукин сын, если ты прикоснешься к ней, — услышала она обращенные к Ри слова Яна, однако угроза эта прозвучала слишком тихо, чтобы ее мог услышать кто-либо из остальных.

Кеит вздохнула:

— Тогда от имени всех нас я принимаю твои условия.

Вслед за этим капитан спросил ее:

— А ты ручаешься за своих людей и обещаешь подчиниться моему решению без споров и возражений, если они нарушат данное тобой слово?

Вздернув подбородок, Кеит наделила капитана взглядом, ясно говорящим: *Только отдай меня в его руки, и я заставлю тебя расплачиваться до конца дней твоих.* И сказала:

— Обещаю.

— Тогда я принимаю твои условия от имени всех моих людей.

Парнисса смотрел на них обоих сердитыми глазами, однако все же встал между Кеит и капитаном и прикоснулся к узлу на соединявшем их шнурке.

— Боги снизошли к деяниям этих людей, так как оба они действовали в интересах всех остальных и, соблюдая справедливость, заключили друг с другом честную сделку, — проговорил он ровным и недовольным тоном. Слова торопливой вереницей вылетали из уст парниссы, и торжественная формула в его

исполнении напоминала декламацию разозленного принуждением школьника.

— Теперь их решение стало законом, и неисполнение его подлежит наказанию по законам Матрина и Вуали. — Он вновь прикоснулся к узлу. — Я свидетельствую, запоминаю, записываю.

Когда палец его стукнул по узлу в третий раз, тот развязался словно бы по волшебству, однако Кеит знала, что такие узлы вяжутся с секретом.

Кеит повернулась к Яну и Хасмалю:

— Развяжите Ри и отпустите его.

Ни тот, ни другой не проявили особого энтузиазма, однако подчинились.

Ри встал на ноги, стряхнул налипший на лицо пепел и принялся растирать затекшие запястья. Он поглядел на Яна; казалось, раздиравшую обоих братьев ненависть можно было буквально пощупать. Кеит обязалась держать Яна под своим контролем, гарантировав это собственной жизнью... хотелось бы ей знать, хватит ли любви Яна к ней на то, чтобы через силу повиноваться ей, или же он пожертвует ею, чтобы добраться до Ри.

Глаза Ри также сулили Яну смерть. Он улыбнулся, скривив напряженную и уродливую гримасу, едва скрывавшую ярость, и направился к Янфу и парниссе.

Капитан проговорил:

— Не предпочтешь ли ты, парата, первой подняться на корабль?

Кеит опасалась оставить своих спутников даже теперь, когда их защищало данное капитаном слово. Взглянув на возвышающийся позади них береговой гребень, она сказала:

— Мне бы хотелось в первую очередь доставить на борт нашего раненого. Зеркало мы с Хасмалем и Яном принесем сами.

Капитан усмехнулся.

— Как вам угодно.

И Кеит повела всех, кто был на берегу, назад по холмам, к ожидавшим их Джейти и Зеркалу Душ, гадая, насколько тяжелым испытанием окажется для нее предстоящее путешествие.

Глава 7

Шейид Галвей, претендент на место параглезаат Семейства Галвеев, ввел свою свиту — дипломатов, торговцев и Волков в великолепный Пальмовый Зал Дома Сабиров. Он стал первым из Галвеев, вступившим под кров этого Дома в каче-

стве гостя после четырехсотлетнего перерыва, и хотя он представлял не Великий род Галвеев Калимекки, а ветвь Черианов, обитавшую в Маранаде на острове Гофт, факт этот и сам он, и принимавшие его Сабиры всячески замалчивали, словно желая забыть о нем.

Он опустился в огромное золоченое, слоновой кости кресло в одном конце длинного стола и важно кивнул двоим мужчинам, сидевшим напротив в креслах подобающего их сану великолепия. Один из них, параглез Семейства, Грасмир Сабир, напоминал старого и величественного льва; другой, приятной наружности золотоволосый молодой человек, по имени Криспин Сабир, улыбнулся ему теплой и открытой улыбкой, сразу понравившейся Шейиду. Оба Сабира персонально приветствовали каждого члена делегации перед тем, как перейти в Пальмовый Зал; теперь наконец Грасмир дал знак, и собрание началось.

— Мы должны обсудить старое и новое дело, — начал Грасмир с сухой улыбкой. — Корни старого уходят в прошлое на четыреста пятьдесят лет, и по-моему, нам следует уладить его прежде, чем мы перейдем к тем вещам, которые интересуют нас непосредственно в настоящий момент. — Сидевшие вокруг стола Галвеи и Сабиры также принялись улыбаться. — Как правящий глава Семейства Сабиров я могу сказать, что пора наконец положить предел старинному спору.

Ну что ж, приступим. Семейные анналы сообщают нам о споре между Аратмадом Карнеем и его партнером Пертианом Сабиром из-за приданого дочери Аратмада, которая должна была выйти за сына Сабира, когда оба они достигнут брачного возраста — во время обручения они были еще несмышлеными детьми. Пертиан обвинил Аратмада в умалении достоинств его сына, выразившемся в слишком небольшом, на его взгляд, приданом; Аратмад утверждал, что сын Пертиана уродлив и тощ и что предложил ему свою дочь лишь потому, что является другом Пертиана и считает, что в ином случае тот вообще не найдет для своего сына подходящей невесты. Споры породили взаимную обиду, партнеры разделили свое дело: по всем свидетельствам, они занимались черной магией самого низкого пошиба, и — хотя история здесь не называет виновного — один из них наложил заклятие на бывшего друга. Сабиры всегда придерживались мнения, что сделал это Аратмад Карней.

Шейид кивнул:

— Ну а Галвеи утверждали, что заклятие накладывал Пертиан Сабир.

Те из сидевших вокруг стола, кто впервые слышал эту историю, принялись качать головами.

— И это повлекло за собой четыреста пятьдесят лет войны между Семьями?

Шейид и Грасмир обменялись с противоположных концов стола взглядами и понимающе усмехнулись. Грасмир кивнул Шейиду, и тот пояснил:

— Ну, не совсем. Сами Пертиан и Аратмад скончались из-за наложенного заклятия; один от его непосредственного воздействия, второй от того, что история называет *ревхахом* — по-видимому, своего рода магической отдачей, возникающей при обращении к чарам.

Сам он прекрасно знал, что такое *ревхах*, и предполагал, что и Грасмиру это небезызвестно: нельзя быть главой Волков Семьи, не имея представления об их сильных и слабых сторонах. А подверженность *ревхаху* являлась именно таким слабым местом — и в значительной степени. Тем не менее во все времена необходимо было сохранять осторожность и видимость неведения. Отсутствие улик, изобличающих в применении магии, спасло не одну жизнь.

Один из младших Сабиров спросил:

— Но если погибли оба главных участника ссоры, почему вражда продолжалась?

Ответил Грасмир:

— Потому что заклятие поразило и обоих детей, хотя и не в явном виде. Последствия проявились, когда оба они вступили в брак и обзавелись детьми, которые оказались Шрамоносными. Кто-то назвал это увечье проклятием Карнея. Дети оказались оборотнями. Опасными, смертоносными, непредсказуемыми созданиями. Калимекка уже тогда праздновала День Младенца, посвященный богу Гаэрвану, и всех Шрамоносных детей приносили в жертву. Только Сабиры и Карнеи (ответвление Семьи, слившееся позже с Галвеями и поглощенное ими) пренебрегали с тех пор своими гражданскими обязанностями. Они прятали своих детей и позволяли чудовищам расти и размножаться.

Грасмир Сабир вздохнул и скорбно качнул головой:

— Обе Семьи до сих пор несут в своих жилах Увечную кровь. И столь длительная война между Семействами на самом деле разразилась из-за Шрамоносных детей.

Сидевшие за столом помрачнели; даже спустя тысячелетие после жуткой Войны Чародеев ее магические последствия были очевидны всякому, кто рисковал отправиться в порт и поглазеть на используемых на кораблях Шрамоносных рабов или стать очевидцем казни глупых чудовищ, считавших себя людьми и осмелившихся нарушить границы Иберы. Никто из истинных людей не мог забыть о том, что после окончания войны Шрамоносные ловили тех, кто имел человеческий облик, и уничтожали вся-

кого, кто попадал им в лапы. И одна лишь мысль о том, что в их собственных Семьях находились такие родичи, которые вопреки гражданскому долгу оставляли жутких уродов в живых, ужасала присутствующих.

Грасмир поочередно оглядел всех сидящих за столом, а потом вздохнул.

— Виновны обе Семьи, хотя теперь, по прошествии стольких лет, мы не можем определить, какая из двух конфликтующих сторон виновата более другой, если таковое различие, конечно, имеется на самом деле. — На лице его обосновалась усталая улыбка. — Нужно признать, что теперь это не важно. Будем считать дело улаженным, забудем прошлые глупости и отправимся дальше.

Шейид выждал мгновение, чтобы усилить впечатление, произведенное на всех этими словами. А потом встал и зааплодировал. Следуя его примеру, прочие члены Семейства Галвеев поднялись на ноги и захлопали в ладоши. Встали и Сабиры. Улыбка Грасмира сделалась еще шире, и когда аплодисменты наконец стихли, он рухнул в кресло с удовлетворенным видом.

— Итак, я подтверждаю, что и Сабиры, и Галвеи согласны забыть прошлое.

Заявление было встречено новой овацией. Шейид незаметно обвел зал глазами в поисках несогласных. Таковых не оказалось. Великолепно.

Он поднялся с места, когда вслед за аплодисментами воцарилось молчание, и объявил:

— Тогда, быть может, пора перейти к новому делу, заставившему нас собраться сегодня.

Он дождался кивков одобрения и, соединив руки перед собой, начал речь:

— Ну что ж. Перед Сабирами и Гофтскими Галвеями возникла проблема и одновременно возможность, и поскольку наши Семьи решили оставить разногласия в прошлом, мы можем соединенными усилиями справиться с проблемой и использовать представившуюся возможность.

Он прокашлялся, вдруг потеряв уверенность в том, как надо продолжать.

Шейид оглядел гостиную, к нему были обращены взоры единомышленников и помощников, а также вновь приобретенных союзников обоего пола, еще вчера присягавших погубить его и его Семью. Теперь каждый из них смотрел на него, и на лицах их застыло выражение, сочетавшее в разной степени любопытство, алчность, волнение... к которым примешивалась чуточка страха. В особенности он отметил глаза Криспина Сабира — живые, завороженно смотрящие на него, внимательные. Глаза че-

ловека, способного заметить любую выгоду или оплошность и использовать их.

Лучше будет в первую очередь сыграть на общем волнении.

— Что касается возможности... скажем так, на веку присутствующих никто еще не находил неизвестного города Древних. До самых последних дней. Однако некая представительница Калимеканской ветви Галвеев наняла корабль на деньги, украденные этой особой из сокровищницы Гофта... после чего, воспользовавшись информацией, похищенной ею из наших архивов, она отплыла на восток. И ей повезло: она нашла тот город, который искала.

Шейид наклонился вперед, опустив ладони на стол. Одна из младших обитательниц Дома Сабиров явно была ошеломлена тем, что он признается в обнаружении такого сокровища членам собственной Семьи, пусть и действовавшей без официального разрешения. Если бы Шейид утаил тот факт, что его родственница предприняла плавание на собственный страх и риск, претензии Галвеев на находку оказались бы неоспоримыми. Подобная откровенность изумила и смутила и нескольких представителей его собственного семейства. Ведь по сути дела, он от имени всего рода отказал своей Семье в праве владеть найденным городом, оставив его в руках Кеит, если она выживет, или в руках сильнейшего из захватчиков, если она погибнет.

Кроме того, он произвел впечатление абсолютно, до жестокости честного человека. Шейид полагал, что маска полнейшей — с виду — искренности является наилучшей для переговоров, и давно уже уверился в том, что внезапная из ниоткуда взявшаяся выгода часто настолько смущает врага, что он теряет осторожность в делах.

— Мы располагаем... шпионами, которые пристально следят за перемещениями этой молодой особы. Она обнаружила предмет, обладающий колоссальной важностью. Мы предполагаем, хотя и не можем испытывать полной уверенности, что это Зеркало Душ.

До слуха Шейида донеслась ожидаемая волна потрясенных вздохов. Естественно, вылетевших не из груди Криспина или Грасмира. Конечно, нет. Волки Сабиров, безусловно, информировали их о ситуации не хуже, чем его собственные.

— Судя по тем сведениям, что сохранились в наших архивах, Зеркало Душ представляет собой великолепный инструмент в руках друзей и сокрушительное оружие в руках врагов. Кеит Галвей, нашедшая этот предмет, с некоторых пор является врагом Гофтского Дома. Поскольку она украла у нас и деньги, и информацию, мы можем вполне обоснованно претендовать и на Зеркало, и на обнаруженный ею город. Нам необходим этот предмет. И мы предлагаем вам половину руин — за помощь в обретении Зеркала и признании наших прав на него. А также свой совет и

поддержку в приобретении того, что более всего необходимо Семейству Сабиров.

Усмехнувшись, Криспин Сабир спросил:

— И что же, по мнению Гофтского Дома, более всего необходимо Семейству Сабиров?

Распрямившись, Шейид со спокойной улыбкой ответил:

— Дом Галвеев. Обладая им, Семья Сабиров получит всю Калимекку. Галвеи Гофта готовы уступить вам права на этот Дом со всем его содержимым. Конечно, мы ожидаем, что вы подкрепите свои претензии на него, устранив всех представителей Калимеккской ветви Галвеев, уцелевших во время последней предпринятой вами попытки захвата Дома.

Затянувшееся молчание, казалось, могло бы сокрушить каменные стены огромного зала. А потом со стороны Сабиров на Шейида обрушился град нетерпеливых вопросов.

— Как мне кажется, все прошло хорошо, — сказала Вишре Галвей. Глава гофтских Волков, она обнаруживала огромное дарование и свирепость, удачно скрывая последнюю за приветливыми манерами и приятной внешностью.

Шейид отвел взгляд от обворожительного ландшафта, скользившего под аэриблем, и откинулся на спинку мягкого сиденья.

— Возможно, все-таки хуже, чем могло показаться. Однако я доволен.

— Ты можешь быть в восторге, — фыркнула Вишре. — Они согласились предоставить нам свои войска, чтобы помочь в нападении на их же *собственные* суда, согласились признать наши права на Зеркало Душ и предложили помощь в устранении этой девки Кеит. Кроме того, они уберут тех, кто стоит между тобой и Домом Галвеев. А ведь Доктииираки уже готовы истребить уцелевших Сабиров, как только те очистят Дом Галвеев, но еще не успеют занять его. Самые блестящие переговоры из всех, которые мне доводилось видеть.

Шейид вздохнул:

— Перовин, величайший среди дипломатов Древнего Мира, некогда сказал: «Дипломатия — это искусство заставить врага собственными руками перерезать себе горло, убедить его сделать это вне дома, чтобы не запачкать пол, и притом добиться, чтобы он думал, что на более выгодный исход не может рассчитывать». Я мечтаю когда-нибудь совершить подобную сделку, ну а пока...

Он задумался на мгновение, а потом широко ухмыльнулся и расхохотался.

— Ну а пока, клянусь богами, я существенно приблизился к этой цели, не правда ли?

* * *

Во дворике возле Пальмового Зала, между фонтаном и искусственным водопадом разгуливали трое черных оленят, пощипывавших цветы гибискуса. В ротонде, расположенной поодаль от водопада, рофетианский оркестр, увеселяя Семейство, наигрывал дул длармас — традиционные рофетианские танцевальные мелодии. Сидя на подоконнике в комнате, находящейся над Залом, Криспин Сабир следил за оленями и танцорами и внимал веселой музыке, в точности отвечавшей его настроению.

Брат его Анвин, рывшийся на полках, что тянулись вдоль внутренней стены комнаты, проворчал:

— Тот сукин сын, который был здесь последним, прикончил весь *паурель* и не заменил пустую бутылку полной.

Криспин расхохотался.

— По-моему, этим сукиным сыном мог быть только ты сам. Во всей Семье лишь ты один пьешь это мерзкое зелье, в результате чего пьянеешь настолько, что забываешь о том, что именно ты пил.

Анвин, покачиваясь на раздвоенных копытах, рассеянным жестом потер рога, изгибавшиеся надо лбом. И чуть погодя ответил:

— Возможно, ты и прав, если хорошенько подумать. Неделю назад я приводил сюда девицу и, должно быть, прикончил бутылку именно тогда.

После долгих лет занятий *даршарен* — основанной на жертвоприношениях черной магии Волков, постоянно наносящей шрамы своим адептам, — на теле Анвина не осталось ничего человеческого. Помимо рогов и копыт, на суставах его и хребте выросли шипы, чешуя покрыла гладкую прежде кожу, пальцы заканчивались теперь когтями. Тело Криспина приняло в себя не меньшее количество *ревхаха,* магической отдачи, однако, поскольку Криспин являлся Карнеем, оно сумело поглотить наносящую шрамы энергию и сохранить прежнюю форму — так же как оно возвращало себе человеческое обличье после каждой Трансформации. Анвин же, лишенный преимуществ, даруемых Проклятием, давно затерялся в недрах своего становящегося все более и более чудовищным тела.

Криспин приподнял бровь. Девушки никогда не выбирали Анвина по собственной воле.

— Девицу?

Анвин вновь принялся осматривать полки, разыскивая подходящую замену своему любимому густому и горькому пиву, сваренному из клубней. Ответил он не сразу.

— Эндрю подыскал ее для меня... уличная девчонка с запросами и самомнением. Она полагала, что может справиться со всем на свете.

— Пока не встретила тебя.

— Именно, — усмехнулся Анвин.

— А когда она тебе надоела, ты предоставил ее взаймы Эндрю?

Достав темно-зеленую бутылку из глубин полки, Анвин удивленно заметил:

— Ха! Наверное, я оставил ее на потом.

Это был *лаккар*, зеленое манговое пиво, на вкус Криспина столь же мерзкое, как и *паурель*. Откупорив бутылку, Анвин направился с нею к окну, цокая копытами по мраморному полу. Опустившись в кресло напротив брата, он отпил из горлышка и вздохнул.

— Она была не настолько юна, чтобы заинтересовать Эндрю. Тебе же известны его вкусы.

Он пожал плечами.

— Я играл с нею, пока не сломал. А потом зарыл ее в Саду Ветра. Тамошние кусты посерели и начали сбрасывать свои колокольчики, прежде чем в них успевали завязаться семена; я решил, что чуточка удобрения не повредит им.

— Спасибо, что обратил внимание. Последнее время я был слишком занят, чтобы обращать внимание на цветы. Однако потерять эти колокольчики мне бы не хотелось. У них очаровательные плоды. Надо будет взглянуть на них, когда я в следующий раз окажусь в Западном Крыле... убедиться, что удобрения хватит. — Криспин пригубил собственное питье и прислонился спиной к холодному, гладкому мрамору оконного проема. — Во всяком случае, я забросил их не из-за пустяков. Вся эта операция должна окупиться. Встреча удалась, как по-твоему?

— Трудно даже представить, что она могла пройти лучше. Жаль, что я не имел возможности лично присутствовать там... хотелось бы видеть все эти галвейские хари, когда они начали обговаривать свои условия.

Анвин отпил еще и качнул головой.

— И они не заметили никаких изъянов в собственном плане?

— Если они и столкнулись с проблемой, то не стали говорить об этом вслух.

— Удивительно. Они действительно готовы предоставить два своих аэрибля для нападения на Ри и его сучку? А как насчет войск? Неужели они пошлют солдат против своей родни? — Анвин фыркнул. — Возникает вопрос: неужели они настолько глупы, что считают себя самыми умными?

— Я думаю об их параглезе следующим образом: это мелкий двуручный делец, который тем не менее видит себя в будущем главой великой Галвейской империи. Конечно, он не собирается отдавать без драки Дом Галвеев... сдается мне, что, закрывая глаза, он уже видит себя сидящим там во главе стола, мано-

вением руки рассылающим во все стороны войска и флотилии. Возможно, он считает нас дураками и наверняка уверен, что задуманная им комбинация способна устранить Семейство Сабиров с его пути.

— Итак, ты считаешь, что он не станет держать собственное слово?

Кто-то постучал в дверь.

— Данное Сабирам? Конечно, нет. — Криспин поднялся, чтобы отпереть, и обнаружил по другую сторону двери кузена Эндрю.

— А я удивлялся, куда это ты запропастился, — сказал Криспин. От Эндрю припахивало кровью... детской кровью. Криспин брезгливо наморщил нос и повернулся к брату. — А ты стал бы выполнять обещание, данное тобой Галвею?

Глава 8

Глубоко в чреве «Сокровища ветра» Кеит и Хасмаль хлопотали над Зеркалом Душ, обкладывая его тряпками и привязывая веревками среди прочего корабельного груза. Ян и корабельный лекапевт находились возле Джейти, а большая часть экипажа разыскивала трофеи на берегу. Те, кто оставался на борту корабля, или спали, или занимались необходимым ремонтом.

Поэтому они получили возможность остаться вдвоем, хотя Кеит не сомневалась в том, что рано или поздно кто-нибудь явится проверить, чем они занимаются.

— Они никогда не позволят нам отвезти Зеркало к Возрожденному, — прошептал Хасмаль.

— По собственной воле — да. — Кеит обматывала веревкой серебристо-белый металл основания. — Я знаю это. И знала, когда заключала сделку. Но того, чего они не позволят, мы добьемся силой.

Поглядев на нее, Хасмаль воздел кверху глаза.

— Силой? Оказавшись на той стороне океана, мы еще больше будем уступать им в числе. Клянусь костями Водора! Капитан или Ри могут отправить голубей за несколько дней до прибытия, и в месте высадки нас будет ожидать все войско Сабиров, вне зависимости от того, какой порт выберет капитан.

— Ну, не совсем силой... хитростью.

Склонив голову, Хасмаль посмотрел на Кеит долгим задумчивым взглядом.

— Ага. Значит, намереваешься любовью привлечь Сабира на свою сторону? Ты думаешь, что если он пылает к тебе страстью, то не попытается отнять Зеркало и увезти к себе в Дом, раз ты этого не хочешь? — Хасмаль пожал плечами. — Может быть, и получится, но мне не хотелось бы, чтобы будущее мира зависело от чьих-то страстных чувств.

Кеит поглядела на него, на мгновение растерявшись. Наконец она произнесла:

— Ты... думаешь, что я готова лечь к нему в постель, чтобы уберечь от них Зеркало?

Хасмаль нахмурился.

— *Я надеялся* на это. У тебя есть возможность — благодаря стараниям капитана. Зеркало необходимо Возрожденному, а все, что существенно для него, существенно и для нас, и для всего мира. Женщины ложились с немилыми и ради менее важных, чем благо мира, целей.

Слова Хасмаля ей не понравились, хотя она понимала, что в его глазах подобная идея смотрелась привлекательно. Но, вспомнив о своем дипломатическом воспитании, она заставила себя промолчать, не выдав того, что подумала о нем, и, приструнив себя, сказала:

— Не получится. Даже если бы я любила его больше всех на свете, то все равно потребовала бы, чтобы Зеркало сперва отправилось к Возрожденному, а потом к моей Семье. А Ри такой же, как я. И главное для него долг. Как бы он ни был увлечен мною, он все равно будет добиваться, чтобы Зеркало отвезли в его Семью, а как только оно окажется в руках Сабиров, те постараются, чтобы оно никогда не попало к моей родне, вне зависимости от степени моей близости с Ри. Моя Семья поступила бы точно так же. Так уж устроены Семьи: они заботятся о своей пользе и не допускают, чтобы чьи-либо личные интересы перевесили благо всего Семейства. Никогда. — Калимекканские Галвеи могли бы нарушить этот обычай. Гофтские — никогда, но Кеит не намеревалась впредь иметь какие-либо дела с этими предателями.

— Словом, все, в чем поклянется тебе он, или все, что пообещаешь ему ты, не имеет никакого значения, если Галвеи или Сабиры не одобрят ваш договор?

Кеит собралась было возражать Хасмалю.

А потом вдумалась в то, о чем спросил он, и в то, что сказала она сама.

Она всегда считала ценностью собственное слово, а свою честь — нерушимой как та скала, в которой был вырублен дом Галвеев. Однако в этот самый миг она осознала, что какой бы честной она ни была, как бы ни стремилась быть верной своим

обещаниям, Семья с легкостью объявит ее обманщицей и предательницей. А раз так, чего стоило ее слово в чужих глазах? Посмотрев на свои руки, все еще держащие веревку, она сказала:

— Да.

И покачала голо́вой. С Галвеями всегда кто-нибудь заключал сделки. Раньше она полагала, что причиной тому была надежная репутация Галвеев. Теперь наступила пора посмотреть на это с другой стороны. Галвеи правили половиной Калимекки и внушительными территориями по всему свету. Только дурак откажется иметь партнером и союзником Галвеев, и лишь еще больший дурак захочет нарушить договор с Галвеем. Но в самом ли деле те, кто ставил свою печать на воск рядом с оттиском Галвеев, считали слово Семейства крепче стали? Если это не так, неудивительно, что когда она шла по улицам Калимекки, там начинало пахнуть страхом. Нечего удивляться той ненависти к ней, которую она замечала в глазах у незнакомцев. И ничего странного не было в том, что женщины забирали с улиц детей, а маленькие лавочки нередко днем закрывали свои двери, когда она проходила мимо.

Однако должен найтись лучший способ. Не может не существовать способ защитить одновременно и собственную честь, и семейные интересы.

Хасмаль подытожил:

— Значит, нам придется научиться пользоваться Зеркалом до того, как мы достигнем суши.

Кеит, еще размышлявшая о своей Семье и проблеме чести, даже не поняла в этот миг, о чем он говорит. А потом поглядела на Зеркало Душ и поежилась.

— Научиться пользоваться им? Я не могу прочитать надписи на нем. А любой из созданных Древними предметов при неправильном употреблении может оказаться смертоносным. Зеркало Душ...

Голос ее умолк, и внутреннему взору Кеит представились легионы тел, поднимающихся из могил и оскверняющих лик мира, чтобы отомстить глупцам, что заточили их души в зловонных трупах, вместо того чтобы воскресить останки, сделав их живыми и здоровыми. Она страшилась ошибки — даже крохотной.

— Мне уже приходилось иметь дело с изделиями Древних. Я знаю, чем это грозит.

— Ты научился читать иероглифы с тех пор, как я нашла его?

— Нет. Но если Ри Сабир не перейдет на нашу сторону, у нас не останется другого выбора.

— Выбор есть всегда.

— Если Амели снова заговорит со мной...

— Нет. Не зови ее.

Рассеянный взгляд Хасмаля был устремлен вдаль.

— С ней что-то неладно, — пояснил он после недолгого раздумья. — Она сказала тебе, что чары, уничтожившие твою Семью, освободили ее душу из плена... Но ведь освобожденная душа немедленно устремляется к Вуали. Там, внутри Вуали, она может рассчитывать на новое рождение, новую жизнь... на все, чего была так долго лишена. А эта оказывается довольной тем, что видит твоими глазами, слышит твоими ушами и существует в виде беспомощного и бестелесного голоса, и вдобавок интересуется событиями, происходящими через сотни лет после ее смерти, как своими собственными делами.

— Она надеялась, что Зеркало воскресит ее из мертвых, я в этом уверена.

— Зачем?

Кеит подумала, что иногда Хасмаль бывает слишком похож на дурака.

— Чтобы ей больше не быть мертвой.

Хасмаль с сомнением качнул головой.

— Подобное желание было бы разумным, если бы речь шла о твоих братьях, сестрах и родителях, Кеит... они оставили здесь и тебя, и все, что им близко и знакомо. Но если вернется к жизни она... Кеит, твоя покойная прародительница не встретит в мире ничего и никого знакомого. Все изменилось. А не лучше ли ей было поискать души тех, кого она знала в своих предыдущих жизнях, и воплотиться вместе с ними? Зачем она хочет вернуться в свое прежнее состояние?

Кеит задумалась.

— Не знаю. Она говорила, что хочет помочь мне, хочет отомстить Сабирам. И еще... Ее интересовала моя жизнь, каково мне живется. Ей казалось, что быть Карнеей очень заманчиво, и она много говорила об этом. Я не знаю, почему ее больше интересовали настоящие времена и моя особа волновала ее больше, чем собственная судьба. Я об этом не думала.

Кеит чуть качнулась на каблуках. Возможно, она проявила излишнее легкомыслие.

— Я была так рада, когда узнала, что моих близких можно вернуть к жизни. И не думала о том, что́ именно Амели хочет извлечь из наших взаимоотношений.

— Не делай ничего, что могло бы снова привлечь ее к тебе. Кеит, я не знаю, куда подевалась Амели, но мне кажется, что без нее нам будет лучше. Даже если она вернется, ни в коем случае не проси ее научить тебя пользоваться Зеркалом. Я думаю, что она опасна.

— Я отправилась за Зеркалом по ее совету.

— Я знаю. — Хасмаль потер лоб. — И это один из моих кошмаров.

— Кошмаров?

Когда Хасмаль посмотрел на нее, Кеит вдруг заметила темные полукружия у него под глазами и с опозданием обнаружила, что безмятежная ясность, почивавшая на его лице в миг их первой встречи, куда-то запропастилась.

— Я не забыл пророчество, которое заставило меня бежать от тебя сразу же после нашего знакомства: если я позволю себе впутаться в твою жизнь, меня ждет страшная смерть. И вот теперь я просто погряз в твоих делах, и оба мы являемся хранителями не более и не менее как самого Зеркала Душ. Еще тебя преследует призрак, и мы находимся в обществе Сабиров. А я был и останусь трусом. Последние дни ко мне сон не идет.

— Но ты по-прежнему жив.

— Это не столь утешительно, как может казаться.

Наверху прогрохотали тяжелые шаги, и Хасмаль поднялся. Кеит осталась на месте: она расплела узел и вновь принялась завязывать его. По трапу спустились несколько членов экипажа, все они были нагружены игрушками и инструментами, изготовленными Древними мастерами. Они смеялись, но, увидев Кеит и Хасмаля, притихли.

— Поднимайтесь наверх, оба, — велел один из них. — У нас здесь работа.

— Мы уже закончили, — кивнула Кеит.

Хасмаль посмотрел ей в глаза:

— А оставшиеся у нас дела могут и подождать.

Глава 9

Сотня сожалений, тысяча извинений: Кеит перенесла свои немногие уцелевшие пожитки к крошечной каюте, которую ей отныне придется разделять с Ри, ощущая при этом на себе взгляды членов экипажа, сподвижников Ри и собственных спутников. Ри, изо всех сил старавшийся держаться нейтрально, стоял возле коек.

— Не стой, — сказал он, — заноси свои вещи.

Кивнув, она сделала шаг через порог. Дверь за спиной хлопнула с глухим стуком, попав в унисон с биением сердца девушки.

Кеит огляделась. Ри давно не бывал здесь: в крохотной каморке не ощущался его запах, а одежда и другие принадлежности были убраны в сундук или в мешок на нижней полке.

— Куда мне положить свои вещи?

— Значит, их у тебя немного?

— Немного, — согласилась Кеит, все еще оглядывая каюту, потому что это было проще, чем смотреть на него. Хорошая плотницкая работа: вделанный в стенку умывальник с кувшином, крошечный иллюминатор и две расположенные друг над другом койки (она почувствовала облегчение, увидев, какие они узкие: два человека никак не могли бы уместиться на них лежа), встроенный гардероб, крашеный стол, прикрепленный на петлях к стене и убранный в данный момент, два небольших дощатых сиденья — тоже на петлях у дальней стены, и тоже убранные. Чистый пол отполирован, от стен пахло лимоном и воском, свежие, аккуратно заправленные простыни распространяли аромат мыла, солнца и морского воздуха.

— Можешь взять себе ящики под нижней койкой. — Ри отошел от постелей.

Кеит не хотела подходить к нему ближе, однако нельзя же стоять с мешком в руках и дожидаться, пока Ри отойдет подальше. Поэтому, глубоко вздохнув, она шагнула к койке и опустилась перед ней на колени. Кеит лишь слегка потянула, и, не предусмотри плотник ограничителей, ящик выкатился бы прямо на нее. Ри стоял позади нее... так близко, что она ощущала тепло его тела, так близко, что запах его вновь становился для нее наркотиком. Мир посерел по краям и сузился в туннель... Кеит чувствовала бурление крови в своих жилах и слышала учащенное, отрывистое дыхание Ри.

Она напряглась, одновременно и опасаясь его прикосновения, и желая его. Однако Ри держался на расстоянии. Кеит бросила свой мешок внутрь, даже не пытаясь распаковать его, задвинула ящик и отскочила в сторону — так быстро, как только сумела.

За стеной кто-то начал перебирать струны гуитарры.

— Мой кузен Карил, — пояснил Ри, заметив, что Кеит прислушивается к музыке.

Искусный гуитаррист запел скорбным тенором:

Ах, забыты девчонки и парни,
И танцев окончилась власть.
Соленый прибой
Увлекает с собой
Меня в океанскую пасть.
И вот я у края пучины
Слежу за биением вод
И плачу, рыдаю,
Слезой истекаю:
Печален судьбины исход.

Я утратил любимую в море.
О море, неверный мой друг!
И теперь я с ним в ссоре,
Ведь душевный ужасен недуг.
Волны голос любимой приносят,
Ее песня в глубинах звучит.
Сердце милости просит.
Я утратил любимую в море,
В неверной пучине, мой друг,
И теперь я с ним в ссоре,
Ведь душевный ужасен недуг.
Волны голос любимой приносят,
Слышу песню ее из глубин.
Ах какая же малость,
Только песня осталась.
Ну а я отныне один.

Когда песня закончилась, невидимый певец замолк на мгновение, а потом затянул другую, не менее скорбную.

— Грустные песни, — сказала Кеит, не желавшая более слушать столь тоскливые и жалостные баллады.

— Если он знает что-то другое, то никогда не обнаруживал этого.

— Я никогда не слыхала эту песню.

— И не могла услышать. Он поет только то, что сочиняет сам. Разные горестные вариации.

Кеит не имела никакого желания говорить с Ри о любви, тоске или горе. Она в ответ промолчала, обмен репликами на этом прервался, и оба они посмотрели друг на друга.

Молчание уже становилось непереносимым, когда Ри наконец произнес:

— Я приготовил для тебя кое-какие вещи... прихватил, когда мы грузили припасы на Огненных островах.

Сместив задвижку, он широко распахнул дверцы шкафа. Прозрачные нежные шелка и изделия из тонкого полотна радужных расцветок висели слева и лежали сложенными на полках справа. Кеит заметила плащи, блузы, юбки и платья, халаты и пеньюары, ночные рубашки, подвязки, чулки... даже ажурное белье. Огненные острова славились своими тонкими тканями и удивительными вышивками, а Ри, похоже, брал самое лучшее из того, что там предлагалось.

Кеит почувствовала, как краснеет. Она просто не могла согласиться надеть любую из этих вещей, не могла позволить подобранным Ри шелкам коснуться ее кожи... не могла облачиться ни в одну из этих прозрачных рубашек перед тем, как лечь в эту койку.

— Нет, — сказала она. — У меня есть своя одежда.

Ри изогнул бровь.

— У тебя ничего нет. Ты ходишь в рабочей матросской одежде. Женщина твоего происхождения должна носить тонкие шелка, а не хлопковую рубаху и грубые штаны.

Он улыбнулся, и Кеит поежилась. Ри стоял слишком близко к ней, он находился на грани Трансформации; излучаемое его телом тепло давило на ее кожу, одновременно пробуждая в ней Карнею и подталкивая человеческую часть ее существа к двери, к бегству под защиту сомнительной безопасности палубы.

— Ничего, хватит, — ответила она охрипшим вдруг голосом, чувствуя, что присутствие Ри волнует ее даже против ее желания.

Экран, подумала она. Магическая стена разделит их и позволит ей сохранить контроль над собой.

Кеит мысленно предложила свою энергию и силы Водору Имришу и, ощутив власть, дарованную быстрым и бескровным жертвоприношением, окружила себя экраном. Сразу же стало легче дышать. И хотя его соблазнительный запах по-прежнему дразнил ноздри Кеит и тепло его тела касалось ее кожи, тихое умиротворение охватило ее мятущуюся душу.

Ри глядел на нее, не скрывая удивления.

— Что ты сделала? — спросил он.

Кеит пожала плечами. В данный момент — пока сил ее хватало на поддержание щита — она добилась спокойствия.

— Не важно. Я хочу спать. Какая койка будет моей?

— Верхняя. — Он шагнул к ней.

— Ты как будто исчезла, — прошептал Ри. — Не делай этого. Возвращайся ко мне.

Защищенная экраном, она набралась отваги и ответила:

— Ри, мы будем только соседями. Но не друзьями. И уж конечно же, не любовниками. Я выполню условия капитана, но... не более.

— Я отправился ради тебя в такую даль. Я от столького отказался...

Кеит кивнула:

— Я благодарна тебе за спасение. Искренне благодарна. И моя Семья безусловно оценит это. Но я не могу забыть — как и ты сам, — что я из Галвеев, а ты — Сабир. У каждого из нас свой долг.

Обида исказила черты Ри, как и в то мгновение, когда он обнаружил, что Кеит выставила себя в качестве наживки, чтобы Ян и Хасмаль могли взять его в плен, на лице его мелькнуло смешанное выражение боли и гнева.

— Ах долг... Клетка для трусов, спасающихся от жизни. Возможно, ты еще верна своему долгу, но я давно избрал другую дорогу.

Разозленный, он прошел мимо нее и оставил каюту. Оставшись в одиночестве, Кеит припала к стене и закрыла глаза, гадая, как долго преданность Семье не будет позволять ей прикасаться к нему, сможет удерживать ее руку от его волос, а губы от его губ.

Укрепив по возможности экран, она скинула сапоги и, не раздеваясь, легла на постель. Разглядывая доски над собой, она прислушивалась к негромкому поскрипыванию корабля. Сон придет к ней не скоро.

Интерлюдия

Выдержка из восьмой главы Седьмого из Тайных Текстов Винсалиса

13. Соландер восседал на троне в Зале Чародейства и наставлял учеников такими словами: Вот Десять Высших Законов Магии, известных с древних времен.

14. Первый Закон — Закон Магического Действия — гласит: каждое действие вызывает также и равное, но и противоположно направленное, уравновешивающее действие.

15. Второй Закон — Закон Магической Инерции — гласит: все определяет инерция; наложенное заклятие остается в силе до тех пор, пока не будет разрушено противоположным действием. Дремлющее заклятие спит, пока его не пробудит приложенная сила.

16. Третий Закон, известный вам как Закон Магического Сохранения, гласит: чары, сила и энергия сохраняются.

17. Первая сущность Четвертого Закона — Закон Магического Притяжения — утверждает: уравновешенные заклятия притягивают чары, вторая же сущность Четвертого Закона — Закон Магического Отталкивания — гласит: неуравновешенные заклятия отталкивают чары.

19. Первая сущность Пятого Закона — Закон Накладывания Заклятий — утверждает: сила чар является равной использованной при волхвовании энергии, умноженной на число чародеев, за вычетом энергии преобразования, в то время как вторая сущность Пятого Закона, а именно Закон Экранирования Чар, звучит так: ущерб, который претерпят накладывающие заклятие чародеи от своих чар или противодействия им, называемого *ревхах*, окажется равным посланной энергии, за вычетом поглощенной буфером или жертвой, и деленной на число заклинателей.

20. Шестой Закон — Закон Равновесия — говорит нам: отрицательные чары порождают отрицательное воздействие. Положительные чары рождают положительное воздействие.

22. Седьмой Закон — Закон Принуждения — говорит: всякое заклятие, изменяющее поведение живого существа против его собственной воли, уравновешивается отрицательным воздействием на чародея.

23. Восьмой Закон — Закон Ущерба — гласит: каждое заклятие, навлекающее ущерб, повреждение, боль или смерть вне зависимости от его цели, несет отрицательный заряд.

24. Девятый Закон — Закон Душ — гласит: смертное воплощение бессмертной души несет в себе заряд этой души, положительный, отрицательный или нейтральный.

25. Десятый Закон — Закон Нейтралитета — утверждает: все, что имеет нейтральный заряд, будет притянуто к наибольшей из сил, действующих вокруг, вне зависимости от ее заряда, положительного или отрицательного, ибо нейтралитет есть позиция слабости, а не силы.

26. Таковы Десять Высших Законов, определяющих природу магии и в свой черед определяемых ею.

27. Но я дам вам еще один закон: сей закон лежит в природе человека и определяет суть действий Сокола, от его выполнения нельзя уклониться.

28. Вот этот закон: плати за свои чары лишь тем, что принадлежит тебе.

29. *Ка-ереа, ка-ашура, ка-амия, ка-енадда и ка-оббия*, твоя воля, твоя кровь, твоя плоть, твое дыхание и твоя душа. Вот пять приемлемых приношений, но приемлемыми они бывают лишь тогда, когда их отдают добровольно.

30. Чары, создаваемые твоей жизненной силой, черпаемой из пяти допустимых источников, будут считаться чистыми, свободными от *ревхаха*, и не изувечат ни людей, ни землю.

31. Предлагай лишь сии жертвы, требует Закон Ка, Закон Предложения Себя Самого, и я объявляю его высшим для Соколов. Исполнением его отличается Сокол от прочих.

32. Ибо Закон Ка есть Закон Любви — любви к человечеству и любви к жизни, — и мое высшее требование к вам, чтобы вы любили все живое и чтобы жизни ваши стали воплощением этой любви.

Глава 10

Соландер Воплощенный еще ожидал в чреве матери дня своего появления на свет, но верные уже тянулись к нему, и он отвечал им. Из укромных хижин в прячущихся посреди леса долах, из библиотечных кабинетов, с палуб рыбацких судов, из

вечно движущихся по дорогам фургонов скитальцев Гиру-налле взывали к нему верные Соколы, потратив несколько капель собственной крови на образование связи, позволяющей им коснуться его. И Соландер отвечал им, заглядывал в души, делясь с ними своею любовью.

Вырастая во тьме, он проводил все эти длительные стоянки в глубоких медитациях, устремляясь мыслями не к будущему, в котором ему предстояло сотворить для возлюбленного им человечества достойный его мир, и не к прошлому, в котором остались пытки, муки и волшебное спасение от врагов в миг смерти его тела: эти воспоминания и мысли не могли дать ему ничего нового. Он не мог ни планировать грядущее, ни изменить то, что уже было. Но, находясь в теплом уюте чрева, он уже мог начать свои деяния... касаясь душ Соколов, которых ему так не хотелось оставлять тысячу лет назад, показывая им, что надежда не угасла, что их жизнь может стать лучше и что тайна, способная преобразить мир, сделать его другим, кристально чистым, очень проста. Миритесь с чужими ошибками, сейте добро и любите друг друга.

Тем не менее он заставил себя отвлечься от мира и счастья своего неторопливого роста, чтобы прикоснуться к собственному мечу, своему Соколу. Дугхаллу Драклесу.

Дугхалл.

Голос со всех сторон окутал Дугхалла Драклеса. Он стоял на коленях перед вышитой шелковой *зандой*, готовясь узнать свое будущее по горсти серебряных монет, брошенной на платок. Квадранты Дома, Жизни, Духа, Удовольствия, Долга, Материального Благополучия, Здоровья, Целей, Мечтаний, Прошлого, Настоящего, Будущего оставались пока пустыми — узор, который составят на *занде* брошенные монетки, еще не лег на них.

Дугхалл.

Положив монеты, он глубоко вздохнул. Сердце Дугхалла узнало этот голос.

— Возрожденный? — прошептал он.

Мой верный Сокол, ты слушал душой и сердцем. Ты собрал моих союзников, ты подготовил их, и я вижу, что они сильны и отважны. Пришли их теперь ко мне, но втайне.

— Я сам поведу их к тебе, — ответил Дугхалл.

Нет. Ты собрал хороших людей и умело обучил их, но ты не солдат, Дугхалл. Жди там, где находишься.

Отказ Возрожденного был страшным ударом. Дугхалл предполагал, что отправится вместе с армией, которую собрал для Возрожденного... более того, он желал возглавить ее. Но ему велели просто отослать своих людей — среди них были и

его сыновья, — а самому оставаться в этом глухом углу, который он выбрал для лагеря, и просто ждать.

Он — обнаженный меч, алчущий крови врагов Возрожденного, и он ждал этого зова с того мига, когда, следуя велению *занды*, тайно покинул Дом Галвеев. Он терпеливо сносил трудности и лишения, познал боль и страх; он служил всем сердцем своим, он отдал все, чем располагал. Но он — старый меч, и клинок его давно заржавел... и вот Возрожденный призывает собранных им людей, но не его...

Голос Соландера тихо шептал, обращаясь к его уму и сердцу: *Дугхалл, у меня на тебя другие планы. Мне не нужно, чтобы ты погиб на поле боя. Драконы возвращаются. Они уже расхаживают по улицам Калимекки, подготавливая место для себя. Жди там, где теперь находишься, ибо я предвижу несчастье, и именно ты поможешь мне справиться с его последствиями. Но только если останешься там, где ты сейчас.*

— Какое несчастье? И что я могу сделать здесь? Ведь это всего лишь рыбацкая деревушка.

Если бы я был богом, то открыл бы тебе будущее, но я всего лишь человек. Будущее столь же непроницаемо для меня, как и для тебя. Я знаю только, что если ты будешь ждать там, где находишься, то предотвратишь разрушение всего, что создали Соколы за прошедшую тысячу лет.

Дугхалл ответил:

— Значит, я буду ждать. Я исполню твою волю... все твои приказы.

Ты мой меч, Дугхалл. Без тебя я погибну.

И голос Возрожденного исчез. Пропало и окружавшее Дугхалла тепло, а вместе с ним и кокон радости, любви, надежды. Хрустнув суставами, Дугхалл поднялся на ноги, подошел к окошку крытой травой хижины, в которой обитал здесь, и посмотрел на север — на дымящийся конус вулкана. Жизнь была подобна этой огнедышащей горе — спокойной с виду, но клокочущей внутри, смертоносной, способной в любой миг взорваться и уничтожить все вокруг. Что может сокрушить плод тысячелетних трудов? Что способно помешать триумфальному возвращению Соландера?

К северу от деревни, на поле, собранное им войско готовилось к будущей битве — неминуемой, как говорил им он сам. Теперь нужно было отослать их к Возрожденному. Небольшая флотилия боевых ладей островитян без него отправится на юг — к окраине Иберы, к месту, где Веральные Территории смыкаются с Иберанской границей. Магия помогла ему определить точку, в которой надлежало высадиться на сушу. Оттуда войско на-

правится навстречу Возрожденному, и он сам поведет его на битву с укрепившимися в Калимекке Драконами.

И когда войско уйдет, он, Дугхалл, останется в этой крохотной рыбацкой деревушке, дожидаясь знака, который сообщит ему, что нужное время пришло. Он будет поститься. Необходимо надлежащим образом подготовить свое тело, — он уже занялся успевшей состариться плотью. Он будет изучать узоры монет на *занде* и призывать Говорящих, чтобы они поведали ему о происходящем внутри Вуали. Он будет служить.

Хотелось бы только знать, какого рода катастрофа их ожидает.

Глава 11

Хасмаль скорчился возле самого киля, то и дело поднося к носу открытый пузырек с маслом грушанки и пытаясь забыть одновременно и про здешнюю вонь, и про качку. Заклятие давалось с трудом: к горлу все время подкатывала тошнота.

Он был рад тому, что обнаружил место, где никто не мешал ему ворожить. В чреве «Сокровища ветра» находились три отдельных трюма: кормовой, средний и носовой. Спускались в них через люки, и тот из них, что вел в задний трюм, располагался прямо за гальюном, куда он мог ходить, не вызывая ничьих подозрений, особенно теперь, после отплытия судна, когда экипаж узнал, что он страдает морской болезнью и поносом. И когда он проходил мимо какой-нибудь группы моряков — с болезненным, попросту паническим выражением на лице, — ему сразу же уступали дорогу.

Он знал, что после подобного представления его не хватятся в течение целой стоянки, и никто не станет разыскивать его.

Кеит находилась рядом.

— Постарайся не затягивать. То, что ты провел меня сюда никем не замеченной, отнюдь не означает, что Ри проглядит мое отсутствие.

— Он был у своих приятелей. И какое-то время не станет искать тебя.

— Будем надеяться. — Кеит отказалась от предложенной склянки с маслом грушанки и наморщила нос.

— Уж лучше нюхать трюмную вонь, — призналась она. — Ненавижу духи.

— Прости. — Он достал свою сумку с магическими принадлежностями и извлек из нее ручное зеркало, чашу для крови, терновую иглу и травы. — У меня есть все необходимое.

Тебе нужно соединиться с Возрожденным и узнать от него, как пользоваться Зеркалом Душ.

Кеит подняла брови и покачала головой:

— Ты сказал, что нуждаешься в моей помощи, но я ведь не чародейка, Хасмаль. Я только начинаю овладевать простейшими чарами. Соединиться с Возрожденным... это слишком сложно для меня.

— Не столь уж сложно... а вот мне придется потрудиться — нужно защитить твое заклинание экраном, приглядеть, чтобы никто из колдунов не заметил движения магических сил, и вызвать соответствующие чары, чтобы отразить возможное нападение. Соединиться с Соландером можем и ты, и я, но лишь мне по силам уберечь тебя, пока ты будешь говорить с ним.

Кеит явно сомневалась в своих возможностях.

— А нет ли другого способа?

— Я пробовал. Я призывал Говорящих, проникал в прошлое, пролистал заново Тексты, пытаясь найти описание работы проклятого Зеркала и понять, что, по мнению Соландера, должны делать с ним Соколы. Мне не хватило сил или способностей, чтобы достичь того времени в прошлом, когда Зеркало использовалось в последний раз, Тексты о Зеркале умалчивают, а Говорящие смеялись мне в лицо. Других вариантов я не знаю.

Поежившись, Кеит кивнула:

— Тогда давай мне шип, чашу для крови и помоги.

— Тебе нужно узнать у Соландера, как пользоваться Зеркалом... выяснить последовательность действий, точные слова и еще — чего нам следует ожидать от него.

Кеит еще раз кивнула:

— Я выясню все.

Хасмаль подождал, пока Кеит уколола палец шипом и капнула кровью в чашу. А потом приступил к совершению обряда, чтобы соединить ее с Возрожденным. Она была испугана, и Хасмаль вполне понимал подобные страхи... однако отвага Кеит была достойна зависти. Она делала то, чего не могла не сделать.

Он приступил к заклинаниям еще до того, как облик Кеит начал меняться; когда на лице ее появилась блаженная улыбка, он уже окружил ее экраном, энергетической сферой, имевшей единственный прокол там, откуда исходящая из Кеит жизненная сила щупальцем тянулась вдаль на несчетные лиги, к душе Возрожденного. Хасмаль устроил экран так, что если кто-либо пожелал бы прервать это деликатное соприкосновение, колпак пропал бы сам собой, нарушив связь Кеит с Соландером, но сохранив ее жизнь.

Сделав это, он открылся перед кораблем. Хасмаль выпустил свое сознание из тела и прочно приклеил себя к

доскам, на которых сидел... истекая наружу, разум его проследил стык каждой доски судна с соседними, осторожно касаясь каждой новой структуры, отмечая положение каждого живого объекта, пока корабль не сделался его истинным телом, а человеческая плоть не превратилась в крошечный отросток его. Теперь он знал корабль, как знают собственное тело — ощущал малейшее его движение и текущую под ним воду, чувствовал водный простор, окружающий его со всех сторон, слышал каждый разговор в любом месте судна и наблюдал за всеми, кто был на борту.

Такая открытость делала его невероятно уязвимым — Хасмаль не мог ни закрыть, ни защитить свою душу, вышедшую за пределы плоти... однако никаким другим способом нельзя было убедиться в том, что их с Кеит действия не вызвали нежелательного любопытства.

В одной из носовых кают Ри играл в карты со своими лейтенантами. Члены экипажа занимались своими делами. Ян стоял на корме, глядя в сторону Новтерры. Хасмаль посмотрел в его глаза; похоже было, что капитан обдумывает убийство. Впрочем, не собираясь немедленно приступать к реализации своего плана. На корабле царило спокойствие... экипаж настроен мирно... и все же...

Хасмаль ощутил неладное. Нечто помечало корабль; кто-то следил за ним с расстояния. Он попытался что-либо нащупать... наугад, как ищут дверь в темной комнате. Связующая нить тянулась из неведомой дали к деревянному корпусу корабля — физическому фокусу далеких чар. И прежде чем искать, кто следил за кораблем, ему следовало нащупать эту невидимую нить.

Приветствую тебя, Кеит.

Возрожденный... Начавшаяся беседа, не знающая слов, прикосновение Соландера наполняли ее душу. Вновь она ощутила, как Возрожденный полностью принимает ее в себя, приемлет ее без всяких условий. Затянувшееся мгновение одаривало ее блаженством, она ни о чем не спрашивала, лишь впитывая в себя простую радость от близости Возрожденного.

Впрочем, дело не могло ждать вечно, и, Кеит наконец заставила себя вернуться к неприятной реальности. *Мы в беде*, поведала она еще не рожденному ребенку. *Нас захватили враги, и у нас есть все основания полагать, что когда мы достигнем берегов Иберы, Сабиры отберут у нас Зеркало. Если у нас еще остался шанс доставить его к тебе, мы должны узнать, как им пользоваться.*

Нет, ответил Соландер, и Кеит почувствовала, как страх возмутил ровный свет, в котором она плавала. *Не делайте ничего с Зеркалом, только доставьте его ко мне. Оно является средством, с помощью которого Драконы вернутся в Матрин.*

Кеит ощутила холод в его словах. *Если мы не сумеем доставить Зеркало к тебе, может быть, его лучше уничтожить?*

Нет. Неудачная попытка уничтожить этот предмет может освободить Драконов — но даже если попытка удастся, она будет стоить тебе души.

Почему?

Потому что ты уничтожишь заточенные внутри него души. Тот, кто уничтожает бессмертие, платит собственной вечностью.

Кеит представила себе гладкие, охваченные платиновым блеском изгибы форм таинственного предмета, теплый свет, по спиралям разливающийся от его центра; чувство покоя, наполнявшее ее рядом с ним. Она считала, что предмет этот благ по своей сущности, несмотря на неприятный запах, временами исходивший от него. И это, подумала она, вполне разумно. Драконам не выгодно было создавать предмет, скверный так же и с виду; ведь люди непременно захотели бы уничтожить такую вещь. Однако если вещь кажется ценной, если она вызывает приятные ощущения...

В тот же миг она вспомнила об Амели, предложившей Кеит отправиться за океан на поиски Зеркала.

Душа, которую ты называешь Амели, принадлежит одному из пробудившихся Драконов, поведал ей Возрожденный. *Однако она поручила тебе дело, столь же нужное мне, как и ей самой. Располагая Зеркалом, я могу отправить находящиеся в нем души в Вуаль, где они подвергнутся суду предков. А потом я уничтожу Зеркало, дабы воплощенное в Драконах зло никогда и ни в каком виде не вернулось на Матрин.*

Кеит начала спрашивать Возрожденного, не даст ли он им какой-нибудь совет, и вдруг ощутила, как что-то вырывает ее из утешительного света благой души. Все вокруг померкло, и на мгновение она повисла в абсолютной тьме, в пустоте, а тело ее пронзала столь жуткая боль, что Кеит уже казалось, будто ее раздирают на части.

А потом она вновь оказалась в собственном теле, в трюме, терзаемая дурнотой, ослепленная болью... Хасмаль тряс ее, ударял по лицу и шептал:

— Кеит! Кеит? Очнись! Тебе больно? Кеит?

Когда она пришла в себя настолько, что сумела осознанно взглянуть в склонившееся над ней лицо, то заметила, что глаза Хасмаля полны отчаяния и ужаса.

— Что произошло? — Застонав, она положила ладонь на живот; боль медленно отступала, однако тошнота не проходила.

— Упал экран, которым я окружил тебя, — объяснил Хасмаль. Кеит затрясла головой, с трудом вникая в его сло-

ва. — На тебя напали. Кто-то следил за тобой... за всем кораблем, и когда ты говорила с Возрожденным, атаковал тебя.

— Это Ри напал на меня? — спросила Кеит.

— Нет. Нападение было совершено извне корабля.

— Так, значит, сейчас мы находимся в опасности?

— В данный момент нет. Я прикрыл экраном нас обоих. Пока нам ничто не грозит.

— И кто же обнаружил нас? Кто пытался расправиться со мной?

— Я пока не уверен. Я сумел пройти по следу шпионящего за нами чародея до Калимекки, но когда я был уже недалеко от него, он вдруг заметил меня, и мне пришлось разорвать свою связь с кораблем. Я едва успел вовремя закрыться... и пока я это делал, он напал на тебя.

Она заметила, что руки Хасмаля трясутся. Даже в темном трюме было заметно, как сильно он побледнел, и запах его страха уже пересиливал вонь, идущую от застоявшейся воды, дохлых крыс и прочей трюмной дряни.

Хасмаль продолжил:

— Я могу предположить, что Волки следят за нашим судном.

— Значит, они знают о Возрожденном. И о Зеркале.

— Почти наверняка.

Чтобы утихомирить боль в голове, Кеит прижала пальцы к пульсирующим вискам.

— О боги. Что же нам теперь делать?

— Мы воспользуемся информацией, которую ты получила от Возрожденного, чтобы привести Зеркало в действие. Мы... — Заметив, что Кеит затрясла головой, Хасмаль умолк. — Что случилось?

— Мы не можем даже прикоснуться к Зеркалу Душ, — ответила Кеит и торопливо выложила все скверные новости, полученные от Соландера. Когда она закончила, Хасмаль закрыл лицо ладонями.

— Что же теперь делать?

Кеит набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула.

— Держать глаза открытыми. Сделать все возможное, чтобы привлечь Ри на свою сторону. Если заметим, что дела складываются плохо, ночью украдем шлюпку и отвезем на ней Зеркало на какой-нибудь остров или доверимся течению. — Наклонившись вперед, она опустила руку на его колено. — Сделаем все возможное, все, что следует сделать. Зеркало будет доставлено к Возрожденному. *Волки* не получат его, Хасмаль.

Заглянув в ее глаза, Хасмаль увидел в них спокойствие и жестокость, которой ему так не хватало. А также решимость, равную которой он мог отыскать и в самом себе. Он уже

ощущал в своей душе ответные отголоски уверенности. Хасмаль накрыл своей ладонью ее руку.

— Ты права. Мы сделаем это. У них ничего не получится.

Глава 12

Ян остановил Кеит у самой дверцы душа, где она только что отмылась от трюмной вони.

— Джейти просит тебя прийти.

Кеит ощутила острый приступ тревоги и, на мгновение сосредоточившись, определила его причину. От кожи и одежды Яна пахло смертью.

— Ему хуже?

Ян ответил ей свирепым взглядом.

— Он умирает. И все обещания лекапевта помочь ему оказались ложью.

Кеит возразила:

— Он умирал еще до того, как мы поднялись на борт «Сокровища ветра»; мы уже тогда не надеялись, что он выживет. Забота лекапевта лишь позволила ему прожить несколько лишних дней и облегчила предсмертные страдания.

— Ты можешь быть этим довольна. Теперь ты всем довольна. — Ян отвернулся. Каждое движение его, каждая линия тела выдавали едва сдерживаемую ярость.

— Я делаю все возможное, чтобы обеспечить нашу безопасность.

Ян направился к трапу, но прежде чем подняться вверх, на палубу, обернулся к ней и бросил:

— *Конечно,* делаешь. Во всяком случае, потрудись поскорее зайти к Джейти. Он умрет до наступления ночи.

Ян ушел, но гнев его остался висеть в воздухе как ядовитое облако.

Кеит, принявшаяся отжимать волосы, смотрела ему вслед. Ян сулил лишние неприятности, и его ярость должна в конце концов разразиться грозой.

— Ты выглядишь хуже, чем я, — проговорил Джейти. Он лежал в постели, кожа его казалась бледнее выбеленного полотна, темные, промокшие от пота волосы липли к голове. Ввалившиеся глаза лихорадочно блестели. Царивший в каюте запах гнилой крови и тления буквально ошеломил ее. Зеленоватые пятна

проступали на простыне, укрывавшей культю. Ян был прав. Джейти протянет недолго.

— Сплю плохо, — пояснила Кеит. И это было правдой. Сны, приходившие к ней в каюте Ри, становились раз от разу все соблазнительнее, более того, с возмутительным постоянством грезы вторгались уже и в ее дневную жизнь. Посему приходилось бороться со сном.

Она не стала ничего говорить о состоянии Джейти и только сказала:

— Я была... удивлена... тем, что ты захотел поговорить со мной.

— Ты думаешь, что я тебя боюсь?

— Думаю, что не слишком нравлюсь тебе.

Джейти криво усмехнулся.

— Ты права. Это действительно так. Оборотень... — Он пожал плечами и даже это небольшое движение явно стоило ему крохи собственной жизни. — Ты можешь изменять обличье, исчезать, изображать нормального человека, но внутри остаешься чудовищем...

Джейти вздохнул.

— Только мое мнение о тебе ничего не значит. Капитан любит тебя.

Кеит вздрогнула, услышав эти слова во всей их обнаженности.

— Я знаю.

— А ты не любишь его. — В голосе моряка звучал не вопрос — утверждение.

Кеит подумала, не солгать ли умирающему, не сказать ли ему нечто, способное изменить его мнение о ней к лучшему. Впрочем, правда уже была известна Джейти.

— Нет. Ян... ну, я... я хочу ему только добра. Но я не знаю, способна ли вообще полюбить. Во всяком случае... не его.

Она подумала о том наваждении, которое связывало ее с Ри, пытаясь понять, заслуживает ли это мучительное и всепоглощающее чувство имени любви.

— Я бы хотела полюбить Яна. Тогда все сделалось бы... проще.

Джейти широко ухмыльнулся, и мертвая улыбка на обтянутом кожей черепе лишь подтвердила тяжесть его состояния.

— Трудная у тебя жизнь. И чувство чести делает ее лишь сложнее. Но ради твоей чести, если тебе действительно небезразлична его участь, скажи ему все. Он все твердит о том, что намеревается увести тебя у Ри, доказать, что из двоих он лучший. Ян считает, что может заслужить твою любовь, а я не вижу у него такого шанса.

Кеит задумалась, но ничего не сказала, и Джейти добавил:

— Страсть разъедает его изнутри. Пока Ян надеется, пока верит в то, что сумеет завоевать тебя, он не способен думать о чем-нибудь другом. Он все повторяет, что нужно найти спо-

соб выбросить Ри за борт, когда никого не будет поблизости, или проткнуть его мечом, а потом сослаться на несчастную случайность. Он становится... одержимым.

Кеит понимала, что умирающий говорит правду. Заглядывая в глаза Яна, она замечала их ненормальный блеск, почти такой же, как сейчас у Джейти, к тому же взгляд капитана был теперь все время устремлен куда-то в пространство... так смотрит волк в предвкушении добычи.

— Сказав Яну, что не люблю его, я не смогу улучшить его состояния.

— Не сможешь. Но если он будет знать, что надежды нет, это может удержать его от поступка, за который его могут убить.

Она вздохнула.

Джейти продолжил:

— Ян — мой друг. И он потерял все, что имел, — свой корабль, экипаж, свою долю сокровищ. Он еще не знает, что потерял также и тебя. И если он умрет, пытаясь добиться тебя, в то время как ты можешь предотвратить его смерть, просто сказав, что ему не на что надеяться...

Джейти отвернулся и умолк. Кеит молчала, не зная, что сказать. Умирающий вновь взглянул на нее.

— Если он умрет только потому, что ты позволила ему надеяться, мой призрак отравит каждое мгновение твоей оставшейся жизни. Клянусь в этом вечной душой Бретвана.

Волосы на голове Кеит встали дыбом, по спине пробежал морозец. Глядя в эти глаза, в которых светилась уже смерть, она подумала, что Джейти, наверное, может теперь видеть ожидающую его Вуаль.

— Я скажу ему, — прошептала Кеит.

— Клянись.

Клянусь *именем Галвея*, едва не сказала она, но вовремя остановила себя.

— Клянусь собственной душой, — произнесла она, — клянусь, что скажу ему.

Глава 13

Кеит стояла на палубе «Сокровища ветра», разглядывая бесконечные океанские просторы. Волны раскачивали корабль, паруса которого были убраны. Солнечные лучи золотили все вокруг, искрилась вода, сверкала надраенная медь, натертая

мыльным камнем палуба казалась полированной слоновой костью. Экипаж в парадной одежде выстроился по правому и левому бортам в носовой части судна, один из моряков выбивал негромкую барабанную дробь.

Лоулас, корабельный парнисса, возглавлял маленькую процессию, шедшую от кормовых кают. Следом за ним двигались Хасмаль, Ян и четверо друзей Ри, несшие на плечах закутанную в черное полотно фигуру. Не поворачивая головы, Кеит краем глаза пристально следила за Яном. Скоро ей придется объясниться с ним. Бремя клятвы отягощало ее, и Кеит буквально ощущала, как дух Джейти глядит на нее.

— Боги улыбаются душе Джейти, раз они сделали столь прекрасным день его похорон, — сказал Ри, стоявший справа от нее в серебристо-зеленом кафтане Сабира, в начищенных до блеска черных сапогах, с поднятым в последнем прощании клинком.

Кеит держала свой меч точно так же. С учетом ситуации, она наконец надела кое-что из припасенных для нее Ри вещей. На Кеит была доходившая до колен кремовая блуза из плотного шелка с черной вышивкой по подолу, надетая поверх черной шелковой рубашки; нежный, словно легкий ветерок, широкий плетенный из кожаных полос пояс удерживал на месте все складки блузы; узкая черная шелковая юбка, расшитые кремовые, также шелковые чулки и замшевые туфли довершали наряд. Столь тонкой и изящной одежды Кеит еще не приходилось носить, и она облачилась в этот изысканный наряд, чтобы почтить Джейти. Когда похороны закончатся, она снимет эти вещи, заменив их грубыми матросскими брюками, курткой и корабельными башмаками. Моряцкий наряд создавал между нею и Ри барьер, пусть и непрочный. А она так нуждалась во всем, что хоть как-то могло разделить их.

Не сводя взгляда с похоронной процессии, Кеит негромко пробормотала:

— Как бы ни был прекрасен день, Джейти предпочел бы сейчас любоваться им.

Краем глаза она увидела, что Ри повернулся к ней с явной досадой на лице. Кеит едва не улыбнулась, заметив, что заставила его допустить оплошность. Однако улыбка была бы сейчас столь же неуместна, как и его мимический жест. И Кеит постаралась сохранить невозмутимость, вперив взгляд в блестевший прямо перед лицом клинок.

Процессия остановилась в центре носового отсека палубы, и парнисса, повернувшись, преклонил колени и расстелил на белых досках большое темно-зеленое полотнище, в края которого был зашит свинец. Мужчины, несшие тело Джейти, осторожно опустили умершего в середину куска крашеной парусины.

Парнисса встал, и один из прислужников поспешил к нему с кадилом и лампой. Лоулас взял курильницу и, пятикратно взмахнув ею над телом, провозгласил:

— Джейти из Паппаса, по прозвищу Братец Лис, сегодня ты оставил мир живых, чтобы пересечь границу Вуали. Я поручаю твою душу Лодан, властной над Любовью и Утратой, и супругу ее Бретвану, ведающему Болью и Удовольствием, Здоровьем и Хворью, Жизнью и Смертью. Не держись более за сию плоть и отправляйся в Вуаль, чтобы обрести покой и новую жизнь.

Джейти не сделает этого, подумала Кеит. Во всяком случае, пока она не выполнит свое обещание.

Вернув курильницу прислужнику, парнисса взял лампу. Пятикратно осенив ею труп, он поставил светильник на ткань, возле головы мертвеца.

— Джейти из Паппаса, по прозвищу Братец Лис, сегодня ты разлучился с миром живых, и плоть твоя опустела. Она служила тебе, а теперь ей предстоит питать другую жизнь. При жизни ты служил морю, так послужи ему и после смерти. Я поручаю твою плоть Джошан, правящей Молчанием, Уединением и Одиночеством, ибо просторно и безмолвно море, и все возвращается в конце концов в его лоно. Да погребет оно твою плоть во тьме, чтобы дух твой по возвращении из Вуали обрел другое человеческое тело.

Лоулас поднял лампу и отдал ее прислужнику. Потом парнисса отступил назад, и Хасмаль с Яном преклонили колена, заворачивая закутанное в саван тело Джейти в зеленую ткань и завязывая нашитые с обратной стороны ее шнурки.

Повернувшись, парнисса оглядел собравшихся на палубе моряков и сказал:

— Этим путем однажды пройдет каждый из нас. Подумайте о собственной смерти и поблагодарите богов за каждое дарованное вам мгновение, за каждую отпущенную стоянку и живите, — но не прошлым и не будущим, потому что все мы располагаем только мгновением: настоящее — вот что истинно принадлежит человеку. Обретите смысл вашей жизни в служении богам и людям и служите им уже сейчас, как умеете, зная, что потом вам уже не удастся этого сделать. Пусть Джейти, ушедший брат наш, останется в ваших сердцах и мыслях... извлеките урок из его смерти, ибо таким образом вы можете существенно помочь себе в служении собратьям-людям, а ему — в обретении заново человеческого достоинства после смерти.

Парнисса кивнул, и все шестеро вновь положили тело на свои плечи и подошли с ним к правому борту. Когда тело проносили мимо них, Кеит и Ри повернулись лицом друг к другу, отсалютовав клинками и соединив их над усопшим.

— Из моря ты пришел, в море и возвращайся, — объявил Лоулас.

Тело Джейти исчезло за бортом. Послышался всплеск, в воздухе сверкнули блестящие бусинки воды и зеленый, отягощенный свинцом покров увлек покойника вглубь; мельком Кеит увидела оставленный им след — облачко опавших брызг, в лучах солнца похожих на серебряные монеты. Ян не захотел даже взглянуть на нее. Он прошел мимо, уходя с места прощания, за ним последовали члены экипажа, парнисса, капитан и, наконец, Хасмаль.

Когда ушел последний из моряков, Кеит холодно кивнула Ри и спрятала клинок в ножны. Она выполнила свой долг перед умершим Джейти и почтила его душу, отсалютовав фамильным клинком, поскольку моряк погиб, сражаясь за нее. Ри тоже убрал меч, так и не сочтя нужным объяснить, почему он решил воздать усопшему столь торжественные почести. Он положил руку на плечо Кеит, собравшейся уже возвратиться в их общую каюту.

— Подожди, — сказал он.

Напрягшись от его прикосновения, она повернулась к нему. В каюте он соблюдал дистанцию и после нескольких тщетных попыток заговорить с Кеит смирился с ее молчанием. Жар его ладони как будто проходил сквозь мягкий шелк, выжигая на ее теле клеймо.

— Я не хочу сейчас разговаривать с тобой.

— Понимаю, — согласно и рассудительно ответил Ри. — И вижу, что ты намерена совсем не разговаривать со мной, не глядеть на меня, невзирая на то, что хочешь обратного.

— Обратного? Хотелось бы знать, откуда тебе известно, чего именно я хочу? — Она смотрела на Ри полными ярости глазами, мечтая возненавидеть его и презирая себя за то, что хочет этого человека.

Ветер теребил его волосы, и солнце высветлило темно-русые пряди, сделав их подобными тяжелым золотым кольцам, что были продеты в его уши. Окаймленные темными ободками голубые глаза неудержимо влекли Кеит к себе — словно бы обладая собственной силой притяжения. Ри был свиреп и прекрасен — словно волк в расцвете сил, словно падающий с неба на добычу сокол, — и едва сдерживаемая ярость делала его еще более привлекательным.

Плотно окутав себя магическим экраном — так, как учил ее Хасмаль, — Кеит попыталась приказать себе возненавидеть этого человека, заставить себя видеть в нем лишь убийцу ее родителей, сестер и братьев, всей Семьи... врага всего, во что верила она.

Ри внимательно глядел на нее, не прерывая затянувшейся паузы, а потом качнул головой.

— Нам предстоит долгий путь... придется многое сделать. И если ты не хочешь верить собственному сердцу — и

своим мечтам, — хотя бы разговаривай со мной, когда мы остаемся вдвоем. Я не сделал ничего такого, чем мог бы заслужить это бесконечное молчание.

Кеит хотела верить ему. Боги, как ей хотелось верить.

— Разве ты не имеешь отношения к избиению Галвеев?

— Нет. — Ри вздохнул. — Я был в твоем Доме вместе со своими людьми, но только потому, что хотел спасти тебя. Я рассчитывал найти тебя там. Я знал о готовящемся нападении, но не участвовал в его организации.

— И мы с тобой по чистой случайности встретились на приеме в честь дня Терамис в Халлесе?

— Конечно, нет. — Ри пожал плечами. — Семья послала меня вестником к параглезу Доктииракоv.

— Значит, ты принимал участие в уничтожении моей Семьи.

— Я был *вестником* и только выполнял поручения Сабиров. Вклад мой невелик... я сын Главы Волков, меня готовили к большему, однако считали слишком молодым и неопытным для исполнения иных обязанностей, кроме роли связного.

Кеит изогнула бровь.

— Вестников никогда не выбирают из тех, у кого нет опыта.

На лицо Ри легла тень стыда, быстрая словно молния. Она исчезла так стремительно, что Кеит могла бы подумать, что ей это лишь померещилось. Однако воображение здесь было ни при чем.

Ри протянул вперед руки ладонями вверх, в жесте одновременно и просительном, и исповедальном.

— Ты права, и мы оба знаем это. Кеит, я не могу сказать, что на мне нет никакой вины. Я любил Галвеев не больше, чем ты Сабиров. И мы с тобой потратили большую часть жизни, обучаясь злоумышлять друг против друга. Но после нашей встречи все переменилось.

Он прислонился к борту судна и умолк, внимательно изучая лицо Кеит. Солнце, светившее ему в глаза, заставило его сощуриться.

— Во всяком случае, переменилось для меня.

Кеит задумалась. Она тоже изменилась. Однако она не сказала об этом вслух. Просто потому, что не могла этого сделать.

Ри медлил, ожидая ответа, и наконец, поняв, что не получит его, сколько бы ни ждал, продолжил:

— Ну, хорошо. Твое отношение к Сабирам не переменилось. Тогда подумай вот о чем: я порвал с Сабирами. Если я возвращусь домой прямо сейчас, когда мои отношения с Семьей остаются под сомнением, моя мать объявит меня *барзанном*. Приговор этот пал на мою голову потому, что я предпочел отправить-

ся в эти края за тобой, вместо того чтобы остаться в Семье и заменить на посту Главы Волков погибшего отца.

Ри отвернулся в сторону, то ли пряча глаза от солнца, то ли желая обрести ту минимальную степень уединенности, которую могла предоставить эта поза.

— Кеит, я не прошу тебя отыскать в своем сердце уголок для меня. Мольбы — не мое дело. Если тебя нужно уговаривать, значит, я ошибся в тебе. *Я обращаюсь* к твоему рассудку. Представь себе, какую могущественную пару мы составим. Оба из знатных Семей, оба обучены магии... оба Карнеи. Попробуй только представить, что мы можем совершить вдвоем!

С той поры как Кеит поднялась на борт этого корабля, она просто не могла думать ни о чем другом.

— Ты мне снишься, — сказала она негромко.

Ри повернулся к ней, устремив на нее проницательный взгляд.

— А ты мне.

— Мы танцуем, — добавила она.

Ри покраснел и кивнул:

— В воздухе.

— В темноте.

Нагими.

Никто из них не произнес этого слова, но лишь потому, что в этом не было необходимости.

Памятное ночное видение стояло перед их внутренними взорами, столь же живое и яркое, как в жизни. Кеит ощутила, как вспыхнуло жаром ее лицо, как заторопилось сердце. Она чувствовала волнение Ри, его возбуждение, и дыхание ее участилось.

— По-моему, это не сны, — произнес Ри тихим голосом, почти шепотом. — Это наши души дают нам то, чего лишены наши тела.

Кеит понимала, что приближается неотвратимое. Она отступила от Ри на шаг, чтобы их разделяло хотя бы какое-то расстояние, она нуждалась хотя бы в малейшей гарантии того, что не потеряет самообладания.

— Почему ты последовал за мной? — спросила она. — Зная о своих обязанностях перед Семьей, о том, что тебя объявят барзаном... почему ты не остался и не выполнил свой долг?

Руки Ри мгновенно сжались в кулаки, так что побелели костяшки; он глубоко вздохнул и устремил взгляд в морские дали, заставляя себя успокоиться и охлаждая тот телесный жар, который владел им. Власть над собой и ему давалась непросто. Кеит уже думала об этом — каждую ночь, лежа во тьме, глядя в потолок каюты, прислушиваясь к его дыханию. Спустя мгнове-

ние, когда ни поза, ни запах тела уже не выдавали его эмоций, Ри сказал:

— У меня нет точного ответа. Ни для тебя, ни для себя самого. Я могу сказать лишь, что, когда пути наши пересеклись, я почувствовал неодолимое влечение к тебе. А может быть, правильнее говорить о взаимном притяжении. — Он пожал плечами. — До того дня я был уверен в том, что никогда не позволю себе утратить контроля над собой.

Кеит заметила печальную улыбку, промелькнувшую в уголках его губ.

Они видели одни и те же сны. Они дополняли друг друга совершенно непонятным для нее образом. Она хотела его.

Семьи ее более не существовало. Судя по тому, что она слышала, погибла и большая часть членов его Семьи. Быть может, это означало, что многовековая война Сабиров с Галвеями наконец близка к своему завершению.

— Я... я подумаю над тем, что ты сказал. — Кеит поправила блузку. — А пока не обещаю тебе ничего другого, кроме того, что... подумаю...

Тщательно взвешивая свои слова, Кеит убедилась, что они означают именно то, что она могла предложить.

— Да. Я обдумаю условия... перемирия.

Повернувшись, прежде чем Ри успел хоть как-то ответить ей, она поспешила к их каюте, но, не пройдя и половины пути, обернулась и увидела, что Ри все еще смотрит в бесконечные, гипнотические дали океана.

— Но я думаю... что мне должно понравиться разговаривать с тобой.

Глава 14

Зеркало почти добралось до нас, сообщил Дафриль. *Но избранную мной аватару принудили везти его на юг — в холодные земли. Соландер потребовал себе Зеркало.*

В холодной бесконечности Вуали собрались вместе лишь предводители Звездного Совета... Дафриль не хотел паники, которая непременно охватит младших членов Совета, как только они узнают, что Соландер вернулся.

Мы уже предпринимаем конкретные действия в отношении Зеркала, сказала Меллайни. *Оно должно прибыть в Калимекку.*

Да. К сожалению, справиться с Соландером будет не просто. Близится время его рождения, и он уже начал собирать своих Соколов.

Но если Соландер обитает в теле младенца, при всех его знаниях пройдут годы, прежде чем он сумеет бороться с нами.

Дафриль вздохнул. Соландер однажды уже едва не погубил их всех. И Дафриль не мог представить себе, чтобы этот сукин сын сумел воплотиться, сохранив все свои знания, но позабыв о времени, необходимом, чтобы тело его достигло возраста, когда им можно будет по-настоящему пользоваться. *Мы не вправе рассчитывать на это. Я обязан предположить, что у Соландера есть план. Он всегда знал, что делает.*

Хотелось бы, чтобы и мы знали это.

Я тоже хочу этого, Меллайни, сказал Дафриль. *Я тоже.*

Глава 15

Кеит проснулась во тьме и, услышав ровное дыхание Ри, спавшего на нижней койке, вновь почувствовала искусительный запах его тела. Обрывки пробудившего ее кошмара еще липли к ней, давили на сердце.

Она снова танцевала с Ри, кружила в том же самом сводящем с ума, соблазнительном, страстном танце... в его объятиях, с поцелуями, прикосновениями. А потом появился некто и начал следить за ними. И ждать.

Отнюдь не успокоенная ровным качанием корабля, скрипом досок и бормотанием ветра в парусах, она позвала:

— Ри?

Он уже проснулся... точнее сказать, он выпутался из сна спустя мгновение после ее пробуждения. «Как только я рассталась со сном», — подумала Кеит. Она поняла, что он задержал дыхание, уловила в его запахе вплетение настороженности и... ожидания.

— Да.

— Кто-то разыскивает тебя. И хочет убить.

— Почему ты так решила?

— За нами следили. Во сне. Во время танца. И душа соглядатая была полна зла.

— Я не уловил ничего подобного.

— Он закрылся от тебя экраном, однако через него между вами двумя протекал какой-то ручеек... рожденный магией или родственной связью. Я видела этот поток... тонкую черную струйку. Я проследила ее до самого источника и заглянула в глаза

твоему врагу. Не знаю... я не уверена в этом, но, по-моему, он не заметил моего присутствия. Он не был закрыт от меня.

— Что ты можешь сказать о нем? — после паузы спросил Ри.

— Что он ненавидит тебя. И хочет твоей смерти. Он ждет, когда ты окажешься в пределах досягаемости.

— Похоже на Яна, — усмехнулся Ри.

— Это не он. — Кеит уже успела убедиться в этом. — Связывающая вас нить тянется из Калимекки.

— Не может быть. — Ри зашевелился, и мгновение спустя голова и плечи его появились над краем ее койки. — Все, кто добивался моей смерти в Калимекке, и так считают меня умершим.

Кроме Тройки, конечно, подумал он. Но эти ребята наверняка уже казнены за убийство. И Ри рассказал Кеит о том, как имитировал собственное убийство и исчезновение тела.

— Кто-то знает, — сказала Кеит, когда он окончил рассказ. — Кто-то знает, Ри.

Возможно, за ним следил тот же самый чародей, что едва не захватил их с Хасмалем врасплох, когда они связывались с Возрожденным. И то, что Ри нужен был ему ради Зеркала, казалось вполне возможным. Впрочем, сказать об этом Ри она не могла.

Губы его сложились в тонкую прямую линию.

— Клянусь душой Бретвана! Это была бы катастрофа. Человек, знающий о том, что я жив, сможет определить и то, что я отправился из Калимекки морем. Мы держались осторожно, но не настолько, чтобы нас нельзя было найти. Тот, кто выследил меня, знает и то, что я отправился в компании друзей. Мои враги дорого дадут за такую информацию. Боги преисподней... за такие вести охотно заплатит и моя мать. Она считает, что мои друзья погибли, выполняя свой долг перед Семьей. Их Семействам должны были воздать почести, чтобы компенсировать утрату.

— Твоя мать воздала почести семьям твоих друзей? Женщина, готовая объявить тебя *барзанном?*

— Если ей известно, что я жив, то можешь уже теперь считать меня *барзанном.* А родные моих друзей... обречены на смерть. — Ри поглядел на Кеит несчастными глазами. — Этот твой сон... лучше бы уж это был только сон.

Кеит не нашла в себе сил улыбнуться.

— Пока мы спим, наши души танцуют, Ри. Или это тоже только сон?

Он не ответил ей. В этом не было необходимости. Потрясение, написанное на лице Ри, поведало Кеит больше, чем ей хотелось бы знать.

— И что же ты скажешь своим друзьям?

Ри вздрогнул и на мгновение задумался.

— Ничего. Даже если твой сон правдив, мы никак не сумеем защитить их близких, оставшихся в Калимекке. Но если я расскажу им всю правду, то они будут обречены на безысходный нескончаемый страх, и — возможно — это заставит их бездумно рисковать своими жизнями.

— Как так?

— На пути к Гласверри Хала мы будем проходить недалеко от Калимекки. Мы пройдем мимо Тысячи Плясунов, возле мыса Гофт повернем на юг и направимся вдоль берега. Чтобы попасть домой, они могут покинуть корабль у Гофта; а если они окажутся в Калимекке, то наверняка будут казнены.

Кеит задумалась. Прежде в душе ее жила надежда вновь увидеть своих погибших родных; теперь она знала, что этого никогда не будет. Любимые ею люди умерли, безвозвратно и окончательно. Души их уже попали в Вуаль, и пепел тел смешался с землею. Ей никогда не увидеть их. И следовало навсегда смириться с этой жестокой истиной.

— Ради их блага мы вправе надеяться, что преследующий тебя маг не знает о них, — ответила она.

Ри кивнул. Он вновь опустился на свою койку, и Кеит услышала, как расправляет одеяло. Ри долго молчал, и она, решив, что уже ничего от него не услышит, позволила себе скользнуть к пределам сна. Поэтому его внезапно раздавшийся голос удивил ее.

— Я обязан им жизнью, — задумчиво проговорил Ри. — И я *должен* обеспечить безопасность их семьям. Если я предал их, не зная этого... если из-за меня они потеряют своих родных, которым я гарантировал безопасность... Как тогда сумею я вернуть им свой долг?

Глава 16

Шли нескончаемые недели, погожие дни чередовались со штормами, однако на борту «Сокровища ветра» почти ничего не менялось. Кеит все еще не подыскала слов для объяснения с Яном и, поскольку тот держался отстраненно и даже отказывался смотреть в ее сторону, тоже не делала попыток сближения.

Не сумела Кеит примириться и с тесным соседством Ри. В начале путешествия она надеялась, что сумеет привыкнуть к его присутствию и близкое знакомство позволит ей ощутить если уж не пренебрежение к нему, то хотя бы безразличие. Однако снедавшее ее желание становилось лишь сильнее с каждым

днем, и усилия, которые ей приходилось затрачивать на создание магического экрана, чтобы хоть как-то ослабить воздействие на нее Ри, сперва удвоились, потом утроились, а затем и учетверились. Две полные Трансформации она провела в трюме, питаясь для возмещения энергетических потерь крысами; она велела Хасмалю запереть себя, ибо знала, что в облике Карнеи у нее не хватит силы воли выдержать присутствие Ри. Сперва она просто похудела, потом сделалась тощей; глаза ее ввалились, под ними залегли тени... словом, можно было сказать, что из зеркала в их каюте на нее теперь глядел призрак Джейти.

Наконец Хасмаль заявил:

— Так больше не может продолжаться. — Он сидел на койке, заново накладывая швы на свои сапоги. — Противясь ему, ты только убиваешь себя.

Но она лишь передернула плечами.

— Мы уже почти у берегов Иберы. Мы покинем корабль вместе с Зеркалом, и я никогда более не увижу Ри. А как только я окажусь вдалеке от него, мне станет легче.

Его пальцы искусно связали узел на жилке и принялись протаскивать иглу через отверстия, оставленные истлевшими нитками... жилка исчезала внутри сапога, как змея в крысиной норе.

— Хотелось бы, чтобы ты была права. Однако я не думаю, что расстояние ослабит соединяющую вас связь. Это магия, Кеит. Часть заклятия, куда более сильного, чем вы оба, и превышающего ваше разумение. И чары крепнут. Я впервые заметил их след еще до того, как он... ах да, *спас* нас. Прости, не нашел более подходящего слова. А теперь они связывают вас вместе словно веревка, доступная лишь зрению мага, такая толстая и прочная, что иногда мне действительно кажется, что я вижу ее собственными глазами.

— Веревку можно перерезать.

— Артерию тоже, но тот, кто делает это самому себе, умирает. И мне кажется, что эта штука скорее погубит тебя, но не отпустит.

— Никто не живет вечно. И я не могу забыть о собственной Семье, — негромко ответила Кеит. — Ри признал, что принимал участие в этой бойне, хотя, по его словам, был только вестником. Я не могу полностью довериться ему, а если бы и сумела это сделать, то какими словами пришлось бы мне объяснять духам убитых родичей причины, побудившие меня выбрать *подобного* спутника жизни? Разве имею я право обесчестить своих погибших родных любовью к Сабиру?

Хасмаль пожал плечами.

— Жизнь для живых, — сказал он. — Мертвые уже приняли свои решения и сказали свое слово при жизни. Теперь они умерли, а с ними умолкли и их языки, и их наказы.

Взглянув на него, Кеит приподняла бровь.

— Иберизм учит совсем другому.

— Ерунда! Иберизм — это государственная религия, созданная находящимися у власти людьми... теми, кто рассчитывает, что боги навечно сохранят власть за ними. Конечно, такое учение будет проповедовать, что усопшие предки могут влиять на твои поступки. Есть ли лучший способ противодействовать переменам и влиять на будущее из могилы?

Столь явная ересь на мгновение ошеломила Кеит и даже лишила дара речи. А потом она уткнулась лицом в ладони, пытаясь подавить припадок смеха.

— Ты прав, — сказала Кеит, взяв наконец себя в руки. — Клянусь всеми богами, ты прав. Мое семейство использовало Иберизм в качестве инструмента, а парнисс как собственные уста. Сабиры, Масшэнки, Доктииираки и Кэйрны поступали подобным же образом. Как бы мы ни ненавидели друг друга, все мы использовали Иберизм, и боги были благосклонны к Семействам — снова, снова и снова. Впрочем, за такие слова тебя выпороли бы на Площади Наказаний.

Напряженная ответная улыбка Хасмаля и боль, мелькнувшая на его лице и тут же упрятанная им, дали Кеит понять, что она невольно коснулась какой-то раны, однако спутник ее оборвал все расспросы, спешно заговорив:

— Ты права. Но раз тебе известна правда, прими ее. Используй в собственной жизни. Не терзай себя размышлениями о том, что подумают покойники. Не могу сказать, что я испытываю симпатию к Ри, но вы двое созданы друг для друга. Это действительно так, Кеит.

Прикоснувшись к его груди, Кеит наклонилась, чтобы заглянуть в опущенные глаза Хасмаля.

— Значит, ты нас сватаешь? Ты? Выходит, в этой груди тоже бьется сердце? А я думала, что плотские страсти тебя не волнуют!

Он усмехнулся.

— Почему ты так решила? Потому что я не увлекся тобой?

— Возможно. Обычно бывает иначе. — Она пожала плечами. — Проклятие Карнеи, как тебе известно, притягивает ко мне людей.

— Да, я знаю. Я вижу, какое воздействие ты оказываешь на мужчин на этом корабле. Видел я и отношение к тебе людей «Кречета». Ри также наделен этой неотразимой привлекательностью... его друзья навеки останутся его друзьями, а женщины будут стаей кружить возле него — как чайки над рыбацким уловом. — Он улыбнулся. — Я часто пытался представить, как это бывает... ну, когда ты можешь добиться любой женщины, только заговорив с ней о любви.

— Когда знаешь, что они хотят отнюдь не *тебя*, очарование своим положением быстро пропадает.

— Наверное, ты права. Хотя, если бы кто-нибудь предоставил мне шанс стать таким, как ты и Ри, думаю, у меня не хватило бы мужества отказаться. Потом, твои чары не действуют на меня. Экран защищает меня от них; вот почему мы можем оставаться с тобой добрыми друзьями! Ты не можешь соблазнить меня... — Он сделал паузу и проказливо улыбнулся. — И ты не привлекаешь меня. Я предпочитаю другой тип. Ты слишком молода, в тебе много неопределенности и... пожалуйста, не обижайся... ты слишком неотшлифованна.

Кеит фыркнула.

— Даже так? Неотшлифована? Ты задеваешь меня. Но теперь я заинтригована. И какой же тип женщин ты предпочитаешь? Наверное, ты отдал свое сердце какой-нибудь крошечной и нежной девчонке, хрупкой, с птичьими косточками, и робкой?

— Слава Водору Имришу за то, что он не назначил тебя подыскивать мне невесту. Нет, мой выбор всегда падал на... э-э... так сказать, *интересных* женщин. Спасаясь бегством из Халлеса... пытаясь убежать от тебя, я встретил ту, которую мог бы любить вечно. Она... словом, ее люди выкупили меня у разбойников, которые ограбили меня и уже собирались повесить. Гиру решили продать меня в рабство, но тут появилась она. Как и я, она принадлежит к Соколам. Великолепная Особа. На несколько лет старше меня. Длинные рыжие волосы. Фантастические волосы. Прямая красивая спина. Она... э... — Хасмаль покраснел и в голосе его послышались ласковые нотки, — любила кусаться. Клянусь богами, я отдал бы весь этот мир, чтобы вновь оказаться с нею.

— Любила кусаться? — Кеит была заинтересована. — Подобные вещи сложно объяснить собственной мамочке.

— Должно быть, именно поэтому мужчины не рассказывают матерям о своей половой жизни. — Хасмаль уставился в пространство печальными глазами. — В вопросах любви для Аларисты не было никаких секретов.

Кеит фыркнула.

— Для кошки их тоже нет, но это отнюдь не делает ее идеальным партнером.

Откинувшись назад, Хасмаль опустил сапог на палубу и, поглядев Кеит в глаза, проговорил ровным голосом:

— Когда перестанешь убивать себя, пытаясь отказаться от единственного в мире человека, которого способна полюбить, тогда и будем обсуждать мои романтические привязанности. Ну а я тем временем сам разберусь, кто мне подходит, а кто нет.

* * *

Ри расхаживал по палубе в обществе Трева.

— Наш маршрут тревожит меня, — проговорил Трев.

— Почему? Он самый безопасный в это время года. Почти все пираты сидят в портах Манарканского побережья, ожидая окончания штормов, а чем ближе мы подойдем к берегу, тем ближе окажутся гавани, в которых можно укрыться от шквалов.

— Должен сказать тебе, что мы с Янфом проверили предзнаменования — так, как ты нас учил. И мы видели знаки, которые позволяют считать, что нам не следует даже приближаться к Калимекке. Опасно заходить и на Гофт.

Ри в изумлении посмотрел на друга. Он научил своих приятелей нескольким простым и безопасным магическим приемам, однако не подумал о том, что они могут заняться ворожбой без его присмотра. Но в самом деле — путь в открытом море после Тысячи Плясунов опасен, однако это может уберечь друзей от Калимекки и Гофта. И избавить от соблазна послать весточку родным. Своим семьям, которые, возможно, уже перебиты.

— Но ведь мы предполагали идти к Калимекке, — напомнил он.

— Я... мы... все мы считаем, что тебе не следует пытаться захватить Кеит вместе с ее трофеем при высадке. Мы полагаем, что всем нам придется отправиться туда, куда хочет она. В Брельст. Или даже еще дальше на юг. Знамения указывают в ту сторону.

Ри был потрясен. Неужели вы не хотите увидеть своих родных, хотелось спросить ему. Однако он промолчал: слишком велики были шансы на то, что их близкие уже мертвы.

— У меня была причина, побуждавшая к возвращению в Калимекку, — признал он, не поднимая глаз. Он даже подумать не мог о том, чтобы рассказать другу все, что следовало, глядя ему прямо в глаза.

Трев ждал. Молча ждал. И наконец произнес:

— Последнее время ты держишься весьма отстраненно, и я подумал, что у тебя завелась какая-то тайна.

И не одна, подумал Ри.

— Я хотел отвезти Зеркало на Поле Горшечника, что находится сразу за Южной Стеной. Там похоронен мой брат... его звали Каделлом. Ты не был с ним знаком. Дух его явился ко мне в ту ночь, когда мы покидали Калимекку. Он умер, когда я был еще мальчишкой. — Ри прикоснулся к медальону на своей груди — посмертному дару старшего брата. — Он был моим кумиром и другом... и Карнёем, как и я сам. В тот день его поймали в зверином обличье на улицах нашего города. Я до сих пор считаю, что брата предали мои кузены Криспин, Анвин и Эндрю. Каделла захватила городская стража. Его приволокли на Площадь. Наказаний и публично пытали. Он не

выдал своей Семьи; он вообще ничего не сказал. Поэтому парнисса изрек скорый приговор и приказал четвертовать его. Если бы он признался, не сомневаюсь — отца, мать и меня с сестрами ждала бы верная смерть. Однако никто не мог признать Каделла, а на нем самом не было ни одного украшения или герба, которые могли бы выдать Семью...

Ри снова взял в руку медальон, чувствуя, как в горле набухает комок.

— Эту вещицу он оставил у матери, как делал всякий раз перед Трансформацией. Она знала, что, если с ним случится непоправимое, она должна будет передать медальон мне.

Ри проглотил комок, а Трев опустил руку ему на плечо.

— Можешь не рассказывать дальше...

— Могу. Но если я не выговорюсь, то, наверное, сойду с ума. — Глубоко вздохнув, Ри продолжил: — А потом дух его явился ко мне в моей комнате — в ту ночь, когда мы отплыли из Калимекки. Он назвал мне имя Кеит и сказал, что она разыскивает Зеркало Душ. Потом он сказал мне, что, если я сумею взять Зеркало у Кеит и отнести к его могиле — она ничем не отмечена, но я знаю, где искать ее, — я сумею вернуть его к жизни. Воскресить его из мертвых.

Стиснув кулаки, Ри заставил себя высушить слезы, уже готовые пролиться.

— Я мог бы оживить своего брата.

Трев молчал так долго, что Ри наконец взглянул на него. И с удивлением увидел, что взор его друга устремлен на море, а на щеках его блестит влага.

— Трев?..

— Со мной все в порядке, — ответил тот. — Я не знал о твоем брате. Вообще не представлял, что у тебя был кто-то, кроме двух сестер, с которыми, как мне известно, ты не поддерживаешь близких отношений. Я... не знал о твоей утрате.

Ри негромко ответил:

— Словом, дело в том, что, если я вернусь в Калимекку с Зеркалом, утраченное вернется. Время... конечно же, с той поры много воды утекло. Теперь он будет... — Сделав паузу, Ри качнул головой, удивляясь собственным мыслям. — Теперь он будет скорее моим младшим братом, чем старшим. Когда Каделл погиб, ему было двадцать.

— Наверное, он был очень мужественным человеком, если так и не назвал себя.

— Самым лучшим и отважным среди всех, кого я знал.

Трев заговорил тихим голосом:

— Вот что, Ри, я хочу сказать тебе одну неприятную вещь. Я должен сказать это потому, что считаю себя твоим другом, невзирая на то, захочешь ли ты считаться с моим мнением или нет. Есть такая старинная поговорка, которая сейчас вспомнилась мне, и я не могу прогнать ее, хотя у меня тоже есть сестры, которые мне дороже всего на свете, и я вполне могу поставить себя на твое место и понять, что именно ты чувствуешь.

Ри ждал продолжения.

— Звучит она так: *Пусть мертвые останутся мертвыми.* Я понимаю, что тебе хотелось бы снова увидеть брата, но что-то в этой затее пугает меня. Я не могу сказать, что именно, не могу ткнуть пальцем и заявить: вот в чем загвоздка, но все мое нутро говорит мне — здесь что-то не так.

Он повернулся к Ри и посмотрел на него снизу вверх.

— Я твой друг. Я помогу тебе во всем, что в моих силах, сделаю для тебя все, что угодно... умру, если понадобится. Но прошу тебя, Ри, ради меня, подумай о моих словах. Я не знаю, почему это настолько важно, но не сомневаюсь в своей правоте. Пусть мертвые останутся мертвыми.

Ри смотрел на волны, вздымавшиеся за бортом. С каждым мгновением, каждой стоянкой, с каждым днем Калимекка — а с нею и Каделл — становились все ближе... Когда Зеркало окажется у Возрожденного, о котором говорила ему Кеит, возможность заново обрести погибшего брата исчезнет навсегда. А значит, шансом необходимо воспользоваться. Призрачный голос Каделла по-прежнему время от времени напоминал о себе, умоляя вызволить его из этой заброшенной могилы.

А тайный враг все следил за Ри в его снах.

Ум его твердил: *Только трус оставит в могиле своего брата.* Но нутро говорило: *Пусть мертвые останутся мертвыми.*

Ри повернулся к Треву. Любопытно узнать, что бы сказал Трев, если бы догадывался, что сестер его может уже не быть на свете, подумал Ри. Повторил бы он это, зная, что с помощью Зеркала может оживить их? Наверное, нет.

Впрочем, это умозаключение ничего не меняло. Знамения показывали, что он должен избегать Калимекки. Кеит говорила, что в этом городе их обоих подкарауливает опасность. Инстинкт требовал, чтобы корабль повернул на юг как можно скорее. *И желания* его, по всей видимости, не имели никакого отношения к тому, что *следовало* сделать.

Обеими руками схватив медные поручни, он скрипнул зубами, а потом сказал:

— Я велю капитану, чтобы держал корабль на глубоководье.

* * *

Капитан только пожал плечами:

— Нам незачем заходить за припасами в Гофт; пока нам ничего не нужно. И у Тысячи Плясунов можно повернуть к югу пораньше и отойти дальше от берега. Если ты действительно хочешь отвезти девушку и ее спутников в Брельст, а не в Гласверри Хала, я выполню твою просьбу. Загрузим припасы в другом месте, и все будет в порядке. Но прямо сейчас поворачивать к югу нельзя. Посмотри на горизонт.

Ри повернулся, куда указывал капитан. Тусклая зеленоватая дымка стерла границу между морем и небом.

— Что это?

— Там собирается шторм. Уровень ртути в склянке падает... Мы легко обойдем бурю, если будем по-прежнему двигаться на запад. Я не собираюсь нестись навстречу ей на всех парусах.

Ри вздохнул. Пусть он и принадлежит к Семейству, однако капитан есть капитан... на своем корабле он властен как параглез, отвечает лишь перед своим богом Тонном и не слушает ничьих приказов. И если он не захочет поворачивать корабль, его нельзя будет ни уговорить, ни улестить, ни заставить.

А Ри не был дураком, чтобы предпринимать заведомо бесполезную попытку.

— Ну, хорошо. Тогда держись как можно дальше от Гофта и Калимекки и веди нас в Брельст — самым коротким путем.

Склонив голову, капитан задумчиво пригладил заплетенный в косичку и украшенный бусинами ус и спросил:

— Хочешь избежать какой-то опасности?

— Всего лишь не хочу испытать на собственной шкуре то, что вызвало появление недобрых предзнаменований.

— Разумная причина, — согласился капитан.

Приходилось ограничиваться лишь этим неопределенным ответом и надеяться, что это достаточное основание для изменения маршрута.

Глава 17

Шторм бушевал два дня, и безумная, визжащая ярость его вынудила их бросить якорь с подветренной стороны одного из крохотных островков, из которых складывалась цепь Тысячи Плясунов. Утихла же буря как-то вдруг, неожиданно для всех, оставив после себя прозрачное, словно хрусталь, небо, лег-

кий прохладный ветерок и гладкую поверхность моря. Кеит стояла у правого борта «Сокровища ветра», разглядывая проплывавшие мимо острова.

Ри присоединился к ней, и поскольку у нее не нашлось подходящего предлога, чтобы уйти, а также потому, что на палубе было много людей, Кеит осталась на месте.

Он сказал:

— Это всего лишь начало Тысячи Плясунов, цепь островов тянется до самого Гофта, но капитан обещает повернуть на юг, не приближаясь к нему. Видишь остров с высокой горой, над которой курится дымок?

Кеит кивнула:

— Это Фалея. До того как Ибера заявила свои претензии на эти острова, она считалась дочерью одной из местных богинь. В наказание за какой-то грех ее низвергли на землю и обрекли вечно гореть изнутри. Кажется, за то, что Фалея соблазнила любовника другой богини.

Кеит поглядела на воду, вдруг ощутив дурноту — словно бы корабль вдруг снова оказался во власти штормовых волн.

— И сколько мы еще будем идти вперед, прежде чем повернем на юг?

Ри как будто бы не заметил разочарования, прозвучавшего в ее голосе.

— Капитан сказал, что если ветер не переменится, то мы достигнем Меррабрака к исходу завтрашнего дня. Там удобнее всего поворачивать на юг.

Завтра к вечеру. Кеит даже не догадывалась, насколько приблизились они к Гофту. И к Калимекке. И к опасности, что отравляла ее сны.

Завтра, достигнув точки поворота на юг, они начнут увеличивать расстояние между собой и безликой опасностью, ожидающей их в Калимекке, и у нее перестанет ныть под ложечкой. Быть может, она вновь будет спокойно спать по ночам, без этого тревожного чувства, что кто-то смотрит ее глазами на Ри.

Вздохнув, она оперлась на поручень и принялась разглядывать острова. Повернувшись лицом навстречу ветру, Кеит попыталась определить, что было там, впереди. И в тот же миг она заметила аэрибли.

На западе, над горизонтом маячили два белесых кружка. Если бы они двигались с севера на юг, она увидела бы два эллипсоида. Но так как аппараты имели круглые очертания, значит, они летели курсом, параллельным направлению «Сокровища ветра».

Сердце Кеит екнуло, дыхание на миг прервалось. Аэрибли. Аппараты эти являлись знаком Галвеев, эти внушитель-

ные плавучие воздушные корабли были усердно и старательно возрождены ее Семейством по чертежам, оставленным Древними.

Она сама поднималась в воздух на таких кораблях, сама пилотировала их, была знакома со многими из служивших ее Семейству пилотов и даже дружила с одним из них. Кеит с печалью подумала о Эйоуюэле, теперь, без сомнений, мертвом.

А как сложились судьбы других известных ей пилотов? Уцелел ли семейный воздушный Флот?

Очертания аэриблей увеличивались в размерах, и это означало, что они летят на восток и приближаются к ним.

Глядя на них, Кеит прикусила губу. Что стало с флотом аэриблей после падения Дома Галвеев? Захватили ли его Сабиры или же другие ветви Семейства сумели отстоять его? И кто же находится сейчас на борту обоих громадных воздушных кораблей? Друзья или враги?

Аэрибли редко отправлялись на восток от побережья Иберы. И Кеит никогда не слышала о том, чтобы они когда-либо пролетали над Тысячью Плясунов: до Колоний в Манаркасе легче всего было добраться, направившись прямо на север через Дельвианское море, и лишь безумец рискнул бы пересечь на аэрибле Брежианский океан, чтобы достичь таким образом колоний Галвеев в Северной Новтерре. Аппараты эти все-таки не были достаточно надежными.

Но тогда что же делают два воздушных корабля здесь, у самых крайних островов из цепи Тысячи Плясунов, на краю цивилизованного мира?

Нервы Кеит не выдерживали этого зрелища, по спине пробежал холодок страха.

— Ри, — проговорила она. — Видишь их?

Взглянув в указанном направлении, Ри замер в неподвижности. Отвечать он не стал. Не было необходимости.

Кеит уже различала гондолы, укрепленные под огромными обтекаемыми баллонами, и причальные веревки, паучьими ножками свисающие вниз.

— Они не должны залетать так далеко. Им вообще нечего тут делать, — объяснила она.

— Я знаю. Однако им нужно пролететь еще несколько лиг, прежде чем они окажутся над нами.

Ян, стоявший у противоположного борта вместе с Хасмалем, тоже заметил воздушные корабли. Он прищурился и после недолгих раздумий, хмурясь, приблизился к ним.

— Это аэрибли? — спросил он.

Вот что значит преимущество, предоставляемое зрением Карнеи: Кеит давно и во всех подробностях успела разглядеть оба летательных аппарата.

— Да.

Ян кивнул.

— Они опасны?

— Не знаю. — Ри поглядел на Кеит, между бровей его залегла складка озабоченности. — Они летят прямо на нас. Если это случайность, мы можем просто уйти в сторону, но тогда мы потеряем несколько часов, прежде чем подойдем к Меррабраку. Если же они направляются именно к нам и если мы не станем увертываться, то они добьются своей цели без особой драки.

Ян прикрыл глаза, углубившись в свои мысли. Застыв на месте, он скрестил руки на груди и стоял, покачиваясь вместе с кораблем. Наконец он глубоко вздохнул, расправил плечи и открыл глаза. Кеит поняла, что он пришел к какому-то решению; гнев, не отпускавший его с того самого мгновения, когда она приняла условия капитана судна Сабиров, либо совсем оставил его, либо затаился в глубинах его души, напряженное выражение ушло с его лица. Ян заговорил:

— Если мы повернем на юг прямо сейчас, то попадем в зону глубоководного течения. В это время года оно доходит до самого континента. Нужно будет добраться до Меррабрака прежде, чем нас захватит шельфовое противотечение. Если бы только можно было перенестись на несколько месяцев вперед... — Он пожал плечами. — Но это невозможно. Если попытаться свернуть на юг прямо сейчас, мы просто не сможем сдвинуться с места, и воздушные корабли неминуемо поравняются с нами. Но если аэрибли не заинтересуются нами — а почему, собственно, они должны это делать, — тогда все маневры окажутся напрасными, и, потратив уйму сил и времени, мы окажемся прямо на пути штормов — сейчас самое их время.

Ри и Ян смотрели на Кеит. Ри сказал:

— Твоя Семья — твои кошмары. Решать тебе.

Кеит раздумывала всего лишь один миг.

— Нам нужно спрятаться от аэриблей.

Ри оставил их, не сказав больше ни слова. И вскоре матросы уже карабкались по вантам, ставя дополнительные паруса, а капитан повернул штурвал, направляя судно прямо на север — в самое сердце Тысячи Плясунов.

Кеит, Ян и Ри вновь сошлись вместе у борта, чтобы следить за аэриблями. Затем к ним присоединился и Хасмаль.

Все четверо молчали, ожидая и наблюдая. Аэрибли не отклонялись от курса... они быстро и величественно двигались на восток.

— Скоро мы уйдем с их пути, — заметил Ри, — обогнем несколько островов, а когда они пролетят дальше, вернем-

ся на прежний курс. Конечно, капитан не в восторге, но, как и ты сама, он не может припомнить, чтобы аэрибли залетали так далеко на восток.

— Спасибо, — поблагодарила его Кеит. Она прислонилась к борту, ибо ноги ее вдруг ослабели. От облегчения. Ее не настигнет та судьба, о которой предупреждал Хасмаль. Быть может, она выживет в этой переделке, передаст Соландеру Зеркало Душ, а потом...

А потом найдет уцелевших родственников и начнет жизнь сначала.

Так стояли они долгое время, наблюдая за тем, как впереди вырастают острова, а приближающиеся по правому борту воздушные корабли становятся все больше и больше. Аэрибли сохраняли прежний курс; направляясь строго на восток, они не обращали никакого внимания на «Сокровище ветра».

Наконец Кеит выдохнула, лишь в этот миг осознав, что от напряжения сдерживала дыхание и с тех пор, как заметила над горизонтом эти белесые кругляки, ни разу не посмела вдохнуть полной грудью.

Хасмаль до сих пор хранил молчание. Но в этот момент Кеит услышала его шепот:

— Так я и думал.

В его голосе сквозило явственное разочарование. Кеит посмотрела на юго-запад.

Оба аэрибля поворачивали. На северо-восток. Ложились на курс, позволявший им перехватить «Сокровище ветра».

— Итак, мы испугались не собственной тени, — прошептала Кеит.

— Ах, Бретван, — пробормотал Ри, а Хасмаль одновременно с ним взмолился:

— Водор Имриш, помоги нам.

Ри повернулся к Кеит.

— Что тебе известно об этих кораблях? Может быть, ты что-нибудь знаешь о том, как можно избежать худшего? Скажи, чего нам ждать?

— Я узнаю их обоих, — ответила Кеит. — Это Большие Корабли нашей Семьи. «Галвейский Орел» и «Сердце Огня». Каждый из них вмещает пятьдесят солдат в полном снаряжении и управляется капитаном, первым помощником и еще восемью членами экипажа. Возможно, я знакома и с капитанами, и с экипажами этих кораблей... во всяком случае, я знала всех, кто служил на аэриблях до нападения Сабиров на наш Дом. В любом случае эти аппараты оснащены огнеметами и скорострелами. Еще у них есть камни в балласте, которые можно бросать вниз. Они могут напасть на нас с высоты, недостижимой для катапульт морских су-

дов... напасть и уничтожить. — Кеит перевела взгляд на один из островов, где зонтичные деревья спускались к самой воде, образуя над водою полог из ветвей.

— Среди деревьев они бы нас не достали... — Кеит указала на остров рукой. Но затем, оглядев корабль, все три его мачты, паруса и целый лес такелажной оснастки, она с разочарованием подытожила: — Если мы зайдем в эту бухту, нам наверняка удастся спастись. Только аэрибли нам все равно не обогнать.

— Ты многое знаешь о них, — заметил Хасмаль. Кеит кивнула, не сводя глаз с приближающихся аппаратов. — Я летала на маленьких аэриблях. И мы не сумеем противостоять им. Они сделают с нами все, что захотят.

Ри сухо и озабоченно усмехнулся:

— Так что же нам делать?

Аэрибль движется в три раза быстрее корабля, бегущего на всех парусах при попутном ветре. А их судно к тому же находилось сейчас не в открытом море, а среди островов, где легко можно было сесть на мель.

— Будем умирать, — вздохнула Кеит. — Но постараемся как можно дольше затянуть этот процесс. Лучше всего было бы укрыться под деревьями и вынудить их напасть на нас с борта... Тогда они могут оказаться в пределах досягаемости катапульт, и мы сумеем нанести ответные удары. Можно было бы стрелять по баллонам зажигательными стрелами, но они обработаны специальным составом и не горят. Я полагаю, что им известно о Зеркале Душ. Поэтому они не станут топить нас, чтобы не лишиться возможности завладеть им.

Все это время она не сводила взгляда с аэриблей, но теперь повернулась к Ри.

— Еще я полагаю, что, захватив Зеркало, они убьют нас, и поэтому все, что мы можем сделать, необходимо предпринять до того, как они окажутся на борту. Когда это произойдет, нам уже ничто не поможет.

Ри поспешил к капитану. И вскоре корабль изменил курс, направившись к выбранному Кеит острову.

Хасмаль вновь оказался рядом с ней.

— Кеит, скажи, крепкий ветер им помешает?

— Вполне возможно.

— Что ж. Вполне *возможно*, что я сумею вызвать ветер. Как сделал на «Кречете», когда мы плыли через Круг Чародеев. Возможно, но не наверняка.

Кеит обернулась к нему, ощутив внезапный прилив надежды.

— А я и забыла об этом.

— Да. Тогда я предложил собственную кровь, плоть, жизнь и душу за возможность выйти из Круга Колдунов, и Водор Имриш вывел нас. Но теперь это сложнее. Я могу пожертвовать кровь, но жизнь моя и душа и так уже принадлежат богу. Поэтому он может решить, что я по уши увяз в долгах, и просто предпочтет забрать свое, а не увеличивать цену, причитающуюся ему с меня. Что еще я могу предложить ему?

Кеит, хмурясь, задумалась.

— Не знаю. Это твой бог. А что он любит?

— В основном он любит пребывать в одиночестве.

— Тогда, по-моему, нам остается надеяться лишь на то, что он симпатизирует тебе. — Она прикоснулась к руке Хасмаля. — Ты призовешь его?

— Попытаюсь, — ответил Хасмаль.

— Я пойду с тобой. В прошлый раз ты принес в жертву едва ли не всю свою кровь. И я очень удивилась тому, что ты вообще остался жив.

— Я еще нужен Водору Имришу.

Аэрибли подлетали все ближе, и «Сокровищу ветра» следовало поторопиться к нависавшему над водой спасительному пологу зонтичных деревьев.

— Будем надеяться на это, — бросила Кеит Хасмалю уже на бегу, направляясь к его каюте.

Глава 18

Ри глядел на приближавшиеся аэрибли, пытаясь придумать какой-либо способ помешать им напасть на них. Корабли действительно принадлежали Галвеям, и он ощущал на них печать, оставленную магами этого Семейства... однако к ней примешивались и чары Сабиров. И смесь эта отдавала скверной... от нее пахло мерзостью. Какого рода альянс успел возникнуть в его отсутствие... и почему от воздушных судов припахивает Адской Тройкой? Он буквально ощущал приложенную к этому руку своих двоюродных братьев Криспина и Анвина вместе с их кузеном Эндрю... их почерк ядом окутывал чары.

Итак, им известно, что он находится на «Сокровище ветра». Быть может, один из них и был тем самым тайным наблюдателем, что докучал Кеит в ее снах.

Собрав своих лейтенантов, помогавших экипажу, он сказал:

— Там, над нами, есть Волки. Сабиры вместе с Галвеями, и мы должны защитить корабль от нападения. Все идите в носовую часть судна.

Ян Дракле слишком долго был капитаном корабля, чтобы уклониться от участия в боевых действиях; и то, что его «Кречета» у него украли, а сам он оказался практически в положении пленника на судне, нанятом сводным братом, теперь не имело никакого значения. Ян умел драться, умел выживать и рассчитывал уцелеть и в этом столкновении.

Вместе с другими он укреплял щиты возле катапульт, а когда с этим было покончено, присоединился к капитану Смеруэлю, находившемуся на своем месте, у штурвала.

— Скоро они окажутся над нами, — заметил Ян. — Мы не успеем укрыться под деревьями до того, как они начнут атаку.

— Я вижу это, — спокойно ответил рофетианин. — Разве ты не можешь найти себе дело вместо того, чтобы сообщать мне очевидные вещи?

Ян сдержал раздражение. На грот-мачте корабля Смеруэля вился флаг Сабиров, и полотнище это способно было отпугнуть многих врагов, удержав их от нападения. Известная всем мстительность Сабиров защищала их корабли не хуже сопроводительной эскадры. Но сейчас все складывалось иначе. Ян, которому за годы плаваний на «Кречете» приходилось и нападать, и защищаться, полагал, что имеет больший опыт участия в сражениях, чем капитан «Сокровища ветра».

Он продолжил:

— Скорее всего сначала они пустят в ход горящую смолу. Но если ты прикажешь своим людям наполнить ведерки забортной водой и намочить парусину, мы сумеем погасить пожар еще в зародыше.

Капитан искоса поглядел на него.

— Решил перейти на нашу сторону?

— Просто предпочитаю остаться в живых.

— Я тоже. — Смеруэль крикнул матросам: — Ты... ты и ты... наполните ведра морской водой. Ты и ты... вниз к запасным парусам, намочите все. Приготовьте их для тушения пожара. Пусть все будут готовы бежать к ведрам.

Ян и капитан одновременно следили за аэриблями. Те уже закрывали едва не половину неба. Один из них пристроился позади другого, должно быть, для того, чтобы сменить первый, после того как тот окатит их корабль градом стрел и огненным дождем.

— Если у тебя найдутся другие идеи, я буду рад услышать их прямо сейчас, — предложил Смеруэль.

— Нет, сперва надо посмотреть, что они будут делать. — «Сокровищу ветра» не приходилось надеяться на победу. И сам Ян считал, что у него лично не слишком много шансов сохранить жизнь. Однако он желал доставить как можно больше неприятностей этим сукиным детям, приближавшимся сейчас к ним.

— Они окажутся прямо над нашими головами уже через мгновение, — сказал он.

— Ага. — Капитан оглядел корабль, состроив недовольную гримасу. — Лучше лезь под щит.

Зафиксировав штурвал, он крикнул:

— Все в укрытие!

И матросы хлынули в люки и под щиты — словно бросился врассыпную почуявший акулу косяк рыбешек. Ян с капитаном укрылись последними. Выглянув из-под края щита, Ян наблюдал за первым из аэриблей. Еще миг и... Он приготовился увидеть струю горящей смолы, которая в любое мгновение могла хлынуть из люка в дне гондолы, или услышать, как град камней забарабанит по палубе «Сокровища ветра».

Аэрибль непринужденно скользил над кораблем, но ничего не происходило.

Пристроившийся рядом с Яном матрос буркнул:

— Вот скажи мне теперь, зачем мы тут бегали и суетились, если они вовсе не интересуются нами?

Кто-то расхохотался, послышались и еще смешки. Тем не менее никто не высовывался из-под щитов, памятуя об осторожности. Однако и второй аэрибль проплыл мимо, демонстрируя полное безразличие, и тогда громкий общий хохот разнесся по всему кораблю.

Выбравшись из-под щитов, матросы начали расходиться по своим местам, а капитан проворчал:

— Я же говорил ему, что аэрибли залетели сюда случайно.

И направился к рулю.

Ян чувствовал себя полным идиотом, но не сомневался в том, что Кеит сейчас еще хуже, чем ему, — ведь это именно она объявила аэрибли опасными. Так она и есть дура. Сумасшедшая уродина, по сути дела, и не человек даже.

Он хотел изгнать из своего сердца любовь к ней. Он мечтал вообще забыть о Кеит.

Первый аэрибль уже подлетел к острову, к которому направлялся и их корабль. Воздушный аппарат изменил скорость и повис над пологом ветвей, где полагал укрыть свое судно Смеруэль. В задней части гондолы открылись люки, и вниз хлынула темная жидкость. Поток рассеивался в пыль, превращаясь в зеленоватое облако, целиком окутавшее деревья... итак, они вос-

пользовались не смолой, а чем-то другим. Оставалось только гадать, чем именно и каков окажется результат.

Поток жидкости внезапно иссяк, и мгновение спустя горящая стрела, порхнувшая в сторону деревьев от передней части гондолы, разрешила все возникшие вопросы. Казалось, вспыхнул и сам воздух, огонь начал распространяться быстрее, чем мог предположить Ян. Лес вспыхнул буквально в мгновение, а с ним вместе исчезла и надежда на укрытие.

Сукины дети. Грязные ублюдки. Они не стали нападать, но сначала отрезали «Сокровищу ветра» путь к спасению.

— Поворачиваем! — завопил капитан. — Поднять брамселя и марсели! Все по местам! Живей, иначе все погибнем!

Зарываясь носом в волну, корабль забрал вправо, поворачивая в обратную сторону. Матросы на реях с отчаянной скоростью ставили паруса, и мгновение назад провисавшие полотнища вдруг наполнились ветром, которого только что не было. Крепким ветром.

Боги свидетели: ветер не мог начаться в более удачный момент. Ян взглянул на аэрибли — их заметно трепало. Один сносило вбок; ветер с яростью вгрызался в оболочку гигантских баллонов, в одном месте вдавившуюся словно от удара огромного невидимого кулака. Матросы радостно завопили, и Ян закричал вместе со всеми. Второй аэрибль сумел развернуться по направлению ветра, но внезапный порыв унес его далеко в сторону. Мгновенно оценив ситуацию, Смеруэль отдал новый приказ.

— Паруса долой: отдать якоря! — крикнул он, и паруса исчезли столь же быстро, как и появились. Якоря ушли на дно пролива, и в следующее мгновение корабль натянул цепи, сопротивляясь набегающим волнам. Аэрибли тем временем уносило прочь.

Высыпавший на палубу экипаж с восторгом демонстрировал свое пренебрежение к воздушным кораблям, радовался фантастической удаче... как вдруг на борту гондолы одного из аэриблей вспыхнул зеленый огонь, воздух прочертила ослепительная дуга, и в палубу «Сокровища ветра» ударило нечто. Зеленой призрачной хризантемой яростно вспыхнул огонь. Он моментально поглотил грот-мачту и матросов на реях, капитана вместе со штурвалом, а с ними и идеально ровный, словно очерченный циркулем фрагмент палубы. Объятые им люди перестали существовать, не успев даже вскрикнуть. Огонь этот не распространялся, но и не утихал и не оставлял тлеющих угольков. Он просто исчез — столь же быстро, как и вспыхнул. Матросы же были слишком ошеломлены, чтобы предпринимать какие-либо действия. Ян не отрывал взгляда от аэриблей, и новая вспышка известила его о том, что к кораблю пущен второй огненный запал.

— В укрытие! — завопил он. — В укрытие! Вниз!

Матросы в спешке прыгали со снастей и, оглушенные падением, оставались лежать на палубе. Другие, более ловкие или же более удачливые, перепрыгивая через товарищей, мчались к люкам, и в это мгновение на корабль обрушился новый зеленый шар. Проследив за его траекторией, Ян заранее определил, что огонь поразит фок-мачту; он бросился на корму и оказался в укрытии вовремя, чтобы увидеть, как в один миг исчезли в пламени фок-мачта, передняя палубная надстройка, паруса, снасти и как огонь обрисовал еще один ровный круг. Ветер тем временем не ослабевал, и следующий огненный шар, выпущенный из аэрибля, угодил в море, не долетев до цели.

Корпус корабля оставался целым. По милости... или же по умыслу нападавших. Пробив палубу насквозь, они могли бы повредить или уничтожить своим зеленым огнем тот предмет, ради которого — Ян в этом не сомневался — они явились сюда, а именно Зеркало Душ. Пойти на это они не могли. И потому попросту вывели корабль из строя.

Однако не могли они также предусмотреть этот ветер... этот внезапный буйный и благодетельный ветер. Аэрибли уже унесло за пределы действия их орудия, посылающего огонь, более того, теперь они маячили где-то у самого горизонта. Действительно, адский ветер. Ян готов был завопить от радости — спасение в подобной передряге, безусловно, заслуживало ликования. Однако уцелевшим предстояло крепко потрудиться. Корабль превратился в развалину. Возможно, они сумеют добраться до ближайшей гавани, пользуясь парусами бизани и блинда-стеньги, однако для этого нужно будет поставить бушприт вертикально. Они потеряли все паруса, кроме крюйселей, все кливера и даже бом-блинд... и еще надо будет прикрепить рукоять к рулю, потому что штурвал тоже растворился в огне. Тем не менее, имея достаточно времени, Ян мог бы привести корабль в безопасное место — в этом он был уверен. Но все это при условии, что ветер останется попутным, а в небе над ними больше не появятся аэрибли.

Внезапно на Яна накатила волна дурноты. Она явно пришла откуда-то извне, а когда отхлынула, он почувствовал, что лишился всех сил и что его тошнит, тогда как буквально несколько мгновений назад ничего подобного не было.

Однако не успел он приноровиться к этой странной хвори, как ветер вдруг стих... словно неведомому великану надоело дуть, забавляясь с игрушками. Ян взмолился богам, прося у них, чтобы наступивший штиль стал только краткой паузой между двумя порывами, но прямо на глазах у него зыбь в проливе улеглась, и все вокруг словно затянулось стеклянной гладью. Корабль перестал натягивать якорные цепи. Воздух затаился, словно выжидая чего-то. Где-то вдалеке казавшиеся теперь мелкими

рыбешками аэрибли плавно развернулись и неторопливо направились назад к «Сокровищу ветра».

Схватка оказалась проигранной. После гибели капитана и его старшего помощника — последнего также нигде не было видно — Ян счел возможным принять на себя командование обреченным кораблем и закричал:

— Все на палубу! Все на палубу! Готовьтесь оставить корабль! Готовьтесь оставить корабль!

Матросы и все прочие хлынули из люков наверх — словно крысы из затопленного погреба. Выбравшиеся первыми моряки извлекли шлюпки из гнезд и с удивительной сноровкой спустили их за борт. Вслед за другими появилась и Кеит, буквально тащившая на себе закатившего глаза Хасмаля, — бледного, точно смерть, и в таком виде, словно он успел проиграть половину большой войны.

— Что случилось? — крикнула Кеит, волоча свою живую ношу к ближайшей из трех шлюпок. — Хасмаль принес жертву своему богу и вызвал ветер, унесший аэрибли. Мы вроде бы победили, и тут заклинание вдруг лопнуло как натянутая веревка. Оно хлестнуло по нему... я уже было подумала, что Хасмаль умрет у меня на руках.

Взглянув на Яна, она буркнула:

— Он по-прежнему недалек от смерти.

Остановившись, Ри посмотрел на нее.

— Так, значит, это вы вдвоем вызвали такой ветер? Ах, божьи яйца... мы поставили экран, чтобы он укрывал нас от чародейского огня. Но мы окружили им весь корабль целиком и поэтому нарушили ваше заклятие. Этот ветер показался нам естественным... я не почувствовал в нем никакой магии.

— Проклятые дураки.

Ри и его лейтенанты взяли одну из шлюпок и спустили ее на гладкую, словно стекло, воду.

— Забирайся сюда, — сказал он Кеит, — нам придется спешить.

Поглядев на труп, который друзья Ри собрались уже погрузить в лодку, Ян сказал:

— Своего покойника оставьте здесь. Запах смерти привлечет к шлюпке горрахов прежде, чем мы успеем препоручить его душу богам.

Он не мог без содрогания смотреть на эти останки. Тело было рассечено напополам: правая часть головы, грудной клетки, правое плечо и внушительная часть правой ноги оказались аккуратно и бескровно удалены — поверхность раны покрывала корка, черная и блестящая.

Быстро рассмотрев эти подробности, Ян отвернулся, чтобы его не вывернуло наизнанку. Погиб Карил, кузен Ри, любивший играть на гуитарре и сочинять унылые песни. Когда оба они были детьми, Карил достаточно хорошо относился к Яну и не изменил своего прежнего обращения с ним и на корабле.

Впрочем, Ян испытывал лишь облегчение от того, что погиб Карил, а не он сам.

Кеит ответила:

— Я не могу. Возьми Хаса. Я вернусь вниз за Зеркалом Душ.

Ри схватил ее за руку.

— Они возвращаются. *Возвращаются.* И нужно им — кроме наших с тобой трупов — это самое Зеркало. Если мы возьмем его с собой, все необходимое им окажется в одной маленькой лодке. Нас они убьют, Зеркало возьмут себе... мы поднесем им его на блюдечке и с бантиком, как подарок на праздник Ганджа.

— Если мы оставим Зеркало здесь, они получат его гораздо быстрее.

Ри схватил Кеит в охапку и перебросил себе через плечо.

— У меня не меньше причин сохранить Зеркало при себе, чем у тебя. Но если мы возьмем его, они все равно получат этот предмет, только никто из нас в этом случае не выживет, чтобы отнять его у них.

Изогнувшись, Кеит уперлась ногой в живот Ри и выскользнула из его рук. Навзничь упав на палубу, она, однако, оказалась на ногах быстрее, чем это сделала бы кошка.

— Мы возьмем Зеркало. Прикроем его и себя экраном. Но я не уйду отсюда без него.

Оба они метали друг в друга яростные взоры.

— Мы принесем его, — предложил Ян. — Втроем. Но надо поторопиться.

Пока уцелевшие приятели Ри спускали потерявшего сознание Хасмаля в шлюпку и искали веревочную лестницу, Ян, Ри и Кеит бегом добрались до трюма и перерезали веревки, которыми Зеркало крепилось к переборкам. Затем Ян и Ри подняли его вверх по трапу, стараясь не коснуться гибкого луча света, струящегося по треножнику вверх, а также самоцветов на ободке «цветка». После этого Зеркало Душ обвязали веревкой и осторожно спустили в шлюпку. Наконец все трое оказались в лодке, воспользовавшись веревочной лестницей. Две другие шлюпки вместе со всем экипажем корабля уже отплыли.

Ян оттолкнул шлюпку от корпуса судна. Хасмаль лежал на дне между банками для гребцов, а Зеркало Душ покоилось рядом с ним. Лейтенанты Ри уже достали длинные, на двух человек, весла и вставили их в уключины. Ри, спустившийся в шлюпку

прежде Яна, занял место у руля; бросив короткий взгляд на брата, он принялся осматривать небо.

Ян был в шлюпке единственным моряком — он сразу же заметил неопытность своих спутников. Они оказались ввосьмером в лодке, вмещавшей двадцать человек; банки и весла были рассчитаны на двенадцать гребцов — по три весла с каждой стороны, — и товарищи Ри уже приготовили все шесть весел и уселись лицом вперед. Пустая скамья ожидала его самого.

Ян скомандовал:

— Пересядьте лицом в обратную сторону... гребут спиной, а не руками. И потом, весла рассчитаны на двоих... помилуй, Бретван... даже не знаю, как можно махать им в одиночку, да еще сидя лицом к носу шлюпки.

Он посмотрел в глаза Ри:

— Ты пересядешь за весло. А я буду у руля..

— Я уже сел здесь, и я знаю, как работает руль, — ответил Ри.

— За рулем буду сидеть я, потому что мне прекрасно известны эти острова, — твердо возразил Ян. — Я знаю, где можно укрыться. Знаю, где можно отыскать друзей. Я ходил под парусом в этих водах все те годы, что ты провел в своей крысиной дыре в доме нашего с тобой отца.

Ри оставался на месте, и Ян решил было, что им предстоит в драке определить место каждого. Однако Ри кивнул и пересел к веслу.

Взявшись за руль обеими руками, Ян сказал:

— Грести будете по-моему счету...

Кеит, сидевшая за средней парой гребцов, напомнила:

— Хасмаль мог наложить на нашу лодку заклятие, чтобы сделать нас невидимыми. Теперь на это нельзя рассчитывать... пока он находится в таком состоянии.

Глаза Хасмаля были открыты, но голова его безвольно перекатывалась из стороны в сторону, и он до сих пор не обнаруживал каких-либо признаков того, что осознает происходящее вокруг.

— Я не умею делать ничего такого, что может превратить нас в невидимок, — признался Ри. — Я могу только прикрыть нас плотной стеной от простого или магического снаряда... только я не знаю, на кого теперь направить *ревхах*. Там на корабле мы распределили его между всеми, кто находился на борту.

Ян, подобно большинству иберан, всю свою жизнь предполагал, что с магией давно покончено и запретное извращение это навсегда осталось в прошлом. Он не знал, что такое *ревхах*, и не хотел этого знать.

— Так вот почему нам всем было так тошно, — буркнула Кеит.

Она бросила на Ри сердитый взгляд, а Ян с отвращением припомнил тот приступ дурноты. Итак, *ревхах* — вещь не очень приятная. Логично.

Кеит продолжила:

— Я хотела сказать, что знаю это заклинание, хотя и не слишком хорошо. Если вы позволите, я постараюсь сделать всех нас невидимыми, только не могу обещать, что у меня получится.

Ян соображал лишь одно мгновение.

— Мы не сможем достичь укрытия прежде, чем нас заметят с аэрибля. В этой ситуации нам удастся уцелеть, только если они сперва погонятся за двумя другими шлюпками. Если ты способна хоть как-то увеличить наши шансы на выживание, тогда действуй.

Ри взглянул на Кеит через плечо.

— Я не владею *фархуллен*, но если ты скажешь, чем тебе помочь, я сделаю это.

— Мне нужен *пеф*... кровавая жертва. — Кеит подобралась к Хасмалю, взяла у него сумку, из которой извлекла деревянную чашу, изнутри выложенную серебром.

— Отдать можно лишь то, что принадлежит тебе самому, — сказала она, снова усаживаясь на свое место. — Хасмаль говорил мне, что Волки всегда извлекают магическую силу из жизней других людей или иных существ.

— Такова сущность магии, — кивнул Ри. — Забирая у себя, мы опустошаем собственные... — Он умолк, подчинившись резкому движению головы Кеит.

— Если сделать это, всем нам придется испытать на себе действие *ревхаха,* от которого несложно и погибнуть. У *фархуллен* нет отдачи — отчасти поэтому ты, Ри, не замечаешь ее... Однако мы избежим *ревхаха*, лишь если ты будешь делать все так, как я скажу. Дай мне лишь то, что принадлежит тебе самому. *Твою* кровь, *твою* волю, *твою* жизненную силу. И ничего более. Если твои люди умеют извлекать энергию из собственных тел, я могу воспользоваться также и ею. Но лишь той энергией, которая принадлежит каждому из вас, которую вы вправе отдать.

Ян видел, как четверо лейтенантов согласно закивали... Как могло случиться, что из всех них лишь он один не знаком с запретным умением ворожить, о котором говорила Кеит? Получалось, что среди своих спутников лишь он один знаком с морским делом и океанскими просторами и совершенно несведущ в другой важной сфере.

Кеит обнажила свой причудливый фамильный кинжал. Легким движением она рассекла кожу на одном из пальцев и дала трем каплям крови упасть в чашу. При этом она шептала какие-то слова; Ри, повернувшись к ней лицом, внимательно

но следил за ее действиями. Когда она умолкла, он достал из ножен собственный кинжал. Кеит передала ему чашу, и Ри последовал ее примеру. Вслед за этим каждый из гребцов, порезав палец, капал кровью в крохотную лужицу, собравшуюся на дне чаши, и добавлял свое слово к произнесенным прежде. Трев, в чьих руках чаша побывала в последнюю очередь, кивнул в сторону Яна, но Кеит остановила его:

— Нет, он видит лишь внешнюю сторону того, что мы делаем. Он может дать свою кровь, но не понимая, что делает, он не сумеет рассчитать свои силы. Верни мне чашу.

Какое-то мгновение Яну хотелось возразить, настоять на своем участии в магическом обряде. Он не желал казаться трусом, хотя одна лишь идея магии вселяла в него понятное отвращение. Однако Кеит была права: он видел, как его спутники по капле льют в сосуд свою кровь, и тем не менее ощущал, что они проделывают при этом куда больше, чем видно глазам. Он не мог повторить их действий, а посему его помощь была бы бесполезна. Оставалось только править шлюпкой, смотреть и надеяться на то, что с аэриблей не успеют заметить их прежде, чем Кеит успеет завершить свое дело. Он уже слышал ровный — тук-тук-тук — шум двигателей и крики, доносившиеся из двух других шлюпок.

Посыпав кровавую лужицу каким-то белесым порошком, Кеит проговорила нараспев:

Даем, что имеем:
Чистые мысли,
К службе готовность,
Желание выжить.
Просим, нуждаясь,
Щит, что без тени,
Стену без окон
И путь на свободу.
И как говорим мы,
Так пусть же и будет.

В чаше вспыхнул свет, из него соткалась сфера, которая тут же расширилась, словно надутый ребенком пузырь. Свет при этом померк, а затем, когда пузырь, увеличиваясь, укрыл собой всю шлюпку с сидящими в ней людьми, погас совершенно.

Ян поглядел на лодку, на своих спутников, на воду за бортом. Потом он перевел взгляд на «Сокровище ветра» и на белую тушу первого из аэриблей, приближавшегося к брошенному кораблю. Он не мог отрицать, что Кеит сейчас *что-то* сделала, однако, похоже, ее подкараулила неудача. Все как будто осталось таким, как было прежде.

— Ну как, получилось? — спросил Ри. — Я ничего не ощущаю.

И без того озабоченное лицо Кеит еще более напряглось.

— Не уверена. Мне кажется, я чувствую вокруг нас оболочку экрана, но если он и есть, то получился тонким. Не знаю, способен ли он по-настоящему помочь нам.

Ян ощутил вдруг сухость во рту.

Боги! Они уже успели отстать, в то время как обе другие шлюпки, полные опытных гребцов, вовсю мчались к острову, где можно было спрятаться.

— За весла, — рявкнул он. Команда мгновенно была исполнена, и Ян вновь крикнул: — Весла на воду! Гребите по команде. Приготовились! Гребок... вверх... вперед... опустили... гребок! *Вверх!.. Вперед!.. Опустили!*

Припав к рулю, он разворачивал лодку на запад, с тем чтобы корпус стоявшего на якорях корабля прикрыл их от приближающихся аэриблей.

— Гребок... вверх... вперед...

Позади грохотали двигатели. Только он один не видел воздушных кораблей, показавшихся над ложным горизонтом, образованным корпусом «Сокровища ветра». Однако в этом не было нужды. Шесть пар глаз смотрели назад, не отрываясь от происходящего в небе, и шестеро гребцов налегали на весла, гоня шлюпку через пролив. Ян знал, куда держит путь, и обращенные к нему лица его спутников поведают ему все необходимое относительно того, что происходит позади.

Глава 19

Сидя в обитом бархатом кресле, Шейид Галвей с высоты полета «Орла» обозревал останки корабля Сабиров, испытывая глубокое удовлетворение.

Видел он людей, отчаянно налегавших на весла в шлюпке, которую преследовал аэрибль. Сабиры, похоже, намеревались выполнить свою часть сделки. Их обязанностью было обнаружить корабль, захватить его, отыскать на нем Зеркало Душ и поднять трофей на борт одного из двух аэриблей. После этого уже ему самому предстояло доставить всех назад в Калимекку и организовать нападение на Дом Галвеев.

Конечно, Шейид и в мыслях не держал исполнять свои обязательства целиком. Как только он получит Зеркало Душ, ситуация резко переменится в его пользу. Аэрибли принадле-

жали ему — вместе с обслуживающими их экипажами и пилотами, управлявшими этими аппаратами. Вклад Сабиров заключался лишь в том, чтобы отыскать Зеркало Душ — в отличие от Шейида им было известно, как это сделать.

Его Волки должны были убить находящихся на корабле Сабиров в то самое мгновение, когда Зеркало окажется на борту аэрибля. Солдатам надлежало расправиться с Криспином, Эндрю и этим чудовищем, носящим имя Анвин. А потом он в качестве главы Галвеев посадит аэрибль со всеми своими людьми и Зеркалом в Калимекке — посреди огромного двора их Дома — и объявит его своим. Словом, к концу дня Шейид намеревался сделаться богом.

И ты сделаешь это, нашептывал в его голове ободряющий голос. *Я обещаю тебе бессмертие, которого можно добиться с помощью Зеркала. И ты получишь его.*

Припав к окошку гондолы, Криспин Сабир следил за спуском аэрибля к останкам «Сокровища ветра». Он с удовольствием отметил ловкость лотового в работе с причальными канатами, когда тот сумел с первого броска зацепить веревки за бизань и за бушприт. Еще один бросок потребовался, чтобы прикрепить спусковой трос, и после короткой паузы лотовой съехал по нему вниз с помощью блочного механизма и принялся крепить на корабле якорные канаты. Закончив свое дело, он подал сигнал, моторы аэрибля умолкли, и огромное воздушное судно повисло над плененным «Сокровищем ветра», точно брюхастый паук над обездвиженной добычей.

Отличные умельцы... Криспин уже относился к воздушным кораблям и их экипажам как к своей собственности. Чтобы захватить Дом Галвеев, Сабирам нужны были от гофтских провинциалов лишь аэрибли их Семьи. И к концу дня Криспин намеревался получить *все* необходимое ему.

Из гондолы сбросили вниз веревочные лестницы, и приготовившиеся к высадке солдаты начали покидать «Сердце Огня». Они отыщут на корабле всех оставшихся там матросов и пассажиров, допросят их, а потом убьют. На втором аэрибле экипаж его и солдаты позаботятся о тех, кто предпочел, не сопротивляясь, бежать с корабля.

Криспин, ухмыляясь, рассматривал то, что прежде гордо носило имя «Сокровище ветра». Ему всегда нравились драки, в которых преимущество оказывалось на его стороне. Интересно, а как себя чувствует сейчас братец Ри?

Криспин сомневался в том, что тот мог остаться на борту. Лживый и коварный интриган выберет путь осмотрительный и трусливый: он покинет корабль, как бежал из Калимекки. Люди Криспина, конечно же, отыщут этого ублюдка-кузена, если

только прежде его не сожрут горрахи. Шлюпки неуклюжи и медлительны. А это означало, что Криспин располагал временем. Если Ри оставил корабль, спастись ему все равно не удастся. Как только они поднимут на аэрибль Зеркало Душ, можно будет посвятить несколько дней прочистке окрестностей. Криспин не сомневался в том, что проделает обратный путь в компании Ри... он уже запланировал провести на Площади Наказаний некий обряд, по сравнению с которым совершенный над Каделлом, братом Ри, покажется полуденной беседой друзей.

Ну а пока один лишь «Орел» преследовал шлюпки. Пусть себе Эндрю сладострастно похрюкивает и пускает слюни при виде горрахов, яростно пожирающих экипаж опрокинутой первой шлюпки. У него, Криспина, есть более важное дело.

Он направился вперед — в кабину пилота, и за последним солдатом спустился по лестнице на палубу «Сокровища ветра». При этом ему пришлось пережить несколько неприятных мгновений: Криспин не любил высоты и во время спуска понял, что предпочитает пребывать в чреве «Сердца Огня», а не болтаться на веревочной лестнице между небом и землей над стаей добравшихся до добычи горрахов, когда от смерти его могла защитить лишь казавшаяся сверху крохотной палуба поврежденного корабля.

Криспин едва не полез обратно, однако он не рассчитывал, что солдаты сумеют отыскать нужный ему предмет и доставить его на аэрибль, посему он заставил себя ровно дышать, вытер ладони — по очереди — о куртку и продолжил спуск по уходящей из-под ног лестнице, делая один робкий шаг за другим.

— Шаткая лестница, правда? — с ухмылкой спросил Криспина какой-то галвейский солдатик. — Ничего, в первый раз страшно бывает всем.

Криспин постарался запомнить лицо мальчишки. Темноволосый, темноглазый, смуглый... типичный Заит. Криспин не различал их, все они казались ему на одно лицо, кроме тех мгновений, когда кричали и корчились в предсмертных муках. Тем не менее он отметил и щель между передними зубами, и родинку в уголке губ. Надо непременно запомнить это лицо. Криспин ответил:

— Каблуки моих сапог сделаны из чистой кожи. Они слишком скользки и тонки для подобных ситуаций. В отличие от твоих — резиновых.

Он повернулся и направился прочь, решая, каким образом он удостоверится в том, что этот солдат встретил на корабле свою смерть и не вернулся на аэрибль. Сабир никому не позволял смеяться над собой.

Когда мальчишка приступил к исполнению своих обязанностей, Криспин закрыл глаза и принюхался. Пахло

жимолостью и гнилью, а именно этот запах, по словам его безмолвного советника, исходил от Зеркала Душ. Оно было где-то рядом: запах жимолости витал повсюду.

Голос в его голове произнес: *Если они забрали Зеркало с собой, запах его будет сильнее над водой. Ты сможешь последовать за ним по запаху. Но след магии Зеркала кончается на корабле.*

Криспин направился на корму, туда, где этот притягательный запах ощущался резче. Он закрыл глаза, пробуя воздух нюхом Карнея. В Трансформированном состоянии он, конечно, отыскал бы Зеркало намного быстрее. После Перехода нос его становится в тысячу раз чувствительнее, чем в человеческом обличье, хотя и в таком виде обоняние никогда не подводило его. Однако Трансформация открыла бы его суть вездесущим Галвеям, а Криспин не мог позволить, чтобы об этом его свойстве узнали враги, даже если он намеревался умертвить их всех еще до окончания полета. У людей есть такая досадная способность выживать, даже если, казалось бы, приняты все необходимые меры... Криспин всегда считался с этим и всегда действовал соответствующим образом.

Он учуял запах Зеркала в одной из кают, однако не слишком сильный. А потом, следуя указаниям собственного носа, направился к люку и вниз по трапу — в кубрики экипажа и далее в трюм. И уже там глаза Криспина зажглись жадным огнем, и он громко расхохотался при виде открывшегося ему зрелища. Ряд за рядом, полка за полкой были уставлены предметами работы Древних. Обозрев только два первых ряда, он успел заметить дистанционное наблюдательное устройство, казавшееся вполне работоспособным, — подслушиватель, удивительно хорошо подобранный комплект преобразователей и половину усилителя чар, которую можно было пустить на запчасти для того сломанного, что остался у него дома. Конечно, тут была и куча вещей бесполезных или просто декоративных, но преобладали предметы абсолютно ему незнакомые.

— Мое, — с вожделением прошептал Криспин. Сокровищница эта, по его мнению, стоила параглезиата и целого Дома... стоила власти, и еще раз власти, и вся она принадлежала ему. Однако стоимость всего этого меркла по сравнению с тем единственным предметом, который он разыскивал. Зеркало Душ вполне могло находиться в столь очевидном месте, хотя Криспин в этом сомневался. Запах Зеркала наполнял трюм, однако он предполагал, что Ри постарался припрятать свою драгоценную добычу до того, как оставил корабль.

Криспин обошел все помещение и в самом дальнем из отделений трюма обнаружил доказательство того, что интуиция не подвела его. Здесь запах Зеркала Душ казался сильнее,

чем где бы то ни было на корабле, однако пропитанные им веревки кто-то в спешке перерезал и бросил кучкой на палубу.

Криспин улыбнулся. У него будет след. Веревки хранили запах Ри и еще одного Карнея, Криспину незнакомого... а также неведомого третьего лица — человека. Криспин решил в первую очередь взять след Зеркала, а уж потом заняться поисками людей.

И тут в голову ему пришла мысль, одновременно и раздосадовавшая, и развлекшая его. Конечно же, Ри было известно о том, что именно он, его кузен, разыскивает его. Недавно он наконец догадался, что Криспин следит за ним во время сна. Но если он знал это и вновь попытался проявить смекалку, то мог упрятать Зеркало в такое место, где его будет особенно сложно найти.

Ри руководствовался в своей охоте нюхом и должен был понимать, что и Криспин тоже будет следовать указаниям собственного обоняния. Учитывая это, он вполне мог спрятать Зеркало еще ниже. Под трюмами.

Криспин сморщился от одной лишь мысли: великолепное обоняние сулило не только преимущества. Оно станет совершенно бессильным в море конфликтующих запахов, наполняющих подтрюмное пространство. К тому же он брезглив и сумел почти полностью подчинить себе свою животную сущность; Криспин гордился этим, однако при необходимости не боялся и грязи. Вздохнув, он отправился обследовать самые вонючие закоулки судна.

Треть стоянки спустя, искупавшись в зловонной жиже и погубив свою изысканную одежду, он был вынужден признать, что Зеркала Душ нет ни в одном из трех самых нижних помещений корабля.

Выбравшись на палубу, он послал насмешливого галвейского солдатика на аэрибль за чистой одеждой, а сам отправился в корабельный душ, чтобы привести себя в порядок. Оказавшись в одиночестве, он обратился с вопросом к голосу:

— Итак, где же оно?

Зеркала нет на корабле, ответил голос.

Криспин огрызнулся:

— Оно должно быть здесь. Ты сказал, что я почую его след над водой, если Зеркало унесли с корабля.

Ты почувствуешь. И я тоже увижу его. Зеркало... Влечет меня к себе.

— Но я осмотрел каюты, кладовые и самый низ судна. Его здесь нет.

Да. Его нет на корабле. Я уже сказал это.

— Тогда где же оно?

Если его не унесли с собой и его нет на борту, оно может находиться в единственном месте.

Лишь в этот миг Криспин наконец понял — истина была проста и вместе с тем ненавистна для него.

— Его выбросили за борт. — Он уперся руками в переборку и уткнулся в нее лбом. — Проклятие на их головы. Проклятие. Проклятие. Проклятие.

Торопливо одевшись, он бросился вверх, на палубу. Собрал солдат, одолженных гофтскими Галвеями, и сказал:

— Эти ублюдки выбросили за борт тот предмет, который мы должны были найти здесь. Берите крюки, садитесь в лодки и ищите его.

Конечно, его спросили о том, что именно нужно искать. Потом ему сказали, что шлюпок на корабле нет, поскольку бежавший экипаж забрал их все. А вслед за этим солдаты принялись жаловаться на горрахов, клацающих зубами в воде вокруг «Сокровища ветра» в ожидании новой поживы.

Криспин никаких отговорок не принял и быстро положил конец жалобам, назначив недовольных в первую смену. Второй аэрибль, напомнил он им, вот-вот захватит целую шлюпку пленников, освободив при этом саму лодку. На лице его блуждала усмешка.

А пока он приказал заитскому парню, которого развлекла проявленная им на веревочной лестнице неловкость, заняться швырянием крюка с борта судна. Вокруг корабля в воде сновали темные силуэты горрахов, и Криспин подумал, что подобное занятие изрядно уменьшит шансы мальчишки вернуться домой в Калимекку.

Отдав распоряжения, он снова поднялся по лестнице в аэрибль, что было намного легче, чем спускаться. А там уселся за трапезу в компании Эндрю, пилота аэрибля и нескольких Волков из Галвеев, настоявших на своем участии в экспедиции.

— Ты нашел Ри? — спросил Эндрю, пока слуги наполняли тарелки нарезанным кубиками обезьяньим мясом под соусом, мелкой форелью, разносолами и обжаренными золотистыми жуками-листорезами в манговом желе.

— На корабле никого не осталось. — Криспин отпил вина со льдом и попробовал лук. Он восхитительно хрустел на зубах и не был слишком соленым... такого изумительного сочетания добиться непросто. Хорошо бы забрать к себе повара Галвеев... сделать это нетрудно, ведь самих Галвеев скоро не останется. Но ведь повара обычно пробуют свои блюда — какая жалость! — Значит, или его сожрали горрахи, или нашего братца уже подобрал Анвин.

Шейид Галвей положил себе нескольких жуков, не торопясь отведал, а потом переключил все внимание на обезьянье мясо под соусом.

— Как жаль, что они успели спрятать Зеркало.

— Мы получим его еще до конца дня, — заверил его Криспин.

— Когда мы пролетали над кораблем, — заговорил Эндрю, — мне показалось, что я видел на корме три шлюпки. Но когда мы вернулись после этого шквала, я заметил только лодку, уничтоженную горрахами, и ту, за которой погнался «Орел». Что же случилось с третьей?

Криспин опустил нож и вилку и уставился на кузена.

— *Три* шлюпки? Нет. Я уверен, что их было только две.

Эндрю ухмыльнулся.

— Вот это в тебе и забавно, Криспин. Ты всегда так уверен во всем... даже когда явно бываешь неправ. Перед тобой рофетианский галион. Экипаж таких судов превышает сорок человек, а рофетианские шлюпки рассчитаны только на двадцать. Если ты посмотришь на кормовой отсек, то увидишь там гнезда для трех шлюпок. И три пятна на палубе, где дерево не выбелено солнцем, — все три были оставлены лодками.

Криспин глянул вниз — на корму корабля, на широкую палубу, над которой прежде поднималась мачта и где прежде, несомненно, находились три шлюпки. Три.

Эндрю потянул за длинную черную прядь, прикрывавшую левое ухо, единственную на наголо выбритом черепе, и сказал:

— Не забудь, что я *заслужил* эту прядь.

— Ты шлялся по причалам в компании неотесанных чурбанов, — проговорил Криспин, на миг забыв о том, что Галвеи наблюдают за ними обоими.

— Я плавал со Слобянами. Мы взяли на абордаж не так уж мало рофетианских галионов, и на любом из них на каждую мачту приходилось по шлюпке.

Криспин наклонился к кузену, позабыв о еде.

— Тогда объясни мне, знаток кораблей и моря: если здесь было три лодки, почему мы видим только две? А? Есть у тебя ответ?

Эндрю повел тяжелыми плечами и рассмеялся.

— Я бы сказал, что кое-кто все-таки улизнул.

— Мы бы увидели их, скотоложец. Погляди вниз. Мы видим все, что происходит вокруг... такое преимущество дает полет по воздуху. Отсюда нельзя чего-нибудь не заметить. — Закатив глаза, Криспин откинулся на спинку сиденья.

Эндрю то и дело доказывал, что является идиотом — полезным, когда требовалась грубая физическая сила, и лишь изредка проявляющим проблески разума. Доверять его словам было немыслимо. Никогда. Молнии-*стриуни*, уничтожившие две мачты и часть палубы, сожгли и одну из лодок; это казалось Криспину очевидным. Ри находится в захваченной шлюпке, или же он был в той, которую перевернули горрахи. Так или иначе,

его можно считать покойником. Он или уже мертв, или ему скоро предстоит принять смерть на Площади Наказаний — и тот и другой исход в полной мере удовлетворяли Криспина.

Разве можно предположить что-то другое?

— Мы уничтожили третью лодку магическим орудием! — уверенно произнес он.

Эндрю развеселился.

— Уничтожили? Уничтожили? Уничтожили? А ты уверен в этом настолько, чтобы поклясться своим положением верховного Волка? А? Ты действительно уверен в этом, кузен? Ведь если ты ошибся, то рано или поздно будешь вынужден расстаться с этим званием.

Галвеи старательно поглощали пищу, не обращая внимания на них с Эндрю, но тем не менее — Криспин понимал это — они жадно ловили каждое их слово. Любые разногласия между Сабирами служили их выгоде. А неудача Сабиров в совместном походе лишь укрепит позиции гофтских Галвеев. Улыбок на лицах не было видно, однако Криспин не сомневался в том, что их тщательно прячут.

Поэтому, игнорируя вопросы Эндрю, он задал собственный:

— А почему ты считаешь, что мы не уничтожили третью лодку?

Улыбка на лице кузена сделалась еще шире.

— Так, значит, не хочешь поспорить, а? Допускаешь, что дурачок Эндрю может в конце концов оказаться прав. Смышленый ты, Крис. Ой смышленый, смышленый, смышленый.

— Так почему, Эндрю? — Криспин на миг представил себе Эндрю на Площади Наказаний, привязанного к четырем коням, готовым рвануться в разные стороны, и картина эта успокоила его настолько, что он сумел равнодушно произнести:

— Я готов признать твою правоту.

— Как благородно с твоей стороны. — На мгновение в глазах Эндрю сверкнул огонек, свидетельствующий об опасном и изворотливом уме, однако впечатление это тут же рассеялось, уничтоженное очередным идиотским смешком. — Я знаю, что мы не перехватили одну из трех лодок, и никто не посмел бы пуститься вплавь по морю, кишащему горрахами. А на борту корабля никого не было, ты сам видел это, когда спускался вниз.

Эндрю был прав. Это уже что-то новенькое.

Однако не исключена и возможность малочисленной команды судна. Быть может, на борту находилось всего сорок человек. Или даже меньше.

— У рофетиан не бывает проблем с комплектованием экипажа, — продолжал Эндрю. — Никаких проблем, никаких... никаких вовсе. Парни приходят на корабли еще мальчишками и умирают на них стариками. Рофетиане не любят маленьких экипа-

кей... они считают, что долгие вахты утомляют, а уставший человек становится безрассудным. Экипаж мог уменьшиться, лишь если у них были неприятности за морем, и возможно, ты не ошибешься, если поставишь на это. Но что касается меня... Держу пари, третья лодка сейчас прячется где-нибудь рядом! Хочешь поспорить?

Он набил рот форелью и, прожевав ее, ухмыльнулся Криспину.

— Спорим, что Ри бежал?

Криспин смотрел на кузена краем глаза, все более убеждаясь в том, что Эндрю может стать для него большой проблемой. Мало того, что этот ублюдок и извращенец ненадежен, так теперь еще появились основания предполагать, что он не столь глуп, как кажется. Возможно, у него хватит ума втайне интриговать против Анвина... или же против него самого.

Значит, вскоре придется устроить кузену несчастный случай.

Тем временем Криспин имел возможность с наслаждением оценить ту ситуацию, в которой оказались Галвеи. Их веки отяжелели... насколько ему было известно, сейчас им всем должно казаться, что они переели, что животы их туго набиты, а мозги превратились в тряпки. Он и сам ощущал подобные симптомы — в намного более облегченном варианте. Шейид уже зевал и что-то бормотал, утверждая, что переел, одна из его Волчиц, хихикнув, сказала, что готова проспать целую неделю.

Ухмыльнувшись, Криспин заметил:

— Такую превосходную пищу нельзя оставлять недоеденной. Ваш повар заслуживает награды за великолепное угощение.

Вебуррал имел приятный вкус, отдававший орехом, и к тому же выдерживал нагрев. В отличие от многих ядов он сохранял свои смертоносные качества и после кулинарной обработки отравленных им продуктов. К тому же его не нужно вводить в кровь, чтобы добиться максимального эффекта... человек, проглотивший с водой известное количество этой отравы, самым благополучным образом умирал. Но лучшим его свойством тем не менее являлось то, что *вебуррал*, приготовляемый из яда летучей медной гадюки, обитавшей на Сабирском Перешейке, в колонии Сабиров, можно было принимать, постепенно увеличивая дозу, в течение нескольких месяцев или лет, обеспечивая таким образом полную нечувствительность своего тела к действию отравы. В Семействе Сабиров многие регулярно глотали его... ну а Галвеи, естественно, не имели доступа ни к змеям, ни к их яду.

Постепенно, один за одним Галвеи уснут, и тогда Криспин и Эндрю перенесут своих врагов в их каюты и оставят там. Они тихо скончаются в своих темных клетушках, ничем не встревожив верных Галвеям людей, которые ничего не заподозрят

до тех пор, пока сторонники Сабиров и те из оставшихся еще Галвеев, которых удастся перекупить, не приступят к их избиению.

Несомненно, ожидавшая Галвеев смерть уже обошлась Криспину в целое состояние. Глубоко законспирированный агент, внедренный в дом гофтских Галвеев под видом прислуги, как раз перед его прибытием на аэрибль поместил бутылку с маслом, отравленным *вебурралом*, в походный запас продуктов, заменив ею в точности такую же посудину. Агент этот пребывал в Доме врагов в течение пяти лет и не получал при этом никаких заданий. Впрочем, сейчас он оправдал потраченные на него средства. Когда Криспин посадит аэрибли на посадочном поле за их Домом, сопротивление оказывать будет некому, и Галвеи падут окончательно, оставив Калимекку во власти Сабиров.

Глава 20

Ночь укрыла беглую шлюпку покровом темноты, и голос Яна, давно уже безнадежно охрипший, задавал теперь все более медленный темп гребли. Кеит давно сбила руки до кровавых мозолей. Спину ее жгло усталостью, бедра болели, голени затекли, а в животе бушевало пламя, словно разожженное каким-то садистом.

Наконец Ян велел им:

— Суши весла! Всем отдыхать. Трев, бросай якорь.

Спереди зазвенела цепь, натянувшаяся, когда якорь зацепился за дно, и шлюпка, покорившись незримому течению, развернулась носом в ту сторону, откуда они бежали.

Кеит пыталась отдышаться, пригнув голову к коленям.

— Я умираю с голоду, но не могу поручиться, что меня не стошнит, если у нас все-таки найдется еда.

— А я не против что-нибудь проглотить, — объявил Янф. — Чем больше я устаю, тем больше готов съесть. А иначе вот-вот умру.

— А я сейчас больше всего на свете хочу пить.

Необходима была вода. Возражать против этого никто не стал. В шлюпке нашелся небольшой бочонок с водой, припасенный на случай непредвиденных обстоятельств, однако содержимое его давно не меняли, и вкус воды в точности соответствовал запаху трюмной жижи. Чистая, холодная свежая вода из ручья... все согласились, что сочли бы ее сейчас даром богов.

— Мы находимся в половине стоянки от нужного нам места — если будете усердно грести, — объявил Ян. — А

там чистой воды столько, что и за всю жизнь не выпьешь. Только, прежде чем снова взяться за весла, нужно немного передохнуть. Аэрибли не погнались за нами, хотя они были в пределах видимости в течение целой стоянки, а то и поболее. Но мы целы, а значит, заклинание сработало.

За спиной Кеит раздался голос Хасмаля:

— Могу сказать, что сейчас лодка окружена достаточно прочными защитными чарами.

Кеит распрямила натруженную спину и повернулась к нему. Хасмаль приложился к бочонку с водой, а затем снова лег, припав головой к борту шлюпки.

Ри также повернулся к носу лодки.

— Значит, ты можешь... видеть экран?

Хасмаль пожал плечами.

— Нет, у нас все по-другому. Это ваша магия оставляет повсюду пятна. *Фархуллен* не создает никаких отметин, которые мог бы заметить даже занимающийся ею человек. Просто я могу видеть, чего нет вне экрана.

— И чего же? — осведомился Ри.

Кеит тоже было интересно услышать ответ.

Хасмаль ответил:

— Поглядите на сияние, которое испускает Зеркало Душ... Только не глазами. Используйте магическое зрение.

Он умолк. И Кеит, закрыв глаза, сфокусировала свои мысли на предмете — так, как учил ее Хасмаль. Сконцентрировавшись на мгновение, она поняла, что тот имел в виду; шлюпка была окружена идеальной сферой неяркого, но теплого света, который она «видела» при помощи магического зрения. Граница света была четко и ровно очерчена, чего просто не могло быть, в чем она успела убедиться за месяцы, проведенные в море у Зеркала. Едва заметное свечение, что постоянно заполняло собой почти все пространство «Сокровища ветра», ослабевало у его бортов... однако четкой границы между областями, где магия присутствовала и где ее уже не было, Кеит никогда не замечала.

— Увидели? — спросил Хасмаль.

Кеит кивнула, Ри тоже. Прочие, тоже пытавшиеся посмотреть, ограничились жестами отрицания. «Увидеть» чары можно было, только имея достаточный опыт, Кеит и сама лишь недавно достигла этой степени овладения чародейским искусством.

— Если бы ты не установила экран, Зеркало оставило бы за нами след, который мог бы заметить любой Волк из числа родственников Ри. — Внимательно поглядев на него, Хасмаль добавил: — И если бы она сделала это с помощью *дарша-*

рен, чар Волков, *ревхах* оставил бы на нас такой след, что они обнаружили бы нас в любом уголке Тысячи Плясунов.

Ри спросил:

— Значит, ты знаком с *даршареном?*

— Я знаю о ней — о ее возможностях, ограничениях, о том, как она работает. И знаю многое в том же роде о *кайботен.*

— Кайботен? — переспросила Кеит.

— Это магия Драконов.

— И какова же она? — проявила любопытство Кеит.

Хасмаль пожал плечами.

— Это лучше объяснить в сравнении. *Фархуллен* — магия личности. Чародей черпает ее из самого себя и своих возможностей, мы также можем объединяться, чтобы сделать чары сильнее. *Фархуллен* носит оборонительный характер, а потому не порождает *ревхах* и не оставляет следов. *Даршарен* — это магия небольших групп. Она забирает всю силу жертвы, удерживаемой в магическом круге... эти чары сильнее *фархуллен*; Волки сумели отыскать способы, позволяющие им использовать кровь, плоть и жизнь их жертв, и могут и защищаться, и обороняться, пользуясь этой энергией. Впрочем, *даршарен* всегда оставляет след и почти в любом случае рождает *ревхах.*

Еще раз приложившись к бочонку, он приподнялся, устраиваясь повыше на одном из шпангоутов.

— Теперь *кайботен.* Это магия больших групп, не ограниченных в числе участников, самая могущественная. Драконы научились делать всех людей вокруг своими жертвами — без их ведома, в любое время, не подготавливая, не предупреждая. Они могли использовать в качестве жертв население целого города, и судя по историческим анналам и кратким упоминаниям в Тайных Текстах, они так и поступали в конце Войны Чародеев. Более того, *кайботен* позволяет получить доступ к тому, чего нельзя достичь другими способами ворожбы.

— А именно? — спросил Ри.

— По словам Соландера, Драконы научились приносить в жертву даже души. Прана крови, плоти и жизненной энергии их уже не удовлетворяла, и они научились похищать энергию самого бессмертия.

Кеит нахмурилась.

— Но ведь и *фархуллен* прибегает к энергии души.

Хасмаль устало качнул головой.

— Действуя в границах *фархуллен*, ты можешь предложить собственную душу Водору Имришу, а уж он волен принять или отвергнуть такую жертву. Но если он примет ее, то не убивает... ты просто служишь ему. В этом отношении Драконы про-

являли большую жестокость, чем боги. *Кайботен* пользуется душами жертв так, как пламя сжирает древесину. Чтобы получить энергию душ, она сжигает их, полностью уничтожая при этом.

Кеит задумалась. Она всегда верила в то, что душа бессмертна и свята. Еще с детства она привыкла отгонять сопровождавший ее повсюду страх перед смертью сознанием того, что душа ее продолжит существование и в будущем окажется достойной нового воплощения — уже в теле настоящего человека, а не Проклятой Карнеи. Она верила тогда — да и никогда не переставала верить, — что душа застрахована от всяческих угроз.

И вот Хасмаль говорит ей, что Драконы уничтожали свои жертвы целиком — и душу, и тело.

Откашлявшись, Ри спросил хриплым голосом:

— Хасмаль, ты все повторял, что Драконы возвращаются. А твоя вера... это она говорит, что они вернутся?

— По-моему, их возвращение уже состоялось. — Хамсаль кивнул. — Они вновь пришли в этот мир и теперь пытаются отобрать у нас Зеркало Душ и доставить его в Калимекку. Мы хотим отвезти этот предмет Соландеру, который вместе со своими Соколами выступит против Драконов, как было во время Войны Чародеев.

Кеит повернулась к Яну: ей еще не приходилось слышать, чтобы из человеческой гортани исходил звук, подобный тому, что издал только что их новый капитан. Ян смотрел на Зеркало Душ.

— Так это Зеркало... неужели оно сжигает души?

Хасмаль пожал плечами.

— Едва ли, но я вообще-то не знаю, что можно делать с его помощью. Мне известно лишь, что Соландер нуждается в нем и что лишь он один и его Соколы способны защитить человечество от установления власти Драконов.

Ри внимательно слушал Хасмаля, и когда тот умолк, сказал:

— Хасмаль, если нам суждено уцелеть в этой истории, я хочу, чтобы ты научил меня *фархуллен*.

Губы Хасмаля изогнула тончайшая из улыбок.

— Волк просится в ученики к Соколу. Воистину настали последние дни этого мира.

Ощутив усталость, он закрыл глаза... в наступившем сумраке Хасмаль казался бледным как смерть.

— Но мы, похоже, уже избавились от опасности, — сказала Кеит. — Мы укрыты экраном и находимся далеко от аэриблей... нас теперь закрывают от них острова, и Зеркало осталось у нас.

Ян поглядел на уходящее за горизонт солнце и нахмурился.

— Не знаю, когда я снова почувствую себя в безопасности. Мне больше подходил тот, прежний мир, в котором не

было магии: меч, скорость и хитрость — ничего более мужчине не требовалось.

— Таким мир никогда не был... — ответил Хасмаль. — Однако не сомневаюсь — верить в его существование весьма утешительно.

Кеит закрыла глаза и наклонилась вперед, припав головой к коленям, свесив вниз руки и плечи. Спину ломало от невыносимой усталости, и на миг ее ожгло новой болью. Она сочувствовала Яну. Кеит также предпочла бы тот мир, в котором магия не таилась бы повсюду — словно капля яда в бокале с вином.

— Пора браться за весла, — сказал Ян. — Нам не следует оставаться на воде дольше, чем необходимо. Поскольку у меня нет мозолей на руках, я могу разодрать ваши рубашки на бинты, чтобы вы перевязали руки. Боль станет меньше, и новых мозолей вы уже не набьете.

— Ну почему ты не вспомнил об этом раньше? — простонала Кеит.

— Вспомнил. Только у нас было два варианта: или мозоли на ладонях, или пузыри на спинах. Солнечный ожог вызывает воспаление, дурноту и жар, а это замедлило бы наше продвижение. Я знаю, что руки ваши болят, но по крайней мере вам не придется ходить на них.

Он принялся рвать рубахи, и Трев сказал Кеит:

— Тебе незачем снимать свою рубашку, я поделюсь с тобой.

Кеит улыбнулась ему. Трев всегда был с ней любезен, тогда как прочие подручные Ри предпочитали в обращении с ней настороженную вежливость.

— Спасибо тебе, — поблагодарила она.

— Хорошо бы, если б кто-нибудь мог так же позаботиться о моих сестрах, — пробурчал он.

Кеит заставила себя улыбнуться:

— Мне тоже хотелось бы этого.

Она подумала о собственных сестрах. Они покинули этот мир, а с ними ушла и большая часть ее собственной жизни, и ничто нельзя было уже изменить.

Валард обратился к Яну:

— Так куда же мы направляемся?

Ян ответил:

— На острове Фалея есть деревенька, расположенная у самого подножия вулкана. Называется она Ц'татне, что, по словам моих тамошних знакомых, означает «вкусное манго». Туда трудно добраться, но и найти нас там будет непросто, а мои друзья с радостью примут нас и помогут — в меру своих возможностей. Большую часть своей жизни они рыбачат, охотятся или па-

шут землю, а когда урожай плох или не пришла рыба, занимаются пиратством.

Кеит в этот момент обматывала кисти рук полотном, как вдруг волосы на ее затылке встали дыбом. Нутро ее напряглось, а воздух вокруг как будто бы сделался гуще. И еще она почувствовала, что он полон грязи, чего ей не приходилось ощущать с той самой поры, как... как...

Она закрыла глаза. Что же ей это напоминает?

И тут ее озарило. Именно такое ощущение ей довелось испытать в аэрибле во время возвращения в Калимекку. Как раз перед магическим нападением, послужившим предвестником гибели ее Семьи. Она поглядела на Ри и заметила, что он смотрит на нее со страхом в глазах.

— Это не ты? — спросила она, и Ри отрицательно покачал головой. Вдвоем они повернулись к Хасмалю.

Он также не был причиной охватившей их тревоги: Хасмаль смотрел на Зеркало Душ.

Да. Злые чары истекали именно от него. Воздух сделался гуще. Его наполнила вонь гниющего мяса, лишь чуть подслащенная запахом жимолости.

— Что оно делает? — спросила Кеит.

Хасмаль пожал плечами.

— Не знаю. Ничего хорошего.

— А что ты с ним делал? — Ри поднялся с места и начал пробираться на нос шлюпки.

— Ничего. Я просто сидел и слушал, как Ян объясняет, куда мы направляемся, и тут оно начало... как будто *жужжать*. Или мурлыкать, словно кошка, привалившаяся ко мне боком... — Хмурясь, он встал над Зеркалом, разглядывая его. — Теперь оно больше не жужжит. Я не знаю, что происходит, но это мне совершенно не нравится.

— Надо подумать, каким образом его можно выключить, — сказал Ри. — Я не доверяю предметам, которые начинают работать сами собой.

— Оно уже работало, — заметила Кеит. — Этот столб света уже исходил из него, когда я его обнаружила. Так что мы не знаем, чем оно было занято все это время.

— А вы уверены в том, что оно так уж необходимо вашему Возрожденному? — спросил Ян.

— Да, — ответил Хасмаль, и Кеит негромко повторила за ним:

— Да. Так он сказал мне.

— Я бы посоветовал отправить его прямо за борт — к горрахам.

— Мы обязаны привезти его к Соландеру, — возразил Хасмаль.

— Зеркало чего-то дожидалось, — настаивал на своем Ян. — Оно словно хотело узнать, куда мы направляемся, и подслушав это...

Голос его умолк, и он принялся рассматривать излучающее свет Зеркало.

— Мы не можем расстаться с ним, — заявила Кеит.

— Шанг! — Ян стиснул кулаки и окинул взглядом темные туши островов, со всех сторон окружавшие беглецов. — Тогда плывем дальше, пока оно не выкинуло какой-нибудь новый фокус.

Шесть пар обмотанных тряпками рук дружно взялись за прочные дубовые весла. Подняв якорь, Хасмаль опустился на переднюю скамью возле Трева и тоже приготовился грести.

— Вперед, — начал Ян. — Опустили... налегли... подняли...

Спина Кеит вспыхнула болью, руки ожгло огнем, хотя мозоли уже успели немного подсохнуть. Она старалась думать только о своем весле... только о том, что нужно найти безопасное убежище. Однако по коже ее бегали мурашки; Кеит никак не могла избавиться от плохого предчувствия, ей казалось, что они поступают неправильно и следовало бы, наоборот, остаться на месте и выяснить, что именно происходит с Зеркалом Душ.

Она уже хотела сказать об этом, но в то же мгновение воздух вновь стал другим. Потрескивая, он наполнился мощной энергией... из Зеркала изливался могучий невидимый поток, сразу же настолько сдавивший ее грудь, что каждый вдох давался теперь Кеит с трудом... как если бы она пыталась дышать через узенькую соломинку.

— Бретван незачатый! — выругался Ри. — Эту штуковину нужно остановить.

Но если у них и имелся шанс остановить Зеркало, время для этого было упущено. Свет в центральной опоре Зеркала — изысканное золотое сияние, изливавшееся вверх и образующее мерцающую лужицу в центре кольца, — сделался вдруг кроваво-красным... и словно плененный зверь рванулся на свободу из места своего заточения. Он ударил в экран, который соорудили они своею волей, кровью и чарами, и на мгновение уперся в него. Пламя, поразившее созданную Кеит невидимую сферу, наверняка было видно и со стороны. Однако экран был создан не для того, чтобы ничего не выпустить наружу, а для того, чтобы ничего не пропустить внутрь. И когда алый свет наполнил пространство вокруг них, сделался ярче, а потом еще ярче... экран не выдержал, и пламя столбом рванулось в небо, озаряя мрак ночи.

— Ну, теперь нас найдут, — расстроенно заметил Валард. — Так я и знал, что нам не удастся уйти.

— Выбросьте эту штуку за борт, — сказал Янф.

Кеит и Хасмаль переглянулись. Хасмаль ответил:

— Если мы потеряем его, все души, находящиеся сейчас на Матрине и в Вуали, окажутся в опасности.

Где-то вдали заработали двигатели аэриблей. Находящиеся в них колдуны, несомненно, ощутили выхлестнувшиеся мощным потоком чары, ну а свет мог увидеть каждый.

— Они немедленно полетят сюда, — сказала Кеит. — Нужно быстро решать, что нам делать.

В свете исходящего снизу кровавого пламени Хасмаль казался адским духом, обитателем ночного кошмара. Хмурясь, он смотрел в ту сторону, где аэрибли снова готовились к охоте.

— Если бы мы могли сохранить его, за это стоило бы умереть. Но когда они явятся сюда, мы погибнем, и Зеркало достанется им.

Качнув головой, он уткнулся лицом в ладони и на мгновение застыл в этой позе. Кеит услышала, как Хасмаль вздохнул, как пробормотал что-то непонятное — не потому, что говорил слишком тихо, просто она не знала этого языка... Наконец он пожал плечами и сказал, обращаясь ко всем в шлюпке:

— Придется выбросить его в воду. По возможности на самое глубокое место. Лучше там, где есть коварное течение, подойдут также рифы... и еще — если тебе такое место известно, — чтобы вода кишела горрахами. Возможно, они помешают нашим преследователям достать Зеркало.

— Пока мы будем искать подходящее место, аэрибли накроют нас, — ответил Ян. — Нет, выбрасывайте за борт прямо сейчас. Ничего, сойдет.

Кеит привстала на месте:

— Нет, Ян. Мы должны сделать все возможное, чтобы не позволить им...

— Мы должны спасать собственные шкуры, — оборвал ее Ри. — Если мы уцелеем, то, быть может, сумеем вернуть себе проклятую штуковину прежде, чем они сообразят, как ею пользоваться. Какое-то время на это у нас будет. Ведь Зеркало давно находится в твоих руках — сколько месяцев? — а ты знаешь о нем не больше, чем когда только нашла его. Я прав?

Прав он или нет, Кеит сказать не могла. Однако моторы аэриблей стучали уже гораздо ближе, и мысль о немедленном избавлении от Зеркала становилась все более настойчивой. Ведь враги действительно могут не найти способа воспользоваться им, даже если сумеют выудить из воды.

Впрочем, особо надеяться на это не приходилось. Представившийся прабабушкой дух Дракона направил ее на поиски Зеркала. И он же может сообщить, как им пользоваться любому, кто извлечет из воды этот предмет.

Ри, Янф и Валард перешли на нос лодки. Валард отодвинул плечом Хасмаля от Зеркала. Двое его товарищей подняли таинственный предмет.

— Раз, два, три! — скомандовал Ри.

Зеркало, кувыркаясь, описало дугу в воздухе. Красный как кровь луч ударом меча вспорол сумрак неба и моря.

Там, где Зеркало разбило гладкую, как стекло, поверхность пролива, вода вскипела и забурлила, провожая его в глубины морские — на самое дно. Жутким, чудовищным был этот свет, словно кровью истекали сами острова. Кеит не могла отвести глаз от багрового свечения. Лучи пронзали мутную воду, заставляя искриться поверхность.

— А теперь за весла, — завопил Ян. — Быстро! Гребите скорее! Может быть, нам еще удастся дожить до утра.

Налегая на весло, Кеит не могла отвести глаз от холодного пламени, горевшего под поверхностью моря. Пожалуй, Зеркало *решило* предать их всех, подумала она. Словно получив от них все необходимое, оно пожелало отделаться от ставших ненужными компаньонов и призвать к себе новых союзников.

На сердце ее было пусто, кости ныли от ужаса. Ночь-то они вполне могут пережить, решила она. И достичь острова, о котором говорил Ян. Пусть даже и так, но ведь ее враги — а значит, и враги Возрожденного — получат Зеркало Душ.

Какую же цену придется заплатить всему миру за то, что ей удастся спасти свою жизнь?

Глава 21

Солнце нещадно испепеляло Тысячу Плясунов яростно раскаленными и тяжело обрушивающимися на землю лучами. Стоя в передней части гондолы «Сердца Огня», Криспин разглядывал призывавшее его к себе красное свечение, пронзающее толщу воды, и безмолвно поносил на все лады Ри, клянясь взыскать с изобретательного братца — хотя бы даже с мертвого — в полной мере все, что причиталось с человека, выбросившего Зеркало Душ в глубины морские. Его рубиновое свечение Криспин мог видеть с высоты даже днем. И тем сильнее была его ярость — от того, что Зеркало не давалось ему в руки.

Трое его собственных людей — галвейских солдат он не считал — погибли, пытаясь достать Зеркало из моря. Горрахи плотным кольцом кружили вокруг утопленного предмета... кружили, кру-

жили, и всякий раз, когда кто-нибудь пытался с помощью кошки зацепить его, эти чудовища хватали цепь и начинали тащить ее вниз, так что в половине случаев твари утаскивали смельчака в воду. Рядом плавал брюхом вверх мертвый горрах, как свидетельство того, что чудовища не всегда одерживали победу; по сравнению с другими тварями этот был не слишком большой — от морды его до задней оконечности тела на нем поместились бы рядком десяток мужчин. Морские стервятники, чайки и черноклювы облепили тушу словно гигантские сородичи жадных до падали мух, уже носившихся повсюду целыми тучами. Зубья-захваты грозно торчали по краям огромной пасти, костлявое, покрытое панцирем тело уже смердело в этой гнетущей жаре, две когтистые, покрытые шипами передние лапы торчали над головой в жесте капитуляции. Этот горрах зацепился челюстью за кошку, матросы выбрали цепь, а пилот, мгновенно приняв решение, поднял аэрибль вверх, насколько было возможно. Потом цепь отпустили, и упавшее чудовище разбилось, ударившись всей тушей о воду.

Однако это вовсе не доставило им хоть мало-мальского удовлетворения. Так они потеряли первую из двух кошек. Второй — найденной на «Сокровище ветра» вместе с запасной цепью — они лишились, когда ее заглотил крупный горрах, едва не утянувший под воду «Сердце Огня». Им пришлось перерубить цепь, отпустив чудовище на волю.

Поэтому Криспину пришлось отослать «Галвейского Орла», пытавшегося обнаружить шлюпку, на которой находился Ри со своими спутниками, обратно в Гофт за кошками, балкой для установки ее в передней части гондолы и солдатами, которым предстояло обслуживать подъемный механизм. Большую часть дня он провел, ожидая возвращения Анвина с необходимым снаряжением. Тот вернулся в скверном настроении, поскольку пилот попробовал поднять тревогу и известить Галвеев о том, что Сабиры захватили аэрибли... Словом, Анвину пришлось его поприжать. Криспин подумал, что брату, пожалуй, повезло, что он не убил пилота своего аэрибля... впрочем, к несчастью, это в любом случае необходимо будет сделать после завершения всей работы.

А пока следовало сконцентрировать внимание на деле. Зеркало Душ призывало к себе Криспина. Он мог обонять его, ощущать этот предмет на вкус, мог видеть его искрящийся свет... Зеркало знало его имя и тихо напевало для него — так, чтобы слышал лишь он один. Если бы не горрахи, он провел бы Трансформацию и нырнул в воду, чтобы своими руками поднять со дна этот предмет.

Но, увы, сейчас он был способен лишь смотреть на воду, потеть, давить морскую мошкару и кровососов и беспокоиться. Криспина досаждали сомнения. Его не волновали люд-

ские потери: большая часть экипажа была укомплектована гофтскими Галвеями, а людей заменить легче, чем найти подходящий крюк или цепь. Тревожило Криспина то, что, возможно, ему так и не удастся завладеть Зеркалом... вполне вероятно, что никакие усилия не помогут поднять его на поверхность. Кроме того, не исключено, что в случае удачного извлечения из моря ему так и не удастся заставить его действовать. Или же оно заработает — но совсем не так, как обещал ему голос.

Но если только оно даст именно то, что сулил ему таинственный собеседник... тогда он, Криспин, станет богом. Он получит власть, бессмертие, новые магические возможности, недоступные ему прежде. Ради всего этого он готов был терпеть любые неудобства и неприятности.

Со стрелы подъемного механизма донеслись голоса двоих членов экипажа:

— Мы что-то зацепили, парат! Крюк держит, и мы поднимаем его.

Горрахи были повсюду. Они жались к цепи, точно чуяли какую-то добычу. Звенья лязгали на барабане, выносная стрела под тяжестью отклонялась все больше и больше влево; нос аэрибля уходил вправо, уравновешивая движение стрелы, люди на палубе гондолы налегали на рычаги, обливались потом и ругались.

Из глубин восставал ослепительный красный свет, словно наживка притягивающий к себе горрахов. Криспин подошел к борту гондолы и, прищурясь, смотрел вниз, пытаясь разглядеть что-либо в мятущихся взбаламученных водах. Сердце его трепетало, под ложечкой сладко ныло. Запах жимолости делался все сильнее, и точно так же креп неразлучный с ним тлетворный дух.

К горлу на мгновение подкатила тошнота: желудок уже не мог выносить этой вони. Криспин поежился; инстинкт требовал немедленно бросить эту штуку обратно на дно... уверяя его, что он пожалеет, если оставит Зеркало у себя. Сердце молило прекратить подъем, не раздумывая повернуть домой, удовлетворившись сокровищами, которыми набит трюм «Сокровища ветра», и навсегда забыть о Зеркале Душ.

Однако Криспин не имел привычки прислушиваться к голосу сердца или инстинкта. Если мужчина начинает руководствоваться подобными советами, значит, он лишился ума. А ум говорил ему, что, располагая Зеркалом Душ, он станет богом, тогда как без него навсегда останется смертным и когда-нибудь в конце концов умрет. И он завопил:

— Держите его! Тащите! Тащите!

Криспин напрягся, мышцы его болели, по спине продирал морозец, а сердце частило. Ведь в руки его вот-вот

должен был попасть магический предмет, обладающий такой силой, какой мир не видел уже тысячу лет и никогда не увидит вновь без его, Криспина, помощи. Он ухмыльнулся и крикнул сразу, едва только заметил, что свет в глубинах становится ярче:

— Это оно! Тащите быстрее! Быстрее, сукины дети!

Криспин уже мог различать его очертания. Большое, величиной с поле... нет, с целый дом, черное, как безлунная ночь, и окаймленное кольцом пламени. Едва ли не живое, с этими щупальцами, разбегающимися во все стороны словно...

Словно зубья вокруг пасти горраха, подумал он, отодвигаясь от поручней трапа, обвившего гондолу снаружи.

Горрах вынырнул из воды раньше Зеркала, изогнув тонкое как хлыст тело, чтобы набрать высоту. Красные глаза чудовища пожирали Криспина, окружавшие пасть когти разошлись, чтобы схватить его, венок щупалец хлестнул из-за головы чудовища вперед, целя в то самое место, где он стоял несколько мгновений назад... половина из них обвилась вокруг поручня. Скрипнула гондола аэрибля, заскрежетал поручень, и Криспин под звуки корежащегося металла спешно покинул трап, уже начинавший отрываться под колоссальным весом чудовища.

Перебравшись внутрь гондолы, Криспин поглядел вниз на чудовище. Пасть горраха, способная заглотить человека целиком, разевалась и захлопывалась, тварь дергалась всем телом и жадно глазела на него.

Это знак, подумал Криспин. Знак опасности, грядущей из глубин.

А затем он снова ухмыльнулся: если это предзнаменование, оно скоро изменится на благоприятное.

Поручень наконец оторвался от гондолы — эти несколько мгновений показались Криспину едва ли не бесконечными, — и живой кошмар штопором ввинтился обратно в воду.

Все, кто был в гондоле, разразились восторженными криками... впрочем, Криспин подозревал, что радость их была бы намного больше, если бы чудовище пожрало его.

Тварь поднялась к кораблю по цепи, закрыв от Криспина Зеркало Душ. Когда он вновь глянул вниз, ему показалось, что из воды всплывает наверх маленькое солнце. Вокруг Зеркала сновали горрахи, младшие родичи огромного зверя, первым выбравшегося из воды. Криспин ненавидел море и всех его обитателей, поэтому следил за ними с отвращением. К горрахам присоединились гигантские акулы, казавшиеся миногами среди форелей. Он никогда не видел, чтобы эти охотницы вели себя подобным образом: горрахи при возможности охотно пожирали их, и аку-

лы избегали этих более крупных и свирепых хищников. Горрахи же никогда не держались косяками, они всегда охотились в одиночку.

Похоже, Зеркало во всем пробуждало худшие свойства. Смертоносные твари вели себя непривычным образом, так что по коже бегали мурашки... Криспин ощущал на себе чей-то пристальный взгляд; приближение Зеркала к поверхности воды поубавило в нем самоуверенности. В конце концов, что ему известно об этом предмете? Ничего, кроме того, что сообщил неведомый голос. Следует лишь приказать, и его выбросят в воду, или отдадут Анвину на «Орел», или...

Но он остановил себя и безмолвно рассмеялся. Последним к этому предмету прикасался его кузен Ри. И весьма вероятно, что этот хитрый ублюдок успел опутать Зеркало чарами, наводящими страх на каждого, кто посмеет претендовать на этот предмет. Конечно, Ри со своими уцелевшими приятелями был бы рад когда-нибудь вернуться сюда и обнаружить свой лучший трофей нетронутым.

Нет, радоваться им не придется, Криспин расплылся в улыбке, наслаждаясь своей победой. Зеркало Душ поднялось над поверхностью воды, за ним сразу же прыгнула дюжина горрахов, но чудовища попадали снова в море, а сверкающий предмет продолжил подъем.

Прелестная штуковина. Боги! Древние умели делать вещи. Зеркало было похоже на огромную лилию, распустившуюся на стебле из света. Пять соединенных вместе лепестков из сверкающего, белого, словно платина, металла образовывали кольцо вокруг горящей ослепительно красным огнем сердцевины. На одном из лепестков виднелись какие-то отметины, похоже, выложенные драгоценными камнями. Кольцо это поддерживалось снизу треножником, напоминавшим плавные изгибы длинных, похожих на клинки листьев и также изготовленными из сверкающего белого металла. Из основания листьев поднимался стебель, сотканный из чистого света, что рождался из ничего и тек вверх по спирали, питая сердцевину цветка, завиваясь вокруг нее и постепенно исчезая на внутренних краях лепестков.

Криспин представлял себе эту вещь совсем другой. Более похожей на обычное зеркало и более зловещей. Что-нибудь с кнопками, переключателями, сцепленными шестеренками, нечто более напоминающее магический инструмент. И уж ни в коем случае не предмет декоративной мебели, не произведение искусства. Внешний вид не позволял ему определить принцип действия Зеркала... трудно было даже представить себе, что эта вещь может наделить его бессмертием.

Впрочем, беспокоиться еще рано. А пока следует заняться неотложным делом. По его приказанию капитан «Сердца Огня» подал сигнал для «Галвейского Орла», требуя воздушной встречи. Они с Анвином отведут аэрибли в Калимекку, примут на борт ждущих там солдат Сабиров, и к концу дня или к следующему утру Дом Галвеев со всем его стратегическим значением, всеми несметными богатствами и уцелевшими обитателями окажется в его руках.

Женщин и детей можно будет использовать для развлечения, подумал Криспин. А мужчин казнят на городских площадях. Он полностью уничтожит это Семейство и сотрет повсюду герб Галвеев — сначала в Калимекке, а потом и во всем мире.

А *потом* сделается богом.

Иногда Криспин испытывал приятное изумление от того, как удачно складывается его жизнь.

Глава 22

Кеит и ее спутники высадились на берег у подножия вулкана Фалея под прикрытием вечерних удлиняющихся теней — усталые, голодные, измученные жаждой и напуганные. День они провели, прячась от одного из аэриблей, очевидно, разыскивавшего их. Впрочем, на Тысяче Плясунов найти хорошее укрытие было несложно, а вновь созданный при помощи крови экран надежно укрыл их, сделав невидимыми и для магического зрения.

Они уцелели — пока, — но утратили Зеркало Душ. Кеит мучилась виною пред Возрожденным и страшилась грядущего.

Они затащили лодку в подлесок, доходивший до самой линии прибоя, а потом вереницей побрели по указанной Яном узкой тропинке. Приунывшие, готовые вконец отчаяться, они шли поначалу молча, стараясь не производить никаких звуков. Затем, поняв, что скорое пленение им не угрожает, Ри и его подручные принялись негромко обсуждать обстоятельства смерти Карила. Хасмаль и Кеит в разговор не вступали: перед глазами Кеит все еще кувыркалось Зеркало Душ, опускаясь в глубины морские, и кровавый луч, исходивший из его сердцевины, рассекал воды. В памяти еще жив был гул моторов приближающихся аэриблей, и хотя душа ее желала верить в то, что врагам их не удастся поднять Зеркало из пучины, уверенности в подобном исходе быть не могло. Она знала — как знала самое себя, что они — кто бы они ни были — уже извлекли Зеркало и отправились с ним в Калимекку.

Ян в этой стычке с неприятелем ничего не потерял, однако и он был столь же подавлен, как и все они.

— Поселок впереди, — сказал он наконец. — Придется остановиться здесь, иначе нас могут подстрелить часовые.

Кеит остановилась вместе со всеми и принюхалась. Ветерок действительно доносил до них запах деревни. К таким несомненным признакам человеческого поселения, как вонь гниющих отбросов, запахи кухонных очагов, пота и скотины, примешивались ароматы цветов, перезревших плодов и густое сладостное благоухание каберры.

— *Хейян, этто буреббан бейя э теббо,* — обратился к темноте Ян.

Они ждали. Кеит прислушивалась, подключив все чувства Карнеи и стараясь уловить с их помощью звуки движения часовых, однако ничего не услышала. Она не могла определить их положение и по запаху, хотя ветерок дул со стороны деревни.

— По-моему, за нами никто не следит, — сказала она, убедившись, что долгое ожидание в темноте не принесло результата.

— Они наблюдают, — ответил Ян. — Они всегда наблюдают.

Прохладное дуновение воздуха качнуло верхушки деревьев, и Кеит вдруг поняла, что он прав. Она ощущала запах не людей... а кого-то другого. И еще она чувствовала кожей, что из тьмы за ней следят чужие глаза — такие же острые и внимательные, как и ее собственные.

Тонкий пронзительный голос прямо над ее головой прочирикал:

— *Хейяпто теббо нан рит. Вей хеттабей?*

От неожиданности Кеит вздрогнула. Никто не мог подобраться к ней незамеченным настолько близко с тех пор, как... да нет, на ее памяти вообще не было подобного нарушения границ ее тщательно выстроенной линии защиты. Часовой, конечно же, не был человеком, однако этот факт отнюдь не оправдывал допущенной ею оплошности.

Ян назвал себя:

— Ян Драклес, уберит.

— Хат атти.

— Часовой разрешает идти дальше. Меня здесь знают. Тем не менее не смейте даже прикасаться к оружию по пути к деревне или делать какие бы то ни было жесты, которые могут показаться опасными. Некоторые из них непременно последуют за нами до самого поселка.

— Кто они? — поинтересовалась Кеит.

— Какая-то разновидность Увечных. — Ян пожал плечами. — Союзники здешних жителей. Я никогда не видел их и не знаю, на кого они похожи или каким образом сумели договориться с обитателями поселка. Мне известно о них лишь то, что их

отравленные стрелы не знают промаха... кстати, однажды они успели уложить больше сотни человек, напавших на это селение, за время, которое потребуется вам или мне, чтобы сесть. Выглядело это так: отряд бежит вперед, с воплями, бранью и поднятым оружием, и вдруг — за какой-нибудь миг — все оказываются на земле, и в каждом из них торчит отравленная стрела.

На пути к деревне все молчали, чтобы ненароком не уронить слова или жеста, за которые можно поплатиться мгновенной смертью.

У ворот поселка их поджидали двое мужчин с горящими факелами. Они говорили по-иберански с весьма заметным акцентом.

— Мы знали, что вам прийти, — проговорил один из них, крепкий мужчина средних лет, лицо которого пересекало несколько шрамов. Прищурившись в свете факела, он разглядывал их. — Старый воин, он велел нам ожидать вас.

— А это будет Собрат Ян, Папаша, — сказал второй. — Старый воин не говорил, что придет Собрат Ян.

— Он никогда не говорит, кто придет. Он сказал, что кто-то придет и что огонь, горевший вчера, это знак.

— *Плохой* знак, сказал он.

— Плохой знак, — негромко отозвалась Кеит. — Иначе и не скажешь!

— Заходите все, — пригласил их младший. — Старый воин ждет.

Какой-нибудь утомленный жизнью деревенский вождь, размышляла Кеит, глазел на небо и сразу понял, что появившийся вдруг там багровый луч предвещает серьезные неприятности. После чего он предупредил часовых и жителей поселка, велев им ждать путников, которые не могут не появиться вслед за подобным зрелищем. И теперь им предстоит побеседовать с ним и убедить в том, что они ничем не угрожают деревне. А потом...

Она слишком устала, чтобы раздумывать о том, что будет потом. Должно быть, им с Хасмалем придется отправиться в Калимекку на поиски Зеркала. Попытка эта, нетрудно было предположить, грозила им обоим смертью, однако не предпринять ее они не имели права.

Предаваясь подобным размышлениям, она брела за полуслепым стариком, который тем не менее уверенно и быстро вел новоприбывших по узким улочкам крохотной деревеньки, все время повторяя:

— Идите за мной.

Старик остановился перед хижиной, ничем не отличающейся от всех остальных. Выбеленные стены из глины,

кровля из связок пальмовых листьев, окна, затянутые тканой сеткой, бамбуковая дверь, за которой можно укрыться разве что от кур или уток... в крайнем случае от коз, если те не будут особенно стремиться войти внутрь. От дома пахло каберрой. И чем-то еще. Чем-то, а может быть, и кем-то знакомым, вот только ум ее сейчас отказывался связать запах с именем.

Проводник заглянул за дверь и крикнул:

— Они здесь! Они пришли, Собрат!

Кеит услышала негромкую фразу, произнесенную на безукоризненном иберанском, и морозец пробежал по ее коже, так что даже пришлось взять себя в руки. В следующий миг в двери появилось лицо, и лицо это сразу же сложило в привычную картину и имя, и запах.

— Дядя Дугхалл! — закричала Кеит и ринулась вперед мимо старика и своих спутников. В восторженной спешке она сорвала с кожаных петель хлипкую дверь и наконец обняла своего все еще сонного родственника.

Глава 23

Криспин все еще не мог поверить в собственную удачу. Галвеи, оставшиеся в своем Доме, сдались буквально через какие-то мгновения после начала нового вторжения — едва лишь аэрибли приземлились на посадочной площадке. С того момента, когда он сошел с воздушного корабля на землю рядом со своим новым Домом, не прошло и стоянки, как Криспин уже выбрал себе апартаменты, отослал рабов Галвеев в Дом Сабиров и отправил Анвина с Эндрю на поиски интересных трофеев, которые могли обнаружиться в захваченном Доме.

Большую часть обратного пути в Калимекку голос Дракона, звучавший в его голове, рассказывал о том, что еще необходимо сделать. И теперь Криспин расхаживал по своим новым покоям, буквально ощущая кожей давление ушедших веков.

Важно, чтобы ты находился в толпе, объяснял голос. *В тот самый миг, когда ты включишь Зеркало, своим магическим действием оно отберет жизни у всех окружающих. Если ты будешь один, ему неоткуда будет брать энергию, и оно полностью высосет ее из тебя. Встроенные в Зеркало устройства защищают оператора, однако они не смогут помочь, если ты будешь один.*

— Сколько же людей ему нужно? — спросил он. — Десять? Двадцать?

Чем больше людей будет окружать тебя, тем больше энергии ты сумеешь впитать, тем больше божественных дарований ты получишь. Тебе нужен не десяток. И не сотня. Тебе необходимы тысячи... Десятки тысяч.

Так вот как работала мерзкая магия Драконов, *кайботен*. Все прочитанные им книги проявляли в этом единогласие. *Кайботен* была магией толп; она извлекала силу сразу из всех вокруг, а не только из тех немногих, кто был специально подготовлен и предложен в качестве жертвы. Для адепта *кайботен* невольной, ничего не подозревающей жертвой становился весь мир.

И теперь Криспин намеревался воспользоваться тайнами этой древней возмутительной ворожбы. Но для этого он нуждался в помощнике, который соберет ему необходимую толпу.

В дверь его постучали, в комнату вошел слуга.

— Номени хео Тасслими, — сообщил он и поклонился. Вслед за ним в комнате появился верховный парниссa Калимекки. Номени был наставником Криспина в юные годы. Парнисса, напоминавший старого коршуна, похоже, только что оторвался от своих молитв; он тяжело дышал и даже не снял ритуальных одежд, хотя парниссам не позволялось носить священные облачения на улицах города.

— Криспин! — Улыбнувшись, он похлопал по плечу своего прежнего ученика. — Как непривычно получать от тебя весточку в столь поздний час, и как странно: я как раз думал о тебе. До ушей моих уже донесся слушок, что ты... приобрел... этот чудесный Дом.

Оглядев комнату, он заметил сверкающий предмет в углу и приподнял бровь.

Криспин улыбнулся. Номени всегда пользовался отменными источниками информации.

— Я обнаружил сокровище, — объяснил он.

— Понимаю. И надеюсь, что добрые новости не обойдут и парниссерию. Щедрость богов подобает запечатлевать соответствующим даром.

— У меня найдется такой дар, мне кажется. Но лишь для тебя одного. — Криспин кивнул в сторону предмета. — Это Зеркало Душ.

Потрясение, проступившее на лице Номени, вполне удовлетворило Криспина, и он сразу перешел к подробностям.

— Таким, Номени, его никто не мог бы себе представить. Это просто чудо, величайшее среди всех творений, вышедших из рук Древних. — Краем глаза он следил за парниссой. — Оно делает людей бессмертными и наделяет их силой богов.

Глаза старика вспыхнули голодным блеском, и Криспин внутренне усмехнулся. Он повернулся лицом к своему прежнему наставнику:

— Я хочу стать богом.

— Я стар. Я болен... — без раздумий ответил парнисса. — По-моему, я умираю. Наделишь ли ты бессмертием и меня?

Криспин кивнул:

— Вот потому-то я и пригласил тебя. Я не стану делить с кем-либо еще эту великую власть. Но два бога без особого труда поделят между собой этот огромный мир, как тебе кажется? Представь себе: мы вдвоем... и вечность.

Парнисса потупил глаза и негромко проговорил:

— Я боюсь смерти. И мысль о смерти, о перерождении, о новом беспомощном детстве, о длительном возрождении, о новой борьбе за власть не доставляет мне никакого удовольствия. Я уже нахожусь там, где хотел бы находиться, и делаю то, что хотел бы делать. — Поглядев на Криспина, он добавил. — Скажи, каким образом я могу помочь тебе?

— На рассвете провозгласи день святым. Пусть ударят в колокола, потребуй, чтобы закрыли все лавки и мастерские, прикажи всем собраться на главной площади для молитв. Скажи им, что... — Криспин пожал плечами. — Не важно, что именно. Например, что у тебя было видение, или кто-то из богов сказал свое слово, или еще что-нибудь. Скажи, что захочешь. Только собери на площади всех, кого можно. Зеркало исполнит свое назначение, использовав их, чтобы наделить нас жизнью и силой.

— Ты же из Семьи, Криспин. Сабиры и сами могут созвать народ своей властью.

— Могут, — согласился Криспин, — но сейчас я не могу этого сделать без согласия и благословения параглеза. А он захочет узнать причины, потребует, чтобы это сокровище облагодетельствовало всю Семью. Я лично не желаю даровать бессмертие большей части моих родичей. Если сделать это сейчас, мне не придется делиться нашей тайной с Эндрю, Анвином, с параглезом, со всеми Волками и твоими парниссами. Совершив все необходимое прямо сейчас, мы вдвоем завладеем миром.

— Ага. — Старый парнисса кивнул. — Вот почему я попал в твои планы. Потому что я могу созвать народ без чьей-либо помощи.

— Именно так.

— А что будет с этими людьми... с этими тысячами?

— Их жизни станут топливом для чар.

— Они умрут?

Криспин пожал плечами.

— Не знаю. Возможно. А это имеет какое-то значение?

— Я учил тебя, — улыбнулся парнисса. — Я вылепил из тебя собственное подобие. Я создал тебя. Так зачем же задавать подобный вопрос?

Криспин ответил на улыбку улыбкой:

— Ты спросил меня о том, что с ними будет, хотя я не могу представить, чтобы ты затруднял себя подобными мыслями, когда я был моложе. И я подумал, что с возрастом ты размяк.

Запрокинув голову назад, Номени расхохотался.

— Старая птица с возрастом становится более жесткой... мягкой ей никогда уже не быть. А теперь идем. Ты, я и твои слуги вместе с Зеркалом Душ выберемся из этого дома, как воры из сказки о Джошане и пяти ветрах. На рассвете овцы выйдут на молитву. А мы с тобой — на охоту.

Глава 24

С башни центральной парниссерии Калимекки во все стороны, к сотням других башен, по всему великому городу, распространялся призыв:

— *Кан иббоут!*

Собирайтесь на молитву!

Зов этот летел над городом, и люди, направлявшиеся на рынок по мощенным булыжником узким улочкам, принимались погонять своих осликов или волов, чтобы успеть еще до рассвета отвезти товар обратно; женщины, только что раскладывавшие свое добро на прилавках, охая, начинали вновь прятать вынутое. Слуги великих Домов, недовольно вздыхая, поднимались со своих жестких постелей, чтобы заняться шелками и тонким полотном, которые потребуются их паратам еще до начала следующей стоянки. Удивленный город пришел в движение, в ожидании вдохнул, но так и не выдохнул. Сам воздух, казалось, был пропитан этим затаенным томлением.

Прогонявшие предрассветную тьму крики шивелов пробуждали спящих и предупреждали тех, кто работал ночью, о том, что на рассвете их не будет ждать ласковая постель. Те, кто мог позволить себе такую роскошь, завтракали — не очень плотно в предвкушении дня, посвященного молитве и посту.

Криспин стоял на возвышении просторной площади парниссерии и разглядывал город, распростершийся у его ног, чувствуя торопливое биение сердца, с трудом проталкивающего по ставшим вдруг тесными жилам кровь. Скоро... так скоро...

Что же следует надеть будущему богу в день его обожествления, спрашивал он себя. Отвергнув зеленые шелка, он выбрал золотую ткань и свои лучшие изумруды. Взял самый

лучший меч. Надел головной убор Фингус — усыпанный изумрудами золотой наголовник, украшенный с двух сторон перьями из хвоста самца лук-птицы. И самые свои *удобные* сапоги. Ни один бог не допустит, чтобы у него в такой день болели ноги.

Зеркало Душ уже занимало свое место перед главным алтарем центрального парниссерия. И Криспин стоял за ним, улыбаясь мужчинам, женщинам и детям, уже начинавшим наполнять площадь. Его мясо. Его топливо. Он уже ощущал, как энергия этих ничтожных душонок вливается в его жилы.

Солнце, поднявшееся над горизонтом, лишь намекнуло о своем пришествии в мир, сразу же скрывшись за одутловатыми тушами дождевых облаков. Колокола запели на альтовой ноте Сомы и едва успели отзвенеть, как первые огромные капли зашлепали по мостовой, и над невысокими холмами пророкотал гром. Внизу раскрылись, словно цветы в пустыне, сотни зонтиков из плотной бумаги, и Криспин вновь улыбнулся. Интересно, многие ли из этих людей, поспешивших на священную площадь, вернутся сегодня домой? Сколько из них сегодня до капли отдадут ему свою кровь, чтобы он мог сделаться богом?

Номени занял свое место на ступенях перед Зеркалом Душ и уже начал первый из молитвенных танцев — он медленно поворачивался на одной ноге, низко пригнувшись и касаясь ладонями каменной лестницы. Гибок, мерзавец, подумал Криспин. Старый, конечно, да и, возможно, действительно стоящий на пороге смерти — слухи об этом ходили уже несколько месяцев — и тем не менее сохранивший хватку.

Глядя на наставника, Криспин мог лишь сожалеть о лжи, потребовавшейся, чтобы добиться помощи старого парниссы. Номени не станет богом. Не станет, как и все остальные. Ведь он, Криспин, не собирается с кем-либо делиться властью, лишь он один прикоснется руками к пятну света, кружащему в сердцевине Зеркала... вихрю багрового света, который, по словам Дракона, наделял бессмертием. Лишь он получит жизнь и силы, извлеченные Зеркалом из собравшейся многотысячной толпы. И лишь он один будет жить вечно.

Старик завершил свой молитвенный танец, и, выйдя из-за Зеркала, Криспин спустился по лестнице, чтобы преклонить колена перед Номени, во всем являя преданного последователя Иберизма, каким его учили казаться.

— Восстань, — велел ему старик.

Криспин коснулся губами края облачения Номени — простого и благочестивого черного шелка, рядом с которым его собственные золото, изумруды и перья казались дешевыми побрякушками наложницы. На мгновение он почувствовал себя

глупцом, словно старик явил ему пример истинной власти. Но, поднявшись на ноги, Криспин позволил себе лишь теплую улыбку на лице и во взгляде и прошептал:

— Ну, старый друг, готов ли ты разделить со мной божественное достоинство?

— Подожди, — шепнул в ответ Номени. — Площадь еще не собрала достаточно людей. Я сообщу пастве, почему они здесь собрались, но только после того, как толпа уплотнится.

Криспин кивнул и попытался расслабиться. Вновь поднявшись на возвышение, он занял место позади Зеркала Душ и замер там, опустив руки. Парнисса остановился прямо перед Зеркалом — в соответствии с полученным от Криспина указанием.

Наконец парнисса возвел руки и возвысил голос, так чтобы его было слышно в самом дальнем конце площади:

— Иберане, калимекканцы, сыны и дочери Иберизма, внемлите ныне слову богов, открытому ими через меня. Сейчас облака над нами сгущаются, и боги, держащие Матрин в своих руках, стискивают тучи своими ладонями, извлекая из них гром и молнии. Они глядят на вас в гневе и посылают знамение, предвещающее смерть и мор, сулящее погибель этому городу и всем, кто населяет его.

Хорошее начало, решил Криспин. Волей-неволей прислушаешься. Собравшиеся на площади смотрели на небо, тем временем все новые и новые горожане проталкивались внутрь толпы. Люди уже жались друг к другу словно селедки в бочке, и на лицах их отражался страх. Вонь их страха шла отовсюду и касалась ноздрей Криспина будто сладчайшее из благовоний.

Сквозь скотское мычание и овечье блеяние толпы послышался грохот колес по мостовой. К площади торопились кареты. Он нахмурился. Подъезжать к парниссерии на карете позволялось лишь членам Семей, однако Семейства пользовались услугами собственных парнисс, служивших в приватных святилищах. Они собирались на площадях и площадках малых парниссериев, чтобы выслушать слова верховного парниссы, переданные с Башни Древних, высящейся над площадью Центрального святилища. Так кто же из членов Семейств выбрался из дома в столь скверную погоду, чтобы попытаться пробиться сквозь толпу и выслушать молитвы посреди немытого сброда? Из какой они Семьи и что заставило их явиться сюда?

— Ваши жертвы, — гремел Номени, обличая слушателей, — были постыдными. Вы предлагали богам не лучшее из того, что есть у вас. Ваше покаяние было ложным; все вы умалчивали о темных сторонах ваших жизней... вы лгали Лодан, дающей и берущей, и Бретвану, ликующему и страдающему.

Кареты вкатили на площадь, врезались в плотную толпу, дверцы их были украшены гербом Галвеев, коней прикрывали попоны тех же цветов. На мгновение Криспин испугался. А потом из первой кареты появился кузен Эндрю. Из второй выпрыгнул Анвин в плаще и маске, пышный костюм тщательно скрывал его отвратительное уродство. Оба они были одеты в красное с черным, цвета Галвеев, и легко раздвигали толпу, словно отточенный меч, рассекающий плоть... перетрусившие горожане, опасаясь за свои жизни, старались заранее убраться с их пути. Конечно, у них были для этого веские причины: невезучий простолюдин, к Семейству не принадлежащий и ненароком прикоснувшийся к парату или парате, не имея на то их соизволения, непременно попадал на Площадь Наказаний, дабы тешить толпу своими муками.

Итак, братец и кузен догадались, чем он тут занимается. Но каким образом?

Впрочем, это было не существенно... у Криспина оставалось достаточно времени, чтобы довести свой план до конца — если приступить к его исполнению немедленно. Божественного достоинства он в любом случае ни с кем делить не собирается.

Криспин провел ладонями по цветным знакам, врезанным в один из лепестков Зеркала Душ, тщательно соблюдая описанную Драконом последовательность действий. Пальцы его коснулись прохладной ограненной поверхности самоцветов, вставленных в металл. Тут, тут и *тут*... прикосновения пробуждали камни — они начинали светиться изнутри. Тем временем вихрь света в центре кольца закружил быстрее, вращение все ускорялось, и наконец, поверхность Зеркала как будто вздулась посередине. Сияние его переменило свой цвет: сперва оно стало голубым, потом синим, а затем синева превратилась в черноту; и в этот самый миг — в соответствии с наставлениями — он прикоснулся обеими ладонями к куполу черного света, вздувшемуся по центру Зеркала Душ.

«Я победил», — подумал он.

Ты проиграл, прошипел в его голове ехидный голос.

Свет хлынул наружу и вверх, темно-синее пламя лучом ударило в небо. А затем сияющий поток лентой изогнулся над площадью, над толпой, над Анвином и Эндрю, над младшими парниссами, стоявшими наверху алтаря позади него. И спустя мгновение заметался в толпе — от человека к человеку... прикасаясь к ним всем, связывая их, освещая их. Наконец луч ударил в башню парниссерия, а затем Криспин заметил, как он перепрыгнул и на другие высившиеся над городом башни. Он видел это, но ничего не мог сделать. Он не мог шевельнуться, не мог дышать, не мог вскрикнуть... он не мог даже пасть на землю и разорвать контакт с Зеркалом Душ.

А в голове его визжали демоны.

Боль, вспыхнувшая на дне каждого глаза, опалила корни зубов, сожгла язык, оставив от него одни только угли. Сверлящая, раскаленная добела боль пронзила его хребет и разлилась внутри, раздирая на части его тело. Он почувствовал, как его сознание, его душу вырывают из тела. Он пробовал воспротивиться этому, попытался одолеть свой ужас, однако все было напрасно. Он оказался беспомощен перед этим безжалостным светом, в клочья рвавшим его душу и уносившим ее испуганные, воющие обрывки в пылающую пасть Зеркала Душ. Высосанная из тела, выброшенная в ужасающую бесконечность Вуали, душа его плыла в темноте... разум, лишенный чувств, дух, запертый в непроницаемые стены. Он отчаянно закричал, прося пощады, вопя о спасении... умолял уничтожившие его силы вернуть его душу в тело, к жизни. Но боги не слушали его воплей.

Внизу на площади свет отступал от толпы, втягиваясь в Зеркало, поглощавшее этот свет словно море — бурный речной поток. Верховный парнисса Номени лежал бездыханным на ведущих к алтарю ступенях; скрюченное, высохшее за какое-то мгновение, мумифицированное тело... и жуткая маска, застывшая на лице его, — все это выдавало муки и ужас, испытанные им перед смертью. В толпе оказалось не много трупов — их местонахождение угадывалось по движению живых, старавшихся отодвинуться подальше, — эти пустоты вокруг погибших казались язвинами на теле сборища. Их было на удивление мало: среди примерно пятнадцати тысяч человек таких язвин насчитывалось не более двадцати.

Криспин все еще стоял, погрузив ладони в свет, круживший в центре Зеркала Душ. Тело его застыло, голова склонилась, на плечи словно давили неведомые силы.

А потом последние струйки света скользнули по спирали от сердцевины Зеркала и исчезли, оставив предмет безмолвным, спящим, мертвым. Отшатнувшись назад, Криспин вскрикнул, а затем встряхнулся, как будто приходя в себя после перенесенного кошмара. Он побагровел, на лице его было написано явственное смятение.

Глубоко вздохнув, он сошел вниз по ступеням и опустился на колени возле тела парниссы. И в этот самый миг сквозь облака пробился единственный солнечный луч и осветил его, заставив вспыхнуть теплым светом золотую ткань, а драгоценные камни — рассыпать разноцветные искры.

Распрямившись, он поднял руку, и звуки паники, начинавшейся в толпе, немедленно стихли.

— Народ мой, — сказал он негромко, но так, чтобы услышали все, — боги привели нас сюда, дабы все увидели их суд над неверными, недостойными и бесчестными. Многие из нас оказались одураченными теми, кому мы доверяли; многие из нас пали жертвами собственной доверчивости.

Криспин сделал шаг вверх по лестнице, демонстративно отстраняясь от мертвого Номени.

— Я тоже оказался в дураках: я позволил человеку, которому верил, привести меня сюда, чтобы принести жертву. Однако наши боги сами сказали свое слово, сами выбрали себе жертву. И мы, прошедшие испытание огнем, оправданные в глазах наших богов, должны вернуться домой и поразмыслить о тех, кто умер в результате совершенного ими зла.

Люди на площади не отрывали от него глаз. Овцы. Глупые овцы. Криспин махнул им рукой:

— Ступайте домой. Возвращайтесь под собственный кров, беритесь за работу, за то дело, которым вы были заняты. Боги повеселились и достигли собственной цели. И мы должны старательно блюсти свое благочестие, а боги позаботятся о благочестии тех, кого они возвысят над нами, чтобы служить им. В голосе его проскользнула горечь. — А теперь — по домам. Ступайте.

Анвин, преодолевая сопротивление толпы, повалившей с площади, наконец добрался до него.

— Не слышу в твоем голосе счастья, — мурлыкнул он. — Дорогой мой, не слышу счастья.

Криспин окинул его холодным взглядом.

— Какая чувствительность, братец.

— Так, значит, твоя крохотная игрушка сработала совсем не так, как ты надеялся?

— Если бы она оправдала мои ожидания, я бы уже стал богом, а ты и все прочие жители этого города стояли бы сейчас передо мной на коленях, — огрызнулся он. — А вокруг даже кланяющихся не видно.

Анвин расхохотался так, что задребезжала металлическая маска на его лице.

— Бедняга Криспин, такой умный и такой неудачливый. Тебе следовало бы подождать нас... быть может, втроем мы сумели бы заставить Зеркало сделать именно то, что оно обязано делать.

Криспин качнул головой:

— Оно... неисправно. Должно быть, сломалась какая-то деталь. Я слышал треск, его магия обратилась против самой себя. — Он пожал плечами с отрешенным выражением на лице. — Попытка ничего не стоила мне. Теперь мы заберем Зеркало

домой; вы с Эндрю можете заняться им... быть может, вы сумеете заставить его работать.

Криспин подозвал одного из младших парнисс, прятавшихся за алтарем.

— Ты... доставишь эту вещь в Дом Сабиров. — И он кивнул в сторону Зеркала Душ.

— А не в Дом Галвеев? — спросил Анвин.

— Это неудобно, он находится чересчур далеко. Я приказал перенести сокровища Галвеев в Дом Сабиров. Рабов уже переселили оттуда. А мебель... — Криспин пожал плечами. — Мы можем использовать его в качестве крепости или для развлечения. Однако для повседневной жизни Дом Сабиров кажется мне более удобным.

— Понимаю. Хорошо, что ты будешь с нами, — произнес подошедший Эндрю. — Нам придется следить за тобой, Криспин. Я больше не доверяю тебе. — Анвин расхохотался. Криспин последовал его примеру.

— Доверие? Как мне кажется, Анвин, я и ты, Эндрю, слишком цивилизованны, чтобы позволить этому словечку соблазнить нас, — ответил Криспин. — Доверие — оно для скота... для стада, которое доверяет хозяину, кормящему свой скот и забивающему его.

Спустившись по лестнице, он прошел мимо кузена и брата и направился прямо к своей карете.

— Я поговорю с вами обоими дома. Конечно, когда у вас найдется для этого время.

Криспин уселся в коляску, возница хлестнул лошадей, и карета загремела по мостовой.

Он повернулся к окну, разглядывая уходящих с площади людей. Внимание его привлекла молодая красотка. Она глядела прямо на него, а в глазах ее светилось холодное любопытство. Он прикоснулся мизинцем к щеке, и губы ее тронула улыбка. Коротко кивнув, красотка отвернулась. А потом он заметил мужчину, высокого, широкоплечего, худого, внимательно глядевшего на него черными как уголь глазами. Он тоже поднес мизинец к щеке. Криспин кивнул.

Изящная девушка, сложенная как танцовщица, отвернулась от державшего ее за руку парня; услышав грохот колес по булыжникам, она отступила на шаг, подняла голову и посмотрела на Криспина; улыбка ее казалась дикарской. Быстрым движением руки она смахнула со лба непокорную прядь... и мизинец на мгновение прикоснулся к щеке. Она отвернулась прежде, чем Криспин успел ответить. Но это не имело значения. Они еще соберутся вместе. И он, и она, и все остальные... сотни их в этом городе обрели свою плоть, захватив самые молодые, самые крепкие, са-

мые прекрасные из доступных тел и еще тела тех, кто был облечен властью.

Через неделю они соберутся. Еще через неделю вновь обретут контроль над ресурсами, необходимыми, чтобы заново воздвигнуть жизненные опоры, уничтоженные в Великой Войне. А когда они будут восстановлены...

...что ж, тогда они действительно обретут бессмертие.

Дафриль, Дракон, облекшийся в тело Криспина, улыбнулся, потянулся, вытянул вперед ноги и изогнул спину. Он блаженствовал, вновь обретя тело... более чем за тысячу лет он успел позабыть многие из удовольствий, даруемых плотью. Впрочем, у него впереди достаточно времени, чтобы заново ознакомиться с ними. Драконы вернулись. И на сей раз они намеревались остаться. Навеки.

Глава 25

Боль обагрила весь мир вокруг, и Даня постаралась сдержать крик; она зажмурила глаза, напрягла мышцы и задержала дыхание, но сделала этим только хуже. Казалось, ребенок рвется из нее наружу, прокладывая себе путь когтями и зубами. Она уже видела это маленькое животное. Он будет таким же, как и она сама, чудовищем: чешуйчатым, клыкастым, с жуткими шипами на суставах... порождение кошмара, тварь, что пожрет ее внутренности, а потом вспорет живот и загрызет двух повитух, сейчас склонившихся над ней и поддерживавших ее спину, чтобы она могла сесть на корточки.

— Гаталорра, — крикнула Дане одна из повитух. — Ты не должна сопротивляться родам. Дыши, а ребенок пусть выходит. Шеджхан, нагни ее вперед. Она слишком сильно опирается на хвост, и это мешает ей.

Старшая из повитух, Эйпри, отвернулась от Дани и занялась чем-то у очага.

— Я готовлю горячий отвар, который поможет тебе в твоем труде, — пояснила она. — Он уже почти готов, и с ним боль не будет казаться тебе такой сильной.

Схватки начались две стоянки назад. Даня, предупрежденная повивальными бабками, не испугалась. Они объяснили, что будет больно, вот боли и начались. Женщины показали ей, как надо дышать, и научили нескольким приемам, позволяющим уменьшить боль — опробовав их, она решила, что все в порядке. Боль, конечно, была сильной, но все-таки не такой, как при пыт-

ках, перенесенных ею в Доме Сабиров; она владела собой и была этим горда.

Но в последние полстоянки боль сделалась сильнее. И Даня не могла более сдерживать себя. Она кричала, плакала, выла, молила об облегчении. А теперь... Теперь она надеялась лишь на то, что умрет прежде, чем маленькое чудовище, продираясь наружу, разорвет ее тело на части. Она молила богов о скорой смерти, однако высшие силы, оставившие Даню в лапах Волков-Сабиров, и теперь не желали внимать ее мольбам. Даня плакала, кричала, ругалась, а боль накатывала на нее, потом на короткое время отступала, и вновь усиливалась, с каждым разом становясь все острее, повергая ее в еще больший испуг, отчаяние и безнадежность. Боль не отступала и Даня не могла прекратить ее; оставался единственный выход: родить ребенка. Теперь она не сомневалась: дитя убьет ее. Иначе боль не была бы настолько сильной.

Тысячи голосов лезли ей в голову... Они пытались успокоить ее, уверяли в том, что она выживет, а ребенок окажется особенным, и после она не будет одинока... Но слова эти говорили те же самые чужаки, которые месяцы назад связали свои души с проклятым нерожденным созданием, пытаясь при этом вторгнуться в *ее* собственное сознание со своей лживой добротой и плоскими утешениями. Даня обычно отгораживалась от них экраном, однако теперь она настолько ослабела от боли, что не имела на это сил. И они сразу же накинулись на нее.

Повитухи были заняты каким-то непонятным для нее делом. Гремя горшками, они возились у огня. Забулькала кипящая вода.

Наконец Эйпри оказалась возле нее. И заговорила — как будто с противоположного конца черного туннеля:

— Эти схватки кончились. А ты теперь стань на колени и руки и держи лицо поближе к горшку.

Эйпри и Шеджхан заставили Даню стать на колени и ткнули ее лицом в парящий котелок, поставленный на дощатом полу перед нею. Пар имел сильный запах трав, гнилого мяса и едкого мускуса циветты.

— Дыши глубже, — велела Эйпри. Обе женщины накинули на ее голову одеяло, пар наполнил ее ноздри, и Даня почувствовала, что ее вот-вот стошнит.

— Дыши. Пар снимет боль.

Внезапно ее вырвало, и она испытала облегчение. Вдохнув снова, она поняла, что ей становится лучше, и с жадностью принялась втягивать в себя вонючий пар, ощущая, как восхитительная расслабленность наполняет все ее тело. Она начала было оседать назад, однако повитухи вновь усадили ее на все четыре конечности.

— Не отодвигайся. Дыши. Глубоко. Глубже! Глубже вдыхай.

Глубоко дышать? Зачем? Ведь боль отступила, и она не собиралась более утомлять себя. Даня вдруг почувствовала себя просто великолепно... багровый туман боли рассеялся, и мышцы более не казались скрученными в тугой узел. И удивительный пар сделался теперь ненужным.

— Может, мы дали ей отвар слишком рано? — Голос Шеджхан донесся откуда-то с противоположного конца света. — Мы не остановили роды?

— Нет, все идет как надо. Теперь она просто расслабится, перестанет сопротивляться собственному телу и даст ребенку родиться.

Схватки начались снова. Резкая раздирающая боль из верхней части ее живота внезапно ухнула вниз, и Даня спешно втянула в себя пар, словно утопающий последний глоток воздуха. Ей хотелось кричать, однако одновременно вопить и втягивать в легкие благодатный пар было просто немыслимо. Она задыхалась, дрожала и не сдержала крик лишь в самый невыносимый миг, когда боль пересилила действие успокоительного зелья.

А потом схватки закончились, и она вновь почувствовала себя лучше.

— Ребенок близко? — спросила Эйпри.

Даня слушала без особого интереса... ей казалось, что обе повитухи обсуждают роды какой-то знакомой ей в прежние времена женщины. Шеджхан ответила:

— Я уже вижу макушку. Придется привязать хвост Гаталорры, чтобы я могла помочь ребенку. Своими судорожными движениями она только что едва не убила меня. Вот...

Даня почувствовала, как хвост ее поднимают и привязывают к центральной опоре кровли.

Они видят головку? Интересно. Хотелось бы знать, на что она похожа.

— Пусть тужится во время следующего приступа болей, — сказала Шеджхан. — Она готова.

Засунув к ней голову под одеяло, Эйпри велела ей:

— Когда придет следующая боль, задержи дыхание и напрягись. Ребенку пора выходить наружу.

Это хорошо. Она знала, что когда ребенок родится, ее муки закончатся. Даня попыталась представить себе, что тогда будет, но не смогла этого сделать. Ей уже казалось, что в таком состоянии она пребывала всю жизнь.

Впрочем, она сумела внятно задать единственный интересовавший ее вопрос:

— Будет еще больнее?

— Гаталорра, сейчас ты зашла уже так далеко, что тебе проще тужиться, чем не тужиться. Ты готова, и если позволишь, тело сделает за тебя все нужное, — объяснила повитуха.

Внезапно боль вновь обрушилась на нее, и блаженная дымка, в которой только что почивала Даня, рассеялась. Мир вновь сделался реальным, грубым и пропитанным кровью. Эйпри крикнула:

— Сейчас. Задержи дыхание и выталкивай из себя ребенка. Тужься. Тужься!

Закрыв глаза, Даня напрягла живот, одновременно и тужась, и противясь раздирающей ее боли. Внутри нее все пришло в движение. Шевельнулось и еще не рожденное чудовище. Она вдруг ощутила перемену к лучшему. Бремя ее вдруг сделалось легче.

— Хорошо! Хорошо! Старайся!

Охнув, она торопливо вдохнула, задержала воздух в груди и вновь напрягла мышцы. Она побеждала. Она избавлялась от этой твари.

Боль взорвалась в ее теле без предупреждения... в десять... во сто раз превосходящая ту, что была прежде. Даня упала лицом вперед и забилась, закричала, заплакала и вдруг услыхала позади себя тоненький голосок.

Одновременно с этим обе повитухи закричали ей:

— Ты уже почти родила! *Гаталорра*! Гаталорра! Слушай! *Головка вышла.* Тужься и делу конец!

В теле ее крепла неодолимая потребность натужиться — неподвластная воле, неизбежная, и Даня почувствовала, как ее переполняет немое, болезненное изумление. Опять? Ей придется испытать это опять?

Она не могла больше... и тем не менее, когда спазмы начались вновь, она сумела. Пришла новая боль — жуткая, обжигающая, всеобъемлющая, неподвластная никакой воле. А потом она вдруг исчезла — столь же мгновенно, как и накатила, — и ощущение удивительной теплоты затопило всю ее целиком. Боли не было. Красный туман рассеялся без следа. Ушла необходимость тужиться. Она осталась в живых, и вокруг было тихо, пропал даже этот тоненький писк.

Тишина.

И освобождение.

— У тебя родился мальчик, — сообщила ей Шеджхан.

И в голосе ее звучало сомнение.

Да хоть песик, подумала Даня. Она родила. Родила. Избавилась от твари, вторгшейся в ее тело. Она вновь услышала крик — тонкий, неровный, но уже несколько окрепший. Ей хотелось, чтобы повитухи вынесли чудовище вон, но они, на-

против, уложили ее на спину, подсунув под нее подушки, и вручили ей рожденную ею тварь.

Она взглянула на ребенка, и время остановилось. Младенец шевельнулся на ее руках, умолк и поглядел на нее серьезными глазами. Младенец. Ее собственный.

Младенец. Сын.

Она не могла отвести от него взгляда.

Мир затаил дыхание, и все его звуки оставались где-то очень далеко, за гранью обволакивающей ее тишины.

Молча смотрела она в глаза сыну, и тот отвечал ей тем же. Ребенок шевельнулся, моргнул, снова моргнул.

Никакое не чудовище.

И совсем не похож на нее. Ни когтей, ни чешуи, ни клыков, ни шипов.

Она проглотила комок, подошедший вдруг к ее горлу; глаза ее наполнились влагой, мешавшей смотреть.

Ее сын. *Человек.*

Бездонные голубые глаза ребенка пристально разглядывали ее; мягкие розовые губы сложились в крошечный бутон нежного цветка. На каждой руке у него было по пять крошечных пальчиков и столько же на каждой ноге... Мягкое тельце, с нормальными человеческими руками и ногами. Совершенное человеческое тело, и его родила она. Сабиры изувечили ее, погубили, но не сумели искалечить ее сына.

Она осторожно прикоснулась чешуйчатым когтистым пальцем к маленькой ладошке, и крохотные пальчики обхватили его. Младенец крепко держался за ее руку, заглядывал прямо в душу, и его любовь, любовь, которой она сопротивлялась все эти месяцы беременности, от которой стойко отгораживалась, заполнила ее целиком. Он был даром, ниспосланным ей свыше. Он стал ее наградой за все перенесенные страдания. Чудесный младенец.

Она поднесла ребенка к соску, выступавшему на чешуйчатой груди, и он принялся сосать. И при этом смотрел на нее. Свободная ладошка младенца сжималась и разжималась, но другая не выпускала ее палец.

— У него нет никаких чешуек, — сказала Шеджхан. — И хвоста. И когтей тоже. И на взгляд он кажется... мягким. Все это вырастет у него потом?

— Нет. — Даня ласково провела пальцем по гладкой, нежной щечке. — Не будет ни чешуек, ни когтей. Ни хвоста.

Она подняла взгляд.

— Вы не принесете для него одеяльце? Прошу вас!

Крошечные мягкие ладони ребенка повторяли форму ее кистей, какими они были когда-то. И в круглых, обра-

щенных сейчас к ней глазах она подметила сходство со своими собственными... теми, что в последний раз смотрели на нее из зеркала в Доме Галвеев.

Она держала малыша с трепетом, опасаясь, что ее чешуйчатый покров может оцарапать его, страшась нанести случайную рану грубыми когтями! Она не могла, не смела даже подумать о таком. Дитя казалось ей существом волшебным, куда более чудесным, чем все, что она видела или знала прежде. Как могла она думать, что ненавидит его? Как могла она мечтать избавиться от него?

Какая-то часть ее смотрела на ребенка с ревностью. В конце концов он был человеком, и именно человеком она хотела снова стать и не могла этого сделать. Человеком.

Но все остальное в ней повторяло: «Он мой! Мой сын. Мой прекрасный сын».

Где-то на задворках ее ума, голос, не принадлежащий ей самой, зашептал: *Даня? Ты слышишь меня? Ты слушаешь?*

Луэркас. Она не слышала его голоса с тех пор, как тело ее сделалось слишком неуклюжим для путешествий в Ин-Каммерею, тайный Дом Бесовских призраков, куда когда-то привел ее незримый собеседник, ибо лишь там она могла разговаривать с ним, не опасаясь, что их разговор подслушают духи, которые потом не оставят в покое ни ее, ни младенца.

Я слышу тебя, произнесла она в уме, не желая говорить вслух в присутствии повитух.

Луэркас казался довольным. *Ты молодец, Даня. Великолепный младенец! Куда лучше, чем я ожидал. Отличный парень. Просто загляденье.*

Даня приняла комплимент без комментариев. Она удивилась тому, что не слишком рада слышать голос духа, спасшего ей жизнь. Скрывая свое противоречивое отношение к нему и не желая обидеть Луэркаса, она ответила: *Я рада твоему возвращению. Мне тебя не хватало. Я боялась, что ты бросил меня.*

Ты мой друг. Ты — мое окно в мир живых. И мне тоже не хватало тебя все это время, пока я не мог разговаривать с тобой. Но я не покину тебя, Даня. Никогда не покину тебя.

Нет, не покинет. Он всегда будет с ней, будет заботиться о ней, оберегать и в конце концов поможет отомстить Сабирам, Галвеям и тому миру, что погубил ее. Она знала это... ощущала собственным нутром. Она будет с восторгом слушать его спокойный голос, вновь обращающийся к ее душе. Так и должно быть. И скорее всего так будет.

Я знаю, что ты мой друг. Она поглядела на младенца, лежащего у нее на руках, очаровательного младенца, кото-

рого она не хотела прежде, и выбросила из головы все сомнения относительно Луэркаса. *Разве не чудесный ребенок?*

Луэркас торопливо ответил: *Самый прекрасный ребенок из всех, которых мне доводилось видеть.*

Глава 26

Склонившись над изготовленным Дугхаллом зрительным стеклом, Ри наблюдал за кузеном Криспином, расхаживавшим по Дому с важностью параглеза, что вовсе не подобало бы младшему Волку. Нетрудно было заметить почтение, выказывавшееся Криспину остальными Волками — по крайней мере в глаза — и сразу же после его ухода сменявшееся на их лицах страхом и отвращением.

Что же произошло в Доме во время его отсутствия? Что могло дать Криспину такую власть? Почему каждый из Волков, увидев его, преклоняет колено и прижимает руку к сердцу?

Произошли горькие, злые перемены; Ри понимал это. Его кузен Криспин сделался Драконом, или стал одержимым духом Дракона, или же помогал Дракону... Дугхалл не сумел определить, что сделалось с душой Криспина, когда Зеркало Душ поместило дух Дракона в его тело. Однако после того, как Ри тщательно подстроил сцену убийства в собственной комнате, оставив улики, указывающие на Криспина, его брата Анвина и их прихвостня и кузена Эндрю, Семья должна была отречься от Криспина; его должны были казнить на Площади Наказаний задолго до того, как Дракон получил возможность воспользоваться его телом.

Позади него появился Дугхалл.

— Ну как, еще не увидел его?

Повернувшись, Ри ощутил, как позвоночник его кольнуло в десятке мест. Он поглядел на Дугхалла, так и не избавившегося от влечения к Зеркалу. Проклятый предмет предал Ри, его друзей и Кеит, в конце концов, втянул в неприятнейшую ситуацию его омерзительных кузенов... едва не погубил их всех. Он уже жалел о том, что позволил Кеит поднять на борт «Сокровища ветра» поганую штуковину. Как и о том, что не сумел выбросить Зеркало в море вдали от Калимекки. Тогда им не пришлось бы сейчас сидеть и всматриваться в крохотные заговоренные стекляшки, надеясь отыскать с их помощью способ устранить ту, во многом еще непонятную порчу, которую уже успело внести в этот мир Зеркало.

— Нет, — буркнул Ри. — Зеркала я еще не видел.

Ради любви к Кеит он заставил себя покориться ее дяде. Ри, сделай это. Прикажи своим людям то-то и то-то. Ступай туда. Посмотри сюда. Он велел себе без возражений сносить непоколебимую уверенность Дугхалла в том, что он и его друзья относятся к людям второго сорта лишь потому, что все они Сабиры. Он вынуждал себя терпеть неудовольствие, недоверие и неприязнь старика.

Впрочем, те же самые чувства — недовольство, недоверие и неприязнь — испытывал и он сам. Ри не мог похвалить себя за терпимость, поскольку относился к Дугхаллу не лучше, чем тот к нему.

Однако, невзирая на все его жертвы, Кеит отказывалась переступить границы вежливости, установленные ею в отношениях между ними. Они были обречены на неразрывность друг с другом, их связывала могучая и необъяснимая сила; Ри чувствовал и знал, что в этот самый миг Кеит спешит по городу, выслеживая на улочках Калимекки человека, находящегося в услужении у его Семейства. Он был неразлучен с ней, словно пребывал в ее голове. Находясь с Кеит в одной комнате, он мог ощущать кожей прикосновение ее нагого тела — он чувствовал бы это, даже если бы между ними находилась сотня людей. Ночью, лежа в постели, он пробовал своими губами ее губы, хотя Кеит ни разу не поцеловала его; а закрывая глаза, видел, как она танцует обнаженная, озаренная луной, и руки ее, плечи касались его так же обнаженной груди. Всякий раз, когда ему удавалось заглянуть в ее глаза, он видел, что и она испытывает то же самое — столь же полно, ярко и неотвратимо, как и он сам. Тем не менее она не приближалась к нему. Не желала даже коснуться его. Она не поддавалась страсти, владевшей ими обоими. Кеит не соглашалась ни на какие предложения Яна и уклонялась от его объятий, однако же не позволяла и Ри искушать ее.

Ее поведение напоминало смиренность и воздержание недавно посвященной парниссы; по утрам она погружалась в медитацию, совершая обряд безмолвной, не оставляющей следа магии, которой учили ее дядя и Хасмаль. Медитируя, она скрывалась за экранами и становилась невидимой для него. В таких случаях Ри всегда казалось, что она отрезает и забирает с собой часть его души.

Не произнеся больше ни слова, Ри снова уткнулся в стекляшку, и Дугхалл понял намек. Он решил пойти к Джейму, чья смена уже закончилась... приятель Ри следил за Кеит, выясняя, не узнала ли она чего-нибудь интересного.

Криспин, видимый на лежащем перед Ри стекле, направлялся в самую сердцевину владений Волков. Дракон целеустремленно шествовал по коридору, что вел его к Белому Залу, между дугами арок, отливавших на свету яркой пестротой цветного

стекла, и вот наконец он вступил в зал. Криспин оказался там в одиночестве. Он остановился перед узором, врезанным в пол капища — перед Тропой Духов. Перед литым золотом столба жертвоприношений.

Предмет находился здесь. Проклятое богами Зеркало Душ стояло перед золотым столбом, более всего напоминая алтарь, устроенный перед идолом.

Ри поежился. Он не любил даже приближаться к Белому Залу. Заточенные в его недрах души несчастных жертв все время взывали к нему и молили об освобождении.

— Вот оно, — сказал он, и буквально через мгновение точно на крыльях перелетевший через комнату Дугхалл оказался на коленях перед мутным стеклом.

— И какая же из этих вещей является Зеркалом Душ? — Ри совсем забыл, что Дугхалл никогда не видел Зеркала. Он указал на один из находившихся в зале предметов. — Вот эта штуковина, похожая на цветок. Когда я в последний раз видел его, по центральному стержню поднимался свет, скапливавшийся посреди лепестков. А теперь оно кажется... мертвым.

Дугхалл затаил дыхание. Он как будто примерз к месту, тело его оцепенело, глаза смотрели только на Зеркало. Ри почувствовал, что даже воздух вокруг этого человека стал другим, из Дугхалла словно истекала какая-то сила, влившаяся в токи вселенной. Очевидно, он прибег к этой своей безмолвной магии, однако чем он был в эти мгновения занят, Ри не мог понять. Наконец Криспин покинул Белый Зал, Зеркало исчезло со зрительного стекла, и Дугхалл, вздохнув, отодвинулся назад.

— Ах, умно придумано. Невероятно умно. Сколь многого можно добиться с помощью простых заклинаний! — Дугхалл поднялся и направился было прочь.

— Подожди, — обратился к нему Ри. Вся жизнь этого старого сукина сына состояла из загадок, однако у Ри не имелось достаточного запаса терпения, чтобы старательно отыскивать разгадки. Особенно сейчас, когда ноги его затекли, а спина ныла после долгого ожидания в неудобной позе перед зрительным стеклом. — Ты хочешь сказать, что, только взглянув на это устройство, ты понял, что и как оно делает? И определил, какие чары использовали при работе с ним Драконы?

— В какой-то степени. Я могу сказать только самое главное. Магическое действие — во всяком случае, произведенное за счет других людей, — оставляет отчетливые следы. Если бы тебя учили пристойной магии, то после усердных занятий ты и сам сумел бы увидеть следы того, что проделали когда-то в древ-

ности Драконы, чтобы создать этот предмет. И прийти к тем же выводам, что и я.

Ри поднялся на ноги, игнорируя откровенно оскорбительный выпад против его магического образования и принятой среди Сабиров магии. Взглянув на старика, он бросил:

— Будь это так, Хасмаль понял бы, как работает Зеркало. Он же из твоих людей.

— К моим людям Хасмаль принадлежит потому, что является Соколом, которого учил его отец, тоже Сокол. — Дугхалл улыбнулся, скрестив руки на груди. — Однако усердным учеником Хасмаля нельзя назвать. Он заучил то, что преподал ему отец, потому что именно этого от него хотели и потому что был послушным сыном. Однако высокое мастерство не для послушных сыновей. Оно дается лишь тому, кто страстно желает совершенства.

Ри ожидал услышать продолжение сентенции, однако занудный старикашка предпочитал собственные игры.

— И что же? — с вызовом спросил наконец Ри.

Явно удивленный раздражением, прозвучавшим в его голосе, Дугхалл усмехнулся. Он качнул головой, и Ри ощутил неодолимое желание немедленно Трансформироваться и собственными зубами разодрать глотку этому старому пню. Однако же он сдержал себя — в равной мере из любви к Кеит и из здравого опасения магических способностей Дугхалла.

Наконец Дугхалл заговорил:

— Человеку с нетренированным взглядом может казаться, что Зеркало бездействует, но оно не мертво, оно питается сейчас жизненными силами большей части населения города, поддерживая собственную работоспособность. Мои руки никогда не принесут в наш мир подобное ему зло. Однако, мне кажется, я понял, каким образом можно устранить последствия работы Зеркала и создать небольшое устройство, способное ликвидировать магическое воздействие Зеркала на конкретного человека.

Ри закатил глаза к потолку.

— На одного человека. Полезная идея. Тогда мы можем выследить по одному сотни — а может быть, и тысячи — Драконов, вселившихся в тела жителей города... кстати, ты знаешь, сколько человек заплатили в прошлом году парниссальный налог за право жить в Калимекке? Больше миллиона. Представляешь ли ты себе, как просто укрыться в такой толпе сотне людей... пусть даже тысяче или двум тысячам? И ты собираешься по одному выслеживать Драконов и возвращать их туда, где они были прежде?! Как бы только они не уничтожили нас первыми. В конце концов в свое время они считались величайшими из магов. По-моему, они опасны, или ты думаешь иначе?

— Конечно, опасны. Однако нам не придется выслеживать их всех. Хватит и одного. Занимающего высокое положение, имеющего доступ к Зеркалу Душ... того, кто, избавившись от овладевшего им Дракона, проявит сочувствие к нам. Способного провести нас в Дом Сабиров и помочь выкрасть Зеркало у Драконов. Если мы сумеем выключить Зеркало или придать его действию обратную силу, они окажутся вырванными из занимаемых ими ныне тел и будут выброшены в пустоту.

— И это будет означать конец правления Драконов в Калимекке и во всем мире, и тогда ты вместе с остальными Соколами приведешь к власти своего Возрожденного божка, так? А не слишком ли ты оптимистично настроен? Судя по тому, что я слышал от Кеит и Хасмаля, пророчества предрекают войну между Драконами и твоими Соколами, прежде чем это случится?

Улыбнувшись, Дугхалл пожал плечами.

— Слова пророчеств всегда приходится интерпретировать. Быть может, наша интерпретация ошибочна, и схватка произойдет между несколькими могущественными противниками, а не между огромными армиями. Я не стану горевать, узнав, что ошибался на этот счет все эти годы. Победа над Драконами, достигнутая прежде, чем они сумеют нанести свой первый удар, лишь ускорит возвышение Соландера... и мир окунется в благодать намного раньше. И я сделаю все, что от меня зависит, чтобы ускорить превращение Матрина в рай.

Покачав головой, Ри отвернулся. Все трое — Дугхалл, Хасмаль и даже Кеит становились абсолютно ненормальными, когда речь заходила об их Возрожденном:

— Пытаясь воплотить в жизнь дурацкую легенду, ты рискуешь собственной жизнью. Ты глуп, Дугхалл.

— А хочешь узнать всю меру моей глупости? — Дугхалл опустил руку на плечо Ри, поворачивая его к себе лицом. — Возрожденный не бог. И не легенда. Он родился... родился сегодня утром, я почувствовал его первый вздох, с которым он пришел в мир. Большего счастья мне не приходилось испытывать. Он крепнет с каждым мгновением. Хочешь встретиться с ним?

Ри расхохотался. *Встретиться* с Возрожденным? Интересно, какой фокус придумал этот старикашка, чтобы убедить его в реальности существования Возрожденного? И потом, какую выгоду сулит Дугхаллу переход Ри на его сторону? Неужели он надеется обратить Волка в дурацкую веру Соколов?

Может, Дугхалл решил, что Соколов слишком мало, чтобы править всем миром? Или же он увидел в Ри достаточно могущественного чародея и счел, что предпочтительнее сделать из него убежденного союзника, вместо того чтобы терпеть рядом с

собой колеблющегося, помогающего Соколам лишь для того, чтобы завоевать Кеит.

Глядя на старика, Ри думал: и какой же трюк ты приготовил для меня, а? Ну ладно, мне нравятся хорошие магические фокусы вроде того, что последует сейчас, и, возможно, познакомившись с твоей задумкой, я узнаю о тебе больше, чем ты предполагаешь. Ты хочешь, чтобы я «встретился» с твоим великим героем? Вот и хорошо, развлеки меня.

А вслух сказал:

— Конечно, мне бы хотелось встретиться с твоим Возрожденным.

Глава 27

Они сели на пол скрестив ноги напротив друг друга, разделенные чашей для крови.

— Мне уже незачем выпускать свою кровь в чашу, — сказал Дугхалл. — Я много раз проходил этой несложной тропой, и моя душа знает путь. Но тебе нужна связь.

Ри качнул головой.

— Если ты не смешаешь в этой чаше свою кровь с моей, я немедленно уйду. Я не доверюсь заклинанию, возведенному только на моей крови.

Дугхалл пожал плечами и, достав жгут и полый шип, быстро выпустил в чашу несколько капель собственной крови.

— Я не собираюсь обманывать тебя, сынок. Я просто хочу, чтобы ты понял, за что мы сражаемся и почему. Ты добиваешься Кеит, и каждое твое слово и каждый жест говорят, что ты с нами только из-за нее. Поэтому я и хочу показать тебе то, что заставило Кеит встать на тропу Соколов, общую для всех нас.

— Я сказал уже, что готов присутствовать на твоем маленьком представлении. Только не жди, что я всему поверю. — Ри уже держал в руке жгут и свежий, полученный от Дугхалла шип; наконец он накапал в чашу немного крови, потратив на это куда больше времени, чем привычно справившийся с этим делом старик.

После этого Дугхалл широко развел руки и приступил к речитативу на одном из древних языков. Вслушиваясь, Ри смог различить рифмы и устойчивые обороты, отметив, что язык этот находится в близком родстве с теми языками Древних, которые ему доводилось изучать. И тем не менее он не сумел понять

ни слова. Впрочем, он уже начал ощущать действие заклинания, звучавшего в затемненной комнате.

Внезапно их охватил вращающийся вихрь... усиливаясь, он, сперва невидимый, вскоре обрел яркость. Оказавшись внутри этого вихревого кольца, Ри ощутил снизошедший на него покой. Окутавшая его тишина не была ни на что похожа, такого ему еще не приходилось испытывать за все время знакомства с магией... тишина эта обладала свойствами красоты и благородства, тогда как он всегда считал эти качества несовместимыми с колдовством. Находясь внутри мерцающей сферы, все еще подозревающий подвох, но уже потрясенный, он ждал начала представления, задуманного хитроумным Дугхаллом. Но старик предупредил его:

— Смотреть будет не на что. Закрой глаза, и я проведу тебя вдоль золотой нити.

Исполняя его веление, Ри зажмурился и обнаружил, что ясно «видит» золотую струну, выходящую из чаши с кровью и по спирали устремляющуюся на юг.

Он ощущал присутствие старика, но сейчас, внутри сияющей сферы, без свидетельств, предоставляемых зрением, Дугхалл вовсе не казался ему стариком. Он стал огромным, могучим как природная стихия и ужасающим — словно наползающая на побережье жуткая буря. Ри понимал, что этот шквал способен уничтожить все на своем пути, только не знал, *станет* ли он это делать.

Следуй за мной, приказал Дугхалл, продвигаясь к сердцевине сверкающего клубка, а потом вдоль нити. Ри обнаружил, что может идти за ним, и как только он оказался внутри клубка, нить повлекла его вперед с немыслимой скоростью. Он ничего не мог изменить, однако не ощущал испуга. Его окружала и наполняла собой любовь, становясь все сильнее и непостижимее по мере их приближения к ее источнику.

И вот они очутились там, где рождалась эта любовь. Ри ничего не видел, однако же не имел ни малейших сомнений в том, что происходит. На руках матери покоился новорожденный младенец, спокойный и тихий. Ри ощущал силу, исходившую от этого младенца, его магическое искусство, познанное и до предела отточенное мастерство... чары, над которыми властвовали любовь и милосердие. Надежда и вера в лучшее. Он излучал счастье, точно это было его внутреннее свечение, яркостью подобное свету солнца и ласковое, как танец ветерка на цветочных лепестках.

Младенец предлагал себя миру как дар. Новорожденный, он уже знал, что всю свою жизнь будет служить лю-

дям, учить их, звать к красоте, подобной той, внутри которой обитал сам. И Ри понял, что остров благого счастья вполне достижим. Побывав однажды там, он мог создать внутри себя похожую красоту, хотя буквально за мгновение до этого не мог даже представить себе, что подобное возможно.

Мы не влюбляемся, вдруг понял он. Счастье не сваливается на нас. И сочувствие не возникает на пути к чему-то еще. Мы *выбираем* узкую тропу любви, радости, милосердия, понимания и, следуя ею, уходим в сторону от широкой дороги ненависти, гордыни, властолюбия. Непохожие пути эти ведут в совершенно разные стороны, и тот, кто отдает себя любви, проживет жизнь, наполненную этим чувством, и навсегда забудет о ненависти.

А он-то подозревал Дугхалла в мошенничестве. Ри понял, что был полным идиотом. Никто из побывавших рядом с Возрожденным не станет тратить понапрасну время, стараясь хитростью сделать человека сторонником Соландера. Никакие коварные трюки не привели бы к тому, что происходило само по себе в присутствии Возрожденного.

У меня есть место для тебя, сказал Возрожденный.

И Ри ответил: *Бери меня, я твой.*

Здравствуй, друг.

Вскоре он ушел от этого умиротворяющего покоя и возвратился в собственное тело, в сумрак крохотной мастерской. Ри открыл глаза — он по-прежнему сидел напротив старика, а по лицу его струились слезы. Собственная реакция потрясла его... однако она была вполне понятна. Впервые в своей жизни он встретил искреннюю неподдельную любовь. Ему приходилось чувствовать со стороны других уважение или понимание, но только не любовь. Мать считала его нужной фигурой в игре, покойный отец видел в нем прежде всего наследника, который когда-нибудь займет его место и продолжит его труды, родственники рассматривали его или как потенциальную угрозу, или как возможного союзника. Но любви, счастья, сочувствия, надежды... им не было места в Доме Сабиров.

Возрожденный вернулся, чтобы изменить такое положение вещей. Он пришел научить людей любви.

Поглядев на Дугхалла, Ри стер слезы с лица.

— Я на твоей стороне, — сказал он. — Что бы ни случилось, какую бы цену мне ни пришлось заплатить, я буду с тобой. Теперь я понял.

Дугхалл кивнул и, перегнувшись над жертвенной чашей, обнял его.

— Я рад приветствовать тебя на нашей стороне.

Глава 28

Стоя в секретном коридоре, что шел внутри стены, окружающей Дом Сабиров, Домагар смотрел в одно из потайных отверстий.

— Видишь ее? Тощую девку с выбеленными волосами, с косой, она сейчас идет за толстым разносчиком сосисок. Блеклая такая девица... не привлекающая взгляд.

Шпик, что перед этим провожал двух торговцев до гостиницы, внимательно поглядел в соседнюю смотровую щель и ответил:

— Да. Я вижу ее. И что?

— Она сидела рядом с тобой в таверне при гостинице. Выходя, я случайно поглядел на нее... и, встретившись с ней глазами, понял, что она не рада этому, хотя у меня не было сомнений в том, что я никогда прежде не видел ее. Мне пришлось предельно сосредоточиться, я потратил на размышления почти все время, пока шел сюда от таверны, и понял, что это та самая девица, которую я догонял, узнав, что она продает эти предметы. Она сказала, что ее зовут Хаит-ивени и что она торговка. Она говорила с имумбарранским акцентом и носила одежду островитян. У нее были черные волосы. И она казалась хорошенькой. Даже красавицей. А теперь она одета как иберанка-работница, чересчур неприглядна и к тому же растворяется в толпе прямо на глазах. Ты разговаривал с ней?

Шпику пришлось напрячь память.

— Она действительно не производила особого впечатления. Но... да. По-моему, я разговаривал с ней. Совсем недолго. — Он задумался, хмуро и пристально глядя на девицу. — Акцента у нее не было. Никакого. Более того...

Соглядатай, провожавший обоих хмотских торговцев до гостиницы, на мгновение закрыл глаза, вспоминая сидевшую возле него девушку. Голос ее, запах, манеру есть.

— Более того... странно, почему я сразу не обратил на это внимание. Дело в том, что произношение ее обнаруживало родство с Семьей. Его же должны были выдать и ее манеры, если бы я был внимательнее с ней.

Взглянув на собственные руки, он пробормотал:

— Проявлять подобную рассеянность во время работы не в моем обычае. В самом деле.

Снова припав к щели, он вздрогнул.

— Куда она подевалась?

— Она не сдвинулась с места, — ответил Домагар.

Шпик, присмотревшись, кивнул:

— Да, ты прав. Она не сошла с места.

— Она выскальзывает из памяти. И мне это не нравится. Не знаю, каким образом ей это удается.

— А я боялся, что допустил ошибку, — заметил шпик. — Теперь-то я понимаю, что за нашим столом она была самой интересной персоной — как раз из-за этих противоречий. Только тогда я их не заметил. Она ела очень деликатно... должно быть, тебе известна эта манера. Маленькими кусочками, не разговаривала с набитым ртом и медленно тянула свое питье, а не глотала залпом. Не сплевывала. И от нее не пахло потом, хотя день выдался жарким и ее окружали взмокшие люди. Она...

Он сделал паузу, чтобы, хорошенько припомнив, удостовериться в собственной правоте.

— От нее пахло цветами. И травами. Благоуханной чистотой.

Этажом ниже под ними у такого же ряда наблюдательных отверстий стояли Анвин Сабир и капитан стражи Семьи. Они наблюдали за той же девушкой.

— Во всех них я чую что-то нечестное, — заметил Анвин. — Чем бы эти люди ни занимались, это не имеет отношения к торговле предметами, необходимыми моему брату. — Он повернулся к капитану стражи. — Придется выяснить, что интересует их на самом деле. Приведите ее.

Кеит вздохнула. Она прождала уже достаточно долго, и друзья ее будут озабочены ее задержкой. Человек, за которым она шла, уже давно должен был доложить обо всем, что сумел заметить. И если он намеревался выйти из дома через эти же самые ворота, ему уже давно следовало это сделать. Иначе выходило, что он либо относится к числу постоянных обитателей Дома Сабиров, либо покинул его через какую-нибудь из второстепенных калиток. И в том, и в другом случае она уже ничего не могла сделать.

Для маскировки, а еще потому, что она успела проголодаться и почувствовать жажду, Кеит купила у толстого бритоголового парня горячую сосиску на палочке, а разносчик пива наполнил ее оловянную рабочую чашку рисовым элем — за бронзовую монетку в одну пятую прейда. Жуя и отпивая из чашки, она отправилась обратно — на рандеву с Дугхаллом. Кеит старалась играть роль утомленной работницы, без всякой охоты возвращающейся на свое рабочее место. Она так и не опустила экран, хотя и не обнаружила никаких признаков того, что в Доме Сабиров заинтересовались ею.

Ей хотелось сообщить Дугхаллу более интересные вести. Она жалела, что не сумела придумать способ последовать за этим человеком прямо в Дом Сабиров. Кеит не сомневалась, что там найдется много такого, о чем ей следует узнать. Она хоте-

ла... однако, решив, что незачем тратить время на пустые мечты, Кеит сфокусировала все свое внимание на насущных делах.

Улица, по которой она шла, круто опускалась с холма. И Кеит вдруг поняла, что ее нельзя назвать нормальной. Здания с обеих сторон ограничивали видимость, а сама улица то и дело — не меньше полдюжины раз — петляла, не позволяя идущему по ней видеть, что ждет его впереди или приближается сзади. Без сомнения, именно так и было задумано строителями Дома Сабиров. Ей не встретился ни один ответвляющийся проулок, что превращало эту улицу в длинный загон, и даже здания на ней не могли бы предоставить укрытия нуждающемуся в нем. Каждое из них являлось складом, отмеченным гербом Сабиров или эмблемами союзных с ними Домов. Все двери наглухо закрыты и большинство из них заперто на висячий замок. На пути к резиденции Сабиров Кеит была слишком увлечена преследованием и не обратила внимания на окрестности, однако, идя в обратную сторону, сразу же поняла, что место это ей не нравится. Совсем не нравится. Длинная, узкая, петляющая, лишенная перекрестков и обзора улица давала преимущества исключительно Сабирам.

Из-за резкого поворота впереди выскочили несколько мальчишек... головы их были опущены, а взгляды устремлены вперед. Они не разговаривали друг с другом; под мышками у каждого были зажаты биты для финни, один из них нес мяч. Ничто не свидетельствовало о том, что они хотя бы знакомы друг с другом, но вспотевшие лица, взмокшая одежда и затрудненное дыхание говорили о том, что они только что играли где-то на этой улице.

Их молчаливое, торопливое движение встревожило ее. Внезапно она поняла, что все, кто попадался ей навстречу, излучали какую-то нервозность. Они шли настороженно. И с опаской. Втянув воздух, Кеит учуяла запах страха. Она бросила недоеденную половинку сосиски в канаву, выплеснула эль и засунула чашку за пояс. Сердце ее запрыгало в груди.

Из-за угла впереди показались несколько старух в платках и в длинных юбках, которые они придерживали руками. Опустив головы, они спешили вперед, не глядя по сторонам. От этих страхом просто разило.

Теперь Кеит была уверена. Впереди ее ожидало нечто неприятное, но, находясь на хитро задуманной улице, она могла двигаться только вперед. Имеет ли эта общая подавленность какое-либо отношение к ней самой? Возможно, и нет. Сабиры могли просто выслать стражу — собирать импровизированный налог с уличных торговцев, однако почему тогда мальчишки внезапно оборвали свою игру? И почему все торопятся к Дому, вместо того чтобы бежать от него?

Свесив прядь волос на лицо, Кеит опустила плечи, пригнула голову и принялась укреплять экран, защищавший ее от чужих глаз, так что встречные теперь едва успевали уклониться от столкновения. И попыталась придумать причину, по которой она оказалась на улице: бригадир отправил ее поторопить каменщика, застрявшего где-то в поисках полдника. Сглотнув, она попыталась напустить на себя самый безобидный вид.

Обогнув следующий угол, она почувствовала, как сердце ее провалилось в пятки: впереди улицу перегородили десять стражников в зеленых с серебром мундирах — они проверяли документы у всех прохожих.

В поддельных бумагах Кеит было указано, что она принадлежит к торговому сословию — черноволосая имумбарранка по имени Хаит-ивени Тройная, дочь имумбарранской плясуньи и купца Гиру-налле. Сейчас же она выглядела как чистокровная иберанка, каковой и являлась на самом деле, и несоответствие внешности описанию в документах сулило серьезные неприятности. Кеит знала, что в Галвейских районах предъявление явно поддельных документов (или же подлинных, но с описанием, не соответствующим внешности) считалось преступлением, караемым тюремным заключением и тяжелым трудом. А в принадлежащей Сабирам части города подобные ошибки обходились гораздо дороже, так как здесь, по всеобщему мнению, законы являлись более суровыми.

Значит, все затеяно ради нее. Она допустила ошибку в течение последней стоянки и каким-то образом позволила шпику заметить ее. Или же ему удалось незаметно прикрепить к ней маячок. Или... впрочем, не столь уж важно, что именно она сделала неправильно... Следовало немедленно найти путь к спасению.

Из дверей склада, расположенного по левую сторону от нее, вышли работницы. На вид в точности такие же, как она сама — столь же неряшливые и усталые. Если они и испытывали хоть какую-то радость после окончания работы, та немедленно испарилась при виде перегородившей дорогу заставы. Дверь за ними медленно закрывалась, но тем не менее не захлопнулась до конца. Кеит видела, что язычок замка уперся в дверную раму, не позволив двери окончательно закрыться.

Первая удача.

Глубоко вздохнув, она нырнула внутрь. Аккуратно притворила за собой дверь. Язычок замка щелкнул, когда створка встала на место. Это не встревожило Кеит. Замки складов зачастую требовали ключа лишь снаружи.

Однако за дверью царила почти полная тьма, хотя Кеит надеялась увидеть здесь огни, движение, услышать голоса и иные признаки жизни. Но, увы, ее ноздри улавливали только за-

пах пыли, а безмолвие нарушалось лишь собственным дыханием Кеит.

Работницы только что вышли из оставшейся позади нее двери. Даже если женщины эти прибрали за собой, она все равно должна была заметить какие-нибудь признаки того, чем они только что занимались — кипы товара, живой запах в воздухе... хоть *что-нибудь*.

Кеит вздохнула, и со всех сторон пустота донесла до нее отголоски ее дыхания.

Она не слышала даже шуршания крыс.

Глаза ее привыкли к темноте, и она огляделась. Четыре стены поднимались на высоту, в пять раз превышающую человеческий рост. Справа и слева от нее не было видно ни окон, ни дверей. Пространство между стенами оказалось совершенно пустым. Прямо напротив нее темнела одинокая дверь, подобная той, что осталась за спиной Кеит. Светлой полоски под нею не было, однако створка могла плотно прилегать к раме. Любого рода деятельность могла разворачиваться лишь за нею.

Она прислонилась спиной к входной двери, а потом приложила к ней ухо. Снаружи раздавались вопли и крики. Если Сабиры действительно разыскивают ее, значит, не обнаружив ее на улице, они примутся обшаривать склады. В том здании, куда она попала, укрыться было негде. Однако за второй дверью, возможно, до сих пор еще работают. Быть может, она сумеет отыскать там закуток, где ей удастся спрятаться.

Кеит торопливо пересекла пустое помещение, взялась за ручку второй двери и вознесла короткую молитву Нерину, покровителю текущей стоянки с просьбой о том, чтобы замок не был заперт на ключ. А потом неторопливо надавила на ручку. Дверь открылась.

Кеит от души поблагодарила Нерина.

И опять она оказалась во тьме, на сей раз с равномерными интервалами пронзаемой лучами света. Кеит стояла в длинном изогнутом коридоре, в одной из стен которого располагались крохотные окошки. Влево от нее коридор взбирался на холм к Дому, вправо — уводил вниз, в безопасную сторону. Затаив дыхание, она задержалась в дверном проеме и, напрягая все чувства, попыталась определить, преследуют ли ее. По обе стороны от нее в коридоре никого не было видно. Возможно, он вообще сейчас пустовал. Шагнув вперед, она прикрыла за собой дверь, чтобы не оставлять следов для возможной погони, и повернула направо. Здесь было несколько дверей. Она толкнулась в каждую, однако все они оказались заперты. Кеит быстро добралась до тупика, которым оканчивался коридор в том месте, где склады Сабиров граничили с нижней Калимеккой. Если б только можно было пройти

сквозь стену... Однако прочная, сложенная из крупного камня преграда не допускала такой возможности. И в этот миг Кеит поняла жуткую вещь: она стояла сейчас в том самом коридоре, которым прошли стражники, чтобы преградить ей путь. И в любое мгновение здесь мог появиться новый отряд или же тот, что был на улице, возвращающийся обратно.

На складе, конечно, было бы безопаснее, хотя бы и до поры. И Кеит бросилась назад, проверяя на пути каждую дверь. Она не запомнила, какая именно вывела ее в коридор, а в царившем здесь полумраке все они казались одинаковыми.

Лишь одолев значительную часть петляющего подъема на холм, она сообразила, что наверняка уже миновала нужную ей дверь. Значит, та захлопнулась за ней, и она оказалась пойманной в ловушку коридора.

Она с сожалением подумала о том, как прочны здесь двери и как надежны замки. Кеит не сомневалась в том, что смогла бы высадить более слабую дверь. Однако эти были чересчур массивны и легко выдержали бы ее натиск — даже и пробовать не стоит.

А это означало, что ей придется или остаться здесь, пока на нее кто-нибудь не наткнется, или продолжать идти к Дому Сабиров, в надежде найти еще один незапертый склад прежде, чем коридор приведет ее...

...за стены...

...самого Дома...

Кеит остановилась и улыбнулась. Какая же она дура. Она ведь и стремилась попасть внутрь Дома Сабиров. И теперь получила идеальную возможность сделать это, не привлекая к себе внимания.

Коридор был пуст. Чувства Карнеи не обнаруживали в нем ни звука, ни запаха человека. Если она будет двигаться быстро, то сумеет незамеченной проникнуть внутрь Дома через ведущий туда служебный коридор и избежать пленения. И она перешла на бег, более не утруждая себя проверкой попадающихся дверей.

Коридор шел мимо складов, для связи с которыми и был сооружен. Кеит останавливалась перед каждым из них, пытаясь нюхом и на слух определить наличие впереди опасности. Однако путь оставался свободным. Ближе к Дому она уловила рабочий шум где-то слева, однако не стала проверять двери. Она перехватила инициативу и собиралась сохранить ее за собой. Сабиры не станут искать ее в их собственном Доме.

Наконец она достигла конца коридора — его перегораживала не глухая каменная стена, как внизу, а лиловато-белая, пропускающая свет перегородка, как будто бы даже светящаяся и гладкая, словно хорошее стекло. Узкая, украшенная тонкой

гравировкой дверь вела в лежащее за нею гнездо Сабиров, — нужно только суметь проникнуть туда. Наверняка дверь эта была изготовлена Древними, и при всей своей внешней хрупкости выдерживала и нападения врагов, и разрушительное действие времени.

Кеит опустила руку на плавный изгиб запирающего механизма и осторожно нажала. Механизм поддался, и дверь беззвучно отъехала в сторону. Она вошла и оказалась в объятиях теплого света, исходившего буквально отовсюду. Кеит ощутила короткий укол тоски по Дому. Возведенные Древними гладкие полупрозрачные стены, что поднимались вокруг нее, напомнили о ее собственных комнатах в Доме Галвеев. О родном Доме — утраченном, но не забытом. Но оставив печальные воспоминания, Кеит сосредоточилась на настоящем. Справа спиралью уходила наверх лестница, сооруженная из того же самого роскошного, несокрушимого камня Древних. Проходя мимо ворот Дома, она видела верхнюю часть башни Древних, возвышавшейся за стенами крепости Сабиров. Значит, она попала в эту самую башню. Великолепно! Она определила свое местонахождение. За лестницей виднелась вторая дверь — других на этом этаже не было, — вне сомнения, за ней начиналась территория самого Дома. А может быть, там были помещения, отведенные слугам, или домашние кладовые. Словом, куда бы ни вела лестница, ей интереснее было попасть за эту дверь.

Тщательно прислушавшись, Кеит снова не уловила ни звука. Ей везло. Торопясь продолжить путь, она ухватилась за изогнутую рукоятку механизма и надавила. Но дверь не открылась. Она повторила попытку, на сей раз ограничившись легким движением. Дверь не поддавалась.

Закрыв глаза, она тихо выругалась — не без чувства. Можно было, конечно, возвратиться назад тем же путем, каким она пришла сюда, и выйти через один из обнаруживших признаки жизнедеятельности складов. Однако теперь, когда она стояла у входа в Дом Сабиров, влекший ее к себе точно заколдованный замок, мысль о бегстве была равнозначна признанию собственного поражения.

Ну ладно, когда Дугхалл узнает о складах и коридоре, то, может быть, придумает какой-нибудь магический способ открыть эту дверь, пройти через башню.

Разочарованная, она отступила к двери, через которую вошла, и нажала на отпирающий ее механизм.

Но та осталась бездвижной.

Приступ тошноты скрутил ее желудок, и закружилась голова. Она попалась в ловушку. Кеит сделала несколько глубоких вдохов, чтобы не удариться в панику, и закрыла глаза. С улицы она заметила в стенах башни одно только окошко — на самом верху. На огромной, жуткой высоте. Прыгнув оттуда, она навер-

няка разобьется. Но если подняться сейчас по лестнице — ей, возможно, удастся найти обращенное к дому окно, расположенное на такой высоте, что из него можно будет выпрыгнуть. Оставалось надеяться только на это.

Звуки шагов и чьих-то голосов коснулись ее слуха. Кто-то приближался к башне по коридору. Те самые стражники? Возможно.

Она вновь запаниковала, а потом расслабилась. У них наверняка найдется ключ, отпирающий двери башни. И они не будут искать ее. Они войдут в Дом, и она найдет способ последовать за ними.

Голоса становились громче, и она наконец сумела различить слова.

— ...не кажется, что она ускользнула. По-моему, если бы мы остались, то нашли бы ее.

— Если капитан говорит: завязывайте, я завязываю. Они наверху ищут какую-то уродину, и, если ты спросишь меня о ней, отвечу, что не хочу даже видеть ее.

— И я тоже. — Дверь открылась, и внутрь вошел первый из стражников. — Если ее решили пока не брать, я скажу: слава богам. Сперва говорят нам, что у нее есть такое оружие, которое может уложить всех нас с одного удара, а потом посылают сюда, даже не объяснив, *как* с ней справиться. Пусть за нее наградят кого-нибудь другого. А я лучше сегодня вечером вернусь домой, обниму своих дочурок и скажу, что другого богатства мне не надо.

И они направились вверх по лестнице.

Кеит сглотнула, ощутив вдруг предельный ужас. Стражники не знали о ней и поднимались не для того, чтобы ее поймать, однако ей не было известно, что находится наверху. И вполне возможно, там не найдется для нее никакого укрытия.

Впрочем, не исключено и обратное. Придя к этой мысли, Кеит бросилась вверх по лестнице, ступая почти бесшумно — умение, выработанное за годы тайных исследований Дома Галвеев. Тяжелый, громкий топот и непринужденный разговор следовавших за ней стражников скрывали создаваемые ею редкие шорохи и звук дыхания.

Они не спешили, а она бежала, стараясь обеспечить себе минимальный запас времени.

Потолочное перекрытие было уже близко, и Кеит заметила впереди аркаду. Она припустила еще быстрее, пытаясь сообразить, что можно будет сделать, если наверху также окажутся люди. И в дверь она влетела, охваченная паническим ужасом.

Комната оказалась пустой.

Но стражники направлялись именно сюда. Стены были уставлены вешалками, на которых висели мундиры, на сто-

ле в середине комнаты грудились папайи, дыни и тыквы. Спрятаться здесь было негде, однако лестница вела еще дальше вверх — там виднелось новое потолочное перекрытие и еще одна распахнутая дверь.

Под гул доносившихся снизу голосов Кеит бросилась наверх.

Проскользнув в комнату, она с облегчением обнаружила, что в ней никого нет, и притворила дверь за собой. А чтобы та не закрылась совсем — в этот день ей явно не везло с захлопывающимися дверями — вставила между створкой и рамой небольшую щепочку, нашедшуюся в ящике для дров.

И наконец замерла, припав лбом к стене из прохладного, гладкого камня Древних, вслушиваясь в гудевшие внизу мужские голоса и содрогаясь всем телом. Стражники переодевались и собирали вещи, готовясь отправиться домой после завершения дневной службы. Едва ли они захотят подняться наверх. Кеит прислонилась спиной к двери и принялась рассматривать помещение, послужившее ей укрытием. Очевидно, его использовали для наблюдения за окрестностями — одно из этих окон она видела с земли. Значит, она забралась на самый верх башни.

Рядом с ней, слева, стоял ящик для дров. За ним между двух арок пристроился приземистый и уродливый металлический стол, покрытый темной тканью — с четырех углов ее придавливали свинцовые грузы. Небольшой горб по центру стола заставил ее нахмуриться, однако Кеит ограничилась только взглядом и не стала проверять, что именно прикрывает мрачная материя. Посередине комнаты находился высокий, длинный и тяжелый, отделанный по краям металлическими кольцами стол, на котором лежали моток веревки, цепи, замки и свернутые в моток куски марли. Стол окружали несколько стульев, вовсе не казавшихся удобными, а в восточном углу трещала жаровня, дрова в которой уже рассыпались углями; возле жаровни приготовлены были три ведерка с водой. Сама по себе комната производила благородное впечатление. На облике ее лежала несомненная печать, оставленная Древними — с их склонностью к простоте и элегантности. Стены равномерно перемежались с арками, за которыми угадывался изящный парапет, снизу казавшийся таким тонким и очаровательным. В западные арки задувал ветерок, приносивший с собой запахи белого и красного жасмина и фрезии. На такой высоте он был сильнее и прохладнее, чем внизу. Непонятно было, для чего хозяевам башни разводить здесь открытый огонь.

Через арки открывался фантастический вид. Солнце уже спускалось за высящиеся на западе горы, и небо вокруг него сделалось оранжевым и кроваво-красным... закатное пламя пронзали фиолетовые кинжалы, голубевшие к востоку. Буквально

через мгновение сгустятся сумерки. А город в ожидании темноты искрился огнями — словно на бархатный плащ высыпали миллион драгоценных камней, сверкающих собственным внутренним огнем.

Кеит тосковала по долгим сумеркам, которые она узнала в Северной Новтерре... там тьма подбиралась медленно и незаметно, и закатные полотна, казалось, до бесконечности висели в воздухе. Увидев картину, подобную вот этой, калимекканской, на берегах Северной Новтерры, она имела бы возможность наслаждаться зрелищем в течение почти целой стоянки. В Калимекке же ночь набрасывалась на уходящий день словно разъяренный бык, за несколько мгновений втаптывавший в землю короткий и хрупкий закат.

Она шагнула вперед, привлеченная пылающим закатом к одной из западных арок. И постояла несколько мгновений, поедая глазами великолепное зрелище. А потом она услышала, что голоса стражников внизу становятся тише. Они уходили. Последовав за ними вниз, она могла успеть придержать дверь башни, прежде чем та полностью закроется. Наверняка они направятся в жилые помещения, и, следуя за ними, она сможет выяснить что-нибудь полезное.

Кеит поторопилась к двери. Однако щепка, которой она только что заклинила ее, исчезла. Дверь оказалась закрытой, хотя она не слышала даже звука щелчка. Ветер? Но разве может ветер выдуть из щели деревяшку и аккуратно закрыть дверь за то недолгое время, когда она любовалась закатом? Совершенно непонятная ситуация, но другого объяснения у Кеит не было.

Она попробовала открыть дверь. Но механизм не поддавался ей. Кеит постояла, пытаясь собраться с мыслями, лихорадочно заметавшимися в тот самый миг, когда она поняла, что попала в очередную ловушку.

Можно воспользоваться этой веревкой и, быть может, марлей и, дождавшись темноты, спуститься по ним вниз.

Однако веревка не могла достать до земли — это было ясно с первого взгляда.

Но с ней я спущусь пониже и, быть может, не разобьюсь, спрыгнув.

Возможно.

Я найду способ выйти отсюда, прежде чем здесь появятся люди.

Припав головой к двери, она закрыла глаза.

Я найду выход отсюда.

Позади нее что-то вдруг ритмично застучало по полу.

Резко обернувшись, Кеит в ужасе зажала рот рукой, чтобы заглушить крик, уже готовый сорваться с губ.

В восточной части помещения стояли и смотрели на нее двое мужчин и чудовище. Одним из мужчин был Домагар Эддо. Возле него стоял похожий на бычка человек: широкоплечий, с объемистой, словно бочонок, грудной клеткой. Он наголо брил голову, оставляя длинную прядь над левым ухом на манер слоувинских мореходов. Былые драки или плохая наследственность сделали его нос похожим на раздавленный гриб, а глаза холодными и плоскими, как у змеи.

Однако оба они казались истинными красавцами рядом со стоявшей возле них *тварью.*

На лбу этой мерзости изгибались кривые рога, лицо и тело покрывала чешуя, а на локтях и плечах торчали заостренные, словно кинжалы, шипы. Пальцы его заканчивались длинными когтями, сзади шевелился толстый хвост, пасть была полна острых треугольных зубов: чудовище в отличие от его спутников улыбалось, и Кеит с омерзением и страхом смотрела на эту улыбку.

— Видишь? — спросило оно, показывая Кеит деревяшку, которой она незадолго до этого укрепила дверь, чтобы та не закрылась. — Она тебе не помогла, правда?

Металлические инструменты и веревки на столе, прикрытые тканью камни, даже пылающие в жаровне дрова — все эти предметы вдруг обрели новый, зловещий смысл.

— Нечего сказать? — спросило чудовище. — Наверное, потому, что мы незнакомы. Ты — Хаит-ивени.

Улыбка твари сделалась еще более широкой. Голос чудовища скрежетал, точно напильником водили о металл. Кеит поежилась.

— А я — Анвин Сабир, один из Волков. Это мой кузен Эндрю. А это, как мне кажется, наш общий друг, Домагар.

Руки Кеит за спиной пытались справиться с механизмом двери. Безуспешно.

— А мы уже беспокоились, — произнес Домагар, — что ты не сумеешь найти узенькую тропку, которую мы приготовили для тебя, и так и не доберешься до нас. Но мы рады, что этого не произошло. Мы счастливы познакомиться со столь умной девицей.

— Очень счастливы, — сказал Анвин. — И мы придумали на этот вечер кое-какие развлечения для тебя.

Эндрю Сабир усмехнулся, и по коже Кеит пробежал холодок.

— Иди же сюда, не стесняйся, — продолжал Анвин. — Побудь с нами. Дверь все равно не откроется, а другого пути отсюда нет. Мы хотим хорошенько познакомиться с тобой, прежде чем ты оставишь нас.

— Если, конечно, тебе суждено оставить нас, — заметил Домагар, — но я бы на твоем месте не рассчитывал на это.

Глава 29

Дугхалл глядел через плечо Ри в зрительное стекло. Он ясно видел Кеит в одежде простой работницы. Он видел и тот стол, перед которым она стояла, и пыточные инструменты, разложенные на подставке у стены. Убрав экран, он послал частицу собственной души вдоль тонких магических нитей, соединяющих зрительное стекло с Домагаром-Драконом. Дугхалл подвергал себя опасности, ибо теперь сделался беззащитным перед Домагаром, получившим возможность дотянуться до него по этим нитям, если только Дракон почует его присутствие. Однако эта связь позволяла Дугхаллу не только видеть глазами Домагара, но и слышать его ушами; он мог теперь ощущать все, что так или иначе воспринимал и чувствовал Дракон.

Дугхалл подвергал себя смертельному риску ради Кеит. Он боялся, что станет причиной смерти племянницы, однако решил, что если не сумеет сделать для нее ничего другого, то во всяком случае постарается дать ей понять, что она умирает в окружении не одних лишь врагов.

Домагару сопутствовали два Волка из числа Сабиров. Дракон управлял ими обоими, хотя ни тот, ни другой не подозревали об этом. Оказавшись в разуме Домагара, Дугхалл сумел извлечь из него несколько мелких фактов. Он узнал, что Домагаром звали истинного владельца тела, душу которого выдрали из плоти, чтобы освободить место для Дракона по имени Меллайни; что один из этих двух Волков также является Карнеем; что никто из них не знал о том, что захваченная ими девушка — Карнея, принадлежащая к Семейству Галвеев; не было им известно и о ее знакомстве с магией, однако все трое ничуть не сомневались в том, что она не просто наемная работница в услужении у торговцев. Они намеревались пытать свою пленницу, чтобы выяснить, кто она, на кого работает, чего добивается и что ей известно. После допроса Кеит ждала смерть.

— Если ты согласишься помочь нам, обещаю, что мы не причиним тебе боли, — сказал Домагар.

И тут же вокруг Дугхалла загудели голоса:

— Не верь ему, Кеит!.. Убивай их всех и сматывайся оттуда!.. Трансформируйся, Трансформируйся!

На мгновение он позволил себе обернуться. Хасмаль, Ян и все подручные Ри теснились возле зрительного стекла и возбужденно кричали, как будто Кеит могла их услышать.

Дугхалл вернулся к нити, связывающей его с Домагаром. Кеит стояла с кинжалом в руке... Она предупредила их:

— Не подходите ко мне, спрашивайте что хотите, но не приближайтесь. Иначе я убью вас.

Все трое расхохотались. В глазах Домагара она была такой хрупкой, такой беспомощной. Слабая женщина, окруженная тремя колдунами.

Шрамоносное чудовище протопало к столу, на котором были разложены пыточные инструменты, и подцепило лапой разделочный нож и целый комплект скальпелей. Поежившись, Дугхалл спешно пытался сообразить, каким образом он может защитить Кеит, не подвергая себя опасности нападения. Ему приходилось помнить о том, что первой обязанностью его как Хранителя Соколов было выжить, чтобы отыскать Зеркало Душ и доставить его к Возрожденному; спасать племянницу он имел право лишь в том случае, если при этом не ставил под угрозу собственную жизнь. А он шел на неприемлемый риск уже тем, что вошел в связь с Домагаром.

— Сделай что-нибудь, — сказал ему Ян. — Ты можешь спасти ее чарами.

— К несчастью, магия здесь не поможет, — ответил Ри. — Кеит настолько плотно защищена экраном, что к ней попросту не пробиться. Возможно, мы могли бы напасть на эту тройку, но, нанеся им серьезный удар, мы получим равную по силе отдачу, а у нас нет жертвы, чтобы переложить на нее *ревах*. Тогда мы умрем, но Кеит уцелеет.

— Чары, не причиняющие вреда, не требуют жертв, — перебил его Хасмаль. — Если бы только можно было пробиться к ней, мы бы сумели выдернуть Кеит оттуда или сделать что-нибудь в этом роде. Но ты прав. Она заэкранирована настолько надежно, что щит ее не пропускает наружу никаких чар... а если ничто не может выйти, то ничто не способно проникнуть и внутрь.

— Но они же убьют ее, — с мукой в голосе проговорил Ян.

Дугхалл попытался вновь сконцентрироваться на происходящем в башне Дома Сабиров. На Волках, Драконе... и Кеит.

Искалеченный Волк, которого Домагар называл Анвином, сказал:

— Девица. Тебе торговаться бесполезно. И сейчас. И в дальнейшем. Иди сюда. Если мне придется идти к тебе, то, клянусь, ты заплатишь за это вдвойне.

Второй волк расхохотался — дерганым и повизгивающим смехом безумца. Смотревший на все это глазами Домагара Дугхалл был подавлен безнадежностью происходящего. Разум Домагара свидетельствовал о том, что бритоголовый безумец является Карнеем, что делало его в физическом отношении самым опасным для Кеит из всей этой компании. Именно он мог первым определить, что Кеит также принадлежит к его породе.

Отсмеявшись, сумасшедший Волк, Эндрю, сказал:

— Она не хочет идти к тебе, кузен. Во всяком случае, по собственной воле. Слишком уж ты уродлив. Она хочет пообщаться с мужчиной посимпатичнее. Например, со мной.

— Я убью их, — пробормотал Ян. — Если только они посмеют прикоснуться к ней, я убью и этих троих, и всех остальных Сабиров.

— Не обещай того, что не в силах сделать, — ответил Ри. — Тебе не хватит умения и сил уничтожить даже одного из этих типов. Они же колдуны.

— Я все равно убью их, — пообещал Ян.

Разум Дугхалла метался в поисках чего-нибудь — чего угодно — для спасения племянницы. Если ему удастся сотворить миниатюрное обратное Зеркало Душ, он сумеет захватить душу Дракона, освободив место для души настоящего Домагара — набожного молодого фермера — в его собственном теле. Дугхалл задумался. У него не было уверенности в том, что лишившееся души Дракона тело не погибнет. Поможет ли это Кеит? Мертвое тело им ни к чему, оно бесполезно... хуже того, оно выдаст Сабирам присутствие наблюдателей и заставит их держаться настороже. Однако благочестивый молодой фермер способен прийти на помощь бедной испуганной девушке.

Но удастся ли ему сотворить Зеркало достаточно быстро?

Дугхалл взглянул на кольца на своих пальцах. При создании Зеркала форма кольца значила очень много. Он уже понял это и сумел определить, что имеет значение и чистота металла, из которого изготовлено кольцо. Его собственные кольца вполне годились для намеченного дела. Однако были необходимы еще три проволоки.

— Кто-нибудь! — велел он. — Принесите мне проволоки... Три короткие проволоки. Живо.

Наступила короткая пауза.

Янф щелкнул пальцами.

— Кинжал...

Трев сразу угадал направление его мыслей.

— Да. Только потребуются два кинжала.

Оба лейтенанта бросились к двери и спустя мгновение вернулись, выковыривая серебряную проволоку из рукояти одного кинжала лезвием другого.

— Какой длины? — спросил Трев.

В далекой башне Эндрю Сабир подступал к Кеит от одной стороны стола, а Анвин со своим пыточным прибором приближался к ней от противоположной стены.

Дугхалл не стал тратить время, чтобы вслушиваться в их слова. Он отчаянно тащил с пальца лучшее из своих колец,

сделанное из чистого электра. За последние месяцы ему удалось избавиться от лишнего веса, и кольцо теперь болталось на пальце, однако костяшки пальцев не сделались меньше.

— Все три длиной в твой указательный палец, — ответил он Треву.

К тому времени, когда Трев и Янф приготовили проволоки, он уже снял кольцо с пальца. Дугхалл быстро прикрутил серебряные нити к кольцу и загнул их концы, соорудив подобие треножника. Поставив его на пол, он содрал кусок кожицы с нижней губы. Грубое устройство. Чрезвычайно грубое.

Согнувшись над этим миниатюрным треножником, сконцентрировав всю волю и внимание на крохотном электровом обруче, Дугхалл заговорил:

Следуй за моим духом, о Водор Имриш,
Следуй к Дракону, к душе, именуемой Меллайни,
Неправдой овладевшей телом Домагара,
Верного чада иберанских богов.
Из этого тела изгони пришельца,
Но не чини зла захватчику,
Не повреди Дракону Меллайни.
Дай душе его приют безопасный
В круге электра, что предо мною.
Чтобы сохранило кольцо
Бессмертье Меллайни,
Защити жизнь и разум.
Плоть предлагаю — дар пустяковый.
Прими же безгневно и благосклонно,
Ибо не зло я вершу,
А злое деяние отвращаю.

Словно огонь пробежал по волоску, связывающему его душу с разумом Домагара. Дугхаллу хотелось кричать от боли, однако он сдержал себя. А в мыслях Домагара пробудилось сперва удивление, перешедшее затем в откровенный ужас. Белое пламя испепелило якоря, которыми Дракон Меллайни держался за захваченное им тело; раскаленный добела жар погнал эту черную душу вдоль нити, связывающей Домагара с Дугхаллом. И когда дух Дракона продвигался *сквозь* Дугхалла, пытаясь отыскать любую щель, любую дыру, в которую можно было бы забиться, гневный огонь наконец охватил сущность Меллайни, поглотил ее и изверг из груди Дугхалла пылающим ручьем, хлынувшим прямо в кольцо. Пламя закружило по нему, и комната на мгновение наполнилась туманом, запахом жимолости и гнетущим бессловесным воплем.

Когда воздух очистился и вернулось безмолвие, свет поднялся со дна миниатюрного Зеркала и разлился внутри коль-

ца, образовав крошечную заводь в его центре. Идеальная модель Зеркала Душ. Зеркало Меллайни, подумал Дугхалл.

— О боги, — прошептал Ри. — То же самое делало и Зеркало Кеит.

— Действительно, — согласился Дугхалл, поглядев в зрительное стекло. Тело Домагара не рухнуло замертво на пол. Домагар — *настоящий* Домагар — оглядывался по сторонам, взор его метался между Сабирами и Кеит, пыточными принадлежностями и снова Кеит.

— Душа парня вернулась в свое тело. А душа Дракона заточена в кольце. Посмотрим, что будет дальше, — сказал Дугхалл, и все приникли к зрительному стеклу.

Кеит стояла спиной к балкону и разверстой под ним черной пропасти. Анвин и Эндрю подступали неторопливо, наслаждаясь игрой. Домагар стоял позади их обоих. В каждую руку он взял по ножу.

— Остановитесь, — сказал он, и Анвин укоризненно вздохнул.

— Она не станет вредить себе самой... она слишком умна для этого. И поймет, что мы можем сохранить ей жизнь, а падение с такой высоты *наверняка* убьет ее.

— Я сказал: *остановитесь*! — крикнул Домагар. Взявшись за нож, он прицелился в спину Эндрю, уже начинавшего превращаться в Четвероногий кошмар.

Впрочем, Кеит не поняла, что обзавелась союзником. Вцепившись обеими руками в поручни балюстрады, она крикнула:

— Я *не* остановлюсь.

И прыгнула вниз.

Ри и Ян в один голос вскрикнули:

— Нет!

К ним присоединился и Хасмаль:

— Ты не можешь умереть!

А Дугхалл опустился на колени, вперив взор в крохотное Зеркало, поглотившее Дракона. Губы его шептали:

— Ах, Кеит. Милая маленькая Кеит-ча. Прости меня.

Глава 30

Даня запеленала новорожденного младенца, укутав его понадежнее, чтобы скрыть от глаз жителей деревни. Низкое солнце уже не спускалось как прежде за горизонт, разделяя два края тьмы... тусклое, кровавое и вездесущее, оно казалось теперь

настырным оком любопытного соседа. Зимой она думала, что вот-вот сойдет с ума от вечной тьмы, однако холодный мрак по крайней мере даровал ей уединение. Теперь, под незаходящим солнцем ей казалось, что за ней постоянно следят — соседи-карганы, далекие чародеи, шпионящие за ней и ее ребенком, и даже беззаботные боги, оставлявшие без ответа все ее молитвы.

Ребенок шевельнулся возле ее чешуйчатой груди, припал к ней. А потом тихо и нежно пискнул, погружаясь в сон, и она прикоснулась к его мягкой щечке — жестким, чешуйчатым пальцем. Красное, морщинистое, хрупкое, покрытое редким пушком дитя казалось ей самым беспомощным из всех существ на свете. Она никогда не интересовалась младенцами своих кузин, казавшимися ей слишком шумными и неопрятными... они то срыгивали, то кричали, то писались, их вечно нужно было то кормить, то переодевать. Сама она тогда не собиралась иметь детей; она видела себя в будущем только среди Волков и считала, что власти и занятий чародейской наукой хватит, чтобы наполнить всю ее жизнь.

Однако этот младенец растрогал ее. Заглянув в его глаза, она вдруг ощутила, что стала лучше, чем была прежде. Он позволил Дане открыть в себе то, чего до сих пор она не сумела найти — душевную теплоту, глубину и прежде никогда не требовавшееся ей терпение. А еще ребенок возвратил ее душе уверенность в том, что она осталась человеком — хотя бы изнутри. Все это не могло еще успокоить неразлучную теперь с нею боль, однако Даня решила, что начинает наконец понемногу забывать о ней.

По крайней мере на мгновение она смогла забыть о том, кто и как сделал ее матерью этого ребенка.

Спустившись к берегу реки, она села в лодку. В тихой воде, как в зеркале, отражались очертания и тени высокого утеса на противоположном берегу, густая зелень ив, росших по берегу, и великолепная фуксия на фоне зарослей высокой, в рост человека, огонь-травы, целиком укрывавшей маковку скалы. Положив младенца на дно лодки, Даня осторожно взялась за весла, чтобы грести в сторону противоположного берега. Где-то вдали хохотали гагары, и безумный их смех казался неуместным в наступившем безмолвии. Позади в деревне брехали псы — лениво, без особого пыла. Сейчас жители поселка в основном спали, стараясь по возможности придерживаться зимнего распорядка. В эти мгновения глухой полночи, тьмой укрывавшей более низкие широты, она не привлечет к себе лишнего внимания.

Лодка скользила поперек и, почти не возмущая поверхность воды, безмолвно, словно гигантская щука, из тех, что жили в озерах тундры. Прямо перед носом лодки проплыло целое утиное семейство: мамаша и цепочкой следовавшие за ней ма-

лыши. Развлекшись их кряканьем, она подгребла к подножию скалы и вытащила свою лодчонку на берег.

Она вновь шла на встречу с духом Луэркаса. Он ждал ее в одной из укромных задних комнат Ин-Каммереи, великой обители Древних... ее спаситель, друг, единственная нить, связывающая ее с тем временем, когда она еще была человеком. Тайное путешествие стало результатом давнего обещания, данного, когда беременность сделала ее слишком неуклюжей для путешествия через реку, по крутым утесам и тундре, к скрытому под землей убежищу Древних. Тогда она обещала, что после родов сразу же отправится в защищенную экраном комнату, и они с Луэркасом снова будут говорить друг с другом.

Ей не хватало ее бесплотного собеседника. Не настолько, впрочем, как казалось сперва, хотя она не стала бы признаваться в этом Луэркасу. Даня вживалась в размеренный быт поселка, старалась обзавестись друзьями, пыталась найти свое место в этом мире и уже во многом преуспела. Она сумела создать себе новую жизнь, скудную и унылую... в качестве Волчицы Галвеев она отнеслась бы к этой жизни с презрением. Но теперь она не была одинока. У нее появились друзья, пусть и не считавшиеся людьми, однако они заботились о ней.

Но Луэркас являлся человеком, точнее, был им в прежние времена, до своей смерти. Лишь он — если не считать новорожденного сына — связывал ее с родом людским... только он на всей этой блеклой и плоской равнине знал, кем была она на самом деле. Он один понимал, какое положение она занимала бы в мире, не вмешайся в ее жизнь Сабиры. Лишь для него одного она была не просто Шрамоносным чудовищем, ходившим на охоту, перетаскивавшим поклажу и переправлявшим детей с одного берега реки на другой. Только он знал, что она принадлежит к Семейству, к роду Галвеев, и является Волчицей, знатной юной колдуньей, у ног которой однажды окажется весь мир.

Но сейчас... мир, окружавший ее, не мог предоставить ей ни богатства, ни блеска. Где их взять — среди утесов, поросших лишайником, низких кустиков черники, мышиной травы и невысоких ив? Даня шла вперед, и ребенок на ее руках заплакал; опустившись на травяную кочку, она занялась младенцем — неловкая и недовольная собственным телом. Как было бы здорово вновь стать человеком. Будь у нее мягкая кожа и полная грудь, она могла бы без боязни держать свое дитя; имея человеческий облик, она просто не в состоянии была бы ни сломать ему что-нибудь, ни оцарапать его своими когтями. И, кормя ребенка, она не думала бы о том, повредит ли ему ее молоко или нет: ведь изувечившие ее чары легко могли изменить и молоко, лишить его всяких

питательных свойств. Если б только можно было вновь сделаться человеком... тогда их тела соответствовали бы друг другу, и она по-настоящему бы стала ему матерью.

Ребенок вырастет, станет взрослым, он будет иметь идеальное тело и, видя родившую его уродину, никогда не догадается о том, что и она прежде была красавицей. И что ею восхищались. Он будет избегать ее, почувствовав к ней отвращение, и эта исходящая от него любовь иссякнет и погаснет, когда сын ее осознает свое совершенство и ее проклятое уродство.

И тем тяжелее было понимать это, видя, что уже сейчас ее утраченная красота просвечивает в этом крошечном личике.

Когда младенец насытился, Даня поднялась и заторопилась в Ин-Каммерею. Душа ее болела, но сооружение Древних, Дом Бесовских призраков, утешит ее; среди его аркад и чудесных зал легко и приятно мечтать о том, что она вновь когда-нибудь станет женщиной. Добравшись до главного входа, она уверенной поступью направилась вниз — ноги Дани успели привыкнуть к ступеням. Спустившись в огромный зал, она заторопилась вперед по коридорам с высокими потолками и наконец достигла нужной ей комнаты, в которой находилось экранирующее устройство.

Плотно укутав младенца, она положила его на ближайшее из сидений, располагавшихся неподалеку от магического аппарата Древних, за пределами создаваемого им щита. Ребенок спал, крошечное личико его было обращено к ней. Она по-прежнему ощущала, как издалека тянутся к нему чужаки, как чары их касаются младенца, поглаживая его, лаская, убаюкивая. Они все еще пытались добраться и до нее самой. Однако Даня оградилась от них надежным магическим экраном, и сейчас ее радовало уже то, что, вступив под созданный Древними защитный купол, она наконец избавится от их соглядатайства.

Даня поднялась на помост, и устройство ожило без какого-либо участия с ее стороны. Все далекие голоса умолкли. И Луэркас немедленно оказался с нею.

Даня, как хорошо, что ты здесь. Без тебя мне было одиноко.

— Когда ты говорил со мной после родов, я подумала, что ты останешься. Но ты покинул меня прежде, чем я успела сказать, что счастлива вновь слышать твой голос. Почему ты оставил меня так внезапно?

Те, кто досаждает тебе и твоему ребенку своими бестелесными прикосновениями, охотно бы уничтожили меня — да и тебя со мною, — если бы только узнали, что ты являешься моим другом. Я лишь хотел поздравить тебя с разрешением от бремени. Ты проявила отвагу и силу, и с беременностью наконец покончено. Но остаться с

тобой я не осмелился, за тобой следят могущественные чародеи. Их много, а я слаб и одинок.

Даня поторопилась напомнить себе, что лишь с Луэркасом могла она говорить открыто все те долгие месяцы, пока младенец рос в ее чреве. Лишь он знал целиком всю повесть об учиненном над нею насилии, о перенесенных ею пытках и ужасе, которыми сопровождалось зачатие этого нежеланного ребенка. Он сочувствовал ей, поддерживал, не давал упасть духом и уверял, что она еще отомстит тем, кто так жестоко обошелся с ней, сулил, что однажды она увидит, как склонятся перед нею и Сабиры, и Галвеи, перед тем как она произнесет свой приговор, осуждающий и тех, и других за все зло, причиненное ей. Она все время жаловалась ему на неудобства, которые причинял ей ребенок, на докучливых чародеев, вечно подглядывавших за ним и за нею, и Луэркас старался успокоить ее, уверяя, что она отомстит и им. Он утешал ее — так, как никто здесь просто не умел этого делать. И Даня сомневалась в том, что смогла бы пережить выпавшее на ее долю испытание без его помощи.

Однако слова его о том, что с беременностью наконец покончено, неприятно резанули ее по сердцу и заставили желудок собраться в тугой комок. Теперь она совсем не думала, что с этим этапом в ее жизни покончено... что она теперь *освободилась*. Напротив, она совершила нечто замечательное, жуткое и великолепное, сохранив свою жизнь. Она выдержала испытание и вышла из него преображенной, чего как раз и не понимал бедняга Луэркас.

Обнаружив, что ей мил рожденный ею ребенок, она подумала было, что предает этим Луэркаса... смешная, дурацкая мысль. Луэркас вовсе не будет чувствовать себя преданным, когда заметит, что она начинает любить младенца. Он поможет ей, поддержит, как делал это и раньше.

— Он такой хороший, — сказала она негромко. Не без нерешительности в голосе.

Хороший... аххх. Луэркас ненадолго умолк. *Конечно. Разве может быть иначе?*

Ей хотелось бы думать, что Луэркас понял ее, однако то, как ее бесплотный друг произнес эти слова, испугало Даню.

— Что ты имеешь в виду?

Новорожденный всегда беспомощен и умилителен, таков обычай природы, но чтобы родить его, тебе пришлось пройти через ад. И конечно, глядя на него, ты всякий раз видишь нуждающегося в любви младенца. Ты сама достойна любви более, чем кто-либо другой на всем свете... И ты способна полюбить своего сына. И это, на мой взгляд, и есть самое печальное во всей этой истории.

Именно поэтому он и выбрал тебя. Разве ты сумеешь остановить его, пребывая в подобном положении?

— Луэркас, ты говоришь бессмыслицу.

Твоему ребенку предопределено стать между тобой и всем, чего ты желаешь. Он погубит и тебя, и твои мечты и надежды, и сделает это во имя того, что он считает любовью. И ты поможешь ему в этом, потому что искренне полюбишь его. В голосе Луэркаса как будто звучало сочувствие, однако слух Дани улавливал в нем и нечто новое — еще не слышанное ею и потому неизвестное.

— Он — ребенок. Как может он победить меня? Почему ты считаешь, что ему предназначено погубить меня? Как это может случиться?

Даня, погляди на него внимательно. Погляди на него, только не человеческими глазами, а зрением Волка. Посмотри глазами колдуньи. Он рожден Волками и преображен чарами, столь могущественными, что при своем пробуждении они оживили мертвых и освободили духов из ловушек, удерживавших их в течение тысячи лет. Погляди на этого крошечного, беспомощного ребенка и скажи мне, что ты увидишь.

Она послушалась совета Луэркаса. Взглянув на своего завернутого в одеяло сына, лежащего в безопасности на сиденье ближайшего кресла, она закрыла глаза и призвала к себе Волчье зрение. Спустя какое-то мгновение ребенок вновь возник перед ее сомкнутыми глазами, но на сей раз в виде сверкающего духа. Она ожидала увидеть нечто совершенно другое. Дух младенца раза в два превосходил размер его тела. От него во все стороны растекалось чистое и умиротворяющее золотое сияние без единого пятна или иного изъяна. А с лучами его сплетались сотни разноцветных волокон, каждое из которых тянулось вдаль к тем, кто шпионил за ней, к ее соглядатаям. И младенец нежился в клубке этих чуждых касающихся его нитей, принимая ласки от незнакомцев.

— Они окружают его, и он рад им, — сказала Даня. — Он любит их.

Действительно любит. Он любит всех и все, с неразборчивостью идиота. Он любит Семью, которая отвергла тебя, любит пытавших тебя негодяев — в той же степени и точно так же, как и тебя.

— Но ведь он просто младенец. Вырастет и все узнает.

Луэркас со вздохом ответил: *О, как бы мне хотелось, чтобы это оказалось правдой. Даня, дорогой друг мой, я отдал бы все ради того, чтобы это оказалось правдой и этого ребенка еще можно было бы спасти. Но это не так. Душа его уже сформировалась. Она пребывала в своем нынешнем виде целую тысячу лет, оставаясь неизменной и ожидая, пока ей подвернется удобное тело. Обитающая в этом теле душа не забыла себя, как назначили боги душам, обретающим новую плотскую оболочку. Этот ребенок помнит каждое*

мгновение своей прежней жизни — жизни чародея во дни, предшествовавшие Войне Колдунов. И он намеревается продолжить свое существование с той самой точки, на которой оно прервалось. Дух этот провозглашает благородные цели — мир всем живущим, любовь ко всякому существу, — однако сравни его идеалы с известными тебе и скажи, согласишься ли ты позволить ему преуспеть в том, для чего он пришел.

— А для чего он пришел?

Он явился, чтобы заставить человечество открыть все двери перед Увечными. Он заставит Иберу принять чудовищ из Стрифии, ползучих червей Манаркаса и лишенных кожи страшил Южной Новтерры. Он сделает этих тварей равными Семьям. Он не позволит никаких войн, даже справедливых. Он вознаградит Галвеев и Сабиров богатством, счастьем и долголетием. Честно скажу тебе: под его властью ни один невинный не подвергнется несправедливой каре, и это, скажу я, было бы отлично — если бы творилось не его рукой; однако не будет наказано и ни одно виновное чудовище. Он потребует мира, абсолютного, противоречащего всякой справедливости. Мира на его собственных условиях.

Если ты позволишь ему стать тем, кем он намеревается стать, ты никогда не сумеешь отомстить погубившим тебя Семьям. Ты не увидишь их ползущими к твоим ногам. Напротив, ты станешь свидетельницей их процветания. Ты увидишь, как станет плодоносить в изобилии все, к чему они прикоснутся своею рукой. Земли их будут приносить обильные урожаи, дети станут рождаться во множестве, а в сокровищницы потекут реки золота, самоцветов и каберры. И он не посчитается ни с тем, что ты его мать, ни с тем, что именно эти люди погубили тебя. Боль твоя будет ему безразлична.

— Откуда тебе известно? Он пока только младенец. Беспомощное дитя. Беспомощное и крошечное. Его будущее столь же неопределимо, как и будущее любого человека.

Если ты так полагаешь, то лишь поможешь этим осуществлению его планов и козней его верных — его Соколов. Тебе ведь известно о них, правда?

В школьные годы она кое-что читала о Соколах, но не слишком много. Собственно, и читать было почти нечего.

— Эта тайная секта ожидала возвращения века Колдунов. Они почитали своего усопшего бога-мученика. Сотни лет назад секта подверглась серьезным гонениям и была полностью уничтожена в результате Чисток, закончившихся два века назад.

Главный бог-покровитель этих людей, Водор Имриш, в последние годы был чересчур занят, чтобы сойти за усопшего. И если бы Соколы были полностью уничтожены, этот сопящий младенец не мог бы сейчас поддерживать контакт с ними. Кто, по-твоему,

связывался с ним все время твоей беременности, а? Они еще живут в мире и сейчас более опасны, чем за прошедшую тысячу лет.

Твой сын и есть их мученик, Даня. Он тот, кто вернет век чародеев, кто сделает их богами и поставит над человечеством. Он тот, кто намеревается отнять у тебя право на справедливое отмщение... Тот, кто одарит счастьем твоих врагов. Имя его Соландер, он зовется еще Возрожденным и при всей своей кажущейся доброте заставит тебя помогать себе, а потом воспользуется твоей любовью, чтобы превратить в собственную рабыню.

Даня посмотрела на младенца. Внешне он не стал другим, однако теперь, под надежной защитой магического устройства Древних она была отгорожена от исходящих от него волн любви. Теперь ребенок не мог растрогать ее своим ласковым взглядом, наполнить ее теплотой своей приязни. Обыкновенный младенец, существо, которое скоро заплачет, обделается и потребует пищи.

Глубоко вздохнув, она поглядела на дитя. Не просто живое существо... Руки ее уже тосковали по ощущению этого тельца, его почти незаметного веса, ей хотелось вновь приложить его к груди, накормить, чувствуя при этом, что она отдает ребенку часть самой себя. Ей нужно было снова окунуться в сладостный запах его тельца, ощутить нежное прикосновение детского дыхания к своему лицу. Значит, не все чувства, которые она питает к этому младенцу, вызваны им самим.

Тебя предаст собственное тело, объяснял Луэркас. *Подобные чувства испытывают все матери, иначе ни один из видов не сумел бы выжить.*

Даня на миг отключилась от него. Ей не хотелось более слышать подобных речей. Однако не могла она и смириться с нарисованной Луэркасом картиной будущего. Она просто не в состоянии была представить, чтобы Сабиры и Галвеи стали процветать после совершенного ими над нею. Но сейчас эмоции уже не овладевали ею, как раньше. И она коротко и четко сформулировала вопрос, который не могла не задать:

— Могу я изменить это? Предотвратить изображенное тобой будущее?

Можешь. Скажу точнее — могла бы. И именно сейчас. Только сейчас, только в этот самый момент, пока он еще слаб. Буквально через несколько дней он превратится в неудержимое чудовище. А сейчас, в эти мгновения, тело это еще слишком ново для него и непослушно ему, чтобы послужить проводником для подвластных ему чар.

Однако ты ничего не сделаешь с ним, именно поэтому он и выбрал тебя. Существо, которое настолько нуждается в его любви, жалкое искалеченное создание, когда-то представлявшее собой нечто значительное, а теперь цепляющееся за своего ребенка как за

нить, связывающую с прошлым, в которое никогда не вернуться. Убюдок все точно рассчитал, он правильно выбрал момент, и теперь весь мир будет вечно расплачиваться за это.

— Ты не можешь этого знать. Тебе не известно, на что я способна или не способна. — Однако в этот же миг ей вспомнилось, что еще до рождения дитя говорило ей, что является наградой матери за перенесенные ею страдания. И что оно пришло в мир, чтобы принести ей радость. И любовь.

Прочитав ее мысли, Луэркас расхохотался. И смех его показался Дане унылым и безнадежным.

Вот видишь? Ты уже покорна ему.

Даня закрыла глаза. Теперь она знала, что этот ребенок не просто младенец, как бы ей ни хотелось отрицать это. Во всем, что сказал ей Луэркас, угадывался привкус правды. Она сама смотрела на ребенка Волчьим зрением и *видела* истину. Лежащее на кресле дитя помешает ей отомстить. Этот ребенок изменит весь мир, а она так и останется алчущей воздаяния врагам своим, так и не осуществит свою месть и будет жить, захлебываясь гневом. Она никогда не сумеет вырваться на свободу из тюрьмы собственных воспоминаний, потому что открыть дверь этой темницы можно лишь одним ключом — кровью врагов.

Более того, не только соображения мести требовали, чтобы она остановила его. Он хочет вернуть Век Чародеев. Он приведет к власти Соколов и сделается их богом. Тысячу лет назад эти самые Соколы и враги их, Драконы, погубили цивилизацию. Она не знала, чем одни из них лучше других, однако это было ей безразлично: искусство ворожбы прошло через века, сохраненное Волками. Но они держали свои знания в секрете и не угрожали ими миру. Позволив Соколам вновь прийти к власти, она предаст все, что близко ей.

Она помешает ему осуществить то, ради чего он явился в этот мир.

Прекрасный младенец... однако теперь, всматриваясь в него более пристально, она угадывала в лице его черты отца. Золотые волосы, удлиненные мочки ушей, бледная кожа. Без сомнений, отцом этого ребенка был Криспин Сабир. Закрыв глаза, она попыталась вспомнить это животное. Прошлая боль, страх, унижение вновь заполнили ее. И, открыв глаза, Даня еще более отчетливо увидела в младенце Криспина.

— Луэркас, скажи мне, как остановить его?

Ты знаешь это. Сердцем, душою ты давно знаешь, что тебе нужно сделать.

— И все же скажи.

Не стану. Тебе нужен кто-то, кого можно будет обвинить потом. И я не хочу быть им. Либо тебе хватит собственных сил, чтобы выстоять и действовать в одиночку, либо ты слишком слаба для этого, как считал он, выбирая тебя.

Даня медленно вздохнула. Руки ее тряслись. Младенец мирно лежал на кресле и спал. Прекрасный ребенок. Ее прекрасный сын. Тем не менее он еще и сын Криспина... и надежда Соколов. Злая тварь, укрывшаяся под невинным обликом.

Луэркас прав.

И теперь она знает, как ей поступить.

Глава 31

Кеит ощутила спиной прикосновение поручня. Вспотевшие ладони ее скользили по гладкому и холодному камню Древних, не находя ничего, что помогло бы ей; вызванный ужасом холодный пот успел насквозь пропитать одежду.

Эндрю и Анвин подступали к ней с противоположных сторон. Домагар оставался возле центрального стола — пыточного, как теперь оказалось — с невозмутимым выражением на лице. Сжав в обеих руках по ножу, он вдруг поглядел на нее со странным смятением в глазах. И вдруг сказал:

— Остановитесь.

Сабиры не слушали его.

— Она не станет вредить себе самой... — ответил Анвин. — Она слишком умна для этого. И поймет, что мы можем сохранить ей жизнь, а падение с такой высоты наверняка убьет ее.

Магические экраны и благовония, которыми она буквально пропитала себя, пока скрывали от них, кем и чем она являлась на самом деле; впрочем, очень скоро они все узнают. Как только она убедится в том, что другой возможности для спасения нет, Кеит Трансформируется, и тогда все запахи мира не помогут ей замаскироваться. Бритоголовый тоже был Карнеем. Ему доставит удовольствие обнаружить в ней нечто родственное.

Впрочем, особого выбора у нее не было. Годы, отданные дипломатическим штудиям, научили Кеит тому, что дипломат, проваливший свою миссию, обязан сделать все возможное, чтобы исправить положение. Следовало считаться и с тайным характером ее вылазки. Теперь она должна была видеть свою цель в том, чтобы помешать этим ублюдкам обнаружить убежище Дугхалла и Хасмаля, по-прежнему надеявшихся вернуть Зеркало. Стру-

сив, она погубит их и сама примет жуткую смерть. А если проявит отвагу, то сможет умереть быстро и без мук.

— Я сказал: *остановитесь!* — закричал Домагар.

Должно быть, он угадал ее намерение по глазам. Карней начал Трансформироваться, и улыбка на его лице преображалась в оскал четвероногого убийцы.

Напрягшись всем телом, она обхватила руками поручень и, крикнув:

— Я не остановлюсь, — прыгнула вниз, навстречу небытию.

Кеит падала, стиснув зубы. Она желала умереть молча, чтобы не доставить трем оставшимся на башне чудовищам даже тени удовольствия, которое могло принести им малейшее проявление страха со стороны жертвы.

Тело ее преобразилось само собой, инстинктивно борясь за жизнь даже в безнадежной ситуации. Кеит ощущала, как огонь Трансформации жжет ее мышцы, как натягивается и плавится кожа. Одежда лопнула и отлетела прочь: она приобретала форму, еще не знакомую ей самой. Несколько раз кувыркнувшись, Кеит перевернулась лицом вниз. Городские огни под ней казались упавшими с неба и рассыпанными по темному бархату звездами. Если ей суждено умереть, то она встретит смерть, устремив взгляд на собственный Дом во всей его красоте.

Ночной ветер подхватил ее, подбросил, и темная ткань с рассыпанными на ней самоцветами встрепенулась.

Встрепенулась с рассыпанными на ней самоцветами.

Но не приблизилась.

Сердце грохотало в груди, зрение, ставшее вдруг острее и четче, выхватывало из тьмы и корабли в далекой гавани, и коней, и людей, и дома на улицах внизу. Кеит поглядела на правую руку. За косточками, столь тонкими, что, казалось, легчайшее прикосновение переломит их, от далеких пальцев до тонкой ключицы тянулась прозрачная кожа. Она шевельнула указательным пальцем, и все тело ее вильнуло вправо. Пальцы ее теперь стали в два раза длиннее, руки тоже. У нее появились крылья. Она могла летать.

Значит, и это тоже форма Карнеи?

Боги, она способна летать.

Кеит ощущала восторг, однако не производила никакого шума. Почувствовав, как ветер наполняет ее крылья, она как можно точнее направила свой полет в сторону того квартала, где в одном из домов ее ожидали друзья. Кеит молила богов, чтобы оставшийся наверху башни Карней не заподозрил, что она осталась жива. Возможно, он тоже может летать. Или хуже того: успел в

совершенстве овладеть этим умением. Прежде ей не приходилось бросаться вниз с высокой башни, а значит, и тело ее не испытывало необходимости в обретении крыльев. Даже рукописи, которые ей приходилось читать, не упоминали о том, что Карнеи способны принимать подобную форму.

Она может летать.

Кеит хотелось знать, на что она сейчас похожа. А еще, насколько велика роль инстинктивного знания в том, что она осталась жива, — или, может быть, спасением она обязана обыкновенной удаче... случайному везению, которое в любой момент может покинуть ее? Расправив пошире пальцы, она схватила ими воздух и заставила свое тело нести ее в нужном направлении. Плавно скользя вперед, она вообразила себя парящей при свете ясного, теплого дня, — так, чтобы солнце припекало спину, а ветер трепал волосы. Ей представились восходящие потоки, птицы, кружащие в них, поднимающиеся все выше и выше, и инстинктивно ей захотелось отдаться на волю этих воздушных течений. Однако ночью их, конечно же, не могло быть: земля остыла, и в небе не светило солнце, прогревающее и притягивающее к себе потоки восходящего воздуха. Где же она сможет снова окунуться в это воздушное море, когда ей еще раз удастся насладиться полетом? И откуда почерпнуть уверенность, что Трансформация и в другой раз пройдет в правильном направлении? Что, если ей только раз в жизни дарована возможность полета? И если это так, каково же будет ей ходить по твердой земле, зная, что никогда более она не сумеет подняться в воздух?!

Нет, она еще полетает. Кеит твердо обещала себе это. Уметь летать — это счастье. Она пила ночь всем своим сердцем, впитывала каждый звук полета, каждый запах — как если бы расставалась с ними навеки. Она осталась в живых. Уцелела. И научилась летать. Мир вновь принадлежал ей, и надежда не оставляла ее. Чудеса иногда случаются. Ей, Дугхаллу и Хасмалю непременно удастся вернуть Зеркало и одолеть Драконов. Как-нибудь уж там добро одолеет зло, и Возрожденный окутает мир своею любовью. Она осталась в живых, а это означало, что перед ней открывались новые, бесчисленные возможности.

Покружив над кварталом, где ждали ее друзья, она отыскала место, пригодное для безопасного приземления. В конце улицы раскинулся просторный сад, в котором благоухали дыни и пахло созревающей кукурузой. Поблизости никого не было видно. Однако при мысли о приземлении Кеит почувствовала неуверенность.

Как ей удастся сесть? Она так часто видела спускающихся на землю птиц. Но даже птенцу требуется практика.

Разве не издевательство — уцелеть после прыжка из башни, чтобы разбиться о землю лишь потому, что она не знает, как сесть.

Кеит спустилась пониже — так медленно, как только могла, стараясь задержать воздух под крыльями и надеясь на лучшее. Она выставила вперед ноги, стараясь подражать садящимся птицам и сожалея о том, что ни разу не понаблюдала за ними повнимательнее. Однако осторожность не помогла ей. Кеит грохнулась на землю словно мешок с камнями... с разодранной тонкой перепонкой на правом крыле она какое-то время лежала на раздавленных дынях и поломанных стеблях. Однако, успокоив себя в достаточной мере, она сумела подняться, вернуться в человеческий облик и залечить раненую плоть.

Итак, ночь подарила ей новое чудо. Живая и невредимая, она снова стояла на земле.

Конечно, она осталась нагой, и садовый участок, где она приземлилась, находился в конце улицы, не расставшейся со своим деловым обликом даже посреди ночи, а до гостиницы нужно было пройти половину квартала.

Тем не менее Кеит ухмыльнулась. Боги, она жива. А значит, справится и с этими трудностями.

Глава 32

Шагнув за пределы экрана, Даня взяла ребенка на руки. Младенец открыл глаза и посмотрел на нее с доверием. С любовью. Излучаемое им чувство вновь охватило ее, и Даня целиком отдалась этой любви. Она прижала его мягкое личико к своей чешуйчатой щеке и заморгала, сдерживая готовые пролиться слезы. Он негромко, по-кошачьи пискнул. Проголодался, наверное, решила она и приложила младенца к груди.

Она более не думала о Луэркасе, о будущем, о чем-либо вообще. Она не смела позволить себе эти мысли. Держа своего сына на руках, стоя на коленях у кресла, еще сохранявшего тепло его тельца, кормя ребенка, она жила лишь текущим мгновением. Младенец шевелился, руки Дани чуть покачивали крошечное тельце, сладкий запах грудного ребенка наполнял ее ноздри, а любовь его — ее душу. Крохотный ротик теребил сосок, и плоские груди ее, наполненные молоком, покалывало. В эти мгновения она была только матерью новорожденного, и никем иным; она любила своего ребенка, он отдавал ей свою любовь, и все будущее мира в этот самый миг совершенно ничего не значило. Сейчас каж-

дый из них был просто телом и душою, и соединявшая их воедино связь значимостью своей превосходила все идеи и разум мира сего, все его нужды и цели.

Незнакомцы-Соколы со всех сторон тянулись к ней, однако Даня не обращала на них внимания. Луэркас парил в ее голове, однако она отгородилась и от него. Никто из них не имел отношения к текущему моменту, к тому прекрасному, что происходило между нею и ее сыном. Это мгновение принадлежало лишь ей самой. Оно останется с ней, что бы ни случилось. Миг этот лежал за пределами добра и зла, правды и неправды. Он просто был.

Глаза ребенка медленно закрылись, и Даня осторожно провела чешуйчатым пальцем по его кожице, а затем вновь припала к нему лицом. Дыхание новорожденного касалось ее щеки. Даня как могла поцеловала его — насколько позволяло ее изуродованное лицо. Длинная морда и зубы хищника делали подобные нежности почти немыслимыми. Ребенок теперь стал средоточием всего ее мира... Крошечный комочек плоти, дыхания, жизни. И ей хотелось отгородить его стенами от опасного мира, изменить все вокруг ради его нужд.

Наконец она встала и вновь поднялась на помост, на сей раз держа дитя на руках. Вступив за созданные Древними невидимые стены, она почувствовала, как разом оборвались все нити, связывавшие ребенка с далекими Соколами — словно волокна оборванной взмахом руки паутины. Он вновь посмотрел на нее, но не заплакал. Он просто смотрел, и круглые невинные глаза с непониманием разглядывали ее лицо.

В Калимекке ему не позволили бы пережить первый же день Гаэрван, подумала Даня. Он искалечен магией, пусть внешне и кажется нормальным ребенком. Младенец рос прямо на глазах — родившись менее одного дня назад, он уже казался двух-трехмесячным ребенком. Так что его принесли бы в жертву богам Иберизма — ради блага народа Иберы.

И вдруг младенец на ее руках улыбнулся. Глаза сделались щелочками, на щечках появились ямочки, беззубый ротик растянулся. Прекрасный малыш. Беспомощный. Все еще беспомощный.

Пока беспомощный.

Она отогнула одеяло с его грудки. Тонкая плоть обрисовывала спрятанные под нею ребрышки, дыхание колыхало грудь, кожица над сердцем трепетала в такт его биению. На грудь младенца упала капелька воды, и Даня поняла, что плачет.

Я люблю тебя, сказал в мозгу ее голос ребенка.

— Я знаю, — шепнула Даня и вонзила два когтя в его кожу между хрупких ребрышек, целя в крошечное сердце. —

И я тоже люблю тебя. Но ты не имеешь права на жизнь... ради блага людей Иберы ты не вправе жить.

Он закричал от боли, и алая кровь обагрила ее когти. Даня не дрогнула, и первая волна чар накрыла ее, когда он попытался залечить свои раны. Магия перетекала в ее тело, и она ощутила, что изменяется снова... кожа ее запылала, плавились даже кости, и в жилах кипела кровь.

В уме ее раздался панический вопль:

— *Спаси меня!*

Однако Даня постаралась отгородиться и от всех звуков, и снаружи, и внутри себя.

Младенец забился, крошечные ручонки били по ее когтям, а округлые ступни ударяли по ее груди.

Даня поступала неправильно. И понимала это. Она знала, что ошибается, убивая своего ребенка; так ошибался и весь народ иберанский, принося в жертву своих искалеченных детей. Она могла еще сохранить ему жизнь. Он остался бы в живых, если бы она просто извлекла свои когти из его сердца. Он остался бы ее ребенком и простил бы ей тот чудовищный поступок, который она совершила.

Однако она поклялась перед богами в том, что отомстит обидчикам. И чтобы сдержать обещание, она должна была принести эту жертву. Предстояло умереть одному младенцу. Только одному... ее собственному. И лишь потому, что он стоял между нею и ее местью Семьям Сабиров и Галвеев. Она знала его будущее, видела его во главе Соколов, видела мир, повинующийся его воле, — и не могла допустить этого.

В этот миг ее охватила вторая волна чар, но Даня держалась. Тело ее плавилось, изменялось, она ощущала отчаяние ребенка... и тут почувствовала нечто, едва не остановившее ее. Она почувствовала его любовь. Он по-прежнему любил ее.

Заплакав, она зажмурилась и отвернулась от младенца. Она попыталась представить себе Криспина, вспомнить сцены насилия, пыток, боль. Даня старалась вызвать в себе прежнюю ненависть и чувствовала, как утекает она из ее чешуйчатого тела.

— Я должна это сделать! — завизжала она. — Ты все погубишь.

Ребенок прекратил сопротивление. Он очень ослабел. Новых чар уже не будет. Открыв глаза, она посмотрела на него: пора было лицом к лицу встретиться с содеянным ею, признать, что сделала она все это по собственной воле. Теперь ей следовало принять на себя всю ответственность.

Он лежал на ее руке, ослабев, едва дыша, и кровь покрывала всю его грудь. Глаза его неотступно следили за ней

и, невзирая ни на что, они были полны любви. *Бедная Даня*, прошептал в голове его голос, *Луэркас обманул тебя.*

Жизнь наконец оставила его, и она извлекла когти из его сердца, опустила крошечное тело на помост и склонилась над ним, обливаясь слезами. Ребенок умер, а с ним исчезла и любовь, которую он вливал в нее, исчезла навсегда из окружающего ее мира. Содрогаясь, смотрела она на свою руку... руку, убившую ее собственного сына. Когти двух пальцев, указательного и среднего, которые она вонзила в сердце ребенка, остались без изменения — как и оба увенчанных ими пальца. Однако рука стала... ее собственной. Человеческой. Гладкая нежная кожа, изящные, утончающиеся к кончикам пальцы. Тонкая кисть на точеном запястье, легкая рука, мягкое округлое плечо. А под кожаными одеждами полные, женские груди, отяжелевшие от молока. Плоский живот, стройные ноги. Левой, ставшей полностью человеческой рукой она дотронулась до лица. Прежнего... ее собственного.

Своими чарами сын вернул ей прежний облик. Умирая, он возвратил ей ее прошлое. Ей не нужно было убивать его... теперь она могла вернуться домой.

Даня взглянула на два звериных когтя, погубивших ее сына... Возрожденного... уничтожившихдар, ниспосланный ей свыше. Они были очевидным Увечьем. Однако она могла отрубить их. Взять топор, отрубить и вернуться домой, — если бы только не поклялась сначала отомстить собственной Семье.

Дома, должно быть, ее встретят с радостью, однако как быть с клятвой, принесенной ею богам?

«Я могла бы отречься от нее. Могла бы вымолить прощение у богов. Но ради клятвы я пожертвовала собственным сыном. И я связана его жизнью».

Она погладила мягкую щечку убитого ею ребенка.

— Я могла бы стать тебе настоящей матерью, — прошептала она. — Прости меня.

Мутное голубоватое сияние вдруг окружило его тело, и Даня отдернула руку. Магия вновь коснулась ребенка, и на сей раз несомненно злые чары явились снаружи, сопровождаемые запахом гниющей плоти и жимолости. Раны в груди ребенка закрылись, только два черных пятна остались там, где в плоть вонзились ее когти. Грудь его вновь наполнилась воздухом. Опала. И наполнилась снова.

Даня хотела возликовать, но не смогла этого сделать. Протянув руку и прикоснувшись к нему, она ощутила не любовь, а ужасающий холод и расчетливую настороженность. Младенец вдохнул еще раз и осмысленно повел глазами.

Помедлив, он вдохнул еще раз, потом еще, и тогда то, что он дышит, перестало казаться чудом. Руки его двигались, но осторожно. Точно он опробовал собственное тело. Дважды дернув ногами, он опустил их. Улыбка снова появилась на его лице, но теперь в ней не было ни капли младенческой невинности, которую видела она в той единственной улыбке своего сына. Эта улыбка была наглой. Самодовольной. Злой. Дух, что поселился в теле ее сына — кто бы он ни был, — не принадлежал ее ребенку.

— Я бы сказал, что ты права, — прошепелявил младенец тоненьким голоском. Он попробовал сесть, но не сумел этого сделать. — Ты меня знаешь. Я твой друг Луэркас. И я собираюсь заменить тебе сына.

Нет. Она просто не могла допустить, чтобы тело ее ребенка занял кто-то другой. Даже Луэркас, спасший ей жизнь. Луэркас вдруг вселил в нее ужас. И, решившись, она протянула к нему руку с когтями, чтобы изгнать чужака, испоганившего собой тело ее сына. Однако ладонь младенца вдруг полыхнула огнем, и ослепительное магическое пламя ударило ей в глаза. Внезапная вспышка отбросила Даню, пламя проникло внутрь головы. С воплем она рухнула на помост, прижав ладони к глазам. Боль пронзила ее, словно игла.

— Я не стал калечить тебя, — сказал Луэркас. — На сей раз. Только не повторяй подобных попыток. Тебе нужна месть, и ты осуществишь ее, — но не без моего участия. А мне нужно было тело. Глупо не воспользоваться столь совершенным материалом.

От смешка его она содрогнулась.

— А пока я не способен заставить это тело подчиняться себе, ты будешь заботиться обо мне. Кормить. Менять пеленки. Вот видишь... ты и ребенка не потеряла.

Нет, это было не так. Умирая, ее сын сказал, что Луэркас обманул ее. Теперь она видела, что он был прав, — Луэркас направлял ее действия в нужном ему направлении. Она следовала его наставлениям. Она подчинилась ему без возражений и поэтому лишилась ребенка, место которого заняло какое-то нечистое и злобное создание. Какую же ошибку она допустила!

Тем не менее ее можно было исправить. Просто оставить Луэркаса в подземелье, бежать из него со всей возможной быстротой и никогда более не возвращаться в Ин-Каммереа. Лишившись ее, он умрет, а с ним и все зло, которое он задумал принести в этот мир.

— Даже и не думай об этом. Мы с тобой совершим великие дела. Станем бессмертными и будем править миром. Нужно лишь немного подождать и потрудиться, но вместе мы

все одолеем. У тебя истерика, и это вполне понятно. Детоубийство тяжелая вещь, и его трудно пережить. Но ты сумеешь.

Все еще слепая, терзаемая болью, она лежала на помосте.

— Не сумею. Я совершила ужасный грех.

— Согласен. Совершила. Причем абсолютно добровольно.

— Я не хочу жить, — прошептала она, удивляясь тому, насколько очевидным был выход из этой ситуации. В самом деле, она ведь может убить себя, жизнью заплатить за совершенное ею зло и тем самым остановить Луэркаса.

— Нет, ты не сумеешь этого сделать. — Тоненький младенческий голосок звучал столь нежно, что мерзкие интонации, отчетливо различаемые в нем, казались просто немыслимыми. — Я не позволю тебе убить себя — так же как и меня. Ты попалась, Даня. Теперь ты неразлучна со мной. И ты будешь делать то, что мне нужно, — добровольно или по принуждению. Я вполне могу заставить тебя делать все, что я захочу. Так или иначе, я все равно получу то, чего добиваюсь, и ты не станешь противиться моему желанию. В конечном счете ты можешь оказаться или моей союзницей, или рабой.

Даня поникла.

— А теперь возьми меня на руки и дай грудь, — приказал Луэркас. — Я голоден. А когда я усну, отнесешь меня в деревню. Кстати, тебе придется как-то объяснить Карганам свой новый облик. По-моему, они недолюбливают людей.

Он вновь рассмеялся.

— Но если ты будешь хорошей девочкой и не станешь досаждать мне, я, быть может, исправлю два твоих пальца.

Даня взяла младенца на руки, желая ему смерти. И себе тоже.

Глава 33

Кеит забралась в оставленное ею открытым окно и со вздохом облегчения повалилась на пол. Если ей суждено когда-нибудь обзавестись вещами, способными соблазнить вора, возможно, однажды она и пожалеет об этом, однако скверная привычка оставлять окно открытым время от времени выручала ее... И сегодня ночью Кеит чувствовала удовлетворение: ведь иначе ей пришлось бы голой идти через таверну, занимавшую первый этаж гостиницы, мимо мужчин и женщин, утоляющих голод и жажду, мимо двух плясунов, круживших на сцене в продымленном воздухе в такт ритму барабанов-тала.

Однако для вознесения благодарности богам у нее было всего лишь мгновение. Кеит почувствовала, что в комнате кто-то есть, и за одно биение сердца услышала его дыхание, ощутила запах и определила — шестым чувством, которое вполне можно назвать магическим, — что притаившаяся в самом темном углу неосвещенной комнаты тень зовется именем Ри. Он ожидал, и предвкушение неизбежного окутывало его плотным облаком удовольствия.

Замерев на месте, она посмотрела в угол.

— Ри, почему ты находишься в моей комнате?

— Праздную... ты уцелела, и я счастлив, — раздался бархатный голос, заставивший чаще забиться ее сердце. — Хочу поздравить с благополучным возвращением. До твоего появления мне пришлось радоваться в одиночестве, поскольку твой дядя, Хасмаль и поганец Ян убеждены в твоей кончине. И мое веселье они воспринимали как оскорбление.

— Но как... — начала было Кеит и, уже произнеся эти два слова, поняла, каким образом Ри сумел узнать о том, что она жива. Часть его самого была неразлучна с нею — как ее собственная душа. Она глубоко вздохнула. — Я... спасибо за то, что ждал меня. Я потрясена тем, что уцелела... Прыгая с башни, я не рассчитывала на это.

Поднявшись, он шагнул к ней. В ответ Кеит немедленно сделала шаг назад.

— Ты отважна, — произнес Ри. — Не знаю, сумел бы я даже под угрозой пытки прыгнуть с башни, чтобы не предать товарищей. — Он умолк. — Впрочем, мне приятно *думать*, что я сумел бы повторить твой поступок. Но пока в списке моих собственных подвигов столь удивительных деяний не значится.

Кеит вдруг поняла, что он видит ее куда более отчетливо, чем она его... Ри находился в тени, но за окном сияли луна и звезды, и силуэт ее четко обрисовывался на этом светлом фоне. Почувствовав, как запылали ее щеки, она сказала:

— Мне нужно сообщить всем остальным о своем возвращении. Выйди, пожалуйста, я оденусь, потом мы сможем снова поговорить.

— Конечно, — согласился Ри, даже не шевельнувшись.

Кеит ждала. Он по-прежнему оставался на месте. Кашлянув, она сказала:

— Моя одежда в сундуке за твоей спиной, но я не могу подойти к ней, пока ты стоишь там.

Ответ последовал отнюдь не сразу. Наконец он неторопливо произнес:

— Я это знаю, — и шелковистый, глубокий голос Ри заставил еще быстрее заколотиться ее сердце, а по коже ее забегали мурашки.

Утомленное Трансформацией, требующее пищи, измученное всем пережитым тело ее все-таки откликалось на огонь, бушевавший в ее собеседнике. Каждый звук сделался теперь более отчетливым для ушей ее, каждый запах обострился и стал еще более настойчивым... Все вокруг в этой комнате точно зажглось внутренним, собственным светом. Долгое воздержание лишь усиливало ее желание, но еще более воспламеняло Кеит присутствие Ри в этой комнате. Она хотела его... как хотела и в то самое мгновение, когда запах Ри впервые коснулся ее ноздрей, и тело ее запело в предвкушении.

— О нет, — прошептала Кеит.

— Почему же нет, Кеит? Почему я всегда слышу — нет? Когда я плыл следом за тобой через океан, каждую ночь мне снилось, что мы с тобой танцуем... ты и я. Что мы летим над садами, полями, лесами — нагие — в объятиях друг друга; что я обнимаю тебя, и оба мы движемся в такт неслышной музыке, которую мы ощущаем телами. Каждую ночь во сне я чувствовал прикосновение твоей кожи к моему телу и каждое утро просыпался, не находя тебя рядом.

— Я знаю это, — мгновение спустя ответила Кеит.

— Это был вовсе не сон, — проговорил Ри. — Это было на самом деле. По-настоящему. Мы с тобой созданы друг для друга. Мы две половинки одной души, и когда мы спим, они тянутся друг к другу, стремясь соединиться. Так что в наших сновидениях мы бываем вместе потому, что должны навсегда соединиться.

Кеит качнула головой.

Во тьме блеснули его зубы, обнажившиеся в быстрой упрямой улыбке.

— Да. И тебе это отлично известно. Ты тоже *знаешь* это. Но тем не менее ты отказываешься разделить со мной... дар, ниспосланный нам богами... несмотря на то что от твоего отказа хуже станет лишь тебе и мне.

— Но ты *Сабир*.

— А ты из *Галвеев*. И мне все равно. Мне было все равно, когда родители сказали, что я не могу взять тебя в Дом. Мне было все равно, когда мать объявила мне, что объявит меня *барзанном*, если я последую за тобой вместо того, чтобы стать главой Волков Сабиров. Если честно... — Он помедлил. — Меня это задело, но я все-таки последовал за тобой. И мне безразлично, что сейчас думают обо мне в Семье. И что подумают там обо мне в будущем. Я всю жизнь искал тебя.

И он негромко — без всякой радости — рассмеялся.

— Все это время было для меня временем воздержания и мучительной борьбы... Отчасти потому, что я хотел избе-

жать судьбы, которую уготовили мне в Семействе, но отчасти и потому, что знал: где-то на свете ты ждешь меня, и не хотел связывать себя с кем бы то ни было, не попытавшись найти тебя.

Кеит разом ощутила на своих плечах всю громаду собственного прошлого.

— Ну, я не была настолько... предусмотрительной.

— Ян? — Она услышала в голосе Ри неприязнь: он попытался скрыть ее, но не смог.

— Не только Ян.

Ответом ей стал вздох.

— Я знаю это и принимаю твое прошлое. Меня учили контролировать побуждения Карнея с самого рождения. Тебя, очевидно, некому было учить.

— Если бы обо мне узнали, Семья потребовала бы, чтобы меня принесли в жертву в день Гаэрвана. Но мои родители спрятали меня и увезли в деревенский дом, где я и выросла. Меня прятали от посторонних глаз, пока не научили — как умели — скрывать мое... проклятие. У матери с отцом были до меня еще двое сыновей-Карнеев, но их убили прямо в колыбели, они не прожили и месяца, поэтому мои родители, по сути дела, ничего не знали о Карнеях и о том, как мне управлять собой. Они прочитали анналы Семьи, извлекли из них все, что было возможно, а остальное узнали методом проб и ошибок. Они научили меня всему, что знали сами. — Кеит пожала плечами. — Насколько мне известно, в живых среди Галвеев таких, как я, больше не было.

Сказав это, Кеит сразу же пожалела о своих словах. Лучше, наверное, чтобы Ри считал, что среди Галвеев может найтись не один Карней — как и среди Сабиров.

Однако Ри явно не заинтересовался допущенной ею стратегической неосторожностью. Он ответил, тоже пожав плечами:

— Мне известно, что у тебя были любовники. Они остались в прошлом.

Теперь настала ее очередь смеяться:

— У меня не было любовников. Только свидания. Короткие встречи с незнакомцами, когда у меня уже не хватало сил справиться с собой. Я могу назвать своим бывшим любовником только одного человека, а он... — Кеит умолкла. Потому что это был Ян, который по-прежнему любил ее, и судьба его глубоко заботила Кеит. В тот миг, когда она сообщит ему о том, что душа ее принадлежит Ри, — в тот момент, когда Яну станет известно об этом, — она нанесет ему жестокий удар. Подобное решение не могло даться ей легко.

— Прошлое есть прошлое, — заметил Ри. — Оно не влияет на настоящее — если только не давать ему одолеть

себя. *Мое* собственное прошлое навсегда осталось позади. Я видел Возрожденного и потому не могу более сохранять верность Сабирам... так же как и ты Галвеям. Отныне нам с тобой суждено идти одной тропой.

Ри смотрел на нее, и Кеит заметила, как изменились его глаза. Они начинали светиться, как у кошки. Голос его сделался еще более низким и грудным.

— Однако это не все, Кеит. Я люблю тебя. Ты нужна мне.

Он шагнул ей навстречу, и Кеит почувствовала, как толкает его вперед, к ней обжигающий напор Трансформации.

— Потанцуй со мной.

Можно было сколько угодно твердить себе, что она избегает Ри потому, что чтит память о своей Семье... однако, заглянув в свою душу, она поняла, что это верно лишь отчасти. Она уклонялась от близости с Ри еще и потому, что эта связь грозила увлечь ее в совершенно неведомые края. Прежде она знала боль, одиночество и отчаяние. Ей была знакома и пожирающая все вокруг пустота. Она знала, как довольствоваться меньшим, когда желалось большего; знала, как нужно изображать то, чего в действительности не испытываешь; она не чуралась подбирать с пиршественного стола жизни крохи и остатки. Кеит ненавидела эти тягостные мгновения, эти чувства, однако ей приходилось сталкиваться с ними прежде, и она знала, что выдержит их напор и еще раз.

Однако область любви была ей совсем неизвестна. Как и пиршество страстей и наслаждение искренним, обоюдным желанием. Все это вселяло в нее ужас.

— Я не готова, — ответила Кеит, не зная, произнесла ли она эти слова вслух или только для себя самой.

— Потанцуй со мной, — прошептал он.

Ри сделал еще один шаг к ней, и Кеит поняла, что если ей так и не хватит отваги признать, чего именно она хочет, значит, она никогда не сможет жить полнокровной жизнью. Она способна отказать себе в столь желанной любви, однако это не вернет к жизни ее погибших родных и не зародит в ней ответного чувства к Яну, столь же полного и искреннего. Она не может дать Яну то, что нужно ему, а если откажет в этом и себе, несчастными станут и он, и она.

Ри шагнул снова.

И, подавшись вперед, она упала в его объятия, прошептав только:

— Да.

Тела их соприкоснулись, она прильнула к шелку его рубашки, кожаным брюкам. Щеки их прижимались друг к другу, а руки сплелись. Они танцевали не торопясь. И кружили под чувственный ритм барабана-тала, доносившийся из-под дощатого пола.

Танец этот был танцем их снов, только на сей раз ноги их ступали по земле. Движения делались уверенно; каждый точно знал, когда шагнуть, когда повернуться, словно танцевали они не в первый раз, а в сотый. Что, если прежние их сны были реальностью... не грезами, а явью?

Они переступали и кружили, кружили и переступали, поворачивали налево, скользили направо. Кеит утопала в теплоте его тела. Она припала лицом к груди Ри, в блаженстве ощущая его твердые мышцы. Она вдыхала запах его тела... кожи, благовоний, аромат его желания. Наконец, не прерывая танца, Ри поцеловал ее... легонько коснулся ее кожи губами — там, где шея переходит в плечо.

Кеит вздрогнула, но не от холода. Высвободив руку, она распустила завязки его рубашки, пока ноги сами собой продолжали танец. Наклонившись пониже, Ри припал губами к выемке между ключицами, не то мурлыкнув, не то заурчав при этом. Потом она положила обе руки на его талию, выпустила из брюк рубашку и принялась поглаживать жесткие мышцы его спины, осторожно лаская теплую кожу и шелковистые волосы у основания шеи.

Руки Ри тем временем опустились на ее плечи, а потом медленно скользнули вниз — к ягодицам.

Обеими руками Кеит стащила через голову Ри его рубашку и уронила ее на пол. И теперь они продолжали свой танец нагими... кожа к коже, как в тех удивительных снах. Полные груди ее прижимались к широкой, поросшей волосами груди Ри.

Внизу в таверне зачастили барабаны.

Она принялась возиться с пряжкой его пояса. Убрав одну руку с ее спины, Ри расстегнул его коротким, нетерпеливым движением. А заодно распустил и завязки брюк, после чего ладонь его вернулась на ее спину.

Сердце Кеит колотилось, кровь почти кипела. Во сне они только танцевали, но теперь ей нужно было нечто большее. Она хотела его, хотела близости с ним... она желала слиться с ним, обрести полноту единения.

Остановившись, Кеит потянула вниз брюки Ри. Он сбросил с ног сапоги и, шагнув, оставил позади и брюки, и белье. И остался на месте. Сотрясавшее пол биение барабана задавало ритм и его сердцу.

Отбросив ногой одежду в сторону, он взял ее руки в свои и вновь продолжил танец. Они двигались по-прежнему неторопливо и чувственно: кожа прикасалась к шелковистой коже, теплота тела сливалась с теплотой тела, губы с губами, руки скользили по спинам... они приближались и снова отдалялись, а после сходились снова — еще теснее, чем прежде.

Наконец танец увлек их в угол комнаты, и Ри остановился.

— Сейчас, — сказал он.

И Кеит ответила:

— Сейчас.

Подступив совсем близко, он взял ее за талию, поднял и прижал спиною к стене. Кеит обхватила его ногами... И хотя голоса барабанов-тала постепенно смолкли, они начали другую, куда более старую пляску.

Глава 34

В ночи сей творилось что-то неладное, Хасмаль ощутил это еще до того, как Кеит спрыгнула с башни. Предчувствие грозящего несчастья заставляло трепетать все нутро его и когда он следил за ее падением, и когда вместе с Дугхаллом они бранили Ри, уверявшего, что Кеит осталась жива. А когда, опустившись на колени, они с Дугхаллом начали читать отходную по мертвому Соколу, — ибо, хотя Кеит и не приняла обеты Соколов и не овладела всеми их секретами, оба они сошлись на том, что Соколом она являлась по духу, — ощущение обреченности сделалось еще сильнее.

Ночь продвигалась вперед своим чередом, и чувство это превратилось в истинный кошмар, так что наконец Хасмаль спросил у Дугхалла, не испытывает ли и он чего-либо похожего.

— Разумеется, — возмутился Дугхалл. — Кеит умерла. Она навсегда ушла от нас. Что еще я могу чувствовать?

Однако Хасмаль не был абсолютно уверен в том, что его терзает горе именно из-за гибели Кеит.

При чтении последних молитв к ним присоединился Ян, и Хасмаль в душе пожелал, чтобы тот ушел. В других обстоятельствах он был бы только рад разделить с кем-либо молитвенный труд по проводам души в Вуаль... в обычной ситуации к обряду присоединялись все желающие. Однако сейчас даже присутствие Яна словно металл по кости скребло его сердце. Казалось, эта ночь никогда не кончится.

Когда в самый торжественный миг молитвословия в комнату влетел ухмыляющийся как идиот Янф, а следом за ним появились державшиеся за руки Кеит и Ри, Хасмаль лишь воззрился на свою явно невредимую подругу, не сумев наскрести в своем сердце даже крохи радости при виде столь очевидного доказательства ее спасения. Кеит была небезразлична ему, как доверенная

сотрудница и верная наперсница, и тем не менее сам факт ее чудесного спасения не мог даже поколебать того облака ужаса, в котором плавала душа Хасмаля.

Возбужденный Ри переводил взгляд то на него, то на Дугхалла, то на Яна.

— Она жива, ослы, — выпалил он наконец, — можете отложить в сторону свои траурные одеяния и оставить молитвы для тех, кто действительно в них нуждается.

Дугхалл, вдруг сразу постаревший, согбенный и неловкий, поднялся с места, подошел к Кеит с вымученной улыбкой на лице и обнял ее — как вежливый человек обнимает незнакомца, уверяющего, что он является его старинным другом.

— Ты излечила наши израненные сердца, — сказал он, однако Хасмаль слышал в голосе старика ту же боль, что поселилась и в его собственной душе. Вся вселенная вибрировала, словно в такт звучанию расстроенных струн.

Нахмурившись, Кеит повернулась к Ри:

— Ты говорил, что они не поверили тебе, когда ты сказал им, что я жива, но теперь мне кажется, что они не верят и *мне самой.*

Жестом обладания Ри положил ей руку на плечо и сказал:

— Не знаю, что с ними произошло, но у тебя несомненно есть я.

— Да, — согласилась Кеит и, повернувшись, поцеловала Ри. Точно пощечину влепила Яну — Хасмаль почувствовал, как он затрепетал, словно и в его душу проник отзвук сегодняшней неведомой беды. Взглянув на Кеит прищуренными, жесткими и холодными глазами, Ян произнес:

— Значит, ты выбрала.

Судорожно сглотнув, она кивнула:

— Только не думай... не думай, что я... не желаю тебе счастья или...

Голос ее сорвался, и Кеит дернула головой.

— Да. Я выбрала. Выбрала. И прости меня, Ян... мне очень жаль.

Рука Яна, точно повинуясь собственной воле, потянулась к мечу, и Хасмаль вздрогнул, страшась внезапной стычки. Однако, дотронувшись до рукояти, Ян сказал:

— Тебе незачем извиняться. Ты имеешь право идти нужным тебе путем. Я надеялся, что окажусь твоим спутником на этом пути, но я не стану жить с женщиной, которая не любит меня, — как бы я ни хотел ее.

Лицо его напряглось и, взглянув на Ри, Ян бросил ему:

— Желаю счастья, братец.

Три эти слова были произнесены глухим голосом, каким, по мнению Хасмаля, посылали врагов в Иберанское пекло.

А затем Ян высоко держа голову вылетел из комнаты, выдавая каждым своим движением обуявший его гнев.

Хасмаль решил было, что, возможно, именно это и было причиной отчаяния, сжимавшего его сердце, однако сразу же отказался от этой мысли... обиду и гнев Яна следовало считать лишь крохой, несравнимой с тем, гораздо большим, что так угнетало его.

— Кеит, — сказал он, — я невероятно рад видеть тебя живой, но у меня просто нет сил. Мы с Дугхаллом молились, читали по тебе принятую у Соколов отходную, так как были уверены, что ты погибла. — Он обнял ее и расцеловал в обе щеки. — Я смогу выразить свою радость более очевидным образом, после того как хотя бы немного посплю, но сейчас мне гораздо больше хочется услышать, как тебе удалось выжить — ведь ты прыгнула с такой ужасной высоты.

— Я тоже хочу узнать об этом, — произнес Дугхалл. — Дорогая моя девочка, ты уже второй раз воскресла для меня из мертвых, и я счастлив превыше меры. Завтра мы отпразднуем твое спасение — как следует выспавшись и после позднего завтрака.

Когда все, кроме Дугхалла, покинули помещение, Хасмаль признался:

— Сегодня что-то отягощает мое сердце. Как будто пошла наперекосяк целая вселенная. Душа моя томится, и я не знаю почему.

— И мне тоже не по себе, — ответил Дугхалл. — Я боюсь, но чего именно — не знаю. И это страшит меня. Нам нужна помощь и совет. Садись рядом, свяжемся с Возрожденным.

Хасмаль тяжело опустился на пол и, скрестив ноги, опустил защищавшие его экраны. Царивший в душе мрак не рассеивался. Когда Дугхалл принял ту же позу, оба они закрыли глаза и принялись сплетать тонкое волоконце духа, соединявшее их с Возрожденным. Однако на сей раз магия не сработала.

Сосредоточившийся Хасмаль постарался как можно полнее погрузиться в медитацию; он очистил ум и, ровно дыша, сфокусировал внимание на собственной неподвижной сердцевине и на том чистом колокольном звоне, что наполняет собой средоточие вселенной, но даже когда он целиком ушел в созерцание сущности мира, и ум его сделался подобием недвижной воды, контакта с Возрожденным не получилось.

Медитацию Хасмаля нарушил Дугхалл. Дрожащим голосом старик прошептал:

— Мы должны предложить в жертву кровь.

Они достали чашу, иглы и жгут, пролили свою кровь внутрь посеребренной емкости и произнесли *Хи'айн аводжан*, молитву тех, кто давно ждет во тьме. А затем призвали чары, которые должны были соединить их с Соландером. Теперь остава-

лось только ждать. С кровью в чаше ничего не происходило. Ослепительное пламя не вспыхнуло в ней, не соединило нитью Возрожденного и его Соколов. Не поднялось из нее тепло, не изошла энергия, чтобы наполнить Хасмаля, и любовь не осенила его сердце. Там, где прежде ощущал он возродившуюся надежду мира, источник всякого счастья, ныне была... пустота.

Хасмаль принялся молиться усерднее. Он напряг все силы. Тело его занемело, а дыхание сделалось неровным. Слезы начали вскипать в уголках его глаз, он уже ощущал их горечь, от которой першило в горле. Наконец, открыв глаза, он посмотрел на чашу с кровью, которая так и осталась темной лужицей на дне сосуда. Хасмаль прикоснулся к руке Дугхалла, и тот тоже открыл глаза. Старик, как и он сам, плакал.

— Он ушел.

— Да, — кивнул Дугхалл, и разом уступившее напору времени лицо его вдруг показалось Хасмалю очень древним.

— Куда он ушел? И почему мы не можем найти его?

Без стеснения Дугхалл утер слезы рукавом, а потом поглядел на собственные ладони.

— Все, Хас, мы проиграли. Мы утратили все... победили Драконы. Соландер мертв.

— Нет, — воскликнул Хасмаль, уже понимая, что слышит правду. Какая-то часть его знала об этом с того самого мгновения, когда Возрожденный был отнят у мира. Украден. Убит. Хасмаль не понимал, каким образом мог случиться подобный кошмар, однако он знал, что ужасное событие это действительно произошло.

— Ни в одном из пророчеств нет ничего подобного, — начал он. — Ни в одной строке своего труда Винсалис даже не намекает на то, что после воплощения Возрожденного будет подстерегать опасность. Соландер был нам обещан. *Обещан.* И как могло такое...

Дугхалл устало махнул рукой:

— Какая разница, сынок. Не в этом дело. Возрожденный погиб... и вместе с ним погибли и Соколы. Драконы победили.

Да, Соколы умерли. И надежда мира тоже. И обетованная великая цивилизация от края до края земли, одолевшая войны и зло, стоящая на любви, мире и радости... она тоже была убита вместе с далеким младенцем, а тысяча лет терпеливой и искренней молитвы и пролитая кровь обратились в ничто.

Соландер умер. Хасмаль поднялся, не зная, почему еще не летит в пропасть весь мир. Неловко ступая, он побрел к комнате, которую делил с Яном, стащил с себя одежду, бросив ее на пол, залез в узкую кровать, закрыл глаза и пожелал себе уснуть и не проснуться. Если он не пробудится, чтобы приветствовать новый день, можно будет считать, что он ничего не потеряет — ибо мир этот уже не мог перемениться к лучшему.

Глава 35

Наступившее утро оповестило о себе лишь легким убавлением ночного мрака. Шевельнувшаяся в объятиях Ри Кеит прислушалась к стучанию дождя в окно и решила не просыпаться. Чувствовала она себя на удивление превосходно. После вчерашней Трансформации она ничего не ела и, проведя всю ночь в объятиях Ри, уснула лишь под утро, однако теперь Кеит не ощущала ни утомления, ни уныния, обычно досаждавших ей после Перехода.

Повернувшись на бок, она поцеловала Ри в шею и легонько куснула его.

— Проснись. Давай что-нибудь сделаем.

— Мы и так что-то делали, — рассудительно и негромко возразил он. — Мы спали.

— Я знаю. Но у меня есть более интересное предложение. Давай сходим куда-нибудь и поедим.

— На улице проливной дождь. Воды по колено... послушай. Разве ты не слышишь, как хлещут ручьи, сбегая к гавани? Давай спать.

— Не будь таким скучным. Мне сейчас слишком хорошо, чтобы оставаться в постели.

Приподняв голову, Ри улыбнулся:

— Моя прекрасная и любимая, если тебе надоело спать, я могу найти для нас обоих занятие и не вставая с постели.

— Можно заняться и этим. — Придвинувшись к нему, она легонько прикусила мочку его уха. — *А потом* нужно непременно сходить поесть. Я голодна как волк.

Откинувшись на подушку, он вздохнул:

— И насколько голоден этот волк?

— Этой ночью я Трансформировалась и с тех пор ничего не ела.

— Ну, раз так, то... — Без дальнейших слов Ри выпрыгнул из постели и принялся натягивать штаны, рубашку и сапоги. Спешка его была преднамеренно комичной, и Кеит одобрительно посмеивалась, однако немедленная реакция его выявила в их отношениях нечто, прежде еще не испытанное ею. Ри понимал ее. Он знал, как живется Карнею; он ощущал безумное напряжение Трансформации собственной плотью и знал чудовищный голод, следовавший за этим, не хуже, чем она сама.

Выбравшись из кровати, Кеит тоже начала одеваться.

— А как насчет обещанных постельных занятий?

Чувствовать, что тебя понимают, приятно, только тогда расслабляешься.

Искоса поглядев на Кеит, Ри улыбнулся и поддразнил ее:

— Твое очаровательное тело и пьянящие поцелуи подождут. А то, боюсь, потом меня самого слопаешь.

Кеит и Ри пробирались вперед по тротуарам, а на перекрестках ступали по брошенным там высоким камням. Грязные ручьи дождевой воды клокотали под их ногами, а с неба сплошной пеленой хлестал ливень. Конец сезона дождей был близок, однако грозы еще не прекращались. Впрочем, Калимекка не позволяла капризам погоды нарушать заведенные в городе порядки. Деловая жизнь в городе ни на миг не прерывалась.

В рыночном районе они наткнулись на несколько харчевен, где с раннего утра обслуживали рабочих, занятых в дневную смену, и торговцев, которым скоро предстояло встать за свои прилавки. Кеит и Ри присоединились к короткой очереди под ярко-красным навесом лавки пирожника и принялись обсуждать достоинства различных начинок — мяса гадюки, гремучей змеи, обезьяны, попугая, индюка, оленины, а также пюре из кузнечиков, и наконец остановили выбор на огромной кулебяке, дышавшей паром на прилавке. Вкуса различным видам мяса прибавляли ломтики манго и танали, благоухание усиливали крошеный корень манагоды и кокос, а толстая корочка пирога аппетитно поблескивала ореховым маслом.

Кеит заставила себя есть медленно. Забыв об осторожности, она легко могла выдать себя своим, буквально зверским, аппетитом. Она вдруг подумала о том, как часто люди говорят друг другу, что они «умирают с голоду», или «готовы умереть за кусок сочной баранины», или «до смерти хотят сладкого льда»... а ведь сама она в отличие от нормальных людей действительно может умереть, если вовремя не получит пищи. И мысль эта неприятно уколола ее, чуточку отравив счастливое утро.

Рука об руку они направились к входным воротам, ведущим в лабиринт крытого, внутреннего рынка. Там они нашли лавку, где продавались пеккари, — владелец ее отгородился сеткой от докучавших ему мух, чтобы те не липли к подвешенным на крюках свиным тушам. Кеит сочла эту идею вполне здравой, а затем выбрала поджаренного на вертеле упитанного поросенка, приготовленного в собственном соку — без специй. На пару с Ри они быстро умяли жаркое. И по-прежнему голодная, она повела его дальше, в глубь рынка, где лавки теснились уже едва ли не друг на дружке, и наконец обнаружила витрину, на которой было выставлено одно из самых любимых ее блюд — попугаи в меду, зажаренные на палочке. Цена оказалась вполне приемлемой, и она проглотила парочку птичек, жалея, что не может позволить себе еще,

не рискуя привлечь к себе излишнее внимание своей прожорливостью.

Когда они вновь выбрались на улицу, дождь уже прекратился, и солнце начинало выглядывать в прорехи между облаками. Над согревшимися улицами поднимался парок, на небе изгибались сразу три радуги.

— Ну как, возвращаемся в гостиницу? — спросил Ри. — Или, чтобы дожить до полудня, тебе необходима еще горсточка сластей? Скажем, корзинка дынь или весь запас сладкого льда какого-нибудь удачливого лавочника?

Кеит рассмеялась.

— Нечего дразниться. Скоро настанет и твоя очередь.

Она оглядывала обе стороны улицы. В здешних лавках можно было бы купить еще что-нибудь вкусное, однако, хотя Кеит еще не вполне насытилась, она решила сделать паузу, чтобы аппетит приобрел прежнюю остроту.

— Доживу до следующей трапезы. Давай вернемся в гостиницу.

Она потянулась, чтобы поцеловать Ри в щеку, и мгновенно тепло и запах его тела заставили ее ощутить голод иного рода. Проведя кончиком пальца по его груди, она шаловливо улыбнулась:

— Точнее, бежим. И если ты сумеешь догнать меня... — Улыбка ее сделалась еще шире. — Лови.

Ри протянул к ней руки, однако Кеит легко увильнула и помчалась по дороге — размахивая руками и запрокинув голову. Она пролетела над проложенными через улицу камнями, коснувшись мостовой лишь в самой середине улицы, и понеслась по тротуарам, старательно огибая углы, не думая о препятствиях и о том, чем они могли угрожать ей... или она — им. Она просто бежала, выкладываясь полностью, восхищенная самой погоней.

Ри внезапно возник перед ней, когда она проскочила мимо последнего переулка на пути к гостинице; он даже не запыхался, и она расхохоталась. Он поймал ее на бегу, обхватив талию руками, и подбросил в воздух. Быстрое движение заставило их обоих закружиться.

— Поймал, — объявил Ри.

Пальцы его прикасались к ее животу; Ри прижимал Кеит спиной к своей груди, а ноги ее болтались в какой-нибудь ладони от земли. Припав головой к его плечу, Кеит поглядела вверх.

— Поймал. Очень умно придумал. А я и не знала об этом коротком пути.

Она еще задыхалась после бега.

— Итак, теперь я принадлежу тебе. И что ты сделаешь со мной?

— Ты действительно хочешь это знать?

— Не слишком. Мне будет приятно, если ты чем-нибудь удивишь меня.

Ри повернул ее к себе лицом и, подхватив под колени и спину, поднял, а затем неторопливо поцеловал.

— Можешь поставить меня на землю, — сказала она, когда поцелуй оборвался.

— Могу. Но теперь ты моя, и я не хочу этого делать.

Он донес ее до почти безлюдной таверны, а потом направился вверх по лестнице. На середине ее они встретили спускавшегося вниз Дугхалла.

Взглянув на лицо дяди, Кеит почувствовала в душе настороженную тревогу. За все годы, что она знала его, ей еще не приходилось видеть у Дугхалла таких безжизненных глаз... Она никогда не считала его старым. Но в это мгновение он показался ей одновременно и дряхлым, и больным.

— Поставь меня, — шепнула Кеит, обращаясь к Ри, — впрочем, он уже и сам догадался сделать это. — Дядя, что случилось?

— Я дожидался вашего возвращения, — ответил тот мертвенным голосом. — Мы должны покинуть гостиницу. Немедленно.

— Зачем? — Кеит нахмурилась. Дугхалл, не поворачивая головы, шел мимо них. — Что случилось? Драконы обнаружили наше укрытие?

Дядя даже не обернулся.

— Хуже. Пошли. Твои вещи уже упакованы. Объяснения услышишь по дороге.

Кеит с Ри последовали за Дугхаллом — он повел их к боковой двери, где уже ожидали их Хасмаль, Янф, Валард и Джейм. Подъехал Трев на шаткой повозке, запряженной парой хромых лошадей; округлое лицо помощника Ри казалось бледным и испуганным. Повозка была нагружена перевязанными тюками сена.

— Мы устроили внутри углубление, — объяснил Трев.

— Внутрь, — скомандовал Дугхалл. — Быстро.

Перебравшись через внешний ряд тюков, они устроились между своих вещей на щелястом полу, и когда все уселись, Трев сдвинул крайние тюки к середине, а сверху уложил еще несколько связок сена, образовавших над ними нечто вроде кровли.

Телега дернулась, колеса застучали по мостовой, и всех затрясло, колени и локти каждого приняли самое неудобное положение. Им едва хватало места, чтобы свободно дышать.

«Как хорошо, — подумала Кеит, — что нас не очень много». И лишь тут сообразила, что рядом с ними нет Яна.

— А где Ян? — спросила она.

Горестный взгляд, которым ответил Дугхалл, заставил Кеит подумать, что тот погиб.

Но бывший посол Галвеев на Имумбаррских островах пояснил:

— Он ушел сегодня утром... прихватив с собой все свои пожитки. Хасмалю он оставил записку, в которой уверял, что вернется после полудня — самое позднее к концу Нерина, и что придумал способ помочь нам. Я поверил, но Хасмаль предложил мне посмотреть, чем он там занят. Мы нашли в постели Яна несколько волосков и с их помощью соединились с ним.

Дугхалл качнул головой и умолк.

— И что? — спросил Ри. — Что вы увидели?

— Ян предал нас. Мы проследили его до Дома Сабиров. В тот миг, когда мы нашли его, он как раз выкладывал одному из младших чиновников, что узнал о заговоре против Семейства Сабиров, который возглавляют Ри Сабир и его любовница Кеит Галвей. Он предложил нанять его и обещал, что в этом случае как наемный работник Сабиров первым же делом выдаст заговорщиков Семье. — Вздохнув, Дугхалл потер виски. — Если бы вы вернулись чуточку позже, то наверняка встретили бы ожидающих вас сабировских солдат. Полагаю, мы не столкнулись с ними лишь потому, что Яну не сразу удалось уговорить чиновников устроить ему аудиенцию с нужными людьми.

Откинувшись на тюк соломы, он прикрыл глаза.

— В любом случае они могут найти нас еще до того, как мы выберемся из города.

Кеит прижала голову к груди Ри, крепко обхватившего ее рукой. Что ж, она сделала свой выбор, а Ян свой.

— Надо было убить его, когда у меня была такая возможность, — заметил Ри. — Тогда он не смог бы предать нас.

— Он помогал нам, — возразила Кеит. — Нельзя убивать союзника лишь потому, что однажды он может пойти против тебя. Врагом может сделаться любой, даже друг. — Она вспомнила, как Ян тащил Зеркало Душ по неровной равнине Северной Новтерры, как сражался вместе с Хасмалем и ныне покойными Турбеном и Джейти, как командовал в шлюпке, чтобы высадить их в надежном месте на Тысяче Плясунов... вспомнила множество мелочей, которые он делал вместе с ними и ради них. Припомнила она и ночи, проведенные в его постели, в его объятиях, и то счастье, которое испытывал он, когда она была рядом.

А потом в памяти возникло выражение, промелькнувшее на лице Яна минувшей ночью, когда он увидел на ее плече руку Ри.

Глаза его сперва полыхнули огнем, потом остыли, наполнившись гневом, а затем в них осталось лишь странное не-

понятное безразличие, сделавшее их пустыми. А еще она вспомнила смертоносный холод в голосе Яна, когда он пожелал счастья своему брату.

Она понимала, что своим решением причинила Яну невыносимую боль, но все же не предполагала, что таким образом подтолкнет его на предательство. Она надеялась, что он смирится с ее выбором. Может быть, озлобится, станет враждебным. Она полагала, что он не захочет более разговаривать с ней, будет держаться холодно. Она даже подумывала о том, что он пожелает уйти из их маленького отряда и вернуться на море. Да, Кеит ошиблась в нем, но ведь с самого начала она отвергала все скверные мысли в отношении него и позволила себе доверять Яну — потому что нуждалась в нем.

Закрыв глаза, она попыталась восстановить в памяти все принятые ею прежде решения и ход событий вплоть до измены Яна, чтобы понять, в чем она ошибалась — раз за разом. В ту самую ночь, когда она впервые подошла к Яну Драклесу с просьбой о том, чтобы он перевез ее через океан и помог в поисках города Древних, Кеит уже знала, что не может целиком положиться на этого человека. Тогда она предполагала, что он попытается выбросить ее за борт, как только выяснит местоположение города; и она сделала все возможное, чтобы вычеркнуть подобную идею из его планов. Ян называл себя контрабандистом, однако, пребывая в плохом настроении, она неизменно подозревала его в пиратстве, а среди пиратов — как всем прекрасно известно — честных людей не сыщешь. С самого начала она видела в глазах Яна жадность и стремление к власти, замечала, как смотрит он на нее, не предполагая, что она наблюдает за ним... словно она являлась золотым призом в каких-нибудь там состязаниях. Еще она подмечала ту легкость, с какой он принимал разнообразные обличья, играл роли, становясь совершенным незнакомцем, и тем не менее она позволила себе поверить в то, что тот мужчина, каким он казался, когда был рядом с ней, — более правдив и реален, чем прочие создаваемые им личины. Зная о том, как ее проклятие притягивает к ней мужчин, она тем не менее проявила слабость, поверив в его любовь... тем самым поверив и Яну.

И потому оказалась дурой.

Она пожелала возненавидеть его. Ян продал ее врагам... Он продал ее *жизнь*. Тем самым он *заслужил* ее ненависть, и все же чувство это не приходило к ней. Она допустила, чтобы он понравился ей... Кеит вспомнила, как Ян спас Ррру-иф вместе с детьми-рабами от пыток и смерти, рискуя при этом собственной жизнью, и то, как он сражался вместе с нею против аэриблей... и то, как он обнимал ее. Слишком долгое время она находила в

нем доброту, отвагу и честь и теперь, вспоминая, в первую очередь видела в прошлых поступках Яна проявления именно этих качеств.

В тот самый миг, когда Ян обнаружил, что не получит того, чего добивался, и понял, что не сможет жениться на ней и приобрести статус в Семействе Галвеев, а вместе с ним и власть, а также права на принадлежащий ей город Древних на побережье Новтерры, он без промедления отправился к тем, кто готов как следует заплатить за ее голову. Впрочем, он предал не только ее. Он предал и Дугхалла, которому, как ей казалось, изрядно симпатизировал. Хуже того, он предал Возрожденного. И более всего на свете Кеит не могла понять именно последнего.

— Дугхалл, ты помогал Яну войти в контакт с Возрожденным, да? Несколько недель назад?

Поглядев на нее с болью в глазах, Дугхалл кивнул.

— Тихо там, — раздался вдруг голос Трева. — Сейчас будет проверка.

Все укрывшиеся в телеге умолкли. Повозка, стуча колесами и раскачиваясь, остановилась, извне доносились городские шумы. Звенели колокольчики; пастухи, фермеры и ремесленники перекрикивались или рассказывали о своем грузе сборщикам налогов, требовавшим плату за провоз товара; вдалеке крикунья одной из мелких сект Иберизма призывала своих единомышленников к молитве; хохотали дети — и как фон всего этого слышалось дыхание самого города, закрывавшего и открывавшего каждую свою дверь... артерии его наполняло множество людей, двигавшихся вместе со своей собственностью по несчетным улицам и переулкам.

Заставы. Ворота в многочисленных стенах Калимекки напоминали о временах, когда город имел меньшие размеры. За прошедшие годы заставами завладели Семьи, содержавшие за свой счет и стены, и прилегающие к ним участки дорог и потому бравшие мзду с проезжавших за пользование воротами. Заставы также позволяли Семьям следить за всеми, кто входил в подвластные им районы и оставлял их, узнавать их род деятельности, место назначения, а заодно и контролировать передвижение нежелательных или опасных гостей.

Кеит представила себе, как сейчас сборщик податей у ворот потребует, чтобы Трев снял верхние тюки, чтобы стража могла убедиться в том, что он не везет ничего, кроме сена. Она буквально видела, как один из рослых караульных псов тычет носом в сено и лаем извещает всех присутствующих, что груз телеги с секретом. Посему она зажмурила глаза и постаралась вложить все свои силы в экран, которым прикрыла и повозку, и всех находящихся в ней... и даже коней. Созданный ею щит должен был сделать и Трева, и груз ничуть не примечательными и вне всяких подо-

зрений. Она не могла понять, почему этого до сих пор не сделали Хасмаль или Дугхалл, однако оба они казались больными. Быть может, скверное состояние их обоих не давало им заняться магией.

Кеит поняла, что их возок попал в очередь перед воротами, потому что они то трогались с места, то останавливались. Снова двигались вперед и замирали. И опять немного проезжали вперед, чтобы вновь остановиться. Всякий раз, приближаясь еще на несколько шагов к воротам, она слышала голос сборщика податей все более отчетливо и вновь отмечала его неприязнь к находящимся в очереди людям. Кеит чувствовала, как растет в ней смятение. Все они лежали в сене, боясь шевельнуться или даже вздохнуть.

Наконец и они добрались до головы очереди. Возле телеги — так близко, что Кеит наверняка могла бы дотянуться рукой — сидел и пыхтел сторожевой пес.

— Имя? — спросил сборщик.

— Эйнта-бержиль, дальний родственник. Отношения к *Семьям* не имею.

— Груз?

— Сено, тридцать тюков. — В голосе Трева звучала скука, как если бы он проходил через этот нудный допрос каждый день. Кеит восхитилась его выдержкой. Она нисколько не сомневалась в том, что, находясь на месте Трева, с тревогой думала бы лишь об укрывшихся в телеге людях и о том, что случится с ними, если их обнаружат.

— Место назначения?

— Нижний Кафар-у-моря.

Кеит нахмурилась. Она даже не слыхала о таком месте.

Сборщику налогов тем не менее оно было известно.

— Далековато сено возишь.

Впрочем, голос его уже не казался враждебным.

— Надо же продать его. А где — не важно. Поэтому я и решил съездить туда, а заодно навестить по дороге родных. В Кафаре-то у меня сено непременно купят, потому что меня там знают, а потом заверну к папаше, мамаше и младшим братишкам. Один из них как раз должен определяться в ученики... вот, может, и прихвачу с собой на обратном пути.

Пес обнюхивал низ телеги... слышалось его довольное пыхтение. Собака могла в любое мгновение разоблачить обман... ведь Хасмаль говорил ей, что чары воздействуют на людей сильнее, чем на животных. Вложив всю свою волю и силы в укрепление экрана, Кеит молилась о том, чтобы он все-таки защитил их.

— Хорошо иметь такое дело, чтобы тебе могли помогать родичи, — сказал сборщик. — Я-то мальчишкой жил у моря, а там условия другие... там, если рыба уходит, ты уходишь за нею.

Кеит пожалела, что рыба не съела сборщика; чем дольше болтал он с Тревом, тем вероятнее было то, что кто-нибудь из укрытых в сене либо пошевелится, либо чихнет, либо закашляется, и ни одни чары на свете не скроют этого. Кеит уже ощущала, как нос и спина ее начинают зудеть — потому лишь, что она не смела почесаться. Соломинки скребли и раздражали кожу, а влажный запах прелой травы щекотал нос. Нетрудно было догадаться, что все остальные испытывали примерно то же самое.

— Мой папаша перестал ловить рыбу еще молодым. Трудная работа, — заметил Трев.

— Трудная. Тридцать тюков, говоришь? Вот уж не подумал бы, что в эту телегу можно впихнуть больше двадцати пяти.

— Кое-какие из них не очень большие.

— Тогда понятно. Вот что я тебе скажу: можешь заплатить только за двадцать пять. Значит, это будет три окса и хаббут. И... эй, а какой дорогой ты будешь выезжать из города?

— Или Большим Южным Трактом, или через Стригольный Мыс.

— Ну! Если пойдешь Ленивым Фарлонгом на Медленную Езду, то сэкономишь половину дня и трое ворот. Я так всегда домой езжу. Если поедешь этой дорогой, на второй день окажешься у гостиницы «Красный цветок». Она принадлежит моему кузену... если скажешь, что это я прислал тебя, не прогадаешь.

— И какое же имя назвать ему?

— Скажешь: от Тули. Он скостит тебе с платы целый окс.

— Спасибо тебе, Тули. Я напомню кузену о тебе.

Кеит услышала шлепанье вожжей и удар хлыста... одна из лошадей фыркнула. Телега дернулась и вновь покатила вперед. Прежде чем выехать из Калимекки, им предстояло миновать не менее полудюжины таких застав, и если Драконы уже начали разыскивать их, каждая последующая окажется опаснее предыдущей.

Это вернуло ее к мыслям о предательстве... и о Яне. Перед заставой, перед тем как пришлось умолкнуть, она о чем-то спрашивала Дугхалла. О чем-то, связанном с изменой. Кеит попыталась восстановить ход своих прежних мыслей и наконец вспомнила.

Она спрашивала у Дугхалла, знакомил ли он Яна с Возрожденным, и дядя ответил утвердительно.

— Дугхалл, — спросила она. — Как мог Ян стать на сторону Драконов после встречи с Соландером? Конечно, каждый волен выбирать, но как мог он предпочесть их злобу и ненависть, как мог повернуться спиной к милосердию Соландера?

— Теперь это не важно.

— Как это не важно? — нахмурилась Кеит.

Она чего-то не понимала... Дугхалл не находил странным, что Ян мог обратиться ко злу после того, как искупался в море абсолютного счастья, тогда как ей самой подобное предательство представлялось невозможным.

— Я никогда не смогу предать Возрожденного, — сказала Кеит. Дугхалл уткнул лицо в предплечье.

— Боги, ты же ничего не знаешь! — простонал он.

— Не знаю? — Она поглядела на Ри — тот пожал плечами. — Чего я не знаю?

Помотав головой, Дугхалл зарылся лицом еще глубже. Хасмаль поглядел на старика, понял, что тот не собирается ничего говорить, и сел прямее, обратив к ней усталые, опухшие и покрасневшие глаза.

— Возрожденный умер, — сказал он.

Кеит попыталась найти в его словах хотя бы подобие смысла. Возрожденный умер? Нет. Тайные Тексты Винсалиса четко и точно описывали возвращение Соландера и восстание Драконов против него. Тексты предсказывали множество еще не совершившихся событий: будущие битвы между Соколами и Драконами, города, которые еще предстоит построить, и города, которые ждет гибель. И окончательную и полную победу Соландера над его древними врагами.

Раз Винсалис видел будущее настолько подробно, значит, он должен был написать и о таком событии, как смерть Возрожденного. Но этого он не сделал. Пророчества Винсалиса попросту не допускали подобной возможности.

— Этого не может быть, — пробормотала она.

— Как ты можешь знать, — вздохнул Дугхалл. — Ведь ты даже не являешься настоящим Соколом.

Он не глядел на Кеит и лежал, не показывая лица.

— Я знаю, что он не может умереть, потому что в таком случае все пророчества...

— Тебе не хочется расставаться с верой в них. — Старик сел и заглянул ей в глаза. — Но пророчества умерли вместе с Соландером. Светлое будущее, надежды Иберы и всего мира... всему этому не бывать.

Короткими, отрывистыми фразами, где каждое слово выдавало его отчаяние, он рассказал ей о том, что сумел выяснить. Когда Даня вошла с Возрожденным внутрь непроницаемого экрана, в контакте с ними остались только несколько Соколов. Пару стоянок спустя она вышла оттуда с младенцем на руках, но в теле Возрожденного пребывала уже не душа Соландера, а дух Дракона. Никто не знает, почему она сделала это. Но сомнений не оставалось: Возрожденный погиб, а с ним и будущее мира.

Кеит попыталась удержать эту мысль в голове. Но она не желала задерживаться. Кеит все думала об этом удивительном сиянии, о полной, не знающей осуждения любви, охватившей ее, когда она прикоснулась к душе младенца, и не могла смириться с тем, что его больше нет. Что душа Соландера разлучилась с телом. И что ее собственная кузина, мать младенца, либо убила его собственной рукой, либо позволила это сделать кому-то другому.

— Ты чего-то не заметил, — возразила она. — Не увидел, не смог увидеть; должно быть, он сумел скрыться... Ему угрожали Драконы, и он заэкранировался так, что ты теперь не можешь отыскать его. Что-нибудь в этом роде. Он не умер.

Дугхалл пожал плечами.

— Думай так, если хочешь. Я искал его. Я звал. Я обращался к нему через зеркало и кровь вместе с теми, кто был там, когда совершился этот ужас... Возрожденный умер.

Кеит попыталась представить себе, что именно означают слова Дугхалла... если он не ошибался. Они проиграли войну еще до ее начала. Заглянув в колодец безнадежности, в которой тонули сейчас Дугхалл и Хасмаль, она на мгновение испытала то безразличие, что приходит вместе с отчаянием. Признав утрату, она не сумеет ничего сделать. Если она согласится с тем, что Возрожденный умер и будущее безнадежно, то можно будет сдаться и предаться плачу над судьбами мира, чувствуя себя свободной от ответственности. Соблазнительная мысль... можно будет укрыться в каком-нибудь глухом уголке, и пусть мир сам заботится о себе.

Однако она не была создана для отчаяния. Чтобы выжить, стать взрослой, ей пришлось преодолеть слишком многое, и она не могла так просто признать поражение. Кеит решила, что будет и дальше жить и действовать так, как если бы Возрожденный не покидал этого мира и просто скрывался, защищая себя. Когда она сама, лично убедится в его смерти, лишь тогда она позволит себе погрузиться в отчаяние, но ни мгновением раньше.

Посмотрев в лицо сидящему рядом с ней Ри, она увидела, что из глаз его катятся слезы.

Глава 36

Драконы собрались за длинным столом в парадном зале Дома Сабиров, заняв все его пространство вплоть до самых стен; их было более двух сотен — завладевших самыми прекрасными сильными и безукоризненными телами, прежде принадлежавшими жителям Калимекки.

Присвоивший себе тело Криспина Сабира Дафриль стоял во главе стола: он остался бы их предводителем в любой плоти, какую бы ни взял, однако эта оболочка облегчала задачу. Тело могучего, привлекательного и знатного человека. Он поднял руку, и смолкли все шепотки, выражавшие страх и озабоченность.

— Я не забыл о том, что мы дали клятву не встречаться прежде, чем каждый из вас достигнет намеченной цели, однако нынешняя встреча вызвана тем, что всем нам угрожает опасность. Меллайни забрали от нас, и возвратить ее к нам может лишь истинное чудо.

Заметив смятение, овладевшее его собратьями, Дафриль прекрасно понял его причины. Неожиданная и ужасная утрата терзала страхом и его собственное нутро.

— Что это означает — «забрали от нас»? — спросила утонченная красавица с эбеновой кожей и золотыми глазами. Дафриль еще не определил, кем именно является эта девица — конечно, это кто-то из младших Драконов, быть может, Танден, Шорри или Луше, — однако ей нельзя было отказать во вкусе, проявленном при выборе тела. Плоть ее соответствовала и его собственным, Дафриля, вкусам до мельчайших подробностей и, так сказать, представляла собой улучшенный вариант того, что он мог себе представить. В мыслях его на миг возникла картинка их совместного, его и ее, самодержавного управления Матрином, и это привело его в восторг. Дафриль решил, что, предварительно убедившись в принадлежности этой особы к числу восхищавшихся им и потому приемлемых для него молодых чародеек, он объявит ей о своем намерении выбрать ее в качестве консорта.

Он изобразил на лице улыбку, чтобы выказать ей свое одобрение по поводу тонкого вопроса, и ответил:

— Увы, его действительно «забрали». Соколы скрываются сейчас в Калимекке, и прошлой ночью они вырвали душу Меллайни из тела, заперев ее в кольце, принадлежавшем одному из них.

Всеобщее смятение перешло в полный ужас.

— В кольце?

— В обычной безделушке?

— Без вектора спасения?

— Как они смогли?

Дафриль поднял руку и пояснил:

— В соответствии с сообщением источника, предоставившего нам уйму информации, которая, кстати, полностью подтверждается, для этой цели использовалось кольцо, изготовленное из золота или электра и не имеющее никакого рельефа, только по ободку его в середине проходит канавка. На кольце нет узора, оно не имеет на себе надписи и не украшено камнем... другими словами, на нем нет неровностей, которыми мы могли бы воспользо-

ваться, чтобы выручить Меллайни, — если нам удастся раздобыть этот предмет.

— Но почему мы не можем создать на нем такую неровность? — спросил высокий мускулистый блондин, шевельнув огромными вислыми усами. В теле этом явно разместился кто-то из молодых Драконов, так и не удосужившихся изучить теоретические основы практикуемой ими магии и благополучно тарабанящих зазубренные заклинания, пока наконец однажды, решив поумничать, они не позволят себе самую малость отклониться от текста, в результате чего взлетят на воздух вместе со всеми, кто окажется рядом, — как уже было не раз. Ифскуаль, быть может, или Клидвен. Должно быть, Клидвен.

Драконы в подавляющем большинстве с негодованием смотрели на вопрошавшего... подобное предположение было не только глупым, но опасным и неприемлемым.

— Что такое? — вновь спросил молодой человек, заметив вокруг себя сердитые лица. — Что я сказал не так?

Конечно, Клидвен. Как жаль, что в то кольцо попала не его душа.

— Мы не можем этого потому, — отрезал Дафриль, — что когда душа оказывается пойманной, любое изменение в ее окружении, способное привести к искажению потока, идущего через кольцо, отбросит плененный Дух в Вуаль. Мы не можем вернуть Меллайни назад, молодой идиот. Мы только убьем его — как можно убить тебя, пронзив ножом твое сердце. Там, где заключена душа, все вокруг нее является телом. Уничтожив поток, ты погубишь душу.

Дафриль боролся с искушением на деле проиллюстрировать собственные слова. Кретин потратил тысячу лет заточения лишь на мечты о своем новом воплощении, так ничему и не научившись за столь долгий срок.

— Этот источник, — спросил другой голос, — почему он решил помогать нам? Как он узнал о нас?

— Нам повезло. Он был вместе с Соколами, но так и не стал одним из них. И когда любимая девушка этого человека предпочла ему самого худшего из его врагов, он решил, что настало время поискать место, где к нему отнесутся с пониманием. — Дафриль направился через толпу Драконов к высокой стрельчатой двери, расположенной в торце зала. — Прошу, входи. Мы приготовились к встрече.

И Дафриль улыбнулся человеку, вступившему в зал. Ян успел побрить голову после первой их встречи... исчезли и крашеные светлые волосы, и хмотская прическа. Он был облачен в изысканный наряд, полагавшийся Сабиру: подпоясанная

хлопковая рубашка, с вышитыми на ней серебром деревцами, изумрудно-зеленые брюки из грубого шелка, черные сапоги из тонкой кожи. Светлые серо-зеленые глаза его были редкостью среди обычной у Сабиров голубизны или янтарного оттенка радужки.

— Мой кузен по плоти, — представил его Дафриль. — Давно расставшийся с Семьей и уже считавшийся погибшим... Нам повезло, и слухи о его смерти оказались ошибочными. Прошу всех приветствовать в наших рядах Яна Драклеса, первого — но, конечно, не последнего, — нашего добровольного союзника.

Ян улыбнулся собравшимся. Улыбка получилась холодной и горькой, в ней угадывались горячее стремление погубить собственных врагов, жажда мести... гнев, стыд и ненависть, рожденные недавним унижением. Хорошая улыбка, подумал Дафриль. Именно такую приятно видеть на лице союзника. И пока девица будет любить Ри Сабира, Ян останется собственностью Драконов.

Опустив ладонь на плечо Яна, Дафриль добавил:

— Этот человек поклялся выдать нам Соколов. И благодаря ему мы знаем, откуда начинать поиски.

Зал взорвался рукоплесканиями.

Глава 37

Рос он быстро... Дане иногда казалось, что эта тварь, ее ребенок, успевала подрасти за то время, когда она не смотрела на него. Уже через две недели после рождения он вполне мог сойти за трехмесячного младенца. Он хорошо держал голову и постоянно махал руками и ногами, упражняя их, как объяснил Дане захватчик, когда она однажды попыталась утихомирить его.

Ей хотелось придушить этого младенца, прикончить его, однако дитя вселяло в Даню ужас. Она не смела сделать даже жеста, который мог бы показаться ему угрожающим, иначе он принимался объяснять ей, что способен уничтожить ее за время между двумя биениями сердца. Младенец изучал ее своим древним, полным зла взглядом, и иногда беззубый рот его искривляла презрительная, насмешливая и торжествующая улыбка. Когда она кормила его, он то тискал ее груди, то принимался хвалить их наравне и с другими ее достоинствами. Ее мутило от этих разговоров.

Вдвоем они ютились в ее крохотном домишке, покинутые всеми остальными жителями деревни. Карганы не простили ей превращения в человека... хотя она и показала им два когтя на правой руке, послужившие доказательством того, что она

является их Гаталоррой, хотя именно *Гаталоррой* теперь быть не могла. Это мягкое, лишенное чешуи, когтей и зубастой морды тело едва ли могло сразить даже одного лоррага. К тому же она предала Карганов, приняв облик самых ненавистных врагов этого народца — облик человека. Впрочем, жители поселка не забыли о том добре, которое она сделала им, и потому не стали прогонять прочь... и тем не менее они более не признавали ее другом.

Поднявшись, Даня подошла к открытой двери дома и выглянула наружу. Женщины поселка работали возле реки. Мужчины чистили и чинили сети, чтобы ночью расставить их и следующим утром извлечь вместе с добычей. Карганы болтали, пересмеивались, рассказывали истории, сплетничали по поводу событий, происшедших в их собственной или соседней деревнях. Время от времени какое-нибудь из заросших шерстью лиц поворачивалось в ее сторону. Тогда, заметив ее в дверях, темные глаза сощуривались, а рыльце морщилось, выражая тем самым пренебрежение и осуждение. После этого бросивший на нее взгляд Карган отворачивался и замолкал, пока его — или ее — вновь не приобщали к совместному наслаждению хорошим днем и работой.

Она осталась одна. И ей пришлось смириться с этим. В этой деревне, где жили более чем шести десятков существ, у нее теперь не было друзей и знакомых. Если не считать Луэркаса — но он больше не являлся другом. Он владел ею. А ей приходилось покоряться ему.

Стало быть, она могла рассчитывать лишь на себя и свои силы. Однако она жила и намеревалась жить дальше. Сквозь щели в двери в дом задувал ветер — холодный, ибо свирепость этого края выстуживала даже короткое лето. Зима здесь наступает быстро, и Даня уже подумывала о том, что ей придется туго. Ее человеческое тело не могло выдерживать суровые арктические условия столь же легко, как прежняя увечная плоть. Следовало все хорошенько обдумать. Во-первых, ей нужно вновь завоевать расположение Карганов, потому что они владели всем необходимым ей: мехами, нитками, пищей, — у них же можно было найти защиту от подстерегающих в этом краю опасностей. Она будет помнить, что они изгнали ее, свою гостью, после того как тело ее изменилось... однако незачем показывать свою боль и гнев. Она просто внесет Карганов в список тех, кому ей предстоит отомстить. Придет ее время, и тогда Карганы пожалеют о собственном бессердечии.

Скажем, они окажутся в первых рядах войска, которое она намеревалась собрать. Пусть подерутся — например, за то, чтобы завоевать место для Шрамоносцев на теплых и плодородных землях Иберы... при этом они не будут знать, что платят своими жизнями за причиненную ей боль. Ее заставили пережить

пытки, изведать страдания и позор; по собственной глупости она вырвала из груди свое сердце и раздавила его, погубив своего прекрасного сына. Ее обманули, одурачили, и теперь любовь, добро и надежда навсегда ушли из ее жизни. Однако в ней оставалась жажда мести и будущего триумфа. Сабиры и Галвеи склонятся перед ней и войском, которое она приведет в Иберу. На великолепном коне она будет ехать впереди своей орды варваров, и увидев ее, Сабиры с Галвеями сразу поймут, что погубили себя своими руками. А потом все они умрут.

Время. Лишь оно одно отделяло ее от исполнения ее желаний. Все падут перед нею; все сложится так, как она хочет; все признают ее силу и право повелевать. Следует лишь немного подождать.

Отойдя от двери, она вернулась в темное помещение. Она намеревалась вспомнить тайную Волчью науку. Если Карганы отвергают ее дружбу, она заставит их встать на ее сторону и служить себе силой, которой они не сумеют противостоять. Так или иначе, она вынудит их покориться себе, когда начнет собирать народы Веральных Территорий под свои знамена.

Под знамя с изображением Двух когтей. Чтобы знали, что она остается Увечной. Два когтя станут ее символом и основой герба.

А когда она разделается с Карганами, настанет очередь Луэркаса — лживого, злобного, жестокого обманщика. Он растоптал все доброе в ее жизни, и она постарается, чтобы коварный лжец расплатился с нею сполна — во что бы это ни обошлось ей самой.

Глава 38

Сбросив с плеч мешок, Кеит рухнула на землю возле Ри. Жгучее солнце успело разогнать остатки утреннего тумана, однако дорога превратилась в грязь, из которой на каждом шагу приходилось с силой вытаскивать ноги и сапоги. По мнению Кеит, дорога эта была под стать ее спутникам: мрачная, нудная, она тяготила тело ее и душу.

Двое суток назад они вышли из Порт-Парса; до Костан-Сельвиры оставалось три или четыре дня ходьбы... там можно было надеяться попасть на отплывающий на юг корабль. Уже месяц миновал с того самого дня, когда они бежали из гостиницы в Калимекке. Все это время она медитировала, ждала знаков от Возрожденного и пыталась утешить себя мыслью о том, что, находясь в огромной опасности, он был вынужден *спрятаться* не только от врагов, но и от друзей. Однако беспросветная мрачность

ее товарищей оказывалась заразительной, и Кеит постепенно утрачивала веру.

Дугхалл брел вперед повесив голову и по большей части отмалчивался. Хасмаль огрызался всякий раз, когда кто-нибудь из спутников оказывался с ним рядом, спал в стороне от всех и по ночам, когда его, как ему казалось, никто не мог слышать, негромко рыдал. Даже Ри замкнулся в себе. Он избегал ее объятий и не нуждался в утешениях и предположениях о том, что дела все-таки могут обстоять не настолько скверно, как кажется. Он лишь недавно усвоил образ мышления Соколов, но принял его целиком и полностью и, похоже, больше, чем Дугхалл или Хасмаль, горевал о том, что Возрожденный безвозвратно исчез сразу же после того как он, Ри, познакомился с ним.

— Хватит отдыхать, — скомандовал Дугхалл. — Надо идти дальше.

— Зачем надрываться? — пробормотал Хасмаль. — Если мы останемся здесь, Драконы скоро отыщут нас и положат конец нашим мучениям.

Дугхалл, фыркнув, принялся стряхивать с ног крупные комья грязи, стуча сапогами о ствол ближайшего дерева.

— Сынок, я уже слишком стар, и четверка коней на городской площади не способна ничем порадовать меня. Как и кипящий свинец, факелы и свежевание, особенно если потом мою шкуру надуют легким газом и торжественно пронесут по всем улицам. Спасибо, но я предпочитаю жизнь.

Забросив свой мешок за плечи, он вновь шагнул на дорогу — в самую грязь.

— А ты, я вижу, готов вернуться назад и предложить себя в качестве жертвы, чтобы побыстрее отмучиться.

Ри, охваченный горем настолько, что даже не стал дожидаться, пока Кеит пристроит собственный груз на спину, поднялся и побрел вслед за Дугхаллом. Хмурясь, она заторопилась за ним, Хасмаль и лейтенанты Ри заплюхали по грязи вслед за нею.

Лишь Кеит не позволяла себе поддаться общему безразличию — она подозревала, что именно поэтому первой во всем их отряде услышала конский топот: всадник скакал по дороге с юга. Чаще всего, угадав приближение других путников, они прятались в джунглях: встреча с незнакомцами в глуши на прибрежной дороге могла оказаться опасной. Поэтому Кеит негромко оповестила всех:

— Эй! С юга приближается всадник.

— Прятаться бессмысленно, даже если это погоня за нами, — сказал Ри. — После дождя по этой дороге никто еще не проходил, и свежие следы все равно приведут прямо к нам.

А если мы спрячемся за кусты, нас могут принять за разбойников. Или еще хуже.

Кеит кивнула:

— Я понимаю. И просто подумала, что нужно предупредить всех о том, что сюда кто-то скачет.

Теперь даже самый слабый слух мог различить чавканье грязи под копытами приближающейся к ним лошади.

— Мы будем готовы, — пообещал ей Янф.

Кеит отстала на несколько шагов. Однако когда всадник показался из-за поворота, никто даже и не подумал схватиться за меч. Кеит, как и остальные, не могла скрыть удивления. К ним приближалась наездница, и притом одинокая. Уже сам по себе этот факт был достоин удивления, к тому же всадница явно имела отношение к Гиру, а насколько знала Кеит, женщины этого народа никогда не отправлялись в дальний путь без провожатых.

Незнакомка ехала на сером в яблоках мерине — животном внушительном, высота которого в холке превышала рост Кеит, широкогрудом, коротком в крупе, крепконогом, с продолговатыми бабками и стройной шеей. Конь легко передвигался по грязи, превосходно повиновался командам наездницы, и Кеит подумала, что охотно отдала бы сейчас за него целое состояние, если бы оно у нее было. Лошади обычно не любили ее, однако верховая езда всегда доставляла ей удовольствие... к тому же после стольких дней ходьбы по раскисшей дороге удобство, доставляемое хорошим седлом, могло бы сделать ее счастливой.

Всадница вымокла до нитки. Покрытая превосходной вышивкой карминовая рубашка липла к телу ее точно слой краски, темнели пятнами и свободные кожаные брюки. Сапоги ее — по всей видимости, отличной работы, о чем свидетельствовали тонкие швы и умелая вышивка бисером по верху голенищ, — до середины покрывала толстая корка грязи, превращавшая обувь в подобие древесных стволов. Стало быть, хотя она и ехала верхом, на самых тяжелых участках дороги ей все равно приходилось спешиваться и пробираться по грязи. Волосы ее, длинные, заплетенные в косу и украшенные бусинами, полыхали огненным цветом, хотя кое-где к нему примешивалась уже седина. Глаза же ее трудно было назвать иначе как удивительными. Ярко-зеленые, круглые как у голубки, они смотрели на мир с пристальным вниманием охотящегося ястреба.

Когда женщина рассмотрела их, настороженное выражение на лице ее уступило место облегчению, к которому, впрочем, примешивалась усталость.

— Чобе! — крикнула она и спрыгнула с коня плавным движением. Заметив морщинки вокруг глаз незнакомки и

седину в волосах, Кеит сперва решила, что та прожила на свете не меньше сорока лет, однако, когда женщина соскочила на землю и улыбнулась, она подумала, что, должно быть, ошиблась, и всадница просто рано поседела. Двигалась она как девчонка.

Кеит было интересно узнать, кого из них женщина ошибочно приняла за «Чобе», но тут ее ждал сюрприз.

Глаза Хасмаля округлились, и он воскликнул:

— Алариста?

— Конечно. Я искала тебя! — Иберанские слова звучали в ее устах с небольшим акцентом и чуть замедленно — так обычно говорят на родном, менее привычном языке.

Хасмаль бросился к ней навстречу со всей быстротой, какая только возможна на подобной грязи, и, пылко обняв, приподнял вверх. Кеит заметила, что приятельница Хасмаля на пол-ладони выше его. Если глаза и волосы верно свидетельствовали о ее возрасте, особа эта была по меньшей мере на десять, а то и на пятнадцать лет старше Хасмаля. Впрочем, все это ни в коей мере не смущало его самого.

— Не могу даже выразить, как я счастлив видеть тебя, — сообщил он в перерыве между объятиями и поцелуями, прежде чем снова подхватить ее и закружить. На мгновение женщина показалась Кеит стройным и высоким деревом, которое облапил неуклюжий и приземистый медведь. Привидевшаяся картинка развеселила Кеит, тем не менее она не стала ничего говорить вслух. Ей хотелось рассказать об этом Ри, чтобы развлечь его, заставить рассмеяться, однако тот чересчур углубился в собственные раздумья, и Кеит сомневалась в том, что любовник ее сумеет оценить юмор ситуации.

Наконец, высвободившись из объятий Хасмаля, Алариста обратилась ко всем остальным.

— Я разыскивала не только Чобе, — сказала она. — Я искала всех вас.

Путники поочередно коротко представились ей, называя себя либо кличкой, либо вторым именем, в соответствии с принятым среди Гиру-налле обычаем никогда не открывать истинного имени. Обычай этот коренился в распространенном среди Гиру веровании в то, что знание чьего-либо подлинного имени делает человека ответственным за душу того, кто носит это имя. Кеит, полное имя которой звучало как Кеит-яринна Ноэльлора лай Тагхдоттер Эйре эн Галвей, никогда и никого не утруждала им во всей его долготе. Имя это, хранившее в себе память о давно усопших предках и достоинствах героев, некогда восхищавших ее родителей, существенно превосходило длиной то, которое она

хотела бы носить. И посему Кеит была вполне довольна тем, что для Алариста она так и осталась Кеит.

— Мои люди разбили лагерь в двух днях хорошей езды отсюда, — сообщила Алариста, когда с формальностями было покончено. — Мы можем снабдить вас припасами, если вы хотите продолжить путь. А если пожелаете, можете остаться с нами. — Последние слова явно предназначались Хасмалю, и Кеит заметила в глазах женщины проблеск желания.

Дугхалл пожал плечами.

— Куда нам идти, не имеет никакого значения. Мы все равно не сможем уйти достаточно далеко, чтобы избежать близящейся беды.

Женщина кивнула и, повернувшись к Дугхаллу, проговорила:

— *Катарре кейте Гомбри; Хей аллу пиш?*

Сказано это было на языке Соколов, Кеит это знала, хотя и не владела Древней речью. Хасмаль рассказывал ей, что так приветствовали друг друга Соколы и что слова эти означают: «Сокол предлагает тебе свои крылья; ты полетишь?»

Однако Дугхалл не воспользовался положенным ответом. Вместо этого он сказал:

— Соколы мертвы. Или ты не знаешь этого?

Когда в тот вечер они устроились на ночлег, Алариста подошла к Кеит и отвела ее в сторонку.

— Соколы полагают, что у них нет больше будущего, что мир подходит к концу, что у нас нет более никакой надежды, и что мы проиграли войну Драконам и уже уничтожены. Уничтожены. И я могла бы в это поверить. Могла бы. — Нижняя губа Аларисты дрогнула, она обратила свой взгляд к джунглям, глубоко вздохнула, подняла голову и расправила плечи. Каждая линия ее тела выдавала пламенную решимость, подкрепляемую тончайшей ниточкой надежды. — Я жила ради Соколов, ради исполнения пророчеств. Я была так счастлива, когда впервые ощутила душой прикосновение Возрожденного, и едва не умерла, когда он... когда он...

Она тряхнула головой, вздохнула еще разок, чтобы успокоиться, и сказала:

— Но я гадала. Мои оракулы-говорящие утверждают, что лишь ты одна можешь спасти Соколов, что ты можешь вновь дать нам надежду. Я проделала весь этот путь для того, чтобы найти тебя. Верно ли то, о чем они пророчествуют?

Кеит села на поваленное дерево, устремив взор к слоистому клубку тьмы под деревьями.

— Я надеюсь, — сказала она осторожно, — однако пока мне еще не удалось никого убедить в том, что моя надежда имеет какие-нибудь основания.

— Но ты все-таки надеешься. — Алариста растянула в улыбке дрогнувшие губы и опустилась на лежащий ствол рядом с Кеит. — Только ты. Из всех нас лишь ты одна еще не видишь весь мир в могиле. Клянусь тебе, я искала его. После... словом, я пыталась связаться с теми Соколами, которые могли ответить на мой вопрос. Но отзывались немногие. Столько наших наложили на себя руки в первые дни после гибели Возрожденного... — Она покачала головой и поежилась. — А те, кто остался в живых, не отвечают. Твоего дядю я обнаружила несколько недель назад — по следу, оставленному кровавым жертвоприношением, только никак не могла пробиться через закрывавшие его экраны. То же самое с Хасмалем. Не отвечала и ты, хотя я не была уверена, что ты не хочешь разговаривать со мной. Похоже было, что ты просто не слышишь меня.

— Я и не слышала тебя, — удивилась Кеит. — Разве ты пыталась связаться со мной?

— Да. Тогда, выходит, тебя еще не научили понимать Соколиную речь.

— Не научили.

— Так я и знала, — кивнула Алариста. — Но я не могла не думать о том, что, возможно, в Тайных Текстах нет никакой ошибки и что свалившееся на нас несчастье все-таки не настолько страшно, как мы считаем. Я знаю, что ты пока еще не стала Соколом по-настоящему, но когда я призывала Говорящих из Вуали, каждый из них утверждал, что ключом к ситуации владеешь именно ты. Что ты способна вернуть Соколам их надежды. Что если ты захочешь, то сможешь увидеть, как Соколы сломят Драконов. Что ты... — Она вздохнула. — Что ты владеешь тайной нашей надежды. И тогда, не сумев докричаться до тебя дальней речью, я отправилась за тобой. Не знаю, что тебе может быть известно, Кеит. Не знаю, каким образом ты можешь владеть ключом к ситуации. Прошу тебя, скажи мне... Я утратила все, когда... словом, я утратила все, во что верила, все, что любила. Я потеряла и себя — какой я есть и какой надеялась стать. Пожалуйста, открой мне, что именно может помочь нам.

Опустив ладони на бедра, Кеит наклонилась вперед. Слова Аларисты свидетельствовали, что ее догадки все-таки могут оказаться верными. Находящиеся в Вуали духи *утверждают*, что все зависит только от нее. Итак, Соколы *наверняка* чего-то не учитывают. С самого первого мгновения, едва услышав от Дугхалла о случившемся несчастье, она уже знала, что дядя наверняка ошибается, что тысячелетнее ожидание не может закончиться рождением и почти немедленной смертью того, кто должен привести мир к Паранне, превратить его в Обетованную Землю проро-

честв Винсалиса. Даже Бретван и Лодан, самая неблагоприятная в звездном отношении пара богов, не могли оказаться настолько жестокими.

— Я едва не сдалась, — проговорила Кеит. — Из Соколов я знакома лишь с Дугхаллом и Хасмалем, а ты видела их. Они сдались. И считают себя мертвецами, еще не преданными погребальным кострам. Я не могу прикоснуться к их душам. Они не позволяют мне разговаривать с ними. Они замкнулись в себе, отгородившись от мира экранами, и... — Кеит пожала плечами. — Ты видела, в каком они состоянии. И судя по твоим словам, не они одни стали такими.

Алариста кивнула.

Кеит продолжила:

— Но они просто не могут оказаться правыми. — Она позволила себе улыбку. — Тысяча лет исполнения пророчеств не может завершиться их крушением. Я читала Тайные Тексты. Я видела своими глазами Семь Великих Знаков, Сто Малых и Три Ошибочных. Все они воплотились в жизнь. Винсалис не ошибался ни в частностях, ни в общем. — Кеит прищурилась. — Слова его верны, даже когда в пророчествах речь идет о нынешнем времени. «Драконы возлягут с Волками и восстанут, наполнив чревеса», говорит он, и разве не это произошло? Духи Драконов захватили тела Волков вместе с их воспоминаниями... Волки сгинули, а Драконы остались. — Она стиснула кулаки. — Со дня исчезновения Возрожденного я читаю Тайные Тексты каждый день. Каждый день. Я читаю их на ходу; я изучаю каждый отрывок. Винсалис обещал, что Возрожденный будет править своей Империей пять тысяч лет, и мир за это время научится любви, доброте, верности. Пять *тысяч* лет, а разве Винсалис ошибся хотя бы в одном из других своих пророчеств? Алариста... — Кеит опустила ладонь на руку старшей женщины. — Ну как может оказаться ошибочным самое главное из пророчеств? Все вокруг не сомневаются в том, что Возрожденный действительно погиб. Но этого просто не может быть. — Кеит глубоко вздохнула. — Возрожденный по-прежнему жив. Я не знаю, где и как искать его, но не сомневаюсь в том, что он жив.

Надежда, только что светившаяся в глазах Аларисты, погасла.

— Что случилось? — спросила Кеит.

Голова Аларисты склонилась вперед, плечи поникли, лежащие на коленях руки обмякли. Голосом настолько надломленным, что Кеит с трудом понимала ее слова, она произнесла:

— Значит, ты надеешься именно на это? На то, что Возрожденный жив и пребывает в каком-нибудь тайном укрытии?

Кеит не поняла вопроса:

— На что же еще мы можем надеяться?

По щекам Алариста потекли слезы.

— Говорящие сказали мне, что ты можешь вернуть Соколам надежду. И я решила... что ты, быть может, знаешь какие-нибудь чары, способные помочь заново воплотиться духу, затерявшемуся в Вуали. Или что ты способна сама проникнуть в Вуаль — поговорить с Возрожденным и узнать у него, что надлежит нам делать в его отсутствие. Или что тебе известны какие-нибудь секреты Тайных Текстов... быть может, смерть его является частью непонятого всеми нами пророчества, гласящего, что он снова вернется. Я думала, ты можешь дать нам... *истинную* надежду.

— Почему ты так уверена, что я ошибаюсь? И почему ты считаешь Возрожденного действительно мертвым?

Алариста качнула головой, не поднимая глаз:

— Даже Говорящие сказали мне, что он умер. Что мы потеряли его. Что все пророчества останутся неисполненными. Но ты... они говорили, что ты...

Она вновь подняла голову и расправила плечи:

— Ладно. Они ошиблись. Как ошиблись и Тайные Тексты. У тебя нет никакой тайны, которая спасет нас. — Алариста повернулась к Кеит. — Но ты в этом не виновата. Ты еще молода. А юности трудно поверить в реальность смерти и в свое собственное бессилие перед лицом несчастья. «Старость молчит, а юность повелевает» — так, кажется, говорят? — Она поднялась. — Но если и жизнь наша, и весь этот мир идут к гибели, во всяком случае, я могу провести остаток жизни с Хасмалем. И обрести в этом хоть какое-то утешение.

Она повернула обратно к лагерю прежде, чем Кеит успела произнести хотя бы слово.

Теперь Кеит оказалась лицом к лицу с тьмой — но не ночной, а куда более глубокой и жестокой, чем та, что укрыла собой все вокруг. Словно мановением руки Алариста уничтожила ее тайную надежду на то, что Возрожденный все еще жив. Но он умер, и обрушились все пророчества... об этом свидетельствовали Говорящие, это же подтверждали все разыскания Аларисты, и уверенность этой женщины-Сокола вогнала кол в надежды Кеит. Быть может, произошло это потому, что в отличие от Дугхалла и Хасмаля Алариста не боялась надеяться, не боялась верить в то, что на руинах будущего еще могут взойти новые семена. Она искала ответ на свой вопрос, и надежда привела ее к Кеит.

А потом, поделившись с Кеит своими чаяниями, она поняла, что упования ее зиждутся на факте, *заведомо* неверном, с ее точки зрения.

Кеит сомкнула глаза. Ее окружали запахи джунглей — сырой и густой аромат земли, плотский запах тления, тяжелое и приторное благоухание ночных цветов, мускусные испарения тел животных, с опаской пробирающихся мимо лагеря, устроенного людьми в их царстве. Не шевелился ни один листик, ночь выдалась тихой, словно сама природа затаила дыхание. Разомкнув веки, она огляделась. Над головой ее, в прорехах черного полога листвы светились холодные звезды — немигающие глаза слепых богов. Звезды глядели на нее, но не видели. Им было все равно.

Кеит ощущала пустоту в душе — там, где прежде крепилась протянувшаяся от нее к Возрожденному ниточка связи. Она мысленно прикоснулась к этой точке — так, как ребенком ощупывала место выпавшего зуба, проводя языком по краю оставшейся лунки, ощущая железистый привкус собственной крови, осторожно дотрагиваясь до раненой плоти. Она заставила себя признать правду...

Возрожденный погиб.

Она не ощущала его, а ему незачем было прятаться. Сама суть его никак не предполагала существования в секретном убежище, в то время как безутешные последователи льют слезы по поводу исчезновения своего вождя. Он пришел в мир, чтобы светить маяком. Чтобы научить всех людей мира иной, праведной жизни. И он умер прежде, чем сумел это сделать.

Но он не просто умер. Его погубили, и убила его собственная мать, ее кузина Даня. Кеит прикоснулась и к этой ране, кровоточившей в душе ее. Одна из немногих симпатичных ей кузин подняла руку на собственного ребенка. Отдала его тело неведомому злому созданию. И сама стала на сторону зла. Даня, сам факт существования которой так поддерживал Кеит, всякий раз когда она вспоминала о том, что все прочие члены ее Семьи уничтожены, теперь умерла для нее, как и душа ребенка, пришедшего, чтобы подарить миру свою бесконечную любовь.

Я знала истину. Я знала ее, но отказывалась верить — слишком уж уродливой и неприглядной оказалась эта правда. Я не могла смириться с поступком собственной кузины, с уничтожением добра злом, не могла согласиться с гибелью будущего. Прав Дугхалл. И прав Хасмаль. Все мы здесь ходячие трупы.

А Говорящие Алариcты ошиблись. Я не могу возродить надежду.

Ошибся и Винсалис. Будущее принадлежит не любви, не радости и не всемирному городу Паранне. Мы погибли, погибли все. И погибло все вокруг нас.

ИНТЕРЛЮДИЯ

В Калимекке год, отмеченный плохими Предзнаменованиями и весьма странными событиями, был спроважен прочь в день Галевансис, день Поминовения Тысячи Святых. В этот день, двадцать первый в месяце Галеван, жители города собирались, чтобы почтить Семейных богов, а также богов забытых и старых, и вспомнить, что даже боги живут не вечно. День пришелся на Тролсень недели Малефа и посему сулил неприятности: утраты и грядущие испытания.

Однако в то самое время, когда процессия направлялась в Зимнюю Парниссерию, чтобы вознести поминальную молитву, возглавлявший ее караис, выигравший в лотерее право дать году имя и таким образом избранный богами, чтобы вещать от их лица, внезапно упал и скончался от неведомых, но подозрительных причин, а с ним отошел к богам и его ненаступивший год — *Год спокойного моря и богатого урожая*. Парниссы отменили праздник, собрались в парниссерии и все шесть последних дней месяца читали тексты оракулов, метали жребии и молились. Они назначили новый год, который также оказался мертворожденным: его караис, когда такового определили, умер как раз за день до этого — от причин неизвестных, но тем не менее еще более подозрительных.

Вполне благоприятный день Амиал Гариц, первый в месяце Джошан, обычно посвящался Федрану, и после утра, посвященного уединению и молитве, посту и безмолвию, в полдень все собирались с десятиной в ближайших к дому парниссериях, где происходил обряд Отверзания Уст. После этого калимекканцы по обычаю здесь же вкушали приготовленное без всяких приправ традиционное кушанье из простого риса и черных бобов с кукурузным хлебом. Однако парниссы объявили, что Федран отменен, и не стали даже собирать причитающуюся им мзду.

Никто в Калимекке не мог припомнить такого случая, чтобы парниссы отказались от положенной им десятины... в городе воцарилась паника, и люди заговорили о наступающем конце света.

В тот день — и в последующие за ним — были отменены все обеты, все праздники... пришлось отложить и все контракты, свадьбы, любые дела: в мертвое время между двумя годами не следовало заниматься ничем. Парниссы же, после новых молитв и гаданий, определили с помощью огромного лотерейного чана еще одно имя. Отправившись разыскивать нового караиса, они на сей раз обнаружили его живым и здоровым. Что, быть может, явилось самым худшим знаком среди всех прочих.

Новым караисом стал человек по имени Ватхер, сын Тормеля, всего лишь месяц назад осужденный за убийство жены и двоих детей, которых он освежевал, зажарил и съел в соответствии с требованиями чудовищного обряда, смысл которого он отказался открыть даже под самой жестокой пыткой. Ему предстояло умереть за свои преступления на Площади Наказаний в первый день месяца Джошан.

Однако боги сами предоставили ему отсрочку, поскольку, пока не начался год, совершать казни тоже запрещалось. А во время действия полномочий казнить караиса или караису было нельзя, ибо их выбирали боги, и значит, все их деяния, прошлые и настоящие, осуществлялись по воле богов. Посему убийство жены и детей полностью и навеки прощалось Ватхеру. Решение богов, назначивших караиса на новый год, являлось окончательным, и смертным не подобало оспаривать его. Посему Ватхеру, сыну Тормеля, предстояло облачиться в золотую ткань и подобно герою явиться перед народом Калимекки, чтобы представить ему свой новый год.

Ватхер, сын Тормеля, назвал год *пожирателем душ.*

Стоя в одной из комнат Дома Сабиров, Дафриль улыбнулся, услышав столь уместное имя. Соландер умер, Соколы лишились вождя; Луэркас по-прежнему где-то прятался, наверняка не имея достаточно сил. Дракон наслаждался беспомощностью этого нового мира, незащищенностью всех этих душ, которые заполняли улицы бесконечным потоком, а потом он созвал своих собратьев и ознакомил их с планами сооружения нового города — того, что будет построен исключительно за счет пожранных душ.

Он привел их в хороший мир. Добрый мир. Он станет их собственным миром и их личным временем.

Еще горсточка технотавматар, и когда заполнятся пустые места в картинке-головоломке, Драконы обретут бессмертие.

КНИГА ВТОРАЯ

Мир огромен и наделен — и так будет всегда — спасительной благодатью. Поэтому, когда придет час нужды, обратись к далеким морям и горам и приветствуй неведомых прежде героев, ибо помощь приходит из неожиданных мест.

Нищий в канаве. III действие «Трагикомедии о меченосце Хейересском».
Винсалис-Подстрекатель.

Глава 39

Последние дни месяца Бретвана Кеит провела, бегая по укрытым снегом горам, окружавшим Норостис, — Трансформировавшись в зверя и затерявшись в его памяти. Она ловила все, что двигалось — мышей, кроликов, мелких пичуг и оленей, согнанных вниз с вершин глубокими снегами. Она питалась сырым мясом, кровью и внутренностями; она валялась на искромсанных останках своей добычи, она ночевала в дуплах умирающих деревьев, в снежных сугробах или на прогретых солнцем валунах, над покрытыми льдом ручьями. Она не торопилась возвращаться в человеческий облик, более того, старалась отодвинуть время обратного Перехода, стремясь таким образом позабыть о бедствии, касавшемся всего человечества.

Все то время, которое она могла удержать себя в зверином теле, ум животного помогал ей забыть о горе, тяжелых раздумьях, сожалениях, о боли и утрате. Она с восторгом принимала яростные нападения ветра, бурную погоду, наслаждалась бледной синевой дневного неба и все удлинявшимися ночами. Телесные потребности ее сводились к пище и ко сну, и их нетрудно было удовлетворить, а неприятности доставляли ей лишь случайные удары и промахи при охоте на более крупную дичь.

Однако нельзя же вечно пребывать в облике Карнеи. Когда наконец окровавленная, отощавшая, грязная и воня-

ющая падалью она притащилась к лагерю, где находились люди Алариста, солдаты Дугхалла и ее спутники, Кеит узнала, что отсутствовала целую неделю. Ей еще не приходилось так долго находиться в шкуре Карнеи. В другое время она могла бы удивиться этому, однако за эти дни она слишком устала, чтобы вообще что-либо чувствовать. Слегка отмывшись, она съела все, что смогла найти, а потом заползла в свою холодную палатку и провалилась в глубокий и несчастный сон, всегда приходивший к ней после Трансформации.

Проснулась она через два дня, ощущая обычную для таких случаев подавленность. Бегство в животное состояние ничем не помогло ей. Проблемы, стоявшие перед ними всеми, за эту неделю не только не исчезли, но еще более усугубились. Возрожденный по-прежнему был мертв; прежде любимая ею кузина, как и семь дней назад, оставалась убийцей не просто собственного сына, но и надежд всего мира; Драконы, как и раньше, расхаживали на свободе и старательно приближали тот день, когда они воцарятся над миром — точно боги на плечах порабощенных смертных.

— Не выйдет, — обратилась она к себе самой. — Раз я еще жива, значит, не имею права вести себя подобным образом.

И Кеит заставила себя встать. Основательно подкрепившись, она как следует вымылась — не обращая внимания на холодную воду и ледяной ветер. А потом надела на себя единственную сколько-нибудь приличную одежду, которой сейчас располагала, — вязанный из шерсти зимний наряд Гиру-налле, тяжелые меховые сапоги и длинный, тоже меховой плащ. Потом она заплела волосы в косу и нарисовала знаки богов на лбу и веках.

Она искала ответы на свои вопросы — тем способом, какому ее учили когда-то парниссы. Она молилась — богу Соколов Водору Имришу, умолкнувшему после смерти Возрожденного, Иберанским богам, которых ее приучили почитать и которым не было дела до таких, как она, Шрамоносных чудовищ, она взывала даже к старым богам, коих ее родители презрительно называли игрой воображения суеверных крестьян. Она постилась и молилась в течение двух дней, однако боги так и не послали ей вести.

Любой мог бы впасть при этом в отчаяние, однако она не стала унывать. Если боги не дают ей ответа, значит, она отыщет его сама. Она поняла, что совсем не хочет отдавать этот мир Драконам без драки — сколь бы безнадежным ни казалось такое сопротивление. И еще Кеит обнаружила, что с ней остались и ее силы, и воля, которые не раз выручали ее прежде — до смерти Соландера. И еще она почувствовала, что действия — даже кажущиеся ей самой совершенно безнадежными — рождают в душе слабый огонек веры.

Ей не давала покоя мысль: что, если и сама она, и Соколы проглядели что-то важное и поторопились объявить их общее дело безнадежным и таким образом беспрекословно признали победу Драконов. И следующие три дня, целиком посвященные изучению Тайных Текстов, убедили ее в том, что это действительно так.

Поэтому она отправилась к дяде.

Дугхалл лежал в одном из фургонов Гиру-налле и ждал смерти. Приглядывавшая за ним девушка из числа Гиру утверждала, что в последние дни он обходился буквально крохами пищи и почти не пил воды, что он встает лишь затем, чтобы облегчиться, но при этом молчит и ничем не интересуется. Еще она сообщила, что начала купать своего подопечного по утрам, используя для этого ведерко холодной воды и самые грубые полотенца, отчасти потому, что от него начало пахнуть, но в основном в надежде на то, что подобное обхождение пробудит в нем желание жить. Впрочем, признавала она, замысел ее пока не увенчался успехом.

Забравшись в фургон, Кеит сразу же отметила, что от Дугхалла действительно плохо пахнет, невзирая на купания. Сжавшись в комок, он лежал в позе эмбриона лицом к стене. Немытые сальные волосы торчали во все стороны; за дни, прошедшие со смерти Возрожденного, шевелюра его превратилась из темной с проседью в совершенно седую. Прежде Дугхалл был строен — как подобает мечу Возрожденного, так он сказал ей однажды. Теперь он казался больным стариком... более того — умирающим стариком.

— Дядя, — обратилась к лежащему Кеит, — ты должен взять себя в руки.

Дугхалл ничего не ответил. Не дернулся, не шевельнулся. Даже ритм его дыхания не переменился. Прислушавшись к его вдохам и выдохам, Кеит определила, что Дугхалл погрузился в транс и ее голос до него не доходит.

Как следует встряхнув его, она заметила, как дыхание дяди сначала участилось, а потом вернулось к прежнему ритму. Прикинув возможные варианты дальнейших действий, Кеит выбрала наименее оскорбительный для дяди и шлепнула его по лицу. Дыхание вновь на время сбилось с ритма, однако Дугхалл так и не вышел из оцепенения.

Увы, следовало причинить ему боль. И ощутимую боль. Ткнув пальцем под ключицу, она с силой надавила. Дыхание Дугхалла заметно участилось; он что-то пробурчал и попытался убрать ее руку. Однако Кеит была сильнее его — мышцы Карнеи помогли бы ей преодолеть сопротивление куда более дюжего человека, чем больной Дугхалл, — она надавила покрепче, и он наконец вскрикнул от боли.

— Ты не можешь уснуть до смерти, так же как и я не могу навсегда укрыться внутри чудовища. Ответ не придет к тебе во сне. И ты знаешь это. Ты прячешься, потому что боишься, но ты не вправе позволить себе и далее изображать труса. Ты нам нужен. Вставай.

— Уходи.

— Вставай, или я сломаю тебе ключицу. — Она переместила палец и теперь давила уже на кость. Ощутив сопротивление костной ткани, Кеит скрипнула зубами и поежилась, а затем нажала еще сильнее.

Дугхалл завопил и попытался оттолкнуть ее.

— Дядя, я никуда не уйду, пока ты лежишь здесь — как на смертном одре. Поднимайся и посмотри на меня. — Дугхалл попытался опять уйти в транс, дыхание его вновь сделалось мерным, унося его в только что оставленное забытье, и она надавила повторно. Ей не хотелось причинять ему боль, однако трудно представить себе причину, более всех других способную заставить человека немедленно обратиться к действиям, чем острая боль. Уж лучше сломать ему кость, чем позволить умереть. Приказав себе не слышать этот бессловесный стон, Кеит возобновила усилия и наконец добилась своего — к счастью, не сломав ключицы.

Резким движением поднявшись на узкой постели, Дугхалл бросил на нее гневный взгляд.

— Убирайся отсюда, Кеит.

— И не подумаю.

— Дай мне умереть. Мир обречен, и я хочу умереть раньше, чем ему придет конец.

— Меня не волнует, чего ты хочешь. Нам с тобой нужно еще кое-что сделать.

— Сделать? Не смеши меня.

Выпрямившись, Кеит поглядела Дугхаллу в лицо и сказала:

— Возрожденный умер. Его больше нет. Душа его отлетела туда, где мы не можем ее найти, и назад ее уже не вернуть. Это правда, так?

— Ты знаешь это.

— Да. Я наконец поняла. И целое тысячелетие сбывшихся предсказаний рухнуло прямо на наши головы; Драконы-то вернулись, как им и было положено, и Возрожденный родился, но вот сестра моя, Даня, убила его, и мы утратили Соландера навеки. Так?

— Ну конечно, — вздохнул Дугхалл. — Иначе зачем, по-твоему, мне понадобилось бы умирать?

— По-моему, ты собрался умирать потому, что решил записаться в трусы. Дядя, давай подумаем вместе... хотя бы на мгновение. Пророчества сокрушены, Тайные Тексты опровергнуты — и все единым ударом. Что это означает?

Дугхалл глядел на нее, и разочарование чертило морщины на его лице.

— Это значит, что мы обречены, дура. Если Возрожденный погиб, значит, Драконы уже победили.

— Кто это говорит? — спросила Кеит.

— Что?

Она повторила терпеливым тоном:

— Кто это говорит? Кто утверждает, что Драконы уже победили?

— Дурацкий вопрос. Если Возрожденный не поведет нас против Драконов, они одержат победу. Тайные Тексты постоянно твердят о страшной участи, которая ожидает весь мир, если Возрожденный не раздавит самую сердцевину зла.

— Я знаю, что говорят Тексты, — ответила Кеит. — Последние три дня и три ночи я читала их, отыскивая знаки, предупреждающие о возможности преждевременной смерти Возрожденного.

— Он не должен был умереть.

— Да. Не должен был. Винсалис ни в одном из пророчеств не допускает даже мысли об этом. В них нет ни одного фрагмента, начинающегося, скажем, так: «Если мать Возрожденного убьет его сразу же после родов...» или «Если Возрожденный погибнет прежде, чем возглавит Великую Битву»... в них нет ничего в таком роде. Я прочла все Тексты, слово за словом, дядя. Пророчества не допускают подобной возможности.

— Мне это известно. — Явная досада на лице Дугхалла сделалась еще более угрюмой. — Большую часть Текстов я заучил наизусть еще до твоего рождения.

— Тогда ответь мне на такой вопрос: где сказано, что смерть Возрожденного означает победу Драконов?

Не желая подчиняться ее доводам, Дугхалл смотрел на нее яростными глазами. Кеит скрестила руки на груди и принялась ждать ответа.

И тогда, точно обращаясь к чересчур бестолковому ребенку, Дугхалл заговорил:

— Тексты совершенно ясно говорят, что победа над Драконами будет достигнута лишь под водительством Возрожденного. Поэтому, раз Соландер теперь не может возглавить нас, победа естественным образом достается Драконам.

— Если преждевременная смерть не позволяет Возрожденному возглавить нас, значит, Тексты перестают предсказывать будущее нашего мира. — Кеит покачала головой.

— Это очевидно. — Дугхалл пожал плечами. — Тексты обещали нам власть Возрожденного, цивилизацию, город Паранну. И победу над злом. В противном случае нас ждут уныние, гибель и ад, устроенный Драконами на земле.

Улыбнувшись, Кеит в третий раз спросила его:

— А где это сказано?

Дугхалл заметил ее улыбку, и на лице его появилось недоумение.

— Тексты гласят...

Кеит подняла руку.

— Мы с тобой уже договорились: Тексты потеряли свою силу. Случилось такое, чего Винсалис не предвидел. И отныне мы не вправе руководствоваться ими. Правильно?

Он медленно кивнул.

— Тогда кто и где говорит нам, что Драконы уже добились победы, что их нельзя одолеть и что наш мир уже обречен?

Дугхалл спустил ноги с постели.

— Но это же следует... — начал он, однако Кеит качнула головой, и дядя ее умолк.

— Дядя, будущее делают люди, не знающие, что из чего следует. Ты говорил это мне, когда я была маленькой девочкой, повторял, определяя меня на дипломатическое место.

Дугхалл глубоко вздохнул:

— Ну да. Я действительно так говорил.

— Так. Тогда назови мне имя авторитетного знатока, человека, которому ты доверяешь... того, кто считает наше поражение неотвратимым, и я оставлю тебя в покое... позволю тебе встретить во сне смерть.

Он медленно покачал головой, понимая, что хочет услышать Кеит, но все-таки не желая произносить этих слов. На лице Дугхалла застыла упрямая мина... она видела, как сжаты его губы, как опущены брови, как взгляд обегает помещение, словно пытаясь найти ответ среди предметов обстановки. Руки он сложил на груди, явно не допуская сомнения в собственной правоте.

Кеит ждала, терпеливая словно кошка возле мышиной норки, и наконец ее мышка выглянула.

— Нет такого знатока, — ответил Дугхалл.

— Я знала это.

— Но как можем мы надеяться на победу над Драконами без Соландера?

Она пожала плечами и широко улыбнулась.

— Не знаю. Но ты наконец задал правильный вопрос.

Кеит опустилась в небольшое кресло возле постели Дугхалла.

— Мне известно наверняка только одно: нас несомненно побьют, если мы не будем сопротивляться. И если мы не имеем теперь возможности руководствоваться Текстами, то вправе рассчитывать друг на друга. — Долгий, трепетный вздох вырвался из ее груди. — И действовать нужно немедленно. Тысячу лет назад наши предки разрушили цивилизацию, чтобы не позво-

лить Драконам учредить свое господство над миром. Они отдали все, чтобы их дети и дети их детей не попали в вечное рабство, чтобы *наши* души не стали перегноем, на котором вырастет бессмертие нескольких могущественных Чародеев. Они воевали и отдали свои жизни, чтобы мы жили. А теперь пришла наша очередь сражаться. Нам нанесли серьезнейший удар, однако нельзя позволить, чтобы это остановило нас. Мы не имеем права просто так отдать наше будущее Драконам.

Дугхалл с опаской поглядел на нее.

— А кого еще ты успела убедить в этом, моя дорогая Кеит?

Улыбка ее погасла.

— Ты первый, дядя Дугхалл. И ты поможешь мне втолковать это всем остальным.

С вымученной улыбкой, Дугхалл спросил:

— А ты знаешь, что Винсалис-Подстрекатель был драматургом, перед тем как стал пророком?

— Ты рассказывал мне об этом. И о том, что когда Драконы казнили Соландера, Винсалис тысячу дней гадал и писал Тайные Тексты.

Дугхалл кивнул и продолжил:

— Он создал карту дорог, которой тысячу лет руководствовались Соколы, определяя свои пути. Однако самые тонкие, самые верные его мысли содержатся отнюдь не в Тайных Текстах, а в его пьесах. Он жил в мире, ушедшем в тень; в нем властвовали Драконы, жестокие и беспощадные правители, злобные и склонные к убийству. Люди боялись выступать против них. Винсалис противостоял Драконам с помощью слова, но осторожно... он никогда не писал об этих черных магах открыто, потому что тогда его убили бы, а ведь он сам проповедовал, что первой обязанностью воина является умение сохранить собственную жизнь. Он писал о могущественных злодеях и немногочисленных отважных героях, посмевших бороться с ними... и многие из его пьес были комедиями, так что на допросе он всегда мог доказать, что его произведение абсолютно невинно и написано лишь смеха ради.

Дугхалл опустил взгляд на свои корявые ладони, лежащие на коленях... а потом посмотрел на Кеит, и на губах его промелькнула тень хитрой улыбки.

— Люди, не имеющие чувства юмора, редко понимают, какой убийственной силой является смех.

— И о чем же говорили его пьесы?

Дугхалл прикрыл глаза.

— Мнимый герой одной из моих любимых пьес, которую Винсалис назвал «*Трагикомедией о меченосце хейересском*», мечник по имени Кинпот, человек могучий, мускулистый и

знатный, к тому же знаток оружия, поклялся защитить селян от злого чудовища, вдруг объявившегося в округе... однако одолеть тварь оказалось ему не по силам. В первых двух актах пьесы все его действия, направленные против чудовища, проваливаются, и он делается всеобщим посмешищем. Он теряет свои земли, состояние, титул... даже собственный меч. И к началу третьего действия превращается в бездомного бродягу, сидящего на перекрестке с чашей для подаяния и мечтающего лишь о смерти.

— Действительно смешно, — заметила Кеит.

Дугхалл фыркнул.

— Смешно читать, как в первых двух действиях этот самоуверенный сукин сын то и дело получает по заднице. Однако Винсалис никогда не писал своих пьес только развлечения ради. Когда, уже получив по заслугам, этот Кинпот сидит на перекрестке и просит подаяния, некто находящийся в еще более жалком положении, чем он сам, высовывает голову из канавы и говорит такие слова: «Когда ты разбит, сокрушен, уничтожен, вспомни, сын мой, вот о чем — ничто не касается всех людей в этом мире в одинаковой степени. Мир огромен и наделен — и так будет всегда — спасительной благодатью. Поэтому, когда придет час нужды, обратись к далеким морям и горам и приветствуй неведомых прежде героев, ибо помощь приходит из неожиданных мест».

Кинпот, уже по разу пнувший этого бродягу в каждом из предыдущих действий, на сей раз выслушивает его. Он дарит пьянчуге свою чашку с несколькими медяками в ней и отправляется искать помощи, ибо в своем унижении наконец осознает, что не сможет справиться с чудовищем в одиночку.

— Прямо в точку. Бродяги всегда полны мудрых советов и мысли их глубоки. Именно поэтому они проводят все свое время в канавах.

Дугхалл пожал плечами.

— Пьесы Винсалиса были частью его времени, кое-что в них стилизовано и преувеличено, а кое-что — чуточку предсказуемо. Тем не менее он знал своего читателя. Как только Кинпот дарит советчику эту свою чашу и уже собирается уходить, следуя его словам, бедный пьянчуга превращается в юную прекрасную девушку, которая затем, поцеловав его и благословив, принимает вид крошечной птички. Она садится на плечо Кинпота, и оба они, без оружия, в последний раз выходят против чудовища. Птичка извлекает блоху из собственных перьев и, подлетев к чудовищу, пристраивает насекомое на его спине, в таком месте, куда злая тварь никак не может дотянуться. Обезумевшее от зуда, чудовище не замечает приближения Кинпота, и тот голыми руками сворачивает ему шею. Тем самым он возвращает

себе все утраченное и обретает любовь девушки, помогшей ему одолеть чудовище.

Склонив голову набок, Кеит пристально смотрела на своего хитроумного дядю.

— Очаровательная история, — согласилась она, — только я, увы, не понимаю, к чему ты клонишь.

— Я имею в виду тебя, моя милая. Подумай: осужденная на смерть Карнея хочет спасти страну, вынесшую ей приговор, и помогает Соколам, которым и надлежит спасти мир. Ты и есть тот человек в канаве, превращающийся в прекрасную деву, а потом в птичку с блохой. Подобной героини так просто не придумаешь. Винсалис полюбил бы тебя.

— Я не герой, — негромко ответила Кеит. — Я — трусиха, как и все вокруг меня. Просто трусиха, которая предпочитает умереть сражаясь, а не рабыней.

Дугхалл ухмыльнулся.

— Ну что ж, будь трусихой, если тебе так больше нравится. Я тоже трус. Но этот трус сейчас встанет, оденется, поест и займется делами, которых ждет от него мир. Скажи этой болтливой девице, чтобы принесла мне еды. Я решил не умирать сегодня.

Глава 40

Солнце выползло из-за горизонта, и одинокий альтовый колокол на Сучьей башне, что возле Ветошного рынка, прозвонил стоянку Сомы. Но когда колокол смолк, над окрестностями проплыл новый звук. На сей раз запел сам воздух, звон этот шел ниоткуда и отовсюду сразу. Кони и коровы пугались, бросались в сторону, закатывали глаза; птицы тучами взмывали в воздух, псы поначалу скулили и терлись о ноги своих хозяев, а потом с воем разбежались кто куда. Но быть может, самым зловещим знаком был поток крыс, хлынувший на улицы.

Звон становился громче, воздух приобрел зеленоватый оттенок. И торговцы, последовав примеру крыс, бросились на улицу, предварительно захлопнув ставни только что открытых ими лавок. Следом за ними припустили молодые мамаши, прихватив под мышки детей. Покупатели, прервав обсуждение цены на полуслове, озирались вокруг дикими взглядами и также ударялись в бегство. Никто не знал, что случилось, но каждый понимал — беда.

Звон сделался невыносимым и уже причинял боль, а в центре Ветошного рынка по полу лавок поползли клубы зеленого дыма, кое-где уже поднимавшегося к небу.

Лишь старый, хромой да попросту глупый стал бы дожидаться исхода событий.

В земле внезапно разверзлись щели, и из них поползли вверх блестящие белые стрелы, подобные тянущимся к солнцу бледным побегам папоротника. Стрелы раскрывались плавным движением словно гигантские зонты и растекались в стороны, образуя полупрозрачные башни, изящные арки, стройные контрфорсы, сверкающие стены, консоли, своды, как будто ко всему этому приложили руку мастера *Ганаан*, невидимого народца старинных мифов. Выбеленные глиняные дома, только что стоявшие здесь, на глазах рассыпались в пыль, и новые сооружения вырастали на их обломках, не оставляя и следа разрушения. Блистающие белые здания поглотили и людей, оказавшихся недостаточно проворными, с жуткой поспешностью обволакивая и растворяя их, еще живых и кричащих.

Между камней улиц просачивался белый туман и, растекаясь, образовывал великолепные мостовые. Те, кто позже осмелится ступить на их девственно белую поверхность, обнаружат, что на таких улицах не стучат копыта коней, не грохочут колеса повозок, что на них не загремит, рассыпаясь, упавший груз. Дороги эти поглощали звуки, и всякое движение по ним создавало лишь шелест, мягкий и покойный, родственный шепоту листьев в прохладной рощице и убаюкивающему бормотанию крошечного водопада, что тихо журчит на каменистом склоне холма, или вздохам ветерка, играющего в высоких травах на широкой равнине.

В самом сердце Калимекки смертоносным цветком распускался магический город. Он медленно наползал на окрестности, пожирая их... заполняя Долину Сестер от Черной речки до Ущелья Гарайи, вползая наверх по обсидиановой поверхности утесов, покрывая Военную горку, а оттуда спускаясь к Старой Чуримекке и Кузнечному кварталу.

По прошествии двух дней новорожденный город как будто пресытился сам собой — новые строения по краям его уже не вырастали, и оставшиеся улицы — булыжные, брусчатые или кирпичные — перестали превращаться в унавоженные клумбы для этого белого, податливого и вечного материала.

Уцелевшие — примерно десять тысяч бездомных и дважды по десять тысяч безработных, лишившихся своих мест в лавочках и на рынках, растворенных и поглощенных новым городом, — постепенно начинали выползать на тихие белые улицы, на широкие сверкающие магистрали... они пробирались мимо новых фонтанов, рассыпающих в воздухе искрящиеся алмазным блеском

капли воды, мимо высоких, белых, с воротами и башнями стен, мимо павильонов, разместившихся на крышах огромных домов, мимо замков, немыслимо и невозможно прекрасных, — они осторожно крались по этому городу, отыскивая случайно уцелевшие вещи и уголки, некогда принадлежавшие им.

Исчезло все. Переглядываясь, уцелевшие шептали друг другу:

— Вот *пожиратель душ* и сказал свое слово.

Они могли только гадать об участи тех, кто не поспешил с бегством. И потому возносили хвалу богам за то, что сами они успели бежать, ибо сохранившие жизнь считали, что им повезло.

Чего они не знали, так это того, что им следует теперь делать. Может быть, постучать в огромные ворота одного из замков и потребовать возмещения за погубленный дом, пожитки, пропавшего члена семьи? Уцелевшие собирались небольшими кучками и обсуждали возможный исход подобных попыток. В злосчастном году, когда преступный негодяй караис каждый день распевал как безумный на балконе своего дворца, посылая проклятия всем жителям города, нечего было и думать о том, чтобы добиться от тех, кто укрывался за этими белыми стенами, хоть чего-нибудь, кроме горя и боли. И потому люди небольшими группами потихоньку начали уходить из новорожденного города, так ничего и не предприняв.

А из-за ворот и стен за ними следили владетели этой новой цитадели — Драконы, наблюдали и радовались. Калимекканцы оказались пугливыми мышами, в ужасе прячущимися от кошек, которые сторожат их здесь повсюду. А жаль. Ведь каждый, посмевший протестовать, должен был стать примером тщетности подобных притязаний.

Прикасаясь к созданным магией гладким стенам, Драконы слышали, как рыдали внутри них заточенные и принесенные в жертву души. И радостно улыбались. Стенам этим, удерживаемым на месте заточенными в них душами, суждено стоять, пока не разрушится сама земля, на которой они выросли. Драконы назвали свой новый город Цитаделью Богов — в предвкушении того мига, когда они станут богами не в мечтах, а наяву.

Напротив, калимекканцы, также слышавшие жалобный плач внутри воздвигнутых Драконами стен и ощущавшие отчаянный, невыносимый ужас, терзающий тех, кого поглотили эти изящные, благородные белые стены, башни, арки и балюстрады, были подавлены и угнетены зрелищем этой раковой опухоли, выросшей в самом сердце их города. Они назвали этот город в городе Новым Адом.

Глава 41

Хасмаль лежал возле Алариcты в ее узкой постели и пытался укрыться от холодного утреннего воздуха. Солнце уже встало, и свет, проникавший в крохотное окно, золотил навощенные деревянные поверхности и... обрисовывал клубы пара, выходившие из его ноздрей. Здесь, к югу от Норостиса, в Гласбургских горах, на краю Веральных Территорий, зима в полной мере являла свой суровый нрав, и, чтобы избежать ее леденящего прикосновения, он охотно провел бы в постели весь день.

Прижавшись покрепче к Аларисте, он шепнул ей в затылок:

— Проснись, я не хочу быть один.

Вздохнув, она плотнее притиснулась к нему, но так и не проснулась. И тогда, глядя на солнечные лучи и не разжимая объятий, Хасмаль погрузился в прежние, ненавистные мысли. Эта зима пока еще принадлежала им с Аларистой... пока еще можно было спокойно заниматься любовью и радоваться времени, проведенному в обществе друг друга. Это блаженство все равно никто у них не отнимет... короткое счастье, куда более светлое, чем все испытанное им прежде.

Однако холодные, короткие дни и сладкие долгие ночи закончатся с приходом весенней распутицы, а она предвещала явление иной зимы... совсем не похожей на царящую сейчас.

Алариста и он сам не раз бросали *занды*, метали гадальные кости, призывали Говорящих... и окутанные клубами дыма каберры не раз погружались в транс под ритмичные удары барабанов Гиру, пытаясь отыскать хотя бы крошечный знак, предвещающий, что им все-таки удастся прожить в мире положенный им срок. Однако все предсказания свидетельствовали об одном. Драконы уже овладели Калимеккой... скоро они подгребут под себя весь мир, и никто не сможет избежать участи раба. Сила Драконов росла, а вместе с нею крепла и их жадность. Чтобы построить свой первый город, они использовали не жизни людей, но души, извлекая из них силу — словно скот, насыщающийся на лугу отборным клевером. Драконы создавали свою красоту, прикрывая ею уродливую сердцевину; власть их ширилась, им покорялись... скоро им удастся сплести чары, которые навсегда опрокинут к их ногам весь мир. А потом они закончат сооружение сложных механизмов и с их помощью станут бессмертными.

И тогда холодная зима рабства навсегда укроет своими черными сугробами Матрин.

Алариста шевельнулась, и Хасмаль покрепче обнял ее.

— Я люблю тебя, — сказал он, постаравшись хоть на время забыть о вечной зиме.

Повернувшись лицом к Хасмалю, Алариста поцеловала его в лоб, нос и веки, а потом ответила:

— И я тебя.

Погладив ее бедро, он предложил:

— Давай сегодня уедем. Можно доехать в фургоне до Норостиса, а как только дороги очистятся от снега, доберемся до Брельста. Я отработаю наш проезд до Галвейгии или Новой Касперы. Или до любой другой Территории. В Галвейгии столько пустующих земель... им позарез нужны поселенцы. Быть может, нам удастся прожить там целую жизнь, прежде чем они сумеют добраться в такую даль.

Приложив палец к его губам, Алариста печально улыбнулась и отрицательно качнула головой.

— Драконы все равно окажутся там и погубят нас. Или наших детей. После того как здесь уничтожат все, что мы знали или любили... все, что мы по небрежности бросим здесь.

Прикоснувшись губами к губам Хасмаля, она еще теснее прижалась к нему. Кожа ее на ощупь казалась истинным шелком.

Закрыв глаза, чтобы не видеть солнца, напоминающего о течении времени и о том, что конец мира близок, он затосковал о море — мечтая о расстоянии, которое может отделить Аларисту от врагов, и о надежном убежище, способном уберечь ее от наступающего ада.

— Мы не можем бежать, — сказала она, — потому что мы Соколы. Даже если мы не сумеем победить, даже если мы не в состоянии сражаться, мы все равно должны лицом к лицу встретить свой конец.

Снова поцеловав его, она добавила:

— И ты это знаешь.

— Я знаю только то, что всю свою жизнь мечтал найти тебя, а мы пробыли вместе так недолго. Рис, я хочу тишины и покоя для нас с тобой. Я хочу, чтобы мы жили в мире, не знающем страха. И мне не хватает проведенного рядом с тобою времени.

Негромкий смешок стал ответом на его слова.

— И сколько же времени тебе хватит, Чобе? Года? Десяти лет? Пятидесяти? Сотни? Или тысячи? Когда ты сможешь сказать: довольно, мы насытились друг другом, а теперь позволь мне умереть? Или когда ты захочешь, чтобы я отпустила тебя?

Обратившись взглядом к будущему, Хасмаль не сумел отыскать в нем такого мгновения.

— Никогда, — сказал он наконец. — Пока ты со мной, мне всегда будет мало.

— И мне тоже. — Она кивнула. — Поэтому, закончится ли мир сейчас или через сотню лет, боль от разлуки будет все та же.

— Да.

— Тогда чем мы сможем оправдаться, бросив здесь всех, кого мы любили? Мы не можем бежать, пока они остаются здесь, потому что если мы сумеем выжить, знание того, что они погибли, брошенные нами на верную смерть, убитые или замученные Драконами, это знание отравит нашу любовь друг к другу. И мы потеряем то, что нам дорого более всего.

— Я не хочу потерять тебя, — напомнил ей Хасмаль.

— Тем не менее придется. Вспомни Винсалиса: «Нет ничего более горького, чем сознание собственной смертности». Что бы мы с тобой ни делали, в конце концов мы умрем, любимый... будешь ли первым ты или я... быть может, если повезет, мы умрем вместе. Но когда-нибудь это все равно закончится.

Хасмаль закрыл глаза.

— Я не хочу, чтобы это кончалось. Я хочу, чтобы все осталось навечно.

— Мы снова найдем друг друга. Или в Вуали, или в новых телах... в другие времена...

— Я хочу, чтобы это были *ты* и *я*. Я хочу иметь то, что есть. Эти тела, это время, этот мир, только навечно.

— Я понимаю. Но так не бывает. У нас есть только мгновение. И придется удовлетвориться им.

В ужасе перед будущей утратой, Хасмаль привлек ее к себе, целуя и лаская. Алариста с пылом отвечала ему. Сплетаясь телами и прижимаясь друг к другу, они хотели найти в соприкосновении плоти и жаре нахлынувшей страсти убежища от жизни и боли... в телесной любви они искали забвения от невзгод.

И на мгновение они нашли его.

Глава 42

Слова Кеит не произвели на них впечатления — она видела это по их глазам.

— Итак, кое-кто из нас отправится назад в Калимекку пешком...

— ...или под парусом...

— Ладно, на корабле... и нанесет Драконам удар в их собственном доме, после того как они успели там окопаться и приготовиться...

— ...*Зная* при этом, что даже пророчество не сулит нам надежды на победу...

— ...но *если* забыть *об этом*...

— ...и ты уверена, что, говоря так, ты возвращаешь нам *надежду*?

Кеит кивнула.

— Не слыхал еще подобного определения этого слова, — сказал Янф.

— И мне тоже такое не приходило в голову. — Хасмаль скрестил руки на груди.

— Не понимаю. Встретить смерть в Калимекке лишь ради сознания выполненного долга — это совсем не то, что я назвал бы словом «надежда», — добавил один из солдат Дугхалла, находившийся в задней части палатки.

Кеит хмуро поглядела на дядю. Тот пожал плечами: Дугхалл предупреждал ее, что добиться понимания будет сложно.

Алариста сидела возле Хасмаля, держа его руку. Оторвав от него взгляд, она встала.

— Я буду с тобой, Кеит. И сделаю все, что должна буду сделать.

— Ну и что вы сумеете сделать втроем? — спросил Хасмаль. — Ты, Кеит и Дугхалл?

— Пусть нас будет только трое, — ответила Алариста. — Меня это не смущает.

Сидевший в задней части палатки Ри невозмутимо следил за происходящим.

— Втроем вы не останетесь. Не думаю, чтобы у вас были большие шансы на успех, однако если ничего не делать, их не останется совсем. Хоть что-то лучше, чем ничего.

Друг за другом поднялись и лейтенанты Ри — Янф, Джейм и Трев.

— Я пойду вместе с Ри, — сказал Янф.

Джейм присоединился к нему.

— И я тоже.

Трев продолжил:

— Я не знаю, где сейчас мои сестры, но где бы они ни находились, Драконы все равно представляют для них опасность. Чтобы помочь сестренкам, я готов на все. Поэтому я буду драться.

Ри и трое его подручных одновременно посмотрели на все еще сидевшего Валарда. Поглядев на них, он вздохнул и медленно качнул головой:

— А я помолюсь за вас древнему богу, ведающему безнадежными делами; он, конечно же, заинтересуется вами. Сам же останусь здесь, выпью за ваше здоровье, пожелаю удачи и непременно послушаю вести о ваших подвигах из уст глашатаев.

Его слова поразили Кеит. Ей-то казалось, что товарищи Ри неразлучны. Отступничество Валарда вдруг сделало их всех как будто меньше ростом, более слабыми и более... уязвимыми. Однако Ри лишь кивнул:

— Твое право.

— Мое, — согласился Валард.

Впрочем, проявленное им малодушие сыграло на руку Кеит. Предводители войска, набранного Дугхаллом на островах, принялись переговариваться друг с другом, а Ренен, возглавлявший армию в отсутствие отца, сказал:

— Не стану ручаться за всех своих солдат, но во мнении братьев я не сомневаюсь. Мы будем сражаться. Наши жизни принадлежат вам.

Когда он и его братья сели, старший по званию в войске поднялся, с презрением поглядел на Валарда и повернулся к Дугхаллу.

— Ты заплатил нам, а мы еще ничем не отработали полученные деньги. Ни ты, ни твои сыновья не предполагали подобного хода событий... ты и сам говоришь, что нанимал нас не для этого. Однако мы ответим так: ты платил нам, чтобы мы сражались за тебя, и мы последуем за тобой туда, куда поведешь. Ты нуждался в нас прежде, а теперь мы нужны тебе еще больше.

Коротким движением он отдал честь, прикоснувшись к груди, и сел на место.

Вздохнув, Хасмаль вновь потянулся к руке Алариста.

— Ты знаешь, что я не позволю тебе идти к Драконам без меня. Так что и я буду там, где ты.

Взглянув на него, женщина улыбнулась. Хасмаль положил руки на плечи Алариста, привлек ее к себе и поцеловал в шею.

Большинство Гиру-налле также предложили свою помощь. Несколько человек последовали примеру Валарда и отказались принимать участие в дальнейших действиях, однако, когда последний из присутствующих на этом совете изъявил свою волю, Кеит поняла, что теперь она возглавляет небольшую армию.

Впрочем, что, собственно, делать с этой армией, она не знала. С ней было около двух сотен человек, и хотя на пути к Калимекке к отряду могли присоединиться и другие добровольцы, отпадало даже предположение, что ее войско сможет сравняться в числе и выучке с тем, которое, без сомнения, выставят Драконы.

Она вновь вспомнила генерала Талисмартею и его знаменитое изречение о том, что победить можно всегда, — если только ты готов пересмотреть свое понимание победы. Об открытом нападении на Калимекку и битве с Драконами можно было и не мечтать. Так что следовало немедленно пересмотреть свои взгляды на победу. Иначе оставалось надеяться только на чудо.

Кеит и Ри сидели на двух стульях в фургоне Алариста, сама хозяйка повозки вместе с Хасмалем расположилась на скамейке возле стены. Печка, потрескивавшая в углу, прого-

няла из помещения холод, а горячий и пряный *кемиш* приятно согревал Кеит изнутри. Ласково и уютно светила лампа, однако настроение собравшихся казалось столь же сумрачным, как и эти зимние дни.

— Время отдыха подходит к концу, — сказала Алариста. — Снег растает, дороги очистятся, и тогда мы должны будем выступить. Солдаты Дугхалла проводят учения, мои люди присоединились к ним. Однако мы до сих пор не знаем, каким именно образом использовать наше войско. Но как только мы сможем двигаться, никаких колебаний уже быть не должно.

Кеит поглядела в окно — на толстую снеговую перину, укрывшую землю, на ползущие над пиками гор облака, набухшие, темные и тяжелые. Гиру говорили, что уже ощущают запах весны, и Кеит верила им. Все дружно утверждали, что до начала оттепели остается еще по меньшей мере месяц, однако ближе к полудню она сама иногда чувствовала запахи сырой земли и новой жизни. Новый год наступил прежде, чем враги Драконов успели подготовиться к нему как полагается... все в лагере тянули жребий, и молодой солдат из отряда Дугхалла дал году имя: «Наша Надежда на лучшее». В качестве караиса он возглавил торжественное празднование дня Терамис, после чего все вновь вернулись к своим делам.

Кеит налила себе в кружку еще *кемиша*, традиционного напитка Гиру, приготовляемого ими из коковы, жгучего красного перца и измельченной сушеной рыбы, заваренной в горячей воде. Из всех *харайи* — так Гиру называют людей, не принадлежащих к их народу, лишь ей одной нравился этот напиток. Добавив щепотку соли, она сделала глоток и кивнула Аларисте:

— Ты права. Плана действий у нас нет.

Хасмаль вздохнул:

— Две сотни человек против всех Драконов, их союзников и войск, которые они успели собрать.

Он прихлебывал из кружки травяной настой.

— Ну, хорошо. Вот вам и план. Подходим к городской стене. Объявляем, что пришли завоевывать Калимекку, и пока стража будет корчиться от хохота, взбираемся на стену, вламываемся во вражью крепость, захватываем Зеркало Душ, с помощью его истребляем Драконов и освобождаем город.

Ри с горечью усмехнулся.

— Отменный план.

Он грел руки о кружку с чаем, но не пил из нее. Повернувшись к Кеит, он сказал:

— Если бы у нас было тысяч десять хорошо обученных солдат, мы, возможно, и сумели бы взять город. Но я не стал бы рассчитывать на это, даже располагая армией закаленных в

боях ветеранов. Вы, Соколы, практикуете лишь оборонительную магию, бесполезную при нападении.

Он сделал крошечный глоток из кружки.

— *Волки* сумели бы что-нибудь сделать с Драконами, однако они сами захвачены ими. Но двух сотен людей не хватит ни для чего.

Кеит разглядывала редкие снежинки, порхавшие в воздухе за окном. И тут в голове ее сверкнула идея, словно искра, нашедшая топливо и вспыхнувшая. На мгновение ей подумалось, что идея эта уже была рассмотрена и отвергнута остальными. Впрочем, никто, даже Ри, не умел здесь взглянуть на вещи так, как она.

Отвернувшись от окна, Кеит поставила свой *кемиш* на стол.

— А вам не приходило в голову, — спросила она, — что, возможно, мы до сих пор не выработали плана действий не потому, что планируем действия слишком маленького числа людей, а наоборот — слишком большого?

Трое ее собеседников посмотрели на нее так, словно она вдруг стала пускать изо рта слюни и пузыри, а Хасмаль вдобавок расхохотался.

— Нет, не приходило.

Ри качнул головой.

— У нас бездна проблем, однако избыток людей к ним не относится.

— По-моему, тебе не стоит пить столько кемиша, если он на тебя так действует, — посоветовала Алариста.

Но Кеит не обращала внимания на их смешки.

— Слушайте. Что нам нужно сделать, чтобы победить Драконов и освободить Калимекку? — Она принялась загибать пальцы: — Во-первых, мы должны попасть в город. Во-вторых, нам необходимо забрать у них Зеркало Душ. В-третьих, мы должны изгнать души Драконов из захваченных ими тел. И мы только что говорили о том, что две сотни людей этого добиться не смогут. Но тогда, наверное, нам нужно поговорить о том, что могут сделать двое?

Ри стер улыбку с лица.

— Двое? — Он заглянул в ее глаза с внезапной напряженностью во взоре; запах его тела выдавал внезапное волнение.

Она кивнула, глядя лишь на него:

— Двое.

— Ну, рассказывай, что ты придумала.

— Добраться отсюда до Калимекки сейчас можно лишь по воздуху, потому что ведущие с гор дороги до весны останутся непроходимыми; потом, даже если мы сумеем попасть в Брельст, зимнее море опасно, и все корабли отстаиваются сейчас в более теплых портах. А поднявшись на воздух, за облака, можно

будет спуститься в город ночью, избавив себя от всяких проверок возле ворот и прочих мер безопасности, которые могли учредить в Калимекке Драконы после нашего бегства.

— Мы могли бы прилететь туда, если бы у нас был аэрибль, — согласился Хасмаль. — Но все они сейчас в руках Драконов, в Калимекке.

— Двоим из нас... аэрибли не нужны, — негромко проговорила Кеит.

В глазах Ри блеснула настороженность.

Алариста приподняла бровь.

— Вы прячете птицедеву, о которой рассказывал твой дядя? Особу, которая может запустить блоху в шкуру Драконов, в самое беззащитное место? Хотелось бы мне увидеть это чудо.

Ри качнул головой — самую малость... движение получилось совсем незаметным, и Кеит даже подумала, что ей это померещилось. Впрочем, страх, промелькнувший в его глазах, явно свидетельствовал об обратном.

Припав головой к его плечу, она негромко сказала:

— Если мы пойдем на это, секрет все равно раскроется. Соколам придется защищать нас охранительными чарами и заклинаниями.

Так же тихо Ри ответил ей:

— О нем и без того знают слишком многие. А чем большему числу людей станет известна эта тайна... тем больше среди них может найтись способных на предательство.

Слух Аларисты оказался намного тоньше, чем предполагала Кеит.

— О какой тайне идет речь? — спросила их хозяйка фургона.

Хасмаль, хмурясь, перевел взгляд с Кеит на Ри, потом снова посмотрел на Кеит. По глазам его совершенно нельзя было предположить, о чем он думал в этот момент.

Откинувшись на спинку стула, Ри ответил:

— Я согласен с тем, что тайна перестанет быть ею для всех, если... они... эти двое, отправятся в город. Но, может быть, с разглашением ее следует повременить?

Кеит нахмурилась.

— Но если не объяснить другим, каким именно образом... эти двое намереваются проделать весь путь от Норостиса до Калимекки за два или три дня... и даже то, как они рассчитывают спуститься с гор посреди зимы, тогда оба они не вправе рассчитывать на их помощь. Кроме того, нужно подумать и еще кое о чем. Нашим посланцам нужно будет с самого начала знать, что люди, которым они доверятся, не отвернутся от них. Конечно, всего на свете не учтешь, Ри, но если основные части откажутся

поддержать ударную группу, самый лучший план в итоге станет невыполнимым.

Ри отвернулся от нее в сторону.

— Делай что хочешь.

Алариста предположила:

— Похоже, мой вопрос относительно птицедевы оказался намного ближе к истине, чем я думала... так?

Подключив все свои обостренные чувства и не отметив ничего тревожащего в движениях, запахе, ритме дыхания этой женщины — и еще доброй сотне разнообразных мелочей, способных побудить опасливого к осторожности, Кеит решилась.

— Я из Увечных, — объяснила она. Алариста притихла. И, склонив голову набок, окинула Кеит внимательным взором, после чего сказала:

— А с виду и не заметно.

— Иногда бывает заметно.

Тишина внутри фургона, казалось, тяжестью легла всем на плечи.

— И ты... иногда... можешь летать? — Кеит кивнула.

— Ты — оборотень? — Еще один кивок.

— А как ты... ладно, не буду спрашивать. Нам, Гиру, приходилось прятать и собственных Шрамоносцев. И мне известны кое-какие способы, которыми можно воспользоваться для этого. И то, как тебе удалось дожить до своих лет, не имеет значения. Главное, что ты можешь помочь нам. — Она опустила глаза на свои руки.

— Но ты говорила о двоих, а он, — Алариста кивнула в сторону Ри, — явно понял, о чем идет речь. Значит...

Она вновь посмотрела на Ри, на сей раз отыскивая какой-нибудь признак.

— ...Значит, ты тоже оборотень?

— Мы Карнеи, — объяснил тот.

— Карнеи, — задумчиво протянула Алариста, а затем умолкла и после долгой паузы заметила: — Значит, кое-кто из них еще существует.

— Кое-кто. — Запах Ри выдавал нетерпение, недоверие и гнев, совершенно незаметные ни в позе его, ни на лице. Кеит смотрела на Аларисту, но внимание той было обращено на Ри — а тот напрягся всем телом и душой, готовый к решительным действиям, если женщина Гиру обнаружит признаки враждебности.

Впрочем, та скорее была просто взволнована... а еще ее явно охватило любопытство.

— И ты готов по своей воле помочь иберанцам? Я-то полагала, что ты готов плясать от восторга, зная, что сейчас они испытывают кое-что из тех ужасов, которые преследовали вас двоих всю вашу жизнь.

Ри пожал плечами.

— В известной степени ты права. Не могу сказать, что мучения жителей Калимекки волнуют меня. Среди них, например, достаточно членов моего собственного рода, заслуживших такого обращения. Сюда же нужно добавить жречество из парниссерии. И... — Он коротко взглянул на Кеит и торопливо обратил взор к Аларисте, поняв, что она заметила его движение. — И прочих, кто осваивал свою жизнь на чужих страданиях.

Кеит подумала, что он хотел упомянуть членов всех прочих Семей, однако не стал делать этого из-за нее, поскольку ее собственной родни, Галвеев, более не существовало на свете. Впрочем, ее это все равно не задело бы. Суровая правда жизни заставила ее понять, что прежнее ее идеализирование собственного семейства весьма противоречило действительности.

— Тем не менее, — продолжила она мысль Ри, — хотя у нас обоих есть причины предполагать, что Драконы в *какой-то степени* осуществляют справедливое возмездие, это совершенно ничего не означает. Страдают в основном ни в чем не повинные люди. Возрожденный обещал даровать любовь всему миру. А Драконы... любовь не имеет к ним никакого отношения.

— Тебе известно это не понаслышке, так ведь? — спросила Алариста.

— Я знаю, что они намеревались сделать со мной.

Алариста приподняла бровь.

— Ты побывала в лапах Драконов и смогла уцелеть?

— Это долгая история, — ответила Кеит. — Расскажу в другой раз.

— Тогда к делу. — Хасмаль взял пирожок из глиняной миски на столе и принялся жевать его. — Значит, ты утверждаешь, что вы вдвоем можете долететь до Калимекки и ночью незаметно приземлиться в самом центре владений Драконов?

— Я надеюсь на это, — объяснила Кеит, — но обещать что-либо не могу.

— Конечно... ну конечно же. Тем не менее вы обладаете способностями, позволяющими предпринять подобную попытку.

— Да.

Затолкнув в рот внушительный кусок пирога, Хасмаль задумался, двигая челюстями.

— Конечно, это кое-что дает нам... Но что вы будете делать, оказавшись там?

Кеит улыбнулась.

— Не знаю, что у нас в итоге получится, но я думаю вот что: нужно опознать Драконов и тайно пометить их, как

это сделал Дугхалл с теми, с кем ты и Ян вели переговоры в гостинице.

— Пометить? — Алариста нахмурилась.

Хасмаль кивнул:

— С помощью чар, которыми Соколы пользуются для наблюдения. Дугхалл прикоснулся к каждому из трех встреченных нами Драконов особым талисманом, мгновенно проникающим под кожу, и мы получили возможность в течение нескольких дней наблюдать за ними с помощью зрительных стекол. Потом эта связь оборвалась, но лишь потому, что изменилась ситуация, а не из-за того, что метод оказался ненадежным.

— Значит, вы оба хотите подобраться к Драконам... на расстояние вытянутой руки? — Алариста покачала головой. — Это же безумие.

— Вовсе нет, тем более если мы не найдем другой возможности одолеть их. — Кеит провела пальцем по ободку своей кружки и принялась разглядывать снег за окном, поваливший еще сильнее. Она и представить себе не могла, каким образом они с Ри сумеют подобраться к врагам настолько близко, однако *это следовало сделать, а значит, способ не мог не существовать.*

— Рис, Дугхалл сделал тогда крошечное Зеркало Душ из кольца и проволоки. С помощью зрительного стекла и талисмана он соединился с душой одного из Драконов, а потом заставил ее перейти в Кольцо. Она и сейчас там. Дугхалл покажет тебе это кольцо, если захочешь посмотреть на него. По-моему, если изготовить достаточное количество Талисманов и Зеркал, то вы, Соколы, сидя здесь, в горах, сможете выдергивать Драконов по одному из захваченных ими тел.

Ри заметил:

— Если мы окажемся рядом с Драконами — так, чтобы рукой их достать, то сможем добраться и до Зеркала Душ и выкрасть его. А с ним нетрудно справиться и со всеми Драконами сразу.

— Мы не можем твердо рассчитывать на то, что обязательно получим в свое распоряжение Зеркало Душ, — возразила Кеит. — Если мы попадем в Калимекку, имея план действий, в случае его провала нам останется лишь отступить. Если же мы сделаем все, чтобы можно было брать их по одному, и при этом нам удастся раздобыть настоящее Зеркало, то наша работа попросту станет легче. Но если оно не попадет к нам в руки, повода для отчаяния не будет: у нас все равно есть шанс победить. Просто путь к победе окажется более долгим.

Ри откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу. Стул под ним балансировал на двух ножках, и Кеит подумала, что он вот-вот опрокинется на пол.

— Хорошо. Если рассматривать твою идею как план с дублирующим вариантом, она, несомненно, имеет некоторые достоинства. Ну а как мы доберемся до Драконов?

Кеит пожала плечами.

— Соколам необходимо срочно заняться изготовлением талисманов, зрительных стекол и нужных нам Миниатюрных Зеркал. А пока они будут делать их, мы найдем способ добраться до Драконов.

Дугхалл показал Аларисте крохотное Зеркало и объяснил, как накладывал на него заклятие, после чего она, Хасмаль, Трев и Янф принялись за работу. Они собрали все кусочки стекла, серебра, золота, меди и бронзы и всю проволоку — все, что смогли отыскать в лагере. Обратившись к помощи кузнецов и ремесленников Гиру, тянувших проволоку и отливавших зеркала, они приготовили сотни нужных предметов, затратив на каждый капельку собственной крови и проследив, чтобы все они создавались исключительно с добрыми намерениями: ради того, чтобы вернуть изгнанные души в принадлежащие им по праву тела и освободить порабощенный народ Калимекки. Гиру послали детей в Норостис, и те скупили в городке все запасы сушеных трав — тертуллы и батрайля.

Они резали стекло и серебрили одну из его сторон, чтобы получить зрительные стекла-зеркала; делали из трав крошечные пилюли с волоском, кусочком кожи с губы или частичкой ногтя внутри них... изготовленные таким образом талисманы, оставаясь соединенными со своими создателями, уйдут под кожу, не оставив следа и связав при этом наблюдателя и наблюдаемого на то время, пока тело, принявшее в себя талисман, не растворит чуждые ему элементы и не переработает их в часть самого себя. Они работали дни и ночи, прерываясь для сна, лишь когда без него уже нельзя было обойтись; тем временем Кеит с Ри отъедались, отсыпались и обдумывали план действий. Последнее занятие сделалось для них своего рода наваждением.

Через две недели все нужное было готово.

Ни Кеит, ни Ри еще не имели представления, каким образом им следует подбираться к каждому из Драконов, однако они уже точно знали, с чего именно нужно начать. Наступало время действий.

Оба оттягивали уже подступающую к ним Трансформацию и противились ей изо всех сил. Оба ели за троих, накапливая в телах нужный запас энергии.

Наконец на пятый день месяца Драсту, в день Амиал Макулдс, Кеит и Ри начали подъем по сырому и рыхлому снегу, оставленному пургой, которую все считали уже последней, на вершину Страж-горы. Большей высоты вблизи лагеря не было.

Подъем сопровождался опасностью, и в облике Карнеев они справились бы с этим, затратив меньше усилий, однако ни Ри, ни Кеит даже не пытались Трансформироваться. Кто знает, сколько времени им необходимо будет потом пробыть в преображенном обличье, а для исполнения их плана требовались все силы и вся энергия их тел.

Добравшись до высокой, обращенной к югу скалистой стены, они сняли с себя зимнюю одежду и сложили ее в защищенном от ветра закутке за валуном. В лагере они попрощались со всеми остальными. А теперь повернулись друг к другу.

— Я мог бы сделать это и сам, — сказал Ри. — Зная, что ты остаешься в безопасном месте, я с легким сердцем отправлюсь один в Калимекку.

Кеит прикоснулась к его щеке.

— Если я отпущу тебя одного, то наверняка не доживу до твоего возвращения. Ты же знаешь, мне необходимо попасть туда.

Ри прижал ее к себе, и, сберегая крохи тепла, они обнялись, стоя на холодном горном ветру, уносящем вдаль жар их тел.

— Знаю. А ты уверена в том, что мы полетим, когда прыгнем вниз?

— Не знаю, но надеюсь на это, — ответила Кеит. — Однажды у меня получилось.

Он кивнул. Они надели причудливой формы ранцы; придуманные Кеит заплечные сумки должны были соответствовать их преображенным Трансформацией телам в полете. В ранцы была уложена обычная калимекканская одежда, немного денег и, конечно же, талисманы. По настоянию Дугхалла два талисмана они погрузили в их собственные тела, чтобы дядя мог знать обо всех предпринимаемых ими шагах, — иначе он попросту отказывался отпустить их. Для *них* изготовили особые талисманы; Дугхалл утверждал, что они продержатся целый месяц, а может быть, и два.

Последнее объятие вышло неловким: они знали, что за ними наблюдают.

— Кеит, я люблю тебя, — проговорил Ри.

Прижавшись лицом к его груди, Кеит прислушалась к ровным сердцебиениям их обоих.

— И я тебя тоже.

Они переглянулись, а потом посмотрели под ноги — на скалистое ущелье, оставшееся далеко внизу.

Кеит затрепетала; в этот миг ей было куда страшнее, чем тогда в Калимекке, на балконе башни. Камни под ногами впивались в босые ноги. Зубы выбивали дробь на морозе, а тело желало Трансформации.

— Мы делаем это ради будущего, — пробормотала она.

Ри услышал ее, хотя обращалась она не к нему, а к себе самой.

— Мы делаем это для потомков, но и для себя тоже. Чтобы мы с тобой оказались в таком мире, где можно жить и радоваться жизни.

Кеит кивнула:

— Я знаю это.

А потом изо всех сил стиснула его руку.

— Скалы внизу кажутся такими... голодными.

Вновь обняв Кеит, Ри отчаянно припал к ее губам.

— Если нам не суждено увидеть ничего другого, с меня хватит и того, что было. Кеит, я найду тебя в следующей жизни.

Тело его тоже била крупная дрожь. Обняв его обеими руками, Кеит прижалась лицом к мягким волосам на груди.

— Встретимся над облаками.

И они бросились вниз со скалы.

Глава 43

Трев спал в своей палатке, когда к нему обратился голос: *Головы твоих сестер выставлены на стене,* сказал этот голос и явил ему видение... Тела обеих девушек висели на Прибрежной стене в Калимекке, а их головы, вздувшиеся и гниющие, украшали собой острия на ее вершине. *В том, что они оказались здесь, виноват Ри, предатель и лжец. Твоих сестер уже не вернуть, но ты можешь отомстить за них. Убей его, если сможешь, а если нет, просто приди. Возле лагеря ты найдешь ожидающее тебя устройство. Стань на него и скажи слова «Отнеси меня к другу», и твое желание исполнится.*

Трев открыл глаза во тьме. Жуткие картины еще горели в мозгу его, настолько чудовищные, что этому невозможно было поверить. Но что, если сестры действительно приняли страшную смерть? А он просто уверил себя в том, что они бежали из города, хотя никто не мог бы утверждать этого наверняка. Публичной казни не было, и потому он позволил себе поверить в то, что они уцелели, несмотря на то что доказательствами этого он не располагал. Теперь настало время узнать всю правду. Он знал, как проверить истинность своего видения, хотя способ, пожалуй, казался слишком рискованным. Небольшие знания магии, полученные от Хасмаля, позволяли ему, как он считал, вызвать Говорящих и потребовать у них правду.

Трев лежал, сосредоточенно размышляя. Ему еще не приходилось заниматься магией в одиночку, однако он не

сомневался, что способен самостоятельно справиться с заклятием. Он мог предложить свою кровь: Соколы требовали, чтобы человек использовал при волхвовании лишь то, что принадлежит лично ему. Нужно было раз или два капнуть кровью на посыпанное солью зеркало, потом несколькими словами призвать всеведущий голос, и тогда он узнает, являлся ли этот кошмар лишь сном или же ночной ужас стал точным отражением действительности.

Выбравшись из скомканной постели, он оглядел палатку. Все нужные предметы находились в мешке Валарда — в последнее время тот был слишком увлечен крепкими напитками и оплакиванием неизбежного конца света и поэтому не участвовал в изготовлении талисманов, зеркал и зрительных стекол, нацеленных на отсрочку этого самого конца. Тем лучше. Сейчас Валард, конечно же, гостит у одной из девиц Гиру; в эти дни он был неразлучен со своими новыми подружками, если только не поглощал перебродившее козье молоко или хлебную водку вместе с мужчинами. Посему Трев мог без особого смущения позаимствовать его инструментарий.

Что он и сделал.

Трев не посмел зажигать лампу, которая могла бы помочь ему: Янф спал по одну сторону от него, а Джейм — по другую, и оба они весьма заинтересуются, с какой это стати ему пришло в голову призывать духов посреди ночи. Поэтому он просто откинул полог палатки, чтобы внутрь проник свет пляшущих языков одного из сторожевых костров. Свет был неровным, однако приходилось довольствоваться тем, что есть.

Достав из сумки Валарда соль и зеркало, он уколол ножом кончик пальца и накапал крохотную лужицу крови на поверхность зеркала. Огонь костра вдруг вспыхнул сильнее, и в свете его он заметил, что зеркало загрязнено мутными потеками. Это смутило Трева, тем не менее он решил, что не станет очищать его: ведь тогда пришлось бы стереть и кровь и еще раз колоть палец. К тому же, уколовшись первый раз, он едва не вскрикнул от боли. Вторая попытка могла оказаться менее удачной, а будить друзей было ни к чему.

Нарисовав окровавленным пальцем на зеркале треугольник, он прошептал первую часть услышанного от Хасмаля заклинания, которым призывали Говорящих из Вуали. А потом обвел рисунок кругом из соли, стараясь не оставлять в нем прорех. И произнес последние слова заклинания:

Земля, кровь и легкий пух
Пусть тебя удержат, дух.
Слову, воле покорись
И ко мне сюда явись.

Правду скажут пусть уста,
Совесть будет же чиста.
После в ад к себе уйди
И назад не приходи.

Соль начала испускать голубоватое свечение, и Трев наклонился над зеркалом, стараясь телом укрыть этот свет от посторонних глаз. Вспыхнуло пламя, язычки его, поколебавшись, сделались ровными. В самой середине треугольника вдруг блеснула искорка, сразу превратившаяся в полупрозрачную и небольшую — с палец величиной — мужскую фигурку. Прозрачные одежды духа развевал ветер, не выходящий за пределы треугольника, длинные волосы трепало так, как если бы там бушевал ураган. Скрестив руки на груди, дух поднял голову и воззрился на Трева светящимися глазами.

— Что ты хочешь узнать?

Трев поежился. Хасмаль предупреждал его, что Говорящие подчас держатся надменно и бывают опасными. И еще он говорил, что хотя они всегда отвечают на вопросы правдиво, но тем не менее формулируют свой ответ так, что его бывает сложно понять. Однако Хасмаль никогда не упоминал о том, как страшно видеть такое существо перед собой в зеркале, когда тебя и его разделяет лишь тоненькая полоса крови и соли. Буквально ощущая, как гнев крошечного сверкающего человечка заполняет собой все вокруг, Трев не сразу отыскал нужные слова.

— У меня... мне... было видение. Я видел, что... что сестры мои мертвы. Убиты. А их... их... головы выставлены на стене в Калимекке. Что это был за сон?

Человечек не сводил с него глаз.

— Это был не сон. Ты увидел правду, и открыл ее тебе... — Он сделал паузу: — ...друг.

Трев с силой зажмурился. Две раздувшиеся, изуродованные смертью головы над стеной вновь представились ему столь ясно и отчетливо, что видение это по силе воздействия можно было уподобить колу, воткнутому в живот. Нет, Элли и Мардит не могли умереть... ведь он обещал каждой из них хорошего мужа — из высших слоев Калимекканского общества. Он ввел их в такие круги знати, о которых его родители не смели даже заговаривать. Он делал для них все, что было в его силах... защищал, заботился, ублажал. А теперь их убили словно преступниц, а он все это время скитался по свету, оставив их в руках врагов!

— Кто разговаривал со мной? — спросил он сразу же, как только смог взять себя в руки. — Почему он сообщил мне о сестрах? И почему утверждал, что погибли они из-за Ри?

Говорящий ответил уклончиво:

— Тайна Ри была раскрыта, и ложь пала на его голову, однако те, кто наказывает всякий обман, не смогли добраться до него, и кара пала на его близких. Твои родители тоже убиты, как и родные остальных друзей Ри. Вы потеряли все, что имели. И вам некуда будет вернуться вне зависимости от того, останутся Драконы в городе или нет.

— Кто убил их? — спросил Трев.

— Тот, кто держал клинок, действовал по чужому приказу; тот, кто отдал приказ, сам получил его; а отдавший ему распоряжение тоже исполнял чужую волю. Но если проследить цепочку к самому началу, она приведет к Ри, к тому дню, когда он поклялся в том, что останется в Калимекке и возглавит Волков Семьи, и в ту же ночь нарушил свою клятву.

О чем бы Трев ни спрашивал, Говорящий уклонялся от прямого ответа. Трев нахмурился, пытаясь придумать вопрос, который все-таки заставит духа открыть ему именно то, что он хочет узнать: имя человека, убившего сестер, и второе имя — того, кто отыскал его в этом, более чем укромном уголке мира. И еще — зачем потребовалось этому неведомому «другу» утруждать себя.

Снаружи, за тонкой перегородкой палатки выл ветер, и внутрь залетали снежинки, кружившие над постелями и зеркалом. Трев пригнулся, чтобы прикрыть его собой. Однако несколько снежных хлопьев все же попали на постепенно исчезавшую линию из соли и крови, соединив мостиком пространство внутри треугольника со всей остальной поверхностью зеркала.

Говорящий, с каждым мгновением становившийся все более прозрачным, внимательно следил за тем, как гаснет пламя, и, заметив мостик, радостно завизжал. Прежде чем Трев успел что-либо предпринять, дух завопил.

— Свободен! — закричал он голосом не более громким, чем шепот, и стремительно выпрыгнул из очерченного солью и кровью треугольника. Скользнув вдоль грязной полосы растаявшего снега, он взвыл. — Это кровь! Кровь! Теперь ты мой!

И внезапно исчез.

Трев пристально смотрел на зеркало, в котором только что находился Говорящий. Он и представления не имел, почему был избавлен от злой участи, вне сомнения уготованной для него духом, однако собственная жизнь вдруг утратила для него всякую цену. Его сестры, девочки, ради которых он жил, погибли. Голос, обратившийся к нему в видении, во всем обвинял Ри, однако Трев отлично понимал, что тот здесь ни при чем. Он *сам* решил последовать за Ри, зная, что оставляет Мардит и Элли в Калимекке на произвол судьбы, без единственного и надежного защитника и опекуна, коим он был для них. Если бы он не покинул

их, девочки были бы живы. Или же он сам принял бы смерть вместе с ними.

И тот, и другой исход казался ему сейчас одинаково желанным.

Ри уже отправился в путь, намереваясь уничтожить Драконов, и Трев мог пожелать своему другу только добра. Он и сам обещал Соколам свою помощь. Однако он нарушил другой обет, принесенный им много лет назад... обет, который обязался выполнять, не щадя своей жизни. Он не сумел защитить своих младших сестер, двух девочек, которых любил больше всех на свете. Он не сдержал свою клятву.

Трев посмотрел на крохотный ножичек, которым только что надрезал палец. Острое, но короткое лезвие не подходило для задуманного им. Его собственные кинжалы лежали в изголовье постели... два роскошных подаренных Ри клинка, вполне пригодных для намеченной цели. Трев выбрал тот, на котором был вычеканен герб Сабиров. Он сбросил с плеч шерстяное одеяло, расшнуровал ворот рубашки и приставил острие кинжала к коже — слева от грудины, нащупав пальцами впадину между ребер, чтобы клинок не уперся в кость.

Закрыв глаза, он прошептал:

— Прости меня, Элли. Прости и ты, Мардит. Когда мы встретимся там, в Вуали, я постараюсь загладить свою вину перед вами.

И более не задумываясь и не сожалея о страшном поступке, он вогнал клинок себе в сердце.

На другом краю лагеря Валард откатился от девушки, которую только что тискал, и со стоном стал на колени. Черты его исказились от боли, и, вскрикнув, он впился пальцами в собственное лицо. Девушка воскликнула:

— В чем дело? Что с тобой?

Но прежде чем она успела подняться, чтобы бежать за помощью, припадок, каковы бы ни были его причины, прошел сам собой. Валард умолк, и на лице его появилось удивленное выражение.

Он поднялся на ноги, бормоча:

— Я свободен. Свободен.

И оглядел фургон с таким видом, словно никогда не видел его.

— Что ты делаешь? — спросила девица, но, бросив на нее короткий взгляд, Валард отрицательно качнул головой. А потом, накинув шерстяное одеяло на голое тело, распахнул дверь и исчез в ночи. Оставшаяся незахлопнутой дверь закачалась на петлях под натиском сильного ветра. Девица с ругательством швырнула вслед любовнику опустошенную ими обоими бутылку хмельного зелья, поеживаясь вылезла из постели и заперла дверь.

Валард же, не обращая внимания на холод и ветер, топал тем временем по глубокому снегу, пока не оказался за пределами лагеря. Там он отыскал гладкий диск белого металла, с выведенными вдоль обода буквами, светящимися в темноте зеленоватыми гнилостными огоньками. Став на середину диска, он сказал:

— Перенеси меня к моему другу.

Зеленоватое свечение сделалось ярче, раздался визг, и диск исчез, прихватив с собой и Валарда.

Согнувшись над телом Трева, Дугхалл водил сложенной в чашечку ладонью над зеркалом — не прикасаясь к предмету, но впитывая его энергию кожей.

— И что все это значит? — спросил Янф.

— Подожди. — Уродливые и перепутанные следы почти не поддавались прочтению. Впрочем, Дугхалл не спешил и не давал вниманию рассеиваться.

— Трев воспользовался зеркалом Валарда, чтобы вызвать Говорящего, — объяснил он стоявшим за его спиной Янфу и Джейму. — Очевидно, он не стал перед этим очищать зеркало — на нем сохранились следы крови Валарда. Пришел Говорящий, но связанный с темными силами, возможно даже, посланный Драконами, хотя в последнем я не уверен. Не знаю, что услышал Трев от Говорящего, однако погиб он от собственной руки... Потом я вижу четкие следы того, что Говорящему удалось вырваться, а оставшаяся на зеркале кровь Валарда привела духа к телу нашего спутника. Это означает, что в настоящий момент Валард одержим этим злым духом. Куда Говорящий отправил Валарда, я также не могу сказать.

Поднявшись на ноги, он посмотрел Янфу в глаза.

— Говорящие жестоки по своей сути, а связь этого их представителя со злыми силами сделала ситуацию еще более сложной... если мы отыщем Валарда, нам придется его убить.

— А разве нельзя изгнать дух Говорящего или заключить его в кольцо, как ты сделал с Драконом?

— Драконы все-таки являются людьми. Их души не заражают тело, они просто пользуются им. Говорящие... они другие. Некоторые видят в них демонов, другие утверждают, что это души чудовищ, обитавших в иных мирах или на других плоскостях бытия. Я не знаю, кто они, но завладев человеком, они не оставляют его, пока тот не умрет.

Янф быстро заморгал, и губы его сжались в тонкую, жесткую ниточку. Подозрительно блестящими глазами он смотрел на тело Трева, застывшее на постели в луже крови лицом вниз.

— Все рассыпается, — пробормотал он.

Джейм опустил ладонь на его плечо.

— Темные дни наступили.

— Нынешние дни можно назвать только адом, который устроили нам древние боги за то, что мы забыли их, — произнес Янф. Хрипотца в голосе свидетельствовала о глубине его переживаний.

— Возможно. — Джейм медленно кивнул, от холодного воздуха кожа на его открытых руках покрылась мурашками, и Дугхалл заметил, как Янф поежился. Впрочем, тот был слишком удручен трагизмом ситуации, чтобы замечать это... Джейм взирал на труп своего старого товарища, не пытаясь надеть куртку или просто согреть себя движением. Воздух клубами вырывался из его рта, оставляя иней на ресницах, бровях и густых усах, отросших уже здесь, в горах. Дугхаллу он казался скорее ледяной фигурой, чем состоящим из плоти и крови человеком. Мертвенным ровным голосом Джейм произнес:

— Придется отыскать Валарда.

— Зачем? Чтобы убить еще одного из нас? — Янф отодвинулся в сторону, уклоняясь от руки Джейма, и та бессильно упала, словно была рукой мертвеца.

Но тот упрямо настаивал на своем:

— Если придется, да. Ри сейчас находится на пути в Калимекку. Если Драконы следят за ним или если они сумели найти способ использовать Валарда против Ри, нам придется остановить его.

Янф закрыл глаза. Погруженный в горе, он покачивался, не сходя с места.

— Какая разница? — спросил он наконец. — Все рушится. Ничто не поможет нам, ни в чем мы не добьемся успеха. Разве вы не видите?! Сами боги теперь против нас, а кто мы такие, чтобы бороться с богами?

Поникший Джейм пожал плечами.

— Возможно, ты прав. Возможно, все действительно потеряно. И я не думаю, что мы способны противостоять воле богов.

— Мы мужчины, — заявил Дугхалл, — и мы заставим богов покориться. Мы не отступим ни перед богами, ни перед людьми — будем сражаться с ними и победим.

— С какой стати? — спросил Янф, и Дугхалл услышал пренебрежение в его голосе. — Потому что сердца наши чисты, а дело справедливо? Потому что мы верим в истину?

— Праведность не является обязательным условием победы, — возразил Дугхалл, глядя на них обоих и ожидая ответного взгляда. — Доброта по силе уступала злу во все времена. А вера без дел слаба, беспомощна и ничего не стоит. Те, кто верует, но не делает ничего, всегда проигрывают тем, кто верует меньше, да делает больше. Победа придет к нам не потому, что мы добродетельны, или для нас важны собственные убеждения.

Он вдруг рассмеялся — и смех его прозвучал слишком хрипло в этом морозном и колючем воздухе... это было похоже на хруст веток, проседающих под тяжестью снега и льда.

— Мы победим, потому что поражение слишком страшно для нас. Если мы не будем сопротивляться Драконам, они пожрут наши души — и души тех, кого мы любим, — а вместе с нашими душами они поглотят и наше бессмертие. Если же мы будем сражаться, то самое худшее, что нам грозит, — это смерть. Мы победим, потому что боимся. Именно потому, что боимся, и для страха у нас есть веские основания. Страх будет тем другом, который погонит нас вперед к победе.

Все трое долго и молча глядели друг на друга, а потом Джейм кивнул:

— Что ж, возможно, ты прав.

Янф отвернулся. Тяжело вздохнув, он покачал головой:

— Я не сдамся. Не сдамся, хотя у меня нет такой уверенности в победе, как у тебя.

Дугхалл посмотрел сквозь щель в пологе палатки на простиравшееся снаружи искрящееся бриллиантами снега белое поле.

— Никто из нас не сдастся. И об этом не нужно забывать. А теперь... надо проститься с Тревом и похоронить его. Приготовьте его. А я пока займусь осмотром окрестностей: надо узнать, куда подевался Валард... раз в деле замешана магия, значит, она оставила где-то поблизости свои следы. А потом займемся тем, что нам надлежит исполнить.

Он оставил обоих друзей готовить тело Трева к прощанию. Ступая по плотному снегу, Дугхалл сожалел о том, что вера его в победу не столь тверда, как только что прозвучавшие слова. Дугхалл боялся будущего, но и настоящее вселяло в него страх. Оставалось только надеяться, что его слова не так уж далеки от правды, потому что сейчас он мог поверить лишь в одну вещь во всем мире... — в страх. Страха хватило бы у Дугхалла, чтобы наполнить им целый океан.

Глава 44

Кеит и Ри появились над Калимеккой ночью, когда город казался бесконечным скопищем угольков, разбросанных под укрытым облаками небом. Кеит много раз видела родной город таким; старый приятель Эйоуюэль нередко брал ее с

собой в ночное небо, когда она долго не могла уснуть и выбиралась украдкой из Дома Галвеев... или же просто когда ей нужно было с кем-нибудь поговорить. Поэтому она сразу заметила происшедшие в центре города изменения и указала на них Ри, который впервые смотрел на Калимекку из-под облаков.

— Видишь те белые огни в центре города... раньше их не было.

Ри поглядел в указанном направлении и изогнул крылья, чтобы подлететь поближе.

Кеит последовала за ним. Увиденная ими картина совершенно не нравилась ей. В самом центре Калимекки, за полупрозрачными светящимися изнутри стенами, которые умели создавать только Древние, раскинулась сказочная земля, где возносились ввысь девственно белые замки, окруженные фонтанами, рассыпающими бриллиантовые брызги, чудесными белыми дорогами и зеленью благоухающих садов. Цветущие, полные плодоносящих кустов и деревьев сады, освещенные тем же белым светом, казались сверху драгоценными камнями в оправе сияющих стен. В одном из садов несколько мужчин и женщин, разодетых в невиданные ею прежде наряды, танцевали под музыку, чуждую ее слуху. Кеит покружила над ними, старательно удерживая все магические экраны, дабы ничем не выдать себя, — она вспоминала бурлившие жизнью рынки, многолюдные улицы и дома, стоявшие прежде на месте этого огромного и пустынного города, возникшего в центре столицы Иберы.

— Вот мы и нашли Драконов, — заметил негромко Ри.

— Нашли. — Она поглядела вниз. — Надо только суметь добраться до них.

Через неделю, одетые как подобает состоятельным калимекканцам, Кеит и Ри, овеваемые свежим и благоуханным предрассветным ветерком, стояли перед высокими белыми воротами Цитадели Богов. Рядом с ними ждали и другие — торговцы, продающие съестное, ткани, изделия из серебра или стеклянную утварь; крестьяне, мечтающие получить работу; нищие, чуявшие богатство, укрытое за запертыми воротами, и по наивности или незнакомству с нравом обитателей Нового Ада надеявшиеся на их щедрость.

Плечи их соприкасались, однако Ри и Кеит не разговаривали друг с другом и даже не переглядывались, старательно делая вид, будто они незнакомы. Сердце Кеит отчаянно колотилось в груди, а во рту пересохло от страха. Экраны плотно обтягивали ее тело, и Кеит казалось, что подобная теснота лишь прибавляет тревоги, как и запах смятения, исходивший от собравшейся вокруг толпы.

Страхом в воздухе пахло, пожалуй, сильнее, чем жасмином, росшим в саду возле ворот. Однако Кеит — как и

все возле нее, — пересилив свой страх, ожидала, прислушиваясь к негромкому звону колокольчиков, певших за белыми стенами, и надеясь заметить хоть какое-нибудь движение внутри этого города в городе.

Наконец из первого дома справа появилась женщина и направилась к ним, шурша богатыми синими юбками. Кожа ее казалась черной как оникс, а глаза сияли золотом — словно звенья искусной работы браслетов, звеневших на запястьях. Черные волосы, в которые были вплетены темно-синие и золотые ленты, спускались почти до самой земли. Шагнув к воротам, она распахнула створки и отступила в сторону. Торговцы прошли мимо нее цепочкой и в странном унынии принялись расставлять на сказочно белых улицах свои лотки. Повернувшись к нищим, женщина отослала их в самый центр Цитадели, объяснив, что просить подаяние можно у большого фонтана.

Потом она повернулась к рабочим.

— Сколько найдется здесь человек, готовых к однодневной работе? — спросила она. Голос ее звучал ласково, и улыбка не сходила с лица, однако Кеит не заметила тепла в глазах этой особы.

Несколько работников подняли руки.

— Хорошо, вы нужны в Красных Садах. Следуйте за моей служанкой, она покажет, куда идти.

Из-под арки справа от Кеит шагнула молодая красавица в белых одеждах и бесшумно направилась вдоль по улице. Мужчины и женщины, нанимавшиеся поденно, заторопились за ней.

Обернувшись к тем, кто остался, женщина спросила:

— А вы, как я понимаю, ищете постоянную работу?

Кеит кивнула вместе с остальными.

— Я так и думала. В основном все вакансии уже заняты. Если только вы не владеете каким-нибудь особенным мастерством, нам нечего предложить вам.

Женщина пристально посмотрела на Ри, и в улыбке ее проскользнула алчная похоть.

— Впрочем, кажется, некоторые из вас действительно наделены исключительными дарованиями.

Недолго замерев на месте с задумчивым выражением лица, она наконец решилась:

— Следуйте за мной... все. Я знаю, что необходимо мне лично, — глаза ее вновь обежали фигуру Ри, — однако не могу быть уверенной в том, что требуется моим друзьям.

Прежде чем повести их, она прикоснулась к плечу Ри.

— Держись возле меня. Я уже наметила для тебя место.

Кеит готова была убить ее на месте. Однако ей пришлось надеть маску безразличия и отправиться вместе со

всеми за женщиной по почти безлюдным улицам к центру нового города.

Зал был полон пестро разодетых, словно попугаи, мужчин и женщин, занятых оживленной беседой. Все они обернулись к пришедшим, и на некоторых лицах появился неподдельный интерес.

Золотоглазая женщина громко заговорила, и голос ее прозвенел, перекрывая собой глухой гомон, наполнявший этот огромный зал:

— Вот сегодняшние претенденты на постоянное место. Можете выбирать.

— Ах, Берраль, их же немного, тут и выбирать-то не из чего, — произнес кто-то и засмеялся.

К смеху присоединились и другие, а затем со своего места за небольшим столиком у западной стены поднялся мускулистый мужчина.

— Кажется, настал мой черед.

И он кивнул в сторону девушки, ровесницы Кеит, молодой особы с круглыми боками, молочно-белой кожей и глазами, огромными и испуганными, как у ягненка на бойне.

— И что же ты умеешь делать? — спросил он.

— Читать... и писать, — ответила она дрогнувшим голосом. — Еще умею складывать и вычитать. Знаю историю, философию, основы рисования и риторику. Была первой по иверисту и ястребампсам...

Она запнулась, когда вокруг послышался смех.

— Ученая обезьяна, — пробормотал один из них.

— Вполне годится в наложницы, — отозвался другой. — Я уже и сам мечтаю о любовнице, которая понимает толк в играх и способна говорить о чем-нибудь еще, кроме последних покупок.

— А какая ты в постели? — спросил тот, кто первым заинтересовался девушкой. Та вспыхнула.

— Я могу приглядывать за детьми, вести расходные книги или работать в библиотеке.

— Детей у нас нет, — сказала женщина, прислонившаяся к стене. — И никогда не будет.

Мужчина, спрашивавший о постельных умениях белокожей девушки, подытожил:

— Значит, она не обладает способностями в единственной интересующей меня области. А что скажешь ты?

И он повернулся к Кеит.

— Стригу мужчин и женщин, укладываю волосы, — ответила она.

Кеит решила, что это занятие предоставит ей возможность прикоснуться ко многим Драконам и пометить их

талисманами, не вызвав при этом никаких подозрений. Конечно, Драконы уже обзавелись личными слугами, однако по собственному опыту жизни в Доме Галвеев она прекрасно знала, насколько ценятся знатью услуги специалиста, отвлекающие от повседневной скуки обеспеченной жизни.

— В самом деле? — спросила Берраль, на сей раз взглянув на нее с неподдельным интересом. — У тебя короткие волосы. Интересно. И они у тебя от рождения рыжие?

— Разве этого не видно? — Кеит улыбнулась.

— Не видно. — Перебросив через плечо длинную косу, Берраль спросила: — А что ты можешь сделать с моими волосами?

Кеит изобразила недолгое раздумье.

— Что-нибудь с золотыми бусинами, — проговорила она, — чтобы подчеркнуть цвет твоих глаз. Добавим перо снежного фазана, контрастирующее с темной кожей. Побольше волос вокруг лица, чтобы подчеркнуть изящество очертаний — нынешняя твоя прическа не позволяет этого. Кроме того, можно использовать несколько сапфиров, если они у тебя найдутся.

— Великолепная идея, — произнес чей-то голос за ее спиной.

— А что ты можешь сделать с моей головой? — поинтересовалась высокая угловатая женщина, блеснув изумрудно-зелеными глазами. Длинные каштановые волосы ее волнами рассыпались по плечам.

— Сперва постригу, — сказала Кеит. — У тебя длинная лебединая шея, но волосы сейчас скрывают ее. А потом покрасим. Сделаем их совсем светлыми... это, по-моему, выгодно оттенит цвет твоих глаз. Кроме того, используем кольца с продетыми в них зелеными шелковыми лентами.

Женщина улыбнулась:

— Вот и сделаешь все как надо.

— После того, как она причешет меня, — вмешалась Берраль.

— Хорошо, после тебя.

— Пойдем, девушка. Мы найдем для тебя место, получишь все необходимое и можешь приступать к работе: мои волосы никто не укладывал целую тысячу лет.

Зеленоглазая женщина вместе с изысканной рыжеволосой красавицей повели Кеит прочь. За спиной ее голос Берраль спросил:

— А ты что умеешь?

Ри ответил:

— Я практикую *таппуту* — массаж с применением благовоний, трав и масел. Великолепно воздействует на кожу и смягчает ее.

— Тогда будешь работать вместе с парикмахершей. — Берраль вздохнула. — Я хотела взять тебя на свое ложе, но

другие не простят мне, если я заберу себе массажиста. Впрочем, ночи тебе все равно придется проводить со мной.

— Как тебе будет угодно, — ответил Ри.

Кеит едва удерживала свой гнев. Она попыталась утешиться тем, что как только Ри прикоснется к темнокожей красавице талисманом, Дугхалл или Хасмаль смогут извлечь из тела ее драконью душу и заточить в одно из крохотных зеркал, сразу уменьшив таким образом число возможных поклонниц Ри в этом сказочном белом городе.

Оставалось надеяться, что он влепит талисман этой мерзавке в первую очередь.

Даня сидела, пригнувшись, в задней части своего маленького дома и смотрела на мальчика, называвшего себя Луэркасом. Тот не обращал на нее никакого внимания — по крайней мере в текущий момент. Мальчишка поймал тундровую полевку и играл с ней на медвежьей шкуре, забавляясь мучениями маленького существа.

Сейчас он казался обыкновенным восьмилеткой — крепким, золотоволосым, белокожим, ясноглазым и улыбчивым.

Но то, что он делал с мышью, ни в какие рамки не укладывалось. Как и то, что он родился всего лишь несколько месяцев назад. Вдобавок ко всему, он мог по желанию изменять свою внешность. Вне дома он предпочитал принимать облик Каргана, поскольку ему было доступно любое обличье. Он был Искалечен чарами, прошедшими через него вскоре после зачатия, однако полученные Шрамы он принимал как благо. Он выучил язык Карганов еще до рождения, и жители деревни валили к нему толпой — словно медведи к ручью с нерестящимися лососями, — потому что с ними он был очень мил, умел вызвать у них доверие и, невзирая на кажущуюся детскую невинность, давал им мудрые советы, достойные взрослого. Карганы восхищались им, прислушивались к его мнению, и когда он что-нибудь предлагал им этим своим робким мальчишеским голосом, они в точности следовали его словам. Пророчества и легенды он успел выучить наизусть еще до того, как вполне овладел своим младенческим телом, и потому легко мог показаться простодушному народцу одним из них. Карганы видели в нем некое подобие спасителя, который должен был в соответствии с их чаяниями когда-нибудь повести их обратно, в Богатые Земли. И это, со смешком объявил он Дане, превосходно укладывалось в его планы.

Полевка заверещала в предсмертных муках, и Луэркас хихикнул.

— Прекрати, — сказала Даня.

— Да ладно тебе. Это же вредитель. Карганы убивают их, как только заметят, и я не помню, чтобы ты торопилась с протестами.

— Они же не мучают их. И не наслаждаются страданиями бедной твари.

— При этом они не извлекают никакой магической выгоды из смерти бедняжки, а это напрасная трата живой энергии. Я же, убивая мышь, делаю две полезные вещи: избавляю деревню от еще одного вредителя и наделяю себя капелькой энергии, которую ведь не отберешь у Карганов. Или у тебя.

Он повернулся к ней с улыбкой; синие глаза блеснули холодными льдинками, и Даня почувствовала к нему еще большую ненависть. Однако она ничего не сказала, и Луэркас, поглядев на нее недолго, отвернулся и вновь занялся несчастной зверюшкой.

— Скоро мы сможем оставить это место, — сказал Луэркас.

— Оставить?

— Конечно. Скоро мы вернемся в Калимекку.

Даня фыркнула.

— Опять поведешь по снегу через всю тундру.

— Вовсе нет. Мы отправимся по хорошей погоде и прибудем туда с шиком. — Плечи его приподнялись и опустились в жесте пренебрежения. — И тогда ты сможешь отомстить.

Он хихикнул.

— Ты, конечно, заслужила право на месть.

Месть. Ей представились Криспин, Эндрю и Анвин, каждый в луже собственной крови, с воплем испускающие последний вздох. Хорошо бы причинить им такую же боль, уничтожить, погубить их — как они погубили ее. Она посмотрела на указательный и средний пальцы правой руки... точнее, на когти — темные, чешуйчатые, острые. Памятка, свидетельствующая о ее праве лишить их жизни. Все, что с нею произошло, и все, что она совершила, стало следствием их лютой жестокости. И Галвеи, ее собственная Семья, не пожелавшая спасти ее, тоже виноваты перед ней. И еще Луэркас.

Пытки, насилие, облик Увечной, беременность, боль, роды, убийство сына, рабство.

Все это разжигало неистовый гнев в ее сердце и давало силы жить — терпеть каждый новый день. Сейчас она стала рабыней Луэркаса лишь потому, что тогда — раньше — никто не помог ей. И они заплатят за все ее страдания. Все заплатят — не важно как.

Глава 45

Кеит сознавала, что они с Ри уже кое-чего добились. Несколько первых дней талисманы они не размещали... следовало заслужить доверие клиентов и добиться, чтобы весть о них распространилась по всему драконьему гнезду. И подобная стратегия, похоже, оправдала себя. Кеит украшала прически, благодаря за это свое дипломатическое образование, предполагавшее, что на службе ей время от времени придется обходиться без слуг и тем не менее самым достойным образом представлять при этом свое Семейство.

Тогда, во время учения, она воспринимала занятия парикмахерским ремеслом как пустую трату времени. Сейчас же оставалось только гадать, доведется ли ей когда-либо вновь встретить ту женщину, что давала ей эти уроки, извиниться перед ней за прежнее высокомерие и признать свою неправоту.

— Когда что-либо делаешь, делай это хорошо, — всегда наставляла ее мать, а отец добавлял: — Всякое умение когда-нибудь да пригодится.

Тогда она с ними спорила, с юной самонадеянностью полагая, что ее положение в обществе, таланты и ум избавят ее от необходимости когда-нибудь заняться ремеслом прислуги. Извиниться следовало и перед ними, однако подобная возможность не представится ей уже никогда: Дугхалл не сомневался в том, что самые близкие ей люди погибли во время памятного нападения на их Дом.

Теперь она проводила дни на прохладной, продуваемой ветерком веранде возле одного из общественных бассейнов Крепости Драконов, красила чужие волосы или, напротив, лишала их цвета, завивала кудри, распрямляла их, вплетала в прически бусины, драгоценные камни и ленты и украшала головы, воплощая собственные задумки, едва ли способные прийти в голову кому-нибудь, кроме нее самой. Одной из дам она пристроила на голову крошечную клетку с живой певчей птичкой, другой — очаровательную фигурку танцовщицы, вырезанную из слоновой кости. Еще ей приходилось подстригать мужчинам усы и бороды, а также красить и завивать им волосы. Дело ее как будто бы процветало.

По прошествии первой недели она начала помечать своих клиентов талисманами.

С Ри ей удавалось видеться лишь мельком — по утрам, когда она приходила на веранду. А иногда и по вечерам, когда он уже собирался уходить. Они замечали друг друга не больше, чем положено двум незнакомцам, работающим в одном доме. Ри все

время ходил по апартаментам и разминал мышцы Драконам. Кеит отметила, что он также пользуется успехом.

Впрочем, везение их оказалось недолговечным.

Появившись на веранде одним дождливым и серым утром, Кеит вежливо кивнула Ри, как раз шедшему мимо нее в купальню, разожгла жаровню, на которой раскаляла свои щипцы и утюги для лент, расставила горшочки с хной и известью, разложила полотенца, щетки и бритвы, покрыла кончики пальцев расплавленным воском — чтобы талисманы не погружались в ее собственную плоть. Бросив горсточку талисманов в карман рабочего фартука, она еще раз проверила взглядом свои принадлежности, а затем принялась наблюдать, как оркестранты пристраиваются со своими инструментами в дальнем углу — подальше от фонтана. Некоторые из Драконов вставали рано; она уже привыкла начинать работу сразу же после восхода солнца.

Первыми ее клиентами в тот день были мужчины. На сей раз не столь молодые, как большинство тех, с волосами которых ей приходилось работать в предыдущие дни, однако держались они с той же самой надменностью, которую Кеит подмечала у всех без исключения Драконов. Они вели себя так, словно ее здесь не было, — если не считать тех коротких мгновений, когда они приказывали ей. Подобное обращение полностью устраивало ее, и она старалась выказывать им максимальную почтительность. Она стригла и причесывала их, заплетала косичками усы, украшая их лентами или бусами, укладывала волосы крупными волнами, которые предпочитали многие мужчины, прятала появляющиеся лысины. Когда она закончила с мужчинами, из ванн уже вышли несколько женщин, ожидавших теперь своей очереди на скамьях возле фонтана. Заметив, что она освободилась, женщины направились к ней, пересмеиваясь и перешептываясь друг с другом, и мужчины встали со своих мест, но вместо того, чтобы уйти, отошли к краю веранды, пригласив женщин подняться наверх.

Кеит сразу почуяла недоброе: от них исходил запах возбуждения, как от охотника, загнавшего в угол свою добычу. Впрочем, в самой ситуации трудно было усмотреть что-либо необычное... иногда клиенты, с которыми она заканчивала работать, оставались посмотреть, как она будет обслуживать их друзей. Тем не менее сейчас инстинкт предупреждал ее, что дела плохи. Кеит напряглась и придвинулась ближе к своей печурке, щипцам и утюжкам, старательно кланяясь при этом женщинам и умоляя их решить, кто из них будет первой.

Из двери купальни вышла группа мужчин — они остановились возле музыкантов, чтобы послушать их игру.

Из другой двери — той, что вела к фонтану, — вышли еще трое Драконов и неторопливо направились в ее сторону, изображая глубокую занятость беседой друг с другом.

Перед купальней беззвучно остановилась карета, и дюжина солдат в зеленых с серебром мундирах Сабиров помогли укрытому вуалью, изуродованному существу выйти наружу и направиться вдоль по дорожке.

Теперь она была окружена, путь к бегству на улицу перекрыли солдаты. Однако все оставались на местах. Она чувствовала, что враги готовы к нападению, но тем не менее ничего не происходило. Как обычно, одна из женщин уселась в кресло перед Кеит и протянула к ней руку с украшением.

— Вплети эту безделушку в мои волосы, — приказала она. — Так же, как ты пристроила клетку с птичкой на голове Алисоль.

И она подала Кеит изящную сферу, вырезанную из эбенового дерева, хрупкие ребра которой были украшены серебром и рубинами. И на каждом из них красовалась шипастая роза... И в этот миг Кеит вдруг узнала вещицу. Одна из безделушек, принадлежавших ее Семье... Нечто подобное она видела в гостиных или в комнате какой-нибудь из кузин или на столике у одной из многочисленных теток... Но где именно, Кеит не помнила. Однако сидевшая сейчас перед ней светловолосая женщина не принадлежала к Галвеям ни по рождению, ни по браку. И права владеть этой вещью не имела.

Кеит осторожно взяла безделушку кончиками пальцев. И тут же ощутила, как нечто пытается пробиться извне к ее коже, с силой продавливая защитные экраны. Заглянув в глаза женщины, Кеит увидела в них нетерпение, интерес... даже восторг охотницы, которая поразила стрелой добычу и теперь ждет ее падения.

Кеит поежилась, сердце ее участило свой ритм. Сфера была ловушкой и испытанием. Избежав ловушки — а если бы ее не защищали экраны, то связанные со сферой чары уже поглотили бы ее, — она тем самым не выдерживала испытания. Доказывавшего, что она является не рядовой служанкой, а опасным соглядатаем.

Ей оставалось только одно — Кеит опустила шарик в карман фартука, постаравшись при этом захватить кончиками пальцев как можно больше талисманов.

Женщина поднялась.

— Стало быть, ты и есть та самая, — сказала она. — Я так и думала.

Она улыбнулась.

— Ты пойдешь со мной по своей воле, или этим мужчинам придется заставить тебя сделать это?

— Никуда я с тобой не пойду, — ответила Кеит.

— Ты так думаешь?

Мужчины уже начали окружать ее с оружием в руках. Бежать было некуда, а рискнув Трансформироваться сейчас, она попусту выдала бы им свой секрет, способный помочь потом — когда возможность побега станет более реальной.

— Отдай мой шарик, — приказала женщина.

Изобразив нерешительность, Кеит достала безделушку из кармана и вложила ее в протянутую ладонь. И при этом прикоснулась талисманом к руке женщины. Он ушел под кожу мгновенно, и та ничего не заметила.

— А теперь пойдем. Надеюсь, ты не хочешь умереть прямо здесь, а я не обещаю тебе ничего другого, если ты начнешь сопротивляться.

Пряча кончики пальцев, Кеит скрестила руки на груди. На каждом пальце ее прилипли к воску несколько талисманов, и она намеревалась израсходовать все до последнего, однако выбора уже не было. Мужчины шагнули к ней, выставив вперед мечи и кинжалы, и она кивнула:

— Я пойду с тобой.

И вдруг лицо женщины переменилось. Она побледнела и принялась озираться вокруг сперва с изумлением, а потом и с явным ужасом. Наконец лицо ее вновь сделалось равнодушным, однако Кеит уже поняла, что случилось. Теперь глазами этой женщины на нее смотрело другое существо, истинное ее «я», душа, по праву обладающая этим телом.

Кеит кивнула, женщина моргнула в ответ. Там, в лагере, в далеких горах, ее товарищи ожидали от нее новых прикосновений к Драконам, новых возможностей изгнать из захваченной плоти Драконьи души. Истинные обладатели тел помогут ей. Что ж, она попытается выпутаться из этого положения.

И в этот миг знакомый голос за ее спиной проговорил:

— Это и есть Кеит. А Ри сейчас находится внутри, парата.

Ошеломленная, она обернулась. И увидела Валарда, стоящего возле увечного и прикрытого вуалью создания, только что оставившего карету. Существо это открыло свое лицо, и Кеит охнула. То, что некогда было женским лицом, казалось, побывало в плавильной печи. Глаза вытекли, нос превратился в зияющую дыру, рот сделался подобным рваному и кривому шраму; в одном уголке его застыла пренебрежительная усмешка, из другого, обмякшего, сочилась слюна. Из серого пятна на щеке торчал клок шерсти, на лбу щетинились похожие на заостренные зубы чешуи, какие-то кожистые лохмотья лезли наружу из пустых глазниц, топорщились на вялом подбородке и там, где следовало находиться ушам.

Валард улыбнулся — сперва Кеит, а потом стоящему рядом с ним чудовищу.

— Позвольте мне познакомить вас, — предложил он. — Кеит Галвей, перед тобой Имогена Сабир, моя давняя приятельница. Парата Сабир, это Кеит Галвей.

Он усмехнулся.

— Парата Сабир могла бы сделаться твоей свекровью, Кеит... Если бы у тебя и Ри еще было будущее.

Из купальни вдруг донеслись звуки борьбы, и Кеит услышала вопль Ри:

— Кеит, беги!

А потом внезапно наступило глухое и зловещее молчание.

Кеит стремительно ринулась вперед. Нырнув под один нож, она хлопнула по руке державшего клинок мужчины, метнулась к другому, ударила его, бросилась к третьему и вырвалась на свободу. Сразу же повернув к купальне, она жалела лишь о том, что при ней нет оружия. Трансформируясь на ходу, она надеялась, что все-таки сумеет сделать хоть что-нибудь — что угодно, но только чтобы спасти Ри.

— Пусть побегает, — раздался за ее спиной чей-то голос. — Все равно далеко не уйдет.

Она вышла из Трансформации совсем недавно и провела в зверином обличье слишком много времени... тело ее не хотело принимать облик охотницы. Она прыгала вперед на четырех конечностях, щерила зубы, одежда волочилась за ней по полу, и хотя ее охватили гнев и ярость Карнеи — звериное бешенство уже ускользало от нее.

Ри лежал на гладком и белом полу купальни в луже крови, совершенно неуместной в этой изысканной обстановке. В голове его зияла рана, и кровь наполняла воздух своим железистым запахом. Бросившись вперед, Кеит ощутила страх, испытываемый теми, кто стоял перед ней. Оскалив зубы, она прыгнула вперед — чтобы убивать. Сперва ближайшего к ней, потом всех остальных.

Но выпущенные когти вдруг затупились, еще в прыжке сделавшись тонкими и непрочными. Лапы удлинились и превратились в руки, звериная морда, округлившись, вновь стала человеческим лицом; тело вытянулось, возвращая себе первоначальный облик... словом, до намеченной цели долетело уже нечто среднее между зверем и человеком, слишком неуклюжее и неоформившееся, чтобы представлять опасность в том или ином виде. Мужчина ударил ее в висок рукояткой меча, и перед глазами поплыл багровый туман.

Кеит рухнула на пол, всем телом ощутив тяжесть удара. А потом все вокруг исчезло.

Глава 46

Дафриль разглядывал связанные тела, лежащие у его ног. Тело этой девушки — Кеит — он когда-то хотел занять, но теперь, когда она оказалась в его руках, ему даже не пришло бы в голову воспользоваться Зеркалом Душ. Во-первых, потому, что он уже успел потратить изрядное количество энергии и сил на то, чтобы приспособить плоть Криспина Сабира к недалекому уже бессмертию. Во-вторых, перспектива вечной жизни в облике женщины более не казалась ему привлекательной. В-третьих, общение с Зеркалом было связано с немалым риском. Совершенно незачем оставлять уже обжитое тело лишь для того, чтобы обнаружить, что он не может вступить во владение новым.

Грудь девушки слабо вздымалась. Хорошенькая, только слишком уж тощая. Длинные черные волосы ее шелковым ковром разметались по полу. А до того, как она Трансформировалась, чтобы броситься на помощь своему любовнику, они были рыжими и короткими; тело ее постепенно — у него на глазах — возвращало себе нормальные очертания. Наблюдать за этим процессом было не менее интересно, чем испытывать его на себе.

Ему подумалось, что девицу эту можно было бы приручить и держать при себе в качестве игрушки. Однако идею эту пришлось сразу отвергнуть. Он воспользуется ею и ее любовником несколько иначе. И одновременно несколькими способами. Ни один из них не доставит им особого удовольствия, однако этого требовала необходимость.

— Поместите их в клетки, — приказал он. — А когда очнутся, как следует накормите. Они будут голодными.

Кивнув в знак согласия, помощники его поволокли пленников по полу — не проявляя ни малейшей заботы о них. Швырнув одно из тел в прочную, с крепкими прутьями железную клетку, они защелкнули на нем оковы и заперли, а потом подвергли той же процедуре и другого узника.

Дафриль наблюдал, испытывая удовлетворение. Клетки были достаточно прочными, чтобы удержать Карнея — даже полного сил Карнея. А оба они были нужны ему именно здоровыми и полными сил: ибо их жизни и души послужат топливом чарам, которые запустят его машину бессмертия. Всего лишь день работы отделял его теперь от того мига, когда он обретет божественный статус. Глубоко вздохнув, он еще раз поглядел на поверженных врагов. Их сил должно хватить на все то время, пока они будут нужны ему; кроме того, теперь прекратится ужасающее истребление Драконов.

Сама идея растопки чар бессмертия душами врагов, погубивших столь многих союзников его и друзей, весьма нравилась ему.

Однако прежде чем использовать их, следовало выяснить, каким именно образом им удалось нанести весь этот вред. Если они научились выкрадывать души Драконов из тел, это мог начать проделывать и кто-нибудь другой. А он провел целую тысячу лет в созданной собственными руками тюрьме отнюдь не для того, чтобы душу его вырвали из избранного им тела и выбросили назад, в Вуаль, после чего он вновь воплотился бы в теле ничего не помнящего, невежественного, мяукающего младенца.

— Известите меня, когда они очнутся и наедятся, — сказал он тюремщикам. — Мне необходимо допросить их. Но ни при каких обстоятельствах не прикасайтесь к ним и не подходите слишком близко. Эти двое смертельно опасны, хотя по внешнему виду сейчас этого не скажешь.

Он повернулся к выходу из Сердца Цитадели и бросил на ходу:

— Помните: они — оборотни.

Оба тюремщика в негодовании зашипели. Дафриль отвернулся с улыбкой на устах. Хорошо. Теперь оба его пленника не сумеют добиться даже тени сочувствия от приставленных к ним тюремщиками людей. Ненависть калимекканцев к Шрамоносцам сработает в его пользу... теперь пленникам не улизнуть. И он может со спокойной душой вернуться к работе.

Глава 47

— Кеит? Ты слышишь меня?

Шепот был настолько негромок, что обычные человеческие уши не могли бы различить его. Однако Кеит, стряхнув с себя остатки опутывавшего ее забытья, прошептала:

— Да.

— Ты ранена?

— Нет. Голодна, но не ранена. А ты?

— Нормально. Голова моя зажила, пока я... спал. Она еще чуть побаливает, но это пройдет, как только я что-нибудь съем.

— Хорошо. Я люблю тебя. — Разговаривая, Кеит старалась не шевелиться: она чуяла присутствие посторонних в этом просторном помещении. И потому старательно изображала, что находится в бессознательном состоянии, опасаясь шелохнуться или даже вздохнуть чуть громче.

— И я тебя. — Помолчав недолго, Ри заговорил снова: — Не знаю, что ты можешь видеть со своего места, но я попытался чуточку сдвинуться и открыть глаза. Мы в клетке, а вокруг сложены разные предметы Древних. Я видел замок. Мы не сумеем выбраться отсюда, если только у тебя нет чего-нибудь, чем можно распилить металл.

— У меня ничего нет. А нельзя открыть замок какими-нибудь чарами?

— Нет. Замки защищены от воздействия магии.

Конечно же, Драконы позаботились об этом. И на их месте она поступила бы точно так же. Ведь Драконы должны были догадаться, что к исчезновению их собратьев приложили руки именно они с Ри. Посему их обоих надлежало поместить в самый надежный из застенков, находящихся в распоряжении Драконов, запереть их самыми крепкими из замков и отрезать от возможных избавителей самыми сильнодействующими заклинаниями. Умея блокировать действие талисманов, Драконы могли бы помешать Дугхаллу, Хасмалю или Аларисте... воспрепятствовать всем, кого заботила их судьба, увидеть их, беспомощных пленников, с помощью зрительных стекол. А если Драконы не знали, каким образом можно добиться этого, они все равно могли нарушить тонкую связь, поместив узников под мощный экран, чтобы помешать им защищаться с помощью чар.

Не исключено, что сейчас ее и Ри не видит никто из своих и что, невидимые для всякого сочувствующего взгляда, они лишены теперь надежды на помощь. А значит, судьба их находится в их собственных руках.

— Ты еще не придумал способа выбраться отсюда? — спросила она. — Какого угодно?

— Нет.

— Тогда придется караулить и ждать.

— Я караулю первым. А ты спи. Ты Трансформировалась, и тебе нужен отдых. Если что-нибудь случится, я дам тебе знать.

— Я люблю тебя, — вновь сказала Кеит.

Ри негромко усмехнулся.

— Я это знаю. И тоже люблю тебя.

Душа Дугхалла растекалась вдоль тонкой нити энергии, пересекавшей весь известный ему мир и Вуаль за ним, а тело его пребывало в полутьме холодной походной палатки... окруженное почти полным безмолвием, смертельно уставшее и едва находящее в себе силы дышать. Тем не менее его сознание — его личность — глядела сейчас глазами могущественного Дракона на восхитительную серебристую розу, росшую в саду, где было великое множество этих белых цветов. Глаза Дракона не отрыва-

лись от розы, однако он не видел ее; пребывая в восторге, он уединился, чтобы насладиться великолепием момента.

Дугхалл мог бы исторгнуть Драконью душу из неправедно захваченного тела уже сейчас, однако столь праздничное настроение его жертвы сделало старого Сокола осторожным. При необходимости он мог позволить себе подождать миг-другой; опасность, грозившая ему, пока душа пребывала вне тела, была огромной, однако сведения, которые он мог получить от Дракона, оправдывали любой риск.

Поэтому Дугхалл старался ничем не смутить Дракона, и тот так и не заподозрил, что в голове его объявился кто-то другой. Дугхалл видел, как перебирает он в уме картины долгожданного будущего — словно невеста, разглядывающая свадебные шелка и подарки. Видел он и платиновую сферу, плавающую в густой изумрудно-зеленой жидкости, пока какой-то человек заканчивал регулировку. Дракон называл это устройство машиной бессмертия и нисколько не сомневался в том, что отладка механизма будет закончена именно сегодня. Кроме того, Дугхалл извлек из памяти Дракона изображения сложных агрегатов, уже размещенных на башнях Древних, что высились посреди города... именно этими механизмами, как он понял, Драконы интересовались, расспрашивая Яна с Хасмалем, когда те изображали торговцев. Все важнейшие устройства уже стояли на своих местах. Можно было добавить еще кое-какие, однако их наличие не являлось обязательным.

И наконец Дугхалл был вознагражден за терпение: он увидел быстро промелькнувшее изображение Кеит и Ри... окровавленные и без сознания, они были помещены в тесные клетки, запертые замками и чарами. Восторги Дракона звенели в уме Дугхалла. *Машина готова, технотавматары уже на местах. Жертвы, нужные для запуска, ожидают в клетках. Сегодня мы станем богами.*

Дугхалл узнал все необходимое. И теперь он ворвался в тело Дракона, расширяясь и разворачиваясь... потеснив душу Дракона, он ослабил ее связи с краденым телом. И рыкнул, обращаясь к Дракону: *Ты никогда не станешь богом. Клянусь собственной душой, ты больше не причинишь никому зла, Дракон.*

Хасмаль был недвижимым центром кружащей вокруг бури. Застывший, точно камень, он обратил свой взгляд внутрь себя, не размыкая связи и с внешним миром... едва дыша, почти не замечая людей вокруг, не произнося даже слова. Он сидел напротив Дугхалла, другого средоточия той же самой бури, и лишь иногда бросал взгляд на Аларисту, следившую за всеми зрительными стеклами, на Янфа и Джейма, переносивших указанные ею стекла к нему самому или Дугхаллу, и на добровольцев — убирав-

ших каждое использованное крошечное зеркало. Но ни он, ни Дугхалл не двигались с места.

Медленно заполняли они зеркала душами Драконов. Прослеживая каждую из них по силовым линиям, соединявшим двоих Соколов с их врагами, они смотрели их глазами, в надежде увидеть что-нибудь, что могло бы поведать им о том, куда поместили Кеит и Ри, или о том, что случилось с ними. А после этого нужно было быстро задействовать чары, возвращавшие в тело его законного владельца, исторгавшие из плоти смертоносного захватчика-Дракона и отправлявшие его в уже ожидающее кольцо.

Однако Аларисте совсем не нравилось пропускать чуждую душу сквозь собственное тело, чтобы отправить ее в приготовленную ловушку; однажды она попробовала, и Дракон едва не вытеснил ее душу из плоти, овладев ею; спасло ее только то, что Дугхалл и Хасмаль были наготове во время этой попытки и, погрузив в ее тело талисман, соединенными усилиями изгнали чудовище. Ни Джейм, ни Янф не обладали достаточным мастерством, чтобы накладывать заклятия и посылать их на большое расстояние. Хасмалю же не хотелось взваливать всю тяжесть этой изнуряющей работы на плечи Дугхалла, хотя старик, вне всяких сомнений, принял бы ее. Кожа Дугхалла приобрела пепельно-серый цвет, ногти его и губы побелели, а веки закрытых глаз покраснели от перенапряжения. Если Хасмаль просто трепетал, то Дугхалла била дрожь. Хасмалю казалось, что старик в конце концов не выдержит этой непрерывной битвы с невидимыми врагами, и тогда ему придется выручать Дугхалла. И в этом случае лишь он, Хасмаль, будет в состоянии продолжить уничтожение соединенных с талисманами Драконов, чтобы спасти Ри и Кеит.

— Ты обнаружила их? — спросил Янф у Алариста. Краешком сознания Хасмаль уловил его вопрос и позволил этой малой части себя дождаться ответа. Все остальное внимание его было обращено к Дугхаллу, запиравшему в кольцо очередного из помеченных Драконов.

— Нет, их зрительные стекла по-прежнему остаются темными.

— А ты не видела их чьими-нибудь глазами?

— Пока нет. Но я надеюсь на это. Некоторые из помеченных все время передвигаются. Они встречаются с другими и проявляют признаки волнения. Я с трудом слышу, что они говорят: некоторые связи слабы. Один из них, по-моему, занят ворожбой и работает над каким-то предметом.

— Это плохо.

— Понимаю. И предмет этот беспокоит меня куда больше, чем все остальное.

Глаза Дугхалла наполнились влагой, боль исказила его лицо. Дыхание старого Сокола участилось, а доселе закрытые глаза вдруг распахнулись. Зубы его беззвучно оскалились, и встревоженный Хасмаль сконцентрировал все свое внимание на старике. Дракон яростно сопротивлялся, и Дугхалл, похоже, проигрывал битву.

Подцепив талисман покрытым воском кончиком пальца, Хасмаль выжидал.

Пальцы Дугхалла согнулись крючьями вокруг крошечного зеркальца, стоявшего перед ним на полу.

Хасмаль ждал, готовый вступить в битву... слова соединяющего заклятия уже были сказаны, смысл их оставался в его памяти, надлежало лишь произнести последнюю фразу.

— Вот так, — оскалился Дугхалл, и из груди его вырвалась световая спираль, сразу же начавшая погружаться в золотое кольцо.

— Стражи, приготовьтесь, — приказала Алариста, и солдаты, находившиеся в задней части палатки, обнажили клинки. Хасмаль старался не замечать их, пытался не думать о том, для чего они вообще здесь присутствовали. Однако сейчас их мечи были направлены в сторону Дугхалла, и не видеть этого он уже не имел права. Душа, ушедшая в кольцо, могла и не принадлежать Дракону. Хасмаль и Дугхалл успели обсудить вероятность того, что кто-либо из Драконов сумеет изгнать их собственные души — и не в Вуаль, откуда, по мнению обоих Соколов, ее еще можно было бы извлечь, а в это не имеющее выхода Зеркальце. Если Дракон сумеет вытеснить душу одного из них в зеркало, она уже не сможет вернуться назад. Тогда Дракон получит в свое распоряжение его плоть... а ожидающим наготове солдатам придется убить чудовище, умертвив тело.

«Дай же знак, старик», — безмолвно молил Хасмаль.

Солдаты смотрели на него, ибо лишь он один мог объявить тревогу ложной или приказать пронзить мечами тело Дугхалла.

Исходящий из груди старика поток света становился все ярче, и наконец сердцевина крошечного зеркальца вспыхнула. Внутри кольца засветился и закружил вихрь — быстрый, словно водоворот, и яркий, как маленькое солнце.

«Знак. Дай знак, что ты остался самим собой».

Дугхалл вновь оскалился, и тело его задрожало. Свет, истекавший из груди его, угас. Стоявшие позади него солдаты, сжимая в руках оружие, вглядывались в лицо Хасмаля круглыми испуганными глазами, телами их владело напряжение неопределенности.

«Дай же знак...»

Подавшись вперед, Дугхалл промолвил:

— Даже самый мерзкий из врагов может наделить тебя сладчайшим из даров. Теперь я знаю, где находятся Ри и Кеит и что собираются сделать с ними Драконы.

Хасмаль смотрел старику в глаза... это были глаза человека, в котором он привык видеть друга. Из них не выглядывал чужак.

— Все в порядке, — сказал он солдатам, и те вложили мечи в ножны и отступили. Опустившись снова на пол, они принялись перешептываться и нервно посмеиваться.

Дугхалл выпрямился и стер пот со лба тыльной стороной руки. А потом повернулся к Аларисте, Янфу и Джейму:

— Принесите мне все остальные зрительные стекла. Я хочу знать, не находится ли сейчас кто-нибудь из Драконов там, где заточены Кеит и Ри, и занят ли сейчас кто-нибудь из них чарами, обеспечивающими бессмертие.

Потом он взглянул на Хасмаля:

— Времени уже почти нет. Они собираются связать души Кеит и Ри с заклинанием, запускающим их машину. Эти чары уничтожат их обоих — и не только здесь, в этой жизни, но и в вечности. Они исчезнут навсегда. Я хочу сейчас найти Дракона, который приглядывает за ними. Тебе придется изгнать его из тела и убедить истинного хозяина этой плоти выпустить Кеит и Ри из клеток. А я пока отыщу Дракона, который занят машиной бессмертия, вытесню его из тела и уговорю законного владельца разбить мерзкую штуковину.

— Тогда мы не сумеем проследить друг за другом, — возразил Хасмаль. — Мы не сможем помочь друг другу, если кто-нибудь из нас окажется слабее Дракона.

Он не стал даже упоминать о том, что Дугхалл израсходовал почти все свои силы и теперь был утомлен настолько, что следующий Дракон непременно одолеет его.

— У нас нет времени, — снова сказал Дугхалл. — Если мы не сумеем остановить их сейчас, то едва ли сможем сделать это когда-либо еще.

Хасмаль видел в глазах Дугхалла понимание собственной обреченности. Старик был уверен, что идет на верную смерть, но тем не менее не желал останавливаться на полпути.

Алариста, Джейм и Янф принесли зрительные стекла. Дугхалл расставил их на полу между собой и Хасмалем и повернулся боком, так чтобы оба они могли видеть все, что показывали стекла. Он долго всматривался в них, а потом вдруг резко выдохнул. В руках его оказалось зрительное стекло, на котором пара рук, вооруженная инструментами, работала с каким-то сложным механизмом.

— Этот будет моим, — сказал Дугхалл.

Потом он принялся рассматривать прочие изображения. Хасмаль наблюдал столь же внимательно.

— Смотри, — прошептал он вдруг, указывая на одно из зеркал.

С помощью пары чужих глаз они увидели Яна в мундире стражника — сурово нахмуренный, он шел по длинному белому коридору.

Дугхалл, прищурясь, поглядел на изображение и кивнул:

— Я вижу его.

— Жаль, что мы не можем убить предателя прямо сейчас.

— Не можем, — согласился Дугхалл. — Ищи того, на кого нужно повлиять в первую очередь.

Он смотрел теперь на Криспина Сабира, одетого совсем не так, как тогда в гостинице, но тем не менее спутать его с кем-либо другим было невозможно.

Пара глядевших на Дракона глаз на короткий миг обернулась к клеткам — на мгновение те промелькнули в поле зрения наблюдателей. Клетки тут же исчезли, и Хасмаль спросил:

— Этот, как по-твоему?

— Он был возле клеток, — ответил Дугхалл, — но сейчас, похоже, собрался уходить.

— Тогда нужно побыстрее вытолкнуть его в кольцо.

— Он сейчас находится возле Криспина Сабира, — а тот, несомненно, один из самых опасных наших врагов.

— Но ему известно все, что нам необходимо узнать.

— Ты прав. — Дугхалл кивнул. — Приступай, и пусть Водор Имриш поможет тебе.

— И тебе.

Краем сознания Хасмаль отметил, как солдаты заняли свое место позади них с Дугхаллом, как придвинулись ближе Алариста, Янф и Джейм. Они будут следить за переменами в его облике и отдадут приказ солдатам, если телом его завладеет чужая душа, и тогда принадлежащая ему плоть погибнет...

Переступив через обволакивающий его страх, он погрузился в транс, позволявший отправиться в путь вдоль тонкой энергетической ниточки, которая соединяла его с помеченным телом. Хасмаль произносил слова заклинания, но теперь он воспринимал их не как звуки, а как тропу, подводившую его все ближе и ближе к врагу, с которым надлежало вступить в поединок.

И вдруг тьма, окружавшая его, рассеялась, и он огляделся вокруг — теперь уже чужими глазами. Он шел рядом с Криспином Сабиром — так близко, что мог бы вонзить нож в его спину. Однако тело это не станет повиноваться ему. Хасмаль мог только видеть то, что видели глаза другого, слышать то, что он слышал, ощущать то, что он ощущал, и знать то, что было известно тому... однако он не мог заставить его повиноваться себе.

— Странно, — сказал вдруг человек, в тело которого он вошел.

— Что странно? — Криспин, хмурясь, поглядел на него.

— В глазах у меня все вдруг задвоилось, и я — клянусь — услышал голос, прозвучавший в моей голове. Но это длилось только мгновение. — Дракон нервно хихикнул.

Заткнись, заткнись, заткнись немедленно, безмолвно кричал Хасмаль, приступая к заклинанию, которое должно было сфокусировать его энергию и позволить ему исторгнуть Драконью душу из захваченного тела. Он обратился к душе законного хозяина тела, вызывая ее из Вуали. Быстрее. Ему следовало поторопиться.

— Стой на месте, — приказал Криспин, блеснув холодными и беспощадными глазами. — Стой на месте и не шевелись.

Завершив заклятие, призывающее из тьмы душу хозяина тела, Хасмаль попытался забыть о поглощающем его страхе. Если он сохранит спокойствие и не будет отвлекаться, то сможет выдернуть из тела дух Дракона даже под носом у Криспина, а исторгнутая из него ранее душа вновь обретет свою плоть и, возможно, человек этот сумеет убить Сабира.

Однако Хасмаль почему-то не улавливал знакомого волнения души, возвращающейся в собственное тело, ее теплой благодарности, надежды на то, что все теперь вернется на круги своя. На зов его никто не отвечал. И захватившая тело душа не ослабила своей хватки.

Он велел себе сконцентрироваться еще сильнее и до предела ослабил связь с собственным телом. Кеит и Ри могли быть спасены только в том случае, если он сумеет вернуть в это тело принадлежащую ему душу, а потом уговорит пришедшего в себя человека сперва освободить Кеит и Ри и только потом уже бежать из Драконьего города.

— Быстро... говори, где ты был сегодня, — приказал Криспин.

— Нас вызвали из казарм на специальное задание. Мы должны были задержать этих оборотней...

— И что произошло, когда ты был на задании?

— Я преградил путь девице, она хлопнула меня по руке и убежала. — Он пожал плечами. — Она не причинила мне боли, даже не пыталась этого сделать. Тогда это показалось мне странным, но я не стал задумываться. Их обезвредили другие. Потом я охранял дверь, за которой находятся их клетки, господин.

Господин? С чего это вдруг Дракон называет подобного себе господином? И откуда у него такое грубое, откровенно портовое произношение?

И в этот миг все стало понятным. Душа не пришла на зов потому, что ее никто не изгонял из тела. Кеит пометила талисманом охранника, а не Дракона... солдата, вызванно-

го из казармы. Оторвавшись от его тела, Хасмаль устремился обратно, по тонкой ниточке, связывавшей его с собственной плотью.

Тем не менее, когда Криспин прикоснулся к телу солдата, Хасмаля словно ожгло. Нечто уродливое и огромное помчалось по энергетической струне, преследуя его. Он несся, возвращаясь в свою плоть, а на него накатывало что-то жаркое, тяжкое и разъяренное... оно разрасталось, раздувалось, поглощало все вокруг, расходуя *его собственную* энергию и жизненную силу на эту погоню.

Хасмаль прыгнул в свое тело, распахнул глаза и тут же начал возводить экран, чтобы защититься от преследующей его твари, и все-таки он опоздал. Созданное чарами чудовище, охотник, посланный Криспином следом за ним, уже находился внутри экрана, который не позволит Аларисте, Джейму или Янфу хоть как-то помочь ему!

— Он поймал меня! — завопил Хасмаль.

Солдаты взметнули клинки, ужас исказил черты Аларисты, и в это мгновение огонь поглотил Хасмаля, боль охватила глаза его, нос, рот и уши, устремляясь через них прямо в мозг, а мир хлестнул навстречу жаркой струей, словно объятый пламенем океан вдруг встал на дыбы и обрушился на него всей своей тушей.

Огненный поток растягивал, скручивал и вертел его. Хасмаль понимал, что отчаянно вопит, однако не мог слышать ни звука, рождаемого измученной глоткой. Он метался, пытался вырваться.

И вдруг боль исчезла, и он остался один в темноте — холодный, слепой и глухой.

Первым появился слух.

— ...не знаю, способен ли ты уже слышать меня, поэтому когда сможешь, кивни головой... Я жду... — До Хасмаля донесся протяжный и недовольный вздох. Спустя некоторое время голос снова произнес: — Начнем еще раз. Мое имя Дафриль и я поймал тебя. И теперь ты скажешь мне все, что я хочу узнать, раньше или позже, но я уверяю тебя, сотрудничеством со мной ты заслужишь себе более легкую участь. Я не знаю, слышишь ли ты меня прямо сейчас, но слух скоро должен вернуться к тебе, а потому искренне советую кивнуть, когда это произойдет. Терпение мое заканчивается, и я вот-вот начну тебе загонять булавки под ногти, потому что уже перестаю верить в то, что ты по-прежнему ничего не слышишь после Перехода... признайся, ты ведь просто не хочешь помочь мне. Но ты не сможешь бежать отсюда, не сможешь и защитить себя, а потому расскажешь мне все, что знаешь.

Жестокая правда обрушилась на Хасмаля. Он не только не сумел добыть для Кеит и Ри хотя бы шанса на спасение, но и сам оказался в руках врага. Он подвел своих друзей, обрек на горе Аларисту... он погубил весь мир и себя самого.

Открыв глаза, он поймал холодный взгляд Криспина Сабира и обнаружил, что привязан к столу: запястья и кисти его удерживали тонкие ремешки, широкие и прочные кожаные полосы перехватывали грудь и колени. Дафриль, так назвал себя голос, но в комнате находился лишь Криспин Сабир. Значит, Дракон, захвативший тело Криспина, назвал свое истинное имя.

Дафриль.

Хасмаль впал в отчаяние. У него не было оружия, он не мог сопротивляться: враг настолько плотно укрыл его экраном, что Хасмаль не мог ощутить движения магии в собственном теле... друзья даже не узнают, что произошло с ним. Он никогда больше не увидит Алариста, не заключит ее в свои объятия, никогда более не признается ей в любви, не скажет, что короткое время, проведенное ими вместе, позволило ему познать всю полноту жизни. Он умрет, понимая, что причинил ей сильную боль, зная, что не оправдал ожиданий друзей.

И вдруг он почувствовал слой воска на кончике пальца. И на нем, как помнил Хасмаль, находился талисман, приготовленный для того, чтобы вжать его в кожу Дугхалла, если Дракон захватит тело старого Сокола. Талисман этот уже был присоединен к зрительному стеклу, стоявшему перед Дугхаллом, и должен был ожить сразу, как только погрузится в живую плоть... Тогда Дугхалл, Алариста, Янф и Джейм увидят его и получат возможность пленить Дракона, главенствующего, по мнению Дугхалла, над всеми остальными.

Хасмаль едва не улыбнулся.

«Подойди-ка поближе, Дафриль, — подумал он. — Чуть-чуть поближе. У меня для тебя найдется сюрприз».

Глава 48

Алариста глядела на умелые руки, в одном из зрительных стекол ловко орудовавшие над сложной машиной... вдруг, забыв про работу, они схватили молоток и разбили устройство на куски. В другом стекле Дракон Криспин повернулся к стоявшему возле него мужчине, и все вокруг него вдруг озарила ослепительная вспышка невероятно яркого света. Охваченный обжигающим сиянием Хасмаль исчез из палатки, а стекло, через которое она наблюдала за Криспином, разом потемнело: человек, чьими глазами она наблюдала за происходящим, или ослеп, или умер.

— Этого не может быть! — закричала Алариста. — Таких чар не бывает!

Янф опустил ладонь на ее плечо, и Алариста ощутила, что рука его дрожит. Рука Янфа, рубаки, не знающего страха в бою.

— Это чары Драконов. И тебе не известно, на что они способны, — сказал он.

Глядя на место, где только что был Хасмаль, она поняла, что Янф прав. Так какие же ужасы могут еще учинить Драконы, если они не сумеют остановить их?

Дугхалл уже возвратился после успешной битвы с Драконом, работавшим над машиной бессмертия, однако крайнее утомление заставило посереть его кожу, а охватившая старика слабость не позволяла ему даже сидеть. Он лежал на полу, рассеянно моргая, и никак не отреагировал, когда Алариста рассказала ему о том, что Драконы каким-то образом захватили Хасмаля.

Согнувшись над зрительными стеклами, она пыталась найти какую-нибудь зацепку, которая могла бы дать ей шанс помочь Хасмалю, Ри и Кеит. Пелена, прежде закрывавшая от них этих двоих, исчезла, и Алариста видела теперь в их зеркалах то, на что смотрели они сами; однако это ничего не давало Аларисте. Лежа в своих клетках, они наблюдали друг за другом. Время от времени где-нибудь на краю их поля зрения появлялась охрана, однако стражники не приближались к ним, и Ри с Кеит смотрели лишь друг на друга. Наконец Алариста поняла, что узники разговаривают, и делают это с предельной осторожностью, даже не шевеля губами. Слов их она не могла разобрать. А глаза их оставались почти закрытыми, так что оба они могли показаться спящими.

Алариста заглянула в другие зрительные стекла. Ничего нужного. Даже интересного. Просторные белые залы, элегантные шелка, изящные фонтаны, длинные коридоры и утопающие в зелени сады... Красивые вещи и помещения. Прекрасные, но ничего не говорящие ей.

Ей хотелось перебить эти стекляшки, с воплем броситься из палатки под тепло голубеющего весеннего неба; ей хотелось схватить кого-нибудь — кто попадется — за грудки, встряхнуть и потребовать, чтобы ей немедленно вернули Хасмаля. Но она приказала себе сохранять спокойствие, велела разуму быть терпеливым и продолжала наблюдать. Что-то непременно случится... теперь или чуть позже. Что-нибудь да изменится, и если она будет ждать, терпеливо и внимательно, то сумеет вовремя уловить нужный момент и приступить к действиям.

Кеит услышала голоса, доносившиеся от двери.

— Ты опоздал. Мы ожидали смену еще полстоянки назад. — Стражники уже давно жаловались на то, что смена

запаздывает, и даже хотели отрядить кого-нибудь из них двоих, чтобы выяснить причину задержки. И тот из них, что говорил сейчас, пребывал уже в состоянии крайнего негодования.

— Так сержант приказал. Капитан что-то напутал в списке нарядов.

— А мы думали, что придут Ровел и Спидман.

— Я тоже так думал. Я считал, что сегодня у меня выходной, но ваших постоянных сменщиков отправили на стену и забыли назначить других. Так что мне пришлось бежать всю дорогу сюда. — Такого хриплого голоса Кеит еще никогда не приходилось слышать. Она решила, что солдат либо болен, либо у него какие-то неполадки с голосовыми связками.

— Но мы считали, что сюда всегда посылают двоих.

— Мы все тут многое считали, только вот ничего не получили... ни золота, ни повышения, ни новых красивых мундиров. Меня только сегодня перевели из роты «Молния», и не успел я поставить сундучок под койку, как меня уже определили сюда, да еще и без напарника, и, клянусь богами, мне это совсем не нравится. Мне сказали, что я буду охранять оборотней. Я лично вместо этого предпочел бы получить дурную, проклятую богами болезнь, только капитан не спрашивал, чего я хочу. Какие-нибудь неприятности с ними были?

— С этими? Не. Пожрали еще до нас, а всю нашу смену продрыхли. Только не подходи к ним, и все будет в порядке. А напарник тебе будет нужен только затем, чтоб не уснуть.

— Хорошо, если так. Может быть, и мне повезет, как и вам. Кстати, капитан велел передать вам записку.

Зашелестела разворачиваемая бумага, а потом послышался недовольный голос:

— Яйца Бретвана! Иган, эти сукины дети приказывают нам отправляться ужинать, а потом сразу отсыпаться в казармы, и чтоб к Хульд мы опять заступили на дежурство.

— К Хульд?! Значит, нам дали только две стоянки на еду и сон!

Новый стражник сочувственно повторил:

— Я ж говорил, что у капитана в списке дежурств все перепутано.

— На хрен засранца! Ослиная жопа, иначе и сказать не могу.

И стражники, караулившие Кеит и Ри с полудня до вечера, отправились прочь, громко браня своего капитана и его скудоумие. Когда они ушли, в помещении воцарилась тишина, но ненадолго. Звуки приближающихся шагов заставили кожу Кеит покрыться мурашками.

— Он уже рядом, — прошептал Ри. — Идет, опустив голову и пряча лицо. С ним что-то не так, но что именно, я еще не понял...

И вдруг, зарычав, он поднялся на колени, распрямившись ровно настолько, насколько позволяла тесная клетка.

— Только подойди поближе, и я убью тебя, — выдохнул Ри.

Кеит повернулась, готовясь к встрече с неизбежным.

Перед ними стоял Ян в мундире стражника, кожа его отливала цветом красного дерева, темные волосы щетинились над черепом; он приближался решительным шагом, что-то пряча в руке.

Страх охватил ее, и сердце Кеит отчаянно забилось. Ян мог спокойно убить и ее, и Ри, беспомощных в этих тесных клетках. Вопрос заключался лишь в том, кого из них двоих он ненавидит сильнее и кто, Ри или она сама, может попытаться отговорить Яна от осуществления задуманного им.

Ян посмотрел на Ри свирепыми глазами.

— Перед тем как отправиться сюда, я оставил вам, идиотам, записку о том, что нашел способ помочь нашему делу. Но, когда я вернулся в гостиницу, вас уже не было там, и я не слышал о вас вообще ничего, пока не узнал от охраны, что в Цитадели взяли парочку оборотней. И до сих пор я торчу здесь, работаю в этом аду, изображаю верность Драконам, чтобы доказать свою преданность им, делаю то, о чем лучше вообще не вспоминать, и все время жду, когда же вы наконец проберетесь сюда за этим проклятым Зеркалом!

— Но сейчас не время для разговоров, — продолжил он непривычно хриплым голосом. — Я все устроил так, чтобы никто не помешал нам, но один из Драконов может в любой момент заявиться сюда. Сейчас мы идем к Зеркалу Душ. А потом уходим втроем, если ничто нам не помешает.

— В... втроем? — прошептала Кеит.

Она взглянула на Ри, потрясенного в неменьшей степени, чем она сама.

Ян посмотрел на нее, с поспешностью пряча боль, на миг проступившую на его лице.

— Да, втроем. Ты сделала свой выбор... ты ведь любишь его, так?

— Да.

Кивнув, Ян вставил ключ в замок ее клетки.

— Получается так: я спасаю тебя, потому что люблю. — Цепь, удерживающая дверь клетки, негромко зазвенела, пока Ян возился с замком. — А его я спасаю... тоже, потому что люблю тебя.

Пожав плечами, он постарался уклониться от ее прямого взгляда.

— Ты жертвуешь собой, чтобы помочь нам? Мне?

— У нас нет времени на разговоры, — выдохнул он. Сердце ее заныло. Как жаль, что она не может полюбить его. Или разорваться пополам, чтобы одновременно быть и с Ри, и с Яном, не предавая ни того, ни другого... или вернуться в прошлое и сделать

все, чтобы избежать встречи с Яном, или найти способ облегчить его боль. Все благородство его поступка открылось перед ней в те недолгие мгновения, пока Ян отпирал замок ее клетки.

— А почему ты пришел сюда? — спросила она. Замок звякнул, и цепь, загремев, свалилась на пол. Ян немедленно поспешил к клетке Ри и занялся ее запором. Выбравшись наружу, Кеит потянулась.

— К вам? Или к Драконам? — уточнил Ян.

— Мне хотелось бы узнать и то, и другое.

— Я придумал способ раздобыть Зеркало Душ. Я знал, что оно нужно тебе. И поскольку ты... — Он опять пожал плечами. — Поскольку ты выбрала другого, я решил, что вправе уйти. Я предложил свои услуги Сабирам, точнее Криспину, наговорив ему целую кучу лжи о том, как хочу поквитаться с тобой, и он поставил меня командовать соединенными силами Сабиров и Галвеев. Потом... потом мне пришлось совершить кое-какие поступки, о которых не хочется вспоминать, чтобы убедить его в том, что я именно таков, каким ему представился. Люди умирали по моему слову и от моей руки. Отнюдь не невинные младенцы, но все же не совершавшие того, в чем я обвинял их.

Дверь клетки Ри распахнулась, и Ян посторонился, пропуская сводного брата на свободу.

— Идите за мной. До Зеркала отсюда не близко, а времени у нас мало.

И он вывел их из-под сводов сказочного зала в коридор. Лишь бледный свет луны, пробивавшийся сквозь люки под потолком, кое-как разгонял здесь тьму.

— Сюда.

Безмолвно они следовали за ним. Кеит несколько раз слышала, как кто-то движется в комнатах, мимо которых они проходили, а один раз ей и Ри пришлось быстро укрыться в одном из пустовавших помещений, пока Ян оставался в дверях, все равно что невидимый в своем мундире стражника. Они молчали, пока не оказались на длинной, винтовой лестнице, уводившей в подземелье под белым городом. Достав ключ, Ян отпер одну из дверей, а потом набрал сложную комбинацию кнопок, чтобы открыть следующую.

— Сюда.

Следуя за Яном, Кеит и Ри вошли в узкую комнату, освещенную тысячью крошечных фонариков, похожих на круглые, гладкие, сияющие камешки, вделанные в потолок. Зеркало Душ венчало собой возвышение в самом центре комнаты — оно было темно и казалось безжизненным.

— Как же нам выбраться отсюда? — спросила Кеит.

— Мой друг и крытая повозка ждут нас у Южных ворот Цитадели. Прежде чем отправиться за вами, я послал ему весточку. Он будет ждать нас целый день.

— Тогда нам остается только придумать способ незаметно пронести Зеркало мимо Драконов.

— Я надеялся, что ты сумеешь заэкранировать его так, как сделала это на шлюпке, когда мы бежали с «Сокровища ветра».

Кеит взглянула на Ри.

— Я могу это сделать. Но мы слишком ослабели, так что придется потратить некоторое время, чтобы сделать все как надо.

Ян посмотрел сначала на нее, потом на Ри.

— Только поторопитесь. Каждую стоянку они проверяют, на месте ли Зеркало. Я могу убить проверяющего, но если он не доложится вовремя, сюда придут и другие.

Глава 49

Хасмаль не сказал Дафрилю ничего из того, чего тот добивался от пленника, однако у него уже не осталось сил, чтобы изображать безразличие. В самом начале пыток он погрузился в медитативный транс, привычный для него во время ворожбы, однако сейчас, надежно укрытый экранами Дафриля, он не имел доступа к чарам. Он вынес жуткие муки, находясь рядом со своим телом и наблюдая за тем, что вытворялось над ним — как сторонний, ни в чем не заинтересованный наблюдатель.

Однако боль вдруг сделалась слишком сильной, и Хасмаль не мог более входить в транс. Он вновь соединился со своим телом, изрезанным ножом и покрытым ожогами от раскаленного железа. Боль уже не отпускала его, и он не мог теперь избавиться от проникающего в мозг негромкого и самодовольного голоса Дафриля.

— Вижу, ты снова вернулся ко мне, — проговорил тот. — Отлично. Теперь процесс пойдет значительно быстрее. Должен сообщить тебе, юный Сокол, что сломал не одну сотню таких, как ты... запомни: не одну сотню. Причем людей более крепких, чем ты, и полностью овладевших магией Матрина. Словом, ты скажешь мне то, что я хочу узнать.

Дафриль сохранял дистанцию и держался слева. Талисман на правом пальце Хасмаля все еще ожидал нужного момента, поскольку Дафриль ни разу не приблизился к его руке. Он должен как-нибудь приманить его...

Острая боль пронзила ребра Хасмаля, и кожа его зашипела. С отчаянным воплем на устах Хасмаль задергался, пытаясь вырваться из удерживавших его пут.

Дафриль вздохнул.

— Вот видишь? Больно... а ведь ты не настолько силен и отважен, как тебе кажется. Поэтому помоги мне, и я помогу тебе. Расскажи, как ты со своими друзьями крал души моих товарищей.

Мысли Хасмаля заметались. Он уже успел придумать с полдюжины отговорок, однако все они казались неубедительными и неправдоподобными даже ему самому... а если он заговорит, Дракон все равно не перестанет его мучить, чтобы проверить, совпадут ли его слова, сказанные сейчас и потом, после новых истязаний.

Хасмаль отвернулся.

— Посмотри на меня.

Хасмаль упорно глядел вправо, пытаясь найти способ спасения, всеми силами стремясь привлечь Дафриля к руке с талисманом.

— Повернись ко мне, сволочь.

Жгучая боль вспыхнула на сей раз с внутренней стороны бедра.

Хасмаль завопил и задергался, но упорно не поворачивал лицо к Дафрилю. Это помогло.

— Я вполне могу подойти к тебе и с этой стороны, — заметил Дафриль. — Ты ничего не выиграешь, тупица.

Сердце Хасмаля подпрыгнуло от восторга. Ага, подумал он. Подходи, будь добр.

Дафриль с ножом в руках наконец-то появился справа от него.

— Смотри сюда... я могу выколоть тебе глаза, отрезать уши и нос, оторвать яйца... содрать с тебя всю кожу, если потребуется. Мне нужно от тебя только одно: чтобы твой язык находился в работоспособном состоянии.

Твердо встретив его взгляд, Хасмаль сумел ухмыльнуться. Так вот какова она, отвага: находясь в руках врага, перетрусивший, он держится лишь ради своей любви к Аларисте, ведь если он даст волю своему страху, он погубит ее.

Не в том ли разница между трусостью и отвагой, подумалось ему, что храбрый человек любит кого-то другого, а для труса существует лишь он сам. Если это так, то все люди время от времени становятся храбрецами, а иногда бывают и трусами. А может быть, подумал он, храбрость постоянно трепещет внутри нас, тонкая, хрупкая, словно нить, всегда готовая порваться или оказаться унесенной самым слабым ветерком... а может, существует и другая, высшая разновидность отваги: наполняющая все твое нутро беззаветным огнем, защищающим сознание от ужаса. Если такая отвага существует, то неплохо бы заполучить хоть час-

тичку ее... ибо он был настолько испуган, что сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

— Упрямая скотина. Я бы на твоем месте сдался.

— Ты — не я, — прошептал Хасмаль.

— Так как вы это делали? — Дафриль наклонился ниже, чтобы расслышать слова Хасмаля. Пора, подумал пленник.

— Я скажу тебе, — прошептал он еще более тихим голосом. Придвинувшись, Дафриль нагнулся еще ниже.

— Громче, — велел он. — Говори громче.

Теперь он был там, где нужно, и Хасмаль прикоснулся указательным пальцем к ноге Дафриля. Легкая вибрация засвидетельствовала, что талисман оторвался от пальца и перешел в ткань брюк его мучителя.

Через какой-то миг Алариста и Дугхалл увидят его глазами Дафриля, Дугхалл войдет в тело и вытеснит из него Дракона, заперев самого главного их врага в крошечном зеркальце, одном из тех, что ждут своего мгновения на полу палатки. Тогда он будет спасен... если только сумеет продержаться до тех пор, когда друзья придут ему на помощь.

— Мы нашли способ изготовить собственное Зеркало Душ, — прошептал он.

Глаза Дафриля сузились, и он провел пальцем вдоль окровавленного лезвия ножа.

— В самом деле? Рассказывай дальше.

Глава 50

Они несли Зеркало Душ по темным подземным коридорам Цитадели Богов... не смеющие дышать, испуганные, но и ликующие. Кеит все время хотелось закричать или как-нибудь еще выказать свое презрение к Драконам, ничего еще не подозревающим и расхаживающим по белым улицам над их головами. «Мы нашли его, — с восторгом думала она. — Нашли, выкрали, а теперь вынесем отсюда и уничтожим».

— Сколько еще? — Ри, самый сильный из троих, взвалил на себя основной вес: он пристроил Зеркало себе на спину и нес, держа за пару лепестков. Кеит и Ян шли позади, придерживая треножник. На взгляд Кеит, двигались они достаточно быстро и все-таки шагали по этим тайным коридорам уже довольно долгое время.

— Ты уже видишь впереди разветвление коридоров? — спросил Ян.

— Здесь тройная развилка.

— Идем влево. Коридор сразу же начнет подниматься и вновь разветвится. Правая ветвь ведет в караулку у боковых ворот Цитадели. Того, кто окажется там на дежурстве, придется убить. Мой друг с повозкой будет ожидать нас возле конюшни на той стороне улицы.

— Я уже чувствую запах свежего воздуха, — сказала Кеит.

Ри кивнул:

— И я тоже.

Они ускорили шаг, а затем перешли на бег. Неосторожность эта была продиктована страхом и нетерпением и могла навлечь на них новую опасность. Торопясь, они начинали дышать слишком громко, а внимание почти целиком концентрировалось на простейшей механике движения, так как с грузом на бегу легко можно было упасть.

— Не следует так торопиться, — предложила Кеит, не выпуская из рук треножника.

Оба ее спутника, не говоря ни слова, замедлили шаг. Впереди послышались голоса.

— Кто может проходить здесь в это время? — прошептала Кеит.

— Солдаты... садовники... слуги... кто угодно, — ответил Ян.

— Придется убивать их, — сказал Ри.

— Не обязательно, — откликнулся Ян. Коридор, которым они теперь шли, постоянно пересекался под прямым углом с другими, такими же темными, туннелями. — Можно отойти в сторону... будем надеяться, что нас не заметят.

— А если все-таки заметят? — усомнился Ри.

— Тогда будем убивать. — Кеит вздохнула. — Но всем будет лучше, если этого удастся избежать. — «Нам самим в первую очередь», — подумала она. Убивать ни в чем не повинных садовников или служанок ей было совсем не по нутру.

Они свернули в первый же коридор справа и замерли в тени — не шевелясь и не дыша. В оставленном ими проходе уже мерцал свет. Они ждали, а голоса сделались громче.

— ...Я и сказал Марте, что собираюсь бросить это место... лучше помои свиньям носить, чем прислуживать этим ублюдкам, — говорил мужской голос. — Иметь дело со свиньями лучше, чем со здешними господами.

— Свинья, если зазеваешься, оторвет тебе руку и съест у тебя же на глазах, — ответила женщина. — Со свиньями нужно быть внимательным.

— А с этими нет? Ты только что из деревни и не видела того, что видел я. Помяни мои слова, Лалли, ты здесь еще и недели не пробудешь, как они уже залезут к тебе в нутро и высосут всю жизнь до последней капли. Лучше найди себе другое место.

— Раз ты такой мастер давать советы, то почему сам здесь работаешь?

Пара слуг поравнялась с укрытием Кеит и ее спутников, и теперь их можно было видеть вполне отчетливо. В свете факела они разглядели усталого с виду мужчину лет сорока... он заметно сутулился, а волосы на голове его давно уже начали редеть, и опрятную девушку... дерзко улыбаясь, она легко ступала по камням пола.

— Потому что эти сукины дети платят золотом, а доброго золота в наши дни никто уже не дает за работу.

Девица улыбнулась во весь рот и захихикала.

— Ну вот. Тяжелее, чем тебе, мне не будет, а мне надоело получать за свою работу одни куриные яйца да еще обещания. И обстирывать их я могу ничуть не хуже, чем своих соседей.

Пара прошла мимо, и сердце в груди Кеит застучало медленней.

— Можешь-то можешь. Только смотри, как бы за это золото с тебя не потребовали чего-нибудь еще.

Кеит так и хотелось крикнуть этой девице: *послушай его, дурочка!* Однако ей пришлось утешиться мыслью о том, что падение Драконов может стать делом рук ее, Кеит, и ее друзей. И если Лалли не сумеет позаботиться о себе, быть может, именно она, Кеит, в итоге спасет ее. Возможно.

Голоса наконец стихли вдали, и беглецы продолжили путь.

Караулка оказалась незапертой. Ян заранее в точности описал своим спутникам внутренности этого помещения. Единственный стражник стоял у окна спиной к ним, следя за мальчишками, игравшими в мяч у ворот. Повозок поблизости не было. Пешеходов тоже.

Достав нож, Ян зашел к солдату сзади и, зажав ему рот, ударил рукоятью по голове. Тот свалился словно мешок с камнями. Кеит заметила, что он еще дышит.

— По-моему, ты собирался убить его, — сказал Ри.

— С тех пор как я служу здесь, это занятие успело мне надоесть, — ответил несколько побледневший Ян. — Он нас не видит, не слышит и не сможет рассказать, куда мы пошли и с чем.

— Я не против, — согласился Ри.

— А где повозка?

— Побудьте здесь, — ответил Ян. — Я сейчас.

Он направился через улицу, изображая стражника, выбравшегося из караулки подышать свежим воздухом. Когда

он вернулся назад, Кеит услышала, как загрохотали колеса, и спустя мгновение из-за угла выкатила черная погребальная колымага. Она остановилась перед караулкой, и все трое, погрузив Зеркало Душ в темное нутро, устроились в нем и сами.

Повозка тронулась с места.

— Куда мы едем? — спросила Кеит, еще не верившая в то, что они оказались на свободе.

— В Дом Галвеев, — негромко отозвался Ян. — Там нас будут искать в последнюю очередь.

Отвага Соколов

Мэтту с любовью и надеждой

КНИГА ПЕРВАЯ

Ничто так не привлекает душу, как заброшенный дом. Его пустые комнаты нашептывают о милом забытом прошлом, о призраках счастья и боли, скитающихся теперь неприметными тенями, о мечтах, скончавшихся от забвения. Здесь, где прежде жили и любили люди, где они рождали новую жизнь и встречали смерть, я провожу пальцами по крошащейся кладке и содрогаюсь от чувства невыразимой утраты, от боли за неведомых мне людей и бегу в ужасе, чтобы душа этого забытого места не пробудилась, не схватила меня... и не оставила бы здесь навсегда.

Винсалис Подстрекатель. Земля, не знающая утрат

Глава 1

Один из последних уже порывов отчаянного зимнего ветра заставил стенки палатки захлопать, и в щель между опущенными краями полога проник холодный горный воздух. Аларista скрючилась внутри, переводя взгляд с одного зрительного стекла на другое и изо всех сил стараясь не паниковать. Два стекла показывали ей одно и то же: нутро повозки, двигавшейся по узким боковым улочкам Калимекки... это Кеит и Ри спасались от Драконов вместе с Зеркалом Душ. Кроме ровного цоканья конских копыт, она слышала голоса Кеит и Яна, рассказывавших друг другу о том, что случилось с каждым из них со дня их последней встречи. Еще одно стекло демонстрировало ей останки какого-то устройства: вдребезги разбитые хрустальные иглы и серебряные шестеренки, грудой лежащие на верстаке. Два голоса, перешептывавшиеся над уничтоженным механизмом, были явно полны страха.

— ...я так все и обнаружил. Здесь работал Шеминар, и теперь его тоже нет. Чтобы восстановить машину, потребуется не меньше месяца, даже если мы найдем Шеминара...

— Ты думаешь, они захватили его?

— Мне не хочется об этом думать...

Другое стекло, новый вид. Длинный темный коридор, освещенный лишь холодным светом лампы, зажатой в руке бегущего. ...Тени плясали по стенам, отпрыгивали назад, переносились вперед... фантастические силуэты ползли вверх по сте-

нам, оборачиваясь вполне обычными предметами. Было слышно лишь резкое дыхание бегущего. Кем бы ни был этот человек, он уже пробежал четыре разветвления коридора, расспрашивая всех попадавшихся по пути стражников, не видели ли они незнакомца с тяжелой ношей в руках.

Еще дюжина стекол показывала разнообразные группы людей — стоявших, сидевших, говоривших, — или открывала вид на фонтаны, сады, или же демонстрировала внимательно изучаемые кем-то книги и бумаги. Некоторые стекла потемнели, связанные с ними Драконы спали или же — возможно — скончались. Еще сотня зеркал стояла в стороне от нее, эти еще не действовали. А теперь, когда Кеит и Ри покинули обитель Драконов, изображение никогда уже не оживит их. Впрочем, Алариста все равно держала их поблизости, потому что этого требовали Дугхалл и Хасмаль. В последние несколько дней то одно, то другое стекло вдруг оживало, позволяя Духгаллу и Хасмалю узнавать что-то новое и ценное. Пока остается надежда, она будет соблюдать требуемое.

Хасмаль исчез, по ее ощущениям, более половины стоянки назад: непостижимые Драконьи чары выхватили из палатки его тело и унесли неведомо куда. И пока еще ни одно из зрительных стекол не показало ей желанного лица. Алариста шептала бесконечные молитвы Водору Имришу, спрашивала у бога, по-прежнему ли он слышит ее и любит ли настолько, чтобы вернуть ей назад Хасмаля. Если она сможет увидеть его хотя бы на мгновение, просто для того, чтобы узнать, что он еще жив, это придаст ей сил и позволит впервые за все это время облегченно вздохнуть.

Чьи-то руки раздвинули полог палатки, и внутрь проскользнул Янф. Он опустился на пол возле Джейма, безмолвно сидевшего около Аларисты, утешая ее своим присутствием.

— Целительница уже идет, — сказал Янф. — Хасмаля видели?

— За все это время она даже не шевельнулась, — негромко ответил Джейм, — поэтому я думаю, что она не видела его.

Алариста собралась с силами и ответила сразу обоим — просто для того, чтобы показать, что она слышит их и еще ощущает окружающий мир, хотя бы и краем сознания:

— Никаких признаков.

— Прости. Могу я чем-нибудь помочь тебе?

— Будь рядом, — попросила она. — Если что-нибудь произойдет, мне потребуется ваша помощь.

Мгновение спустя в палатку вошла целительница, держа в руках свою сумку. Опустившись на колени возле Дугхалла, она начала извлекать из нее все необходимое. Пожилая женщина эта была из числа людей самого Дугхалла — того войска, которое он собрал несколько месяцев назад. Она тоже была Соколом, прекрас-

но владела магией исцеления и сохраняла относительное — в этих тревожных обстоятельствах — спокойствие. Если у Дугхалла еще оставался шанс выкарабкаться, целительница, вне сомнения, не упустит его.

Стражники неподвижно замерли у стен палатки с мечами в руках; никто из них не улыбался и не шутил с тех пор, как Хасмаль с отчаянным воплем исчез во вспышке света. Напряженные и напуганные воины внимательно наблюдали за происходящим. Их обязанностью было убить Дугхалла или Хасмаля, если душа Дракона, проходя свой последний путь через тело того или другого Сокола, вместо того чтобы благополучно отправиться в миниатюрное Зеркало Душ, одолеет кого-нибудь из них и завладеет плотью чародея. И вот теперь Дугхалл лежит без чувств на ковре, Хасмаль исчез, а Алариста призналась, что не обладает той магической силой и умением, которые позволили Дугхаллу и Хасмалю успешно пленить столь многие Драконьи души. Они понимали, что если она уступит натиску Драконов, им придется убить ее — но тогда все они лишатся последней надежды.

К плечу Аларисты прикоснулась чья-то рука, и она вздрогнула.

— Смотри! — прошептал Янф, указывая на одно из зрительных стекол, до той поры остававшееся темным. Не успев удивиться внезапной вспышке света, она охнула и впилась глазами в мгновенно сфокусировавшееся изображение. Прямо перед ней появилось лицо Хасмаля, порезы на обеих щеках и веках кровоточили, кровь сочилась и из множества ран на теле. И без того обычно бледный, теперь он был белее снега. Алариста могла бы пересчитать капельки пота, выступившие на его лбу и над верхней губой.

— Мы нашли способ сделать собственное Зеркало Душ, — прошептал Хасмаль.

В поле зрения вместо Хасмаля появился длинный окровавленный нож и большой палец, опробовавший его остроту. — В самом деле? Рассказывай дальше.

— Я... я скажу тебе все, что ты хочешь услышать. Все.

Алариста услышала негромкий смешок, от которого волосы ее на затылке встали дыбом, а желудок сжался в комок.

— Знаю, что скажешь. Сперва я хочу услышать, как вы сделали это. А потом перейдем к тому, как вы воспользовались им.

Алариста схватила Янфа за руку и стиснула ее:

— Его пытают!

— Вижу.

— О Боги! О Хасмаль! Мы должны помочь ему!

— Должны. Но как?

Алариста не сводила глаз со стекла, напряженно следя за кошмарной сценой.

— Мне придется вырвать Драконью душу из этого тела. Я попытаюсь одолеть Дракона.

— Один раз ты уже не сумела этого сделать, — негромко напомнил Джейм.

— На сей раз это нужно сделать.

— Но если ты потерпишь неудачу, мы потеряем и Хасмаля, и тебя. А ты нам необходима.

Обернувшись к Джейму, она оскалилась.

— Я не могу сидеть здесь и спокойно смотреть, как его убивают.

Джейм отодвинулся подальше от нее.

— Я вовсе не собирался предлагать, чтобы ты сидела и смотрела, как он умирает.

— Что же ты предлагаешь?

Джейм оглянулся на целительницу, занимавшуюся лежащим в забытьи Дугхаллом.

— Дугхалл мог бы победить Дракона, если бы силы вернулись к нему.

— Это могла бы сделать и я, будь у меня его умение.

— Дугхалл говорил, что ты не меньшая мастерица в магии, но только в других областях. Не можешь ли ты своими чарами помочь вылечить Дугхалла?

Алариста поглядела на Джейма. Она не была целительницей и понимала, что одно лишь возвращение Дугхалла к жизни ничем не поможет им. Даже придя в себя, он окажется беспомощным в поединке с могучим и полным сил Драконом. Однако, если целительница сумеет поднять Дугхалла на ноги, Алариста могла бы наполнить его силой, ее собственной силой. Цена, которую придется заплатить за это...

Алариста предпочла не думать о расплате.

— Намеле, ты уже закончила? — спросила она у целительницы.

— Я сделала все, что могла... Дугхалл не очнулся, но сейчас он просто спит. После нескольких дней отдыха он сможет сидеть. Сейчас он очень слаб, — то, что с ним произошло, едва не убило его.

— Но он здоров?

Намеле окинула ее настороженным взглядом.

— В той мере, в какой магия способна исцелить его. Он стар, утомлен до предела, и никакое лечение здесь не поможет. Он больше не способен сражаться с Драконами.

Алариста обернулась к Янфу и Джейму и негромким голосом велела:

— Перенесите его сюда, а потом сядьте возле меня... когда я закончу то, что собираюсь сделать, вам придется подхватить меня. Потом — и это важнее всего, — когда Дугхалл очнется... сразу же покажите ему Хасмаля. Пусть не тратит на меня

времени. Скажите ему, что он должен остановить Дракона, прежде чем тот убьет Хасмаля.

— А что ты собираешься делать? — спросил Янф.

— Я могу сделать только одно. Дугхаллу нужно быть сильным и нестарым, иначе он не выстоит против Дракона. Я отдам ему свою молодость и силу.

Целительница охнула.

— Но ты не...

— Заткнись. Могу. — Алариста посмотрела на Янфа яростными глазами. — Ты справишься с поручением?

— Справлюсь, — кивнул тот.

С помощью двух стражей и вопреки протестам целительницы Дугхалла перенесли поближе к Аларисте и усадили напротив нее. Потом, оставив обмякшее тело Дугхалла в руках солдат, Янф встал у левого плеча Аларисты, а Джейм возле правого. Она вновь услышала стон Хасмаля и вздрогнула.

«Держись, Хас, — подумала она. — Держись. Помощь скоро придет».

Призвав всю свою отвагу, Алариста положила руки на плечи Дугхалла, а потом обратилась лицом к небесам, где вечно пребывает Водор Имриш со своими приближенными, и громким чистым голосом произнесла:

От силы моей,
От крови моей,
От плоти моей,
От жизни моей
Отдаю все, что имею,
Все, в чем нуждается Дугхалл Драклес,
Для исцеления.
Возьми от меня и отдай ему
Силу и кровь,
Плоть и жизнь,
Даже если потом умру я.
Свободно отдан мой дар,
Во имя и ради него.
Водор Имриш, услышь меня.

Она не выпускала кровь, не царапала кожу, ей и не нужно было этого делать. Тела их соприкасались: сильная и здоровая плоть Аларисты и немощные, усталые члены Дугхалла. Она не могла ограничить свое приношение, не могла оградить щитом то, что хотела бы оставить, отделяя даруемую часть. Водор Имриш сам выберет, что нужно забрать у нее и передать Дугхаллу.

Принося свою жертву, она понимала, что может умереть, что столь близко подошедший к пределу смерти Дуг-

халл может взять у нее много больше, чем отдала бы она сама, ничем не рискуя.

Он мог забрать целиком всю ее жизнь. Но Дугхалл знал то, чего не знала она, и мог одержать победу в таком бою, в котором у нее не было бы ни единого шанса. И если она умрет, то умрет стоя, сражаясь там, где она может показать свою силу, всей душой желая гибели Драконам и спасения Хасмалю. Хватит с нее и этого. Если она умрет, душа ее направится дальше, и когда-нибудь, рано или поздно, вновь отыщет Хасмаля. А пока — пока — ее Хасмаль получит шанс сохранить свою временную жизнь.

Она ощутила пламя, вдруг наполнившее ее жилы. Сама природа Матрина пришла в движение под рукой бога, и Алариста поняла, что Водор Имриш услышал ее. Она обрадовалась — на мгновение, — ибо до этого самого мига бог оказывался глух к ее молитвам и прошениям.

А затем огонь заполонил ее, прошел сквозь нее и опустошил. Мир вокруг разом померк, в ушах ее зашумело, во рту пересохло, тело оцепенело, и гигантская тяжесть придавила его, мешая дышать.

Она понимала, что падает, но не могла себя удержать, подхваченная ветром приближающейся смерти душа ее натягивала все нити, связывавшие ее с плотью. Алариста не сопротивлялась этому ветру, но в самое последнее мгновение, когда она уже не сомневалась в том, что покинула свое тело, извне вдруг прихлынула волна энергии, крепко привязавшая ее душу к плоти — к этой клетке из кожи, мяса и костей. Она была слишком слаба, чтобы пошевелиться... слишком слаба даже для того, чтобы открыть глаза, однако она жила и знала, что проживет еще какое-то время. Из последних сил она молилась о том, чтобы Дугхаллу хватило взятых у нее сил, хватило для победы над Драконом и чтобы Хасмаль продержался до тех пор, пока старый Сокол не одолеет их врага.

Глава 2

Дугхалл Драклес стремительно, точно пробка из бутыли, вырвался из забытья. Задыхаясь, словно ныряльщик, поднимавшийся с большой глубины и выскочивший из воды в самый последний миг, он резко поднялся на ноги, глаза его были открыты, но зрение его не сразу сфокусировалось.

Тело его переполняла неудержимая энергия. Ему казалось, что он может летать, может пробежать, едва касаясь ногами земли, от одного края света до другого, что он способен в оди-

ночку заново построить Стеклянные Башни. Он ощущал голод — чувство, забытое им уже много лет назад, и горел желанием близости с женщиной, пылая огнем здорового молодого мужчины.

Дугхалл огляделся вокруг, пытаясь распознать окружавшие его яркие расплывчатые силуэты. Слух его различал удивительно громкие, четкие и ясные голоса, глубокие и полные оттенков, однако же в их звучании и в произносимых словах отсутствовал смысл. Нос его обонял запахи, колкие, головокружительные, густые, все было новым, все казалось чудесным, непонятным и замечательным.

Должно быть, я уже возродился, подумал он. Умер и вернулся в мир в новом теле. Должно быть, я опять сделался верещащим младенцем, который через несколько мгновений или дней забудет о том, что когда-то был Дугхаллом Драклесом.

Первыми смысл обрели звуки, разбив эту иллюзию:

— ...не знаю, сумеет ли она пережить потрясение.

— А как он?

— Похоже, здоров как бык.

— Дугхалл? Можете вы слышать нас? Вы видите нас?

— Не отвечает. Выходит, она заплатила ужасную цену ни за что.

Следом за этим вернулась четкость зрения. Он находился в какой-то палатке. Нет, не в какой-то, а именно в той, где они с Хасмалем изгоняли души Драконов из захваченных тел. Он стоял чуть покачиваясь назад и вперед, а двое солдат, поддерживавших его под руки, не давали ему упасть. Он огляделся. Джейм смотрел на него снизу, а Янф и целительница Намеле склонились над незнакомой ему седовласой женщиной.

Дугхалл облизнул губы, и они показались ему... другими. Более полными, плотными и влажными. Он по-прежнему чувствовал прилив энергии, сопровождавшийся иллюзорным ощущением невероятной силы и неизбежным алканием плоти.

— Что... случилось? — спросил Дугхалл, удивляясь новым глубинам, вдруг обнаружившимся в его голосе, богатству и чистоте его звучания, присутствию тональных переливов, которые он не слыхал уже многие годы. Да и не годы — десятилетия.

Улыбка облегчения легла на губы Джейма.

— Дугхалл? Вы с нами?

— Да. — Дугхалл кивнул.

— Тогда не будем терять времени на объяснения. Дракон утащил к себе Хасмаля, воспользовавшись связью между ними. И он вот-вот убьет Хасмаля, если вы не сумеете вырвать душу Дракона из его тела. У вас очень мало времени. Хасмаль совсем плох.

Янф и целительница перенесли старуху к стенке палатки, и Дугхалл опустился на колени возле Джейма. Он поглядел в зрительное стекло, на которое показал Джейм, и увидел лицо

Хасмаля, тут же сменившееся изображением ножа, крови и ужаса. Послышался вопль — он был не громче шепота, но тем не менее леденил душу. А потом тихий и невозмутимый голос произнес:

— Продолжай. Иначе я вырежу твое легкое, мой дорогой друг, и вытащу его через твою спину. Ты ведь прекрасно можешь обойтись только одним.

Джейм сухим и напряженным голосом пояснил:

— Хасмалю удалось пометить талисманом этого мерзавца совсем недавно, и с тех пор пытки не прекращаются. Хасмаль лгал и выкручивался, как только мог. Но этот садист не перестает мучить его.

— Хорошо, — сказал Дугхалл. — Сейчас я прекращу это.

В этот миг он не сомневался в своей силе и помнил о том чуде, которое вернуло его к жизни, вырвав из тисков не забывшейся еще боли и предельного утомления. Джейм подал ему ничем не украшенное золотое кольцо, прикрепленное к треножнику из гнутой серебряной проволоки. Оно станет крошечным Зеркалом Душ — домом и тюрьмой пытавшего Хасмаля Дракона. Дугхалл поставил кольцо на пол перед собой и быстрым движением указательного пальца соскоблил кусочек кожи с внутренней стороны щеки.

С того дня, когда он впервые вытащил душу Дракона из захваченного ею тела, Дугхалл довел это движение до совершенства. Однако процесс изгнания Дракона до сих пор оставался опасным. Он взглянул на стражников.

— Пусть они наблюдают за мной, — сказал он Джейму. — И если у тебя будут все основания считать, что Дракон победил и вытолкнул в кольцо мою душу, дай им знак. И пусть они без всяких колебаний умертвят мое тело.

— Но как я узнаю это? — спросил, побледнев, Джейм.

Дугхалл пожал плечами:

— Ты можешь не понять, чья душа войдет в мое тело, можешь допустить ошибку. Но, Джейм, послушай меня: лучше по ошибке убить меня, чем позволить Дракону жить. Ты понял?

Молодой человек поглядел на него испуганными глазами и медленно кивнул.

Хасмаль закричал снова.

— Теперь к делу, — сказал Дугхалл. — Как зовут Дракона?

— Хасмаль называл его Дафрилем, — ответил Джейм.

— Дафриль. — Дугхалл кивнул.

Он согнулся над крошечным зеркалом, опустив ладони на зрительное стекло, связанное с душой Дафриля, и приказал своей душе прикоснуться с помощью магического контакта к чудовищу, находящемуся на другом конце соединяющей их нити. Ощутив спустя мгновение жаркую тьму вражьей души, Дугхалл сконцентрировал всю свою волю на золотом кольце и произнес:

Следуй за мною, о Водор Имриш,
К злому Дракону, к душе Дафриля,
Узурпатору тела и плоти.
Из тела исторгни, выбрось злодея,
Вреда сей душе не причиняя.
Даруй, напротив, ей кров и обитель
В цельном кольце, что лежит предо мною.
Пусть охраняет сей круг драгоценный
Суть его жизни и душу Дафриля.
Того же, кто был Драконом обижен,
В плоть возврати, пусть обитает
Там, где и должен.
Плоть лишь тебе я предлагаю,
Малую долю, дать больше нет силы.
С чистою совестью дар возношу я,
Зла не свершая, но зло исправляя.

Раскаленный добела магический огонь вновь жег Дугхалла, опаляя якоря, удерживавшие его душу в теле, разрывая зыбкую связь между ним и Драконом. Через какое-то мгновение пламя ударило в душу Дракона, пульсируя, напирая, и Дугхалл ощутил сперва удивление, а потом ярость Дафриля. Но душа Дракона не имела постоянных якорей в украденном им теле, и огонь вырвал ее из плоти, бросив к Дугхаллу с той же быстротой, с какой свет пронзает замочную скважину. Дугхалл едва успел собраться с силами, и в это же мгновение вражеская душа ворвалась в его тело, и был этот враг сильнее всех, с кем приходилось ему сталкиваться до сих пор.

Душа Дафриля проникла в его разум и впилась в плоть, отыскивая пристанище. Дракон сопротивлялся изо всех сил, используя в борьбе весь свой тысячелетний опыт и знания, стремясь изгнать Дугхалла из его тела и выбросить его душу в вечную тюрьму кольца. Дугхалл пытался укрепить свою связь с собственной плотью. Ему казалось, что он борется с осьминогом. Пока он укреплял одну слабую точку, Дафриль запускал щупальца в другую и впивался в нее. Каждый прошлый проступок, полузабытый грех, любое зло, когда-либо совершенное Дугхаллом, становилось слабиной, доступной Дракону.

Улавливая обрывки мыслей и образов из разума врага, он узнал, что борется с главой Драконов. Именно Дафриль, это злобное чудовище, тысячу лет назад соорудил машину бессмертия и разработал план всех последующих действий Драконов. Именно этот изверг, когда Соколы начали побеждать в Войне Чародеев, собрал своих приспешников и укрылся с ними в Зеркале Душ, настроив этот предмет так, чтобы он выпустил их в мир, когда Матрин будет готов принять их снова. Дафриль был господином Драконов.

И сейчас он пробивался в душу Сокола, напрягая свою железную волю, и, словно ножи, вонзал приказы в сердце Дугхалла. Сдавайся. Сдавайся. Сдайся и покорись.

Дугхалл собрал в кулак все свои силы, всю свою волю и решимость. Он попытался представить себя солнцем, испепеляющим все, что окружает его, и при этом неуклонно расширяющимся во все стороны, наполняя чистым огнем жизни все трещины и расселины, выжигая зло, преступления и немощи плоти. Он признал себя грешным и несовершенным. И, сделав это, спас свою жизнь.

И в тот миг, когда Дугхалл искренне признал свою греховную сущность, Дафриль утратил всякую опору в теле Сокола. Душа его излилась из груди Дугхалла огненной рекой, хлынувшей внутрь кольца. Свет в миниатюрном Зеркале закружил по спирали, и палатка наполнилась на какое-то время оглушающим звуком — воплем ужаса, ярости, настолько громким, что его можно было не только слышать, но и ощущать всем телом. Над кольцом поднялся туман, густой и холодный как лед. И на мгновение Дугхалл задохнулся от вони падали и сладкого аромата жимолости.

А потом воздух очистился, и в душе его воцарился покой.

Из середины кольца, стоящего перед Дугхаллом на трех металлических ножках, изливался чистый золотой свет, огибавший Зеркальце по контуру. Кольцо превратилось в Зеркало Дафриля, изящную вещицу, таящую в себе мерзкое содержимое.

Дугхалл поежился и взглянул на Джейма.

— Я победил, — сказал он негромко. — Я победил это чудовище, Хасмаль теперь в безопасности.

Джейм заглянул в его глаза, и Дугхалл ощутил острие меча, прикоснувшееся к его спине с левой стороны. Страж в любое мгновение мог вонзить меч в его сердце. Дугхалл вспомнил о грозившей ему опасности, заметив сомнение и недоверие в глазах человека, от слова которого зависела его жизнь. Руки Джейма дрожали. Прикусив нижнюю губу, он пристально смотрел на Дугхалла, словно взглядом хотел выжечь его плоть, чтобы обнажить скрывающуюся в ней душу.

— Скажи мне что-нибудь такое, о чем знаем лишь я и ты, — предложил Джейм.

Дугхалл глубоко вдохнул и выдохнул, а потом качнул головой:

— Бесполезно. Дафриль получил полный доступ к моим воспоминаниям. Он мог бы сказать тебе все, даже то, что знаю только я сам.

Джейм нахмурился. Капелька крови выступила на его нижней губе, и он торопливо слизал ее. А потом расхохотался и посмотрел на стражей.

— Это Дугхалл, — сказал он, и ощущение приставленного к спине меча тут же пропало.

— Это я. — Дугхалл кивнул. — Но как ты можешь знать?

— Дафриль сказал бы мне что-нибудь, что могло бы убедить меня в том, что он является тобой, — ответил Джейм, — чтобы по возможности быстрее спасти свою жизнь. Лишь ты мог произнести слова, не дающие мне никакой уверенности.

В зрительном стекле окровавленный, измученный Хасмаль улыбнулся.

— Ты — законный владелец тела, правда? — спросил он.

Дугхалл понял, что может расслабиться. Теперь о Хасмале позаботится этот человек, благодарный за то, что его вернули в собственное тело. А тем временем он, Дугхалл, может воспользоваться передышкой, чтобы узнать, что же именно произошло с ним. Он отвернулся от зрительного стекла и попросил:

— Расскажите мне, как получилось, что я вновь обрел силу?

Джейм поглядел на старуху, оставшуюся там, куда ее перенесли Янф и целительница.

— Алариста знала, что не сможет справиться с Драконом, который пытал Хасмаля. И поэтому она отдала тебе свою молодость и силу. Ты выглядишь сейчас как человек лет тридцати — сорока.

Дугхалл посмотрел на свои руки, он еще не видел их с того самого мгновения, как очнулся. Кожа стала гладкой, неведомо куда сгинул артрит, искрививший и раздувший костяшки пальцев. Сложив кулак, он увидел, как вздулась мышца под перепонкой между большим и указательным пальцем. Воздух медленно и легко входил и выходил из его легких. Спина стала прямой и крепкой, и никакая боль не пронзала ее при сгибании или поворотах головы. Энергия текла по его жилам и наполняла его чресла желанием. Он вновь стал молодым. А Алариста сделалась старухой.

Повернувшись, он посмотрел на опустошенное тело и морщинистое лицо женщины, лежащей напротив него. Неужели это действительно Алариста? Она пожертвовала собой, чтобы спасти Хасмаля. Оторвав от своей жизни большую часть оставшихся ей лет, она отдала их ему, Дугхаллу. Он попытался представить себе любовь, способную на такой поступок. В своей жизни он знал многих женщин, он желал их и наслаждался ими, но так и не нашел ту единственную, ради которой можно перевернуть весь мир.

Невольно позавидовав подобной силе любви, Дугхалл в тот же миг понял, что не вправе оставить себе дар, которым наделила его Алариста. Он обязан возвратить ей молодость, пусть и не знает, как это сделать.

Снова повернувшись к зрительному стеклу, Дугхалл услышал голос Хасмаля:

— Ты выпустишь меня? Мне нужен целитель.

— Вижу, ты не знаешь меня, так?

Глазами человека, чью душу Дугхалл только что вернул в принадлежащее ей тело, он увидел, как Хасмаль покачал головой.

— Полагаю, что имею дело с тем, кто вернулся в свое тело.

Мужчина, глядевший на Хасмаля, усмехнулся, и Дугхалл вновь сосредоточил все свое внимание на зрительном стекле. Звук смешка заставил старого Сокола поежиться. Смех этот казался в данный момент неуместным. Жестоким. Он вполне мог слететь с уст Дафриля... однако Дугхалл твердо знал, что он только что заточил Дафриля в кольце, стоящем на полу перед ним. Значит, человек, чье тело захватил Дафриль, также служил злу.

— Ты даже не представляешь, насколько я благодарен тебе, — сказал мужчина Хасмалю. — Я был готов совершать удивительные чудеса, когда этот лживый Дракон внезапно вырвал меня из тела, ввергнув мою душу в Вуаль. Я не был мёртвым, но не мог бы назвать себя и живым. Твари, что охотятся между мирами... или ты не знаешь о них? Огромные, холодные, истинные воплощения адского голода, они выискивают яркие огоньки душ, заточенных в лишенной света пустоте, чтобы пожрать их. Навсегда уничтожить. Там, вместе со мной были заточены и другие души... я видел, как тьма поглотила некоторых из них. Они более не существуют. Два раза я сам едва избежал подобной участи. Два раза. Побывав пленником этой бесконечной и пустой тьмы, дичью, на которую охотились эти жуткие вездесущие существа, когда каждое мгновение нужно быть готовым оказаться перед фактом полного уничтожения... я до сих пор не знаю, существует ли истинный ад, но ужасов Вуали я испытал достаточно. А потом ты или скорее тот, кого ты призвал, извлек меня оттуда.

Произнося эти слова, мужчина внимательно следил за лицом Хасмаля и неторопливо приближался к нему. Дважды он поглядел на нож, по-прежнему зажатый в его руке.

В словах его проскользнуло что-то похожее на благодарность, однако вполне определенная интонация в голосе этого человека, выдавала далеко не столь светлые чувства.

— Ты и твой незримый друг владеете могущественными чарами. Вы Соколы, не так ли?

Лицо Хасмаля свидетельствовало о том, что он слышал и уловил эту интонацию. Он осторожно кивнул.

— Ты работаешь с Ри Сабиром.

Последовал еще один осторожный кивок.

— Так я и думал. Ри — мой кузен.

Хасмаль попытался осторожно улыбнуться, но улыбка его мгновенно погасла.

— Да, ты не ошибся, — сказал мужчина. — Мы не были с Ри друзьями. Меня зовут Криспин Сабир. Должно быть,

Ри в твоем присутствии упоминал обо мне? — И, усмехнувшись, продолжил: — По выражению твое лица вижу, что Ри постарался охарактеризовать меня с самой лучшей стороны.

Дугхалл стиснул кулаки. Криспин Сабир. Из всех Сабиров, с которыми Дугхаллу приходилось сталкиваться за долгие годы службы Семейству Галвеев, Криспин более всех заслуживал имени воплощенного зла. Из лап одного изверга Хасмаль попал в руки другого, не менее мерзкого.

— Но я помог тебе, — напомнил Хасмаль.

— О да. Вне сомнения. Но я бы не стал на твоем месте придавать этому факту слишком большое значение. Я благодарен тебе за то, что ты вернул мне мое тело... пожалуйста, не думай, что это не так. Но ты всего лишь спасал собственную жизнь, когда призывал своего друга.

— Так ты отпустишь меня? — спросил Хасмаль.

Криспин Сабир умолк. Надолго. Очень надолго. Мышцы Дугхалла уже начали ныть от напряжения, вызванного ожиданием. Рядом с собой он слышал неровное дыхание Джейма, Янф ерзал с правого бока.

— Но ты Сокол. Мои чары не могут добраться до тебя. Ты каким-то образом заэкранирован от них... Я не могу даже увидеть твой щит, хотя и ощущаю его. Я не могу управлять тобой. И поэтому не могу заставить тебя служить мне. Если я отпущу тебя, то лишусь гарантии, что ты не будешь действовать против меня.

— Но мое слово...

— Понимаешь, я не признаю всяких там долгов чести. Я давал свое собственное слово несчетное число раз и в следующее же мгновение нарушал его. Польза выше, чем честь, — ты это знаешь, и я это знаю и не собираюсь изменять своим принципам. А раз так, твое слово не является в моих глазах ценностью.

— Но я не сделал ничего такого, что могло бы повредить тебе.

— Ничего такого — на данный момент. В этом я уверен. Но ты не можешь гарантировать, что в будущем не станешь вредить мне.

Хасмаль скривился.

— Клянусь тебе Водором Имришем, что мое слово... — начал он.

— Нет, — Криспин вновь оборвал Хасмаля, — не надо попусту тратить свои слова и мое время. Я должен что-то сделать с тобой. Из тебя получился бы хороший пленник, за тебя неплохо заплатят. Но я сомневаюсь в том, что любая сумма, которую можно было бы получить за тебя, окупит те неприятности, которые ты впоследствии причинишь мне.

— Неужели ты ничего не сделаешь? — спросил Джейм. — Ведь ты можешь отправиться туда по соединяющей нити и заставить этого сукина сына отпустить Хасмаля?

— Сокол не имеет права заставлять. — Дугхалл скрипнул зубами. — Магия Соколов имеет лишь оборонительный характер. Обычно этого бывает достаточно. Криспин Сабир — законный владелец своего тела, и я не могу сделать ничего такого, что заставило бы его изменить решение, которое он принимает по собственной воле.

Дугхалл почувствовал, как чьи-то пальцы стиснули его руку. Повернувшись, он уперся взглядом в лицо Янфа, совсем близко склонившегося к нему.

— Драконья магия может заставить его. И Волчья тоже.

Дугхалл опустил ладонь на руку Янфа и приказал себе успокоиться.

— Я согласен с тобой. Но я не Дракон и не Волк. Я — Сокол, и я давал клятву следовать путем Сокола. Так же как и Хасмаль.

— Но ты обязан его спасти, — воскликнул Джейм. — Ведь Алариста отдала тебе свою жизнь, чтобы ты спас его.

Дугхалл обернулся к Джейму:

— Быть может, я и сумел бы спасти его тело, но только отдав за это собственную душу вместе с душой Хасмаля. Джейм, если бы Хасмаль решил сейчас сойти с тропы Сокола, он, возможно, смог бы и сам спасти свою жизнь. Но он не опускает экраны и защищает ими свою душу.

— Спаси его, — настаивал Янф.

— Бывают вещи худшие, чем смерть, — сказал Дугхалл. — Вещи более ужасные, более мучительные. И куда более длительные, чем самое долгое умирание.

— Ты вонючий трус, — ответил Янф, опуская ладонь на рукоять своего меча. В мгновение ока клинки троих стражников взметнулись к горлу молодого упрямца. Янф ожег их яростным взором и обратился к Дугхаллу: — Если бы я мог, то переломил бы твой хребет, старая медуза.

В зрительном стекле Криспин опустил лезвие ножа на веревку, удерживавшую левое запястье Хасмаля. Подойдя ближе к пленному Соколу, он сказал:

— Быть может, мне следовало бы отпустить тебя. Однако как знать, не окажешься ли ты столь же благодарным мне за свою свободу, как и я тебе?

Хасмаль вдруг улыбнулся и произнес:

— Дугхалл, ты слышишь меня? Мне нужно больше времени, я не закончил с делами.

— Ты уже закончил, — сказал Криспин и ударом слишком быстрым, чтобы глаз мог проследить за движением, погрузил нож по самую рукоять в сердце Хасмаля.

— Нет! — взревел Янф.

Джейм испустил нечленораздельный вопль. Алариста, лежавшая на полу рядом с целительницей, со стоном очнулась от забытья.

Хасмаль охнул. Глаза его расширились и тут же сомкнулись. Дугхалл затаил дыхание. Слова Хасмаля звучали в его голове. *Мне нужно больше времени, я не закончил с делами.* Это был код, напоминавший о плане, неведомом Криспину Сабиру и немыслимом с точки зрения Волка.

— Больше времени, — прошептал Дугхалл, молясь, чтобы Хасмаль сумел выполнить задуманное. — Больше времени.

Буквально через мгновение от лица Хасмаля начало исходить слабое белое свечение, так что черты его как будто окутала легкая дымка. Болезненная гримаса, только что искажавшая его лицо, исчезла... оно сделалось умиротворенным, на него легло торжествующее выражение. Слабое облачко света становилось все ярче и больше, теперь оно распространилось и на тело, сперва окружив торс Хасмаля, а потом и его ноги. Дугхалл ясно видел перемены, происходящие с его другом. Криспин также не отводил глаз от безжизненного тела. Из зрительного стекла доносились сейчас лишь отзвуки его дыхания, становившегося все более частым и отрывистым, по мере того как окружавший Хасмаля свет делался все ярче и ярче. Наконец сияние охватило все тело Сокола, став чересчур ослепительным, чтобы на него можно было смотреть. Криспин отвернулся, а потом вновь взглянул на Хасмаля, когда в комнате задвигались тени.

Свет отделился от Хасмаля. Какое-то время он сохранял форму человеческого тела, а потом свернулся в плотный комок ослепительно белого пламени.

— Прочь от меня, — прошептал Криспин.

Светящаяся сфера двинулась к нему... беззвучно, медленно и неотвратимо.

Дугхалл увидел, как поднялась ладонь Криспина — тот по-волчьи огораживался от этой энергии. Свет хлынул из кончиков его пальцев, пронзая сверкающую сферу. Однако она не остановилась... более того, сделалась еще ярче, а потом увеличилась в размерах. Сфера приближалась к Криспину, по-прежнему не издавая ни звука, неспешно и как будто даже невозмутимо.

В этот миг Криспин наконец повернулся и бросился бежать.

И в следующее же мгновение изображение в стекле исчезло, вытесненное вспышкой ослепительно белого света.

А потом его сменила тьма.

В палатке, в горах к югу от Калимекки, вдруг затрепетал полог, и холодный ветер проник внутрь сквозь открывшиеся щели. Янф и Джейм переглянулись, потом одновременно посмотрели на Аларисту, лежащую неподвижно, с запрокинутой головой и

открытыми глазами, глядящими в никуда. Она по-прежнему стонала, и слабый надломленный голос ее нарушал общее безмолвие.

Ян заговорил первым:

— Что случилось? Что это было?

— Хасмаль захватил тело Криспина, как это делали Драконы, — предположил Джейм.

Дугхалл качнул головой:

— Последние слова Хасмаля были цитатой из Тайных Текстов. Полностью этот отрывок звучит так:

Тогда в момент своей смерти Соландер обратился к Вуали.

— Мне нужно больше времени, — вскричал он. — Я еще не закончил с делами.

И находившиеся внутри Вуали и за пределами ее боги услышали и пожалели Соландера. Тело его было сильно повреждено, и спасти его было уже невозможно, но они не стали отзывать его душу из мира. Вместо этого Соландер принял облик Солнца и пред глазами Драконов и Соколов поднялся из своей разрушенной телесной оболочки, словно свет, нисшедший в мир.

И тогда он обратился ко всем наблюдавшим, сказав им:

— Я по-прежнему с вами.

И при звуке слов сих Драконы затрепетали, а Соколы возрадовались.

— Так, значит, тело его мертво, а душа... стала этим светом? — спросил Джейм.

— Полагаю, что так.

— Тогда что же сейчас с ним происходит?

Дугхалл прикоснулся к потемневшему зрительному стеклу:

— Мы можем только догадываться.

Глава 3

Повозка грохотала по мощенной булыжником улице Шкиперов, расположенной в городском районе Вагата, одной из немногих улиц, открытых для колесного движения в дневные часы. Повозка двигалась неспешно: вознице приходилось соперничать с едущими в гавань телегами, наполненными припасами для отплывающих кораблей, с ослами, мулами и быками, тянущими груженные продуктами деревенские колымаги, только что въехавшие в город, с общественными экипажами, что перевозили купцов со складов в лавки и обратно, и с частными колясками, которые доставляли богачей в порт к их собственным судам.

Кеит держала Ри за руку; она впервые получила возможность прикоснуться к нему — с того самого дня, когда они явились в Калимекку, чтобы проникнуть в город Драконов. Теперь они наконец могли быть вдвоем, если не считать Яна, припавшего к отверстию в задней стенке повозки. Кеит понимала, что он ожидает возможной погони, однако она подозревала, что бывший любовник просто не хочет видеть ее рядом с Ри. И его тяга к ней и боль, вызванная ее любовью к Ри, ясно читались во взгляде Яна, когда он выпускал их обоих из клеток. Каждый раз, когда он поворачивался в сторону Кеит, она вновь и вновь замечала огонь его чувств в его глазах.

Ри наклонился к ней и прикоснулся губами к шее.

— Я люблю тебя, — прошептал он тихонько, так что слова эти мог услышать только Карней.

Сжав его руку, она пробормотала:

— Я тебя тоже.

— Я снял для нас комнаты возле гавани — в одной из гостиниц, — сказал Ян. Он по-прежнему стоял на коленях на задней скамейке повозки, спиной к ним, держась за поручни и глядя в отверстие. — Поддельные документы в свертке возле вас. Вы теперь парат и парата Босопфер из деревни, что у горы Трех Попугаев, а зовут вас Риан и Кайеви. Звучит почти как настоящие ваши имена и как раз подходит для деревенских жителей. Вы — младшие родичи Семейства Масшенков и направляетесь в Бирстиславу — на Новые Территории, где находится ваше имение. Вы были на похоронах Тиркана Босопфера, которые состоялись как раз сегодня; он оставил вам наследство — земли на Территориях, — оформлять которое вы сейчас и направляетесь.

— Бумаги эти очень надежные, — заметил он, чуть повернув к ним голову. — С ними можно спокойно уехать отсюда и завладеть имением, если вы решите оставить Калимекку.

— Никуда мы отсюда не поедем, — сказала Кеит. — Драконы по-прежнему в городе, и пока они здесь, никто не может считать себя в безопасности. Как бы сильно ни хотелось мне никогда более не видеть стен этого города, у нас просто нет выбора.

Ян повернулся и кивнул им. Сухая улыбка обозначилась в уголке его губ.

— Именно это я и рассчитывал услышать. Просто вы должны были знать, что имеете возможность бежать. — Он вновь приник к отверстию в стенке. — В гостинице нам придется провести два или три дня: за дорогой вдоль Пальмового утеса теперь следят. Чтобы добраться до Дома Галвеев по горной тропе, нам придется взять осла, чтобы погрузить на него Зеркало Душ и вьюки.

— И ты уже подделал бумаги, которые объяснят стражникам, что мы там делаем? — спросила Кеит.

— Нет. В Дом Галвеев теперь никто и никогда не ходит. Если нас перехватят на пути туда, скорее всего мы погибнем.

— С тех пор как мы спрыгнули с утеса, чтобы прилететь сюда, я живу, полагая, что уже являюсь покойником, — сказал Ри, вздохнув. — Это вынудило меня заново пересмотреть свою жизнь и теперь позволяет избежать паники.

— И у тебя получается? — Кеит поглядела на него с интересом.

Ответив ей взглядом, Ри улыбнулся:

— Когда на нас бросились стражники с обнаженными мечами, я подумал: я уже мертв... что еще они могут сделать со мной? Поэтому я крикнул, предупреждая тебя, и остался на месте, чтобы отвлечь их на себя и дать тебе время убежать. Ничего из этого не вышло... но я до сих пор считаю, что поступил правильно.

Хорошенько подумав, Кеит решила тоже попробовать. Она представила себя лежащей... потускневшие глаза на посеревшем лице обращены в никуда, дыхание остановилось.

— Я уже мертва, — сказала она себе, заставляя протестующий ум поверить в это. — Уже мертва.

Уже мертва. Мысль эта странным образом утешала. Но в тот самый миг, когда Кеит признала свою смерть, она разом утратила все, что можно было потерять. Ее воля вдруг сделалась несокрушимой. И внезапно она поняла, что теперь может полностью сконцентрировать свои мысли на том, что им еще предстоит сделать. Цели и действия, которые следовало предпринять, чтобы достичь этих целей, вдруг ярко обозначились в ее голове, трескотня испуганных голосов притихла, а пронзительный обезьяний голос, завывавший, предвещая неминуемую погибель, умолк.

— В самом деле... получается, — сказала она. — Действительно, полезный способ.

Ри в ответ кивнул.

На Яна это не произвело никакого впечатления.

— Как я уже говорил, вы должны привыкнуть к новым личинам, прежде чем мы отправимся в Дом Галвеев. Но переодеться вам нужно уже сейчас. Скоро будет пропускной пункт, и вы должны выглядеть как бедные родственники, возвращающиеся с похорон.

Сам он стащил с плеч солдатский мундир, едва лишь они оказались в повозке, и теперь был одет в маскировочный наряд: длинная шелковая рубаха, прошитая медной нитью, и широкие, в складку темно-синие штаны. Невысокие, до середины голени, сапоги были скроены из плотного черного материала, расшитого узором, а коротко остриженные волосы его прикрыл длинный светлый парик. Теперь Ян выглядел как человек, который может себе позволить нанять запряженную четверней похоронную колымагу для себя и своих небогатых родичей.

— А где одежда? — спросила Кеит.

— Вещи у вас над головой. У нас есть еще немного времени, но поторопитесь.

Ри встал, покачиваясь в такт движению повозки, и передал Кеит сверток зеленой ткани. Потом достал второй, бурый, предназначенный для него самого.

Кеит торопливо облачилась в приготовленный Яном наряд. В прошлом костюм этот повторял фасон модных в высшем свете траурных платьев, хотя и был сшит из дешевой и грубоватой ткани. За прошедшие с той поры годы из просто невзрачного он превратился в уродливый. Завязав шнурки на корсаже и на лодыжках, Кеит решила, что теперь ее не отличить от какой-нибудь дальней кузины любого Семейства. Костюм Ри оказался столь же неприглядным, однако Кеит отметила для себя, что Ри тем не менее неплохо смотрится в нем.

Оглядев себя, Ри поморщился, а потом перевел взгляд на нее.

— Вот те на, — сказал он голосом деревенщины. — Помянем дядюшку Тиркана банановым пивом и закатим гулянье на всю ночь. А после подвернешь свои юбки и пойдем снова на поле.

Ян отвлекся от своих наблюдений за улицей и, оглядев их обоих, пожал плечами:

— Вылитый бедный парат со своей паратой, покидающие Калимекку, чтобы начать все сначала. Если бы вы могли позволить себе шелка и драгоценности, зачем вам нужно оставлять город и искать удачи на Новых Территориях?

Он развернулся и сел на скамью лицом к обоим своим спутникам.

— Приготовьте бумаги, контрольный пункт уже виден. Кстати, меня зовут Ян Босопфер, я — ваш кузен, только что прибывший с Территорий, чтобы отвезти вас туда.

Кеит кивнула, мысленно проговаривая историю, которую сочинил для них Ян. Сердце ее забилось быстрее. Зеркало Душ лежало в ящике под ногами Яна, и его было нетрудно обнаружить даже при самом небрежном осмотре.

— Приготовься, — сказал Ри, напоследок пожимая ей руку.

— Я готова, — ответила Кеит, — во всяком случае, приготовиться еще лучше уже не могу.

— Должно быть, они уже знают о нашем побеге, — произнес Ри. — И если нас будут допрашивать или захотят обыскать повозку, нам придется убить их.

— Я знаю.

— Мы не можем снова потерять Зеркало.

— Я не забыла об этом.

Повозка, громыхнув, остановилась. Стражник распахнул дверцу настежь и заглянул внутрь.

— Простите за беспокойство во время вашей скорби, — сказал он, — но я обязан проверить ваши документы.

Он лишь мельком взглянул на их лица, однако Кеит по собственному опыту знала, что работающие на заставах Семейств стражники способны даже за столь краткий миг запомнить бездну подробностей и обстоятельно изложить их при необходимости.

Ри передал ему поддельные бумаги, то же сделал и Ян.

Первым делом стражник занялся документами Кеит и Ри. Прочитав их, он фыркнул:

— Гора Трех Попугаев? Сохрани вас Загташт. — Он возвратил Ри бумаги. — Если хочешь получить хороший совет, слушай меня, парень. Люди в этом городе совсем не похожи на тех, к которым ты привык. Когда вернешься в гостиницу, оставайся там и внимательно гляди по сторонам. Не играй в кости с моряками, не покупай выпивку шлюхам и не давай уводить себя на глухие улицы людям, которые предлагают тебе чудесное средство, способное любого сделать богатым.

— Я не стану этого делать. — Ри кивнул с самым серьезным видом.

Он тщательно копировал акцент горца.

— Это ты сейчас так думаешь, — хмыкнул страж. — А потом, не успеешь оглянуться, выкинешь какую-нибудь глупость, растратишь проездные деньги и застрянешь здесь, как это обычно и бывает с деревенскими, решившими, что они отлично знают город.

После этого он занялся бумагами Яна и, столь же быстро окончив осмотр, пожал плечами:

— А вы, вижу, пожили на Территориях и вернулись?

— Да.

— Тогда вы, должно быть, свой человек здесь. Приглядите за ними, ладно? — И он вновь повернулся к Ри, на сей раз пристально окинув его взглядом.

Кеит почувствовала, как по спине пополз холодок.

Ри пожал плечами.

— Ты напоминаешь мне одного горца, которого я так же предостерегал, — произнес наконец стражник. — Он явился к нам в участок в ту же проклятую богами ночь, оплакивая истраченные сбережения и жалуясь, что не сможет теперь добраться до Территорий. — Стражник пренебрежительно фыркнул и сошел с подножки на землю. — Как будто мы можем в таком огромном городе отыскать жулика, который его обчистил. И заставить вернуть добычу обратно. — Захлопнув дверь повозки, он махнул вознице. — Отъезжай. Следующий!

Когда они снова двинулись по улице, Ри привалился к боку Кеит.

— В чем дело?

— Я знаю этого человека, — произнес Ри. — Он служил привратником в Доме Сабиров, до того как я отправился за тобой по морю. Его звали... проклятие. Как же его звали... Лерри? Герри? Что-то в этом роде. А, Гуэрри. Да, так. Но хуже всего то, что он тоже узнал меня. Пока он еще не связал лицо с именем, но непременно сделает это.

— Быть может, его следовало убить? — Ян состроил гримасу.

— Нет. — Ри качнул головой. — Тогда мы не проехали бы эту заставу. А теперь у нас по крайней мере есть время раствориться в порту. Только вот лучше бы достать новые бумаги.

Кеит перевела взгляд на Яна.

— Он узнал тебя, Ри, — сказала она. — Я заметила в его глазах удивление сразу, как только он поглядел на тебя. Только я не поняла причины и, так как он промолчал, решила, что мне показалось.

— Ерунда, — ответил Ян. — Если бы он узнал Ри, то немедленно поднял бы тревогу. Он разбогател бы, если бы сдал вас властям. И я не сомневаюсь, что ему прекрасно известно об этом. Афиши, провозглашающие Ри барзанном, расклеены во всех караулках, казармах и на всех досках объявлений.

Кеит взглянула на Ри.

— Я уверена, что он узнал тебя, — настойчиво повторила она.

Прислонившись затылком к деревянному подголовнику, Ри закрыл глаза.

— Когда он работал у нас, я хорошо к нему относился, — сказал он задумчиво. — Конечно, ничего особенного не делал, просто здоровался с ним, называл по имени и делал небольшие подарки к празднику Галедана и в День Тысячи Святых.

Ян приподнял бровь.

— Учитывая, что представляет собой большая часть нашего Семейства, ты, должно быть, казался ему святым.

— Сабиры заслужили свою скверную репутацию прежде всего отношением к другим Семействам, — напряженным голосом произнес Ри. — Они не были жестоки с теми, кто служил им.

— Брат, я также принадлежу к этому роду, — ответил Ян. — Надеюсь, ты не забыл об этом? Первые годы моей жизни прошли в Доме Сабиров, и я успел насмотреться на то, как там приголубливали слуг. Моя мать как раз была из тех, кто служил.

— Возможно, ты прав. — Ри пожал плечами. — Тем не менее он не выдал нас, и если Кеит права и он действительно узнал меня, не думаю, что он донесет на нас потом.

— Надеюсь, что это так. Он видел нас, знает имена, под которыми мы прячемся, и знает, куда мы приблизительно направляемся. Если он отправит по нашему следу стражу Сабиров, через несколько дней они без всякого труда выйдут на нас.

Глава 4

Последние слова Хасмаля все еще звенели в нем самом чистыми отзвуками молитвенного колокола. *Дугхалл, ты слышишь меня. Мне нужно больше времени. Я не закончил с делами.*

Тело его мертво, и он знал об этом... Вуаль влекла его к себе подобно волне, слизывающей с берега сухие веточки. Свет, который наполнял душу Хасмаля, давал ему силы сопротивляться ее притяжению, и разум его оставался спокойным... он не испытывал чувства смятения и утраты, как бывает — он слышал об этом — с людьми, внезапно принявшими насильственную смерть. Он в точности знал, что именно произошло с ним. Криспин Сабир добил его. А Водор Имриш внял мольбе и ответил на нее. Будучи мертвым, Хасмаль понимал, что получил всего лишь небольшую отсрочку, чтобы покончить с оставшимися делами, и еще не зная, каким образом сможет завершить намеченное в своем новом состоянии, сознавал, что способен теперь влиять на события.

Он медленно поднимался вверх, ощущая напряжение, с которым дух его отделялся от плоти. Когда тело осталось внизу, он почувствовал себя сразу и легким и чистым. А потом его накрыла волна осознания ужасной утраты. Душа его тосковала по Аларисте, он знал, что никогда более не обнимет ее, не прикоснется к ее телу, никогда не поцелует ее в губы, не сольется с ней воедино. Последние слова, которыми обменялись они, навсегда останутся последними, последний поцелуй вечно будет последним. Мечтам о детях, о совместной старости никогда уже не сбыться.

Хасмаль надеялся на то, что души их смогут встретиться в Вуали, что они будут вместе и в потусторонней жизни или возродятся в других телах и сумеют вдвоем прожить новую жизнь. На это действительно стоило надеяться. Однако счастье текущего мгновения, этой жизни, этой любви навсегда осталось в прошлом.

Какое-то время он просто висел в воздухе, разглядывая свое мертвое тело, лежащее на столе, и скорбя душою. Сколько многого он желал еще испытать в жизни!

А затем он велел себе сосредоточиться. Водор Имриш предоставил ему этот последний шанс не для того, чтобы он оплакивал собственную смерть. Он был Соколом... он давал клятву служить добру, и пока он помнит себя как Хасмаля ранн Дорхана, сына Хасмаля ранн Халлеса, он обязан закончить свои земные дела, даже в таком, бесплотном облике.

Хасмаль был уверен, что Дугхалл услышал его. Он ощутил присутствие старого Сокола еще до того, как душа Дракона Дафриля была вырвана из тела Криспина. В равной мере Хасмаль не

сомневался в том, что Дугхалл понял его намерение связать свою душу с миром живых, как это сделал сам Возрожденный, чтобы исполнить судьбу, украденную у него Драконами. Теперь ему оставалось надеяться, что Дугхалл найдет способ помочь ему, как помог Соландеру Винсалис, написавший для этого свои Тайные Тексты.

Хасмаль не намеревался становиться вторым Возрожденным — он совсем не был уверен в том, что Водор Имриш предназначил ему такую судьбу. Тем не менее бог свел его лицом к лицу с Дафрилем, могущественным Драконом, хваставшим перед ним, что это он, а не кто иной был создателем Зеркала Душ. А затем бог позволил ему увидеть Дафриля плененным, выброшенным из стоящего рядом с Хасмалем тела. И если законный владелец этой плоти, Криспин Сабир, убил его, можно было не сомневаться, что Водор Имриш допустил это не без причины. Не для того ли к нему пришла смерть, чтобы он мог обрести тот единственный облик, который позволит получить сведения, необходимые Соколам для окончательной победы над Драконами?

Водор Имриш не был богом войны и никогда не губил тех, кто служил ему, чтобы насладиться их смертью, как нередко поступали другие боги. Он не жаждал пролития крови и не мог радоваться ей; он не любил человеческих мук. Но Водор Имриш вполне мог использовать возможности убитого, как умел он использовать способности живого.

Криспин Сабир все еще стоял на том самом месте, откуда нанес Хасмалю смертельный удар. Хасмаль знал, что Криспин видит его; глаза Волка были обращены к той точке в воздухе, где плавал он, а дыхание его сделалось учащенным и неглубоким. Хасмаль ощущал страх Криспина, его вибрирующие токи.

Хасмаль обнаружил, что может перемещаться в любом направлении. Он медленно поплыл в сторону Криспина, не зная еще, что именно ему надлежит сделать, однако не сомневаясь в том, что именно Криспином ему следует сейчас заняться.

Волк буквально лучился магией и энергией, и, ощутив это, Хасмаль понял, что Криспин успел вобрать в себя энергию отнятой у него жизни. И когда Хасмаль направился к нему, тот без промедления атаковал его.

Чары, к которым обратился Криспин, должны были, по мысли Волка, стать оружием, однако, соприкоснувшись с Хасмалем в его нынешнем облике, они не причинили ему вреда. Напротив, они вернули Хасмалю украденную у него жизненную силу, укрепили его и сделали более чистыми его мысли. Однако заклинание, которое сопровождало этот поток энергии, рикошетом поразило Криспина, и *ревхах* со всей мощью обрушился на него. Удар этот ошеломил Криспина, приковал его ноги к земле. Хасмаль ощутил, как усилились исходившие от врага вибрации страха.

Он неторопливо приближался к Криспину. И в самое последнее мгновение Волк внезапно снова обрел власть над собственным телом и повернулся, чтобы бежать. Но Хасмаль уже окутал его облаком, и их души прикоснулись друг к другу.

Поток ощущений хлынул на Хасмаля, обжигая его обостренные чувства, вызывая духовную дурноту. Первое впечатление о душе Криспина можно было бы выразить такими словами: грязь... слой грязи на слое грязи, извращение и наслаждение извращением, ненависть на ненависти, смешанной с похотью, алчностью и жаждой власти. Каждая частица души Криспина извергала свои мерзкие желания бесконечным потоком... каждое отдельное воспоминание и лоскутки прошлого, рисующие очередное извращение, лишь увеличивали общую какофонию. Хасмаль попытался защититься от этого бесстыдного гвалта, но, находясь в новом для себя облике, не сумел оградиться экраном. Оглушенный и возмущенный хаосом, царившим в душе Криспина, он двинулся в глубь его разума, надеясь отыскать спокойный уголок, в котором можно будет без помех сориентироваться. Созданная им для себя тончайшая оболочка, впрочем, оказала воздействие на Криспина. Волк повалился на пол и застыл, лишившись чувств. Он дышал, и сердце его билось, однако хаос в мыслях улегся, и многочисленные конфликтовавшие в его душе голоса либо совершенно умолкли, либо перешли на шепот.

Хорошо уже и это, рассудил Хасмаль.

Он потратил несколько мгновений, пытаясь охватить целиком бурный поток мыслей, выделить из них те, что принадлежали Криспину, не обращая внимания на глубокие отпечатки, оставленные Дафрилем. Хасмаль понимал, что ищет алмазы в потоке вонючей грязи, но не сдавался. И бриллианты эти наконец начали попадаться ему.

Первый из них сообщил ему, что Криспин смертельно боится раскрытия секрета, который он таил не только от всего мира, но и от своих ближайших дружков: брата Анвина и кузена Эндрю. У Криспина был ребенок, дочка, рожденная женщиной по-настоящему небезразличной ему. Мать девочки оказалась замешанной во внутрисемейные интриги, и, узнав об измене, Криспин убил ее собственными руками. Однако он пощадил рожденное ими обоими дитя. Опасаясь, что кто-нибудь из членов его собственной Семьи или других Семейств сумеет воспользоваться ребенком как рычагом, чтобы воздействовать на него, он нанял для девочки кормилицу-няньку и отослал обеих в Новтерру. Все прошедшие годы он скрывал ребенка в городе Стоста на Сабиренском перешейке. Девочка находилась там до тех пор, пока Криспин не узнал о существовании Зеркала Душ и не решил сделаться богом. В тот день, когда «Сокровище ветра», корабль Ри, прибли-

зился к Тысяче Плясунов и попал в его руки, он при помощи магии вложил в трех альбатросов желание полететь на ту сторону моря, снабдив каждого из них запиской, в которой потребовал, чтобы дочь вернулась домой и ждала его в доме, тайно приготовленном им для нее. Она не должна была пытаться самостоятельно отыскать его... он обещал, что сам придет за ней.

Увы, Дафриль овладел телом Криспина в тот самый момент, когда тот предвкушал обретение божественного достоинства. Он так и не испытал мгновения триумфа. Мечты, в которых он представлял себя царем и богом, приветствующим свое возлюбленное дитя в королевстве, отныне принадлежащее лично ей, так и не реализовались. Девушка находилась сейчас в Калимекке, в снятом для нее доме. Дафриль отметил ее приезд и приставил к ней соглядатая, который должен был обеспечить девушку всем необходимым и присмотреть за ней, пока он не найдет для нее подходящего применения. А до тех пор оставил ее в покое.

Криспин, получивший назад свое тело, и его дочь еще ни разу не виделись.

Хасмаль знал имя девушки, знал, где она скрывается, ему были известны и те тайные слова, которыми Криспин должен был убедить свою дочь в том, что перед ней находится единственный во всей Калимекке человек, которому она может довериться.

В темных и глубоких расселинах, оставленных в уме Криспина Дафрилем, он обнаружил воспоминания куда более странные. Воспоминания, которые потрясли его до глубины души. Дафриль и собрат его по имени Луэркас и были теми самыми чародеями, которые тысячу лет назад лишили Соландера жизни. Вдвоем они придумали механизмы машины бессмертия. Дафриль стал единственным предводителем Драконов в Калимекке, потому что во время долгого пребывания в Зеркале Душ с Луэркасом что-то случилось. Хасмаль обнаружил следы беспокойства Дафриля по этому поводу. Дафриль полагал, что Луэркас может пойти против него или предпочесть свою собственную выгоду. Мысль эта несколько смутила Хасмаля, однако он продолжил свои исследования.

Но самая удивительная находка поджидала его среди гнуснейших мыслей, оставленных Дафрилем. Дракон Дафриль некогда возглавил работу по созданию Зеркала Душ. Вместе с Луэркасом и некоторыми другими колдунами он изготовил этот предмет, когда Драконы начали подозревать, что в Войне Колдунов им суждено поражение. Дафриль знал смысл каждого знака, выведенного по краю Зеркала, знал назначение любого врезанного в него драгоценного камня, знал заклинания, действие которых Зеркало могло усилить и направить в нужную сторону.

И все это было известно теперь и Хасмалю.

Внезапно он с кристальной четкостью припомнил слова Говорящей, которую призывал в давно прошедшие времена... той самой, что вынудила его бежать из безопасного дома навстречу Кеит Галвей и его собственной судьбе. Говорящая тогда сказала ему: «Ты сосуд, избранный Возрожденным, Хасмаль. Твоя судьба — муки и слава. Твоя жертва вернет величие Соколам, и твое имя не забудут вовеки».

Быть может, среди полуправд и слов откровенной лжи, сказанных ею тогда, таилась единственная истина: если он поторопится и сумеет удержать в мире свою бесплотную душу достаточно долго, то сможет передать Соколам сведения, которые помогут навсегда избавить Матрин от Драконов, и вместе с тем предоставит своим друзьям способ управлять Криспином, возглавлявшим уцелевших Волков. Прежде чем уйти в Темный Мир, прежде чем его слуха коснутся приветственные напевы карай, он должен найти Дугхалла. И если Соколы узнают то, что известно теперь ему, можно будет сказать, что он прожил свою жизнь не напрасно — и не напрасна была его смерть.

Собрав воедино всю доступную ему энергию, Хасмаль нащупал нить, связывавшую душу Криспина со зрительным стеклом, в которое смотрел Дугхалл, и направился вдоль нее.

Глава 5

— Побыстрее, Даня, — сказал Луэркас. — Нехорошо, если ты будешь тащиться позади меня во время нашего триумфального возвращения в деревню. В конце концов ты моя мать... А мы с тобой знаем, как карганы почитают матерей.

Они ехали на гигантских лоррагах, принадлежащих к крупной и очень опасной разновидности хищных обитателей тундры, постоянно нападавших на карганов по всему пространству Веральных территорий. Луэркас заманил двух зверей в Ин-канмереа, подземную цитадель Древних, находившуюся неподалеку от деревни карганов. Когда хищники опасливо спустились по ступеням в огромный сводчатый зал, они имели вполне обычный для этих тварей размер. С помощью одной из магических машин Древних, способной красть энергию душ карганов и их жизней, Луэркас преобразил зверей заклинанием, позволившим ему увеличить размеры чудовищ и подчинить себе их волю. Впрочем, лорраги по-прежнему остались злобными тварями, но теперь они ничем не могли повредить Луэркасу и Дане.

— Именно этого мгновения ты и ждала, женщина, — добавил Луэркас. — Откуда такое уныние?

Даня молча кивнула ему. Теперь она редко заговаривала с Луэркасом. Он с радостью выворачивал наизнанку все ее слова, унижал и оставлял в дураках. Впрочем, он никогда не позволял себе ничего подобного, если кто-нибудь мог услышать их, ибо его планы в отношении карганов требовали, чтобы он и она не просто завоевали любовь этих мохнатых Шрамоносцев, но сделались богами племени. Тем не менее, когда они оставались вдвоем, Луэркас безжалостно попрекал ее слабостью, трусостью, неспособностью предвидеть события, слабыми магическими способностями и всем, что только мог придумать, — тем самым он в который раз напоминал ей о том, что, невзирая на внешний вид, хозяином положения в действительности является он.

Даня посмотрела на него. Луэркас уже казался двенадцатилетним, хотя родился он всего лишь полгода назад. Золотистые волосы его спускались на спину короткой косой, а голубые глаза невинно взирали на нее. Он был прекрасен. Более красивого мальчика она не встречала за всю свою жизнь, но Даня ненавидела это порождение собственной плоти столь глубоко и яростно, что не могла бы даже подыскать подходящих слов, чтобы описать свои чувства. Во сне она видела, как растерзывает его, а просыпаясь, плакала, обнаружив, что Луэркас жив. Даня утешала себя тем, что она поклялась отомстить ему — в тот самый день и час, когда заново дала обет покарать Сабиров и свою собственную Семью, Галвеев. Ради этого она принесла в жертву своего сына, и если душа Луэркаса захватила его мертвое тело, кровь невинного младенца не позволит злобному магу остаться безнаказанным.

Они ехали сквозь заросли огонь-травы, пестревшей дивными распустившимися цветами. Если бы она стояла на земле, растения укрыли бы ее с головой. С тощей спины лоррага она видела колышущееся впереди море цветущих фуксий.

— Ну, Даня Два Когтя, готова ты сделаться богиней? — спросил Луэркас.

Она промолчала.

Повернувшись, Луэркас посмотрел на нее. И вдруг она ощутила, что взгляд его начинает давить на нее, приобретая осязаемую тяжесть. Горло ее стиснуло — сильнее и сильнее. Воздух более не вливался в ее грудь, и она захрипела. Невидимые пальцы сдавили гортань, она вцепилась в собственную шею руками и, открыв рот, попыталась вдохнуть, но не смогла.

— Мне надоело ехать в молчании, — сказал Луэркас. — Я хочу, чтобы со мной разговаривали. И поскольку, кроме тебя, здесь никого нет, говорить придется тебе. Полагаю, что ты согласишься?

Мир вокруг уже заволокло прозрачной красной пленкой, и с краев на него начинала наползать тьма. Даня кивнула.

Луэркас расхохотался:

— Даня, когда ты наконец поймешь, что не способна сопротивляться мне? Лучше стань моим другом.

Он по-прежнему стискивал ее горло.

— Ну, будешь моим другом?

Она еще раз отчаянно кивнула. Весь мир медленно кружился перед глазами, а голова, казалось, вот-вот разлетится на кусочки.

— Очень хорошо. Я рад.

Наконец воздух хлынул в ее истосковавшиеся легкие. Даня повалилась вперед, ощущая и облегчение, и смешанный с ним ужас.

Луэркас смотрел на нее с прежней невозмутимой и лишенной малейших признаков тепла улыбкой.

— Тебе не кажется, что ты почувствовала себя лучше, как только признала себя моим другом?

Она снова кивнула.

— Ну, значит, договорились. — Он улыбнулся. — Мы друзья. Я приму облик каргана, как только мы окажемся возле деревни. Пока не снимай с себя этот красный плащ, но после того, как я преображусь перед ними в человека, скинь его на землю — так чтобы я мог сойти на него. В их пророчестве о пришествии спасителя говорится, что он будет ступать по багрянице. Твой плащ вполне соответствует этому условию. Пока мы вынуждены передвигаться на лоррагах, я на какое-то время буду принимать облик каргана, так что они не станут сомневаться в том, что их пророчество исполнилось.

Даня кивнула:

— Ты говорил, что хочешь, чтобы я что-нибудь сказала.

Он ответил:

— Ты поднимешь правую руку, чтобы они имели возможность хорошенько рассмотреть твои когти. Потом скажешь им: «Вы приютили меня и признали своей, вы кормили меня тем, что ели сами, вы подарили мне кров, очаг и свою дружбу. А теперь, мои добрые и верные дети, узнайте, что перед вами Ка Ика... И за все добро, что вы сделали мне, я отдаю вам своего сына, Иксахша, как и обещала когда-то».

— Ка Ика и Иксахша... Летняя Богиня и сын ее, Удачливый Рыболов. И ты действительно уверен, что карганы признают в нас своих героев? Ведь я даже не карганка.

— Их легенды повествуют о прежних днях, когда они были людьми... карганы искренне верят в то, что однажды вновь станут ими. И если Ка Ика явит себя в человеческом облике, это их не смутит. Ведь ты именно такая, какими они надеются стать. К тому же мы ездим на лоррагах, а я по собственному жела-

нию могу превращаться в каргана, кроме того, мы наделены сверхъестественными, с их точки зрения, способностями. Ничего более похожего на богов им не увидеть за всю свою жизнь.

— Ну, раз ты так говоришь. А что будет потом?

— Потом я скажу им, что настали дни исполнения пророчества, и Шрамоносный Народ вернется на свои законные земли, населенные ныне людьми, и получит возможность — раз уж они так хотят этого — обрести человеческий облик. — Луэркас пожал плечами. — Я прикажу им следовать за нами и пообещаю привести в Богатые Земли, их и всех остальных Шрамоносцев.

— Значит, они станут нашей армией, которая нападет на Иберу?

— Да. Но почему я слышу столько сомнений в твоем голосе?

— Потому что сейчас я сижу всего лишь на спине лоррага, а не нахожусь во главе армии. Я смотрю на тебя и вижу мальчишку, сидящего на спине зверя и не кажущегося при этом бессмертным или могущественным. У нас нет золотых облачений, драгоценных камней и слуг. Я была воспитана в Доме Семьи, и боги знают об этом. Я видела собственными глазами, какой должна выглядеть власть. Мы не похожи на властителей.

— Мое дорогое наивное дитя, тысячу лет назад я был вождем гильдии магов — самой могущественной из всех, которые знал этот мир. Покорные нашей мысли, по воздуху летали повозки, не похожие на ваши аэрибли, в небесах простирались сады, где, ступая по облакам, гуляли люди. Я видел власть в обличьях настолько прекрасных и удивительных, что ты пала бы перед ней на колени, как перед одним из ваших смехотворных божков. Уверяю тебя, карганы поверят нам... ну а то, что тебе кажется впечатляющим, карган сочтет враждебным себе. И в нас они увидят ту власть, которую способны понять. Мы станем воплощением всего, о чем они молились и мечтали из поколения в поколение.

Глава 6

Дугхалл видел, как потемнело связанное с Криспином Сабиром зрительное стекло. Затаив дыхание, он ждал знака от Хасмаля. Дугхалл не знал, что сможет сделать его молодой собрат, однако надеялся, что Хасмаль найдет способ взять под контроль тело Криспина. И что тому, быть может, удастся изгнать из тела душу Волка и овладеть освободившейся плотью.

И вдруг зрительное стекло вспыхнуло ослепительным светом, и голос Хасмаля ворвался в палатку.

— Нам придется поторопиться, — сказал Хасмаль. — Я должен многое открыть тебе, а времени у нас мало. Криспин скоро очнется, и прежде чем это случится, вам придется кое-что сделать.

Дугхалл подавил в себе желание спросить Хасмаля о том, где он сейчас находится и что с ним происходит, выразить ему свое сочувствие и понимание. Вместо этого он произнес:

— Рассказывай.

Из ослепительно сиявшего стекла раздался голос Хасмаля:

— Впусти меня в свое тело и разум и узнаешь все, что мне удалось выяснить.

Дугхалл колебался лишь мгновение, затем взял зрительное стекло и заглянул в его глубины. Хасмаль немедленно прикоснулся к его душе. Дугхалл почувствовал живительную теплоту, и бесплотная сущность Хасмаля потекла в него. Уже через долю мгновения он уловил мысли Хасмаля о пытках и смерти, ощутил его горе, вызванное разлукой с Аларистой, узнал все о дочери Криспина и все секреты Зеркала Душ. Пока он усваивал эту информацию, Хасмаль успел поймать его мысли о том, что Ри и Кеит благополучно спаслись и что Зеркало Душ вновь находится в распоряжении Соколов.

Дугхалл ощущал на своей душе оставленный Хасмалем отпечаток, так же как и следы его знакомства с сущностью Криспина Сабира и Дракона Дафриля.

А потом он почувствовал, что Хасмаль узнал о цене, которую заплатила Алариста за его спасение, и вслед за ним испытал глубочайшее потрясение.

Она по-прежнему любит тебя, попытался утешить душу молодого Сокола Дугхалл.

Знаю. И я тоже люблю ее. Но сейчас от этого только больнее. Пожалуйста, скажи мне теперь, что можешь воспользоваться тем, что я выяснил, попросил Хасмаль, *скажи, что я претерпел все эти муки не напрасно, а ради дела.*

Мы можем немедленно воспользоваться этой информацией. Мы заберем девочку прежде, чем Криспин очнется. А потом задействуем Зеркало и отправим в него остальных Драконов, чтобы далее перебросить их в Вуаль. И когда они исчезнут, уничтожим Зеркало. Спасибо, Хасмаль, ты дал нам шанс на победу. Твое имя будет вписано в анналы Соколов, и память о тебе будет жить до конца времен.

Я готов променять всю эту вечную память и славу на один день, проведенный с Аларистой... Прикоснись к ней за меня. Прошу, позволь нам в последний раз немного побыть вдвоем.

Дугхалл подошел к Аларисте и опустил ладонь на ее лоб. Из руки его хлынул свет, и в этот самый миг он осознал, что и сам засиял как маленькое солнце, пока душа Хасмаля пребывала в нем. Но Хасмаль оставил его, и Дугхалл вновь ощутил

холод внутри палатки. Свет перетекал в сделавшееся таким хрупким тело Алариста, наделял его собственным сиянием, стирал с лица муку и горе, которые сменились блаженной улыбкой.

Дугхалл смотрел на них всего лишь миг, а потом, почувствовав, что стал свидетелем чего-то очень личного, торопливо отвернулся.

— Дай мне зрительные стекла Ри и Кеит, — обратился он к Янфу. Говорить Дугхаллу мешал горловой спазм, и собственный голос показался ему хриплым. Он заморгал, пытаясь прогнать слезы, и рявкнул на Янфа: — Не глазей на них. Нельзя, отвернись. Лучше принеси мне перо, бумагу и чернила. Мне предстоит творить совершенно неизвестные мне заклинания и произнести их так, как нужно, я обязан с первого раза. Поэтому спокойнее будет все прочитать по бумажке.

Когда предстоящие дела четко обрисовались в его голове, Дугхалл вновь опустился на колени перед стеклами.

— Начнем с Ри, — сказал он.

Перед ним открылась комната в гостинице. Ри и Кеит ели, а Ян расхаживал по комнате, время от времени поглядывая в окно.

Дугхалл соединился со зрительным стеклом Ри, ощутив прикосновение уже знакомого мрака, и через какое-то мгновение смотрел на мир уже не своими глазами.

Ри, это Дугхалл, сказал он.

Тот притих.

Я узнаю твое прикосновение.

Победа уже недалеко. Хасмаль обнаружил, что у Криспина есть дочь. Ее зовут Алви. Криспин прячет девочку в доме на Шелковой улице, в Иноземной слободе, в Торговом квартале — за Черным колодцем, над лавкой красильщика Натиса Фархилса.

Дугхалл ощущал, как Ри впитывает информацию. Новость удивила его, однако соображал он быстро.

Как мне забрать ее? И почему ты уверен, что она пойдет со мной?

Она еще не встречалась со своим отцом. Но когда Криспин очнется, он первым же делом поспешит к ней, поскольку мысли Хасмаля теперь столь же открыты для него, как и его собственные для Хасмаля. Теперь он знает все. Он знает все, что было известно Хасмалю, и это представляет весьма серьезную опасность для нас. Но если ты поторопишься, то, возможно, сумеешь первым прийти к ней. А забрав к себе дочь Криспина...

Можешь не объяснять. Я поспешу. Что мне сказать ей?

Скажи ей так: «Дочь — это самое большое благословение отца, самая большая слава и самый большой страх». Она молода, Ри, и росла вдали от отца. Она чиста и невинна.

Я ничем не обижу ее.
Защити ее.
Я уже иду.

Дугхалл разорвал свою связь с Ри. Он подождал немного... Ри, вне сомнения, обо всем расскажет Кеит и Яну, но Дугхаллу хотелось, чтобы тот был уже в пути, когда ему придется соединиться с племянницей. Ей придется исполнить опасное, смертельно опасное поручение, и старый Сокол не хотел, чтобы Ри колебался, узнав о том, насколько тяжелое испытание придется пройти его любимой.

Включить Зеркало и сделать все необходимое могли, конечно, и Ри, и Кеит, но дочь Криспина ожидала, что за ней придет мужчина, и поскольку она никогда не видела отца, внешность Ри безусловно произведет на нее большее впечатление, чем облик Яна.

Прождав достаточно времени, он решил, что Кеит и Ян остались теперь вдвоем. Взяв в руки соединяющее с племянницей зрительное стекло, он устремился к ней мыслями.

Глава 7

Кеит стояла у окна и смотрела сквозь прореху в шторе на улицу — туда, где только что был Ри. Он бросился вон из гостиницы, предоставив им лишь кратчайшие объяснения и повергнув их в недоумение. За спиной ее Ян расхаживал по комнате и ворчал:

— И где мы будем прятать девчонку? Мы не сможем воспользоваться ее бумагами. Ее отец поднимет весь город на ноги, чтобы отыскать свою дочь. На первой же заставе она завопит «караул», и вся стража города погонится за нами.

— Ума не приложу, что нам делать со всем этим дальше, — вздохнула Кеит, глядя на бесконечный поток людей, торопившихся по улице. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь из них вдруг превратился в Ри, чтобы она знала, что он благополучно вернется к ней. — Обдумаем, когда Ри и девочка будут здесь.

— Может быть, мне пока сбегать в аптеку за снотворным зельем? — предложил Ян. — Если налить ей полчашки ночного колокольчика или эликсира Фадина, тогда переправить ее в Дом Галвеев можно будет без особых сложностей.

Кеит обернулась и укоризненно поглядела на Яна:

— И ты действительно способен напоить ребенка эликсиром Фадина?

С удовлетворением она заметила, как Ян покраснел.

— Конечно, лучше бы этого не делать, но нам необходимо отыскать хоть какой-нибудь выход.

— Мы найдем его. Но зачем торопиться. Пока подождем. Познакомимся с девочкой, увидим, как она будет вести себя, и поступим по обстоятельствам.

— Она — дочь Криспина Сабира. Если судить по отцу, возможно, нам придется убить ее.

Кеит строго посмотрела на него:

— Незачем говорить такие вещи даже в шутку.

Ян вздохнул.

Кеит вновь повернулась к окну.

Кеит.

— Что?

— Я ничего не говорил тебе, — отозвался Ян.

Кеит. Это Дугхалл.

Кеит притихла и медленно вдохнула. Погруженный в ее кожу талисман едва ощутимо дрогнул.

Я слушаю тебя, дядя.

Пора включить Зеркало, сказал он. *Пришло время изгнать Драконов в Вуаль.*

Кеит повернулась к Яну:

— Помоги мне достать Зеркало.

Тот нахмурился.

— Ты думаешь, что его можно включать в гостинице... — начал было возражать Ян, но, взглянув на нее внимательнее, умолк. — Ты с кем-то разговариваешь, так?

— С Дугхаллом, — ответила она.

— И он сказал тебе, что надо делать?

— Он сказал, что Хасмаль выяснил, как работает Зеркало. И теперь мы должны немедленно выбросить всех Драконов из Калимекки.

— Мы?

Кеит кивнула.

— Ох, *шанг!* — Ян направился к буфету, и вдвоем они извлекли оттуда Зеркало Душ.

Сразу после прибытия в гостиницу они взяли несколько одеял из гардероба и обернули ими Зеркало, хотя ни одеяло, ни шкаф не могли бы надежно укрыть этот предмет, если бы он вдруг решил снова предать их, как было у Тысячи Плясунов. Тем не менее лучше завернуть и спрятать, чем оставлять его на виду.

— Дай-ка гляну в окошко, — пробормотал Ян, ставя Зеркало перед ней. — Хочу в последний раз поглядеть на жизнь.

Несмотря на страх перед Зеркалом, Кеит чуть заметно улыбнулась словам Яна и, стащив трясущимися руками последнее одеяло, застыла перед могущественным предметом. Создатели постарались сделать эту вещь красивой, однако прекрасная

оболочка скрывала гнилую сердцевину. По коже Кеит бегали мурашки... эта вещь легко могла вырвать из тела ее душу и отбросить в Вуаль, а ее собственную плоть подарить кому-нибудь еще. Кеит знала, на что способно Зеркало, и боялась его всем своим существом, однако сейчас ей предстояло не просто прикоснуться к нему, к его кнопкам из резных драгоценных камней, но включить и ждать, что оно соизволит помочь им в борьбе с Драконами.

Внезапно Кеит почувствовала, что Ян внимательно смотрит на нее, и поняла, что уже довольно долго стоит в оцепенении перед Зеркалом Душ.

— Чего же ты ждешь? — спросил наконец Ян.

— Набираюсь решимости. — Она стиснула кулаки.

Жертвенность, конечно, чистое и благородное чувство, но если речь идет о том, чтобы шагнуть в огонь ради блага незнакомых людей или даже ради спасения своих друзей, родных, возлюбленного... Кеит вдруг обнаружила, что желание жить, брыкаясь и визжа, вылезает наружу из дальних закоулков ее ума, требуя от нее хорошенько подумать, прежде чем действовать.

Ты можешь и не делать этого, напомнил издалека Дугхалл.

Знаю.

Кеит смотрела на холодные даже с виду, притягивающие взгляд изгибы Зеркала. Оно было символом того полного скверны и зла будущего, на которое обречено человечество, если она не исполнит своего долга. Оно являлось полной противоположностью той надежде и тому счастью, что воплощал в себе Соландер.

Мысль о Соландере помогла ей вернуть себе уверенность и спокойствие... Кеит еще не забыла, какие чувства рождало в ней прикосновение к его душе. Впервые в ее жизни другой человек полностью понял и принял ее целиком — такой, какова она есть. Соландер не видел в ней чудовища. Она была рядом с ним самой собой, Кеит, женщиной и Карнеей, и он любил ее в обоих этих обличьях.

До встречи с ним она представляла Соландера богом... и вдруг с огромным недоумением поняла, что видит человека... истинного человека. Невзирая на присущую человеку ограниченность, он сумел обрести ту самую внутреннюю красоту, которая наделила его даром любви ко всем без исключения... А ведь Соландер утверждал, что подобным же даром наделена не только она сама, но и каждый из людей, настоящих и Шрамоносных.

Я способна на это. Я могу любить, так как любил он.

Пришедшая издалека мысль Дугхалла была полна стыда.

Вот в чем я всегда отступаю от учения Соландера. Именно здесь я всегда терплю поражение, признался он. *Даже те-*

перь я борюсь с Драконами скорее ради себя самого, чем для кого-то другого.

Кеит была готова возразить ему, однако Дугхалл остановил ее.

Я знаю себя, продолжал он. *И знаю, что однажды сделаюсь другим. Однажды. Но сейчас речь не обо мне. Все дело в Зеркале. И в тебе. И в том, что ты можешь сделать, чтобы спасти всех нас.*

Кеит медленно вздохнула и сделала единственный шаг, отделявший ее от Зеркала, чтобы положить руки на его гладкую металлическую поверхность. Зеркало Душ по-прежнему напоминало ей гигантский цветок, платиновые лепестки которого покоились на трех изящных, похожих на мечи листьях. То, что было стеблем, когда она впервые увидела этот предмет — изящный столб золотого света, поднимавшийся от основания через центр треноги и кольцом окружавший лепестки, — сейчас отсутствовало. Стебель вновь появится, когда она включит Зеркало... и когда загорится его свет. Тогда она сразу поймет, что наступил решающий момент.

Если ты готова, начнем, сказал Дугхалл. *Я буду смотреть твоими глазами. Но не стану даже пытаться двигать твоими руками. Когда мы начнем, опасность будет грозить в первую очередь тебе самой; тебе и решать, делать ли каждый следующий шаг или нужно подождать.*

Ты мог бы помогать мне...

Мог бы, но я не стану этого делать.

Понимаю.

Она ощутила волнение Дугхалла, а также его страх.

Тогда начинаем.

Он передал ей свое зрение, и она вдруг увидела самоцветы в середине чаши цветка совершенно по-другому. Они более не казались украшением, каждый резной камень был помечен знаками и завитками, внезапно обретшими смысл: «начальная энергия», «сброс», «соединение», «осушение», «подсоединение», «регулировка». Она поняла, что смотрит на Зеркало не только глазами Дугхалла, в ней теперь говорила и память Дракона. Кеит видела нить, соединяющую знания Дракона с разумом Дугхалла, и ощущала, что он поддерживает связь и с Хасмалем, хотя не могла понять, как такое возможно.

Чтобы успокоиться, Кеит несколько раз вдохнула и велела себе на время расслабиться. Затем она укрепила свою связь с Дугхаллом. На мгновение она почувствовала сопротивление, когда он подался чуть назад, однако ей был необходим более полный доступ к воспоминаниям Дракона, находившимся в его памяти. Дугхалл пропустил ее за возведенный им барьер, и она ощутила внезапный толчок узнавания, когда несчетные воспоминания Дра-

кона слились с ее собственными. Она обнаружила, что этот Дракон и был тем, кто назвался ей когда-то ее прабабкой Амели... тем, кто отправил ее за океан на поиски Зеркала. Она узнала, что он намеревался захватить ее тело, однако сделать это ему помешал магический экран, которым она с помощью Хасмаля научилась защищать себя. Кеит стало известно и то, что тот, чье тело он впоследствии присвоил себе — Криспин Сабир, — был одним из тех, кто надругался над ее кузиной Даней. Именно он и зачал ребенка Дани, в которого вошла душа Возрожденного. Она ощутила всю тяжесть зла, пропитавшего жизнь Криспина, гнет тысячелетних козней Дафриля, многочисленные страхи Хасмаля, его любовь и муки смерти... Все это накатило на нее, как если бы полученные знания оказались грузовым фургоном, влекомым сотней мчащихся лошадей. Взаимосвязи ошеломляли, воспоминания Хасмаля, Криспина, Дугхалла переполняли ее. Жестокие, конфликтующие, непонятные образы хлынули в ее разум, и ноги ее ослабели. Почувствовав дурноту, она внезапно повалилась на Зеркало.

Сильные руки обхватили ее за талию и оттащили назад.

— Кеит, с тобой все в порядке?

Голос доходил до ее сознания из какой-то невероятной дали, однако он был реальным, и она вынырнула из тьмы, которая уже грозила поглотить ее.

— Сейчас все будет в порядке. — Она закрыла глаза, надеясь, что слова ее окажутся правдой. — Сейчас...

— Давай я включу Зеркало. Скажи, что нужно делать, и я возьму весь риск на себя.

Кеит вздохнула, чтобы успокоиться, а потом усилием воли вернула себе контроль над собственными ногами. Вновь крепко став на них, она повернулась спиной к Зеркалу Душ — лицом к Яну.

— Я не могу позволить тебе это. Я знаю, что ты охотно сделал бы это ради меня, но Зеркалом Душ может управлять лишь маг.

Прикоснувшись ладонью к его руке, она добавила:

— Просто поддерживай меня, чтобы я не упала, если испытание окажется для меня непосильным.

Заглянув в глаза Кеит, Ян взял ее руку в свои:

— Я сделаю все, что ты позволишь мне. Но если окажется, что я могу сделать что-нибудь еще... прошу тебя... скажи мне.

Кеит внимательно посмотрела на него. Любовь, светившуюся в глазах Яна, больно было видеть. Она всей душой жалела его и с горечью думала о том, что не может стать той женщиной, которая ему нужна. Она кивнула, чувствуя, как перехватывает у нее горло, как выступают на глазах слезы. Не имея в себе сил найти подходящие слова, она торопливо обняла его, а потом вновь повернулась к Зеркалу.

Глава 8

Криспин очнулся во тьме. В ушах его звенело... долгий мучительный миг ему казалось, что он по-прежнему находится в Вуали и что воспоминание об избавлении было всего лишь сном. Однако мускусный запах его собственного тела щекотал ноздри; откуда-то издалека вдруг повеяло ночным жасмином, вблизи резко пахло мочой и кровью. Потом звон прекратился... и он понял, что в сотнях городских храмов служители закончили вызванивать Зов Палдина, отмечая конец дня. Сгущались сумерки.

Он сел и провел руками по лицу. Своему собственному. Ладони его прикасались к волосам, шее, груди... прижав руки друг к другу, он ощутил, как пульсирует кровь в кончиках пальцев.

Он втянул в себя воздух, пока легкие не просигналили об избытке его, а потом испустил радостный выдох.

Пошевелив ногами, он прислушался к своим ощущениям, затем вытянул руки над головой, изогнул спину, наслаждаясь потягиванием суставов.

— Я вернулся, — прошептал он, ухмыляясь. — Пусть проклятые Драконы катятся в ад, я вернулся.

Глаза его уже привыкли к почти полному мраку, царившему в комнате, и Криспин понял, что находится в пыточном застенке Цитадели Богов, города Драконов, построенного ими в сердце Калимекки. К столу было привязано тело, от которого исходили те самые запахи.

Это тело...

Воспоминания вдруг нахлынули на него, и не только его собственные, но и те, что когда-то принадлежали лежащему на столе мертвецу, а также те, что оставил в нем Дракон, укравший его тело и воспользовавшийся им как дешевой повозкой, и здесь же оказались воспоминания жуткого чародея, укрывшегося в далеких горах... чародея, который, насколько Криспин понимал, по-прежнему мог наблюдать за ним и был способен в любое мгновение без предупреждения вторгнуться в его тело и узнать самые сокровенные мысли.

Криспин оскалился. Воспоминания эти позволяли ему теперь познакомиться со многим из того, что было известно старому магу. Теперь он знал, что может попасть в место, где укрылся со своими людьми Сокол Дугхалл, просто отправившись туда вдоль энергетического волокна, тянущегося от талисмана, который погрузил в его кожу тот, кого он убил. Теперь он также мог наблюдать за своими врагами и, возможно, найти способ уничтожить их.

Однако, не успев насладиться этой приятной мыслью, Криспин понял, что у него нет времени на обдумывание своих

действий. Они узнали об Алви и решили похитить его дочь, чтобы воспользоваться ею в борьбе с ним.

Криспин зарычал. Холодная ярость, которую он испытывал при мысли о неприметных Соколах и властных Драконах, преобразилась в нечто другое... жаркое, раскаленное и еще более примитивное. Кровь его закипела, мускулы обожгло огнем, и они свободно потекли под его кожей. Он потратил большую часть жизни, чтобы подчинить себе зверя, обитавшего внутри него, но сейчас Криспин не хотел власти над ним. Он был рад этой твари, завывавшей внутри Трансформирующегося черепа, и был готов целиком отдаться свирепым бессловесным страстям животного.

Криспин торопливо сорвал с себя одежду. Он аккуратно свернул ее, перевязал шнурком и повесил узел на шею. Легкий шелк, из которого была сшита его одежда, не мог обременить его.

Ему хотелось ощутить вкус крови во рту, услышать хруст ломающихся в его челюстях костей. Хотелось рвать, терзать, убивать тех, кто осмелился похитить его дочь. Криспин преобразился в четвероногого Карнея, и мир вокруг сразу же обрел знакомую четкость и осязаемость, запахи обострились и сделались полными смысла, звуки стали разнообразнее, громче и полнее. Принюхиваясь, он втянул в себя воздух и повернул морду к двери. Следовало поторопиться. Похититель уже на пути к дому Алви, а значит, опасность близка к ней. Она еще ребенок и не имеет представления о ловушках, которыми ей грозит город. Алви доверчиво пойдет с первым же, кто произнесет условленную фразу. А Хасмаль прочел ее в его собственных воспоминаниях. Нечего было и думать о том, что похититель что-нибудь перепутает. Оставалось только надеяться, что он сумеет первым добраться до дочери.

Если же нет — он отыщет след, который оставит похититель, возвращаясь в свое логово.

Криспин мчался по белым коридорам Цитадели Драконов, стараясь избежать встреч с ее обитателями и игнорируя явное волнение и смятение, царившие в городке. У него еще будет время свести с ними счеты.

Сначала нужно убить похитителя и спасти дочь.

Глава 9

Шелковая улица и в сумерках бурлила жизнью.

Лавки торговцев шелком, от которых она получила свое название, были уже закрыты, и перед ними на тротуарах, высоко поднимавшихся над мощеной мостовой, устроились

оркестрики *ом-биндили*. Обитатели домов, высившихся над лавками, высыпали на балконы, чтобы насладиться прохладным вечерним воздухом. Они пили и танцевали под музыку или слушали песни. Многие вышли на улицу, чтобы сыграть с соседями в кости или рука об руку прогуляться по вечернему городу — в самых лучших нарядах, чтобы и похвастаться, и перед другими лицом в грязь не ударить.

Песни Вилхены, Гласверри-Хала и далекого Вархииса, звучавшие на языках этих земель, и людей, живших в этой части города, сливались в богатую и странным образом утешительную смесь. Как просто спрятать ребенка в чужеземном квартале, подумал Ри. Эти люди доверяли друг другу и рассчитывали на соседей, потому что более не могли ни на кого положиться. В отличие от исконных жителей Калимекки они не могли прибегнуть к защите, которую предоставляли права горожанина. Они становились добрыми соседями и друзьями из чувства самосохранения.

Гуляющие разглядывали его. Он явно нарушал привычное течение вечерней жизни на Шелковой улице. Люди запоминали его лицо, одежду, походку. Он не мог теперь бесследно исчезнуть из их памяти. Он был незнаком им и потому особенно приметен. Внутренне съежившись, Ри тем не менее вежливо кланялся, продвигаясь со всей возможной здесь скоростью сквозь скопление игроков, сплетников и гуляк.

Основной ориентир, которым он располагал, Черный Колодец, находился в центре площади с пышной растительностью. Тщательно подстриженные кусты и ароматные цветы росли в высоких каменных цветочницах, выставленных во всех четырех углах площади и отделанных мозаикой, напоминающей смелую, стилизованную уличную живопись, что украшала проспекты города-государства Вилхены. Колодец окружали скамьи, на которых сидели старухи, ведущие неторопливые беседы да не забывающие наблюдать за ходом общей вечерней прогулки, и старики, находящие удовольствие в том, чтобы угостить соседей старинной шуткой, похлопать друг друга по коленям и разразиться хохотом, в сотый раз услышав какой-нибудь непристойный рассказ. Обходя вокруг площади, Ри отметил, как голоса их понизились до шепота, а взгляды, казалось, приклеились к его спине.

Когда Криспин явится разыскивать свою дочь, точное и детальное описание похитителя он сможет получить не меньше чем от тысячи людей.

Надо было найти способ отделаться от всеобщего навязчивого внимания.

За колодцем, на другой стороне площади, Ри увидел вывеску красильщика и прочитал на ней имя Натиса Фар-

хилса, написанное по-иберански и еще на полудюжине других ходовых языков. На балконе над лавкой стояла хорошенькая девочка, смотревшая на него. Изящная, легкая фигурка... волосы ее в сумерках казались белыми, однако скорее всего они были бледно-золотистыми. Она наклонилась вперед, оперевшись на поручень балкона. Глаза ее, столь же светлые, как и его собственные, не моргнули, когда он заглянул в них. Ри лишь мельком посмотрел в ее сторону, однако ее настойчивый взгляд притягивал, и он понял, что не может отвести глаз. Он отметил для себя, что она слишком взрослая, чтобы быть дочерью Криспина, однако девочка безусловно была похожа на него. Наверняка это и есть Алви.

Он остановился, глядя на нее и чувствуя себя дураком. Нечего было даже надеяться, что она примет его за своего отца. Едва разменяв третий десяток, он был слишком молод, чтобы иметь такую, почти взрослую дочь. Ничего не зная из ее прошлого, он никак не мог изображать ее истинного отца. Что же сказать ей, чтобы она не приняла его за обманщика, каковым он, в сущности, и намеревался стать?

Ри едва не повернул назад. Но Криспин... есть Криспин. И Соколам необходимо справиться с ним. А эта девушка, это внимательное и чистое создание, является ключом к победе над Криспином.

Сердце Ри начало прыгать в груди. Оторвав от нее взгляд, он торопливо направился вверх по лестнице, устроенной сбоку дома. Девушка ждала его у раскрытой двери.

Отец должен был предупредить ее о том, что Калимекка полна опасностей. Конечно же, Криспин не мог не сказать ей, что дверь перед незнакомцами открывать нельзя.

— Я чувствовала, что ты придешь сегодня, — произнесла она прежде, чем Ри успел открыть рот. — Весь день воздух нашептывал о беде. Земля трепещет в ожидании грядущих перемен.

Голос ее был тонким и нежным — и очень юным. Теперь Ри видел, что она гораздо моложе, чем показалось ему, когда он смотрел на нее с улицы. Ее жесты, движения, удивительное изящество и изумительная красота делали эту девочку более взрослой, чем на самом деле.

Он решил, что ей должно быть не больше двенадцати, а возможно, даже и десяти. Говорила она с очень странным акцентом. Но Ри почти сразу вспомнил этот говор — тягучую речь поселенцев, осевших на Сабиренском перешейке. Должно быть, большая часть ее жизни, подумал Ри, прошла в Стосте — под присмотром матери или нанятых Криспином людей. Подробностей он не знал, да и не хотел выяснять их.

— Я... — начал он, желая объяснить, что он не тот, за кого она принимает его, но тут же остановил себя и произ-

нес: — Дочь — величайшее благословение отца, его величайшая слабость и страх.

Девочка смотрела на него — одна бровь ее медленно приподнялась, и улыбка изогнула уголки ее губ.

— Так сказали мне птицы, — ответила она.

— Мы не можем оставаться здесь.

— Я знаю это. — Она кивнула. — И чувствую, как опасность идет за тобой по пятам. Даже сейчас у нас мало времени. — Она вдруг обняла его за шею. — Спасибо, что пришел за мной. Я очень боялась.

Ри кивнул, не смея заговорить. Какое милое дитя и какое доверчивое! Он предпочел бы, чтобы она грубила ему и дерзила, тогда бы он не чувствовал себя столь мерзко, похищая ее у отца, чтобы сделать заложницей перед ликом грядущих бед. Она имела полное право на встречу с отцом; более того, имела право на то, чтобы мир оправдал хоть какие-то из ее ожиданий. Но мир этот не для таких, как она, и во многом по его, Ри, собственной вине, и, стоя теперь перед этой девочкой, он ощущал себя предателем.

Она улыбнулась ему, повернулась, ушла в комнату и с кем-то перемолвилась словом... до сих пор ему даже в голову не приходило, что она может быть не одна. А ведь он должен был услышать дыхание этого другого человека, уловить его запах... Впрочем, Ри был слишком занят Алви и собственными сомнениями. Но теперь ему необходимо сконцентрироваться, и побыстрее. Звякнули драгоценности, скорее всего золото, и ласковый голос Алви произнес:

— Ты была очень добра ко мне, парата Терши. Надеюсь, когда-нибудь мы снова встретимся.

— Надеюсь, ты будешь счастлива, дитя мое, — ответила старая женщина. — Ты заслуживаешь счастья.

После этого Алви снова вышла к нему, держа по сумке в каждой руке.

— Не возьмешь ли одну из них? — попросила она. — Они не тяжелые; моя *нанте* сказала, чтобы я не брала с собой слишком много вещей. Она говорила, что здесь у меня будет много новых платьев и игрушек и я не буду нуждаться ни в чем. Поэтому я взяла с собой из Стосты лишь самые дорогие мне вещи.

— Отлично, — сказал Ри. — Я понесу обе сумки.

— Тогда ты не сможешь держать меня за руку.

Девочка смотрела на него снизу вверх серьезными глазами.

— Ты ведь хочешь держать меня за руку?

— Да. Конечно.

— Тогда я понесу одну из них. Но нам уже надо идти, — напомнила она.

— Ты права, — кивнул Ри.

Он взял одну из сумок — она оказалась легкой как перышко. Интересно, что именно везла с собой эта девочка через весь океан... какие «самые дорогие вещи» утешали ее во время долгого морского путешествия — по пути к совершенно неизвестному ей человеку, вдруг предъявившему права на свою дочь, оторвавшему ее от близких ей людей?

Они поспешили вниз по ступеням, и Ри удивился тому, что она пошла впереди него, задавая темп ходьбы, и тому, что она так торопилась. Алви шла так быстро, что ему пришлось делать широкие шаги, еще немного — и они вполне могли перейти на трусцу. Она помахала рукой кому-то из гулявших, и ее спросили:

— Это он?

— Он, — веселым голосом ответила она. — Правда, он красивый, как я и говорила вам?

Теперь на обращенных к нему лицах играли улыбки. Некоторые махали им, а одна из старух успела крикнуть ему, когда они проскочили мимо нее:

— У тебя очаровательная дочь, и я рада, что ты благополучно возвратился из своего путешествия.

— Я тоже, — ответил Ри. Он больше не был чужаком среди этих людей. Ее присутствие и слова сделали его отцом этой девочки, а все они знали Алви, любили ее и считали своею. И он вполне понимал их. Алви стиснула его руку и посмотрела на него полными радости глазами. И ему вдруг остро захотелось, чтобы она действительно была его дочерью.

А потом они вышли за пределы иноземного квартала, и Шелковая улица преобразилась. Люди, торопившиеся в сгущающихся сумерках, избегали чужих взглядов и смотрели только прямо перед собой. Оркестриков ом-биндили не было и в помине, веселую прогуливающуюся публику сменили женщины с тоскливыми глазами и насупленные мужчины, предлагавшие женские тела для удовлетворения чужой похоти, или, по обыкновению, торопившиеся в заведения, где подавали каберру, или же просто поджидавшие неосторожных прохожих. Алви притиснулась поближе к Ри. И не стала жаловаться, когда он зашагал еще быстрее. Ри подумал, что, может, стоило бы посадить ее на плечи и велеть держаться ногами за его бока. Тогда он взял бы обе ее сумки и побежал. Он уже повернулся к ней, чтобы предложить такой вариант, однако она опередила его:

— Нам нужно взять экипаж.

— Ты устала? — спросил Ри.

— Нисколько. — Она покачала головой. — Я могу бегать целыми днями. Но мы оставляем след, а он ищет нас. И на сей раз он по-настоящему зол.

— Кто он? — Ри нахмурился.

— Мой отец, — просто сказала она.

Горе не коснется нас здесь.

Алариста распростерла руки и, невесомая, кружила, ощущая тепло и свет, обтекающие ее, пронизывающие ее насквозь. Она танцевала, затерявшись в глубинах красоты и блаженства, и Хасмаль был рядом с ней. Она понимала, что оказалась за пределами смерти; их счастье не знало отныне горя и разлук... она соединилась с Хасмалем в мире, недоступном Драконам, в краю, куда зло не могло войти.

Она не знала имен тех, чьи силуэты кружили здесь повсюду, сияя в не знающем тени свете, но имена у них наверняка были. Создания эти являлись частью этого вечного мира, его стражами и хранителями, оберегающими блаженный край от тварей, что обитают в холодной тьме и охотятся в Вуали. Сотканные из света, они были приветствующими и приветствуемыми.

Горе не коснется нас здесь.

Она знала, что Хасмаль погиб, знала, что и сама она умирает. С кристальной ясностью Алариста помнила о своей жертве. Она до сих пор ощущала всем своим умирающим телом непривычную тяжесть возраста, острые боли и затрудненность дыхания. Тонкая ниточка все еще связывала ее с этой тянущей назад полубесчувственной плотью, донося отголоски поднявшейся вокруг суеты, отзвуки бурной деятельности, направленной на сохранение ее жизни. Она знала одно: телесные боли скоро закончатся, а этот танец с Хасмалем продлится целую вечность и оба они, две воссоединившихся родственных души, отправятся из места приветствия дальше — открывать бесконечные тайны этого вечного мира.

Такова была ее судьба.

Они встретились и слились в объятиях.

Один из безымянных стражей Царства Света двинулся в сторону Аларисты. Он прошел сквозь нее. Она ощутила легкое давление, почувствовала, как вокруг уплотнилось пространство, она наполнилась уверенностью и спокойствием предвидения.

Подожди, сказал ей Хранитель.

Алариста подплыла ближе к Хасмалю, слилась с ним, погружаясь в него частью себя. Она хотела, чтобы Хранитель замолчал, попыталась вынудить его отступить к воротам, через которые проникла сюда сама.

Наконец-то мы вместе, сказала она. *Мы созданы для того, чтобы всегда быть вместе. Горе здесь не властно над нами.*

Горе здесь не властно над вами, согласился Хранитель. *Но мир, который вы оставили, ожидает завершения вашего дела. Ты еще нужна там.*

Хасмаль отстранился от нее, их танец прекратился.

Время, отведенное для твоего возвращения, уходит. Ты возвратишься или направишься дальше?

Алариста почувствовала, что вопрос этот отягощен знанием, которое она таила от себя всю жизнь. Она выбрала свою жизнь, выбрала путь, направила свою тропу так, чтобы она слилась с тропою ее духовного близнеца, ее возлюбленного Хасмаля. Однако тропа эта пересекалась и с другими намеченными ею путями, которых она еще не прошла до конца. Она ушла слишком рано, и если сейчас она не вернется в мир, дело ее навсегда останется незавершенным. Никто другой не пройдет ее стезей. Никто не закончит за нее выбранное ею для себя дело.

Натяжение хрупкой нити, соединявшей ее с телом, ослабло.

Она оглянулась на медлительный и тяжелый мир плоти: целительница склонилась над нею, торопливо произнося отчаянные заклинания. Тело Аларисты было еще живо: неровное дыхание вырывалось из открытого рта, глаза бессмысленно смотрели в пространство. Неужели ей предстоит вновь облечься в эту тяжесть? Неужели ей придется вернуться в мир — к боли и усталости?

Но как оставить Хасмаля?

Однако земное дело ее не закончено, и никто, кроме нее самой, не в состоянии завершить его.

Алариста протянула Хасмалю руку ладонью вверх. Он вложил в нее свои пальцы, и она ощутила, как он жаждет любви, жаждет, чтобы они соединились навечно. Он нуждался в ней не меньше, чем она в нем. Прожив друг без друга не одну прошлую жизнь, они наконец встретились. И если она сейчас вернется в свою плоть, то, возможно, ей придется вновь пройти через множество перерождений, прежде чем им удастся снова обрести друг друга. Но может быть и такое, что они разлучатся навеки, если Хасмаль или она сама собьются с пути. Души нередко попадают в зубы темных охотников Вуали, души тоже умирают. А этот чудесный момент мог растянуться на целую вечность, но мог и, оборвавшись сейчас, никогда больше не вернуться к ней.

Но никто другой не сможет сделать то, что должна выполнить она, оставаясь Аларистой. То, ради чего пришла она в эту жизнь.

Существует ли какой-нибудь способ, позволяющий Хасмалю вернуться вместе со мной? — спросила она у Хранителя.

Ты знаешь, что существует.

Она действительно это знала. Однако, представив себе тот путь, которым ему пришлось бы пройти для этого, она поежилась. Хасмаль так легко мог затеряться на этой дороге.

Милый мой, я не могу сейчас остаться здесь, сказала она.

Я знаю. Хасмаль ласково прикоснулся к ней мыслью, и Алариста вдруг поняла, что горе властно над нею даже в этой обители света и счастья.

Будь осторожен. И жди меня.

Вечно, сколько бы ни пришлось ждать.

Алариста торопливо оторвалась от Хасмаля, скользнув вдоль нити, связывающей ее с плотью и жизнью. Времени на возвращение у нее почти не осталось: связь эта уже начинала распадаться, когда она вновь вошла в собственное тело... вернувшись во тьму, холод, к притупившимся чувствам и неизбывной боли. Легкие ожгло словно огнем, Алариста резко и неровно вдохнула и выпустила воздух из груди. Вдохнула еще раз.

Она с трудом вернулась в свою плоть — словно бабочка, вновь втиснувшаяся в недавно оставленный ею кокон. Впечатление красоты покинутого ею только что края, а с ним и воспоминания, которые она принесла с собой, в одно мгновение рассеялись, рассыпались, точно лучи света, затерявшиеся в серых клубах дыма.

Она знала, что должна совершить что-то очень важное. Знала, что Хасмаль умер. И помнила, что могла бы остаться с ним, но возвратилась.

Очнулась она в слезах.

Кеит нервно сглотнула и облизала губы. Пальцы ее прикасались к знакам, вырезанным на драгоценных камнях, и смысл их теперь был для нее очевиден. Память обо всех их комбинациях имела тысячелетний возраст и была доступна для Кеит. В первую очередь она нажала на *каффел*, посвящение. Рубин с этим знаком мягко щелкнул и погрузился в металл зеркала. Внутри его затеплился огонек. Зеркало дрогнуло, и с негромким шелестом от основания его вверх потекла струйка тумана, наполняя кладезь душ — углубление в центре цветка.

Пока все в порядке, заверил ее Дугхалл. *Я с тобой.*

Я знаю, дядя. Но... Голос ее дрогнул.

Согласен, это ужасно.

Не то слово, призналась она.

Пальцы ее легли на *бенате*, вырезанный в кровавике, и на *тирс*, начертанный на светло-зеленом жадеите. Кеит нажала на первый знак, затем на второй. И вновь оба камня с негромкими щелчками опустились внутрь, и в них засветились крошечные огоньки. Внезапно запахло жимолостью, и золотой свет пронзил столб тумана, закручиваясь вверх по спирали.

Во рту ее пересохло, ладони зудели. Она переступила с одной ноги на другую, потом обратно. Присутствие Дугхалла в ее душе утешало Кеит, однако это не могло изгнать из ее сер-

дца ужас, рожденный чарами Драконов, оживавшими под руками девушки. Ей казалось, что она будит ото сна чудовище, способное сожрать ее сразу, как только придет в себя, не задумываясь о том, что оно делает.

Кеит не понимала, как могла она прежде верить тому, что в Зеркале Душ таится хоть что-нибудь доброе. Чары его мерзким языком лизнули кожу Кеит, и она содрогнулась. Она так хотела чуда, так мечтала о том, чтобы ее родные восстали из мертвых. Ей настолько отчаянно хотелось поверить в то, что этот предмет может подарить ей такое чудо, что она сделалась слепа. Ей вдруг подумалось: не потому ли зло побеждает столь часто... не потому ли это происходит, что оно умеет казаться необходимым, не потому ли, что нередко предлагает отчаявшемуся человеку последнюю надежду — словно леденец на палочке?

Дыхание ее участилось, она закрыла глаза. Воспоминания незнакомцев яркими картинками начали прыгать под ее сомкнутыми веками, и Кеит старалась понять их смысл. Разум Криспина нарисовал перед нею лица десятков тысяч людей, собравшихся на площади перед парниссерией на противоположной стороне города в тот день, когда он включил Зеркало. Кеит увидела, как каналы магической энергии мгновенно соединили Зеркало с башнями, построенными Древними по всему городу, увидела, как из Зеркала хлынул ослепительный в своей всесильности свет, разорвавший небеса своей вспышкой. Воспоминания Дафриля позволили ей понять смысл этой картины. Кеит поняла, что Зеркало подпитывало свою мощь жизненными силами собравшейся на площади толпы, а затем обрушило накопленную им энергию на заранее выбранных Драконами людей, чтобы изгнать их души из тел, освободив таким образом плоть для черных магов. С того дня Зеркало лишь удерживало, словно плотина, этот чудовищный поток энергии.

Кеит была уже готова поднять затворы, и хотя ум Дафриля подсказывал ей, что случится вслед за этим, она колебалась, ибо та же память Дракона говорила ей, что до сих пор Зеркалом пользовались лишь однажды и что ни знания Дафриля, ни кто-либо из его сподвижников не могут гарантировать ей, что в их теории не вкралась какая-нибудь ошибка.

Кеит открыла глаза.

— По-моему, тебе лучше выйти из комнаты, — обратилась она к Яну.

Он шевельнулся за ее спиной:

— Я не собираюсь оставлять тебя наедине с этой штуковиной.

Страх его Кеит ощущала столь же отчетливо, как и свой собственный. Ян был небезразличен ей, он ее друг, которого она по известным причинам не может полюбить.

— Я не хочу, чтобы ты погиб, если у меня ничего не получится, — ответила она.

— Здесь не о чем даже говорить.

— Пожалуйста... Я смогу сконцентрировать все внимание на том, что мне нужно сделать, лишь если буду знать, что ты в безопасности.

— Кеит, — сказал Ян, встав перед ней и нахмурив брови, — я вполне понимаю тебя, но не могу оставить одну. Не могу. Ты не знаешь, как все сложится, вдруг я понадоблюсь тебе? Поэтому мне придется остаться.

Она не могла бы сказать себе, что Ян ошибается. В главном он был прав: она ни в чем не может быть уверена. И Кеит, кивнув, ответила:

— Спасибо тебе, Ян.

Плотно сжав губы, он возвратился на свое место у стены за ее спиной; Ян ничего не сказал ей, однако мысли его прочитать было несложно.

Кеит опустила ладони на Зеркало... три следующих нажатия вновь свяжут этот предмет с душами Драконов.

Эти три камня располагались рядом, помеченные знаками *петиозе, нерил* и *иншуз*. Призови, собери и удержи. Кеит нажала поочередно золотой кошачий глаз, блестящий гиацинт и бледный аквамарин. А потом затаила дыхание.

Вновь прозвучали негромкие щелчки, вновь засветились нажатые самоцветы. Исходивший от Зеркала тихий шорох сделался громче и звонче, в комнату проникло легкое дуновение ветра. Свет, изливавшийся от Кладези Душ, стал ярче и начал приобретать зеленоватый оттенок. Теперь Кеит казалось, что она может различить отдельные слова в негромком и ровном шепоте. По коже ее бегали мурашки, капля холодного пота скатилась по спине, заставив ее поежиться. В комнате одновременно было и жарко словно в печи, и холодно как в склепе.

Рядом слышалось частое дыхание Яна. Кеит ощущала, как кровь волнуется в ее жилах, словно пытаясь отыскать путь наружу. Сияющее облако энергии, кружившее в центре Зеркала Душ, казалось голодным, страшным и выжидающим чего-то существом.

И теперь ей предстояло принять в себя поток этой энергии. Ее тело послужит громоотводом, который направит в землю это кружащее зеленое пламя.

Кеит отыскала знак *пелдон* — «извлекай» — и задержала над ним указательный палец. Потом перевела взгляд на *галоин* — «обрати» — и положила на него палец другой руки. Нажав на них одновременно, она притянет души Драконов к Зеркалу и вновь заточит их в Кладези. Возвращаясь, они принесут с собой всю энергию,

украденную ими из жизней иберанцев. Эта энергия, если верна теория Дафриля, изольется из Зеркала Душ на ближайшее живое существо, а от него потечет к тем, у кого ее похитили. Процесс будет бурным, быть может, она не выдержит этого и погибнет. Никто и никогда еще не делал ничего подобного. Даже память Дафриля не могла помочь ей, не могла ободрить ее.

Я с тобой, что бы ни случилось, заверил ее Дугхалл.

Кеит мысленно ответила, что любит его, и в тот же миг нажала на оба знака.

Зеленый свет моментально превратился в ослепительно синий гипнотизирующий взгляд. Ветерок, гулявший по комнате, теперь стал вихрем и обрушил на нее всю свою мощь, толкая ее к вращающейся колонне света, взметнувшейся от пола до потолка. Шепот внутри ее черепа превратился в вопль. Кеит почувствовала, как заходил под ее ногами пол, как дрогнули стены, увидела призрачные силуэты, выходящие из них. Комната наполнилась туманом, сырым, влажным и плотным словно вата. Туман облаком кружил над Зеркалом Душ, поглощался его светом, а запах жимолости превратился в удушающие густые миазмы, отдающие сладковатой гнилью... Запахом этим, как она знала, неизменно сопровождалось всякое чародейство Драконов. Густая пелена, заволокшая комнату, позволяла ей видеть один лишь синий столб света, словно меч, поднимавшийся к потолку. Извне до слуха ее доносились треск и грохот, звуки эти приближались издалека со скоростью урагана.

Стены дрожали, пол ходил ходуном, и под беззвучный, но ощущаемый аккомпанемент десяти тысяч мучительных воплей синий поток хлынул в Зеркало, и тут же мощная струя вырвалась из него обратно, ударив Кеит в грудь, точно крепким мужским кулаком. Руки ее разлетелись в стороны, ноги разъехались, так что затрещали кости бедер, нижняя челюсть отвисла, и рот стал открываться все шире и шире... пальцы отделились друг от друга, волосы стали дыбом, а глазные яблоки выкатились, вот-вот готовые вывалиться из орбит. Каждый сустав в ее теле напрягался и растягивался, словно костям надоело общество друг друга.

Она не могла вздохнуть, не могла шевельнуться, и крик не шел из ее груди. Тысячи тонких синих молний вырывались из ее тела во все стороны. Огонь пылал под ее кожей, вопли в голове оглушали ее, гром сотрясал тело и душу, с потолка на нее сыпалась пыль. Боль терзала ее... даже зрение затмилось из-за недостатка воздуха. Смерть уже подбиралась к ней.

И вдруг синие стрелы, вылетавшие из ее тела, начали убывать, сначала трепеща и угасая в воздухе, потом уменьшив свой напор внутри ее плоти и наконец исчезнув совсем.

Втянув воздух измученными легкими, Кеит рухнула на пол, отдавшись во власть сокрушающей ее тело боли. Глядя

в никуда, она свернулась в комок, и в этот миг зрение ее наконец начало возвращаться к ней.

В комнате просветлело. Она затаила дыхание. Крики снова превратились в негромкий и ровный шепот. Последние клочки тумана исчезали в сверкающей колонне... словно их поглощало живое гигантское существо.

Свет, теперь тонкой струйкой вползавший обратно в Зеркало, втискивался туда словно бы с усилием, как будто преодолевая какое-то сопротивление. Сияние наполняло Кладезь Душ и нитью закручивалось по спирали у основания Зеркала. Впрочем, теперь Зеркало стало совсем иным, чем было, когда Кеит только приводила его в действие. Сейчас оно сделалось похожим на то, каким она впервые увидела его посреди руин Северной Новтерры. Оно казалось наполненным, и Кеит не осознавала этого различия вплоть до этого самого мгновения.

Теперь шепотки внутри его сделались четкими... о боги, их были дюжины и даже сотни, все они раздавались одновременно, все хотели добиться ее внимания. Тогда она попыталась отыскать в самой себе энергию, необходимую, чтобы отгородиться от этих злобных голосов. Ей это удалось, и Кеит окружила экраном сперва себя, а потом и Яна. Она знала, что скажут ей эти голоса, и поэтому не хотела слушать.

А ведь получилось, раздался голос Дугхалла. *Клянусь богами, получилось. Мы спасены, а Драконы уничтожены.*

В этот миг Кеит почувствовала удивление в тоне Дугхалла. Связывавшая их нить внезапно изменила свои очертания, и чья-то неведомая душа прошла сквозь Кеит, излилась из кончиков ее пальцев и переместилась в Зеркало Душ. Позади нее Ян что-то прошипел и извлек меч из ножен. Кеит отступила от Зеркала. Гладкая, образованная светом поверхность начала продавливаться, а потом выпятилась наружу большим пузырем. Спустя мгновение пузырь этот вытянулся в овал, и на нем появились вмятины, сделавшиеся вдруг глазами и ртом, и выступы, превратившиеся в нос и уши. Сердце Кеит бешено заколотилось.

— Кеит, — сказало ей лицо, возникшее в центре Зеркала. — Это я, Хасмаль.

— Хасмаль?

Это действительно Хасмаль, промолвил Дугхалл. *Я оставил его с Аларистой. Но это он.*

— Вы еще не закончили дело, — сказал Хасмаль. — Пока вы добились лишь того, что мы имели бы, если бы благополучно доставили Зеркало в Гласверри-Хала и не отдали бы его тогда в руки Сабиров.

— Я знаю. — Кеит кивнула. — Мне нужно еще отправить эти души в Вуаль.

— А что потом?

— А потом я собираюсь с помощью Яна и Ри спрятать Зеркало в Доме Галвеев.

— Этого недостаточно. Много ли найдется людей, готовых отказаться от бессмертия... от привилегий божества? Если ты просто спрячешь Зеркало, рано или поздно кто-нибудь захочет снова воспользоваться им.

— Драконы захвачены в плен и скоро навсегда исчезнут из этого мира. Кроме них, никто не знает, как построить машину бессмертия или как пользоваться Зеркалом.

— Я знаю, — сказал Хасмаль. — Знает Дугхалл, знаешь и ты сама.

Она начала было возражать, что, конечно, не знает ни того ни другого, однако тут же поняла, что это не так. Она знала все, что было известно предводителю Драконов... она могла бы сделать себя бессмертной. А также и Ри, и Дугхалла, и Хасмаля, и Аларисту. Они могли бы жить вечно.

Они могли бы жить вечно.

Кеит смотрела на Зеркало Душ, чувствуя, как по коже бегают мурашки, ощущая запах жимолости и мертвечины, все плотнее окутывавший ее. Она знала теперь чары, способные победить саму смерть. И знала о той страшной цене, которую должен заплатить всякий, кто рискнул бы прибегнуть к ним. На душе ее осталось грязное пятно от прикосновения к ней Дракона, и эта отметина напоминала ей об убийстве несчетного количества других душ, ради достижения бессмертия.

Обращаясь к ее разуму, Дугхалл произнес: *Зеркалом можно воспользоваться для дурных целей, однако оно способно послужить и добру. Обдумай слова Хасмаля. Нам нужно вернуть его к жизни, Кеит. В нем нуждается и Алариста. После того как ты освободишь Зеркало от душ Драконов, им можно будет воспользоваться в последний раз, чтобы поместить Хасмаля в тело Криспина Сабира. Ты можешь вернуть жизнь нашему другу.*

Чары Зеркала питались жизнью других людей. Кеит принялась размышлять об этом. Теперь она в мельчайших подробностях знала, как оно работает. И могла бы извлекать энергию из тех, кто причинял боль другим. Из Волков-Сабиров, из убийц, воров, насильников, мучителей и совратителей. И еще работорговцев. И...

Кеит вдруг поняла, что оказалась на краю пропасти. И не думать об этой бездне, разверзшейся у ее ног, она уже не могла.

— Хасмаль, я могу отдать тебе тело Криспина, — сказала она. — И ты вновь сможешь быть вместе с Аларистой.

Проступивший на Зеркале лик застыл. Мгновение, показавшееся ей вечностью, глаза Хасмаля смотрели на нее — спокойно, неподвижно, не моргая.

— О Водор Имриш, — прошептал он наконец. — Я отдал бы все, что угодно, только бы быть с нею. Вы не знаете...

Дугхалл стремительно ворвался в разум Кеит: *Скажи, что он нужен и мне. Я остался один... столько Соколов погибло. Мне нужен помощник.*

Дрожащим голосом Кеит передала Хасмалю слова дяди. Хасмаль вновь ненадолго умолк.

— Не стану врать, Кеит. Я хочу вернуться. Ты не представляешь, что это такое для меня — знать, что эта вещь может дать мне сильное молодое тело, может позволить мне снова быть с Аларистой. Ты не знаешь, что такое уйти в Вуаль, понимая, что в будущем тебя ожидает новая плоть, новая жизнь, забвение всего прошлого, новые скитания и боль. Зная, что если нам с Аларистой и суждено когда-нибудь вновь встретиться, она никогда не будет такой, как сейчас... Как и я не буду Хасмалем. — Помолчав, он добавил: — Я так сильно люблю ее. Так сильно хочу быть с ней именно теперь... не когда-нибудь потом, когда она будет совсем другой, а теперь.

Кеит чувствовала, как перехватывает у нее горло, и попыталась проглотить комок.

— Я нашел любовь, которой жаждал всю свою жизнь. — Сухая улыбка легла на его лицо. — И в конце жизни смог отыскать в себе маленькую каплю отваги. — Хасмаль умолк, и Кеит увидела, как воспоминание о перенесенных муках болью легло на его лицо подобно облачку, затмившему солнце. — Но все уже позади, плоть моя мертва, и я не могу оживить ее. Любое другое тело окажется... краденым. Та капля отваги еще жива во мне. И пока я еще могу отличить правду от лжи, пока разница между ними еще не безразлична мне, я попрошу тебя об одной вещи. Выключи Зеркало, выключи его, и когда души Драконов уйдут из этого мира, уничтожь его. Не оставляй магии Драконов даже шанса вновь вернуться в этот мир.

— А что будет с тобой? — спросила Кеит внезапно охрипшим голосом. — Нет ли какого-нибудь другого способа спасти тебя?

— Есть, — решительным тоном сказал он, — отпусти меня. Пока у меня еще есть мужество, чтобы уйти.

Лицо Хасмаля начало растворяться. Кеит с трудом переводила дыхание.

— Подожди! Мне нужно так много сказать тебе.

— Мы друзья, Кеит, — он покачал головой, — а друзья не нуждаются в словах. Только прошу тебя, поторопись с Зеркалом. Для меня и всего Матрина это сейчас самое важное.

Она сжала руки, впившись ногтями в ладони, чтобы не разрыдаться. Затем, выпрямившись, сказала:

— Мы навсегда останемся друзьями. До свидания, Хасмаль.

Лицо погрузилось в озерцо света, не оставив на поверхности его даже следа.

Кеит смотрела на Зеркало Душ, на его блестящие металлические лепестки, образующие заполненную светом чашу, на изящные листья, подпирающие Кладезь Душ, на драгоценные камни с вырезанными в них знаками. В облаке света начали прорисовываться другие лица, искаженные паникой и вопившие:

— Ты не сделаешь этого!

Сотканные из света ладони тянулись к Кеит и проходили сквозь нее, пытаясь оттолкнуть девушку от Зеркала. Однако она была защищена магией Соколов, и Драконы ничего не могли с ней поделать.

Мера эта была предусмотрена ими ради собственной безопасности. Выключить Зеркало было очень просто. Драконы предусмотрели это на случай, если что-нибудь пойдет не так, как они задумали. Один из них, оказавшийся в нужный момент у Зеркала, должен был набрать необходимую для этого комбинацию.

Чтобы выключить его, нужно одновременно нажать три кнопки... и сделать это можно пальцами одной руки. Кеит прикоснулась ко всем трем камням, и сразу же Драконы, заточенные в Зеркале Душ, потянули к ней из облака света призрачные ладони, стараясь добраться до ее глаз, сердца, пытаясь схватить ее горло несуществующими оскаленными зубами. Одни вопили, другие возносили мольбы, третьи предлагали ей все, что угодно, только бы она вернула их в прежние тела, к прежней жизни. Они обещали исправиться, обратиться к добру и сделать Калимекку по-настоящему счастливым городом.

Щелкнули все три кнопки.

Кеит отняла от Зеркала руки, три камня погрузились в его металлическую плоть. Ей было известно, что такое положение они сохранят лишь несколько мгновений. Приказав себе успокоиться, она заставила себя погрузить руку в самую гущу воющих призраков, чтобы дотянуться до низа чаши, и отыскала там камень со знаком *ничто*. Спрятавшийся под краем одного из лепестков небольшой оникс был почти незаметен для глаз несведущего человека.

Она нажала на него, и все призраки одновременно взвыли:

— Нет!

А потом свет, исполнявший свой величественный танец в сердце Зеркала Душ, померк. И разом исчез.

А с ним без следа исчез и запах жимолости и тлена. Исчезло ощущение зла. Не чувствовалась более тяжесть присутствия Драконов, посмевших объявить весь мир своей добычей и целую тысячу лет лелеявших мерзкие замыслы...

— Их больше нет, — сказала Кеит, вдруг заметив, что по щекам ее текут слезы. — Все кончено. Мы победили.

Победили, согласился Дугхалл. *Драконы выброшены из нашего мира. Но какую цену мы заплатили за их изгнание! В городе уже оплакивают новых погибших. И если мы не уничтожим это Зеркало, нас ждет еще худшее.*

Глава 11

Вернувший себе человеческий облик Криспин, одетый в свои кроваво-красные шелка, шагал сквозь толпу по Шелксвой улице. Мужчины и женщины расступались перед ним, знаки принадлежности к Семье действовали словно таран — их нельзя было не заметить, как невозможно было не проявить к ним должного внимания. Добравшись до лестницы, ведущей к жилью, снятому им для Алви, он в один миг взлетел наверх, перешагивая сразу через три ступени.

Еще не открыв дверь, он уже знал, что обнаружит там, ибо снаружи припахивало кузеном Ри. Криспин зарычал и распахнул дверь, надеясь все же отыскать там что-нибудь, что подскажет ему, куда увели его дочь.

Она была здесь в безопасности. Если бы он очнулся пораньше, если бы бежал быстрее, то мог бы опередить своего проклятого кузена. И Алви сейчас находилась бы там, где ей положено. Теперь же... теперь она сделалась пленницей, заложницей. Ведь Ри ненавидел Криспина столь же глубоко и страстно, как Криспин ненавидел Ри. Наверняка он будет мучить и пытать девочку, может быть, даже убьет ее, чтобы нанести Криспину удар побольнее.

Впрочем, подумал Криспин, Ри никогда не обнаруживал стремления к власти. Он избегал семейной политики и всегда держался в стороне, пока другие дрались за места в иерархии Волков. Он старался произвести впечатление человека, стоящего выше всего этого... Криспин, однако, полагал, что Ри просто не хватает смелости, чтобы, пролив немного крови, продвинуться вверх.

Возможно, какое-то время Алви ничто не будет угрожать.

Криспин вошел в квартиру. Следов насилия, запахов страха он не обнаружил. Женщина, которую он нанял ухаживать за девочкой — через посредников, проклятие, поскольку это казалось в то время наиболее разумным, — уже ушла, и в доме царили чистота и порядок. Записки тоже нет — ни от Ри, ни от Алви. Девочка вполне могла поверить, что Ри и есть ее отец, а этот мерзавец легко мог обмануть ее, чтобы добиться ее покорности.

Криспин поспешил на улицу, идя по запахам, оставленным Ри и Алви. Сбежав с лестницы, он направился по следам беглецов, с силой раздвигая толпу. Люди оглядывались на него, и он заметил, что обращенные к нему мужские и женские лица холодны и враждебны.

Если ему не удастся догнать их, придется вернуться и с пристрастием допросить здешнюю публику. Возможно, кое-кто из них заметил что-нибудь существенное.

След вел по улице в сторону, противоположную той, откуда он пришел сюда, и уходил на юго-восток. Оставив Торговый квартал, он оказался в районе Пелхемме, куда ни один человек в здравом уме ребенка не поведет. Но здесь, на весьма оживленном перекрестке, след вдруг исчез. Пробившись сквозь плотный поток повозок и обойдя перекресток кругом, Криспин не обнаружил следов Ри и Алви.

Значит, они сели в наемный экипаж, который мог увезти их в любую сторону, в любой уголок Калимекки. И теперь чем больше времени он потратит на поиски следа, тем труднее будет ему найти их.

Криспин остановился, стискивая и разжимая кулаки, ощущая, как впивающиеся в ладони аккуратно подстриженные ногти превращаются в жесткие и острые орудия убийства. Ему хотелось растерзать Ри, сейчас же, без промедления, но нужно было терпеть, ибо тот временно находился вне пределов досягаемости. В этот момент Криспин заметил прячущиеся в тени силуэты, ощутил на себе их внимательные взгляды. Так, так! Кто-нибудь из здешних подонков, из этого человеческого отребья, живущего в этом районе, мог видеть их. Молодой человек из Семьи в обществе очаровательной девочки в этой части города после наступления сумерек... Какая-нибудь местная шлюха или один из этих уличных шакалов расскажет ему, куда направились его дочь и ее похититель.

Криспин двинулся в сторону одного из силуэтов, ощущая исходившие от человека запахи голода, злобы и предвкушения; услышав, как участилось дыхание этой сволочи, как тихонько лязгнул кинжал, извлеченный из ножен, он усмехнулся.

— Мой добрый господин, — произнес он, вступая в пределы уличной тьмы, позволяя крошечной капельке своего гнева выскользнуть из-под контроля, разрешая своим ладоням — и ничему более — отдаться во власть нахлынувшего прилива Трансформации. — Смею надеяться, что ты желаешь помочь мне.

Свирепо улыбаясь, мужчина шагнул навстречу Криспину, выставив вперед длинный кинжал.

— Я те щас помогу... перебраться в могилу, миляга. Щас ты у меня отправишься куда надо: звать Семью здеся некому.

Криспин расхохотался и выпустил когти. И вдруг небо вспыхнуло синим огнем и сокрушительная волна чар про-

катилась над ним и сквозь него, а за ней нахлынула тьма, что была чернее самой черной из ночей, она навалилась на него, ослепив, оглушив и бросив на землю, как быка на бойне.

Падая, Криспин ощутил короткий укол в бок. Потом боль повторилась снова и снова. «Подонок убивает меня! — успел он подумать. — Этот сукин сын закалывает меня кинжалом!»

Глава 12

Бросив свой красный плащ на землю, Даня вдруг почувствовала, как сквозь нее прошла волна чар. Карганы ничего не заметили; они не умели ощущать магию и были слепы и глухи к ее проявлениям. Но судя по тому, как побледнел Луэркас, она поняла, что и он испытал на себе действие магической волны.

Луэркас соскочил со спины лоррага на красный плащ: скорее, впрочем, скатился, чем спрыгнул. Он произнес свою речь, и карганы начали обнимать их обоих: сперва его — как воплощение своего спасителя, а затем и Даню, чего не делали с тех пор, как она вновь обрела человеческий облик. Потом они заметались по всей деревне, готовя пиршество, и Луэркас, оставшись наконец наедине с Даней, спросил:

— Ты ощутила это?

— Конечно.

Он кивнул:

— Ты поняла, что это такое?

— Нет.

— Так погибли мои старые товарищи. — Он запрокинул голову назад, прищурив глаза и ухмыляясь во все лицо. Луэркас казался довольным, как кот на солнцепеке. Даня никогда не любила кошек.

— Ты уверен в этом? — спросила она.

— Абсолютно уверен. Поток магии, который ты сейчас ощутила, вырвался из Зеркала Душ — оно извергло из себя украденные жизненные силы, вернув их тем, у кого забрало их. Это могло случиться лишь в том случае, если мои собратья-Драконы были изгнаны из занятых ими тел и выброшены в Вуаль. Сегодня целая уйма ограбленных ранее людей ощутят себя переполненными энергией, и я не сомневаюсь в том, что через девять месяцев калимекканки нарожают целую кучу детей, раза в два, наверное, больше, чем обычно. — Говоря это он переминался с ноги на ногу и в этот момент ничем не отличался от взволнованного мальчишки, совсем не напоминая о том чудовище, каковым в действи-

тельности являлся. — Еще тысячу лет назад я говорил им, что если они не сумеют найти способ закрепить за собой захваченные тела, произойдет именно то, что и произошло. — Улыбнувшись ей, он широко раскинул руки. — Видишь, Зеркало не выбросило мою душу в Вуаль, правда?

— Увы. Мне очень жаль, что этого не случилось.

Лицо Луэркаса сделалось серьезным и сосредоточенным, он протянул руку и погладил ее по плечу.

— Ах, Даня... ты должна наконец забыть про свою обиду. Считай, что мы уже в пути, детка. Горстка наших врагов в Ибере устранила самых опасных наших соперников. Мы уже стали богами для карганов: весть о нас сейчас разносится по всем их селениям. Скоро мы с тобой сделаемся богами для хатрров, икваниканов и мириров. Не пройдет и года, как мы соберем целое войско преданных дикарей, отправимся в путь и тогда получим в свое распоряжение город, рабов и... обретем бессмертие.

— И ты, конечно же, рад этому.

Он удивленно посмотрел на нее:

— Как, должно быть, и ты. Мое очаровательное дитя, Ибера покорится нам, если только не случится одна вещь.

— Какая же именно?

— Если наши враги не уничтожат Зеркало Душ.

— Но ты, кажется, говорил, что Зеркало не может повредить тебе, поскольку ты являешься единственным обладателем тела...

Даня едва не сказала: тела, принадлежавшего моему сыну, но вовремя остановила себя.

— Не Зеркало поместило мою душу в это тело, и оно не в состоянии изгнать ее, заменив душой законного обладателя этой плоти. Сейчас, во всяком случае, тело принадлежит мне по праву. Твоими, конечно, стараниями. — Он никогда не упускал возможности мимоходом задеть ее. Даня посмотрела на него с яростью. Улыбнувшись, Луэркас продолжил: — Дело в том, что Зеркало Душ создано как раз для того, чтобы можно было извлечь любую душу из любого тела и сохранять ее неограниченное время. Именно так мы, Драконы, и прожили многие века.

— И кто-нибудь мог бы воспользоваться им, чтобы извлечь твою душу из тела... если бы знал о тебе?

— И знал бы еще, как это делается.

Даня задумчиво смотрела на него:

— Это трудно?

— Нет.

— Как жаль, что у меня нет Зеркала Душ.

— В самом деле? — Он изогнул бровь. — Что ж, ты можешь тешить себя мечтами о том, что завладеешь Зерка-

лом Душ, прежде чем люди, которые хотят уничтожить его, исполнят свое намерение. Можешь представлять себе, как оно окажется в твоих руках и как ты включишь его и вырвешь мою душу из плоти... если только эти мечты способны вдохновить тебя на предстоящее нам долгое путешествие.

Даня повернулась и направилась прочь, и на сей раз Луэркас не удерживал ее. Он опять посмеялся над ней, но Даня теперь знала, что у нее есть надежда — она действительно может попытаться отыскать Зеркало. Мерзкая тварь, думала она, я получу огромное удовольствие, увидев, как ты умрешь, и еще большее удовольствие я испытаю оттого, что убью тебя собственными руками.

Ну а пока ей нужно было собрать войско, чтобы победить врага. И совершить обещанное перед богами отмщение. Помогая Луэркасу, она имела полное право мечтать о его смерти. Более того, подобные мысли могли сделать эту подневольную дружбу более терпимой.

Глава 13

Кеит обернулась, услышав, как позади нее скрипнула дверь. В комнату ввалился Ри, посеревший лицом, вспотевший, едва ли не опирающийся на плечо очаровательной девочки.

— Он лишился чувств в экипаже, и мне пришлось помочь ему подняться по лестнице, — объяснила та.

Кеит заставила себя подняться на ноги, помогла довести Ри до постели.

— Ну, как ты себя чувствуешь?

Повалившись на кровать, он закрыл глаза:

— Жить буду. А ты победила их?

— Дугхалл узнал, как пользоваться Зеркалом, — кивнула Кеит. — И объяснил мне.

— Выбрав время, когда меня не было дома... подлый трус.

— Ты ничем не мог помочь мне. А порученное тебе дело не мог бы исполнить никто другой.

— Тем не менее при встрече я проломлю ему голову. Ты не должна была делать это одна. Я должен был находиться рядом с тобой.

Кеит не стала упоминать о том, что Ян не отходил от нее. Это было бы ужасной дипломатической ошибкой, решила она. Поэтому она заговорила о другом:

— Драконы побеждены... Они уничтожены. А ты привез сюда...

— Алви. — Ри с трудом сел на кровати. — Алви, познакомься с Кеит Галвей. Моей любимой, которая однажды станет моей паратой. Кеит, представляю тебя Алви Сабир, дочери Криспина Сабира, поведавшей мне такое, о чем тебе будет неприятно услышать.

Кеит перевела взгляд с Алви опять на Ри.

Он понял ее без слов.

— Алви знает, что я не ее отец, и ей это было известно еще до нашей встречи. Она... — он пожал плечами, — она владеет неизвестными мне чарами.

— Это не чары, — возразила Алви. — Я не умею ворожить.

— Но ты заранее знала, что я приду за тобой, — сказал Ри. — Ты знала, что я не твой отец. Ты сказала мне, что Криспин преследует нас. Как еще можно узнать все это, если не с помощью чар?

— Я принадлежу к *би'ихан хан джекил*, — ответила Алви. — Идущим по дорогам. Сейчас ты назвал меня именем моего отца, данным мне при рождении, но зовут меня иначе. Я — Алви, дочь Лисы, ходящей по дорогам, из народа Семи Обезьян. — На лицо ее легла совсем не детская и многозначительная улыбка. — Народ Семи Обезьян внимательно относится к именам, и мне пришлось постараться, чтобы заслужить свое собственное.

— Прости меня, — сказал ей Ри. — Я назвал тебя так по незнанию. — И, тоже улыбнувшись, спросил: — А кто такие идущие по дорогам?

Девочка скинула туфли и села на постель, подобрав ноги под себя. Сложила ладони на коленях и начала говорить:

— Если ты стоишь на безлюдной тропе, она покажется тебе пустой. Ты можешь представить, что эта тропа ведет в разные места, в которых тебе хотелось бы побывать. Но на самом деле она не идет туда, куда тебе надо. Она уже там. Тропа, которая лежит под твоими ногами, становится оживленной дорогой в тринадцати и двадцати трех лигах в обе стороны от тебя, она проходит в самом центре людного города. Эта дорога слышит твои неторопливые шаги и — одновременно — поступь несчетных пешеходов. Дорога живет. Она слушает. Она ловит голоса, мысли и чувства. И если ты умеешь спрашивать, она расскажет тебе то, что знает. — Девочка виновато улыбнулась. — Но я не очень хорошо умею ходить по дороге. Моя *нанте* может слышать голоса там, откуда они доносятся. А мой слух различает лишь близкие голоса. И я никогда не слышу старые истории... Только недавние. Дорога может рассказать мне о том, что случилось вчера или позавчера... Но я не умею понимать ее, когда она говорит о тех, кто прошел по ней месяц или год назад. Я человек, и поэтому, — Алви вздохнула, — поэтому мне труднее слушать дорогу.

Кеит и Ри обменялись взволнованными взглядами.

— А кто не человек?

— Моя *нанте*. Я же говорила вам, что меня приняло к себе племя Семи Обезьян.

Кеит пожала плечами и развела руками:

— Я не знаю о таком народе.

— Отец отослал меня в Стосту, когда я была младенцем, и я не знаю, что случилось с моей матерью. Но, учитывая то, что мне удалось узнать об отце, можно не сомневаться в том, что она давно уже умерла. Со мной была няня, но она тоже умерла вскоре после того, как она привезла меня в Стосту. А среди жителей этого города няни для меня не нашлось. В то время там было моровое поветрие, которое унесло жизни многих стостанцев и моей няни. Осиротевшим младенцам могла помочь лишь горстка уцелевших людей. Поэтому меня отправили умирать в парниссерию, а бумаги передали парниссе. Он должен был послать в Калимекку весть о моей смерти.

— Но моя *нанте* — ее зовут Кууши, что значит Лиса, — пришла тогда в город и направилась прямо в парниссерию. Там она потребовала встречи с парниссой и сказала ему, что пришла за ребенком. Там на камнях внутреннего двора лежали голенькими осиротевшие младенцы. Некоторые из них уже умерли, но другие были вполне здоровы. Обо мне ни того ни другого сказать было нельзя, потому что провела под открытым небом всю ночь и не ела уже два дня. Я была тогда больная и голодная.

Парнисса повел ее к здоровым детям и сказал, что она может выбирать, но она объяснила, что пришла за младенцем, приплывшим из-за Западной Воды.

Нанте подошла прямо ко мне, взяла на руки и спросила у парниссы мои вещи. Она сказала, что будет заботиться обо мне, пока не придет время моего возвращения домой.

— То есть она знала, что ты находишься в парниссерии? — спросила Кеит.

— Так сказала ей дорога. Дорога привела ее ко мне.

— Выходит, за тобой неведомо откуда пришла незнакомка и спасла тебе жизнь. Почему? — поинтересовался Ри.

— Дорога рассказала ей мою повесть, и, выслушав ее, *нанте* решила, что народу Семьи Обезьян пора знакомиться с людьми. Она взяла меня в *кецмут*, тайный городок племени Семи Обезьян, и народ этот вылечил и выкормил меня. Когда я подросла, Кууши научила меня ходить вместе с ней по дороге и всегда говорила мне, что, когда я возвращусь в город своего отца, дорога поможет мне уцелеть. А когда наконец отец вызвал меня к себе, Кууши посадила меня на корабль, направлявшийся в этот город, и стояла на пристани, помахивая рукой, пока корабль не исчез из виду.

Кеит заметила, что глаза Алви наполнились слезами.

— Значит, ты самостоятельно приплыла с Сабиренского перешейка в Калимекку? — удивился Ри.

— Да.

— Почему же она не отправилась с тобой? — спросил Ян. — Столь дальняя дорога не по силам одинокому ребенку.

Улыбка Алви сделалась печальной.

— Здесь Кууши ждала бы верная смерть. В этом городе ее сочли бы Увечной, а дорога объяснила мне, что случается здесь с такими существами.

Ри и Кеит обменялись взглядами.

— Но если твоя *нанте* имела заметные Шрамы, то как смогла она войти в Стосту? Как сумела дойти до парниссерии и потребовать, чтобы ей отдали человеческого младенца? И почему парниссa отдал ей тебя? — недоуменно спрашивал Ри.

— Ни один Шрамоносец не может вступить в ворота парниссерии, сохранив при этом жизнь. Таков закон, — объяснила девочке Кеит.

Алви посмотрела на нее, потом на Ри, потом вновь перевела взгляд на Кеит.

— Но ведь вы оба до сих пор живы, несмотря на то, что являетесь Шрамоносцами, — возразила она.

По коже Кеит побежали мурашки. Девочка эта видела их обоих насквозь, видела, невзирая на экраны, на тщательную маскировку, невзирая на их многолетний опыт конспирации. Она мимоходом проникла в их секрет, раскрытие которого грозило им смертью. Конечно, Алви всего лишь ребенок, но даже сейчас она очень опасна.

— Но мы внешне ничем не отличаемся от людей, и парниссы не знают о нас, — ответила Кеит.

От внезапного страха рот ее наполнился горечью.

— Стостанцы не знают о существовании племени Семи Обезьян. Они считают, что являются единственными обитателями Красных холмов, — объяснила Алви.

Кеит решила, что речь идет о какой-то разновидности магического экрана.

— Но твоя *нанте* разговаривала с парниссой, когда забирала тебя.

— Когда людям племени Семи Обезьян нужно, чтобы их увидели, они могут убедить окружающих в том, что не отличаются от них. Но ненадолго. И если людей вокруг не слишком много. Отвести глаза одному человеку, да еще наедине с ним, не составит для них труда. Двоим или троим тоже. Но если людей больше, тогда... тогда... фокус этот получается у них не слишком хорошо. Моя *нанте* не похожа на человека. Но дорога сказала ей, что в парниссерии будет только один человек, причем именно тот,

которому было жалко младенцев, пищавших на холодных камнях. Она пришла к нему, когда он устал, когда чувствовал свою вину за то, что не кормит детей и не заботится о них. Он хотел, чтобы кто-то спас младенцев, хотел поверить в то, о чем говорила ему Кууши: что к нему пришла женщина, которой нужен ребенок.

Задумчивый взгляд Ри застыл в неподвижности. Кеит смотрела на него, пытаясь понять причину поразившей его внезапной немоты. Но он не замечал этого, глубоко погруженный в размышления.

— Поселение в Стосте принадлежит Сабирам, — произнес Ри после долгой паузы. — Оно возникло примерно сто лет назад. И целый век Семья добывала в этих горах каберру, каучук, каэтцель и множество других сокровищ, которыми богаты земли, окружающие этот форпост. Я читал отчеты параглезов Стосты, приводивших в Калимекку корабли с товарами, собранными в качестве налога. Поселенцы ни разу не видели там никаких других разумных существ.

Алви усмехнулась:

— На Красных холмах у народа Семи Обезьян пять городов — таких же больших, как Стоста. И до двух из них от Стосты можно дойти за один день.

— Этого не может быть.

— Но это так, — ответила Алви. — Народ Семи Обезьян подружился с дорогами. А друзья держат секреты друг друга в тайне.

Ри энергично потряс головой:

— За целый век люди непременно должны были заметить хоть что-нибудь. Костры, отпечатки ног... какой-нибудь мусор.

Он недоумевал.

— Народ Семи Обезьян внимательно следит за стостанцами. Мое племя не хочет, чтобы его обнаружили. Люди не захотят принять нас.

— Среди стостанцев живут Карнеи, — сказал Ри. — Я допускаю, что племя Семи Обезьян могло остаться незамеченным для людей... но как твои соплеменники перехитрили Карнеев с их слухом и нюхом?

Алви таинственно улыбнулась:

— Если дорога дружит с тобой, сделать это не столь сложно.

Кеит видела, как в глазах Ри растет непонимание.

— Словом, ты могла бы спрятаться от меня, но тем не менее позволила мне найти себя. И ты не нуждаешься в том, чтобы я защитил тебя от отца... если бы ты захотела этого, Криспин никогда не нашел бы тебя.

Она кивнула.

— Тогда почему же ты ждала, когда я приду за тобой?

— Потому что рано или поздно мне нужно будет встретиться с отцом... Я приехала сюда для того, чтобы попытаться спасти его. Но сейчас все дороги сходятся на вас двоих. Вы притягиваете к себе тревоги, спешащие к вам точно хищники на запах крови. Скоро к вам придет мой отец, и тогда я должна буду поговорить с ним. Но прежде, чем он придет, мне нужно объяснить, почему я нуждаюсь в вашей помощи для того, чтобы спасти его.

Алви закрыла глаза и стиснула кулачки — такая юная, хрупкая и беспомощная, что Кеит всей душой потянулась к ней, к этому совсем не по-детски серьезному созданию.

— Я знаю, что он убил вашего друга, — прошептала Алви. — Знаю, что он сотворил много зла. Но когда-то он рискнул всем, чтобы спасти меня. Я привыкла верить, что в нем все-таки есть что-то хорошее.

Слеза покатилась по ее щеке, и Алви нервным движением смахнула ее.

Кеит протянула руку и коснулась плеча девочки. Бесполезно объяснять Алви, что Криспин был и остается чудовищем. Она знала лишь то, что этот мерзавец ее отец и что он любит ее — и любви его хватило хотя бы на то, чтобы увезти свою дочь из города и спрятать в безопасном месте. Она хотела, чтобы Криспин оказался человеком, достойным ее любви — просто потому, что, кроме него и ее *нанте,* у нее не было никого на свете.

Кеит вполне понимала эту девочку.

Ри внимательно смотрел на них обеих.

— Кого же из наших друзей убил Криспин? — спросил он негромко.

Кеит вздрогнула. Она совсем забыла, что Ри еще не знает об этом.

— Он... — Она попыталась отыскать слова, чтобы смягчить удар, но их не было. — Хасмаля, — наконец выдавила она.

— Значит, Хасмаль мертв...

Кеит кивнула.

— Драконы способны были на такие деяния, которые мы прежде даже не считали возможными. При помощи связи, соединявшей его с Хасмалем, Дракон Дафриль вырвал его из лагеря и перебросил в Калимекку, к себе в подземелье.

Кеит закрыла глаза. Перед ней вновь поплыли картины пыток Хасмаля. И если она позволит себе углубиться в них мыслью, то физически почувствует все, что тот перенес в последние жуткие мгновения своей жизни. Ее замутило.

— Когда Дугхалл выбросил Дафриля в кольцо, Криспин вновь завладел своим телом. У него не было причин оставлять жизнь Хасмалю, и поэтому он убил его.

— Когда Дугхалл сказал, чтобы я шел к Алви, Хасмаль был еще жив?

— Нет.

— Старик надул меня дважды. — Лицо Ри потемнело. — Ему придется за многое ответить, когда мы снова встретимся.

— Будем надеяться на скорую встречу, — негромко произнесла Кеит. — Мы победили Драконов, но нам еще нужно уничтожить Зеркало Душ. И я не думаю, что мы сумеем это сделать без помощи Дугхалла.

Глава 14

Гиру-налле разложили дюжину костров вокруг прогалины и поставили несколько шатров, где можно было бы выпить и закусить. По краю поляны кольцом расположились девять фургонов, и изнутри этого круга доносились веселая музыка, смех танцующих и громкие разговоры. Дугхалл держался чуть в стороне от этого гульбища. Он пробовал все, что подносили ему празднующие гиру и солдаты, непринужденно принимал дружелюбные похлопывания по плечу и веселые поздравления, но в сердце его не было радости.

— Драконы мертвы, да здравствует мир, — пробормотал он, когда веселящиеся на время оставили его в покое.

Он поднял кружку, только что принесенную ему одной из девиц гиру, без устали распевавших веселые песенки, и сделал большой глоток. Адское зелье обожгло язык. Едкое и комковатое. Перебродившее козье молоко... любимый, более чем любимый напиток гиру... Однако, подумал он, следовало бы сперва заглянуть в кружку, а уж потом прикладываться к ней. Впрочем, ему нужно было кое-что сказать, а лучшего повода, чем кружка с зельем в руке, не придумаешь.

— За товарищей погибших, за друзей утраченных, но незабытых, — объявил Дугхалл, поднял кружку и снова хлебнул из нее. — И за будущее... чтобы оно было лучше прошлого. — Он сделал еще глоток, бросил глиняную кружку на утоптанную землю и наступил на нее, чтобы раздавить ее и тем самым скрепить тост.

— Ты разбил свою кружку, -- весело сказал, подойдя к нему, один из его младших сыновей. — Если хочешь, я принесу тебе другую.

Однако Дугхаллу было не до улыбок. Он внимательно посмотрел на молодого человека, подобно другим многочисленным его сыновьям и дочерям появившегося на свет в ре-

зультате пребывания Дугхалла на посту Имумбарранского бога плодородия, и подумал, каково приходится парнишке сейчас в далеких от дома краях, на чужой земле, где легко можно умереть, сражаясь ради непонятных ему целей. Внезапно обретенной Дугхаллом молодости он не удивился. Парень просто пожал плечами и улыбнулся: боги умеют делать всякие забавные вещи, и Дугхалл, таким образом, лишь подтвердил свой божественный статус. Остальные сыновья Дугхалла равным образом не проявили удивления.

Качнув головой, Дугхалл ответил:

— Мне хватит, сын. Пойду проведаю Аларисту. А ты... ты повеселись за меня со всеми.

Флейтист и три барабанщика только что присоединились к волынщикам, игравшим без перерыва всю последнюю стоянку. Пополнившийся оркестр завел разухабистую джигу. Сын Дугхалла ухмыльнулся, подхватил под руку стоявшую неподалеку женщину гиру, и вдвоем они направились к свободному клочку утрамбованной земли, еще не занятому танцующими. Включившись в общее веселье, они затопали, запрыгали и захлопали, глядя лишь друг на друга.

Дугхалл отвернулся от них и скользнул в ночную тьму, царившую за пределами кольца костров. Лагерь даже сейчас не оставался безлюдным. Как всегда, на страже стояли дозорные, возле Алариста неотлучно находилась целительница, и тоненькой струйкой возвращались сюда те, кто уже перебрал или попросту устал от праздничного движения и шума.

Дугхалл посмотрел на яркие звезды, удивляясь тому, что их победа кажется ему сомнительной. Мы победили, думал он. Но победа обошлась нам слишком дорого. Мир лишился Возрожденного, погибли многие Соколы, убит Хасмаль. Аларист превратилась в древнюю, дряхлую, стоящую на пороге смерти старуху. Одни лишь боги знают, сколько людей погибло и сколько душ уничтожено в славном городе Калимекке. Я молод, но молодость моя оплачена жизнью друга... и молод я лишь телесно. Дух мой состарился и устал — намного сильнее, чем когда-либо прежде. Я знаю, что мы претерпели не самое худшее... но и то, что нам пришлось пережить, было достаточно скверным. И в эту праздничную ночь кто-то из нас должен вспомнить о той цене, которую нам пришлось заплатить, и пристально всмотреться в будущее, чтобы мы могли мудро обратить свою победу на еще большее благо мира.

Дугхалл надолго задержался возле фургона Алариста, разговаривая с целительницей: в конце концов он сказал сыну, что оставил веселье для того, чтобы проведать ее. Он узнал, что Аларист крепко спит, а целебный напиток избавит ее сон от кошмаров на весь остаток ночи. Исполнив долг чести, Дугхалл направился в свою палатку. Он завязал полог изнутри и засветил

фонарь, прикрыв его так, чтобы свет падал только вниз, оставляя в темноте стенки палатки. Если с улицы будет виден свет, на огонек может забрести какой-нибудь доброхот, а Дугхалл сейчас не желал ничьего общества.

Он развернул лёгкую черную ткань *занды* и некоторое время изучал вышитый на ней шелком круг. Серебряная нить делила его на двенадцать треугольных секторов, символизирующих грани явленного Соколам двойного куба существования. Дом, Дух, Жизнь, Удовольствие, Долг, Здоровье, Богатство, Мечты, Цели, Прошлое, Настоящее и Будущее. Каждый вышитый серебром знак поблескивал в тусклом свете, и Дугхалл ощущал присутствие богов в их бледных силуэтах, вырисовывавшихся на черном шелке, который олицетворял Вуаль — то место, где люди общаются с богами.

Из шелкового мешочка он достал блестящие монетки *занды*. Тяжелое серебро холодило ладонь. *Вознося молитвы*, мысленно произнес Дугхалл, *люди просят у богов помощи, и те отвечают просящему. Я слушаю, говорите со мной.*

Опустившись на пол и скрестив ноги, он на мгновение закрыл глаза, стараясь успокоить и приглушить свои мысли. И когда мир для него померк, а ум его сделался подобным гладкому озеру, поверхность которого не шелохнет даже легчайший ветерок, Дугхалл бросил монеты на *занду*.

А потом открыл глаза. И сразу же пожалел об этом.

Он надеялся увидеть простейшие указания, направляющие его войско в Калимекку; он отчаянно хотел получить подтверждение того, что мир вернулся на дарованную ему богами стезю и что единственная опасность для его обитателей может исходить теперь лишь от злокозненных правителей и развращенных людей. Однако рассыпанные по черному шелку монеты словно в насмешку разрушили все его надежды.

В квадранте Дома в полном одиночестве оборотной стороной вверх лежала монета Удачи, предрекая тем самым не просто отсутствие везения, но грядущие несчастья. В квадранте Жизни монета Семьи легла на упавшую оборотной стороной вверх монету Боги Вмешаются, делая ему загадочное предупреждение. Темные боги и Семьи злоумышляют против мира?

Знаки, выпавшие в квадранте Духа, он истолковал как Рассеянные Силы Соединятся, однако *занда* не давала ему даже намека, к добру это или к худу. Квадрант Удовольствия предлагал добрые вести вперемежку с плохими: верные друзья ждут, и любящим не избежать страданий. Квадрант Долга утверждал: ты еще не расплатился... еще одна скверная новость. Проклятие!

Сектор Богатства предвещал грядущие крупные расходы. Область Здоровья лишь подтверждала внезапное обретение мо-

лодости, но не объясняла, как ему поступить с этим даром. Квадрант Цели рекомендовал продумать план похода; Мечты предвещали кошмар; Прошлое свидетельствовало о частичной и вовсе не окончательной победе; Настоящее безмолвствовало, а будущее...

Взглянув на квадрант Будущего, Дугхалл закрыл глаза. Попавшие в него монеты легли между линиями так, что ни одна из них не касалась нитей вышивки, сообщая ему, что будущее для него закрыто. Вдобавок к этому они лежали одна на другой, изменяя тем самым значение и нижней монеты, и той, что упала на нее сверху. Даже преднамеренно сложить монеты столь запутанным образом казалось Дугхаллу немыслимым.

Первым желанием его было подытожить предсказание *занды* простыми словами: будущее понять невозможно — и удовлетвориться этим, однако Дугхалл прогнал от себя подобный соблазн и приступил к толкованию. Если просишь совета у богов, пренебрегать их ответом опасно. А Дугхалл просил. И теперь ему нужно было понять указания богов.

Первая монета. Известный Друг. Однако лицевой стороной вниз... значит, Неизвестный Враг, но в сочетании с Полученными Вестями. Итак, враг оставался неизвестным, но он, Дугхалл, должен был знать его или хотя бы слышать о нем. Полученные Вести накладывались на перевернутую Надежду, предупреждая о том, что надежды его либо были пустыми, либо же им не суждено исполниться. Путешествие также находилось здесь, отчасти перекрытое Надеждой. Отсюда следовало, что ему предстоит путешествие, однако не из тех, которые предпринимают по собственной воле. Под Надеждой лежал также чуть сдвинутый вправо Триумф, превращаясь, таким образом, в Возможность Триумфа. Значит, если он хочет победить, ему придется отправиться в путешествие. Под Возможность Триумфа попал краешек Неизвестного Врага. Это сулило бы надежду, если бы в том же самом квадранте ему не рекомендовали Не Верить Надеждам.

После праздника Дугхалл хотел предоставить своим людям отдых на день или два и лишь потом объявить им о возвращении в Калимекку. Он подумывал уже о том, чтобы расплатиться с воинами, поблагодарить их и распустить по домам. Двух своих сыновей он собирался отослать обратно на острова, быть может, пригласив одного из них — помоложе и понеопытнее — совершить с ним сначала путешествие в Калимекку, чтобы просто посмотреть город.

Дугхалл надеялся по пути в Калимекку отыскать уцелевших Соколов и выяснить, что они теперь думают о том, каким мир станет в будущем — после уничтожения Драконов и смерти Возрожденного.

Однако *занда* строже всего требовала, чтобы он не строил никаких планов без указаний богов. И сейчас ему, как никог-

да, нужен был совет четкий, убедительный, на внятном иберанском языке. А это требовало обращения к оракулу куда более опасному, чем *занда*, но значительно более прямолинейному.

Достав свое зеркало и набор шипов для отворения крови, Дугхалл вывел солью круг на поверхности зеркала, уронил три капли крови по центру его и произнес вызывающее Говорящих заклинание, завершив его просьбой о помощи.

И напоследок произнес слова, которые обеспечивали благополучный исход гадания:

Воздух, почва, легкий пух,
Пусть тебя удержат, дух.
Словом, волей проявись.
Правду молвить поклянись.
Лишь добро твори у нас,
А после отправляйся в ад
И не приходи назад.

И едва смолкли эти слова, в центре зеркала появилась крохотная женская фигурка, огражденная кольцом соли. Ветер чуждой плоскости бытия развевал длинные волосы этого подобия женщины и трепал ее одежду. Говорящая бросала на Дугхалла голодные взгляды, и губы ее кривились в зловещей улыбке.

— Чего ты хочешь?

— У меня есть враг, которого я не знаю, но о котором слышал. Мне предстоит путь, но не тот, на какой я надеялся. Моему миру и моим людям грозит опасность, хотя мы считали, что устранили ее. И я хочу узнать обо всем этом поточнее и получить указания, что мне делать.

— Разве мы обязаны давать вам советы? — Насмешливо посмотрев на него, Говорящая пожала плечами. — Ладно. Отправляйся в путь вместе со своими друзьями, а войско оставь позади, чтобы оно охраняло твою спину. Путь твой будет лежать к тому из членов твоей Семьи, о ком ты точно знаешь, что он будет сражаться за твое дело, ибо вас ждет битва, не похожая на те, в которых тебе довелось побывать. Твой враг сам придет к тебе в должное время, он будет намного сильнее и умнее, чем ты сейчас думаешь о нем, и если ты допустишь хотя бы малейшую оплошность, он сожрет и тебя, и весь твой мир. Время, отведенное тебе на приготовления к встрече с ним, невелико, и тебе предстоят великие труды. Но скорее всего тебя ждет поражение, даже если ты ни в чем не ошибешься.

Дугхалл утомленно вздохнул:

— Кто этот враг? Что может он сделать? К чему я должен приготовиться?

— Ты узнаешь его, когда встретишь жизнь, которая не является истинной жизнью. А когда вспомнишь, что смерть не является истинной смертью, то, быть может, сможешь победить его!

— Говори яснее, — рявкнул Дугхалл.

— Ты хочешь услышать ясный совет? Отлично. Не ломай того, чего не можешь починить.

Вновь рассмеявшись, Говорящая задрала нос так, что Дугхаллу показалось, будто она при всем ее крошечном размере смотрит на него сверху вниз. Скрестив руки на груди, она буквально сочилась презрением.

Наконец язычки пламени, удерживавшие внутри кольца изображение, погасли, фигурка исчезла, и усталость накатила на Дугхалла штормовой волной, наводнением, ураганом... встречи с Говорящими всегда требовали колоссального расхода энергии, а он и без того был утомлен. Сил едва хватило на то, чтобы распрямить спину. Дугхалл не стал призывать другого Говорящего, кто знает — услышит ли он от него или от нее более дельный совет? Он не чувствовал в себе достаточно сил, необходимых для подчинения духа собственной воле, и вовсе не хотел, чтобы сеанс гадания завершился в итоге его собственной смертью.

Почему эти создания не могут просто и прямо сказать то, что ему так необходимо знать? Дугхалл бросил яростный взгляд на зеркало, в порыве разочарования жалея, что не может разбить его. Впрочем, Говорящая на сей раз дала ему конкретный совет. Не ломай того, чего не можешь починить. Сейчас этот совет как раз кстати.

Раскрыв свой дневник, он занес в него предсказания *занды* и то их истолкование, которое дала ему Говорящая. Дугхалл не настолько доверял своей памяти, чтобы оставлять незаписанными столь важные подробности, которые ему предстоит обдумывать в ближайшие несколько дней или даже недель.

Впрочем, он не обязан ломать голову до самого утра. Дугхалл убрал свои принадлежности и задул огонек лампы. А потом забрался в постель, укрывшись одеялом с головой. Рассвет уже недалек, и вовсе незачем приветствовать его.

Глава 15

Волки выли в горах, и их зловещая песня, казалось, наполняла собой тьму. Кеит стояла спиной к воротам Дома Галвеев, глядя на город, распростершийся внизу. Пики хребта Патмас вздымались из плоти Калимекки словно скалы посреди

полноводной реки, и город казался ей, стоящей на высочайшем из этих пиков, огненным морем, омывающим темные и грозные острова. Кеит Галвей смотрела на это сверкающее море, мечтая погрузиться в его тепло. А затем медленно повернулась к безмолвному, укрытому тьмой дому.

Она прикоснулась ладонью к гладкому белому камню ворот. В Доме Галвеев прошла большая часть ее жизни. Здесь жили когда-то все любимые ею люди. Закрыв глаза, она могла увидеть их — расхаживающих по дому, говорящих и смеющихся, спорящих друг с другом... сидящих в уютных маленьких комнатках или в просторных залах, обсуждающих, планирующих, мечтающих. Не заходя в Дом, она могла мысленно заполнить его людьми и жизнью, могла, как дурочка, заставить себя поверить в то, что картины прошлого до сих пор истинны.

Но как только она войдет в свой опустевший дом, едва лишь услышит гулкое эхо собственных шагов в залах и коридорах, память ее сдастся, уступит этой новой реальности. И ее родные окончательно умрут для нее — не в результате каких-то умозаключений и самоубеждений, нет, смерть их предстанет перед ней наглядно и очевидно. Стоя у ворот, она испытывала болезненное желание убежать, броситься назад по той же тропе, что привела ее сюда, и никогда более уже не приближаться к Дому Галвеев.

Волки взвыли опять, их скорбный вой приближался и становился все громче. Кеит принюхалась и, склонив голову набок, принялась вслушиваться.

Потом обернулась к своим спутникам — Ри, Яну и Алви:

— Идите дальше без меня. Я ненадолго задержусь здесь. Я приду... когда закончу одно дело.

Ри тоже ловил запахи:

— Они идут сюда.

Кеит кивнула. Осел, стоявший позади нее, уже начинал беспокоиться. Он переступал с ноги на ногу, дергал повод и вращал глазами. Животное то прижимало уши плотно к голове, то начинало пятиться и брыкаться.

— Ян и Алви уведут с собой осла, а я останусь с тобой, — сказал ей Ри.

Она покачала головой:

— Я бы хотела побыть одна. — Печальная улыбка появилась на ее лице. — Старый друг хочет повидать меня.

Снова раздался вой. На сей раз одинокий певец выводил протяжное басовитое соло. Она узнала его. Это был Гашта.

— Этот волк — твой друг?

Кеит кивнула, не предлагая объяснений. Она закрыла глаза, вдыхая запах старого знакомого.

— Кеит? — Ри положил руку ей на плечо.

Сбросив его ладонь, она шагнула вперед. Теперь она улавливала движение... легкие шаги зверя, идущего сквозь подлесок, шорох веток, шелест прелой листвы. Позади нее Ян и Алви торопливо уводили осла под надежную защиту стен Дома Галвеев.

Ветви разошлись в стороны, и на поляне появился огромный лохматый зверь. Кеит сделала несколько шагов вперед.

— Гашта, — прошептала она.

Огромный волк приблизился к ней, растянув рот в собачьей ухмылке, уши его стояли торчком, поднятый хвост подрагивал. Встав на задние лапы, волк лизнул Кеит в лицо. Она обняла его шею и зарылась носом в густую шерсть, вдыхая знакомый и такой успокоительный запах старого друга.

Ворота позади них закрылись, и уже изнутри донеслись отчаянные вопли осла.

— Я не чувствую в нем никакой магии, — сказал Ри.

— Это просто волк, — ответила Кеит непринужденным и ровным голосом: Гашта умел понимать интонации. — Когда-то давно я спасла ему жизнь. И он вернул мне долг в ту ночь, когда Сабиры вырезали большую часть моей семьи.

— Это... дикий зверь?

Кеит уловила удивление в голосе Ри.

— Да. Мы с ним часто охотились вместе. Когда я находилась в Трансформированном состоянии.

Кеит поскребла за ухом животного и вновь зарылась лицом в его мех. Она не видела Гашту почти два года и была восхищена тем, что он помнил ее, и — в равной мере — тем, что волк проявил заботу о ней.

Она утратила столь многое и столь многих, что встреча со старым другом казалась ей сейчас чудом.

— Пора идти, — сказал Ри. — У нас много дел.

— Я знаю, — ответила Кеит, не поворачивая головы. Она провела пальцами по шерсти волка и нащупала жесткий шрам на его левом плече. След прошлого. Ощутимое свидетельство его долга перед ней, ныне оплаченного. Ее собственные шрамы остались внутри.

Она распрямилась, и волк сел на задние лапы, припав телом к ее боку. Гашта был рослым зверем, и даже когда он сидел, голова его касалась ее грудной клетки. Зверь пыхтел, вывалив язык набок; словно большая собака, он наслаждался, полуприкрыв глаза, прикосновением ее руки, чесавшей за ушами.

— Я знаю, — повторила она еще тише и взглянула на Ри. Он был не менее прекрасен, чем волк, столь же дик и в тысячу раз более привлекателен, чем все прежде и ныне знакомые

ей мужчины. В нем жило свое волшебство, в нем воплощались вещи удивительные настолько, что никогда раньше она не позволяла себе даже мечтать о таком. Ри заглянул в ее глаза, и в душе ее, охваченной холодом, затеплился огонек.

— Ри, я боюсь входить в Дом. Здесь, рядом с Гаштой, я стою и воображаю, что там внутри все осталось таким, как было. Но как только я войду туда... — Она пожала плечами и умолкла.

— Ты боишься призраков?

— Нет. — Она подошла к Ри. Волк последовал за Кеит, и когда она остановилась, тоже замер на месте. Ри протянул руку, и Кеит вложила в нее свою ладонь. — Я боюсь не призраков, я боюсь того, что призраков нет... что пустота убила их и, как только я окажусь внутри Дома, я потеряю все окончательно. Лучше иметь дело с призраками, чем с пустотой.

Погладив Кеит по голове, Ри поцеловал ее в щеку:

— Я буду рядом с тобой. Что бы там ни было, ты встретишь свое горе не в одиночестве.

Долго стояли они у ворот: женщина, волк и мужчина. Потом волк поднялся и побрел в темноту леса, в пустынное сердце ночи. Красный Охотник все гнался на небосводе за Белой Дамой, а мужчина и женщина рука об руку вошли через разверстую пасть ворот в безмолвное царство теней прошлого.

Глава 16

Дугхалл напоследок крепко прижал к груди своего сына Ренена.

— Грядут неприятности, сын, и я поручаю тебе охранять наши спины. Плати исправно солдатам, а если будут сложности, пошли весть в Дом Галвеев. Кеит, Ри и Ян уже там. Девочка и Зеркало Душ тоже с ними, поэтому я отправляюсь прямо туда.

Ренен смотрел вниз, на еще не пробудившийся лагерь в долине. Добрый из него получился мужчина: крепкий, терпеливый и надежный. Свойственной Дугхаллу порывистости в нем было немного: внимательный, решительный и солидный Ренен скорее походил на мать. Вместе со своими солдатами он прошел через междоусобные войны островитян... Живым выбрался из огня, потом выкарабкался после тяжелого ранения. В мирное время он любил посмеяться, выпить и отправиться по девкам, но — что важнее — умел молчать и умел слушать. Он привык руководствоваться собственным мнением — и если испытывал страх,

то никто даже не догадывался об этом. Подчиненные восхищались им, а Дугхалл гордился.

— Буду ждать, — ответил ему Ренен. — И кто бы ни пришел сюда, ему придется иметь дело с нами, прежде чем добраться до тебя!

Дугхалл взглянул на огни стана. Костры выгорели до угольков, рдевших теперь словно полуприкрытые веками, но от того не менее внимательные глаза отдыхающих демонов... Холодок пробежал по спине Дугхалла, овладел им, сковал его сердце; он подумал, что, возможно, никогда больше не увидит Ренена, и пустота в груди его лишь подтверждала то, о чем он предпочел бы не знать.

— Доверяй только самому себе, — произнес Дугхалл, опуская ладонь на плечо Ренена и разворачивая его лицом к себе. — Верь лишь тому, что считаешь истинным, не позволяй себе напрасных надежд.

Губы Ренена сжались в тонкую линию. Встретив взгляд отца, он хлопнул его по плечу:

— Все будет в порядке, в сокровищнице вдоволь серебра, люди преданны делу. Они видели, с кем ты сражался, и не будут дезертировать.

Тревожное предчувствие покинуло Дугхалла столь же быстро, как и появилось. Он растянул губы в улыбке. Незачем сыну знать о его, быть может, напрасных опасениях.

— Если деньги закончатся, — продолжил он, — я постараюсь прислать тебе еще. В моих мыслях ты теперь будешь на одном из первых мест. Когда я уеду, сразу же приставь людей к делу, иначе боевой дух упадет до нуля.

— Деревни в этих краях бедны. Селянам нужны хорошие дороги, дома, глубокие колодцы... так что дела здесь хватит. Попутно мы заручимся добрым отношением местных жителей.

— Уверен, что оставляю войско в надежных руках, — ответил Дугхалл и обернулся к своим спутникам, ожидавшим на дороге. Янф и Джейм были верхом на конях, подаренных им Гиру-налле. Алариста — седоволосая, бледная и согбенная — ехала на одной из своих лошадей. Жеребец Дугхалла и еще несколько коней, вьючных и заводных, щипали траву возле дороги.

Ренен торопливо обнял Дугхалла и прошептал:

— Ты стал таким молодым, что теперь кажешься мне, пожалуй, братом. И теперь я не опасаюсь вызвать твое недовольство, как в те времена, когда я был мальчишкой, а ты приезжал навестить нас.

— Если все сложится благополучно для нас, при следующей встрече ты вновь увидишь во мне старика.

— Прежде чем годы возьмут свое, найди себе женщину и люби ее, — сказал Ренен. — Дерись, пей, танцуй, а на

рассвете взгляни как-нибудь своими помолодевшими глазами на морские волны, чтобы увидеть зеленый луч, когда солнце поднимается из-за края воды.

— Постараюсь, — грустно улыбнулся Дугхалл.

— А теперь езжай, и да благословят тебя боги.

— Да благословят они также и тебя. — Дугхалл повернулся и быстро зашагал к своему коню. Вспрыгнув в седло и обернувшись, чтобы помахать рукой, он уже не увидел Ренена.

Дорога впереди исчезала под серой пеленой. Туман сгущался, окружив путников непроницаемыми для глаза стенами; поднявшееся над горами солнце то и дело пропадало, закрываемое темными тушами низких облаков. Отяжелевший от тумана воздух гасил голоса, заглушал клацанье конских копыт. Густая пелена ослепляла, так что путники замечали друг друга, лишь когда их лошади шли бок о бок. Никто не испытывал желания разговаривать, да и плотно окутавший все вокруг туман пресекал любые попытки нарушить безмолвие. Назвать этот печальный и малочисленный отряд войском, возвращающимся домой после славной победы, не решился бы никто.

До Брельста им придется ехать недели две. Там — если боги будут благосклонны к ним — они смогут попасть на корабль, отплывающий в Калимекку. А в Калимекке Дугхалл узнает, какие новые беды ожидают их, и, быть может, поймет наконец, почему ему кажется, будто сама земля обратилась против него, почему небо над головой словно насмехается над ним и почему, невзирая на заново обретенную молодость и силу, невзирая на одержанную победу, ему все кажется, что смерть стоит возле него — ближе чем когда бы то ни было.

Глава 17

Пробившийся сквозь окна нежный свет зари разбудил Кеит, и на мгновение ей показалось, что она снова маленькая девочка и все ужасы этих двух лет были всего лишь уродливым сном. Она лежала в собственной постели, в своей комнате, окруженная такими знакомыми вещами — шелковыми красными с черным платьями, юбками, шалями, пледами, плащами, галвейскими накидками, крошечными портретами отца и матери, написанными умелой рукой искусного художника. Пение тысячи альтовых колоколов разносилось над городом, их ровное и чистое звучание волнами поднималось из раскинувшейся далеко внизу долины, полной мелодичного звона.

Она вполне могла бы представить себе, как, выйдя за дверь, сразу же наткнется в коридоре на мать, распекающую кого-нибудь из младших сестренок за игры в прятки со слугами. Она явственно видела своего отца в одном из многочисленных кабинетов дома: вместе с параглезом занятого изучением торговых карт или обсуждением последних дипломатических новостей, доставленных из Галвейгии, Вархииса или Стрифии. Она мечтала о том, как вот-вот возьмет в руку рожок для вызова слуг и прикажет повару прислать ей мяса с кровью и без специй и блюдо с горькими травами к нему.

Однако, приподнявшись, она увидела только Ри, свернувшегося в спальном мешке возле двери. Он еще спал, и солнечный свет играл в его золотистых волосах. Кеит не помнила, как он вошел в ее комнату... Ри настоял на том, что должен проверить нижние этажи, прежде чем лечь. Кеит не могла понять, почему он не занял вторую половину ее постели. Однако — из чувства противоречия, что ли, — была рада тому, что он не сделал этого. Кеит не знала, каким образом сумела бы объяснить призракам, обитающим в ее памяти, почему делит с Сабиром свою постель в Доме Галвеев.

Бесшумно выскользнув из-под покрывала, Кеит подошла к восточному окну. Она положила руки на подоконник и заглянула в укромный садик, располагавшийся под окном. Некогда он был прекрасен, полон цветущих глициний и кустов жасмина — ночного и красного. Во время нападения на Дом Сабиры сожгли сад, и теперь землю затянули сорняки, а обгорелые ветви и водоросли засорили фонтан, заставив его умолкнуть. Кеит крепко зажмурила глаза. Лучи утреннего солнца целовали ее в лицо, напоминая о счастливых днях, когда она точно так же стояла возле этого окна, а последние отголоски колоколов сделали эти воспоминания еще отчетливее.

Прежде, в это самое время она могла бы услышать доносящийся из соседней комнаты голосок сестрички Лорианн, жалующейся на то, что ее сестра-близняшка Марсианн вновь без спросу взяла ее одежду. Внизу, в холле, братья ее уже гонялись бы друг за другом, выражая свое нежелание идти в парниссерию на утреннюю службу. Звенел бы голос матери, обсуждавшей со своей невесткой достоинства и недостатки учителей или поведение каких-нибудь родственниц из боковых ветвей. Племянники и племянницы, кузены, дяди и тети сейчас смеялись бы, переговаривались, делились мнениями на самые разнообразные темы — от продуктов питания до одежды и далее вплоть до политики. По коридорам сновали бы слуги... они стучали бы в двери, приносили бы завтрак, чистую одежду, только что срезанные цветы, свежие простыни. Заботы взрослых и игры детей, течение повседневности делали бы дом живым.

Но сейчас он был мертвым, безмолвным, холодным, подобно склепу, лишенным дыхания жизни, и пустые комнаты внутри осиротелых стен наполняла одна только боль воспоминаний.

Слезы вскипели в уголках ее по-прежнему закрытых глаз, стиснуло горло. «Вот я стою здесь, — думала Кеит. — У меня есть Зеркало Душ... Я пересекла половину мира... прошла сквозь ад, чтобы получить его. И вот оно здесь, а я не могу ничего изменить. Я не могу вернуть назад хоть кого-нибудь из родных. И не могу сделать ничего, как не могла бы, просто оставшись здесь и не скитаясь по свету».

Впрочем, это неправда. Если бы она осталась здесь, то погибла бы вместе со всеми. Тогда бы не пришлось ей сейчас бродить по мертвому дому, оплакивая свою семью.

Теплые руки обхватили ее за талию, а губы мягко прикоснулись к затылку.

Кеит открыла глаза и посмотрела на далекую синеву гор, на теплое и золотое солнце, на светлые стены Дома.

— Мне так не хватает их, — прошептала Кеит.

— Я все понимаю.

— Я хочу, чтобы они вернулись.

Руки Ри напряглись, он привлек ее к себе.

— Я знаю это.

— Они мертвы. Их нет больше. Я никогда не увижу их, никогда не смогу сделать что-нибудь — что угодно, — чтобы изменить это.

Он припал щекой к ее щеке, и Кеит почувствовала влагу на своей коже.

— Прости меня. Прости за то, что сделала моя Семья. Мне так горько оттого, что ты теперь одинока. Если бы я только мог хоть что-нибудь изменить, то непременно сделал бы это. Я люблю тебя, Кеит. Я никогда не причинил бы тебе подобной боли.

Лицо ее было залито слезами.

— Я знаю, — сказала она, повернулась и прижалась лицом к груди Ри.

Ее родители, братья и сестры ушли навсегда. Никакие чары не могут вернуть их к жизни. Таковых просто не существует в природе. Смерть — это грань, и они перешли через эту грань без нее. И наконец, осознав это, Кеит не удержалась от рыданий.

И пока она выплакивала свое горе, Ри держал ее в объятиях и молча гладил по голове, словно ребенка; ничего не говорила и она.

Наконец Кеит глубоко и неровно вздохнула и отодвинулась от него. Вытерев слезы рукавом, она взглянула на него:

— У нас много дел. По-моему, пора взяться за них.

Ри кивнул. Кеит положила ладони на его грудь, привстала на цыпочки и поцеловала его:

— Я люблю тебя.

Он вновь привлек ее к себе. Лучи солнца согревали ее затылок подобно материнскому поцелую, а близость Ри вливала в нее новые силы. Наконец она почувствовала себя готовой к встрече с пустотой Дома.

Алви и Ян уже поджидали их в коридоре.

— Я полагал, что нам нужно поскорее заняться делами, — заметил Ян.

Ри изогнул бровь:

— Сейчас еще достаточно рано.

— Я голодна, — сообщила Алви. — Мы с Яном уже перекусили кое-чем из дорожных припасов, но Кеит говорила, что здесь в кладовых найдется еда повкуснее.

— Нам не придется жить на скудном пайке или спускаться в город за необходимым, — подтвердила Кеит. — Запасов на случай осады Дома должно было хватить на целый год тысяче человек. Нам четверым этого хватит до конца наших дней, если только еда не испортилась. — Она улыбнулась Алви. — Ты не будешь голодать. Нужно только сразу определить, какие продукты у нас есть, где они лежат и в каком они состоянии. А потом поднимем наверх еды на неделю или на две, чтобы не пришлось спускаться в кладовые каждый день. Закончим с этим, тогда подумаем, что делать дальше.

— Драконы вывезли отсюда бездну припасов, — сказал Ян. — Боюсь, что результаты поисков разочаруют тебя.

— Не сомневаюсь, что они очистили основные хранилища. — Кеит пожала плечами. — Но осадные припасы были хорошо замаскированы. Их предназначали на случай крайней необходимости и сложили в таких местах, где врагам было бы трудно обнаружить их.

— Сабиры, а потом и Драконы... извлекли информацию из уцелевших Галвеев, — негромко сказал Ян.

Он осторожно сформулировал свою мысль, опустив слово «пытки», однако Кеит угадала его в интонациях его голоса и по тому, как он отвернулся от нее. Она напряглась, почувствовав, как похолодела ее кровь. При виде картин, возникнувших в ее мозгу, хотелось кричать. Однако Кеит, сохраняя непринужденность голоса, ответила:

— Что и сколько смогли найти враги, нетрудно определить, проверив запасы.

Она повела всех вниз по одной из многочисленных служебных лестниц. Нигде не было видно ни пятен крови, ни обломков костей, ни любого другого следа ужасов, свидетелем которых стал Дом, но Кеит все равно постаралась взять себя в руки,

на тот случай, если они все-таки наткнутся на скелеты в знакомых ей одеждах, увидят кости прежде любимых ею людей.

Воспоминания о былых временах вновь овладели Кеит. И, охваченная мрачным волнением, она заспешила вперед. Позади раздался вдруг шепот Алви:

— Ри, я не могу идти так быстро.

Кеит впилась ногтями в ладони и заставила себя замедлить шаг. Они достигли первого подземного этажа, где находились главная кухня и основные погреба. Кеит заглянула в темный коридор, а потом посмотрела через плечо на Яна:

— Ты приходил сюда?

— Сам я здесь не был, но Драконы могли отправить сюда кого угодно.

Кеит перевела взгляд на пол. Пыли на нем не было. Она нахмурилась, вдруг осознав, что не видела пыли во всем доме, хотя жилище Галвеев пустовало с того самого дня, когда Драконы оставили его, укрывшись в своей Цитадели Богов. Отметив этот странный факт, Кеит тем не менее не смогла объяснить его.

— Держитесь поближе ко мне, — сказала Кеит. — Здесь начинаются запутанные коридоры. Случалось, люди навсегда пропадали в этих подземных этажах.

Они вошли в коридор, повернули налево на первом разветвлении, потом направо — на втором, а затем Кеит завела их в небольшой тупик, оканчивавшийся полукруглой стеной и такой же изогнутой скамьей. Кеит зажгла лампы, осветившие знакомую ей картину. Воздух был затхлым, но здесь, внизу, Дом еще казался жилым. Привычным. Откуда-то из не знающих солнца и воздуха глубин подземного лабиринта до нее долетали запахи, полные ужаса, слух улавливал шелест, скрипы и едва различимое постукивание; и чудилось, будто оттуда за ними наблюдают чьи-то глаза и чьи-то острые когти поджидают их приближения. Внешне приветливый Дом Галвеев был полон жестоких, страшных тайн. В этих глубоких и темных подземельях его даже Кеит предпочла бы не оставаться в одиночестве.

Она пригнулась, сунула руку под скамейку и прикоснулась к ее ножке. Нащупав скрытую там кнопку, Кеит нажала на нее. Механизм повиновался ее руке, и с негромким шорохом стена вместе со скамейкой отъехала в сторону.

— Этот тайник наиболее очевиден, — сказала Кеит. — Если его ограбили, отыщем другие, укрытые понадежнее.

Она шагнула в проем, открывшийся в стене слева от нее, и огляделась. Полки были пусты.

Выйдя из кладовой, Кеит пожала плечами, вновь опустилась на колени и нажала на кнопку механизма, закрывавшего потайной ход. Особого разочарования она не ощущала.

— Теперь вниз. На нижних этажах расположены более надежные тайники.

Однако Сабиры и Драконы обнаружили и вывезли большую часть тайных припасов Галвеев. Потратив полдня и осмотрев шесть полностью очищенных тайных хранилищ, Кеит наконец привела своих спутников в нетронутый погреб, расположенный далеко в стороне от обитаемых частей Дома, в коридоре настолько темном, что фонари, казалось, лишь разрывали тьму, но не рассеивали ее. Здесь потайной механизм был снабжен двумя кнопками, на которые следовало поочередно нажать несколько раз, и Кеит пришлось пять раз повторить попытку, прежде чем дверь наконец открылась. Войдя внутрь, она с удовлетворением увидела темные силуэты кувшинов с крышками, закупоренных воском амфор, объемистых бочек и пузатых бочонков, мешков, ящиков, коробок и свертков. Воздух благоухал перцем, корицей и многими другими специями. И хотя с потолка свисали не окорока, а лишь пустые крючья, а на полках справа от нее вместо колбас лежала лишь оберточная бумага, имеющихся припасов одного этого погреба им четверым хватило бы на целый год.

— А я уже начинал опасаться, думая, что ты ошиблась, — признался Ри. Подойдя к Кеит со спины, он обнял ее за талию.

— Я тоже беспокоилась. Никак не предполагала, что чужаки сумеют найти настолько хорошо замаскированное хранилище, как то, которое мы осмотрели перед этим.

— Эти хранилища создавали сами Драконы.

— Я уже думала об этом. Но найти все тайники мог бы лишь тот Дракон, который построил этот Дом. Вернувшись, он, конечно, захотел бы поселиться в собственном жилище.

— Похоже, ты права.

Кеит внимательно осмотрела запасы:

— Теперь нам не о чем беспокоиться: на жизнь хватит. Но мне все же хотелось бы обойти все известные мне погреба. Возможно, скоро мы уже не будем здесь лишь вчетвером. Сейчас можно перекусить, а потом вы понесете наверх все, что нужно, а я тем временем осмотрю оставшуюся часть подземелий. Или можно отложить экскурсию до завтрашнего дня.

Ян завершил осмотр тайника.

— Лучше бы продолжить поиски, — ответил он. — В этом хранилище нет мяса, а я не сомневаюсь в том, что ты хотела бы найти его, прежде чем день закончится.

Кеит была удивлена. Она принюхалась... Здесь пахло копченой ветчиной, олениной и говядиной, вяленым питоном. Однако на вбитых в потолок крюках не осталось ни единого

обернутого бумагой окорока, и мешки с копченым мясом на полках казались чересчур плоскими.

— В любом из этих тайников должно было храниться все, что нужно для жизни. В задней части кладовой имеется кран, из которого можно набрать пресной воды, дверь надежно запирается изнутри, если вдруг потребуется отсидеться здесь. Где-то тут должно быть даже золото — в небольших сундучках.

Кеит начала осматривать полки. Однако Ян был прав. Все припасы были на месте — кроме мяса, исчезнувшего до последнего куска.

— В нескольких бочках должна быть соленая рыба, — добавила она. — Мы с Ри можем прокормиться и ею.

Ри нахмурился. Он указал на пустые крюки, затем на вощеную ткань и упаковочные шнурки, кучками лежавшие под каждым из них.

— Кому придет в голову разворачивать мясо, прежде чем забрать его отсюда? — спросил он. — Без упаковки оно не будет долго храниться, а сразу столько не съешь.

Кеит не нашлась с ответом и лишь предложила:

— Может, стоит поискать рыбу?

Сняв крышку с одной из пахнущих рыбой бочек, она заглянула внутрь. По всем правилам засолки рыба должна была укладываться почти доверху и заливаться рассолом. Однако бочонок был полон лишь на одну треть. И треть эта, занятая рассолом, не обнаруживала никаких признаков рыбы. Ни в соленой жиже, ни на стенках бочки она не заметила ни плавника, ни чешуйки. Сняв со стены стержень с крюком, она погрузила его в темную жидкость.

— Пусто. Ни одной рыбешки. Если бы не запах, я бы сказала, что в этом бочонке никогда не было рыбы.

— Может быть, рассол приготовили, а рыбу положить не успели? — предположил Ри.

Кеит пристально посмотрела на него.

Он пожал плечами:

— Да нет, конечно. У нас тоже отправляли в погреба только готовые продукты. Даже представить не могу, что здесь случилось.

— Я тоже. Но нам с тобой мясо необходимо. Наши спутники прекрасно обойдутся и без него, но...

— Я мяса не ем, — прервала ее Алви.

Кеит кивнула и продолжила:

— Но если мы с тобой будем лишены мяса во время и после Трансформации, то долго не протянем.

— Значит, идем искать следующий погреб, — подытожил Ян.

Очередной склад оказался опустошенным. Но в следующем все было на месте. Все, кроме мяса. Ароматизированные травами вощеные обертки так же лежали аккуратными кучками

под крюками, бочки же с соленой рыбой все как одна были закупорены. Взяв в руки одну из пустых оберток, Кеит вдруг заметила, что на ней нет даже разреза. К шву никто не прикасался, к ткани тоже. Никто не мог извлечь мясо из упаковки, не разрезав ее предварительно. Тем не менее, хотя это и казалось невозможным, мясо исчезло.

— Наша ветчина испарилась, — разочарованно произнесла Кеит. — Если бы мясо испортилось и сгнило, в обертках остались бы по крайней мере кости, но в них нет ничего.

Озадаченный Ри рылся в припасах:

— Так что же здесь произошло?

— Трудно сказать. — Кеит устало опустилась на сундук, в котором до сих пор находилось золото и серебро в виде монет самой разнообразной чеканки и различного достоинства. — Кому нужно красть одно только мясо, пренебрегая винами, приправами, овощами? Зачем вообще похищать копченое мясо, оставив здесь золото, на которое можно купить в тысячу раз больше продуктов?

— Так каким же образом они это сделали? — буркнул Ян.

Алви притронулась руками к полу в середине помещения; зажмурив глаза, она застыла, касаясь камней растопыренными пальцами. Кеит отвлеклась от своих раздумий, увидев странную позу и предельную сосредоточенность девочки.

Заметив, как примолкла Кеит, Ри и Ян проследили направление ее взгляда. И тоже затихли. Все трое теперь не отрывали глаз от девочки. Наконец Алви заговорила, не разжимая крепко сомкнутых век и не расслабляясь:

— Вы — первые люди, вошедшие в эту комнату после... злого дня, дня злых чар и злых смертей. Ничто живое с той поры... не переступало этот порог... никто... ни один человек... не брал ничего из этой комнаты.

Кеит наклонилась вперед, опершись локтями о колени:

— Тогда кто это сделал?

— Здесь поглощали пищу мертвые. Мертвецам отдали плоть... — Алви поежилась и еще крепче зажмурила глаза. — Им отдали всю мертвую плоть в качестве жертвы. — Тело ее сотрясала крупная дрожь, голос переменился, замедляясь и понижаясь: — Отзвуки данных им обещаний до сих пор доносятся из стен. Они еще слышат их и выполняют свой долг. — И Алви нараспев произнесла:

Кровью живых,
Плотью усопших
Вас призываю,
О духи Предков,
Ушедших прежде.

Враги за стеной,
Враги внутри Дома,
Они ворвались,
Они убивали,
Грабеж творили,
Брали добычу,
И побеждали,
И покоряли.
Придите ныне, о духи мертвых,
Всю плоть усопших в Доме Галвеев
Вам предлагаю я вместо крови.
Гоните из Дома, чужих гоните,
Но не вредите, не лейте крови
И даже боли да не чините.
Прошу не мести,
Прошу спасенья.
Вам отдаю я толику крови
За безопасность врага и друга
Внутри стен Дома,
Покуда чары сии вершатся.
И так да будет!

— Заклинание, — пробормотала Кеит.

— Да, заклинание. И совершенное человеком могущественным и умным. Я слышу отзвуки его шагов, доносящиеся здесь отовсюду. Этот Дом и его также, по праву плоти и духа, хотя пребывал он здесь недолго.

— Значит, он призвал мертвых?

Алви открыла глаза и посмотрела на Кеит:

— И они пришли. Духи усопших Галвеев до сих пор наблюдают за Домом, они смотрят на нас и сейчас. Побывавшие здесь враги явились сюда еще раз, но не смогли жить здесь. Мертвые сейчас не так сильны, как в ту в ночь, когда было произнесено заклинание. Но они до сих пор способны на многое. — Алви обхватила себя тонкими руками, и Кеит заметила, что они покрылись гусиной кожей. — В этом доме не может жить человек, который не является другом твоей Семьи или твоим другом. Мертвые забирают себе всю мертвую плоть, попавшую в эти стены, и когда здесь кто-нибудь умирает или сюда попадает мясо, духи поглощают его и на время становятся сильнее. И тогда, вернув себе силу, они исполняют волю того, кто призвал их.

Ян захохотал.

— Что с тобой? — взглянула на него Кеит.

— Нечего удивляться тому, что Сабиры и Драконы оставили это место, полное голодных и алчущих плоти призраков.

— Это осложняет наше положение, — заметил Ри. — Нам необходимо мясо, чтобы выжить.

— Мы можем охотиться, — сказала Кеит. — И мясо нетрудно съесть снаружи, за стенами.

— Возможно. Но тем самым мы выдадим себя тому, кто решит понаблюдать за Домом.

— Да, кое-какой риск в этом есть, — согласилась Кеит. — Но я охотилась здесь долгие годы, и мне удавалось скрываться даже от внимательных глаз.

Алви протянула руку ладонью вперед:

— Кеит, я открыла еще одну важную вещь. Позволь мне пойти дальше по дороге.

Кеит кивнула и приготовилась ждать. Девочка снова закрыла глаза; она долго сидела на полу, едва дыша и чуть приоткрыв рот. Сейчас Алви напоминала Кеит олененка, спрятавшегося в траве от глаз охотника. Сердце Кеит затрепетало... Конечно, ребенку ничто не грозило, но хищница, обитавшая внутри Кеит, не позволяла ей забыть этот образ или заменить его менее тревожащим охотничий инстинкт. Она подумала о том, что ей удалось обнаружить в этой девочке нечто неизвестное ей прежде. Наконец Алви заговорила:

— Неподалеку от этой комнаты скрывается женщина с двумя детьми. В кладовой, такой же, как эта. Они заперлись изнутри и питаются хранящимися там припасами. Они прячутся там с того дня, когда Дом был второй раз захвачен врагами. Но сперва их было двое, а третий... пришел позже.

Кеит замерла:

— Так здесь до сих пор есть уцелевшие?

— Так говорит мне тропа. — Девочка кивнула.

Дом мог укрыть их. Дом мог тайно принять в себя даже целое войско, нужно было только разместить его в определенных местах, под защитой хитроумных механизмов, отпирающих стены. Галвеи не успели воспользоваться этими тайниками, но все же кто-то из них сумел уцелеть!

— Ты можешь отвести меня к ним? — взволнованно спросила Кеит.

Алви кивнула. Ее большие глаза блеснули.

— Они так боятся, Кеит. Каждый день они ждут, что их обнаружат. Я ощущаю их ужас. Они не знают, что Дом пуст.

Они прожили эти два года в своем укрытии, не зная солнца и свежего воздуха... слабея, бледнея, быть может, умирая. Нужно немедленно отыскать их. Женщина и двое детей — все, что осталось от ее Семьи!

Впрочем, Кеит попыталась запретить себе надеяться на то, что эти трое окажутся ее близкими родными. Дугхалл говорил ей, что, по его сведениям, все они погибли. Но быть может, сумела спастись какая-нибудь из ее кузин. И тут же она напомни-

ла себе, что в Доме обитало множество людей, к Семье не принадлежащих, — гораздо больше, чем самих Галвеев, и возможность уцелеть скорее всего предоставилась какой-нибудь служанке, охваченной ужасом, и двоим ее детям.

Кеит поднялась. Эти трое в любом случае могли оказаться знакомыми ей. Ценна любая связь, соединяющая ее с прошлым.

— Итак, отправляемся на поиски? — спросил Ри.

— Наверное, мне следует пойти одной. — Кеит прикоснулась ладонью к стене.

— Я поведу тебя, — сказала Алви. — Дорога покажет мне их следы. Они поют, призывая меня к себе.

Ри пожал плечами:

— Я не могу оставить вас одних в этом подземелье.

Кеит вдохнула и медленно выпустила воздух из груди.

— Быть может, следует подождать до завтра и утром спуститься сюда снова.

В еще не найденной потайной комнате ее ожидала либо великая радость, либо столь же огромное разочарование. События недавнего прошлого заставили ее осторожнее относиться к собственным надеждам... Она научилась не доверять им.

— По-моему, нужно разобраться с этим делом немедленно, — посоветовал Ян, — пока ты еще можешь держать себя в руках.

Кеит, вздрогнув, кивнула:

— Наверное, ты прав.

Алви повела их в сторону балконов. Теперь они шли освещенными коридорами, за открытыми дверями виднелась изящная мебель, и Кеит чуточку приободрилась. Гнетущий мрак, царивший в подземельях Дома, смущал ее сейчас гораздо больше, чем в прежние времена. Сама она обычно чувствовала себя одинаково непринужденно и во тьме и на свету, но ее до сих пор удивляло, почему создатели Дома Галвеев соорудили в нем столько темных, лишенных окон и свежего воздуха помещений. Кто жил в них? Что в них творилось? Для чего они вообще предназначались? Путь их, указываемый Алви, извивался змеей: следуя за ней, они спустились сначала вниз, прошли вперед и снова поднялись. Теперь они находились уже недалеко от балконов, хотя Кеит не помнила, чтобы склады находились так близко от них.

И когда Алви наконец привела их к знакомому Кеит коридору, кончавшемуся тупиком, с двумя балконными комнатами и двумя кладовыми, та сказала девочке:

— Ты где-то ошиблась. Я знаю эту часть дома.

— Я иду правильно, — не останавливаясь, ответила Алви.

Кеит не стала спорить. Ошибка скоро обнаружится, и если они потеряют немного времени — это будет всего лишь задержка, отдаляющая ее от разочарования.

Обе двери слева от Кеит вели в очаровательные комнаты с балконами. Справа от нее находились двери кладовых, все четыре сейчас были закрыты. Девочка открыла дверь второго хранилища и прошла между шкафов и полок. Остановившись у дальней стены, она прикоснулась к ней:

— Они здесь.

Кеит бросила взгляд на гладкую поверхность стены, потом на ребенка:

— Там внутри?

— Да.

Кеит приблизилась к стене и принялась изучать запахи, исходившие от нее. Она различала запах людей, слишком слабый для того, чтобы можно было определить, кто именно находится там внутри, однако кто-то, вне всяких сомнений, прятался сейчас за этой стеною. Кеит провела пальцами вдоль углов комнаты, затем по задним краям каждой полки. К собственному удивлению, она нащупала наконец кнопку. Кеит нажала, но механизм не сработал. Значит, дверь заперта изнутри.

Пульс ее участился, Кеит взглянула на девочку:

— Ты права. Там есть комната.

— Я чувствую это, — сказала Алви. — Они живы.

— Значит, они могут слышать меня?

— Да.

Кеит распрямилась, приложила обе руки к стене и крикнула:

— Хейя! Там в комнате! Это я! Кеит Галвей! — Она приложила ухо к гладкой поверхности камня и прислушалась... ни движения, ни голосов — ничего. Выждав немного, она крикнула снова: — Сабиры ушли. Вы втроем можете выйти. Это я, Кеит! Вы теперь в безопасности.

Она вновь приложила ухо к стене, внимательно вслушиваясь. Долгое время до нее не доносилось ни звука, потом она уловила едва различимый шепот:

— Может, это и вправду Кеит?

Голос принадлежал ребенку.

— Кеит мертва, это плохие люди. Сиди тихо, и они уйдут.

Вновь наступила тишина.

— Это я, — повторила Кеит, — и могу доказать это.

Ни звука, ни движения. Голос мог принадлежать кому угодно, но в интонациях ребенка, назвавшего имя Кеит, она различила надежду. В мире полно женщин, носящих имя Кеит, и в Доме также жили ее тезки, но, возможно, находившиеся внутри люди знали именно ее. Или быть может, прислуживали ей.

Что же убедит их в правдивости ее слов? Начать ли ей с фактов, которые были известны слугам, или сразу с того, что знали лишь члены Семьи? Чьи дети были знакомы ей? Или

может, племянники и племянницы? Младшие кузены и кузины? Дети ее слуг?

— У меня было семь сестер, — сказала Кеит. — И двое живых братьев. Моих старших сестер звали Элси, Друса и Экхо. Имена моих младших сестер-близнецов Лорианн и Марсианн, еще были Лусианн и Елена. Кестрель и Эван — так звали моих братьев, которые рано умерли. Вильям и Симон выжили, они были моложе.

Ни звука. Ни отклика.

Кеит продолжила:

— Мою служанку звали Данфейт, она была родом из деревушки Хопсетт на северном побережье, возле Рабана. Имя моей матери было Грейс Драклес... Ее род происходил от Имуса Драклеса и Винтермарч Корвин. Отцом моим был Страхан Галвей. Его линия восходит к Эвану Галвею. Мы потеряли след его материнской линии на Брасеассе Карнее и его любовницах.

Ответа не было. «Ну, пожалуйста, — думала она. — Пожалуйста, ответьте. Прошу вас. Пожалуйста, посоветуйте, что именно нужно сказать мне, чтобы убедить вас в том, что я — это я».

— Я занимала угловую комнату возле Ивового зала, — продолжила она. — У меня была раковина, я нашла ее, гуляя у моря, недалеко от нашего сельского дома, и хранила в резной коробочке под подушкой. Раковина эта очень простая: коричневая с одной стороны и белая с другой, но если поднести ее близко к источнику света, она становится ярко-розовой. Еще я держала в этой шкатулке перышко сойки и кристалл, который подарила мне сестрица Экхо. Я часто брала у сестры Элси ее коня, потому что он был быстрее и лучше прыгал, но он не любил меня, и сестра сердилась, когда я ездила на нем.

За стеной зазвучали шаги, кто-то медленно подходил к стене. Все ближе и ближе. Наконец шаги замерли возле самой стены. Кеит затаила дыхание, ожидая, что сейчас стена сдвинется с места. Но этого не произошло, и новых звуков не последовало.

— Пожалуйста, выходите, — попросила она.

— А скажи мне... скажи, почему умерли твои братья, — раздался негромкий голос.

Она не знала, кто именно стоит там, по другую сторону стены. Не ощущала она и запахов находящихся в укрытии людей. Но надежда вдруг вспыхнула в ней с новой силой.

— Оба они были погублены шпионами Сабиров и погибли в младенчестве.

— Да. Но почему их убили?

Сердце Кеит забилось быстрее. Лишь ее близкие родные, ее родители, братья и сестры, знали ответ на этот вопрос. Более того, лишь они, знавшие это и державшие в тайне, могли задать его. Тайна эта по-прежнему могла стоить ей жизни.

Прикрыв глаза, Кеит припала щекой к стене. Прошептав эти слова, она может накликать на себя смерть, но иногда риска все же не избежать.

— Они были Карнеями, — сказала она наконец. — Как и я сама.

Изнутри донеслось глухое рыдание. Потом стена поползла вбок — в сторону от Кеит. Из открывшейся щели на нее хлынули запахи, сладкие и знакомые, и стройная фигура показалась в проеме.

Кеит узнала сестру скорее при помощи нюха, нежели зрения. Да и темно здесь было, чтобы глаза могли уверенно сказать ей, что эта хрупкая женщина действительно одна из ее старших сестер.

— Элси, — прошептала она. Обнявшись, они залились слезами. А потом, чуть отстранившись, Кеит спросила: — Кто с тобой?

У Элси было пятеро детей.

— Лонар. И младенец. Я назвала дочку Ретхен.

Сестра впустила Кеит в комнату, два года служившую ей убежищем. Племянник Кеит Лонар с младенцем на руках прятался в углу за грудой ящиков. Когда он увидел Кеит, затравленное выражение на его лице сменилось радостным.

— Так, значит, ты жива, — воскликнул он.

— И ты тоже. — Кеит упала на колени, протянув к нему руки. И вместе с младенцем он бросился в ее объятия. — Лонар, я так рада видеть тебя и твою сестренку. Ты даже представить себе не можешь, насколько я счастлива.

Проснувшийся ребенок заплакал.

Глава 18

— Значит, ты не собиралась спускаться к балконам?

Кеит и Элси сидели напротив друг друга в глубоких креслах посреди фамильных апартаментов. Элси кормила младенца и сама ела свежую зелень, сорванную в огороде с одной из уцелевших грядок. Кеит прямо из бутылки потягивала теплое, янтарное вархиисское бренди. Ри и Ян были заняты переноской припасов из ближайшего не тронутого Драконами склада. Алви и Лонар уже отправились спать. Поэтому Кеит получила возможность без помех выслушать историю Элси и рассказать сестре свою собственную. Обе были потрясены тем, что поведала каждая из них.

— Нам просто повезло. Лонар чувствовал себя одиноко, и я понимала, что после родов не смогу проводить с ним достаточно времени. Он захотел спуститься к балконам, и я решила показать ему потайную комнату, которую обнаружила, еще когда была маленькой.

— Я никогда не слыхала о ней.

— Я не рассказывала никому о ее существовании. Она была моим личным убежищем. После свадьбы я показала комнату Омилу, и мы решили заполнить ее всем необходимым. Так, на всякий случай. А потом регулярно обновляли припасы и никогда не расходовали их. Поэтому мы и поселились в комнатах рядом с балконами, а не в верхнем доме. Это позволяло нам часто спускаться вниз.

Элси умолкла. Она смотрела на своего ребенка, и Кеит увидела, что глаза сестры наполнились слезами. Она действительно прошла через сущий ад.

— Я так рада, что ты спаслась, — прошептала Кеит.

— Я тоже... иногда, — ответила Элси. Она погладила щечку Ретхен и переложила девочку от одной груди к другой. — Глядя на нее и Лонара, я радуюсь тому, что оказалась так далеко от всех остальных, когда в Доме начались эти вопли. И все-таки не могу не признаться: я не однажды жалела о том, что не погибла вместе с Омилом и другими нашими детьми.

Кеит глотнула бренди.

— Мне и самой иногда так казалось.

— Но ты столько сделала. Потом ты и Ри... — Элси улыбнулась. — Я так рада, что ты наконец нашла мужа.

— Радость твоя уменьшится, когда я расскажу тебе о том, кто он.

— Я уже знаю. Он и Ян братья. Так? А фамилия Яна — Драклес, он сам сказал мне. — Элси отпила из стакана ключевой воды. — Можешь не беспокоиться. Среди Драклесов нет таких, с кем мы не были бы в родстве.

— Меня беспокоит вовсе не это. — Кеит посмотрела на крошечное пламя, трепетавшее в камине. Пляшущие язычки его вселяли в ее душу покой. — Ян и Ри — сводные братья. И Ри — Сабир.

Элси не издала ни звука. Она даже дышать перестала. Кеит взглянула на сестру. Та смотрела на нее с явным недоверием на лице.

— Сабир? — выдавила она наконец.

Кеит кивнула.

— В какой связи он находится с теми Сабирами?

— Ри принадлежит к главной ветви рода. После смерти отца он должен был взять на себя долю власти в Семействе Сабиров. — Кеит не стала объяснять, какую именно долю. Она полагала, что с Элси хватит и того, что Ри принадлежит к Сабирам.

Сестра была ошеломлена. И когда дар речи вновь вернулся к ней, она спросила глухим голосом:

— Но как ты могла?

Именно этот вопрос несчетное число раз задавала себе и сама Кеит. И невзирая на любовь к Ри, невзирая на все-

поглощающее чувство созданности друг для друга, Кеит до сих пор не могла дать удовлетворительного ответа на него.

Долг Галвея требовал, чтобы она отреклась от Ри, как бы ни желала его. А она променяла свой долг на плотское желание и любовь. Кеит смотрела на огонь и пыталась отыскать слова, которые объяснили бы Элси причины, заставившие ее сделать именно такой выбор. Однако она давно уже знала эти слова. И просто не хотела говорить их себе самой.

Она стала предательницей. Трусом. Она была и осталась слабым и глупым ребенком.

— Если бы об этом узнал Дугхалл... — произнесла Элси.

— Он знает. И Ри... понравился ему. Ри перешел на нашу сторону и выступил против собственного Семейства. Он помог нам... он помог Дугхаллу. Вместе мы выстояли в битвах, которые выпали на нашу долю.

Как же ей объяснить Элси, кто такой Дугхалл. Элси считала их дядю дипломатом, важным государственным деятелем, респектабельным стариком. Она ничего не знала о его тайных занятиях чародейством, о его вере, его служении Водору Имришу и ожиданиях прихода в мир Возрожденного. Сестра ничего не знала о том чудесном будущем, которое было обещано миру, и о том, что все надежды на счастье оказались уничтожены рукой ее собственной кузины Дани. Элси уже знала о бегстве Кеит, о предательстве Гофтских Галвеев, о долгом и опасном ее путешествии. Впрочем, Кеит изложила свою историю, стараясь не упоминать о магической подоплеке событий.

— И Дугхалл примирился с этим... твоим предательством?

Не зная о магии... о битвах между Волками обеих Семей, о Соколах и Драконах, о Возрожденном, о пророчествах и о Дане, Элси просто не сможет понять все произошедшее. Кеит рассудила, что, наверное, так будет лучше... если Элси не узнает о возвращении в мир магии, она не станет бояться неведомых для нее чар. Элси будет спокойна, хотя, возможно, и возненавидит Кеит на всю оставшуюся жизнь. Кеит подумала, что сумеет примириться с этой ненавистью, ведь отныне ее душу будет согревать знание о том, что Элси и двое ее детей уцелели.

Но какое она имеет право скрывать правду от Элси? Горчайшая правда лучше наисладчайшей лжи. Почему она полагает, что Элси нуждается в спокойствии? Сестра ее утратила гораздо больше Кеит: кроме братьев, сестер и родителей, она лишилась мужа и детей, убитых Драконами или Волками. И если бы Кеит оказалась на ее месте, то, безусловно, захотела бы узнать истинное положение дел.

И в конце концов эта мысль и стала решающей.

— Видишь ли, ты знаешь еще не обо всем, — начала Кеит.

И на сей раз она рассказала сестре всю правду.

КНИГА ВТОРАЯ

Как мужи на битву выезжали,
Вороны в поднебесье взмывали:
Им бы крови алыя напиться
Да мясцом кровавым поживиться.

Из народной песни Гиру-налле

Глава 19

Всадники с реющими на ветру вымпелами приблизились к рыболовному становищу карганов. Отряд, выжидая, остановился на достаточном удалении от шатров.

Даня была одета в дивную, покрытую вышивкой замшевую *каспу* и брюки, которые сшили для нее карганки. Взобравшись на своего лоррага, она в одиночку двинулась навстречу прибывшим: следовало в конце концов соблюдать приличия. Для карганов она была Ка Икой — Богиней Лета, матерью долгожданного спасителя Иксахши. Приняв на себя роль Иксахши, Луэркас сотворил некоторые описанные в легендах чудеса, и слухи о нем пошли по всему краю. Молва распространялась все дальше и дальше. Увечные жители здешних мест, искалеченные безумными чарами тысячелетней давности, приходили отовсюду, не скрывая своих искаженных и уродливых обличий, в поисках свидетельств того, что время их прозябания в холодных пустошах Веральных территорий заканчивается. По прибытии каждого нового отряда Даня приветствовала его предводителей, Луэркас одаривал их обещаниями, и они оставались, а если и уходили обратно, то лишь для того, чтобы привести в лагерь всех остальных своих родичей. Летний стан карганов, вмещавший поначалу менее сотни мохнатых существ, теперь превратился в город с населением почти в десять тысяч душ. И все они намеревались двинуться на север — в земли более теплые и богатые, ибо голодные легионы увечных опустошили свой край. Вновь стать более или менее пригодным для пропитания он мог разве что через несколько десятилетий.

— Приветствую вас, незнакомцы, — сказала Даня на торговом языке. — Я — Ка Ика, мать, выносившая сына Тысячи Народов.

Она подняла вверх правую руку, так и оставшуюся изувеченной: покрытые чешуей указательный и средний пальцы заканчивались страшными когтями. Эти когти были ее сви-

детельством, знаком того, что она не может считаться истинным человеком и принадлежит к отверженным увечным народам.

Предводитель прибывшего отряда выехал вперед и поднял в ответ свою трехпалую лапу.

— Мы — Пожиратели Бурь, — объявил он, — прибыли сюда, чтобы отыскать истину. И мы готовы без промедления выслушать речь Молота Людей. Мы хотим драться за Зеленые земли.

Новое племя Увечных принадлежало к еще неизвестной Дане разновидности. Приземистые, покрытые густым мехом, ширококостные, они носили на теле лишь кожаные ремни, увешанные оружием.

Молот Людей. Еще один вариант облика Спасителя, каким он представляется Увечному народцу. Вроде Кемпи, почитавшегося похожими на медведей виштаками, или Того-кто-не-оставляет-следов страшного племени Огненных Людей, или Стреловержца трусливых и безглазых ууков. Молот Людей... еще одно имя для мифа, который она и Луэркас возрождали здесь... мифа, обещающего, что зло навсегда уйдет в прошлое и ушедшие поколения будут наконец вознаграждены.

Все эти несчастные, искалеченные уроды в той или иной форме имели некое представление о том дне, когда истинные люди лишили их законного права — права на человеческое достоинство — и изгнали на пустоши мира. Всем им был известен какой-нибудь вариант неизменно жестокого пророчества, обещавшего Шрамоносцам возможность отмщения и власть над людьми. И любое издревле известное пророчество предрекало этим несчастным вождя, который в день своего явления пообещает, что более им не придется жить посреди снегов, носить шкуры и отвоевывать свое пропитание у скудной, неподатливой и враждебной земли — и после этого поведет их в теплые земли. И тогда они отправятся на север — в Зеленые земли или Прекрасные земли, в Богатый Край или на Небесные Поля, и там одержат победу над истинными людьми. Там их будут ждать тепло и мягкие зимы, роскошная жизнь и богатства — все, что может дать им мир, неведомый, но неизмеримо прекрасный.

Поэтому и Даня и Луэркас говорили этим созданиям лишь то, что они хотели услышать. Все происходило очень просто. Луэркас принимал облик существ, с которыми имел дело, а потом преображался в человека. Он обещал всем, что они вернут себе человеческий облик, как только будут повержены их враги, захватившие Зеленые земли.

И новые отряды Увечных охотно верили его лжи, потому что хотели верить ей. Все они были готовы рискнуть жизнью, собственным телом пробить ту страшную стену, что отделяла их от хорошей, сытной жизни... Все — и мужчины и жен-

щины, и старики и дети, и даже матери с младенцами на руках. Многим из них — возможно, большинству — предстояло умереть. Погибнуть ради того, чтобы она и Луэркас могли въехать в Калимекку по искалеченным телам и объявить город своим. Но Калимекка — всего лишь часть их плана, участь великого города-государства должна будет разделить и вся Ибера.

Мерзкое будущее, но за то, чтобы отомстить врагам, тоже нужно платить. И она заплатила. Заплатила жизнью своего сына и — как подозревала — собственной душой. И теперь принимала каждую присягу на верность как должное, не утруждая себя размышлениями о судьбе, которая ждет тех, кто становится под их руку. Даня с улыбкой приветствовала этих уродов, потому что видела в них орудие своего отмщения. Сейчас она приветствовала Пожирателей Бури. Вслед за ней Луэркас показал им все необходимые чудеса, чтобы убедить их в том, что является одним из них, в то же время представляя собой и нечто большее. Они посмотрели, склонились перед ним и остались в лагере. И армия Шрамоносных — проклятого, жалкого народа — выросла еще на одну тысячу.

Глава 20

Дугхалл устало опустил на плечо Кеит руку.

— Путешествие выдалось адским, но хуже всего было в самой Калимекке. Город бурлит: Драконы исчезли, Галвеи провалились сквозь землю, Сабиры ослабели и скомпрометировали себя, в парниссерии волнения из-за предателей в их собственных рядах, Масшенки и Кэйрны пытаются захватить то, что некогда принадлежало сильнейшим. — Он качнул головой. — Народ начинает подумывать о том, чтобы выбрать представителей власти из своей среды, оставив Семьи в стороне.

Он взглянул на Ри, Джейма и Янфа, занятых взаимными приветствиями, и распорядился:

— Джейм, Янф... позаботьтесь, чтобы Аларисте приготовили хорошую постель! И чтобы накормили ее. Путешествие вверх по горе отняло у нее все силы.

Кеит посмотрела на старуху, которую осторожно спустили на землю с седла лошади, и вновь обернулась к дяде:

— Ты теперь кажешься не старше меня, а она стала похожа на ровесницу бабушки Корвин. Что с ней случилось?

— История долгая и некрасивая... лучше поговорим об этом после. — Он понизил голос: — Где оно?

Кеит не нужно было спрашивать, что он имеет в виду.

— В ту ночь, когда мы пришли сюда, я поместила его в одну из сокровищниц — за дверь с пальцевым замком. Я сама запирала дверь.

— Но тебе ведь известно, что это ничего не значит.

Кеит не позволяла себе даже думать о Зеркале Душ начиная с того мгновения, когда она появилась в Доме Галвеев, и до самого прибытия Дугхалла. Темные страхи и воспоминания, перешедшие к ней от Дракона Дафриля, удерживали ее от любых мыслей о Зеркале, от разговоров о нем с кем-нибудь еще. Она не решалась задуматься, боясь обнаружить, что за этими страхами может таиться нечто реальное. Она просто старалась уделять побольше внимания другим вещам и ждала появления дяди.

— Я тоже так думаю.

Дугхалл закрыл глаза и потер виски:

— Давай выйдем за стену и поговорим о... нашем путешествии.

Кеит кивнула и повернулась к Алви:

— Помоги Ри устроить Алариста. Ей будет нужна чья-нибудь помощь.

— Думаю, мы с ней уже некоторым образом знакомы. Я буду рада помочь ей, — ответила Алви.

Кеит не стала пользоваться моментом, чтобы поведать Дугхаллу о тайнах, окружавших Алви. Девочка никак не могла быть знакома с Аларистой, но за два последних года Кеит приходилось видеть, как самые невероятные вещи вдруг становились не только возможными, но и вполне реальными. Поэтому она лишь кивнула:

— Хорошо, позаботься о ней.

Алви побежала прочь, и Дугхалл приподнял бровь:

— Дочь Криспина?

— Она самая. Но не такая, какой он представлял себе свою дочь и какой рассчитывали увидеть ее мы сами. — Кеит прикрыла ворота, оставив небольшую щель, чтобы в случае какой-нибудь неожиданности они с Дугхаллом могли без задержки проскользнуть обратно. Учитывая тему предстоящего разговора, подобная предосторожность казалась вполне уместной. — И насколько далеко ты намерен увести меня?

— Как насчет другого конца света?

Смех Кеит показался резким даже для ее собственного слуха. Какое-то время они молча шли по одной из уводивших от Дома тропок — вдоль гребня горы, сквозь густой подлесок, быстро перешедший в непроходимые заросли. Оба они плотно прикрыли себя магическими экранами, не пропускавшими наружу ничего, что могло бы выдать их глазам и ушам чародеев, если те захотят узнать, что именно происходит в Доме Галвеев. Когда они отошли довольно далеко от Дома, Дугхалл повернулся к Кеит:

— Теперь достаточно. Если оно услышит нас на таком расстоянии, то услышит и в любом другом месте. Едва ли нам тогда вообще удастся спрятаться от него.

Кеит кивнула, подыскав для себя место на гниющем стволе упавшего черного дерева. И принялась ждать, пока Дугхалл устроится в петле лианы. Когда он устроился поудобнее, она спросила:

— Ты считаешь его... живым?

Кеит не стала произносить эти два слова — Зеркало Душ — просто потому, что не могла без дрожи выговорить их.

— Мои воспоминания свидетельствуют об этом.

— Мои тоже. Но если оно живое, почему же оно позволило мне уничтожить Драконов?

— Этого я не знаю. Но для живых существ характерно развитое чувство самосохранения. И еще живые ощущают потребность выполнить свое предназначение, в чем бы оно ни заключалось.

— Но это же вещь. Она не может иметь цели существования.

Дугхалл пожал плечами и принялся раскачиваться на лиане взад и вперед.

— Оно вообще не должно было быть создано. Его сделали для зла — и оно живет ради зла и будет бороться за возможность действовать в соответствии с собственными намерениями. Я чувствую, что сейчас оно погружено в сон. Но оно не будет спать вечно. Оно ждет своего мига, чтобы вновь сотворить что-нибудь ужасное, и нам с тобой придется расхлебывать последствия его новых деяний.

— Но мы же сошлись на том, что его следует уничтожить?

— Я не вижу другого выхода. Благодаря памяти Дафриля мы с тобой знаем, как пользоваться им, и меня это беспокоит. Искушение станет сильнее, когда мы состаримся и близкая смерть пробудит инстинкты, которые я, возможно, не смогу побороть, держась при этом одной рукой за ворота бессмертия. Но не забывай, что и Криспин имеет доступ к воспоминаниям Дракона... и если мы с тобой ценим души других людей и — надеюсь, — не дрогнув, встретим собственную смерть, на его порядочность в этом смысле полагаться не приходится. Если Зеркало не будет уничтожено, если Криспин сумеет найти его, вне всяких сомнений, он воспользуется им, не считаясь с ценой.

— Тем не менее вопрос остается... Как нам уничтожить его? Создатели Зеркала наделили его способностью защищать себя. И, сопротивляясь нам, оно может воспользоваться энергией душ жителей Калимекки.

— Я много думал об этом по пути сюда. — Дугхалл вздохнул и припал головою к лиане, на которой сидел. Он отталкивался от земли одной ногой — вперед-назад, вперед-назад, — лиана слабо похрустывала, покачивалась ветвь, за которую она цеп-

лялась, и высоко над его головой в такт движениям Дугхалла шелестели листья. Он был похож в этот миг на ребенка, гадающего в лесу о своем будущем и мечтающего стать героем.

— Ну и?..

Дугхалл посмотрел на племянницу. Его строгий и задумчивый взор заставил ее похолодеть.

— Во-первых, дело в тебе: я хочу, чтобы ты стала Соколом, Кеит.

Кеит попыталась распознать в его взгляде намек на грядущие испытания, но, не заметив ничего, лишь пожала плечами.

— Хасмаль хотел посвятить меня в Соколы, — напомнила она. — Он хотел сделать меня Хранителем. Это звучит не столь уж зловеще.

— Действительно. Но когда ты присягаешь делу Соколов, тебя связывает с ними клятва.

Значит, она должна будет поклясться. Но все-таки это не казалось Кеит таким уж серьезным испытанием.

— Ну и что?

— Ты будешь связана этой клятвой, — произнес Дугхалл с легким нетерпением в голосе.

Кеит решила, что не понимает того, о чем толкует ей Дугхалл.

— Мне уже приходилось давать клятвы.

— Но ты никогда не чувствовала себя связанной клятвой. По-настоящему связанной. Ограниченной в своих поступках, данным тобой словом, обреченной лишь на действия определенного рода той связью, что образуется между тобой и всеми Соколами, живыми и мертвыми. Клятва Сокола, Кеит, это не пустые, брошенные на ветер слова. В нее вплетены тысячелетие и тысячи жизней. Тысячу лет слой за слоем впитывала она в себя чары, сотканные новыми и новыми жизнями. Ты приносишь клятву, и тогда... тогда... — Дугхалл закрыл глаза и на мгновение погрузился в собственные воспоминания. Когда он вновь взглянул на нее, Кеит увидела, что его молодыми глазами на нее смотрит прежний старик. — Это как если бы ты прыгнула с обрыва в бурное море. Волны подхватывают тебя и принимаются швырять, как игрушку, и тогда ты не скоро сможешь опять дышать и не скоро сумеешь доплыть до берега. И потом, когда ты вновь окажешься на суше, разгневанное море навсегда останется с тобой. Оно сделается тяжестью, которую ты будешь ощущать на каждом шагу, при каждом вдохе. Не стану отрицать, что иногда это бывает удобно. В тревожные времена ты сама почувствуешь тот путь, которым надлежит идти Соколу, — словно неукротимое течение понесет тебя в нужную сторону и убережет от поступков, не подобающих нам. Клятва станет второй твоей совестью — совестью, которая никогда не ослабеет и не станет нашептывать то, что тебе приятно было бы услышать.

— Пока я не вижу в этом ничего непосильного.

Дугхалл вздохнул:

— Наша клятва может отвратить тебя от новых путей, новых идей и возможностей. Когда Возрожденный... погиб, течение бросило всех нас в море отчаяния. Вот почему столь многие Соколы в те страшные дни наложили на себя руки. Тысяча лет надежд, мечтаний и борьбы, тысяча лет приближения к великой цели рухнула в миг его смерти, и эта весть обрушилась на нас, словно волна цунами. Путь Сокола не дает ответов, у нас не стало причин продолжать собственное существование, мы не могли разглядеть другие возможности будущего. Ты дала нам опору, Кеит... вернула нам надежду, показала направление действий. Ты смогла сделать все это, потому что не входила в наш круг. Но как только ты окажешься одной из нас...

Кеит наконец поняла, о чем предупреждал ее Дугхалл.

— Но тогда не кажется ли тебе, дядя, что я лучше послужу делу Соколов в качестве их друга, а не собрата?

— Если бы уцелело достаточно Соколов, нужных для предстоящего нам дела, если бы сейчас они находились рядом, я не стал бы спорить с тобой. — Опустив на землю обе ноги, он наклонился вперед. — Однако находящийся здесь... предмет представляет собой большую опасность, которая возрастает день ото дня. Оно неотступно следит за нами. Малейшая допущенная нами ошибка — неверное слово или жест, — и оно призовет к себе других хранителей. И если эта вещь перейдет к действиям, то сумеет погубить нас. И оно сделает это непременно.

Кеит все еще не могла забыть того мига, когда Зеркало решило призвать к себе других хранителей... вспоровший ночные небеса багровый луч, Зеркало, исчезающее под водой у борта лодки, и вслед за этим их отчаянное бегство среди островов Тысячи Плясунов — она, Ри и его люди на веслах и рулевой Ян, приказывающий грести все быстрей и быстрей... Зажмурившись, она постаралась успокоиться.

— Не следует снова провоцировать его на такой шаг.

Дугхалл также хранил в памяти их рассказ о пережитом тогда ужасе.

— Не следует. — Он соскочил с лианы и принялся расхаживать. — Чтобы уничтожить его, нам потребуется огромная сила, и к тому же очень скоро — пока никто не успел совершить какую-нибудь ошибку. Ты, я и Ри втроем должны будем пропустить через себя его могучие чары. К нам может присоединиться и Аларista, хотя при нынешней своей слабости она скорее всего станет самым хрупким звеном в цепи, которую нам нужно создать, чтобы убить Зеркало. Однако хватит и троих, если все они будут

связаны обетом. Тогда мы сумеем создать *зацбунд*, кольцо власти. В это кольцо вольют свои силы все Соколы, мертвые и живые. Нас станет не трое. Мы превратимся в... легион.

— И, получив их силы, мы сможем уничтожить з... то есть эту вещь?

— Да.

— Жаль, что с нами нет Хасмаля.

— Мне тоже. Если бы он оставался с нами, я попросил бы только помощи Ри. И тебе можно было бы не давать клятву Сокола.

— А почему Ри? Почему не меня?

Дугхалл надул щеки и коротко выдохнул.

— По причинам, которые тебе не обязательно знать. Впрочем, если хочешь, слушай.

Кеит ожидала продолжения, скрестив руки на груди.

— Потому что он — Сабир, Кеит. — Дугхалл ответил на ее возмущенный взгляд печальной улыбкой. — Рожденный среди Сабиров, воспитанный ими, обученный Сабирами. При всей его любви к тебе, при всем новообретенном желании отречься от Волчьей магии и науки ради знаний Соколов, при всей его ненависти к злодеяниям Сабиров, в сердце своем он навсегда останется Сабиром. Если бы не погиб Возрожденный, все обстояло бы иначе. Возрожденный прикоснулся к Ри своею любовью, изменил его взгляд на жизнь. Если бы Возрожденный не умер, Ри служил бы ему в числе сильных. Но Соландер погиб, унеся с собой из этого мира свою любовь ко всем нам, и теперь воспоминания Ри о нем делаются все слабее и слабее, и сейчас он руководствуется в первую очередь своей любовью к тебе, но ведь любовь эта, в конце концов, не слишком обязывает его менять свои жизненные устои. Оказавшись загнанным в угол, Ри — я почти уверен в этом — будет защищать себя всеми способами, доступными для него... И если способы эти окажутся связанными с чарами Волков, мы с тобой можем расстаться с жизнью. Или того хуже.

— Он не сделает ничего во вред мне.

— Ты должна верить в это. И я тоже надеюсь на это. Но если бы я мог взимать золотой прейд со всякой женщины, которая хоть раз в своей жизни произнесла эти слова: «Он не сделает ничего во вред мне», имея в виду человека, который впоследствии забьет ее насмерть, то скоро стал бы самым богатым человеком на свете.

Кеит почувствовала, как гнев шевельнулся в ее груди.

— Значит, ты думаешь, что он способен ударить меня? Меня?

— Нет. Я не думаю, что он может сделать что-нибудь подобное. Но я знаю, что ты не имеешь представления о том, на что он способен. Ты не можешь знать этого. Он — мужчина, обладающий свободной волей и решимостью, и в таком каче-

стве Ри непредсказуем, как и любой другой мужчина. Если же он даст клятву Соколов, это... в какой-то мере ограничит его возможности — в хорошем смысле этого слова. Вот почему если бы я мог выбирать из вас двоих, то предпочел бы его. Связанный клятвой и чарами, он не мог бы сильно навредить нашему делу.

Кеит слабо улыбнулась:

— Понимаю. Не скажу, что мне очень понравилась твоя логика, но я могу понять ее.

Она ковырнула пальцем трухлявый бок бревна. Ноздри ее тотчас наполнил густой древесный запах, такой знакомый и успокоительный.

— И много ли времени потребуется на наше посвящение?

Дугхалл фыркнул:

— Ты можешь принять клятву прямо сегодня. Это не то что клясться в верности иберизму в парниссерии. Не надо зубрить катехизис, учить молитвы и обряды, запоминать наизусть все признаки истинного человека. Тебе только нужно дать клятву в том, что ты обязуешься пользоваться лишь той силой, которая принадлежит тебе самой или свободной волей отдана в твое распоряжение. Обязуешься почитать священной всякую жизнь — и телесную, и вечную, — не творить зла своими чарами, не допускать его ни действием, ни бездействием, ну а если вред неизбежен, стараться уменьшить его, чтобы результат оказался по возможности наиболее благоприятным. Еще ждать обетованной Паранны и возвращения Возрожденного. Как только ты даешь клятву, она сама начинает следить за исполнением самой себя. — Дугхалл нахмурился и вперил задумчивый взгляд себе под ноги. — В отношении последнего пункта я уже не могу испытывать прежней уверенности. Возрожденный не придет в третий раз, а без него нам не видать ни Паранны, ни мира между людьми. Интересно было бы знать, какую клятву будут приносить новые Соколы...

Кеит вернула его к прежней теме:

— Если мы сегодня дадим наши обеты, то, может быть, сразу же и приступим к уничтожению...

— А? — Дугхалл вновь посмотрел на нее. — О нет, едва ли. Сперва нам нужно выработать план. Предмет, безусловно, будет обороняться... а нам необходимо быть полностью уверенными в эффективности совместных действий. Я думаю, мы будем готовы перейти к делу лишь после нескольких дней тренировок. Но даже в этом случае наши шансы на успех и неудачу будут приблизительно равны.

— Ты настроен более оптимистично, чем я. — Кеит вдруг во всех подробностях вспомнила, как, стремясь призвать к себе Криспина, Зеркало Душ вдребезги разнесло установленный

ею экран, когда они попытались перевезти коварный предмет туда, куда он не желал отправляться. Кеит откровенно боялась Зеркала и сомневалась в том, что втроем, пусть даже и с помощью всех Соколов Дугхалла, они сумеют справиться с ним.

— Быть может, твой пессимистичный настрой вызван вескими причинами, — негромко произнес Дугхалл. — В отличие от меня ты провела возле него много времени. И наверняка лучше понимаешь суть дела.

Углубившись в собственные мысли, оба они ненадолго умолкли. Наконец Кеит поднялась, смахнув древесную труху и пыль с одежды:

— По-моему, нам пора возвращаться.

— Да, конечно. — Дугхалл посмотрел в сторону Дома. — Ты поговоришь с Ри? Я расскажу ему о клятве, если ты хочешь, но я полагаю, что лучше будет, если он услышит о положительных и отрицательных сторонах бытия Сокола из твоих уст, прежде чем обратится ко мне. Я не стану... не могу... заставлять его делать то, чего он не захочет.

— Он может отказаться. — Кеит обдумывала эту возможность. Ей и самой хотелось отказаться. При невозможности прикоснуться душой к Возрожденному, без надежды на обещанный миру город Паранну, вера Соколов, на ее взгляд, мало что могла предложить ей. К тому же после гибели Возрожденного, существование которого оправдывало любую жизнь, даже Увечную, она по-прежнему чувствовала себя всего лишь Шрамоносным чудовищем.

— Я понимаю. Если он откажется, наши шансы на успех уменьшатся. Но он должен присоединиться к Соколам по собственной воле. — Дугхалл в упор смотрел на нее. — Как и ты сама. Если ты принесешь клятву против желания, она не будет принята.

Улыбка, заигравшая на его губах, подсказала Кеит, что на лице ее, должно быть, застыло недоуменное выражение.

— Ты думаешь, — усмехнулся Дугхалл, — что если произнесешь положенные слова, то сразу же сделаешься Соколом, вне зависимости от того, желаешь этого на самом деле или нет?

Она кивнула.

— Я уже сказал тебе, что наша клятва — это не просто слова. Если ты в действительности не имеешь желания стать Соколом, ничто не сделает тебя им. Любые произнесенные тобой слова должны соответствовать желанию твоего сердца и готовности твоей души связать себя с делом Соколов. Ничто другое не сделает тебя одним из нас.

Кеит задумалась.

— Я скажу Ри об этом, — сказала она наконец. — А когда мы поговорим, сообщу тебе о нашем решении.

— Это все, что я могу просить у вас.

Глава 21

Дугхалл завершил свои упражнения с *зандой* и поднялся, так и не стерев тревоги с лица. Он не понимал только что полученных указаний, ему не нравилось направление, в котором его подталкивали боги. Он всегда пользовался магией лишь для поддержания мира и гармонии, исключительно ради благих целей. Теперь же от него требовали совершить нечто противоречащее всем его убеждениям, и *занда* трижды настаивала на том, что именно этим путем следует идти, чтобы он и его Соколы смогли победить последнего Дракона и созванное им войско.

Дугхалл собрал свои чародейские принадлежности и, скрестив ноги, опустился на пол. Он надолго погрузился в размышления, подбирая слова заклинания таким образом, чтобы, вопреки недоброму звучанию слова, оно не могло причинить зла живому существу. Потом он вырвал у себя с макушки волосок, соскреб с внутренней стороны щеки кусочек кожи и сложил свои подношения в чашу. После этого бросил два крошечных белых шарика на лоскут черного шелка, предварительно расстеленный на каменном полу. Наконец, он окунул пальцы в крошечный фиал с прозрачным желе и подождал, пока оно подсохнет на руке.

Закончив с приготовлениями, он начал декламировать:

Внемли мне, о Водор Имриш.
Предо мною стезя ночная,
Я рассвета поджидаю,
Что меня назовет лиходеем,
В грехе обвиняя.
Плоть отдаю я в уплату,
Чисты пред тобой мои цели.
Велений богов и духов
Смысла не понимая,
Иду я этой тропою.
Совесть вложи в наши души,
А гнев свой и дух раздора
Даруй ныне обоим,
Тем, кого помечаю.
Пусть уста их промолвят слово
Обиды горькой для друга.
Пускай их уши услышат
От друга жестокое слово,
Пускай его слышит и сердце.
Прошу у тебя только правды
И горькой ее принимаю.
Не чиню я ни раны, ни боли,
Кроме той, что сейчас неизбежна,
Ради дела, что ты нам назначил.

Он протянул руку к окованной серебром чаше и принялся ждать. Внезапно та наполнилась белым светом, знаменующим, что Водор Имриш принял подношение, а затем свет этот сделался холодным и мерцающим, поднявшись над чашей маленькими язычками. Дугхалл приблизил пламя к белым шарикам, которые поглотили его столь же быстро, как вода гасит свечу.

Когда погасла последняя искорка волшебного огня, Дугхалл прикоснулся левым указательным пальцем к одному шарику, а правым к другому. Оба они сразу же приклеились к коже... теперь они останутся на кончиках пальцев до тех пор, пока он не пустит их в дело.

Затем Дугхалл поспешно вышел в коридор, полагая, что у него осталось совсем немного времени для успешного исполнения задуманного, и отправился искать того, кто был ему нужен сейчас.

— Кеит, — сказал он, проходя мимо племянницы. — Приведи Ри в мою комнату, хочу обсудить детали будущей церемонии.

Дугхалл словно бы в рассеянии коснулся ее обнаженной руки и, избавившись от одной из сфер, отправился дальше. Он знал, что сейчас позади него Кеит замерла в коридоре, изучая спину дяди ставшим вдруг неуверенным взглядом.

В одном из верхних коридоров он столкнулся с Ри.

— О, сынок, — обратился к нему Дугхалл, прикасаясь кончиком пальца к запястью Ри... Вторая из сфер с легким щелчком перекочевала на кожу молодого человека. — Я только что видел Кеит, она искала тебя. Она была в коридоре у западного салона. Если только уже не ушла оттуда.

Покончив с этим, Дугхалл вернулся к себе, опустился в одно из узорчатых кресел и поежился. Ему казалось, что его вот-вот вырвет, поэтому он свесил голову между колен и оставался в такой позе, пока тошнота наконец не прошла.

Дело сделано. Он не знал, чего именно он добьется этим, и не понимал, почему боги направили его именно таким путем. Ему хотелось иметь четкую и ясную картину будущего — схему, которая позволила бы ему отчетливо видеть последствия его действий и знать о цене, которую близкие ему люди вынуждены будут заплатить из-за него.

И он принялся молиться о том, чтобы содеянное им не оказалось ошибкой.

— Мне это совсем не нравится, — сказал Ри. — После смерти Возрожденного у Соколов нет причин продолжать свое дело. Они жили, чтобы расчистить путь для него... теперь его нет, не будет и Паранны, и мира абсолютной любви тоже.

Он остановился посреди запущенной садовой дорожки и повернулся к ней лицом.

— Кеит, я охотно отдал бы свою жизнь за Возрожденного. Но не за тайную секту чародеев-миротворцев, одряхлевшую за тысячелетие. У них нет вождя. Нет направления. Не будет и целей, после того как... — Он успел остановить себя и не упомянул Зеркало вслух, но все равно поежился. Оно было слишком близко. — После того как они совершат свой последний подвиг.

Кеит сидела на краю фонтана, неподвижная, как и окружающие ее изваяния. Солнечные лучи играли в ее волосах, оттеняя на худощавом лице и без того темные глаза и полную нижнюю губу. Она смотрела на Ри задумчивым, внимательным и тревожным взглядом.

— Я знаю это. Но без нас они не сумеют выполнить это последнее дело.

— Ты не можешь быть в этом уверена.

— Не могу.

— Знаешь, по-моему, лучше подождать до тех пор, пока кто-нибудь из Соколов не ответит на призыв Дугхалла.

— Может быть, и так.

Ри строго поглядел на нее:

— Ты сейчас чересчур рассудительна, твоим словам не хватает хоть каких-нибудь эмоций. Немножечко чувства, ради богов, Кеит!

Она едва не улыбнулась. Ри заметил, как изогнулись уголки ее губ. Потом она качнула головой:

— Чувства здесь ни при чем. Поможет разве что логика... но я отчетливо ощущаю, что если не сделаю этого, то никто другой не заменит меня.

— Словом, ты считаешь разумным связать себя на всю жизнь нерушимой клятвой с людьми, которые неизвестно чего добиваются и не имеют ни цели, ни источника вдохновения, которые превратились в останки забытой цивилизации!

Теперь она действительно улыбнулась:

— В подобной формулировке такой поступок кажется безумным.

— Он действительно безумен.

— Был бы безумным, если бы ты оказался прав. Но с Возрожденным или без него Соколы имеют вполне очевидную цель. Они борются за то, чтобы магией занимались, лишь понимая всю ответственность этого дела... за то, чтобы чародеи использовали только то, что действительно и по праву принадлежит им. Магия должна служить обороне, а не нападению, защите невинных существ от прожорливых хищников. Соколы стоят за самопожертвование, за победу любви над ненавистью. За то, чтобы каждый из нас делал наш мир хоть немного лучше, чем он был, когда мы пришли в него. — Теперь в голосе ее зазвучала страсть, и сердце Ри дрогнуло. Уверенность в своей правоте окрасила щеки Кеит румянцем, заставила ее поднять подбородок повыше и смот-

реть на него взглядом параты — все это подсказывало Ри, что продолжение понравится ему еще меньше. — Соколы не могут более оправдывать свою борьбу надеждами на обетованную Паранну, но то, к чему они стремились всю последнюю тысячу лет, сейчас столь же истинно и значимо, как и в тот день, когда Винсалис начал записывать пророчества, ставшие потом Тайными Текстами.

Она поднялась — неподвижное изваяние превратилось в живую девушку, — подошла к Ри и опустила ладонь на его руку.

— Ри, Соколы — это то лучшее, что было в мире Древних. Они могут стать лучшим и среди того, что есть в нашем мире.

Они долго стояли, глядя друг другу в глаза, чувствуя смятение.

— Значит, ты все-таки хочешь дать клятву, — сказал он наконец. — Ты уже решилась.

Кеит казалась чуточку удивленной.

— Я не решалась на это до тех пор, пока ты не стал убеждать меня в том, что я поступаю неправильно. Тогда я вдруг поняла, что теперь действительно готова стать Соколом. — И все же Ри видел боль в ее глазах. — А ты не принесешь клятву?

— Если это сделаешь ты, я последую твоему примеру, — ответил Ри.

Кеит покачала головой:

— Я уже говорила тебе, что если ты не захочешь по-настоящему сделаться Соколом, слова не свяжут тебя.

Ри отвернулся от нее:

— Как могу я хотеть сделаться рабом чужой философии?

— А если бы ты оставался в Доме Сабиров и со временем сделался бы истинным Волком, ревностно служащим своему Семейству, — негромко сказала Кеит, — в этом случае ты счел бы себя готовым к принятию Волчьей философии?

В словах ее ощущался легкий укор, угадывалась попытка отыскать в нем слабое место, и Ри ответил на это:

— Не пытайся подловить меня, Кеит. Возможно, в подобном случае я выполнил бы требования моего Семейства, но здесь нельзя быть уверенным абсолютно. Я сопротивлялся своей Семье с куда большим упорством, чем ты своей. Это ты возвела между нами стену, ради своих родных... ради приличия. Ты предоставила мне комнату в твоем доме в тот день, когда мы нашли твою сестру, но в ней нет двери, которая соединяла бы наши спальни... помещение с такой дверью занимает твоя сестра. Она видит тебя по утрам, радуется твоей первой улыбке, первым звукам твоего голоса. А я нахожусь там, где не хочу быть, вдали от тебя, и чувствую, что ты стыдишься меня... что я недостаточно хорош, поскольку право судить обо мне принадлежит теперь твоей старшей сестре.

— Ты же знаешь, что это не так. Я люблю тебя и хочу провести с тобой весь остаток моей жизни. Я просто хочу,

чтобы все, что составляет мою жизнь — включая тебя, — было по сердцу и моим уцелевшим близким. Элси отходит от всего пережитого очень медленно, но она обязательно признает и примет тебя.

— Мне кажется, что она признает меня быстрее, если мы объявим себя *инканда*, переберемся в отдельное помещение и разделим друг с другом ложе.

— Это слишком... поспешно. Я предпочитаю хоть и более долгий, но надежный путь. Элси уже поняла, что ты не совсем Сабир...

Ри вздрогнул и резко повернулся к ней. Кеит осеклась и умолкла.

— Что ты сказала? — спросил он голосом ровным и жестким.

Кеит покраснела.

— Я объяснила ей, что ты ушел от Сабиров, не желая главенствовать над ними, что твоя мать объявила тебя *барзанном* и поэтому официально ты уже не принадлежишь к своей Семье.

— И тогда она согласилась признать меня? Решив, что я всегонавсего холощеный, прирученный и посаженный в клетку зверь, который живет с тобой только потому, что у него нет другого места?

Кеит покачала головой:

— Нет-нет... конечно же, нет...

— Мне следовало предвидеть это. Я должен был понять, что у нас не может быть совместного будущего. Должен был понять это, когда ты выделила мне отдельные комнаты, якобы только для видимости и ненадолго. — Ри отступил от нее на шаг. — Я по-прежнему Сабир, — негромко произнес он. — Моя мать лишила меня прав, положенных мне по рождению, но прав крови лишить не может. Я жил и умру Сабиром, ты жила и умрешь Галвеем, и даже Возрожденный, со всей его любовью и пониманием, не смог бы этого изменить. Как и твое желание, чтобы я стал тем, кем не могу стать.

Они смотрели друг на друга и видели, как между ними растет пропасть отчуждения.

Кеит стиснула кулаки, и Ри увидел, как глаза ее наполнились слезами.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— И я люблю тебя. Ты единственная женщина, которую я могу назвать желанной. Единственная и любимая. — Он глубоко вздохнул. — Но если ты не согласна принять меня таким, какой я есть, мы не можем быть вместе. Я не могу мешать тебе, Кеит. Я не хочу быть твоим позором, твоей ошибкой, олицетворенным грехом, который нельзя скрыть от мира. Я не буду притворяться, будто я не Сабир, чтобы твоя сестра признала меня.

— Но почему? Ты притворялся много раз. Чтобы спасти свою жизнь, ты ведь играл роль нормального человека, скрывая, что являешься Карнеем.

— Как и ты сама.

— Да, как и я. Мы оба часто что-то изображали, Ри. Никто из нас никогда не представал перед миром таким, каков он на самом деле. И у нас с тобой общая тайна, которой не знает никто другой. Лишь мы по-настоящему понимаем друг друга. Так почему же ты не можешь перестать быть Сабиром, чтобы мы могли жить счастливо?

Ри с грустью смотрел на нее и видел перед собой незнакомку в знакомой плоти.

— То, что ты просишь меня об этом, лишь подтверждает, что общего между нами на самом деле не существует. Я никогда не просил тебя отказаться от себя самой ради меня. И никогда не сделал бы этого, потому что многое люблю в тебе. Если бы ты не принадлежала к Галвеям, то не была бы собой. — Помолчав немного, он добавил: — И если я перестану быть Сабиром, то перестану быть и самим собой.

Он всем сердцем хотел, чтобы она забрала назад свои слова. Хотел, чтобы она признала их ошибкой, сказала, что жалеет о своей опрометчивости, и бросилась бы к нему в объятия. Но Кеит этого не сделала. Она стояла на месте, смотрела на него и плакала. И тогда Ри повернулся и пошел прочь — он получил ответ.

— И куда ты сейчас?

Ри не оглядывался:

— За своими вещами. А потом... не знаю. Мир велик. Где-нибудь найдется место и для меня.

— Ри... пожалуйста, не уходи, — попросила она. — Я... ты мне нужен, кроме тебя, во всем мире у меня никого нет.

Голос ее был полон боли.

Ри обернулся к ней всего лишь на мгновение:

— Если ты действительно нуждаешься во мне, Кеит, я останусь. Но тебе нужен мужчина, не являющийся Сабиром и удовлетворяющий всем твоим представлениям верной дочери Семейства. Я не могу стать таким, каким ты хочешь меня видеть. И не стану даже пытаться.

Покинув сад, он собрал свои скудные пожитки, отыскал Джейма и Янфа и сказал им, что уходит. Все это время Ри надеялся, что Кеит придет к нему и скажет хоть что-нибудь... даст понять, что она не сожалеет о своей любви к нему, что сумеет забыть о разделявшем их прошлом и примет его таким, каков он есть. Но Кеит так и не пришла.

Вместе со своими друзьями он оставил Дом Галвеев. Уходя, он не смог удержаться и оглянулся. Кеит стояла на верху окружающей Дом стены и безмолвно смотрела им вслед. Переменившийся ветер донес до него ее запах, и от внезапного желания быть

с ней Ри едва не задохнулся. Кеит не побежала за ним. Не стала просить его остаться. И не взяла назад свои слова.

И, отвернувшись от нее, он направился к зарослям, отыскивая тропу, которая приведет его вниз, в город. Он не знал, куда пойдет потом, ему было все равно. Кто он такой и что собой представляет, имело смысл, лишь пока он оставался с ней. Без нее мир станет пустым и блеклым. Как и он сам.

Глава 22

Прижавшись спиной к стене, Кеит сидела в углу своей гостиной и смотрела в окно на заросший сад, где она вчера поссорилась с Ри. Ей надо было просто сказать ему, что ей все равно, Сабир он или нет. Она бы остановила его, если бы произнесла те самые слова, которые он хотел от нее услышать... она знала это. Но одними словами ничего не исправить, и если она могла удержать его лишь с помощью лжи, значит, следовало привыкать жить без него.

Услышав стук в дверь, она, как и до этого, не обратила на него внимания. Но на сей раз дверь все-таки отворилась.

— Ты не можешь сидеть здесь целую вечность, — укорила ее Элси. — Рано или поздно тебе придется выйти отсюда.

— Почему?

— Не глупи. Дугхалл в отчаянии, он требует, чтобы ты спустилась вниз, съела что-нибудь и поговорила с ним. Он говорит, что у вас двоих есть незаконченное дело и что мир не станет ждать, пока исцелится твое разбитое сердце.

Кеит молчала. Она по-прежнему смотрела в окно, не замечая обращенных к ней слов сестры.

— Ради богов, Кеит, — резко произнесла Элси. — Тебе будет лучше без него. Ты просто больна им, и я могу это понять. Он симпатичный, он умный, он страстный... но он Сабир. И однажды ночью он вспомнил бы об этом и, повернувшись на бок, придушил бы тебя, не дав даже проснуться. А потом сбежал бы из Дома, прикончив предварительно всех остальных.

Кеит чувствовала, как в ней закипает гнев, но не стала обнаруживать его. Стараясь сохранить спокойствие в голосе, она ответила:

— Ты не знала его.

— Мне не было нужды знать его. Довольно с меня и того, что Сабиры сделали с нашей Семьей. Ты и я — вот и все, что осталось от нашего Семейства, от всех Калимекканских Гал-

веев. Быть может, меч, погубивший мать, отца, моего Омила, моих детей и твоих братьев и сестер, держали не его руки, но кровь убийц течет и в его жилах.

— Течет, — спокойно согласилась Кеит. — Но ты забыла о том, что в тот же самый день погибла и большая часть его собственной Семьи, павших в той же самой усобице. Мы, Галвеи, использовали для этого магию, мы тоже нарушали соглашения и договоры, и ты можешь с равной уверенностью сказать, что кровь убийц течет и в твоих жилах. Наша Семья отнюдь не была невинной.

— Возможно, и так. Но не мы начали эту драку. Предательскую ловушку нам устроили они... и ты знаешь, что Ри тоже участвовал в ее подготовке.

Кеит отвернулась от окна и посмотрела в глаза сестры.

— В этот раз виноваты они. Но мы с тобой не можем знать, как было в прежние времена. Наши Семьи враждовали четыре века, и я не могу поверить, что Галвеи всегда были невинными жертвами, а Сабиры злобными хищниками. Ри делал то, что приказывали ему старшие. Он выполнял свой долг. Так же, как и ты. Так же, как и я. Все мы исполняли волю своих Семейств.

— Но теперь он ушел, и ты можешь перестать срамить собственное имя, — ответила Элси. — Вы все равно не смогли бы жить вместе, Кеит. Любовь умирает спустя какое-то время, новизна меркнет, и любовникам остается лишь то, что они могут разделить друг с другом. Но ты никогда не смогла бы найти в себе хоть что-то общее с этим... зверем!

Кеит снова повернулась лицом к окну. «Я ни с кем не смогла найти что-то общее — ни с кем, кроме этого зверя, — подумала она. — Мы оба Карнеи. И всегда занимали места на периферии семейной жизни, потому что мы были другими. Запачканными. Нас соединяет связь, которую Элси не в силах понять. Если я скажу ей, что знаю, где Ри сейчас находится, и что он не ел уже два дня, и что, засыпая, ощущаю в своей руке его руку, она начнет твердить, что у меня чересчур пылкая фантазия, я просто не могу знать ничего подобного и что я попросту свихнулась. Но я не сумасшедшая. То общее, что есть в нас, на всем свете присуще лишь нам двоим. И никогда, сколько бы мне еще ни довелось прожить, мне не встретить второго Ри».

— Я умела понимать его, — сказала она. — Я понимала его. Сейчас все кончено, но я буду тосковать по нему весь остаток моей жизни.

— Ты его забудешь.

— А разве ты уже забыла Омила?

Ответом на ее вопрос стало пугающее молчание, и Кеит повернулась к сестре, пристально посмотрев на нее.

Кровь отхлынула от лица Элси, губы ее побелели, тело оцепенело от ярости.

— Как смеешь ты сравнивать Омила с Сабиром... как смеешь сравнивать свое мимолетное увлечение с чувством, которое тебе неизвестно?

— Выходит, — кивнула Кеит, — что если речь идет о тебе, то твои чувства священны, а мои увлечения, как ты сказала, ценности не имеют. Так, кажется, у нас получается?

Элси повернулась и, не говоря ни слова, вылетела из комнаты. Кеит задумчиво смотрела вслед сестре, а потом снова заняла свое место возле окна. Размолвка с Элси обеспокоила ее. Сестра проявила ничуть не больше такта, чем Ян и Дугхалл. Ни один из них не понимал тяжести ее утраты, не мог увидеть всей глубины ее боли. Быть может, они просто не способны на это. Они умеют лишь требовать от нее исполнения ее обязанностей и укоряют в том, что она, отдавшись своему горю, пренебрегает долгом.

Кеит вдруг решительно встала и подошла к своему шкафу. Она извлекла из него одно из своих парадных платьев: сшитое из красного шелка с галвейским узором, целомудренно глухое на груди, со стоячим воротником и черными кружевами, изображавшими шипастые розы, с разрезными, в полоску, рукавами. К платью она достала и накидку из черного шелка, с такой плотной вышивкой, что алые розы на ней казались настоящими цветами. Она неторопливо облачилась в этот торжественный наряд и зашнуровала украшенные самоцветами сапожки, меланхолично рассматривая игру камней, сверкающих в утреннем свете. Потом она причесалась, заплела волосы в косу, спустив ее тяжелой петлей до основания шеи.

Обойдя комнату кругом, она отыскала ящичек, в котором хранились атрибуты ее дипломатических занятий. Кеит открыла его и, обнаружив, что все содержимое его — пудра, кисточки, клей и драгоценные камни — осталось нетронутым, мрачно улыбнулась. Она взяла шкатулку, села перед зеркалом и принялась напудриваться *илиамом*, составом из золотой и костяной пыли, и одним богам ведомо, чего еще, пока лицо ее не стало похожим на литую из драгоценного металла маску. Затем она нанесла черную краску на веки и ресницы и приложила к уголкам глаз на слой спиртового клея крохотные рубины. Вслед за этим она провела ровную красную линию от середины лба и до кончика носа. И руки ее при этом почти не тряслись: ей уже приходилось вырисовывать подобные линии, только не на своем собственном лице.

Наконец, она вынула из шкафа коробку с самым торжественным из ее головных уборов, изготовленным из плетеной платиновой ленты, с которой каскадом ниспадали подвески из драгоценных камней. Водрузив эту тяжесть на голову, Кеит

почувствовала, как сотни лет галвейской истории тяжким бременем легли на ее плечи, а вместе с ними на нее давили и призраки ушедших веков. Тени эти сразу же начали подсказывать ей, как ей следует думать и что говорить... и что еще она должна сделать, чтобы почтить их.

Кеит поклонилась зеркалу и призракам, которых оно приютило в своей столетней памяти, а затем спустилась вниз, в солярий, чтобы поздороваться с дядей.

Когда Кеит объявилась перед ним, одетая, как на собственные похороны, Дугхаллу захотелось разбить свою голову о холодный камень, и он с огромным трудом пересилил себя. Он рассчитывал держаться с Кеит приветливо, вести себя так, словно отсутствие Ри было лишь временным несчастьем, но вариант этот, увы, более не соответствовал ситуации. Он не мог предложить ей сейчас чем-нибудь подкрепиться и, пока племянница будет есть, занять ее непринужденным разговором. Кеит нарядилась как покойница, и Дугхалл не видел вежливого способа отреагировать на это.

Оставалось лишь осудить этот свойственный юности мелодраматический жест, и Дугхалл приступил к делу.

— Ты выглядишь просто превосходно, — сказал он после недолгих колебаний, но Кеит строго взглянула на него.

— Я пришла выполнить свой долг, — объявила она.

— Вижу, нам повезло, и еще как повезло! — Прислонясь к стене, он скрестил руки на груди. — Ты просто пылаешь энтузиазмом и любовью к людям... только это способно поднять труп со смертного одра и отправить его помогать живым в их бедах.

— Я исполняю свой долг перед Семьей, потому что не могу поступить иначе. — Кеит замерла перед ним в величественной позе параглезы: подбородок задран вверх, спина выпрямлена по струнке, плечи гордо расправлены. Пожалуй, она могла бы показаться прекрасной в своем гордом величии, подумал Дугхалл, если бы не эта нелепая затея — одеться ходячим трупом.

— Значит, долг превыше всего... Хочу дать тебе полезный совет на будущее. Семейство, следующее этому принципу, лучше предоставить его собственной судьбе, да сгниет оно на корню. — Дугхалл смотрел на племянницу, застывшую в своем полном ярости великолепии, и внезапно, поддавшись порыву, рассмеялся.

С тем же успехом он мог бы плеснуть водой на взбешенную кошку.

— В любом случае я выполню свой долг, — огрызнулась Кеит.

— Правильно. И теперь ты намерена затолкать свою великолепную жертву прямо в наши несчастные глотки. Ты любила и утратила любимого. Ты, можно сказать, умерла, но

собрала все свое мужество и продолжаешь жить, отдавая свою юную жизнь служению Семье и миру. И теперь добиваешься от нас сочувствия и восхищения столь несчастным и отважным созданием, каковое ты изображаешь.

Потрясение лишило Кеит дара речи. Рот ее открылся, она молча буравила его взглядом, и Дугхалл видел, как ногти ее впиваются в ладони. Видел он и как расплываются кончики их, как бы в нерешительности, не зная, остаться ли им ногтями или превратиться в когти. Вспомнив о том, что он имеет дело с Карнеей, Дугхалл решил перейти к менее жестоким мерам.

— Я не хочу сказать, что мир не нуждается в тебе, — сказал он. — Только не надо изображать из себя мученицу.

— В самом деле? Ты считаешь, что мне нужно жить и радоваться? Радоваться оттого, что я не могу примирить собственную Семью и любимого человека. Так?

— У тебя был мужчина, которого ты любила. Ты отослала его.

— Он ушел.

— И ты никоим образом в этом не виновата?

— Между нами встала Семья.

— Семья стояла между вами с самого начала, но прежде вы как будто неплохо ладили. И теперь вдруг он уходит, а ты облекаешься в траур и обвиняешь во всем Семью. Не вижу логики.

Он не стал упоминать о том, что и он приложил руку к этому разрыву. Дугхалл до сих пор не был уверен в том, что сыграл во всем этом роковую роль, и не знал, почему боги сочли необходимой подобную меру.

Кеит молчала. И после долгих раздумий как будто бы пришла к решению. Уже более спокойным, не столь гневным, как прежде, голосом она сказала:

— Он не смог изгнать из себя Сабира.

Дугхалл покачал головой:

— Ты потребовала от него отказаться от своего Семейства? Чтобы он перестал быть Сабиром?

— Да. Мне пришлось это сделать. Ради тебя и Элси, ради всех погибших Галвеев.

— Понимаю. А ты заодно не попросила его отрезать свои яйца и подать их тебе на блюдечке?

— Что?

— С тем же успехом ты могла бы просить и это. Нельзя требовать от мужчины, чтобы он стал тем, кем не является.

— Чем дольше я находилась здесь, тем больше осознавала, что не могу жить с ним, пока в сердце своем он остается Сабиром.

— Ты молода, Кеит-ча. — Дугхалл вздохнул. — У юности есть свои достоинства, но твой глупый идеализм к ним

не относится. Неужели ты до сих пор считаешь, что в мире есть лишь четко очерченные грани и внятные рубежи, что добро в нем лишено даже примеси зла и зло не имеет ничего общего с добром? Неужели после всего, что ты видела и делала, ты еще можешь надеяться на то, что в угоду своим желаниям сумеешь сделать реальный мир похожим на твое представление о том, каким ему надлежит быть?

— Ты не прав, — возразила Кеит, но Дугхалл поднял ладонь, останавливая ее:

— Не спорь, это так. Ты добрая девочка, ты любила своих родных и была верна Семейству всем своим сердцем. А потом ты обнаружила, что часть головоломки, образующей твою жизнь, не укладывается в общую картину, но прекрасно удовлетворяет тебя саму. Девочка моя, Ри создан для тебя, а ты — для него. Вас обоих связывает нечто большее, чем простое желание... магия, соединяющая вас, исходит из самой Вуали. Вы были созданы друг для друга волей судьбы или богов.

— Ты хочешь сказать, что я должна отправиться следом за ним?

— Нет. Я не думаю, что, отправившись за Ри, ты сумеешь вернуть его. Ты не понимаешь еще, почему твой поступок оказался неправильным. И можешь никогда и не почувствовать этого, никогда не понять причину, но пока этого не произойдет, не надейся устранить трещину, разделившую вас. Поэтому я говорю тебе: не надо бежать за ним. Так ты сделаешь только хуже.

Сняв с головы тяжелый головой убор, Кеит уронила его на крытую парчой скамейку; звон металла заставил Дугхалла вздрогнуть. Кеит опустилась в глубокое кресло, не думая об ущербе, который подобная вольность нанесет ее наряду, вовсе не предназначенному для сидения, и склонилась вперед, подперев голову руками.

— Ты действительно думаешь, что мы поссорились по моей вине?

Дугхалл заметил, что она плачет: слезы оставляли узенькие дорожки на ее лице, покрытом толстым слоем золотой пудры.

Поставив второе кресло напротив племянницы, Дугхалл опустился в него.

— Ты видишь в Ри жертву, которую ты принесла ради своего Семейства, — сказал он. — В твоей жизни будут и другие жертвы, которые тебе придется принести, и некоторые из них окажутся не менее болезненными, чем разлука с Ри. Но... — он поднял вверх палец, — нельзя жертвовать богам дар, который они ниспослали тебе.

— И ты можешь вот так просто утверждать, что Ри был даром, посланным мне богами? Откуда тебе это известно? Зачем богам посылать мне дар, который отдалит меня от моей Семьи?

— Зачем это богам... ты сомневаешься в моей правоте... — Дугхалл тоже подпер голову руками и прикрыл ненадолго гла-

за. Призраки его собственных слабостей, невыносимых неудач, нелепых ошибок и срывов поплыли за сомкнутыми веками. — Ах, Водор Имриш, пошли мне нужные слова. — Вздохнув, Дугхалл посмотрел на Кеит. — Любовь — истинная, непреходящая — и есть высший дар, который могут послать человеку боги. Такую любовь испытывал Соландер к каждому живому созданию. Он любил настолько глубоко, что одолел время и смерть, чтобы и мы могли узнать эту любовь. Винсалис испытывал это чувство к своему другу Соландеру и Янхри, впоследствии ставшей его женой, и любовь эта преобразила его, дала ему слова, описавшие будущее мира, проложившие для многих из нас тропу, ставшие нашей путеводной звездой.

Любовь — не пустая похоть, это сила, и сила могучая. Величайшая сила во всей вселенной. Она сильнее ненависти и смерти, могущественнее всех чар и кудесников. — Дугхалл пожал плечами и опустил взгляд на свои руки. — Некоторые утверждают, что в ней и заключается истинный источник чудес и даже самой жизни, хотя я и сомневаюсь в этом. Слишком уж много на свете всякого зла и уродства. Так мне кажется. Я стар, пусть тело мое и кажется молодым. За прожитые мной годы я познал и дружбу, и нежность, и страсть, и сочувствие. Я делил ложе со многими женщинами и, даруя им плодородие, заслужил титул одного из младших божеств. Но истинное чувство я испытал лишь тогда, когда Соландер прикоснулся ко мне своей любовью. То, что существует между вами, Кеит, между тобой и Ри, то, что позволяет вам любить всем сердцем и всей душою... во мне этого нет. А если и есть, то я не нашел той женщины или того дела, которое мог бы любить столь полно и искренне. Ни Соколы, ни одна из всех этих женщин, ничто в моей жизни не дало мне этого ощущения истинной любви, какое дарил Соландер. — Дугхалл заглянул в глаза Кеит, жалея, что она не может разделить с ним те чувства, которые владели им в этот момент. — Я отдал бы свою жизнь, свою душу и вечность, ради одного только мига любви, той любви, которую ты отвергла из ложно понятого чувства долга и вины, потому что ты выжила, а Семья твоя погибла.

Он вновь посмотрел на свои руки... сильные, молодые... но молодость эта принадлежала не ему, а Аларисте. Она так любила Хасмаля, что отдала годы своей жизни, отдала за то, чтобы спасти жизнь своего любимого.

— Мертвые мертвы, Кеит, а живые могут быть слепыми, глупыми и безрассудными... Если ты решила отказаться от самой лучшей, самой прекрасной части твоей жизни ради долга перед мертвыми, я скажу, что ты сошла с ума и не заслуживаешь благословения, которое послали тебе боги.

— И тем не менее ты говоришь, что я не должна идти за ним?

— Да, говорю.

— Потому что я только испорчу дело? И все погублю?

— Да.

— Тогда что же мне делать?

Распрямившись, он глубоко вздохнул:

— Для начала иди умойся и сними это смешное одеяние. Потом возвращайся сюда, поешь как следует, и когда закончишь, вместе подумаем, что нам делать дальше... Я полагаю, Ри не хотел становиться Соколом, а это меняет все наши планы. — Дугхалл встал, подошел к Кеит и опустил ладонь на ее плечо. — А после мы с тобой посидим и поразмыслим, как сочетать известное тебе искусство дипломатии с тайнами любви, которых ты, очевидно, не знаешь. И мы найдем способ вернуть назад твоего любимого.

Кеит поднялась, утерла слезы тыльной стороной ладони и пообещала:

— Я скоро вернусь.

Обняв ее за плечи, Дугхалл посоветовал ей:

— И не трать больше свой *илиам* на живых. Настоящие трупы не плачут, так что получше смой свое художество.

Выдавив крохотную улыбку, Кеит повернулась и заторопилась прочь из комнаты.

Глава 23

— Ну не видел еще такого крепкого сукина сына, прям не убьешь, — произнес незнакомый голос, и Криспин открыл глаза. Голова его разламывалась от боли, и внутри ее то и дело вспыхивали искры — единственное, что он видел в окутавшем его море тьмы. Его кости, кожа, нутро... даже волосы, казалось, были охвачены пламенем.

— Я ж знаю, что ты очнулся. И ежели не начнешь немедленно со мной разговаривать, прощайся со своими ровненькими зубами.

Где он? Окружавшая Криспина вонь казалась невыносимой: разило тухлой рыбой, грязью, тленом, где-то плескалась вода, кричали морские птицы, а вдали гудела, должно быть, целая тысяча голосов, грохотали колеса телег, цокали копыта...

И как он попал сюда?

— Я уже берусь за палку.

— Что ты хочешь узнать? — с трудом прохрипел Криспин.

Он вспомнил дубинку, ее удары — снова и снова, опустившуюся на него тьму и Трансформацию, не принесшую ему ничего хорошего. Ничего вообще.

Он услышал грубую усмешку:

— Я так и думал, что ты можешь говорить. А теперь, подлец, отвечай мне, кто ты такой. Когда я нашел тебя в том переулке, ты молчал как рыба. Если бы ты не был такой интересной добычей, я бы оставил тебя сборщикам падали.

В переулке, отметил Криспин. А потом вспомнил нож.

— Кто-то пырнул меня ножом.

— Это мне известно. А еще тебя ограбили. И бросили голышом как младенца, только вот ты малость поуродливее будешь. Пальцы с когтями, на жопе хвост, и морда растянутая, как у волка. Или у льва. Весь в крови, дыр в твоей шкуре хватило бы на целую дюжину покойников, а ты еще дышишь. Ничего более странного я еще не видел... поэтому и привез тебя сюда — рассмотреть повнимательнее. И понять, на что тебя, так сказать, можно употребить.

Как это — употребить?

И потом, он ведь куда-то шел, в том переулке, так?

Криспин подумал, что, наверное, преследовал кого-то и был в гневе. Хотел убивать. И в этот миг память разом вернулась к нему, и он вспомнил, что гнался за кузеном Ри, похитившим его дочь, и что времени на ее спасение у него остается совсем немного. Ри уже где-то укрылся вместе с Алви... и если еще не убил ее, то скоро может сделать это. Ему нужно побыстрее выбраться отсюда, надо немедленно спасать дочь! Он попытался броситься на пленившего его человека и убить негодяя, чтобы тот не стоял у него на пути.

Но что-то остановило его. Врезалось в горло, запястья, ноги, грудь, бедра. Криспин напрягся, пробуя разорвать незримые путы, но лишь взвыл от боли и бессильной ярости, а потом услышал голос своего пленителя:

— И что ты, проклятый, все время делаешь одно и то же. Незачем возиться с тобой. Никакого толку от тебя мне все равно не будет.

Слова эти остановили Криспина. Вспомнив про дубинку и тьму, которую приносили с собой ее удары, он застыл, и на сей раз все обошлось.

— А ведь учится, подлец, и вовремя соображает.

Криспин услышал звук шаркающих шагов. Мужчина, должно быть, находился совсем рядом с ним, а теперь чуть отошел.

— Мне нужна вода, — сказал Криспин. — И еда.

— А мне нужны ответы.

Этот человек хотел узнать, кто он. Что лучше сказать ему, ложь или правду? У правды свое обаяние, но сейчас она казалась более невероятной, чем ложь.

— Мое имя Криспин Сабир, — сказал он спустя мгновение.

Мучитель его надолго замолчал, так что Криспин подумал, что, быть может, голос его прозвучал слишком тихо, и уже более громко повторил:

— Мое имя Криспин Сабир.

— Ага, ага. Я слышу.

Зрение Криспина начинало проясняться. Он уже мог видеть вокруг себя какие-то неясные силуэты. Теперь он выяснил, что лежит в темной комнате, под самым потолком которой находятся два узких окошка, а вокруг все заставлено коробками, ящиками и какими-то непонятными предметами. Сарай, должно быть. Но вот о похитителе своем Криспин не получил еще даже отдаленного представления. Впрочем, силуэт его свидетельствовал о том, что человек этот был невероятно широк в плечах и крепок.

— Я так и думал, что услышу что-нибудь в этом роде. Кто, кроме членов Семьи или близких к ней людей может сделать так, чтобы его чудовищное дитя пережило день Гаэрваны, когда парниссы тыкают палками и колют иголками верещащих младенцев, а потом убивают тех, кто показался им странным.

Ухватившись за слова человека, Криспин поспешил воспользоваться удобным моментом.

— Я могу оказать тебе колоссальную услугу, — сказал он. — Ты вправе воспользоваться моим положением и связями. Я могу обеспечить тебе благоденствие среди Сабиров. Ты спас мою жизнь... а она стоит целого состояния и власти...

С внезапным смехом человек оборвал его:

— Стоит она не дороже дерьма в канаве, парнишка. Сразу видно, что ты давно не был в городе. Сабиры уже не те, какими были в тот день, когда тебя пырнули ножом. Мы покончили с Семьями в Калимекке, разделались и с парниссами. Вся твоя родня уже разбежалась по щелям. Те Сабиры, которые остались в живых, либо прячут свои шкуры, либо ищут помощи в других городах. Если тебе нечего предложить мне, кроме своего имени, я убью тебя прямо сейчас и продам твое мясо пирожнику.

— Ты же сказал, что меня трудно убить.

— Трудно, но можно. Оттяпаю тебе голову, и тогда ты ничего не успеешь сделать мне.

Он был прав, и Криспин умолк. Он попробовал представить себе перемены в городе: низвержение Семейств, падение парниссерии, беженцы, покидающие город... и попытался сообразить, что предложить этому человеку, чтобы выкупить свою жизнь и свободу.

— Я могу дать тебе золото.

— В наши дни золото стоит не дороже простого камня. Его нельзя посадить в землю, нельзя съесть, в него нельзя одеться. Из-за беспорядков в городе поставщики завяли, как трава

в засуху. Но если ты знаешь, где я могу наложить свои лапы на большой запас еды, говори...

Криспин не стал медлить с ответом. На случай осады Сабиры держали большие запасы продуктов в своем Доме и в других более или менее доступных местах. Криспин и сам устроил себе несколько подобных складов, о которых знал лишь он один. Этих припасов ему хватило бы на несколько лет.

— У меня есть припасы на случай осады, — сказал он.

— Говори мне, как их найти, и когда я получу свой харч, сразу вернусь и освобожу тебя.

— Нет. — Криспин усмехнулся. — Боюсь, что, получив еду, ты начисто забудешь дорогу сюда. Так что развяжи меня, а потом я расскажу тебе, где находится один из моих складов.

— Ага. И тогда ты сразу превратишься в зверя и попытаешься перегрызть мне глотку... Нет. Еще раз этот фокус у тебя не получится.

Они смотрели друг на друга из разных концов помещения.

— Нам нужно как-нибудь договориться. Тебе нужна пища, мне свобода.

— Еще я хочу, чтоб моя глотка осталась целой. — Мужчина внимательно изучал взглядом Криспина, заткнув большие пальцы за веревочный пояс, дважды охвативший его объемистое чрево. Долгое время он ничего не говорил. Криспин сомневался в том, что подобные усилия мысли привычны для его собеседника, а потому тоже молчал, дожидаясь, пока незнакомец одолеет непривычный для него мысленный путь. Наконец тот улыбнулся и сказал: — Ладно. Получается так.

Криспин хотел спросить, что именно получается, но не успел задать свой вопрос. Шагнув к нему, мужчина вновь ударил его дубинкой по голове, и для Криспина все вокруг снова исчезло, окутавшись тьмой и болью.

— Прости, не предупредил заранее. Прикинул, что тебе будет легче, если ты не будешь знать, чего от меня ожидать.

Голова Криспина болталась взад и вперед по неструганым доскам, и грохот деревянных колес, подскакивавших на брусчатке, мукой отзывался в его костях. Он был крепко — и неудобно — связан. Все тело его болело, и он не мог шевельнуть ничем, кроме глаз, видевших лишь грязную солому и доски под нею.

— Какая предусмотрительность, — заметил Криспин.

Незнакомец расхохотался:

— О, я же миляга, спроси у любой из шлюх в «Красном блюде».

— Я непременно сделаю это, — ответил Криспин, усмехнувшись.

И постарался запомнить. «Красное блюдо». Таверна, приютившая шлюх, или гостиница, хозяин которой не брезгует этим источником дохода, а может, и просто публичный дом, расположенный где-нибудь в портовом квартале. Название непременно поможет ему отыскать это заведение. Возможно, ему не удастся убить незнакомца сразу, как он отыщет его, однако столь очевидная мысль просто напрашивалась. Не исключено, что возможность убить этого мерзавца каким-нибудь медленным и изысканным способом доставит ему куда больше удовольствия, чем поспешное завершение этого дела.

— Мы едем в район Сабиров, — пояснил мужчина. — Ты говоришь, где находятся твои припасы. Я еду туда, гружу харч в фургон, и мы едем в другое место. Там я разгружаюсь, увожу эту телегу от своего дома и привязываю лошадей так, чтобы их никто не видел с улицы. Рано или поздно кто-нибудь найдет тебя, и если тебе повезет, этот человек отпустит тебя, а не перережет глотку.

— Такая сделка не кажется мне честной, — возразил Криспин.

— Ты же еще не мертв, так? Я не собираюсь убивать тебя, так? А я ведь мог бы заставить тебя пойти со мной в твою кладовую и потом убить, но я такой же честный человек, как и ты. Пусть у тебя будет шанс, хоть и не очень большой и без гарантии. Но кто из нас может на что-нибудь рассчитывать в наше время?

— Да, действительно, — ответил Криспин. — И, учитывая это, я благодарю тебя и предупреждаю, чтобы ты не забыл свернуть на улицу Манутас возле «Дерева Дарджин», а там вернешься по Проточному переулку, назад к горшечникам... Ты ведь знаешь квартал Сабиров?

— Уж твою ухоронку я как-нибудь найду, — негромко пообещал мужчина. — Можешь не беспокоиться об этом.

Глава 24

Ян работал в одном из умирающих садов Дома Галвеев, спасая растения, еще способные выжить, и вырывая погибшие и безнадежно искалеченные. Работа была бесцельна: никто не бродил теперь по садам в поисках уединения, и Ян полагал, что, кроме него, никто не интересуется этим заброшенным уголком. Он ничем не мог помочь нынешним обитателям Дома, если не считать переноски продуктов из кладовых на кухню. Однако работа приносила ему утешение, и, избегая той обстановки напряжения, в которой пребывали Кеит, Дугхалл и Элси, Ян тру-

дился в одиночестве, вдали от всех. Теплая земля звала к себе и благодарно отвечала на прикосновения. Она предлагала ему время для размышлений. Она дарила ему покой.

Ри ушел, и Кеит молча страдала, не выходя из комнаты, что в иной ситуации позволило бы Яну надеяться на изменения к лучшему в его собственном случае, в его отношениях с ней, однако он не имел права обманывать себя. Кеит не любила его и полюбить не могла, хотя он считал, что все-таки небезразличен ей. Небезразличен, но и только. Даже если Ри никогда не вернется, даже если она решит снова сойтись с ним, Яном, ему не добиться от нее полноты ответного чувства. Он способен любить ее вечно, но если Кеит не ответит на его любовь с такой же страстностью и ненасытностью, его судьбой окажется участь вечно голодного за пиршественным столом. Вожделенная трапеза всегда будет перед его глазами, он даже получит возможность изредка притронуться к ней, однако же насытиться ему не позволят.

Он уже сделал все возможное, чтобы помочь Кеит в ее делах, но теперь никакой помощи от него не требовалось. Здесь, в Доме, он был бесполезен. Он остался из верности или тщетной надежды на то, что какие-то обстоятельства или чары вдруг сделают его желанным для Кеит. Но вполне возможно, его держало здесь еще и то самоубийственное чувство мрачного удовлетворения, которое он испытывал каждый день, встречаясь с Кеит и понимая, что ему никогда больше не суждено обладать ею.

Ян взялся за окопанное растение, с корнем вырвал его и бросил в груду сорняков, которые надлежало сжечь. Пора уходить отсюда. Здесь его присутствие стало бессмысленным, а впереди у него еще целая жизнь. Быть может, ему стоит подыскать себе новый корабль или попытаться найти мятежников, похитивших у него «Кречет» и бросивших на верную гибель на другом краю мира? Что ему делать здесь — среди кудесников, оборотней, членов тайных обществ и древних богов?

В саду вдруг появилась Алви. Девочка подошла к Яну и присела возле него. И молча, не сказав ни слова, принялась выдирать сорняки.

Взглянув на нее, Ян заметил, что лицо ее очень бледно, нижняя губа прикушена, а глаза полны невыплаканных слез. И так же молча он указал ей на еще не прополотое место, а сам приготовился ждать.

Девочка долгое время ничего не говорила и просто занималась работой. Наконец она посмотрела на Яна и произнесла:

— Только что он опять убил человека, который помог ему, пусть даже и ради собственной выгоды. Он сделал это, не защищая себя, не из страха... он убил просто ради забавы,

потому что ему нравится убивать и потому что ему легко это сделать. Он нарушил данную им клятву.

Прикусив губу, Ян искоса взглянул на нее:

— Твой отец?

— Да.

Ян подумал о собственное отце... Мать Яна была всего лишь его любовницей, однако отец искренне любил ее и заботился о своем сыне, и тем не менее он был, как свидетельствовало все, что удалось узнать Яну, человеком злым, рвущимся к власти и готовым на все, чтобы заполучить и удержать ее в своих руках.

— Ты хочешь, чтобы он был хорошим человеком, — сказал наконец Ян. — Он — твой отец, и ты хочешь, чтобы он был достоин твоей любви и восхищения?

— Он любит меня. Я знаю, что любит. И я надеялась, что в душе его найдется что-то доброе. Что он может стать хорошим.

— Ты надеялась на то, что твоя любовь изменит его?

Она кивнула.

— Он не изменится, Алви, — ответил Ян. — Он любит себя — таким, какой он есть. Я знаю его. Мы были знакомы в детстве, хотя он старше меня.

— Все мои ощущения, связанные с ним, просто ужасны. За исключением тех мгновений, когда он думает обо мне. Я прикасаюсь к дороге и могу ощутить его любовь. Она реальна, я ее чувствую. — Алви притронулась к руке Яна и посмотрела ему в глаза. — Как могло случиться, чтобы посреди целого моря зла в его душе сохранилась капля добра?

Отряхнув землю с ладоней, Ян повернулся лицом к Алви. Взяв ее руку, он произнес:

— Я должен сказать тебе кое-что неприятное. Но тебе придется понять меня. Ты согласна выслушать и позволишь мне договорить до конца?

Девочка смотрела на него своими большими, почти что круглыми глазами:

— Да.

— Тогда слушай. Дочь, которую любит Криспин, — это крошечное, беспомощное создание, которое он давным-давно отослал прочь от себя. Такой ты представляешься ему, и прошедшие после твоего отъезда годы не внесли в эту картину никаких изменений. Это... что-то вроде воспоминания о каком-нибудь понравившемся тебе дивном уголке, который ты посетила один раз, но так и не сумела забыть. Тебе известны подобные места?

Она кивнула.

— Отлично. Этот образ хранится в твоей памяти, и ты наслаждаешься им, потому что для тебя то место всегда иде-

ально. Там всегда светит ясное солнце, там не холодно и не жарко — словом, все как надо и все прекрасно. Поэтому и ты тоже любишь его. — Ян вздохнул. — Но если бы ты смогла вернуться в свой заветный уголок прямо сейчас, он показался бы тебе совсем другим, и чем дольше ты задержалась бы в нем, тем больше заметила бы различий. Рано или поздно похолодает, цветы увянут, пойдет дождь, бури обломают ветки на деревьях. В лесу может вспыхнуть пожар, и все переменится. Твой уголок останется тем же самым, но он уже не будет казаться тебе таким привлекательным и манящим к себе. Прежнее воспоминание уйдет в небытие. И новый образ в твоей памяти будет зависеть только от тебя. Но ты хороший человек и поэтому скорее всего научишься любить реальность так же, как и воспоминания.

Алви впилась взглядом в его лицо, словно ястреб, выслеживающий мышь:

— Но мой отец нехороший человек.

— Ты права. Его нельзя назвать добрым.

— Я больше не младенец.

— Конечно, теперь ты большая.

— Я уже совершала поступки, которые не понравятся ему.

— В самом деле?

Она изогнула бровь, чуть улыбнулась и на мгновение показалась ему очень взрослой и умудренной годами.

— Я позволила Ри привести меня к вам, хотя без всякого труда могла бы укрыться от него и дождаться, пока мой отец придет за мной. Но я тогда не была готова встретиться с ним. И до сих пор не готова. Почему-то мне кажется, что наша встреча не принесет ему много радости.

— Наверное, ты права.

Алви встала, и на лице ее проступила почти пугающая решимость.

— Жизнь полна трудных решений, так, наверное? — спросила она.

Ян едва не усмехнулся, вспомнив о том, какой вопрос он обдумывал, прежде чем Алви составила ему компанию.

— Не то слово, жизнь полна адски трудных решений.

— Ян, скоро он придет за мной. Отец вернулся домой, но не потому, что проиграл. Я могу ощутить его... ярость. Он отправился домой, потому что надеется найти там помощь. Он думает о брате и кузене... людях, которые способны помочь ему... магическими средствами. Чтобы найти меня, он не побрезгует ничем. Он собирается уничтожить всех, кто встанет у него на пути.

Ян почувствовал, как при этих словах кровь в его жилах похолодела.

— У меня есть здесь дела, — продолжила Алви. — Но дела есть и у тебя. Ты нужен им больше, чем они сами предполагают.

И она ушла, не сказав более ни слова, а Ян тревожно смотрел ей вслед. Она совсем еще дитя — но пугающее дитя, пусть не способное читать мысли, но обученное читать тропу. Она отыскала его в этом заброшенном уголке, что, по мнению Яна, было почти невозможно. Она знала, что он хочет уйти, но не решается на это, и отыскала его не для того, чтобы найти утешение в его обществе, а потому, что должна была сказать ему нечто, способное переменить его планы.

Она была одинока в этом мире, как может быть одинок только ребенок. Мать этой девочки умерла, одна только мысль об отце вселяет в нее страх, и все же она умудряется оставаться отважной и сильной. А еще доброй.

Кроме того, она его родственница. Кровная. Быть может, он сумеет стать ей отцом, заменить то чудовище, которое она уже не смела любить. Ян вернулся к своим сорнякам, но мысли его устремились многочисленными путями в будущее, разыскивая знаки, которые могут подсказать ему правильное направление действий.

Глава 25

— Он послушался тебя? — Алариста осторожно отвернулась от окна и опустилась в мягкое кресло.

— По-моему, он останется. — Алви кивнула.

— Хорошо. *Занда* говорит, что мы не должны отпускать его. — Алариста закрыла глаза и сжала свои хрупкие руки, ощущая ненависть к этой точно бумажной коже и крови, не спешившей течь по жилам даже сейчас, когда она грелась на солнце у окна, выходящего в безветренный уголок сада.

Алви принесла Аларисте одеяло, помогла закутаться в него.

— А сейчас ты чувствуешь своего отца?

— Не очень четко; он сошел с дороги, как и я сама, и она уже не соединяет нас.

— Тогда нам придется вернуться на дорогу. Я должна знать, придет ли сюда хотя бы один из Соколов. Еще мне нужно знать, что делает твой отец, и... — Алариста умолкла. Если бы не это тело, сделавшееся таким хрупким и беспомощным, так что даже простая прогулка вне Дома была ей теперь не по силам...

— Если ты хочешь вздремнуть, я подожду, — сказала Алви. — Или я могу встать на дорогу, а потом вернуться к

тебе с новостями. Я уже знаю, какова на ощупь магия Соколов. И если к нам направляются не защищенные экранами Соколы, я смогу почувствовать их приближение.

— Прошу тебя. Боюсь, у нас осталось слишком мало времени. А я пока... отдохну здесь, до твоего возвращения.

— На обратном пути я прихвачу тебе что-нибудь поесть, — кивнув, сказала Алви.

— Я не голодна.

— Я знаю, но Дугхалл настаивает на том, чтобы ты ела побольше.

— Тогда принеси мне каких-нибудь фруктов. Они не вредят моему желудку, как все остальное.

— Я найду для тебя что-нибудь повкуснее. — Алви приветливо улыбнулась старой женщине и выбежала из комнаты.

Алариста с завистью посмотрела ей вслед; находясь в обществе Алви, она начинала жалеть об утраченной молодости, о той прежней неистощимой энергии, неослабевающей надежде, вере в то, что она как-нибудь да отыщет решение любой проблемы. Старость бросала мрачную тень на этот юношеский оптимизм, к тому же в данный момент Алариста размышляла над делом, которое может погубить ее. Если никто из Соколов не ответит на зов — причем в самое ближайшее время, — ей придется стать третьей в *зацбунде* Дугхалла и Кеит, и столь непомерное для нее усилие убьет ее.

Алариста не страшилась смерти... За пределами этого мира ее ждал Хасмаль, и она мечтала о возвращении к нему с нетерпением, о котором не говорила здесь никому. Однако она опасалась, что если умрет слишком скоро, то так и не завершит дела, ради которого вернулась в мир из-за пределов смерти, дела, порученного лишь ей одной и никому другому. И тогда жизнь ее закончится неудачей.

Только вот что именно она должна совершить? Там, в Вуали, все казалось ей таким ясным. Тогда она была совершенно уверена в том, что, вернувшись в мир, справится с любыми трудностями. Но как только душа ее оказалась в этой непривычно дряхлой, умирающей плоти, кристальная ясность мысли, обретаемая в ином мире, за воротами смерти, исчезла в дымке перепутанных воспоминаний, нужд, горестей и боли. Что же она должна сделать? *Занда* не объясняла этого. Призванные Говорящие молчали, и напряженное общение с ними утомило ее настолько, что Алариста решила воздержаться от дальнейших попыток. Дугхалл тоже не мог помочь ей, чары его не дали ей ответа.

Она закрыла глаза, чтобы легче думалось, а жаркое солнце согревало ее тело под мягким одеялом, накинутым на ее плечи. Алариста попыталась отыскать в своей памяти некогда известную ей тайну. Но плоть опять одолела ее.

Алариста уснула.

— Ты утверждаешь, что ее можно считать образцом упрямства и глупости, но ушел от нее все-таки ты, — сказал Янф, повернувшись к Ри.

— Съешь, что тебе дали, пока еда не испортилась, — посоветовал Джейм. — Мне не доставляет никакого удовольствия смотреть на то, как ты мечешься взад и вперед по комнате, словно зверь в клетке, и таешь буквально на глазах.

Позеленевший за эти дни Ри нервно ходил по комнате, изредка бросая на своих товарищей помертвевший взгляд.

— Я отдал все, чтобы быть с ней. Я отказался от положения, от Семьи, от будущего. Но ей все мало. Она захотела, чтобы я отказался от себя, только это уж слишком.

— Она ошиблась, — уверенно ответил Янф. — Мы уже не один раз обсуждали эту тему, и я сыт ею по горло. Она ошибалась, а ты был прав... но ушел-то именно ты. И этим сказал ей: прощай, я не хочу тратить на тебя свое время и уверен в том, что мы не можем помириться. Поэтому не жалуйся теперь, что она не бросилась за тобой. Если бы она была небезразлична тебе, ты бы остался.

— Она мне небезразлична, — буркнул Ри.

— Ты нашел превосходный способ доказать это, — прокомментировал Янф.

— Заткнитесь оба. Ри, садись и ешь. Янф, не серди его. Меня уже тошнит от этих разговоров. И от ваших ссор. А если говорить откровенно, меня тошнит от вас обоих.

Ри и Янф повернулись к Джейму.

— Тогда можешь убираться, если говорить откровенно, — сказал Ри. — Дверь не заперта.

— Могу показать тебе выход, если ты не знаешь, где он, — добавил Янф.

— Я не принадлежу к Семье, и я не *барзанн*, — спокойно ответил Джейм. — Меня не преследует толпа. Никто не потащит меня на площадь, чтобы подвергнуть публичным пыткам в течение одного или трех дней, а потом разорвать меня на куски и прибить их гвоздями к городской стене просто за то, что я оказался в этом проклятом городе. Посмотрите туда. — Он махнул рукой в сторону полуприкрытого ставнями окна, из которого видна была гавань. — Там стоят корабли. Корабли. Мы можем подняться на один из них и отправиться куда угодно, вместо того чтобы торчать здесь и не высовываться на улицу просто потому, что ты не смеешь показать там свою физиономию.

— Я не уеду из города.

— Почему? Потому что думаешь, что она придет к тебе и скажет, что ошиблась и что жалеет об этом? — Джейм встал и пристально посмотрел на своего друга. — Она не сделает этого. Она была не права до тех пор, пока ты не ушел. Но раз ты вышел за ворота и не вернулся, можешь считать, что все кончено. Теперь ей не за что извиняться перед тобой. Ты сам продемонстрировал ей, что все, что она могла бы сказать тебе, в твоих глазах не имеет никакого значения. Поэтому, если ты все-таки хочешь услышать то, что она может сказать, тебе нужно самому вернуться и выслушать ее.

Ри притих, на время погрузившись в размышления.

— Я не могу вернуться, — произнес он наконец.

Янф фыркнул:

— Ноги у тебя не отнялись, и мы вполне в состоянии подняться на проклятую гору и постучать в поганые ворота. Ты просто не хочешь этого делать, потому что тогда настанет ее черед решать, хочет ли она открывать тебе чертовы двери. И ты боишься, что она не захочет этого делать.

Наверное, Янф прав, подумал Ри. Он бросил Кеит, оставив ее почти что в одиночестве заниматься этим адским делом, уничтожением Зеркала Душ, и к тому же дал понять, что не пошевелит даже пальцем, чтобы помочь ей. А еще он отказался стать Соколом вместе с ней. Он не понимал, что произошло с ним тогда... Кеит и в самом деле расстроила его, но ведь он не хотел, даже и не думал говорить ей тех слов, что прозвучали в конце их разговора.

Это отнюдь не значило, что такие мысли не приходили ему в голову. Приходили. Однако, если она была не права в своем внезапном желании, чтобы он перестал быть Сабиром, сам он, возможно, тоже ошибался, полагая, что его присутствие в Доме никак не может оскорбить чудом спасшуюся сестру Кеит. Порвав со своим собственным Семейством, он не счел нужным уделить должное внимание отношениям Кеит с ее родней. И все его поведение в Доме носило низменный и продиктованный ревностью характер.

Впрочем, к воротам его подтолкнуло, вынудив принять окончательное решение, то обстоятельство, что Кеит даже не попыталась остановить его. Ри понимал теперь, что ошибся и поторопился с уходом. Но если она действительно любит его и относится к нему так же, как он к ней, то почему же позволила покинуть Дом, почему не захотела удержать в своей жизни и не предприняла хотя бы одной-единственной попытки изменить его намерения.

Голова его раскалывалась от боли, тело ныло, как после двухдневного пребывания в Трансформированном состоянии. Ри повернулся к Янфу и Джейму, всей душою мечтая о том, чтобы прямо сейчас сюда, в эту комнату, вошла Кеит, но прекрасно

зная при этом, что она находится в Доме Галвеев и не собирается идти к нему. Она не станет бороться за их общую судьбу.

— Мы покидаем Калимекку, — твердо сказал Ри. — Подумайте, как это лучше сделать.

Джейм и Янф обменялись настороженными взглядами, и Янф спросил:

— Куда же ты хочешь ехать?

— Какая разница. — Ри повернулся к ним спиной. — Мне совершенно все равно. Просто устройте наш отъезд отсюда.

Тихо зазвякали полные монет кошельки, негромко хлопнула дверь. И стало тихо. Когда Ри обернулся, друзей в комнате уже не было.

Глава 27

Войско Тысячи Народов хлынуло на север, в теплые земли, лишь на короткое время в году уступавшие натиску снега, льда и зимней темноты. Полчища Увечных миновали уже несколько Кругов Чародеев, оставшихся на месте великолепных городов погибшей цивилизации, которые превратились в ровные и гладкие как стекло круглые моря, из глубин которых не обретшие покоя мертвецы кликали живых. Изначально путь войска лежал прямо на запад, потом армия свернула на север, вбирая в себя все новые и новые отряды Шрамоносцев, увлекая с собой молодых, крепких и полных надежды воинов. Войско становилось огромным. И алчущим сражений.

Армия Тысячи Народов сделалась язвой земли. Она казалась ратью ядовитых прыгунов, которые через каждые семь лет поднимаются в воздух точно облака — настолько густые, что подчас твари эти затмевают солнце. Там, где проходила армия Увечных, оставался ее след — нагая земля, с которой исчезло все съедобное, способное расти, жить и двигаться. Войско увеличивалось — десять тысяч превратились в пятнадцать, а потом и в двадцать — и неотвратимо продвигалось вперед.

Но вот полчища остановились — у скалистых берегов Гласбургского моря, своей тяжестью придавившего древний город Гласбург, где тысячу лет назад миллионы людей наполняли ароматно пахнущие улицы или гуляли по травянистым лужайкам между сверкающих белых арок и изящных шпилей. Солдаты Увечного войска добывали себе пропитание в рыдающем море и на жестоко искореженной земле. Армия выжидала. Терпеливо, как умеет ждать только голодный. Они вплотную подошли к южным границам Иберы, к своей обетованной земле.

Они ждали последнего, еще не свершившегося чуда.

Глава 28

Кеит стояла на коленях в темной капелле, рядом с ней находился Дугхалл. Она была в простой серой блузе с длинными рукавами, серых брюках и — по настоянию Дугхалла — без туфель. Дядя объяснил Кеит, что на ней не должно быть никаких драгоценностей, никакого металла и что волосы ее следует заплести в косу и уложить на затылке без помощи тех серебряных шпилек и заколок, которыми она обычно пользовалась. Кеит завязала концы волос кожаными шнурками и свернула в узел длинную косу, укрепив ее на голове двумя деревянными палочками, пытаясь при этом понять, почему ее прическа имеет столь большое значение в предстоящем обряде.

Дугхалл, одетый сходным образом, но не босой, легко опустился на пол и сел перед ней, скрестив ноги.

— Ты уверена в том, что действительно хочешь этого?

Она кивнула.

Он начал извлекать из особой сумки различные принадлежности, порошки и тонкие иглы. Потом достал из нее черный шелковый платок и расстелил на полу между ними. В центре платка серебряной нитью был вышит круг, разделенный на сектора, каждый из которых содержал свой знак.

— Это *занда*, — пояснил он, передавая Кеит горсть тяжелых серебряных монет. — Когда я скажу тебе, бросишь их на круг — примерно с такого вот расстояния.

Дугхалл вытянул руку перед собой, показывая движение, которое ей надлежало повторить.

Кеит снова кивнула.

Бросив на нее испытующий взгляд, он снова предостерег ее:

— Если ты не вполне уверена в собственных намерениях, мы с тобой лишь попусту потратим время. Ты не сможешь стать Соколом, если не будешь искренне хотеть этого.

— Я хочу этого всей душой, — тихо произнесла она.

— Но?

Звякнули монеты — Кеит с закрытыми глазами перекладывала их из руки в руку.

— Он оставил Калимекку, — ответила она. — И сейчас находится на корабле, плывущем к Новым Территориям. Теперь он далеко от меня, и я навсегда потеряла его.

Монеты звенели уже не переставая.

Дугхалл опустил ладонь на руки Кеит:

— Осторожно, не испорть их. Я пользуюсь этими монетками уже долгое время.

Открыв глаза, она посмотрела на него и спросила:

— Ты слышал меня?

— Конечно, слышал. А ты рассчитывала на то, что он останется в Калимекке? Подумай и представь себе, что с ним будет, если его обнаружат в городе.

— Но он уплыл.

— На время. Все меняется, Кеит. Ты жива, жив и он, а жизнь неразлучна с надеждой.

Она расправила плечи:

— Ты прав. Я уже готова.

— Надеюсь, — усмехнулся Дугхалл, взглянув на нее. — Надеюсь, что готова. Мне бы не хотелось, чтобы ты испытала чересчур сильное потрясение.

— С чего бы? Ты ведь обо всем предупредил меня.

— Слова — это слова, а не само испытание. Если бы было иначе, жизнь стала бы намного проще. — Он снова усмехнулся. — Хорошо, можем приступить к делу. Закрой глаза и дыши глубоко. И не звени монетами. Этот звук сводит меня с ума.

Она постаралась взять себя в руки и зажала в кулаке потеплевшие от ее ладоней монетки.

— Не разжимая век, погляди вверх, как будто смотришь на свой лоб изнутри черепа.

Исполнив указания, она вдруг почувствовала головокружение. Кеит даже показалось, что она падает вперед лицом. Пульс ее участился, а мир отодвинулся куда-то вдаль.

— Сейчас ты находишься на перекрестке, — говорил Дугхалл. — И на этой развилке ты должна решить, ради кого будешь отныне жить, ради себя или других. Потом от твоей дороги будут ответвляться тропы, которые приведут тебя в это же самое место, если ты захочешь этого. Есть много различных способов служить людям, но как только ты ступишь на путь Соколов, возврата назад не будет. Прислушайся к голосу своего сердца, спроси свою душу, хочешь ли ты идти этим путем.

Ей было неудобно стоять на коленях на жестком каменном полу. Заболела поясница, заныли плечи, ей хотелось пошевелиться, но Дугхалл заранее предупредил ее, что коленопреклоненную позу придется сохранять в течение всего обряда и что это очень важно.

— Так тебе не будет больно, — пояснил он, и Кеит до сих пор не понимала, что он имел в виду и как надо понимать эти слова. Все еще не привыкшая обращаться к Водору Имришу, она коротко помолилась богам Иберы, чтобы они послали ей знак, подтверждающий правильность ее выбора. Она напряженно вслушивалась в тишину, однако мысли ее не желали успокаивать-

ся, и если боги и даровали ей ответ, он остался незамеченным из-за путаницы, царившей в ее голове.

После долгого и томительного промежутка времени, показавшегося ей бесцельно потраченным, Дугхалл произнес:

— Не открывая глаз, протяни руку вперед, брось монетки на *занду* и проси при этом, чтобы Водор Имриш просветил тебя.

Кеит подняла руку и уронила монетки на *занду;* падение их сопровождалось мелодичным звоном. Она приготовилась ждать.

Дугхалл надолго умолк.

А потом наконец заговорил:

— У Судьбы на тебя большие планы, вне зависимости от того, какой дорогой ты направишься. Ты избрана, чтобы преобразить мир, изменить жизни окружающих тебя людей, соединить новую эру со старой, оставаясь при этом никому не известной. Народ никогда не назовет тебя героиней, ты не будешь править от своего имени, никто не одобрит твои поступки и не будет превозносить за принесенные тобой многочисленные жертвы, хотя ты в действительности станешь героиней и фактически будешь править и жертвы, принесенные тобой за всю твою жизнь, будут достойны преклонения и восхищения. Твоя жизнь, вне зависимости от избранного тобой пути, будет обильна трудностями и нуждой, болью, утратами и великой скорбью. Ты утратишь очень близкого друга и вновь обретешь истинную любовь. — Он вздохнул. — И, судя по тому, что я вижу здесь, Соколы нуждаются в тебе гораздо больше, чем ты в них. Водор Имриш следит за тобой — внимательно и даже с некоторым восхищением, — потому что ты решила никогда не полагаться на обещания богов и не искать у них утешения, и иногда тебе действительно удается поступать по собственной воле. Не все жизни тесно связаны с богами, и твоя является одной из них — хотя ты можешь оказаться среди последователей Водора Имриша, тебе позволено быть другом богов, а не их покорным слугой.

Сохраняя прежнюю позу и пытаясь закрытыми глазами разглядеть изнутри собственный череп, Кеит после слов Дугхалла попробовала разобраться, следует ли ей давать клятву Соколов или нет. Он сказал, что они нуждаются в ней больше, чем она в них. Она рождена для того, чтобы править — но втайне. Ей предстояло стать другом, а не исполнителем воли богов. Она потеряет близкого человека и обретет утраченную любовь.

Предсказания всегда смущали ее. Она предпочла бы получать прямые и не столь завуалированные ответы. Уж лучше бы Дугхалл, ознакомившись с тем, что выпало на *занде*, сказал ей: боги предписывают тебе принять посвящение в Соколы или, напротив, возражают против этого. Четко, просто и понятно.

— Я предпочитаю идти путем Сокола, — произнесла она наконец. Предсказание не требовало от нее этого, ни один бог не нашептывал ей своего совета на ухо, даже разум Кеит не мог предъявить убедительных доводов в пользу того или иного решения. В конечном итоге ее выбор объяснялся тем, что Соколы, на ее взгляд, могли многое предложить миру, даже если в будущем его теперь не ждет обетованная Паранна, а посему Кеит была бы рада разделить с ними их труды.

— Тогда открой глаза и повтори это еще раз, ибо путь нельзя выбирать с закрытыми глазами.

— Я выбираю путь Соколов.

— Тогда повторяй за мной, — велел Дугхалл.

Свое я в дар предлагаю:
Волю свою, ка-эрею,
Кровь свою, ка-ашуру,
Плоть свою, ка-амию,
Дыханье свое, ка-эннаду,
И душу свою, ка-оббею.

Дугхалл умолк, и Кеит повторила за ним эти слова. Закончив с последним *ка*, она вдруг ощутила чье-то присутствие в помещении — из теней на нее смотрели глаза, и чьи-то уши слушали ее в том мире, вне времени.

Дугхалл продолжал:

Свое лишь тебе предлагаю,
Свое отныне и ввеки.
Ка у других не возьму я,
Чужого *ка* мне не надо.
Злых чар вершить я не буду,
Действием иль попущеньем.
Но если вред неизбежен,
Стараньем моим наименьшим
Будет ущерб живущим,
Польза же наибольшей.
Знаю, что я небезгрешна,
Что путь не всегда очевиден,
И право свое на ошибку
Сегодня я закрепляю.

Каждый раз, когда Дугхалл делал паузу и она повторяла за ним, ощущение постороннего присутствия становилось все сильнее. Кеит чувствовала сырой запах свежевыпавшего снега и видела, как перед внутренним взором ее разворачивается просторная равнина, где она никогда не бывала и о существовании кото-

рой даже не догадывалась, равнина с хорошо утоптанными тропами, разбегающимися во все стороны, к неизведанным и непонятным судьбам... судьбам, отмеченным опасностью.

За тяжесть своих ошибок
Отвечу своею душою,
Приму за них наказанье,
Какое назначат мне боги,
Отвечу и собственной плотью.

В этих словах и заключалась вся горечь клятвы. Ибо расплата за ошибки, даже совершенные по неведению, с самыми лучшими намерениями, падет на ее же голову. Она не могла не признать вину или не принять наказание, спрятаться от него не было никакой возможности. Ответственность за свои грехи и ошибки несет лишь она сама.

Она была готова согласиться с этим. Всю ее жизнь Кеит приходилось считаться с последствиями собственных поступков, далеко не всегда приятными для нее; впрочем, клятва не требовала от нее, чтобы она радовалась наказанию. Она была готова принять на себя любую кару, не перелагая ее на ни в чем не повинных людей. Медленно и глубоко дыша, Кеит повторяла слова, ощущая языком их словно бы металлический привкус. Когда она произнесла последнее слово, между ней и Дугхаллом вспыхнуло пламя, холодное, ясное, отражавшееся в каждом металлическом предмете капеллы, отбрасывавшее длинные пляшущие тени.

Брови Дугхалла приподнялись, и он продолжил:

Чары свои во имя рабства
Не стану употреблять я,
Помогу тому, кто страдает,
А не его властелину.
Даже если придется
Заплатить всем, что имею,
И всем, что собой представляю.
Буду чтить жизнь священной,
Жизнь плоти и вечного духа.

Когда следом за Дугхаллом Кеит повторила это обещание, огонь сделался ослепительным, и хотя цвет его не изменился и от него не исходил ощутимый телом жар, свет этот стал более теплым. Запах снега все еще наполнял комнату, кожу Кеит покалывали ледяные иглы, но где-то на задворках ее ума что-то нашептывало о весне, о пробуждении почек на раннем утреннем ветерке, о белой лепестковой вьюге, когда осыпаются яблони на зеленые луга,

о набегающих на берег волнах, о соленом морском воздухе, пощипывающем лицо... а там уж и о пышных, буйно разросшихся, полных тления и возрождения, любимых ею лесных джунглях, обильных плодами и величественных. Ее сущность и ее воспоминания сливались со странным и пугающим потоком чужих жизней и образов памяти, душа ее соединялась с этим потоком, становясь его частицей, одной из множества составляющих его капелек, — и как каждая капля воды меняет собой русло реки, ее жизнь, ее облик, подтачивает берега, уносит с собой в дельту малюсенькие песчинки, питает собой корни деревьев, каждый раз умирая и заново преображаясь, так и душе Кеит предстояло пройти свой путь.

Все это она ощущала с каждым своим вдохом и выдохом — вместе с наполняющим ее грудь воздухом в нее вливалось чувство общности с незнакомыми ей жизнями, доселе чуждое ее душе.

Ты — это мы, мы — это ты.

Дугхалл прокашлялся, умолк и снова продолжил с болью и удивлением на лице... конечно, он чувствовал то же самое, что и она, ощущал это прикосновение реки, приглашавшей ее в путь вместе с собой. Перемены уже происходили. Она чувствовала их кожей, кровью, улавливала их даже в едва различимых движениях ушных хрящей, подрагивавших, когда она произносила слова клятвы:

Твердо буду стоять я
За Соландера правое дело,
Чтоб любовь всех людей единила
Отныне на вечные веки.
В сердце моем Паранна,
Наша мечта и преданье,
Навсегда да пребудет
Путеводной звездою.

Новые слова, новые образы в голове, новое ответвление реки, и когда она договорила до конца, комнату наполнило ослепительное сияние, в котором растворилось все вокруг, и река подхватила ее и понесла этим новым путем, в новые края, омываемые, как и те, прежние, морем. Жизнь, море... В мозгу ее, ослепленном тысячелетием рождений, жизней и смертей, сменялись картины кровопролития и рождения нового, парадов, сражений и мирного домашнего очага. Тело ее ощущало и нежные поцелуи, и приливы страсти, и удары клинка, и хлесткое прикосновение кнута, в ушах звенели песни, крики и шепот, и ложь в них смешивалась с правдой; язык ее различал вкус и яда, и пиршественных блюд, и жидкой кашицы бедных; сердце ее наполнялось то яростью и гневом, то требовало мести, то отдавалось утешению и любви.

Ее приняли к себе. Теперь она не была одна. И никогда впредь не останется в одиночестве. Она ощущала себя частицей жизни и знала, что всегда была ею; но теперь она была рекой, а не берегом. Теперь она придавала форму, а не изменялась сама под чьим-то воздействием. Теперь она наконец нашла себя, а ведь до сих пор она даже не представляла, насколько безнадежно затерялась в коридорах и тупиках собственного ума.

Ты — это мы, мы — это ты.

Кровь ее превратилась в огонь, дыхание обрело оттенки боевого пурпура и мирной зелени, сердце ее распустилось словно бутон розы, и каждый даже самый слабый шорох теперь был для нее чьим-то топотом, неспешным шагом или скольжением на брюхе и являлся ей в обличье, цвете, запахе и вкусе, присущем живой твари.

И в этой буре, в этом стремительном течении посреди этого чуда единственный крик боли:

Нет! Не оставляй меня.

И затем — как грохот морской волны громче падения одной-единственной капли воды на лист в мокром от дождя лесу — громогласный шепот поглотившего ее тела реки. *Ты — это мы, мы — это ты.* Бессловесный, беззвучный и тем не менее оглушительный, растворяющий кости, опаляющий, уничтожающий разум... И удивительный. Невероятный.

Ты — это мы.

Мы — это ты.

И желание, словно голодный, слепой, ищущий на ощупь, тычущийся носом, просящий зверек... невыразимо острое желание быть частью всего этого... частью того, и частью этого, и частью другого... тем, чем она никогда прежде не была, о чем не имела ни малейшего представления, о существовании чего никогда не догадывалась. Частью группы, частью стада, частью народа. Одной из многих, никогда не ведающей одиночества. Теперь она никогда не будет одинокой. И сможет забыть об утрате — потере Семьи, родных, умершего детства, о боли, которую причиняло ей существование в качестве Шрамоносной, и, наконец, о горькой разлуке с Ри.

Но та маленькая капля воды все-таки упала на тот единственный влажный листок в дальнем, шелестевшем на ветру лесу, и Кеит заново ощутила ее движение, услышала негромкий звук падения и увидела переливы света внутри этой частички дождя. Капля говорила ей: ты не была одна, ты была со мной.

И Кеит поднялась из глубин... медленно, словно пробуждаясь от сладкого, восхитительного сна. Она восстала, стряхивая с души и кожи слои окутавшего ее тепла. Она оставляла позади чуждые ей объятия десяти прошедших веков, ласковые прикосновения незнакомых сестер и братьев, нежные баюкающие вол-

ны этого не знающего времени, наполненного не водой, а жизнью моря. Она оставила все это, потому что один-единственный негромкий голос звал ее — наперекор векам, наперекор приливам и отливам вечности, вопреки ее собственному желанию, — напоминая ей о ее истинной сути. Она слышала этот зов, и он разрывал ее на части, делал непохожей на всех остальных, придавал исключительность и отделял от обычных людей.

Она по-прежнему — Карнея... одинокая охотница. Защитница... или хищник.

Но только не часть стада.

Тихое и убаюкивающее утешение, дарованное ей душами Соколов, полностью покинуло ее; она словно вознеслась над ними, взлетев над поверхностью этого всепоглощающего моря. Она по-прежнему могла погрузиться в эту бурю воспоминаний, мыслей, надежд и страхов, но никогда впредь не станет ее частью. Теперь она не была ни речным берегом, ни рекой, она стала мореходом, плывущим по воде, но не сливающимся со стихией.

Зрение ее прояснилось, и она поняла, что все еще стоит на коленях в тесной и темной комнате, напротив своего дяди, на твердых плитках пола. Колени ее болели, а спина ныла. Правую ступню с внутренней стороны жгло, и ей хотелось изогнуться и переменить позу, чтобы посмотреть, чем вызвана эта боль.

Дугхалл покачал головой и улыбнулся ей.

— Я должен был догадаться, — сказал он.

Она подождала пояснений, но их не последовало.

Ощутив укол раздражения, она не стала сдерживать себя:

— О чем ты должен был догадаться?

— О том, что Соколы не смогут поглотить тебя. Ты способна удовлетвориться утешением, получаемым от других душ, не в большей мере, чем я могу научиться летать.

— Ри звал меня, когда я была там, — сказала она.

Дугхалл покачал головой:

— Он не мог этого сделать. Ничто не может пробиться сквозь эту многоголосицу, когда она владеет тобой... — Он опустил взгляд. — Ты не такая, как я. И их песня привлекает тебя не так, как меня.

— Значит, это и есть то самое место, откуда ты вернулся? — спросила Кеит. — Когда Возрожденный умер и ты погрузился в транс, ты был там?

— Да... но тогда там было не так тепло и уютно. Напротив, все были полны отчаяния. Казалось... — он покачал головой, подыскивая нужные слова, — что это море стремится окончательно, без остатка раствориться в самом себе. В мире Соколов царил ад, и я тогда потерялся в нем.

Кеит на мгновение задумалась, а затем сказала:

— Но тебе хватило сил вырваться оттуда.

— Хватило. Большим соблазном, чем жалость к себе самому, может стать лишь та же жалость к себе, но разделенная с другими людьми. Ты поступила очень разумно, добившись моего внимания.

— Так как... стала я Соколом или нет? — задумчиво спросила Кеит.

— Стала. Ты получила печать, — ответил Дугхалл.

Он показал на серебряные иглы, лежавшие возле *занды*, когда они приступили к совершению обряда. Теперь они были искорежены и изогнуты до неузнаваемости.

— Соколы оставили на твоем теле серебряную отметину. Местоположение печати у каждого разное, но сами отметины одинаковы.

Вспомнив о боли в ноге, Кеит спросила:

— А теперь мне можно сесть?

— Теперь можно.

Кеит с облегчением переменила позу и, скрестив ноги, принялась рассматривать место над правой ступней. Отметина на коже была синего цвета, глубокая и четкая. В круге размером с ноготь большого пальца ноги она увидела изображение сокола. Пернатый хищник падал вниз с раскрытым клювом и распростертыми крыльями, выставив вперед когти, чтобы не упустить добычу.

Изогнув ногу, Кеит показала дяде полученную метку. Бросив на нее короткий взгляд, Дугхалл негромко ругнулся, а после внезапно расхохотался. Стянув с себя рубашку, он поднял левую руку и повернулся к ней боком. Кеит увидела небольшой синий кружок, в котором сидел на ветви, стискивая ее своими когтями, изображенный сбоку сокол.

— Вот печать, которой отмечен каждый Сокол. У тебя другая — значит, Соколы признали, что ты не такая, как все они. Так сказать, новая разновидность.

— И к какой же разновидности Соколов я теперь принадлежу?

— Этого я не знаю.

— Но зачем нужна такая отметина? — спросила Кеит. — Ведь по ней врагам легко опознать Сокола и приговорить к казни. А если учесть, что мы можем ощущать друг друга внутри этого... — Она так и не сумела подыскать подходящее слово для моря душ, в котором она побывала.

— Соколы называют это *ша-оббея*, Наша Душа.

— Тогда... зачем тогда нужна эта отметина, раз мы можем соприкоснуться друг с другом через *ша-оббею*?

— По нескольким причинам. Во-первых, большинство Соколов не умеют выделить одну-единственную нужную им душу внутри *ша-оббеи*. Во-вторых, даже те Соколы, которые спо-

собны на это, почти всегда вынуждены прятаться внутри экрана, чтобы не подвергнуться внезапному магическому нападению. Даже когда мы встречаемся — и в этом случае особенно, — мы не смеем погрузиться в *ша-оббею*, ибо эта опасность неразлучна с нами. А отметина... скажи, ты чувствуешь сейчас жжение в ноге?

— Да.

— Это потому, что рядом с тобой находится другой Сокол. Отметина не слишком чувствительна, жжение не становится сильнее, когда ты приближаешься к Соколу, и не ослабевает, когда ты удаляешься от него. Оно либо есть, либо его нет, и все равно оно всегда казалось мне слишком сильным. В моей жизни бывали времена, когда я, находясь в городе, месяцами ощущал присутствие другого Сокола и искал его — но без всякого успеха. Возможно, мы жили на одной и той же улице, в одном и том же квартале, но наши пути так и не пересеклись.

— Выходит, у нас нет способа безопасно связаться друг с другом?

— Почему же, есть. Эти способы достаточно неудобны, но в условиях крайней опасности, когда щит нельзя опустить, работают достаточно хорошо. Надпись, нацарапанная на углу общественного здания, глашатай, нанятый, чтобы отыскать потерянную любовницу, и повторяющий в своих криках кодовую фразу «я сгораю по тебе». И в любом случае при встрече мы приветствуем друг друга особыми словами. Обычно этого хватает. В случае сомнения можно показать друг другу отметины.

— Все достаточно просто, — подытожила Кеит. — И по-моему, печать на теле несложно подделать.

— Поднеси свою ступню к моей руке.

— Что?

— Поднеси свою ступню к моей руке.

Кеит вытянула ногу по направлению к знаку на теле Дугхалла. И вдруг, когда между обеими отметинами расстояние оказалось меньше ладони, их соединила друг с другом ослепительная молния. Взвизгнув, Кеит отдернула ногу, а Дугхалл расхохотался:

— Не так уж просто подделать, как тебе кажется.

— Но ведь на улице подобную проверку не проведешь.

— Это невозможно. Одежда, обувь и все такое не пропускают искру.

Дугхалл принялся собирать свои принадлежности и укладывать их в сумку. Кеит обратила внимание на то, как он почистил монетки, прежде чем сложить их обратно в мешочек: после совершения обряда они почернели, хотя перед этим ярко блестели. И еще она отметила, что, закончив с чисткой, он не побросал их в мешочек, а аккуратно положил внутрь него. Посмотрев на Кеит, Дугхалл заметил внимательный взгляд племянницы и улыбнулся:

— Хорошие инструменты — большая ценность. — Подобрав искривленные серебряные иглы, он передал их Кеит. — Из этих игл ты сделаешь серебряные монеты для *занды*. И над нею тебе тоже придется потрудиться. Я могу помочь тебе советами и указаниями, но твоя *занда* будет только твоей, двух похожих на свете не отыщешь. Никто другой не может воспользоваться знаниями, полученными от Сокола, или использовать твои принадлежности, или исказить сообщение твоей *занды*. Но об этом потом, — добавил он. — А сейчас нас ждет Алариста.

Лишь сейчас Кеит поняла, что Дугхалл не обо всем сказал ей. Она догадалась, что теперь им троим предстоит отправиться к Зеркалу Душ.

Глава 29

— Мне не нравится это место, — сообщил Джейм, опуская руку на свой меч и с самым решительным видом оглядываясь по сторонам. Облик его в этот момент мог бы показаться грозным, если бы он не чихнул. — Адская дыра и свинарник одновременно.

Они сошли на берег Новых Территорий в Хеймаре, приморском торговом городишке, где правили Хеймарские Галвеи, о которых было известно, что они отчаянные пираты и головорезы. Через Хеймар протекали большие деньги, однако, на взгляд Ри, они не задерживались в этом городке. Почти все дома здесь были построены из глиняных кирпичей и покрыты соломой, а не дранкой; улицы же были, так сказать, «замощены» либо просто грязью, либо грязью глубокой и лишь через бездонные омуты вели дорожки из нескольких досок, чтобы ничего не подозревающий пешеход не свалился туда ночью и не утонул. Воздух же откровенно повествовал о повседневной жизни города, не утаивая и того, что здесь предпочитают выливать помои на улицы или прямо на головы беспечных прохожих. Женщины казались или очень грязными, или невероятно уродливыми, лица мужчин в лучшем случае можно было назвать неприятными. Однако у всех них имелся меч или меч вместе с кинжалами, и хотя здешнее оружие было неважного качества, тем не менее в остроте его и пригодности для убийства сомневаться не приходилось.

Кроме того, на улицах им часто попадались Шрамоносные, с изувеченными телами, невыразительными лицами и глазами, не упускавшими ничего вокруг.

— По-моему, нужно побыстрее найти место для ночлега, — сказал Ри. — И завтра же утром убраться отсюда.

При сходе с корабля он обмотал платком рукоять своего меча, чтобы скрыть герб Сабиров... Этот знак вполне мог вызвать опасную стычку в городе со столь грубыми нравами. Одежду Ри подобрал себе самую простую: грубые домотканые штаны и плотная шерстяная рубаха, ужасно раздражавшая кожу. Он шел вперевалку, стараясь скрыть походку и мускулы бойца. Еще на судне он перекрасил волосы, сделав их бурыми, но ничто не могло спрятать его бледные глаза, изменить выражение лица и черты его. Даже в таком виде он имел внешность Сабира, и знал об этом.

Янф холодно улыбнулся, и шрамы на щеках его побелели.

— Мы могли бы без особых усилий найти здесь для себя кое-какие развлечения. Мой клинок давно не пил ничьей крови, кроме моей собственной.

Взглянув на него, Ри сочувственно произнес:

— Если ты думаешь, что найдешь здесь партнера, который согласится драться с тобой развлечения ради, то ты безумнее, чем бедняга Валард.

Воспоминание о пропавшем друге, который, оказавшись во власти какого-то демонического духа, перешел на службу к матери Ри, стерло улыбку с лица Янфа.

— Я не настолько безумен, — ответил он спустя мгновение. — Мне просто надоела вся эта беготня, прятки, прятки и новая беготня. Мне нужен враг, с которым я мог бы сразиться.

— Я понимаю тебя, — кивнул Ри. — Мне тоже хотелось бы увидеть на этих улицах хоть какое-нибудь знакомое лицо. Скажем, Доннаука или Кизмиджера.

Он говорил о соперниках, с которыми ему и его друзьям часто приходилось скрещивать клинки на улицах Калимекки в те дни, когда мир еще казался им нормальным.

Янф повернулся к Ри и, глядя в пространство, голосом негромким и как будто сонным процитировал:

> Ты говоришь, что я ничего не сделаю ради тебя? Ложь!
> Ибо тысячу сжечь младенцев с няньками буду рад,
> Чтобы осветить тебе, дорогой мой, дорогу в ад.
> Запомни меня, и если такому попечению ты не рад,
> Ну что ж, заботою меньше, заботою больше...

Ри, задумавшись, смотрел вниз, на утопавшие в грязи собственные сапоги. Губы его изогнулись, и наконец он пожал плечами:

— Что-то отдаленно знакомое.

Янф приподнял бровь:

— Так говорит Осеппе своему первейшему врагу Йоурулю в «Пляшущих клинках Уивара». Мы дважды видели эту пье-

су, пока актеры были в городе... разве ты не помнишь? Особенно хорошо им удавалось фехтование, например, та сцена, когда капитан стражи перелетает через подмостки на занавесе и... ладно, не важно. Я запомнил эти строчки, потому что хотел сказать их Доннауку при следующей встрече... которая так и не состоялась. Я репетировал свою речь перед зеркалом.

— В самом деле? — удивился Ри.

— Да, чтобы убедительно произнести эти слова. Знаешь, таким холодным и в меру гневным тоном, и еще чтобы не запнуться где-нибудь, испортив все впечатление. Я бы сказал их, вынимая клинок, но еще до того, как началась бы честная драка.

Джейм фыркнул:

— Я так и вижу, как ты стоишь перед зеркалом и решаешь, какого цвета рубашка лучше сочетается с кровью Доннаука, а потом делаешь выпады рукой. А теперь, Доннаук, выслушай стишок, прежде чем я вспорю тебе брюхо.

Он принял изящную фехтовальную позу и расхохотался.

— Если бы ты не был моим другом, я бы вспорол тебе брюхо, — ответил Янф, побагровев.

— Тогда слава богам за то, что счастье не изменило мне и я до сих пор хожу невыпотрошенным. — Джейм вздохнул. — Я не жажду крови, но мне бы хотелось услышать какой-нибудь план.

— А план у нас такой, — усмехнувшись, ответил Ри. — Находим на ночь гостиницу, набиваем там животы, а утром возвращаемся в гавань...

— А точнее, плывем по грязи, — пробурчал Янф.

— ...и садимся на любой корабль, где согласятся принять нас на борт.

Говоря это, он думал совсем о другом — о том, что находится слишком далеко от Кеит, на другой стороне моря, и ноги его ступают по земле иного континента. Притяжение, существующее между ними, влекло его назад. Словно неутихающая чесотка, оно тревожило его сон, не давало покоя в часы бодрствования. Всего лишь несколько поспешных слов, сказанных в пылу раздражения, разделили их, вырвали Кеит из его рук, и теперь он должен снова завоевать ее, одолевая великие муки и страхи.

Он почти потерял ее. И теперь должен вернуть. Если последние проведенные ими вместе недели были мучительными, разлука оказалась настоящим кошмаром. И Ри собирался позаботиться о том, чтобы первым же судном, которое возьмет их, оказался бы корабль, плывущий в Иберу, если уж не в саму Калимекку.

Но сейчас им нужна была гостиница. Они шли по городу под холодным моросящим дождем, мешавшим определить время дня, держась середины улицы, чтобы избежать дождя более

отвратительного, чем даже вода, струившаяся с балконов и подоконников над их головами, — никто из них не хотел оказаться под ливнем помоев. Все трое молчали, и по дороге с ними никто не заговаривал, но они чувствовали, что люди неотступно следят за ними, оценивают состояние, которым они могут располагать, и сопоставляют его с длиной их мечей и шириной плеч. Хеймар, похоже, был чужд доброты и милосердия по отношению к незнакомцам.

Кони, козы, коровы, быки и прочая живность, прежде них проходившая по центральной улице городка, обильно разбавили липкую грязь своими пахучими лепешками и иными следами жизнедеятельности. Многочисленные повозки, проехавшие здесь, превратили это отвратительное месиво в жидкую кашицу, и к тому времени, когда трое друзей добрались до ближайшей гостиницы, ноги их покрылись грязью почти до колен и несло от них как из стойла.

Распахнув тяжелую дверь, они услышали звон колокольчика. Гостиница называлась «Долгий отдых», и внутри здесь было достаточно светло, хоть и дымно. Приветливый огонь горел в очаге и начищенные до блеска медные лампы со стеклянными трубками восполняли недостаток окон. Пол был покрыт толстым слоем благоухавших кедром и сосной опилок, столы, выкрашенные красной краской, и стены сияли после недавней чистки.

— Занимайте пока места, — крикнул им кто-то издалека. — Я сейчас подойду.

— Значит, сперва поедим? — спросил Янф.

Ри показал на отгороженные стенками отдельные комнатки:

— Они вполне устраивают меня. А потом поищем место, где можно помыться.

Они заняли комнатку подальше от двери, устроившись так, чтобы можно было видеть и вход в гостиницу, и лестницу на второй этаж. Мечи были наготове, однако друзья старались не смотреть на них, чтобы не вызвать этим раздражения уже опьяневших постояльцев. Среди здешней публики, впрочем, попадались и достаточно экзотичные экземпляры, которые сами по себе притягивали взгляд. В «Долгом отдыхе» явно не брезговали и Шрамоносцами, ибо за одним из столов сидели сразу трое Увечных созданий в компании еще троих людей.

Двое из Шрамоносцев были покрыты плотной, как у гремучей змеи, чешуей, тела их были приземисты; они сидели, застыв как изваяния, но когда меняли позу, движения их оказывались настолько быстрыми, что глаз не успевал проследить за ними. Ри знал и название, и репутацию этого народа, носившего имя Кеши; все, кто имел дело с ними, утверждали, что эти существа великолепные мореходы и опасные противники и что убить их

столь же трудно, как и змею. Третий же из Шрамоносцев не был похож ни на одно из известных Ри существ.

Ее — судя по изяществу облика, Ри определил, что это особа женского пола, — кожа была темной, как беззвездная ночь, но тем не менее переливалась, подобно черному перламутру. Каждый раз, когда она поворачивала голову, ее лицо вспыхивало то аметистом, то сапфиром, то изумрудом, а то и рубином. Белые волосы ее казались пухом, а выбившиеся из прически волоски окружали голову нимбом, отдающим в свете очага золотом. Невероятно длинные, они были заплетены в толстую косу, которую она заправила за пояс, словно простую веревку. Если их распустить, они наверняка достали бы до пола. Однако Ри сомневался в том, что земное притяжение могло вынудить их опуститься вниз: скорее всего даже расплетенные волосы этой женщины парили бы в воздухе белым облаком. Огромные и бездонные глаза ее казались колодцами, наполненными тьмой. Над ними изгибались белоснежные и такие же пушистые брови; ближе к вискам волоски их удлинялись, и она заплетала их, украсив косички бусинами, мелкими раковинками и перьями, направленными в сторону от щек. Большие, как у оленя, уши двигались независимо друг от друга. Одно из них было обращено к ее собеседникам, другое же находилось в постоянном движении. Когда она засмеялась, Ри заметил ее белые остроконечные зубы. Невзирая на белизну волос, она казалась совсем молодой. Ри никогда не видел существа, даже отдаленно похожего на нее, тем не менее где-то в глубинах его памяти что-то настойчиво твердило ему о том, что он каким-то образом знаком с ней.

Взгляд ее упал на него, мгновенно оценив и отвергнув. Ри тотчас вернулся к разговору с Джеймом и Янфом, чтобы ненароком не нажить неприятностей.

В этот момент из задних комнат появился хозяин, руки его были заняты подносами с пищей. Взглянув на тройку приятелей, он на ходу сказал им:

— Сей момент, сейчас подойду к вам.

Он поставил принесенные блюда перед компанией, которую перед тем изучал Ри, и тот вновь заинтересовался — на сей раз тем, что им подали. От блюд исходил вкусный запах, умело разложенные порции были довольно большими. Оторвав взгляд от тарелок, Ри вдруг без всякой радости заметил, что Шрамоносная женщина рассматривает его с невозмутимым, но тем не менее волнующим выражением лица.

— Ну, — сказал поспешивший к их столу хозяин, на ходу вытирая руки о белый фартук. — Я — Боскотт Шраббер, владелец этой гостиницы. Моя жена Келджи готовит. Вы хотите перекусить? И переночевать?

С ровной интонацией вилхенского обывателя Ри ответил:

— Нам нужно и то и другое. Начнем с еды. Потом нам нужна одна комната с тремя кроватями: денег у нас немного, и приходится экономить. Неплохо бы и в баньку сходить, если это не слишком дорого.

Он внимательно рассматривал Шраббера. Невысокий, жилистый, легкий и быстрый, тот явно провел большую часть своей жизни в трудах и лишениях. Лицо его обрамляла борода, обе щеки были украшены яркими татуировками, одна из которых маскировала шрамы, оставленные клеймом. Часть клейма была удалена, и место это покрывала плотная татуировка, но тем не менее Ри узнал остальное. Клеймо прежде изображало два дерева, а это означало, что Боскотт Шраббер некогда был рабом Сабиров. Обнаружив это, Ри тотчас постарался забыть о клейме, ибо время и обстоятельства меняют людей. Если Шраббер прежде являлся чьей-то собственностью, то теперь он перестал быть ею. И если Ри прежде владел собственностью, ныне ему ничего уже не принадлежало.

Шраббер кивнул:

— У нас есть хорошая комната на чердаке: две кровати и крепкая дверь с прочным замком. Я могу устроить там третью постель, если не возражаете против тесноты. Остановиться на неделю у меня выгоднее, чем на день, а на месяц выгоднее, чем на неделю. И если вы поможете мне с тяжелой работой, я предоставлю вам еще большую скидку. — Он вздохнул и продолжил: — Если вам нужна временная работа, Галвеи принимают желающих в своем большом доме. Они набирают людей, чтобы валить деревья в лесах и паковать грузы для отправки на юг. Только что гонцы доставили весть, что очередной торговый караван прибудет через два дня. И тогда у всех нас будет много работы — на неделю или даже больше.

— Мы — моряки, — сказал ему Ри, — и ищем место на хорошем корабле.

Шраббер еще раз вздохнул и отвел глаза в сторону.

— Моряки всегда ищут корабль. И те, у кого крепкая спина, всегда находят, а здесь остаются лишь надорвавшиеся. — Он вновь посмотрел на них. — А раз моряки, тогда слушайте: никаких шлюх в моем доме, никаких азартных игр, никаких воплей и полная тишина по ночам. Если вы желаете как следует повеселиться на берегу, поближе к гавани найдутся заведения, более подходящие для подобных развлечений.

Когда он исчез в кухне, Джейм расхохотался:

— Ты разочаровал его, хозяин явно уже видел в нас своих постоянных гостей.

— Но мы сразу разонравились ему, когда ты назвал нас моряками, — продолжил Янф. — Кстати, почему ты...

Ри прикоснулся к его руке и, предостерегая, покачал головой. Янф собирался спросить, почему Ри назвал их моряками, если они таковыми не являлись, как раз в тот момент, когда ухо Шрамоносной женщины было обращено в их сторону, и Ри видел, что она заинтересовалась ими.

Янф мгновенно понял намек и тут же переменил тему:

— Кстати, почему ты не попросил для каждого из нас по комнате? Уж на одну-то ночь денег у нас хватило бы.

— Мы же не можем быть уверенными в том, что пробудем здесь только одну ночь. Корабль, на который нас возьмут, может прийти через неделю или даже через месяц. Так что лучше нам быть поэкономнее. — Легким движением головы он указал им на Шрамоносную женщину, после чего Янф и Джейм по очереди мельком посмотрели на нее.

Когда Шраббер принес пиво, Джейм выплеснул немного жидкости на стол и пальцем написал: «Они следят за нами. Почему?»

Ри пожал плечами. Слух Карнея позволял ему уловить из их разговора куда больше, чем могли предположить их соседи, однако те обсуждали состояние дел на корабле, ничем не выдавая причин своего интереса к молодым людям. Наконец, когда ее спутники ожидали заказанный ими пудинг, женщина сказала им:

— Он, кажется, мне знакомым.

— Похож на Яна. То же сложение, тот же рост.

— По-моему, ты прав, — ответила Шрамоносная женщина. — Я вижу несомненное сходство.

— Но это не Драклес. Обыкновенный бандит.

Желудок Ри сжался в комок, и аппетит у него внезапно пропал.

— Конечно же, нет. — Острием кинжала женщина сковырнула со стола кусочек красной краски. — Он похож на моего Яна, но осанка совсем другая.

— Твоего Яна? Как бы не...

Разговор вдруг прервался звучным ударом в лодыжку, и Шрамоносная женщина пристально посмотрела на человека, едва не осмелившегося перечить ей. В следующее мгновение все шестеро дружно поднялись. Они подозвали хозяина, расплатились, отказались от пудинга, объяснив, что забыли кое-что важное на своем корабле, и поспешили к двери. Уходу своему они старались придать непринужденный вид, и тем не менее это скорее походило на бегство.

Когда они ушли, Ри обратился к Джейму и Янфу:

— Вы что-нибудь поняли?

— Из того, что эта шестерка шустро убралась? Мне это показалось странным, но я не понимаю, что заставило их так спешить.

— Я знаю что, — сказал Ри. Он прикусил губу. Моряки эти могли и не быть теми, за кого он их принял, однако Кеит не однажды — и с горечью — рассказывала ему о прислуживавшей ей на борту «Кречета» Шрамоносной женщине. Особа, которую он только что видел, в точности соответствовала ее описанию. Кстати, она ведь сама упомянула о Яне Драклесе, причем в прошедшем времени, и подметила сходство Ри с бывшим капитаном. Ри готов был посчитать это простым совпадением, однако, если именно эта девка виновата в том, что Кеит со своими спутниками осталась на берегах Новтерры без корабля, он просто обязан убить ее. — По-моему, это члены экипажа корабля Яна, которые подняли мятеж против него и бросили их с Кеит на том краю света.

— Ты шутишь, — недоверчиво заметил Джейм.

— Это легко проверить. Если «Кре́чет» стоит в порту, можно будет поклясться, что это они и есть.

Янф сначала застыл словно камень, а затем посмотрел на Ри и улыбнулся:

— Ну, теперь мой клинок, похоже, утолит свой голод.

— Если именно эти ублюдки бросили Кеит на верную смерть, клинку твоему достанется больше пищи, чем он способен поглотить. И если это действительно та самая стерва, она будет моей. Клянусь, я перегрызу ей глотку собственными зубами.

— Учитывая, что нас здесь только трое, а противником нашим является целый экипаж, полагаю, что мы умрем задолго до того, как твои зубы вонзятся ей в глотку, — заметил Джейм. — И я говорю это не из пустой надежды, что ты послушаешь меня. Просто мне приятно думать, что боги слышали, как я даю тебе разумный совет и я смогу оправдаться перед ними после того, как погибну в затеянной тобой дурацкой стычке.

Ри негромко рассмеялся:

— Не сомневаюсь, что боги сейчас дружно качают головами в знак согласия.

Глава 30

Кеит вошла в комнату Алариста; та сидела в кресле, в котором проводила теперь почти все свое время. Одеяло прикрывало ее тело, а голова запрокинулась назад. Она дремала. Сейчас Алариста совсем не была похожа на себя прежнюю: кожа ее сделалась тонкой, почти прозрачной; седые волосы поредели, ничем не напоминая ту густую рыжую гриву, что была у нее до того, как она отдала свою молодость Дугхаллу.

Кеит опустила ладони на плечи старой женщины и настолько отчетливо ощутила под кожей ее хрупкие кости, что едва не отдернула руку назад.

— Алариста! Алариста! Проснись. Пора.

Глаза на старушечьем лице медленно открылись — подернутые дымкой, тусклые, помертвевшие.

Алариста закашлялась и, поежившись, села прямо:

— Пора?

— Теперь я Сокол, — ответила, кивнув, Кеит.

Старуха улыбнулась, и улыбка на мгновение стерла возраст с ее лица.

— *Катарре кайти гомбри; хай аллу ниш?* — так звучало ритуальное приветствие Соколов, произносимое на языке, целую тысячу лет хранившемся в тайне. «Сокол предлагает свои крылья, ты полетишь?» — говорило оно.

— *Алла менчес, на гомбри, амби кайти камм*, — ответила Кеит, немного помедлив, вспоминая правильный ответ. — Я согласна и за крылья Сокола готова отдать свое сердце.

— Кажется, именно этими словами мы обменялись с Хасмалем, когда впервые увидели друг друга, — сказала Алариста. — Они оставили на нас свою метку. Они преобразили нас. Сокол предлагает свои крылья, но за право летать нужно платить. — Она вновь закашлялась, наклонившись при этом вперед, губы ее посинели, а лицо потемнело так, что Кеит даже испугалась. Наконец Алариста распрямилась. — Так противно быть старой, это сущий ад. Ничто не работает, тело больше не повинуется, мне приходится даже заставлять себя дышать.

Кеит хотелось оставить Аларисту в покое, позволить ей вернуться ко сну. Но она не могла этого сделать. Дугхалл велел ей привести Аларисту прямо сейчас; он объяснил, что времени у них почти не осталось, что Зеркало Душ устало находиться в плену, что оно тревожится и ждет перемен и он уже ощущает, как оно начинает пробуждаться в своей подземной тюрьме, в самой нижней части Дома Галвеев.

Поэтому Кеит скрепя сердце подала Аларисте свою руку, и та, помедлив немного, поднялась и оперлась на нее. Они осторожно, не спеша шли по Дому. Алариста часто останавливалась, чтобы передохнуть, и Кеит приходилось ждать, старательно скрывая нетерпение и ужас, постепенно овладевавший ею. Старуха была слишком слаба, чтобы стать третьей в их *зацбунде*. Дугхалл подготовил заклинание, способное, по его мнению, вернуть Аларисте молодость, забрав ее у него, однако не решался прибегнуть к нему до тех пер, пока Зеркало Душ не будет уничтожено. Магическое умение Аларисты было иным, чем у него. И если Зерка-

ло обладает собственной душой, которую им нужно будет отправить в Вуаль, пропустив через живую плоть — а Дугхалл был уверен в этом, — лишь он один мог совершить все необходимое. Алариста была на это не способна.

— После того как мы... закончим, — сказала Кеит, опасаясь упоминать Зеркало вслух, — Дугхалл собирается вернуть тебе твою молодость.

Алариста, согбенная и напряженная, медленно повернула голову к Кеит:

— Я отдала молодость по собственной воле. Ее не обязательно нужно возвращать назад.

— Он знает это. Но я думаю, что такая молодость не радует его. Он говорит, что лучше старость, чем чувство вины.

Алариста усмехнулась:

— Ну и дурак... или он уже забыл, какова старость. Я бы на его месте осталась молодой и уж как-нибудь справилась бы с совестью... но если он не хочет, я жаловаться не стану. — Она чихнула, задержала дыхание и добавила: — Быть может, молодость вернет мне память... я знаю, что у меня есть еще дело в этой жизни, но, несмотря на все усилия, не могу припомнить, какое именно.

Они спускались вниз, все глубже и глубже, в потайные подземелья Дома Галвеев и наконец увидели Дугхалла, ожидавшего их перед запертой дверью.

— Надо спешить, — произнес он. — Оно ждет нас. И оно не спит.

Затем он с опаской вложил пальцы в замок: всего лишь одна ошибка — и дверной механизм отрубит их. Однако все сошло удачно, тяжелый замок лязгнул, и дверь открылась.

Сокровищницу наполнял адский красный свет. Он истекал из центра Зеркала Душ плотным, ослепительно ярким лучом, который, казалось, пробивал потолок.

— О боги, — прошептала Кеит.

— Ты видела именно такой свет? — спросил Дугхалл.

— Да. Тогда, в Водах Тысячи Плясунов Зеркало призывало к себе гнавшихся за нами Сабиров. Оно вдребезги разнесло щит, которым я окружила нас.

— Не сомневаюсь, что этот столб пронзает насквозь все этажи Дома, — сказал Дугхалл. — Наверняка над вершиной горы сейчас стоит луч света, извещающий всю Калимекку о том, что здесь кто-то есть.

— Зеркало зовет не всех, — возразила Кеит. Она знала это, ибо мрачные, совершенно чуждые ей воспоминания Дракона все еще таились в глухих закоулках ее ума. — Оно зовет Криспина Сабира. Он сохранил в памяти большую долю знаний Дра-

кона и знает, как нужно пользоваться им. Кроме того, у него достаточно сходства с Дафрилем, чтобы пожелать того, что оно может ему предложить.

— Значит, Зеркало уже выдало нас, — спокойно произнесла Алариста.

Дугхалл опустил голову, укрепляя окружавший его экран:

— А я-то надеялся захватить его врасплох.

— Увы, этого не случилось, поэтому придется одолевать его силой, — ответила Алариста.

Кеит с удивлением посмотрела на нее. Старая женщина вдруг показалась ей сейчас не столь уж слабой и беспомощной. В глазах ее горела решимость, спина распрямилась, а исходящий от Зеркала багровый свет делал ее лицо едва ли не румяным.

— Тогда за дело, — решительно сказал Дугхалл.

Все трое подошли друг к другу, и Дугхалл увеличил размер своего экрана, чтобы прикрыть им обеих женщин. Щит сам опустится, когда они закончат заклинание, которое привлечет к ним силы всех Соколов, готовых помочь своим собратьям. И тогда все трое станут беззащитными перед любыми проявлениями зла, которое Зеркало может обрушить на них. Но пока заклинание не произнесено, они надежно укрыты.

Дугхалл, Кеит и Алариста, взявшись за руки, образовали кольцо, закрыли глаза и попытались связать свои души с пространством Вуали. Потом, связанные плотью и духом, они начали творить заклинание, которое создаст *зацбунд*, — слова его были одновременно и древние, свидетельствующие о великих опасностях и ужасах, пережитых Соколами за все время их существования, и сиюминутные, вызванные необходимостью.

Гомбрейян энэнчас!
Иниан ха нейт илияри.

Звучали слова древнего языка, забытого всеми, кроме Соколов, впитавшего в себя силы тех многих тысяч душ, что говорили на нем, слышали его и нуждались в нем все десять столетий существования братства.

Внемлите нам, Соколы-братья!
Беда к нам опять подступает,
Смертью грозит опасность,
Враги опять у порога,
Гибель нас ожидает.
Мы созываем зацбунд,
Всех, кто хочет помочь нам,
Мы приглашаем к бою

С силами Тьмы и Зла.
Всех мы зовем, кто услышит,
Кто придет и будет бороться.
Придите и помогите!
Придите и помогите!
Придите и помогите!

Заклинание было коротким, но действие его оказалось удивительно быстрым. Кеит ощутила, как река душ, протекавшая под ногами, вновь взбурлила и охватила ее. Прикрывавший их щит разлетелся вдребезги, и все мелкие клочки его унес этот могучий поток. Ей стало одновременно и жарко, и холодно; тело ее трепетало, она как будто плыла туда, где нет ни дверей, ни стен, ни полов, ни потолков. Вокруг не было ничего, кроме столба красного света, который полыхал перед ней словно огненный меч. Кеит видела рядом с собой Дугхалла, но облик его теперь ничем не напоминал того худощавого и темноволосого мужчину, что держал ее ладонь в мире плоти. Дугхалл высился слева от нее словно огневолосый бог, мрачный гигант, сыпавший вокруг себя искрами с каждым движением, приближавшим его к жуткому маяку Зеркала. Справа стояла Алариста, казавшаяся величественной, сверкающей богиней, сотканной из холодного белого света... вновь молодой, полнокровной и не знающей преград. А между двумя титанами находилась она сама — маленькая, хрупкая, медлительная и не уверенная в себе. В магической сфере она, мгновение назад опасавшаяся, что Алариста станет самым непрочным звеном в их цепи, сама оказалась этим чересчур слабым элементом.

Души множества Соколов вливали в них свои силы, и Дугхалл с Аларистой наполнялись новой мощью, становились сильнее, крепче, светлее... но Кеит не умела преобразовывать чары с ловкостью, присущей ее партнерам. Она не умела принять в себя то, что ей предлагалось. А потому осталась самой беспомощной и слабой из них троих. И тогда разум Зеркала обратился к ней.

Именно по ней оно нанесет свой ответный удар. И если не выдержит она, падут все.

В мире плоти три Сокола окружали Зеркало, соединив в кольцо руки. Они не прикасались к нему, но энергия Зеркала давила на каждого из них, отыскивая слабину. Но в ином мире, внутри Вуали, Зеркало изменило свое обличье. Оно приняло вид крылатого человека с огненными глазами и похожими на ножи когтями. Тварь эта ухмыльнулась и, окруженная ореолом синих молний, извергавшихся из нее во все стороны, начала расти. Она соприкасалась с душами калимекканцев, пользуясь их силой как своей собственной. Крылатый демон протянул руку, лезвия когтей сверкнули словно алмазы, и зазвучали слова, обращенные к Кеит:

— Вот что, нам с тобой не из-за чего драться. Ты потеряла свою любовь, свою Семью, свое прошлое... но тебе незачем расставаться со своей жизнью и незачем оставаться чудовищем. Я могу дать тебе то, чего ты больше всего желаешь. Я могу сделать тебя человеком.

— Ты не можешь ничего дать, ты способен только красть, — вмешался Дугхалл.

Алариста молчала, она безмолвно подступала к чудовищной душе Зеркала, чтобы разорвать нити, через которые та высасывала жизнь из людей, находившихся внизу, в городе.

— Я ничего не возьму от тебя, — твердо сказала Кеит.

Однако в голове ее вдруг возникли картинки, куда более ясные и четкие, чем голоса поддерживающих ее Соколов... картинки, показывающие ей ее душу, принявшую мягкие и соблазнительные очертания женского тела. Тела, которое никогда больше не станет плотью зверя, жаждущего погрузить длинную морду во вспоротое чрево еще дергающейся туши, чтобы напиться крови; тела, которое никогда не посрамит ее своей низменной похотью, примитивными потребностями, уродливым обличьем. Став человеком, она больше не сможет летать, но ей не придется и ползать на брюхе. Она не испытает более доступной Карнее сладости восторга, но и не изведает впредь и мерзкой подавленности, так отягощавшей ее после Трансформации. Шрамы ее исчезнут. Боль забудется.

Угроза смерти, только что витавшая над ней... отдалилась.

Человек.

Она может стать человеком.

Души Соколов кричали ей, напоминая, что она одна из них, но сознавая это, она все же отстранилась от них. Ведь среди Соколов до нее не было ни одного Шрамоносца. Ни один Сокол прежде не был помечен этой печатью, свидетельствующей о том, что она не такая, как все — даже там, где рассчитывала найти полное понимание.

Воспоминания Дафриля теснились в ее голове: с помощью Зеркала она получит возможность менять тела столь же легко и непринужденно, как этот Дракон. Но самое главное — при этом никто не будет умирать, никто не испытает боли... она просто отдаст свое тело какой-нибудь незнакомке, а незнакомка отдаст свою плоть Кеит. Никаких утрат... просто перемена. Стоит лишь нажать на несколько кнопок с вырезанными на них знаками, и муки ее останутся в прошлом.

— Стань на мою сторону, — предложила душа Зеркала. — Зачем уничтожать меня, а потом мучиться. Я предлагаю тебе только добро, добрые дары, добрые чары. И ты можешь принять их.

Ни один голос не мог пробиться к ней через непроницаемую стену, которую создала душа Зеркала. Молчал Дугхалл. Безмолвствовала Алариста. Несчетные души живых и мертвых Соколов не могли дотянуться до нее, она стояла одна, лицом к лицу со своей мечтой, о которой не смела раньше и думать. Она поняла, что действительно может получить предложенное Зеркалом. И дар этот станет подлинным, не мошенническим. И кроме того, никто не сможет помешать ей принять его, если она решится это сделать. Она была свободна... по-настоящему свободна... свободна так, как не был свободен ни один из Соколов, ибо никто из ее собратьев никогда не имел возможности обменивать собственное тело на любое другое.

Мое отличие от всех, моя сила, подумала Кеит. Возможность делать то, что я захочу, найти новый путь, отправиться туда, куда я считаю нужным, не чувствуя вины перед несчетными призраками.

Она разглядывала предлагаемые ей Зеркалом картины, испытывая невыразимое словами искушение. Стать человеком, быть приемлемой всеми, получить в этом мире достойное место, которое она по праву могла бы назвать своим. И за это ничего не надо было отдавать. Ничего такого, что принадлежит ей самой.

Но она не могла принять то, что ей не принадлежало.

Я — Сокол, подумала Кеит, и даже если сейчас я далеко от своих собратьев, по-прежнему остаюсь им. Клятва обязывает меня распоряжаться лишь тем, что сама имею, и принимать только то, что отдано мне по своему желанию, по свободной воле.

— Слушай, милая девочка, — говорила душа Зеркала. — Где-то сейчас наверняка есть молодая женщина, которая охотно отдаст тебе свое тело, променяв его на твое. Или девушка, которая не ценит того, что имеет, и мечтает насладиться охотой, кровью, плотью жертвы, которая не будет раскаиваться, наевшись сырого мяса, которая готова проглотить и шерсть, и грязь, чтобы добраться до нежных, вонючих внутренностей добычи. Я отыщу ее, и тогда тебе не придется нарушать свою клятву.

И вдруг картина, которую рисовала ей душа Зеркала, потеряла свое обаяние. Чары разрушились, Кеит увидела, насколько близка была к падению, и устрашилась.

— Кеит! Кеит! — звал ее Дугхалл. — Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Нужно изгнать душу Зеркала в Вуаль. Прямо сейчас. Оно становится все сильнее... времени у нас очень мало.

У них уже имелось готовое, проверенное в действии заклинание... то самое, которое извергло души Драконов из украденных ими тел и поместило их в крошечные самодельные зеркальца. Но для души Зеркала оно не годилось — Соколы опаса-

лись, что, получив любую физическую форму, оно все равно будет притягивать к себе людей и пожирать их души.

Зеркало могло вновь обрести силу, даже если душа его будет заточена внутри простого золотого кольца. Но если она окажется отброшенной в Вуаль, то ей придется предстать перед богами, а затем пройти новые круги жизни и смерти. Зеркало может стать человеком. Может получить возможность загладить совершенное им зло. Зло, ради которого оно и было сотворено. И все трое Соколов нараспев затянули:

Бог наш, о Водор Имриш,
За нашими душами следуй
К духу злого Зерцала,
Похитителя наших жизней.
И из тела его исторгни,
Из ложной кованой плоти
Извергни дух сотворенный,
Вреда ему не желая.
Убежище предоставь ему,
Даруй циклы жизни и смерти,
Научи ты его состраданью,
Бессмертие сохраняя.
Огради суть жизни и разум.
А мы тебе предлагаем
Охотно, своею волей,
Все, что уже отдали,
Все, что ты уже принял,
Ибо зла не свершаем,
Но зло укрощаем.

Теперь силы Соколов хлынули в душу Кеит с новой мощью и уверенностью, и она окрепла, просветлела, поравнявшись не только с Дугхаллом и Аларистой, но и с душой Зеркала. Преображение ее было похоже на взрыв. Она расширялась во все стороны — как огненный цветок, безмолвно распускающийся в небе над Калимеккой в День Ганджа.

Заклинание их коснулось души Зеркала, и Кеит ощутила, как яростные волокна впиваются в нее, пытаясь извлечь душу из тела, выбросить ее вон и занять освободившуюся плоть. Лента синего пламени, тянущаяся от нечестивой души Зеркала, бросалась то на одного, то на другого из них. Сотворенные Соколами чары не достигли еще своей цели. Душа Зеркала оставалась на месте и с каждым мгновением становилась сильнее, высасывая жизненную энергию из калимекканцев.

— Почему у нас ничего не получается? — воскликнула Кеит.

— Нам не хватает сил, — ответил Дугхалл. — За целую тысячу лет во всем Матрине не было столько Соколов, сколько людей живет сейчас в Калимекке. Нам нипочем не стать такими же сильными, как Зеркало.

— Но нам это и не нужно, — сказала Алариста. — Мы пытаемся извлечь душу Зеркала из этого металла и выбросить ее в ничто. Для этого, несомненно, нужна огромная сила. Но если мы отправим ее в кольцо, потребуется лишь небольшое усилие.

— Если душа Зеркала уйдет в кольцо, проблема этим не исчерпается, — возразил Дугхалл.

— Мы можем уничтожить кольцо физически, — ответила Алариста.

— Нам не придется этого делать. — Кеит перевела взгляд на собственное тело, на руки, державшие ладони Дугхалла и Аларисты, и продолжила: — У нас уже есть кольцо, которое разрушится в то самое мгновение, когда мы разожмем руки.

Дугхалла охватил ужас.

— Ты предлагаешь воспользоваться собственными телами вместо кольца? Это невозможно, оно настолько могущественно, что способно овладеть одним из нас. А получив живую плоть, оно станет куда более грозным противником, чем сейчас.

Но предложение Кеит поддержала Алариста — от нее вдруг начали исходить волны радостного удовлетворения.

— Нам придется это сделать. Это... именно это и есть то дело, ради которого я вернулась в мир. Дугхалл, Кеит, у нас нет времени, повторяйте за мной заклинание, предложим в качестве кольца наши тела.

Когти, которыми впивалась в них душа Зеркала, становились все жестче, крючья эти вырывали их из плоти и жизни и толкали к смерти... или забвению. Чудовищное пламя жгло их, жуткая багровая тварь, наполнявшая собой пустоту Вуали, выросла настолько, что они не могли более понять, продолжает ли она увеличиваться дальше. Внизу, в городе уже умирали люди, накормившие собой эту мерзость, и многие еще погибнут до того, как Соколам удастся выполнить свое дело.

Они вновь произнесли заклинание об исторжении души, но, повторяя его слова вслед за Аларистой, изменили несколько строчек.

...Убежище предоставь ему
В кольце трех тел наших,
Дабы оно хранило
Бессмертье души Зерцала,
Суть его жизни и духа.

Поток энергии изменился, свирепая хватка, которой их держала душа Зеркала, ослабла на мгновение, а потом жуткими волнами в них хлынул багровый поток, захлестывая, окутывая, поглощая. Кеит чувствовала, как души несчетных сотен Соколов объединились, чтобы выстоять против натиска, но вслед за этим в жилах ее, мышцах и черепе загудела лишь чуждая и черная тьма. Она старалась не утонуть в ней... почти что вышвырнутая из своего тела, она могла лишь держаться за свою личность и надеяться, что остальным удалось устоять в борьбе с чудовищем, пытавшимся поглотить их.

Она была слабейшим звеном. Соколом наименее сведущим в магии, наименее опытным, плохо контролирующим высвобождаемые ею потоки энергии, наименее способным отразить нападение, целью которого было извергнуть ее душу из тела. Она ощущала, как борется рядом с ней Дугхалл, как Алариста пытается помочь ей, но душу Зеркала, безжалостную и могущественную, как океан, нельзя было остановить. Как нельзя преградить путь морю, хлещущему свои воды сквозь единственную дыру в собственном дне.

Она потеряла опору и запаниковала, опасаясь, что не переживет этот день. Дугхалл пытался удержать ее, Алариста старалась помочь ей, но Кеит уже ощущала ликование и злорадство, испытываемые душой Зеркала, и надежда вместе с уверенностью покинули ее.

— Она всего лишь ребенок, и слабый ребенок. Посмотри лучше на меня. Я могу предложить тебе большее, — раздался вдруг голос Аларисты, и душа Зеркала застыла на миг. Кеит почувствовала, как оно оценивает ее... сравнивает тусклый свет, который она излучала, ее медленную реакцию и скверную способность к защите, с ослепительной чистотой света, исходящего от Аларисты. Должно быть, Зеркало увидело в этом нечто привлекательное для себя, некую слабину, которой оно и решило воспользоваться, ибо на всех троих вновь обрушилась волна, но теперь основная сила удара была направлена на Аларисту.

В отличие от Кеит Аларисты не сопротивлялась. Кеит видела окружавший Аларисту ослепительный свет, ощущала неизмеримую мощь ее души, но эта душа просто наблюдала... Аларисты позволила душе Зеркала укорениться в ее теле, по одному оторвав от плоти якоря, связывавшие с ней душу. Дугхалл и Кеит еще боролись с поглощавшим ее чудовищем, но без помощи Аларисты они проигрывали битву.

— Алариста! Держись! Сопротивляйся, — закричал Дугхалл.

Голос ее обратился к их душам. *Отпустите меня. Теперь я выполнила свое дело.*

И в этот миг душа ее отлетела, *зацбунд* распался. Мудрость и сила тысячи Соколов оставили Кеит, теперь она

имела лишь то, что досталось ей от рождения. Вернувшаяся в ограниченную реальность собственной плоти, она повалилась на пол, обессиленная и изнемогающая, руки ее выскользнули из ладоней Дугхалла и Аларисты. Дугхалл тоже упал на колени и, опершись рукой об пол, чтобы не рухнуть ничком, принялся раскидывать грудку блестящей металлической пыли во все углы комнаты. Только пыль осталась от Зеркала, но душа его не исчезла.

— Я во плоти! — вскричало чудовище, завладевшее телом Аларисты. — Моя собственная плоть! Я сделаюсь богом.

И оно заплясало по комнате. Кеит увидела, как заходили старые кости, как вздуваются и опадают вновь дряхлые мышцы. Глаза старухи смотрели на нее, наполняясь отвратительной злобой.

— Я стану богом, а вы... будете моими первыми жертвами.

Чудовище расхохоталось.

Но смех его превратился в кашель.

Губы, принадлежавшие раньше Алариcте, посинели, лицо вдруг сделалось серым и восковым. Чудовище согнулось, задыхаясь, и вцепилось себе в грудь пальцами, превратившимися в когти, колени его подогнулись, и тело Аларисты повалилось на пол, дергая руками и ногами, словно тряпичная кукла. Тварь бессильно разевала и закрывала рот, пытаясь втянуть воздух и выплевывая при каждой попытке кровавую пену.

— Нет! — прохрипело чудовище, но это было его последнее слово. Оно яростно смотрело на Кеит и Дугхалла, и красный огонь чар осветил плоть изнутри. Однако тело Аларисты было уже на пороге смерти. Срок его вышел, прежде чем душа Зеркала успела восстановить поврежденные старостью органы. Глаза умирающего еще горели красным огнем, но теперь они напоминали скорее угольки потухающего костра. Хрупкая грудь слабо вздымалась, словно прохудившиеся кузнечные мехи, пальцы цеплялись за пол. А потом с последним булькающим вздохом огонь в глазах погас, и душа Зеркала покинула тело Аларисты.

Кеит, встав на четвереньки, принялась оплакивать смерть подруги.

— Она спасла нас, Кеит, она спасла всех нас, — ошеломленно произнес Дугхалл. — Если бы не Алариста, Зеркало Душ победило бы. А теперь она соединится с Хасмалем.

Взгляд его сделался задумчивым, и он прошептал:

— Так вот почему...

И с виноватым выражением на лице отвернулся.

— Что? — спросила Кеит.

— Если бы кольцо образовали ты, я и Ри, мы потерпели бы поражение. Лишь Алариста могла сделать то, что она сделала.

— Понимаю, — ответила Кеит, не понимая, впрочем, причины виноватого выражения, все еще не сошедшего с лица дяди. — Но теперь ее нет с нами, и я потеряла еще одного друга.

Она вспомнила прежнюю Аларисту, рыжеволосую красавицу, встретившую их на дороге из Калимекки... стройную женщину, бросившуюся в объятия Хасмаля с радостью столь искренней, что она буквально осветила их обоих. Кеит вспоминала ту Аларисту, которая беседовала с Хасмалем и Кеит в фургоне, пытаясь отыскать ответ на угрозы Драконов. Она вспоминала ту, что отдала свою молодость Дугхаллу, ради шанса спасти любимого от пыток и смерти. И теперь та самая Алариста отдала свою силу и жизнь, чтобы спасти всех жителей Калимекки, чтобы победить душу Зеркала, чтобы спасти Кеит.

— Смерть ее унесла из мира что-то очень важное, — негромко произнесла она.

Тихий голос, шедший из тьмы, голос из бесплотного и бескровного мира донесся до слуха Кеит:

— Мы пришли за своим.

Вздрогнув, она огляделась и заметила, как побледнел Дугхалл.

— Это духи мертвых Галвеев, — прошептал он.

Тело Аларисты засветилось изнутри красным, кошмарным рубиновым пламенем. Огонь становился ярче, мертвая плоть сделалась прозрачной, и Кеит на мгновение заметила кости, показавшиеся под кожей, внутренние органы, сосуды, по которым прежде бежала кровь. Свет разгорался все ярче, и она уже ощущала прикосновение чар к собственной плоти, к своему нутру, к своему разуму... чар, постоянно чувствовавшихся в доме с того самого дня, когда она вернулась сюда, но сделавшихся теперь сильными, опасными и зрячими. Тело Аларисты стало совсем прозрачным, как стрифианское стекло, свет уже жег глаза Кеит, но внезапно и тело, и свет исчезли. Оставив, впрочем, ощущение того, что чары не ушли, они по-прежнему здесь — терпеливые, бдительные, ненасытные.

Повернувшись к Дугхаллу, Кеит заметила слезы на его глазах.

— Каждая победа наносит нам новые, кровоточащие раны, — сказал он. — Сегодня горький день.

Он с трудом поднялся на ноги и повернулся к двери.

— Старые иберанцы были правы, когда запретили ворожбу в пределах страны и уничтожили всех обнаруженных ими чародеев. Ибо сколько бы добра ни принесли Соколы, чары Волков и Драконов успели нанести куда больший ущерб. Лучше бы не было вообще никакой магии. И чтобы ни один чародей никогда бы не появился бы на свет.

И, поникнув головой, Дугхалл вышел из комнаты, оставив Кеит в одиночестве размышлять над его словами.

Глава 31

Колокола Калимекки вещали о смерти... они рыдали, выражая горькую тоску по усопшим. Груды тел лежали на улицах, и живые, стоявшие вокруг них небольшими группами, оплакивали потерю отца, матери, ребенка или друга. Возле тел мужа и трех маленьких детей, умерших прямо на улице и сейчас выглядевших так, словно они могли вернуться к жизни в любой момент, стояла на коленях женщина. Она смотрела на недвижные тела полными слез глазами, а потом, стиснув кинжал руками, с отчаянным криком пронзила им собственное сердце. Рядом ребенок бродил по улице, с плачем уговаривая кого-нибудь пойти и разбудить его маму.

В угловой квартире на верхнем этаже дома молодой отец прижимал к груди тело своего крошечного сына и в отчаянии бросал обвинения богам. И такие сцены повторялись в городе в этот день тысячи и тысячи раз. Немногие семьи в пределах Калимекки уцелели полностью, когда на них обрушилась внезапная волна магической отдачи-*ревхаха*, которую простые люди ошибочно приняли за смертоносный мор; некоторые семьи были истреблены под корень.

Жизнь не оставила Калимекку, но сделалась мрачной и призрачной пародией на ту, какой она была прежде. Телеги, как всегда, грохотали по улицам, но перевозили они теперь не фрукты и овощи с ближайших ферм или роскошные, привезенные из-за моря товары... в них лежали теперь трупы. Люди по-прежнему работали, но делом их стало разведение погребальных костров, на которых они сжигали тех, кого любили и кем дорожили. Женщины не прижимали больше к груди малышей, руки их стискивали веревки колоколов, звоном своим провожавших души этих младенцев в Вуаль. Люди не знали, что если бы Зеркало Душ продолжало жить, оно пожрало бы их всех. Уже то, что они остались в живых, было великой победой... но можно ли считать победой то, что досталось ценой бесчисленных смертей, то, за что заплачено горами ожидающих теперь погребения? Люди знали лишь о своей непомерной боли... своей необъяснимой утрате.

Но они не знали о новой беде, уже накатывавшейся на них. Они не могли еще видеть уродливых тел Увечных, стискивавших свое оружие, мечтавших о возвращении человеческого облика их искалеченной плоти. Они не видели еще юного красавца и изящной молодой женщины, ехавших на огромных клыкастых чудовищах по склону горы через южную границу Иберы во главе орды дикарей. Они не знали, что в сердцах и умах приближающихся Шрамоносцев они были демонами, укравшими у них право

на жизнь, чудовищами, мешавшими изуродованной плоти вновь обрести совершенный человеческий облик.

Они не могли этого знать. Зеркало Душ умерло, но армия проклятых приближалась.

Глава 32

Криспин стоял на балконе своей комнаты в доме Сабиров и смотрел на дом Галвеев. Красный свет погас. Ощущение витавшей над городом магии медленно ослабевало. По всей видимости, враги преуспели в своем намерении. Дугхалл, память, которая осталась впечатанной в его мозг и чью душу он знал едва ли не столь же хорошо, как и свою собственную, сумел уничтожить Зеркало Душ с помощью подвластных ему Соколов. Не отрывая глаз от белого как алебастр дома на вершине горы, Криспин в душе желал Дугхаллу смерти — медленной и мучительной. Зеркало Душ по-прежнему привлекало его воображение, ибо оно сулило бессмертие, а с ним и невообразимую силу. Криспин полагал, что из него получился бы отличный бог.

Однако, если богом ему теперь не бывать, право отца у него никто не отнимет, более того, он осуществит и свое право мести — ведь там же, где находился сейчас Дугхалл, следовало искать и кузена Ри с его девкой Кеит. Там же Криспин рассчитывал обнаружить и свою дочь Алви. Но если ее не окажется там, в доме Галвеев найдутся люди, которым известно, где искать ее и что с ней стало. Он сумеет заставить их рассказать ему все. Он вправе причинить этим людишкам любую боль — за все, что они могли сделать с ней или уже сделали. Он способен на это, и так будет.

Дом Сабиров вновь посетила смерть. Мать Ри обнаружили бездыханной в ее комнате: мертвой хваткой она вцепилась в глотку демона, которого называла Валардом, разодрав ее в предсмертных конвульсиях. Многих из дипломатов Дома положат на костер еще до наступления ночи. Среди них будет и параглез. Погибли и почти все Сабиры, принадлежащие к торговой ветви Дома.

Однако Волки за малым исключением уцелели. Почувствовав первый поток магии, хлынувшей из Дома Галвеев, они сумели вовремя заэкранировать себя. И теперь готовые к действиям Анвин и Эндрю ожидали Криспина в его комнате, стоя у него за спиной. Они предвкушали охоту и жаждали крови.

— Все в городе видели столб света над домом Галвеев, — сказал Анвин, когда Криспин вернулся с балкона. — Мы мо-

жем рассказать народу Калимекки, что последние из этого проклятого рода занялись черной магией и направили свои чары против своего же города... Можно объяснить людям, что внезапный мор вызван действиями Галвеев. Мы можем предложить народу возможность мести — в обмен на помощь. Дом Галвеев может выдержать длительную осаду, если в нем засело целое войско, но сейчас там вряд ли есть сколько-нибудь многочисленный отряд. Мы можем послать людей туда, перебросить их через стены с помощью аэрибля или просто отправить вверх по утесам. Крупных сил нам не потребуется.

Криспин качнул головой:

— Возможно, и так, но я хочу, чтобы те, кто сейчас в доме, были захвачены живьем. Все до одного.

Его беспокоила судьба дочери. Шансы на то, что она переживет штурм и взятие дома, были невелики, что, разумеется, совсем не нравилось ему.

— Едва ли мы сможем взять живыми Ри, Дугхалла и всех прочих, если поднимем народ.

На сей раз Эндрю не захихикал, не забормотал себе под нос, не начал нести чушь. Пристально взглянув на Криспина сощуренными глазами, он спросил:

— А, собственно говоря, зачем они понадобились тебе живьем? В данной ситуации не все ли равно, когда их убить... они всегда вредили нам, и чем дольше они проживут, тем больше новых пакостей сумеют устроить.

Криспин вновь подумал о том, что Эндрю давно пора убрать и что он напрасно медлит с этим делом. В голове кузена размещалось больше мозгов, чем можно было подумать, и уже то, что Эндрю удавалось столь долго скрывать этот факт, заставляло главу Волков нервничать.

— Дугхалл владеет интересующей меня разновидностью магии, — сказал он холодным тоном. — А Ри... у меня есть свои планы на этого ублюдка. Что касается остальных, каждый из них что-нибудь да знает. Быть может, они окажутся полезными нам, но, может быть, и нет. Эти люди долго дурачили нас, они даже ухитрились уничтожить Зеркало Душ. В конце концов именно они низвергли Драконов. И я не без оснований думаю, что они могут располагать полезными для нас знаниями. Поэтому я хочу, чтобы их взяли живыми — чтобы у нас был шанс выяснить все, что нужно.

Анвин расхаживал по комнате, громко цокая копытами о плитки пола.

— Как и Эндрю, я сомневаюсь в правильности твоего предложения. До сих пор действия этих людей имели для нас катастрофические последствия. И я думаю, будет лучше, если

они сдохнут со всеми своими знаниями, известными нам и неизвестными.

Криспин не мог поверить собственным ушам. Анвин, его родной брат, перешел на сторону Эндрю!

Криспин посмотрел в глаза брату, надеясь обнаружить в них намек на шутку, издевку над кузеном, но взгляд Анвина был серьезен, угрожающе серьезен. Анвин, всегда подчинявшийся воле Криспина, вдруг обнаружил стремление к независимости, и притом в самое не подходящее для этого время.

— Нет, — сказал Криспин. — Говорю вам, мы пойдем туда сами. Мы трое и отряд отборных солдат.

Анвин растянул губы в акульей улыбке... блеснули острые как лезвия ножа зубы, в глазах его зажглись огоньки.

— А я говорю тебе, что мы не пойдем туда одни. Пока ты занимался своими маленькими делишками, у нас с Эндрю было достаточно времени, чтобы подумать, посоветоваться и составить план действий. Мы совсем не собираемся рисковать своей шкурой в какой-то глупой стычке, которая расчистит тебе дорогу к власти. И у нас нет никакого желания ввязываться в самоубийственные вылазки, тем более теперь, когда место параглеза в семье освободилось. Мы не собираемся ради твоей выгоды ловить голыми руками богов или чародеев... мы просто хотим держаться позади, когда обыватели будут умирать за нас.

— Сегодня мы собираемся поговорить с парниссами квартала Претин, — сказал Эндрю, вновь улыбнувшись. — Они сохранили власть над своими людьми во время бунтов, притворившись, что целиком поддерживают толпу. Мы регулярно получали от них надежную информацию и оплачивали рост симпатий к Сабирам в квартале Претин, несмотря на все антисемейные настроения в городе. Мы можем начать набирать войско в этом квартале. Ярость народа лишь усилится, когда люди узнают правду.

Эндрю хихикнул и принялся крутить свой чуб — единственный локон на бритом черепе; пальцы его при этом шевелились словно ножки заводного паука.

— Но сперва калимекканцы должны похоронить своих мертвецов. Наверное, нам следовало бы помочь им. Возможно, я найду внизу для себя что-нибудь подходящее. Наверняка меня ждет там уйма хорошеньких маленьких девочек.

Криспин ощущал на себе смышленый взгляд этого животного, понимая, что глаза эти, выглядывающие из-под маски безумия, оценивают его реакцию, испытывают, что-то решают...

Сколько же во всем этом игры? Эндрю действительно любил маленьких девочек, по-своему любил, и ему было все равно, живые они или мертвые... Но при каждом очередном

споре Эндрю все менее и менее казался Криспину жестоким и пустоголовым извращенцем, все очевиднее превращаясь в тайного соперника. И Криспин наконец решил, что Эндрю должен умереть как можно скорее. Он устроит кончину кузена сразу же, как разделается с неотложным делом. Сперва нужно вырвать Алви из рук похитителей. Возможно, сейчас она находится в Доме Галвеев в качестве заложницы. Он еще не видел требований, которые выставит ему Дугхалл, но, вне сомнения, они скоро станут ему известны. И даже очень скоро, поскольку Зеркало Душ выдало их тайное укрытие. И пока брат и кузен будут настраивать народ против Дома Галвеев, он тоже не станет бездействовать.

Придется нанести удар с аэрибля, подумал Криспин. Нужен отличный пилот, горстка хороших солдат и десантный отряд, который соскользнет по канатам и прикрепит аэрибль к причальной площадке. Тогда он сможет вывезти дочь и, если повезет, расправится с большей частью врагов, прежде чем брат и кузен успеют понять, что произошло.

Когда Криспин в последний раз был в Доме Галвеев, там толпами кишели воинственные призраки, но теперь они наверняка утихомирились, раз люди вновь поселились в доме. Ну что ж, ему предстоит несколько увеличить число привидений, населяющих жилище Галвеев.

Глава 33

Элси стояла наверху стены, окружающей Дом, взгляд ее был обращен к струящейся по долине реке дыма.

— Огонь, дым и звон колоколов сводят меня с ума, — сказала она. — Но как могло случиться, что мы здесь уцелели, а в городе погибли столь многие?

— Тебя защищал экран. — Кеит уже объясняла это сестре, но Элси, очевидно, ничего не поняла. — И благодари богов, что у тебя нет моего слуха. Я слышу стенания горожан, а это куда хуже, чем колокола.

Внизу, в городе рыдали люди, оплакивая усопших. Они рыдали уже два дня. Звук этот проникал в нутро Кеит, бился о кости черепа, давил изнутри на глаза, вязал по рукам и ногам, напоминая о ее вине.

Это она доставила Зеркало Душ в Калимекку... это она отравила колодец жизни, пусть и не преднамеренно. Все бесчисленные жертвы погибли из-за нее, пали от ее руки. Их пе-

пел летел по воздуху, поднимаясь к ней, напоминая о них убийце, покрывая словно серым снегом выступы утеса, стену, окружавшую Дом, ветви и листья деревьев. Все, кроме самого Дома Галвеев: заклинание Дугхалла не утратило еще силы, и духи мертвых Галвеев поглощали даже пепел усопших.

Внизу, под самой стеной, склонившись к дороге, что вела в город, сидела Алви. Глаза ее были плотно закрыты, пальцы ощупывали землю, тело напряглось, словно тугая пружина. Превратившееся в маску боли лицо стало серым, как круживший в воздухе пепел, губы побелели. Наконец она поднялась — каким-то старческим движением — и, хмурясь, знаком дала понять, что закончила.

Кеит и Элси отправились ей навстречу.

— Он уже идет, — сказала девочка. — Он нашел пилота, и тот доставит его сюда в воздушной машине. С ним летят солдаты, которые должны убить вас всех, и люди, умеющие сажать эту машину без помощи посадочной команды.

Девочка пошатнулась, и Кеит поддержала ее.

— Тебе плохо? — заботливо спросила Элси.

— Дороги... рыдают, — ответила девочка. — Каждый плакальщик несет на костер свое горе. Дорога помнит каждую смерть... Мне придется пережить каждую из них, чтобы добраться до своего отца.

Кеит обняла девочку.

— Прости. Прости, что тебе приходится испытывать все это.

Алви прижалась к ней.

— Мой отец будет здесь сегодня вечером. И тогда тебе придется убить его, так?

Кеит опустилась на колено, чтобы посмотреть девочке в глаза.

— Я не могу пообещать тебе, что не стану убивать его. Он лишил жизни моего друга и теперь хочет разделаться со всеми нами. Если мне нужно будет убить его, чтобы защитить всех нас, я это сделаю. — Она прикоснулась к руке Алви. — Но если у меня будет возможность остановить его словами, а не силой, обещаю тебе, что поступлю именно так.

— Можешь не обещать.

— Тем не менее я обещаю тебе. Я не знаю, как сложатся отношения между тобой и отцом, но сделаю все, чтобы ты получила возможность выяснить это.

Алви резко кивнула, потом отвернулась и побежала к дому. Элси закашлялась, Кеит поднялась и посмотрела на сестру.

— И ты можешь обещать сохранить жизнь этому убийце, этому чудовищу, и к тому же Сабиру, которого боится даже твой Ри?

— Мои руки уже по локоть в крови. Я не стану добиваться его смерти. Но я не давала обещания оставить Криспина в живых. Я просто обещала победить его, не убивая. В этом вся разница.

— Разница может стоить наших с тобой жизней. Если ты будешь сражаться, думая лишь о том, как победить врага, не убивая его, а он будет стремиться уничтожить тебя, преимущество окажется на его стороне.

— По-твоему, я должна была сказать девочке: да, я собираюсь убить твоего отца?

— Мне не важно, что ты скажешь ей. Солги, если необходимо. Она считает, что ты сохранишь Криспину жизнь, и этого достаточно. Когда он явится сюда, убей его и скажи, что у тебя не было другого выхода.

— Если ты так алчешь крови, — усмехнулась Кеит, — можешь убить его собственными руками, Элси. Проткни его мечом, ощути капли горячей крови на своей коже, попробуй ее на вкус губами. Вдохни вонь содержимого кишок и мочевого пузыря, когда они опорожнятся. Посмотри в глаза умирающего, у которого ты отняла жизнь.

Говоря это, она неотрывно смотрела на сестру. Когда на лице Элси появилась гримаса отвращения, Кеит умолкла.

— Тебе не понравилось мое предложение, Элси?

Та отвернулась в сторону:

— Он должен умереть.

— Возможно, и так. Но меня удивляет твоя готовность осудить его на смерть, притом что сама ты не хочешь стать его палачом.

Элси, все так же не глядя на нее, ответила:

— Я мать. Я не убийца.

Кеит обошла вокруг сестры, чтобы заглянуть ей в глаза, и когда та вновь попыталась отвернуться, удержала лицо ее руками.

— А я — убийца, Элси. Становясь Карнеей, я охочусь, чтобы добыть себе пищу, и рву ее когтями и зубами. Я убивала людей, которые пытались убить меня. А теперь, чтобы спасти остатки своей Семьи, я погубила половину жителей величайшего города мира.

— Тебе неизвестно, сколько их погибло, может, и не половина...

— Да. Неизвестно, — сохраняя спокойствие в голосе, ответила Кеит. — Все небо почернело от пепла людей, умерших по моей вине, но я не спускалась в город и не считала трупы. Элси, дослушай меня до конца. Чтобы хоть как-то примириться с самой с собой, чтобы продолжать жить, чтобы сохранить собственный разум... мне придется предоставить отцу этой девочки, которая стала моим другом, возможность спасти свою жизнь.

— Он чудовище.

— Он любит свою дочь.

— Ты не можешь знать этого.

Кеит по-прежнему могла прикоснуться к воспоминаниям Криспина, когда позволяла себе углубиться в этот закоулок своего разума; она знала все, что было известно ему, знала и то, что он когда-либо чувствовал. Но в кошмарном месиве зла и грязи, наполнявших его мысли, все-таки можно было отыскать один-единственный просвет, где слышалось дыхание надежды, веры во что-то хорошее. И чувства эти были связаны с его дочерью. Эту сторону своей жизни Криспин держал в секрете, оберегал ее от чужих глаз, старался не замутить. Чистота эта обитала в недрах его существа словно призрак, оплакивающий ставшую на тропу зла душу Криспина. Само присутствие ее в нем бросало Кеит в дрожь, потрясало, заставляло гадать, что случится, когда дверь откроется и реальная, а не сотканная из воспоминаний дочь войдет в этот светлый покой, который соорудил для нее отец. Родится ли из этой встречи добро или наружу неудержимым потоком выхлестнется зло? Сумеет ли крошечный лоскуток любви впитать целое море ненависти?

— Но я знаю, — ответила Кеит, не желая вдаваться в подробности.

— Ты все равно сделаешь все по-своему, — с горечью сказала Элси. — И вероятно, все мы умрем из-за твоей прихоти. Только у наших погребальных костров некому будет молиться... никто не оплачет нашу смерть.

Она повернулась и пошла назад — к башне, в которой находилась лестница, ведущая наверх стены. Кеит недолго задержалась, глядя вслед сестре, а затем тоже направилась к дому. Вместе с Дугхаллом и Яном следовало продумать оборону Дома, а времени на это оставалось немного.

Глава 34

В Хеймаре не было улицы шире, чем похожая на грязную реку Прибрежная, не было никаких мощеных дорог, тротуаров, да и просто приятных глазу местечек, где грязь уступала бы место твердой дороге или скошенной траве. Весь город казался огромным свинарником; похоже, никто здесь не задумывался над тем, что нужно сделать, чтобы люди могли ходить, не утопая в вонючей жиже, и тем более никто не собирался ничего менять.

Разглядывая корабли, Ри, Янф и Джейм шагали по грязи от одного конца гавани к другому. Большинство парусников, стоявших на якорях чуть вдалеке от пристани, можно было назвать

кораблями-бродягами, скитающимися от одной гавани, где удавалось загрузиться товаром, до другой — той, где его купят. Такие корабли возили и переселенцев, уезжавших из плотно обжитых центральных районов Иберы, — подальше от бедной выветренной почвы ее северных земель, от бесконечных запросов и нужд Калимекки, жемчужины цивилизации. Стояли в гавани и суда работорговцев, доставившие новых работников для владельцев поместий на Новых Территориях. Те из рабов, кто не найдет здесь хозяев, будут отправлены в осваиваемые земли Галвейгии, Новой Касперы или Сабиренского перешейка — рубить лес, добывать руду и драгоценные камни. Лишь на одном корабле был поднят посольский флаг, принадлежавший Семейству Масшенков, — знамя Брельста, места наибольшей концентрации власти этой Семьи. По большей части стоявшие на якорях суда были вполне способны преодолеть кроткое нравом Дельвианское море, но Брежианский океан, повторив подвиг «Кречета», смогли бы лишь единицы.

Подходящий экземпляр обнаружился у западной оконечности бухты — отличный корабль сабиренской работы, трехмачтовый красавец, свежевыкрашенный в цвета морской волны и синего неба, самыми дорогими из красок, сверкающий медью, блистающий парусами, сшитыми, как наметанным глазом определил Ри, из шелка, и отливающий свежей позолотой на носовой фигуре в виде кречета. Декоративная раскраска мачт, палубных надстроек и бортов говорила о времени, проведенном в Вархиисе, среди народа Ко Патос, известного своей ловкостью в работе с деревом, ибо сабиренские корабли традиционно избегали окрашивания судов, предпочитая красоту естественной структуры дерева, подчеркнутую ручной полировкой. Корабль этот являл собой воплощенное противоречие: у него не было ни названия, ни флага, хотя облик судна свидетельствовал о богатстве, достойном королей. Разодетый в шелка и бархат экипаж состоял как из людей, так и из Увечных. Дорогие одеяния смотрелись на моряках иначе, чем на людях привычных к богатству, скорее свидетельствуя о том, что богатство свалилось на них внезапно... Создавалось впечатление, что, раздобыв где-то внушительную сумму, они скупили все яркое и дорогое, что подвернулось под руку, не имея никакого понятия о вкусе и стиле.

Радужной красотки со снежными волосами на палубе не было видно, но Ри уже не сомневался, что корабль этот и есть «Кречет», а женщина, которую он видел, принадлежала раньше к обслуге этого судна.

В последний раз осмотрев судно, Янф мотнул головой.

— Как шлюха в рабочей раскраске, — сказал он. — Ян говорил, что мятежники увели корабль, полный первоклассных предметов Древних. Я бы сказал, что измена озолотила их.

Джейм, посмотрев в сторону, заметил:

— Мы привлекаем к себе ненужное внимание. Думаю, нам следует изобразить, что мы не нашли того, что ищем, и двинуться дальше.

Ри тоже не считал нужным задерживаться здесь. Теперь он знал, где стоит судно и кто находится на борту. Они повернули назад — в город, к гостинице, ожидавшей их комнате и обещанной бане с чистой и теплой водой.

Навстречу им шла женщина, одетая по моде Хеймара, которая предполагала отсутствие всякого стиля: резиновые сапоги выше колен, плотные домотканые брюки, заправленные в них, и бесформенный плащ с капюшоном, прикрывавший и волосы, и одежду, и оружие, которое могло оказаться при ней. Однако особа эта обладала несомненной красотой, так что даже ее уродливая одежда приобретала некую привлекательность. Улыбнувшись, незнакомка спросила:

— Это ведь вы остановились в «Долгом отдыхе»?

Произношение ее наводило на мысли об элегантных гостиных, негромкой и приятной музыке, роскошных шелках, неторопливых танцах, изысканных блюдах, поданных в серебряной посуде вместе с золотыми ножами и вилками. От нее пахло жасмином и мускусом.

— Да, — ответил Ри, постаравшись избавиться от настороженности в голосе, и поклонился с легкой улыбкой на губах.

— В таком случае вас приглашает к своему столу капитан корабля «К'хбет Рху'уте» Й'таллин. — Она выделила голосом чужеземные слова, явно не являясь природной носительницей языка, на котором говорил капитан судна.

— Я не знаю ни капитана Й'таллин, ни корабля с названием «К'хбет Рху'уте», — ответил Ри, — и хотя, безусловно, польщен приглашением вашего капитана, не могу представить, почему он решил почтить им меня.

В глазах женщины промелькнуло удивление, которое она постаралась скрыть за привычно вежливыми словами.

— Я всего лишь первая наложница капитана и в таковом качестве не располагаю сведениями о причинах вашего приглашения. Могу лишь сказать, что, если вы решите принять предложение, носилки для вас будут поданы к дверям «Долгого отдыха» при первом ударе колоколов в начале стоянки Дард. А пока я отдам вам подарок капитана.

Она вложила в руку Ри резную деревянную шкатулочку, обернутую проволокой-головоломкой и лентой так, как было принято среди Пяти Семейств... открыть ее будет непросто.

Приняв подарок, Ри вновь поклонился женщине.

— Я самым внимательным образом обдумаю приглашение вашего капитана, — сказал он.

— Тогда надеюсь увидеть вас сегодня еще раз. — Она блеснула ослепительной улыбкой, и на мгновение плащ ее распахнулся, открыв молочную кожу и тугие высокие груди под прозрачной шелковой блузой... Шею женщины охватывала красивая золотая цепь с эмблемой Масшенков.

— Надеюсь на более близкое знакомство с тобой, — тихим голосом произнесла она так, что услышать ее мог только Ри.

Плащ вновь укрыл ее грудь, женщина повернулась и, чавкая сапогами по грязи, направилась прочь, разрушив столь низменными звуками ауру тайны и волнения, которую ей удалось создать за короткое время разговора с молодыми людьми.

Ри улыбнулся.

— Приятная штучка, — заметил Янф. — Особенно для постели.

Джейм фыркнул:

— Мне показалось, она из тех штучек, что готовы продать собственную бабушку каннибалам, если только ей предложат хорошую цену.

Янф все еще смотрел вослед незнакомке:

— Какая наложница может поступить иначе? Я просто хотел сказать, что между двух простыней и в своем натуральном виде она представляет собой весьма лакомый кусочек.

Укоризненно взглянув на Янфа, Джейм покачал головой и повернулся к Ри:

— Ну так, мы принимаем это предложение?

Ри изучал шкатулку:

— Я еще не решил. Сейчас лучше вернуться в гостиницу и посмотреть, что за подарок прислал нам этот капитан.

Проволока-головоломка, красивыми и бесовски сложными витками охватывавшая шкатулку, не торопилась раскрывать свои секреты. Прежде чем Ри удалось добраться до шкатулки, он успел обнаружить еще три подарка. Первым оказалась великолепная жемчужина, непривычно отливавшая голубизной, но, впрочем, не слишком большая. За ней последовал кусочек прозрачного белого камня, превращенный искусным, весьма терпеливым и располагавшим уймой свободного времени резчиком в точное подобие плодового дерева со всеми его веточками и листиками. И наконец, в руках молодого человека оказалась серебряная монета, никогда ранее не виденная им. Она была не больше подушечки его мизинца и — как и каменное деревце — отличалась на удивление подробными деталями рисунка. С лицевой стороны монеты на него смотрела женщина, глаза которой наполовину прикрывали тяжелые

веки, а полногубое, овальное лицо казалось одновременно и величественным, и соблазнительным. На оборотной стороне крылатый мужчина, нагой и могучий, держал в руке лук и что-то похожее на бутылку. Оба изображения по краю монеты были окружены надписями, слишком мелкими для глаз, но даже если бы их и можно было прочесть, Ри все равно не угадывал ничего знакомого в очертаниях букв.

Втроем они рассматривали крошечные раритеты и непонимающе переглядывались друг с другом.

Ри пожал плечами:

— Ума не приложу, как следует расценивать все это. Есть какие-нибудь предположения?

— Пока нет, — ответил Джейм.

Янф проявил немного фантазии:

— Капитан намекает тебе на то, что мал словно комар, располагает очень небольшой суммой денег и хочет приобрести садик у моря. Или... или... — он ухмыльнулся, — похоже, что никаких идей у меня на самом деле нет.

На самой шкатулке не оказалось никаких видимых щелей, очевидно, это тоже была головоломка, на удивление красиво изготовленная из целой дюжины сортов дерева, украшенная геометрическими узорами из слоновой кости и крошечными, усыпанными цветами лианами из зеленого дерева и перламутра. На каждой из шести граней шкатулки был изображен цветок, окруженный лианами, опутывавшими также и узор из слоновой кости. Прекрасным подарком могла стать уже сама шкатулка, однако внутри нее что-то гремело, и предмет, находившийся там, был тяжелее дерева.

Ри пытался открыть ее самыми разными способами: он стучал по углам, пытался сдвинуть панели вбок и, наконец, принялся нажимать на цветки в центре граней. При этом он обнаружил, что каждый из них при нажатии чуть погружался в глубь панели. Однако, прикасаясь к любому из них, он неизбежно выталкивал назад все остальные.

— Принести кирпич? — предложил Янф. — Разобьем, и незачем ломать голову.

Изогнув бровь, Ри посмотрел на друга:

— Не торопись. Все в порядке. Просто надо подумать.

Он повозился со шкатулкой еще немного, но так и не добился успеха. Джейм, заглядывавший через плечо Ри, наконец заметил:

— Кажется, я понял, в чем дело.

— Проклятие, а я еще нет!

— Попробуй нажать цветы в порядке их цветения.

— В порядке цветения? — Ри посмотрел на друга. — И в каком же пекле я узнаю этот порядок?

— Здесь изображены цветы, обычные для садов Калимекки.

— И сколько, по-твоему, времени я провел в этих садах?

Джейм протянул руку:

— Можно мне?

Ри молча подал ему шкатулку.

— Шелкоцвет, расцветает ранней весной, — сказал Джейм, нажимая на один из цветков и поворачивая куб другой гранью. — Ночная Капель — в конце весны. Потом, примерно через две недели, Сердце Милого — в начале сезона дождей. Климиптера, она же Янычарская Роза, цветет сразу после Сердца Милого — весь остаток сезона дождей. А потом идет Коровий Стебель — как раз когда начинается сухой сезон. — Палец Джейма прикоснулся к последнему цветку. Остальные пять на сей раз остались утопленными. — Последний цветок — это Холодные Шлепанцы, он расцветает на рассвете в самое прохладное и сухое время года. — Он передал шкатулку Ри. — Подарок твой, тебе и открывать.

— Когда-нибудь тебе придется рассказать, каким образом тебе удалось понять это, — вздохнул Ри.

Он нажал на последний цветок, и шкатулка моментально рассыпалась на части в его руке. На ладони Ри, кроме шести деревянных пластинок, оказалось золотое кольцо, широкое и массивное, украшенное безупречным сапфировым кабошоном, размером с яйцо королька. По всему окружью шел причудливый узор: на кольце извивались точно такие же лианы, как и на шкатулке, а из-за них выглядывали обезьяны.

— Добрые боги, — сказал Янф. — На деньги за это кольцо можно объехать полсвета. Зачем капитану делать тебе такой подарок?

Ри покачал головой и закрыл глаза. Неуловимый запах щекотал его память. Он поднес ладонь с подарком к лицу и принюхался. Пахло различными сортами дерева, клеем, смолой, пальцами человека, который последним прикасался к кольцу... у них был другой запах, чем у рук, державших шкатулку. Ри вдохнул запах через приоткрытый рот, распробовал его нёбом, а затем вновь потянул носом.

Слабый, слишком слабый запах прятался за ароматами дерева и смол, но тем не менее он существовал.

Ри лизнул дерево — в том месте, где запах казался сильнее, надеясь, что вкус поможет ему разгадать эту загадку. Наконец, разочарованный, он открыл глаза и увидел, что друзья смотрят на него с нескрываемым любопытством. В конце концов они знали о его двойной природе.

— Ну что? — спросил Янф.

— Ничего определенного. Запах кажется мне отчасти знакомым, но он настолько слаб, что я не могу определить его.

— Знакомый? Ты думаешь, нам грозит опасность?

— Нет, но приготовиться к неприятностям все же не помешает. Неплохо бы понять, что означает этот дар. Жемчужина, дерево, монета и кольцо... унылые боги, даже сама шкатулка. У меня такое чувство, что они должны что-то означать, но я слишком туп, чтобы понять это. — Он взглянул на Джейма. — Ты понял смысл цветов, может, найдешь и в этом какую-нибудь схему?

Джейм вздохнул:

— Ну... возможно. Жемчужины всегда символизировали нечто, прячущееся под множеством наслоений. Сними верхний слой жемчужины, и ты получишь жемчужину новую, столь же совершенную, но меньшую. А под ней скрывается третья, под этой четвертая — и так далее, пока ты не достигнешь центра. Ну а то, что она голубая... — Он развел руками. — Не знаю. Многие приписывают различные значения драгоценным камням и их окраске, но я никогда не уделял большого внимания подобным вещам. Что может символизировать голубая жемчужина, я даже не представляю.

Ри перевел взгляд на Янфа, и тот немедленно фыркнул:

— Мне сказать нечего. Я покупаю драгоценные камни не для того, чтобы передать с их помощью какую-нибудь дурацкую мысль. Я покупаю камни потому, что они мне нравятся. И нравится, как они смотрятся на мне... или на девушке, которой я их дарю.

Ри снова посмотрел на Джейма.

— Резное плодовое дерево... я думаю, что оно намекает на герб Сабиров — если предположить, что даритель действительно что-то знает о нас.

— На гербе Сабиров два дерева, одно из них дает добрый плод друзьям Семьи, а второе отравленный плод, предназначенный для врагов Сабиров. Какое же из них?

— Будем считать его плоды ядовитыми, пока не окажется наоборот, — предложил Янф.

Джейм кивнул в знак согласия.

— Теперь монета... я абсолютно не понимаю ее смысл. Возможно, знаком является одно из двух изображений, но, быть может, здесь важно то место на шкатулке, где ты ее нашел, или время, потраченное на то, чтобы найти ее. — Он вздохнул. — Шкатулка и кольцо вызывают у меня равное недоумение. Они, несомненно, дополняют друг друга, но я не вижу в них никакого смысла. Можно сказать лишь то, что лицо, пригласившее тебя сегодня на обед, располагает состоянием, позволяющим делать подобные подарки.

— Ну хорошо. — Ри встал, сжимая в руке лишь шелковый платок — детали шкатулки и все подарки остались лежать на тонком матрасе, покрывавшем его кровать. — Но я так и не решил, как нам поступить.

— По-моему, надо принять приглашение, — сказал Янф. — Но придется прихватить с собой оружие.

— Что касается меня, то я должен буду пойти. Смущает меня другое: брать ли мне вас с собой или нет — ведь все мы можем попасть в ловушку, — или же оставить вас обоих здесь, чтобы вы пришли мне на выручку, если со мной что-нибудь случится. При этом я прекрасно понимаю, что, если я влипну, вы можете и не суметь пробиться ко мне. Кроме того, я не уверен, что приглашение относится и к вам.

— Тем больше причин взять нас с собой, когда пойдешь. Если они хотят захватить тебя врасплох, не следует давать им подобной возможности.

Ри принялся расхаживать по комнате:

— Не знаю, что делать.

В этот момент кто-то постучался к ним. Ри приоткрыл дверь и увидел Келджи, жену Шраббера.

— Ванна готова, — сообщила она. — Только поторопитесь, вода достаточно теплая, но она быстро остывает. — Она застенчиво улыбнулась. — Я приготовила для вас занавеску и по кувшину горячей воды для каждого, если захотите.

Ри бросил свой шелковый платок на постель.

— Я готов, — сказал он. Его положение в Семье давало ему привилегию первым погрузиться в чистую воду. — Останьтесь здесь, пока я не вернусь.

Взяв с собой смену одежды, он разделся на кухне и только тогда понял, что он здесь не один. Из кладовой доносились женские шепотки. Но Ри не стал оглядываться по сторонам. Вместо этого он потянулся, изобразил зевок и несколько раз прогнулся, сложив руки за спиной, якобы разминая хребет. Телодвижения эти были вознаграждены восхищенными вздохами, и Ри узнал голоса. Это были горничная и девушка, подававшая им вчера в таверне.

Он комком бросил грязную одежду у печки, так как заранее договорился с Келджи, чтобы одна из служанок выстирала все это, и шагнул за подвешенную поперек кухни занавеску. Ванна была достаточно просторной, и Ри с удовольствием отметил, что ее только что вычистили. Он попробовал воду. Слишком горяча, но это никогда его не смущало. Ри погрузился в ванну и усмехнулся, прислушиваясь к голосам горничной и служанки, перешептывавшихся в кладовой.

— У него прекрасные плечи, правда?

— И ноги хорошие.

— А зубы... белые-белые... Ты видела, как он улыбался?

Ри не торопился мыться, наслаждаясь преувеличенными похвалами его внешности.

— А какой он сильный... интересно, откуда у него этот шрам?

Взяв оставленный возле ванны пустой кувшин, Ри зачерпнул им воды, полил на голову и намылил волосы мылом, также оставленным Келджи. Смывая пену, он пропустил продолжение разговора. Когда уши его освободились от воды, Ри услышал голос одной из девиц:

— Когда ему потребуется горячая вода, я понесу ему.

— Ты уже раздеваешься?

— По-моему, ему понравится компания в ванне.

Ри застыл. Их восхищение не смущало его, но он совершенно не хотел компании в ванне. Ри понимал, что если девица явится к нему обнаженной, а он отвергнет ее прелести, она вполне может обвинить его либо в склонности к маленьким мальчикам и будет потом подкладывать ему всякие гадости в постель и еду, либо завопит о том, что он решил ее изнасиловать, и тогда уж им точно придется перебираться в другую гостиницу. Если только местные жители не учинят над ними расправу, а с подобным предположением всегда стоило считаться.

Он выбрался из воды, вытерся грубым полотенцем, также предоставленным Келджи, и торопливо натянул брюки, нисколько не думая при этом о красоте. Ри не стал утруждать себя надеванием носков, ботинок, нижнего белья и рубашки. Затянув шнурки штанов, он поспешил из кухни, стараясь не слышать разочарованного шепота за спиной.

Джейм разглядывал устройство шкатулки-головоломки и — когда Ри вошел в комнату — посмотрел на него полными изумления глазами:

— Ты что-то быстро искупался, Ри. Вода, должно быть, ледяная.

— Вода была идеальной. Просто мне не понравилась компания.

— Какая... компания?

— Должно быть, я слишком переплатил за купание. Хозяйка решила предоставить, помимо всего прочего, еще и девицу.

На лице Янфа появилось радостное выражение.

— Да ну?

Ри описал разговор двух прятавшихся в кладовой девушек.

— И ты не остался?

— Разве можно сравнить их с Кеит?

Янф со всей строгостью взглянул на него и сказал:

— Но мы с Джеймом не имеем ни малейшего представления об их присутствии там, ведь так?

Джейм улыбался самым не свойственным ему образом.

— А мне понравилась служанка, — мечтательно сообщил он. — Хорошенькая, полненькая, и попа круглая.

— Не утруждай себя — предложил ему Янф. — Я справлюсь с ними обеими.

— Решайте сами, кто из вас пойдет первым, — усмехнулся Ри. — Только не задерживайтесь там: у нас нет ни малейшего представления, что ждет нас сегодня вечером. Кроме того, не забудьте про колокола: я не хочу опоздать.

— Значит, мы идем? — спросил Джейм.

— Да, думаю, идем. С тем, что нас ждет, наверняка легче будет справиться втроем, чем в одиночку.

Ри стащил с себя брюки и на сей раз оделся более тщательно. Одежда его не была изысканной: нарядное облачение не соответствовало бы той роли, которую он играл здесь. Всего лишь чистый и не слишком поношенный костюм: кожаные брюки, мягкая бледно-зеленая полотняная рубаха и темно-зеленая, тоже кожаная, куртка. Довершала наряд зеленая широкополая фетровая шляпа, с медными безделушками на ленте.

Одевшись, он сел перед подарками, полученными от наложницы неведомого капитана, и попытался понять, что, собственно, должны означать эти дары. Думать пришлось долго. Когда Джейм и Янф вернулись, прошло уже больше стоянки. Оба они казались посвежевшими и весьма довольными собой.

А он по-прежнему знал не больше, чем в тот миг, когда получил от незнакомки приглашение и подарки.

Глава 35

Криспин и его люди, заполнившие аэрибль, летели над городом. Оружие звякало о металлические скамьи, ранцы были сложены на полу. Все сидели в молчании, прислушиваясь к урчанию двигателей, неторопливо приближавших десант все ближе и ближе к Дому Галвеев.

Криспин смотрел на город, скользивший внизу. Лишь слабые огоньки светили на улицах под пеленой дыма, шедшего от несчетных погребальных костров. Какую же цену пришлось заплатить Калимекке за уничтожение Зеркала Душ? Погибла, должно быть, большая часть населения города, включая почти всех членов его собственной семьи. И чего ради? Знание не исчезло. Он мог — и он сделает это — изготовить новое Зеркало сразу, как только вернет назад свою дочь. Он еще станет бессмертным, он еще пройдет по земле Матрина в качестве бога и будет ходить по ней до скончания вечности.

Но Ри и его девка вместе с этим своим дядей в долгу перед ним не только за похищение дочери. Как только Алви окажется в безопасности, они сполна заплатят ему за все.

— Сколько еще осталось, Эйоуюэль? — крикнул он.

Пилот повернулся к Криспину:

— Мы уже рядом. Вы можете убедиться в этом, взглянув в мое окно.

Дым, окутывавший долину, не дотягивался до Дома Галвеев. Здание прилепилось к горе, словно к острову, окруженному белыми морскими водами... бесстрастный лунный свет ложился на его угрюмые стены, казавшиеся в ночи руинами. Ни одного огонька не было заметно в окнах дома. Но Криспин знал, что враги его скрываются именно там, где умерло Зеркало Душ, откуда вырвались на волю его чары. Здесь его ожидала добыча: робкие, прячущиеся во тьме кролики, ждущие, когда волк разроет их нору.

Криспин облизнулся. Язык его уже ощущал вкус их крови; в будущем для этих людишек не было места. Среди своих солдат он один-единственный оказался без оружия — он сам станет своим мечом. Но это потом, а пока главное — безопасность Алви. Как только ей перестанет угрожать опасность, он позволит себе стать Карнеем, даст закипеть крови, разрешит собственной шкуре Трансформироваться. Он целиком предастся экстазу и безумию убийства. Отмщая за Алви и за себя самого, он насладится смертью людей, столько навредивших ему.

— Нужно спустить людей на канатах, — снова повернулся к нему пилот. — У нас есть только один шанс причалить, и если они не сумеют этого сделать, то разобьются о стены или свалятся с утеса.

Криспин кивнул. Подобранные пилотом люди, умеющие действовать ночью и обученные для выполнения опасных миссий, вроде предстоявшей им теперь, встали со своих мест и через люк выбрались наружу, в ночь, к якорным канатам, сложенным на окружающем гондолу трапе. На каждом из них были плотные кожаные перчатки, кожаные штаны, прочные куртки и тяжелые сапоги. По сигналу Эйоуюэля они бросили вниз канаты и, обхватив их ногами и руками, скользнули вниз.

Эйоуюэль позволил себе короткую и злую усмешку, глянув на удаляющуюся спину Криспина. Он провел не один месяц в трудах, дожидаясь этой ночи и этой возможности. Он изображал верность, не поднимал головы и работал на нового хозяина словно трудолюбивый осел, не забывая при этом во время тренировочных полетов устраивать несчастные случаи для ненадежных людей: так чтобы верные ему не понесли никакого ущерба. Хороший пилот всегда мог это сделать.

Теперь будущее их зависело от численности и неожиданности. Преимущество в числе людей было на стороне Криспина. Однако — быть может — фактор неожиданности перевесит его.

Кеит, Дугхалл и Ян наблюдали за воздушным кораблем, стоя у двери на первом этаже. Кеит услышала звук приближающегося аэрибля еще до того, как он поднялся над облаком дыма, словно пловец, вынырнувший, чтобы глотнуть воздуха. И когда она воочию увидела воздушный корабль, во рту ее пересохло, а сердце отчаянно забилось. Все трое были готовы к сражению — так, как могут быть готовы трое солдат к натиску целого войска, подступающего к их укреплению, когда не известны ни число врагов, ни их реальная сила.

Криспин укрыл своих солдат от магии, и теперь Дугхалл не мог разрушить защитные чары, даже если бы захотел это сделать. По его мнению, мертвецы дома Галвеев по-прежнему должны были защищать живущих в нем, но силу усопшим давало жертвоприношение плоти, которой они не получали уже давно — если не считать дряхлых останков Алариста. Значит, мертвецы окажутся бессильны против врагов. Но Дугхалл и не ждал от них особой помощи, полагая, что они сумеют разве что немного замедлить продвижение Криспина и его отряда по дому. Впрочем, могло оказаться, что они теперь не способны даже на это.

Аэрибль медленно приближался, моторы его ровно жужжали. Оказавшись над посадочным полем, пилот разом выключил двигатели по одному из бортов машины, развернувшись при этом так, что аэрибль продолжил свое движение, но уже кормой вперед. Потом он снова запустил моторы и внезапно, выбрав точный момент, остановил их все сразу. Спустя мгновение под брюхом аэрибля повисли люди, раскачивающиеся на причальных канатах, словно паучата под телом матери-паучихи.

Кеит едва могла дышать.

— Я знала лишь одного пилота, умевшего так управляться аэриблем. Он хотел научить меня этому способу причаливания, очень и очень сложному. И этот же пилот принадлежал к числу немногих храбрецов, готовых к ночным полетам.

Ян и Дугхалл смотрели на нее, ожидая продолжения.

— Его зовут Эйоуюэль, — сказала она. — Он — мой друг.

— Тот самый крепкий молодой рофетианец, который вез нас из Халлеса и с которым мы и остальные пленники Сабиров бежали из нашей в тюрьмы на следующее после пленения утро?.. Да. Я отлично помню его, — кивнул Дугхалл. — Кажется, я отчитал его тогда за то, что он учил тебя летать на аэрибле. Боюсь, что он не слишком тепло вспоминает обо мне. Но теперь весь вопрос в том, с какими чувствами он вспоминает тебя.

Он искоса бросил взгляд на Кеит.

— Я бы доверила ему свою жизнь.

— Даже теперь? Когда он везет к твоему дому людей, которые хотят убить тебя?

— Всю свою жизнь, — повторила она.

— Ну, ладно, — задумчиво произнес Дугхалл, — возможно, это и неплохо. Полагаю, это действительно неплохо. Если мы сумеем пробиться к нему, быть может, он вытащит нас отсюда. Иного способа спастись в этих обстоятельствах у нас нет. Я уже насчитал сорок человек на причальных канатах, но аэрибль может вместить в три раза больше. По-моему, Криспин Сабир действительно решил расправиться сегодня с нами.

В окошко заложенной на засов двери было видно, как люди Сабиров легкими и полными изящества движениями соскальзывали с веревок на землю и бежали к кабестанам. Буквально через мгновение они закрепили канаты на барабанах и принялись крутить их, притягивая аэрибль к земле.

— Хорошая работа, — сказал Ян, извлекая меч из ножен. — Я еще не видел таких людей, которые могли бы так ловко посадить этот корабль. Умереть от рук таких мастеров не стыдно.

— Эта мысль не вселяет в меня радости, — ответил Дугхалл. — Когда кости мои были стары, они чувствовали в смерти друга, который скоро заберет мою душу и тем самым покончит с их страданиями. Теперь они снова молоды, и я вожделею жизни, как юноша близости со своей барышней.

— Тогда обними свою неверную красавицу за все ее мягкие места и держи покрепче, — негромко сказала Кеит. — Они уже идут сюда.

Криспин спрыгнул на землю посреди отряда солдат. Он хотел войти в дом в человеческом обличье, чтобы встретить дочь, будучи человеком, а не зверем. Он хотел, чтобы она полюбила его, чтобы поняла, что он пришел именно за ней, что он готов ради нее на все, даже с риском для жизни. Карнеем он станет потом — чтобы отомстить, и Алви не увидит этого. Он не позволит ей узнать темную сторону его природы. Дочь станет его сокровищем, нежно лелеемым и бережно хранимым, и когда-нибудь они вместе сделаются богом и богиней.

Его дочь, плоть от плоти его.

Он шагал по нескошенной траве посадочного поля, мимо своих солдат — те уже расходились во все стороны, осматриваясь.

Пилот, как ему было приказано, остался ждать на земле возле аэрибля — на всякий случай, чтобы не бросил, запаниковав, войско Сабиров на вражеской территории, если их по-

ложение вдруг осложнится, — но тем не менее достаточно близко к кораблю, чтобы в случае экстренной необходимости можно было быстро запрыгнуть внутрь и увести аэрибль. Рядом с пилотом находились двое из личной охраны Криспина в качестве гарантии его верности.

Эйоуюэль занял свое место возле трапа аэрибля и приготовился ждать.

Телохранитель Криспина Гуибиаль оглядывался по сторонам слева от него, справа стояла манарканка Илария — оба они были самозабвенно преданы своему господину, верность Криспину проглядывала во всем их облике, в каждом движении и, казалось, ощущалась даже в каждом их вздохе. Уговаривать их изменить Криспину можно было с тем же успехом, как и просить задержаться на небе уходящее солнце. И хотя эти люди были симпатичны Эйоуюэлю своей доблестью и отвагой, воевали они тем не менее не на той стороне. Они были врагами.

Рядом находились и двое рядовых — один возле Гуибиаля, другой не отходил от Иларии.

— А я думала, что возле аэрибля должны остаться только мы двое, — сказала Илария своему напарнику.

Ответила ей Хикселия, еще одна из манарканских воительниц, служившая в пехоте Семьи Сабиров:

— Парат Сабир в самое последнее мгновение решил укрепить этот пост... он сказал, что чует нюхом что-то затаившееся здесь, хотя при чем тут нюх, я не понимаю. Он сказал, что мы должны смотреть во все четыре стороны и ни при каких обстоятельствах не позволять никому добраться до пилота.

Личные охранники Криспина обменялись понимающими взглядами. Гуибиаль нахмурился:

— Зачуял что-то, так он сказал?

Второй из подошедших рядовых, Щульскотер, подтвердил:

— Так он и сказал. Ты не знаешь, что это может означать?

— Это означает, что мы должны смотреть во все стороны и держать глаза широко открытыми, — ответила Илария. — Когда парат Криспин чует беду, это неспроста.

И все четверо, окружив пилота, принялись исполнять приказ. Эйоуюэль улыбнулся.

Когда войско пересекло половину поля перед Домом, один из солдат вдруг вскрикнул и упал на землю. Буквально через мгновение на животах лежали и все остальные, а кто-то из телохранителей толкнул Эйоуюэля — носом в высокую траву. Он повалился, издав недовольный возглас, но улыбка его сделалась еще шире. Вдали послышались новые крики, где-то поблизости

зашелестела трава, и раздались два глухих удара, за которыми последовали два негромких стона.

Припав лицом к земле, Эйоуюэль ждал сигнала. Все шло вроде бы по плану, однако он до самого последнего мгновения не мог знать, кто преуспел — его враги или союзники. Его люди были отважны, внезапность играла им на руку, однако гарантии здесь не мог дать никто. Криспина окружали закаленные в битвах ветераны, служба у него была им выгодна, и он мог рассчитывать на верность своего воинства.

Вдали звенели мечи, раздавались вопли раненых и — возможно — умирающих, и Эйоуюэль принялся молиться о том, чтобы смерть миновала его людей. Лучше будет, впрочем, если вообще никто не погибнет, но если кому-то суждено умереть, пусть это будут солдаты Сабиров.

Звуки боя умолкли. Металл больше не ударял по металлу, никто не кричал, не ругался и не проклинал врага. Притихли даже стоны раненых, хотя и не прекратились совсем.

Наконец он услышал оклик:

— *Ибадло туоанеат?*

Это была первая строчка рофетианского морского гимна, и в вольном переводе слова эти означали: «Мужи-мореходы, ослабили ль вы объятия брачные?» В данной же ситуации они имели другой, более уместный, смысл и сообщали о том, что заговорщики одолели сторонников Криспина, а сам он взят в плен.

По обеим сторонам от Эйоуюэля раздались облегченные вздохи. Щульскотер выкрикнул:

— *Оома, ама, тома, оора.*

Это тоже были слова песни, смысла они не имели и лишь задавали ритм гребли. Как было заранее условлено, словами этими заговорщики давали понять, что охранявшие пилота люди Криспина больше не представляют угрозы.

Из высокой травы поднялись лишь тайные сторонники Дома Галвеев. Связанные солдаты Сабиров лежали на земле, Криспин Сабир был закован в железные кандалы с колодкой на шее. Он яростно озирался по сторонам, выкрикивал брань, пытался высвободиться, и взгляд его сулил смерть всем окружавшим его. Заметив подошедшего к нему Эйоуюэля, он оскалился:

— Твою голову я насажу на пику первой. Ты взял мои деньги и нарушил Рофетианскую клятву, обязывающую всех вас соблюдать нейтралитет.

— Я не нарушал ее, — спокойно возразил Эйоуюэль. — Твои деньги я принял, потому что мне сказали, что меня убьют, если я не сделаю этого. А Рофетианский кодекс гласит, что мы связаны клятвой лишь тогда, когда даем ее по собственной

воле. Если мы находимся в плену и вынуждены либо поклясться, либо умереть, Тонн разрешает нам спасти свою жизнь. Перед Советом Капитанов я назову себя военнопленным, и меня не только не накажут, но даже не укорят за мои действия.

— Ты никогда не увидишь своих Капитанов. Ты умрешь от моих зубов в твоей глотке.

— Возможно. — Эйоуюэль невозмутимо смотрел на Криспина. — Но ты связан, а я свободен. Так что лучше подумай о своей собственной глотке.

Пожав плечами, он повернулся к своим товарищам:

— Что слышно из дома?

— Пока ничего.

Кивнув, Эйоуюэль снял с себя кинжал и пояс, затем стащил рубаху и сапоги. Оставшись в одних брюках, он сказал:

— Я или скоро вернусь, или умру. И если я погибну, убейте пленника и уходите через главные ворота.

Он направился к главному входу в Дом Галвеев, чувствуя, как колотится в его груди сердце. Легко сказать: я вернусь или умру. Куда сложнее заставить себя идти вперед, зная, что слова эти не пустые и грудь его в любое мгновение может пробить стрела, пущенная из арбалета.

Эйоуюэль поднял руки вверх, ладонями вперед, показывая, что у него нет никакого оружия, нет ничего, кроме суконных брюк на нем и золотого медальона Тонна на шее. Будучи доверенным пилотом Семьи, он знал большую часть Галвейских сигналов и паролей. Он не забыл их, но сейчас все полностью изменилось, и если в Доме Галвеев появились новые пароли и новые охранники, оставалось лишь надеяться на то, что среди них найдется человек, помнящий прежние.

Припав к одной из бойниц возле Дугхалла и Яна, Кеит прислушивалась к звукам стычки, затихавшим на посадочном поле.

— Измена внутри войска Сабиров, — криво усмехаясь, сказал Дугхалл. — Если нам не повезло и победил враг, противник в любом случае уменьшился в числе.

— Скоро мы так или иначе узнаем об этом.

Ян поднялся и взял арбалет на изготовку. Кеит заметила, что он затаил дыхание. Посмотрев на открываемую бойницей узкую полоску поля, Кеит увидела причину его беспокойства. С поднятыми кверху руками к ним направлялся человек, одетый в одни лишь брюки. Зрение Кеит — зрение Карнеи — превосходило возможности Яна... и глаза ее выхватывали из темноты подробности, остававшиеся скрытыми от него. При неярком свете звезд и луны Кеит увидела рофетианские косы, амулет Тонна на шее, старый шрам, белевший на левой стороне груди.

— Опусти оружие, Ян, — сказала она. — Я знаю этого человека.

— То, что ты знаешь этого человека, еще не означает, что он — твой друг, — возразил Дугхалл. — Винсалис...

— Винсалис не знал Эйоуюэля, — оборвала его Кеит. — А я знаю. Если он идет к нам, значит, он остался нашим другом.

— Эйоуюэль. — Дугхалл прикусил губу. — Я готов поверить ему — во всяком случае как парламентеру. А ты не видишь, кто-нибудь идет позади него, целясь ему в спину?

— Нет, — ответила Кеит.

— Я не вижу там вообще никого, — пробормотал Ян. — Кроме того парня, который идет к нам, да и того еле различаю.

Краем глаза Кеит заметила, что он опустил арбалет.

— Твоим глазам не позавидуешь. — И, оторвавшись от бойницы, она спросила: — Ну так что, впускаем его или сами выходим наружу?

— По мне, так пусть стоит перед нами пузом к арбалету... поговорим через амбразуру.

— Я согласен с Яном, — сказал Дугхалл. — Давайте выслушаем то, с чем он пришел, прежде чем принимать решение. Мне кажется, нужно сходить за Алви. Когда он приблизится к нам, она может прочесть намерения и его и солдат, оставшихся на поле.

— Сходи за ней, — кивнула Кеит.

Алви и Элси с детьми прятались в первой осадной комнате, укрытой за тайной панелью в стене, как раз позади главного входа. Комната эта обычно использовалась для того, чтобы владелец дома мог разместить там взвод солдат, если он не доверял своим гостям, но Галвеи, всегда полагавшиеся на собственные силы, никогда не пользовались ею подобным образом. Им она служила в качестве первой из многих тайных кладовых, заполненных продуктами, вооружением и другими необходимыми припасами. Захватчики-Сабиры и разграбили ее первой среди всех прочих.

Дугхалл вышел и вскоре вернулся с девочкой, торопившейся следом за ним. Не говоря ни слова, Алви пригнулась к полу и закрыла глаза, оцепенев всем телом в сосредоточенном напряжении.

— Он надеется, что вы помните старые пароли, — начала она, — потому что он не знает новых. Он запланировал это... внезапное нападение и победил моего отца. Они связали *его* и оставили лежать в высокой траве, посреди целого отряда солдат. *Он* очень зол. — И печальный голосок Алви поведал им о том, что отец ее захвачен в плен людьми, которые, как он надеялся, должны были помочь ему освободить из плена дочь.

— Твой друг не сделает ничего плохого, — обратилась она к Кеит. — Он по-прежнему любит тебя и на все готов ради твоей Семьи — ради памяти о тебе.

— Ради памяти обо мне?

— Он считает, что ты погибла.

— Он что, тоже любит тебя? — спросил Ян с легкой горечью в голосе.

— Но моим любовником он никогда не был, — ответила ему Кеит негромко. — Эйоуюэль всегда оставался лишь моим другом. Это проклятие Карнеи...

— ...гарантирует тебе бесконечную череду мужчин, готовых ради тебя ринуться на клинки мечей, броситься в зубы самой смерти. — Ян чуть повел арбалетом в сторону Эйоуюэля.

А потом опустил его и со вздохом произнес:

— Прости меня, Кеит.

— Я все понимаю. И ты тоже прости меня. — После исчезновения Ри Ян не пытался возобновить любовные отношения с ней. Вплоть до этого мгновения Ян даже не упоминал об их былой связи, и Кеит надеялась, что он сумел справиться с несчастной любовью. Увы, оказалось, что это далеко не так.

— Я хочу видеть своего отца, — сказала Алви. — Когда ты откроешь дверь своему другу, разреши мне выйти и поговорить с ним.

— Это небезопасно, — предостерег ее Дугхалл.

Девочка строго взглянула на него:

— Я не твоя подопечная, и ты не отвечаешь за меня. Я пришла к вам потому, что сама хотела этого. Теперь я хочу поговорить с отцом.

— Я бы посоветовал тебе сделать это попозже, когда все как-нибудь уладится, — настаивал Дугхалл.

Кеит повернулась к нему и положила ладони на плечи дяди.

— Пусть идет к нему. Прямо сейчас. Жизнь слишком неопределенная штука, чтобы полагаться на будущее.

Она вновь вернулась к бойнице.

Дугхалл вздохнул.

Поднявшись по ступеням парадного крыльца, Эйоуюэль остановился на верхней.

— Я пришел сообщить вам, что ваши враги попали к нам в руки и что мы, захватившие их, предлагаем вам свою помощь, — громко произнес он. — В качестве залога своей доброй воли предлагаю собственную жизнь, а еще могу назвать прежние пароли...

При первых же звуках его голоса Кеит начала открывать дверь. И, отодвинув последний засов, сразу же вышла навстречу старому другу. Какое-то мгновение надежда сражалась в его глазах с недоверием. А потом лицо Эйоуюэля расплылось в широкой улыбке, и он воскликнул:

— Ах, Кеит. Ах, Кеит. Ты жива. За такую новость я готов пожертвовать Тонну еще пару жизней.

* * *

Отметив, что Алви скользнула мимо нее и уже спустилась вниз по лестнице, Кеит рассмеялась и ласково обняла Эйоуюэля:

— Мой старый друг, теперь и я должна этому богу по крайней мере одну жизнь. В новом воплощении я, конечно же, рожусь рофетианкой, потому что когда-то поклялась Тонну, что если он позволит мне выбраться из аэрибля целой, а не по частям, посвящу ему целую жизнь. И я часто вспоминала тебя, молилась о том, чтобы ты уцелел. Если это Тонн ответил на мою молитву, я в большом долгу перед ним.

Она отступила назад, когда на крыльце появился Дугхалл.

— Мы можем воспользоваться помощью Эйоуюэля. Сколько солдат ты привел с собой? И сколько взял пленников? — спросил он.

Не отвечая на вопрос, пилот пристально смотрел на Дугхалла.

— Кажется, я знаю тебя. — Он нахмурился, и Кеит уловила недоумение в голосе Эйоуюэля. — Ты, безусловно, напоминаешь мне кого-то знакомого и сам знаешь меня... Клянусь, парат, у меня хорошая память на лица, но твоего я не видел никогда.

— Это дядя Дугхалл, — сказала Кеит. Ей трудно было представить, каким образом можно объяснить внезапную молодость ее дяди, и поэтому она решила воздержаться от подробностей. — Ему пришлось очень многое пережить после вашей последней встречи.

Эйоуюэль лишь изогнул бровь и только улыбнулся, поняв, что она недоговаривает.

— Как и всем нам. А это... — Он повернулся к Яну. — Ян Драклес, капитан «Кречета», — представила того Кеит и повернулась к Яну. — Эйоуюэль фа Аслудки ден Калемеке Тоар. — Она назвала полное имя рофетианца. *Эйоуюэль сын Аслудки, полный капитан.* Первый капитан флота аэриблей Галвеев.

Мужчины не стали обмениваться поклонами, принятыми среди сухопутных людей, они просто кивнули друг другу — равный равному, капитан капитану. Признавая тем самым, что в собственном крохотном мирке каждый из них был королем, избавленным от неприятной необходимости соблюдать светские условности.

Затем Эйоуюэль снова обернулся к Дугхаллу:

— Теперь я знаю, кто ты такой. И мне чертовски хочется как-нибудь услышать, как вышло, что все эти адские годы оказались настолько милостивыми к тебе?

Похоже было, что Эйоуюэль совсем не против продолжить разговор на эту тему, однако, немного помолчав, он ответил на вопрос Дугхалл:

— Своими я могу назвать шестьдесят человек. Мы захватили восемнадцать пленников. Трое из них лейтенанты, один старший сержант и один Криспин Сабир. — С едва замет-

ной улыбкой Эйоуюэль добавил: — И он отнюдь не обрадован своим положением.

— Еще бы, — заметил Дугхалл. — Радоваться тут нечему. — Он с удивлением покачал головой. — Вот уж не думал, что во всей Калимекке может набраться шесть десятков верных Галвеям людей.

— Насчет Калимекки не знаю, — ответил Эйоуюэль.

— Некоторые из них оставили службу Гофтскому Семейству, когда оно вступило в сговор с Сабирами. Некоторые вернулись с Территорий и обнаружили, что все переменилось. Мы собирали этот отряд, ожидая возможности присоединиться к Галвеям, в случае если таковые найдутся. Когда мы начали тренироваться, чтобы быть в любой момент наготове, один из лейтенантов намекнул, что нам предстоит совершить ночную вылазку в Дом Галвеев... и тогда с теми из воздушной команды, кто сохранял верность Сабирам, начали приключаться всякие несчастья на тренировках, или их тошнило во время еды или подстерегали какие-нибудь неприятности на отдыхе. Пришлось проявить изобретательность.

— Значит, у нас сейчас есть и собственное войско, и объект, за который можно запросить выкуп, — подытожила Кеит.

— А Криспин знает сколько человек сейчас в доме? — спросил Дугхалл. И покачав головой, он тут же сам ответил на собственный вопрос: — Наверняка не знает, иначе он не привел бы сюда столько народа.

— Ему не было известно, сколько людей и кто именно находится в Доме Галвеев, поэтому он счел необходимым приготовиться к наихудшему варианту.

— Тогда пусть пленников ведут суда, — кивнув, сказал Дугхалл. — В тюремных подвалах достаточно чисто, и если твои люди выставят стражу...

— Я все сделаю. Мы запланировали и это — как и все остальное. Я распоряжусь. — Эйоуюэль повернулся к своим людям и свистнул.

Отряд, окружавший пленников, тотчас преобразился в длинный прямоугольник, охватывавший колонну солдат Сабиров и замыкавший ее сзади и спереди.

Кеит бросила внимательный взгляд на приближавшийся строй.

— Здесь много женщин, — заметила она.

— В городе полно покойников, еды нет никакой, и деньги не стоят ничего. Содержать вооруженный отряд становится все трудней и трудней. Остаются лишь те, кому некуда уходить и кто никому не нужен. Такие уж сейчас времена.

— По-моему, лучше не пускать их внутрь дома, — негромко произнес Ян. — Что, если среди предполагаемых союзников найдутся предатели? И, попав в дом, они снова перей-

дут на другую сторону. Не окажется ли так, что мы сами открываем двери для врагов?

— Я ручаюсь жизнью за тех, кто присоединился ко мне, — сказал Эйоуюэль.

— Алви тоже говорила, что они на нашей стороне, — напомнила Яну Кеит.

И все же, глядя на шеренгу солдат, марширующую к дому, она ощущала слабый холодок в затылке, словно воочию видела коварное сплетение в переменчивых нитях судьбы. Криспин Сабир, подумала она, спокойно и своими ногами в тюрьму не пойдет... Уж он-то не сдастся так просто.

Алви остановилась возле кольца солдат.

— Отец, — сказала она негромко. — Я пришла.

Она спокойно смотрела на этого мужчину, красавца, ее отца. Строгие черты и светлые глаза были знакомы ей по собственному лицу, Алви ни на миг не усомнилась в том, что перед ней находится ее отец. Глядя на него, она не заметила никаких внешних признаков жестокости и зла, наполнявших душу этого человека. Как легко можно полюбить его. Как легко довериться ему. Не зная его истинной сути, она не испытывала бы никаких тревог и сомнений.

Она коротко помянула недобрым словом народ Семи Обезьян, научивший ее ходить по дороге и слушать ее истории. Она была готова забыть обо всем, что ей стало известно об этом человеке, броситься в его объятия и сказать: *Папа, я так долго ждала тебя.* Во время своего долгого путешествия через море именно так Алви и представляла себе эту встречу. Ей и в голову не приходило, что она увидит отца закованным в колодки и — более того — почувствует облегчение от этого.

— Алви, — сказал негромко Криспин. — Моя прекрасная дочь. Я и не знал, что ты так выросла.

Алви заметила, что глаза его наполнились слезами, он сглотнул и отвернулся.

— Ты очень похожа на свою мать. Она... тоже была очень красива.

— Я надеялась, что мы встретимся... при более приятных обстоятельствах, — ответила Алви, стараясь сочетать в своих словах и искренность, и любезность.

Криспин снова повернулся к ней, и в глазах его появилась насмешка над самим собой.

— Похоже, в данном случае я несколько перемудрил.

Взгляд его обежал кольцо солдат, опустился на руки, окованные металлическими наручниками, и Криспин вздохнул.

Солдаты внимательно следили за ним. Алви старалась держаться подальше от их кольца, ощущая в этих людях

настороженность и растерянность, вызванную ее появлением. Они явно боялись, что она или каким-то образом пробудит ярость в пленном, или попытается освободить его при помощи какой-нибудь хитрой уловки... или что она внезапно извлечет из ниоткуда оружие и начнет стрелять во все стороны. Но девочка замерла на месте, держа руки так, чтобы все могли видеть ее ладони, и не смотрела ни на кого, кроме отца.

— Мне жаль, что я так опоздал, — сказал он. — Прости меня за то, что я не был в гавани и не встретил тебя там. Прости и за то, что ты попала в заложницы и тебе придется страдать из-за меня. Но именно поэтому я отослал тебя когда-то давно из Калимекки.

— Я знаю, — сказала она. — Я...

Алви знала слишком многое из того, о чем не могла даже намекнуть ему. Не могла она рассказать ему и о том, что она не заложница и пришла сюда по собственной воле, потому что хотела избежать встречи с ним. Потупившись, она произнесла:

— Со мной хорошо обращаются, они не хотят мне зла. И они обещали мне, что не причинят тебе вреда.

Криспин расхохотался — с искренним и неподдельным весельем:

— Как любезно с их стороны — дать тебе подобное обещание. Наверно, они так ценят тебя, что не хотят огорчить.

Но смех этот быстро прекратился, и на лице Криспина вновь появились боль и сожаление.

— Они убьют меня. Они должны это сделать, иначе я найду способ убить их.

— Кое-кто из них считает, что за тебя можно получить хороший выкуп.

— Они ошибаются. Никто в Доме Сабиров не будет платить за мою жизнь. Во всяком случае сейчас, когда все стало по-другому. Мой собственный брат, как я полагаю, от радости пустится в пляс в тот самый миг, когда ему станет известно о моей смерти.

Он лукаво улыбнулся, впервые открыто проявляя перед Алви свою сущность — не ее отца, а убийцы, палача... человека, наслаждающегося муками других людей и властью над ними.

— Тем не менее мне бы хотелось посмотреть на это. Переговоры могут оказаться прелюбопытными.

— Я не позволю им убить тебя.

— Алви, *чипиите*, не позволь им убить *себя*.

— Парат, а она действительно ваша дочь? — спросил вдруг один из пленников.

— Молчать, сержант, — приказал охранник.

Криспин посмотрел на сержанта. Мундир этого человека отличался от мундиров других солдат. Кроме него, еще

четверо пленников были в черной форме, а не в черно-зеленой с золотом. Строгость этих мрачных одежд и нечто, затаившееся в глазах четверых мужчин и женщины, заставили Алви поежиться. Ей захотелось прикоснуться кончиками пальцев к земле... послушать, что скажет дорога. Она вдруг почувствовала острое желание узнать, почему эти солдаты казались другими, узнать, почему в глазах этих пятерых пленников не было страха.

— Это моя родная дочь, моя наследница, — ответил Криспин сержанту.

Один из охранников повернулся к Алви и голосом достаточно любезным обратился к ней:

— А теперь возвращайся в дом, дитя. Здесь не безопасное для тебя место.

Алви кивнула, хотя уходить она не хотела. Ей еще нужно было кое-что сказать отцу. Кеит обязательно позволит ей снова поговорить с ним, подумала она. Кеит пообещала, что они не убьют его, если только это не придется сделать в целях самозащиты. Но ведь он не сопротивляется, позволяет стражникам делать с ним все, что они считают нужным, и ничем не угрожает им.

— Я приду в другой раз, чтобы поговорить с тобой, — сказала она. — Обещаю.

Криспин покачал головой:

— Никогда не упускай возможности сказать «прощай», дочка. Я усвоил это, когда был моложе, чем ты сейчас. Кто может дать нам гарантию, что мы встретимся снова? Делай то, что они хотят от тебя... и беги, если сумеешь. Чтобы тебе ни говорили обо мне, сколько бы лжи ты ни услышала, помни, что я пришел за тобой сразу, как только смог. — Голос его сделался мягче. — И помни, что я люблю тебя.

Алви прикусила губу, ей хотелось плакать, и несколько слезинок уже покатилось по щекам, а глаза заморгали, прогоняя их. Отец попал в плен из-за нее. И цепи на него надели по ее вине. Он сказал, что любит ее, и она верила этому... конечно, он не знал ее, но оставил для нее место в своем сердце — не для той, какой она была на самом деле, а какой он ее представлял — и любил, как умел.

— Мне очень жаль, что так случилось, папа, — сказала она. — Тебе нужно молить богов, чтобы они послали нам время как следует познакомиться.

Она отвернулась и пошла к дому.

— Алви, скажи мне «прощай». Если ты не сделаешь этого, возможно, тебе еще придется пожалеть об этом.

Она повернулась и, ощущая комок в горле, сказала:

— Прощай, папа.

— Прощай, Алви.

Девочка повернулась и побрела к дому, пытаясь справиться с нахлынувшими слезами, проклиная свою слабость и возраст.

Тот человек, что вел мирные переговоры с Дугхаллом, Кеит и Яном, вышел на просторную, мощенную камнем площадку перед домом и свистнул. За спиной ее сразу же зазвучали команды и угрозы:

— Эй вы! Живо на ноги!

— Стой смирно, или проткну насквозь!

— Мы идем в дом, и тот из вас, кто шагнет в сторону, споткнется, кашлянет или сделает какое-нибудь подозрительное движение, умрет на месте.

Алви пошла быстрее: она не хотела оказаться на пути колонны пленников. Не хотела, чтобы из-за нее кто-то замедлил шаг или споткнулся. Не хотела стать причиной чьей-нибудь смерти, даже случайной. Сзади затопали ноги, послышались стоны раненых, которых поддерживали те, кто был цел, зазвенели цепи. Алви торопливо взбежала по ступенькам Дома Галвеев, думая лишь о том, чтобы побыстрее убраться с пути пленных.

Но когда солдаты ввели их внутрь дома, в колонне что-то случилось. Кто-то закричал, и до слуха Алви донеслись звон цепей и удары. Под ногами ее холодный белый камень трепетал от близкой боли, стонал от страха, вызванного запахом смерти.

Оглянувшись, Алви увидела, как пленники в черных мундирах сражаются в оковах и без оружия с солдатами охраны. Они использовали сковывавшие их руки цепи одновременно и как щит и как меч. Женщина в черном одеянии упала от удара клинка в грудь... пятно алой крови расцвело на белом камне, как красная роза на снегу. Однако в смертной хватке она держала солдата в черно-зеленом мундире, шея его была вывернута под каким-то невероятным углом, горло сжимала цепь, а застывшие глаза смотрели в те края, что находятся за пределами мира. Двое из черных воинов стояли спиной к спине, невероятно быстро размахивая цепями и отбиваясь ногами от всех, кто осмеливался приблизиться к ним. Цепи успешно отражали удары клинков, и Алви было подумала, что обоих ждет успех, но охранники, расправившись с остальными, яростно набросились на них, подавляя своей численностью.

Наконец, покрытые кровью, оба они упали, крича от боли... крики их превратились в бульканье и вскоре затихли совсем.

В Доме Галвеев внезапно похолодало. Холод, казалось, поглотил все звуки. Леденящее дуновение погасило факел, который кто-то зажег во время этой короткой битвы, и огромный зал погрузился во тьму. И тогда в темном и ставшем вдруг душным помещении вспыхнули огоньки — кровавые светлячки, сперва казавшие-

ся огоньками, зажегшимися в телах павших, а потом превратившиеся в языки пламени, запылавшего в их телах, и наконец преобразившиеся в ослепительные солнца, которые сжигали плоть, кости, волосы и все прочее, оставляя нетронутой лишь одежду — на тех местах, где воины расстались с жизнью.

— Аxx, — кто-то шепнул ей на ухо, и она едва не закричала, но источник звука проследовал мимо. Алви застыла на месте, опасаясь, что, если она шевельнется или скажет хоть слово, это существо обернется и накинется на нее, чтобы сожрать, как сожрало оно трупы.

— Аxx, — вновь донесся до нее тихий шепот. Звук этот не принадлежал к миру живых, напротив, от него пахло мертвой плотью, погребальным костром, надгробным курганом, холодным и мрачным склепом. Медленно, очень медленно, так, что она едва ощущала собственные движения, Алви присела и прикоснулась пальцами к полу. Почувствовав кожей гладкость полированного камня, она закрыла глаза и попыталась услышать голос дороги.

И услышала мысли несчетных покойников, восставших против живущих, разыскивающих тех, кого они при жизни звали своими врагами, ненавидели их и боялись. Они алкали плоти и крови живых врагов, однако чары связывали их, не позволяя причинить людям вред: они не могли ранить или убить, им было разрешено лишь поглощать мертвую плоть.

И Алви поняла, что у нее есть только одно мгновение, чтобы решить, и одно мгновение, чтобы начать действовать. Поднявшись на ноги, она бросилась к отцу. Я люблю тебя, сказал он ей, и истина этих слов была выше всего остального на свете.

— Папа! — закричала она и бросилась к нему, в объятия его закованных в цепи рук, наперекор всем окружавшим их обоих духам усопших. Она крепко прижалась к отцу, а он к ней, и чужие холодные пальцы напрасно пытались разнять их... а когда мертвецы оставили свои тщетные попытки и подняли их на воздух, они лишь сильнее сжали друг друга в объятиях.

Что-то нашептывая, шипя, жалея о том, что не могут разорвать связывавшие их чары, духи Дома Галвеев уносили своих пленников за стены — к зеленым лужайкам, на дорогу, уходящую вдаль от дома, за пределы действия заклинания Дугхалла. И, оставив их там, усопшие отступили.

Алви открыла глаза.

Она и отец ее лежали посреди густых зарослей леса, и земля под ее рукой трепетала, предвещая близкую смерть. А надежная стена Дома Галвеев осталась в стороне от них, и ворота, которые могли бы защитить их, были закрыты.

Глава 36

Носилки прибыли за Ри, Джеймом и Янфом сразу после того, как колокола прозвонили Дард. Вопрос о том, кого пригласили на обед, отпал сразу: за ними прислали трое отличных носилок — открытых и с откидной лесенкой, чтобы не ступать в грязь... каждые из них несли шесть крепких туземцев. Ри уже видел подобные транспортные средства на улицах и знал, что их можно легко нанять, однако, вживаясь в роль небогатого моряка, он полагал, что им предпочтительнее ходить по грязи. И теперь он с радостью уселся в носилки, предвкушая приятную поездку — движение по воздуху над грязью и мерзостью, а не плюханье по отвратительной мешанине.

Носильщики доставили их в гавань, где возле одного из маленьких причалов их уже ожидала великолепная шлюпка с высокими бортами и закругленными резными, покрытыми позолотой штевнями, ярко раскрашенная в красный и синий цвета. Все гребцы, поджидавшие молодых людей, чтобы доставить их к неведомому капитану, были людьми, однако от бортов и скамеек исходил крепкий ящеричный дух Шрамоносцев-Кеши. Ри задумался, пытаясь понять, случайность ли это, или же на корабле действительно имеются представители этого народа, но так ничего и не решил. Сидя в шлюпке, все трое молчали. Их разместили на средней скамье, а гребцы — по двое на каждом весле — орудовали четырьмя веслами впереди них и четырьмя позади.

Как Ри и думал, шлюпка подошла к кораблю, в котором он утром опознал «Кречета». И молодой человек еще раз напомнил себе о том, что называть корабль этим именем вслух не следует ни при каких обстоятельствах. Они заранее обсудили тактику поведения на судне и решили, что показное незнание истинного названия корабля более соответствует их интересам — во всяком случае, до тех пор, пока они не выяснят, зачем капитан пригласил их.

Высокая темноволосая женщина — самая обыкновенная, не Увечная — приветствовала их на палубе у трапа. Поклонившись гостям по вилхенскому обычаю, она произнесла:

— *Саланота.* Меня зовут Катанапалита, и сегодня я назначена служить вам.

Резкий акцент ее свидетельствовал о вилхенском происхождении.

— Если вам что-либо нужно — только скажите, и я все сделаю.

Ри внимательно посмотрел на нее. Пока ничего нового — по сравнению с тем, что было известно ему от наложницы капитана, — он не услышал. Молодой человек поклонился и ответил на основном наречии Вилхены — тагатанском:

— Наши потребности не существенны, а наша благодарность уже велика.

Женщина посветлела лицом и ответила на своем родном языке:

— Значит, вы говорите по-тагатански? Давненько я не слыхала родной речи.

Поклонившись в свой черед, заговорил по-вилхенски и Джейм:

— Когда-то мы с друзьями гостили в вашем прекрасном городе. Мы приплыли туда в пору цветения вишен, когда все улицы были засыпаны розовыми лепестками. Дивная картина.

Произношение у него было получше, чем у Ри.

Женщина широко улыбнулась:

— По мне, так на всем Матрине не найдется места прекраснее, и теперь, повидав мир, я только лишний раз убедилась в этом. — Улыбка ее сделалась печальной. — У меня был когда-то крохотный домик возле храма Зимы Уходящей... стоя у заднего окна, я могла слышать шум водопада и видеть жриц, заботящихся о священных садах.

Ри не стал спрашивать о том, почему эта женщина не может вернуться домой: люди, добывающие пропитание морским делом, нередко избирают подобную стезю лишь потому, что некое случившееся в прошлом событие прогнало их с суши. И мало кому из них хочется вспоминать о том, что они оставили позади. Поэтому он просто сказал ей:

— Надеюсь, прежнее счастье вновь вернется к вам, если вы этого захотите.

Женщина ответила благодарной улыбкой:

— Позвольте провести вас в столовую капитана. Она уже ждет вас.

Трое друзей удивленно переглянулись. Она?

Но Катанапалита уже повернулась спиной к гостям и не видела их реакции. Служанка повела их по добела надраенной палубе, а потом вниз по трапу. Повсюду на корабле Ри замечал на дереве следы прежней оснастки, соединение нового с более старым. Корабль переоснастили недавно... работа была выполнена искусными мастерами, но в общем большая часть переделок носила, так сказать, косметический характер.

Катанапалита привела их к двери, украшенной резными изображениями животных и покрытой толстым слоем позолоты.

— Оставьте свои сапоги снаружи, — сказала она.

Ри увидел устроенную в стене нишу для обуви со следами недавнего пользования ею. Значит, правило это было заведено давно и не ради них троих. Кивнув, он стянул сапоги и поставил их в нишу. Янф и Джейм, чуть поколебавшись, последовали его примеру. Оставшись в носках, они вошли в капитанскую

столовую, абсолютно непохожую на те, что когда-либо случалось видеть Ри. Прикрепленный к полу стол с обычным на судах высоким кантом по краю — чтобы при высокой волне не падали на пол тарелки — вполне мог бы украсить собой любой из великих домов Калимекки. Отполированная до блеска деревянная столешница была инкрустирована столь же тонкими и изящными узорами, как и головоломка, полученная им утром: узкая гирлянда, в которой листья переплетались с цветами, обвивала сценку из жизни затерявшейся в горах деревушки. На каждом листке были видны все прожилки и зубчики, каждая крошечная фигурка на сельской улице имела свое собственное выражение лица, была по-своему одета и занималась каким-то своим делом. Легкие белые волосы этих существ — не людей, а Шрамоносцев, тех, к кому принадлежала и та, которую Ри видел в гостинице, — изображала слоновая кость, а переливы радужной кожи передавал черный жемчуг.

Столешница эта была выполнена настоящим мастером, гениальным художником, и Ри усомнился в том, что капитан позволит поставить на нее даже тарелку.

Однако не только стол привлекал взгляд в этой комнате. Стены ее прикрывала драпировка из бледно-золотого шелка и черного бархата, а толстый ворсистый ковер — удивительно мягкий, со сложным рисунком в виде черно-красного лабиринта на золотом фоне — тонко гармонировал с этими шелками и бархатом. Потолок украшала люстра, отлитая из чистого золота, с изготовленными Древними лампами холодного света, позволявшими обойтись без открытого огня в этом крошечном подобии роскошного дворца. Бледный кипарисовый потолок сверкал полировкой, придавая помещению нарочитую скромность, но и кажущуюся просторность. Довершали впечатление крытые шелком цвета слоновой кости кушетки, выполненные в стрифианском стиле и расставленные вдоль стен.

Пышность. Декаданс. Власть. Комната говорила и о том, и о другом, и о третьем — а еще, подумал Ри, о хорошем вкусе, не замеченном им во внешнем облике корабля.

— Пожалуйста, садитесь, — предложила Катанапалита на тагатанском языке. Ри отметил, что она также сняла свои туфли и заменила их легкими сатиновыми тапочками. Она подала каждому из мужчин по паре тапочек из черной кожи и с поклоном сказала: — Я должна сообщить капитану о вашем прибытии. А пока, если вам нужно что-нибудь, чтобы скрасить ожидание, не стесняйтесь: я охотно исполню вашу просьбу.

— Мы с удовольствием подождем вашего капитана, — громко ответил Ри, опускаясь на одну из кушеток.

Катанапалита одарила их новым поклоном и прикрыла за собой дверь.

— Она даже не попросила нас оставить мечи снаружи, — сказал Джейм.

— Или перевязать их, — фыркнув, добавил Янф.

— Она показалась мне очаровательной.

— Чуточку старовата, на мой вкус. — Янф пожал плечами. — Но все равно пригожая, и ты ей понравился — со своей вилхенской тарабарщиной.

Джейм с деланным возмущением воззрился на друга:

— Неужели, знакомясь с женщиной, ты всякий раз решаешь, хотелось бы тебе переспать с ней или нет, прежде чем оценить прочие ее достоинства?

— Какие другие достоинства могут быть у женщины? — Янф провел пальцем по столу и приподнял бровь. — Джейм, ты и сам в первую очередь думаешь именно об этом. Только ты столько уже времени скрываешь этот факт от самого себя, что даже перестал замечать его.

— Конечно... тебе лучше знать, о чем я думаю.

— Я знаю, о чем думает нормальный мужчина. — И Янф ткнул пальцем в сторону Ри. — Пусть он тебе скажет. Считая себя рафинированным и культурным исключением из правила, лучше всех все равно не станешь. Скорее просто покажешься глупым. Разве не так, Ри?

Ри оглядывал комнату, не прислушиваясь к шуточному спору друзей. Чувствами, обостренными почти до боли, близкими к Трансформации, он улавливал струйку свежего воздуха, прикасавшуюся к его коже даже теперь, когда дверь была закрыта, но, оставаясь на месте, он не мог определить, откуда исходит это дуновение. Ри подозревал, что за ними троими следят; он даже ощущал затылком и шеей легкую напряженность, хотя пока не мог бы сказать, где прячется наблюдатель.

Он поднялся с кушетки и подошел к столу:

— Полагаю, что подобная мысль первой приходит в голову большинству мужчин, но все-таки не всем.

Он не смотрел ни на кого из друзей, однако прекрасно видел их краем зрения. Опытные бойцы, они заняли места на двух других кушетках. Янф небрежно откинулся к стенке, положив одну ногу на шелковое покрывало, другая оставалась на полу. Он казался абсолютно спокойным, но правая рука была готова в любой момент схватить меч — Ри уже случалось видеть, как из подобной позы Янф стремительно бросается на врага. Джейм, напротив, сидел с прямой спиной, положив обе руки на колени. Он казался деревенщиной, очутившейся не на своем месте, но поза его была столь же наигранной, как и у Янфа.

— Но разве сам ты в первую очередь не об этом думаешь?

— А о чем же еще надо думать?

— Ну вот. Об этом я и говорю.

Пытаясь определить направление струйки воздуха, Ри провел руками по столу и сказал:

— Какая прекрасная работа.

Ну конечно. Задняя стена, центральная панель, занавешенная бархатом. Ри не смотрел туда, но теперь мог бы поручиться чем угодно, что за занавеской нет перегородки, и если ткань эта не скрывает коридор, через который в комнату может проникнуть отряд вооруженных бойцов, то по крайней мере за ней имеется ниша, где легко мог бы устроиться спустившийся с палубы шпион.

Но обоняние говорило Ри, что шпиона там нет, и слух подтверждает это — из ниши не доносилось ни звука. Однако чувства его, при всей их остроте, все-таки не идеальны. А ощущение жжения на затылке явно указывало на то, что за ними тем не менее следят. Снаружи вдруг звякнули колокольчики. Послышалась легкая поступь нескольких пар ног.

Дверь открылась, и все трое поднялись, встав лицом к ней.

Первой в каюту вошла Катанапалита, вновь почтительно склонившаяся перед ними. Отступив в сторону, она сказала:

— Представляю вам капитана Ррру-иф Й'Италлин, княгиню Джеррпу из Тараджаянты-Кевалты, и ее первую наложницу, Гретен Каставоер.

Ри с поклоном ответил:

— Я Ри дем Арин, а это мои друзья и собратья, Джейм дем Наоре и Янф дем Фантхард.

Капитаном оказалось то самое создание с радужной кожей, которое они видели в гостинице за обедом в компании людей и Шрамоносцев-Кеши. Сейчас она была одета в великолепную блузу, брюки из красного шелка и низкие черные полусапожки.

Улыбнувшись, она сказала:

— Сондерранцы, судя по именам, но говорящие с калимекканским акцентом, и лицами и статью членов одной из Семей. И что же это за необычайные птицы залетели в мое гнездо? Гретен, полагаю, передала вам мой подарок?

Гретен поклонилась и посмотрела в глаза Ри, выражение ее лица было одновременно и вызывающим, и соблазнительным. Колокольчики, пришитые к краю ее едва ли не прозрачного шелкового одеяния, тихо зазвенели.

Ри перевел взгляд с капитана на наложницу и обратно и, не произнеся ни слова, протянул вперед правую руку. Кольцо украшало его указательный палец.

Ррру-иф улыбнулась еще шире, обнажив остроконечные идеально белые зубы.

— А остальные подарки?

— Вот и они, хотя я не сумел понять, какой смысл имеют эти предметы. — Ри протянул вперед левую руку с жемчужиной, крошечным деревцем, монетой и деталями шкатулки. — Благодарю вас за этот роскошный дар, к тому же врученный не менее роскошным образом. Он слегка поклонился на калимекканский манер, улыбаясь и Ррру-иф, и ее наложнице Гретен одновременно.

Он все еще пытался разгадать выражение лица Ррру-иф. Но хотя черты ее немногим отличались от человеческих, мимика все же была иной. Проще оказалось прочесть запах ее тела. Она была взволнована, возбуждена и даже торжествовала. Хотелось бы понять, размышлял Ри, за кого она меня принимает и, самое главное, чего хочет. И еще он думал о том, что неплохо бы отдать эту особу в руки тех людей, которых она предала.

Глава 37

За обедом Ррру-иф и Гретен успели попотчевать своих гостей всеми разновидностями застольной беседы: они обсудили морские пути, торговлю, погоду, мерзкий городишко Хеймар, а также выпавшие на их долю приключения, хотя последние, по мнению Ри, были поданы им в варианте тщательно продуманном обеими женщинами, не желавшими проговориться о чем-нибудь важном. К тому времени, когда принесли десерт, Ри успел подметить, что в помещение входили только служанки — обычные, не Увечные женщины — и ни одна из них не имела при себе оружия. Все они были почти в таких же платьицах, как и Гретен, хотя и без колокольчиков, спрятать оружие в них удалось бы едва ли — с тем же успехом можно замаскировать его на нагом теле, едва выйдя из купальни.

Все трое без особых усилий изображали очаровательных и интересных кавалеров, не забывая, однако, об осторожности. Пили они немного, в то время как капитан и Гретен не стесняли себя в напитках, и все трое держали мечи поблизости от рук. Себе в тарелки они накладывали только из тех блюд, которые пробовали капитан и Гретен.

Покончив с десертом, Ррру-иф вздохнула:

— Мужчины — бойцы, всегда настороже, а мы, женщины, рождены ради удовольствий и любви. Но почему бы вам не расслабиться немного и не позволить нам развлечь вас?

Джейм, отхлебнувший прохладительного напитка, поперхнулся, и зеленые капельки брызнули из его ноздрей. Янф попытался превратить удивленный смешок в кашель.

Ри, впрочем, ответил улыбкой женщинам — и стражам, которые, как он подозревал, наблюдали за ними из тайника:

— Капитан Ррру-иф, я нахожу ваше предложение и щедрым, и соблазнительным, однако мы не настолько хорошо знакомы с вами, а вы совсем не знаете нас. Мы не имеем ни малейшего представления о причинах, побудивших вас пригласить нас к обеду, и о том, что может вам дать эта встреча с нами. Прошу вас... скажите, почему вы преподнесли мне столь роскошные дары, почему пригласили нас троих в гости к себе и почему принимаете нас как князей?

Ррру-иф поднялась, подошла к задней стене комнаты и остановилась перед панелью, скрывавшей, по мнению Ри, наблюдателя, движений которого он не слышал и чьего запаха не ощущал. Она встала спиной к столу, и Ри увидел, что коса ее спускается по спине едва ли не до колен, там изгибается и вновь поднимается вверх до изящного пояса, который придерживает ее конец. Весьма соблазнительная особа: узкие плечи, тонкий стан, округлые бедра.

— Боюсь, что вы не поверите мне, но я увидела вас за столом в таверне и вы сразу же понравились мне!

— Я помню, как я выглядел тогда и как от меня пахло в то утро, и раз вы нашли меня в тот момент привлекательным, то я готов усомниться в вашем вкусе. — Он обвел рукой комнату. — Впрочем, один вид ваших покоев не позволяет мне сделать это.

Ррру-иф повернулась к нему и рассмеялась.

— Какой обаятельный способ назвать меня лгуньей, — сказала она, блеснув остроконечными мелкими зубами. — Но вы кое в чем правы, хотя и не знаете, в чем именно. — Опустившись на одну из кушеток, она вздохнула. — Ах, мой очаровательный друг, повесть моя весьма печальна. Когда-то я любила, любила прежнего капитана этого корабля. И он отвечал мне взаимностью. Мы долго плавали вместе, и все эти годы я не знала печали. Однажды мы обнаружили город Древних на берегах далекой Новтерры и нашли там множество сокровищ. Когда наши трюмы наполнились, мы повернули назад к Ибере, чтобы продать там наши богатства. Мы мечтали о том, что получим за свои трофеи целое состояние и купим остров, любимый нами обоими и удаленный от мира, который никогда не признал бы нашу любовь. Ян обещал мне покончить с морской жизнью. Но судьба... была к нам жестока: мы заплыли в Круг Чародеев, и чары его остановили наш корабль, а потом погубили многих членов экипажа. Ян погиб, пытаясь спасти жизнь человека, недостойного даже скрести палубу, по которой он ходил.

Крошечная слезинка выползла из уголка ее глаза, скользнула по щеке, отливающей как драгоценный камень, и голос Ррру-иф дрогнул вполне натурально и искренне.

Ри восхитился ее умением владеть собой.

— Весьма прискорбная история, — сказал он, постаравшись, чтобы сочувствие в его голосе показалось его собеседнице неподдельным.

Ррру-иф улыбнулась, и верхняя губа ее слегка дрогнула. В запахе ее тела не было ничего, говорящего о притворстве. Если бы Ри не знал правду, то никогда бы не заподозрил ее во лжи.

— Увидев тебя в «Долгом отдыхе», я решила сперва, что вижу призрак... потом подумала, что зрение обмануло меня и магическая вода не сожрала моего Яна, хотя я видела это своими глазами. Я попыталась убедить себя в том, что его выбросило за борт, что он каким-то образом смог выжить, чудом одолел безбрежные просторы океана и вернулся ко мне, чтобы прогнать прочь мою тоску по нему. — Ррру-иф посмотрела на свои маленькие руки, лежавшие на коленях, и скорбно качнула головой. — А потом я поняла, что ты просто очень похож на него и что мне нужно побыстрее уйти из таверны, чтобы не разреветься прямо перед своими подчиненными.

С легкой улыбкой, предполагавшей понимание со стороны собеседников, она добавила:

— Согласитесь, что подобные слабости капитана не способствуют дисциплине на корабле.

— Безусловно, — согласился Ри.

— И тогда я принялась узнавать о вас, но мне рассказали совсем немногое. Вы умолчали о причинах, приведших вас в эту грязную дыру. Это очень предусмотрительно.

Ри кивнул, но ничего не ответил. И после недолгого, но уже становившегося неловким молчания она улыбнулась еще раз:

— Вижу, вы не хотите расставаться со своей предусмотрительностью и в моем обществе.

По-птичьи склонив голову набок, она моргнула огромными черными глазами.

Оба они выжидали. Ри чувствовал, что она вот-вот приступит к изложению истинной цели их приглашения, но тем не менее до сих пор не мог понять, чего эта особа хочет от него и его людей. Наконец Ррру-иф улыбнулась и заговорила, нарушив долгое молчание:

— Поскольку вы не хотите рассказывать мне о своих проблемах, оставим их на потом. Возможно, со временем у вас появится желание посвятить меня в ваши личные дела. — Она пожала плечами. — Я уверена в том, что ты попал в трудную ситуацию. Ты такой же сондерранец, как и я сама. Ты истинный калимекканец, к тому же по какой-то причине порвавший с Семьей, — едва ли я ошибаюсь. Ты можешь положиться лишь на двоих друзей; у вас не хватает денег, и вы не знаете, как вам быть дальше.

Рассмеявшись, Ри ответил ей:

— Вы не могли бы оказаться более правой, парата. Вы умеете видеть истину.

Ррру-иф откинулась на гнутую спинку кушетки и пристально посмотрела на него из-под полуприкрытых тяжелых век:

— Случается, что мне удается столь же точно определить и характер человека.

Ри ждал продолжения.

— Мне не хватает моего друга и любовника. Я знаю, что ты не он. И что назад его не вернуть — что бы я ни делала. Но ты похож на него настолько, что, когда я гляжу на тебя, у меня всякий раз перехватывает дыхание. Я хочу, чтобы ты стал моим наложником.

Этого Ри никак не ожидал. Ему пришлось возблагодарить всех богов, имена которых сумел припомнить в это короткое мгновение, за годы, отданные дипломатической учебе, годы, научившие его прятать свою истинную суть от мира. Если бы не привычка всегда и везде контролировать себя, он, конечно, расхохотался бы. А может, просто придушил бы эту особу. Вместо этого он только кивнул:

— А... восхитительное предложение, парата.

Ррру-иф улыбнулась, стараясь сделать это самым соблазнительным образом.

— Тебе нравится? — спросила она. — Конечно, я оставлю при себе Гретен, мы с ней очень привыкли друг к другу. Ну а ты можешь наслаждаться нами обеими. Сразу. Тебе больше нечего будет желать... — Улыбка ее сделалась еще более многообещающей. — Нечего...

Сидевший слева от Ри Янф застыл как изваяние и даже как будто перестал дышать. Однако под столом правая нога его дергалась вверх и вниз столь быстро, что движение ее скорее напоминало нервную дрожь. Справа от Ри Джейм ложкой гонял крошки по десертной тарелке, глядя на них так, будто пытался прочесть по ним свое будущее, как ясновидящий по оставшимся на дне стакана чаинкам.

Ри взвешивал все «за» и «против»... Ответ надо было дать так, чтобы оставить за собой все преимущества, которые могла дать эта ситуация. Он чувствовал ловушку — в этой комнате, в словах и поступках капитана, в той головоломке, которую она подарила ему... Запах ловушки витал в воздухе, тяжестью наполнял его легкие, давил на кишки и желудок... Ри угадывал западню и во внимательных глазах Ррру-иф и Гретен, старавшихся незаметно следить за ним. Нужно было обойти этот предназначенный для него капкан, не наступив на него, но в чем именно заключается ловушка и как не попасть в нее, он еще не знал.

Наконец он решил, что ответ должен просто соответствовать его собственному характеру.

— Я свободный человек и боец, — начал он. — Как и мои друзья. Мы родились не для того, чтобы проводить свои дни в ваннах, духах и пудре, а ночами плясать и позировать для развлечения хозяев. Я просто не смогу сделаться платным жеребцом. Не стану отрицать, у нас действительно нет денег. Не стану отрицать и того, что предложение уютной постели и надежной оплаты радует мой слух. Но все-таки я не пойду на это. Однако мы охотно предложили бы вам свои услуги в качестве телохранителей. Мы могли бы защищать вас, ваших друзей и слуг. — Он взглянул на Ррру-иф и чуть пожал плечами. — Но увы, капитан, я не желаю продаваться и становиться вашей игрушкой за какую угодно плату. Попросту потому, что игрушка скорее всего — скажем так — сломается в подобных условиях.

Ррру-иф закрыла глаза и вздохнула, но улыбка с лица ее не сходила. Исчезла и тяжесть, точно подушкой давившая на него сверху, и Ри понял, что ответ оказался правильным.

— Что ж, он тоже мог бы сказать такие слова. — Ррру-иф распрямилась, сбрасывая маску соблазнительницы и показывая лицо женщины, привыкшей получать то, что она хочет. — Он никогда не позволил бы женщине превратить его в ее собственную игрушку. — Она потерла руки друг о друга и попросила:

— Пожалуйста, дай мне те вещи, которые я послала тебе.

Ри вынул подарки из кармана, снял кольцо с пальца и отдал все Ррру-иф:

— Ты хочешь забрать их себе?

Она отрицательно покачала головой:

— Я бы не стала дарить вещь, чтобы потом забрать ее, если что-то пойдет не по-моему. Я хочу рассказать тебе об этих предметах. Деревце из камня сделал сам Ян, когда мы стояли у островов Чертова Следа. Он говорил, что дерево — это герб его Семьи. Ян рассказывал мне, что родился среди Сабиров, но носил фамилию Драклес, и хотя владел кораблем, построенным на верфях Сабиров, никогда не плавал под флагом этой Семьи.

— Это легко объяснить, если он был одним из *увесто,* — сказал Ри.

— *Увесто?*

— В высочайших Семействах так называются внебрачные дети, признанные своим родителем и Семьей и обладающие некоторыми правами. Они не могут носить имя Семьи, не могут занимать положение внутри нее, не наследуют титулов и землю. Однако они считаются родственниками, наследуют и получают семейную собственность и передают эти права своим собственным детям.

— Ян никогда не называл себя при мне этим словом, но все, что он рассказал о себе, безусловно, относит его к таким людям. — Она бросила взгляд на Ри. — Да, это слово как раз для Яна. Он был *увесто*. Но в отличие от него ты ведь настоящий Сабир, не так ли?

— Теперь уже нет.

Она чуть заметно нахмурилась:

— Но твоя внешность, стать, манера держаться. И герб на рукояти твоего меча. Утром ты прятал его, но сейчас больше не скрываешь. И, прости, я узнала его. Но раз прежде ты был Сабиром, то им и остался. Кровь остается кровью.

— Но только не в Калимекке, — тихо произнес Ри. — Любого человека можно объявить никогда не рожденным, сделать его вечным изгнанником и даже хуже. Не слишком приятная участь.

Улыбка его сделалась напряженной. Он до сих пор не научился смиряться с выбранной им самим участью. Участью *барзанна*.

— Значит, от тебя отреклись?

— «Отреклись», не то слово. Судьба *барзанна* куда сложней и суровее.

— Значит, тебе действительно нужен покровитель. Вторые сыновья старших и основные наследники младших ветвей нередко испытывают подобную необходимость. И я вижу у тебя этот жадный и голодный взгляд, взгляд охотника, голодного обделенного отпрыска, который хочет большего, чем может получить. Тебя снедает, я в этом уверена, стремление к власти, ты хочешь вернуть назад все утраченное.

Ри не стал объяснять Ррру-иф, насколько ошиблась она в своем предположении. Если он что и хотел себе вернуть, так это Кеит, ну а родственнички — Семья его, точнее, то, что осталось от нее — пусть все перетопятся в море. Но Ррру-иф нравится приятнее считать себя всезнающей; к тому же ее будет легче обмануть, если она решит, что видит его насквозь. Поэтому он ответил ей:

— Я стремлюсь к этому всем своим сердцем.

— Хорошо, я тоже хочу многого... Большего, чем этот корабль, большего, чем богатство. Я хочу иметь свой собственный Дом в Калимекке, хочу создать великий Дом и великую Семью, которую признают равной Пяти. Я хочу, чтобы они признали меня как равную и приняли в свое общество, хочу, чтобы меня приглашали на приемы, чтобы мне завидовали женщины и чтобы мужчины желали меня.

— Но ты же не человек, — напомнил ей Ри об этом непреодолимом препятствии, надеясь, что не рассердит ее своими словами.

— Я не человек. Ты прав. И в Ибере для таких, как я, место найдется лишь на Площади наказаний или виселице. Так?

— Да.

— Тем не менее я хочу всего этого. Я уже многого добилась в своей жизни. Из рабыни я сделалась свободной, из просто свободной — капитаном корабля, и непременно поднимусь еще выше. Я еще молода. И прежде чем состарюсь, я стану паратой в Калимекке, а потом и параглезой, главой могущественной Семьи. — Она смотрела мимо Ри, и ему казалось, что собеседница его зрит куда-то очень далеко — за стены этой комнаты, за пределы гавани Хеймара. Тихим, но полным сдержанной ярости голосом она твердила: — У меня будут и свои рабы, и земля, и несчетное состояние, а мужчины станут приближаться ко мне на коленях.

Она умолкла... Гретен и трое гостей старались смотреть куда угодно, но только не на нее.

Резкий смешок вновь обратил к ней всеобщее внимание.

— Ну что ж, таковы мои планы. — Ррру-иф тронула рукой предметы, подаренные ею Ри. — И я нашла в них место и для тебя. Почетное место.

Она вновь взяла в руки каменное деревце.

— Знатное происхождение наделило тебя пониманием чести... кроме того, ты, безусловно, благородный человек. — Далее она прикоснулась пальцем к крошечной монетке. — Эта денежка из страны моего народа. Я родом из мест, расположенных возле Круга Чародеев, который вы зовете озером Джирин. Мой клан более не существует, хотя племена нашего народа еще живут там. Эту монетку я хранила с самого детства. Многие годы она являлась единственной вещью, которая принадлежала мне лично, и если бы мой хозяин узнал о ней, то отобрал бы и ее.

Ррру-иф холодно огляделась, и Ри вдруг понял, что ему не хочется выяснять, что именно сталось с ее бывшим хозяином. Кеит рассказывала о мрачном прошлом Ррру-иф — о том, что ей пришлось убить своего владельца, чтобы спасти девочек-рабынь, — и Ри не сомневался в том, что, наконец добравшись до этого человека, она не стала дарить ему быструю и милосердную смерть, отдав предпочтение неспешному воздаянию, соответствующему жестокости рабовладельца.

— В эту монету, — произнесла она ледяным голосом, — оценили жизнь моей сестры. И я куплю на нее тысячу жизней, подобных жизни ее убийцы.

Взяв в руку голубую жемчужину, Ррру-иф внимательно посмотрела на нее.

— Такие жемчужины считают волшебными. Люди полагают, что они символизируют верность, более того, что голубой жемчуг упрочивает ее. Говорят, что тот, кто проглотит такую жемчужину, никогда не сможет изменить человеку, которому поклялся в верности.

Наконец Ррру-иф взяла двумя пальцами кольцо.

— Прежде оно принадлежало Яну. Одна из немногих дорогих ему вещей, которую мне удалось сохранить. Это кольцо когда-то было собственностью стрифианского короля, и Ян никогда не рассказывал мне о том, каким образом добыл его. А теперь я никогда не узнаю этого. Кольцо символизирует для меня очень многое. Мою вечную любовь к Яну. Власть, которой я алчу. Изменчивость жизни и пути, которыми власть переходит из рук в руки.

Она поднялась и посмотрела на Ри сверху вниз. Если бы он сейчас встал, голова ее не достала бы даже до его плеча, но он остался сидеть, позволяя ей сохранить то впечатление власти, которого она как будто и добивалась.

Ри чуть помедлил с ответом:

— Весьма необычные предметы. Но все-таки, зачем ты подарила их мне?

— Ты не станешь продавать себя, но можешь продать свои услуги. Тонкое различие и вполне приемлемое для меня. Я хочу приобрести твои знания и твою верность, хочу сделать своим союзником твое честолюбие. Я хочу, чтобы ты научил меня тому, как надлежит держать себя члену Семьи. Чтобы ты научил меня всему, что знаешь о внутреннем устройстве Семейств... рассказал, на чем основывают они свою власть, как удерживают ее, как обращаются друг с другом.

— Я сделаю это, но с какой целью? — спросил Ри. — Тебя не примут в калимекканское общество, даже если ты безупречно усвоишь манеры калимекканской параты. Ты не человек.

— Но Гретен — человек, и она будет... моей *иррарикс*. — Завершила она свою фразу трелью. — Я не знаю подобного слова в вашем языке. Но среди моего народа тот, кто наделен истинной властью, пользуется ею втайне. Имя его никогда не произносится вслух. *Иррарикс* говорит от лица правителя, выполняет его поручения, во всем замещает его перед людьми. Подобное положение защищает и господина, и слугу, ибо тот, кто в гневе убьет *иррарикса*, ничего этим не добьется. Правитель заменит убитого другим, все останется по-прежнему.

— Таких людей можно назвать марионетками, — сказал Ри. — Но ты права. Такого слова в иберанском языке нет.

— Теперь ты понял, как я могу достигнуть своей цели?

— Ты хочешь остаться в тени. Но в таком случае каким образом ты собираешься насладиться плодами власти? По-моему, в такой ситуации более всего выигрывает *иррарикс*... — Ри немного запнулся на слове, две пары пронзительных «р» смутили его. — Люди будут приползать на коленях, но приползут они и поклонятся не тебе, а Гретен.

— Это на людях, — ответила Ррру-иф. — Но то, как они будут вести себя со мной с глазу на глаз, другое дело.

— Теперь понятно.

— В самом деле? — Тонкие брови Ррру-иф поднялись и опустились, легкие волосинки на висках взметнулись в стороны. Она пристально и внимательно смотрела на Ри, не обнаруживая на лице никаких чувств.

— Да, наверное, ты действительно понял, — сказала она наконец. — У тебя нет причин любить тех, кто изгнал тебя. Возможно, ты и в самом деле способен понять и принять необходимость отмщения — и справедливость его.

Ри спокойно улыбнулся:

— Я знаю, что такое справедливость. И принимаю ее всем сердцем.

— Итак, ты присоединишься ко мне? Ты станешь учить меня? Отправишься со мной в Калимекку и поможешь мне сделать Гретен паратой?

Ри посмотрел на Джейма и Янфа.

— Я последую за тобой куда угодно, — ответил Янф.

Джейм кивнул:

— Я останусь верен тебе, если ты решишь плыть вместе с ней.

— У тебя отличные друзья, — сказала Ррру-иф.

— Да, я знаю это.

— Тогда носи подаренное мной кольцо... а деревце и монета пусть напоминают тебе о том, кем мы с тобой были и кем еще станем. А эту... — Она протянула ему голубую жемчужину и уронила на стол перед ним. — Проглоти ее и поклянись, что будешь верен мне.

Ри взял жемчужину двумя пальцами. Жаль попусту изводить драгоценный камень, подумал он.

Однако, поднеся ее ко рту и опустив на язык, Ри вдруг подумал, что суеверие может оказаться не таким уж глупым. А он не намеревался хранить верность Ррру-иф, потому что должен был выдать ее Яну и позаботиться о том, чтобы ее повесили за измену.

— Я не могу поклясться, что буду верен тебе как женщине, — сказал Ри, снимая жемчужину с языка. — Моя верность уже отдана другой. Как и моя любовь.

— Мне не нужны твоя любовь и твое тело. У меня есть наложница, и, испытывая плотское желание к тебе, я могу удовлетворить свою похоть другими путями.

— Тогда я поклянусь в верности тебе как капитану, — сказал Ри. — Такую клятву я могу принести искренне, честно и без всяких поправок.

— Как твой капитан я приму эту клятву.

Ри кивнул и проглотил жемчужину. Еще ощущая в горле ее гладкую округлость, он произнес, глядя в бездонные глаза Ррру-иф:

— Внемлите мне, боги. Я клянусь своей жизнью в вечной верности истинному и законному капитану этого судна. Я твой меч, капитан, которым ты произведешь отмщение, и рука, которой оно будет совершено. Клянусь, что буду защитником твоих пассажиров, твоего экипажа и твоего честного имени.

Слова эти были обращены к Ррру-иф, однако перед глазами Ри было лицо его сводного брата, и сердце его требовало, чтобы боги услышали истинную правду: он присягал в верности истинному капитану «Кречета», преданному мятежниками Яну, а также Кеит, мертвому Хасмалю и погибшим морякам, до конца остававшимися со своим капитаном.

Ррру-иф коротко кивнула, не отводя глаз от его лица, и сказала:

— Клятва была искренней, и боги, конечно, услышали ее. Но ты не должен был клясться перед богами в большем, чем требовалось от тебя. Ты не обязан быть верным моему экипажу и моим пассажирам. Будь верен лишь мне одной. А Гретен и пассажиры, которых мы можем взять, пусть сами позаботятся о себе.

Ррру-иф улыбнулась, но улыбка вышла напряженной.

От жемчужины в желудке Ри исходило тепло, уже растекавшееся по жилам. Только что он заключил союз, о котором прежде не мог и помыслить. Яну, находившемуся сейчас рядом с Кеит, теперь принадлежала часть его души — теперь он был связан с ним столь же прочно, как и с Кеит.

Ян расхохотался бы, узнав о моем поступке, подумал Ри. Надо же, я присягнул в вечной верности и ему самому, и людям, которые служили ему. И это я, некогда поклявшийся убить его собственной рукой!

Отбросив эти мысли, он вновь обратился к текущему моменту.

— Нам придется вернуться в гостиницу и забрать свои вещи, — сказал он.

Ррру-иф встала, разглаживая складки своей блузы. Украшенные перышками косички у висков чарующе закачались туда-сюда. — Ступайте. А нам нужно будет позаботиться о том, как устроить вас на корабле. Пока у нас нет свободных кают, а я не хочу, чтобы кто-то из вас спал в кубрике вместе с матросами. Я велю им относиться к вам с почтением. Поэтому возвращайтесь из гостиницы не раньше второй половины завтрашнего дня. Со следующим приливом мы отплываем в Калимекку.

Глава 38

Криспин был по-прежнему в цепях. Металл стискивал запястья, а соединенный с наручниками железный ошейник заставлял прижимать руки к груди. Но теперь он лежал под сводом из древесных ветвей, в мягкой траве, а смердевший как сама смерть призрак, нашептывавший ему на ухо мерзости и лапавший интимные части тела, исчез неведомо куда. Окружавшая Дом Галвеев стена по-прежнему высилась неподалеку, но он более не находился внутри нее. Он был снаружи. Алви, согнувшись над ним, ощупывала наручники своими тонкими пальчиками. Выходит, он все-таки победил: он забрал свою дочь и вырвался на волю, убравшись, хоть и недалеко, от Дома и его обитателей... Каким-то образом он сумел одержать победу, находясь на самом краю гибели.

Криспин сел, размышляя о том, что, если он Трансформируется, обруч еще туже сдавит шею, но ножные и ручные кандалы станут свободнее и он сможет стряхнуть их. Следовало точно рассчитать, успеет ли обруч удушить его прежде, чем он, завершив переход, вновь обретет человеческий облик. Криспин вовсе не хотел умирать — особенно теперь и столь смехотворным образом. И еще он не желал, чтобы Алви увидела его в зверином обличье. Конечно, когда-нибудь это неизбежно случится, но не сейчас. Только не сейчас.

— Парат, — прошептал поблизости голос. — Вижу, вы тоже спаслись.

— Похоже, что так. — Повернувшись на звук, он увидел, что голос принадлежит Иларии, одной из его телохранительниц. — Но как тебе удалось вырваться оттуда?

— Все случилось независимо от меня. Какое-то жуткое создание схватило меня и выволокло оттуда, при этом рассказывая, что оно может сделать со мной, и тыча лапами в меня самым мерзостным образом.

Илария ползла к нему между деревьев, то и дело оглядываясь на Дом, не появился ли кто у ворот. Заметив Алви, она сказала:

— Так вы смогли забрать ее...

— В известной мере. — Криспин улыбнулся дочери.

— Хорошо. Рада за вас. — Илария кивнула в сторону Дома. — Они вот-вот нагрянут сюда. Нужно снять с вас эту цепь, иначе вы не сможете бежать.

— Ты можешь это сделать?

— Я умею обращаться с замками. У меня есть булавки. Предатели не потрудились как следует обыскать меня.

Криспин отметил, что на ней самой оков уже не было.

— Кто еще освободился?

— Не знаю. Похоже, наших разбросало вокруг. Я видела, как погибли Гуибиаль и Хикселия. Тет тоже умер.

Криспин мог бы бежать с Иларией и Алви, однако чем больше телохранителей уцелело, тем лучше. Он надеялся, что кошмарные призраки, выставившие его из Дома, проделали то же самое и со всеми его людьми. И если это так, он получит верных бойцов, способных защитить его спину. И это предоставляло ему неожиданно большое преимущество. Ведь Галвеям не придет в голову ждать новой атаки. А это значило, что, прежде чем ночь закончится, он перегрызет собственными зубами глотку Эйоуюэля, как и пообещал. Кроме того, он уничтожит всех уцелевших Галвеев... они заплатят ему сполна за похищение дочери.

Стоявшая на коленях за его спиной Илария аккуратно и ловко открыла замки на наручниках и ошейнике, и цепи соскользнули на землю. Криспин потер запястья, лодыжки и горло и сказал:

— А теперь надо собрать тех, кто остался. Мы возвращаемся назад. На сей раз мы захватим Галвеев врасплох.

Алви опустила руку на его плечо и покачала головой:

— Нет, папа. Ты этого не сделаешь. Сюда идет беда, и тебе нужно поторопиться уйти отсюда, прежде чем она окажется здесь.

Криспин взглянул на ее юное искренне озабоченное лицо, словно зеркало отражавшее черты его самого и той единственной женщины, которую он, пусть и ошибочно, полюбил много лет назад, и на мгновение заколебался. Он мог уйти отсюда с Алви, отказавшись от мести; в конце концов он добился того, что для него было важнее всего, — вернул себе дочь. Однако воспоминания Дугхалла шевелились на задворках его ума. И еще он чувствовал презрение этих людей, полное отсутствие уважения к его достижениям как чародея и человека, и не сомневался в том, что, если он просто уйдет отсюда, не заставив их расплатиться за содеянное, они будут хохотать над ним. И начнут распространять слухи о его трусости и слабости по всему городу.

Криспин имел слишком много врагов. И любой из них готов был наброситься на него при первых же признаках его слабости. Поэтому он не мог позволить остаться в живых тем, кто обокрал и посрамил его.

Ласково приподняв подбородок Алви указательным пальцем, Криспин сказал:

— Мы возвращаемся в Дом, Алви, но о твоей безопасности я позабочусь. — Затем он повернулся к Иларии: — Ну, пора на охоту.

Та ухмыльнулась, и Криспину понравилось, как блеснули во тьме ее зубы.

— Мы возьмем их, парат.

— Конечно, — ответил он с улыбкой.

* * *

— Они вернутся, — сказал Дугхалл.

— Да нет, конечно же, нет, — возразила Кеит. — Они едва уцелели и лишь чудом не остались нашими пленниками.

— Но теперь они не в плену, — настаивал Дугхалл. — Они спаслись, забрали Алви... и теперь Криспин непременно вспомнит о своей гордости и репутации. Мы украли его дочь, и он считает, что должен убить нас за это или погибнуть, пытаясь осуществить свою месть.

Кеит не стала спрашивать, почему дядя так думает, но ответ и без того был известен ей. Воспоминания Криспина скреблись коготками в ее памяти, и, прикоснувшись к ним, она без колебаний согласилась с Дугхаллом:

— Но мы одолеем их. Мы еще можем вернуть Алви.

Дугхалл покачал головой:

— Она сделала свой выбор. Не знаю, по какой причине, но она решила быть с ним. И мы должны отпустить ее. — Поглядев во тьму, он добавил: — Мне не нравится эта ночь, не нравится сам этот воздух, не нравятся эти звуки. Что-то не так.

— Ты считаешь, Криспин немедленно предпримет новое наступление?

Дугхалл повернулся к Эйоуюэлю:

— Сколько топлива осталось в аэрибле?

— Немного. Кроме того, когда мы заходили на посадку, в правом двигателе стучало.

— Ты можешь починить его? — спросил Дугхалл.

— Мы найдем здесь большую часть необходимого нам... Сабиры не могли выкачать все топливо из здешней цистерны. Дом был против их присутствия.

— Тогда ступай займись необходимым. Возможно, у нас не слишком много времени.

— Но почему мы должны бежать? Почему мы не можем снова позволить Дому защитить нас? — спросила Кеит.

— Потому что несчетные голоса мертвых Соколов шепчут мне, что нам пора совершить стратегическое отступление. Если против нас двинется большая сила, врагов может оказаться столько, что мертвые Галвеи просто не управятся с ними. От небольших отрядов Дом может обороняться сколь угодно долго — лишь бы было достаточно трупов, чтобы мертвецы могли подкреплять свои силы. Но на этот раз мы, возможно, обречены на поражение, которое закончится нашей смертью. Бегство *всегда* лучше напрасной гибели.

Кеит взглянула в окно:

— Но большому войску взяться просто неоткуда. За стенами сейчас только те, кого вынесли из Дома духи, но их теперь меньше, чем при первом нападении.

— Иногда, Кеит, лучше прислушаться к инстинкту.

Она задумчиво посмотрела на дядю. Она спорила... но нутром своим ощущала желание оказаться где-нибудь подальше отсюда. Быть может, причиной этого были чувства Карнеи, или же действительно что-то витало в ночном воздухе. Но что бы это ни было, она наконец решилась:

— Я хочу взять с собой кое-какие вещи.

— Бери, но поторопись.

Анвин, скрывавший свое уродство под маской, плащом и специально сшитой для него одеждой, оставил половину собранной толпы горожан на дороге Триумфов, с востока поднимающейся на гору, к Дому Галвеев. Эндрю вел остальных по дороге Богов. Толпа молчала, что было удивительно, ибо здесь собрались не обученные солдаты, а уцелевшие горожане, испытывающие желание отомстить за смерти своих любимых.

Стоя в верхней части дороги Древних, Анвин мог видеть мерцающие факелы, цепочкой тянущиеся вдоль далекой дороги Богов. Его половина этого импровизированного войска была на месте и теперь растягивалась вдоль стены с запада на север. Люди Эндрю окружат дом от восточной стороны до западной. С юга Дом подступал к краю утеса, который защищал его надежнее, чем стена.

Анвин поставил тех, кто нес лестницы, в первых рядах и, убедившись еще раз в том, что люди не намерены уходить отсюда, не отомстив, направился на север, навстречу Эндрю — к условленному месту, откуда они планировали наблюдать за штурмом. Но вместо Эндрю навстречу ему по расчищенной полосе между высокой белой стеной и зарослями джунглей размашистым шагом приближался свирепо улыбающийся Криспин. Рядом с ним шли юная девица и несколько телохранителей, а позади топала горстка солдат.

Анвин ухмыльнулся под маской и поднял руку в перчатке:

— Стой.

Криспин замедлил шаг и остановился. Улыбка на лице его померкла.

— Братец, ты выбрал время с изумительной точностью. Мы возьмем их всех, если поторопимся.

— Братец? — Голос Анвина гулко прогудел под металлическим шлемом. — Кто ты такой, чтобы называть меня братом?

За спиной его толпа горожан взволнованно задвигалась, послышались негромкие шепотки, — так шипят в завязанном мешке готовые к нападению змеи. Эндрю и несколько его людей уже перекрывали Криспину путь к отступлению, приближаясь к нему и его сопровождению с тыла.

Глаза Криспина сузились, и он спросил с угрозой в голосе:

— Анвин, в какую игру ты играешь?

— Я ни во что не играю. Я пришел сюда за теми, кто погубил половину населения Калимекки. А сейчас мы обнаружили здесь... тебя. Тебя и девчонку, которую ты утаил от собственного Семейства. И ты еще утверждаешь, что не имеешь никакого отношения к случившейся катастрофе?

— *Конечно*, я не имею никакого отношения к ней. И нахожусь здесь по той же причине, что и ты.

— Но ты не пошел ни со мной, ни с Эндрю. Никто не проходил этой дорогой до нас. Мы заранее выставили стражу и послали вперед разведчиков. Как ты можешь объяснить свое присутствие здесь, если не причастен к злым делам, творящимся в этом Доме?

— Мы прилетели сюда на аэрибле, чтобы спасти мою дочь, захваченную Галвеями, — огрызнулся Криспин. — И ты, идиот, знаешь, как мы оказались здесь.

Люди Эндрю уже отрезали Криспина и его дочь от сопровождавших их солдат. И теперь кузен вместе с тремя телохранителями пытался окружить их.

— Когда он умрет, я заберу девчонку, — сказал Эндрю. И захихикал.

Анвин почувствовал прилив отвращения. Нужно как можно скорее избавиться от Эндрю. Но только не сегодня. Сегодня он еще понадобится ему.

— Ты можешь взять себе девицу, — сказал он. — Когда все закончится.

Криспин, не снимая ладони с плеча Алви, медленно отступал, пока наконец отходить стало уже некуда. Он стоял спиной к стене Дома Галвеев лицом к Эндрю, Анвину и приведенному ими сброду, оттесненный от его собственных людей. Он оказался в ловушке. Рядом с ним находилась одна только Алви, но в драке она ему не помощник. И даже более того. Лишний груз. Он коротко глянул на дочь, вспоминая, как несчетное число раз пользовался такими же, как она, девчонками в качестве жертв, дающих силу его чарам. Но как жертва Алви настолько же превзойдет тех девиц, насколько параглеза превосходит простолюдинку — ведь она его родная дочь. Его кровь. С помощью силы, полученной из ее жизни, он мог бы полностью уничтожить тех, кто прятался сейчас за стенами Дома Галвеев — Дугхалла, Ри, Кеит, и всех, кто был с ними. Он мог бы совершить свою месть. Но сначала он сотворил бы заклинание, которое избавило бы его от брата, кузена и собранного ими отребья. Точно нацелив чары, он мог бы полностью уничтожить Анвина и Эндрю. Решись он на это жуткое жертвоприношение, смерть дочери наделила бы его колоссальной силой, Крис-

пин смог бы выручить и Иларию, и других своих телохранителей. Это, безусловно, спасло бы его, и когда-нибудь он бы добился наконец своего — обрел бы бессмертие, стал бы богом, не знающим поражения.

Глядя на Алви, Эндрю облизнул губы и ухмыльнулся, и Криспин почувствовал, как девочка вздрогнула всем телом. Быстрая смерть намного лучше, чем то, что сделает с ней этот извращенец. И если он не предпримет решительных действий, то, безусловно, погибнет, а Алви сделается игрушкой Эндрю. И значит, рано или поздно тоже умрет... и от этого «тоже» Криспина пробирало ледяным ужасом.

Она посмотрела на него, и Криспин увидел в ее личике себя самого и горькую память о преданной им любви и о далеком прошлом, когда он был, несомненно, лучше, чем сейчас. Когда он не испытывал еще такой жажды власти, больше доверял жизни и был еще не настолько изуродован последствиями своих поступков и решений. Но какой же выбор ему сделать сейчас? Даровать Алви легкую смерть от собственной руки или погибнуть под ногами толпы, отдав дочь на медленную и жуткую гибель от лап Эндрю?

И в этот миг в голове его возник третий вариант. Рожденный не собственным опытом, но памятью,. оставленной в его разуме чуждыми ему людьми.

Он мог воспользоваться магией Соколов и с ее помощью спасти Алви.

Криспин никогда еще не ступал по тропе Соколов, но путь этот был ему известен — так знает мастер своего дела о неких дурнях, практикующих какую-нибудь особо нелепую разновидность его вполне традиционного и понятного ремесла. И, соприкасаясь с воспоминаниями старого Дугхалла, оставшимися в его разуме, он был уверен, что магия Соколов вполне подвластна ему. Она питалась его собственными жизненными силами, его собственной волей, плотью, кровью и духом... жертвуя самим собой, он мог спасти дочь от опасности. Но магия Соколов не годилась в качестве оружия, у нее была иная основа, чем у вредоносных чар, требовавших гораздо больших жертв и оказывавших обратное и равное по силе воздействие на того, кто творил их. Словом, чары Соколов не позволяли ему погубить своих врагов. Он четко понимал ограниченность своих сил — так оценил бы их и сам Дугхалл — и знал, что окажется слабым Соколом. Он не занимался всю свою жизнь укреплением собственной силы духа и внутренней целостности, как это делал старый маг Дугхалл. Он созидал свои чары на основе жизней других людей и их страданий, и никогда не платил честную цену за содеянное. И теперь не следовало попусту надеяться защитить магией Соколов и себя самого, и Алви. Ему крепко повезет, если он спасет только дочь.

Но если он принесет в жертву себя самого, кто позаботится в будущем об Алви? В этот страшный миг Криспин горько пожалел о том, что потратил всю свою жизнь на приобретение врагов. У него не было верного друга, не было спутницы жизни или просто симпатичного ему человека, которому он мог бы доверить жизнь своей дочери.

Ухмыляясь и хихикая, Эндрю показал пальцем на Алви:

— Я хочу ее прямо сейчас.

Криспин услышал, как Анвин с раздражением фыркнул. А затем голос брата прогудел под металлической маской:

— Отдай ребенка Эндрю. Если ты сделаешь это быстро и при этом не создашь нам никаких трудностей, быть может, нам удастся что-нибудь придумать и для тебя.

Мысли Криспина заметались: времени было в обрез, а сделать предстояло весьма и весьма многое. Оба заклинания стояли перед его внутренним взором словно начертанные на бумаге — простые и понятные. Ясны были и обе альтернативы. Принести в жертву Алви и спасти свое собственное будущее... в котором даже, может, он когда-нибудь обретет бессмертие. Или, забыв о мести и гордыне, попрощавшись с будущим и самой жизнью, спасти дочь.

Или не делать вообще ничего и, упустив любые возможности, утратить все сразу: возможность мести, будущее и дочь.

— Папа, отдай меня этому скверному человеку, — прошептала Алви, взглянув на него. — Тогда они отпустят тебя.

Лицо ее побледнело, тело дрожало, он видел, как слезы наполняют ее глаза.

Руки Криспина напряглись на плечах девочки, и горло его стиснуло так, что он едва смог вздохнуть.

— Только не это, — прошептал он и прикоснулся губами к ее макушке. Мягкие волосы Алви пахли сеном, солнечным светом, и юностью, от кожи ее веяло теплом, а когда он поцеловал ее, слух Карнея легко уловил частое биение ее тревожно колотящегося сердца.

Рука Криспина опустилась к кинжалу на бедре, он мгновенно извлек его, не думая о том, что делает, не позволяя себе усомниться в собственных действиях. Покрепче обхватив Алви левой рукой, чтобы девочка не вырвалась, он повернул ладонь вверх и полоснул по ней кинжалом, а когда кровь хлынула из глубокого разреза, завопил:

Плоть, кровь и душу
Тебе предлагаю,
О Водор Имриш!
Ради ее жизни,

Ради ее свободы,
Ради ее спасенья.
Возьми у меня, что хочешь,
Но исполни мое желанье.

— Папа, нет, — закричала Алви. — Они убьют тебя!

Она попыталась вырваться, но Криспин схватил ее обеими руками, оторвал от земли и подбросил вверх, сконцентрировав всю свою волю и, словно стрелу, направив ее на парапет стены, высившейся над их головами. В то единственное место, где Алви могла найти убежище — возле его врагов... Дугхалла, Ри и Кеит. Позор падет на его голову, но дочь останется жива.

Алви взлетела вверх, словно куколка, подброшенная ребенком, и мягко опустилась за парапетом. Толпа проводила ее потрясенными взглядами и вновь уставилась на Криспина. Эндрю завизжал как свинья на бойне, Анвин выругался и кликнул к себе телохранителей.

Криспин заметил личико Алви, выглядывавшее сверху, услышал ее голос:

— Кеит! Кеит! Помоги ему! Они хотят убить его!

Но у него не было времени следить за тем, что происходило на стене: теперь все решали мгновения. Выхватив нож, Эндрю бросился на него с безумным рычанием. Магия Соколов обессилила Криспина, он сумел отразить первый удар Эндрю, но вторым выпадом тот оттолкнул его руку и полоснул по ребрам, оставив на теле его глубокую рану, словно огнем полыхавшую. Криспин вскрикнул и ощутил, как таящийся внутри него зверь пробудился, зарычал и потребовал, чтобы его выпустили на свободу. Криспин умел контролировать Трансформацию и давным-давно научился подчинять зверя собственной воле, но на сей раз он не стал сдерживать себя. Он позволил себе преобразиться, ощущая, как все признаки человеческого существа исчезают, а на свободу вырывается четвероногое и клыкастое чудовище.

Вокруг — где-то вдалеке — раздавались вопли. Зубами он оторвал рукава блузы, выскользнул из плаща, быстрым движением сбросил брюки и сапоги. Он ухмыльнулся, обнажив клыки длиной с большой палец мужчины, и, прижав уши к голове, прорычал измененным Трансформацией голосом:

— Эндрю, подойди-ка поближе.

Окружавшие Эндрю телохранители попятились назад.

— Убейте его, дураки, — бросил им тот.

Однако, должно быть, после того, как он продемонстрировал перед всеми свое вожделения к девочке, они не желали повиноваться ему. Никто из них не решался сделать хоть шаг,

и тогда Криспин взлетел в воздух, словно воплощение животной ярости, выставившее вперед острые как кинжалы когти, и оставил восемь длинных порезов на левом плече и на левой щеке Эндрю.

Он приземлился, повернулся с изяществом крупной кошки и подобрался для следующего прыжка.

Эндрю выругался, и Криспин ощутил в воздухе резкий запах Карнея. Но кузен еще только начинал Трансформироваться. И Криспин атаковал его снова, — кузен находился в самом неприятном положении: неуклюжее создание еще не было зверем, но и человеком его уже никто не смог бы назвать. Он вырвал Эндрю один глаз и превратил его горло в кровавое месиво. Однако проклятие Карнея не позволяло тем, на ком лежало оно, так просто умереть. Глаз выпал из глазницы, его нельзя было исцелить, но зияющая рана на горле Эндрю быстро затянулась, и кровотечение остановилось столь же мгновенно, как залечился порез на ребрах Криспина. Оба они, ощерившись, бросились в бой. Эндрю был сильнее и тяжелее, но Криспин превосходил его быстротой и ловкостью. Они наскакивали друг на друга, вырывали куски плоти из тела врага и оставляли на земле лужицы собственной крови. Быстрота, осторожность и пыл справедливого гнева давали преимущество Криспину. Кровь быстрее вытекала из ран Эндрю, и плоть его заживала медленнее. Наконец, Криспину удалось повалить его, и, прикасаясь зубами к горлу Эндрю, он прорычал:

— Проси пощады.

— Пощади, — завопил Эндрю, из глотки его вырывалась жуткая и мрачная пародия на человеческую речь.

— Громче!

— ПОЩАДИ!

— Громче.

— ПОЩАДИ!*

— Ты никогда и никого не щадил и сам не получишь пощады. — Прохрипев это, Криспин вонзил клыки в горло Эндрю и, тряхнув головой, с удовлетворением ощутил, как хрустнул хребет врага. Тело кузена расслабилось, он застыл во временном параличе, и прежде чем проклятие Карнея смогло залечить поврежденную плоть и нервы, Криспин перегрыз обе сонные артерии Эндрю, а затем схватил кинжал лапой, плохо приспособленной для этого, и пронзил ребра кузена, всадив лезвие прямо в сердце.

Сердце его пело от радости. Криспин поднял морду над окровавленным трупом, роняя капли крови с клыков, и огляделся.

К нему были обращены лица полные ненависти — безумной, сумасшедшей.

Они были людьми, истинными людьми, а он выдал себя, обнаружив нечто большее, чем простое пособничество чародеям. Он разоблачил свою суть — суть колдуна и чудовища.

Криспин посмотрел на Анвина, гадая, сумеет ли он убить брата, прежде чем эти люди лишат жизни его самого. Но тот был надежно укрыт своим панцирем. Жаль, что я не принес Эндрю в жертву, подумал Криспин, тогда смерть его принесла бы больше добра, чем сделал он за всю свою жизнь.

— Убейте его! — завопила толпа.

— Убейте!

Напрягая все свои мышцы, Криспин пригнулся и прыгнул, целя в голову Анвина. Он услышал, как хрустнул под его лапами замок, удерживавшей золотую маску, однако сама личина, должно быть, зацепившаяся за рога, не упала. Она осталась на месте, и новой возможности нападения Криспину уже не представилось. Телохранители Анвина подступили к нему с мечами в руках, а когда он бросился в сторону сброда, оцепившего Дом Галвеев, горожане подняли свои дубины, вилы и копья и принялись бить его.

Первые попавшие в цель удары показались ему жуткими безмолвными взрывами, рвавшими его мышцы, дробившими кости, выбивавшими дыхание из тела. А потом очередная молния угодила в основание шеи, и после нескольких мгновений ошеломляющей боли, куда более сильной, чем все, что ему приходилось когда-либо испытывать, тело его охватило необычное тепло. Криспин почувствовал себя лучше.

Он почувствовал себя... хорошим. Зрение его померкло, уступая место утешительной тьме, тьме материнского чрева. Чувства отступили куда-то далеко. Боли он не испытывал. Не ощущал и прикосновений. Он плавал в блаженном покое. Исчезли и запахи... боли, пота, страха, ненависти, смешанные со сладким ароматом ночного воздуха и далекими пахучими переливали цветущего жасмина. Затем начали удаляться и звуки. Тихие волны замедлявшихся сердцебиений, утешительные, как плещущие о песчаный берег волны морского прибоя, отхлынули, унося с собой крики, вопли, тоненький голосок Алви, кричавшей: «Папа, не надо», «Не надо!», шепот ветра и шелест пальмовых ветвей. А потом исчезла даже эта умиротворяющая, пульсирующая волна.

— Чудовища и предатели, — завопил Анвин, и голос его далеко разнесся над окружившей Дом толпой. — Двое из них убиты. Остальные прячутся за этими стенами.

И он указал вверх — на парапет, на маленькую девочку, все еще смотревшую на толпу и на кровавые лохмотья, в которые превратилось тело ее отца.

Отродье Криспина. Его наследница. Анвину захотелось, чтобы она немедленно умерла.

Но в этот миг на стене возле ребенка появилась женщина и тоже посмотрела вниз — куда показывала девочка.

Она казалась невероятно знакомой, и спустя мгновение Анвин узнал ее. Именно эта девка прямо на его глазах выбросилась с балкона башни Дома Сабиров. И тело ее потом так и не нашли. Она принадлежала к Галвеям... и не только. Она была Карнеей, обладательницей колоссальных магических сил. Ее следовало убить в первую очередь.

Галвейка прикрыла глаза ребенка рукой и увела девочку со стены. Но прежде чем исчезнуть из виду, она бросила на него короткий взгляд, в котором Анвин прочел хладнокровную оценку его сил и обещание скорой смерти.

Анвин подавил дрожь. Этой бабе не удастся прожить столько, чтобы успеть исполнить свое обещание.

— Лестницы! — завопил он. — Перебьем всех чудовищ!

Собранное им вместе с Эндрю отребье с воем бросилось к стене и уже лезло на нее по дюжине лестниц. Они не доставали до края стены, однако высоты их хватало, чтобы люди с крючьями на веревках могли сделать точный бросок.

Веревки ушли за парапет. Некоторые свалились назад, поскольку крюки не нашли опоры, остальные зацепились. С полдюжины мужчин, поднявшихся на никем не обороняемую стену, сбросили сверху веревочные лестницы.

Однако, как только они закрепили на стене лестницы, невидимые силы подхватили смельчаков и спустили вниз, не причинив при этом никакого вреда.

— Вперед, — завопил Анвин, и толпа вновь хлынула на стены.

Но едва лишь люди забрались наверх, невидимая рука подхватила их и снова спустила наружу к основанию стены.

— Быстрее, — завопил Анвин.

И когда они поняли, что никто из поднимавшихся на стены не пострадал, толпа набралась храбрости и, подкрепив ее гневом, хлынула наверх по всем лестницам сразу. Невидимая сила под натиском отступила, и оказавшиеся за стеной люди там и остались.

Возбужденные мстители лавиной ворвались за стены, во внутренний двор, на землю Дома Галвеев.

Анвин Сабир следовал за ними, направляя свое воинство к самому дому. Однако они не были достаточно расторопны. Невидимые хранители Дома Галвеев сумели выиграть достаточно времени, и хотя мстители уже приближались к своей цели, горстка обитателей Дома Галвеев исчезла. На глазах толпы, при свете занимающегося утра аэрибль невозмутимо скользнул вверх с выключенными моторами, подхваченный рассветным ветерком.

Анвин завопил от ярости, злобно выругался и дернул головой, как разгневанный бык. Маска, скрывавшая от толпы его чудовищную морду, слетела на землю. И первые лучи вста-

ющего солнца высветили его чешуйчатую и клыкастую физиономию перед сборищем, только что лишившимся своей жертвы.

Вокруг него все затаили дыхание. Анвин увидел истинное потрясение в обращенных к нему взглядах. Он поискал путь к спасению, но его не было.

Алчущая крови и лишенная своей законной добычи толпа обрушилась на него.

Он сопротивлялся — мужественно, но не долго.

А потом призрачные хранители Дома приняли последний дар этой ночи.

Глава 39

Предрассветный сумрак еще окутывал «Долгий отдых», когда дюжина силуэтов скользнула в дверь с переулка. Всегда рано вставший владелец гостиницы Шраббер наткнулся на них с дровами в руках, которые нес в гостиную, готовясь к новому дню.

Один из вошедших перерезал ему горло, прежде чем хозяин успел вскрикнуть, и как только тело перестало дергаться, затолкал его в очаг и завалил дровами, чтобы труп заметили не сразу. Никто более на пути им не попался, и они сразу же направились по лестнице к комнатам для гостей, безошибочно выбрав занятую Ри, Янфом и Джеймом.

— Ножи наружу, — приказал один из них. — Когда они умрут, снимите все ценное с тел и заберите все, что найдете в комнате. Пусть будет похоже на ограбление.

Других звуков они не производили, но для Ри и этого было достаточно.

И без того всегда спавший некрепко, а теперь приближающийся к сроку Трансформации и оттого более чувствительный к запахам и звукам, он вскочил на ноги и выхватил меч, прежде чем Янф и Джейм сумели проснуться. Бросившись к их постелям, он зарычал:

— Быстрее, вставайте, или все мы погибнем.

А потом бросился вперед, слыша, как за спиной его две руки потянулись к оружию.

Когда нападавшие ворвались в дверь, рассчитывая обнаружить за ней троих спящих людей, первый из них встретил обнаженный клинок и свою смерть, а второй — безумца, сражавшегося так, словно его подгоняли адские твари.

Постепенно натиск неведомых врагов заставил Ри отступить в комнату, и Янф и Джейм присоединились к нему.

Никто не подавал голоса, слышен был лишь топот сапог и шлепанье босых ног, звон меча, ударявшего о кинжал или другой меч, звуки пронзаемой плоти и крики боли.

Наконец один из нападавших сумел найти уязвимое место в защите Джейма, и клинок со свистом пронзил его ребра, сердце и легкие. Коротко вскрикнув, Джейм согнулся пополам и повалился на пол. Вырвав из раны клинок, убийца оскалился:

— За капитана Драклеса!

— За капитана Драклеса! — вскричали остальные.

— Ян Драклес — мой брат! — завопил Ри. — Перемирие! Перемирие! Мы на одной стороне!

— Какое там перемирие, — выкрикнул Янф. — Они убили Джейма!

Однако нападавшие отступили, и Ри успел вовремя перехватить руку Янфа. Вспотевшие, задыхающиеся, они стояли в маленькой комнатке, над телами Джейма и двоих незнакомцев, лежавших мертвыми в лужах собственной крови, и смотрели друг на друга недоверчивыми глазами.

Внизу раздался пронзительный женский вопль, и один из незваных гостей негромко воскликнул:

— Бежим! Скорее, пока не позвали стражу!

Резким движением высвободив руку из ладони Ри, Янф бросил:

— Я хочу, чтобы они все умерли.

Ри забросил свой мешок за плечи и вытер клинок о матрас, на котором еще недавно спал.

— Бежим с ними, иначе нас с тобой обвинят во всех этих смертях. У нас нет друзей в этом городе, заступиться за нас некому, и за такое дело нетрудно попасть на виселицу.

Янф ответил ему холодным и отстраненным голосом:

— А что будет с Джеймом?

Ри нагнулся, пытаясь отыскать признаки жизни в теле друга. Пульса уже не было, полуоткрытые глаза не мигая смотрели в никуда, обескровленное тело сделалось белым как мел. Стиснув кулаки, он попытался прогнать слезы:

— Тело его останется здесь. Надеюсь, дух его простит нас.

Янф выругался, схватил собственный ранец и вместе с Ри бросился бежать следом за нападавшими. Сквозь наполнявшие глаза слезы Ри замечал лица постояльцев, выглядывавшие в щелки чуть приоткрытых дверей.

Они пролетели по лестнице и, спрыгнув вниз с середины последнего пролета, наткнулись на Келджи и кухарку, склонившихся над телом Боскотта Шраббера, которое женщины выволокли из очага. Не задерживаясь, Ри и Янф бросились вон из дома и побежали по грязи, засасывавшей босые ноги и облеплявшей брюки.

Ри было жаль сапог, но свобода все-таки стоила дороже. Они и Янф быстро догнали медлительных Шрамоносцев-Кеши, потом поравнялись с бегущими людьми. Когда все добрались до пестро раскрашенной шлюпки «Кречета» и отчалили от берега, Ри и Янф взялись за весла, как и все остальные, и изо всех сил принялись грести к кораблю.

На пути к судну один из нападавших возобновил разговор с Ри на том самом месте, где он прервался:

— Так ты брат Яна Драклеса?

— Сводный брат.

— Тогда какого пекла ради ты продал свою душу Ррру-иф?

— Я служу интересам Яна.

— Ты служишь шлюхе и изменнице, — ответил моряк. — Я собственными ушами слышал, как ты присягнул в верности ей. Все мы слышали это.

— Я поклялся в верности истинному капитану «Кречета». А законным капитаном «Кречета» является мой брат.

— Погибший из-за нее.

— Он жив. Я забрал его из города Древних в Новтерре вскоре после того, как вы бросили его там. Он сейчас в Калимекке, и я собираюсь привести этот корабль к нему вместе с Ррру-иф. Пусть Ян решает, что с ней делать, когда она попадет к нему в руки.

— Он присягал в верности истинному капитану, — подтвердил один из моряков. — Он сказал именно так: я присягаю в верности истинному капитану судна. Тогда эти слова показались мне забавными, потому что я знал, что Ррру-иф не является истинным капитаном, но я решил, что он считает ее таковым.

— К тому же ему известно, — добавил один из Кеши, — что название корабля «Кречет», а не это поганое джеррпусское имя, которое дала ему шлюха капитанша.

Глаза с вертикальным, как у ящерицы, зрачком пристально поглядели на Ри, раздвоенный язык мелькнул в воздухе, пробуя воздух.

— Не похоже, чтобы он врал.

Ри подумал о Джейме, так глупо погибшем, и ему захотелось пролить чужую кровь в уплату за его смерть. Но если он потребует, чтобы кровью ему заплатили те, кто мог стать его союзником в тот самый момент, когда союзники нужны ему, как ничто другое, то окажется дважды дураком. Заплатить за смерть Джейма должна будет Ррру-иф. И он хотел ее крови — за то, как она обошлась с Кеит... и теперь к прежнему долгу добавилась плата за Джейма.

Налегая на весло, Ри с горечью сказал:

— Если вы были верны Яну, то почему позволили ей оставить Кеит и Хасмаля и ваших же собратьев на берегу? Почему вы не взялись за оружие?

— Ррру-иф застала нас врасплох, — ответил тот, который говорил от лица всех остальных. — Она послала верных капитану людей в город, чтобы те еще чего-нибудь нашли прежде, чем Ян и этот колдун вернутся с той вещью, ради которой они пустились в это плавание. С ними ушли и некоторые ее сторонники. И когда люди Яна оказались вдали от корабля, те, кто был за Ррру-иф, побежали назад, чтобы захватить шлюпки и попросту бросить в городе всех, кто не захотел поддержать изменницу. Но и люди Яна не моргали: они бросились за ними и стали отбивать лодки, но проиграли. — Он низко опустил голову. — Мы особо не задумывались насчет того, на чью сторону стать, и, наверно, сблудили, как и все остальные, в отношении девчонки-оборотня и колдуна, оказавшихся на нашем корабле. Должно быть, поэтому она и решила, что мы на ее стороне. Мятеж мы просто проспали. Мы бродили по городу целый день: искали, копали... устали.

Уже высказавший свое мнение Кеши продолжил рассказ товарища:

— А проснувшись утром, обнаружили, что находимся в море и шлюха называет себя капитаном корабля. Тех, кто открыто держал сторону капитана Драклеса, осталось совсем немного. Поэтому мы смолчали. Мы ждали... ждать мы умеем. Мы остались с ней, чтобы собственными глазами увидеть, как Ррру-иф расплатится за свое предательство. Боги утверждают, что мстят за людей, которые не могут сами этого сделать, но мы не хотели доверять месть богам. Мы хотели собственными глазами увидеть, как ее повесят.

— Тогда почему ее еще не повесили?

— Ррру-иф осторожна, — сказал Кеши. — Она никому не верит, а нос и уши у нее лучше, чем у кого бы то ни было. И она чует опасность задолго до того, как та успевает приблизиться к ней.

Ри занес весло вперед и опустил его в морскую волну.

— Когда-нибудь я увижу ее мертвой. Я поклялся в этом собственной честью, честью Кеит и Яна. Я хотел убить ее собственной рукой за то, что она сделала, но Яну и Кеит она причинила больше вреда, чем мне. Им и решать ее участь — в первую очередь Яну. Когда корабль приплывет в Калимекку, я постараюсь, чтобы она никогда не покинула этого города.

— Тогда мы на твоей стороне. Ты уже придумал, как перехитрить ее?

— Да.

— Тогда мы вместе, — сказал человек, сидевший на весле возле него. — Я последую за тобой, а они за мной. Я говорю за всех нас.

Все вокруг закивали. Ри посмотрел на Янфа.

— Они убили Джейма, — сказал тот. — Они пытались убить и нас с тобой.

— Теперь они наши союзники, — ответил Ри.

— Значит, они наши союзники. — Лицо Янфа осталось холодным. — Но они не являются нашими друзьями, и если после того, как Ррру-иф умрет, я получу возможность погрузить свой клинок в сердце этого сукина сына, то уж постараюсь не упустить шанса убить человека, погубившего Джейма... кровь его омоет мой меч, прежде чем он успеет вздохнуть.

Человек, на которого указал Янф, пожал плечами:

— Назови место и время, и я буду там. Я убил твоего друга не по злому умыслу. Если бы я знал, что вы хотите прикончить Ррру-иф, то никогда бы не поднял оружие против вас. Приношу свои извинения за эту прискорбную ошибку. Но если их недостаточно и ты хочешь скрестить свой клинок с моим, я возражать не стану.

— Для меня твоих извинений недостаточно, — ответил Янф. — И когда будет решен главный вопрос, мы с тобой уладим отношения между собой.

Глава 40

«К'хбет Рху'уте», прежде бывший «Кречетом», вышел из гавани, оставив позади поток обвинений, требований, чтобы экипаж высадили на берег, угроз и обещаний, не суливших в будущем ничего хорошего ни экипажу, ни кораблю, если только они вновь объявятся в гавани Хеймара. Ррру-иф Й'Италлин стала на сторону своих людей и заявила, что она в качестве законного и присягнувшего перед богами капитана обладает полной властью над членами экипажа и правом вершить справедливый суд. Она объявила, что со всей строгостью допросит обвиняемых в убийстве, когда корабль выйдет в море, и позаботится о том, чтобы всех их постигла та участь, которую они заслужили своими делами. И, невзирая на протесты, она вдобавок потребовала у городских властей тела троих членов своего экипажа, чтобы надлежащим образом похоронить их в море.

Очевидно, властям Хеймара была известна ее репутация и свирепость, поэтому тела Джейма и двух моряков немедленно привезли в гавань и на лодках доставили на корабль.

Пока шла перевозка тел, Ррру-иф заметила на пристани женщину, внимательно смотревшую на корабль, и узнала в ней Келджи Шраббер, жену человека, в убийстве которого обвиняли ее людей. Она велела доставившим тела грузчикам подо-

ждать, отправилась в собственную кладовую и вернулась оттуда с двумя небольшими кожаными мешочками.

— Передайте ей вот это, — сказала Ррру-иф. — Здесь она найдет компенсацию потери мужа и кормильца. Хотя деньгами горя не утешить, они позволят ей избавиться от внимания кредиторов и оценщиков недвижимости.

Она широко улыбнулась, демонстрируя обоим грузчикам острые зубы, и добавила:

— А я останусь на палубе и прослежу за вами, чтобы не сомневаться в том, что она получила мой дар.

— Что ты послала ей? — спросил Ри, подойдя к ней.

— Золото, — ответила Ррру-иф. В голосе ее не было ни гнева, ни сочувствия. — Оно покрывает множество грехов.

Увидев, как портовые рабочие передали мешочки Келджи, Ррруиф отвернулась от берега и отдала приказ сниматься с якоря. Ри остался возле нее.

— Я хочу знать, — сказала она. — Почему мои люди явились к вам, почему они убили владельца гостиницы и почему вы сначала дрались с ними, а потом вместе бежали?.. Более того, бежали босыми.

Ри посмотрел на моряков, забиравшихся вверх по снастям и ставивших огромные шелковые паруса, которые, надуваясь, хлопали на ветру. Корабль оживал на глазах. Любое судно — это всего лишь неодушевленное рукотворное сооружение из дерева, металла, ткани и канатов, но, когда ветер наполняет жизнью паруса, эти лишенные души создания начинают дышать. Ри не удивлялся тому, что люди дают им мужские и женские имена, уважают и любят их... в известной мере корабли достойны любви, подумал он, не меньше, чем люди. И уж конечно — Ри взглянул на Ррру-иф, — более достойны, чем некоторые из них.

— Твои люди... усомнились в нашей верности. Наша ссора стала результатом серьезной ошибки. Мы рубились, чтобы спасти свои жизни, и я рад, что мне удалось уцелеть.

— Тут есть чему радоваться, согласна: их было четверо на одного. Я бы сказала, что у вас не было ни единого шанса уцелеть.

— Если бы схватка продолжилась, нас с Янфом ждала бы верная смерть — как Джейма. Но мы попытались примириться... мы убедили твоих людей в том, что мы не предатели. Но тут проснулись жильцы и слуги и, на нашу беду, обнаружили труп содержателя гостиницы... Скверно получилось, ибо это был человек добрый, заслуживавший лучшей участи. Нам пришлось бежать.

— Но почему же вы бежали? На вас напали, конечно, вам пришлось бы объясняться. Но, убежав, вы признали себя виновными, невзирая на то что не убивали его.

— Твои люди не стали дожидаться стражи. И мы с Янфом остались бы вдвоем отвечать за троих мертвецов в собственной комнате и покойника, найденного в очаге под лестницей, предоставив в качестве доказательств лишь собственные клятвы в том, что на нас напали без всяких причин и что мы не имеем никакого отношения к смерти Шраббера. Двое бедных чужеземцев отвечают перед властями города за смерть достойного гражданина... по-моему, в такой ситуации у нас не было шансов спасти свои жизни.

— Согласна.

Они стояли на палубе, наблюдая, как, направляясь в открытое море, «К'хбет Рху'уте» пробирается сквозь лес кораблей, неподвижно стоящих в гавани.

— Мне придется допросить и моих людей, — сказала Ррру-иф. — А потом еще раз тебя и твоего спутника.

В голосе ее было не больше эмоций, чем тогда, когда она дала грузчикам золото, откупаясь от смерти Шраббера.

— Смерть этой сухопутной крысы ничуть не волнует меня: таких людей много больше, чем необходимо Матрину, и, если один или двое из них оставят сей мир по нелепой случайности, ничего страшного не произойдет. Меня беспокоит другое: то, что мои люди настолько усомнились в вашей верности, что оставили корабль без моего разрешения, чтобы убить вас. А еще то, что вы и они из врагов вдруг сделались приятелями.

— Я все уже объяснил...

— В самом деле. Но суд часто выявляет то, что не в силах дать объяснение. Ты можешь объясняться передо мной, поскольку присягнул перед богами. Поставив на кон душу, ты можешь рассказать свою историю, и на том дело закончится.

Ри кивнул.

Ррру-иф чуть улыбнулась в задумчивости:

— Или быть может, наружу выйдет другая история, и тогда мне придется устроить виселицу, чтобы повесить на ней одного или двух человек. Плохо, когда капитан начинает удивляться поступкам своих матросов, не зная, чего ждать от них в дальнейшем.

— У тебя не будет повода для удивления, — сказал Ри.

— Надеюсь.

В это мгновение Ри понял, что все его надежды сохранить в тайне до приплытия в Калимекку свою истинную цель и истинную присягу умерли в этой стычке. Им с Янфом и сторонникам Яна следовало теперь же взять Ррру-иф в плен, допросить ее и посадить под замок — предоставив Яну возможность вынести ей приговор, когда «Кречет» наконец придет в Калимекку.

Хотелось бы знать, сколько нынешних членов экипажа плавали тогда в Новтерру и сколько из них останутся вер-

ными ей. Должно быть, таких найдется достаточно много, решил он. Деньги, огромные деньги, вырученные за предметы Древних, могли купить преданность большинства экипажа. Предстояла кровавая схватка, и Ри подумал, что едва ли сможет вновь встретиться с Кеит в этом мире — не в Вуали.

Ри? Ты слышишь меня?

Ри, отдыхавший на своей койке после обеда, открыл глаза и впервые после долгого времени почувствовал присутствие Кеит. Сердце его мгновенно вспыхнуло надеждой, мыслью, что она и впрямь где-то неподалеку, но, потянувшись к ней душой, он понял, что их разделяют многие и многие мили и что расстояние это все больше увеличивается. Кеит не защищала себя экраном, и он почувствовал, что она только что избежала жуткой опасности, но сейчас за нее можно уже не беспокоиться.

Я слышу тебя.

Любимый, пожалуйста, прости меня. Я ошибалась, пытаясь изменить тебя, добиться, чтобы ты стал другим, не тем, кем являешься на самом деле.

Я простил тебя прежде, чем оставил Дом Галвеев.

Я люблю тебя.

Ри захотелось сейчас же заключить ее в свои объятия, однако пришлось удовлетвориться мысленным прикосновением.

Я тоже люблю тебя.

Возвращайся ко мне. Пожалуйста. Отыщи меня снова. Я не хочу больше быть в разлуке с тобой.

Что случилось?

Перед внутренним взором Ри замелькали картины: нападение Криспина и измена в его отряде, приведенная Эндрю и Анвином толпа и смерть Криспина, наконец, штурм Дома Галвеев. Зрелище это ужасом сковало душу Ри. Он мог потерять Кеит этой ночью, и почувствовал бы свою утрату лишь в самый последний миг, в миг ее смерти, которая заставила бы ее забыть об экране.

Но теперь она находилась в аэрибле вместе с Яном, Дугхаллом, Алви и всеми остальными и летела на юг.

У меня тоже есть новости для тебя, сказал Ри, показывая Кеит изображение корабля, на котором он плыл, и лицо женщины, командовавшей на нем.

Сказать мне об этом Яну?

Нет. Если у нас получится, я приведу к вам корабль вместе с мятежниками, и Ян сам вынесет ей приговор. Если меня ждет неудача, пусть лучше он не узнает, что именно я хотел сделать.

Пусть будет победа. Я не могу без тебя.

Ощутив тревогу Кеит, Ри попытался успокоить ее — насколько умел.

Если меня ждет неудача, я никогда не увижу тебя. Поэтому я не могу проиграть, ведь я должен умереть на твоих руках.

А я хочу умереть в твоих объятиях. Обещай мне.

Обещаю, сказал он.

Напряжение, которое владело ими, соединяя их на таком расстоянии, сделалось чрезмерным, и облик Кеит начал меркнуть перед его внутренним взором. Пока это было возможным, они обнимали друг друга... и наконец образ Кеит исчез совсем.

Теперь он не имел права на поражение.

Обещаю, повторил он, хотя Кеит уже не могла слышать его. Я найду тебя. И никогда больше не оставлю.

Глава 41

Основные силы войска Тысячи Народов двигались к ущелью, покрывая землю живым ковром, тянувшимся до самого горизонта. Шрамоносцы наступали широкой колонной, по обеим сторонам которой разъезжали конные дозоры. По краям колонны двигалась кавалерия, прикрывая собой пехоту. Ну а в самом центре этого живого потока шли мирные переселенцы: женщины, дети, старики, жены, младшие сыновья и дочери офицеров разного ранга, и там же находились припасы, груженные на телеги и волокуши. Стоя наверху ущелья, Хар, младший из сыновей Дугхалла, последовавших за своим отцом, когда тот начал набирать добровольцев, готовых сражаться с еще гипотетическим в то время врагом, наблюдал за их приближением.

— Их, наверно, в тысячу раз больше, чем нас, — сказал он. — И хотя мы превосходим их в вооружении, численный перевес на их стороне. Они намного сильнее нас.

— Ступай же. — Его старший брат Намид, наблюдавший вместе с ним за ущельем, прикрыл глаза и потер виски. — Скажи Ренену, что они пришли. Нам потребуются люди на Длинном обрыве, Третьем мысе и Высоком мосту, чтобы устроить камнепады. И хороший запас зажигательных стрел. Еще мешки с ядовитым порошком для катапульт. — Он вновь посмотрел на врагов, которых на равнине перед ущельем было что травы в поле или песка на морском берегу. — И ради всех богов, скажи ему, чтобы поторопился.

Хар помчался, словно чувствуя, как смерть гонится за ним по пятам.

Разведчики врага скоро войдут в расселину скал, и они должны остаться при мнении, что их войско не встретит здесь сопротивления. Если они сообщат своим командирам, что все благополучно, Шрамоносцы войдут в ущелье, ничего не заподозрив, и тогда, быть может — *быть может,* — армия Дугхалла сумеет привести в действие устроенные загодя ловушки, произведя внизу изрядное смертоубийство и не попав под ответный уничтожающий удар. Хару доводилось слышать о том, как небольшие отряды сдерживали целые армии, заняв по умному расчету выгодное положение, а его братья и их офицеры успели обдумать, как наилучшим образом использовать каждую нишу и расщелину, всякий камень, который можно было найти в горах.

Но кто мог подумать, что нагрянет сразу столько врагов? Полчище их заняло всю равнину до самого горизонта. Сколько же нужно на всех них стрел? Сколько мешков с ядовитым порошком? Сколько камнепадов потребуется устроить?

Хар бежал по лагерю, и лица провожавших его взглядом солдат начинали мрачнеть. Они откладывали в сторону свои гуитарры, отрывались от девиц, походных котелков, вставали, избавляясь на ходу от остатков веселья и несерьезного настроения. Зрелище вражеской армии оставило свой след во взгляде и на лице юноши, и солдаты видели его.

Ренен схватил его за плечи у входа в палатку:

— Рассказывай.

— Они... пришли... — выдохнул Хар. — Их тысячи тысяч. Они идут широкой колонной... Как муравьи... Намид сказал... зажигательные стрелы. И еще людей — на Высокий мост... Длинный обрыв и Третий мыс. А еще ядовитый порошок для катапульт. Поспеши.

— Разведчики приходили?

— Нет еще.

Ренен кивнул.

Еще один брат — Тупи с острова Раскаленный Котел, оставивший там мать, которая умоляла его не уходить, — влетел в лагерь с западной стороны и бросился к Ренену.

— Людей на Второй Проход, и немедленно — выпалил он, задыхаясь. Тупи согнулся в поясе и уперся руками в колени, повесив голову, чтобы отдышаться. Наблюдательный пункт над Вторым Проходом находился дальше от лагеря, чем тот, что был устроен над главной частью ущелья.

— Сколько их? — спросил Ренен.

— Мы сперва подумали, что это тень движется на нас от далеких холмов, но это были не облака. Мы не могли поверить собственным глазам.

— А разведка?

— Мы видели, как от главного войска отделилось несколько отрядов. Некоторые из них были конными. Кроме того, среди них есть существа, которые могут летать.

— Кое-кто из Шрамоносцев умеет делать это.

— Мы хорошо замаскированы. Но чтобы выстоять, нам потребуются все подкрепления, которые ты можешь дать.

Ренен кивнул:

— Подкрепления в оба Прохода.

Хар посмотрел в глаза старшего брата и поежился, заметив в них внезапную пустоту. Сегодня люди пойдут умирать, и именно Ренен своим приказом пошлет их на гибель. Такой приказ может получить и сам Хар.

— Возвращайся обратно, — сказал Ренен, глядя на Хара, но как будто не видя его. — Скажи Намиду, что он получит все, о чем просит. Не трогайте разведчиков, если только они сами не нападут на вас и если вам придется убивать их, попытайтесь спрятать тела.

Хар кивнул.

— Беги, — сказал Ренен, поворачиваясь к Тупи.

Хар бросился назад тем же путем, моля богов позволить ему дожить хотя бы до следующего утра.

Первыми явились разведчики. Дюжина безобразных на вид наездников верхом на не менее кошмарных тварях ворвалась в ущелье, и еще не менее дюжины похожих на летучих мышей Увечных скользнули над скалами. Люди на наблюдательных пунктах лежали укрытые замаскированной под камень камуфляжной тканью и мысленно благодарили Ренена за то, что тот часто вспоминал изречение Халифрана: «Не важно, на что действительно *способен* враг, в своих планах учитывайте то, что он мог бы сделать».

Сооружая свои укрытия, они ворчали:

— Неужели наши враги способны видеть сквозь камень? Неужели они умеют летать?

Но Ренен лишь пожимал плечами:

— Возможно. Но мы убедимся в этом лишь после того, как узнаем, кто именно является нашим врагом.

И вот они узнали... они, полагавшие маскировку укрытий пустой тратой времени, считавшие, что Дугхалл и Ренен малость свихнулись и командир их лишь ради вздорной прихоти расплачивается золотом с людьми, таскавшими с гор камни, разрисовывавшими брезент и готовившими горные ловушки. Теперь, когда разведчи-

ки прилетели по воздуху и, не заметив ничего подозрительного, повернули назад, оказалось, что Ренен проявил блестящую предусмотрительность.

Разведчики удалились восвояси, и войско Ренена заняло заранее подготовленные позиции. По-прежнему укрытие маскировкой, они загружали мешки с ядовитым порошком в катапульты и определяли направление ветра, выясняя, понесет ли он клубы порошка в нужную сторону. Солдаты переносили коробки с зажигательными стрелами поближе к ямам, где сухое дерево и растопка, аккуратно сложенные и сухие, дожидались своего времени, чтобы дать силу огню, который полетит во врага. Они проверяли остроту клинков, что должны будут перерубить канаты, удерживавшие камни наверху скал. А потом, когда время пришло, все они припали к каменистой поверхности и, едва дыша, принялись наблюдать за наступавшим воинством чудовищ, а нутро их холодело и сжималось от страха, сердца колотились о ребра, рты наполнялись сухой горечью.

Хар, находившийся в одном из укрытий над ущельем, лихорадочно молился своим островным богам, упрашивая их позволить ему живым вернуться домой. Потом он торопливо и с надеждой помолился и иберанским богам, приглядывавшим за горами холодной чужой земли, в которой он оказался.

Когда внизу показались первые шеренги войска, Хар и все, кто был с ним, напряглись в ожидании сигнала. Юноша знал, что знак дадут не сразу, что враги должны углубиться в ущелье, прежде чем Ренен даст приказ атаковать. Поэтому первые сотни Шрамоносных чудовищ спокойно и уверенно проследовали под взглядами затаившихся, дожидающихся условного знака людей. Потом появились катапульты и осадные орудия — назначения некоторых из них Хар определить не смог, — их везли на огромных повозках, скрипевших деревянными колесами. Ущелье вполне позволяло идти в ряд целой дюжине солдат. Оно легко приняло в себя пришельцев с их пожитками и чудовищными упряжными зверями. Враг двигался бодро, постоянно высылая вперед разведку, однако Шрамоносцы не обнаруживали ни страха, ни смущения перед возможной ловушкой. На ходу они переговаривались между собой: вереницы огромных серых лохматых существ что-то мычали друг другу, обмениваясь информацией; крохотные серебристо-черные создания, похожие на обезьян в одежде, тявкали и чирикали, а бурые и мохнатые увальни — ни дать ни взять игрушечные медведи — рычали и рявкали, то и дело дергая ушами.

Шрамоносное войско затопило начало ущелья, и первые шеренги его уже исчезли за крутым поворотом, который солдаты Ренена назвали Первым мысом. Число уродцев, пото-

ком вливавшихся в расселину, не убывало, но теперь среди них обнаружились и те, кому вступать в сражение не положено: матери с младенцами на руках, крикливые подростки, бегавшие между телегами, игравшие друг с другом в догонялки или просто сидевшие на повозках; старики и больные, теснившиеся на мягких скамьях открытых фургонов. Хар смотрел на них, и внезапно он почувствовал дурноту, но уже не от страха. До этого момента он боялся смерти, боялся шагавших внизу солдат, боялся, что разведчики Шрамоносцев сумеют обнаружить их, прежде чем они успеют нанести свой удар.

Теперь же он понял, что среди врагов находятся не только воины, но и существа беззащитные, и что им грозит гибель, в том числе и от его собственных рук. Выросший на Имумбарранских островах, он так и не сумел проникнуться той ненавистью к Шрамоносцам, которую испытывал к этим созданиям каждый иберанец. Увечные нередко торговали с его народом и даже жили на краю архипелага. В этих шедших по ущелью существах он видел людей, и ему хотелось плакать. Как могли воины взять с собой детей и женщин? Как могли они рисковать всем, что им дорого? На что они рассчитывали?

— Им нужна вся Ибера, — ответил Намид, когда Хар в отчаянии прошептал свой вопрос. — Они покинули родные земли на Веральных территориях, чтобы отыскать себе дом вдали от отравленных чародейством Кругов.

Он вздохнул:

— Словом, приходится заключить, что с их точки зрения завоевать Иберу проще, чем Стрифию.

— Ну... *Стрифия*... — произнес Хар и тут же умолк, подумав о том, что на всем Матрине едва ли найдется народ, которому хватит безрассудства вторгнуться на территорию стрифиан.

Они выжидательно смотрели на бесконечную колонну, двигавшуюся внизу. Воины шли по обеим сторонам ее, а летучая разведка парила в воздухе. В основном крылатые Шрамоносцы пролетали ниже укрытия Хара, устроенного высоко на склоне горы, но некоторые скользили и над ним. Небоеспособные участники похода Увечных двигались в середине строя, там же ехали повозки с оружием и припасами. Хару уже казалось, что река эта никогда не кончится.

— При их скорости передвижения передовые отряды должны вот-вот появиться у Третьего мыса.

— Они еще недостаточно углубились в проход, — ответил Хар.

— Сколько бы Шрамоносцев ни оказалось в ущелье, на равнине их все равно останется чересчур много.

— Они поднимутся к нам по склонам.

— Когда мы сбросим на них камни, придется бежать, — кивнув, сказал Намид. — Те, кто еще не вошел в ущелье, сразу определят наши позиции, да и летающие разведчики тоже могут держать оружие. Не следует надеяться, что мы сможем остановить их.

— Придется бежать к Первому мысу.

— Придется. У нас там лучники. Они смогут хотя бы немного прикрыть нас.

Хар кивнул:

— Если я погибну, передай моей матери, что я сражался хорошо. Ладно? И скажи ей, что я любил ее.

Намид протянул руку брату:

— Клянусь. И передай моей матери то же самое, если погибну я.

— А как насчет отца?

— Он все узнает сам. Ему всегда было известно все, что происходило с нами.

Хар взял Намида за руку и произнес:

— Клянусь, что расскажу ей о тебе.

Они пожали друг другу руки и снова устремили все внимание к ущелью.

В раннем утреннем воздухе пропел рог — высоким, чистым и скорбным голосом.

Братья не колебались, хотя Хар старался унять слезы. Они перерубили тонкие веревки, удерживавшие на месте камни. Сколоченные из досок щиты упали, разрывая раскрашенный брезент, и каменный поток хлынул вниз, с грохотом обрушиваясь на головы Шрамоносцев. Шум такого же камнепада доносился до них и от начала ущелья.

Внизу раздались отчаянные крики, и ровные ряды врага рассыпались, как потревоженная палкой муравьиная колонна. Шрамоносцы бросились в разные стороны, некоторые пытались пробиться к началу ущелья, другие, наоборот, устремлялись вперед. Иные, не обращая внимания на упавших, метались между скалами, пытаясь отыскать безопасное место. Камнепады перекрыли проход у Третьего мыса и Высокого моста, у Длинного обрыва и у входа в ущелье. Как только Шрамоносцы оказались в ловушке — не все, конечно, только часть их войска, которой можно было преградить дорогу, — защитники ущелья начали с помощью катапульт бросать вниз мешки с ядовитым порошком. Мешки, сшитые так, чтобы они разрывались при падении, лопались и взрывались огромными облаками смертельной пыли. Из образовавшейся внизу белой пелены уже доносился надрывный кашель, звуки рвоты и мучительные вопли.

— Бежим, — крикнул Намид и бросился вон из укрытия. Хар последовал за ним, не сводя глаз с узкой и неров-

ной тропки, шедшей вдоль обрыва до Первого мыса. Летучих разведчиков врага нигде не было видно. Пойманный в ловушку авангард неприятеля погибал, и Хар начинал надеяться на то, что хоть кто-нибудь из богов услышал его молитвы и ниспослал ему, его многочисленным братьям и сражавшимся вместе с ними солдатам еще один день жизни.

Он заставлял себя не слушать доносившихся снизу стонов и воплей. Он попытался не думать о тех ужасах, которые сейчас творились там, о телах мужчин и женщин Увечного народа, раздавленных камнями, дергающихся от яда, сожженных дождем огненных стрел. Ведь он защищал свой собственный народ и участвовал в этой войне ради него. Ради мужчин, женщин и детей, живших в крохотных горных деревеньках, пребывавших в блаженном неведении и не знавших о приближении смертоносного воинства.

Хар попытался оправдаться в собственных глазах, однако и хладнокровным убийцей он не мог бы себя назвать. Простой паренек, оказавшийся вдалеке от дома и людей, которых любил всю свою короткую жизнь, он был вынужден убивать — но только потому, что с его точки зрения другого выхода не существовало. И даже в этот страшный миг он полагал, что иначе они поступить не могли.

Тем не менее Хара мучил горький стыд за людей — ибо его народ не нашел другого выхода из сложного положения, кроме столь ужасного смертоубийства.

Братья достигли Первого мыса и нырнули под камуфляжный полог, скрывавший стрелков, которые посылали свои стрелы во все, что еще шевелилось внутри ядовитого облака.

— Скоро придется отступить, — сказал один из солдат.

— Мы побеждаем, — ответил Намид. — Зачем же нам отступать?

— Потому что у нас кончился яд, почти не осталось стрел и нет больше камней. А они уже добрались до самой первой засады. Разве ты не видел их?

Оба брата могли видеть со своего места, которое они только что покинули, лишь уступ под собой, где как раз и находилось первое камнепадное устройство.

— Нет, — сказал Намид. — Мы не видели их.

— Мы не сможем долго удерживать эту позицию. Ренен уже приказал, чтобы мы отступали к Третьему мысу, когда еще раз прозвучит рог. Нам нужно будет прихватить с собой оставленные в пещерах боеприпасы. Тогда, может быть, мы сумеем нанести еще один удар Увечным, прежде чем переселимся в Вуаль, но второй раз Шрамоносцы так просто в ущелье не войдут. Нам предстоит жесточайшее сражение.

— Так что же нам делать? — спросил Хар.
Губы ветерана сложились в усталую улыбку:
— Бежать как зайцы и надеяться, что они не догонят нас.

Ренен, находившийся в своем укрытии над Высоким мостом и наблюдавший за обеими сторонами ущелья, испытал короткое мгновение торжества. Войско противника остановилось, когда его люди предприняли повторное нападение. Немногие уцелевшие в ущелье отхлынули назад. Он сосчитал потери своих погибших людей: при воздушной атаке, от вражеских катапульт и от одного мешка с ядом, который разорвался слишком рано, порошок просыпался и на своих — из почти тысячи человек, бывших в его распоряжении с утра, уцелело семь сотен. Тела врагов заполнили ущелье, в некоторых местах они лежали в три, четыре и даже пять слоев, и Ренен мог только догадываться об истинном числе павших, однако даже по грубой оценке, потери врага достигали десяти тысяч. Если судить по соотношению сил, эта битва при ущелье поставит его в ряд величайших полководцев прошлого.

Впрочем, у Ренена не было особых оснований для гордости. Половину погибших при первой атаке врагов составляли неспособные к бою. Раздавленные и затоптанные тела женщин, младенцев, подростков, стариков и старух лежали вперемежку с телами своих защитников. Но битва еще не окончилась, хотя сам он надеялся, что, дважды попав под смертоносную атаку, дважды уступив неодолимой силе, враг отступит, не догадываясь о том, что его люди израсходовали почти все боеприпасы и удерживать третью волну противника им нечем.

Он надеялся если и не на полную победу, которая заставит врага отступить, то по крайней мере на то, что армия Увечных остановится, чтобы выработать новый план действий, и таким образом даст ему и его людям возможность перегруппироваться и пополнить боеприпасы.

Однако противник собирал уже третью волну — силу, которая двинется в наступление с приходом темноты. Судя по тому, что открывалось его взору с Высокого моста, это третье войско числом не уступало двум предыдущим. И состояло оно лишь из готовых к бою солдат.

Десять тысяч бойцов против семи сотен, вооруженных лишь личным оружием: мечами, кинжалами, дубинками, пращами и щитами. А Шрамоносцев, остававшихся на равнине перед ущельем, хватит и на четвертую волну и, быть может, даже и на пятую. Его войско — невзирая на все усилия — сумело лишь задержать врага. Армии Увечных придется сначала разобрать завалы и унести тела, чтобы провести по ущелью свои боевые маши-

ны. Расчистив себе путь, полчище отправится дальше. И остановить его будет некому.

Ренен посмотрел на стоявшего возле него юношу — сына лучшей подруги его жены — и сказал:

— Труби отступление.

Глава 42

Даня, сидевшая на своем огромном лорраге, следила за тем, как из прохода убирали тела убитых. Погибло много детей, среди них были и дети карганов, которых она когда-то перевозила через реку Сокема собирать ягоды, а они, в свою очередь, учили ее тонкостям языка и жизни приютившего ее народа. Она почти любила этих детей.

А сейчас тела их были раздавлены и изуродованы, лица искажены в безмолвном крике, в выкатившихся глазах застыло испуганное выражение, мертвые взгляды их были тусклыми... их погасил белый ядовитый порошок.

Дети. Много детей.

Она посмотрела на Луэркаса, у входа в ущелье отдающего распоряжения отряду солдат-траккатов, выносивших тела. Смерть маленьких Шрамоносцев его не волновала, но разве этот чародей, заставивший ее погубить своими руками собственного ребенка, а потом укравший его тело, может опечалиться из-за гибели других детей? Что значит для него жизнь и смерть невинных существ?

Заметив на себе ее взгляд, он вскочил на лоррага и приблизился к ней:

— Драгоценнейшая матушка! Если подобное зрелище так расстраивает тебя, быть может, ты отъедешь подальше и присоединишься к женщинам и детям в обозе?

— Я не расстроена, — ответила она.

— Твои чувства я уловил еще там. — Он кивнул в сторону растущей груды тел. — Войны без горстки убитых не выиграешь.

Подняв голову, она холодно взглянула на него:

— Зачем эти смерти? Зачем погибли матери и младенцы? Для чего убиты старики, дети?

— Зачем вообще умирают люди? Не стоит ограничивать себя, раз уж ты начала спрашивать. — Луэркас пожал плечами. — Почему ты считаешь, что жизнь маленькой девочки стоит больше, чем жизнь обученного солдата? Почему ты оплакива-

ешь погибших детей, но не хочешь пролить и слезинки над убитыми мужчинами?

Даня, дочь Галвеев, от рождения приученная видеть в чувстве долга перед Семьей основу своей жизни, не колебалась с ответом:

— Люди, выбравшие путь солдата, должны быть готовы в любой момент расстаться с жизнью.

— Но неужели они любили жизнь меньше? Неужели смерть их не должна оплакиваться, раз жертва их вынуждена обстоятельствами? Неужели солдат, пребывающий в расцвете сил, теряет меньше, чем какое-нибудь несмышленое дитя или ничего вообще не ведающий младенец?

Даня бросила на него яростный взгляд.

— Похоже, ты решил убедить меня прекратить эту войну и вновь отступить в снега Веральных территорий... теперь, когда мы зашли так далеко?

— Вовсе нет. — Луэркас повернулся и пристально посмотрел на солдат, выносивших из ущелья последние тела и бросавших их в костер. — Я всего лишь хотел обратить твое внимание на твое же собственное ханжество. Ты полагаешь, что невежество и невинность делают жизнь более ценной, как будто те, кто должен еще много приобрести, имеют также право меньше терять. Тот факт, что погибшие солдаты вошли в это ущелье, зная, что могут умереть там, не делает заплаченную ими цену меньшей, чем та, которую заплатили дети, не подозревавшие об опасности. Напротив, они утратили больше, и я высоко ценю их мужество.

Луэркас повернулся, чтобы заглянуть в лицо Дане, и, увидев, что та воспринимает его слова всерьез, расхохотался:

— То есть высоко ценил бы его, будь они настоящими людьми. Но наши с тобой Шрамоносцы просто смышленые твари. Впрочем, уже скоро они начнут убивать — таких же людей, как и ты сама. — Чуть отъехав в сторону, он снова повернулся и ухмыльнулся еще раз. — Таких же людей, как и ты, — какой ты *была* прежде.

Ей захотелось закричать, высыпать на его голову проклятия. Но Даня не сделала этого, поскольку подобная примитивная выходка просто потешила бы Луэркаса. Она удовлетворилась тем, что представила себе, как он корчится у ее ног и просит пощады вместе со всеми, кто был ей должен: родными, не пожелавшими выкупить ее, Сабирами, насиловавшими ее, мучившими, калечившими своими чарами, и карганами, которые повернулись к ней спиной, когда она вновь обрела человеческое обличье... и всеми прочими, кто с той поры задевал ее, глядел на нее искоса, как бы сомневаясь в ее праве именовать себя Ка Икой, Богиней Лета. А теперь к ним добавились еще солдаты, отравившие детей-карга-

нов, которые заботились о ней, даже когда она перестала быть Галлоррой, владычицей лоррагов.

Она еще услышит их крики и мольбы о прощении. Их просящие, полные раскаяния голоса. Их отчаянные и запоздалые слова сожаления о содеянном. И тогда она увидит кровь тех, кто причинил ей зло. Лишь надежда на будущее отмщение тем, кто погубил ее, поддерживала теперь в Дане желание жить и заставляла ее бороться. Ей было достаточно мысли о будущей мести.

Глава 43

Огромный аэрибль «Утренняя звезда», все более и более отдаваясь во власть ветра, влачился в ночи на двух двигателях, почти лишившихся топлива.

— Нам придется приземлиться, — сказал Эйоуюэль.

Кеит глянула вниз — на освещенную лунным светом неровную прибрежную местность:

— Где мы находимся?

— Это еще не Костан-Сельвира. Было бы гораздо лучше, если бы мы приземлились там. Взяли бы горючее в посольстве Галвеев, может быть, починили бы и двигатели. А потом полетели бы туда, куда тебе нужно. Если мы приземлимся сейчас, нам придется пустить аэрибль на воздух.

— Зачем? — спросила Кеит.

— Чтобы сохранить тайну двигателей.

Кеит опустила руку на его плечо:

— Время Пяти Семейств ушло в прошлое. Галвеи больше не в состоянии хранить тайну воздушного полета. *Ни одна* Семья не сможет теперь найти мастеров и предоставить им все необходимое, чтобы те еще раз возродили созданную Древними машину. Те, кто мог бы это сделать, погибли, а необходимые механизмы уничтожены. Если мы отдадим аэрибль в руки ветров и они унесут его на морские просторы, то обречем на забвение весь труд, потраченный на их создание. Новых двигателей, вышедших из мастерских Дома Галвеев, чтобы заменить утопленные нами, уже не будет.

Эйоуюэль нахмурился:

— Не надо так думать. Галвеи до сих пор удерживают за собой владения в Территориях. Им принадлежат Путевой мыс, Паппас и Нагорье. Еще Галвейгия в Южной Новтерре. Так что не надо говорить, что Семья погибла.

— Но это так. Деньги текут из Калимекки в Территории — в дочерние города и новые колонии — в обмен на товары. Если зависимые земли перестанут получать от нас золото, они утекут от нас как вода сквозь пальцы. Истинная Семья находилась в Калимекке. Ее больше нет.

— И что же нам делать с аэриблем?

— Мы просто привяжем его. Оставим как есть. Скорее всего он просто погибнет, прежде чем кто-нибудь сумеет воспользоваться им. Но я бы предпочла, чтобы хоть кто-то все-таки смог разобраться в двигателе и даже скопировать его. Мне не хотелось бы, чтобы секрет управляемого полета вновь оказался утраченным на сотни и даже тысячи лет, а может, и навечно.

— Но кто же поймет, что надо делать с воздушным кораблем? Живущие на берегу рыбаки? Или селяне-земледельцы?

— Если мы оставим аэрибль целым, шанс останется, — настаивала Кеит. — Хотя, конечно, небольшой. Лучше чтобы он все-таки был.

Кеит провела пальцами по приборной доске и вздохнула:

— Семье потребовалось пятьдесят лет, чтобы разобраться в оставленных Древними манускриптах и чертежах и создать машины, с помощью которых можно изготовить двигатели. Галвеи потратили невероятное количество денег, чтобы построить и испытать аэрибли, сохраняя в секрете их устройство. Лишь в последние десять лет мы получили возможность путешествовать по воздуху. Я не хочу, чтобы это умение оказалось утраченным.

— Понимаю. — Эйоуюэль посмотрел вниз на землю, и Кеит заметила печаль в его глазах. — Я понимаю, что, оставив этот аэрибль, никогда больше не поднимусь в небо. Но я, как и ты, надеюсь на то, что кто-нибудь еще сделает это.

Люди Эйоуюэля, присягнувшие на верность Галвеям, вышли из гондолы на внешний трап, чтобы спуститься вниз по веревкам и причалить аэрибль где-нибудь на медленно скользившей под ними пересеченной местности. Кеит не завидовала им: людям этим предстояло сажать воздушный корабль не на гладкое, поросшее травой поле, а на усыпанный камнями участок земли, с одной стороны ограниченный утесом, а с другой — лесом. К тому же посадку придется совершать во тьме.

Где-то поблизости от кабины пилота Элси утешала своих детей, обещая им, что все будет хорошо, что они окажутся в безопасности и что она сумеет защитить их. И Кеит пожалела на мгновение, что ей самой не о ком заботиться, что рядом с ней нет близкого человека, ради которого надо быть отважной, спокойной и уверенной в себе.

Эйоуюэль потянул за цепь парового свистка, и те, кто находился на трапе, приготовились ожидать второго сигнала. Затем он развернул аэрибль кормой вперед, чтобы одновременно заглушить оба уцелевших двигателя и не позволить ветру унести корабль в сторону. Когда разворот завершился, Эйоуюэль снова потянул за цепочку, и солдаты спрыгнули за поручень вниз, заскользив по канатам к земле. Эйоуюэль опустил машину почти к самым деревьям, полагая, что стволы могут заменить причальные тумбы, однако он не мог приблизить корабль вплотную к ним, чтобы случайно не покалечить людей.

Кеит замерла в тревожном ожидании, а Эйоуюэль спокойно произнес:

— Они быстро причалят аэрибль. За последние несколько месяцев мы совершали этот маневр несчетное количество раз, отрабатывая все возможные варианты. Они — как и мы сами — летели не для того, чтобы погибнуть.

Опустив руку на его плечо, она кивнула:

— Прости меня. День был трудным и прошлая ночь тоже.

— Теперь все изменится к лучшему. — Эйоуюэль улыбнулся, не сводя глаз с панелей управления. — Обещаю тебе.

— Верю, — ответила Кеит, пожелав в душе, чтобы ответ ее не оказался лишь утешительной ложью.

Дугхалл и не предполагал, что аэрибль может так жестко шмякнуться о землю. Наполненная газом оболочка зацепилась за деревья, все поганое сооружение взвизгнуло, как свинья на бойне, а потом без всякого предупреждения один конец гондолы взметнулся вверх, а другой столь же резко опустился вниз, так что она оказалась в вертикальном положении.

Ноги внезапно потеряли опору, и Дугхалл соскользнул на перегородку кабины пилота, которая вдруг сделалась полом. Он схватил Лонара, когда мальчишка пролетал мимо него, метя прямо в дверь кабины, а Алви с кошачьим изяществом приземлилась рядом с ним без всяких проблем. Элси, не выпускавшая из рук внезапно пробудившуюся крошку Ретхен, застряла вверху на скамье, прикрепленной к гондоле, а теперь превратившейся в шаткий карниз. Она закричала, заглушив голос младенца, но сразу же умолкла. Внизу, под ногами Дугхалла, Эйоуюэль громко отдавал команды в открытый люк, а Кеит ругалась.

Полумрак, царивший внутри аэрибля, не позволял Дугхаллу видеть, что происходит снаружи, но он слышал отчаянные крики и топот по трапу, окружавшему гондолу.

— Мы потеряли заднюю газовую камеру, — крикнул Эйоуюэль. — Убирайтесь все оттуда, чтобы я мог выпустить и переднюю.

Ничего хорошего это не предвещало.

— А как я спущусь отсюда? — Элси сумела задать этот вопрос Дугхаллу почти непринужденным тоном, свидетельствовавшим о ее тесном знакомстве с трудностями жизни и хорошем воспитании. Мысль о детях придавала ей силы и мужество даже сейчас, когда она оказалась на этом насесте высоко над головами всех остальных, на сиденье, которое отчаянно раскачивалось при каждом порыве ветра, грозя сбросить ее вниз вместе с ребенком.

— Мама! — завопил Лонар, прижимаясь к Алви, которая обнимала его и поглаживала по голове.

Из прежде служившего дверью проема в полу появилась голова Кеит. Увидев наверху Элси с младенцем на руках, она сказала:

— Держись крепче. Камера с газом разорвалась, когда мы задели за деревья, но Эйоуюэль скоро выровняет корабль. Только не пытайся спуститься.

Покрепче прижав к себе Ретхен, Элси кивнула, и Кеит вновь исчезла в кабине.

Вскоре где-то снаружи полилась вода.

— Выпускает балласт, — пояснил Дугхалл.

Задняя часть кабины начала медленно опускаться, так что все, кто был в гондоле, могли удержаться на месте.

Впрочем, ощущение того, что смерть недалеко, не оставляло Дугхалла вплоть до того мгновения, когда ноги его прикоснулись к твердой земле. И он был благодарен судьбе за каждый новый вздох и даже за каждый полученный синяк. Бегство из Дома Галвеев, трудный полет, опасная посадка — все это, складываясь вместе, означало, что он находится далеко от привычных ему мест и первые его действия здесь будут легко предсказуемы и вполне тривиальны. Богов пока можно не беспокоить просьбами дать совет.

Во тьме он направился к берегу моря и скоро обнаружил, что идет не один.

— Когда я повисла на этой кормовой веревке и аэрибль вдруг задрал хвост, мне подумалось, что на этот раз мне уж точно не выжить, — произнес в темноте женский голос.

Одна из посадочной команды, подумал Дугхалл и усмехнулся:

— Мне это тоже пришло в голову. Когда гондолу дернуло вбок, я едва не обмочился. Уже представилось, как всех нас выбрасывает в океан — прямо в воду в какой-нибудь тысяче лиг от берега.

— Сильно ушибся?

— Пустяки, несколько синяков. А ты?

— Вывихнула правое запястье и поэтому освобождена от участия в разгрузке: не могу ничего нести.

Они вышли на скалистый берег и остановились перед игравшей на волнах лунной дорожкой.

— А ты видел в своей жизни что-нибудь столь же прекрасное? — спросила женщина.

— Нет, — искренне ответил Дугхалл. — Не могу даже вспомнить, когда жизнь казалась мне настолько привлекательной.

В его руку скользнула ладонь: мозолистая, маленькая, теплая, крепкая... полная жизни. Прикоснувшись к ней большим пальцем, он сразу же ощутил давно забытое возбуждение. В его нынешнем молодом теле проснулся мужской голод, он притронулся к щеке женщины другой рукой и провел кончиками пальцев по приоткрытым губам.

— Мы остались живы. Потанцуем? — предложила она с негромким смешком, и Дугхалл вдруг понял, что лунный свет, отражавшийся в глазах женщины, заворожил его. Сбросив сапоги, они принялись танцевать на сыром песке, обнимая друг друга, постепенно замедляя движения, плотнее и крепче прижимаясь друг к другу, пока наконец не замерли, сознавая неизбежность того, что должно сейчас произойти между ними.

Не сказав ни слова, они направились к небольшой плоской скале, стоявшей вдали от морского прибоя. Она еще не рассталась с дневным теплом, и когда Дугхалл прикоснулся к ее поверхности, камень показался ему почти что живым. Он обхватил женщину за талию и поднял наверх, а потом залез следом за ней. Встав на колени лицом друг к другу, они раскрыли друг другу объятия и слились в поцелуе.

Живой! — пело его тело. Я жив, невредим и свободен!

Левая рука ее запуталась в завязках его брюк, и, потеряв терпение, Дугхалл сам распустил их и сбросил с себя. Каким неловким стало это движение... он и забыл уже, как раздеваются на открытом воздухе, забыл за все эти долгие последние годы, когда таинство близости с женщиной — если до этого вообще доходило — совершалось в опрятной спальне, где даже сама одежда создана для того, чтобы ее легко было снять.

С растущим пылом он и молодая воительница раздели друг друга, вновь обнялись, соединились и приступили к делу под мерный гул и шипение волн. Дети природы, они растворились в этом великом, счастливом удовольствии, охватившем и погрузившем их в беззаботное самозабвение. Похоть, страсть и чистое, исполненное благодарности счастье от того, что они чудом остались в живых, укрепляли их пыл, и когда, удовлетворенные, они разъединились, им хватило нескольких мгновений, чтобы вновь начать искать телесного ублаготворения.

И наконец, устав от своего занятия, любовники со смехом обнялись и сели на камне — лицом к уже сереющему на востоке небу. Женщина извлекла фляжку из кармана брюк и

свинтила с нее колпачок. Сделав глоток, она передала емкость Дугхаллу. Тот последовал ее примеру, и восхитительный огонь доброго сондерранского ликера ожег его нёбо и согрел нутро своим теплым прикосновением.

— Смотри, — сказала она. — Солнце взойдет вон там. Восход — такое волшебное зрелище.

Они сидели на скале лицом друг к другу, уже накинув на себя кое-какую одежду. Небо сперва заалело, потом окрасилось в розовый цвет и, наконец, превратилось в оранжевое.

И в этот миг Дугхалл увидел, как чистейший зеленый луч вспыхнул над горизонтом и тут же погас, утонув в ослепительном блеске выглянувшего из-за моря светила, прежде чем он успел повернуть голову к своей подруге, чтобы показать это чудо и ей. Но она тоже видела зеленый луч. Охнув, она прошептала:

— Изумрудный луч предвещает удачу.

Эта зеленая вспышка вызвала в нем воспоминание о том дне, когда он прощался с Рененом, вспомнил он и слова напутствия, полученного от старшего сына. «Прежде чем годы возьмут свое, найди себе женщину и люби ее, — сказал тот. — Дерись, пей, танцуй... а на рассвете взгляни как-нибудь своими помолодевшими глазами на морские волны, чтобы увидеть зеленый луч, когда солнце поднимается из-за края воды».

В этот счастливый миг благое пожелание превратилось едва ли не в проклятие: за одну ночь он испытал все блага жизни, которых пожелал ему сын, кроме одного. И он почти не сомневался в том, что от неизбежной смерти его теперь отделяла лишь не состоявшаяся еще драка, его последняя битва с врагом.

Дугхалл поежился, разрушив тем самым чары этой ночи и этого блаженства. Женщина повернулась к нему с улыбкой, но в улыбке ее была и печаль.

— Какая чудная нам выпала ночь, — сказала она негромко. — Но теперь нас ждут дневные труды. Мне пора возвращаться.

Он кивнул и порывисто прильнул к ее губам.

— Такой ночи не было в моей жизни уже многие-многие годы, — прошептал Дугхалл. Погладив ее левую руку, он добавил: — Спасибо тебе. Быть может...

Он собирался сказать, *быть может, это мгновение когда-нибудь повторится*, но вовремя остановил себя. Мгновения никогда не повторяются. Сейчас они вернутся обратно, к аэриблю, и она вновь станет воином, а он одним из членов Семьи, которую она охраняет. И между ними не протянется тропка, по которой можно будет иногда ходить, ведь для дорожки этой нет места в мире, где они живут. Одну-единственную ночь они были

равны — двое чудом выживших людей, радующихся жизни на скалистом берегу. Но восход солнца вернул их в привычный мир.

Печально улыбнувшись, она ответила поцелуем:

— Я всегда буду помнить эту ночь. Всегда.

Кивнув, он ответил комплиментом:

— И я тоже, моя красавица.

Он не стал спрашивать ее имени: его нетрудно будет узнать в самое ближайшее время, и когда оно станет известно ему, эта женщина навсегда поселится в его сердце. Но он никогда не станет называть ее имя вслух. Одевшись, они спустились со скалы и направились вдаль от берега — к сапогам, лежавшим у крайней отметки приливов. Они вытряхнули из обуви крошечных голубых крабов, устроивших себе там ночлег, со смехом обулись и неторопливо зашагали к аэриблю.

— Я знаю, что его здесь нет, — сказал Ян, — но дело не ждет. Куда он подевался?

Кеит в точности знала, где находился Дугхалл, знала и то, чем он занимался все эти ночные часы.

— Он скоро вернется. А что случилось?

— Алви попросила меня привести его к ней. То, что она узнала у дороги, не предвещает нам ничего хорошего. Алви испугана и ждет там же, у дороги. Она сказала, что может рассказать о том, что ей стало известно, но не хочет повторять это перед каждым в отдельности.

Кеит поднялась.

— Я схожу за ним, — сказала она, но идти ей не пришлось. Дугхалл уже подходил к лагерю, и улыбка еще не до конца сошла с его губ. Но в тот же миг Кеит с горечью увидела, как улыбка эта вдруг исчезла и печаль, проступившая в глазах Дугхалла, наполнила ее душу жалостью к дяде. Тем не менее Алви и ее новости — какими бы они ни оказались — ждать не могли.

Ян повел их обоих к дороге — к маленькой девочке, стоявшей на ней.

— Вот и мы, — сказал Дугхалл. — Что ты обнаружила, дитя мое?

— Идет беда, — ответила она. — И у нее чересчур много ног. Дорога кричит о муках умирающих и плачет по погибшим. Она говорит мне о страданиях, страхе и смерти, но не от болезни. Идет война.

— А откуда приближается война? — спросил Дугхалл. Кеит заметила, как сжались его губы; лицо дяди превратилось в маску спокойствия, однако она чувствовала исходивший от него запах страха.

— Оттуда, — сказала Алви, указывая на юго-восток. Туда, где находились вместе с войском сыновья Дугхалла.

— Что еще сказала тебе дорога? — спросил он.

Голос его дрогнул, хотя он и попытался скрыть это.

— Можешь ли ты сказать, кто жив, а кто умер?

Алви качнула головой:

— Все убитые незнакомы мне, и сейчас они слишком далеко от нас. Одиночные голоса утопают в общем шуме. — Помедлив немного, она продолжила: — Я могу сказать лишь, что многие бегут, спасая свою жизнь, а другие преследуют их. И ничего больше, кроме того, что они движутся прямо на нас.

Ян и Кеит обменялись взглядами.

— Это и есть то нападение, о котором ты говорил? — спросила Кеит дядю.

— Наверное, да, — ответил Дугхалл. — Так говорит мое сердце. И нутро тоже. Придется мне провести некоторое время над *зандой,* и когда я закончу гадание, все станет ясным.

Он направился к лагерю, а Кеит нагнулась и крепко обняла Алви:

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне жаль, что мой отец не был хорошим человеком, — ответила та. — Но мне хотелось бы, чтобы он остался в живых и чтобы у меня был человек, которого можно любить.

— Я знаю. Мне очень жаль.

— Я пыталась уловить какой-нибудь знак от него, когда узнала, что к нам приближается война, — продолжила Алви. — Я хотела отыскать его душу... узнать, видит ли он меня. Ищет ли. — Слезы бежали по щекам девочки, и голос ее дрожал. — Я хотела убедиться в том, что он любил меня. Ведь он *пришел* за мной.

— Алви, за всю жизнь он не знал ничего лучшего, чем ты, — уверяла ее Кеит. — Он любил тебя. Я слышу внутри себя его голос и могу прикоснуться к его воспоминаниям. Ты занимала в его сердце особенное место. Его мысли о тебе были по-настоящему чисты и добры. Верь мне.

Глава 44

Дугхалл отправился со своей *зандой* на скалу — ту, на которой провел ночь с женщиной. Он разложил черный шелк на сглаженной ветрами и дождями поверхности камня и сел скрестив ноги и зажав серебряные монеты в левой руке.

Все, что мы делаем в жизни, бывает в первый и в последний раз. Обычно мы помним первый и редко подозреваем, что последний окажется последним. Слова Винсалиса, предваряющие его «Книгу мук». Эта фраза навсегда осталась в его памяти. Солнце согревало его лицо, ритмичный шум прибоя и запах соленой воды успокаивали, а негромкие крики береговых птиц, сновавших у края воды и отбегавших от нее, словно в опасении замочить ноги, казалось, лишь подчеркивали значимость мгновения, одновременно и блаженного, и страшного.

Помолодев телом, в душе он по-прежнему оставался стариком, наделенным старческой памятью и страхами. В юности, делая что-то, не думаешь о том, что, возможно, занимаешься этим в последний раз; к старикам подобные мысли приходят нередко. И Духгаллу сейчас казалось, что таких ночей, как прошедшая, в его жизни больше не будет.

В руке его лежали тяжелые монеты. Он закрыл глаза, сосредоточиваясь и прогоняя тревожные мысли, а затем просыпал монеты на потрепанный уже шелк и посидел немного с закрытыми глазами, потому что не хотел видеть, что ожидало его в будущем. Наконец, он заставил себя взглянуть на *занду*.

Она подтвердила ему, что он отправился в то самое неприятное путешествие, предвещанное предыдущим гаданием, — путешествие, которое следовало предпринять, чтобы оставалась надежда на победу. Еще *занда* говорила, что неизвестный враг будет обнаружен на полпути к нему. Конечно же, во главе войска, которое идет по пятам его сыновей, окажется Дракон, подумал Дугхалл.

Сектор Долга сообщил ему, что расплата уже недалеко, и Дугхалл вдруг поймал себя на мысли о том, что не худо бы знать, чего именно хотят от него боги, если, с их точки зрения, он еще не исполнил свой долг.

Лишь не знающий Бога способен познать истинное счастье, написал Винсалис в один из самых мрачных моментов своей жизни, *ибо у этого человека нельзя попросить ничего такого, что он обязан отдать ради сохранения своей души.* Позже, в «Книге мук», он вывернул эту мысль наизнанку, однако Дугхалл находил некоторое утешение в том, что некогда Винсалис думал именно так.

Одна из частей предсказания как будто бы относилась непосредственно к Кеит и Ри: любовники, разделенные своим — и его — словом и действием, ради общего блага посмотрят в лицо собственной смерти.

Наиболее загадочным обстоятельством было то, что все рассыпанные по шелку монеты давали двойственное предсказание. Те, кого он любит, либо погибнут окончательно и бес-

поворотно, либо спасутся. Силы, выступившие против Матрина, уничтожат мир или проиграют сами. Здоровье его останется крепким, а состояние увеличится... или же все будет наоборот.

Дугхалл подумал, что никогда еще не видел столь бессмысленного расположения монет, и принялся разгадывать смысл монеты *Сам*, которая лежала оборотной стороной вверх и изображением, повернутым прямо к нему, точно в центре *занды*, в точке, где смыкались все сектора.

Оборотная сторона самости — это пренебрежение собой. Если бы монета легла вверх оборотной стороной, но изображение было бы повернуто в сторону от него, это означало бы пренебрежение осознанной мыслью собственным пониманием ситуации. Но сейчас она указывала именно на пренебрежение самим собой, исходящее из самой сути человеческого существа, рождаемое не мыслями его, а внутренней потребностью. Бессознательной реакцией, настолько знакомой телу, что оно спрашивало совета у ума, выбирая образ действий или путь.

И монета, лежащая в самом центре *занды* и таким образом определяющая смысл всех остальных, означала именно то, чего боги потребуют от него. Глубокое, до самых недр души, отречение от себя.

И это при том, что, по мнению Дугхалла, во всем мире не могло бы найтись эгоиста более последовательного, чем он.

В какой-то момент, в самом ближайшем будущем, ему нужно будет сделать выбор. И выбирать ему придется в чрезвычайно тяжелой... даже мучительной ситуации. Ему придется отдать то, что он любит, — *занда* самым определенным образом свидетельствовала об этом, хотя конкретно ни на что не указывала. Если он выберет один путь, то останется здоровым и приобретет богатство, Матрин будет процветать, а те, кого он любит, избегут смерти. Если он пойдет другой дорогой, Матрин будет лежать в руинах, близкие ему люди погибнут, а его самого ждет потеря здоровья, денег, а возможно, и жизни.

Впрочем, мрачно подумал он, скорее всего комбинация эта еще изменится. Ничто на *занде* не позволяло считать какой-либо путь ведущим лишь к благу или же лишь ко злу и скверне. Возможно, ему нужно будет пожертвовать любимыми, чтобы спасти Матрин, или, напротив, принести в жертву свои состояние и здоровье, чтобы спасти любимых, или же позволить погубить Матрин, которому он служил всю свою жизнь, чтобы спасти населявшие его народы.

Облитые солнечным светом монеты сверкали на черном шелке — серебряные указатели возможных путей отливали золотом, этим вечным сиянием вселенной. А сам он находился сейчас в точке расхождения этих возможных дорог, словно паук,

засевший в самом центре своей паутины. Боги дали ему понять, что они вознамерились взвалить все проблемы мира на его плечи, что в ближайшем будущем они скажут ему — а ну, выбирай, и выбор этот будет таков, что сделать его страшно даже Богу.

Дрожащими руками Дугхалл собрал монеты, тщательно завернул их в шелк и положил в сумку. Размышляя, он еще некоторое время посидел на камне. Даже отказ от выбора — это тоже выбор, хотя почти наверняка ошибочный. Он мог убежать от приближавшихся врагов, мог убежать от своего долга. Боги всегда оставляли открытую дверь для тех, кто считал бегство наилучшим вариантом. Но если он поступит так, вне всяких сомнений, осуществится наихудший из всех предложенных *зандой* вариантов. Он распрямил спину и поднял лицо к солнцу.

— Я по-прежнему остаюсь твоим мечом, Водор Имриш, — произнес Дугхалл спокойным, твердым и уверенным голосом. — Извлекай меня из ножен и используй, как найдешь нужным.

Глава 45

Через пять дней после начала плавания «К'хбет Рху'уте» приблизился к северной оконечности архипелага Тысячи Плясунов и гавани Гофта. Ри все еще оплакивал смерть Джейма. Морские похороны вконец расстроили его, и он не был готов к тому, что предстояло сделать, но лучшей возможности в будущем могло и не представиться.

Ри осторожно оповестил всех, сохранивших верность Яну. Те, кто мог сделать это, не вызывая подозрений, должны были собраться на корабле в условленном месте, остальным предстояло встретиться с Янфом на берегу в «Коралловой богине». Вдвоем они продумали план действий обеих групп, не пожелав для этого ночного времени, старательно запоминая все, что нельзя было занести на бумагу. Если их ждет успех, если они найдут Яна живым и здоровым, быть им обоим героями. Если же задуманное предприятие провалится, Ррру-иф объявит мятежниками их обоих и всех их сторонников и повесит на рее, не удостоив потом даже простейшей церемонии погребения в море. Тела их просто выбросят за борт как кухонные отбросы — на корм рыбам.

Когда большая часть моряков отправилась на берег для короткого отдыха, Ррру-иф собрала у себя в каюте гостей. Званными на обед оказались верные ей первый помощник и главная наложница, казначей, тайно преданный Яну, а также Ри.

У входа в каюту были поставлены в качестве охраны двое Шрамоносцев-Кеши.

Впятером они сели за роскошный пиршественный стол. Тут были обжаренные в подслащенном медом масле бананы, засахаренные бобы, сладкая кокова, налитая в изображающие причудливых рыб кувшины, приготовленное на пару дельфинье мясо с черным рисом, тушеный тунец и печеные клубни, нафаршированные сыром, мясом и виноградом, ароматное печенье, пресные и сладкие пирожки. Пили они воду, чистую как сам воздух, из кубков, заполненных шарами лимонного льда, — напиток настолько редкостный и дорогой, что Ри, отпрыск одной из знатнейших Семей Матрина, за всю жизнь лишь трижды пробовал его.

— Пейте и ешьте, мои дорогие друзья, мои добрые товарищи, — молвила Ррру-иф, указывая на блюда.

— Ты кормишь нас словно королей, — сказал Ри.

Ррру-иф улыбнулась:

— Все мы будем королями, мой друг. Завтра мы отплываем в Калимекку — к новой, заслуженной нами жизни. — Она опустила одну руку ладонью на стол, а другую приложила к сердцу. — Предлагаю выпить за всех нас: за Бемъяра, который поведет корабль навстречу новой судьбе и будет командовать экипажем; за Китдреля, который приведет нас туда, где хранится богатство, на которое мы купим наше владычество; за Ри, который обучит нас правилам аристократической жизни и приведет нас к параглезиату; за Гретен, которая станет параглезой по имени и перед которой все будут стоять на коленях; и, наконец, за меня, истинную параглезу, перед которой когда-нибудь с почтительным трепетом склонятся все жители великого города.

Все четверо гостей приложили ладони к столу и сердцу и произнесли:

— За нас.

Во время обеда они слушали речи Ррру-иф, толковавшей о будущем, о той великой роли, которая предстоит каждому из них, о несравненной славе и почестях, ждущих ее друзей, когда, став параглезой собственного семейства, она станет жить в чудесном и великом Доме — из тех, что высятся на холмах над величайшим городом мира. Ри позволил ей в полной мере насладиться созерцанием будущего, а потом, выбрав удобный момент, сказал:

— Кстати, капитан, не забудь, что следует позаботиться и о себе. Калимекка — это город слухов и россказней, а сплетня — одно из младших божеств, и ее чтят даже в высших кругах. В городе есть люди, которых зовут изыскателями. Вся жизнь их проходит в изыскании тайн могущественных лиц. Обнаружив таковые, они продают эти секреты тем, кто может заплатить

подороже. Если кто-нибудь из твоего экипажа знает что-то плохое о тебе, лучше оставь его здесь, в Гофте, и замени тем, кто не сможет очернить тебя.

— Ты полагаешь, у меня есть секреты? — спросила Ррру-иф.

— Не полагаю, а знаю: секреты есть у каждого. Предполагаю я другое: что лишь тебе одной известно, есть ли среди них опасные для тебя... такие, за которые изыскатель предложит, скажем, тысячу золотых — если сочтет твою тайну достойной таких денег и если, разумеется, среди экипажа найдется человек, который согласится поведать о ней за деньги.

Нахмурясь, Ррру-иф посмотрела сперва на Бемъяра, потом на Китдреля, затем на Гретен. Каждый из них чуть качнул головой, а Китдрель сказал:

— Все мы офицеры и разделяем с тобой вину за любые решения, которые тебе приходилось принимать.

— В отличие от матросов, — заметил Ри.

— Да, — согласилась Гретен, мрачно разглядывая бокал с ледяной водой. — Ты прав.

— Итак, тебе известно о фактах, которые можно использовать против тебя?

— Да.

— И многие знают о них?

— Больше половины экипажа.

Ри присвистнул:

— Нельзя рассчитывать на молчание столь многих людей.

— Нельзя. Поэтому придется действовать. — Ррру-иф закрыла глаза и потерла переносицу двумя пальцами.

— В Гофте достаточно моряков, чтобы набрать новый экипаж, — заметил Китдрель.

— Здесь хороший порт, — кивнул Бемъяр. — Я могу без труда заменить большую часть матросов. Однако кое-кто из них наверняка не захочет покидать корабль.

— Щедрая оплата предотвратит недовольство, — сказал Китдрель.

— Но не настолько щедрая, чтобы излишние траты могли помешать исполнению моих планов.

— Конечно, напрасные расходы здесь ни к чему.

— Быть может, оповестить экипаж о том, что, по слухам, в Калимекке свирепствует мор и что ты не хочешь подвергать опасности их жизни? — предложила Гретен.

— Нет, — возразил Ри, — из всех возможных объяснений всегда надежнее самое простое, а там, где удобного объяснения нет, лучше вообще обойтись без него. Просто скажи им, что всех увольняешь и набираешь новый экипаж. И выдай мат-

росам больше денег, чем полагается в таких случаях. Ну а то, что они не будут знать причин, — он пожал плечами, — что ж, на то ты и капитан.

— Он прав, — согласился Бемъяр. — Лучше не давать никаких объяснений. Нам с тобой нужно просмотреть список экипажа, чтобы решить, кого мы оставим, а кого заменим.

— Уволь всех — чтобы не было никаких любимчиков.

Глаза Гретен округлились, она приоткрыла рот, чтобы выразить несогласие, но, так и не издав даже самого тихого звука, плотно сжала губы и, побледнев, принялась разглядывать стол. Рррруиф ничего не заметила. Интересно, подумал Ри, с кем же из членов увольняемого экипажа она разделяет какую-то тайну? И какую именно? Можно ли сделать из нее союзницу?

Гретен была симпатична Ри, а Янф, каждый день находивший на корабле какой-нибудь укромный уголок для встречи с ней, просто обожал эту женщину. Ри подумал, что для всех них будет лучше, если она поможет им возвратить корабль законному капитану, чем заслужит себе оправдание во всех предшествующих прегрешениях и избежит повешения вместе с ее госпожой.

«Надо будет обдумать это и переговорить с Янфом».

Когда с обедом было покончено, Рррру-иф велела Бемъяру:

— Собери оставшихся на борту моряков и скажи им, что всем предоставляется недельный отпуск. Сойди с ними на берег и начинай набирать новый экипаж. Когда наберется достаточно людей, объявим, что старый экипаж уволен. — Она повернулась к Китдрелю: — И тогда ты расплатишься с ними и выдашь премии. Те, кто будет возражать, получат только обычную плату, без премии. Дай им понять это с самого начала. — Она прикрыла глаза. — Впрочем, я думаю, что мне придется оставить своих телохранителей-Кеши. Они обязаны мне жизнью, и я доверяю им так же, как и любому из вас.

Может быть, и поболее, подумал Ри, сдерживая улыбку, готовую заиграть на его губах. Вместе с верными Яну членами экипажа, которых Китдрель без труда проведет на корабль, и новыми моряками — а Ри был уверен, что они пойдут на все, только бы не оказаться замешанными в бунте, поднятом Рррру-иф против законного капитана судна, — он без особого труда арестует самозванку и немногих верных ей моряков, в том числе и двух или трех Кеши.

Бемъяр и Гретен, сами того не подозревая, уже послужили его интересам. Оставалось надеяться, что они окажутся не менее полезными и в дальнейшем.

— Я не могу найти ни одного моряка, который согласился бы наняться на корабль, отплывающий в Калимекку, —

объявил Бемъяр день спустя. — Город опустошен каким-то чудовищным мором, и все, кто слышал об этом, боятся даже заходить в его гавань. Говорят, что она забита стоящими на якоре кораблями, а на палубах их догнивают трупы. Еще говорят, что на улицах снуют полчища крыс, река в нескольких местах перегорожена мертвыми телами, а мухи летают повсюду огромными тучами, настолько плотными, что, поднимаясь в воздух, они затмевают само солнце!

Ри вспомнил о магическом ударе, который он почувствовал на пути в Хеймар, — гигантской волне чар, оповестившей его об уничтожении Зеркала Душ. Зеркало отправилось в мир иной не в одиночестве — он и раньше подозревал об этом, хотя и не задумывался над тем, какой ущерб оно могло причинить городу. А еще он знал, что, если плыть на юг вдоль берега, моряков можно будет набрать в два счета. Однако Ри не мог сказать этого первому помощнику. Бемъяр был верен Ррру-иф.

Он подумал о Китдреле и улыбнулся:

— Бемъяр, пошли Китдреля нанимать их. Ему с точностью до грошовой монетки известно, сколько мы можем заплатить матросу. Ручаюсь, он сумеет найти людей, готовых за хорошие деньги поплыть в самые зубы смерти.

Первый помощник на мгновение задумался, а потом пожал плечами. Он посмотрел на Китдреля, и тот ответил:

— Я сделаю все, что могу. Не разделяю уверенности Ри, однако надеюсь, что сумею отыскать столько моряков, сколько нужно, чтобы просто добраться до Калимекки, хотя бы им и пришлось работать по две вахты, а мне — платить им больше, чем полагается.

— Затраты оправдают себя. — Ри улыбнулся Бемъяру. — Наш капитан стремится попасть в высшее общество Калимекки. Сейчас, когда город в смятении, ввести ее в круг Семей будет намного легче. Если она, обосновавшись в городе, сможет навести в нем порядок и вернуть ему спокойствие — в то самое время, когда жители Калимекки более всего нуждаются в этом, люди будут благодарны ей за такое благодеяние.

Бемъяр поднялся со скамьи и сказал:

— Я поговорю с ней. Скорее всего, Ри, тебе придется пойти со мной, чтобы сказать ей то же самое, что я только что услышал от тебя.

Они отплыли уже через день. Новый немногочисленный экипаж был тайно дополнен верными Яну людьми, большую часть времени скрывавшимися в трюме. Уже в море всем новичкам доходчиво объяснили, что Ррру-иф мятежница и бунтовщица, похитившая корабль у законного капитана и бросившая его с несколькими людьми на берегу далекой Новтерры. Те, кто

плавал на «Кречете», подтвердили это, добавив, что корабль необходимо вернуть истинному капитану, чтобы тот занял свое законное место. И в довершение новичкам намекнули, что капитан, конечно же, будет благодарен им и щедро наградит всех, кто поможет ему вернуть его собственность.

Словом, когда они оставили позади самый южный мыс Гофта и вышли в открытое море, Ри подал знак, и люди Яна схватили Ррру-иф, Бемъяра, Гретен, Кеши, охранявших Ррру-иф. Вооруженные мечами моряки привели всех пленников на палубу.

Когда все собрались и новый экипаж выстроился вдоль борта, Китдрель выступил вперед, развернул бумагу и зачитал вслух:

— Ррру-иф Й'Италлин, каютная служанка на «Кречете», принадлежащем капитану Яну Драклесу, обвиняется в измене, подстрекательстве к мятежу и осуществлении мятежа, а также в подстрекательстве к убийству членов экипажа и в убийстве их путем злодейского оставления в местности, непригодной для жизни, и, наконец, обвиняется в попытке убийства законного капитана корабля тем же способом, в обмане доверившегося ей капитана и в краже означенного корабля. Чем ты ответишь на эти обвинения?

Ррру-иф окинула взглядом вновь набранных моряков, выстроившихся на палубе, и улыбнулась Китдрелю:

— Кит, ты так и сказал им? Что я мятежница? Значит, ты сам задумал стать капитаном «К'хбет Рху'уте», оболгав меня? Ты же не хуже меня знаешь, что я была первым помощником капитана Драклеса, а сам он вместе со многими другими моряками погиб в Круге Чародеев возле берегов Северной Новтерры. Ты позаботился о том, чтобы на борту не осталось никого из тех людей, кто может поручиться в истинности моих слов, — если не считать тех, кого ты арестовал вместе со мной... Однако ты, похоже, забыл, что на корабле нет и тех, кто может клятвенно подтвердить твою ложь.

— Позовите свидетелей, — крикнул Китдрель.

Верные Яну члены экипажа поднялись на палубу из трюма, и лицо Ррру-иф вытянулось.

— Ага. Значит, ты отыскал нескольких врале́й, готовых солгать ради наживы. Ты посулил им крупную награду, Кит? Должно быть, пообещал разделить между ними мою долю золота, хранящегося в корабельных кладовых?

Повернувшись к новым членам экипажа, она сказала:

— Имейте в виду, став на сторону этих мятежников, вы станете такими же бунтовщиками, как и они. Я позабочусь, чтобы вас повесили за ваши преступления. Мою правоту в этом вопросе мог бы подтвердить лишь сам капитан Ян Драклес, и, будь он еще жив, Ян первым рассказал бы вам о моей безукоризненной службе в качестве первого помощника и о моих отчаянных попытках спасти его жизнь.

Шагнув вперед из строя, Ри отвесил Ррру-иф насмешливый поклон:

— Рад слышать эти слова из ваших собственных уст, госпожа капитан. Сейчас мы направляемся как раз туда, где находится капитан Драклес.

На мгновение темное лицо ее исказила гримаса откровенного страха. Но, тут же овладев собой, Ррру-иф надменно улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, Китдрель сообщил тебе, что знает, где искать капитана Драклеса? Учти, он лжет. Должно быть, отыскал человека, согласного разыграть роль Яна, и подобрал лжесвидетелей, которые подтвердят, что этот обманщик и есть истинный капитан Драклес.

— Меня обмануть невозможно, — возразил Ри. — Я знаю своего собственного брата.

— Ложь! — вдруг завизжала Ррру-иф. — Ложь! Ян погиб! А вы все сговорились против меня. — Она повернулась к Гретен: — Скажи им! Скажи им правду!

— Я не была с тобой, когда вы плавали в Новтерру. Я не знаю правды, — ответила Гретен.

— Бемъяр! Ты был с нами. Ты знаешь, что там случилось! Скажи им.

Бемъяр посмотрел на Ррру-иф такими глазами, словно бы шею его уже охватила удавка. Качнув головой, он отступил от нее настолько, насколько позволяли направленные в его спину мечи.

— Они говорят правду, Ррру-иф. Я не знаю, остался ли в живых капитан Драклес. Но все выдвинутые против тебя обвинения справедливы.

Глаза Ррру-иф сузились, и она оскалилась.

— Трус. Ты думаешь, что если отречешься от меня, то твоя шея избежит вполне заслуженной ею веревки? Г'граал, и ты, Г'гморриг, скажите же правду этим несчастным дуракам, чтобы они не портили себе жизнь.

Оба Шрамоносца-Кеши обменялись долгим испытующим взглядом, а затем потупили глаза.

— Скажите же им! Приказываю вам! — настаивала Ррру-иф.

Ни один из Кеши не ответил ни словом.

— Как капитан этого корабля, — взвыла Ррру-иф, — я властна над вашими жизнями! Я добьюсь, чтобы вас всех казнили за ваше предательство! Казнили!

— Заприте ее в карцер, — велел Китдрель и повернулся к Бемъяру: — Ты можешь избежать наказания за участие в мятеже, если поможешь нам. Бери на себя управление кораблем и веди нас в Костан-Сельвиру. Там мы встретимся с капитаном Драклесом. Ри знает, где он находится.

Бемъяр опустил взгляд:

— Я трус, Кит. И всегда был трусом. Я стану на вашу сторону лишь для того, чтобы спасти свою жизнь.

— Если тебе известно, что правда может спасти твою жизнь, нет стыда в том, чтобы стать на ее сторону, — сказал Ри. — Ты не проявишь трусости, поступив подобным образом.

— Нет. Я выжег на собственном лбу клеймо труса, когда позволил себе прислушаться к уговорам Ррру-иф. Я никогда не смою с себя это пятно. — Он повесил голову. — Но теперь я буду служить вам. И если мне не возместить ущерб, в прошлом нанесенный мною Яну и другим людям, то по крайней мере я могу избавить себя от совершения новых ошибок.

— Тогда становись к штурвалу, первый помощник, — сказал ему Китдрель. — Ян Драклес увидит, что ты хорошо послужил ему.

Он повернулся к наложнице:

— Гретен, ты не участвовала в мятеже, но ты верна Ррру-иф. Если ты будешь вредить нам, тебя придется убить. Хочешь ли ты, чтобы тебя посадили в карцер вместе с Ррру-иф? Уголовные обвинения к тебе не относятся, но мы высадим тебя на берег, когда возьмем на борт капитана Драклеса и его людей.

— Я не знаю, чего хочу, — ответила Гретен. — Если можно, оставьте меня в моей каюте. Клянусь Темным Богом, я не причиню вам неприятностей.

— Мы слышали твою клятву и свидетельствуем ее, — произнес Китдрель, а затем посмотрел на Ри.

— Я также свидетель твоей клятвы. Да покарают тебя боги, если ты нарушишь ее.

— Мы не будем запирать тебя в твоей каюте. По кораблю ты можешь передвигаться без ограничений, только не приближайся к карцеру.

Гретен кивнула и повернулась, чтобы уйти. Охрана пропустила ее. Нерешенной осталась лишь судьба двоих Шрамоносцев-Кеши.

— Вы оба принадлежите ей, — сказал Китдрель. — Отдана ли ей ваша верность?

Ни один из Кеши не ответил ни слова.

— В качестве временного капитана корабля, — обратился к ним Бемъяр, — я обладаю властью даровать вам свободу. И поскольку вы не будете больше принадлежать ей, сможете говорить, что пожелаете, и поступать как угодно, не опасаясь смертной казни, положенной тому, кто предал своего господина.

— Освободи их, — сказал Китдрель.

— Перед ликом Тонна объявляю вас свободными, — провозгласил Бемъяр. — С этого момента вы отвечаете лишь перед своими богами и собственной совестью.

— Я готов выслушать вашу клятву и засвидетельствовать ее, — заявил Китдрель.

— И я тоже, — добавил Ри.

— Боги свершат над вами свой суд, если вы нарушите клятву, — напомнил Китрель.

Кеши переглянулись, и один из них — Ри не смог определить, Г'граал то был или Г'гморриг, — наконец решился.

— Я даю эту клятву и, как свободный человек, присягаю, что обвинения, выдвинутые Китдрелем против Ррру-иф, справедливы, — прогудел он столь низким голосом и с таким сильным акцентом, что Ри с трудом удалось разобрать слова.

— Приношу клятву вместе со своим братом, — промолвил второй Кеши.

— Тогда вы также можете передвигаться по всему кораблю, — сказал Китдрель, — только не подходите к карцеру. Если вы окажетесь возле него, вас убьют.

Оба Кеши кивнули.

Китдрель повернулся к матросам:

— Окончательное решение по делу вынесет капитан Драклес. Посему передаю командование судном временному капитану Бемъяру Илори.

— Капитан, — он поклонился, — Ри Сабир сообщит тебе, как отыскать капитана Драклеса.

— Плывем на юг, — коротко отозвался Ри. — До Костан-Сельвиры.

Бемъяр указал на одного из моряков и сказал:

— Ты, Вуутан, будешь первым помощником. Вели ставить все паруса и направляй корабль к Внутреннему Течению со всей возможной скоростью.

— Да, капитан. — Вуутан начал громко отдавать распоряжения, и матросы разошлись по местам. Белые паруса наполнились ветром, снасти загудели, и корабль понесся вперед, рассекая волны — так острый нож легко режет податливую плоть.

Кеит, я плыву к тебе, подумал Ри. И не один, а с подмогой.

Глава 46

Кеит с заплечным мешком, полным вещей, которые она успела захватить с собой из Дома Галвеев, вместе со всеми остальными беженцами шагала по дороге, ведущей в Костан-Сельвиру. Оглядываясь назад, она еще могла видеть очертания

баллона аэрибля, чуть прикрытого стеной деревьев. Одолев небольшой подъем, они скоро спустятся в долину, и тогда воздушный корабль навсегда исчезнет из ее жизни.

На сей раз разлука с домом оказалась менее тяжелой: с ней были ее сестра, племянница и племянник, рядом шагал Дугхалл, и Ри плыл к ней под всеми парусами. Умом она постоянно ощущала его близкое присутствие. Ри пользовался ею как компасом, как маяком, на сигнал которого шел к ней его корабль. Они могли бы остаться на берегу возле аэрибля, но шедшая на юг от Калимекки дорога считалась опасной, здесь промышляли разбойники, и, вне всяких сомнений, в самом скором времени они удостоят аэрибль своим вниманием. Ни сама она, ни ее спутники не хотели встречи с ними. Кеит знала, что Ри сумеет отыскать ее вне зависимости от того, где она находится, по крайней мере сейчас, когда она может опускать защитный экран хотя бы на короткое время.

Оставалось надеяться, что, обнаружив брошенный аэрибль, разбойники не уничтожат его, когда решат, что вещь, назначения которой они не понимают, не может иметь никакой ценности и для скупщиков их добычи. Они могли бы выгодно продать двигатели, если бы сумели извлечь их: Гиру хорошо платили за любой работоспособный механизм, а два из четырех двигателей аэрибля находились во вполне удовлетворительном состоянии. Неисправные же моторы нетрудно разобрать на запчасти. Изрядно поврежденный баллон был сшит из высококачественного водонепроницаемого шелка, который не будет лишним в любом хозяйстве; на изготовление его внутренних газовых емкостей пошли специально обработанные воздухонепроницаемые шкуры, они также могли бы пригодиться хозяйственному мужику, хотя для чего именно, Кеит не имела представления. Мебель и мелкие детали гондолы можно выгодно продать, если только разбойники найдут покупателя, который поверит в то, что они действительно обнаружили брошенный аэрибль и не вырезали весь экипаж, чтобы захватить его.

А может быть, теперь это уже ничего не значит и гибель члена Семьи даже не удивит, а тем более не заставит здешних селян искать убийцу? В конце концов, кто сейчас способен мстить за смерть Галвея?

Даже окруженная солдатами, присягнувшими ее Семье, Кеит не чувствовала себя в безопасности. Изнутри ее уже начинало распирать ощущение близости Трансформации, и она знала, что скоро ей придется покинуть на время своих спутников, чтобы побегать и поохотиться в одиночестве. Прежние иберанские порядки разбились вдребезги, почтение к Семьям или уже исчезло, или канет в небытие в самом скором времени, но традиция убивать всякого, кто не является истинным человеком, оста-

нется. Она не сомневалась в этом. Кеит уныло смотрела на лес, стараясь уловить шорохи прячущихся в траве и кустарнике животных. Ощущая запах добычи, жажду охоты, она тосковала по яркому миру Карнеи, по его несравненной простоте: там были только охотник и жертва, хищник и его добыча, в джунглях никому нет дела до дипломатии. Чтобы отвлечься от докучливых мыслей, Кеит зашагала быстрее, чтобы догнать дядю.

— Ты такой тихий, — сказала она, поравнявшись с ним.

Дугхалл шел по дороге между двух молчаливых солдат, повесив голову, механически переставляя ноги и не обращая внимания на рюкзак, неудобно повисший на его плече.

Дугхалл, по-видимому, не услышал ее, и она собралась было повторить свои слова погромче... но он вдруг повернулся к ней и посмотрел на нее совершенно пустыми глазами. В который уже раз она испытала невольное потрясение, увидев его помолодевшее, лишенное морщин лицо. Только на сей раз чувство это оказалось сильнее, чем прежде, оттого что на нее смотрели древние и безумные глаза.

— Клянусь Бретваном, дядя, похоже, ты общался с призраками!

Он кивнул, ничего не ответив.

— Ты сказал, что твое гадание прошло хорошо и никаких скверных новостей ты не узнал... Ох! Какая же я глупая. Наверное, ты беспокоишься за своих сыновей?

— Я беспокоюсь обо всех нас, — вздохнул Дугхалл.

— Нас? — Она указала на окружавший их отряд.

— За весь мир, Кеит, за весь мир.

— Почему? Неужели ты все-таки увидел что-то ужасное?

— Мне предстоит кошмарный выбор. Я должен буду принести по собственной воле жертву.

— Какую жертву? Когда?

— Я не знаю. — Он горько усмехнулся. — Ни когда, ни где, ни что — ничего не знаю. Я знаю лишь, что выбор мой будет адским и что меня ждет испытание — самих основ моего существа. И если я не выдержу его, все мы проиграем... и не просто войну, но весь мир. За последние несколько дней я сотню раз рассыпал монеты по *занде*. Я призывал одного Говорящего за другим — до тех пор, пока не обескровил полностью свои пальцы. Я знаю, что ответ на мой вопрос существует, но отыскать его не могу. Я слеп, глух, заперт в лишенную окон комнату и знаю лишь, что на нас надвигается беда.

Дугхалл взглянул на нее, и она заметила страх в его глазах.

— И, зная все это, я не представляю, как мне удастся когда-нибудь снова нормально уснуть.

Кеит протянула руку, чтобы положить ее на плечо дяди, утешить его, но в этот миг чей-то голос в ее голове произнес.

Ты уже владеешь тем, что так отчаянно ищешь.

Она замерла на месте. Неужели к ней обращается кто-то из мертвых?

Хасмаль, подумала она. *Я узнаю твой голос. Где ты? Ты нашел способ вернуться к нам? Что ты хочешь сказать?*

Хасмаль не ответил ни на один из ее вопросов. Вместо этого она снова услышала ту же самую, прозвучавшую в ее голове фразу. *Ты уже владеешь тем, что так отчаянно ищешь.* Отголоски этих слов зазвенели внутри ее черепа, они ускользнули от понимания словно морок или призрак, и чем дольше пыталась Кеит понять их смысл, тем более неопределенным он становился.

Ты уже владеешь тем, что так отчаянно ищешь. Она закрыла глаза и остановилась посреди дороги, пытаясь определить истинный источник голоса, ибо по собственному опыту давно научилась опасаться голосов, что-то нашептывающих внутреннему слуху. Пройдя по следу, оставленному этими словами, она оказалась в том закоулке своего разума, что был наглухо заэкранирован, заперт и заложен на засов — закоулке, где она похоронила воспоминания Хасмаля, Дугхалла, Криспина... и Дафриля.

Воспоминания Дафриля.

Да. Она блокировала их, потому что не могла даже прикоснуться к хранящемуся внутри нее злу. Мысль о том, что частица чудовища, столь дорогой ценой извергнутого из мира, до сих пор живет в ней самой, была попросту нестерпима, и, случайно, соприкасаясь с этими воспоминаниями, Кеит всякий раз ощущала, как разум Дафриля тлеет, не угасая, в недрах ее памяти. Впрочем, поверхностно ознакомившись со знаниями Дракона, Кеит кое-что узнала о природе поразившего Матрин зла — зла, которого боялся сам Дугхалл. Она уже кое-что знала.

Точнее, ей было известно, где нужно искать ответ.

Крепко зажмурив глаза, она убрала все преграды, которые держали в плену ядовитые мысли Дафриля. Кеит с опаской притронулась собственным умом к его воспоминаниям, испытывая по-прежнему сильное отвращение к оставившей их мерзкой твари. Перед внутренним взором ее начали мелькать обрывки памяти: лицо высокого и красивого мужчины сменялось обрывками разговоров, кратковременными приливами ужаса.

Дафриль кого-то боялся. Дафриль испытывал ужас перед кем-то. И Кеит невольно спросила себя: кто может испугать самого могущественного чародея Матрина и — главное — чем?

И, направившись по оставленному страхом следу, она отчаянным рывком погрузилась в эти воспоминания, принимая их, исследуя, отвергая.

* * *

Дугхалл велел солдатам отступить от Кеит, внезапно застывшей посреди дороги. Закрыв глаза и напрягшись всем телом, она не реагировала ни на что.

— Отойдите, — приказал он. — Она не колдует и не больна.

— Тогда что же с ней случилось? — спросил Ян.

— Подожди немного, — ответил Дугхалл.

Так они простояли довольно долго, и Дугхалл, погрузившись в плескавшиеся внутри него волны Соколиных чар, пытался отыскать в них какой-нибудь знак того, что Кеит поглощена именно ими. Однако племянницы не было среди Соколов, она стояла перед ним, опустив все защитные экраны, но никакая магия не прикасалась к ней. Кеит оставила свой собственный разум, забыла о своем теле, и здравый смысл говорил Дугхаллу, что с ней что-то не так. Но он был спокоен. Кеит по собственной воле занялась каким-то важным делом, Дугхалл не сомневался в этом.

Внезапно глаза Кеит распахнулись, и она со стоном осела на землю. Она упала бы лицом в грязь, если бы в последний миг не успела упереться в землю руками. Ее сразу же вырвало, и спазмы еще какое-то время сотрясали ее тело, даже когда желудок уже опустел.

— Помоги же ей, проклятие! — крикнул Дугхаллу Ян.

Но тот чувствовал лишь бессилие что-либо сделать.

— Кеит! Тебе что-нибудь нужно? Что случилось?

Он опустил руку на плечо племянницы, но она стряхнула ее.

— Кеит! Ты слышишь меня?

Она слабо качнула головой, вытерла рот тыльной стороной руки и медленно, неуверенно встала на колени посреди дорожной грязи. Голова ее поникла, глаза смотрели куда-то вдаль.

— Я знаю, — произнесла она наконец голосом, каким мог бы заговорить утопленник, оживленный неведомыми кошмарными силами, действующими по ту сторону смерти.

— Что ты знаешь?

Она посмотрела в глаза Дугхалла, и нутро его сжалось в комок. Страх раскаленным острием пронзил хребет, перерезая словно ножом каждый из его нервов.

— Знаю, — спокойно повторила Кеит. — Знаю, кто идет на нас, знаю, чего он хочет... и почему. Его нельзя пускать в Калимекку, если даже ради этого придется отдать жизни всех нас.

— Говори же.

— Его имя Луэркас. Тот самый чародей, которого боялся Дафриль. Дафриль вместе со своими собратьями изготовил Зеркало Душ, а Луэркас — в одиночку создал Цветок Души.

— Цветок Души?

— Чародейское устройство, уничтожившее великие города Харс и Тикларим, цивилизации, в которой правили Драконы, и истребившее при этом пять с половиной миллиардов людей. Результатом его действия стали Круги Чародеев.

Дугхаллу вдруг показалось, что весь мир пустился вокруг него в пляс, выбивая опору из-под его ног. Как образовались Круги, на Матрине не ведал никто; известно было лишь то, что появились они в конце Войны Чародеев — так и не зажившие с тех пор раны, оставленные творившимися в те времена смертоносными и пагубными беззакониями.

— Луэркас... Круги...

— Пять с половиной миллиардов душ до сих пор заточены в них, — кивнув, продолжила Кеит. — Их держит в Кругах могущественное заклятие, заклятие, которое держит этих несчастных в мире для того, чтобы однажды они превратились в чистейшее топливо для придуманной Драконами машины бессмертия. Теперь все эти миллиарды послужат топливом одному Луэркасу.

Она сняла фляжку с бедра, глотнула воды и неловко поднялась на ноги.

— Калимекка не случайно избежала гибели, обрушившейся почти на все великие города прежнего мира. В те времена она была небольшим городком, и Драконы устроили в ней запасное убежище для себя — на случай, если в Оел-Артис что-нибудь пойдет не так. — Она слабо улыбнулась. — В конце концов Оел-Артис тоже превратился в Круг Чародеев — тот, который едва не погубил нас на пути к Зеркалу Душ, из чего можно заключить, что по большей части замыслы Драконов не исполнились. Но по крайней мере Цветок Душ не уничтожил Калимекку. Башни ее остались нетронутыми.

— Какие башни?

— Все те прекрасные Шпили Древних, которые так украшают город.

— Ох. Эти башни. И что же?

— В башнях размещены противостоящие времени устройства. Их приводит в действие соответствующее заклинание, частично сработавшее, когда Зеркало Душ исторгло души из тел калимекканцев и наделило Драконов освободившейся плотью. — Кеит отвернулась, но Дугхалл успел заметить в ее взгляде еще не исчезнувший след леденящего кровь видения.

— Мы уничтожили Зеркало Душ. Уничтожили Драконов, — сказал он. — Конечно, Луэркас не сможет восстановить все, что такими усилиями сооружали сотни Драконов.

Кеит подняла руку, и Дугхалл понял, что именно она хочет ему сказать, еще до того, как племянница его успела открыть рот.

— Ему это не нужно. Он знает до мельчайших подробностей устройство Цветка Душ. Драконы трудились столь усердно, потому что не знали заклятия, которое приводит в действие Цветок Душ. То, что они рассчитывали сделать при помощи своих механизмов, Луэркас может сотворить словом.

— Каким?

Кеит пожала плечами:

— Дафриль не знал его, не знаю и я. Но когда Луэркас окажется в самом сердце Калимекки, он произнесет это слово, башни услышат его, и все, кто будет в это время в городе, умрут, чтобы стать топливом для башенных чар. И пять с половиной миллиардов душ, томящихся в заточении, тоже погибнут, окончательно. И тогда Луэркас станет воплощенным богом.

— И все живое в мире попадет к нему в рабство?

— До тех пор, пока само время не рассыплется пылью.

— Понимаю. И где нам искать Луэркаса, чтобы попытаться остановить его?

— Он уже приближается к нам со стороны Веральных территорий во главе несчетного войска Шрамоносных. Он завладел телом Возрожденного, когда Даня убила своего сына. Алви говорила, что с юга к нам приближается беда, идущая на несчетных ногах. Эта беда и есть Луэркас с его полчищами. Располагая Зеркалом Душ, мы могли бы использовать его против Луэркаса, исторгнув из плоти мерзкую душу чародея. Мы могли бы сделать это, рискуя жизнью и собственными душами, но по крайней мере у нас было бы тогда оружие против него. Но теперь... Луэркас сейчас законный обладатель своей плоти, и заклинания, которыми мы пользовались, чтобы изгнать Драконов из не принадлежащих им тел, не могут воздействовать на него.

Дугхалл с горечью усмехнулся:

— Не ломай того, чего не сможешь починить.

— Что? — Кеит нахмурилась.

— Этот практический совет я не столь уж давно получил от Говорящей. Я потребовал у нее практического совета, и она так и сказала: не ломай того, чего не сможешь починить.

— Но мы были вынуждены уничтожить Зеркало Душ.

Прищелкнув языком, Дугхалл приподнял бровь.

— В тот миг это, безусловно, казалось нам необходимым. Но, откровенно говоря, в нынешней ситуации Зеркало могло бы послужить нам.

— А теперь, учитывая то, что у нас нет оружия, которым можно было бы сразить чудовище... — Кеит не закончила свою мысль, задумавшись.

В этот момент Дугхалл вдруг заметил, что они все еще стоят посреди дороги, а Ян, солдаты, Элси и Алви тесно окружили их и слушают затаив дыхание.

— Что ж, — сказал он негромко. — Я до сих пор не знаю, какой выбор мне предстоит сделать, но теперь по крайней мере можно догадываться о том, что случится, если я ошибусь.

Мрачно усмехнувшись, он обратился ко всем:

— Говорят, что усилия полезны для духа. А теперь вперед. Быть может, в Костан-Сельвире нас ждут более приятные новости.

Глава 47

Войско Тысячи Народов потекло из ущелья вниз по горной дороге, ведущей к Ибере и к цивилизации. Перед Даней, Луэркасом и их полчищами лежал открытый путь, а первые три деревни, встреченные авангардом, имели вполне призрачный облик: дома были брошены со всеми пожитками.

Солдаты принялись разыскивать местных жителей, но так и не нашли никого. Лишившись возможности пролить чужую кровь, они разграбили дома и лавки, погрузив на свои возы и телеги захваченный провиант, бочонки с вином и пивом, мешочки с серебром и куда меньшие по размеру мешочки с золотом. Они были довольны. Лишь качество домашней утвари разочаровало Шрамоносцев. То, что изготовлялось людьми, лишь немногим отличалось от вещей, которые делали они сами, а непривычные формы и росписи не могли изменить тот факт, что на сокровища, о которых мечтал каждый в Увечном войске, рассчитывать не приходилось.

Зеленые земли — иначе Небесные Поля — оказались блеклыми и скалистыми, как и любая гористая местность, и в отрядах уже начинали перешептываться, особенно когда рядом не было ни их родной Ка Ики, ни драгоценного Иксахши.

— Они потеряли детей и близких и начинают терять веру, — сказала Даня Луэркасу.

— Ерунда. Естественная жадность еще не удовлетворена. Они приободрятся, когда мы доберемся до первого богатого города. Крепкая драка, насилие, убийство и внушительная добыча — как и богатые Зеленые земли и уютные городские дома, — заставят их стремиться к большему.

— Ты мерзавец.

— Возможно. Но я прав. Мы дойдем до Калимекки и легко захватим город. Запомни мои слова.

— Скорее я посмеюсь, когда окажется, что ты ошибся.

— В самом деле? Но если я ошибусь, ты останешься без своей мести, — ухмыльнулся Луэркас и отъехал от нее, ударив в ребра лоррага.

Войско двинулось дальше.

Гласверри-Хала пал менее чем за одну стоянку, и все люди, оказавшиеся в стенах города, были перебиты Шрамоносными захватчиками. Брельст выстоял всего лишь две стоянки, а люди, защищавшие его стены, погибли в результате воздушной атаки летучих Шрамоносцев. Увечные, наделенные способностью рыть лапами землю, проложили ходы под стенами, и уродливое воинство, проникшее в самый центр города, бросилось убивать его жителей.

Люди с еще не опустошенных войском территорий бежали на север, в страхе перед катившей по их пятам несокрушимой смертоносной волной. Деревни и города, расположенные у Великой морской дороги, не сопротивлялись нашествию. Их население, более дорожившее жизнью, чем своими пожитками, бежало под защиту великого города Калимекки, стены которого были возведены Древними, а солдаты считались самыми свирепыми и искусными во всем Матрине. Если уж Калимекка не выстоит против этой орды, то какой же город на свете сможет оказаться не по зубам Шрамоносцам?

Глава 48

Кеит и все остальные узнали о происходящем от первых беженцев неделю спустя после падения Гласверри-Хала, и услышанные ими новости были весьма скверными. Разрозненные остатки крохотного войска, которое Дугхалл оставил возле ущелья, все еще боролись и совершали партизанские наскоки на армию Шрамоносных, но ущерб они могли нанести минимальный, и нападения их скорее походили на комариные укусы.

— Когда же они будут здесь? — спросил Дугхалл у одного из беженцев, зашедшего в небольшую гостиницу возле гавани, где они поселились.

— Наше войско — точнее, то, что от него осталось, — через день. Передовые отряды врага придут через несколько стоянок после него. Все войско Проклятых станет здесь через

два дня. Самое большее через три. Но когда они придут, меня здесь уже не будет. Пленников они не берут и в живых никого не оставляют.

Дугхалл опустил голову на руки и закрыл глаза.

— Что с ним? — спросил мужчина у Кеит.

Та не стала вдаваться в детали:

— Его сыновья возглавляют нашу армию.

— Да? Хорошие, значит, люди, но если они хотят остаться в живых, им лучше идти в Калимекку, под защиту ее стен. Сейчас нам остается надеяться только на Семьи — может, они сумеют изгнать из страны этих чудовищ.

Кеит не стала объяснять ему, что Калимекка погублена смертоносными чарами и что если кто-нибудь из членов Семей и смог уцелеть, этой горстке людей не хватит сил, чтобы остановить подступающего врага. Мужчина ушел из гостиницы, не сомневаясь, что направляется в безопасное место, где позаботятся о нем и его детях и защитят их жизни.

— Дугхалл, — сказала Кеит, когда они остались вдвоем. — Наконец-то к плохим новостям я могу добавить кое-что хорошее.

— Ты обнаружила Соколов, которые ответили на мой зов?

— Нет. Но корабль Ри только что вошел в гавань.

— Спасибо тебе, Водор Имриш, — прошептал Дугхалл. — По крайней мере за это мы должны искренне поблагодарить тебя.

Ни Кеит, ни Дугхалл не стали говорить Яну о том, что ждет его в гавани. Они решили, что, поскольку именно Ри нашел корабль и привел его сюда, ему и ставить об этом в известность истинного капитана. Что же касается самого Ри, то он не мог даже понять, с ужасом или предвкушением ожидает мгновения, когда он сообщит Яну о своей находке.

Они встретились в таверне «У медных стен», Кеит привела Ри с причала, а Дугхалл Яна — из гостиницы, где они остановились.

Ри заметил боль в глазах брата в тот же миг, когда тот увидел их с Кеит, любовно обнимавших друг друга. Ян сразу же постарался напустить на себя безразличный вид, но Ри уже понял, что брат его все еще любит Кеит. Удивила его собственная эмоциональная реакция: смесь ревности с чувством победы, ощущение покушения на свою собственность и резкий укол вины — все сразу. Более того, он вдруг почувствовал искреннюю и сильную любовь к своему брату, чего уж вовсе не ожидал. Вместе они пережили многие опасности, и всякий раз Ян подчинялся Ри. И вот теперь наконец ему самому представилась возможность сделать что-то для Яна.

— Я кое-что привез тебе из своего путешествия, брат, — сказал ему Ри вместо приветствия.

Слово *сибарру*, которым в Семьях принято было именовать брата, он заменил из-за его формального оттенка более теплым и дружелюбным *бошу*.

— Учитывая все неприятности, с которыми ты столкнулся в своем путешествии, трудно было ожидать, что у тебя найдется время думать обо мне, — с удивлением ответил Ян.

Ри пожал плечами, чувствуя неловкость из-за этой внезапно пробудившейся в нем привязанности к Яну.

— Ты стал для меня настоящим братом. — Ри торопливо отвернулся и продолжил уже более грубоватым тоном, чтобы скрыть смущение и все-таки не сумев полностью утаить своих чувств: — Но пойдем. Я покажу тебе свою находку.

То мгновение, после того как они вместе вышли на причал и когда Ян, увидев в гавани свой собственный преображенный корабль, застыл, потрясенный этим зрелищем, навсегда запомнилось Ри. Когда первая волна ошеломления спала, Ян повернулся, посмотрел на Ри и затем снова перевел ошарашенный взгляд на «Кречет»:

— Где?..

Лицо его побледнело как смерть, глаза сверкали, и на мгновение Ри показалось, что Ян может рухнуть на причал в обмороке. Но тот лишь спросил:

— Ты возвращаешь мне мой корабль?

— Твой корабль. Вместе с Ррру-иф. Она заперта в карцере. Экипаж помог мне вернуть тебе «Кречет», эти люди остались верными своему капитану.

Губы Яна сжались в тонкую линию, а в глазах блеснули слезы. Опустив ладонь на предплечье брата, он пожал его.

— Спасибо тебе, — сказал Ян негромко. Ри только кивнул. Слова, которые он приготовил, чтобы сказать их брату, когда тот увидит свой корабль, пропали неведомо куда.

Возле ожидавшей их шлюпки стояли моряки, сохранившие преданность Яну после мятежа на «Кречете». Каждый из них низко поклонился своему капитану, Ян торжественно шагнул с причала в лодку, и первый помощник Бемъяр обнял его.

— Корабль обошелся ему дороже, чем ты думаешь, капитан, — шепнул он на ухо Яну. Слух Карнея уловил эти слова, но Ри сделал вид, что ничего не слышал. — Наши люди пытались убить его вместе с друзьями, считая, что они и один из них погиб по нашей вине. Но ради тебя он простил их и помог захватить управление кораблем.

Лицо Яна ничего не выражало. Но в ответе его, столько же негромком: «Спасибо, что сказал, я не знал этого», —

прозвучало такое глубокое чувство, подобное которому, по мнению Ри, брат испытывал лишь в отношении Кеит.

Ян направился к рулю, сменив сидевшего за ним моряка. Когда Дугхалл последним сел в шлюпку, Ян положил руку на руль и сказал:

— Везите нас домой, люди.

— Да, капитан, — ответили моряки и принялись дружно и усердно грести.

Вновь ступив на палубу своего корабля, Ян заметно изменился: горькое выражение, не сходившее с его лица после того, что произошло на берегу Новтерры, куда-то исчезло, глаза его повеселели, плечи расправились, и легкая улыбка заиграла на уголках губ.

Ри знал, какая опасность им угрожает... он понимал, что в Калимекке их скорее всего ждет смерть. Но впервые после их встречи в Новтерре он увидел в Яне равного и признал в нем сильного и верного друга.

Путешествие стоило ему жизни другого его друга — Джейма. Он не забудет этого, хотя и в самом деле простил людей, которые напали на них, считая, что служат этим своему капитану. Но, оказавшись на палубе «Кречета» вместе с Яном, Ри понял, что в путешествии этом он обрел близкого человека, члена его Семьи и более того — просто брата, которого у него давно уже не было.

Кеит не знала мальчишку, который постучался в дверь отведенной ей и Ри каюты. Он был из тех, кого Ррру-иф наняла вместо убитых или брошенных погибать в Новтерре матросов. Худой, похожий на ребенка и бедно одетый, он явно не получил ни крохи от богатств, добытых в городе Древних. Подросток доверчиво смотрел на нее круглыми, встревоженными глазами.

— Чего ты хочешь, мальчик? — мягко спросила она его.

— Твой дядя послал меня с важной вестью. Он хочет, чтобы ты пришла в его каюту сразу, как только сможешь. — И, оглянувшись по сторонам, он взволнованно спросил ее: — А *теммумбурра* Дугхалл правда твой дядя?

— Он старший брат моей матери.

— Значит, ты тоже *теммумбурра,* — прошептал мальчик. Он торопливо поцеловал ее руку и низко поклонился на имумбарранский манер. А затем, не поднимая глаз, бросился прочь.

Ри тоже подошел к двери.

— Кто это? — спросил он.

— Один из почитателей дядюшки Дугхалла, — ответила Кеит. — Они обнаруживаются в самых неожиданных местах.

— А он действительно считается богом на островах?

— Богом плодородия. — Кеит подошла к шкафчику и извлекла из него единственный пристойный наряд, которым располагала на данный момент. — Сорок лет назад уровень рождаемости на островах упал ниже уровня смертности. Мужчины не зачинали детей, и женщины оставались бесплодными. Имумбарранцы молились всем богам, чтобы те избавили их от вымирания, и в это самое время дядюшку Дугхалла назначили на острова в результате дипломатических перестановок. И он... поладил с туземцами. С понравившимися ему девицами стали происходить чудеса. Мужья начали посылать к нему своих жен, и те тоже беременели. Их сменяли другие, и все женщины возвращались домой счастливыми.

Она натянула через голову блузу и застегнула расшитый бусинами пояс.

— Островитяне восприняли дядю как ответ на их молитвы, причем ответ, посланный Домом Галвеев. И в порядке благодарности за оказанные им приятные услуги, которые и ему тоже доставляли явное удовольствие, Галвеи получили исключительное право торговли с островами и вдобавок долю всей выращиваемой в архипелаге каберры. А потом, когда первая из рожденных от Дугхалла дочерей достигла зрелости, островитяне обнаружили, что она может рожать детей и от имумбарранца. И другие его дочери тоже могли. Дугхалл совершил настоящее чудо. Тогда-то его и объявили богом. — Кеит пожала плечами. — У него сотни детей. Возможно, даже тысячи. И несчетное количество внуков. Пройдет поколение или два, и почти все жители островов станут его родственниками. И похоже, все они унаследовали галвейскую плодовитость.

— Значит, размножаются как кролики.

— Да. — Кеит вздохнула. — Еще несколько лет, и их можно будет обнаружить в любом уголке Матрина.

— Интересно, как отреагируют островитяне, когда Дугхалл вернется к ним молодым человеком? — усмехнулся Ри.

Кеит рассмеялась, отрицательно качнув головой:

— Ему уже не придется возвращаться туда. В Калимекке нет больше Дома Галвеев, и ему некого представлять на островах.

— Он может вернуться к своей семье.

— Мне никогда не казалось, что он воспринимает это подобным образом... что при исполнении своих... обязанностей он ощущает себя семейным человеком. Он охотно говорит о своих детях, и я знакома со множеством своих кузин и кузенов, которых привозили к нам погостить, но Дугхалл никогда не был им настоящим отцом. Их матери были замужем, и мужья эти воспитывали детей как своих собственных. Приезжая к нам, мои кузены называли Дугхалла отцом, но много лет спустя я узнала, что они

пользовались при этом официальным имумбарранским словом *ибимурр*, а папа там звучит почти как у нас — *неба*.

Закончив одеваться, Кеит торопливо причесалась.

— Так что *небой* его там не звали. И я думаю, что всю свою жизнь он ощущал нехватку детской ласки.

— Печально.

— Печально. Я всегда подозревала, что он видит во мне дочь, которой не могли стать для него настоящие его дочери.

Несколько мгновений спустя оба они уже стучались в дверь каюты Дугхалла. Он приветствовал их с самым серьезным выражением на лице и, торопливо впустив внутрь, пригласил сесть. Сам он был бледен, глаза его покраснели, и от него исходил запах горя и отчаяния.

Отведя взгляд от роскошных украшений каюты, Кеит посмотрела на расстеленную на столе *занду* Дугхалла, с лежащими на ней монетами, расположение которых ничего не говорило ей, и почувствовала, как дрогнуло ее сердце.

— Простите, что оторвал от других дел, — начал Дугхалл. Выглядел он сейчас как человек, которому сообщили, что завтра ему суждено умереть. — У вас осталось совсем немного времени, чтобы побыть вместе, но моя весть не может ждать.

Когда они заняли места за столом, он отвернулся от них и выглянул в крошечное окошко каюты.

Кеит не сводила глаз с Дугхалла, ошеломленная исходившим от него ощущением обреченности.

— Значит, ты наконец получил ответ на свои вопросы? — спросила она.

— Да.

— И теперь ты знаешь, какой выбор тебе придется сделать, когда настанет нужный момент?

— Да.

Кеит потянулась под столом к руке Ри и крепко стиснула ее.

— Кеит говорила мне о том, что ты ищешь ответа в гадании. И о неясном ответе, который ты получил, — сказал Ри.

Дугхалл повернулся лицом к ним:

— Ответ более нельзя назвать неясным. Теперь все очевидно — и эта ясность ужасна.

— И...

— Я — меч Водора Имриша. Я поклялся отдать свою жизнь, служа своему богу, служа Соколам и всему доброму в мире. И теперь я делаю этот выбор.

Кеит ощутила легкое жжение на подъеме ступни — в том месте, где была печать Соколов. Разум ее ощущал их прикосновение — как вода чувствует невидимую, но сильную руку

луны, вздымающую приливную волну. Она тоже была Соколом, пусть и непохожим на всех остальных, она тоже давала клятву служить. *Слушай,* говорили они ей. *Слушай.*

По-прежнему глядя в иллюминатор, Дугхалл произнес:

— Луэркас приближается к нам со столь огромными полчищами, что от поступи их сотрясается вся земля. Он вооружен чарами, отточенными за тысячу лет ожидания, и способен уничтожить весь мир. Каждый раз, когда я гадал на *занде* в эти последние дни, становилось ясным одно: мы не можем победить Луэркаса в открытом бою. Даже если бы мы собрали всех Соколов вместе и вышли против него — сила на силу, — даже в этом случае ему было бы несложно уничтожить нас.

— Мы подозревали это, — кивнула Кеит. — А теперь скажи нам, что ты узнал.

— Что мы умрем, — спокойно сказал Дугхалл. — Но сделать это придется так, чтобы мир уцелел.

После этих слов в каюте воцарилось гнетущее безмолвие. Кеит даже дышать перестала и не слышала дыхания Ри. Она не знала, способны ли они умереть ради блага мира. Оба они ждали продолжения, подробностей, которые дали бы им хоть какую-нибудь надежду, хоть как-то смягчили бы это безжалостное предсказание близкой смерти. Однако Дугхалл молчал.

— Ты хотел сказать, что мы можем погибнуть, так? — спросил наконец Ри. — Конечно, нельзя быть уверенным в исходе сражения до тех пор, пока оно не состоится...

Но Дугхалл лишь покачал головой:

— Я уверен в этом. Я просил самого Водора Имриша, чтобы он указал мне путь, который не приведет нас к неизбежной смерти... и путь этот так и не открылся мне. Даже если весь наш мир будет спасен, нам троим все равно придется умереть.

Крепче стиснув руку Ри, Кеит почувствовала, как напряглись его пальцы. Повернувшись к нему, она сказала:

— Прости, что попусту потратила последние дни, которые мы могли провести вместе.

Обойдя стол, она опустилась на колени перед ним, припав головой к его груди. Она слышала, как колотится возле ее щеки сердце Ри, слышала, как ровно движется воздух, входя в его легкие и оставляя их. Она ощущала его боль, горе, его желание быть с нею. Ри притянул ее к себе одной рукой, другой прикоснулся к ее волосам.

— С той поры, как мы узнали о Луэркасе, ясно было, что нам не миновать роковой встречи с ним. Теперь мы просто узнали, что он может погубить нас. И не трать оставшееся у нас время на пустые сожаления, Кеит. Ты виновата не больше, чем я. Я жалею, что оставил тогда Калимекку.

Кеит вытерла щеки, вдруг оказавшиеся мокрыми, — она и не заметила, что плачет. Ей уже казалось, что она оставила свое тело и движется по направлению к Вуали и к следующей жизни.

Ри взял ее за подбородок и ласково приподнял голову любимой.

— Мы умрем вместе, — сказал он. — И там, в Вуали, мы вновь будем вместе. Не за тем я отыскал тебя после стольких мытарств, чтобы позволить такому пустяку, как смерть, разлучить нас. Мы с тобой навсегда останемся вместе.

Она зажала его ладони в своих руках.

— Обещай мне, — яростно произнесла Кеит. — Обещай, что больше никогда не оставишь меня.

— Обещаю. Ни в жизни, ни в смерти, ни в вечности.

— Я тоже обещаю.

С Дугхаллом было что-то не так. Кеит чувствовала это. А когда повернулась к нему, увидела это собственными глазами. Лицо его было мокрым от слез, глаза не смели смотреть на нее, ладони тискали друг дружку, как если бы сражались за свою жизнь. Он что-то скрывал от них, и это «что-то» было ужасным.

— Ты сказал нам не все? — спросила она.

— Принесение в жертву... наших жизней... это только начало, — произнес Дугхалл дрогнувшим голосом.

Кеит тряхнула головой:

— Разве боги могут потребовать у человека что-то большее, чем жизнь?

— Чтобы у нас был шанс победить Луэркаса, мы должны завлечь его в Вуаль и там сразиться с ним. Любой Сокол, находясь в Доме Галвеев, может создать щит над всей Калимеккой. Но мы сами останемся незащищенными. Лишь я один обладаю силой, достаточной для того, чтобы затащить Луэркаса в Вуаль, но я не смогу одновременно удерживать его там и биться с ним. Тебя и Ри соединяет связь, выходящая за пределы моего понимания, вы можете общаться друг с другом без всяких усилий, без слов, без обращения к чарам. Поэтому лишь вы двое можете заманить его в ловушку, которую я построю для этой цели. — Дугхалл опустил взгляд в пол и прошептал: — Но эта ловушка такова, что вы должны будете войти в нее вместе с ним.

— В ловушку?

Дугхалл кивнул.

— И что же будет в этой ловушке? — спросил Ри. — Как мы спасем наши души, попав туда?

— Спасения не будет. — Дугхалл вздохнул. — Внутри ловушки вас ждет забвение.

Он дернул головой, и руки его вновь принялись тискать друг друга.

— Луэркас найдет выход из любой ловушки, если только в ней будет этот выход. Рано или поздно он вернется в мир, чтобы уничтожить Матрин вместе со всеми, кто живет в нем. Поэтому душа его должна умереть.

— Но уничтожение душ — это дело Драконов, — сказала Кеит.

— Да, — согласился Дугхалл. — И в то же время — нет. Драконы пользуются душами других людей для своих чар. Но Соколы не могут идти этой тропой.

— Ты хочешь сказать, что мы заплатим за наши чары собственными душами? — спросил Ри.

— Таков путь Соколов, — ответил Дугхалл.

Кеит наконец поняла страшный смысл его слов.

— Если мы сделаем то, о чем ты просишь, и вместе с Ри войдем в ловушку, заманивая туда Луэркаса, то вместе с ним навсегда перестанем существовать.

На сей раз Дугхалл набрался сил посмотреть ей в глаза:

— Если вы сделаете это, никакой новой встречи в Вуали, никакого возрождения в будущем у вас не будет.

Он опустился на свою койку неловким и неуверенным движением — скорее просто рухнул на нее, чем сел. Сильно ссутулившись и обхватив колени руками, Дугхалл крепко зажмурил глаза.

— Так гласит последнее, чудовищное предсказание. Я не могу отдать свою душу, чтобы выиграть эту битву, — если бы я мог сделать это сам, то не просил бы вас идти туда. Только вы, лишь вы двое способны совершить поступок, который спасет наш мир. Две души — хорошая цена за миллионы рожденных и нерожденных, за миллиарды заточенных душ, томящихся в неволе и охваченных тысячелетним безумием.

— А как насчет того, что мы оба Карнеи? — резко спросил Ри. — И что от нас требуется пожертвовать жизнью и самой вечностью ради людей, которые охотно убили бы нас — и радовались бы при этом, — если бы только знали, кто мы на самом деле?

— Если ты хочешь отомстить всем, кто преследовал Карнеев, то тебе нужно всего-навсего отказаться сделать то, о чем я прошу вас, — печально отозвался Дугхалл.

— Я не могу так просто расстаться с мыслью о вечности, разделенной с Кеит, — с горечью сказал Ри.

— Понимаю. И если вы откажетесь, то, быть может, и обретете ее. Возможно, у вас получится скрыться от Луэркаса. И в этом случае вы будете обладать друг другом намного дольше, чем если исполните мою просьбу.

Кеит заглянула в глаза Ри и увидела в них отражение своей собственной боли, своего горя и недоверия. Они вновь оказались перед лицом гибели... конечно, ей самой не привы-

кать чувствовать костлявую руку смерти на своем плече. Но полное уничтожение...

Разум Ри прикоснулся к ее сознанию. Тонкая связующая их нить, окрепшая за время разлуки, передала ей любовь Ри и еще ехидное напоминание: она-то, эта их связь, и стала причиной, по которой они окажутся обречены на забвение — в случае если решат сразиться с Луэркасом. Никто больше не способен сделать то, что по силам лишь им обоим. Никто не сможет заменить их. И если они откажутся, никто не шагнет вперед, чтобы занять их место.

Она ответила на его мысли, нарисовав в уме все, от чего им придется отказаться, и притом не на одну только жизнь, а насовсем — на всю вечность.

От смеха и музыки, от ласкового ветерка, играющего в воздухе над согретым солнцем лугом, от прикосновения теплых капель дождя к коже, от вкуса свежей, с куста, ягоды. У них никогда не будет детей, они не состарятся вместе, им не придется бороться за что-то вместе, не доведется испытать радости созидания. Для них все эти вещи перестанут существовать. Навсегда исчезнут и *они* сами! Это было немыслимо... И тем не менее они должны были пойти именно этим путем.

Некогда Дугхалл процитировал Кеит слова Винсалиса, как нельзя более уместные в данном случае: «Люди куют мечи из стали и пламени, боги куют свои мечи из плоти и крови, смешав их с трагедией».

Ри прочел эту фразу в ее мыслях, и оба одновременно заговорили: *Мы были избраны для этого мгновения с самого рождения. Мы рождены, чтобы встать на эту тропу и сделать именно этот выбор. Каждая схватка, каждое пережитое испытание лишь закаляли нас и готовили к этому дню.*

Наконец они отстранились друг от друга, встали перед Дугхаллом, и снова их руки сами собой соприкоснулись и соединились.

Ри смотрел на Кеит.

— Прежде я сомневался в том, что существует ад, о котором говорят философы, — сказал он. — Я ошибался. Истинный ад — это знать, что вечность существует, и отказываться от нее ради того, чтобы она не умерла для всех остальных.

Кеит улыбнулась, хотя губы ее дрожали, а по щекам текли соленые слезы.

— Ты откажешься от вечности не один. Я буду с тобой... каждое мгновение, пока мы еще дышим, я буду рядом с тобой.

— Так вы сделаете это?

Кеит повернулась к дяде.

— Я из рода Галвеев, — сказала она. — А Ри — Сабир. Мы рождены в Семьях. И мы знаем о своем долге перед

Семьями, перед Калимеккой, перед Матрином. И перед богами. Только сейчас я наконец поняла истинный смысл девиза Галвеев: *Каитаерас таван.*

— Ради других, — повторил за ней Ри.

— И сами боги не смогут сказать, что я дрогнула, исполняя этот великий долг. — Голос ее пресекся, и Кеит уткнулась лицом в плечо Ри, пытаясь остановить слезы.

— Мы сделаем то, что должны сделать, — сказал Ри Дугхаллу. И негромко, обращаясь лишь к Кеит, добавил: — У нас есть еще немного времени, пока мы не достигли Калимекки. Если вечность закрыта для нас, надо постараться вместить целую жизнь в эти оставшиеся нам дни.

Ри направился к двери каюты, и Кеит, не глядя на Дугхалла, потупив глаза, последовала за ним.

— Как бы сделать так, чтобы эти короткие дни продлились вечно? — спросила она.

Он улыбнулся, покачал головой и поцеловал ее.

— Мы не сумеем остановить время, — прошептал Ри. — Мы можем заставить его лишь быстрее бежать.

Ян на мгновение остановился возле двери карцера, а затем вошел внутрь. Прикованная к стене Ррру-иф ожгла его яростным взором. Он глубоко вздохнул. Никто на корабле не знал, где сейчас находится капитан, а если кто-то и видел его, то не догадывался, зачем он пришел сюда.

— Ты явился, чтобы назвать день, когда меня повесят? — зло спросила она.

— Нет. — Ян спокойно смотрел на нее. Ррру-иф, как всегда, была прекрасна и, как всегда, привлекала взгляд своей нечеловеческой красотой. Когда-то он заботился о ней, доверял ей свою жизнь, считал своим другом, а потом она предала его. Но он сам сделан из другого теста — Ян не мог предать прошлое. — Я пришел поговорить с тобой о нашей дружбе.

Ррру-иф фыркнула:

— Мы с тобой не друзья.

— Когда-то были ими.

— Когда-то. И однажды мы могли бы вновь стать ими. Я любила тебя.

— Ты тоже не была мне безразлична.

— Но ты не любил меня. Я думала, это потому, что я Шрамоносная, и могла пережить это. Я была Увечной, а ты нет, и это возвело стену между нами.

— Дело не в этом.

Ррру-иф повернулась лицом к стене:

— Конечно же, не в этом. Просто появилась она, тоже Шрамоносная, как и я, но ты полюбил ее, а не меня. Все очень просто... просто ты не любил меня.

— Мы были друзьями, — напомнил ей Ян. — Добрыми друзьями.

Ррру-иф с холодной яростью посмотрела ему в глаза:

— Не столь уж добрыми, как могло тебе показаться.

Ян, глядя в пол, пытался подобрать нужные слова:

— Я отпущу тебя, Ррру-иф. Я не хочу, чтобы тебя повесили. Я не имею права простить тебя: мятеж на борту карается без всякой пощады. Но я могу устроить тебе побег, могу спасти тебя. Мы поплывем вдоль западной оконечности архипелага Малой Летней Цепи. Там около дюжины островов... на них вполне можно жить, и корабли время от времени заходят туда. Ты можешь остаться там, пока не подыщешь для себя подходящий корабль.

— Я не хочу твоей помощи. Я не хочу ничего от тебя.

— Если ты останешься на судне, Ррру-иф, мне придется повесить тебя. Законы корабельной дисциплины не оставляют мне другого выбора.

— Тогда вешай. Пусть моя смерть запятнает твои руки и моя душа отяготит твою совесть. Я знаю, что она будет преследовать тебя и в этой жизни, и во всех следующих, проклиная каждый сделанный тобой шаг. — Она плюнула в него, но промахнулась.

Качая головой, Ян отступил назад.

— Если в течение трех следующих стоянок ты переменишь свое решение, дай знать охраннику. Он знает, как найти меня, если я понадоблюсь тебе. Если же нет... — Он отвернулся. — Тогда ты умрешь, но смерть твоя не запятнает ничьих рук, потому что ты сама выберешь этот путь.

Глава 49

В Костан-Сельвире, последнем городе, стоящем на пути армии Тысячи Народов перед Калимеккой, звякнули, закрываясь, главные ворота, и жители, предупрежденные Рененом о приближении орды, поднялись на стены, где их уже ждали запасы взрывчатки, факельных обойм, ядовитого порошка для катапульт — чтобы свивать ткань в фитили для метательных снарядов, натягивать новые тетивы на луки, оперять стрелы, затачивать мечи и пики. Немногие из горожан, еще остававшиеся за стенами, прочищали рвы, вбивали в них последние колья, разбрасывали

шипастые «ежи» — делали все то, что могло хоть как-то сдержать натиск врага. После битвы дети долго не смогут играть за стенами города, подумал Ренен, — если в Костан-Сельвире еще будут когда-нибудь дети.

Всех детей отсылали из города прочь вместе с их матерями, стариками, слабыми или больными, неспособными сражаться — три корабля должны были поднять паруса и отплыть к крошечным прибрежным островкам, чтобы там ждать вестей об исходе битвы. Если новости окажутся плохими или их не будет вообще, капитаны судов без промедления возьмут курс на Калимекку. И если в столице действительно свирепствует мор, они поведут свои корабли дальше на север.

Стоя наверху стены, Ренен смотрел вниз вдоль склона холма, на котором был построен город, и следил за последними приготовлениями его людей и жителей Костан-Сельвиры к схватке с ордой Увечных. Он то и дело поглядывал на уходившую на юг дорогу. Если Шрамоносные прибегнут к прежней схеме нападения, скоро со всех сторон к городу повалит разведка, но главное войско подойдет именно с юга.

Дороги находились в хорошем состоянии, и если только внезапный дождь не превратит их в сплошное месиво, они вынесут такое количество ног без особого ущерба для себя.

На краю равнины вдруг мелькнуло красное пятно, и из джунглей появился верховой — человек, за которым гналась пара чудовищ, имевших по дюжине ног, но тем не менее бежавших в полный рост, как люди.

Пара Шрамоносных разведчиков. Ренен поежился и указал на врагов двум арбалетчикам и двум лучникам. Длинные и короткие стрелы тут же улетели в сторону приближавшихся врагов. Преследователи остановились, а человек поскакал дальше. Ренен торопливо спустился со стены к воротам, чтобы встретить его. Лазутчик появился через несколько мгновений. Покрытый пылью конь его дрожал, свесив голову ниже колен. Разведчик выглядел немногим лучше. На теле его были заметны несколько кровоточащих ран, и хотя ни одна из них в отдельности не могла быть смертельной, Ренен подумал, что посланцу его повезет, если он не умрет от потери крови.

— Джунгли задержали боковые колонны — всех, кроме крылатых бойцов. Все войско теперь идет по дороге. Если разделить наши силы на передовую и фланговые части, противник быстро сомнет нас, и все будет потеряно. Нужно лишь оставить стрелков на флангах, чтобы отразить атаку летучих тварей.

Ренен кивнул:

— Что еще?

— Их катапульты, осадные машины и тараны движутся впереди. Летуны поднялись целой тучей и полетели над лесом, с чем-то непонятным в руках...

— Далеко они от города? — спросил Ренен.

— Вот-вот будут здесь.

Значит, армия Шрамоносцев нападет на город в выгодное для врага время суток — при ярком солнечном свете, хотя, судя по тому, что Ренен узнал об Увечных, особой разницы для них между дневным и ночным штурмом не было. Среди них есть и такие, что не нуждаются в свете. В ущелье, наблюдая за передвижением Увечных, он заметил среди них существ без глаз, а также странных созданий со столь огромными и сложно устроенными ушами и носами, что Ренен не сомневался: зрение имело для них лишь вспомогательное значение — ну, как, например, для него самого обоняние. Кроме того, он видел там тварей, испускавших неяркое голубоватое свечение, что весьма удивило его. Сейчас им предстояло генеральное сражение, а он до сих пор не знал, на что еще способен враг. До самого последнего дня его люди вели партизанскую войну: атаковали с флангов, по мере возможности утомляли противника частыми, стремительными нападениями, пытались спасти население крошечных городков, оказывавшихся на пути вражеских полчищ, и дать людям возможность бежать в более спокойные места. Но теперь он собрал достаточно солдат, чтобы рискнуть на открытое столкновение с врагом. Ренен повернулся к сигнальщику:

— Передай на корабли, пусть уходят из гавани.

— Но ведь они еще не закончили погрузку.

— Я знаю. Но если они не уйдут сейчас, их могут атаковать летуны.

— А как быть с теми, кто не успел погрузиться на корабли?

— Отошли их по домам, и пусть молятся, чтобы нам удалось отразить сегодняшний натиск.

Войско Тысячи Народов продвигалось вперед со всей возможной скоростью, крылатые защищали главные силы Увечных с воздуха, и три колонны противника — три живых острия, направленных на Костан-Сельвиру, неотвратимо приближались к городу.

Даня ехала на своем лорраге рядом с Луэркасом — во главе наземных сил. Вот я почти и дома, думала она. Сопротивления они до сих пор почти не встречали. Армия, нанесшая Шрамоносцам значительный удар в ущелье, более не причинила им существенного ущерба. Несколько раз противник нападал на их войско с боков, убивая при каждой такой атаке то две дюжины, то сотню Увечных, но плохо вооруженные и малочисленные

враги не имели никакой возможности пробиться в центр походного строя и уничтожить тщательно оберегаемые припасы и огромные повозки с осадными и другими орудиями. Ну а против Шрамоносных летунов люди и вовсе были беспомощны. И жалкой горстке солдат, все еще пытавшейся преградить путь воинству Шрамоносцев, оставалось лишь подкарауливать, преследовать и нападать исподтишка. Но среди ее Увечных хватало существ, которые подкарауливали, преследовали и нападали исподтишка значительно лучше людей. Поэтому враги ее за последние недели понесли большие потери.

Но теперь они как будто бы решили оставить Увечных в покое. И это хорошо — они уже начинали досаждать Дане, она была готова растерзать их собственными руками.

Передний край колонны выдвинулся из зарослей джунглей на большое поле. Костан-Сельвира казалась Увечному воинству сундуком с сокровищами — еще не разграбленным и вселяющим алчность. Шрамоносцы, испытавшие разочарование в Брельсте и Гласверри-Хала — оставленных жителями, которые прихватили с собой большую часть своих богатств, — увидели в этом белостенном городе, закрывшем перед ними ворота и выславшем своих солдат на башни и стены, долгожданный дар богов. Войско Увечных разразилось радостными воплями.

— Тараны вперед, — приказал Луэркас.

Огромные колесные тараны отделились от главной колонны и медленно поползли вперед. Существа, которые толкали их, были защищены от стрел металлическими щитами, прикрывавшими тараны, поэтому они без помех, осторожно, но уверенно продвигали свои боевые машины все ближе и ближе к городским воротам.

Даня медлила с сигналом к наступлению. В Калимекке жили люди, которых она ненавидела. У нее были причины желать пролития их крови, стремиться их уничтожить, стереть с лица земли. Но здесь... жители этого города ничем не виноваты перед ней. Что ей до них... зачем ей столько крови?

Стиснув зубы и прищурясь, она смотрела на городскую стену, различая силуэты людей, в свой черед пристально разглядывавших ее. Отсюда шла дорога на Калимекку... и если они не возьмут этот город, не убьют его защитников и оставят вооруженных врагов за своей спиной, то окажутся зажатыми в гигантском капкане. И Даня, решившись, подняла руку:

— Лестницы вперед!

За таранами побежали толпы Шрамоносцев с лестницами, им было приказано, приставив лестницы, подняться на стены и ворваться в город во что бы то ни стало и невзирая ни на что. Возле каждой лестницы бежали по двадцать стрелков, ко-

торые должны были засыпать стрелами любого из врагов, кто посмеет высунуть голову из-за стены или попытается столкнуть лестницу вниз.

— Кротов вперед! — И к городу двинулись роющие Шрамоносцы — в войске их называли Кротами, — скрывавшие свои крошечные глазки от дневного света за кругляками полированного обсидиана. Они шли следом за лестницами и стрелками и, оказавшись неподалеку от стен, вне пределов досягаемости стрел, уткнулись носами в землю и начали рыть. Они проникнут в город снизу: прорюют широкие ходы, по которым потом побегут воины, вынюхают арсеналы, где Увечные могут пополнить свое вооружение и тем самым лишить оружия и боеприпасов людей — защитников города.

Подняв золотое с красным знамя, Даня взмахнула им, давая знак двум отрядам летунов, которым предстояло облететь город кругом и напасть на защитников с тыла. Летуны несли с собой мешки с ядовитой пылью, которую Шрамоносцы со всеми предосторожностями собрали в ущелье, где она покрыла скалистую поверхность словно снег. Как это справедливо, подумала Даня, убивать врага его же собственным оружием.

Она сощурилась, увидев, как оба отряда летунов направились к уходившим из гавани кораблям. Даня едва различала темные силуэты крылатых, но не сомневалась в том, что всем, кто находится на судах, жить осталось считанные мгновения.

Надеюсь, они будут страдать, думала она. Надеюсь, они будут рыдать и просить милосердия. Надеюсь, им будет больно не меньше, чем мне.

Но их страданий слишком мало для нее. Никаких страданий этих людишек не хватит, чтобы искупить ее боль — сколько бы ни мучились они. Впрочем, теперь она знала, что ей более не придется страдать в одиночестве.

Дым поднимался кверху от руин Костан-Сельвиры, сотни мелких уличных стычек еще оглашали ночную тьму, а дотлевавшие пожарища еще вспыхивали то тут, то там огоньками глаз адских охотников. Израненный и окровавленный Ренен подозвал Хара, находившегося возле него все последние стоянки битвы.

— Беги, отнеси весть отцу в Калимекку. Пусть узнает, что мы разбиты.

Младший брат доберется до Дома Галвеев, если только сумеет живым уйти из Костан-Сельвиры. Он известит Дугхалла о том, что ничто теперь не препятствует Шрамоносцам на их пути к Калимекке.

Хар кивнул. Ренен снял кольцо с пальца и, надев его на руку брата, сказал:

— Передай отцу, пусть он отдаст это моей матери. И скажи ему, что мы сделали все, что могли. Беги же.

Хар бросился вниз по ступеням Центральной башни, откуда Ренен руководил последними уличными боями. Темный и длинный туннель вел от башни за город, и Хар старался двигаться в этом мраке по возможности бесшумно, не смея даже зажечь свечу, чтобы не выдать себя. Он шел, ощупывая влажные каменные стены, скользкие и поросшие мхом, не отрывая пальцев от стены, чтобы не терять ориентира. Хар шагал быстро, но не переходил на бег. До слуха его доносились тысячи звуков, каждый из которых мог создавать преследовавший его Шрамоносец. Ему казалось, что в любой момент какое-нибудь затаившееся впереди уродливое когтистое чудовище могло протянуть к нему лапу и вырвать его глаза или раскроить одним ударом череп. Какая-нибудь тварь могла даже повиснуть на потолке, поджидая, когда он окажется под нею, и тогда напасть сверху и высосать жизнь из его плоти.

Он видел таких страхолюдин, стоя возле Ренена на башне. Он видел, как двигались по улицам эти чудовища, видел, как падали люди, умиравшие страшной смертью, которая не могла бы представиться ему даже в кошмарном сне. Чудовища не знали пощады. Они никого не брали в плен, они не щадили никого живого. Погибли дети, которые были на кораблях, погибли их матери, больные, старики и старухи... свершилась месть за учиненное в ущелье побоище. Погибли дети. Погибли невинные. Так-то обходятся друг с другом разумные существа.

Ужас едва не парализовал Хара, и только мысль о том, что чудовища скорее всего могут находиться позади него, а не впереди, преследуя, а не поджидая, заставляла его двигаться дальше.

В Калимекку, думал он, в Калимекку, к Дугхаллу, тот должен узнать горькие вести.

В Калимекку. В Калимекке безопасно, если я только сумею добраться до нее. В Калимекку.

Хар не знал, сколько времени он провел под землей и как далеко зашел, но внезапно туннель резко пошел вверх, и он оказался в лесу — в самом сердце джунглей. Он заплакал, когда свежий воздух коснулся его мокрых щек, а потом посмотрел вверх и увидел над головой звезды, подмаргивавшие ему сквозь просветы между ветвями.

Хар понял, что никогда в жизни больше не сможет войти в тесное, мрачное подземелье, ни за что в мире не согласится вновь ощутить скользкое прикосновение мха и сырого камня, а звуки редкой капели и стоны ветра, завывающего в камен-

ном коридоре, заставят его с удвоенной силой стремиться к свету, очагу, к людям.

Он бежал через джунгли на север, на север, к обетованной безопасности Калимекки.

Вся Костан-Сельвира досталась ей. Даня объезжала улицы на своем лорраге и, разглядывая мертвых людей, грудами лежавших на земле, размахивала своей увечной рукой и с восторгом указывала на трупы.

— Вы убили бы меня, — кричала она. — Я никогда не смогла бы стать одной из вас, ведь так? Но я жива, а вы умерли! Умерли!

Мертвецы смотрели на нее немигающими глазами, на лицах их отражались пережитые ими ужас, боль и страдания, и чем дальше она углублялась в город, тем меньше радости ей приносило это. Наконец на одной из улиц она увидела детей — похожих друг на друга девочек, конечно сестер, одинаково подстриженных и одетых... Они лежали на земле аккуратным рядком. Их было восемь, самой младшей не исполнилось, наверное, и трех лет, самой старшей едва ли было больше шестнадцати. Мертвые дети были облачены в нарядные платья, их цвета и кружева выдавали принадлежность к Семье.

На их месте могли оказаться и Галвеи, здесь могла бы лежать сама Даня и три ее сестры. Темные волосы, темные глаза, невысокие... она каждый день видела почти те же черты, те же детали облика в собственном зеркале. Юные лица безмолвно обвиняли ее, и она ожгла убитых яростным взором.

— Для этого я и нахожусь здесь, — сказала она себе, отъезжая. — Я пришла, чтобы увидеть, как умрут мои враги. Я пришла, чтобы увидеть, как те, кто отверг меня, падут к моим ногам, чтобы увидеть, как их растопчут. Таков вкус моей мести. Первый миг победы.

Но убитым было не до ее триумфа. Лица их обвиняли ее, и Даня спиной ощущала тяжесть их мертвых взглядов, слышала в их молчании простую истину: *мы ничем не навредили тебе — ни действием, ни бездействием.*

И восторг ее медленно умер.

Костан-Сельвира не мой город, сказала она себе. И поэтому я не могу испытывать заслуженной радости, проезжая по этим улицам. Но я не виновата в смерти этих людей, ибо другой дороги в Калимекку для нас нет, а живых врагов нельзя оставлять за спиной.

Я порадуюсь в Калимекке, когда мое Семейство будет стоять передо мной на коленях и молить о пощаде...

когда Сабиры приползут ко мне на животах с выпущенными наружу кишками и будут в грязи умолять, чтобы я оборвала их страдания. А потом я увижу, как умрут Криспин, Анвин и Эндрю Сабиры, растерзанные на тысячу кусочков, я сама буду резать их, буду слушать их вопли, а потом заберу их жизни — в обмен на свою, погубленную ими, — и тогда познаю сладость мести. Тогда я буду счастлива.

И она повернулась спиной к погубленной Костан-Сельвире и отправилась к живым. Она хотела найти Луэркаса, чтобы мысленно представить его стоящим на коленях возле Криспина Сабира — отца его плоти. Она хотела видеть его и мечтать о том, как оба они молят ее о пощаде.

Я увижу это, пообещала она себе. Скоро все мои мечты наконец исполнятся.

Глава 50

Дугхалл согнулся над столом в своей каюте. Пол равномерно покачивался под ногами, а вместе с ним и все остальное. Рука его с зажатым в ней пером застыла над листом пергамента — заклинание, которое должно было пленить Луэркаса, никак не давалось ему. Он так и эдак формулировал это заклятие, пытаясь создать нечто небывалое, ни на что не похожее, но способное обмануть Луэркаса, чтобы тот прельстился обещанным и тем самым дал бы увлечь себя в ловушку. Но ловушка эта должна была погубить душу — хотя бы и Дракона, — и ум Сокола был бессилен придумать красивый обман, иллюзию, которая могла бы одурачить Луэркаса. Не такой уж он идиот, чтобы позволить видимости обмануть его — его, мастера-чародея, умнейшего среди колдунов своего времени и куда более одаренного и могущественного, чем был когда-либо и мог еще стать сам Дугхалл. Краем сознания Дугхалл ощущал приближение оставшихся в живых Соколов. Услышав его призыв, все, кто мог, отправились в Калимекку — по горам и лесам, а потом через весь город и вверх по Тропе Богов, к Дому Галвеев. Те, кто одолел долгий путь, будут ждать в джунглях за стенами Дома — чтобы исполнить свой долг в последней битве между Соколами и Драконами. Некоторым из них, подумал Дугхалл, возможно, и удастся дожить до следующего дня.

Но все эти мысли не помогали ему в работе. Самое важное заклинание из всех когда-либо созданных им должно было обрести идеальную форму, ибо этого требовала ситуация.

Пусть такое заклятие создается впервые, оно не должно иметь ни слабых сторон, ни недостатков. У него есть только один шанс победить Луэркаса, и души жителей Матрина погибнут или спасутся в зависимости от его успеха или неудачи. Единственный шанс.

Сомкнув веки, Дугхалл потер левый висок пальцами, все еще сжатыми в кулак. Потом он открыл глаза, посыпал чернила песком, отложил в сторону исписанный лист пергамента и взял другой. Ловушка составляла лишь первую часть этого последнего в его жизни заклятия. Вуаль не пустота. Там живут создания, которые никогда не покидают ее, и, находясь в ней, можно рассчитывать на особые, лишь Вуали присущие условия пребывания там, закономерности и помощь иных форм жизни. Все это в совокупности и станет сутью ловушки. Очертания грядущей битвы уже рисовались в его мозгу, и он принялся торопливо записывать строчки, которые ему вскоре придется произнести. Занося вторую часть заклинания на бумагу, Дугхалл молился:

Душу мою вручаю, тебе вручаю, о Водор Имриш.
Дабы вспомнил ты обо мне в час нужды моей.
Душу мою вручаю, тебе вручаю, о Водор Имриш,
Дабы воспользовался ты мною в час нужды твоей.
Душу мою вручаю, тебе вручаю, о Водор Имриш,
Дабы в последний миг жизни не посрамил я тебя.
Орудием воли твоей меня сделай,
Словно меч возьми в десницу свою.
Но прежде смертного мига, о Водор Имриш,
Дай мне понять любовь,
За которую дважды погиб Соландер.
Позволь мне на миг ощутить этот дар —
За него отдаю себя в жертву.

Глава 51

Продолговатая бухта Калимекки почти опустела, несколько покинутых экипажами кораблей покачивались на волнах, а на их палубах белели кости, и разжиревшие чайки лениво ходили между останками. Лишь «Кречет» оживлял мертвую гавань, поэтому, когда корабль бросил якорь возле причалов, принадлежавших прежде Галвеям, от них не отплыла ни одна лодка с торговцами. Весь экипаж судна высыпал на палубу и принялся разглядывать заброшенный порт.

— Я и мои люди пойдем с вами, — сказал Ян Дугхаллу. — Я хочу быть уверенным в том, что вы трое, Элси с

детьми и Алви благополучно доберетесь до Дома Галвеев. Когда все закончится, я вернусь на «Кречет» — если, конечно, останусь жив — и возобновлю свою торговлю. Если вы захотите, чтобы я торговал от имени Дома Галвеев, я готов поднять ваш флаг.

— А что станет с Ррру-иф? — спросила Кеит.

— Тебе придется присутствовать при казни. И на суде свидетельствовать против нее, поскольку ты относишься к числу лиц, которым она нанесла наибольший ущерб.

Кеит и Ри переглянулись.

— Но на это у нас нет теперь времени, — ответила она.

— Ну, тогда потом, когда вы победите Луэркаса.

— Потом... не будем загадывать.

— Не будем. — Ян перевел взгляд на вход в бухту — на манящий к себе океанский простор. — После битвы с Луэркасом вам не следует рисковать своими жизнями, оставаясь в городе. Но Ррру-иф должна быть повешена. И меня это вовсе не радует... не могу забыть, что когда-то мы с ней были друзьями. Но мятежников нельзя прощать. Если Закон Капитана нарушить хотя бы однажды, на матросов нельзя будет рассчитывать. — Он вздохнул. — Я бы предпочел оставить ее в карцере — до самой казни, но придется надеть на нее оковы и прихватить с собой. На стене Дома Галвеев ей будет столь же удобно висеть, как и на моей мачте.

— А если я погибну и не смогу дать показания против нее?

— Погибнут не все, и среди нас найдутся те, кто может это сделать.

В порыве внезапного вдохновения Кеит предложила:

— Собери всех, кто может свидетельствовать против нее, и приведи их на суд.

— Я не могу этого сделать. Многие из тех, кому она причинила зло, являются Шрамоносцами. В городе их ждет немедленная смерть.

— Но город наполовину опустел, заброшены целые кварталы, здесь больше призраков, чем людей. Твои Шрамоносцы беспрепятственно дойдут до Дома Галвеев. Приведи их, они должны высказать свои претензии к Ррру-иф и услышать справедливый приговор. Мы укроем их у себя — пока это будет необходимо, и позволим стать под знамена Галвеев, если понадобится. Но я считаю, что они должны присутствовать на суде и предъявить свои обвинения.

— Очень хорошо, — сказал Ян и, внезапно нахмурясь, кончиками пальцев прикоснулся к ее руке. — Скажи мне честно, Кеит, как, по-твоему, переживем мы то, что нам предстоит?

— Откровенно говоря... — Она опустила взгляд на его ладонь, держащую ее руку, и продолжила: — Надеюсь, тебе

удастся выжить. И твоему экипажу. А нам с Ри... это не суждено. Мы знаем об этом.

— Я думал о вас. Я могу увезти вас за море — в Новтерру, на просторные и богатые земли, по которым можно скитаться целую жизнь, каждый день удивляясь все новым и новым чудесам. Мы можем отправиться туда вместе. Луэркас никогда не отыщет нас там. — Пальцы Яна чуть сжали ее руку. — Пока еще не поздно, пока не случилось непоправимое.

Кеит посмотрела сначала на него, потом на Ри.

— Поздно было уже в тот миг, когда мы родились. Мы — Дугхалл, Ри и я — появились на свет и жили ради этого мгновения. Мы могли бы укрыться от собственной судьбы, но тем самым сознательно обрекли бы несчетное множество неповинных душ на смерть, и даже худшее, чем смерть. Три жизни за весь мир — не слишком большая цена.

— Если одна из этих жизней твоя, я с этим не согласен.

Кеит улыбнулась ему, и Ян увидел на ее лице отсвет того, что некогда было между ними.

— Не забывай меня, — попросила она.

— Не забуду.

Глава 52

Повозки найти оказалось нетрудно, лошадей сложнее, но возниц, готовых отправиться к заброшенному Дому Галвеев, нельзя было нанять ни за какие деньги. Поэтому те из людей Яна, кто обладал хоть каким-то опытом в обращении с лошадьми и повозками, взяв в руки вожжи, повезли остальных своих спутников по почти опустевшим улицам города, мимо бесконечных верениц домов с закрытыми ставнями окон, мимо редких стаек исхудавших и грязных детей, следивших за ними из теней, мимо юношей, состарившихся за несколько месяцев, женщин, еще полгода назад бывших молодыми, а теперь согбенных утратами и тоской, мимо других молчаливых свидетелей и свидетельниц недавних печальных событий.

С юга приближалась еще одна беда — к городу подходило войско Увечных, и все, кто ехал к Дому Галвеев, чувствовали, как гонит их вперед давящая волна опасности.

Кеит сидела в самом первом из фургонов, поднявшихся вверх по Тропе Богов и остановившихся перед воротами Дома Галвеев. Она подбежала к повозке, в которой ехали Элси,

ее дети и Алви. Когда Элси спрыгнула на землю, Кеит обняла ее. Потом точно так же она обняла племянника и Алви, а крохотную племянницу поцеловала в лобик.

— Надеюсь, тебе удастся пережить все это, — сказала Элси. — Не для того мы отыскали друг друга, чтобы снова расстаться — и уже навсегда.

— Не нужно тешить себя ложными надеждами, — ответила Кеит. — Просто обещай мне, что будешь вспоминать обо мне каждый раз, когда увидишь восход солнца или ощутишь прикосновение капель дождя к лицу.

— Это нечестно, — сказала вдруг Элси, и Кеит приподняла бровь. Сестра ее рассмеялась, но смех этот был печальным. — Я не забыла Семейную поговорку: искать справедливости — значит впутываться в дела богов. Но это нечестно. Ты моя сестра и мой друг. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Элси, и поэтому должна сделать все, что от меня требуется.

Элси зажмурила глаза и стиснула ладонь в маленький крепкий кулак — другой рукой она держала младенца.

— Но если я больше не увижу тебя в этой жизни, то буду искать в следующей.

— Да, конечно, — ответила Кеит, понимая, что лжет, зная, что Элси не в силах принять в себя всей правды. — До следующей встречи. Будь счастлива.

Элси вдруг замялась, не решаясь заговорить. Кеит внимательно смотрела на сестру.

— Я ошибалась в отношении Ри, — наконец сказала Элси тихим голосом. — Сабир он или нет, но Ри хороший человек, и вы с ним достойны друг друга и всего того счастья, которое суждено вам в этой или следующей жизни. Если вы уцелеете... — Она махнула рукой, чтобы Кеит не перебивала ее. — Я знаю, что вы не надеетесь на это, но если все же... то я благословляю вас.

Кеит едва сдержала слезы:

— Спасибо тебе. Я рада, что ты сказала это.

Опустившись на колено, она обняла Алви, а потом посмотрела на ее серьезное юное лицо.

— Твоя тропа закрыта облаками, Кеит, — сказала Алви. — Я не чувствую ее за пределами этого дома.

Кеит снова прижала девочку к себе:

— Алви, ищи свою собственную тропу. Мир может быть прекрасным... отыщи в нем красоту и счастье и постарайся не терять их никогда.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала Алви.

Кеит погладила пальцами по ее щеке:

— Там, куда я ухожу, мне будет не до подарков.

— Это не подарок, а весть. Во сне ко мне пришел человек и сказал, что я должна передать тебе такие слова. *Я жду тебя в Вуали, Кеит. Я никогда не покидал тебя.*

Кеит почувствовала, как холодок пробежал по ее спине.

— Кто тебе это сказал?

— Не знаю. Я не видела лица. Я видела только свет... но я ощутила... любовь.

— Ох... — Кеит едва могла дышать.

— Ты знаешь, кто это был?

— Я... может быть. Посмотрим. Может быть, я... найду его.

— Это хороший человек, — сказала Алви. — И очень добрый.

— Да. — Кеит встала. — А теперь пора идти. И... спасибо тебе.

Она обратилась мыслями к будущему... к тому немногому, что оставалось от него. Стены Дома Галвеев высились перед ней, и ворота были открытыми. Дом снова стоял пустым.

Конечно, подумала Кеит, духи Галвеев взяли себе тела мертвых и, подкрепив свои силы, выбросили наружу сброд, явившийся сюда убивать обитателей Дома. Наложенное Дугхаллом заклятие все еще удерживало здесь духов. Оно продержит их в Доме еще какое-то время — пока Дугхалл будет оставаться в живых. А потом призраки отправятся или в свои могилы, или в Вуаль, и Дом достанется тому, кто сможет доказать свои права на него.

Ну а пока — совсем ненадолго — он оставался в ее распоряжении.

Запах, шедший из джунглей, привлек ее внимание. Подняв голову, Кеит принюхалась и поняла, что густая листва скрывает множество людей, и мужчин и женщин. Она направилась в их сторону, даже не подумав притронуться к мечу. Запах тел, звуки движений, едва ощутимое прикосновение их мыслей к ее разуму свидетельствовали о том, что там собрались друзья. Вот из зарослей вышел один из них, вот еще несколько человек последовали его примеру, а за ними еще дюжина и снова дюжина. Мужчины и женщины, старые и молодые, некрасивые и прекрасные, все они смотрели на нее глазами, состарившимися от лицезрения многого зла, которое люди во все времена причиняли друг другу. Все они пришли, чтобы сразиться с последним, самым могущественным злом, выстоять против него, а если придется, и умереть — ради жизни. И в их глазах Кеит увидела страх — сотни оттенков страха... точно отражение ее собственного ужаса перед тем, что предстоит ей увидеть и сделать, когда придет время.

Она знала этих людей, хотя никогда не встречалась ни с кем из них. Она прикасалась к ним, пропуская через себя поток Соколиных Чар, и теперь Кеит узнавала черты их лиц и

контуры мыслей своих надежных союзников, которые будут стоять насмерть, невзирая на собственный страх. Их глаза говорили ей, что они тоже знают ее, знают, кто она и что именно собой представляет. Этим людям было известно, какое испытание выпало на ее долю. Роковая участь ее касалась их лично, и, простирая к ней свои руки, они обращались к ней с безмолвной благодарностью за ее жертву. И в этот миг она была одной из них, принадлежала им всем, как никогда и никому за всю свою жизнь, если не считать Ри и Возрожденного. И в этот же самый миг были забыты и прощены все ее тайны и ошибки прошлого, и она стала одной среди многих, она принадлежала теперь им полностью и без остатка — как и они всецело принадлежали ей.

А когда она покинула их, повернувшись и уйдя за стену Дома Галвеев, то увидела и двор и Дом как будто впервые, как если бы она вдруг Трансформировалась и смотрела на все по-новому, глазами Карнеи.

Мне никогда не придется вновь войти в эти ворота, подумала Кеит. Никогда больше не ступить на эту землю, никогда не почувствовать сладость воздуха, никогда не услышать шепот ветра в пальмовых листьях. Это последнее, что я вижу, последнее, к чему прикасаюсь, чей запах и вкус ощущаю.

Кеит впитывала в себя все, что окружало ее, и ей было мало. Она никак не могла насытиться, потому что прощалась со всей красотой этого мира и не хотела расставаться с ней.

Сзади к ней подошел Ри и опустил руку на ее плечо:

— А я и не подозревал, что мир настолько прекрасен...

Она молча кивнула.

— Мне бы хотелось напоследок побыть Карнеем. Поохотиться на этих холмах вместе с тобой, побегать в горах.

— Мне тоже. Мы... мы прожили хорошую жизнь. И мы были близки — во многом.

— Если бы нам суждена была вечность, я бы любил тебя вечно.

Они остановились у подножия лестницы, поднимавшейся к широким парадным дверям Дома Галвеев, и торопливо поцеловались.

— А я тебя, — ответила Ксит. — И я хочу, чтобы вечность оставалась с нами. Мне кажется, мы неплохо бы провели ее.

К ним подошел Дугхалл и остановился чуть позади. Они посмотрели друг другу в глаза и, печально улыбнувшись, разжали объятия.

— Нам пора, наверно? — спросила Кеит у дяди.

— Как ни жаль, но это так. Армия Увечных приближается к городу. Здесь меня дожидался Хар, один из моих сыновей, он сказал, что, кроме него, не уцелел никто из всего наше-

го войска. Костан-Сельвира пала в тот же день, когда мы оставили ее, и Шрамоносцы без промедления двинулись к Калимекке.

— Соколы уже начали укрывать щитом жителей города? — спросил Ри.

— Начали. Они дожидались лишь нашего прибытия, чтобы приступить к делу. Когда Луэркас попытается вырвать из тел души тех, кто находится в городе, чтобы усилить ими свои чары, доступным ему окажется лишь его собственное войско. Возможно, это создаст ему помеху, пусть и небольшую, но уж наверняка не даст ему намного увеличить свои силы.

— Но наша участь от этого не изменится, так? — спросила Кеит.

— Нет, — ответил Дугхалл. — Мы уже знаем это. Либо мы втроем победим и умрем, либо одолеет Луэркас, и тогда погибнет весь мир.

— Ну что ж... тогда за дело, — сказала Кеит.

Она взяла Ри за руку, и вместе они шагнули на лестницу.

Глава 53

Соколы окружили по периметру стены Дома Галвеев. Их набралась почти сотня, и все они сидели, скрестив ноги и оперевшись спиной о гладкий белый камень. Глаза их были закрыты, а тела неподвижны, так что со стороны казалось, что никто из них даже не дышит. Соколы обещали прикрыть щитом всех жителей Калимекки, чтобы никто не претерпел ущерба во время грядущей битвы. Ян пока ничего не ощущал и лишь предполагал, что эти люди накрыли город экраном, похожим на тот, каким Кеит защитила их лодку, когда они пытались скрыться от Сабиров на каком-нибудь из островов Тысячи Плясунов вместе с Зеркалом Душ. Но безмолвно сидящие у стены чародеи слегка раздражали его. Ян предпочел бы, чтобы их занятие имело вид более деятельный и не напоминало бы дремоту. Или могильный покой.

Ян расставил своих людей широкой цепью в верхней части каждой из двух спускавшихся в город дорог. Как и все моряки, Соколы и даже Элси с детьми, он оставался за стенами Дома Галвеев. Дугхалл попросил, чтобы до самого конца битвы с Луэркасом никто, кроме них троих, не входил в эти ворота.

В доме — Ян знал это — Кеит, Дугхалл и Ри готовились к схватке. Им предстоит магическое сражение, и сейчас все трое, должно быть, тоже просто сидят, подумал он. Сидят с закрытыми глазами, как будто отдыхают.

Ян ненавидел магию. Он не мог воспринять ее умом. Не мог признать ее уместной в схватке, идущей между двумя людьми. Жаль, что нельзя сразиться с этим явившимся невесть откуда сукиным сыном на мечах — Яну хотелось бы бросить ему вызов, как обычному человеку, скрестить с ним клинки и пронзить эту тварь насквозь. Или пусть Луэркас прикончит меня, и тогда эта моя жизнь завершится в честном поединке, подумал он.

Только так должны сражаться мужчины: руками, телами и разумом. Победит тот, кто быстрее, умнее, сильнее, проигравший погибнет, и любое разногласие окажется навсегда улаженным. И незачем будет опасаться, что через тысячу лет какой-нибудь ублюдок украдет чужое тело и восстанет из мертвых, чтобы сразиться вновь.

Ян расхаживал туда-сюда позади дома — от западного края утеса до восточного и обратно, каждый раз останавливаясь посередине, чтобы посмотреть на Ррру-иф, сидевшую на земле в оковах, охватывающих ее шею, запястья и лодыжки. Цепи ее были прикреплены к огромному каучуконосу, стоявшему на краю расчищенной площадки. Охраняли мятежницу четверо моряков, которые намеревались дать против нее показания на суде. Лишь один из четвертых являлся человеком. Остальные трое были Шрамоносцами-Кеши.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, — крикнула Ррру-иф, когда Ян снова поравнялся с ней. — Я ревновала к ней. Я хотела, чтобы ты любил меня, а не ее. Ты не можешь повесить меня за ревность.

Он взглянул на нее и промолчал. Успешно осуществленный мятеж на корабле — это далеко не припадок ревности, и Ррру-иф прекрасно знала о своей вине, но теперь она пыталась разжалобить и его, и всех остальных моряков, натерпевшихся от нее. Ррру-иф лгала, пытаясь исказить истину, извратить прошлое так, чтобы она предстала перед ними в выгодном свете. Ян вспомнил ту молодую девушку, какой она когда-то была... девушку, рискнувшую своей жизнью, чтобы спасти малолеток-рабов, вспомнил и удивился превращению этой девушки в женщину, способную бросить своих товарищей на погибель в чужом краю, способную предать человека, предоставившего ей убежище, даровавшего новую жизнь и свободу. Человека, которого она якобы любила.

— Ни один добрый поступок не остается безнаказанным, — прошептал Ян, обращаясь к себе самому. Впрочем, мысль эта показалась ему слишком циничной, горькой и не вполне верной. Спасенные Ррру-иф девочки, которых он отвез тогда в безопасное место, выросли и разъехались кто куда. Некоторых из них он еще встречал на Тысяче Плясунов. Другие уже покинули острова. Ни одна из них пока не разбогатела, но все они смогли

избежать участи постельных игрушек извращенных и жестоких стариков, которые быстро ломают такие игрушки, а потом выбрасывают их.

Все-таки я рисковал не зря, подумал он, пусть и не у всех них жизнь сложилась так, как хотелось бы, но ничто и никогда не делается безукоризненно.

Вот так и с Кеит у него получилось. Он любил ее, сражался бок о бок с ней, больше всего на свете хотел быть рядом, а она отвернулась от него и ушла к другому. Только это ее решение не перечеркивало, не отменяло ни единого проведенного ими вместе мгновения. Теперь же, когда Кеит сказала, что ей предстоит сражаться и умереть в битве — в битве, в которой он не мог даже принять участия, — Ян чувствовал себя опустошенным и бесполезным. Он охотно встал бы на ее место. И погиб бы — ради ее спасения. Но он не умел делать то, на что способна была она, и потому расхаживал между двумя дорогами, ожидая беду, которая все никак не шла к ним, и врагов, которых по-прежнему не было видно.

Короткое время, проведенное им с Кеит, было прекрасно, но прошлое ушло навеки. И он пытался примириться с этим, хоть как-то приспособиться к реальности этого мира, к его настоящему.

Прошлого не вернуть, сказал себе Ян. Но можно сохранить его в памяти.

Глава 54

Крылатые полки армии Тысячи Народов облетели Калимекку и вернулись к Луэркасу и Дане с докладом.

— Город почти покинут, — доложил капитан полка *Золотого Огня*. Он неловко шевельнул кожистыми крыльями, вытянул шею, чтобы поправить складку кожи, и продолжил: — Над дверями домов и лавок висят серые тряпки, большая часть их заброшена. Причалы пусты, в гавани стоят мертвые корабли, а на каждой площади и пустоши еще дымят огромные груды костей.

Луэркас нахмурился:

— Хотелось бы знать, почему город оказался пустым. Непонятно... все жители южных городов и деревень бежали в Калимекку, спасаясь от нас. Город должен быть переполнен людьми. У стен должны быть разбиты лагеря беженцев.

— Ты сказал серые тряпки? — переспросила Даня.

Капитан кивнул.

— Вот тебе и ответ. — Она повернулась к Луэркасу и пояснила: — В Калимекке мор. Серая тряпка на двери служит знаком того, что в доме кто-то из его обитателей или умирает, или уже умер. Тряпки вывешиваются для того, чтобы входящий знал, что может подхватить болезнь и умереть. Люди, бежавшие от нас сюда, должно быть, направились дальше. Скорее всего они повернули на запад — в сторону Крати, или Манале, или Халлеса, а может, направились на север к Родану.

Она вдруг рассмеялась:

— Вот они, все твои планы, все твои козни и великие намерения! Ты привел нас в гнездо заразы, пекло мора, к зачумленному городу.

Поднявшись со своего места, Даня расхохоталась в лицо Луэркасу:

— И кем же ты будешь править... неужели станешь властелином трупов? Или ты способен подчинять своей воле души умерших?

Луэркас усмехнулся, и глаза его сузились.

— Как забавно, что ты наконец спросила меня об этом... а я именно это и имел в виду. Ну а ты, матушка, ты, сука... скажи мне, каким образом ты будешь теперь мстить мертвецам?

Даня оборвала смех и нахмурилась:

— Мор никогда не поражал богатые дома. У Семей есть собственные запасы продуктов, дома их ограждены стенами, и при первом же известии о заразе они должны были запереть ворота, чтобы переждать внутри время мора, как всегда делали в таких случаях. Мои должники сейчас находятся в уюте, в окружении собственных богатств и ждут, когда я приду и потребую их жизни.

— Ждут ли?

— Конечно.

— Тогда почему бы тебе их не поискать? Почему бы не посмотреть своими Волчьими глазами? — Он лукаво и ехидно улыбнулся ей. Взгляд Луэркаса говорил ей: я знаю нечто такое, чего не знаешь ты, и Дане вдруг захотелось пронзить кинжалом его сердце, чтобы посмотреть, как злейший враг ее будет корчиться, умирая. Однако он не позволит ей убить его. Она знала это.

Даня не сомневалась в том, что и Галвеи, и Сабиры спокойно отсиживаются за своими стенами, пережидая мор, опустошивший Калимекку. Она решила доказать это Луэркасу. Воспитанная Волком семьи Галвеев, обученная самым мрачным чарам, закаленная горьким опытом, она постоянно ощущала скользкие и соблазнительные токи Волчьей магии, пронизывавшие ее мышцы, кровь и кости своим черным пламенем.

Она впустила этот поток в свой разум и, соткав из него шар белого света, отдала этой сфере свое зрение. Вслед за этим Даня отделила от себя и шар и зрение, и направила их к городу, к Домам Великих Семей. Первым делом она послала их к цитадели Сабиров и увидела, что ворота ее закрыты. Серый шелк, прикрепленный к гладкому белому камню, полоскался на ветру по обе стороны ворот. Устремив свое зрение внутрь, она увидела погребальные костры, в которых обгорелые кости лежали вперемешку с угольками. Она увидела немногих оставшихся слуг, бродивших по просторным пустым залам или прятавшихся на складах. Она обнаружила тело старой женщины-Волка, изувеченной чарами до полной утраты человеческих черт. Вздутое и гниющее тело осталось лежать на полу там, где ее встретила смерть, когтистая рука женщины стискивала разорванное горло мертвого человека. Еще Даня увидела мужчину, пустыми глазами глядевшего в потолок над постелью, живого и невредимого, но охваченного безумием. А после мужчины — изголодавшегося ребенка, запертого в пустой кладовой, уже неспособного кричать или стучать в дверь.

Но она нигде не нашла Криспина, не увидела Анвина, не отыскала Эндрю. Она направила свои чары на них, вспоминая их внешность, очертания их тел и душ, а затем послала свет своего зрения дальше, за пределы дома Сабиров. Ничего не обнаружив, она протянула руку, схватила одного из Шрамоносцев, стоявших возле ее походного трона, вонзила два когтя в его горло, извлекла силу его жизни из крови, хлынувшей из-под ее руки на землю, и послала свет своего зрения еще дальше. И опять ничего не увидела. Гнусная тройка перестала существовать.

Затем она обследовала Дом Галвеев и заметила вокруг его стен незнакомых людей, но внутри его царила... пустота. Лишь в большой гостиной обнаружились ее кузина Кеит, дядя Дугхалл и какой-то мужчина, стоявшие на коленях вокруг серебряной чаши на полу, но, кроме них троих, во всем огромном доме не было ни единого живого существа.

Гофт, подумала Даня. Семья бежала на Гофт. И она послала свое зрение на остров. Но ворота дома Черианов были сорваны с петель, торговцы устроили базар внутри его стен, а в самом доме поселились воры, бродяги и шлюхи.

Их не было. Они исчезли. Исчезла ее Семья, исчезло Семейство Сабиров... все, кто мучил ее, все, кто бросил ее. Люди эти исчезли не только из своих домов, но и из жизни. Все они были мертвы. Все до единого.

Она поклялась отдать свою жизнь, чтобы увидеть, как они скулят возле ее ног, чтобы услышать собственными ушами слова их мольбы и раскаяния. Она убила свое дитя, чтобы испол-

нить эту клятву, и теперь, стоя здесь, перед воротами города, где должны были находиться ее враги, окруженная войском, алчущая отмщения, она обнаружила, что все ее должники оставили этот мир!

С отчаянным воплем Даня разбила светящуюся сферу, в которую было заключено ее зрение, поднялась с трона, оттолкнула ногой труп принесенного ею в жертву Шрамоносца и повернулась к Луэркасу.

— Ты знал это! — яростно крикнула она.

Расплывшись в улыбке, он ничего не ответил.

— Ты знал, что все они мертвы! Ты знал это!

— Конечно же, знал, и если бы ты обращала побольше внимания на происходившие в Калимекке события, то тоже узнала бы обо всем намного раньше.

— Но почему ты привел нас сюда, если знал о поразившей город чуме?

— Никакой чумы здесь не было. Просто при уничтожении Зеркала Душ погибли несколько человек — и только. В городе нет больных. Как нет и умирающих от неведомой и страшной заразы.

— Несколько человек! Но город совсем опустел.

— Горожане решили, что начался мор. — Луэркас пожал плечами. — Глупые люди. Те, кто мог, бежали, здесь остались лишь те, кто слишком беден или слаб, чтобы оставить город... те, кому все равно, живы они или умерли. И это вполне устраивает меня.

— Мы должны взять себе богатства этого города, — объявил один из Шрамоносцев. — Ты обещал отдать нам самый великий город Матрина.

— Так и будет, — ответил Луэркас. — И если какая-нибудь горстка горожан решит выступить против вас — убейте их. Город сам по себе является достойным призом, и его население только мешало бы нам.

— А что будет со мной? — завизжала Даня. — Что будет с моей местью?

— Ну что тебе сказать? Ты ошиблась в выборе. Как и все, кто живет ради отмщения. Они никогда не получали того удовольствия, о котором мечтали. И то, что ты не стала исключением из этого правила, меня вовсе не удивляет.

С яростным воплем Даня бросилась на него, протянув оба когтистых пальца к его горлу, но стражи, стоявшие по обеим сторонам трона Луэркаса, схватили ее и оттащили от него. Даня взвыла в бессильной злобе, и Луэркас расхохотался:

— Я долго ждал этого мгновения, и оно оказалось восхитительным — как я и надеялся. Как приятно наконец обнаружить в тебе крепость характера. Теммиасс, принеси цепи.

Один из Увечных выбежал из шатра и мгновение спустя вернулся с тяжелыми цепями и наручниками. Стражи надели их на Даню и приковали ее к трону Луэркаса, хотя кое-кто из них украдкой бросал косые взгляды на Иксахшу, исполняя его приказ. Когда они закончили, Луэркас сказал:

— По-моему, ты достаточно побаловалась со своим оружием.

Он прикоснулся к ней указательным пальцем, и правая рука Дани с двумя когтями начала плавиться. Добела раскаленное свирепое пламя охватило ее плоть; что бы она ни делала, пытаясь оградить себя от чар Луэркаса, он просто менял направление заклинания и продолжал жечь ее. Боль заставила Даню упасть на колени... она завизжала и стала просить о пощаде, опозорив тем самым, как она думала, и себя, и свою Семью... Впрочем, нет, у нее больше не было Семьи. У нее не было ничего.

Луэркас остановился, лишь когда правая рука ее превратилась в обрубок.

— Пока довольно с тебя, — сказал он, погладив ее по голове. — Разрешаю тебе сидеть у моих ног, будь же доброй комнатной собачонкой, которой ты и являешься на самом деле, а потом я, быть может, научу тебя каким-нибудь веселым фокусам. Я лично считаю, что унижение полезно для души, а ты как думаешь?

Даня могла только скулить. Боль в том месте, где только что была рука, буквально ослепляла ее.

— Ну а теперь к делу, — продолжил Луэркас, — если я не ошибаюсь, мои враги наконец решились открыто бросить мне вызов. Я чувствую, как вокруг меня нарастает напряжение их чар. Скоро они позовут меня.

— Почему же ты не войдешь в город и не сразишься с ними? — спросил один из Увечных.

— У меня есть небольшое дело, которое нужно выполнить прежде, чем мы войдем в город... пустяковое дело, ничтожное. Покончив с ним, я проведу вас по улицам как покорителей Калимекки, и все мы будем объявлены королями и властелинами. Но если сперва не уничтожить врагов, они могут нанести мне удар, когда я буду заниматься своим делом, и поразить меня в тот единственный миг, когда я стану... уязвимым. Поэтому я предпочитаю встретиться с ними там, где это выгодно мне, и тогда, когда я буду располагать наибольшей силой.

Голос его сделался мягким и заботливым.

— В конце концов я не хочу, чтобы кто-нибудь встал между вами, моим народом и заслуженной вами победой.

Глава 55

Дугхалл стоял напротив Кеит и Ри.

— Вы войдете в Вуаль и сразу, как только окажетесь там, увидите окруженную огнями темную сферу. Это и есть та пустота, которую я создал, чтобы погубить Луэркаса. Ни при каких обстоятельствах вы не должны попасть в нее, не должны позволить, чтобы он затолкнул вас туда, пока не затащите в ловушку его самого. Если вы окажетесь там в Трансформированном состоянии, то, возможно, получите некоторое преимущество... Луэркас не рассчитывает встретить там хищников вроде Карнеев.

— Какая разница? В Вуали у нас не будет настоящих тел... только кажущиеся и невещественные, как свет, — сказала Кеит.

— Твой ум действует так, как привык, — ответил Дугхалл. — Если ты войдешь туда в человеческом облике, с тобой останутся все твои человеческие чувства, если же появишься там как Карнея, у тебя будут и ее скорость, и все остальные способности.

— И норов, — добавил Ри.

— В теле Карнеи я легко раздражаюсь, всегда алчу плоти и крови, еще я дичаю, и мне едва удается контролировать собственные побуждения, — кивнув, согласилась с ним Кеит.

Дугхалл опустился на колени и внимательно посмотрел на них обоих:

— Я знаю об этом. И полагаю, что в том числе и поэтому оба вы были избраны богами для этой битвы. Луэркас сражался со многими, но ему еще не приходилось иметь дело с парой Карнеев... Таких, как вы, не существовало в мире, когда он жил здесь в качестве человека. В вашем распоряжении останутся все чары, доступные вам и в людском облике. Только вы двое умеете общаться при помощи мысли, не прибегая к магии... Вы будете думать, как думают Карнеи, не знающие страха охотники. Может быть, так мы одолеем Луэркаса, если победа возможна вообще.

— Ты по-прежнему сомневаешься в ней?

— Враг слишком силен для вас двоих. Он чересчур силен и для нас троих. Даже если мы отдадим все, что у нас есть, — даже если мы потеряем все, что у нас есть, — мы почти наверняка проиграем. И все же мы должны бороться.

Кеит вызвала в памяти лица тех, кого любила. Своей сестры Элси и двоих ее очаровательных детей. Алви, юной, испуганной и мужественной перед лицом утраты и разочарования. Яна, готового на все ради нее. Этих людей она могла спасти. Еще были Ри, которого она любила больше, чем жизнь, и Дугхалл, ставший ей другом, отцом и вдохновителем. Их двоих она спасти не

могла; они должны были сражаться и умереть вместе с ней. А вокруг них лежал мир, ее мир, который она любила целиком — от самой маленькой травинки и песчинки до лучика солнечного света, мир, населенный людьми, безликими и безымянными для нее, — теми, кого она должна спасти. Но на деле она будет сражаться не за них и умрет не ради них. Она умрет ради Элси, ради Алви, ради Лонара, ради Ретхен, ради Яна, ради Ри, ради Дугхалла, ради Хасмаля, принявшего геройскую смерть, чтобы она, Кеит, осталась в живых, ради Соландера, дважды отдавшего свою жизнь из любви ко всему живущему в мире.

Повернувшись к Ри, она прикоснулась к его руке.

— Я готова, — сказала Кеит.

— Я тоже. — Он обнял ее и страстно поцеловал. Кеит прижалась к нему всем телом. Отчаянным усилием воли она заставила умолкнуть визгливый голосок, кричавший где-то в глубине ее души о том, что это последний поцелуй в ее жизни, и целиком отдалась мгновению, чувственной власти прикосновения, вкуса, запаха... В этот миг счастье переполняло Кеит, душа ее потянулась к душе Ри, и их соединение стало полным, гораздо более полным, чем просто телесные объятия.

Когда они наконец отстранились друг от друга, Ри сказал за них обоих:

— Ну, теперь мы готовы.

Дугхалл взял их за руки:

— Я горжусь тем, что знал вас обоих. И люблю вас, как собственных детей. Да будет с вами удача, да не оставят вас отвага и сила. — Он пожал их руки, а потом, шагнув вперед, поочередно поцеловал их в щеки.

— А теперь приступим к тому, что мы обязаны сделать. — Выпустив их руки, Дугхалл глубоко вздохнул, и взволнованный, опечаленный человек, которым он только что был, сразу куда-то исчез. Дугхалл как будто бы мгновенно вырос. Подбородок его приподнялся, плечи распрямились, и решительная улыбка легла на его лицо.

— Сперва Трансформируйтесь, — сказал он. — Потом выходите в Вуаль. Ждите у пустоты, которую вы найдете там. А я вызову Луэркаса на поединок... он ответит. Он знает, что, пока не победит нас, не сможет приступить к исполнению своих планов.

Кеит поежилась и заглянула в глаза Ри. А потом она ощутила в себе бурный порыв, бешенство Карнеи. Кровь ее закипела, мышцы охватило пламя, и они заскользили под кожей. Она торопливо срывала с себя одежду. Ри делал то же самое. За какие-то мгновения оба они превратились в мохнатых, четверолапых охотников, обитавших в том мире, где цвета ярче, запахи острее и где сильнее любые ощущения... Теперь Кеит вожделела охоты,

преследования, жаждала убийства. Теперь мысль о собственной смерти стала чуждой и непонятной ей, и хотя в человеческом обличье Кеит рыдала бы, оплакивая предстоящее расставание с жизнью, Кеит-охотница стремилась лишь к одному — ей хотелось как можно скорее напасть на чудовище, сделать его своей добычей.

В чаше с кровью замерцал свет, и Кеит, подогнув все четыре лапы, припала животом к холодному каменному полу и плотно закрыла глаза. Кеит-женщина успокоила разум Кеит-зверя, обе они сосредоточились на том деле, которое им предстояло, и тогда Кеит-Карнея оставила свою Увечную плоть и вошла в непостижимые просторы Вуали.

Ри присоединился к ней, также в бесплотном обличье четверолапого охотника. Они находились посреди ужасающей своей бесконечностью Вуали, перед ними чернел окаймленный маленькими мерцающими огоньками круг тьмы — предельно мрачной, холодной, злой, сотканной из нитей самой вселенной. Это была пустота, созданная Дугхаллом, которая скоро станет и убийцей их, и одновременно могилой. А еще этой тьме предназначено быть воротами, ведущими к спасению мира и всех, кого они любили. Из призрачной глотки Кеит вырвался вой, пронзивший Вуаль и коснувшийся вечности. Ри сразу же присоединился к ней, сообщая своей бессловесной и дикой песней, что они вместе и останутся вместе, пока жизнь, дыхание и душа не покинут их.

А потом они разом умолкли и приготовились ждать того, с кем им обоим суждено уйти в вечное забвение.

— Ну, вот и он, — сказал Луэркас, и сидевшая у его ног Даня загремела цепями и оскалилась.

— Чтоб ты нашел наконец свою смерть! Смерть и боль, позор и унижение!

Луэркас с обидой взглянул на нее:

— А я никогда бы не пожелал тебе ничего подобного. Все-таки ты считаешься моим союзником. Компаньоном. Я пытался дать тебе то, чего ты хотела, и искренне расстроен тем, что никак не мог спасти жизни твоих врагов, чтобы ты получила возможность убить их собственной рукой. Признай, что неразумно было бы требовать этого от меня.

— Из-за тебя я принесла в жертву своего ребенка, свою душу, свою честь! — закричала она.

— Все, что ты сделала, ты сделала по собственной свободной воле, собственному решению и по известным тебе самой причинам. Для меня ты не сделала ничего. Ты сама решала,

как тебе поступить. — Он улыбнулся и пожал плечами. — Так уж всегда случается.

Мрак в шатре рассеялся, и у подножия трона Луэркаса возник огненный вихрь... Шрамоносцы мгновенно отшатнулись назад. Появившийся в пламени призрачный человек, укутанный в плащ, черный, как сама ночь, свирепый, словно лорраг, и высокий, как самый рослый из Увечных воинов, холодно улыбнулся Луэркасу, и Шрамоносцы поежились. В улыбке призрачного воина была смерть. Смерть смотрела его глазами, а заговорил он голосом, холодным не как лед, а как старый, заброшенный склеп:

— В Вуали тебя ждут наши бойцы. Иди и бейся, победи или умри. Ты не сможешь занять мировой престол, пока живы Соколы.

Возникший перед ним призрак не смутил Луэркаса. Он лишь улыбнулся, пренебрежительно взмахнул рукой и сказал:

— Ступай прочь. Играй в свои детские игры со своими бойцами. Я буду через мгновение. А пока у вас есть еще достаточно времени, чтобы поручить вашим богам свои души, ибо я скоро приду и сожру их.

Он щелкнул пальцами, и призрак рассеялся, превратившись в дым, однако отголоски его леденящих слов все еще витали в воздухе, наполняя собой наступившую в шатре тишину, — словно в насмешку над бравурностью и свирепыми угрозами Луэркаса.

— Мои враги слабы и ничтожны, — сказал Луэркас ожидавшим его слов и действий Шрамоносцам. — Они существа из плоти и крови и дерзнули вступить в войну с богами.

Он поудобнее устроился на троне, готовясь привычно шагнуть в бесконечность не знающей дорог Вуали.

— Ждите меня здесь, — приказал он. — Охраняйте от всех. Я скоро вернусь, а потом мы двинемся дальше, чтобы объявить своим весь мир.

И, соткав серебряную нить, соединившую царства плоти и духа, он проследовал вдоль нее, чтобы погрузиться в холодную и вечную ночь Вуали.

Кеит, окруженная бесформенной пустотой Вуали, вспомнила весть Алви. *Я буду ждать тебя в Вуали, Кеит. Я никогда не покидал тебя.*

Быть может, я найду его здесь, подумала она, гадая, где и как ей искать его, однако это оказалось излишним. В то самое мгновение, когда ее посетила мысль о Соландере, ум Кеит вдруг снова наполнился той всепоглощающей, истинной, идущей от всего сердца любовью, которая некогда подарила ей надежду и сознание того, что ее можно любить такой, какая она есть, и что она действительно достойна любви.

Маленькая сестра, зашептал светлый разум. *Я пришел к тебе для того, чтобы ты узнала то, чему я научился. Быть может, ты сумеешь воспользоваться моими знаниями.*

Говори же, попросила она.

Я ошибался, продолжил Соландер. *Я думал, что мне следует оставаться в мире, думал, что мне самому нужно будет победить Драконов во второй раз, потому что в первый раз они потерпели поражение лишь потому, что я выступил против них.*

Но мы нуждались в тебе, сказала Кеит.

Нет, это я думал, что вы нуждались во мне, и потому остался в мире, нарушив естественный порядок жизни и смерти, попытавшись родиться вновь — не измененным Вуалью. Я не знал, что герои рождаются в любое время, которое нуждается в них, я не мог смириться с тем, что моя борьба закончена и что мир может существовать без меня. По-своему я ошибался не меньше, чем Драконы. Твой мир никогда не был моим, и твое время мне не принадлежало. Кеит, пришел твой миг. Время действовать, время бороться, время побеждать или терпеть поражение. И что бы ни произошло, чем бы все ни закончилось, твое время тоже пройдет, и ты тоже уйдешь. А мир и судьба его перейдут в следующие руки.

Волны любви снова объяли ее, наполнили собой и утешили. *Помни об этом и... пусть любовь не покидает тебя до последнего твоего мига. Знай, что зло всегда слабо, ибо оно порождается трусостью. Отвага же вечна, как вечна сама любовь. Ведь любовь никогда не умирает.*

А потом Соландер исчез, и Кеит вновь погрузилась во тьму.

Вдали мелькнул свет; возникнув из ничего, он сложился в человеческую фигуру. Фигуру Луэркаса. Он прекрасен, подумала Кеит, прекрасен как бог. Луэркас сиял силой и жизнью, нагой, идеально сложенный, улыбающийся, он шел к ней, а ветер Вуали теребил его длинные золотистые волосы, и искры света разлетались из-под его ступней.

Лишь два темных рубца на левой стороне груди портили эту прекрасную плоть — два вздувшихся треугольника, безобразный след, пометивший его сердце. Кеит увидела эти шрамы, и ее обдало холодом; не зная почему, она поняла, что эти шрамы связаны с явлением Луэркаса в мир плоти и мерзость их неразрывно связана со всем его существом.

Отойди от меня в сторону, мысленно сказал ей Ри. *Держись на расстоянии.*

Кеит скользнула влево от Ри и двинулась вперед плавными и ловкими прыжками. Повернув уши по направле-

нию к врагу, она была готова ловить наималейшие звуки. Губы ее чуть приоткрылись, обнажив острые, словно кинжалы, зубы.

— Ну же, начинайте, — предложил Луэркас со смешком. — Мне пришлось покинуть свои войска, и хотя это не слишком разумный шаг, я считаю, что нам надо уладить наши разногласия, чтобы каждый отправился затем своим путем. Не рассчитывайте, что дело и впрямь дойдет до драки. Вы не выстоите против меня, а я не хочу уничтожать тех, кто может однажды оказаться полезными мне... к тому же столь очаровательных существ. Я не варвар, чтобы уничтожать красоту лишь потому, что она не принадлежит мне.

Кеит и Ри не отвечали. Они кружили вокруг Луэркаса, пытаясь обнаружить брешь в его обороне.

Луэркас вздохнул.

— И какую же мерзкую ловушку вы соорудили здесь для меня, — сказал он. — Какие внушительные чары. Однако тому, кто создал эту штуковину, явно не хватило отваги явиться сюда собственной персоной, и хотя у вас двоих, вижу, храбрости хватит на все, что угодно, — увы, ума вам все же недостает.

Он бросил через плечо короткий взгляд на созданную Дугхаллом ловушку, и в тот же миг Кеит, заметив брешь, ринулась на него. Полоснув по бедру Луэркаса когтями, она отскочила в сторону прежде, чем тот успел отреагировать. Луэркас оскалился, взмахнул рукой, и Кеит поняла, что он собирался призвать свои магические силы.

Но чары не явились к нему по зову, и Кеит еще раз испытала миг торжества, заметив удивление на лице врага. Луэркас посмотрел на Кеит, потом на Ри и сказал:

— Отличная работа, хвалю. Но то, что вы укрыли от меня души калимекканцев, ничего еще не значит. Души есть и у моих Увечных. Они послужат мне своей смертью, если не сумели помочь жизнью.

Он вновь шевельнул рукой, но Ри уже прыгнул вперед и вцепился в запястье Луэркаса. В этот же момент Кеит, понимавшая, какую цель преследует Ри, бросилась на Луэркаса сзади, вонзила зубы в его ногу на сгибе.

Атаковав, оба Карнея сразу же отскочили назад. К этому времени Луэркас уже призвал магические силы, оставшиеся в его распоряжении. Раны его исцелились столь же быстро, как и появились на нем, а тускло светящийся щит, окружавший Луэркаса с момента его появления здесь, обрел не только яркость, но и жесткую упругость.

— Прекратите, иначе я сделаю то, о чем вам придется потом жалеть, — сказал он. — Послушайте меня. Мы мо-

жем договориться. Ваш мир станет лучше, когда я одарю его всем, чем могу. Матрин кишит убийцами, насильниками, работорговцами и ворами, жизнь его наполнена болезнями, бедностью и еще тысячей ядов, тысячью пороков. Этого не должно быть. Жизнь должна пойти другим, лучшим путем.

— Путем Драконов, — оскалилась Кеит, с усилием заставляя Карнею говорить. — Мы уже видели, куда ведет этот путь. Драконы построили бы вполне милый мир, но только эти несколько сотен чародеев хотели положить в фундамент его души невинных людей. Так сказать, слегка закусить перед роскошным пиром, а потом сожрать всех остальных и напрочь забыть о них.

— Дафриль и его коллеги были жадны и расточительны.

— А ты нет? — спросила Кеит. Они по-прежнему кружили вокруг Луэркаса, ожидая момента, когда тот вновь потеряет бдительность, но враг теперь держался более осмотрительно.

— Нет, я не такой. Мои потребности и желания просты и бесхитростны. Я преследую только разумные цели. — Он вздохнул. — Я всего лишь хочу жить вечно, но кто же не мечтает об этом? От всех остальных людей на свете я отличаюсь лишь тем, что могу осуществить свое желание. И мне просто необходимо обеспечить себе условия, чтобы провести свою вечность в удобстве, счастье, среди приятных и достойных людей, не зная нужды, страданий, не встречаясь с уродством. Поймите, мои желания таковы, что их разделит всякий живой человек. Дело лишь в том, что у всех прочих — в отличие от меня — не хватает мозгов, чтобы преодолеть все существенные препятствия, мешающие им исполнить свою мечту. Но я своего добьюсь. Для этого нужно всего лишь стать богом. Я смогу гарантировать вечный комфорт и счастье себе самому и всем остальным, только если буду владеть миром, в котором живу.

Он распростер руки в умиротворяющем жесте.

— И, желая, чтобы все вокруг меня было приятно взгляду и красиво, я должен буду создать мир, который в равной мере предложит эти блага и всем людям. Ну как вы не понимаете? Уродство оскорбляет, не важно, видишь ли ты его ежедневно, или просто знаешь, что оно существует где-то в мире. Я не стану попусту тратить жизни и души людей: хороший пастух знает, что если сегодня он убьет всех оленей, завтра его ждет голод. Но, однако, я признаю довод разума: тот, кто хочет есть оленину, должен сперва убить оленя.

Подойди поближе к нему, мысленно обратился Ри к Кеит. *Пусть он отступит к пустоте.*

Они шагнули вперед, Луэркас расхохотался и вдруг оказался позади них — еще дальше от ловушки, чем только что был.

— Я не собираюсь попадаться в вашу ловушку, — сказал он. — Так что, пожалуйста, прекратите загонять меня в нее. Прислушайтесь к доводам разума. Не все души заслуживают бессмертия. Люди не равны, не равны и их жизни. Неужели вы станете утверждать, что растлитель малолетних достоин вечности в той же мере, что и вы сами? Или его клиент, который покупает детей, какое-то время пользуется ими как игрушками, а затем выбрасывает — погубив, изуродовав, сломав их жизни, если только этим несчастным вообще удается выжить? Как может рассчитывать на вечность женщина, отравившая мужа и детей, чтобы присвоить себе все семейное состояние и стать паратой? А что вы скажете о человеке, убивающем только ради того, чтобы насладиться муками своих жертв... или о насильнике, издевающемся над слабыми и беспомощными... Какого вы мнения о человеке, который во имя своего бога или своего города обирает бедняков и называет свое воровство взиманием налога, усматривая в награбленном и свою законную долю?

— А что ты скажешь о пустом демагоге, который готов купить себе вечность на не принадлежащие ему души?

Луэркас высокомерно улыбнулся:

— Лучшего мира не построить, ничего не заплатив за это. Я обеспечу людям мир и безопасность; я дам пищу беднякам; я вознагражу старость; я предоставлю возможность образования, блага цивилизации и работу тем, кто сейчас страдает от невежества и нищеты. Ни одна болезнь не поразит город, находящийся под моей властью, ни один ребенок не претерпит обиды и не умрет от голода.

— И за все это ты хочешь всего лишь отобрать у людей их свободную волю, их тела, их души, — сказала Кеит, продолжая кружить возле врага.

— Тела порочных людишек, уже неспособных исправиться. Души злодеев. Хороший охотник в первую очередь высматривает в стаде больных, уродливых, искалеченных и, убивая их, тем самым улучшает все стадо. — Луэркас пожал плечами. — Ну а свободная воля...

— А свободная воля, — перебила его Кеит, — и есть то, что отличает людей от стада, которое содержат, пасут и улучшают. Свободная воля позволяет нам улучшать самих себя или же не делать этого — кому как нравится.

Ри подобрался к Луэркасу поближе... зубы обнажены в хищной ухмылке, когти выпущены.

— Все люди когда-нибудь бывают злыми, — продолжала Кеит. — Но бессмертие души вместе со смертностью плоти дает каждому возможность родиться заново — чтобы учиться, чтобы

расти и становиться лучше. Ты хочешь отнять у нас именно то, в чем мы более всего нуждаемся.

— Что? Этот бесконечный цикл существования, грязные и мокрые пеленки, беспомощное детство, за которым следует глупое детство, не менее тупое отрочество, прыщавая юность и несколько коротких лет блаженной зрелости... а там уже и новые беды: старость, дряхлость... и вот вам новое и бесславное детство — писающийся и обделывающийся старец, вернувшийся к тому, с чего начинал. А потом смерть. Да, смерть. Ужасные, унизительные дни, недели, месяцы или даже годы, лишающие человека последних крох самоуважения, превращающие его в жалкую рыбу, выброшенную на берег и судорожно разевающую рот в попытке глотнуть воздуха? Заставляющие его молить богов прекратить его мучения... стонать, умоляя о милосердии, о конце всего, что было ему дорого, — чтобы те, кого он любит, не видели, как постыдно корчится он в своей постели? Но вот пришла смерть, которой следовало бы стать концом всему... но и она не становится им. Потому что мы должны возвращаться сюда и проживать жизнь заново — опять и опять. Каждый раз чему-то учиться, каждый раз становиться чуточку лучше... по крайней мере так нам велят думать боги.

Оба его противника придвинулись ближе к Луэркасу, и он хлестнул их чарами — не причиняя ущерба, но так, чтобы отбросить их от себя словно игрушки.

— И такой-то участи вы требуете для всех в равной мере? — Луэркас фыркнул. — Ну, что ж, я аплодирую вашему идеализму, вашей прекрасной и светлой вере в то, что по прошествии какого-то времени все души сделаются достойными жизни, но не разделяю вашего оптимизма. Зло всегда останется злом, а добро одряхлеет под тяжестью сменяющих друг дружку горьких жизней и превратится во зло. Я вижу лучший способ провести вечность. Мой способ поможет многим, а вред причинит лишь тем, кто заслуживает этого. Меня же он избавит от этой бесконечной смены существований, которую я нахожу бесцельной, унизительной и отвратительной.

— А как быть с миллиардами душ, заточенных в чародейских кругах? — спросила Кеит.

На лице Луэркаса промелькнуло удивление, он пожал плечами:

— Они погибли, погибли тысячу лет назад, и за это время они озлобились, развратились, и их уже не излечить. С каждым днем их безумие становится все глубже и ужаснее, а магическая отрава, которую они извергают, приобретает все большую силу. Для них — и для всего Матрина — их уничтожение будет актом милосердия. И я окажу им эту услугу, всем этим несчастным. И

для всех, кто живет или еще будет жить на Матрине, это станет благом.

— Ты лжешь самому себе, если полагаешь, что в твоих замыслах есть что-нибудь, кроме зла, — сказала Кеит.

— Думай как хочешь. Впрочем, я человек добрый и докажу вам это. Я отпущу вас живыми и невредимыми — прямо сейчас, — если только вы поклянетесь своими душами в том, что и сами вы, и ваши Соколы не будете впредь пытаться помешать мне. В противном случае вас ждет смерть, которую вы, вероятно, хотите встретить не больше, чем я. Победить меня вы не сможете. Конечно же, вы уже и сами поняли, что у вас не хватит ни способностей, ни сил, чтобы выстоять против меня.

Обходя его кругами, Кеит чувствовала, как Луэркас пытается прочесть ее мысли. Она укрыла себя экраном, то же самое сделал и Ри. Однако Луэркас был прав. Он сильнее их обоих, он сломал их слабые щиты и проник в те тайны, которые пытались они укрыть от него, столь же легко, как ребенок рвет бумажную обертку, чтобы побыстрее увидеть подарок. Кеит ощущала, как он перебирает ее мысли, но была бессильна помешать ему.

Однако Луэркас не стал высмеивать то, что обнаружил. Напротив, он притих и взглянул на обоих своих противников с внезапной, граничащей со страхом неуверенностью на лице.

— Вы намеревались умереть, — прошептал он. — Вы собирались войти в эту пустоту вместе со мной... вы согласились на вечное забвение, чтобы погубить меня. Ваш дядя отдал вас в мои руки, и тем не менее вы вступили в сражение, зная, что не сумеете победить. Какое безумие охватило вас? Неужели жизнь ничего не стоит в ваших глазах?

Он снова взмахнул рукой, призрачное тело его засветилось и начало увеличиваться.

— Как может Бог договариваться с теми, кто готов к забвению? Я не могу предложить вам небо, не могу пригрозить вам адом. Я могу лишь уничтожить вас — против своего желания, — а затем воспользоваться энергией, которую даст мне ваш распад, чтобы создать что-нибудь доброе.

Кеит все кружила, стараясь сделать так, чтобы Луэркас оказался между нею и пустотой, а она и Ри находились бы в таком положении, когда один из них мог вновь получить шанс на бросок — если Луэркас отвлечется или утратит осторожность.

Дугхаллу *следовало* находиться здесь, подумала она. Он говорил, что будет рядом с ними... и если бы он уже был здесь, то мог бы отвлечь Луэркаса, и тогда они с Ри сумели бы крепко вцепиться в глотку врага и затащить его в ловушку.

Может, с Дугхаллом что-то случилось? Неужели он дрогнул в самый последний момент? Неужели его одолел страх?

Она почувствовала мысленное прикосновение Ри. *Даже если мы останемся одни, пусть так и будет. Охоться, любимая, охоться со мной, как охотились бы мы с тобой вместе в горах. У нас есть только это мгновение. Воспользуемся же им.*

Луэркас, стоявший между ними и пустотой, тряхнул головой:

— Ну что же, я предложил вам разумный выход, вы выбрали уничтожение. Пусть будет так.

Он снова поднял руку, и магическая сила хлынула в него, как вода через разрушенную плотину. Луэркас начал увеличиваться и наполняться холодным белым светом, истекавшим из него наружу и вверх.

Они не сумеют противостоять ему, поняла Кеит. Им попросту нечем сопротивляться.

И тем не менее в этот миг она метнулась вперед, и Ри последовал ее примеру.

Глава 56

Дугхалл сидел внутри очерченного мелом круга и в ожидании нужного момента смотрел на сохранившие облик Карнеев тела племянницы Кеит и ее сердечного друга Ри. Они лежали в объятиях друг друга, прекрасные даже в своей измененной плоти. Ему будет не хватать их, подумал Дугхалл... а потом решил, что нет, скорее всего не будет. Скорее всего еще немного — и все станет ему безразлично.

Он бросил взгляд внутрь Вуали сквозь крошечное окошко в устроенной им ловушке, в его очаровательной пустотелой сфере, окруженной огнями и разве что не помеченной табличкой: «Не входить, опасно». Столь угрожающая с виду, она никак не могла послужить цели, ради которой он якобы соорудил ее. Польза ее заключалась в другом: сфера предоставляла ему возможность следить за происходящим в Вуали, оставаясь при этом невидимым и незамечаемым.

Он сказал Кеит и Ри одновременно и правду, и ложь: правда состояла в том, что им действительно необходимо сражаться с Луэркасом в Вуали. Ложью было все остальное. Поступить иначе он не мог. Зная все, они могли бы случайно выдать его замысел Луэркасу, и случайность эта стоила бы им не просто жизни, не просто вечности, а целого мира.

Дугхалл снова перевел взгляд на неподвижные тела и поежился. Что бы там он ни говорил им, в чем бы ни уверял их, правда заключалась в том, что Кеит и Ри, ни вместе, ни поодиночке, не могли надеяться на победу над Луэркасом. И сейчас Дугхалл боялся, что они могут подпасть под обаяние тщательно сформулированных и весьма убедительных аргументов Луэркаса. Он слышал, как Дракон предлагал им жизнь в своем благополучном новом мире — с самой оскорбительной надменностью. Луэркас убеждал Кеит и Ри заключить с ним примерно такую же сделку, какую мог бы предложить диким зверям какой-нибудь пастух: *приходите ко мне, я защищу вас от хищников, позабочусь о ваших стариках и младенцах, укрою вас, накормлю, усовершенствую и выведу новую породу. А взамен хочу только одного: чтобы вы работали на меня.*

Не сказал же он того, о чем промолчал бы и любой пастух: *я отниму у вас ваших детей, потому что обожаю вкус их нежной плоти; и всегда буду забирать себе ваше молоко, предназначенное вашим младенцам. Я позабочусь о ваших стариках: убью их, потому что одряхлевшие и беспомощные лишь мешают мне, потребляют ценную пищу, не давая мне взамен ничего из того, что я хочу иметь. Я укрою вас в созданной мною клетке и убью всякого, кто попытается бежать из нее. Я буду кормить вас самой дешевой и мерзкой дрянью, которую мне удастся раздобыть, потому что продление вашего существования служит моим целям, а счастье ваше меня не интересует. Я усовершенствую вас в соответствии с моими собственными желаниями и нуждами: вырежу умных, любопытных и предприимчивых, оставлю смирных, тупых и медлительных, потому что их кротость и спокойствие облегчат мою заботу о вас. Я возложу на вас любую угодную мне работу, и все, что вы когда-либо сделаете, не принесет вам ни моей благодарности, ни свободы. А потом настанет день, когда вы отдадите мне своего последнего отпрыска и последнюю каплю молока, и тогда я убью вас, чтобы иметь в своем распоряжении ваши кости, зубы и шкуры. Потому что тот, кто не способен более служить мне своей жизнью, должен послужить собственной смертью.*

И сделка, которую вы заключаете со мной, на все времена ляжет на ваших детей и ваших потомков. Вы заплатите за иллюзию удобства и безопасности всем, что у вас есть, и всем, на что могли надеяться как вы, так и ваши наследники. И в конце концов лишь я один извлеку выгоду из заключенной нами сделки, ибо безопасность — это только иллюзия, а спокойствие — это тюрьма. Лишь тот, кто способен рискнуть своей жизнью и удобством, может надеяться на победу.

Если Кеит или Ри поверят лжи Луэркаса, битва закончится, так и не начавшись... Но пока ни один из них не дрогнул даже на мгновение.

Дугхалл мрачно покачал головой; скоро придет его время, скоро ему самому придется вступить в борьбу, ибо, поняв, что он так и не смог поколебать уверенности Ри и Кеит, Луэркас будет вынужден убить их. Ни один пастух не потерпит непокорных овец в своем стаде.

Дугхалл стоял на коленях в кругу, сжав руки и закусив губу. Он страшился предстоящего всем своим существом, как никогда не боялся в своей жизни. Лишь он один мог победить Луэркаса, лишь он один обладал силой, необходимой для того, чтобы бросить вызов могущественному Дракону. И если он получит такую возможность, если ему хватит решимости и отваги, чтобы обратить ситуацию в свою пользу — он победит.

Он готов был произнести последние слова своего заклинания, старательно превращенного им в магический концентрат, мощь которого вселяла в самого Дугхалла немалый трепет, — но для этого сначала нужно было одолеть мучивший его страх. Тело его содрогалось, а душа просила пощады. Никогда еще не был он столь одинок.

Наконец Дугхалл понял, что враг начал вырывать души из тел двух своих противников, чтобы извлеченной из них же силой раздавить Кеит и Ри. И оба они вдруг напряглись и одновременно прыгнули, заранее зная, что атака их обречена на неудачу.

Время песком просачивалось сквозь пальцы Дугхалла, и чем упорнее он старался удержать его, тем быстрее оно утекало прочь. *Дайте мне силы совершить то, что требуется от меня.* Обратился он к тем богам, которые могли слышать его. Затем он прикоснулся к тонкой нити, связывавшей его с созданной им пустотой и с той безнадежной драмой, что разворачивалась в Вуали, и заставил себя забыть об ужасе, копошившемся в глубине его ума, вопиявшем о вещах много худших, чем физическая смерть.

Оказавшись во тьме Вуали, он сразу увидел два бледных огонька — Кеит и Ри — и холодный яркий свет, исходящий от Луэркаса. Все трое сошлись в отчаянной битве и видели лишь друг друга. Луэркас, не зная о том, что противников его стало трое, на одно-единственное мгновение опустил защищавшие его экраны, чтобы высвободить украденную им силу, вложить ее в жестокий, сокрушительный удар и уничтожить души Кеит и Ри.

И в тот самый миг, когда щиты уже не укрывали врага, а чары его еще не начали действовать, Дугхалл помчался вдоль созданной им нити, выкрикивая на лету последние слова своего заклятия, устремляясь прямо к Луэркасу и сквозь него — так чтобы сущности их обоих, души их слились, заняв одно и то же пространство.

Энергии обоих магов смешались, и, соприкоснувшись, две души вспыхнули как взорвавшаяся звезда.

А теперь уходите отсюда подальше, закричал Дугхалл, обращаясь к Кеит и Ри. Кеит попыталась задержаться, но Ри подхватил ее и увлек в сторону от места решающей битвы. Заклятия Дугхалла начали кружить вокруг него и Луэркаса. Одно из них объяло собою магов, словно сферическое зеркало, мгновенно и с жестокой точностью обрушивая на обоих *ревах*, тем самым не позволяя нанести ущерб никому, кроме них самих.

Второе произнесенное Дугхаллом заклинание почти сразу же улетело во тьму Вуали с визгом губительницы-банши. Полыхая как метеор, оно исчезло в бесконечности тьмы столь же быстро, как и ворвалось сюда.

Заклятие, которым ответил Луэркас, должно было испепелить Кеит и Ри, но вместо этого оно обрушилось на него самого и Дугхалла, отразившись от объявшего чародеев зеркального шара. Обоих магов пронзила боль — оглушающая, ослепляющая, обжигающая и тошнотворная... боль, разжижавшая души, корежившая, сплавлявшая их воедино, так что они стали одной душой — одной сущностью, наделенной двумя умами.

— Отпусти меня, или ты погибнешь, — провыл Луэркас. — Я наделен силой тысяч мужчин и женщин... и нескольких тысяч детей. Ты и твои Соколы бессильны передо мной, вы никогда не сможете стать равными мне.

— Я знаю, на что я способен, а на что нет, — ответил Дугхалл.

— Я сам скажу тебе, на что ты не способен, осел. Ты не сможешь победить меня. Ты лишь истратишь все свои силы, сражаясь со мной, но ничего не добьешься. Тебе следовало остаться в своем доме на горе. Я мог бы сохранить тебе жизнь, мог бы оставить в покое ваше осиное гнездо колдунов и уродов.

— Я не могу победить, — согласился Дугхалл. — Но я могу бороться.

— Ты умрешь, и умрешь навечно. А, покончив с тобой, я разделаюсь с остальными... Их тоже ждет вечная гибель.

Дугхалл почувствовал изменения в окружавшей их тьме. Позволив себе кратчайшую паузу, он попытался затем подтащить Луэркаса к созданной им ловушке.

— Ты надеешься силой затащить меня во мрак забвения? — Луэркас расхохотался. Он с легкостью отражал все удары Дугхалла, вбирая в себя все новые и новые силы, позволявшие ему сопротивляться. Окружавшее обоих магов Зеркало не мешало Луэркасу извлекать энергию из душ тех, кто служил ему, оно лишь не давало ему обрушивать свою силу на кого бы то ни было, кроме себя самого и Дугхалла. — Ты — благородный дурак.

— Я — меч богов, — возразил Дугхалл, ощущая приближавшуюся к ним неимоверную мощь и понимая, что конец

теперь уже недалек. — Меня выковали ради этого дня, ради этого мгновения. Боги вынули меня из ножен и направили в твое сердце. Жди удара.

И в этот момент Луэркас услышал звуки — пока еще негромкие, но уже узнаваемые, визгливо-воющие звуки банши, и увидел мерцающий огонек — посланное Дугхаллом заклятие, метеором пронзая Вуаль, мчалось прямо на них.

А через какое-то мгновение он узнал и то, что двигалось позади него.

— Нет, — прошептал Луэркас, и в этот момент Дугхалл понял, что враг его дрогнул.

Луэркас попытался высвободиться, но сущности их переплелись неразрывно.

— Отпусти меня, — сказал он. — Быстро. Приближается один из тех, кто охотится между мирами.

— Знаю, — сказал Дугхалл. — Это я призвал его.

— *Нет!* — Луэркас отчаянно забился. — Те, кто охотится между мирами, пожирают души. Оно... оно сожрет нас. Мы навеки перестанем существовать.

— Знаю.

— Ну ты, сын шлюхи, это тебе не проклятое Зеркало Душ! И даже не Ворота... а мы можем сделать себе сейчас и Зеркало, и Ворота, если только поторопимся, и даже если пробудем внутри тысячу лет, когда-нибудь найдем себе путь на свободу. А это... это будет концом для нас обоих.

— Я знаю. — В голосе Дугхалла прозвучала печаль.

Он всеми силами сопротивлялся непрекращавшимся отчаянным попыткам Луэркаса разбить зеркальный шар и создать магическую защиту, которая позволит спастись им. Дугхалл отдавал зеркалу-шару до капли все свои силы и все чары, которыми могли поддержать его души Соколов. И оба чародея оставались на месте — на пути приближающегося охотника. Вливавшаяся в них обоих энергия полыхала светом все ярче и ярче, привлекая им безмозглого пожирателя.

— Я знаю, что существование мое прекратится. Но оружие нередко ломается в руках богов, а я всего лишь слуга их. Тебя не волновала судьба сожранных тобой бесчисленных душ. Теперь ты сам погибнешь, и творимое тобой зло исчезнет из мира.

Луэркас внезапно перестал сопротивляться. Он начал обрывать связи, соединявшие его с плененными душами.

— Если приглушить свет, пожиратель не заметит нас, — объяснил он. — Его привлекает наша энергия. Отбрось свое заклятие от нас, мы перестанем бороться и укроемся во тьме. Еще не поздно. Мы можем спастись.

Свечение их битвы уже погасало: Луэркас торопливо освобождал души своих Шрамоносцев.

— Слишком поздно было уже тогда, когда ты решил заплатить за собственное физическое бессмертие душами других людей. Сами боги ополчились против тебя и сделали меня орудием твоего уничтожения.

— Ценой твоего бессмертия? Отпусти меня, Дугхалл. Пусть мы оба уйдем, а ублюдки, которые приказали тебе умереть, пусть сами придут за мной. Даю тебе слово... я никогда не причиню вреда ни тебе, ни твоим людям. Клянусь душой.

— Нет. Я принимаю свою судьбу.

— Почему? — завопил Луэркас. Кошмарное создание находилось уже почти рядом с ними. — Почему ты согласен на забвение?

Дугхалл спокойно наблюдал за колоссальных размеров темным силуэтом, медленно и плавно приближавшимся к ним.

— Почему?

— Потому что я люблю их, — сказал Дугхалл, в то же мгновение осознав, что говорит истинную правду. — Я люблю их, люблю всех. Соландер напоследок ниспослал мне этот дар, и теперь я знаю, что такое истинная любовь, знаю, как можно любить каждое живое создание всей своей душой.

— Какой бог может сказать, что любит тебя, и при этом обречь на небытие?

— Ни один бог не способен заставить меня сделать это. Я был избран ими их мечом, но, как и положено Соколу, я сам нанесу удар, который покончит с тобой. Таков путь Сокола — в свой последний миг мы можем пожертвовать только собой и лишь по собственной воле.

Теперь они были похожи на небольшое тусклое солнце. С того мгновения, когда Луэркас ощутил приближение пожирателя душ и попытался укрыться от него, он уже успел разорвать связь со всеми душами, которые питали его силу.

Оставшийся в одиночестве, лишенный всех краденых сил, Луэркас сделался слаб, и Дугхалл заметил это. Враг ослабел настолько, что теперь Дугхалл уже мог бы затащить его в Зеркало Душ и спастись. Однако Луэркас был прав: хотя бы и через тысячу лет, но он наверняка найдет способ вырваться на свободу.

Решение богов было окончательным... оно не могло быть иным. Луэркас совершил то единственное преступление, которому не было прощения. И Дугхалл имел лишь единственную возможность убедиться в том, что справедливый суд богов совершился, — удерживая Дракона на месте до тех пор, пока пожиратель душ не поглотит их обоих.

И он держался, глядя в разверстую пасть холодной и абсолютно не отражающей свет твари, охотящейся между мирами.

Дугхалл вспоминал свою жизнь... солнечные дни и теплые летние вечера на Имумбарранских островах. В свои последние мгновения он вспоминал смех, звучавший на улицах, прикосновение женских губ, кулачок своей первой дочери, обхватившей его палец и посмотревшей ему в глаза. Души их знали друг друга прежде, подумал он тогда. И время, проведенное ими вместе, было даром богов. Он вспоминал Дом Галвеев и старания Соколов принести в Калимекку любовь. Он думал о Кеит и Ри и в одно мгновение увидел предстоящие им битвы... всю их жизнь, полную борьбы и опасностей. Всегда находясь на грани поражения, они должны будут искать ту единственную тропу, которая — если они останутся стойкими и верными — приведет их к победе. И в борьбе этой они будут опираться друг на друга... А когда битвы закончатся, останутся вместе навеки.

Он дал им этот шанс. Шанс бороться, шанс выжить... шанс вернуться в итоге к богам.

— Отпусти меня! — визжал Луэркас. — Отпусти меня!

Но Дугхалл еще крепче, еще полнее сливался с Луэркасом и держал его.

— Водор Имриш, — молился он. — Отдаю себя ради того, чтобы жили другие. Я знаю, что у меня нет другого способа... но я боюсь. Я люблю жизнь. Я не хочу умирать навсегда. Если какая-то часть меня может выжить, прошу тебя...

Он оборвал себя, не решившись просить о спасении. То, что он делал сейчас, совершалось ради Кеит, ради Ри, ради Соландера и Винсалиса, ради Хасмаля и Аларисты, ради его собственных многочисленных сыновей и дочерей и еще большего количества их детей, ради друзей, ради Соколов, ради всех незнакомых и не встреченных им людей, души которых своей добротой заслужили вечную жизнь. То, что он делал, он делал ради жизни.

И ради любви.

Я воистину люблю их, подумал Дугхалл, и вслед за этим изумленно прислушался к самому себе, ибо в это самое мгновение почувствовал, что больше не одинок.

Его наполняла любовь — светлая, жаркая, объявшая собой всю вселенную. Токи этой всеобъемлющей любви проникли в Луэркаса, и он съежился, словно пытаясь забиться в какой-нибудь уголок самого себя. Я люблю даже Луэркаса, вдруг понял Дугхалл. Он не может прекратить творить зло, но тем не менее я люблю его.

Ты брат мой во истине, прошептал голос, обращенный к разуму Дугхалла. *И ты не одиноким уйдешь во тьму.*

И прежде чем пожиратель душ накрыл собой Дугхалла и Луэркаса, Соландер соединился с ними. Три души вспыхнули пламенем, стершим тьму Вуали, и любовь потоком хлынула в пустоту, на миг наполнив ее своей совершенной музыкой и вечной надеждой.

И вслед за этим их поглотило небытие.

Глава 57

Находясь вдалеке от созданной Дугхаллом пустоты и борющихся душ обоих противников, Кеит видела, как из тьмы Вуали наползает на них темный мрачный силуэт. Чудовищно гигантский, он казался раковой опухолью на плоти вечности.

Она узнала это создание, хотя никогда не видела его. Его знала сама душа Кеит, вскричавшая в ужасе и отшатнувшаяся назад, вдоль серебристой нити, по-прежнему соединявшей ее с плотью.

Однако Ри, трепетавший не менее, чем она сама, крепко прижал Кеит к себе и сказал:

— Подожди. Мы можем еще понадобиться здесь.

Она попыталась вернуть себе утраченную отвагу и принялась думать о Дугхалле, о том, что он пришел спасти их с Ри от Луэркаса в самый последний момент, когда она была уже уверена, что все пропало, и о том, что он сейчас делает, чтобы раз и навсегда покончить со всеми ужасами власти Драконов. Наконец успокоившись, она собралась с духом и сказала:

— Теперь сил у меня хватит. Я готова ждать.

Светящаяся сфера, в которую превратились Луэркас и Дугхалл, вдруг потускнела, и Кеит подумала, что Луэркас, должно быть, победил и тьма эта является знаком гибели души ее дяди. Но сверкающий шар тут же сделался ярче, а затем вспыхнул ослепительным блеском, способным затмить любое солнце. Даже издалека она ощутила исходящие от него тепло, доброту и любовь. И когда любовь коснулась ее души, Кеит возликовала.

— Дугхалл победил! Победил! — И она пустилась в пляс по бесплотному пространству Вуали, восторгаясь чудом — дарованной ей, Ри и Дугхаллу жизнью, вопреки предсказаниям о верной смерти. — Ты видишь? Луэркаса больше нет.

— Он там, — ответил Ри. — Он до сих пор там. Но теперь он слаб, а Дугхалл могуч. Потом... там теперь не только они двое. Остановись и послушай... С ними Соландер.

И она действительно услышала голоса Дугхалла и Соландера, а где-то в глубине сияющего шара, съежившийся,

наполненный ненавистью и страхом, Луэркас молил о пощаде. Как же удавалось, удивилась она, столь слабому и жалкому существу творить столько зла? Утонувший в исходящем от Дугхалла и Соландера свете любви, Луэркас казался ничтожеством. Свет наполнял собой все вокруг.

Все, кроме приближавшегося к ним хищника. Светящийся шар был огромен, но охотник намного превышал его своими размерами, и к тому же он расширялся, охватывая и накрывая тьмой ослепительный свет любви — любви к жизни, к радости бытия. И вдруг свет погас, исчезнув без следа, как если бы вовсе не существовал.

— Нет! — закричала Кеит. — Нет! Их жизни не могут оборваться вот так!

Тем не менее трагедия совершилась. Чудовищная, немыслимо огромная пасть охотника захлопнулась, и там, где только что царили свет и тепло, надежда и счастье, остались лишь холод, пустота бесконечной, ничего не помнящей Вуали и жуткая раздувшаяся туша охотника.

— Нет. — Кеит зарыдала.

Возле нее неподвижно застыл Ри — ошеломленный, притихший, уничтоженный.

— Дважды в своей жизни ощущал я эту любовь, — прошептал он. — И дважды ее забирали от меня, дважды уничтожали...

— Что такое бессмертие, — завопил он, обращаясь к богам, — если оно кончается подобным образом? Если любовь умирает, а зло остается, какой смысл в мироздании?

Пожиратель душ между тем все еще расширялся, контуры его тела быстро менялись. Монотонный звук внезапно прорезал безмолвие Вуали — трепетный, низкий и одинокий.

— Бежим! — крикнул Ри, но на этот раз Кеит остановила его.

— Что-то меняется, — сказала она и обхватила его так крепко, что души их вжались друг в друга. — Что-то происходит с пожирателем душ.

Контуры мрака, обозначавшие тело хищника, начали ломаться и распадаться. Звук становился громче, низкая нота, скорее ощущаемая, чем слышимая, переменчивая и терзающая бесплотную ткань вселенной, превращалась в грохот, который все более усиливался. Кеит почувствовала, как вибрации охватили ее, а затем встряхнули и бросили в пустоту, словно комара, подхваченного порывом ураганного ветра. Она и Ри крепко прижались друг к другу, и все мысли о спасении утонули в невыносимом реве, стоне, треске, грохотании... в шквале обрушиваемого на них громового звука, распластавшего их и прокатившегося над ними. А по немыслимой пустоте, из которой состояла шкура охотника, побежали трещины, сразу же превратившиеся в ослепительные щели,

из которых вдруг хлынули в пространство Вуали неисчислимые прекрасные, блистающие фонтаны многоцветного пламени, превращавшие в сладостную музыку рев своего рождения.

И вдруг, перекрывая весь этот сокрушающий грохот, прозвучал знакомый Кеит голос — веселый и умиротворяющий, знакомый и любимый, принадлежавший одновременно и Дугхаллу, и Соландеру, и голос этот произнес слова, рожденные любовью, состраданием, самопожертвованием, надеждой и верой в то, что есть вещи, ради которых можно и нужно жить, ради которых стоит и умереть. *Любовь в конечном счете есть все, и поэтому никогда не умирает. Любовь преобразует зло, любовь рождает новую жизнь, любовь созидает вселенную. Любовь... живет.*

Слушая этот голос, Кеит припомнила слова, некогда сказанные ей Дугхаллом: «Я готов отдать свою жизнь, душу, вечность, чтобы испытать такую любовь...»

И в этот миг она поняла его и, невзирая на боль утраты, порадовалась за него — и за всех живущих в мире.

Глава 58

Душу Дани вырвали из плоти и бросили во тьму, в адскую боль и в адский грохот; она чувствовала, что движется к небытию. И все же в последний миг бог отмщения даровал ей спасение. Луэркас отпустил ее, и она вернулась в свою плоть, ощущая, как ее наполняет сила, никогда прежде не принадлежавшая ей. Даня поняла, что происходит: вопреки всем возможным предположениям Луэркас, попавшийся в ловушку внутри Вуали, проигрывал битву и решил, что сумеет выжить, лишь избавившись от той силы, которую он украл из жизней и душ своих жертв.

А отсюда следовало, что наперекор всему она еще могла выиграть свое собственное сражение.

Открыв глаза, Даня увидела вокруг себя лежавших на земле Шрамоносцев. Некоторые из них дышали, другие не подавали никаких признаков жизни, и в любом случае никто из них не сумел очнуться столь же быстро, как она сама... Среди них не было чародеев, и острая боль, вызванная резким ударом чар, ошеломила их и лишила чувств на какое-то время.

— Бретван действительно благоволит мне, — пробормотала она и, воспользовавшись дарованными ей Луэркасом силами, вырвала меч из ножен лежавшего у ее ног стражника и метнула его в своего врага, целя в два вздувшихся на его груди шрама,

оставленных когтями, некогда погубившими ее ребенка. Меч проткнул тело ее врага насквозь и вонзился в спинку деревянного трона.

Кровь хлынула из груди Луэркаса, и пока плоть его расставалась с жизнью, Даня вырвала силу из измененного магией тела и влила ее в собственное — измученное и израненное. Она восстановила свою руку, но Луэркас был все еще жив, и поэтому она, забирая его мощь, сделала себя более сильной, крепкой и высокой. Она впитывала вытекавшие из поверженного врага крохи жизни, и когда тело Луэркаса наконец дернулась в последний раз и кровавая пена перестала пузыриться на его губах, Даня схватила обеими руками свой ошейник и разломала его надвое. Зазвенели упавшие на пол цепи, и сердце ее наполнилось яростным счастьем. Ум ее охватила одна-единственная, радостная мысль. В Доме Галвеев прячутся ее должники. Их там двое — не знавших ее страданий, не испытавших позора, унижения, всей этой муки, не побывавших в Увечной плоти, в этой извращенной пародии на человеческое тело. Двое Галвеев — Дугхалл, любимый дядя Семейства и посол, и Кеит, возлюбленная дочь рода.

Она уже не сможет отомстить тем Сабирам и Галвеям, которые своими действиями — или бездействием — доставили ей столько мучений. Но хоть какое-то удовлетворение получить пока еще можно.

Она еще потешит себя их унижением и их смертью.

Шрамоносцы, лежавшие вокруг Дани, начали шевелиться. Когда они поднялись на ноги — потрясенные и испуганные, — она подошла к трупу Луэркаса и сказала:

— Я, Ка Ика, предала смерти ложного Иксахшу и вернула ваши души из края забвения. Теперь следуйте за мной, чтобы мы могли объявить этот город и весь мир, по праву принадлежащим вам... и мне.

Ошеломленные, неуверенные, покорные Шрамоносцы последовали за Даней к выходу из гигантского шатра Луэркаса и, выполняя приказ, подвели к ней лоррага. Когда они принесли ее оружие и закинули седло зверя, Даня велела лучшей кавалерийской роте армии Тысячи Народов следовать за ней в полном составе. Шрамоносцы безмолвно подчинились и двинулись вместе с ней к помеченным серой тканью воротам Калимекки, на тихие неживые улицы, ведущие к сердцу города, к тому великому Дому, который некогда принадлежал и ей и теперь вновь должен стать ее собственностью.

Ян заметил приближающуюся беду задолго до того, как она подошла к Дому... Вверх по улице Триумфов на чудо-

вищных шестиногих зверях неслась целая рота Шрамоносцев — со скоростью, губительной для лошадей, — а возглавляла их темноволосая женщина, восседавшая на зубастой и тощей кошмарной твари, явно не предназначенной самой природой для использования в качестве верхового животного. Ян, как умел, расставил своих людей: пикинеров вперед, лучников позади. Войско его безнадежно уступало в числе кавалерийскому отряду Увечных, однако оно занимало высоту, а враги приближались лишь с одной стороны. Подобная недальновидность облегчала ему задачу, и он искренне возблагодарил за это богов. Умный противник вынудил бы его разделить свои и без того скромные силы и взял бы в клещи с двух сторон, поднявшись на гору по обеим дорогам — улице Триумфов и Пути Богов.

Впрочем, возможно, замысел этой женщины не ограничивается столь примитивной атакой.

Ставшие солдатами моряки, взмокнув от напряжения, пристально следили за приближением Шрамоносного воинства. Никто не покинул своего места, однако Яну показалось, что он заметил в их рядах слабину... некоторые из его людей явно были готовы оставить строй и бежать еще до начала атаки Увечных.

Нахмурившись, он ждал.

Соколы, окружавшие кольцом стену Дома, по-прежнему несли свою молчаливую бездвижную вахту.

Яну пришла в голову мысль, что неплохо бы оторвать этих людей от их таинственного занятия и предложить принять участие в защите подступов к Дому. Однако он не стал тревожить их. У них было свое дело, каким бы бесцельным оно ни казалось ему, а у него свое.

Рота врага остановилась перед его людьми, не пересекая, однако, той воображаемой линии, за которой лучники Яна начали бы поражать их своими стрелами. Женщина, возглавлявшая Увечных, подняла руку.

— Мое имя Даня Галвей, — произнесла она. — Я пришла, чтобы исполнить свою клятву. Если вы отступите и без сопротивления дадите мне войти в мой дом, мое войско оставит вас в живых. Если вы попытаетесь воспротивиться мне, мои люди перебьют вас как овец, а я исторгну ваши души из умирающей плоти и уничтожу их, пустив на прокорм своим чарам. А потом все равно войду в свой дом и исполню свою клятву.

Войско Шрамоносных позади нее разразилось восторженными криками.

Ян заметил, как собственное его невеликое воинство дрогнуло в центре, однако никто из его людей не нарушил строя.

Он двинулся вперед, предварительно оценив расстояние, отделяющее его от противника — так же, как учла его и эта женщина. Увечные конники держали в руках луки странной формы — крепкие, но небольшие и с короткими стрелами. Ян не знал, долетят ли пущенные ими стрелы до того места, где он остановился, но решил, что его шансы достаточно благоприятны.

— Значит, ты и есть Даня Галвей, женщина, которая убила своего собственного сына?

— Я принесла в жертву богам зачатого в насилии младенца, — ответила та ледяным тоном, — в обмен на обещанное отмщение Сабирам и Галвеям. Сабиры мертвы. Но я должна отомстить и Галвеям.

— Как ты хочешь это сделать? — спросил Ян. — Галвеи так же мертвы, как и Сабиры.

— Двое Галвеев еще живы, — возразила Даня. — Дугхалл Драклес и Кеит Галвей. Мне хватит и их жизней.

Кто-то подошел к Яну сзади.

— Я тоже жива, Даня, — выкрикнула Элси звонким и твердым голосом. Сердце Яна ухнуло куда-то вниз. Элси нужно было смолчать, однако та умудрилась сделать себя особой целью для врага в предстоящей схватке. — Ты не забыла еще меня?

— Испорченная и надменная шлюха, — крикнула Даня. — Конечно, я помню тебя. И ты правильно сделала, что обратила на себя мое внимание. Проходя мимо, я, разумеется, не премину убить тебя.

Заглянув за спину Элси, Даня увидела мальчика, держащего на руках крохотного ребенка, и губы ее искривила жестокая улыбка.

— Вместе с твоим мальчишкой и младенцем. Я научилась ненавидеть детей.

— Элси, убирайся отсюда, — буркнул, вздохнув, Ян, а затем крикнул: — Даня, ты можешь много потерять. Не все Сабиры погибли. Я Сабир. И я охотно предоставлю тебе возможность убить меня, если...

— Что — если?

— Если ты примешь мой вызов на поединок. Если выиграю я, твое войско переходит ко мне, если, наоборот, мои люди станут твоими. — Ян успел заметить, что Даня на полголовы выше его и руки ее длиннее, чем у него. Он не знал, насколько хорошо она владеет мечом, однако помнил то сокрушительное впечатление, которое производила Кеит с оружием в руках: Семейства всегда заботились о том, чтобы любой их член при необходимости мог защитить себя. Поединок будет нелегким.

Даня расхохоталась. Ян увидел ослепительную искру, проскочившую между ее пальцами, и понял, что совершил

ошибку. Ее обещание вырвать души из тел павших и напитать ими свои чары не было простым бахвальством. Ему предстояло скрестить клинок с чародейкой, Волчицей из рода Галвеев.

— Я принимаю твой вызов, — сказала она, легко соскочив на землю со спины своего животного. Прозвучал короткий приказ, и стрелки опустили луки, убрали стрелы.

Ах ты, стерва, подумал Ян. А я-то хотел честной борьбы, в которой был бы шанс на победу. Хотел своим геройством помочь Кеит!

— Вы слышали наш уговор, — крикнул он своему войску, и вслед за Шрамоносцами люди его опустили оружие. — Если я выиграю поединок, люди ее станут на нашу сторону. Если погибну, вы перейдете к ней. Так или иначе, когда все закончится, вы все равно станете с ними союзниками.

Он указал на роту Шрамоносцев.

Даня уже шла к нему с обнаженным, ослепительно сияющим мечом. Ян извлек из ножен свое оружие.

— Где? — спросила она, когда они сошлись на середине пути от обоих воинств.

— Здесь ничем не хуже, чем в другом месте.

Даня пожала плечами. Ян отметил, что противница его прекрасна. Она казалась копией Кеит, но была более высокой и сильной, а в лице ее он не видел ни капли той доброты и мягкости, которые так трогали его в Кеит. В чертах Дани проглядывала жестокость.

— Если ты немедленно признаешь свое поражение и попросишь прощения за грехи твоего Семейства, быть может, я еще отнесусь к тебе с некоторым снисхождением, — надменно произнесла она. — Возможно, я не стану заставлять тебя пожирать собственные кишки, прежде чем ты умрешь. Или же просто отправлю твою душу в ад на тысячу лет, вместо того, чтобы разодрать ее на бесчисленные клочки и закусить ими.

— Да, конечно. Возможно, ты так же умеешь делать из дерьма золото, — ответил Ян. — Пусть будет, что будет.

— Ну, как хочешь. — Она усмехнулась.

Даня подняла меч, клинок вспыхнул ослепительным огнем, и бросилась на Яна. Тот отточенным движением отразил удар и ушел, устояв на ногах, но Даня была быстра — быстрее и сильнее, чем могла бы быть, имей она даже самое крепкое телосложение из присущих женскому полу. Магия питала ее, направляла ее движения, придавала ей силы и ловкость, которым Яну нечего было противопоставить. Она не сомневалась в том, что убьет его. Он мог надеяться лишь на то, что оплатит своей жизнью время, необходимое Кеит, Ри и Дугхаллу, чтобы успеть закончить

задуманное. Даня вновь шагнула вперед, а когда он отбил выпад, ее пламенеющий клинок ударил по кончику меча Яна и срезал его. Ян почувствовал, как отдача от ее удара волной прошлась по эфесу меча, проникая даже в кости его пальцев, а потом по руке — до самого плеча.

— Сдавайся, — сказала она, стиснув зубы, и на губы ее легла холодная жестокая улыбка.

— А почему бы не сдаться тебе?

Даня ударила с удвоенной яростью, пламя ее клинка сделалось еще ярче, а потом вдруг мгновенно погасло. Глаза ее расширились от удивления, она произнесла громким голосом несколько слов на языке, которого Ян не знал, и протянула руку в сторону ее войска. Но ничего не случилось, меч остался просто мечом, и пока разочарование и ярость не исчезли с ее лица, он бросился на нее, держа меч обеими руками, и с силой обрушил его ей на голову. Удар этот мог бы раскроить противницу надвое, если бы она не ускользнула в самый последний миг. Однако Ян задел ее плечо, пустив первую кровь.

Впрочем, рубилась она неплохо и без всяких чар. Легким прыжком Даня отскочила от него и, взмахнув клинком, бросилась в новую атаку. Ян с трудом отразил ее удар.

Она вновь выкрикнула чужеземные слова, на сей раз указав рукой на Шрамоносцев. Но то, на что она надеялась, не произошло, и с гневным воплем Даня ткнула пальцем левой руки в сторону Соколов, сидевших у стены Дома Галвеев.

И в это мгновение Ян понял две вещи. Во-первых, что противница его надеялась извлечь магические силы из жизней окружавших ее людей, чтобы напитать ими свои чары, как делали Волки, а во-вторых, что щит, который Соколы распростерли для защиты людей Калимекки от Луэркаса, укрыл их всех и от магии Дани. Каким бы чародейским могуществом ни обладала его противница, она была бессильна, пока Соколы держали свой щит. И еще он понял, что дождался наконец той битвы, о которой мечтал, — битвы плоти и крови, ума и тела, и ничего кроме этого.

Засмеявшись, он начал наносить удары один за другим, и Даня, ловкая, сильная и быстрая, отступила под его натиском.

— Сдавайся, — крикнул Ян, припирая ее к стене. — Сдавайся, и я сохраню тебе жизнь.

Оскалившись, она закричала:

— Боги дадут мне отмщение!

Даня вновь ударила, но промахнулась; он зацепил ее клинок снизу сломанным кончиком своего меча, рванул вверх и выбил оружие из рук противницы. Меч вспорол воздух, вра-

щаясь и бликуя на солнечном свету. Описав дугу над улицей Триумфа, он исчез за краем обрыва.

— Сдавайся, — сказал Ян уже более мягким, но властным и уверенным голосом.

Повернувшись к своему войску, Даня закричала:

— Спасите меня! Атакуйте их!

Но Шрамоносцы остались на месте недвижные как камень, и руки их не потянулись к оружию.

Наверное, они знают, что такое слово чести, подумал Ян, или же они догадались о том, что, не сумев извлечь магические силы из его людей, она попыталась воспользоваться ими самими. Так или иначе, победа принадлежала ему.

— Сдавайся, — сказал он третий раз.

В глазах Дани промелькнули, сменяя друг друга, страх, ярость и внезапная холодная решимость.

— Я сдамся одной только смерти, — огрызнулась она и стремительным движением бросилась вниз с обрыва. Даня падала в пропасть молча и в последние мгновения своей жизни не взывала к милосердию богов и не кричала от страха. Она сложила руки, как делает ныряльщик, прыгающий с утеса в море, и в полете своем стремилась к скалам внизу, как к другу, который распростер перед ней объятия.

Но не объятия ждали ее внизу.

Раздался звук удара тела о камни у подножия утеса. Ян заглянул в пропасть и увидел изувеченное тело своей противницы, заглянул в пропасть и увидел пятно крови, растекавшейся от бледного силуэта лучиками ярко-алой звезды, и разметавшиеся по каменистой земле темные волосы, которые трепал ветер.

Позади него раздался шорох шагов. Ян настороженно обернулся и с изумлением увидел приближавшихся к нему Ри и Кеит, люди его расступались, пропуская их, а за их спинами у стены поднимались на ноги Соколы — они безмолвно обнимали друг друга, и слезы бежали по их щекам.

— Вы живы, — сказал он тихим голосом.

— Мы живы.

— А Дугхалл?

Лицо Кеит исказила боль утраты, к которой, однако, примешивалось как будто бы удивление.

— Нет. Он... не выжил. И все же...

— Значит ли это, что мы проиграли?

Кеит качнула головой, и неуверенная улыбка медленно озарила ее лицо.

— Мы победили, — сказала она. — Клянусь всеми богами, которые когда-либо помогали нам, Ян... мы победили.

Глава 59

Все, кому Ррру-иф причинила зло, люди и Увечные, по очереди вставали и высказывались против нее. Рота Шрамоносцев из армии Тысячи Народов наблюдала за происходящим с молчаливым вниманием. Когда закончил свою речь последний из обвинителей, Ян поднялся со своего места и произнес:

— По обычаю и закону мятеж карается повешением, и все присутствующие единодушны в том, что эта женщина мятежница. Если есть здесь человек, придерживающийся иного мнения, пусть он встанет и скажет свое слово сейчас, или же хранит молчание до конца дней своих.

Никто не встал.

— Я виновна лишь в том, что любила его. Он предал меня! — закричала Ррру-иф.

Двое Шрамоносцев-Кеши направились к ней с веревкой, чтобы накинуть ее на шею Ррру-иф, но Ян предостерегающе поднял руку:

— По Праву Капитана я потребовал бы исполнения смертного приговора, но закон должен быть равен для всех, иначе он превратился бы в произвол.

Кеши вновь шагнули вперед, и опять Ян остановил их движением руки.

— Я должен считаться с тем, что Право Капитана действует лишь на его корабле. Здесь, на твердой земле, у меня нет власти. Я не могу отдать приказ повесить Ррру-иф, хоть она и сочтена виновной.

Кеит, стоявшая рядом с ним, вздрогнула. Она знала, как страшился Ян суда над Ррру-иф, как мучила его мысль о том, что ему все-таки придется повесить ее. Он не хотел, чтобы Ррру-иф умерла, хоть она и причинила ему и многим другим столько зла, он считал дружбу, некогда объединявшую их, слишком драгоценной — стоящей выше всех ее преступлений.

Кеши и все остальные смотрели на него, не понимая.

— Тогда что ты собираешься с ней сделать? — спросил Ри. — Она мятежница. Предательница. Убийца. Ты не можешь отпустить ее на свободу.

— Я могу отдать ее в ваши руки, — сказал Ян громким голосом, чтобы его услышали и Шрамоносцы из армии Тысячи Народов. — Являясь членами Семей и находясь в своем городе, вы властны над ней.

Кеит подняла руку:

— Она совершила свое преступление на море. В качестве последнего янара и представителя Семейства Галвеев я не могу осудить ее за действия на борту корабля. Если здесь не найдется человека, имеющего право власти над Ррру-иф, я буду вынуждена освободить ее по причине неправомочности суда.

В рядах Шрамоносцев из армии Тысячи Народов послышались шепотки. Затем голоса совещающихся сделались громче и резче. Внезапно три лучника вскочили на ноги и неуловимыми для глаза движениями пустили свои стрелы в Ррру-иф. Все три вонзились в ее грудь. Ррру-иф охнула и мгновение спустя упала. Ян вскрикнул, опустился возле нее на одно колено и положил руку на ее плечо. Кеит увидела слезы, побежавшие по его щекам, и Ян отвернулся к стене, пряча лицо.

Один из лучников, стройный Шрамоносец, грудь которого покрывал серебристый панцирь, шагнул вперед и спокойно посмотрел на Яна, Кеит и всех остальных, стоявших возле тела Ррру-иф. Переводчик, рассказывающий Увечным обо всем происходящем здесь, начал говорить вслед за ним:

— Мы властны над ней, ибо она такая же Шрамоносная, как и мы сами. Она жила среди людей, и люди приняли ее как свою. Они обращались с ней как с равной. Они дружили с ней. Она посрамила себя и посрамила нас — всех тех, кто не является истинным человеком. И поэтому суд над ней свершил ее род, род проклятый и забытый, но даже у проклятых и забытых есть своя честь. И мы не позволим таким, как она, пятнать ее. Таков наш ответ вам... Мы обещаем, что, если вы примете нас, мы будем жить на землях людей и среди людей по вашим людским законам. А те из нас, кто не будет жить честно, умрут.

Кеит повернулась ко всем присутствующим — людям, Шрамоносцам-Кеши, Увечным из армии Тысячи Народов, и сперва на иберанском, а потом на общем торговом языке произнесла:

— Сегодня перед нами предстает новый мир, новая Калимекка. Мир наш изменился, победившие Шрамоносцы вправе жить в Калимекке, но и люди, сражавшиеся за свой город, также претендуют на место в нем. Если не исчезнет старая ненависть, если каждый будет точить злобу на другого, спокойствия и процветания в мире не будет. Если будет править старая ненависть, все мы потеряем то, за что боролись, — нашу Калимекку.

Она глубоко вздохнула.

— Армия Тысячи Народов теперь станет армией Калимекки... Так рассудила судьба, и решение ее скреплено гибелью Дани в поединке...

— Вы, — она указала на роту Шрамоносцев, — теперь являетесь одними из нас. В качестве последнего янара Се-

мейства Галвеев я провозглашаю вас людьми и заявляю, что отныне вы можете жить свободно и без страха гонений в границах Иберы и в самой Калимекке. Я отменяю суд парниссерий и объявляю новый закон: каждое существо, способное доказать свою разумную сущность словом, мыслью, жестом или деянием, должно считаться человеком. Я скрепляю этот закон кровью.

Кеит взяла свой кинжал, полоснула им по ладони и подняла вверх окровавленную руку.

— Пусть боги и люди внемлют моим словам.

Она повернулась к Кеши и сказала:

— Похороните Ррру-иф должным образом. Смерть — это трагедия, и я никому не позволю смеяться над ней. Во всяком случае теперь.

Опустившись на колено возле Яна, она прикоснулась к его плечу:

— Ян, они сделали то, что следовало сделать. Ты простишь их?

Ян поднял голову и медленно кивнул:

— Оставшись в живых, она сделалась бы отравой для всего народа. Но я не мог забыть ту былую девушку, которая рисковала своей жизнью, чтобы спасти несчастных детей, не мог приговорить ее к смерти.

— Я тоже не могла этого сделать. — Кеит закрыла на миг глаза. — Но она действительно стала бы ядом для всех на своем пути.

Ян поднялся на ноги:

— Смерть ее — благодеяние для нас.

— Если ты понимаешь это, прошу тебя об одолжении. Не мог бы ты отправиться вместе с этой конной ротой в лагерь их войска? Расскажи им о том, какое решение мы приняли. Введи их в город. Размести в освободившихся домах. В стенах Калимекки места хватит для всех.

— Те, кто ждет сейчас возвращения этих всадников за городскими воротами, убивали людей, — напомнил ей Ри.

— А те, кто находится по эту сторону стен, убивали Шрамоносцев и радовались их смерти. Всем нам предстоит нелегкое дело... трудно возрождать город, который станет домом для тысячи и одного народа. Но Ян дал нам шанс на удачу... и этот шанс принадлежит всем нам.

Ян взглянул на Ри и улыбнулся:

— Я всегда надеялся, что доживу до того дня, когда на моем корабле будут плавать лишь люди, живущие в моем родном городе. Я все объясню им.

Оседлав коня и кликнув нескольких своих людей, он отправился в путь, и рота Шрамоносцев последовала за ним

по улице Триумфа. Путь их лежал к новому миру... миру, который Кеит не могла себе даже представить.

— Калимекканцы возненавидят тебя за это, — шепнул ей на ухо Ри. — Они никогда не узнают, на что мы пошли, чтобы спасти их, и тем более не узнают, что ждало бы их, если бы мы не победили. Но они запомнят, что именно ты разрешила Шрамоносным остаться, и сделают все возможное, чтобы уничтожить тебя.

— Может быть, и так. Но Дом Галвеев крепок. И у нас есть Соколы и Алви, которая слышит голос дороги. А еще у меня есть ты, а у тебя есть я. И мы любим друг друга, а такому ничтожному и низменному чувству, как ненависть, не выстоять против любви.

— Так, значит, ты хочешь остаться в Калимекке?

— А как иначе? Миллиарды душ заточены в Кругах Чародеев. Их нужно освободить. Ибера не стала спокойнее и безопаснее, чем была прежде, а Калимекка ослабела. Мы — ты, я... Соколы — можем многое предложить людям. Внизу, в городе, нас ждет новый мир, и если мы с тобой останемся здесь и будем сражаться за то, что мы считаем правильным и честным, в этом мире найдется место и для нас с тобой.

Об авторе

Холли Лайл (родилась в 1960 году) профессионально занимается созданием фантазийных и научно-фантастических романов с 1992 года. До этого она работала рекламным агентом, художником, преподавателем игры на гитаре, пела в ресторане, десять лет была медсестрой в учреждении скорой помощи и интенсивной терапии. Родом из Салема, штат Огайо, она жила также на Аляске, в Коста-Рике, Гватемале, Северной Каролине, Джорджии, Флориде. Вместе с мужем Мэттом Холли она воспитывает троих детей и содержит нескольких кошек.

Холли Лайл открыла крупный писательский сайт в Интернете по адресу: http://www.sff.net/people/holly.lisle/ и предлагает всем желающим выходящий раз в две недели бесплатный писательский бюллетень, который вы можете получить, послав электронный запрос по адресу forwardmotionnews-subscribe@onelist.com. Она также посещает сайт своих почитателей и друзей htth://solaris.cc.vt.edu/mailman/listinfo/holly-1 и часто работает в своем информационном электронном издании http://news.sff.net/people/holly/lisle.

Холли Лайл прочитывает все получаемые ею письма и корреспонденции электронной почты, однако не может гарантировать ответ на них.

Содержание

Дипломатия Волков 5
Месть Драконов 299
Отвага Соколов 587

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики» второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.
Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д.14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Лайл Х.

Л18 Дипломатия Волков. Месть Драконов. Отвага Соколов: Романы / Х. Лайл; Пер. с англ. Ю.Р. Соколова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 904, [8] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-017311-3

Это — странный мир.

Мир «меча и магии». Мир враждующих меж собою могущественных кланов. Мир «дипломатии Волков» — таящихся в тени княжеских тронов магов-оборотней, обреченных вечно жить в страхе смерти, ибо, по законам этого мира, всякий, обнаруживший в себе свойства Волка, подлежит немедленной казни...

Это — жестокий мир.

Мир войны меж двумя правящими домами, что длится века и века — и по-прежнему кажется бесконечной.

И будет, обречена быть бесконечной — покуда не появится в этом мире Заново рожденный — дитя, воплотившее в себе дух величайшего из Волков, что жил когда-либо на свете...

Это — опасный мир.

Мир, судьбу которого предстоит решить юной «волчице» Кейт...

Ей одной под силу отыскать в далекой стране монстров великое Зеркало Душ, изменяющее ход событий...

Ей одной предстоит возглавить борьбу с Драконами — жаждущими всевластия колдунами, чье черное искусство некогда едва не ввергло мир в погибельный Хаос...

Ей одной возможно призвать на битву с пожирателями людской сущности кланы загадочных Соколов — сильнейших и искуснейших на свете магов...

Перед вами — увлекательная фэнтези-трилогия Холли Лайл, впервые собранная в одной книге.

Не пропустите!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лайл Холли

Дипломатия Волков
Месть Драконов
Отвага Соколов

Редакторы В. Науменко («Дипломатия Волков»),
Н. Ипатько («Месть Драконов», «Отвага Соколов»)
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор А. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Это — странный мир.

Мир «меча и магии». Мир враждующих меж собою могущественных кланов. Мир пломатии Волков» — таящихся в тени княжеских тронов магов-оборотней, обрече вечно жить в страхе смерти, ибо, по законам этого мира, всякий, обнаруживший в свойства Волка, подлежит немедленной казни...

Это — жестокий мир.

Мир войны меж двумя правящими домами, что длится века и века — и по-преж кажется бесконечной.

И будет, обречена быть бесконечной — покуда не появится в этом мире Заново денный — дитя, воплотившее в себе дух величайшего из Волков, что жил когда-ли свете...

Это — опасный мир.

Мир, судьбу которого предстоит решить юной «волчице» Кеит...

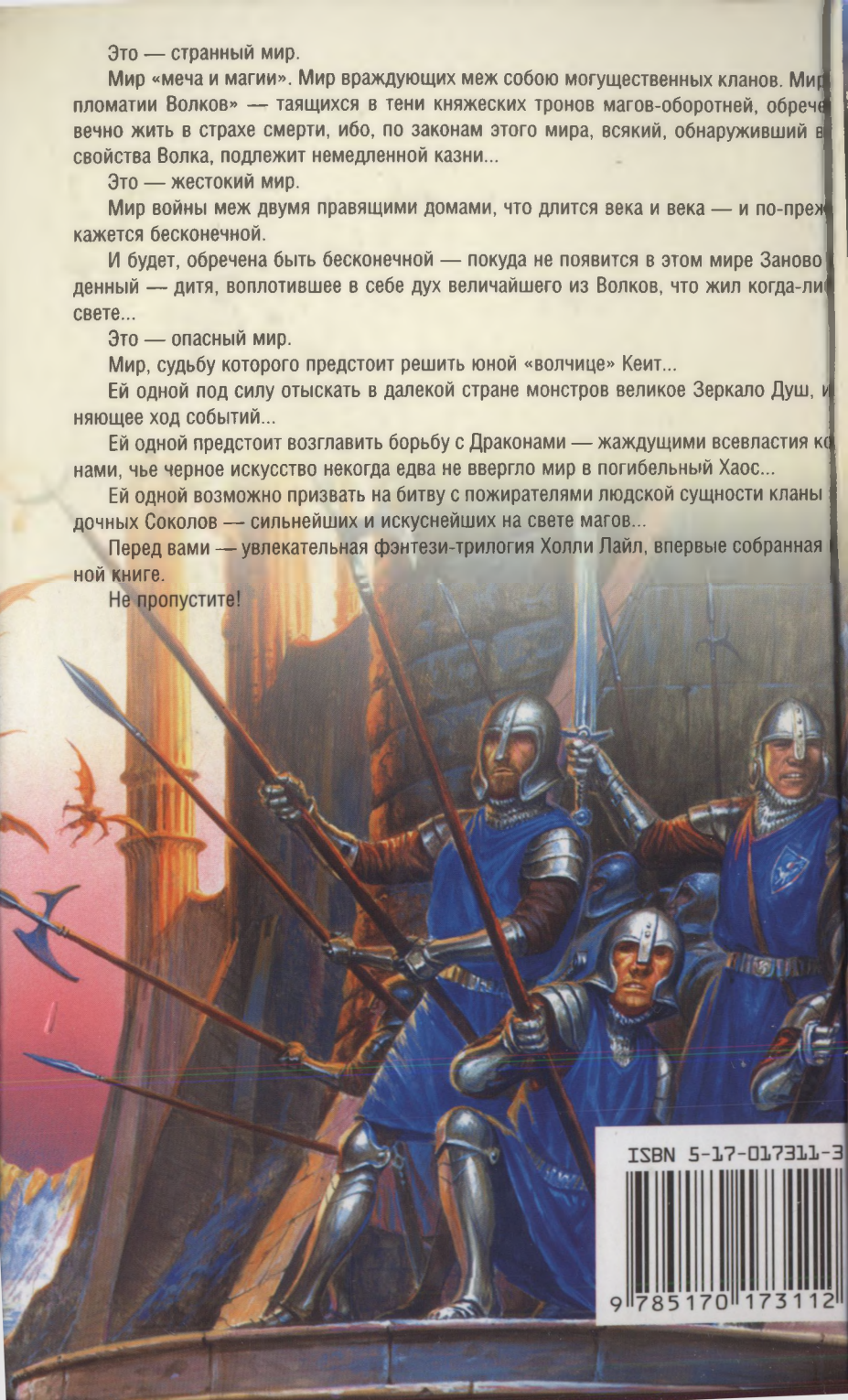
Ей одной под силу отыскать в далекой стране монстров великое Зеркало Душ, и няющее ход событий...

Ей одной предстоит возглавить борьбу с Драконами — жаждущими всевластия ко нами, чье черное искусство некогда едва не ввергло мир в погибельный Хаос...

Ей одной возможно призвать на битву с пожирателями людской сущности кланы дочных Соколов — сильнейших и искуснейших на свете магов...

Перед вами — увлекательная фэнтези-трилогия Холли Лайл, впервые собранная ной книге.

Не пропустите!

ISBN 5-17-017311-3

9 785170 173112